КЛИФФОРД

САЙМАК

ВСЕ ЛОВУШКИ ЗЕМЛИ

Все ловушки Земли

Клиффорд Дональд Саймак

Аннотация
Клиффорд Саймак. Все ловушки Земли
Торговля в рассрочку. Перевод И. Гуровой
У меня нет головы, мои глаза висят в воздухе. Перевод Г. Корчагина
Мелкая дичь. Перевод В. Гольдича, И. Оганесовой
Страшилища. Перевод К. Королева
Крохоборы. Перевод А. Филонова
Марсианин. Перевод К. Королева
Интерлюдия с револьверным дымком. Перевод Г. Корчагина
Я весь внутри плачу…. Перевод А. Корженевского
Зов извне. Перевод Е. Монаховой
Все ловушки Земли. Перевод С. Васильевой
Необъятный двор. Перевод А. Ставиской
Наблюдатель. Перевод М. Вагановой
Рыцари убойных новостей из Трейл-Сити. Перевод С. Удалина
Свалка. Перевод О. Битова
Мистер Мик — мушкетер. Перевод А. Орлова
Сосед. Перевод О. Битова
Мир Теней. Перевод М. Вагановой

Сила воображения. Перевод О. Битова
Коллекционер. Перевод А. Корженевского
Врачеватель вселенной. Перевод И. Тетериной
Шкуры и жир больше не нужны. Перевод С. Удалина
Специфика службы. Перевод Л. Жданова
Город. Перевод Г. Корчагина
Мираж. Перевод О. Битова
Земля осенняя. Перевод К. Королева
Отец-основатель. Перевод Л. Жданова
Прикуси язык!. Перевод Н. Аллунан
Улица, которой не было. Перевод С. Зубкова
Призрак модели «Т». Перевод О. Битова
Через речку, через лес. Перевод Л. Жданова
Грот танцующих оленей. Перевод А. Корженевского
На путь исправления. Перевод Н. Сечкиной
Игра в цивилизацию. Перевод Г. Корчагина
Поведай мне свои печали…. Перевод О. Битова
Голодная смерть. Перевод Е. Монаховой
Мятеж на Меркурии. Перевод И. Тетериной
Куш. Перевод Д. Жукова
День перемирия. Перевод И. Почиталина
Целительный яд. Перевод И. Тетериной

Аннотация

Клиффорд Дональд Саймак — один из «крестных детей» знаменитого Джона Кэмпбелла, редактора журнала «Astounding Science Fiction», где зажглись многие звезды «золотого века научной фантастики». В начале литературной карьеры Саймак писал «твердые» научно-фантастические и приключенческие произведения, а также вестерны, но затем раздвинул границы жанра НФ и создал свой собственный стиль, который критики называли мягким, гуманистическим и даже пасторальным, сравнивая прозу Саймака с прозой Рэя Брэдбери. Мировую славу ему принес роман в новеллах «Город» (заглавная новелла включена в этот сборник). За пятьдесят пять лет Саймак написал около тридцати романов и более ста двадцати повестей и рассказов. Награждался премиями «Хьюго», «Небьюла», «Локус» и другими. Удостоен звания «Грандмастер премии „Небьюла“».

Эта книга — первый том полного собрания сочинений Мастера в малом жанре. Некоторые произведения, вошедшие в сборник,

переведены впервые, а некоторые публикуются в новом переводе.

Клиффорд Саймак
Все ловушки Земли

Clifford D. Simak
I AM CRYING ALL INSIDE AND OTHER STORIES
Copyright © 2015 by Clifford D. Simak
THE BIG FRONT YARD AND OTHER STORIES
Copyright © 2016 by Clifford D. Simak
THE GHOST OF A MODEL T AND OTHER STORIES
Copyright © 2016 by Clifford D. Simak
GROTTO OF THE DANCING DEER AND OTHER STORIES
Copyright © 2020 by Clifford D. Simak
All rights reserved

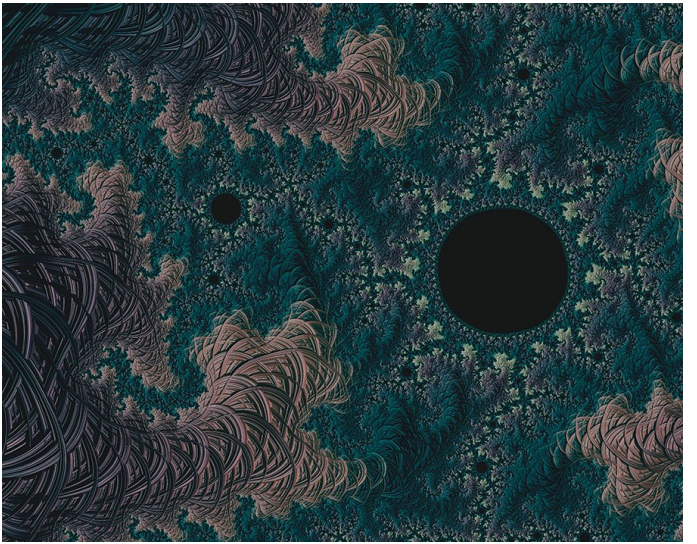
Перевод с английского Нат Аллунан, Олега Битова, Марии Вагановой, Светланы Васильевой, Владимира Гольдича, Ирины Гуровой, Льва Жданова, Дмитрия Жукова, Сергея Зубкова, Александра Корженевского, Кирилла Королева, Геннадия Корчагина, Елены Монаховой, Ирины Оганесовой, Алексея Орлова, Игоря Почиталина, Надежды Сечкиной, Азы Ставиской, Ирины Тетериной, Сергея Удалина, Александра Филонова

Серийное оформление и оформление обложки Сергея Шикина

© Н. Аллунан, перевод, 2005
© О. Г. Битов (наследник), перевод, 1982, 1988, 1993, 1994
© М. А. Ваганова, перевод, 2021
© В. А. Гольдич, И. А. Оганесова, перевод, 2005
© И. Г. Гурова (наследник), перевод, 1994
© Л. Л. Жданов (наследники), перевод, 1965, 1967, 2002
© Д. А. Жуков (наследники), перевод, 1966
© С. П. Зубков, перевод, 2006
© А. И. Корженевский, перевод, 1988, 1991, 1992
© К. М. Королев, перевод, 1994
© Г. Л. Корчагин, перевод, 2021
© Е. А. Монахова, перевод, 2006
© А. Ю. Орлов, перевод, 2006

© И. Г. Почиталин (наследник), перевод, 1992
© Н. С. Сечкина, перевод, 2021
© А. А. Ставиская (наследник), перевод, 1965
© И. А. Тетерина, перевод, 2005, 2006
© С. Б. Удалин, перевод, 2021
© А. В. Филонов, перевод, 2005
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2021
Издательство АЗБУКА®

* * *



Торговля в рассрочку
Перевод И. Гуровой

1

Катастрофа произошла вечером, когда последняя платформа зависла над разгрузочной площадкой в голубоватом мерцании восьми мини-моторов на фоне темнеющего неба.

Только что она горизонтально планировала на высоте тысячи футов, медленно опускаясь, — ящики и тюки аккуратно сложены, сопровождающие роботы сидят на них — и вдруг круто накренилась; один мотор вышел из строя, за ним другой. Ящики посыпались вниз вместе с роботами, а платформа с пронзительным воем завертелась колесом и по крутой спирали устремилась вниз, прямо на лагерь.

Стив Шеридан спрыгнул со штабеля ящиков у его палатки. В пятидесяти шагах от него груз ударился о землю с грохотом, заглушившим вой платформы. Ящики раскололись, тюки лопнули, разбитые, смятые товары нагромоздились безобразной кучей.

Шеридан рванулся к палатке, и тут платформа врезалась в радиокабину, смонтированную всего час назад, и наполовину зарылась в землю, в фонтанах песка и камешков, которые градом застучали по брезенту палатки.

Камешек оцарапал Шеридану лоб, песок хлестнул его по щеке, а в следующий миг он уже наклонялся внутри палатки над инструментарием со сменниками сбоку от рабочего стола.

— Езекия! — завопил он. — Езекия! Куда ты подевался?

Он вытащил связку ключей, нашел нужный, сунул в замок, повернул, и крышка инструментария откинулась.

Снаружи донесся топот бегущего робота.

Шеридан сдвинул панель и начал вытаскивать ящички со сменниками.

— Езекия! — вновь позвал он, поскольку только Езекия знал точно, где именно лежат какие сменники, и ему не нужно было рыться в ящичках.

За спиной Шеридана зашуршал брезент, и появился Езекия.

— Разрешите мне, сэр, — сказал он, отодвигая Шеридана в сторону.

— Нам потребуются роботехники, — объяснил Шеридан. — Эти ребята, конечно, сильно рас-

шиблись.

— Вот, сэр. Лучше вы сами. У вас это получается быстрее, чем у нас всех.

Шеридан сунул три сменника в карман куртки.

— К сожалению, это все, сэр, — сказал Езекия. — Весь наш запас.

— Обойдемся. А радиокабина? В ней кто-нибудь был?

— Насколько мне известно, никого. Сила как раз из нее вышел. Ему очень повезло, сэр.

— Да уж, — отозвался Шеридан.

Он выбрался из палатки и побежал к куче разбитых ящиков. Там уже собрались роботы и быстро разбирали обломки. Он увидел, как они наклонились и вытащили что-то металлическое и искореженное, потом бережно отнесли в сторону, положили и столпились вокруг. Шеридан остановился рядом.

— Ав, — еле выговорил он, — вы обоих вытащили?

Авраам обернулся к нему.

— Пока нет, Стив. Макс еще там.

Шеридан протолкался вперед и опустился на колени рядом с искореженным роботом. Вмятина, увидел он, была такой глубокой, что почти

достигла спины. Ноги нелепо изгибались, а руки переплелись под немыслимым углом. Голова была свернута набок, а кристаллы глаз помутнели.

— Лем, — прошептал Шеридан. — Лемуил, ты меня слышишь?

— Нет, — сказал Авраам. — Его всего перекрутило.

— Роботехники у меня в кармане. — Шеридан встал и выпрямился. — Три. Кто хочет взяться за это? Работать надо будет очень быстро.

— Я, — сказал Авраам, — Эбенезер, ну и…

— И я, — предложил Исус Навин.

— Нам понадобятся инструменты, — объявил Авраам. — Без них мы ничего не сделаем.

— Несу! — крикнул Езекия, рысцой подбегая к ним. — Я знал, что вам понадобятся инструменты.

— И свет, — добавил Исус. — Уже совсем стемнело, а судя по всему, надо будет покопаться у него в мозгу.

— Его надо куда-нибудь перенести и на что-нибудь положить, — заметил Авраам. — Пока он валяется на земле, сделать ничего нельзя.

— Воспользуйтесь конференц-столом, — предложил Шеридан.

— Эй, ребята! — завопил Авраам. — Перетащите

Лемуила на конференц-стол!

— Мы Макса выкапываем! — завопил в ответ Гедеон. — Сами отнесите!

— Не можем, — загремел Авраам. — Стив нам сменники вставит…

— Садитесь, — распорядился Шеридан. — А то я не дотянусь. У кого-нибудь есть чем посветить?

— Да, сэр.

Езекия протянул ему фонарик.

— Наведи луч на эту тройку так, чтобы можно было вставить сменники.

К поврежденному Лемуилу подбежали три робота, подняли его и унесли.

При свете фонарика Шеридан вытащил ключи и быстро нашел нужный.

— Свети ровнее! — сказал он. — В темноте у меня ничего не получится.

— Один раз получилось, — сказал Эбенезер. — Вы же не забыли, Стив? На Галанове. Только надписи не разглядели и вставили Улиссу миссионера вместо лесоруба, а он давай проповедовать. Эх, и ночка была!

— Заткнись, — скомандовал Шеридан, — и замри! Как я тебе его вставлю, если ты будешь вертеться?

Он отпер почти невидимую панель на затылке

Эбенезера, быстро сдвинул ее, сунул руку внутрь и нащупал сменник космовика. Резким движением он вывернул его, сунул в карман, затем вставил роботехника и завернул до щелчка. После чего задвинул черепную панель и услышал, как щелкнул замок.

Он стремительно повернулся к двум остальным и закончил со вторым, когда Эбенезер еще только поднялся на ноги и взял сумку с инструментами.

— Пошли, мужики, — сказал Эбенезер. — Надо привести Лема в порядок.

Они зарысили прочь.

Шеридан осмотрелся. Езекия уже умчался с фонариком заняться еще чем-то. Остальные роботы все еще рылись в куче товаров, и он побежал помочь им. Гедеон рядом с ним сказал:

— На что это вы наткнулись, Стив?

— А?

— У вас лицо в крови.

Шеридан провел ладонью по щеке — влажной и липкой.

— Камешком задело.

— Пусть бы Езекия обработал рану.

— Когда откопаем Макса, — ответил Шеридан, принимаясь за работу.

До Максимилиана они добрались через чет-

верть часа в самом низу кучи. Туловище его было раздавлено в лепешку, но он был способен говорить.

— Долго же вы возились, ребята, — сказал он.

— Заткнись, — отозвался Рубен. — По-моему, ты это нарочно подстроил, чтобы обзавестись новым телом.

Они вытащили его и поволокли по земле. Из него посыпались обломки рук и ног. Тогда они оставили его лежать и побежали к радиокабине. Максимилиан завопил им вслед:

— Эй, вернитесь! Чего это вы меня бросили валяться тут?

Шеридан присел на корточки рядом с ним.

— Успокойся, Макс. Платформа врезалась в радиокабину, и там что-то очень не так.

— А Лемуил? Что с ним?

— Так себе. Ребята сейчас им занимаются.

— Не понимаю, что произошло, Стив. Все шло нормально, и вдруг платформа нас сбросила.

— Два мотора забарахлили, — ответил Шеридан. — А почему — мы, наверное, никогда уже не узнаем, раз платформа разбилась всмятку. Но ты себя действительно хорошо чувствуешь?

— Абсолютно. Но не позволяйте ребятам валять дурака. Наверняка захотят попридержать тело.

Просто для смеха. Так вы им не позволяйте.

— Получишь тело, как только мы управимся. Думается, Езекия отправился за запасными телами.

— Это надо же! — сказал Максимилиан. — Мы весь груз спустили — на миллиард долларов груза, и ни разу…

— Что поделать, Макс, законы вероятности.

Макс хихикнул:

— Вот вы, люди, всегда так: законы вероятности, предчувствия…

Из темноты появился бегущий Гедеон.

— Стив, нужно заглушить моторы платформы. Они совсем взбесились, того и гляди повзрываются.

— Но я думал, вы…

— Стив, это же работа не для космовиков-чернорабочих.

— Пошли!

— Э-эй! — завопил Максимилиан.

— Я сейчас вернусь, — успокоил его Шеридан.

В палатке Езекии не оказалось. Шеридан лихорадочно рылся среди сменников и наконец нашел-таки механика-ядерщика.

— Придется тебе, — сказал он Гедеону.

— Ладно, — ответил тот. — Только побыстрее,

а то какой-нибудь мотор разнесет, и тогда радиоактивности не оберешься! Нам-то ничего, а вот вам…

Шеридан вывернул сменники космовика и вставил ядерщика.

— Ну, пока, — сказал Гедеон и выскочил из палатки.

Шеридан уставился на разбросанные сменники. «Ну, Езекия устроит мне хорошую головомойку!» — подумал он.

В палатку вошел Наполеон. Свой белый фартук он засунул за пояс. Поварской колпак был водружен на голову.

— Стив, — сказал он, — вы сегодня не обойдетесь холодным ужином?

— Нет, конечно.

— Платформа не только кабину разнесла, но и плиту расплющила.

— Холодный так холодный. А ты для меня коечего не сделаешь?

— Что именно?

— Макс лежит там напуганный, весь изломанный, и ему плохо одному. В палатке он почувствует себя спокойнее.

Наполеон вышел, бормоча:

— Чтоб я, шеф-повар, волок на себе какого-то…

Шеридан начал подбирать сменники, стараясь рассортировать их.

Вернулся Езекия, подобрал остальные сменники и переложил их по-новому.

— С Лемуилом, сэр, все обойдется, — заверил он Шеридана. — Нервная система перепуталась и в нескольких местах замкнулась. Им пришлось вырезать большие куски проводков. Пока у них остался только голый мозг, и нужно время, чтобы снабдить его телом и все подсоединить, как требуется.

— Мы еще благополучно отделались, Езекия.

— Полагаю, вы правы, сэр. Думаю, Наполеон сказал вам про плиту.

Вошел Наполеон с металлической кашей, которая прежде была Максимилианом, и прислонил останки к столу.

— Еще поручения?.. — осведомился он со жгучим сарказмом.

— Нет, спасибо, Наппи, это все.

— Ну а мое тело? — требовательно спросил Максимилиан.

— Придется подождать, — ответил Шеридан. — У ребят полно работы с Лемуилом, но все будет в порядке.

— Отлично, — отозвался Макс. — Лем чертов-

ски хороший робот, и потерять его было бы очень жалко.

— Ну, нельзя сказать, чтобы мы вас уж так часто теряли!

— Это точно. Мы ребята крепкие, нас так просто в утиль не превратить.

— Сэр, — вмешался Езекия, — вы ведь ранены. Не позвать ли кого-нибудь, чтобы вставить в него сменник врача…

— Ерунда, — сказал Шеридан. — Просто царапина. Ты не поищешь воды, чтобы я мог умыться?

— Разумеется, сэр. Но раз рана незначительная, я сам сумею ее обработать.

И он отправился на поиски воды.

— Езекия тоже парень что надо, — великодушно заметил Максимилиан. — Ребята его неженкой считают, но в трудные минуты на него можно положиться.

— Без Езекии я бы не справился, — сказал Шеридан ровным голосом. — Мы, люди, не такие закаленные, как вы. Нам нужно, чтобы о нас кто-то заботился. И обязанности вполне почетны.

— Чего это вы взъерепенились? — спросил Максимилиан. — Я же сказал, что он хороший парень.

Вернулся Езекия с ведром воды и полотенцем.

— Вода, сэр. Гедеон просил передать вам, что с моторами все в порядке. Они их отключили.

— Ну так вроде все, если, конечно, они уверены, что восстановят Лемуила, — вздохнул Шеридан.

— Сэр, они как будто абсолютно уверены.

— Ну и отлично, — вставил Максимилиан с обычной для роботов самонадеянностью. — Так что завтра с утра можно будет заняться торговлей.

— Пожалуй, — отозвался Шеридан, подходя к ведру и снимая куртку.

— Простая работенка. Расторгуемся вчистую и уберемся отсюда через девяносто дней, а то и быстрее.

— Нет, Макс! — Шеридан покачал головой. — Это очень и очень непросто.

Он нагнулся над ведром и плеснул воды на лицо и голову.

Так оно и есть, сказал он себе твердо. Чужая планета — это чужая планета, какие меры ни принимай. Какой бы исчерпывающей ни была разведка, каким бы продуманным ни был план операции, всегда найдется непредвиденный, притаившийся фактор.

Может быть, размышлял он, если бы команда выполняла одну какую-то функцию, ей бы со

временем удалось выработать беспроигрышную систему. Но когда работаешь на Торговый центр, о таком и мечтать нечего.

Интересы Торгового центра были самыми разнообразными. Гарсон-IV — продажа и закупки. А в следующий раз — дипломатическая миссия или инженерия здоровья. Ни человек, ни его команда роботов понятия не имели, что им предстоит, пока не получали задания.

Он потянулся за полотенцем.

— Помнишь Карвер-Семь? — спросил он Максимилиана.

— Само собой, Стив. Чистое невезение! Эбенезер не виноват, что допустил эту ошибочку.

— Сдвинуть не ту гору — это не такая уж маленькая ошибочка, — сказал Шеридан с подчеркнутым терпением.

— Это все Центр, — вознегодовал Максимилиан. — Наврали с картами.

— Полегче, полегче, — порекомендовал ему Шеридан. — Дело прошлое, и ни к чему в бутылку лезть.

— Может, и так, — сказал Максимилиан, — но меня это из себя выводит. Мы ставим рекорд, до которого ни одной другой команде не дотянуться, а тут Центр садится в лужу и валит все на нас.

Знаешь что? Центр слишком уж большим стал и недотепистым.

И слишком самодовольным, подумал Шеридан, но вслух этого не сказал.

Слишком уж большой и слишком самодовольный во многих смыслах. Взять, к примеру, эту планету. Центру следовало послать сюда торговую команду давным-давно, а он что? Пыхтел, мямлил, раздумывал, разрабатывал планы. Назначались комиссии для оценки ситуации, порой ставились вопросы на заседаниях правления, и ровным счетом ничего не делалось, пока дело ползло и ползло по грозному лабиринту инстанций.

Центр нуждается в малой толике конкуренции, решил Шеридан. Может, если найдется ловкий соперник, Торговый центр забудет о своем толстобрюхом достоинстве и почешется!

Вошел, топоча, Наполеон и со стуком поставил на стол тарелку и бутылку со стаканом. На тарелке громоздились ломти холодного мяса в окружении нарезанных овощей. В бутылке было пиво.

— А я и не знал, что у нас есть пиво, — удивленно сказал Шеридан.

— И я не знал, — отрезал Наполеон. — Но по-

смотрел — и вот оно! До того дошло, Стив, что жди чего угодно!

Шеридан бросил полотенце, сел к столу и налил пиво в стакан.

— Я б тебя угостил, — сказал он Максимилиану, — да только у тебя от него все нутро заржавеет.

Наполеон захохотал.

— В данный момент, — заметил Максимилиан, — у меня нутра почти не осталось. Все повысыпалось.

Деловитым шагом вошел Авраам.

— Я слышал, вы куда-то Макса припрятали.

— Тут я! — нетерпеливо крикнул Максимилиан.

— Да уж ты хорош, — сказал Авраам. — И как все гладко шло, пока вы, два идиота, не испортили нам музыку.

— Как Лемуил? — спросил Шеридан.

— Нормально. Они там и вдвоем управятся, вот я и пошел искать Макса. — Авраам обернулся к Наполеону: — Ну-ка, помоги отнести его на стол. Там свет в самый раз.

— Я его полночи с места на место таскаю, — проворчал Наполеон, наклоняясь над Максимилианом. — И чего с ним возиться? Выбросить его

на свалку, да и дело с концом!

— Будет знать! — согласился Авраам с притворным гневом.

Они унесли Максимилиана, из которого продолжали сыпаться детали.

Езекия кончил раскладывать сменники по местам и с удовлетворением закрыл крышку инструментария.

— Ну а теперь, — заявил он, — займемся вашим лицом.

Шеридан пробурчал что-то невнятное, продолжая жевать.

Езекия произвел осмотр и в заключение сказал:

— На лбу просто царапина, но левую щеку, сэр, вам словно наждачной бумагой ободрали. Может, все-таки подсменить кого-нибудь? Вам следует показаться врачу.

— Не надо, — ответил Шеридан. — Само заживет.

В палатку просунулась голова Гедеона.

— Езекия! Ав скандалит из-за тела, которое ты подобрал для Максимилиана. Говорит, оно старое, восстановленное. У тебя другого нет?

— Пойду погляжу, — ответил Езекия. — Там темновато. Но есть и еще. Пойдем поглядим.

Он ушел с Гедеоном, и Шеридан остался один. Доедая ужин, он перебирал в уме события вечера.

Конечно, ничего хорошего, но могло быть куда хуже. Без несчастных случаев и непредвиденных помех не обойтись. Нет, им просто повезло. Если не считать потери времени и груза с одной платформы, все обошлось.

Да, в целом начинают они неплохо. Грузовой прицеп и корабль на малой орбите, груз спущен, а на этом узком полуострове, далеко вдающемся в озеро, они настолько в безопасности, насколько это возможно на чужой планете.

Гарсониане, конечно, не воинственны, но меры предосторожности никогда не помешают.

Он отодвинул пустую тарелку и вытащил папку из груды карт и всяких документов, медленно развязал тесемки, извлек ее содержимое и, наверное, в сотый раз погрузился в резюме отчетов, представленных в Торговый центр первыми двумя экспедициями.

Впервые люди побывали на этой планете более двадцати лет назад: произвели предварительную разведку и вернулись с описаниями, фотографиями и образчиками. Чистая рутина, никаких специальных исчерпывающих исследований. Ни

особых надежд, ни ожиданий, обычная рабочая разведка, которая проводилась на многих планетах и в девятнадцати случаях из двадцати не приносила ничего.

А вот Гарсон-IV преподнес сюрприз.

Сюрпризом этим оказался клубень, на вид совершенно обычный и более всего смахивавший на небольшую сморщенную картофелину. Доставленный первой экспедицией в числе других мелочей, захваченных с планеты, он дождался своей очереди и был подвергнут тщательному анализу в лаборатории Центра — с поразительными результатами.

Подар (как его называли туземцы) содержал вещество, которое получило длиннейшее труднопроизносимое название и оказалось почти идеальным транквилизатором. Оно как будто не вызывало никаких неприятных побочных явлений, не было смертельным даже в самых непомерных дозах, и к нему вырабатывалась определенная привычка — очень ценное свойство в глазах всех, кто занялся бы его сбытом.

Для расы, озабоченной возрастающим числом заболеваний, вызываемых нервным перенапряжением, это был просто дар небесный. Долгие годы множество лабораторий занимались поис-

ками чего-то подобного — и вот новая планета преподнесла его в готовом виде.

С поразительной быстротой, учитывая неторопливость, с какой обычно действовал Торговый центр, на Гарсон-IV была снаряжена новая экспедиция с командой роботов, заряженных сменниками торговых экспертов, психологов и дипломатов. Эта команда проработала два года с весьма обнадеживающими результатами. На Землю экспедиция вернулась с грузом подаров, множеством тщательно собранных сведений, а также с торговым соглашением, согласно которому гарсониане обязывались культивировать и запасать подары до прибытия новой команды с товарами для обмена.

«И команда эта — мы», — подумал Шеридан.

И все было бы прекрасно, не задержись они на пятнадцать лет.

Ибо Торговый центр после многочисленных конференций решил выращивать подары на Земле. Что, как указывали экономисты, обойдется намного дешевле длительных дорогостоящих полетов за подарами на дальнюю планету. А то, что гарсониане в результате оставались с носом торговому соглашению вопреки, словно бы никому даже в голову не пришло. Впрочем, учитывая

характер гарсониан, им это, возможно, нипочем.

Ибо гарсониане отличались, мягко выражаясь, большой беспечностью, и второй команде лишь с огромным трудом удалось втолковать им, что такое межпланетная торговля и какие выгоды она сулит. Однако надо отдать им должное: разобравшись наконец, что к чему, они проявили похвальный деловой энтузиазм.

Клубни принялись в земной почве с обнадеживающей легкостью, и клубни становились все больше и лучше по сравнению с собранными на их родной планете. Но ничего удивительного в этом не было, если вспомнить примитивность гарсонианского земледелия.

Потребовалось несколько лет, чтобы привезенные второй экспедицией подары принесли достаточно семян для коммерческого их культивирования.

Но в конце концов первый урожай был собран, первая ограниченная партия чудодейственного средства была произведена и поступила в продажу под гром рекламных фанфар и по соответственной цене, разумеется.

Все, казалось, складывалось лучше некуда.

Вновь земные фермеры получили доходную культуру с далекой планеты, а человек обрел

транквилизатор, которого ждал так долго!

Но годы шли, и энтузиазм поугас. Ибо получаемый из этих клубней препарат словно бы утрачивал действенность. Либо он не был так хорош, как предполагалось вначале, либо в земных условиях недоставало какого-то существенного фактора.

Лаборатории принялись за лихорадочные поиски. Подары высаживались на экспериментальных делянках на других планетах в надежде, что почва или воздух там содержат недостающий элемент, если дело было в этом.

А Торговый центр с тяжеловесной бюрократичностью принялся разрабатывать планы импорта, запоздало припомнив, быть может, о торговом соглашении, подписанном много лет назад. Но особой спешки не было: а вдруг все-таки будет найден способ получать клубни на Земле.

В конце концов удалось точно установить, что ни на Земле, ни где-либо еще, кроме родной планеты подара, получить полноценные клубни невозможно. Как выяснили лаборатории, действенность транквилизирующего вещества в значительной степени зависела от деятельности микроорганизма, обитавшего в корнях подара. А поддерживать полноценную жизнедеятель-

ность этот микроорганизм мог только в условиях Гарсона-IV.

Вот так через пятнадцать с лишним лет на Гарсон-IV снарядили третью экспедицию, которая приземлилась, спустила груз и утром могла приступить к выменива нию подаров.

Шеридан неторопливо перебирал листы, вынутые из папки. Собственно, зачем, когда он знает каждую строчку наизусть?

Зашелестел брезент, и в палатку вошел Езекия. Шеридан поднял голову.

— А, вернулся! — сказал он. — Отлично. С Максом все в порядке?

— Мы нашли тело, отвечающее всем требованиям.

— Езекия, — сказал Шеридан, откладывая листы, — твои впечатления?

— От планеты, сэр?

— Вот именно.

— Амбары, сэр. Вы их видели, сэр, когда мы снижались. Я еще указал вам на них.

Шеридан кивнул:

— Вторая экспедиция научила туземцев, как их строить. Под подары.

— Они все выкрашены красной краской, — сказал робот. — Ну прямо как на рождественской

открытке.

— А что в этом плохого?

— Вид у них жутковатый, сэр.

Шеридан засмеялся.

— Жутковатый или нет, они нас выручат. Наверное, битком набиты подарами. Пятнадцать лет туземцы складывали в них урожаи, наверняка удивляясь, почему мы не прилетаем с товарами…

— Деревушки крохотные, а в центре торчит красный амбарище, — сказал Езекия. — Простите меня, сэр, но это похоже на помесь Новой Англии с какой-нибудь Нижней Словвовией.

— Ну не совсем! Наши гарсонианские друзья до такого все-таки не дошли. Пусть они беспечны и легкомысленны, но деревни они свои содержат в порядке, а домики просто вылизывают. Вот посмотри.

С этими словами он вытащил из кипы бумаг фотографию. Чистенькая деревенская улица, по сторонам ряды чистеньких домиков, пестрые цветочные бордюры вдоль пешеходных дорожек, по которым идут люди — миниатюрные, веселые, похожие на гномиков.

Езекия взял фотографию.

— Не спорю, сэр, они выглядят счастливыми,

хотя, пожалуй, не слишком интеллектуальными.

— Пойду посмотрю, как там идут дела, — сказал Шеридан, вставая.

— Все нормально, сэр, — заметил Езекия. — Ребята разобрали кучу, но, к сожалению, от груза мало что уцелело.

— Ну, если хоть что-то уцелело, это уже чудо.

— Долго не задерживайтесь, — предостерег его Езекия. — Вам надо выспаться. День завтра предстоит нелегкий, а вам вставать с зарей.

— Я сейчас, — обещал Шеридан и вышел из палатки.

Лагерные прожекторы уже были установлены и разгоняли ночную тьму. С той стороны, где грузовая платформа врезалась в землю, доносился стук молотков. Даже от ямы не осталось никакого следа, и роботы-космовики строили новую радиокабину. Другие воздвигали купол над конференц-столом, вокруг которого Авраам и другие роботехники завершали восстановление Лемуила и Максимилиана. А перед кухней Наполеон с Гедеоном, сидя на корточках, увлеченно играли в кости.

Шеридан увидел, что под навесом стоит новая плита. Он подошел к игрокам, они кивнули ему и продолжали бросать кости.

Шеридан понаблюдал за ними, а потом неторопливо пошел дальше, недоуменно покачивая головой, — он не переставал удивляться интересу, который вызывали у роботов все азартные игры. Видимо, человеку этого понять не дано, как и многое другое.

Ведь такие игры подразумевают материальный выигрыш или проигрыш, то есть, с точки зрения роботов, они не могли иметь смысла, поскольку у роботов нет ни денег, ни недвижимости, ни даже личных вещей. И ни в чем подобном они не нуждаются — и все-таки они отчаянно резались и в кости, и в карты.

Или они просто подражают людям? По самой своей природе робот лишен возможности приобщиться к большинству человеческих пороков. Но играть он вполне способен, и, вероятно, с бóльшим искусством, чем люди в среднем.

Но чем, чем это их прельщает? Он недоумевал — приобретения, выгоды? Но для роботов они не существуют. Приятное возбуждение? Возможность дать выход агрессивности?

Или они учитывают в уме все свои выигрыши и проигрыши, и тот, кто в азартных играх чаще выходит победителем, приобретает определенный престиж, человеку не известный или даже

тщательно от него скрываемый?

Человек, подумал он, не способен постичь своих роботов до конца, что, может быть, и к лучшему. Все-таки у робота сохраняется подобие индивидуальности.

Ведь если робот и обязан человеку очень многим — самой своей идеей, материальным ее воплощением и жизнью, то тем самым и человек обязан роботам стольким же, если не бóльшим.

Без роботов человек не сумел бы проникнуть в глубины Галактики так быстро и так плодотворно. Невозможность перебрасывать квалифицированную рабочую силу в необходимых количествах уже стала бы непреодолимым препятствием. Где было бы взять столько космолетов?

С роботами проблемы транспортировки не возникало.

А сменники обеспечивали наличие всех необходимых специалистов в самых разных областях, способных справиться с любыми трудностями на только что открытых планетах, как ни мало было число роботов.

Шеридан дошел до границы лагеря и уставился в темноту, из которой доносился плеск волн под тихие вздохи ветра.

Он откинул голову, посмотрел на небо и — как уже много раз на многих других планетах — поразился сокрушающему ощущению неизбывного одиночества и чужеродности, какое вызывал вид незнакомых созвездий.

Человек, подумал он, привык ориентироваться по таким неверным признакам, как группировка звезд, запах цветка или краски заката.

А впрочем, почему незнакомых? Тут ведь уже побывали две экспедиции землян, а теперь прибыла третья — с прицепом, набитым товарами.

Он отвернулся от озера и, сощурившись, посмотрел туда, где у границы лагеря был сложен груз и укрыт прочным пластиком, поблескивавшим в свете звезд. Будто на чужой земле улеглось спать стадо горбатых чудовищ.

Ни один звездолет не смог бы доставить такое количество груза — звездолеты могли перевозить лишь ничтожную долю того, что требовалось для межзвездной торговли.

Для этой цели были созданы прицепы.

Такой прицеп загружался на орбите над планетой с челночных грузовых платформ. После загрузки прицеп с командой роботов получал толчок к дальнему полету от экспедиционного корабля. С помощью двигателей на самом

прицепе, а также притяжения звездолета наращивалась и наращивалась скорость. Когда она сравнивалась со скоростью света, наступал трудный момент, а затем все упрощалось, хотя для межзвездных полетов требовалась скорость, во много раз превышающая скорость света. Вот так прицеп следовал за экспедиционным кораблем, который вел его через странную серую зону, где пространство и время скручивались в нечто отличное от нормальных пространства и времени.

Без роботов ни о каком грузовом прицепе не было бы и речи: никакая человеческая команда не могла работать в нем и проверять груз.

Шеридан вновь обернулся к озеру, и ему почудилось, что он видит белые полосы пены. Или у него разыгралось воображение? Ветер тихо постанывал, над головой сверкали чужие звезды, а за озером спали туземцы в своих деревнях с огромными красными амбарами.

2

Утром роботы собрались вокруг конференц-стола под пестрым куполом, и Шеридан с Езекией принесли туда металлические ящички со сменниками, помеченными: «Специальные — Гарсон-IV».

— Ну а теперь, — сказал Шеридан, — пора браться за дело, если вы, господа, удостоите меня своим вниманием. — Он открыл один ящичек. — Вот сменники, изготовленные на заказ для предстоящей работы. Их удалось создать, потому что мы располагали ранее полученными сведениями об этой планете. Таким образом, мы начнем с пустого места, как нам не раз приходилось в прошлом…

— Хватит трепаться, Стив, — завопил Рубен, — будем действовать!

— Пусть поговорит, — сказал Авраам. — У него на это не меньше прав, чем у любого из нас.

— Спасибо, Ав, — поблагодарил его Шеридан.

— Валяйте, — пригласил Гедеон. — Руб просто сбросил лишний вольтаж.

— Сменники эти, естественно, в своей основе торговые и снабдят вас личностью и приемами удачливого продавца. Но кроме того, в них включены все сведения, имеющие отношение к ситуации здесь, а также туземный язык и всякие подробности о планете.

Он отпер еще один ящичек и откинул крышку.

— Начнем?

— А чего ждать? — заявил Рубен. — Этим космовиком я по горло сыт.

Шеридан обошел их в сопровождении Езекии с ящичками.

Вернувшись к исходной точке, он отодвинул ящички, в которых теперь находились космовики и прочие разнообразные сменники.

— Ну, как они вам? — спросил он, обводя взглядом свою команду.

— Очень даже, — ответил Лемуил. — Знаете, Стив, я раньше не замечал, до чего тупы космовики.

— Не слушайте его, — сердито проворчал Авраам. — Он каламбурит так при каждой пересменке.

— Вроде бы все должно пройти гладко, — сказал Максимилиан серьезно. — Эти люди свыклись с мыслью, что мы будем с ними торговать. Значит, первоначального антагонизма не возникнет. Возможно даже, что им самим не терпится заключить сделку.

— Еще одно, — указал Дуглас. — У нас товары, к которым они проявляли интерес, и нам не придется тратить время на подробные выяснения их потребностей.

— Торговая ситуация представляется простой, — веско произнес Авраам. — Осложнений вроде бы возникнуть не должно. По-видимому,

главное — установить пропорции обмена: сколько подаров за лопату, или за мотыгу, или еще за что-то.

— Это выяснится путем проб и ошибок, — заметил Шеридан.

— Надо будет жестко поторговаться для установления розничной цены, — заявил Лемуил, — а затем продавать оптом. Такой прием нередко приносил отличные результаты.

Авраам поднялся со стула.

— Приступим. Думаю, Стив, вам следует остаться в лагере.

Шеридан кивнул.

— Буду в радиокабине ждать ваших сообщений. Не тяните с ними.

Роботы приступили: они чистили и полировали друг друга, пока буквально не засияли. Достали парадные щитки и прикрепили их к корпусу магнитными защелками — разноцветные пояса, сверкающие металлические наборные ожерелья и драгоценные камни с кулак величиной. Не слишком изысканного вкуса, но рассчитанные на то, чтобы поразить туземцев.

Они подогнали свои платформы, нагрузили их образчиками со склада, и Шеридан, расстелив карту, распределил между ними деревни. Они

проверили передатчики и убедились, что взяли книги заказов.

К полудню они все покинули лагерь.

Шеридан пошел к себе в палатку и опустился в походное кресло, глядя на озеро, сверкающее на солнце за пологим берегом.

Наполеон принес ему перекусить и сел поболтать, аккуратно вздернув белый фартук на колени, чтобы он не касался земли, а высокий колпак лихо сдвинул набок.

— И как, по-вашему, пойдет дело, Стив?

— Заранее ничего сказать нельзя, — объяснил ему Шеридан. — Ребята все настроились на легкую работенку, и, надеюсь, они не разочаруются. Но туземцы на малоизвестной планете могут выкинуть что угодно.

— Ждете неприятностей?

— Я ничего не жду, а просто сижу и робко надеюсь на лучшее. Вот когда начнут поступать сообщения...

— Если вы так тревожитесь, то почему не отправились туда сами?

Шеридан покачал головой:

— Сам подумай, Наппи. Я ничего в торговле не понимаю, а ребята знают о ней все, что требуется. Мне браться за это самому никакого смысла нет.

Я не подготовлен.

А к чему он подготовлен, вдруг пришло ему в голову. Он не торговец и не космовик. И понятия не имеет о профессиях, в которых роботы поднаторели — или могли поднатореть в любую минуту.

Нет, он просто человек, необходимый винтик в команде роботов.

По закону ни одному роботу и ни одной команде роботов нельзя было давать задание без человеческого надзора. Но дело этим не исчерпывалось. В самой природе робота крылась потребность, не заложенная сознательно, но изначально ей присущая, — потребность в своем человеке.

Команда роботов, посланная на задание без сопровождающего человека, стала бы сажать ошибку на ошибку и в конце концов полностью бы рассыпалась и могла бы не только не принести пользы, но и причинить невообразимый вред. А когда их сопровождает человек, их предприимчивости и возможностям практически нет предела.

То ли, думал он, они нуждаются в лидере, хотя, с другой стороны, человек в команде роботов далеко не всегда обладает качествами лидера. То ли им требуется символ непререкаемого авторитета, пусть даже роботы, если отбросить их уважение к

своему человеку и стремление заботиться о нем, никаких авторитетов не признают.

Нет, сказал себе Шеридан, тут кроется нечто более глубокое, чем просто лидерство или просто авторитет. Нечто, сравнимое с привязанностью и внутренним единением, связывающими неразрывными узами человека и собаку, однако при полном отсутствии немого обожания, свойственного собакам.

— Ну а сам ты? — спросил он Наполеона. — Тебе никогда не хотелось самому выйти на задание? Скажи только слово…

— Мне нравится готовить, — заявил Наполеон и поковырял в земле металлическим пальцем. — Я, Стив, так сказать, старый верный служитель.

— Сменник в два счета это изменит.

— А кто тогда будет для вас готовить? Сами-то вы и яйцо толком сварить не умеете.

Шеридан кончил есть и снова уставился на озеро в ожидании первых сообщений по радио.

Наконец-то они приступили к выполнению задания. Все, что происходило до этого, — погрузка, долгая буксировка по космическому пространству, выведение космолета с прицепом на орбиту и разгрузка — было лишь подготовкой к этому моменту.

Они приступили к выполнению задания, но до конца было еще ох как далеко. Предстоят месяцы напряженной работы. Будут возникать бесконечные проблемы, непредвиденные трудности. Но они справятся, сказал он себе с непоколебимой гордостью. Его команду ничто не поставит в тупик. Ничто!

Под вечер его позвал Езекия:

— Радирует Авраам, сэр. Что-то не так.

Шеридан вскочил, бросился в кабину, придвинул стул и ухватил наушники.

— Ав, это ты? Как дела, малый?

— Плохо, Стив, — ответил Авраам. — Они не хотят меняться. Товары им нравятся. Так и засматриваются на них. Но ничего за них не предлагают. Знаете, что я думаю? По-моему, им нечего предложить.

— Чушь, Ав! Они собирали плоды все эти годы. Амбары полным-полны.

— Все амбары заколочены, — сказал Авраам. — Двери закрыты на засовы, окна забраны досками. А когда я хотел подойти к одному, они повели себя не по-хорошему.

— Сейчас прилечу, — сказал Шеридан. — Хочу сам посмотреть. — Он вышел из кабины. — Езекия, заведи стрекозу. Полетим поговорить с Авом.

Наппи, подежурь у радио. Если что, свяжешься со мной в деревне Ава.

— Я отсюда ни ногой, — заверил его Наполеон.

Езекия посадил стрекозу на деревенской площади рядом с платформой, по-прежнему полностью нагруженной. К ним тут же подошел Авраам.

— Хорошо, что ты тут, Стив. Они хотят, чтобы я убрался отсюда. Они не хотят, чтобы мы оставались на планете.

Шеридан вылез из стрекозы и застыл на месте. Его охватило странное ощущение — и с деревней, и с ее обитателями что-то было не так. Что-то изменилось, стало другим.

На площади собралось много туземцев, кто-то прислонялся к дверям, кто-то к древесному стволу. Несколько загораживали заложенную засовами дверь массивного амбара в центре площади, словно их поставили туда часовыми.

— Когда я приземлился, — сказал Авраам, — они столпились вокруг платформы, разглядывали товары и только-только не хватали их. Я попробовал заговорить с ними, но они отмалчивались, твердили, что они очень бедные. А теперь молчат и только глазами сверкают.

Амбар на фоне маленьких деревенских домиков выглядел монументальным сооружением.

Кубический, внушительный, ничем не украшенный, он выглядел здесь чужеродным, инопланетным, перенесенным сюда с Земли. Шеридан сообразил, что именно такие амбары видел на захолустных земных фермах: большая щипцовая крыша, широкая дверь, ведущий к ней пандус и даже слуховое оконце в круглой башенке, венчающей конек.

Человек и два робота стояли в омуте враждебного молчания, туземцы пялились на них, и что-то было очень и очень не так.

Шеридан медленно повернулся, обводя взглядом площадь, и вдруг понял причину.

Деревня выглядела запущенной, прямо-таки грязной. Домики облупились, утратили свой аккуратный, нарядный вид, везде валялся мусор. И люди тоже несли на себе печать неряшливости и неухоженности.

— Сэр, — сказал Езекия, — какой у них жалкий вид!

Да, вид у них был самый жалкий: в лицах словно таилась затравленность, измученность, плечи понуро сутулились.

— Ничего не понимаю! — с недоумением сказал Авраам. — В описании они значатся как веселый беззаботный народец. А поглядите на них теперь!

Неужели нас снабдили неверными сведениями?

— Нет, Ав. Просто они изменились.

Неверными сведения быть не могли. Их собрала компетентная команда, одна из лучших, руководимая опытным человеком, много лет проведшим на разнообразных новооткрытых планетах. Команда провела на Гарсоне-IV два года и постаралась изучить туземцев досконально.

Что-то случилось с этими людьми. Почему-то они потеряли веселость и гордость. Позволили своим домам обветшать, позволили себе превратиться в жалких оборванцев.

— Ребята, останьтесь тут, — сказал Шеридан.

— Сэр, остановитесь! — с тревогой воскликнул Езекия.

— Поосторожнее! — предостерег Авраам.

Шеридан направился к амбару. Группа у дверей не шелохнулась. Он остановился в трех шагах от них.

На близком расстоянии они даже больше походили на гномов, чем на снимках, сделанных первой экспедицией. Да, сморщенные маленькие гномы, но совсем невеселые гномики. Они выглядели неряшливыми, опустившимися и смотрели на него угрюмо, возможно даже с ненавистью. И с каким-то смущением. Некоторые расстроенно

переступали с ноги на ногу.

— Вижу, вы нас не забыли, — сказал Шеридан дружеским тоном. — Мы слишком долго не возвращались. Гораздо дольше, чем намеревались.

Он опасался, что говорит плохо. Этот язык, собственно, был не самым простым языком в Галактике. На мгновение он пожалел, что в человеческий мозг нельзя вставить сменник. Как бы это облегчило дело!

— Мы вас помним, — сердито сказал один.

— Замечательно! — с наигранной радостью воскликнул Шеридан. — Ты голос деревни?

Голос — потому что у них не было главы, вождя, не существовало правительства, а возникающие проблемы обсуждались в разговорах возле эквивалента деревенской лавки да на редких общих собраниях, когда случалось что-нибудь неожиданное. Но за выполнением решений никто не следил.

— Я могу говорить за остальных, — уклончиво ответил туземец и медленно вышел вперед. — Много лет назад здесь побывали такие, как вы.

— Вы их встретили, как друзья.

— Мы всех встречаем, как друзья.

— Но их особенно. И обещали им собирать и сохранять подары.

— Столько времени подары не сохраняются. Они гниют.

— У вас для хранения были амбары.

— Один подар начинает гнить, за ним другой, и вот уже сто гнилых подаров. Амбар не годится. Они нигде не сохраняются.

— Но мы… но те показали вам, что надо делать. Вы перебираете подары и выбрасываете подгнившие. И тогда остальные не начинают гнить.

— Очень трудная работа. Слишком много времени берет.

Туземец пожал плечами:

— Но ведь не все подары сгнили. Какие-то сохранились.

Его собеседник развел руками:

— Погода стояла плохая, друг. То мало дождя, то слишком много. Всегда что-нибудь не так. И урожаи всегда плохие.

— Но мы привезли вам полезные вещи в обмен на подары. Много всего, что вам нужно. Нам было трудно доставить их сюда. Мы прилетели издалека. Оттого и прошло столько времени.

— Что поделать, — сказал туземец. — Подаров нет. Сам видишь, какие мы бедные.

— Но куда подевались все подары?

— Мы, — упрямо сказал туземец, — больше не

выращиваем подары. С подарами всегда что-нибудь не так.

— Но что растет на полях?

— Мы не говорим «подары», мы называем их по-другому.

— Неважно, как вы их называете. Это подары или нет?

— Мы подары не выращиваем.

Шеридан повернулся на каблуках и пошел назад к роботам.

— Одно ясно, — сказал он. — Что-то тут произошло. Он жаловался на бедность, а потом сказал, что подаров они больше не выращивают.

— Но это же поля подаров! — заявил Авраам. — Если сведения верны, то они расширили площадь посевов. Я проверил по дороге сюда. Сейчас у них под подарами занято гораздо больше земли, чем прежде.

— Знаю, — ответил Шеридан. — Бессмыслица какая-то. Езекия, ты не свяжешься с лагерем, не выяснишь, что известно там?

— Еще одно, — напомнил Авраам. — Наше торговое соглашение с ними. Оно сохраняет силу?

— Не знаю. — Шеридан покачал головой. — Может, стоит сунуть его им под нос и посмотреть, что из этого получится. Это может послужить

психологической зацепкой. Попозже, когда мы их немножко смягчим.

— Если мы их смягчим!

— Но это только один день и одна деревня.

— По-вашему, мы не можем использовать соглашение как дубинку?

— Послушай, Ав, я ведь не юрист, и в нашем наборе сменников юриста нет, и по чертовски веской причине: на этой планете законов не имеется. Но предположим, мы потащим их в галактический арбитраж. Кто подписывался за их планету? Туземцы, которых выбрали в ее представители мы, а не ее обитатели, так что их подпись никого ни к чему не обязывала. Подписание контракта было просто торжественной церемонией, юридически ничего не значившей, затеянной только для того, чтобы внушить туземцам почтение к нам.

— Но вторая экспедиция считала, что это сработает.

— Ну да. Гарсонианам присуща мораль — и индивидуально, и в семье. Но вопрос в том, насколько она обязательна для жителей деревни в целом.

— То есть нам нужно найти подход, — сказал Авраам. — Хотя бы к этой деревне.

— Ну, если дело только в ней, — заметил Шеридан, — можно и выждать. Обойдемся и без нее.

Но дело не ограничилось одной деревней. То же положение было и во всех остальных.

Об этом сообщил Езекия.

— Наполеон говорит, что не ладится у всех, — объявил он. — Никто ничего не продал. Из его слов следует, что повсюду такая же картина.

— Лучше отзовем всех ребят в лагерь, — сказал Шеридан. — Эту ситуацию надо обсудить. Выработать план действий. Подход должен быть единым.

— И надо бы накопать подаров, — предложил Авраам. — И проверить, подары они или другое растение.

3

Шеридан вставил в мозг Эбенезера сменник химика, и Эбенезер занялся анализом. О результатах он доложил на совещании за конференц-столом.

— Есть только одно отличие, — сказал он. — В этих подарах содержится более высокий процент калентроподенсии (вещества, действующего как транквилизатор), чем в привезенных первой и второй экспедициями. Примерно десять процентов с возможными колебаниями от поля к полю

в зависимости от погоды и состава почвы — от последнего, по-моему, особенно.

— Значит, они солгали, заявив, будто больше не выращивают подары, — сказал Авраам.

— По их меркам, — возразил Сила, — они, возможно, не лгали нам. Человеческие нормы не всегда приложимы к инопланетной этике, то есть результативно. Эбенезер сказал, что в химическом составе клубней произошли изменения. То ли из-за улучшения обработки почвы, то ли из-за отбора семян, то ли из-за обильного выпадения дождей, то ли из-за большей концентрации микроорганизмов в почве. Или же туземцы сумели сами каким-то образом добиться этого…

— Все может быть, — сказал Гедеон. — Но к чему ты клонишь?

— Все очень просто. Если им известно про это изменение, они могли воспользоваться им как предлогом, чтобы изменить название. Или этого потребовали правила их грамматики. Или же они прибегли к игре слов, чтобы выпутаться из положения. Не исключено, что здесь не обошлось без суеверий. Туземец в деревне сказал Стиву, что с подарами их преследовали неудачи. И они могли переменить название, чтобы переломить полосу невезения.

— А это этично?

— На их взгляд, почему бы и нет. Вы, ребята, достаточно помотались по Галактике, чтобы усечь, что наши понятия о логике и этике там не очень в ходу.

— И все-таки я не вижу, зачем им понадобилось менять название. Разве что специально для того, чтобы не торговать с нами, чтобы заявить, что никаких подаров они не выращивают.

— По-моему, так и есть, — заметил Максимилиан. — Прекрасно стыкуется с заколоченными амбарами. Они знали о нашем прибытии. Еще бы! Сколько платформ челночило! Не увидеть их они не могли.

— В деревне, — сказал Шеридан, — у меня возникло четкое ощущение, что им не очень хочется убеждать меня, будто они не выращивают подары. Они оставили этот довод на конец, словно надеясь, что им не придется к нему прибегнуть. Как последнюю отчаянную меру, когда ничто другое к желаемому результату не приведет, и…

— Просто вздувают цену, — категорично заявил Лемуил.

— Не думаю. — Максимилиан покачал головой. — Ведь начальная цена не назначалась. Так как же можно ее вздувать?

— Так или иначе, — сухо ответил Лемуил, — а они создали ситуацию, чтобы взять нас за горло.

— Но есть и благоприятный для нас фактор, — продолжал Максимилиан. — Если они изменили название, чтобы не торговать с нами, значит, вся деревня сознает свое моральное обязательство и старается оправдать его нарушение.

— То есть ты считаешь, что мы могли бы их урезонить, — сказал Шеридан. — Не исключено. Во всяком случае, стоит попробовать.

— Что-то очень не так, — вставил Дуглас. — Перемены слишком велики. Новое название подаров, заколоченные амбары, жалкий вид деревень и их жителей. Вся планета словно пришла в запустение. Мне кажется, мы прежде всего должны установить, что произошло. А тогда у нас, возможно, появится шанс наладить торговлю.

— Хотел бы я заглянуть внутрь этих амбаров, — сказал Исус Навин. — Что у них там? Как по-вашему, не могли бы мы это проделать?

— Только с применением силы, — ответил Авраам. — Думается, пока мы тут, они будут охранять амбары днем и ночью.

— Ни о какой силе не может быть и речи, — сказал Шеридан. — Вы ведь знаете, что будет с нами, если мы прибегнем к ней против инопланетян,

кроме случаев явной самообороны. У команды будет отобрана лицензия. И вы, ребята, проведете остаток своих дней, натирая полы в управлении.

— Но, может быть, тайком? Каким-нибудь детективным способом?

— Это идея, Нав, — сказал Шеридан. — Езекия, у нас есть сменники-детективы?

— Насколько мне известно, нет, сэр. И я ни разу не слышал, чтобы хоть какая-нибудь команда ими пользовалась.

— Тем лучше, — вставил Авраам. — Каким бы способом мы изменили свою внешность?

— Если бы нашелся доброволец, — увлеченно заговорил Лемуил, — мы могли бы его реконструировать…

— Мне кажется, — сказал Сила, — нам следует разработать все возможные подходы, а потом опробовать их на разных деревнях, пока какой-нибудь не сработает.

— То есть ты исходишь из предпосылки, — заметил Максимилиан, — что все деревни будут одинаково реагировать на каждый.

— Именно это я и предполагаю, — ответил Сила. — Как-никак культура у них единая, а средства сообщения, конечно, самые примитивные. Ни одна деревня не получит сразу известия о том,

что происходило в другой, так что каждая деревня послужит нам прекрасной морской свинкой в этом маленьком эксперименте.

— Си, по-моему, ты хорошо придумал, — одобрил Шеридан. — Так или иначе, но мы должны сломить их нежелание торговать. Мне все равно, какую цену мы заплатим за подары для начала. Я позволю им ободрать нас заживо. А едва они начнут покупать, мы снизим эту цену и в конце сведем баланс. Ведь наша цель — загрузить в прицеп столько подаров, сколько он способен вместить.

— Ладно, — сказал Авраам. — За работу!

И они взялись за работу, потратив на нее весь день. Продумали возможные подходы, наметили деревни, где испробовать каждый. Шеридан разделил роботов на бригады и поручил каждой проверить такой-то подход. Они обсудили каждую мелочь и ничего не оставили на волю случая.

Шеридан сел ужинать, убежденный, что они вышли из положения — не тот, так другой подход даст желаемый результат. Беда была в том, как ему казалось теперь, что они заранее не провели нужной подготовки и настолько уверовали в легкость своей задачи, что бездумно ринулись

продавать с места в карьер.

Утром роботы отправились в свои деревни, полные оптимизма.

Бригаде Авраама было поручено обходить дома, и они взялись за дело со всей добросовестностью. Не пропустили в своей деревне ни единого дома. И в каждом доме получали отказ. Иногда они слышали простое, но твердое «нет», иногда перед ними со стуком захлопывали дверь, иногда ссылались на бедность.

Одно было ясно: соблазнить гарсониан индивидуально оказалось так же невозможно, как соблазнить их в совокупности.

Гедеон и его бригада испробовали метод бесплатных образцов, обходя дома и предлагая в подарок то или иное изделие, с тем чтобы позднее явиться с товарами. Гарсонианские домовладельцы на крючок не попались, отказавшись принять дары.

Лемуил возглавил организацию лотереи. Сторонники этого метода указывали, что лотерея взывает к корыстным инстинктам. А условия их лотереи были очень соблазнительными. Цена за билет была установлена самая низкая — один подар. Список призов выглядел сказочным. Но гарсониане, видимо, чуждались корысти. Ни

один билет продан не был.

А самым странным — нелогичным, сводящим с ума, немыслимым — было то, что гарсонианам словно бы очень хотелось обзавестись предлагаемыми вещами.

— Просто видно, как они борются с искушением, — сообщил Авраам вечером на совещании. — Видно, что им требуются наши товары, но они принуждают себя отказаться. И упрямо стоят на своем.

— Возможно, мы истощили их сопротивление, — заметил Лемуил. — Еще чуть-чуть, и все будет в ажуре… А не распустить ли нам слухи, что в такой-то и такой-то деревне у нас раскупили весь товар? Это может побороть их упрямство.

Однако Эбенезер усомнился:

— Надо докопаться до причины. Необходимо выяснить, что кроется за этой забастовкой покупателей. Может, что-то очень простое. Если бы знать…

Эбенезер отправился со своей бригадой в дальнюю деревню. Они захватили с собой раскладной супермаркет и установили его посреди площади, красиво разложили товары, создали атмосферу элегантности и радостного возбуждения. И повсюду развесили громкоговорители, чтобы

восхвалять свои товары, предлагаемые по самой дешевой цене.

Авраам и Гедеон возглавили две бригады, расставлявшие озвученные рекламные щиты где только могли — заманчивые краски, зазывные приглашения.

Шеридан зарядил Оливера и Силу сменниками психолингвистов, и они с большим искусством составили текст приглашений. Никакого подчеркивания коммерческой стороны, хотя она, бесспорно, присутствовала. Местами тексты мило улещивали, местами полнились откровенностью. И все отличались глубокой искренностью. В них восхвалялись гарсониане, высокопорядочные, принципиальные люди, проповедовались на увлекательных примерах честность и справедливость, а также скрупулезное соблюдение договоров и соглашений. Пришельцы расписывались в них как своего рода помесь бескорыстных благодетелей и наивных дурачков, которых ничего не стоит обвести вокруг пальца.

Тексты эти прокручивались круглые сутки. Они обрушивали на беззащитных гарсониан завораживающе вкрадчивую рекламу, и результаты ожидались оптимальные, поскольку для гарсониан любая реклама была в диковинку.

Лемуил оставался в лагере и, заложив руки за спину, мерил шагами берег в глубоком раздумье. Иногда он останавливался и с лихорадочной быстротой записывал осенившие его идеи.

Он пытался приспособить к местным условиям старинный заход, по его мнению беспроигрышный, — «я должен заработать на оплату за обучение в колледже».

Исус Навин и Фаддей попросили у Шеридана пару сменников драматургов. Шеридан сказал, что таких не имеется, но Езекия, неунывающий оптимист, пошарил на самом дне инструментария и обнаружил сменник с надписью «аукционщик», а потом — с надписью «оратор». Если и не драматурги, так что-то родственное.

Исус и Фаддей брезгливо от них отказались и уединились, яростно работая над созданием комического ревю, насколько это было в их возможностях.

Например, как сочинять скетчи и анекдоты для инопланетян? Что они считают смешным? Рискованные шуточки — отлично, но для них требуются мелкие подробности сексуальной жизни тех, для кого они предназначаются. Анекдоты о тещах? Опять-таки это требовало информации: в одних местах тещи свято почитались, в других

— само их упоминание было верхом неприличия. Естественно, никакого обыгрывания диалектов и жаргона, что следовало приветствовать. Не годились для гарсониан и анекдоты о дельцах — гарсониане, понятия не имевшие о бирже и биржевых нравах, просто ничего бы не поняли.

Тем не менее Исус и Фаддей обескураженными себя не чувствовали. Они забрали у Шеридана все своды сведений о Гарсоне-IV и часами их штудировали, выискивая и анализируя аспекты жизни его обитателей, которые казались подходящим материалом, не сулящим подвохов. Они писали груды заметок, рисовали сложные диаграммы соотношения гарсонианских слов и графики социальной жизни туземцев. Они творили, редактировали, шлифовали. И наконец сценарий был готов.

— Лучше комического ревю не придумаешь, — с убеждением сказал Исус Навин Шеридану, — когда надо расшевелить людей. Приводишь их в хорошее настроение, и они преодолевают свои фобии. И при этом они оказываются в некотором долгу у тебя. Ты подарил им развлечение, и у них не может не возникнуть желания чем-то тебе отплатить.

— Будем надеяться, — сказал Шеридан уныло.

Ибо ничто не сработало.

Жители дальней деревни настолько смягчились, что посетили супермаркет — чтобы поглазеть, а не покупать. Ну просто словно это был музей или выставка. Они прогуливались по проходам, таращили глаза на товары, иногда трогали их, но ничего не покупали и даже оскорблялись, если их спрашивали, не желают ли они что-нибудь приобрести.

В других деревнях щиты сначала привлекли всеобщее внимание. Перед ними собирались толпы и слушали часами. Но они перестали быть новинкой, и больше никто не останавливался послушать. И все по-прежнему игнорировали роботов. Еще более подчеркнуто они игнорировали или отвергали любое предложение продать им что-нибудь.

Лемуил сдался, перестал расхаживать и выбросил свои заметки. Он признал свое поражение — на Гарсоне-IV использовать заход со студентом было невозможно.

Болдуин возглавил бригаду по распусканию слухов. Но туземцы категорически отказывались верить, что в другой деревне кто-то что-то купил.

Оставалось комическое ревю, и Исус с Фаддеем

подобрали исполнителей и начали репетировать. К сожалению, даже Езекии не удалось откопать сменники актеров, но тем не менее получалось у них недурно.

Несмотря на полный провал всех их ухищрений, роботы продолжали посещать деревни, продолжали пытаться продать хоть что-нибудь в надежде, что в один прекрасный день они уловят какой-то намек, какую-нибудь подсказку и сумеют преодолеть барьер молчания и упрямства туземцев.

Затем Гедеон, отправившийся в деревню один, сообщил по радио:

— Тут под деревом такое, на что вам следует взглянуть.

— Такое? — переспросил Шеридан.

— Новое существо. По виду разумное.

— Гарсонианин?

— Вообще-то гуманоид, но не здешний.

— Сейчас буду, — сказал Шеридан. — А ты оставайся на месте, покажешь мне его.

— Оно, наверное, меня видело, — добавил Гедеон, — но я к нему не подходил. Подумал, лучше будет вам за него взяться.

Как и сказал Гедеон, существо сидело под деревом. Перед ним была расстелена сверкающая

скатерть, на которую оно уже поставило изукрашенный кувшин, а теперь вынимало всякую всячину из емкости, которая, возможно, была корзинкой для пикника.

Оно было гуманоидом и более привлекательным, чем гарсониане. Тонкие черты лица, худощавая гибкая фигура. Одежда на нем была из пышных тканей, инкрустированных драгоценными камнями. Вид у него был приветливый.

— Привет, друг, — сказал Шеридан.

Гуманоид, казалось, его понял, но улыбнулся с некоторой надменностью, словно появление Шеридана его не очень обрадовало.

— Возможно, — сказал он наконец, — у вас найдется время посидеть со мной?

Его тон недвусмысленно приглашал Шеридана отказаться: спасибо, но, к сожалению, времени у него нет, он торопится.

— Конечно, найдется, — сказал Шеридан. — Благодарю вас.

Он сел, а гуманоид продолжал вынимать из корзинки свои припасы.

— Нам несколько трудно общаться на этом варварском языке, — сказал гуманоид. — Но что поделать! Или вы говорите по-балликски?

— Извините, — ответил Шеридан, — но я впер-

вые слышу про этот язык.

— А я подумал… Он широко распространен.

— Обойдемся и языком этой планеты, — невозмутимо сказал Шеридан.

— О, разумеется! — согласился гуманоид. — Надеюсь, я не вторгся на вашу территорию? В таком случае я сейчас же…

— Вовсе нет. И я рад нашей встрече.

— Я бы предложил вам перекусить со мной, но побаиваюсь. Обмен веществ у вас, несомненно, иной, чем у меня. И мне было бы горько отравить вас.

Шеридан наклонил голову в знак благодарности. Еда, бесспорно, выглядела очень аппетитно. Красивая упаковка, восхитительное на вид содержимое. Ему сразу захотелось есть.

— Я часто прилетаю сюда для… — Он не сумел найти нужного слова на языке гарсониан.

Шеридан пришел ему на помощь.

— На моем языке, — сказал он, — это называется пикник.

— Еда под открытым небом, — сказал гуманоид. — Точнее на языке наших гостеприимных хозяев я выразиться не могу.

— Мы тоже это любим.

Гуманоид явно обрадовался такому доказатель-

ству взаимопонимания.

— Мне кажется, друг мой, у нас есть много общего. Не оставить ли мне вам образчик этой еды? Вы бы сделали анализ и в следующий раз могли бы разделить мою трапезу.

Шеридан покачал головой.

— Думаю, я тут долго не задержусь.

— О! — произнес гуманоид словно бы довольным тоном. — Значит, и вы непоседа! Мимолетные встречи! Слышишь шорох один миг — и вновь тишина.

— Очень поэтично, — сказал Шеридан. — И очень точно.

— Впрочем, — продолжал гуманоид, — я прилетаю сюда довольно часто. Я полюбил эту планету. Чудесное место для еды под открытым небом. Такой покой, такая простота и неспешность! Никакой суеты, и люди такие непосредственные, хотя несколько грязноватые и очень, очень глупые. Но мое сердце открылось им за их безыскусственность, близость к почве, светлый взгляд на жизнь и непритязательный образ этой жизни.

Он умолк и взглянул на Шеридана.

— Вы так не считаете, мой друг?

— Считаю, конечно считаю, — согласился Ше-

ридан с излишней торопливостью.

— В Галактике, — сказал гуманоид печально, — так мало мест, где можно побыть одному в приятном уединении. О, одному не в буквальном, не в физическом смысле. Я имею в виду ощущение простора, когда тебя не теснит со всех сторон слепая жажда преуспеть, не душит напор других личностей. Бесспорно, есть пустынные планеты — пустынные лишь в силу их непригодности для жизни. Такие мы должны сбросить со счетов.

Он изящно, даже жеманно съел кусочек чего-то. Но из изукрашенного кувшина отпил внушительный глоток.

— Дивный напиток! — Гуманоид протянул кувшин Шеридану. — Вы уверены, что не хотели бы рискнуть?

— Пожалуй, не стоит.

— Вполне разумно, — признал гуманоид. — Жизнь — это вещь, с которой не расстаются с бездумной легкостью.

Он отхлебнул еще, потом поставил кувшин между ног, нежно его поглаживая.

— Хотя, — сказал он, — я не стал бы ставить благо обладания жизнью превыше всего. Несомненно, в структуре бытия должны быть другие грани, дарящие не меньше…

Они приятно провели время до вечера.

Когда Шеридан вернулся к стрекозе, его собеседник, допив кувшин, блаженно растянулся в сильном подпитии среди остатков пикника.

4

Цепляясь за соломинку, Шеридан попытался определить место инопланетного любителя пикников в происходящем, но оно не определялось. Быть может, он действительно был тем, чем казался: порхающий дилетант, одержимый страстью к еде под открытым небом вдали от шумных толп, и большой любитель выпить.

С другой стороны, он знал туземный язык, сказал, что часто прилетает сюда, что само по себе было более чем странно. Имея в своем распоряжении всю Галактику, чтобы порхать, почему он пристрастился к Гарсону-IV, планете — во всяком случае, на человеческий взгляд — мало чем привлекательной?

И еще — как он сюда попал?

— Гедеон, — спросил Шеридан, — ты случайно не видел поблизости какого-либо транспортного средства, на котором наш приятель мог бы прибыть сюда?

Гедеон покачал головой.

— Я об этом как-то не подумал. Но уверен, что ничего подобного там не было. Не то я бы обязательно заметил.

— Вам не пришло в голову, сэр, — осведомился Езекия, — что он мог овладеть искусством телепортации? Это ведь возможно. Ну, та раса на Пилико…

— Верно, — ответил Шеридан. — Но пиликояне телепортировались от силы на милю за один раз. Помнишь, как они выскакивали неизвестно откуда, будто кролики, перемахивающие одним прыжком милю, но так быстро, что не успеваешь их разглядеть? А этот тип должен перемахивать расстояния во много световых лет. Он спросил меня про язык, о котором я никогда не слышал. И заявил, что им широко пользуются по крайней мере в одном секторе Галактики.

— Вы напрасно тревожитесь, сэр, — заметил Езекия. — У нас есть заботы поважнее этого пикникующего инопланетянина.

— Ты прав, — ответил Шеридан. — Если мы не сбудем наш груз, мне каюк.

Но выкинуть из головы эту беседу под деревом он не сумел.

Перебирая в уме долгую праздную болтовню, он, к своему изумлению, убедился, что она была

абсолютно пустопорожней. Гуманоид, насколько ему помнилось, совершенно ничего не сказал о себе. Разглагольствуя битых три часа, если не больше, он умудрился не сказать ровно ничего.

Когда вечером Наполеон принес ужин, он присел на корточки рядом со стулом Шеридана, аккуратно подобрав на колени белоснежный фартук.

— Положение скверное, так? — спросил он.

— Да, пожалуй.

— А что мы будем делать, Стив, если совсем ничего не продадим, если не выручим ни единого подара?

— Наппи, — вздохнул Шеридан. — Я так стараюсь не думать об этом!

Но теперь он представил себе реакцию Торгового центра, если он вернется назад со всем миллиардным грузом. И даже еще более ярко он вообразил, что ему придется услышать, брось он груз тут.

Как ни крутись, а груз продать необходимо! А не то его карьере придет конец.

Да что его карьера! Речь идет обо всем человечестве!

Транквилизатор, получаемый из подаров, был действительно необходим, и срочно! Поиски

такого средства начались века и века тому назад, и потребность в нем доказывалась тем фактом, что на протяжении этих веков поиски не прерывались никогда. Человеку что-то подобное было абсолютно необходимо, и необходимость эта возникла, едва он стал не просто животным.

И тут, на этой самой планете, имелось вещество, которое удовлетворило бы эту страшную потребность. Но доступ к нему перекрывало упрямство тупого, грязного, отсталого народца.

— Если бы только эта планета была нашей! — сказал он больше себе, чем Наполеону. — Если бы мы могли захватить ее, то получили бы столько подаров, сколько нужно. Мы превратили бы ее в одно огромное поле и выращивали бы подаров столько, сколько туземцам и не снилось!

— Но ведь мы не можем, — заметил Наполеон. — Это противозаконно.

— Да, Наппи, ты прав. Очень и очень противозаконно.

Ведь гарсониане обладали разумом, пусть и не слишком большим, но отвечающим определению, данному в законе.

А против разумных существ нельзя пустить в ход ничего, даже отдаленно попахивающего насилием. Даже купить или арендовать их земли

было нельзя — согласно закону такая покупка рассматривалась бы как лишение их одного из прав, неотъемлемо принадлежащих любым инопланетным разумным существам.

Можно сотрудничать с ними, учить их — не только можно, но и похвально. Но гарсониане не желали ничему обучаться. Разрешалось наладить с ними обмен, но скрупулезно честный! А они отказывались от обмена!

— Не знаю, что нам делать, — сказал Шеридан. — Как нам найти выход?

— У меня есть идея. Если бы мы приобщили туземцев к тонкостям игры в кости, то могли бы все-таки чего-нибудь добиться. Мы, роботы, как вам известно, в ней преуспели.

Шеридан поперхнулся кофе и осторожно поставил чашку на стол.

— При обычных обстоятельствах, — ответил он Наполеону, — я не одобрил бы такой тактики. Но в подобном положении… Почему бы тебе не сговориться с кем-нибудь из ребят и не попробовать?

— С радостью, Стив.

— И… э… Наппи.

— Что, Стив?

— Ты, конечно, подберешь самых умелых иг-

роков?

— А как же, — ответил Наполеон, выпрямляясь и разглаживая фартук.

Исус и Фаддей отправились со своей труппой в дальнюю деревню, не включенную в их первоначальную программу, где они появились в первый раз, и дали представление.

Оно имело исключительный успех. Туземцы катались по земле, прижимали руки к животу от хохота. Они стонали, охали, утирали слезы. Хлопали друг друга по спине, упиваясь шутками. Ничего подобного они в жизни не видели. На Гарсоне-IV не было ничего, хотя бы отдаленно сравнимого.

И пока они пребывали в эйфории, в точный психологический момент, когда они должны были забыть упрямство и враждебность, Исус предложил им купить товары по дешевке.

Смех оборвался. Веселость исчезла. Зрители просто стояли и молча смотрели на него.

Труппа собрала реквизит и уныло отправилась восвояси.

Шеридан сидел в палатке, мрачно размышляя о будущем. В лагере царила могильная тишина. Ни болтовни, ни пения, ни взрывов смеха. Ни даже шагов.

— Шесть недель, — с тоской сказал Шеридан Езекии. — Шесть недель, и ничего не продано. Мы сделали все, что могли, — и ничегошеньки! — Он стукнул кулаком по столу. — Если бы мы добрались до причины! Они заглядываются на наши товары — и отказываются покупать. Что за этим кроется, Езекия? Попытайся отгадать.

— Бесполезно, сэр. — Езекия покачал головой. — Я в полном тупике. Как и все мы.

— В Центре из меня фарш сделают, — объявил Шеридан. — Распнут на стене в жуткое назидание на десять тысяч лет вперед! Бесспорно, и прежде случались неудачи. Но чтоб такая!

— Конечно, не мне это предлагать, сэр, — сказал Езекия, — но мы могли бы смыться. Вот и выход. Ребята согласятся. Теоретически они преданы Центру, но, если копнуть, преданы они вам. Мы могли бы забрать груз для начала, и у нас будет такая фора…

— Нет! — твердо сказал Шеридан. — Попытаемся еще и, может быть, найдем выход из положения. Ну а не найдем, буду держать ответ как положено. — Он почесал подбородок. — И ведь команде Наппи, возможно, улыбнется удача. Бред, конечно, но случались вещи и постраннее.

Наполеон и его приятели вернулись в угнетен-

ном настроении.

— Они нас раздели, — сообщил повар Шеридану потрясенным голосом. — У них это просто в природе. Но когда мы хотели расплатиться, они от всего отказались.

— Попробуем собрать их и поговорить по душам, — сказал Шеридан. — Хотя вряд ли будет толк. Как по-твоему, Наполеон, если бы мы им прямо рассказали, в каком мы жутком положении, они бы не пошли нам навстречу?

— Не думаю, — сказал Наполеон.

— Будь у них правительство, — заметил Эбенезер, один из игроков Наполеона, — может, что-нибудь и получилось бы. Вы бы говорили с представителем всего населения. А так придется беседовать в каждой деревне. Тут никакого времени не хватит!

— Ничего не поделаешь, Эб, — ответил Шеридан. — Ничего другого нам не остается.

Но тут как раз начался сбор подаров. Туземцы трудились на полях с невероятным усердием: выкапывали клубни, раскладывали их сушить, погружали в тележки и на себе везли к амбарам — тягловых животных на Гарсоне-IV не было.

Они выкапывали клубни и свозили их к амбарам, тем самым амбарам, в которых, согласно

их клятвенным заверениям, никаких подаров не было.

Они не открывали больших дверей, как им, казалось, следовало бы сделать, а пользовались дверкой, прорезанной в одной створке. И стоило кому-нибудь из земной команды появиться поблизости, как они расставляли охрану вокруг всей площади.

— Лучше к ним не соваться, — посоветовал Авраам. — Если попробуем на них надавить, неприятностей не оберешься.

А потому роботы собрались в лагере, дожидаясь окончания уборки. Наконец она завершилась, но Шеридан решил выждать еще несколько дней, чтобы гарсониане успели войти в обычную колею.

Затем они вновь отправились в свои деревни, и на этот раз Шеридан пристроился на платформе с Авраамом и Гедеоном.

Первая деревня на их пути мирно дремала в лучах солнца. Нигде не было видно ни единого ее обитателя.

Авраам посадил платформу на площади, и троица сошла с нее.

Площадь была пуста, и все окутывала тишина — глубокая, могильная тишина.

У Шеридана по спине забегали мурашки — в этой безмолвной пустоте словно затаилась жуткая угроза.

— Может, они устроили на нас засаду? — предположил Гедеон.

— Не думаю, — возразил Авраам. — Народец этот очень мирный.

Они осторожно пересекли площадь и медленно пошли по улице.

Улица тоже была абсолютно безлюдна. И — совсем уже странно! — двери некоторых домиков были раскрыты настежь, а окна слепо щурились на пришельцев — занавески из пестрой грубой ткани исчезли.

— Может быть, — предположил Гедеон, — они отправились на праздник урожая или еще какое-нибудь ритуальное торжество?

— Они бы не оставили двери открытыми, — объявил Авраам. — Я прожил рядом с ними несколько недель и изучил их привычки. Они бы закрыли дверь очень тщательно и для надежности еще подергали бы.

— Но ветер…

— Ну нет, — возразил Авраам. — Тогда бы, может, открылась одна, а я отсюда вижу их четыре.

— Надо бы посмотреть, — сказал Шеридан. —

Пожалуй, пойду я.

Он свернул в калитку и медленно пошел по дорожке к домику с открытой дверью. У порога он остановился и заглянул внутрь. Комната перед ним была пуста. Он вошел и заглянул в остальные комнаты. Они тоже оказались пустыми — в них не было не только хозяев, но и вообще ничего: ни мебели, ни утвари, ни хозяйственных мелочей — голые стены, пустые стойки, сиротливые крючки. Никакой одежды. Ничего. Дом стоял мертвый, выпотрошенный, жалкий, убогий, брошенный за ненадобностью.

Шеридану стало не по себе: «Что, если их прогнали мы? До того их допекли, что они скрылись, лишь бы не встречаться с нами».

Нет, это чушь, сказал он себе. За этим невероятным по сложности массовым исходом, несомненно, кроется иная причина.

Он вернулся на улицу. Авраам и Гедеон побывали в других домах, тоже пустых.

— Возможно, только в этой деревне так, — предположил Гедеон. — А в остальных ничего не произошло.

Но Гедеон ошибся.

Вернувшись на платформу, они связались с лагерем.

— Не понимаю, — заявил Езекия. — Четыре другие бригады сообщили о том же самом. Я как раз собирался радировать вам, сэр.

— Разошли все платформы, какие есть, — распорядился Шеридан. — Пусть проверят все окрестные деревни. И пусть выглядывают людей. Они могут оказаться где-нибудь в полях. Празднуют окончание уборки урожая.

— Если они ушли на праздник, сэр, то зачем забрали с собой все свое имущество? Когда вы отправляетесь на праздник, то мебель оставляете дома.

— Я знаю, — ответил Шеридан. — Ты уловил самую суть. Так разошли ребят.

— А может быть, — предположил Гедеон, — у них в обычае обмениваться деревнями? Скажем, племенной закон требует, чтобы они через какой-то срок строили новую деревню. Отголосок древнего гигиенического правила, гласившего, что стойбище после определенного времени надо переносить в другое место.

— Пожалуй, — устало сказал Шеридан. — Подождем — увидим.

Авраам махнул кулаком в сторону амбара.

Шеридан поколебался и решил забыть про осторожность.

— Пошли! — сказал он.

Гедеон поднялся по пандусу к дверям и ухватил доску, прибитую поперек ее. Он рванул, раздался отчаянный скрип выворачиваемых гвоздей, и доска осталась у него в руках. Он оторвал вторую, третью, а потом навалился плечом, и одна створка открылась.

Внутри в смутной мгле тускло поблескивала металлическая масса — на земляном полу стояла огромная машина.

Шеридана оледенил ужас.

Не может быть, подумал он. Откуда тут взялась машина?

Какие машины у гарсониан! Их культура была абсолютно доиндустриальной. Их достижения исчерпывались мотыгой и колесом, причем они еще не додумались объединить колесо и мотыгу, чтобы сотворить плуг.

Когда вторая экспедиция улетела отсюда пятнадцать лет назад, машин у них не было, а за такой срок создать их они никак не могли. Да сам он за время, проведенное на планете, не заметил, чтобы они продвинулись в этом направлении хотя бы на дюйм.

И все же в амбаре стояла машина.

Вертикальный, порядочных размеров цилиндр

с дверцей сбоку. Вверху он завершался куполообразным закруглением. Если бы не дверца, он выглядел бы как сильно увеличенная разрывная пуля.

Чье-то вмешательство, подумал Шеридан. Кто-то побывал тут в промежутке между отлетом второй экспедиции и прибытием третьей.

— Гедеон! — сказал он.

— Что, Стив?

— Смотайся в лагерь за инструментарием. Скажи Езекии, чтобы он доставил сюда мою палатку и все прочее как можно скорее. Отзови ребят с разведки. Нам предстоит работа.

Кто-то побывал тут, подумал он. Бесспорно! Изысканно любезный гуманоид, который сидел под деревом перед уставленной закусками скатертью, попивал из кувшина и болтал без умолку битых три часа, так ничего и не сказав.

5

Посланец Торгового центра посадил свой кораблик у края деревенской площади неподалеку от палатки Шеридана. Он откинул колпак обозрения и вылез наружу. Минуту постоял, сверкая на солнце и поправляя на металлической груди табличку с надписью «спецкурьер», которая

утратила строгую горизонтальность. Затем неторопливо направился к амбару и спросил у Шеридана, сидящего на пандусе:

— Вы Шеридан?

Шеридан кивнул, оглядывая его. Великолепное изделие!

— Я с трудом разыскал вас. Ваш лагерь, видимо, брошен.

— У нас возникли определенные трудности, — спокойно сказал Шеридан.

— Надеюсь, не слишком серьезные. Я вижу, ваш груз не тронут.

— Скажем так: скучать нам не приходилось.

— Так-так, — сказал робот, обескураженный тем, что более внятного объяснения не последовало. — Мое имя — Товий, и у меня есть для вас сообщение.

— Слушаю.

Этих управленческих роботов полезно иногда осаживать, решил Шеридан.

— Устное сообщение. Могу вас заверить, что я получил исчерпывающие инструкции и готов ответить на любой ваш вопрос.

— Очень хорошо, — сказал Шеридан. — Начнем с сообщения.

— Торговый центр ставит вас в известность,

что фирма, именующая себя «Галактической компанией», предложила поставлять ему препарат калентроподенсия в неограниченном количестве. Нам хотелось бы узнать, не можете ли вы пролить свет на это дело.

— «Галактическая компания»? — повторил Шеридан. — Никогда о ней не слышал.

— Как и Торговый центр. Не скрою от вас, мы выведены из равновесия.

— Могу себе представить.

Товий расправил плечи.

— Мне поручено указать вам, что вас командировали на Гарсон-IV для приобретения большой партии подаров, из которых изготавливается указанный препарат, и что это задание ввиду предварительной подготовки, ранее проведенной на указанной планете, не должно было встретить при выполнении каких-либо значительных затруднений, и…

— Потише, потише, — перебил Шеридан, — не надо так волноваться. Чтобы тебя не грызла совесть, будем считать, что я дослушал до конца разнос, который тебе поручено мне устроить.

— Но вы…

— Видимо, — сказал Шеридан, — «Галактическая компания» запросила хорошую цену за свой

препарат?

— Чистейший грабеж! Торговый центр прислал меня узнать…

— Доставлю ли я большую партию подаров. В данный момент мне ответить нечего.

— Но я обязан вернуться и доложить!

— Не сейчас. Я смогу дать тебе отчет не раньше чем через несколько дней. Так что придется подождать.

— Но мои инструкции…

— Дело твое! — резко сказал Шеридан. — Хочешь — жди или возвращайся без моего отчета. Мне плевать.

Он встал с пандуса и вошел в амбар.

Роботам, увидел он, наконец удалось снять колпак с большой машины. Они положили его на пол так, чтобы можно было увидеть его внутренность.

— Стив, — сказал Авраам с горечью, — посмотрите-ка!

Шеридан посмотрел. Внутри все было сплавлено воедино.

— Тут находились какие-то механизмы, — сказал Гедеон, — но их уничтожили.

Шеридан почесал в затылке.

— Нарочно? Релейная защита?

Авраам кивнул.

— По-видимому, они тут все закончили. Наверное, не будь здесь нас, они бы забрали эту машину и все остальное с собой, каково бы ни было их назначение. Но рискнуть, что хоть одна попадет к нам в руки, они не могли, а потому нажали на кнопку или еще что-нибудь сделали — и от рабочих механизмов не осталось ничего.

— Но ведь таких машин тут много. Думается, в каждом амбаре стоит одна.

— И с ними, наверное, то же, — сказал Лемуил, поднимаясь с колен и отворачиваясь от колпака.

— И что это, по-вашему? — спросил Шеридан.

— Перебросчик материи, телепередатчик, называйте как хотите, — ответил Авраам. — Вывод, естественно, подсказан не машиной, а сопутствующими обстоятельствами. Поглядите! В амбаре нет ни единого подара. Значит, весь урожай куда-то переправлен. Этот ваш приятель, поклонник пикников…

— Они себя именуют «Галактической компанией», — сказал Шеридан. — Только что прибыл курьер. По его словам, они предложили Торговому центру партию препарата, изготовляемого из подаров.

— И теперь Торговый центр, — заключил Авра-

ам, — попав в тяжелое положение, финансово взятый за горло, свалит все на нас, потому что мы остались без подаров.

— Не сомневаюсь, — ответил Шеридан. — Теперь все зависит от того, сумеем ли мы отыскать наших друзей-туземцев.

— Это вряд ли удастся, — сказал Гедеон. — Наша разведка установила, что все деревни пусты на всей планете. А не могли они покинуть ее с помощью этих машин, как по-вашему? Если они перебрасывают подары, то могут перебрасывать и людей.

— Словом, все, — неловко пошутил Лемуил, — что начинается на «п» или на «л».

— Нельзя ли установить принцип их действия? — спросил Шеридан. — Центру бы это очень пригодилось.

— Не берусь сказать, Стив. — Авраам покачал головой. — По закону вероятности среди машин на этой планете — а их столько, сколько амбаров, — может, одна и уцелела. Шанс есть.

— Но и найди мы такую, — возразил Гедеон, — куда больше шансов, что она самоуничтожится, едва мы к ней прикоснемся.

— А если мы не отыщем неповрежденной?

— Одна возможность есть, — объявил Ле-

муил. — Несомненно, степень их разрушения должна различаться. И разрушаться идентично они тоже не могли. Значит, исследовав, скажем, тысячу, можно будет получить достаточное представление о том, как был оборудован цилиндр.

— Ну а предположим, мы сумеем это установить?

— Трудно сказать, Стив, — ответил Авраам. — Даже найди мы функционирующий аппарат, я, честно, не знаю, сумели бы мы установить принцип его действия настолько, чтобы создать свой аппарат. Не забывайте, что человечество ни о чем подобном понятия не имеет.

Шеридан прекрасно понимал, какая горькая истина кроется за словами робота. Если теоретическая основа не разработана, никакие наблюдения за работой неизвестного аппарата или даже его подробные чертежи ничем не помогут. А в их распоряжении было даже меньше того, что дали бы чертежи или хотя бы работающая модель.

— Они использовали эти машины, — сказал Шеридан, — чтобы перебросить подары, а возможно, и людей. Если так, то люди пошли на это добровольно. Будь применено насилие, мы бы об этом узнали. Ав, ты мне не объяснишь, почему

люди согласились на переброску?

— Не по моей части, — ответил Авраам. — У меня в мозгу сменник физика. Вставь мне социолога, и я займусь этой проблемой.

Снаружи раздался крик, и все обернулись к двери. По пандусу поднимался Эбенезер, держа на руках бессильно обвисшее тельце.

— Туземец! — ахнул Гедеон.

Эбенезер опустился на колени и бережно положил маленького туземца на пол.

— Нашел его в поле. Лежал в канаве. Боюсь, ему конец.

Шеридан нагнулся над туземцем. Это был старик — таких стариков он видел в деревнях тысячи. Та же старая задубелая кожа и морщины, оставленные ветром и непогодой, те же мохнатые брови над провалившимися глазами, те же клочковатые усы, то же ощущение забытой беззаботности и угрюмого упрямства.

— Его бросили, — сказал Эбенезер. — Все покинули планету, а его оставили. Наверное, ему стало дурно и он упал в канаву…

— Принеси мою фляжку, — распорядился Шеридан. — Она висит у двери.

Старик открыл глаза и обвел взглядом кольцо наклонившихся над ним лиц. Он провел рукой

по лбу, оставляя полоски грязи.

— Я упал, — пробормотал он. — Помню, как я падал. Я упал в канаву.

— Вот вода, Стив, — сказал Авраам.

Шеридан взял фляжку, приподнял старика, прислонил его к своей груди и прижал горлышко к его губам. Туземец пил с трудом, захлебывался. Вода стекала по его усам на живот.

Шеридан отвел фляжку.

— Благодарю тебя, — сказал старик, и Шеридану пришло в голову, что это первая вежливая фраза, которую он услышал от обитателей планеты.

Старик снова потер лицо грязной лапкой.

— Люди все ушли?

— Все.

— А я опоздал, — сказал старик. — Я бы успел, если бы не упал. Может, они меня искали… — Его голос замер.

— С вашего разрешения, сэр, — сказал Езекия, — я схожу за сменником врача.

— Да, пожалуй, — ответил Шеридан. — Хотя, думается, толку будет чуть. Он столько дней пролежал в этой канаве. Чудо, что он еще жив.

— Стив, — вполголоса сказал Гедеон, — врач-человек не способен лечить инопланетян. Со временем — если это время у нас будет — мы

кое-что узнаем об этом старце, об особенностях его организма и обмена веществ. Вот тогда мы попробуем его подлечить.

Шеридан пожал плечами.

— Ну так обойдемся без сменника, Езекия.

Он опустил старика на пол, поднялся с колен, но тут же сел на корточки, слегка раскачиваясь.

— Не ответишь ли ты на один вопрос? — обратился он к туземцу. — Куда ушли твои люди?

— Туда! — ответил туземец и с трудом приподнял слабую руку, указывая на машину. — Туда. А потом исчезли, как раньше собранный урожай.

Шеридан так и остался сидеть на корточках рядом с умирающим туземцем.

Рубен принес охапку травы и подложил ее под голову старика вместо подушки.

Так, значит, гарсониане и правда покинули планету, сказал себе Шеридан. Собрались и ушли в машину, которая предназначалась для переброски подаров. А если «Галактическая компания» располагает такими машинами, то они — кем бы они ни были — имеют перед Торговым центром огромное преимущество. Как могут конкурировать с такой техникой громоздкие грузовые прицепы, ползущие по космосу немногим быстрее скорости света?

Ему припомнилось, как в день их высадки на планету он подумал, что небольшая толика конкуренции очень пошла бы Торговому центру на пользу. И вот пожалуйста — конкуренция, причем конкуренция без намека на этику. Конкуренты украдкой, за спиной Торгового центра, перехватили рынок, который жизненно важен для Центра и которым Центр давно бы заручился, если бы не валял дурака, не тянул бы время, цинично решив обойтись без туземцев и выращивать подары на Земле.

Интересно, где и как «Галактическая компания» пронюхала о подарах и о значении получаемого из них препарата? Каким образом они там узнали, сколько времени в их распоряжении, чтобы манипулировать рынком подаров без вмешательства Центра? Но затем из-за самонадеянности попали в положение, когда им пришлось уничтожить все свои чудесные машины на планете.

Шеридан усмехнулся при мысли, как они себя при этом чувствовали.

Впрочем, нетрудно было вообразить сотни, а то и тысячи способов, с помощью которых компания могла проведать про подары.

С такими обаятельными, такими обезоруживающе безобидными представителями! Его не

удивило бы, если бы выяснилось, что они внедрили своих людей в Торговый центр.

Туземец пошевелился, протянул исхудалую руку и дернул Шеридана за рукав.

— Чего ты хочешь, друг?

— Ты посидишь со мной? — умоляюще спросил старик. — Эти там не такие, как ты и я.

— Я посижу с тобой, — сказал Шеридан.

— А нам, по-моему, лучше уйти, — заметил Гедеон. — Возможно, мы его пугаем.

Шеридан положил ладонь на лоб старика. Он был холодным и липким.

— Старый друг, — сказал Шеридан. — Мне кажется, ты мне кое-чем обязан.

Старик отрицательно задвигал головой. В глазах у него появилось упрямство с примесью хитрости.

— Мы вам ничем не обязаны. Тем, другим, — да.

Шеридан, разумеется, подразумевал совсем не это. Но слова были произнесены — слова, таившие в себе ключ к загадке, которой стала для Шеридана планета Гарсон-IV.

— Так вот почему вы отказывались торговать с нами! — пробормотал Шеридан, обращаясь не столько к старику, сколько к самому себе. — Вы

так запутались в долгах, что вам потребовались все подары, чтобы расплатиться с этими людьми?

Ну конечно же так! Теперь он видел, что это было единственно логичным объяснением всего, с чем им пришлось столкнуться. Поведение туземцев, почти отчаянный отказ что-либо покупать — именно этого следовало ожидать от людей, по уши сидящих в долгах.

И вот почему они не заботились о своих домах и ходили чуть не в лохмотьях. Вот объяснение, из-за чего веселая беззаботность исчезла, вот откуда унылый, подавленный вид. Издерганные, затравленные, терзаемые страхом, что им не удастся уплатить долг вовремя, они истощили все свои ресурсы и надрывались в полях, выжимая из почвы все подары, какие они могли произвести.

— Дело в этом? — спросил он. — Так оно было?

Туземец неохотно кивнул.

— Они явились и предложили вам такую выгодную сделку, что вы не смогли отказаться? Возможно, машины? Машины, чтобы вы могли переноситься в другие места?

Старик покачал головой:

— Нет, не машины. В машины мы складывали подары, и подары исчезали. Так мы платили.

— Платили все эти годы?

— Да, — ответил туземец и добавил с проблеском гордости: — Но мы расплатились сполна.

— Замечательно, — сказал Шеридан. — Разделаться с долгом всегда приятно.

— Они простили последние три года, сказали, что выплачено столько, сколько требуется, — сказал старик, чуть оживившись. — Очень щедро с их стороны, правда?

— Очень, — ответил Шеридан не без горечи.

Он терпеливо сидел на корточках, прислушиваясь к легкому шелесту ветра под крышей и хриплому дыханию умирающего туземца.

— А потом твои люди воспользовались машинами и ушли. Ты не можешь объяснить, почему они так поступили?

Старика сотряс пароксизм судорожного кашля, он задыхался.

Шеридана охватил стыд. «Я должен бы дать ему умереть спокойно, — подумал он. — Не приставать к нему. Не теребить, не допрашивать его, когда он вот-вот испустит последний вздох, не отнимать у него возможности уйти в небытие с достоинством!»

Но оставался последний ответ, и получить его Шеридану было необходимо. Он сказал ласково:

— Мой друг, объясни мне, какую сделку вы заключили? Что вы приобрели?

Но слышит ли его старик? Он словно впал в забытье.

— Что вы купили? — не отступал Шеридан.

— Планету, — сказал туземец.

— Но у вас же была планета!

— Та совсем другая, — слабеющим шепотом произнес старик. — Планета бессмертия. Тот, кто попадет туда, никогда-никогда не умрет.

Шеридан замер, онемев от неожиданности и гнева.

И из тишины донесся шепот — шепот, все еще полный непоколебимой веры, полный тоски, шепот, который будет преследовать человека всю жизнь.

— Вот что я потерял, — прошелестел шепот. — Вот что я потерял…

Шеридан развел руки, а потом стиснул в них изящную шею, стирая обаятельную улыбку, обрывая культурное словоизлияние.

«Был бы он здесь сейчас! — думал он. — Был бы он здесь!»

Он вспомнил расстеленную скатерть, изукрашенный кувшин, аппетитные закуски, гладкую вкрадчивую речь гуманоида, его самоуверен-

ность. И как он рассчитанно напился, чтобы встреча обошлась без неприятных вопросов и не возбудила лишних подозрений.

И надменность, с какой он осведомился, не говорит ли человек по-балликски, хотя сам-то, почти наверное, успел выучить английский.

Итак, у Торгового центра появился-таки конкурент. С этой минуты Центр прижат к стене, и ему предстоит тяжелый бой. Ведь типчики из «Галактической компании» предпочитают бить ниже пояса и наповал.

Гарсониане, конечно, были наивными дурачками, но, вероятно, «Галактическая компания» способна обработать и не таких. Естественно, у нее есть разная наживка для разной рыбы, но извечная несбыточная мечта о бессмертии, если сервировать ее должным образом, может оказаться смертельным соблазном для самых искушенных личностей.

Полное отсутствие этики и машины для переброски материи — два крупнейших козыря в распоряжении «Галактической компании».

А что, подумал он, произошло с обитателями этой планеты? Куда они в действительности попали, когда последовали за подарами в машины?

Может быть, типчики из «Галактической ком-

пании» нашли, куда сбыть несколько миллионов рабов?

Или они просто решили разделаться с гарсонианами, чтобы лишить Торговый центр источника подаров, обеспечив себе все условия для выгодного сбыта транквилизатора?

Или они выманили гарсониан с планеты, чтобы забрать ее себе?

Но в этом случае — а возможно, и в любом случае — «Галактическая компания» споткнулась на первом же шагу. Пожалуй, сказал себе Шеридан, не такие уж они ловкие пройдохи.

«Они подарили нам как раз то, что нас устроит больше всего! — сказал он себе с довольной улыбкой. — Они оказали нам большую услугу!»

Неповоротливый, надутый важностью Торговый центр победил в первом раунде, несмотря ни на что.

Он встал и пошел к двери, но вдруг остановился и обернулся к туземцу.

— Возможно, друг, — сказал он, — тебе выпал счастливый жребий.

Старик его не услышал.

— Как он? — спросил Гедеон, ожидавший у двери.

— Умер, — ответил Шеридан. — Ты не займешь-

ся похоронами?

— Само собой, — сказал Гедеон. — Дадите мне материалы об их обычаях? Надо установить, какие у них погребальные обряды.

— Но прежде сделай кое-что для меня.

— Только скажите, Стив.

— Знаешь Товия, курьера Торгового центра? Отыщи его и присмотри, чтобы он не улетел.

— Можете быть спокойны! — Гедеон ухмыльнулся.

— Спасибо, — отозвался Шеридан.

По пути к своей палатке он прошел мимо кораблика курьера. Скоростная машина! Только приборная доска и кресло, присобаченные к мощнейшему двигателю.

На таком космолете можно ставить рекорды, подумал он.

У самой палатки он встретил Езекию.

— Пойдем со мной, — сказал он. — У меня есть для тебя задание.

В палатке он опустился в кресло и взял лист бумаги.

— Езекия! — приказал он. — Поройся в инструментарии и отыщи самый лучший сменник-дипломат, какой только у нас есть.

— Я знаю, где он лежит, сэр, — ответил Езекия,

перебирая ящички.

Он достал искомый сменник и положил на стол.

— Езекия, — сказал Шеридан, — слушай меня внимательно. Запомни все до единого слова.

— Сэр, — обиженно проворчал Езекия, — я всегда слушаю внимательно.

— Знаю, знаю. Я тебе верю и полагаюсь на тебя абсолютно. Вот почему я отправляю тебя в Центр.

— В Центр, сэр? Да вы шутите! Как же я полечу, сэр? А кто будет обслуживать вас? Кто будет следить, чтобы вы…

— Как-нибудь продержусь. Ты же вернешься. И у меня остается Наполеон.

— Но я не хочу лететь, сэр!

— Езекия, мне нужен кто-то, кому я доверяю. Вставим тебе сменник и…

— Но на полет же недели уйдут, сэр!

— Нет, если ты воспользуешься корабликом курьера. Отправишься вместо него. Я напишу тебе доверенность, чтобы ты мог выступать от моего имени. Я как бы сам буду присутствовать.

— Но есть же Авраам. И Гедеон. Да пошлите любого другого.

— Кроме тебя, некого, Езекия. Ты мой самый

старый друг.

— Сэр, — сказал Езекия, вытягиваясь в струнку, — что я должен буду делать?

— Ты доложишь Центру, что Гарсон-IV теперь необитаем. Ты скажешь, что ввиду этого обстоятельства я вступаю во владение планетой от имени Торгового центра. Ты скажешь им, что мне потребуется подкрепление, и немедленно, так как не исключено, что «Галактическая компания» попытается отобрать ее у нас. Пусть пришлют прицеп, нагруженный роботами для обороны и колонизации. И еще прицеп с сельскохозяйственными машинами и орудиями, чтобы мы могли немедленно приступить к обработке полей. И все подары, какие им удастся наскрести. И, Езекия, еще одно…

— Слушаю, сэр.

— Эти роботы. Пусть перед погрузкой их деактивизируют и разберут. Так их в прицеп больше поместится. А мы соберем их тут.

— Скажу, сэр, — ответил Езекия с содроганием.

— Мне очень жаль, Езекия, но сказать ты должен.

— Ничего, сэр.

Шеридан дописал доверенность.

— Скажи Центру, что со временем мы превра-

тим всю планету в одну огромную плантацию подаров. Но им не следует терять ни минуты. Никаких комиссий, никаких заседаний правления, никакого хождения вокруг да около. Наступай им на хвост с утра и до вечера.

— Я не дам им ни минуты покоя, сэр, — заверил его Езекия.

6

Курьерский кораблик скрылся вдали. Как Шеридан ни напрягал зрение, он его уже не видел.

«Старина Езекия свою задачу выполнит, — думал он. — Центр и через месяц не оправится от его натиска».

Он наклонил голову и потер занывшую шею, а потом обернулся к Гедеону и Эбенезеру.

— Можете слезть с него!

Они, ухмыляясь, поднялись с распростертого на земле Товия. Тот вскочил вне себя от ярости.

— Вам это так не пройдет! — заявил он Шеридану.

— Я знаю, ты мне готов печенку выгрызть, — ответил Шеридан.

— Что дальше? — спросил Авраам, подходя к ним.

— Ну, — ответил Шеридан, — думаю, мы станем

сборщиками урожая.

— Сборщиками?

— Туземцы наверняка выкопали не все подары. А нам необходимо найти хоть сколько-нибудь, чтобы высадить на семена.

— Но мы же все физики, инженеры, химики и тому подобное. Не потребуете же вы, чтобы такие высококвалифицированные специалисты…

— Это дело поправимое, — ответил Шеридан. — Думается, сменники космовиков никуда не делись. Они сойдут, пока Центр не пришлет сельскохозяйственного набора.

Товий выступил вперед и встал рядом с Авраамом.

— Раз уж я должен оставаться тут, то требую, чтобы меня использовали! Не в натуре робота бездельничать…

Шеридан похлопал себя по карманам и нащупал твердую выпуклость — сменник, который он извлек из Езекии.

— Думается, — сказал он Товию, — у меня для тебя есть именно то, что требуется.

У меня нет головы, мои глаза висят в воздухе
Перевод Г. Корчагина

Его звали Чарли Тьерни, но у него больше нет имени. Он был человеком, но и это уже дело прошлое.

Теперь он нечто иное, сшитое на живую нитку. Теперь у него ни головы, ни рук, и глаза на стебельках покачиваются над пробуждающимся туловищем.

Будучи Чарли Тьерни, он имел только две заслуживающие упоминания черты: алчность и нелюдимость. Алчен был без преувеличения патологически — каждый его поступок отравлен этим ядом. Нелюдим — и в детстве, и в зрелости. Но все свои одинокие годы он провел в космосе, не имея ни малейшего шанса открыть, что его корыстность — врожденная болезнь.

А сейчас он одинок, как никогда прежде… но совсем не алчен. Алчность — человеческое качество, а он более не человек. Но одиночество никуда не делось, ведь другого такого, как он, не сыщется во Вселенной.

Тьерни сидит, поглощая солнечный свет, и вспоминает.

Я победил!

Сколько лет я прозябал, сколько лет глотал звездную пыль, сколько лет согревал себя надеждой — и вот наконец я здесь, на моей собственной планете, спускаюсь с холма. Да, планета — моя, весть о ее открытии уже летит в эфире, осталось только оформить заявку. Овчинка стоит выделки: это не бросовый метановый или углекислотный мир, здешний воздух — не кисель, им можно дышать. И есть где разгуляться. Тут и горы, и равнины, и растительность, и чистые реки, и не слишком обширный океан. А самое главное — в избытке рабочая сила: не обремененные интеллектом туземцы при надлежащем руководстве обустроят этот мир для меня. Конечно, придется повозиться, но я сумею запрячь их в хомут — миндальничать уж точно не стану.

Похоже, я малость нетрезв. Ну так и неудивительно. Пока общался на вершине холма с тупыми дикарями, вылакал столько местного пойла, что впору бы вырубиться. Но слишком уж много было на моем веку грязных кабаков на космических стоянках, слишком много алкогольных — и не только алкогольных — интоксикаций,

чтобы сейчас свалиться от какой-то сомнительной бурды. Когда возвращаешься из долгого и многотрудного поиска с пустыми руками и застарелой головной болью, будешь хлестать все без разбору, лишь бы забыться. А мне того, что нужно забыть, всегда хватало с лихвой.

Но все мои беды миновали. Очень скоро я буду купаться в деньгах. Главный приз — эти туземцы. И ведь с них нисколько не убудет, они даже не заметят перемен. Они для того и появились на свет, чтобы вкалывать на дядю Чарли. Глядишь, им даже понравятся новые порядки.

Сколько понадобилось терпения, сколько ушло времени на изучение этих тупиц — я в жизни так не корпел, — но теперь их натура разгадана, и я убежден, что смогу держать их в повиновении. У них имеется культура, если это можно так назвать. Наличествует и какой-никакой умишко — прикажешь пойти туда-то и сделать то-то, туземец пойдет и сделает. Пока я разбирался с этими олухами, они поверили, что лучшего друга у них еще не бывало и для такого славного парня надобно расстараться. Они сами зазвали меня в гости. Принесли на холм еду, которая не лезла мне в глотку, и питье, которое шло чуток полегче. И у нас была застольная беседа — дружеская,

солидная и обстоятельная.

Теперь эти дурачки у меня в кулаке.

Ох и дикий же видок у них! Впрочем, где найти инопланетянина, который бы выглядел не дико?

У здешних средний рост примерно четыре фута, и есть в них что-то от омаров. Должно быть, тут эволюционировали ракообразные, как на Земле — приматы. Конечно, туземцы далеко ушли в развитии от панцероносного предка, но все же сходство бросается в глаза. Живут они в норах, и куда ни пойди, обязательно встретишь деревню — большое скопление этих нор. Ну, мне это только на руку — чтобы выжать из планеты все соки, нужно иметь вдоволь рабочей силы. Ввозить трудяг или машины — дело заведомо убыточное.

И вот я спускаюсь с холма: ноги заплетаются, зато душа поет. Аккурат через долину ясно виден в лунном свете мой корабль. Утром взлечу — нужно оформить права на планету и встретиться кое с кем из знакомых дельцов, чтобы начать добычу ресурсов. Больше не придется мотаться по неизученному космосу, выпрашивать ссуду на очередную экспедицию, ютиться в ночлежках на крошечных планетарных аванпостах, глушить мозги дрянным пойлом и тешиться с неряшливыми шлюхами. Отныне для меня — только самое

лучшее! Я сорвал куш, о котором мечтают все искатели планет! Я взлетел из грязи в князи! Ах, какой же это восторг — заполучить абсолютно девственную планету, битком набитую сокровищами и населенную наивными туземцами, готовыми вкалывать на меня!

Впереди каменная осыпь. Нужно было ее просто обогнуть, и будь я в ясном уме, наверняка бы так и поступил. Но я сильно захмелел от местного горячительного — и от счастья. Да и как не захмелеть, ведь мне несказанно повезло: то, за чем я охотился всю жизнь, наконец-то в моих руках!

Пожалуй, выиграю маленько времени, если двинусь по осыпи напрямик. Выглядит она неопасно. Это просто слой щебня — века назад от крутой скалы у вершины холма отвалился изрядный кусок и сполз, раздробившись на большие и малые камни. Они лежат себе и не выказывают намерения двигаться дальше; из крупных многие успели врасти в землю.

Помнится, сделав первые шаги, я подумал: все же нужна осторожность, а то, чего доброго, случится камнепад. Но повторюсь: осыпь выглядела вполне безобидно, да и соображалось мне неважнецки.

Переход давался потруднее, чем я ожидал. Но

мало-помалу я продвигался, стараясь не сорваться и не сломать шею. Нужно было тщательно выбирать, куда поставить ногу, и это занятие не позволяло глазеть по сторонам.

Внезапно где-то выше по склону раздался скрежет. Я резко обернулся; из-под ступни вывернулся камень, я рухнул на колени и увидел, как прямиком на меня покатились глыбы — поначалу медленно, будто неохотно, но с каждым мигом все решительнее и целеустремленнее, сталкиваясь и громоздясь друг на дружку. Я закричал от ужаса. Не помню, что выкрикивал — должно быть, просто вопил благим матом. Отбежать в сторону уже не успел бы, но попытался. Для этого необходимо было встать, и почти получилось, но тут опять из-под ноги выскочил обломок, и опять я упал. А каменюки уже совсем близко, они набирают скорость, налетают на лежащих собратьев и высоко взмывают, и вся осыпь надо мной, потревоженная сорвавшимися глыбами, пришла в движение, как будто эти куски горной породы вдруг обрели жизнь.

За мгновение до того, как до меня добралась первая каменюка, я увидел мельтешащие у вершины холма темные фигурки и подумал: «Чертовы омары!»

Не прекращая орать, я выпростал руки навстречу камнепаду в отчаянной и абсурдной попытке остановить его.

Камни обрушились на меня и убили. Растерзали плоть, размозжили кости. Проломили грудную клетку, раскололи череп. Кровавые брызги разлетелись и запятнали щебень. Лопнул мочевой пузырь, разорвались кишки.

Но похоже, уничтожен я был не целиком. Пребывая во мгле, я понимал, что погиб под камнепадом. И тем не менее что-то осталось от меня; кровавыми ногтями оно цеплялось за само это понимание.

Кажется, поначалу я даже не пытался угадать, что со мной происходит. Достаточно было того, что я существую. Во мраке, в пустоте, в небытии — я есть, я не мертв!

Но можно ли это назвать жизнью? Забыто все, что я знал.

Я начал с того, что осталось. С крохотного червячка сознания. Постарался успокоиться, но покой оказался недостижим. Непонятно, почему я волновался. Волновался бесцельно. Только потому, что хотел существовать, держаться за бытие размозженными пальцами. Неистово корчащийся червячок — слепой, ничего не понимающий…

Спустя некоторое время напряжение отчасти спало и я обрел способность размышлять. Причем это были не простые коротенькие мысли, а длинные и хитро закрученные; следовать им сквозь хаос деформированного сознания было куда труднее, чем держаться одними ногтями за существование. И что страшнее всего, я — или то жалкое, что от меня осталось, — еще даже не понимал, ответа на какой вопрос ищу столь мучительно.

На смену раздумьям пришло изумление — спокойное, жесткое, пугающее, оно расстелилось вдаль и вширь. Изумление спросило меня: а может, это загробная жизнь? Может, и впрямь душа бессмертна? И вот что происходит с ней, когда умирает тело? Человек надеется, что это не так. Страстно желает, чтобы этого не случилось. Отчаянно боится попасть в когти к вечной жизни, такой мрачной, пустой и холодной.

Я не искал ответа, не гадал, не строил версий; то жалкое, что от меня осталось, было заполнено одним лишь изумлением — безнадежным, бесполезным, не крепнувшим и не слабевшим, но простиравшимся незапятнанным полотном в самое вечность.

А потом изумление сошло на нет. Как и тьма.

Вернулись свет и ясность рассудка. Я не только осознавал настоящее, но и помнил прошлое. Как будто кто-то, перекинув тумблер или нажав кнопку, включил меня.

Я был человеком (и мне известно, что такое человек), но больше им не являюсь. Не являюсь с того момента, когда невидимый оператор сдвинул рубильник. Понять этот факт несложно: у меня нет головы, мои глаза висят в воздухе, и это очень необычные глаза. Их взор не в одну сторону направлен, он охватывает все вокруг и ничего не упускает. Где-то между глазами и мной — слух, нюх и вкус, и еще множество способностей восприятия, которых прежде не было: теплоулавливание, магнитная индикация, обнаружение живых организмов.

Я обнаружил скопление организмов, довольно крупное и подвижное. Это были омары, и они разбегались по своим норам, точно напуганные кролики: миг — и я совершенно перестал их ощущать, они отгородились толщей земли от моих «органов чувств». Но зато я теперь воспринимал больше тысячи других форм жизни, причем самых разнообразных. И я знал: в глубине моего «мозга» все эти организмы — деревья и травы, насекомые (вернее, их местные эквиваленты),

вирусы и бактерии каталогизированы самым дотошным образом, что позволяет без малейших усилий идентифицировать любое встреченное существо.

Я догадался, что мой «мозг» прячется где-то в «животе». Да и где же еще ему быть, если головы нет и в помине? Живот — не самое подходящее место для мозга… хотя это как посмотреть. В животе мозг защищен, а болтаясь в воздухе, он бы подвергался бесчисленным опасностям.

Итак, у меня отсутствует голова, а мозг находится в середке туловища, которое имеет овальную форму, наподобие яйца, и твердый покров. Есть и ноги, причем добрая сотня; правда, они мелкие, как у гусеницы. Очень скоро я выяснил, что глаза не сами по себе висят, а держатся на гибких стебельках, которые, если не ошибаюсь, называются сяжками. И эти сяжки — не просто подставки для глаз, но еще и уши, причем куда чувствительнее моих прежних, человечьих. А также органы обоняния, вкуса, теплоосязания, определения жизненных функций, магнитоулавливания и всего такого прочего, в чем я еще не разобрался. Жуть берет при мысли, сколько средств восприятия упаковано в эти сяжки. Впрочем, чего бояться? Рано или поздно освою их все,

и с таким богатым арсеналом попробуй поймай меня! Пожалуй, им даже стоит гордиться.

Я понял, что нахожусь на вершине холма — на той самой вершине, где кутил с омарами. А вот как давно кутил — не узнать. Осталась зола — они торжественно развели костер с помощью лучкового веретена, и я в этот процесс не вмешивался: ни к чему туземцам знать, что я могу поджечь хворост, крутанув пальцем колесико зажигалки. Помнится, мне даже удалось изобразить зависть: ловко же вы, ребята, управляетесь со своей снастью. Сейчас кострище выглядит старым, зола сплошь в ямках от дождевых капель.

А вот и мой корабль — сразу же за долиной. Вскоре после попойки я бы добрался до него и улетел. Оформил бы все необходимые документы, чтобы владеть планетой на платной основе. Как было бы здорово, не угоди я по дороге под камнепад и не утрать свою человечность… Забавно: пока ее не утратишь, тебе даже в голову не придет спросить себя, что есть человек.

Перестав им быть, я, похоже, малость струхнул. А может, и не малость — ко всем этим нечеловеческим способностям, которыми я обзавелся, еще надо было привыкнуть. Не без усилий я внушил себе, что по сути остался человеком — хотя,

конечно же, это было стопроцентной ложью. И я с тоской глядел через долину на корабль. Вот доберусь до него, и он меня защитит…

От чего защитит? Я погиб, но я не мертв. Впору плясать от радости, но что-то мне совсем не весело.

Я увидел, как из норы высунул голову омар. Не только увидел, но и услышал, и определил его жизненные функции, и замерил температуру. И предположил, что смогу получить от него ответ на мучивший меня вопрос.

— Что происходит? — обратился к нему я. — Что со мной случилось?

— Ничего уже не исправить, — сказал он. — Прими наши искренние соболезнования. Но не волнуйся, с тобой теперь все в порядке. Мы очень-очень старались, но ты был так неудачно собран…

— Неудачно собран! — вскричал я и кинулся к омару, а он так шустро скрылся в подземном лабиринте, что весь мой чувственный инструментарий оказался бесполезен.

И тут на мое сознание обрушились два факта.

Я говорил с омаром, и он отвечал, и мы друг друга понимали, а ведь ночью у костра едва удалось наладить общение на уровне жестов и морфем. И

если я правильно понял, меня «собрали» заново его сородичи — это благодаря стараниям омаров я стал вот таким. Безумие, бред, абсурд! Какие-то убогие раки — и такая архисложная работа?! Они же в норах ютятся, как наши сурки, и огонь добывают трением! Даже приличное пойло делать не наловчились! Чтобы орда таких примитивных существ умела возвращать покойников к жизни, да еще и создавать для них новые тела — в это просто невозможно поверить.

Но именно это и произошло. Никаких иных обладателей разума на планете нет.

А раз омарам удалось сделать меня гусеницей, то они, конечно же, способны вернуть мне прежний облик. Наверняка туземцы поднаторели в биоинженерии, научились выращивать культуры ткани и делать многое другое, о чем я не имею представления. Если догадка верна, я добьюсь, чтобы эти мелкие ползучие твари превратили меня в человека.

Но что, если это розыгрыш? Богом клянусь: коли выяснится, что так и есть, негодяи дорого заплатят! Вернусь в прежний облик — хвосты им всем оторву! Я ведь тоже шутки шутить умею.

Итак, меня откопали и воссоздали в другой форме. Наверняка очень мало осталось от моего тела

после того, как по нему прокатилась каменная лавина. Должно быть, омары располагали только куском мозга и прирастить к нему все остальное было совсем не просто. Я им, конечно, премного обязан, но вот какая штука: что-то не ощущаю я особой благодарности. Они же мне создали кучу проблем! Пусть я по-прежнему чувствую себя человеком, пусть могу совершать свойственные человеку поступки, но выгляжу-то совершенно не по-человечески. Нигде в Галактике человеком меня не призна́ют. Разве что какой-нибудь интеллектуал умозрительно допустит мою принадлежность к роду людскому, но большинство сочтет всего лишь забавным капризом природы.

Конечно, я не пропаду. Такая богатая планета никому бы не дала пропасть. С деньжищами, которые я из нее выкачаю, где угодно смогу устроиться, как в раю.

Я зря опасался, что путь до корабля будет нелегок. По камням мелкие лапки несли меня быстрее, чем раньше человеческие ноги. Даже просто по неровной земле я не хаживал так резво. Вопреки ожиданиям, не пришлось сосредоточиваться на том, чтобы ряды лапок работали слаженно — я словно с рождения не передвигался иначе как по-гусеничьи.

Глаза — это тоже нечто. Я видел все кругом, да еще и сверху. Оказывается, в бытность мою приматом я всегда будто в туннель смотрел, то есть был слеп больше чем наполовину. Имей я тогда такое вот объемное зрение, наверное, постоянно пребывал бы в дезориентации и растерянности.

Изменилось не только мое тело, но и сенсорная система. Множество сенсорных центров находилось в глазных стебельках; с некоторыми я уже разобрался, но о предназначении уймы прочих мог пока лишь догадываться, и некоторые из них сбивали меня с толку, поскольку воспринимали информацию, к которой человеческие чувства всегда были глухи. Многое из воспринимаемого было для меня в диковинку, иным вещам я даже названия не смог бы подобрать. При этом, что любопытно, ни одно из новообретенных чувств не перегружалось, — похоже, они работали самым естественным образом, давая целостную картину всего, что меня окружало. Я постоянно сознавал с потрясающей четкостью все происходящее в моей среде обитания.

И вот я добрался до корабля. Лестница не понадобилась, достаточно было принять вертикальное положение и вскарабкаться по гладкому металлическому борту; я это сделал, даже не

успев задаться вопросом, справлюсь ли. Только теперь обнаружилось, что на гусеничьих подошвах имеются круглые присоски. Интересно, сколько еще благоприобретенных качеств я открою, только когда в них возникнет надобность?

На мое счастье, я не запер люк, покидая корабль, — решил, что не найдется на планете существа, способного проникнуть внутрь. Если бы запер, ключ лежал бы сейчас на склоне холма, погребенный под камнями. Достаточно нажать, и дверь люка откинется. Протягиваю руку…

…и ничего не происходит. Нет у меня рук!

И я в полнейшей оторопи замираю, повиснув на борту. Мне холодно. И мутит. Я лишился не только рук с ладонями и пальцами — лишился человеческого тела. Осознание случившегося — как жестокий удар в лицо… Так ведь и лица у меня нет.

От этой мысли съежились внутренности, костный мозг будто в воду превратился. По телу растеклась горечь, как при разливе желчи.

Я прильнул к металлической тверди, прижался к тому последнему, что еще имело какой-то смысл в моей жизни. Из ниоткуда налетал студеный ветер, овевал меня, продувал насквозь, стонал… Доигрался, подумал я. Что может быть

хуже существования без органов-инструментов? А ведь я даже пожалеть себя не могу — нет у моей новой психики такого избыточного свойства, как жалость.

Мысли о жалости разозлили меня. Вернее, мысли о том, что кто-то способен меня пожалеть. Чужого сочувствия я сроду не переносил.

«Мерзкие раки! — подумал я. — Глупые портачи! Дикари смрадные! Дать мне такие тонкие чувства, такие ловкие ноги, такое совершенное туловище — и забыть про руки! Как я, по-вашему, смогу без них обойтись?»

Я по-прежнему висел неподвижно, но холод и дурнота, а теперь еще и злость не помешали понять, что не было никакой ошибки. Туземцы не портачи и не дикари. Они умны; они просчитывают свои ходы. Меня специально оставили без рук, чтобы я не смог ничего предпринять.

Беспомощный калека, я навсегда прикован к этой планете.

Рухнули грандиозные планы. Мне не выбраться отсюда, не сообщить никому об открытии нового мира, и ничто не помешает омарам до скончания века прозябать в своих грязных норах.

И это означает, что мои планы были раскрыты или по крайней мере разгаданы. Пока я изучал

туземцев, они изучили меня — до миллиметра, как под микроскопом. Досконально поняли, что я собой представляю и как намерен поступить, — и приняли эффективные меры противодействия. Камнепад — не случайность. Я же помню, что заметил темные силуэты на холме, когда зашевелились обломки. Меня прикончили, и как бы ни был досаден сей факт, я понимаю логику такого деяния. Убив опасного чужака, туземцы решили свою проблему. Непонятно другое: почему они не удовлетворились этим? Зачем понадобилось выкапывать из-под завала кусок мозга и воскрешать меня?

Я прикидывал возможные последствия, и во мне клокотал гнев. Мало им было расправиться, они решили поразвлечься — сделали из меня игрушку. И забавляться будут издалека, с безопасного расстояния. Хотя чем я могу быть для них опасен, без рук-то? Даже не вообразить. Но все равно я им не спущу этого издевательства, Богом клянусь!

Надо как-то проникнуть на корабль и улететь туда, где я найду человека или другое существо, обладающее руками или подобиями рук, и договориться с ним, и тогда вонючие омары поплатятся! Будут вкалывать на меня, пока не сдохнут.

Я согнул глазной стебелек и надавил им на крышку, но он оказался слишком мягок. Тогда я сложил его вдвое и повторил попытку, и крышка поддалась — но лишь самую малость. Снова и снова я давил, и крышка медленно уходила вглубь, и вот наконец она открыта! «Что, съели?! — возликовал я. — Эй, вы, рачки-дурачки, я еще вернусь! Хоть в середку планеты заройтесь, все равно выковырну! Я никому не спускал обид и вам не спущу!»

Я переместился к люку и совершил неприятное открытие. Великовато мое новое тело — ненамного, но все же не пролезть. Я давил и толкал, корчился и изворачивался — абсолютно без толку.

И это учли, подумал я. Все до мелочей продумали, ничего не упустили. Измерили люк и сделали меня хоть и самую чуточку, но пошире. Небось у себя в норах со смеху покатываются. Еще посмотрим, кто будет смеяться последним…

Но не об этом надо думать сейчас, когда мне совсем не до смеха. Я не могу преодолеть люк и улететь. У меня ни рук, ни головы, а раз нет головы, то нет и рта. Как можно есть, не имея ротового отверстия? Неужели меня обрекли не только на пожизненный плен, но и на голодную смерть?

Я решил спуститься на землю. Меня так трясло от страха и злости, что я двигался с излишней осторожностью — совсем не хотелось сорваться и разбиться.

Справившись с этой задачей, я скорчился возле корабля и постарался разложить события по полочкам, чтобы как можно точнее оценить ситуацию.

Итак, я теперь не человек. То есть человек по умственному складу, но уж точно не по телесному. Я пленник этой планеты, мне не вернуться в родную цивилизацию. Даже если каким-то чудом вернусь, многие прежние удовольствия будут мне недоступны. Девчонка в постели, стейк, выпивка… Чего ждать от моих соплеменников, от людей, кроме смеха или страха? Еще неизвестно, что хуже…

А омары? Я их «цивилизацию» ставил ничуть не выше колонии луговых собачек или пивной тарелки. И вдруг оказывается, что они способны на чудеса — вырастили живое существо из кусочка моего мозга. Туземцы ничем не выдали, что обладают такими потрясающими знаниями и навыками, они до последнего прикидывались скромняшками, обладающими какой-никакой разумностью, но недалеко ушед-

шими в культурном развитии. Тот самый случай, когда внешность обманчива. Несомненно, это цивилизация с передовой технологией, которая осталась непроницаемой тайной для моих психотестов. Все правильно, подобным расам следует помалкивать о своих возможностях. Какой же я наивный: строил выводы не на фактах, а на сведениях, полученных от туземцев.

Но если они обладают такими выдающимися возможностями, почему не пользуются ими? Что заставляет их прозябать в норах? Разжигать огонь трением? Что мешает строить города и прокладывать дороги? Или хотя бы вести себя цивилизованно, а не как примитивные дикари?

Ответ лежит на поверхности. Вести себя цивилизованно — все равно что ходить с мишенью на спине. Другое дело — прятать свои истинные цели под дурацким поведением. И тогда недруг недооценит тебя, подпустит на дистанцию удара и получит между глаз.

Возможно, здесь уже побывали охотники за планетами. Возможно, у коварных омаров было вдоволь времени, чтобы найти способы борьбы с нашим братом.

Вот чего я никак не могу понять: что им мешало избавиться от меня самым простым способом?

К чему все эти хитромудрые игры? Сумели же прикончить меня, так и оставили бы мертвым.

Я сидел на земле и разглядывал окружающий простор. Что ни говори, а находка отменная, не планета — мечта: вдоль рек с чистейшей водой — леса, где можно брать ценную древесину; за лесами — плодородные равнины; вон под теми холмами — месторождение серебряной руды… О черт! Откуда я знаю, что там лежит серебро?!

Этот вопрос поставил меня в тупик. По логике, не могу я знать наверняка, где и какие минералы прячутся, а могу только догадываться. Но ведь знаю! Не предполагаю, не надеюсь, а именно знаю. Разумеется, это благодаря моему новому телу — а сколько еще в него напихали подобных «приборов»? Когда разберусь с ними, смогу, взглянув на любой клочок земли, моментально определить, что и в каком количестве содержится в глубине. Ценнейшее приобретение — и горчайшее разочарование для того, кто не имеет рук, кто лишен возможности улететь с этой планеты.

Такие вот дела. Такие вот у здешних жителей игры-развлечения. Покажут малышу конфетку, а когда он протянет ручонки, чик! — и отхватят их по самые плечи.

Солнышко пригревало, и не было у меня ника-

кого желания шевелиться. Надо бы встряхнуться и что-нибудь предпринять… но что? Кончились мои предприятия. Может, позднее и начну искать путь к спасению, а сейчас хочется просто нежиться в солнечных лучах.

И тут до меня дошло! Открылось в свой черед, как открывались другие новообретенные способности, дивные знания и умения. Мне не нужен рот, достаточно впитывать кожей солнечную энергию. И не обязательно солнечную, просто она наиболее доступна. При необходимости я смогу брать энергию откуда угодно. Хоть из водяного потока. Могу высосать все до капли из дерева, опустошить травинку. Да хоть из земли добуду себе питание.

Просто и эффективно. Трудно придумать более надежный организм. Та ползучая вонючка, высунувшая из норы башку, высказалась насчет моего прежнего тела — мол, плохо собрано. Что ж, с этим не поспоришь. Человеческий организм не умудренными инженерами создавался, а эволюцией за миллионы лет, учась извлекать максимум пользы из того минимума ресурсов, что был в его распоряжении.

Я ощущал падающий на меня солнечный свет, и впитывал его, и все про него знал: звез-

ды изливают поток энергии, рождающийся в протон-протонном цикле, когда субатомные частицы стремительно переходят из одной формы в другую. Конечно, мне это было известно и раньше, в бытность мою человеком. Но тогда я просто получил однажды эти сведения и больше о них не вспоминал. Сейчас — совсем другое дело. Это не просто информация и даже не пища для интеллекта. Сейчас я осязаю энергию, вижу ее, осознаю. Без малейших усилий могу вообразить ядро атома водорода там, где оно подвергается воздействию мощнейших энергий и чудовищных давлений. Могу слушать шипение гамма-лучей и наблюдать стремительный разлет новорожденных нейтрино.

И не только звездные недра открыты теперь для меня. Моим чувствам под силу проникнуть в тайны растений, изучить любой микроб или иной крошечный организм в глубине почвы, уловить возникновение нового геологического процесса. Я не только ощущаю и осознаю все это — я во всем этом участвую; я с ним одно целое; я понимаю его лучше, чем оно понимало бы самое себя, будь у него такая возможность.

И тут вдруг меня сковал холод, превозмогший солнечное тепло. В заледеневшем мозгу почти

прекратились мысли.

Я больше не человек. Я думаю не по-человечески.

Мой разум, мыслительные процессы, чувства и представления претерпели чужое вмешательство. Я подвергся перестройке, и теперь это начинает сказываться. Не только тело обновилось — я весь, до последнего фибра души, стал иным. Тем, кем стать никогда не хотел. Тем, в кого еще ни один человек на свете не желал превратиться.

И ведь нашел о чем думать — о протон-протонном цикле! Сейчас другими мыслями должны быть заняты мозги, куда более важными: как пробраться на корабль, как нажиться на этой планете. Ведь из нее можно выкачать столько денег, что и за всю жизнь не потратишь. С другой стороны, на что мне теперь деньги? Уж точно не на выпивку и еду, не на модные тряпки и женщин… Кстати, о женщинах — как теперь быть с репродуктивным процессом? Найдется ли для меня пара, или я на всю Галактику один такой? Может, я двуполый? Сам способен выносить плод, или яйцо отложить, или споры выбросить? Что, если я бессмертный и в репродуцировании не нуждаюсь? Что, если другой такой совершенно

без надобности, нет для него тут места? Если выяснится, что так и есть, деньги для меня потеряют всякий смысл…

И я вдруг поймал себя на том, что размышляю о них без прежнего вожделения.

Ну так и черт с ними! Человеческий черт. Плевать я хотел и на деньги, и на омаров, и на то, что они со мной сделали, и на утраченную мною человечность. Почему бы не допустить, что все к лучшему: не получив такой организм, не смог бы я существовать на этой планете…

Я со всем душевным ожесточением сопротивлялся накатившему великому безразличию. «Что ж, вы неплохо поработали, — мысленно обратился я к подлым ракам. — Сбросили с доски опасную фигуру, избавились от потенциального эксплуататора, на которого иначе пришлось бы горбатиться до седьмого пота. И создали экспериментальную модель новой формы жизни… Вы же давно об этом мечтали, правда? Мечтали, но так и не рискнули попробовать с кем-нибудь из своих. Все ждали, когда к вам пожалует чужак. И теперь будете непрестанно наблюдать за мной, выявлять изъяны и просчеты, чтобы когда-нибудь создать усовершенствованный организм».

Конечно, никто не доносил до меня этот факт,

он просто лежал, совершенно голый, на поверхности моего сознания, словно был со мной с самого начала, — горькая правда о том, что я всего лишь экспериментальная модель.

У меня украли человечность, да так ловко, так скрытно, что я об этом не подозревал до самого конца, когда уже ничего не исправить. Взамен я получил великое безразличие — качество, которое они, должно быть, считают венцом своего творения…

Меня объяла паника, и я бросился на поиски — рылся в собственном разуме, как охотящийся на суслика пес. Надеялся, что где-то в глубине осталось что-то человеческое. Все глубже погружался в недра сознания, вынюхивал в нем тайники — и наконец нашел! На самом дне в кромешном мраке лежал жалкий клочок прежнего меня, такой знакомый, такой родной, — будь у меня руки, я бы сжал его в страстных объятьях и обрел с ним греховное утешение.

Я нашел ненависть.

Моя ненависть сильна, ее не так-то просто убить. Она не дала себя выкорчевать. Все еще цепко держится корнями.

Я все же обнял ее — мысленно — как старого друга, сжал, как привычное надежное оружие.

Мелькнула смутная догадка, что омары просто дали маху, — возможно, у них не существует такого явления, как ненависть, и тому, что они сделали со мной, было много причин, кроме одной-единственной — защититься от моей мести.

Значит, теперь у меня есть преимущество, о котором они даже не догадываются. Ненависть к омарам дает мне цель: я буду ждать, надеяться и планировать, и никакой срок не покажется слишком длинным, если в конце его свершится отмщение.

У меня отняли мое тело, мои устремления, почти всю мою человеческую сущность. Перекроили сознание, вложили в него другие понятия и представления. Перехитрили меня по всем статьям, кроме одной — той, по которой, сами о том не подозревая, они перехитрили сами себя. Возможно, они все-таки обнаружили во мне ненависть, но сочли ее пустяковым изъяном биохимии. Сказал же тот омар: я плохо собран. Но не так уж важно, ошибка это или недосмотр. Важно, что теперь их эксперимент обречен на провал.

Человек, в котором сохранилась толика ненависти, никогда не потеряет полностью связь с человеческим.

Я держался за свою ненависть и чувствовал,

как она остывает. Ледяная ненависть — самая сильная, самая надежная. Она ведет тебя, подстегивает, ни на миг не оставляя в покое. Жгучая ненависть быстро угаснет, а ледяная никуда не денется; она всегда в твоем сердце и во всех потрохах; она постоянно будоражит твой разум и заставляет сжиматься кулаки, даже когда некого бить.

Нет у меня кулаков, подумал я. Вообще нет рук. Я всего лишь покрытый броней овоид с дурацкими гусеничьими ножками и торчащими глазными стебельками.

И тут будто включился внутри меня биологический компьютер, и в сознание потекли данные обо мне — очень медленно, аккуратно, чтобы не ошеломить меня, не перегрузить.

Я узнал кое-что о руках.

Еще какое-то время я не смогу ими пользоваться. Но они уже есть, формируются под панцирем и в свое время выберутся на свободу. Случится это после линьки. И не только руками я обзаведусь — будут и другие придатки, и новые чувства, и дополнительные возможности; я уже смутно вижу их в тумане будущего. Насчет рук уверен только потому, что они мне не в диковинку. Руки у меня уже были, я знаю, как ими пользоваться.

Чего нельзя сказать о прочих ожидаемых новшествах. Но я и с ними разберусь, дайте только срок. Досконально изучу себя — опытный образец организма, тщательно сконструированного омарами с целью когда-нибудь самим обзавестись такими же превосходными телами.

Нет сомнений, что создать идеальное тело туземцы задумали давно. И они на славу поработали мозгами, все просчитали, учли все нюансы. А теперь я возьму их планы и расчеты, их светлые надежды и грязные комбинации — возьму да и запихну им же в глотку! Вот заполучу руки, новые чувства и бог знает что еще — и сразу же разберусь с негодяями.

Мне уже не вернуться в человеческий мир — к женщинам, деньгам, еде и выпивке. Но все это больше без надобности. Да если не кривить душой, по-настоящему я во всем этом и не нуждался никогда. Единственное, без чего не мог обойтись, и единственное, к чему у меня осталась тяга, — это чистая справедливость. Я должен поквитаться с теми, кто втоптал меня в грязь. Они еще проклянут тот день, когда вылупились из икры.

Я теперь не тот, что прежде, и я изменюсь еще больше. В конце концов у меня останется толь-

ко одно человеческое свойство. Но оно важное — нет для меня ничего важнее, — и оно дает мне небывалые силы.

Это свойство родилось в незапамятные времена. Безвестный примат, недавно обретший коварство, спасающее в джунглях получше когтей и зубов, однажды взъярился по какому-то поводу — и впервые не дал ярости сойти на нет, а лишь дал ей остыть, закрепиться в памяти, затаиться в душе; и терпеливо холил и лелеял ее; и ярость переросла в стойкую ненависть. Еще до того, как по земле зашагал австралопитек, у той злобной мелкой ветви приматов сформировалась тяга к мести. Свет еще не видывал столь опасных тварей.

Это свойство не подведет меня. Оно даст мне цель в жизни. А еще какое-никакое достоинство и самоуважение.

Биохимический компьютер вбросил в мозг новую порцию информации. Тысяча лет, сказал он. Тысяча лет до линьки. Тысяча лет ожидания.

Десять веков, тридцать человеческих поколений. Немалый срок. За тысячу лет успевали родиться и умереть империи, а еще через тысячу стиралась память о них. За тысячу лет я успею все досконально продумать, составить план, укре-

пить свою ненависть, открыть в себе и изучить все до единой способности, которые после линьки обязательно поднимутся на новый уровень.

Да, нужен безупречный план. Мне мало примитивной мести. Туземцев не ждет быстрая расправа, не будет им истязаний и убийств. Когда придет мой час, смерть станет для них наивысшим из благ, физическая пытка — мелким неудобством. И конечно, они не отделаются каторжным трудом — какой смысл эксплуатировать их, если они сами лишили меня потребности в ресурсах своей планеты? Останься у меня эта потребность, естественная человеческая алчность удержала бы мою карающую длань. Теперь же ничто не помешает мне обрушить ад на головы туземцев.

Я расквитаюсь с вами, негодяи. Тут мне в помощь холодный, трезвый, терпеливый расчет. Никакой ярости. Никакой спешки. И никакой милости! Милость — человеческая слабость, она нужна людям как противовес беспощадности; но нет во мне больше этого равновесия, осталась одна лишь ненависть.

Я еще не знаю, как свершится моя месть. Узнаю только после линьки, когда обрету новые возможности и определю их границы. Но в одном уверен уже сейчас: каждый туземец проживет

свой век в неизбывном ужасе. Напрасно будет он искать укрытие от моего террора. Каждый новый день принесет ему новые страсти, и ни на миг не расслабятся его нервы, и измученная душа, едва выбравшись из пяток, с истошным визгом умчится туда вдругорядь. Изредка он будет получать слабенькую надежду на избавление — и как же умножатся его страдания, когда эта надежда рухнет! А я, глядя, как он мечется в панике и нигде не находит спасения, и внемля его воплям ужаса, но не мольбам о пощаде, — я со всей гуманностью позабочусь о том, чтобы он подольше оставался жив и не терял способности страдать.

Конечно, не о каком-то конкретном туземце речь, а обо всем этом гнусном племени. Уж я возьму свое сполна, я не буду знать усталости! Ненависть моя ненасытна! Мечта о мести вдохнула в меня энергию. Теперь это цель всей моей жизни — вместо всех тех, что были безжалостно отняты. Последний клочок человеческой сущности, который мне удалось сберечь, и я ни за что не поступлюсь этим сокровищем.

Тысяча лет… Падут империи, изменятся технологии, религии примут новые формы, подвергнутся переоценке социальные устои, расцветут и увянут идеи, звезды чуть приблизятся к своей

смерти, фотон пролетит частичку пути через Галактику. Разум содрогнется, пытаясь осознать столь огромный срок.

Разум человека, но не мой. Меня не страшит тысячелетнее ожидание. Я изучу туземца, как бактерию под микроскопом. Выясню его жизненные цели, постигну его философию. Узнаю, как можно лишить его всего этого. И вместо того, что туземцу дорого и мило, он получит то, что будет вечно внушать ему ужас и отвращение. И каждая минута его страданий доставит мне несказанное счастье.

Я могу подождать. Спешить мне некуда.

Овеваемый прохладным и ласковым ветерком чужого мира, Чарли Тьерни лежит и поглощает солнечный свет. Он вспоминает разные события, мысленно воспроизводит их вновь и вновь, и от этого его ум с каждой минутой становится все острее. Он цепляется за последние крохи своей человечности, за ценнейший дар, полученный от предков-обезьян: тягу к убийству, к причинению страданий, к бесконечной мести.

Его спасение — в ненависти. Ненависть не позволит ему пасть духом, лучше любых пут или оков удержит от самогубительного буйства.

Омары, обитатели нор, учитывали это, когда

превращали землянина в гусеницу. Чарли Тьерни должен продержаться тысячу лет, чтобы они смогли убедиться в успехе эксперимента, в живучести своего творения. Но если не оставить ему ничего, кроме понимания своей абсолютной беспомощности и невозможности вернуться в мир людей, он, чего доброго, покончит с собой от отчаяния. Этого допустить нельзя, а значит, необходимо сделать так, чтобы жизнь Чарли обрела какой-то смысл.

И лабораторное животное получило игрушку, которая его успокоила. Чарли Тьерри пестует в себе ненависть и с патологической страстью мечтает отомстить проклятым туземцам. Благодаря этому он просуществует целое тысячелетие — пока не придет к своему финалу эволюционный эксперимент.

Откуда ж ему знать, что туземцы сами давным-давно научились терпению? Они дождались Чарли Тьерни, и уж конечно, они сумеют дождаться результатов своего опыта.

Прекрасно обойдясь без игрушек.

Мелкая дичь
Перевод В. Гольдича, И. Оганесовой

Уиллоу-Бенд, Висконсин,
23 июня 1966 года
Доктору Уаймену Джексону,
колледж Вайалусинга,
Маскода, Висконсин

Мой дорогой доктор Джексон!

Я пишу вам, поскольку не знаю больше никого, кому мог бы это рассказать и кто сумел бы понять. Мне известно ваше имя, потому что я несколько раз прочитал вашу книгу «Динозавры мелового периода». Я пытался убедить Денниса прочитать ее, но, боюсь, он так и не послушал меня. Денниса всегда интересовали лишь математические аспекты времени, а не машина времени сама по себе. К тому же Деннис не любит читать. Для него это слишком трудное дело.

Быть может, для начала следует рассказать вам, что меня зовут Элтон Джеймс. Я живу с моей овдовевшей матерью и имею мастерскую, где чиню велосипеды, газонокосилки, радиоприемники и

телевизоры — короче говоря, все, что мне приносят. Больше я ничего делать не умею, но так уж получилось, что я понимаю, как работают разные приборы и устройства, и сразу вижу, какую неполадку нужно устранить, чтобы они снова начали функционировать. Я никогда и нигде этому не учился, просто от природы наделен умением обращаться с механическими приспособлениями.

Деннис мой друг, но я сразу же должен предупредить, что он человек странный. Он вообще ничего ни о чем не знает, но совершенно помешан на математике. Люди в нашем городке посмеиваются над ним из-за его странностей, а ма ужасно меня ругает за нашу дружбу. Она утверждает, что Деннис ничем не отличается от деревенского дурачка. Боюсь, многие думают так же, как ма, но они не совсем правы, ведь Деннис здорово разбирается в своей математике.

Я не понимаю, как ему это удается. Я точно знаю, что он не мог научиться математике в школе. Когда ему исполнилось семнадцать и он не сумел продвинуться дальше восьмого класса, ему предложили уйти из школы. Впрочем, если честно, он и за восемь классов мало что узнал: учителям надоедало видеть его в одном и том же классе, и они переводили его в следующий. Время

от времени поговаривали о том, чтобы отправить Денниса в специальную школу, но эти разговоры так ничем и не закончились.

Только не спрашивайте меня, в математике какого рода он разбирается. В свое время я пытался читать математические книги, поскольку, взглянув на странные значки, которыми Деннис заполнял бумагу, я решил, что он разбирается в математике, как никто на свете. И я продолжаю так считать, но не исключено, что он изобрел какую-то совершенно новую математику. Дело в том, что ни в одной из книг мне не удалось найти символов, которые применял Деннис. Возможно, Деннис придумывал удобные для себя символы прямо по ходу дела, ведь никто не объяснял ему, чем пользуются обычные математики. Впрочем, я так не думаю: мне кажется, что обозначения пришли к Деннису вместе с новой математикой.

Прежде я пытался говорить с ним об этой математике, и всякий раз он ужасно удивлялся, что я ничего о ней не знаю. Мне кажется, он думал, что все люди владеют той математикой. Он постоянно повторял, что это просто и ясно, как день. Так уж устроен мир — и все.

Наверное, вы хотите спросить у меня, как мне удалось разобраться в его уравнениях настолько,

чтобы построить машину времени. Так вот, я в них и не разобрался. Вероятно, мы с Деннисом во многих отношениях похожи, но я умею заставить работать разные устройства (не зная принципов их действия), а Деннис видит Вселенную как нечто механическое (хотя с трудом может прочитать страницу обычного текста).

И еще одно. Наши с Деннисом родители жили в одном районе, и мы играли вместе с тех самых пор, как научились ходить. Позднее мы старались держаться друг друга. У нас не было выбора. Почему-то другие дети не хотели брать нас в свою компанию. И чтобы не остаться в полном одиночестве, мы подружились. Вот почему мы научились так хорошо друг друга понимать.

Наверное, никакой машины времени и не возникло бы, если бы я не заинтересовался палеонтологией. Не стану утверждать, что я стал настоящим специалистом, мне просто было интересно. В детстве я читал все подряд про динозавров, саблезубых тигров и подобных им существ. Позднее я отправился в горы, чтобы отыскать окаменелости, но мне никогда не удавалось найти что-нибудь действительно интересное. Главным образом мне попадались древние моллюски. Их очень много в известня-

ках Плэтвилла. Множество раз я стоял на улице, глядя на отвесные берега реки, начинавшиеся за городом, и пытался представить себе, как здесь все было миллион лет назад или сто миллионов. Как только я в первый раз прочитал про машину времени, мне сразу же захотелось ее иметь. Некоторое время я даже размышлял о том, чтобы ее построить, но очень скоро понял, что мне это не по силам.

Деннис имел обыкновение приходить ко мне в мастерскую поболтать, но в основном он разговаривал сам с собой. Теперь я уже не помню, как все началось, но в какой-то момент Деннис вдруг заговорил только о времени. Однажды он сказал мне, что ему удалось понять все, кроме времени, но теперь до него начинает доходить его смысл, и он видит время в черных и белых тонах, как и все остальное.

По большей части я не обращал внимания на то, что он болтает, поскольку не понимал смысла его слов. Но после того, как он в течение двух недель рассуждал только о времени, я начал к нему прислушиваться. Не ждите, что я расскажу вам о том, что говорил Деннис или что он имел в виду, — для этого следовало прожить с ним бок о бок более двадцати лет. Тут дело не в том, чтобы

понять, *что* Деннис говорил, — важно понимать *самого* Денниса.

Не думаю, что мы и впрямь принимали такое решение — построить машину времени. Идея проросла сама. Прошло несколько недель, прежде чем мы получили какие-то позитивные результаты — во всяком случае, Деннис назвал их именно так. Что касается меня, я ничего не понимал. Я лишь знал, что Деннис хочет, чтобы некое устройство работало определенным образом, и я пытался заставить его нам подчиниться. Иногда, даже в тех случаях, когда все срабатывало так, как он хотел, оказывалось, что мы ошиблись. Тогда мы начинали все с самого начала.

Наконец у нас появилась работающая модель машины времени, и мы взяли ее собой на высокий берег в нескольких милях вверх по реке, где всегда пустынно. Я соорудил таймер, который должен был включить машину на две минуты, а потом реверсировать поле и отправить ее обратно домой.

Мы установили кинокамеру внутри корпуса машины и включили ее, после чего я нажал на рубильник.

Честно говоря, я не был уверен, что машина сработает, но все получилось так, как мы рассчи-

тывали. На две минуты машина исчезла, а потом вернулась обратно к нам.

Когда мы проявили пленку, то сразу же поняли, что камера совершила путешествие в прошлое. Сначала камера сняла нас обоих возле машины. Затем изображение на несколько мгновений исчезло, а на следующих кадрах возник мастодонт, шагающий прямо на камеру. Через секунду он поднял хобот, затрубил, резко развернулся и помчался куда-то с поразительной быстротой.

Периодически он поворачивал голову назад. Вероятно, его ужасно напугала наша машина времени, которая неожиданно возникла перед ним.

Нам просто повезло, вот и все. Мы могли бы послать эту камеру еще тысячу раз, но так и не заснять мастодонта, а увидеть лишь пустынный берег реки. Впрочем, мы бы все равно узнали, что переместились во времени, ведь ландшафт изменился, хотя и не слишком сильно. Конечно, по ландшафту трудно определить, вернулся ты назад на сто лет или на тысячу. Но после того, как мы увидели мастодонта, мы поняли, что наша машина времени преодолела десять тысяч лет.

Я не стану докучать вам рассказом о том, как нам удалось решить множество проблем, возникших при изготовлении второй модели, или как

Деннис сумел изобрести счетчик времени, который позволял посылать машину в определенное время. Это не имеет значения. Важно то, что я обнаружил, когда вернулся в прошлое.

Я уже писал, что читал вашу книгу о динозаврах мелового периода. Мне понравилась вся книга, но более всего заинтриговала последняя глава, в которой говорилось о том, как динозавры вымерли. Множество раз я лежал по ночам без сна, размышляя о теориях, описанных вами в книге, и пытаясь представить себе, как это могло произойти на самом деле.

Вот почему я твердо знал, куда нам следует направиться, как только машина будет построена.

Деннис не стал со мной спорить. По правде говоря, он решил не сопровождать меня в прошлое. Его это больше не интересовало. На самом деле идея машины времени с самого начала его не слишком занимала. Он лишь хотел получить подтверждение своим математическим выкладкам. И как только машина была готова, он потерял к ней всяческий интерес.

Должен признаться, что меня беспокоило одно очень серьезное соображение: за такой огромный период времени поверхность земли могла подняться или, наоборот, слишком силь-

но опуститься. Я знал, что территории вокруг Уиллоу-Бенд оставались стабильными в течение миллионов лет. Во время мелового периода море вторглось на континент, но не добралось до Висконсина, и геологи утверждают, что никаких серьезных изменений рельефа в нашем штате не было. Однако я продолжал беспокоиться. Мне совсем не хотелось попасть в позднюю часть мелового периода и оказаться вместе с машиной внутри скалы или на высоте в дюжину футов над землей.

Поэтому я достал прочные стальные трубы и забил их на глубину шести футов на высоком берегу реки, на котором мы проводили испытания в первый раз, так что еще десять футов торчали над поверхностью земли. Наверху я соорудил платформу, где установил машину, и небольшую лестницу, а затем мы все рассчитали так, чтобы трубы также оказались в поле машины времени. Однажды утром я собрал себе завтрак и наполнил флягу водой. Отыскал старый бинокль, который принадлежал отцу, и стал размышлять о том, стоит ли брать с собой ружье. У меня был лишь дробовик, и я решил оставить его дома. Конечно, я мог бы одолжить ружье, но мне не хотелось. Я старался держать в тайне свое предприятие, и в

мои планы не входило, чтобы по нашему городку поползли слухи.

Я поднялся на высокий берег, взобрался на помост, установил счетчик времени на шестьдесят три миллиона лет назад и включил машину. Я не стал устраивать никаких церемоний. Просто включил машину и отправился в далекое прошлое.

Я уже писал о небольшом затемнении на пленке — наверное, это лучший способ описать мои ощущения. Перед глазами у меня потемнело, что-то сверкнуло. А потом вновь вспыхнул солнечный свет, и я оказался на высоком берегу, а передо мной расстилалась долина.

Вот только никакой реки больше не было, я находился на вершине высокого холма. Да и долина изменилась. Теперь вокруг раскинулась огромная зеленая равнина, и лишь довольно далеко в стороне лениво катила свои воды широкая река. На западе я увидел, как солнце отражается в воде большого озера или моря. Но море, насколько мне известно, не должно было продвинуться так далеко. Однако огромная масса воды добралась до Висконсина — я так и не выяснил, море это было или озеро.

И еще кое-что. Я посмотрел вниз и увидел, что

до земли всего три фута. Как я обрадовался, что не поленился установить трубы!

Оглядывая долину, я заметил какое-то движение, но на таком большом расстоянии не сумел понять, что это такое. Тогда я взял бинокль, соскочил на землю и зашагал вниз по склону.

Усевшись на землю, я устроился поудобнее, поднес к глазам бинокль и принялся изучать долину.

Там были динозавры, их оказалось гораздо больше, чем я предполагал. Они куда-то перемещались стадами. К моему удивлению, ни один из них даже не пытался что-нибудь съесть. Все находились в движении, и мне показалось, что динозавры чего-то боятся. Впрочем, сказал я себе, возможно, такое поведение для них характерно.

Все они находились довольно далеко, и даже в бинокль я мог разглядеть только некоторых из них. Я заметил несколько групп утконосов, которые шли вразвалочку, смешно подергивая головами. Рядом обнаружил небольшое стадо тесцелозавров — они шагали, наклонив вперед тело. Тут и там были маленькие группы трицератопсов. Но самым необычным мне показалось большое стадо бронтозавров, испуганно и осторожно бежавших прочь, словно у них болели

ноги. И еще меня удивило то, что они находились так далеко от воды, а в вашей книге я читал, что они никогда не удалялись от водопоя на значительные расстояния.

И еще здесь было полно существ, совсем не похожих на те, что я видел на картинках в книгах.

У меня появилось странное чувство. Неужели, размышлял я, мне довелось присутствовать при великой миграции, когда динозавры решили изменить место обитания?

Я так заинтересовался происходящим, что перестал соблюдать осторожность и совершил серьезную ошибку. Ведь я находился в другом мире, полном неизвестных опасностей. Мне следовало оставаться настороже, но я спокойно сидел, не отрываясь от бинокля, словно не покидал родного дома.

Неожиданно послышался тяжелый топот, который стремительно приближался ко мне сзади. У меня возникло ощущение, будто кто-то включил копер. Я уронил бинокль и обернулся, и в этот момент мимо меня, на расстоянии никак не больше трех футов, так близко, что едва меня не задело, пронеслось нечто большое и высокое. Я лишь понял, что оно было огромным, серым и чешуйчатым.

Затем, когда существо устремилось вниз по склону, я сумел его разглядеть как следует, и внутри у меня все похолодело. Меня только что чуть не раздавил самый крупный из этих парней — тираннозавр.

Две огромные задние ноги работали как пара мощных поршней, солнечный свет сверкал на кривых страшных когтях. Мощный хвост находился совсем близко от земли, но показался мне весьма подвижным. Чудовищная голова болталась из стороны в сторону, и я даже сумел разглядеть ряды огромных зубов и почувствовать слабый отвратительный запах — наверное, он недавно откушал падали. Но самым большим сюрпризом оказалась небольшая бородка, свисавшая под его челюстью и мерцавшая всеми цветами радуги — красное и зеленое, золотое и пурпурное, причем цвета менялись, когда он поворачивал голову.

Я наблюдал за ним не более секунды, а потом вскочил и устремился к машине времени. Меня охватил ужас. Должен признаться, я был сыт динозаврами до конца жизни.

Но мне не удалось добраться до машины.

На гребне холма появилось нечто новое. Я говорю «нечто», поскольку я не знал, с кем мне

пришлось столкнуться. Не такое большое, как тираннозавр, но в десять раз страшнее.

Оно было длинным и гибким, обладало множеством ног, возвышалось над землей футов на шесть и имело омерзительный розовый цвет. Представьте себе гусеницу и увеличивайте ее до тех пор, пока она не станет шести футов ростом, а затем приделайте ей длинные ноги, чтобы она могла бегать, а не ползать, и увенчайте это чудовищное создание посмертной маской дракона — быть может, вы получите отдаленное представление о существе, которое предстало моим глазам. Весьма отдаленное.

Страшилище увидело меня, повернуло в мою сторону голову и издало нетерпеливый скулящий звук, после чего побежало ко мне как-то боком — кажется, так бегают бешеные собаки.

Бросив на него один-единственный взгляд, я так быстро развернулся, что потерял кепку. В следующее мгновение я уже мчался вниз по склону вслед за стариной тираннозавром.

Теперь я видел, что не только мы с тираннозавром бежим по склону. Со всех сторон вниз неслись многочисленные существа, небольшими группами или стадами, хотя среди них попадались и одиночки.

К сожалению, не могу их назвать, поскольку в тот момент перестал быть свидетелем, достойным доверия. Я мчался, спасая собственную жизнь, словно меня по пятам преследовал лесной пожар.

Пару раз я оглянулся назад, но гибкое чудовище не отставало. Ему не удавалось сократить расстояние между нами, хотя меня не покидало ощущение, что ему ничего не стоит это сделать — нужно только захотеть. У меня даже сложилось впечатление, что диковинное существо преследовало не только меня. Оно как-то странно виляло из стороны в сторону и больше всего напоминало верного фермерского пса, загоняющего стадо в нужном направлении.

Как только эта мысль пришла мне в голову, я понял, что так и есть: верный старый пес загоняет стадо разных динозавров и одного невесть как попавшего сюда человека. У подножия холма я вновь обернулся, и теперь, когда мне удалось разглядеть весь склон, я увидел, что скота больше, чем я себе представлял. Весь холм был усеян фигурками бегущих животных, а за ними следовало полдюжины розовых собак.

Внезапно мне стало ясно, что с вершины холма я наблюдал вовсе не за миграцией динозавров.

Их куда-то загоняли, чья-то воля направляла всех этих рептилий и динозавров к какому-то центру.

Я понял, что смогу спастись только в том случае, если сумею каким-то образом остаться в стороне. А для этого мне требовалось найти укромное место и незаметно туда проскользнуть. Проблема заключалась в том, что спрятаться было негде. Дно долины было совершенно голым, здесь могла найти укрытие лишь крохотная мышка.

Впереди меня возвышался довольно высокий пригорок, и я ринулся в ту сторону. Силы мои иссякали. Дыхание с хрипом вырывалось из груди, в боку кололо, и я понимал, что смогу пробежать еще совсем немного.

Поднявшись на пригорок, я бросился бежать по противоположному склону. Прямо передо мной оказался ощетинившийся шипами куст высотой фута в три. Я был слишком близко от него и свернуть в сторону попросту не успевал, поэтому я сделал единственное, что мне оставалось, — перепрыгнул через него.

Но за кустом не оказалось твердой земли. Я угодил в дыру. Увидев опасность в самый последний момент, я попытался упасть на бок, но все равно провалился вниз.

Дыра оказалась лишь немногим больше меня

самого. В падении я заработал несколько синяков и наконец приземлился, сильно ударившись. У меня перехватило дыхание, и я согнулся, обхватив себя руками.

Постепенно дыхание восстановилось, боль утихла, и у меня появилась возможность осмотреться.

Дыра имела три фута в диаметре и футов семь в глубину. Она была слегка наклонена в сторону склона, и ее стенки оказались удивительно гладкими. Тоненькая струйка песка стекала вниз — результат моего падения. Неподалеку виднелось скопление небольших камней, самый крупный из них величиной с человеческую голову. Я смотрел на них и лениво размышлял, что однажды они свалятся в яму. Встряхнувшись, я отодвинулся в сторону, чтобы они не попали в меня, если надумают покатиться вниз.

Посмотрев вниз, я обнаружил, что не провалился в дыру, поскольку застрял в том месте, где стенки резко поворачивали в сторону.

Наверное, я не заметил этого в первый момент, но теперь обратил внимание на мускусный запах. Он был не слишком сильным и показался мне каким-то странным: животным, но не совсем.

Дыра с гладкими стенками и мускусный запах

— все понятно! Я провалился не в обычную дыру, а в чью-то нору. И эта нора наверняка принадлежит очень опасному животному, если оно сумело проделать такой широкий туннель.

Стоило мне об этом подумать, как снизу раздался какой-то шум: похоже, хозяин поднимался по туннелю вверх, чтобы выяснить, кто потревожил его покой.

Я не стал терять времени и решил выбраться из туннеля. Но тут же начал соскальзывать вниз. Ухватившись за верхнюю кромку, я попытался вылезти наружу, однако песчаная почва не давала опоры. Лишь упершись ногами в противоположную стену, я сумел остановить падение, но так и остался висеть, не в силах покинуть нору.

Между тем возня подо мной продолжалась. Хозяин норы быстро приближался ко мне.

Рядом со мной из стены торчало несколько камней. Протянув руку, я сумел расшатать и вытащить один из них. Камень оказался гораздо более тяжелым, чем я предполагал, и я с трудом удерживал его.

Из-за поворота вынырнуло рыло, щелкнули челюсти. Мне показалось, что раскрытая пасть занимает все пространство норы. Острые зубы были такими ужасными, что у меня перехватило

дыхание.

Я не думал и ничего не пытался планировать. Сквозь расставленные ноги я бросил камень прямо в разверстую пасть. Тяжелый снаряд пролетел четыре фута, провалился между зубами и скрылся в темной глотке. Послышался звук глухого удара, челюсти захлопнулись, и существо скрылось из виду.

До сих пор не знаю, как мне удалось выбраться из норы. Я цеплялся руками за гладкие стены, упирался ногами и в конце концов выкатился на голый склон холма.

Голый, если не считать куста с шипами длиной в дюйм. Я с разбегу перескочил через него перед тем, как упасть в нору. Другого укрытия вокруг не было, и я устроился возле куста, рассчитывая, что большая часть животных уже пробежала мимо. Я решил, что, если я здесь спрячусь, у меня есть шанс спастись. В противном случае один из псов меня найдет и заставит двигаться дальше.

Я не сомневался, что они пасут динозавров, но едва ли я мог рассчитывать, что они сумеют отличить меня от других животных. Я был живым, мог бегать — значит меня следует гнать вместе со всеми.

Правда, хозяин норы мог в любой момент

выбраться наружу, и тогда мне не сдобровать. Впрочем, я решил, что брошенный камень даст мне хотя бы несколько минут, ведь быстро вытащить такой булыжник из глотки совсем не просто.

Я сидел на карточках возле куста, и жаркое солнце припекало мне спину. Выглядывая между веток, я видел, как огромное множество животных движется по равнине. Розовые псы согнали их в огромный круг, снаружи которого бегали псы и кто-то еще — мне показалось, что это люди в крошечных машинах. Машины и люди были одного зеленовато-серого цвета, и я решил, что машина и человек составляют единый организм. Создавалось впечатление, будто люди не сидят в машинах, а вырастают из них. И хотя машины двигались довольно быстро, я не заметил колес. С такого расстояния ничего нельзя было сказать наверняка, но вроде бы они двигались прямо по земле, как улитки, причем по машинам проходила рябь, словно это были перемещающиеся мышцы.

Я сидел и наблюдал за ними. Только теперь у меня появилась возможность немного подумать и попытаться понять, что происходит. Мне удалось вернуться более чем на шестьдесят миллионов

лет назад, чтобы увидеть динозавров, — и мне сопутствовал успех, но обстоятельства нашей встречи оказались уж слишком необычными. Динозавры были именно такими, как я и предполагал. Они выглядели так, как в книгах, которые я читал, но собаки и люди-машины никак не вписывались в эту картину. Как они сюда попали?

Псы бегали взад и вперед, а люди-машины сновали рядом с ними, и всякий раз, когда какое-то животное выбегало из общей кучи, полдюжины псов и пара людей-машин перехватывали его и заставляли вернуться обратно.

Круг, в котором находились животные, был диаметром в милю или даже больше — огромное пространство, забитое испуганными динозаврами. Многие палеонтологи не знали, обладали ли динозавры голосами. Теперь я могу ответить на этот вопрос утвердительно. Они пронзительно визжали, ревели и крякали, а некоторые даже ухали — кажется, утконосы, но я не до конца в этом уверен.

Затем послышался другой звук, отчаянный рев, который доносился откуда-то с неба. Я быстро поднял голову и увидел, как они снижаются — около дюжины космических кораблей. Да, я в этом уверен, ничем другим они быть не могли.

Они спускались быстро и не показались мне большими, еще я заметил тонкое голубое пламя, которое окутывало их основания. Никаких клубов дыма и ревущего пламени, как у наших ракет, лишь тонкое синее мерцание.

С минуту мне казалось, что один из них сядет прямо мне на голову, но потом я сообразил, что место посадки находится далеко от меня. Так и оказалось: до кораблей было никак не меньше двух миль. Они приземлились так, что образовали большое кольцо, которое охватывало согнанных вместе динозавров.

Мне бы следовало догадаться, что должно произойти. Самое простое объяснение и к тому же самое логичное. Мне кажется, что мое подсознание уже знало ответ, но разум отталкивал его, как слишком простой и обыденный.

Из бортов выдвинулись узкие дула, и пурпурное пламя выплеснулось на несчастных динозавров. Животные падали на землю, превратившись в ревущую, визжащую массу. Тонкие струйки пара поднимались над дулами орудий, а в центре круга лежали тысячи убитых динозавров.

Рассказать об этой бойне совсем нетрудно, но наблюдать за ней… Я скорчился за кустом, к горлу подкатила тошнота, и мне стало по-настоящему

страшно, когда на смену реву и визгу пришла полнейшая тишина. И я был потрясен — но не страшной картиной, которая развернулась передо мной, а мыслью о том, что нечто подобное может прийти на нашу Землю.

У меня не было ни малейших сомнений, что они явились из космоса. И дело было не только в космических кораблях, но прежде всего в розовых собаках и серо-зеленых людях-машинах, которые не были машинами и людьми, а представляли собой единый организм, — нет, такие существа не могли родиться на нашей Земле.

Я выполз из-за куста, стараясь не разгибать спины. Оставалось рассчитывать, что куст прикроет меня от чужих существ, находившихся в долине, и мне удастся добраться до вершины холма. Один из псов посмотрел в мою сторону, и я замер на месте. К счастью, он вскоре отвернулся.

Я начал поспешное отступление к машине времени. Однако на середине склона я не выдержал и обернулся.

Никогда не забыть мне того, что я тогда увидел!

Псы и люди-машины копошились среди тел мертвых динозавров, некоторые машины уже ползли к кораблям, успевшим спустить трапы.

Машины двигались медленно, поскольку были тяжело нагружены освежеванными тушами.

С неба вновь донесся шум, я посмотрел вверх и увидел, что спускаются новые корабли — маленькие грузовые суда, которые поднимут груз свежего мяса на большой корабль, ждущий где-то на орбите.

Тогда я развернулся и побежал.

Взобравшись на вершину холма, я сразу же влез на сиденье машины времени, установил отметку счетчика времени и отправился домой. Я даже не стал искать свой бинокль.

Теперь, когда я вернулся домой, у меня пропало всякое желание отправляться в прошлое. Никогда больше я не стану пользоваться машиной времени. Честно говоря, я боюсь того, что могу обнаружить в любом другом месте. Если колледж Вайалусинга нуждается в нашем устройстве, я охотно передам ему машину времени.

Но пишу я вам совсем по другой причине.

Теперь я точно знаю, почему исчезли динозавры. Их убивали, разделывали и увозили на какую-то другую планету, находившуюся, возможно, на расстоянии многих световых лет от нас, и существа, которые это делали, рассматривали Землю как пастбище скота, как планету, где

можно добыть множество дешевого протеина.

Вы возразите мне, что это произошло более шестидесяти миллионов лет назад. Да, в те времена раса людей-машин существовала. Но за шестьдесят миллионов лет они наверняка изменились, или нашли охотничьи угодья в других районах Галактики, или, быть может, вымерли, как динозавры.

Но я так не думаю. Я считаю, что они где-то рядом. Мне кажется, Земля может оказаться одной из планет, где они добывают себе пищу.

И я скажу вам, почему я так думаю. Они вновь возвратились на Землю около десяти или одиннадцати тысяч лет назад и тогда прикончили мамонтов и мастодонтов, гигантских бизонов, большого пещерного медведя, саблезубых тигров и множество других зверей. Возможно, после уничтожения динозавров они сделали надлежащие выводы и оставили Африку на развод.

Теперь я перехожу к цели написания этого письма, к тому, что тревожит меня больше всего.

Сегодня на Земле обитает менее трех миллиардов человек. К двухтысячному году нас будет около шести миллиардов.

Конечно, мы довольно мелкая дичь, а существа из космоса стремились к большим массам, вроде

динозавров и мастодонтов. Но нас так много! Вот почему мне кажется, что приближается время, когда мы можем вновь привлечь их внимание.

Страшилища
Перевод К. Королева

Новость сообщил мох. Весточка преодолела сотни миль, распространяясь различными путями, — ведь мох рос не везде, а только там, где почва была скудной настолько, что ее избегали прочие растения: крупные, пышные, злобные, вечно готовые отобрать у мха свет, заглушить его, растерзать своими корнями или причинить иной вред.

Мох рассказывал о Никодиме, живом одеяле Дона Макензи; а все началось с того, что Макензи вздумалось принять ванну.

Он весело плескался в воде, распевая во все горло разные песенки, а Никодим, чувствуя себя всего-навсего половинкой живого существа, мыкался у двери. Без Макензи Никодим был даже меньше, чем половинкой. Живые одеяла считались разумной формой жизни, но на деле становились таковой, только когда оборачивались вокруг тех, кто их носил, впитывая разум и эмоции своих хозяев.

На протяжении тысячелетий живые одеяла

влачили жалкое существование. Порой кому-то из них удавалось прицепиться к какому-нибудь представителю растительности этого сумеречного мира, но такое случалось нечасто, и потом, подобная участь была не многим лучше прежней.

Однако затем на планету прилетели люди, и живые одеяла воспрянули. Они как бы заключили с людьми взаимовыгодный союз, превратились в мгновение ока в одно из величайших чудес Галактики. Слияние человека и живого одеяла являлось некой разновидностью симбиоза. Стоило одеялу устроиться на человеческих плечах, как у хозяина отпадала всякая необходимость заботиться о пропитании; он знал, что будет сыт, причем кормить его станут правильно, так, чтобы поддержать нормальный обмен веществ. Одеяла обладали уникальной способностью поглощать энергию окружающей среды и преобразовывать ее в пищу для людей; мало того, они соблюдали — разумеется, в известной степени — основные медицинские требования.

Но если одеяла кормили людей, согревали их и выполняли обязанности домашних врачей, люди давали им нечто более драгоценное — осознание жизни. В тот самый миг, когда одеяло окутывало

человека, оно становилось в каком-то смысле его двойником, обретало рассудок и эмоции, начинало жить псевдожизнью куда более полной, чем его прежнее унылое существование.

Никодим, помыкавшись у двери в ванную, в конце концов рассердился. Он ощущал, как утончается ниточка, связывающая его с человеком, и оттого злился все сильнее. Наконец, чувствуя себя обманутым, он покинул факторию, неуклюже выплыл из нее, похожий на раздуваемую ветром простыню.

Тусклое кирпично-красное солнце, сигма Дракона, стояло в зените над планетой, которая выглядела сумеречной даже сейчас. Никодим отбрасывал на землю, зеленую с вкраплениями красного, причудливую багровую тень. Ружейное дерево выстрелило в него, но промахнулось на целый ярд. Нелады с прицелом продолжались вот уже несколько недель: дерево давало промах за промахом; единственное, чего ему удавалось добиться, — это напугать Нелли — так звали робота, отличавшегося привычкой говорить правду и являвшегося бухгалтером фактории. Однажды выпущенная деревом пуля — подобие земного желудя — угодила в металлическую стенку фактории. Нелли была в ужасе, однако никто не

потрудился успокоить ее, ибо Нелли недолюбливали. Пока она находилась поблизости, нечего было и думать о том, чтобы позаимствовать со счета компании энную сумму. Кстати говоря, именно поэтому Нелли сюда и прислали.

Впрочем, пару недель подряд она никого не задевала, поскольку все увивалась вокруг Энциклопедии, который, должно быть, мало-помалу сходил с ума, пытаясь разобраться в ее мыслях.

Никодим высказал ружейному дереву все, что он о нем думал, — мол, спятило оно, что ли, раз стреляет по своим, — и направился дальше. Дерево, мнившее Никодима отступником, растительным ренегатом, выстрелило снова, промахнулось на два ярда и решило, по-видимому, не тратить зря патроны.

Тут-то Никодим и узнал, что Олдер, музыкант из Чаши Гармонии, создал шедевр. Это событие произошло, по всей видимости, пару-тройку недель тому назад — Чаша Гармонии располагалась чуть ли не на другом конце света, и новости оттуда шли долго; тем не менее Никодим круто развернулся и устремился обратно.

О таких новостях нужно извещать немедля. Скорее, скорее к Макензи! Оставив за собой облако пыли, которую умудрился поднять, Никодим

ворвался в дверь фактории. Висевшая над ней грубая вывеска гласила: «Галактическая торговая компания». Для чего она понадобилась, никто не знал; прочесть ее было под силу только людям.

Никодим с ходу врезался в дверь ванной.

— Ладно, ладно! — отозвался Макензи. — Уже выхожу. Потерпи чуток, я сейчас.

Никодим улегся на пол, весь трепеща от переполнявшего его возбуждения.

Макензи вышел из ванной, позволил Никодиму устроиться на привычном месте, выслушал его, а затем направился в контору, где, как и ожидал, обнаружил фактора Нельсона Харпера. Тот сидел, задрав ноги на стол и вперив взгляд в потолок; во рту у него дымилась трубка.

— Привет, — буркнул он и указал чубуком трубки на стоявшую рядом бутылку. — Угощайся.

Макензи не заставил себя упрашивать.

— Никодиму стало известно, что дирижер по имени Олдер сочинил симфонию. Мох уверяет, что это шедевр.

— Олдер, — повторил Харпер, убирая ноги со стола. — Никогда о таком не слышал.

— Кадмара тоже никто не знал, пока он не сочинил симфонию Алого Солнца, — напомнил Макензи. — Зато теперь он — знаменитость.

— Что бы ни сотворил Олдер, пускай даже крохотную пьеску, мы должны заполучить это. Народ на Земле сходит с ума от музыки деревьев. Взять хотя бы того парня… ну, композитора…

— Его зовут Уэйд, — сказал Харпер, — Дж. Эджертон Уэйд, один из величайших композиторов Земли всех времен. Перестал писать музыку после того, как услышал отрывок симфонии Алого Солнца. Затем исчез; никто не знает, куда он делся. — Фактор задумчиво повертел в пальцах трубку и продолжил: — Забавно, черт побери. Мы прилетели сюда, рассчитывая отыскать в лучшем случае новые наркотики или какой-нибудь необычный продукт — словом, нечто вроде деликатеса для первоклассных ресторанов по цене десять баксов за тарелку или, на худой конец, новый минерал, как на эте Кассиопеи. И вдруг на тебе — музыка! Симфонии, кантаты… Жуть!

Макензи снова глотнул из бутылки, поставил ее обратно на стол и вытер губы.

— Не то чтобы мне нравилось, — проговорил он. — Правда, в музыке я разбираюсь постольку-поскольку, но все равно: от того, что мне доводилось слышать, прямо выворачивает наизнанку.

— Главное — запастись сывороткой, — посове-

товал Харпер. — Если не воспринимаешь музыку, знай себе коли укол за уколом, и все будет в порядке.

— Помните Александера? — спросил Макензи. — Он пытался столковаться с деревьями в Чаше, и у него кончилась сыворотка. Эта музыка ловит человека… Александер не желал уходить, вопил, отбивался, кусался. Я еле справился с ним. Он так и не вылечился полностью. Врачи на Земле привели его в норму, но предупредили, чтобы он и не думал возвращаться сюда.

— А он вернулся, — заметил Харпер. — Грант углядел его в фактории грумми. Представляешь, землянин связался с грумми?! Предатель! Не следовало тебе спасать его, пускай упивался бы своей музыкой.

— Что будем делать? — спросил Макензи.

— А что тут поделаешь? — отозвался Харпер, пожимая плечами. — Или ты ждешь, что я объявлю грумми войну? И не надейся. Ты разве не слышал, что между Землей и Грумбриджем — тридцать четыре теперь сплошные мир и дружба? Вот почему обе фактории убрали из Чаши. Компании заключили перемирие и соревнуются, кто честнее. Тьфу, до чего ж противно! Даже заслать к грумми шпиона и то не смей!

— Однако они заслали, — хмыкнул Макензи. — Да, мы его так и не обнаружили, но нам известно, что он здесь и следит за каждым нашим шагом.

— Грумми доверять нельзя, — заявил Харпер. — За ними нужен глаз да глаз. Музыка им ни к чему, она для них не ценность; скорее всего, они понятия не имеют, что такое музыка, ведь у них нет слуха. Однако чтобы насолить Земле, они готовы на все, а птички вроде Александера помогают им. Я думаю, у них такое разделение обязанностей: грумми добывают музыку, а Александер ее продает.

— Что, если мы столкнемся с Александером, шеф? — поинтересовался Макензи.

— Все будет зависеть от обстоятельств. — Харпер постучал черенком трубки по зубам. — Можно попробовать переманить его. Он неплохой торговец. Компания наверняка одобрит.

— Не выйдет, — покачал головой Макензи. — Он ненавидит компанию. По-моему, с ним несправедливо обошлись несколько лет назад. Сдается мне, на сделку с нами он не пойдет.

— Времена меняются, — буркнул Харпер, — и люди тоже. Может, он теперь благодарен вам за спасение.

— Что-то мне сомнительно, — пробормотал

Макензи.

Фактор протянул руку, пододвинул поближе увлажнитель воздуха, а затем принялся заново набивать трубку.

— Меня вот еще что беспокоит, — проговорил он. — Как поступить с Энциклопедией? Он желает отправиться на Землю. Видно, наши мысли разожгли его аппетит. Утверждает, что хочет изучить нашу цивилизацию.

— Этот шельмец прочесывает наши головы частым гребнем, — фыркнул Макензи, состроив гримасу. — Он порой докапывается до того, о чем мы и сами давно позабыли. Я понимаю, что он не со зла, просто так устроен, однако мне все равно не по себе.

— Сейчас он обхаживает Нелли, — сказал Харпер.

— Ему повезет, если он сумеет выяснить, о чем думает Нелли.

— Я тут пораскинул мозгами, — продолжал Харпер. — Мне его манера нравится не больше, чем тебе, но если взять Энциклопедию на Землю, оторвать, так сказать, от родной почвы, может, мы сумеем кое-чего добиться. Он знает много такого, что наверняка пригодится нам. Мы с ним беседовали…

— Не обманывайте себя, шеф, — перебил Макензи. — Он рассказал вам ровно столько, сколько требовалось, чтобы убедить, что играет в открытую, то есть ничего сколько-нибудь ценного. Он ловкач, каких мало. Чтобы он вот так, за здорово живешь, выложил важные сведения…

— Пожалуй, тебе не мешало бы слетать на Землю проветриться. — Фактор пристально поглядел на Макензи. — Ты теряешь перспективу, ставишь эмоции впереди рассудка. Или ты забыл, что мы не дома? Здесь следует приноравливаться к чужой логике.

— Знаю, знаю, — отмахнулся Макензи, — но признаться откровенно, шеф, я сыт по горло. Стреляющие деревья, говорящий мох, электрический виноград да еще и Энциклопедия!

— А что Энциклопедия? — справился Харпер. — Естественное хранилище знаний, только и всего. Разве ты не встречал на Земле людей, которые учатся ради учебы, вовсе не собираясь пользоваться полученным образованием? Им доставляет удовольствие сознавать, что они великолепно информированы. Если сочетать подобное стремление к знаниям с феноменальной способностью запоминать и упорядочивать усвоенное, то вот тебе Энциклопедия.

— Но у него должна быть какая-то цель, — стоял на своем Макензи. — Я уверен, существует причина, которая все объясняет. Ведь к чему накапливать факты, если ты не намерен их использовать?

— Я согласен, цель должна быть, — произнес Харпер, попыхивая трубкой, — однако мы вряд ли сможем ее распознать. Мы находимся на планете с растительной цивилизацией. На Земле растения не имели возможности развиваться, их опередили животные. Но здесь все наоборот: эволюционировали именно растения.

— Мы просто обязаны установить, какую цель преследует Энциклопедия, — заявил Макензи. — Нельзя же все время шарить вслепую! Если он затеял какую-то игру, надо выяснить, что это за игра. Действует ли он по собственной инициативе или по указанию здешнего, ну, я не знаю, правительства, что ли? Или он принадлежит к представителям прежней, погибшей цивилизации? Этакая разновидность живого архива, которая продолжает собирать сведения, хотя необходимость в том уже отпала?

— Ты волнуешься по пустякам, — заметил фактор.

— Да как же не волноваться, шеф? Разве можно

допустить, чтобы нас обставили? Мы относимся к здешней цивилизации, если это и впрямь цивилизация, свысока, что вполне логично, поскольку на Земле от деревьев, кустарников и цветов не приходится ждать никакого подвоха. Однако мы не на Земле, а потому должны спросить себя: что такое растительная цивилизация? К чему она стремится? Сознает ли свои стремления, и если да, каким образом намерена реализовывать их?

— Мы отвлеклись, — сказал Харпер. — Ты упоминал о какой-то новой симфонии.

— Что ж, как вам угодно, — буркнул Макензи.

— Наша задача — завладеть ею, — продолжал Харпер. — У нас не было ничего приличного с тех самых пор, как Кадмар сочинил «Алое Солнце». А если мы замешкаемся, грумми могут перебежать нам дорогу.

— Если уже не перебежали, — вставил Макензи.

— Пока нет, — отозвался Харпер, выпуская изо рта дым. — Грант сообщает мне обо всем, что они затевают.

— Так или иначе, — проговорил Макензи, — надо исключить ненужный риск. Ведь шпион грумми тоже не спит.

— Есть предложения? — осведомился фактор.

— Можно взять вездеход, — размышлял вслух Макензи. — Он медленнее, чем флаер, но с флаером грумми уж точно заподозрят что-то неладное. А на вездеходе мы выезжаем по десять раз на дню, так что все должно пройти гладко.

— Логично, — признал Харпер после недолгого раздумья. — Кого берешь с собой?

— Я предпочел бы Брэда Смита, — ответил Макензи. — Мы с ним оба старички и прекрасно справимся вдвоем.

— Хорошо. — Харпер кивнул. — На всякий случай возьми еще Нелли.

— Ни за что на свете! — так и взвился Макензи. — С какой стати? Или вы замыслили аферу, а потому хотите сплавить ее?

— Увы, увы, — покачал головой Харпер. — Она заметит, даже если на счету не будет хватать одного несчастного цента. К сожалению, незапланированные расходы остались в прошлом. И кто только придумал этих роботов с их пристрастием к правде?!

— Я не возьму ее, — объявил Макензи. — Не возьму, и все. Она же изведет меня рассуждениями о правилах Компании. И потом, за ней наверняка увяжется Энциклопедия, а у нас и без того возникнет достаточно хлопот с ружейными

деревьями, электровиноградом и прочими прелестями, чтобы тащить с собой ученую капусту и напичканную законами жестянку!

— Тебе придется взять ее, — возразил Харпер. — Теперь при заключении сделок с аборигенами обязательно должны присутствовать роботы — чтобы никому не вздумалось ущемить права туземцев. Кстати говоря, сам виноват. Если бы ты не вел себя как осел с Алым Солнцем, Компания и пальцем бы не шевельнула.

— Я всего лишь сохранил Компании деньги, — запротестовал Макензи.

— Ты ведь знал, что стандартная цена за симфонию — два бушеля удобрений, — оборвал его Харпер. — Тем не менее Кадмар недосчитался половины бушеля.

— Да ему-то было без разницы! — воскликнул Макензи. — Он только что не расцеловал меня за полтора бушеля.

— В общем, — проговорил Харпер, — Компания решила, что лукавить не годится, пусть даже ты имеешь дело всего-навсего с деревом.

— Чертова инструкция, — вздохнул Макензи.

— Значит, Нелли едет с тобой, — подытожил Харпер, окинув Макензи изучающим взглядом. — Если что забудешь, обращайся к ней: она

подскажет.

Человек, которого на Земле знали под именем Дж. Эджертон Уэйд, притаился на вершине невысокого холма, полого спускавшегося в Чашу Гармонии. Тусклое алое солнце клонилось к багровому горизонту; скоро должен был начаться вечерний концерт. Уэйд надеялся вновь услышать чудесную симфонию Олдера. Подумав о ней, он задрожал от восторга и от мысли о том, что солнце вот-вот зайдет и наступят холодные сумерки.

Живого одеяла у него не было. Контейнер с пищей, оставшийся в крохотной пещерке под утесом, почти опустел. Пополнения запасов не предвиделось: Уэйд давно уже собрал все, что уцелело после катастрофы. Звездолет, на котором он прилетел с Земли, разбился при посадке и превратился в груду покореженного металла. С того времени миновал без малого год, и Уэйд сознавал, что скоро испытаниям придет конец. Впрочем, как ни странно, ему было все равно. Он прожил этот год в мире красоты и благозвучия, слушая из вечера в вечер грандиозные концерты. Их очарование было столь велико, что смерть представлялась чем-то совсем не страшным.

Уэйд посмотрел на долину, что образовывала

Чашу. Стройные ряды деревьев производили впечатление искусственных насаждений. Возможно, так оно и было; возможно, их посадило некое разумное существо, обожавшее, как и он сам, слушать музыку. Правда, подобная гипотеза не выдерживала никакой критики. Здесь не было ни намека на развалины древних городов, ни признака иной цивилизации — в земном смысле этого слова, а потому вряд ли кто приложил руку к планировке долины, к преобразованию ее в Чашу. Однако откуда же тогда взялись загадочные письмена на отвесном склоне утеса, над пещеркой, в которой ютился Уэйд? Таинственные символы не имели ни малейшего сходства с любыми из виденных им прежде. Может статься, сказал он себе, их вырезали в камне какие-нибудь инопланетяне, прилетевшие сюда вроде него — насладиться музыкой — и нашедшие тут свою смерть.

Уэйд покачался на пятках, чтобы размять ноги, уставшие от долгого сидения на корточках. Может, ему тоже нацарапать что-нибудь на утесе? Ни дать ни взять — книга записи приезжающих. А что, неплохая идея. Одинокое имя на одинокой скале — единственном надгробии, которое ему, похоже, суждено обрести. Ладно, скоро зазвучит

музыка, и тогда он забудет о пещерке, о скудных остатках еды, о корабле, что уже не доставит его на Землю, даже если бы он того захотел. Но он не хочет! Он не может вернуться! Чаша зачаровала его, он словно угодил в невидимую паутину. Уэйд знал, что без музыки погибнет. Она стала неотъемлемой частью его существования. Забрать ее — останется шелуха, пустая скорлупа; музыка теперь составляла смысл жизни Уэйда, проникла в его плоть и кровь, объединила в себе все прежние побуждения и устремления.

В Чаше пока царила тишина. Возле каждого дерева возвышался приземистый бугорок, нечто вроде подиума для дирижера, а рядом виднелись черные зевы туннелей. Дирижеры прятались внутри, дожидаясь назначенного часа, отдыхали, поскольку принадлежали к животной форме жизни. Деревьям же отдыха не требовалось. Они никогда не спали и не ведали усталости, эти серые музыкальные деревья, которые пели под вечерним небом о давно минувших днях и о тех, что уже не наступят, о поре, когда сигма Дракона была ослепительно яркой звездой, и о времени, когда она обратится в космическую пыль. Они пели об этом и о многом другом, чего землянину не дано было постичь; он мог лишь чувствовать

и томиться желанием понять. Пение деревьев будило странные мысли, переворачивало рассудок, заставляло ощущать то, чему не существовало названия ни в одном из человеческих языков. Чужие мысли, чужие эмоции, которые, однако, овладевали человеком, подчиняли его себе, запечатлевались, непознанные, в душе и сознании…

Если рассуждать с технической точки зрения, пели, разумеется, не сами деревья. Уэйд знал о том, но предпочитал не задумываться. Ему было удобнее считать, что поют они. Он редко отделял музыку от деревьев и намеренно забывал о крошечных существах, что обитали внутри стволов и творили волшебство, используя деревья для улучшения звучания. Существа? Ну да, существа — возможно, колонии насекомых или нимфы, духи, феи — словом, персонажи детских сказок. Хотя какие там духи? Он вышел из того возраста, когда верят в духов.

Существа, как их ни называй, играли каждое как бы на своем инструменте, повинуясь мысленным указаниям дирижеров, а те выдумывали музыку, сочиняли ее в голове и представляли для исполнения.

И почему размышления губят красоту, спросил себя Уэйд. Нет, лучше не думать, а просто при-

нимать ее как данное, наслаждаясь, и не искать объяснений.

Сюда порой заглядывали люди, агенты торговой компании, обосновавшейся на планете. Они записывали музыку и уходили. Уэйд не понимал, откуда у человека, слышавшего пение деревьев, брались силы уйти из Чаши. Он смутно припомнил разговоры о сыворотке, притуплявшей восприятие; якобы она делала людей нечувствительными к музыке, устанавливала некое подобие иммунитета. Уэйд невольно содрогнулся. Какое кощунство! Впрочем, разве запись музыки для того, чтобы ее потом могли исполнять земные оркестры, — не кощунство? Зачем нужны оркестры, когда музыка звучит здесь из вечера в вечер? Если бы только меломаны Земли услышали чарующие звуки, плывущие над древней Чашей!

Завидев людей, Уэйд обычно прятался. С них станется забрать его с собой, разлучить с музыкальными деревьями!

Слабый ветерок донес непривычный звук, звук, которому здесь поистине не было места, — звяканье металла о камень. Уэйд привстал, пытаясь определить источник звука. Шум повторился; он раздавался на дальней стороне Чаши. Уэйд заслонил глаза от солнца и вгляделся в наполза-

ющие сумерки.

Чужаков было трое. Одного Уэйд сразу же причислил к землянам, тут не приходилось и сомневаться; двое других отдаленно напоминали жуков. Их хитиновые панцири поблескивали в последних лучах сигмы Дракона, головы походили на оскалившиеся в ухмылке черепа. Оба чудовища надели на себя нечто вроде упряжи, с которой свешивались то ли инструменты, то ли оружие.

Грумбриджиане! Но что общего может быть у грумбриджиан с человеком? Ведь две расы вели затяжную торговую войну, не останавливаясь, когда конкуренция слишком уж обострялась, перед неприкрытым насилием!

Что-то сверкнуло на солнце, вонзилось в почву, поднялось и вонзилось снова. Дж. Эджертон Уэйд замер, не веря собственным глазам. Невероятно, нет, нет! Троица на дальней стороне Чаши выкапывала музыкальное дерево!

Лоза возникла из шелестящего моря травы, осторожно растопырила щупальца, протянула их к жертве. Гнусная тварь появилась буквально ниоткуда. Она надвигалась медленно и неотвратимо, не отвлекаясь на изучение местности, начисто игнорируя возможность неожиданной

контратаки. Ее действия обескураживали: таким образом по поверхности этой планеты никто не передвигался. На мгновение она застыла, словно в сомнении: стоит ли нападать на того, кто кажется столь уверенным в себе? Однако сомнение не устояло перед предвкушением поживы, которое и заставило растение выползти из логова в чаще ружейных деревьев. Лоза затрепетала; ее пьянили вибрации, проникавшие по щупальцам. Мало-помалу трепет сошел на нет, растение напряглось, готовясь к схватке. Только бы ухватиться, только бы достать… Жертва между тем приближалась. На единый миг лозе почудилось, что растение окажется чересчур большим, но тут жертва вильнула, ее слегка подкинуло на кочке, и лоза прянула вперед, вцепилась, свернулась и потащила, поволокла на себя, пустив в ход всю крепость своего тела протяженностью в добрых четверть мили.

Дон Макензи ощутил рывок, наддал газу и бешено закрутил «баранку». Вездеход завертелся волчком, стараясь вырваться из ловушки. Брэдфорт Смит издал сдавленный вопль и нырнул за энергоизлучателем, который вылетел из кобуры и покатился по полу кабины. Нелли отшвырнуло в угол, где она и лежала, задрав кверху ноги.

Энциклопедия в решающий момент умудрился обвиться стержневым корнем вокруг тянувшейся под потолком трубы и повис на ней, похожий одновременно на маятник и на привязанную за лапу черепаху.

Звякнуло стекло, послышался металлический скрежет — Нелли кое-как ухитрилась подняться. Вездеход встал на дыбы, из-под гусениц летели в разные стороны громадные комья земли.

— Лоза! — крикнул Смит.

Макензи кивнул. Плотно сжав губы, он пытался овладеть положением. Снаружи мелькали щупальца; растение обхватывало машину тугими кольцами. Что-то врезалось в лобовое стекло и рассыпалось облачком пыли — похоже, здешние ружейные деревья не страдали сбитостью прицела.

Макензи немного сбросил обороты, развернул вездеход так, чтобы лоза провисла, а затем надавил на педаль и направил машину прочь от леса. Лоза яростно извивалась в воздухе. Макензи был уверен: если разогнаться до приличной скорости и ударить с маху в натянутую лозу, та не выдержит и лопнет. Состязаться же, кто кого пересилит, было чистым безумием — вцепившаяся в жертву лоза обладала прочностью стали.

Смит исхитрился опустить боковое стекло и палил теперь из излучателя. Машину бросало из стороны в сторону, скорость все возрастала, пули ружейных деревьев так и свистели вокруг. Макензи рявкнул на Смита. Столкновения следовало ожидать в любую секунду — вездеход двигался по широкой дуге, неумолимо приближаясь к тому месту, откуда началась сумасшедшая гонка. Удар! Макензи кинуло на лобовое стекло; он каким-то чудом инстинктивно успел выставить перед собой руки. В его мозгу словно вспыхнуло пламя, затем наступила темнота, прохладная, успокаивающая… Он подумал, что все будет в порядке, все… все…

Едва очнувшись, он убедился, что до порядка далеко. Над ним нависало нечто невообразимое. Долгие секунды он лежал не шевелясь, даже не пытаясь сообразить, что произошло, потом двинул ногой и тут же вскрикнул от боли. Он медленно согнул ногу в колене; затрещала ткань, брючина порвалась, и сразу стало легче: нога оказалась вне досягаемости зазубренного куска железа.

— Лежи спокойно, — велел чей-то голос, исходивший будто изнутри его тела.

— Выходит, ты цел, — хмыкнул Макензи.

— Конечно цел, — отозвался Никодим. — А вот ты заработал кучу синяков и пару царапин. Вдобавок тебе не избежать головной…

Никодим не докончил фразы, ему было некогда. Сейчас он заменял бригаду «скорой помощи» — подпитывал Макензи энергией, излечивая тем самым синяки, царапины и прочие неприятные последствия крушения. Макензи принялся разглядывать хаос у себя над головой.

— Интересно, как мы отсюда выберемся? — проговорил он.

Внезапно обломки задрожали, затряслись, один из них оторвался от общей массы, упал и оцарапал Макензи щеку. Дон выругался без особого энтузиазма. Кто-то окликнул его по имени. Он ответил. Обломки разлетелись в разные стороны. Длинные металлические руки схватили Макензи за плечи и выволокли наружу.

— Спасибо, Нелли, — проговорил он.

— Заткнись, — бросила Нелли.

Макензи ощущал слабость в коленках, а потому вставать не рискнул. Он осторожно уселся и посмотрел на вездеход. Тот смело можно было списывать в утиль, поскольку он наскочил на полном ходу на валун и превратился в груду металла. Сидевший неподалеку Смит захихикал.

— Что с тобой? — буркнул Макензи.

— Выдрали с корнем! — воскликнул Смит. — Раз — и готово! Эта лоза уже никому не страшна.

Макензи недоверчиво огляделся по сторонам. Лоза лежала на земле, вся какая-то обмякшая и, без сомнения, мертвая. Ее щупальца по-прежнему цеплялись за обломки вездехода.

— Она выдержала! — изумился Макензи. — Мы ее не порвали!

— Верно, — согласился Смит, — не порвали, но какая тебе разница?

— Нам повезло, что она не была электрической, — проговорил Макензи, — иначе — поминай как звали.

— Да уж, — мрачно кивнул Смит. — Она и так наделала дел. Вездеход разбился в лепешку, а до дома две тысячи миль.

Нелли вынырнула из обломков машины с Энциклопедией под мышкой и радиопередатчиком в кулаке. Она швырнула спасенных на землю. Энциклопедия откатился на несколько футов, внедрился корнем в почву и очутился в родной стихии. Нелли повернулась к Макензи.

— Я сообщу обо всем, будь уверен, — заявила она. — Ты разбил новую машину! Тебе известно, сколько стоит такой вездеход? Ну конечно,

конечно нет. Тебя это не интересует! Надо же было додуматься! Эка невидаль, вездеход! Компания ведь не обеднеет, правда? Ты никогда не задавался вопросом, кто тебе платит? На месте руководства я бы заставила тебя оплатить покупку вездехода из собственного кармана, вплоть до последнего цента!

— Слушаю я, слушаю, — сообщил Смит, не сводя глаз с Нелли, — и так меня и подмывает выбрать молот поувесистей и задать тебе хорошую взбучку.

— Точно, — поддержал приятеля Макензи. — Сдается мне, Компания еще наплачется с этими роботами.

— Не смейте говорить так! — взвизгнула Нелли. — По-вашему, я — машина, на которую можно не обращать внимания? Сейчас ты скажешь, что твоей вины тут нет, что все случилось само собой, да?

— Мы ехали в четверти мили от леса, — огрызнулся Макензи. — Откуда мне было знать, что эта тварь такая длинная?

— А Смит? — не унималась Нелли. — Зачем ему понадобилось сжигать ружейные деревья?

Мужчины дружно обернулись к лесу. Нелли ничуть не преувеличивала. Над немногими

уцелевшими деревьями, которые выглядели так, словно побывали под артобстрелом, вился полупрозрачный дымок. Смит с деланным сожалением прищелкнул языком.

— Они стреляли в нас, — сказал Макензи.

— Ну и что? — грозно справилась Нелли. — В инструкции сказано…

— Знаю, знаю, — перебил Макензи, жестом призывая ее замолчать. — Правило семнадцать главы «Взаимоотношения с инопланетными формами жизни»: «Никто из служащих Компании не имеет права применять оружие или каким другим способом причинять вред или угрожать причинением оного коренным жителям иных планет за исключением случаев самообороны, при том условии, что все прочие способы убеждения оказались недейственными».

— Мы должны возвратиться в факторию, — объявила Нелли. — Нам придется вернуться, хотя мы почти у цели. О ваших подвигах скоро станет известно всей планете! Мох, вероятно, уже распространяет новость. Надо окончательно спятить, чтобы выдергивать лозы и расстреливать ружейные деревья! Собирайтесь! Нужно идти, иначе мы никогда не доберемся до дома, потому что вся здешняя растительность опол-

чится на нас.

— Лоза виновата сама, — возразил Смит. — Она пыталась поймать нас, хотела украсть нашу машину, наверняка бы прикончила нас ради того, чтобы завладеть несколькими паршивыми унциями радия из двигателя. А радий наш, он принадлежит твоей ненаглядной Компании.

— Зря ты ей сказал, — заметил Макензи. — Теперь она будет вырывать лозу за лозой, налево и направо.

— А что, разумно, — одобрил Смит. — Будем надеяться, ей попадется электрическая. Нелли, ты провоняешь жженой краской.

— Что с передатчиком? — спросил Макензи.

— Готов, — лаконично ответила Нелли.

— А записывающее оборудование?

— Как будто в порядке.

— Колбы с сывороткой?

— Одна уцелела.

— Вот и хорошо, — проговорил Макензи. — Тащи сюда два мешка с удобрениями. Мы идем дальше. До Чаши Гармонии всего-навсего около пятидесяти миль.

— Никуда мы не пойдем, — заупрямилась Нелли. — Каждое дерево, каждая лоза…

— Вперед безопаснее, чем назад, — прервал

Макензи. — Когда мы не выйдем на связь, Харпер поймет, что что-то произошло, и вышлет за нами флаер. — Он поднялся с земли и вынул из кобуры пистолет. — Тащи мешки. Если откажешься, расплавлю на месте.

— Ладно, ладно, — пошла на попятную Нелли, — вовсе незачем так волноваться.

— Еще одно слово, — прорычал Макензи, — и ты у меня схлопочешь.

По дороге они старались держаться открытой местности, избегали приближаться к рощам и лескам и настороженно поглядывали по сторонам. Макензи шел первым, за ним вприпрыжку ковылял Энциклопедия, следом шагала Нелли, нагруженная оборудованием и мешками с удобрениями. Замыкал шествие Смит. Одно ружейное дерево выстрелило в них, но расстояние было слишком велико. Раз позади разрядилась с треском электрическая лоза. Идти было тяжело. Густая трава сильно затрудняла движение. Невольно возникало впечатление, что приходится брести по воде.

— Вы пожалеете, — бормотала Нелли, — вы…

— Заткнись! — прикрикнул Смит. — В кои-то веки ты занимаешься тем, для чего и предназначены роботы, а не роешься в своих отчетах,

проверяя, кому достался лишний цент!

Они подошли к холму. Начался утомительный подъем по травянистому склону. Внезапно тишину нарушил звук, похожий на тот, с каким рвется ткань. Они остановились и прислушались. Звук повторился, еще и еще.

— Выстрелы! — воскликнул Смит.

Мужчины, не сговариваясь, побежали вперед. Нелли устремилась следом. Мешки с удобрениями нещадно колотили ее по плечам.

Очутившись на вершине, Макензи с первого взгляда оценил ситуацию.

Ниже по склону притаился за валуном человек, с отчаянностью обреченного выпускавший из пистолета пулю за пулей в сторону перевернутого кверху дном вездехода, за которым прятались трое — землянин и двое насекомоподобных существ.

— Грумми! — вырвалось у Смита.

Прицельный выстрел из-за машины снес верхушку валуна, за которым скрывался одиночка, вынудив того прильнуть к земле. Смит кинулся вниз, в направлении другого валуна, что находился наискосок от первого, на фланге троицы. Его заметили. Послышался крик, мелькнуло пламя, и не далее чем в десяти футах за спиной

Смита в земле появилась дымящаяся борозда. Тут же последовал новый залп, на сей раз — в Макензи. Дон нырнул за кочку. Луч прошел у него над головой. Он прижался к траве, будто норовя внедриться в почву. Снизу донеслись раздраженные восклицания грумбриджиан.

Макензи рискнул осмотреться. Он увидел, что вездеход — отнюдь не единственное транспортное средство в долине. Неподалеку стоял прицеп, к которому было привязано дерево. Щурясь от солнца, Макензи пытался разобраться, что к чему. Дерево, судя по всему, выкапывала опытная рука: под тряпкой, несомненно влажной, которой были обернуты корни, угадывались необитые комья земли. Прицеп наклонился набок, и потому дерево касалось макушкой травы, а корневище задралось высоко в воздух.

Смит яростно палил по вражескому лагерю, троица тоже не оставалась в долгу, отвечая шквальным огнем. Если так пойдет и дальше, подумалось Макензи, через минуту-другую они в буквальном смысле слова поджарят Смита. Выругавшись сквозь зубы, он высунулся из-за кочки и тщательно прицелился, жалея, что в руках у него пистолет, а не винтовка. Человек за валуном продолжал стрелять по вездеходу, но помощи от

него ожидать не приходилось. Макензи понимал, что сражаться по-настоящему будут только они со Смитом.

Интересно, спросил он вдруг себя, где сейчас Нелли? Верно, мчится на всех парах в факторию. Ну и черт с ней! Макензи устроился поудобнее, готовясь присоединиться к перестрелке.

Но прежде, чем он успел нажать на курок, стрельба из-за вездехода прекратилась. Раздались истошные вопли. Грумбриджиане вскочили и бросились бежать, но тут что-то просвистело по воздуху, ударило одного из них в грудь и повергло на землю. Второй заметался, словно вспугнутый заяц, не зная, как ему поступить; пока он раздумывал, наступила развязка. Отзвук глухого удара достиг укрытия Макензи. Грумбриджианин повалился навзничь, и в этот миг Макензи заметил Нелли. Она поднималась по склону, прижимая левой рукой к груди кучу камней; правая же рука Нелли действовала с отлаженностью поршня. Один камень пролетел мимо цели и угодил в вездеход; окрест раскатилось звучное эхо.

Спутник грумми улепетывал во все лопатки, старательно увертываясь от снарядов Нелли. Отбежав на известное расстояние, он остановился и хотел было выстрелить в нее, однако на него

вновь обрушился град камней. Он кинулся дальше, споткнулся, упал, выронил винтовку, кое-как поднялся и побежал снова, подвывая от ужаса. Живое одеяло на его плечах топорщилось этаким крохотным парусом. Нелли метнула последний камень, а затем ринулась вдогонку.

Макензи гаркнул на нее, однако она не подчинилась и вскоре исчезла за гребнем холма. Беглецу было не уйти.

— Ты только погляди на Нелли! — вопил Смит. — Ну и задаст она ему жару, когда поймает!

— Кто он такой? — справился Макензи, протирая глаза.

— Джек Александер, — отозвался Смит. — Грант говорил, что он вернулся.

Человек, прятавшийся за валуном, вышел на открытое место и направился к своим спасителям. Он не имел живого одеяла, одежда его представляла собой лохмотья, а лицо заросло бородой чуть ли не по самые брови.

— Великолепный маневр, — заявил он, тыкая пальцем в сторону холма, за гребнем которого скрылась Нелли. — Ваш робот застал их врасплох.

— Если она потеряла мешки с удобрениями и

записывающее оборудование, я ее расплавлю, — мрачно пообещал Макензи.

— Вы из фактории, джентльмены? — спросил незнакомец.

Они утвердительно кивнули.

— Моя фамилия Уэйд. Дж. Эджертон Уэйд…

— Секундочку, — перебил Смит. — Не тот самый Дж. Эджертон Уэйд? Не пропавший композитор?

— Именно он. — Человек поклонился. — Правда, насчет пропавшего… Я никуда не пропадал, просто прилетел сюда и провел здесь целый год, наслаждаясь чудесной музыкой. — Он окинул их испепеляющим взглядом. — Я человек мирный, но, когда эти трое выкопали Делберта, я понял, что должен вмешаться.

— Делберта? — переспросил Макензи.

— Да, музыкальное дерево.

— Чертовы воришки, — проворчал Смит. — Наверняка надеялись спихнуть его на Земле. «Шишки» не пожалели бы никаких денег за удовольствие видеть у себя во дворе такое дерево!

— Мы подоспели вовремя, — сказал Макензи. — Если бы им удалось улизнуть, вся планета вступила бы на тропу войны. Нам пришлось бы закрывать лавочку. Кто знает, когда бы мы сумели вернуться?

— Предлагаю посадить дерево обратно, — заявил Смит, потирая руки. — Из благодарности они отныне будут снабжать нас музыкой совершенно бесплатно, верно, Дон?

— Джентльмены, — заметил Уэйд, — хотя вами движут соображения наживы, они подсказывают вам правильное решение.

Земля под ногами задрожала, и люди резко обернулись. К ним подходила Нелли. У нее в руке болталось живое одеяло.

— Убежал, — сказала она, — зато я разжилась одеялом. Теперь вы, ребята, не сможете передо мной задаваться.

— Зачем тебе одеяло? — удивился Смит. — Нука отдай его мистеру Уэйду. Слышишь? Я кому сказал?

— Почему вы все у меня отбираете? — Нелли, похоже, обиделась. — По-вашему, я не человек…

— Разумеется, — подтвердил Смит.

— Если ты отдашь одеяло мистеру Уэйду, я позволю тебе вести машину, — подольстился Макензи.

— Правда? — обрадовалась Нелли.

— Ну зачем вы так, — проговорил Уэйд, смущенно переминаясь с ноги на ногу.

— Берите одеяло, — велел Макензи. — Оно вам

необходимо. У вас такой вид, будто вы последние два дня голодали.

— Признаться, так оно и было.

— Оно вас накормит, — утешил Смит.

Нелли протянула одеяло композитору.

— Где ты научилась так ловко швыряться камнями? — поинтересовался Смит.

Глаза Нелли сверкнули.

— На Земле я входила в состав бейсбольной команды, — ответила она. — Играла подающего.

Машина Александера оказалась в полном порядке, не считая нескольких вмятин на бортах и разбитого лобового стекла, в которое пришелся первый выстрел Уэйда: стекло разлетелось вдребезги, а ошарашенный водитель заложил крутой вираж, закончившийся наездом на камень и сальто-мортале вездехода. Музыкальное дерево ничуть не пострадало, поскольку его корни находились в земле и были обвязаны вдобавок влажной мешковиной. В салоне вездехода, в укромном уголке, обнаружился Делберт, дирижер двух футов росту, сильнее всего напоминавший вставшего на задние лапы пуделя. Оба грумбриджианина были мертвы: хитиновые панцири раскололись на кусочки от камней, пущенных меткой рукой Нелли.

Смит с Уэйдом забрались в вездеход и принялись готовиться к ночевке. Нелли в сопровождении Энциклопедии отправилась на поиски винтовки, брошенной впопыхах Александером. Макензи сидел на корточках, привалившись спиной к боку машины, и докуривал трубку; Никодим свернулся клубочком у него на плечах. Поблизости зашуршала трава.

— Нелли, — окликнул Макензи, — это ты?

Нелли неуверенно подошла к нему.

— Не сердишься? — спросила она.

— Нет, не сержусь. Ничего не поделаешь, так уж ты устроена.

— Я не нашла винтовки.

— А ты запомнила, где Александер выронил ее?

— Естественно. Там пусто.

Макензи нахмурился. Выходит, Александер вернулся и вновь завладел оружием.

— Да, плохо дело. Он, того и гляди, начнет палить по нам. У него свои счеты с Компанией, а после сегодняшней неудачи с ним лучше не сталкиваться. — Он осмотрелся. — Где Энциклопедия?

— Я улизнула от него, потому что хотела поговорить с тобой.

— Что ж, давай выкладывай.

— Он пытался прочесть мои мысли.

— Знаю. Наши он уже прочел, все до единой.

— Со мной у него ничего не вышло.

— Чего и следовало ожидать. Я, собственно, и не сомневался, что так оно и будет.

— Не смей потешаться надо мной! — воскликнула Нелли.

— Не горячись, Нелли, — проговорил Макензи. — Насколько мне известно, с твоим мозгом все в порядке. Возможно, он даст нашим сто очков вперед. Суть в том, что он — другой. Мы наделены мозгами от природы, которая не придумала ничего лучше для того, чтобы мыслить, оценивать и запоминать. Такой тип сознания Энциклопедии хорошо знаком. Но твой мозг для него в новинку. Искусственный интеллект, отчасти механический, отчасти электрический, химический, бог знает какой еще, — в конце концов, я не роботехник. Ни с чем подобным Энциклопедия прежде не встречался. Может статься, ты сбила его с толку. Кстати говоря, не поразила ли его наша цивилизация? Понимаешь, если на этой планете и существовала когда-нибудь истинная цивилизация, то она была какой угодно, но не механической. Тут нет ни следа механической

деятельности, ни единого шрама из тех, какие машины обычно оставляют на поверхности планет.

— Я дурачу его, — сказала Нелли. — Он пытается проникнуть в мой мозг, а я читаю его мысли.

— То есть… — Макензи подался вперед, совершенно позабыв о потухшей трубке. — Почему же ты до сих пор молчала? Верно, радовалась жизни, вынюхивала, о чем мы думаем, и посмеивалась над нами исподтишка?!

— Нет, нет, — возразила Нелли, — честное слово, нет. Я даже не знала, что умею. Просто когда я почувствовала, что Энциклопедия забрался ко мне в голову, то рассердилась настолько, что готова была пришибить его на месте, но потом передумала и решила быть похитрее. Мне показалось, что если он может копаться в моем мозгу, то чем я хуже? Ну вот, я попробовала, и у меня получилось.

— И впрямь очень просто, — язвительно заметил Макензи.

— Мне как будто подсказали, что надо делать.

— Если бы парень, который тебя изобрел, узнал об этом, он перерезал бы себе горло.

— Мне страшно, — пробормотала Нелли.

— Отчего?

— Энциклопедия знает слишком много.

— Шок от контакта с инопланетянином, — поставил диагноз Макензи. — Урок на будущее: не связывайся с инопланетянами без предварительной подготовки.

— Дело не в том, — сказала Нелли. — Он знает то, чего ему не следовало бы знать.

— Насчет нас?

— Нет, насчет мест, до которых земляне еще не добрались, и все такое прочее, до чего никак не мог дойти собственным умом.

— Например?

— Например, математические уравнения, ни капельки не похожие на те, что известны нам. Откуда он узнал их, если провел всю жизнь на этой планете? Чтобы пользоваться такими уравнениями, нужно даже лучше землян разбираться в природе пространства и времени. Кроме того, он напичкан философией, всякими идейками, что поначалу представляются попросту бредовыми, но от которых, стоит вообразить себе тех, кто придумал их, голова идет буквально кругом.

Макензи достал кисет, заново набил трубку и раскурил ее.

— Ты хочешь сказать, что Энциклопедия побывал в мозгах других существ, прилетавших сюда?

— По-моему, такое вполне возможно, — отозвалась Нелли. — Мало ли что могло случиться в прошлом? Энциклопедия ведь очень старый. Он уверяет, что практически бессмертен, умрет только тогда, когда во Вселенной не останется ни единого непознанного явления. Мол, если нечего станет узнавать, зачем жить дальше?

Макензи постучал черенком трубки по зубам.

— Похоже на правду, — заметил он. — Я про бессмертие. С физиологической точки зрения растениям жить куда проще, чем животным. При надлежащей заботе они и впрямь могут цвести себе до скончания времен.

На склоне холма зашелестела трава. Макензи замолчал и сосредоточился на трубке. Нелли присела на корточки поблизости от него. Энциклопедия величаво спустился с холма, подобрался к вездеходу и вонзил свой корень в почву, решив, как видно, подкрепиться на сон грядущий. От его напоминавшей раковину спины отражался звездный свет.

— Я так понимаю, ты собираешься с нами на Землю? — спросил Макензи, чтобы завязать разговор.

Ответом ему была четкая, отточенная мысль, как бы пронизавшая мозг:

— Я бы не отказался. Ваша раса интересует меня.

Попробуй поговори с таким, подумалось Макензи. Как тут не растеряться, когда тебе отвечают не вслух, а мысленно?

— Что ты думаешь о нас? — справился он и немедленно ощутил всю бестолковость подобного вопроса.

— Я знаю о вас очень мало, — заявил Энциклопедия. — Вы создали искусственную жизнь, а мы живем естественной. Вы подчинили себе все силы природы, которыми смогли овладеть. На вас трудятся машины. Судя по первому впечатлению, вы потенциально опасны.

— Что хотел, то и получил, — пробормотал Макензи.

— Не понимаю.

— Забудем, — отмахнулся человек.

— Ваша беда, — продолжал Энциклопедия, — в том, что вы не знаете, куда движетесь.

— Так в том-то вся прелесть! — воскликнул Макензи. — Господи, да если бы мы знали, куда идем, жить было бы скучнее скучного. А так — ты только представь: за каждым углом, за каждым поворотом — новый сюрприз, новое приключение!

— Знание цели имеет свои преимущества, — возразил Энциклопедия.

Макензи выбил трубку о каблук башмака, затем затоптал угольки.

— Значит, ты нас раскусил?

— Ни в коем случае, — отозвался Энциклопедия. — Это лишь первое впечатление.

Понемногу светало. Музыкальные деревья выглядели этакими кособокими серыми призраками. Все дирижеры, за исключением тех, которые не пожелали отказаться от сна даже ради землян, сидели на своих подиумах, черные и мохнатые, как бесы. Делберт восседал на плече Смита, вцепившись когтистой лапой ему в волосы, чтобы не потерять равновесия. Энциклопедия тащился позади всех. Уэйд шагал во главе маленького отряда, показывая дорогу к подиуму Олдера.

Чашу наполняли обрывки мыслей, излучаемых сознаниями дирижеров. Макензи ощущал, как эти чужеродные мысли норовят проникнуть в его мозг, и почувствовал, что волосы на затылке встают дыбом. Мысли шли не единым потоком, а разрозненно, как будто дирижеры сплетничали между собой.

Желтые утесы стояли часовыми над долиной;

чуть выше тропы, что вела вниз, маячил вездеход, похожий в лучах восходящего солнца на огромного оседланного жука.

Олдер, малопривлекательный на вид гномик с кривыми ножками, поднялся с подиума, приветствуя гостей. Поздоровавшись, земляне уселись на корточки. Делберт с высоты своего положения на плече Смита состроил Олдеру гримасу. Некоторое время все молчали; затем Макензи, решив обойтись без формальностей, произнес:

— Мы освободили Делберта и привели его обратно.

— Он нам не нужен, — нахмурился Олдер, в его мыслях сквозило отвращение.

— То есть как? — изумился Макензи. — Он же один из вас… Нам пришлось изрядно потрудиться…

— От него сплошные неприятности, — объявил Олдер. — Он никого не уважает, ни с кем не считается, все делает по-своему.

— Вы лучше на себя посмотрите! — вмешался Делберт. — Тоже мне, музыканты! Вы злитесь на меня из-за того, что я — другой, что мне плевать…

— Вот видите, — сказал Макензи Олдер.

— Вижу, — согласился тот. — Впрочем, новые

идеи рано или поздно обретают ценность. Возможно, он…

Олдер ткнул пальцем в Уэйда.

— С ним все было в порядке, пока не появился ты! Ты заразил его своими бреднями! Твои глупейшие рассуждения о музыке… — Олдер запнулся, вероятно, от избытка чувств, потом продолжил: — Зачем ты пришел? Кто тебя звал? Что ты лезешь не в свое дело?

Уэйда, казалось, вот-вот хватит удар.

— Меня ни разу в жизни так не оскорбляли, — прорычал он и стукнул себя кулаком в грудь. — На Земле я сочинял Музыку с большой буквы! Я никогда не…

— Убирайся в свою нору! — крикнул Олдеру Делберт. — Вы все понятия не имеете о том, что такое музыка. Пиликаете изо дня в день одно и то же, нет чтобы выбиться из колеи, сменить кожу, перестроиться. Дурни вы старые, пни замшелые!

— Какой язык! — воскликнул Олдер, в ярости потрясая над головой сжатыми кулаками. — Да как ты смеешь!..

Чашу захлестнула мысленная волна злобы.

— Тихо! — гаркнул Макензи. — Кому говорят, ну-ка тихо!

Уэйд перевел дух, его лицо сделалось чуть менее

багровым. Олдер присел на корточки и постарался принять невозмутимый вид. Мысли остальных перешли в неразборчивое бормотание.

— Вы уверены? — спросил Макензи. — Уверены, что не хотите возвращения Делберта?

— Мистер, — ответил Олдер, — мы были счастливы, когда узнали, что его забрали.

Другие дирижеры поддержали это заявление одобрительными возгласами.

— По правде сказать, мы не прочь избавиться кое от кого еще, — прибавил Олдер.

С дальнего конца Чаши долетела мысль, содержавшая в себе откровенную издевательскую насмешку.

— Судите сами, можно ли ужиться с такими, — Олдер пристально поглядел на Макензи. — А все началось из-за… из-за… — Так и не найдя подходящего эпитета для Уэйда, он снова сел; возбуждение миновало, и мысли потекли с прежней четкостью: — Если они покинут нас, мы будем искренне рады. Из-за них у нас постоянные склоки. Мы не можем сосредоточиться, не можем как следует настроиться, не можем исполнять музыку так, как нам того хочется.

Макензи сдвинул шляпу на затылок и почесал лоб.

— Олдер, — заявил он наконец, — сдается мне, каша у вас тут заварилась нешуточная.

— Мы были бы весьма признательны, если бы вы забрали их, — сказал Олдер.

— За милую душу! — воскликнул Смит. — С превеликим удовольствием! Столько, сколько… — Макензи пихнул его локтем в бок, и Смит заткнулся.

— Мы не можем забрать деревья, — ядовито сообщила Нелли. — Это не допускается законом.

— Законом? — изумился Макензи.

— Да, правилами Компании. Или тебе неизвестно, что Компания разработала правила поведения для своих служащих? Ну разумеется, подобные вещи тебя не интересуют.

— Нелли, — рявкнул Смит, — не суй нос не в свое дело! Мы всего-навсего собираемся оказать Олдеру незначительную услугу…

— Которая запрещается правилами, — перебила Нелли.

— Точно, — со вздохом подтвердил Макензи. — Раздел тридцать четыре главы «Взаимоотношения с инопланетными формами жизни»: «Служащим Компании возбраняется вмешиваться во внутренние дела других рас».

— Совершенно верно. — Судя по тону, Нелли

гордилась собой. — Помимо всего прочего, если мы заберем деревья, то окажемся втянутыми в ссору, к которой не имеем никакого отношения.

— Увы, — сказал Макензи Олдеру, разводя руками.

— Мы дадим вам монополию на нашу музыку, — искушал Олдер. — Будем извещать вас всякий раз, как только у нас появится что-либо свеженькое. Мы обещаем не вести переговоров с грумми и продавать музыку по разумной цене.

— Нет, — покачала головой Нелли.

— Полтора бушеля вместо двух, — предложил Олдер.

— Нет.

— Заметано, — воскликнул Макензи. — Показывай, кого забирать.

— Я не понимаю, — возразил Олдер. — Нелли говорит «нет», вы — «да». Кому верить?

— Нелли может говорить что угодно, — хмыкнул Смит.

— Я не позволю вам забрать деревья, — сказала Нелли, — не позволю, и все.

— Не обращайте на нее внимания, — посоветовал Макензи. — Ну, от кого вам не терпится избавиться?

— Мы благодарим вас, — произнес Олдер.

Макензи поднялся и огляделся по сторонам.

— Где Энциклопедия? — спросил он.

— Удрал к машине, — ответил Смит.

Макензи посмотрел на холм: Энциклопедия быстро поднимался по тропе, что вела к гребню.

Все происходящее казалось не слишком реальным, вывернутым шиворот-навыворот, словно на планете разыгрывались сценки из той старой детской книжки, которую написал человек по имени Кэрролл. Шагая по тропе, Макензи думал о том, что, может быть, стоит ущипнуть себя — глядишь, он проснется, и мир встанет с головы на ноги. Он-то надеялся всего-навсего успокоить аборигенов, вернуть им музыкальное дерево в знак мирных намерений землян, а вышло так, что ему предлагают забрать это дерево обратно, в придачу к нескольким другим. Нет, что-то тут не совсем так, вернее, совсем не так, но вот что именно? Впрочем, какая разница? Надо забирать деревья и уматывать, пока Олдер и его приятели не передумали.

— Забавно, — проговорил шедший следом Уэйд.

— Да уж, — согласился Макензи, — забавнее некуда.

— Я разумею деревья, — пояснил Уэйд. — Зна-

ете, Делберт и прочие изгнанники — они ничем не отличаются от остальных. Я слушал концерты много раз и готов поклясться: ни малейшим отступлением от канонов там и не пахло.

Макензи остановился, обернулся и схватил Уэйда за руку.

— То есть Делберт играл как все?

Уэйд кивнул.

— Неправда! — воскликнул Делберт, по-прежнему восседавший на плече Смита. — Я не желал играть как все! Мне всегда хотелось добиться известности! Я выпекал вещь за вещью, выкладывая их на блюдечки с каемочками, получалось до того здорово, что самому хотелось слопать!

— Где ты набрался этого жаргона? — справился Макензи. — Никогда ничего подобного не слышал.

— У него. — Делберт показал на Уэйда.

Тот покраснел и выдавил:

— Доисторический язык, им пользовались в двадцатом веке. Я прочитал о нем в исследовании по истории музыки. Там приводился словарь… Понимаете, термины были настолько необычными, что сами собой засели в памяти…

Смит облизал губы и присвистнул.

— Выходит, Делберт позаимствовал жаргон из

ваших мыслей. Принцип тот же, что и у Энциклопедии, а вот результат похуже.

— Ему не хватает разборчивости Энциклопедии, — объяснил Макензи. — К тому же откуда он мог знать, что говорит на языке прошлого?

— Меня подмывает свернуть ему шею, — признался Уэйд.

— Не вздумайте, — предостерег Макензи. — Я согласен, сделка кажется подозрительной, но семь музыкальных деревьев — это вам не какая-нибудь ерунда. Лично я отступаться не намерен.

— По-моему, — заметила Нелли, — вам не следовало связываться с ними.

— Да что с тобой, Нелли? — полюбопытствовал Макензи, хмуря брови. — С какой стати ты принялась там, внизу, рассуждать о законе? Правила правилами, но ведь на все случаи жизни они не годятся. Ради семи музыкальных деревьев Компания легко поступится парочкой правил, уверяю тебя. Ты догадываешься, как нас встретят дома? Чтобы послушать их, нам станут отваливать по тысяче баксов с носа, и придется выставлять оцепление, чтобы толпа не слишком напирала!

— А главное то, — прибавил Смит, — что народ будет приходить снова и снова. Чем дольше люди будут слушать музыку, тем сильнее она их

заденет. Мне кажется, меломания превратится в одержимость. Найдутся такие, которые пойдут на что угодно, лишь бы еще разок услышать, как поют деревья.

— Вот единственное, чего я, кстати говоря, опасаюсь, — вздохнул Макензи.

— Я вас предупредила, — отозвалась Нелли. — Мне известно не хуже вашего, что в такой ситуации правилами обычно пренебрегают. Просто в мыслях дирижеров сквозила насмешка. Они вели себя, как уличные сорванцы, которые потешаются над тем, кого только что одурачили.

— Бред, — фыркнул Смит.

— Так или иначе, сделка состоится, — заявил Макензи. — Если мы упустим такую возможность, нас потом четвертуют.

— Ты собираешься связаться с Харпером? — спросил Смит.

— Нужно договориться с Землей, чтобы за деревьями прислали корабль.

— На мой взгляд, — буркнула Нелли, — мы сами себя сажаем в лужу.

Макензи щелкнул переключателем, и экран видеофона потемнел. Убедить Харпера оказалось нелегко. Впрочем, Макензи понимал шефа. В такое и впрямь верится с трудом. Но с другой

стороны, здесь все не так, как положено.

Макензи извлек из кармана кисет и трубку. Нелли наверняка заартачится, когда ей велят выкопать остальные шесть деревьев, но ничего, переживет. Нужно торопиться, запасы сыворотки на исходе, осталась всего одна колба.

Внезапно снаружи раздались возбужденные крики. Макензи единым движением сорвался с кресла и выскочил в люк — и чуть было не врезался в Смита, который выбежал из-за машины. Уэйд, который находился у подножия утеса, спешил к товарищам.

— Ну Нелли дает! — воскликнул Смит. — Ты погляди на нее!

Нелли приближалась к вездеходу размеренным шагом, волоча за собой нечто, судорожно дрыгавшееся и сопротивлявшееся. Роща ружейных деревьев дала залп по роботу, одна пуля угодила Нелли в плечо, на долю секунды лишив ее равновесия. При ближайшем рассмотрении выяснилось, что нечто на деле — Энциклопедия. Нелли тащила его за корень; бедное растение пересчитывало собственным телом все кочки, какие только попадались на пути.

— Отпусти его! — крикнул Макензи. — Отпусти немедленно!

— Он украл сыворотку, — заявила Нелли, — и разбил колбу о скалу.

Она швырнула Энциклопедию под ноги людям. Тот несколько раз подпрыгнул, как мячик, откатился в сторону, принял вертикальное положение и замер, надежно спрятав корень под собой.

— Я душу из тебя вышибу! — Смит, похоже, не собирался шутить. — Ты же знал, что сыворотка нам необходима!

— Вы угрожаете мне насилием, — произнес Энциклопедия, — что является наиболее примитивным методом убеждения.

— Зато всегда срабатывает, — сообщил Смит.

Если Энциклопедия и испугался, это никак не отразилось на течении его мыслей, как обычно сформулированных весьма определенным образом.

— Ваш закон запрещает применять насилие или угрожать им инопланетным формам жизни.

— Приятель, — хмыкнул Смит, — есть такая поговорка: «Закон что дышло: куда повернул, туда и вышло». На то и правила, чтобы из них существовали исключения.

— Минуточку, — вмешался Макензи и спросил Энциклопедию: — Что такое, по-твоему, закон?

— Правила поведения, которые необходимо соблюдать. Вы не можете нарушить их.

— Чувствуется влияние Нелли, — пробормотал Смит.

— То есть ты считаешь, что мы не можем забрать деревья, раз закон запрещает нам сделать это?

— Не можете, — подтвердил Энциклопедия.

— Едва до тебя дошло что к чему, ты стащил у нас сыворотку. Молодец, ничего не скажешь.

— Он рассчитывал одурачить нас, — объяснила Нелли, — если хотите, облапошить — в общем, использовать в своих целях. Насколько я поняла, он украл сыворотку для того, чтобы нам нечем было защищаться от музыки. А потом, вдоволь наслушавшись, мы бы забрали деревья.

— Наплевав на закон?

— Именно. Наплевав на закон.

— Что за ерунду ты порешь? — напустился на робота Смит. — Откуда тебе известно, что он там замышлял?

— Я прочла его мысли, — ответила Нелли. — Он прятал их ото всех, но, когда ты пригрозил ему, часть истины выплыла наружу.

— Нет! — воскликнул Энциклопедия. — Нет, не ты, не машина!

— Извини, дружище, — фыркнул Макензи, — но ты ошибаешься.

Смит ошеломленно уставился на товарища.

— Правда, правда, — заверил его Макензи. — Мы не блефуем. Нелли рассказала мне вчера вечером.

— Вас неправильно информировали, — отбивался Энциклопедия. — Вы неверно истолковываете факты…

— Не верь ему, — произнес тихий голос, прозвучавший, как почудилось Макензи, у него в голове. — Не слушай, он все врет.

— Никодим! Ты что, что-то знаешь?

— Дело в деревьях, — сказал Никодим. — Музыка изменяет тебя, и ты становишься не таким, каким был раньше. Уэйд уже изменился, хотя и не подозревает о том.

— Если вы хотите сказать, что музыка завораживает, я согласен с вами, — проговорил Уэйд. — Я не могу жить без нее, не могу покинуть Чашу. Возможно, вы, джентльмены, полагали, что я отправлюсь с вами. К сожалению, ничего не получится. Я не могу уйти отсюда. Подобное может произойти с любым человеком. У Александера, когда он был здесь, неожиданно закончилась сыворотка. Врачи поставили его на

ноги, однако он вернулся, потому что должен был вернуться, просто-напросто должен.

— Перемена заключается не только в этом, — возразил Никодим. — Музыка подчиняет человека настолько, что изменяет образ мышления, переиначивает жизненные ценности.

— Ложь! — вскричал Уэйд, делая шаг вперед. — Я остался таким, каким был!

— Вы слушаете музыку, — сказал Никодим, — улавливаете в ней то, чего не передать словами, то, что стремитесь, но не можете постичь. Вас томят неосознанные желания, вам в голову приходят странные мысли.

Уэйд замер с раскрытым ртом и вытаращился на Макензи.

— Так и есть, — прошептал он, — ей-богу, так и есть. — Он принялся озираться по сторонам с видом загнанного животного. — Но я не чувствую в себе никаких перемен. Я человек, я мыслю как человек, веду себя как человек!

— Разумеется, — подтвердил Никодим. — Они боялись вас спугнуть. Ощути вы, что с вами творится что-то неладное, вы наверняка постарались бы выяснить, что тому причиной. И потом, вы провели тут меньше года. Через пять лет вы отвернулись бы от людей, а через десять начали

бы мало-помалу превращаться в нечто совершенно иное.

— А мы-то собирались везти деревья на Землю! — воскликнул Смит. — Целых пять штук! Помнишь, Дон? Чтобы земляне слушали их музыку, вечер за вечером, вживую и по радио. Ничего себе положеньице: семь деревьев изменяют мир!

— Но зачем? — проговорил потрясенный Уэйд.

— А зачем люди одомашнивают животных? — ответил вопросом на вопрос Макензи. — У животных о том спрашивать бесполезно, они не знают. Справляться у собаки, почему ее одомашнили, все равно что интересоваться тем, с какой стати деревьям вздумалось приручить нас. Несомненно, они преследуют какую-то цель, и она для них вполне ясна и логична. Для нас же она, скорее всего, не станет таковой никогда.

— Никодим, — от мысли Энциклопедии веяло могильным холодом, — ты предал своих сородичей.

— Ты снова ошибаешься, — заметил Макензи с коротким смешком. — Никодим уже не растение, он — человек. С ним случилось то самое, что ты прочил для нас. Он стал человеком во всем, кроме разве что внешнего вида. Он мыслит как человек, разделяет не ваши, а наши убеждения.

— Правильно, — сказал Никодим. — Я человек.

Внезапно из зарослей кустарника в сотне ярдов от вездехода вырвалось ослепительное пламя, раздался треск раздираемой материи. Смит издал нечленораздельный вопль. На глазах у пораженного Макензи он пошатнулся, прижал руку к животу, словно переломился пополам, и рухнул на землю. Лицо его исказила гримаса боли.

Нелли устремилась к зарослям. Макензи нагнулся над Смитом.

Смит криво усмехнулся. Губы его зашевелились, но слов слышно не было. Неожиданно он весь обмяк, дыхание сделалось замедленным и прерывистым. Живое одеяло накрыло собой рану. Макензи выпрямился и вынул из кобуры пистолет. Засевший в кустарнике стрелок, завидев несущегося на него робота, вскочил и вскинул винтовку. Макензи страшно закричал и выстрелил, не целясь. Он промахнулся, зато чуть ли не половину зарослей охватило пламя. Стрелок пригнулся, и тут подоспела Нелли. Она подхватила его на руки и с размаху швырнула на землю, остальное скрыл дым. Макензи, уронив руку с пистолетом, тупо прислушивался к доносившимся из зарослей глухим ударам, сопровождавшим отход в мир иной человеческой души.

К горлу подкатила тошнота, и Макензи отвернулся. Рядом со Смитом на коленях стоял Уэйд.

— Похоже, он без сознания, — проговорил композитор.

Макензи кивнул.

— Одеяло держит его под наркозом. Не волнуйтесь, оно прекрасно справится.

Послышался шелест травы. Энциклопедия воспользовался тем, что остался без присмотра, и улепетывал без оглядки, направляясь к ближайшей роще ружейных деревьев.

— Это был Александер, — сказала Нелли за спиной Макензи. — Больше он нас не потревожит.

Фактор Нельсон Харпер раскуривал трубку, когда прозвучал сигнал видеофона. Испуганно вздрогнув, он щелкнул переключателем. На экране появилось лицо Макензи — грязное, потное, искаженное страхом. Не тратя времени на приветствия, Макензи заговорил:

— Отменяется, шеф. Сделка не состоится. Я не могу забрать деревья.

— Ты должен их забрать! — рявкнул Харпер. — Я уже связался с Землей, и дело закрутилось. Они себя не помнят от радости и пообещали, что корабль вылетит к нам в течение часа.

— Ну так свяжитесь снова и скажите, что все

сорвалось, — буркнул Макензи.

— Ты же уверял, что все на мази, никаких осложнений не предвидится! Или не ты клялся доставить их, даже если тебе придется ползти всю дорогу на четвереньках?

— Я, я, — отозвался Макензи, — кто же еще? Но тогда я не знал того, что знаю сейчас.

— Компания сообщила о нашей удаче всей Солнечной системе, — простонал Харпер. — Радио Земли ведет через Меркурий передачу на Плутон. Какой-нибудь час спустя все мужчины, женщины и дети узнают, что на Землю везут музыкальные деревья. Мы ничего не можем поделать, понимаешь, Макензи? Мы должны забрать их!

— Я не могу, шеф, — упорствовал Макензи.

— Но почему? — возопил Харпер. — Ради всего святого, почему? Если ты не…

— Потому что Нелли сжигает их. Она отправилась в Чашу с огнеметом в руках. Скоро на планете не останется ни одного музыкального дерева.

— Останови ее! — взвизгнул Харпер. — Чего ты ждешь, беги и останови ее! Как угодно, хоть расплавь на месте, я разрешаю. Эта дура…

— Я сам приказал ей, — перебил Макензи. — Вот закончу с вами и пойду помогать.

— Ты что, спятил? — вконец разъярился Харпер. — Идиот полоумный! Да тебя съедят живьем! Скажешь спасибо, если…

На экране мелькнули две руки. Они сомкнулись на горле Макензи и поволокли того прочь. Экран опустел, но не совсем, на нем что-то мельтешило. Впечатление было такое, будто прямо перед видеофоном идет жестокая драка.

— Макензи! — закричал Харпер. — Макензи!

Внезапно экран словно разлетелся вдребезги.

— Макензи! — надрывался фактор. — Макензи, что происходит?

Экран ослепительно вспыхнул, взвыл, точно баньши, и погас. Харпер застыл как вкопанный с микрофоном в руках. Его трубка валялась на полу, из нее сыпались тлеющие угольки. В сердце фактора мало-помалу закрадывался страх, холодная и скользкая змея; страх терзал Харпера и насмехался над ним. Он знал, что за такое Компания снимет с него голову. Лучшее, чего можно было ожидать, это ссылки на какую-нибудь третьеразрядную планетку в должности чернорабочего. Пятно на всю жизнь; человек, которому нельзя доверять, который не справился со своими обязанностями и подмочил репутацию Компании.

Впрочем, подождите-ка! Если он доберется до Чаши Гармонии довольно быстро, то сумеет положить конец безумию, сумеет по крайней мере сохранить хотя бы несколько деревьев. Слава богу, флаер на месте. Значит, через полчаса он будет в Чаше.

Харпер кинулся к двери, распахнул ее настежь, и тут что-то просвистело возле его щеки, ударилось о косяк и взорвалось, оставив после себя облачко пыли. Он инстинктивно пригнулся, и следующая пуля лишь чиркнула по волосам, зато третья угодила прямо в ногу. Он повалился навзничь; четвертая пуля взорвалась прямо перед самым его носом. Харпер кое-как встал на колени, покачнулся, когда очередной залп пришелся ему в бок, заслонил лицо правой рукой и немедленно получил удар, от которого мгновенно онемело запястье. Им овладела паника: превозмогая боль, он на четвереньках добрался до порога, переполз через него и захлопнул за собой дверь.

Он попробовал пошевелить пальцами правой руки. Те отказывались слушаться. Так, похоже, перелом запястья.

После долгих недель пальбы в белый свет ружейное дерево, что росло напротив фактории, наконец сообразило поправить прицел и стреля-

ло теперь прямой наводкой.

Макензи приподнялся с пола, оперся на локоть, прикоснулся пальцами к саднящему горлу. Салон вездехода виделся неотчетливо, будто в тумане, голова раскалывалась от боли. Он передвинулся назад — ровно настолько, чтобы прислониться спиной к стене. Салон постепенно приобрел более-менее четкие очертания, но боль, похоже, и не думала отступать. В проеме люка стоял человек. Макензи напряг зрение, пытаясь определить, кто это.

— Я забираю ваши одеяла, — резанул слух неестественно высокий голос. — Получите их обратно после того, как оставите в покое деревья.

Макензи разжал губы, однако слова не шли с языка: тот еле ворочался во рту.

— Уэйд? — наконец выдавил он.

Да, он не ошибся, с ним говорил именно Уэйд. В одной руке того болтались живые одеяла, другой он сжимал рукоять пистолета.

— Вы спятили, Уэйд, — прошептал Макензи. — Мы должны уничтожить деревья, иначе человечество неминуемо погибнет. У них не получилось на этот раз, но они наверняка попробуют снова и однажды добьются своего, причем им не придется даже лететь на Землю. Они за-

чаруют нас через записи: этакая межпланетная пропаганда. Дело несколько затянется, однако результат будет тем же самым.

— Они прекрасны, — произнес Уэйд, — прекраснее всего, что есть во Вселенной. Я не могу допустить их гибели. Вы не смеете уничтожать их!

— Вы что, не понимаете — потому-то они и опасны? — прохрипел Макензи. — Их красота фатальна. Никто не может устоять против нее.

— Я жил музыкой деревьев, — сказал Уэйд. — Вы утверждаете, что она превратила меня всего лишь в подобие человека. Ну и что? Или расовая чистота как в мыслях, так и в действиях — фетиш, который вынуждает нас влачить жалкое существование, несмотря на то что рядом, рукой подать, нам предлагается иной, поистине великий выбор? Мы бы никогда ни о чем не узнали, ясно вам, никогда и ни о чем! Да, они изменили бы нас, но постепенно, исподволь, так, что мы ничего бы не заподозрили. Поступки и побуждения по-прежнему казались бы нам нашими собственными, и никто бы не сообразил, что деревья — не просто музыкальная забава.

— Им понадобились наши механизмы, — проговорил Макензи. — Растения не могут строить

машины. При благополучном же для них стечении обстоятельств они ступили бы на новый путь и увлекли нас за собой туда, куда бы мы в здравом рассудке не согласились пойти ни за какие деньги.

— Откуда нам знать, — буркнул Уэйд, — что такое здравый рассудок?

Макензи сел прямо.

— Вы думали об этом? — спросил он, стараясь не обращать внимания на боль в горле и стук крови в висках.

— Да, — кивнул Уэйд. — Поначалу, что вполне естественно, мне стало страшно, но потом я осознал, что страх лишен оснований. Наших детей учат в школе тому или иному образу жизни. Наша пресса стремится формировать общественное мнение. Так чего же мы испугались деревьев? Вряд ли их цель эгоистичнее нашей собственной.

— Не скажите, — покачал головой Макензи. — У нас своя жизнь. Мы должны следовать путем, предначертанным человечеству. Помимо всего прочего, вы попусту тратите время.

— Не понял?

— Пока мы тут беседуем, Нелли сжигает деревья. Я послал ее в Чашу перед тем, как связался

с Харпером.

— Ничего она не сжигает, — пробормотал Уэйд.

— То есть как? — вскинулся Макензи, словно порываясь вскочить.

Уэйд выразительно повел стволом излучателя.

— А вот так, — отрезал он. — Нелли ничего не сжигает, поскольку не в состоянии что-либо сжечь, и вы тоже, потому что я забрал оба огнемета. Вездеход не тронется с места, я о том позаботился. Так что лежите спокойно, и никаких глупостей.

— Вы оставили его без одеяла? — проговорил Макензи, показав на Смита.

Уэйд кивнул.

— Вы хотите, чтобы Смит умер? Без одеяла у него нет ни малейшего шанса выкарабкаться. Одеяло вылечит его, накормит, согреет…

— Вот еще одна причина, по которой нам следует как можно скорее договориться между собой.

— Ваше условие — чтобы мы оставили в покое деревья?

— Совершенно верно.

— Нет, не пойдет, — прошептал Макензи.

— Когда передумаете, позовите меня, — сказал Уэйд. — Я буду держаться поблизости. — С этими

словами он спрыгнул на землю.

Смит отчаянно нуждался в тепле и пище. За час, который прошел с той поры, как его лишили одеяла, он очнулся, и у него началась жестокая лихорадка. Макензи сидел на корточках рядом с ним и старался хоть как-то облегчить страдания товарища. Стоило ему подумать о том, что ждет их впереди, как его захлестывала волна ужаса.

В вездеходе не было ни продовольствия, ни средств обогрева, ибо ни в том, ни в другом не возникало необходимости, пока люди имели при себе живые одеяла. Но теперь одеяла неизвестно где! Макензи отыскал аптечку первой помощи, перерыл ее снизу доверху, но не обнаружил ничего такого, что могло бы помочь Смиту: ни обезболивающих, ни жаропонижающих. И в самом деле, зачем нужны таблетки, когда их с успехом заменяют живые одеяла? Что касается тепла, можно было бы использовать атомный двигатель машины, однако мерзавец Уэйд снял механизм запуска. Между тем снаружи сгущались сумерки; значит, вот-вот похолодает, а для человека в положении Смита холод означает смерть.

«Если бы я только мог найти Нелли», — подумалось Макензи. Он попытался разыскать ее,

пробежал около мили по краю Чаши, но никого не встретил, а отойти дальше от вездехода не отважился из-за страха за Смита.

Смит что-то пробормотал. Макензи нагнулся к нему, надеясь разобрать слова, но надежда оказалась тщетной. Тогда он встал и направился к люку. Перво-наперво необходимо тепло, затем пища. Тепло, тепло — что ж, открытый огонь не лучший способ согреться, но когда все прочие недоступны…

Впереди замаячил прицеп с музыкальным деревом, повернутым корнями к небесам. Макензи сломал несколько сухих веток, решив, что они пойдут на растопку. А вообще, придется разводить костер из сырой древесины. Ничего, до завтра как-нибудь протянем, а там, глядишь, подвернется побольше сухостоя.

Музыкальные деревья в Чаше настраивались на вечерний концерт.

Вернувшись в машину, Макензи достал нож, аккуратно расщепил сухие ветки, сложил их на полу и щелкнул зажигалкой. Неожиданно в проеме люка, словно привлеченная язычком пламени, возникла крохотная фигурка. Макензи ошарашенно уставился на незваного гостя, забыв поднести зажигалку к хворосту.

— Что ты делаешь? — проникла в его сознание возбужденная мысль Делберта.

— Разжигаю костер.

— Что такое костер?

— Это… А ты разве не знаешь?

— Нет.

— В костре горит огонь, — пояснил Макензи. — Происходит химическая реакция, которая уничтожает материю и высвобождает энергию в виде тепла.

— А из чего ты разводишь костер? — Делберт прищурился, глядя на зажигалку.

— Из веток.

Глаза Делберта расширились, в мыслях промелькнула тревога.

— Веток с дерева?

— Ну да. Мне нужна была древесина. Она горит и дает тепло.

— С какого дерева?

— С того… — начал было Макензи и запнулся на полуслове. Внезапно до него дошло! Он убрал палец с зажигалки, и огонек погас.

— Это мое дерево! — крикнул Делберт; его душили страх и злоба. — Ты разводишь костер из моего дерева!

Макензи промолчал.

— Когда ты сожжешь его, оно погибнет! — не успокаивался Делберт. — Верно? Оно погибнет?

Макензи кивнул.

— Зачем тебе убивать его? — воскликнул Делберт.

— Мне нужно тепло, — повторил Макензи. — Без тепла мой друг умрет. Костер — единственный способ получить тепло.

— Дерево мое!

— Какая мне разница! — пожал плечами Макензи. — Без тепла нам не обойтись, и я его добуду.

Он вновь щелкнул зажигалкой.

— Но я ведь не сделал тебе ничего плохого, — взвыл Делберт, раскачиваясь взад-вперед в проеме люка. — Я твой друг, я никогда не замышлял тебе зла.

— Да ну? — хмыкнул Макензи.

— Правда, правда, — уверил Делберт.

— А как насчет вашего плана? — справился Макензи. — Или не ты пробовал обмануть меня?

— Я тут ни при чем, — простонал Делберт. — Мы, деревья, не виноваты. Все придумал Энциклопедия!

— Вы про меня? — осведомилась обрисовавшаяся снаружи тень.

Энциклопедия вернулся. Он высокомерно от-

пихнул Делберта и очутился в салоне вездехода.

— Я видел Уэйда, — сказал он.

— И потому решил, что здесь безопаснее, — фыркнул Макензи, испепеляя его взглядом.

— Разумеется, — невозмутимо подтвердил Энциклопедия. — Ваша формула силы утратила всякий смысл. Вы не можете применить ее.

Макензи резко выбросил руку, схватил Энциклопедию за корень и швырнул в угол.

— Только попытайся вылезти, — прорычал он, — я покажу тебе формулу!

Энциклопедия встряхнулся, точно курица. Мысли его оставались спокойными и холодными.

— Я не понимаю, какая вам польза от силы.

— Поймешь, когда окажешься в супе, — пообещал Макензи. Он оценивающе взглянул на Энциклопедию. — Да, из тебя выйдет неплохой суп. Ты вполне сойдешь за капусту. Не то чтобы я любил капустный суп…

— Суп?

— Суп, суп. Жидкая пища.

— Пища! — Мысль Энциклопедии выражала волнение. — Вы собираетесь меня съесть?

— А почему нет? — справился Макензи. — В конце концов, ты всего-навсего растение, пускай разумное, но растение. — Он ощутил мысленное

прикосновение к мозгу: Энциклопедия вновь взялся за старое. — Давай-давай, но предупреждаю сразу, тебе вряд ли понравится то, что ты там найдешь.

— Вы скрыли от меня! — возмутился Энциклопедия.

— Ничего подобного, — возразил Макензи. — У нас просто не было случая подумать об этом, вспомнить — для чего люди сажали растения раньше и как пользуются ими и по сей день. Впрочем, ныне мы нечасто прибегаем к ним, потому что необходимость отпала, однако стоит ей появиться снова…

— Вы едите нас! — пробормотал Энциклопедия. — Вы строите из нас дома! Вы уничтожаете нас, чтобы согреться. Эгоисты!

— Не горячись, — посоветовал Макензи. — Тебя ведь задел не сам факт, а то, что мы полагали, что имеем на это право, так? Тебя возмущает, что мы рвем и рубим, не спрашивая, не задаваясь вопросом, каково растениям. Ты страдаешь от оскорбленного достоинства, верно? — Он передвинулся поближе к люку. Из Чаши раздались первые аккорды. Настройка завершилась, начался концерт. — К сожалению, я оскорблю его еще сильнее. Ты для меня — всего лишь растение.

Ты кое-чему научился, приобрел налет цивилизации, но со мной тебе не равняться. Мы, люди, не торопимся забывать прошлое. Минет не одно тысячелетие, прежде чем мы станем относиться к вам хоть чуть-чуть иначе; пока же вы для нас — обыкновенные растения, сродни тем, которыми мы пользовались в былом и можем воспользоваться сейчас.

— Капустный суп, — буркнул Энциклопедия.

— Молодец, — похвалил Макензи, — усвоил.

Музыка внезапно смолкла, оборвалась на середине аккорда.

— Видишь, — заметил Макензи, — даже музыка покинула тебя.

Тишина надвинулась на вездеход, окутала его, словно пеленой тумана; вдруг послышался некий звук: шлеп… шлеп… К машине приближалось нечто огромное и массивное.

— Нелли! — воскликнул Макензи, различив в темноте широкоплечую спину робота.

— Да, шеф, это я, — отозвалась Нелли. — Я принесла вам подарок.

Она швырнула в люк вездехода Уэйда. Тот перекатился на спину и застонал. С тела композитора спорхнули двое крохотных существ.

— Нелли, — проговорил Макензи сурово, — ко-

лотить его было вовсе незачем. Тебе следовало подождать с наказанием до моего решения.

— Шеф, — запротестовала Нелли, — я его не трогала. Он попался мне уже таким.

Никодим взобрался на плечо Макензи, а одеяло Смита устремилось в тот угол, где лежал его хозяин.

— Она ни при чем, босс, — подтвердил Никодим. — Это мы так отделали его.

— Вы?

— Ну да, нас было двое против одного. Мы напичкали его ядом.

— Он мне не понравился, — продолжал Никодим, устроившись на привычном месте. — Он был совсем не такой, как ты. Я не хотел подделываться под него.

— Яд? — переспросил Макензи. — Надеюсь, вы отравили его не до смерти?

— Конечно нет, приятель, — уверил Никодим. — У него просто расстроился желудок. Он и не подозревал, что происходит, пока не стало слишком поздно. Мы заключили с ним сделку, пообещали перестать, если он отнесет нас обратно. Он послушался, но без Нелли вряд ли добрался бы сюда.

— Шеф, — попросила Нелли, — когда он очу-

хается, позвольте мне потолковать с ним по душам.

— Нет, — отрезал Макензи.

— Он связал меня, — пожаловалась Нелли. — Он спрятался под утесом, набросил на меня лассо, связал и оставил валяться там. Я провозилась с веревками несколько часов. Честное слово, шеф, я его не убью, так, вразумлю немножко, и все.

Снаружи зашелестела трава, как будто по ней ступали сотни ног.

— У нас гости, — сказал Никодим.

Макензи увидел дирижеров; десятки карликовых существ толпились неподалеку от вездехода, посверкивая светившимися в темноте глазами. Один карлик шагнул вперед. Присмотревшись, Макензи узнал Олдера.

— Ну? — поинтересовался человек.

— Мы пришли сказать вам, что сделка отменяется, — проговорил Олдер. — Делберт рассказал нам.

— Что же он вам рассказал?

— Как вы поступаете с деревьями.

— А, это!

— Да.

— Но сделка состоялась, — возразил Макензи, — ее уже не расторгнуть. Земля с нетерпением

ожидает…

— Не надо считать меня глупцом, — перебил Олдер. — Мы нужны вам не больше, чем вы нам. Мы повели себя некрасиво с самого начала, но нашей вины в том нет. Нас надоумил Энциклопедия. Он утверждал, что таков наш долг, долг перед расой, что мы должны нести просвещение другим народам Галактики. Мы сперва не согласились с ним. Понимаете, музыка — наша жизнь, мы создаем ее так давно, что и думать забыли о своем происхождении. Тем более что наша планета еще в незапамятные времена перешла зенит своего существования и теперь становится день ото дня все дряхлее. Однако даже в тот час, когда почва рассыплется у нас под ногами, мы будем сочинять музыку. Вы живете результатами поступков, а мы — созданием музыки. Кадмаровская симфония Алого Солнца для нас важнее, чем для вас — открытие новой планетной системы. Нам доставляет удовольствие, что вы охотитесь за нашей музыкой, и мы огорчимся, если после всего, что случилось, вы отвернетесь от нас. Но на Землю мы не собираемся.

— Монополия сохраняется? — спросил Макензи.

— Сохраняется, — отозвался Олдер. — Прихо-

дите, когда вам будет угодно, и записывайте мою симфонию. Как только появится что-то новое, мы сразу дадим вам знать.

— А пропаганда в музыке?

— Отныне ее не будет, — пообещал Олдер. — Если наша музыка и будет воздействовать на вас, то лишь сама по себе, как таковая. Мы не желаем определять вашу жизнь.

— Можно ли вам верить?

— Можно и нужно. Мы согласны и на проверки, хотя в них нет необходимости.

— Посмотрим, — буркнул Макензи. — Лично у меня оснований доверять вам — никаких.

— Очень жаль.

Похоже, Олдер говорил искренне.

— Я собирался сжечь вас, — произнес Макензи намеренно жестко, — уничтожить, искоренить. Вы не смогли бы помешать мне.

— Вы варвары, — заявил Олдер. — Вы покорили межзвездное пространство, создали великую цивилизацию, но ваши методы варварские и неоправданно жестокие.

— Энциклопедия назвал их «формулой силы», — заметил Макензи. — Впрочем, дело не в названии; главное, что они срабатывают. Вот почему нам удалось столького добиться. Пре-

дупреждаю вас: если вы снова попытаетесь одурачить людей, расплата будет ужасной. Человек ради собственного спасения уничтожит все, что угодно. Помните об этом: мы не остановимся ни перед чем.

Уловив за спиной движение, Макензи резко обернулся.

— Энциклопедия удирает! — закричал он. — Нелли, хватай его!

— Порядок, шеф, — мгновение спустя откликнулась Нелли. Она выступила из темноты, волоча за собой Энциклопедию.

Макензи повернулся к дирижерам, но они исчезли, лишь глухо шелестела в отдалении трава.

— Что теперь? — спросила Нелли. — Пойдем жечь деревья?

— Нет, — покачал головой Макензи. — Мы не будем их жечь.

— Мы их напугали, — изрекла Нелли, — так здорово, что они не скоро забудут.

— Возможно, — согласился Макензи. — По крайней мере, будем надеяться, что ты права. Но они не только испугались. Они возненавидели нас, и это, пожалуй, гораздо лучше. Мы ведь ненавидим тех тварей, которые питаются людьми, считают, что человек ни на что больше не

годен. Они мнили себя пупом Вселенной, величайшими из разумных существ, а мы задали им изрядную взбучку, напугали, уязвили гордость и дали понять, что зарываться не следует. Они столкнулись с теми, кому далеко не ровня. Что ж, в следующий раз подумают дважды, прежде чем ввязаться в очередную авантюру.

Из Чаши донеслись звуки музыки. Макензи запрыгнул в вездеход и подошел к Смиту. Тот крепко спал, укутанный одеялом. Уэйд сидел в углу, обхватив руками голову.

Внезапно спокойствие ночи нарушил рев ракетных двигателей. Макензи выскочил наружу. Над Чашей, заливая ее светом прожекторов, кружил флаер. Вот он круто пошел вниз, на какой-то миг замер в воздухе и совершил посадку в сотне ярдов от вездехода. Из него выбрался Харпер.

— Ты не сжег их! — закричал он, подбегая к вездеходу. — Ты не сжег деревья!

Макензи покачал головой.

Харпер стукнул себя в грудь кулаком левой руки — правая была на перевязи.

— Я так и знал, так и знал! Решил подшутить над шефом, а? Все развлекаетесь, ребята.

— Да уж, развлекаемся.

— Что касается деревьев… Мы не сможем за-

брать их на Землю.

— Я же вам говорил, — заметил Макензи.

— Полчаса назад пришло сообщение. Оказывается, существует закон, запрещающий доставку на Землю инопланетных растений. Какой-то идиот притащил однажды с Марса дрянь, которая чуть было не погубила все живое на планете, тогда-то и приняли закон. Просто за давностью лет о нем забыли.

— А кто-то раскопал, — буркнул Макензи.

— Правильно. Так что Компании запретили даже прикасаться к деревьям.

— Оно и к лучшему, — проговорил Макензи. — Дирижеры все равно отказываются лететь.

— А как же сделка? Что с ними стряслось? Они прямо умирали от желания…

— До тех пор, — перебил Макензи, — пока не узнали, что мы употребляем растения в пищу, и кое-что еще.

— Но… Но…

— Для них мы всего лишь шайка страшилищ. Они пугают нами своих отпрысков. Не балуйся, а то придет человек и заберет тебя.

Из-за корпуса вездехода вынырнула Нелли. За ней волочился по земле Энциклопедия, корень которого по-прежнему стискивал железный ку-

лак робота.

— Эй, что происходит? — воскликнул Харпер.

— Нам придется построить концлагерь, — объяснил Макензи. — Желательно с высоким забором, — и ткнул пальцем в Энциклопедию.

— Но что он натворил? — озадаченно спросил Харпер.

— Так, ерунда: покушался на человечество.

Харпер вздохнул:

— Одним забором мы не обойдемся. Ружейное дерево напротив фактории палит по входу прямой наводкой.

— Ничего, — усмехнулся Макензи. — Поместим их в одну клетку, пускай на пару радуются жизни.

Крохоборы
Перевод А. Филонова

1

Табличка на двери гласила: «Исполнительный вице-президент, проектный отдел». А в левом нижнем углу, гораздо более скромным шрифтом: «Хэллок Спенсер».

Он торопливо прошмыгнул мимо.

Штука в том, что он и есть Хэллок Спенсер, но входить в эту дверь вовсе не собирался. У него и без того забот невпроворот, а там наверняка ждут люди. Никто в частности, а вообще — просто люди. И у каждого свои проблемы.

Он нырнул за угол, прошел еще шаг-другой по коридору и оказался у двери с табличкой «Только для персонала».

Дверь была незаперта, и он вошел.

В кабинете, откинувшись на спинку кресла и положив обутые в сандалии ноги на полированный стол Спенсера, сидел коренастый головорез в вылинявшей пыльной тоге. Безволосый череп прикрыт мышиного цвета войлочной шляпой; на

поясе, скрытом складками тоги, висит короткий меч, острием своим уткнувшийся в ковер; давно не стриженные ногти обрамляют траурные полоски грязи, на щеках — запущенная щетина. Словом, совершеннейший неряха.

— Привет, И-Джи! — сказал Спенсер.

Человек в тоге не снял ног со стола и вообще не шелохнулся, продолжая сидеть как сидел, а вместо приветствия бросил:

— Опять прошмыгнул украдкой?

Спенсер положил портфель и повесил шляпу на вешалку.

— Приемная — это ловушка. — Он уселся в стоявшее позади стола кресло, подхватил листок с графиком работ и пробежал его глазами. — В чем проблема, И-Джи? Уже вернулся?

— Еще и не уходил. У меня пара часов в запасе.

— Тут говорится, — Спенсер задержал палец в нужном месте, — что ты римский купец.

— Так и есть. По крайней мере, это утверждают костюмеры. Дай бог, чтобы они были правы!

— Но меч…

— Коллега, в Римской Британии, на Римской дороге с загруженным товарами караваном человек и должен носить с собой булат. — И-Джи подхватил меч с ковра, положил его на колени и

с неудовольствием оглядел клинок. — Скажу тебе без стеснения, что за такое оружие я бы и гроша ломаного не дал.

— Пожалуй, с пулеметом ты чувствовал бы себя спокойнее.

— Разумеется, — мрачно кивнул И-Джи.

— Но за отсутствием такового, — продолжал Спенсер, — мы делаем все, что в наших силах. У тебя лучший клинок второго столетия, если это хоть как-то тебя утешит.

И-Джи продолжал сидеть с мечом на коленях. Он явно решился что-то сказать — это у него на лбу было написано. Кудрявые бакенбарды и торчащие в стороны уши с длинными черными волосками на мочках придавали ему идиотский вид.

— Хэл, — наконец решился И-Джи, — я хочу отвалить.

Спенсер на миг оцепенел, потом взревел:

— Ты не можешь так поступить! Время — это вся твоя жизнь, ты отдал ему много лет!

— Я говорю не о Времени; я хочу отвалить из «Генеалогического древа». Меня от него тошнит.

— Ты сам не знаешь, что говоришь, — запротестовал Спенсер. — «Генеалогическое древо» — проект очень спокойный. Ты бывал в пере-

дрягах куда похуже. А тут всего-то и делов, что отправиться в прошлое и поговорить там с людьми; ну, может, заглянуть в архивы. Тебе даже не приходится ничего тибрить.

— Да не в работе дело, — возразил И-Джи. — Работа проще простого, она мне не в тягость. Меня тяготит то, что следует за ней.

— Ты имеешь в виду Райтсон-Некрополь?

— Вот именно, ее самую. После каждого путешествия она втаскивает меня в свою жуткую берлогу и заставляет подробно расписывать ее разлюбезных пращуров…

— Это толстая мошна, — сказал Спенсер. — Мы должны служить ей.

— Я этого больше не вынесу! — стоял на своем И-Джи.

Спенсер кивнул. Он прекрасно понимал И-Джи и разделял его чувства.

Альма Райтсон-Некрополь, массивная матрона, комплекцией напоминающая надутого индюка, продолжает хранить ошибочное убеждение, будто по-прежнему полна девического очарования. Денег у нее куры не клюют, как и драгоценных камней, слишком дорогих и слишком крупных, чтобы свидетельствовать о хорошем вкусе. Год за годом она терроризировала окружающих и ску-

пала всех направо и налево, пока окончательно не уверовала, что может купить все на свете, если только даст хорошую цену.

А за свое генеалогическое древо она платит чрезвычайно щедро. Спенсер часто ломал голову, с чего это вдруг взбрело ей в голову — ну ладно, можно проследить свои корни до времен Вильгельма Завоевателя, это еще имеет какой-то смысл, но не до каменного же века! Не то чтобы корпорация «Прошлое» не могла забраться в эти отдаленные времена — если только деньги будут продолжать литься рекой. С каким-то извращенным удовлетворением он подумал, что вряд ли клиентка довольна последним отчетом-двумя, поскольку ее род скатился до ничтожного крестьянствующего плебса.

Он высказал эту мысль вслух.

— Чего ей надо? Чего она ожидает?

— У меня есть ощущение, — отозвался И-Джи, — что она надеется отыскать родственные узы среди римлян. А уж если мы их отыщем — спаси нас Господь! Тогда конца-краю этому не будет.

Спенсер хмыкнул.

— Не будь так уверен, — предупредил И-Джи. — Нравы римских офицеров таковы, что я бы не стал биться об заклад против подобной возможности.

— Если такое случится, — пообещал Спенсер, — я сниму тебя с проекта. Направлю проводить римские исследования кого-нибудь другого. Скажу Райтсон-Некрополь, что ты не годишься для Рима, что у тебя интеллектуальный барьер, или психическая аллергия, или что-нибудь этакое, препятствующее Индоктринации.

— Большое спасибо, — без особого энтузиазма сказал И-Джи, одну за другой снял свои грязные ноги с блестящей поверхности стола и выбрался из недр кресла.

— И-Джи!

— Да, Хэл?

— Удовлетвори мое любопытство: тебе не приходилось набредать на местечко, где ты хотел бы остаться навеки?

— Ага, пожалуй, да. Наверно, раз или два. Но я на это не пошел. Ты думаешь о Гарсоне?

— Ну, хотя бы и о Гарсоне. И о других тоже.

— Может, с ними что-то случилось. Иной раз попадаешь в такие местечки, что только держись, там совершить большую ошибку — раз плюнуть. А может, оператор промахнулся.

— Наши операторы никогда не промахиваются, — отрезал Спенсер.

— Гарсон был отличным мужиком, — вымол-

вил И-Джи с оттенком грусти.

— Гарсон!.. Не только Гарсон. Это все…

Спенсер внезапно умолк. Опять то же самое. Столько лет подряд, год за годом наступать на одни и те же грабли! Сколько бы он ни тратил усилий, как бы ни старался, но к одному все-таки привыкнуть не мог: к пропаже людей во времени. Тут он заметил слегка ироничный взгляд И-Джи — в уголках глаз у того, будто тень улыбки, залегли едва заметные морщинки.

— Да не терзайся ты так! — сказал И-Джи. — Ты же не виноват. Мы сами решились испытывать судьбу. И если бы дело того не стоило…

— Да заткнись ты! — отмахнулся Спенсер.

— Разумеется, — продолжал И-Джи, — время от времени приходится терять одного из нас, но дело обстоит ничуть не хуже, чем в любом другом бизнесе.

— Да не время от времени, — досадливо поморщился Спенсер. — За последние десять дней — трое.

— А-а, ну-у, — протянул И-Джи, — я как-то не уследил за последними событиями. Только вчера был Гарсон. А Тейлор? Давно это было?

— Четыре дня назад.

— Четыре дня?! — повторил потрясенный И-

Джи. — Всего-то?

— Для тебя это было месяца три, а то и побольше, — бросил Спенсер. — Помнишь Прайса? Для тебя это было год назад, а для меня — десять дней.

И-Джи поднес немытую пятерню к подбородку и поскреб щетину.

— Время-то как летит, а?

— Послушай, — несчастным голосом взмолился Спенсер, — все и так обстоит достаточно скверно. Пожалуйста, обойдемся без шуточек!

— Может, Гарсайд устраивает тебе разносы? Потерял слишком много людей?

— Да нет, черт побери! — с горечью воскликнул Спенсер. — Людей всегда можно раздобыть. Его волнуют лишь машины. Он неустанно мне напоминает, что они стоят четверть миллиона каждая.

И-Джи произвел губами непристойный звук.

— Убирайся отсюда! — заорал Спенсер. — И смотри у меня, чтобы вернулся!

И-Джи ухмыльнулся и вышел, по-девичьи игриво крутанув подолом тоги в дверях.

2

Спенсер остался при убеждении, что И-Джи не прав. Пусть твердят что угодно, но он, Хэллок Спенсер, отвечает за происходящее. Он командует этим вонючим парадом, он составляет планы, он назначает времяпроходцев и отправляет их; когда бывают ошибки или заминки, отвечать приходится именно ему, а не кому-либо еще. Хотя бы перед собой, если не перед другими.

Он встал и начал вышагивать взад-вперед, сцепив пальцы за спиной.

Три человека за последние десять дней. Что же с ними случилось?

Быть может, слова Гарсайда тоже не лишены смысла? Кристофер Ансон Гарсайд, главный координатор и неприятный в обращении человек с прилизанными седеющими серыми усами, прилизанным серым голосом и прилизанными серыми деловыми мыслями.

В прошлом исчезали не только люди. Вместе с ними пропадали выучка и опыт, вложенные в этих людей. В лучшем случае, подумал Спенсер, они немного пожили в прошлом, прежде чем дали себя убить или затаились и осели в какой-то иной эре, пришедшейся им по вкусу больше, чем

настоящее.

Нельзя сбрасывать со счетов и машины. Всякий раз пропажа человека означала и утрату очередного носителя. Носители *действительно* стоят по четверть миллиона каждый, а эту цифру так просто не сбросишь со счетов.

Спенсер вернулся к столу и еще раз просмотрел дневной график. И-Джи отбывает в Римскую Британию по поводу проекта «Генеалогическое древо». Никерсон возвращается в эпоху Раннего Возрождения, чтобы еще раз разведать о пропавшем сокровище Ватикана. Хеннеси снова отправился на поиски документов, утерянных в Испании пятнадцатого века. Вильямс отправляется, чтобы, будем надеяться, наконец-то утащить попавшего куда не следует Пикассо. И еще полдюжины других. Не такой уж обширный график — но его хватит, чтобы весь день крутиться без передышки.

Спенсер пересмотрел списки не попавших в график. Пара человек находится в отпусках, один на Реабилитации, остальные на Индоктринации.

И тогда он в тысячный раз принялся ломать голову, гадая, каково же на самом деле путешествовать во времени.

Иной раз ему удавалось уловить отрывочные намеки в словах времяпроходцев — но лишь намеки, поскольку распространяться те не любят. Наверно, они могут дать себе волю лишь наедине с коллегами, когда поблизости нет никого из посторонних. А может, отмалчиваются даже тогда. Словно есть нечто, не поддающееся попыткам описания; будто иные переживания обсуждать не следует.

Навязчивое ощущение нереальности, сознание, что попал куда-то не туда. Догадка, что ты здесь не на месте, и такое чувство, будто стоишь на цыпочках на дальнем краю вечности.

Со временем это, конечно, проходит, но, очевидно, избавиться от этих чувств до конца так никому и не удается. Ибо прошлое благодаря работе каких-то неведомых доселе принципов стало миром жуткого очарования.

Впрочем, у Спенсера был шанс — и он им не воспользовался.

Он тешил себя мыслью что когда-нибудь отправится в прошлое, но не времяпроходцем, а обыкновенным отпускником — если только сумеет выкроить время. На само путешествие времени, конечно, не потребуется, а вот Индоктринация и инструктаж отнимают его немало.

Спенсер изучил график еще раз. Все отправляющиеся сегодня — люди надежные. О них можно не беспокоиться.

Отложив листок, он позвонил мисс Крейн. Мисс Крейн — секретарша безупречная, хотя смотреть не на что — всего-навсего костлявая старая дева. Делает все по-своему и, когда надо, умеет каждым поступком выразить безмолвный укор.

Спенсеру она досталась пятнадцать лет назад вместе с должностью, по наследству. Мисс Крейн работала в «Прошлом» с незапамятных времен, когда еще даже не было этого кабинета. Несмотря на невзрачную внешность, чопорность и пессимизм, сотрудница она незаменимая.

Знает работу проектного отдела не хуже его главы и частенько дает Спенсеру это понять — зато никогда ничего не забывает, не теряет и не путает; вся организационная работа благодаря ей делается как бы сама собой и всегда к сроку.

Спенсер порой предавался мечтам о юной симпатичной секретарше, прекрасно понимая, что им не дано воплотиться в жизнь; если убрать мисс Крейн из приемной, то работать станет просто невозможно.

— Вы опять пробрались украдкой, — не успев закрыть за собой дверь, с порога упрекнула она.

— Наверно, ко мне пришли посетители?

— Доктор Альдус Равенхолт из Гуманитарного фонда, — доложила она.

Спенсер содрогнулся. Ничего себе денек начинается! Только надутого чинуши из Гуманитарного фонда и не хватало. Эти гуманисты вечно держат себя так, будто ты им задолжал; да что там — будто весь мир перед ними в долгу.

— А еще мистер Стюарт Кейбл. Его прислали из отдела кадров, на предмет собеседования о приеме на работу. Как по-вашему, мистер Спенсер?..

— Да никак! — отрезал Спенсер. — Я знаю, что кадровики обижаются, но до сих пор я принимал всех, кого они к нам направляли, — и нате, пожалуйста! За десять дней не стало трех человек. Так что с нынешнего дня я буду лично беседовать с каждым кандидатом.

В ответ секретарша лишь фыркнула, и притом весьма пренебрежительно.

— Неужели все? — спросил Спенсер, не в силах поверить в такое счастье — всего двое посетителей!

— Еще мистер Бун Хадсон, пожилой джентльмен, имеющий нездоровый вид и подающий признаки беспокойства. Я полагаю, его следует принять первым.

Спенсер и сам хотел так поступить — если бы мисс Крейн потрудилась оставить свое мнение при себе.

— Я приму Равенхолта. Не знаете, что ему нужно?

— Нет, сэр.

— Ну так попросите его войти. Наверно, хочет урвать кусочек Времени, — сказал Спенсер, про себя подумав: «Ох уж эти мне рвачи! Я и не думал вовсе, что на белом свете столько рвачей!»

Как и предполагалось, Альдус Равенхолт оказался надутым самодовольным типом, чопорным и опрятным. Стрелка на брюках такая, что хоть брейся. Манеры выдают профессионального общественного деятеля: доведенное до автоматизма рукопожатие, механическая улыбка. В предложенное кресло он уселся с таким самоуверенным видом, что вывел Спенсера из себя.

— Я пришел поговорить с вами, — с безупречным выговором сообщил пришедший, — по поводу снятия запрета на проведение исследований происхождения религиозных верований.

Спенсер мысленно поморщился — посетитель затронул весьма тонкий вопрос.

— Доктор Равенхолт, этот вопрос подвергся весьма тщательному рассмотрению, и не только

с моей стороны. Им занимался весь наш отдел.

— Я в курсе, — сухо откликнулся Равенхолт. — Потому-то я и здесь. Насколько я понимаю, вы уклонились от окончательного решения.

— И вовсе не уклонились. Решение принято раз и навсегда. Интересно, откуда вы о нем узнали?

Равенхолт сделал неопределенный жест, подразумевавший, что ему известно почти все на свете.

— Как я понимаю, вопрос все еще открыт. — Увидев, как Спенсер отрицательно покачал головой, Равенхолт продолжил: — В толк не возьму, как можно было походя отказаться от проведения исследований по столь фундаментальному вопросу, жизненно важному для всего человечества.

— Да нет, не походя. Мы бились над ним очень долго, провели массу опросов общественного мнения. Психологи изучили его весьма и весьма тщательно. Мы приняли к рассмотрению все существенные факторы.

— И каков же результат, мистер Спенсер?

Спенсер начал испытывать раздражение.

— Во-первых, на исследования уйдет масса времени. Как вам наверняка известно, в нашей лицензии оговорено, что мы должны десять про-

центов времени уделять общественно полезным исследованиям. Мы весьма щепетильно выполняем это требование, хотя, признаться честно, оно доставляет нам массу ненужных хлопот.

— Но эти десять процентов…

— Если мы возьмемся за этот проект, за который вы так ратуете, доктор, то он займет все общественное время лет на десять вперед. А это означает полную остановку остальных программ.

— Надеюсь, вы осознаете, что данный вопрос представляет наибольший общественный интерес.

— Наши исследования говорят об обратном, — сообщил Спенсер. — Мы проводили опросы общественного мнения по всему земному шару, во всех мыслимых и немыслимых слоях общества. Так вот, вывод один: предлагаемые вами исследования — кощунство чистейшей воды.

— Вы шутите!

— Никоим образом. Изучение общественного мнения однозначно и недвусмысленно показывает, что общественность воспринимает изучение источников религиозных верований как святотатство. Мы-то с вами могли бы считать их простыми научными изысканиями, сославшись

на то, что лишь добиваемся истины. Однако люди — я имею в виду простых людей всего мира, какую бы веру они ни исповедовали, в каких бы сектах они ни состояли, — не желают знать истину. Они вполне довольны нынешним положением и боятся, что мы опрокинем массу старых добрых традиций. Они твердят о святотатстве, но волнует их не только это. Люди инстинктивно защищаются от всего, что может разрушить привычный образ мыслей, они отчаянно цепляются за привычную веру и не хотят, чтобы кто-нибудь копался в самом святом для них, в том, с чем они сжились всем сердцем.

— Какое невежество! Не может быть! — с изумлением воззрился на него Равенхолт.

— У меня есть выкладки. Могу показать.

Доктор Равенхолт снисходительно отмел все доказательства изящным взмахом руки.

— Раз вы говорите, что они у вас имеются, то проверять незачем.

Ему очень не хотелось оказаться в дурацком положении, получив документальное подтверждение своей неправоты.

— Далее, — продолжал Спенсер, — неизбежно возникает проблема объективности. Чем руководствоваться при отборе наблюдателей за

событиями прошлого?

— Несомненно, найти их несложно. Множество священнослужителей всяческих вероисповеданий и убеждений обладают квалификацией, необходимой…

— Вот как раз их-то посылать и нельзя, — отрезал Спенсер. — Нам нужна объективность. В идеале нам нужны люди, не заинтересованные в религии, не получившие официального религиозного образования, не выступающие ни за, ни против религии, — и все-таки, даже отыскав таких людей, мы не смогли бы прибегнуть к их услугам. Чтобы постичь происходящее, они должны быть довольно подробно проинформированы о том, что следует искать, — но как только они пройдут полную выучку, то неизбежно утратят объективность. Уж такова суть религии: человек просто вынужден занять по отношению к ней определенную позицию.

— Вы говорите о какой-то идеальной ситуации, а не о сложившейся у нас.

— Ну ладно, — согласился Спенсер. — Скажем, мы задумали сделать работу слегка на тяп-ляп. Кого же послать в таком случае? Можно ли рискнуть отправить христианина, спрошу я вас, пусть даже самого никудышного, в дни, проведенные

Иисусом на Земле? Разве можно надеяться, что даже посредственный христианин будет лишь наблюдать за реальными событиями? Я скажу вам, доктор Равенхолт, что рисковать мы не можем. Как по-вашему, что будет, если вместо двенадцати учеников вдруг окажется тринадцать? Что, если кто-то попытается спасти Иисуса от креста? А если, хуже того, он действительно будет спасен? Какой облик примет тогда христианство? Будет ли оно вообще? Могло ли оно возникнуть без распятия?

— Разрешить ваши сомнения очень легко, — холодно проронил Равенхолт. — Не посылайте христиан.

— Вот теперь мы действительно сдвинемся с мертвой точки. Пошлем мусульманина собирать факты о христианстве, христианина — проследить жизнь Будды, а буддиста — выучить черную магию в Бельгийском Конго.

— Это могло бы дать результат, — кивнул Равенхолт.

— Могло бы, но необъективный. Вы получили бы не только предвзятое мнение, но, что хуже, откровенное недопонимание.

Равенхолт беспокойно побарабанил пальцами по колену, обтянутому идеально отглаженной

брючиной, и не без раздражения признался:

— Я понимаю вашу точку зрения, но вы кое-что проглядели. Факты вовсе не обязательно предъявлять общественности в полном объеме.

— А если факты отвечают интересам общества? В нашей лицензии говорится, что мы не должны их скрывать.

— А не упростится ли дело, — поинтересовался Равенхолт, — если я предложу внести кое-какие средства на покрытие затрат?

— В подобном случае, — вкрадчиво отозвался Спенсер, — вы оказались бы между двух стульев. Либо это дело общественной важности, и никакая плата не требуется, либо это коммерческий контракт, оплачиваемый по общепринятым ценам.

— Совершенно очевидно, что вы просто не хотите браться за такую работу, — бесцветным голосом проговорил Равенхолт. — Лучше бы так и сказали.

— Весьма охотно! Будь моя воля, я к ней на пушечный выстрел не подойду. Меня больше тревожит вопрос, зачем вы пришли.

— Я полагал, что раз проект вот-вот будет отвергнут, то я могу послужить в качестве посредника.

— То есть вы считали, что нас можно подку-

пить.

— Вовсе нет, — гневно отрезал Равенхолт. — Я просто решил, что этот проект, наверно, несколько выходит за рамки вашей лицензии.

— Он в них вообще не вписывается.

— Я не вполне понимаю суть ваших возражений, — стоял на своем Равенхолт.

— Доктор Равенхолт, — кротко откликнулся Спенсер, — а вам хочется нести ответственность за уничтожение веры?

— Но, — пролепетал Равенхолт, — это невозможно…

— А вы уверены? Насколько вы уверены, доктор Равенхолт? Даже в отношении черной магии Конго?

— Ну, я… Ну, раз вы так ставите вопрос…

— Значит, вы понимаете, что я имею в виду?

— Но даже в таком случае, — не сдавался Равенхолт, — определенные факты можно просто замять…

— Ну-ну! Долго ли вы сможете держать их под спудом? Тем более что, когда корпорация «Прошлое» выполняет какую-нибудь работу, — твердо заявил Спенсер, — она охотится за истиной. И когда мы ее узнаем, то тут же сообщаем. Мы продолжаем существовать лишь благодаря этому.

У нас есть один проект — личный, полностью оплаченный контракт, согласно которому мы проследили генеалогическое древо почти на две тысячи лет в прошлое. Мы были вынуждены сообщить клиентам кое-какую неприятную правду — и сообщили.

— Именно это я и хочу донести до вас! — закричал Равенхолт, наконец-то утратив свою всесокрушающую невозмутимость. — Вы охотно хватаетесь за изучение генеалогического древа, но отказываетесь от такого!

— А вы путаете два совершенно несхожих типа деятельности! Исследование происхождения религий является предметом общественных интересов. А «Генеалогическое древо» — частный проект, за который нам платят.

Равенхолт в гневе вскочил.

— Обсудим это как-нибудь в другой раз, когда оба сможем держать себя в руках.

— Толку от этого не будет, — устало возразил Спенсер. — Я не намерен пересматривать свое решение.

— Мистер Спенсер, — угрожающе заявил Равенхолт, — мне есть к кому обратиться за помощью.

— Не сомневаюсь. Вы можете действовать через мою голову. И если ваши намерения именно

таковы, то знайте: этот проект вы сможете осуществить только через мой труп. Я не предам веру ни одного народа мира, мистер Равенхолт.

— А это мы еще посмотрим, — вновь с угрозой в голосе произнес Равенхолт.

— А теперь вы думаете, что сможете вышвырнуть меня с работы. Пожалуй, и правда сможете. Вы, несомненно, можете надавить на какие-нибудь кнопки. Но это не решение проблемы.

— А по-моему, это идеальное решение.

— Я буду продолжать борьбу с вами как рядовой гражданин. Если придется, обращусь в Организацию Объединенных Наций.

Теперь оба стояли лицом к лицу, разделенные лишь письменным столом.

— Мне жаль, — добавил Спенсер, — что все так обернулось. Но я готов подписаться под каждым своим словом.

— Я тоже, — бросил Равенхолт и гордо прошествовал в дверь.

3

Спенсер медленно уселся в кресло. Потрясающее начало дня! Но этот тип задел его за живое.

Вошедшая мисс Крейн положила на стол стопку бумаг.

— Мистер Спенсер, пригласить мистера Хадсона? Он уже давно ждет.

— Хадсон — кандидат на должность?

— Нет, это мистер Кейбл.

— Значит, я хочу видеть мистера Кейбла. Принесите мне его личное дело.

Она презрительно фыркнула и вышла.

«Черт ее дери, — подумал Спенсер, — я буду видеться с теми, кого хочу видеть, если хочу кого-нибудь видеть!»

Охватившая его ярость поразила Спенсера. Да что с ним стряслось? Все наперекосяк. Неужели он больше ни с кем не может поладить? Просто слишком натянуты нервы. Чересчур много дел, чересчур много поводов для беспокойства.

Быть может, просто надо перейти в оперативный отдел; работа в нем вполне сойдет за длительный отпуск. Обратно в добрый ранний каменный век, для которого не нужна Индоктринация. Народу там не очень много, а то и вовсе никого — зато в комарах недостатка нет. И в пещерных медведях. А еще в саблезубых тиграх и массе всяческих прочих, не менее противных тварей. Надо будет собрать кое-какое снаряжение и… Да ну его к черту!

Хотя идея не так уж плоха.

Спенсер частенько об этом думал. Когда-нибудь он непременно так и сделает. А пока что… Он подхватил принесенную мисс Крейн стопку бумаг и плюхнул ее на стол перед собой.

Это сегодняшняя доза измышлений на будущее — детище отдела мерзких выходок. С ними вечно какие-нибудь проблемы. Спенсер внутренне напрягся и взялся за бумаги.

Первая командировка оказалась достаточно заурядной — расследование на предмет дани, уплаченной готами Риму. Вроде есть легенда, что сокровище зарыто где-то в Альпах. Возможно, его так и не откопали. Розыск кладов — процедура стандартная.

А вот второй документ…

— Мисс Крейн! — взревел Спенсер.

Она возникла в дверном проеме с папкой под мышкой, внешне никак не отреагировав на прозвучавшую в его голосе муку: к этому она уже привыкла.

— В чем дело, мистер Спенсер? — осведомилась она по крайней мере на три порядка спокойнее.

Спенсер припечатал стопку листов кулаком.

— Они не имеют права так со мной поступать! Я этого не потерплю! Соедините меня с Роджерсом!

— Хорошо, сэр.

— Нет, погодите-ка минутку, — мрачно остановил ее Спенсер. — Лучше я сделаю это лично. Пойду к нему. В общем-то, я смогу разорвать его на куски голыми руками.

— Но вас ведь люди ждут…

— Пусть еще подождут. Это заставит их забыть о гордыне.

Он подхватил командировочный лист и устремился к выходу. Лифтом он пренебрег. Промахнув вверх по лестнице два пролета, он направился к двери с табличкой «Отдел оценки».

Роджерс сидел, откинувшись на спинку кресла, положив ноги на стол и глазея в потолок.

Опустив глаза, он уставился на Спенсера с явным беспокойством, снял ноги со стола и подался вперед.

— Ну? Что стряслось на сей раз?

— Вот это! — Спенсер швырнул лист на стол.

Роджерс легонько постучал по бумаге тонким пальцем.

— Ничего трудного. Всего лишь чуточку изобретательности и…

— Ничего трудного?! — взвыл Спенсер. — Кино об устроенном Нероном римском пожаре!

— Киношники нам порядочно заплатят за

это, — вздохнул Роджерс.

— Всего-навсего! Значит, кто-то из моей команды просто появляется на улицах пылающего Рима и устанавливает кинокамеру — и это в эпоху, когда о кино и речи не шло!

— Ну, я же сказал, что нужно проявить изобретательность. Послушай, будет масса беготни, люди будут тащить барахло, пытаясь спасти себя и свое имущество, насколько возможно. На вашего человека никто и внимания не обратит. Он может замаскировать камеру под что-нибудь, напоминающее…

— Толпы будут настроены весьма недоброжелательно, — настаивал Спенсер. — Это не просто городской пожар. Пойдут слухи, что поджог устроили христиане. Толпы будут высматривать подозрительных типов.

— Элемент риска есть в любом предприятии, — заметил Роджерс.

— Риска, но не такого же! — вспыльчиво отозвался Спенсер. — И не преднамеренного, как на сей раз. Но дело не только в этом.

— А в чем же еще?

— В доставке сложной техники в прошлое. Если твоя толпа побьет моего человека и расколошматит камеру…

— И что с того? — пожал плечами Роджерс. — Они в ней ничего не поймут.

— Быть может. Но по-настоящему меня тревожит, — стоял на своем Спенсер, — что скажут цепные псы-аудиторы, когда будут поднимать наши бумаги. Это предприятие должно принести нам бешеную кучу денег, прежде чем я решусь за него взяться.

— Поверь, оно и принесет кучу денег! А заодно откроет для нас новое поле деятельности. Потому-то оно мне и понравилось.

— Вам, спецам по низким выходкам, на все начхать! — с горечью бросил Спенсер. — Вы готовы всучить нам что угодно…

— Вовсе не что угодно, — возразил Роджерс. — Но принять этот проект нас просто-таки вынуждают расценки…

— Расценки! — презрительно сплюнул Спенсер.

— На днях к нам заходила женщина, горевшая желанием послать двух своих детей к прапрапрапрадедушке в девятнадцатый век. На каникулы, прошу заметить. Чтобы провели лето на лоне природы в ином столетии. Дескать, это будет для них весьма познавательно, да и отдохнут на славу. Дескать, старики поймут и обрадуются, как

только мы им все растолкуем. — Роджерс тяжело вздохнул. — Ну и разговорчик был! Плевать она хотела на наши правила. Она, мол…

— Вы прозевали прекрасную возможность, — саркастически усмехнулся Спенсер. — Это открыло бы новое поле деятельности — отдых в прошлом. Я вижу как наяву: воссоединение со старыми друзьями и соседями, нить, протянутая сквозь столетия!

— Как будто проблемы есть у тебя одного.

— Сердце мое кровью обливается, глядя на вас, — откликнулся Спенсер.

— А есть еще телевизионщики, жаждущие взять интервью у Наполеона, Цезаря, Александра и прочих древних шишек. Хватает и охотников, мечтающих отправиться в первобытную глушь и пострелять вволю. Университеты мечтают выслать исследовательские команды в…

— Ты же знаешь, что ни о чем таком не может быть и речи. Мы вправе посылать лишь обученных нами времяпроходцев.

— Но ведь были же случаи…

— А, ну да, пару раз. Но лишь по особому разрешению. И потом, с ними мы посылали охрану, так что получалась целая экспедиция, а не просто небольшая исследовательская команда. — Спен-

сер поднялся с кресла. — Так что там насчет последнего мозгового штурма?

Роджерс взял отвергнутый командировочный лист и швырнул его в переполненную корзинку для бумаг.

— Пойду в отдел сбыта со слезами, сбегающими по щекам…

— Спасибо, — проронил Спенсер и вышел.

4

Вернувшись в кабинет, он уселся за стол и взял папку Кейбла.

Тут задребезжал интерком, и Спенсер щелкнул тумблером.

— Ну, что еще?

— Хэл, говорит оперативный. Уильямс только что вернулся. Все в порядке — он вытащил Пикассо без проблем. Только это заняло шесть недель.

— Шесть недель?! — завопил Спенсер. — Да за это время он мог написать это полотно сам!

— Возникли осложнения.

— А бывало такое, чтобы они не возникали?

— Хорошее полотно, Хэл. Не повреждено. За него можно сорвать изрядный куш.

— Ладно! Отнесите его в таможенный, пусть

проведут формальности. Старое доброе правительство должно получить причитающееся. А как насчет остальных?

— Никерсон вот-вот отправится.

— А И-Джи?

— Поднял хай насчет локализации времени. Заявляет Дугу…

— Слушай, — возмущенно заорал Спенсер, — скажи ему от моего имени, что локализация времени — работа Дуга. Дуг ведает о ней больше, чем И-Джи узнает за всю свою жизнь. Как Дуг скажет, что пора делать скачок, так И-Джи пусть и отправляется вместе со своей нелепой шляпой и прочим!

Резко отключив интерком, Спенсер вернулся к личному делу Кейбла, мгновение посидев неподвижно, чтобы освободиться от нервного напряжения и дать снизиться кровяному давлению.

«Я завожусь слишком легко, — твердил он себе. — Слишком много вскидываюсь. Впрочем, другой работы с таким количеством осложнений еще не бывало!»

Открыв папку, он принялся читать личное дело Кейбла.

Стюарт Белмонт Кейбл, 27 лет, холост, бле-

стящие отзывы, докторантура по социологии в престижном колледже. Неизменно высокие результаты по всем тестам, в том числе в отношении характера, и ошеломительно высокий коэффициент интеллекта. Безоговорочно рекомендуется для принятия на работу в качестве времяпроходца.

Захлопнув папку, Спенсер отодвинул ее в сторону и попросил мисс Крейн:

— Пригласите мистера Кейбла.

Долговязый и неуклюжий Кейбл выглядел моложе своих лет. Застенчиво ответив на рукопожатие Спенсера, он сел в предложенное кресло и без особого успеха попытался устроиться поудобнее.

— Значит, вы хотите войти в наш коллектив, — начал Спенсер. — Я полагаю, вы отдаете себе отчет в том, что делаете.

— Да, сэр, — отозвался молодой человек. — Я знаю об этом все. А пожалуй, лучше сказать…

Он запнулся и умолк.

— Все в порядке, — подхватил Спенсер. — Насколько я понимаю, вы очень этого хотите.

Кейбл ответил кивком.

— Я знаю, каково это. Кажется, что вы просто умрете, если вас не примут.

Спенсеру припомнилось, как сам сидел на месте юноши, испытывая жуткую, терзающую боль в сердце, когда ему сказали, что во времяпроходцы он не годится, и как он упорно держался за эту работу, несмотря на муку и огорчение. Сперва он был оператором, затем руководителем оперативного отдела и наконец оказался в этом кресле, получив вместе с ним и многочисленные поводы для головной боли.

— Хотя сам я никогда не был в роли времяпроходца, — закончил он.

— Я этого не знал, сэр.

— Я не подошел. Не тот склад характера.

Спенсер разглядел во взоре юноши по ту сторону стола знакомую надежду и жажду — а заодно еще какой-то огонек, наполнивший душу смутной тревогой.

— Это вовсе не развлечение, — бросил он чуточку грубей, чем намеревался. — Поначалу все окрашено романтическим ореолом, но это скоро проходит. Время становится просто работой, и порой несладкой.

Он помолчал, разглядывая Кейбла, в глазах которого по-прежнему тлел странный, тревожный огонек, и проговорил, на сей раз намеренно грубо:

— Да будет вам известно, что если вы войдете в наше число, то лет через пять умрете дряхлым старцем.

— Знаю, сэр, — беззаботно кивнул Кейбл. — В отделе кадров мне объяснили.

— Хорошо. Порой мне кажется, что отдел кадров чем дальше, тем хуже разъясняет ситуацию. Говорят ровно столько, чтобы это казалось убедительным, но всей правды не выкладывают. Чересчур пекутся о том, чтобы у нас было в достатке работников. У нас вечная нехватка времяпроходцев — они чересчур быстро выходят в тираж. — Он снова помолчал, разглядывая прибывшего, но никаких изменений в выражении лица юноши не заметил. — У нас есть определенные правила. И накладывает их не столько «Прошлое», сколько сама суть нашей работы. Вы не сможете вести оседлую жизнь. Ваша жизнь будет состоять из обрывков, как лоскутное одеяло; вам придется скакать с места на место, и все эти места будут разделены многими годами. У нас нет запрета на женитьбу, но ни один из наших времяпроходцев ни разу не женился. Это просто невозможно: через пять лет муж умрет от старости, а жена будет по-прежнему молода.

— По-моему, я это осознаю, сэр.

— На самом деле это вопрос элементарной экономии. Мы не можем себе позволить надолго лишаться машин и людей. Сколько бы человек ни отсутствовал — неделю, месяц или десять лет, — машина возвращается вместе с ним через шестьдесят секунд после старта. Эти шестьдесят секунд взяты с потолка; он мог бы вернуться в тот же миг, или через час, или через день — словом, как нам взбредет в голову. Одна минута показалась нам разумным периодом.

— А если он не вернется через минуту? — поинтересовался Кейбл.

— Тогда он не вернется никогда.

— И такое бывает?

— Разумеется, бывает. Путешествия во времени не поездка на пикник. Всякий раз, отправляясь в прошлое, человек ставит свою жизнь на карту, полагаясь на то, что сумеет выжить в совершенно чуждом окружении, порой столь же чужом, как на иной планете. Конечно, мы помогаем ему, чем только можем. Мы сделали своей первейшей обязанностью заботиться о том, чтобы он был хорошо проинформирован и прошел полную Индоктринацию, а также обеспечиваем наилучшим возможным снаряжением. Его обучают всем языкам, какие могут пригодиться, одевают

соответствующим образом. Но бывают случаи, когда мы просто не знаем житейских мелочей, от которых зависит его жизнь. Порой мы узнаем их после того, как наш посланец вернется и сообщит о них нам. Обычно и ему мало что известно об этом. А иногда мы вообще не получаем сведений — человек просто не возвращается.

— Можно подумать, — заметил Кейбл, — что вы пытаетесь меня отпугнуть.

— Вовсе нет! Я излагаю вам это лишь потому, что хочу избегнуть малейшего недопонимания. Обучение путешественников обходится весьма недешево. Мы хотим, чтобы затраты окупались. Нам не нужны люди, задерживающиеся у нас лишь ненадолго. Нам нужен не год-два вашей жизни, а вся она без остатка. Мы примем вас и выжмем каждую минуту вашего времени досуха…

— Могу уверить вас, сэр…

— Мы будем посылать вас туда, куда нужно нам, — не унимался Спенсер, — и хотя после отправки связь теряется, мы не хотим, чтобы вы валяли там дурака. Дело не в шестидесяти секундах, потому что вы, естественно, вернетесь вовремя — если вообще вернетесь. Но мы хотим, чтобы вы вернулись как можно более молодым. «Прошлое» — предприятие чисто коммерческое.

Мы намерены выжать из вас все путешествия, на какие вы способны.

— Все это я осознаю, — отозвался Кейбл, — но в отделе кадров сказали, что я же сам в этом заинтересован.

— Разумеется, это верно, но вы довольно скоро обнаружите, что для времяпроходца деньги особой роли не играют. Раз семьи у вас нет и, мы надеемся, не будет — зачем же вам деньги? Единственный досуг, какой у вас будет, — это ежегодный шестинедельный отпуск; но за одно-два путешествия вы заработаете столько, что сможете провести свой отпуск в крайней роскоши или глубочайшем пороке.

Однако большинство времяпроходцев не дают себе труда заняться этим. Они просто блуждают без системы и заново знакомятся с родной эпохой. Порок и роскошь нашего века не привлекают их после того, как они задают жару в прошлых веках за счет фирмы.

— Вы шутите, сэр!

— Ну, разве что самую малость. Но в определенных случаях, которые я подразумеваю, это чистейшая правда. — Спенсер пристально вгляделся в лицо Кейбла. — Мои слова вас не настораживают?

— Пока что ни в малейшей степени.

— Тогда еще одно, мистер Кейбл, что вам следует знать. Это необходимость — крайняя, острейшая нужда в объективности. Отправляясь в прошлое, вы не можете в него вторгаться. Не должны вмешиваться. *Вы не имеете права на участие.*

— Это нетрудно.

— Предупреждаю вас, мистер Кейбл, это требует моральной стойкости. Человек, странствующий во времени, обладает ужасающей мощью. А ощущение собственной мощи зачастую понуждает человека ее применить. Идти рука об руку с мощью — это искушение приложить руку к истории. Направить меч правосудия, произнести то самое слово, которое крайне нужно произнести. Спасти жизнь, которая, продлившись на несколько лет, подтолкнула бы человечество еще на шаг к величию.

— Да, это может быть трудновато, — признал Кейбл.

Спенсер подтвердил это кивком.

— Насколько я знаю, мистер Кейбл, пока что никто не поддался этому искушению. Но я живу в постоянном страхе, что настанет день — и кто-нибудь уступит ему.

Говоря это, Спенсер гадал, не вздор ли он несет, не напускная ли это бравада. Без вмешательства наверняка не обошлось.

А как насчет тех, кто не вернулся?

Некоторые наверняка погибли. Но, несомненно, кое-кто остался. А разве остаться в прошлом — это не самое нарочитое вмешательство?! В самом деле, каковы могут быть последствия рождения ребенка вне своего времени — ребенка, которому вообще не следовало рождаться? Дети этого ребенка и дети этих детей покатятся волнами темпоральной интерференции, простирающейся сквозь века.

5

— Сэр, что-нибудь не так? — осведомился Кейбл.

— Нет, я просто думал о том, что наверняка придет день — когда-нибудь, — когда мы разработаем формулу безопасного вмешательства в прошлое. И тогда наша ответственность даже возрастет по сравнению с нынешней. Тогда нам дадут разрешение на вмешательство, но при условии определенных ограничений, дабы использовать свою власть лишь во благо. Как вы понимаете, я даже не догадываюсь, какие прин-

ципы лягут в основу этого, но уверен, что рано или поздно мы их отыщем. А заодно, наверно, мы отыщем и другую формулу, которая позволит нам вторгаться в будущее.

Спенсер тряхнул головой, подумав: «Это так по-стариковски — трясти головой в бессильном недоумении. Но я еще не стар — во всяком случае, не так уж стар».

— В данный момент, — продолжал он, — мы всего-навсего крохоборы. Мы выработали определенные правила, дабы никогда даже пальцем не коснуться снопов, а берем лишь упавшие на землю колосья.

— Вроде Александрийской библиотеки?

— Ну да, пожалуй… Хотя на извлечение всех этих рукописей и книг нас вдохновила вульгарная прибыль. Куда проще было скопировать их. С некоторыми мы именно так и поступили; но сами по себе оригиналы стоили грандиозную сумму. Мне даже не хочется вам говорить, сколько Гарвард уплатил нам за эти манускрипты. Впрочем, если подумать, — вдруг сообразил Спенсер, — это даже не покрыло расходы. Дело потребовало самого жесткого планирования, согласованного вплоть до долей секунды; пришлось задействовать всех до единого. Видите ли, мы могли брать

манускрипты, лишь когда они угрожали вот-вот загореться. Мы не имели даже права позволить хоть одному человеку просто бросить взгляд на рукопись. Мы не можем взять вещь, пока она не утрачена. Это железное правило.

Возьмем, скажем, шпалеры из Эли. Мы ждали многие годы, приходя и уходя, пока не убедились, что они наконец потеряны. Но не могли притронуться к ним, пока они не были утрачены окончательно. Тогда-то мы их и утащили. — Он помахал ладонью. — Что-то я заболтался. Я вам наскучил.

— Мистер Спенсер, сэр, — запротестовал Кейбл, — подобные разговоры никогда мне не наскучат. Я мечтал об этом. Не могу выразить, насколько я счастлив…

Спенсер движением руки остановил его.

— Не так быстро. Мы вас еще не наняли.

— Но мистер Дженсен из отдела кадров…

— Я знаю, что сказал Дженсен. Но последнее слово за мной.

— А что я сделал не так?

— Вы ничего такого не сделали. Приходите во второй половине дня.

— Но, мистер Спенсер, если бы вы мне только сказали…

— Я хочу поразмыслить о вас. Зайдите ко мне после обеда.

Кейбл выбрался из недр кресла и встал. Ему явно было не по себе.

— Человек, что был тут до меня…

— Да. И что он?

— Он был ужасно зол, сэр. Словно замышляет что-то против вас.

— А это не ваше чертово дело! — огрызнулся Спенсер.

— Я только хочу сказать, сэр, что узнал его, — стоял на своем Кейбл.

— И что же?

— Если он попытается навлечь на вас беду, вам стоило бы выяснить его взаимоотношения со стриптизершей из «Золотого часа». Ее зовут Серебряная Звезда.

Спенсер уставился на Кейбла, не отозвавшись ни словом. Тот дошел до двери, положил ладонь на ручку и обернулся.

— Наверно, это ее псевдоним, но зато прекрасный рекламный ход: Серебряная Звезда в «Золотом часе». «Золотой час» расположен в…

— Мистер Кейбл, — перебил его Спенсер. — Я бывал в «Золотом часе».

Бесстыдный юнец! Он что, удумал заработать

место этим своеобразным подкупом?

После его ухода Спенсер немного посидел без движения, чтобы остыть и поразмыслить о юноше. Что-то в нем есть настораживающее. Взять хотя бы огонек во взоре. Неуклюжесть и застенчивость тоже какие-то ненатуральные, будто он их разыгрывает.

Но зачем, ради всего святого, пускаться на подобное действо, если оно совершенно явно говорит не в его пользу?

«Ты псих, — сказал себе Спенсер. — Ты на таком взводе, что подскакиваешь от каждой тени, видишь затаившуюся фигуру под каждым кустом. Ладно, от двоих избавились, осталось повидать еще одного — конечно, если в приемную не набежали другие желающие встретиться со мной».

Он протянул руку к интеркому, но не успел включить его, как задняя дверь с грохотом распахнулась и в кабинет ввалился человек с обезумевшим взором, сжимая в руках что-то белое и извивающееся. Швырнув белое и извивающееся на стол Хэллока Спенсера, он с несчастным видом отступил назад.

На столе сидел кролик — белый кролик с большим розовым бантом на шее.

Напуганный Спенсер поднял глаза на человека,

принесшего кролика, выкрикнув:

— Аккерман, ради Христа, Аккерман, что с вами?! Еще не Пасха!

Аккерман страдальчески зашевелил губами, задергав кадыком вверх-вниз, но не сумел вымолвить ни слова.

— Ну же, в чем дело?!

Дар речи наконец вернулся к Аккерману.

— Никерсон! — выпалил он.

— Ладно. Итак, Никерсон принес кролика…

— Да не принес он его! Кролик прибыл сам!

— А Никерсон?

— Там был только кролик, — затряс головой Аккерман.

Спенсер, приподнявшийся в кресле, уселся обратно с куда большей силой, чем намеревался.

— Сэр, к банту привязан конверт.

— Я вижу, — безразлично отозвался Спенсер, ощутив, как по жилам разливается холод.

Кролик бродил по столу, пока не оказался перед Спенсером. Пошевелив ушами, он сморщил свой розовый нос, осторожно склонил голову набок и решительно задрал заднюю ногу, чтобы вычесать блоху.

Развернувшись в кресле, Спенсер взглядом проводил выходящего оператора. За последние

десять дней пропали трое — и вот теперь четвертый.

Но на сей раз он хоть вернул носитель, доставленный обратно кроликом. Как только механизм взведен, любое живое существо может привести его в действие и одним лишь своим присутствием вернуть обратно. Человек для этого отнюдь не обязателен.

Но Никерсон?! Никерсон был одним из лучших. Если уж нельзя надеяться на Никерсона, то нельзя надеяться ни на кого.

Спенсер обернулся к столу и протянул руку к кролику. Тот и не пытался удрать. Вытащив сложенный лист бумаги, Спенсер сломал скрепляющий его сургуч. Бумага оказалась такой толстой и плотной, что хрустела, пока Спенсер ее разглаживал.

Корявые буквы были написаны угольно-черными чернилами. Это явно не авторучка, а не что иное, как гусиное перо.

Адресованное ему письмо гласило:

Дорогой Хэл!

У меня нет логичного оправдания и потому не стану вдаваться в объяснения. Я ощутил свою весну и не могу вынудить себя покинуть ее. Ты получил свой носитель, и это куда лучше, чем поступали с тобой остальные. Кролик возражать не станет. Кроликам неведомо время. Будь добр к нему, ибо это не грубый дикий заяц из чащи, а любящий ручной зверек.

Ник.

Просто в голове не укладывается! Спенсер уставился на записку: черные каракули больше напоминали каббалистическую вязь, чем послание.

Итак, он ощутил весну. Что он хочет этим сказать? Весну сердца? Весну духа? Может, и так, ведь Никерсон отправился в Италию Раннего Возрождения. Весна духа и ощущение величия грядущих свершений. Быть может, дело не только в этом. Не исключено, что причиной всему чувство некой духовной безопасности в более миниатюрном мире — мире, не балующемся со временем, не устремляющемся к звездам.

Негромко запищал зуммер. Спенсер толкнул рычажок интеркома.

— Да, мисс Крейн?

— Звонит мистер Гарсайд.

Кролик покусывал телефонный провод, и Спенсер оттолкнул его в сторону.

— Да, Крис.

— Хэл, что там у тебя с Равенхолтом? — послышался серый прилизанный голос. — Он мне полчаса нервы мотал.

— Это насчет проекта «Бог».

— Да, он говорил. Угрожал поднять хай насчет этичности проекта нашего журнала.

— Это у него не выйдет, — возразил Спенсер. — У него нет никаких оснований. Этот проект чист. Ему дали зеленый свет и юридический, и этический отделы, а комитет надзора дал свое благословение. Это просто исторический отчет. Свидетельство очевидца битвы при Геттисберге, обзор мод, бытовавших во времена королевы Виктории, — это самое крупное, что мы затронули. Рекламная ценность журнала, не говоря уж о доходах…

— Да-да, знаю, — устало отозвался Гарсайд. — Все это верно. Но я не хочу затевать ссоры ни с кем — а уж с Равенхолтом и подавно. У нас слишком много железа, которое давно надо ковать, пока не остыло. Мы не можем позволить себе

роскошь непредвиденных осложнений, а Равенхолт в поединке не остановится ни перед какими низостями.

— Слушай, Крис, Равенхолта я беру на себя.

— Я так и думал. Более того, это в твоих же личных интересах.

— В каком смысле? — ощетинился Спенсер.

— В общем, если честно, Хэл, твои дела обстоят не лучшим образом. У тебя были проблемы…

— Ты имеешь в виду людей, которых мы лишились.

— И машины, — подхватил Гарсайд. — Ты все время упускаешь из виду, что каждая машина стоит четверть миллиона.

— А люди? — с горечью бросил Спенсер. — Наверно, ты считаешь, что они сравнительно дешевы.

— Я не предполагал, — вкрадчиво отозвался Гарсайд, — что можно определить реальную стоимость человеческой жизни.

— Сегодня мы потеряли еще одного, — сообщил Спенсер. — Полагаю, ты будешь счастлив слышать, что он оказался лоялен сверх велений долга и послал назад кролика. Машина цела и невредима.

— Хэл, — сурово отрезал Гарсайд, — это мы

можем обсудить как-нибудь в другой раз. Сейчас меня волнует только Равенхолт. Если ты пойдешь к нему, извинишься и попробуешь все уладить…

— Извиниться?! — взорвался Спенсер. — У меня есть способ получше. Он путался со стриптизершей из «Золотого часа». Как только я все выясню…

— Хэл! — вскричал Гарсайд. — Ты не имеешь права так поступать! Не имеешь права впутывать «Прошлое» в подобные дела! Да это же непристойно!

— Ты имеешь в виду, что это низко? Не ниже Равенхолта. Чего с ним чикаться?

— Это роли не играет. Молодой человек…

— Не называй меня молодым человеком! — вспылил Спенсер. — У меня забот полон рот и без твоей опеки.

— Наверно, забот чересчур много для тебя. — Голос Гарсайда стал совсем серым и прилизанным. — Наверно, надо найти на твое место другого.

— Ну так найди! — рявкнул Спенсер. — Нечего сидеть там и орать на меня до потери пульса! Иди сюда и вышвырни меня за дверь!

Грохнув трубку на рычаг, он откинулся на спинку кресла, дрожа от ярости.

Проклятый Гарсайд! К чертям собачьим «Прошлое»! Сыт по горло!

И все-таки это дерьмовый финал для пятнадцатилетней работы. Вонючая ситуация. Быть может, надо было держать язык за зубами, настроение в узде и быть тише воды, ниже травы.

Наверно, можно было сделать по-другому: уверить Равенхолта, что все будет улажено, и ни словом не упомянуть о Серебряной Звезде. И с чего это он так доверчиво ухватился за реплику Кейбла перед уходом? Что Кейбл может об этом знать? В ближайшее время надо выяснить, есть ли в «Золотом часе» какая-нибудь Серебряная Звезда.

А пока надо заняться делом.

Теперь Хадсон. Спенсер потянулся к кнопке зуммера.

Но так и не нажал ее. Задняя дверь снова с грохотом распахнулась, ударившись о стену, и в кабинет ворвался Дуглас Маршалл, оператор машины И-Джи.

— Хэл, — выдохнул он, — лучше зайди к нам. И-Джи такое учудил!..

6

Задавать вопросы Спенсер не стал. С первого же взгляда на лицо Дуга стало ясно, что новости очень скверные. Вскочив с кресла, Спенсер бросился к двери, вслед за Дугом.

Они ураганом пронеслись по коридору, свернув налево, к оперативному отделу, где вдоль стены выстроился ряд выпуклых, громоздких носителей.

В дальнем конце помещения операторы и техники сгрудились толпой, образовав неровный круг. Из центра круга доносилась похабная песня. Слова разобрать было невозможно.

Спенсер сердито подошел к толпе и протолкнулся сквозь нее. В центре сидел И-Джи, а рядом с ним еще один человек — грязный, бородатый, шумливый дикарь, облаченный в медвежью шкуру, с огромным мечом на поясе. Запрокинув голову, он вливал в себя содержимое бочонка; из уголков рта сбегали два ручейка светло-коричневой жидкости и терялись в густой растительности на груди.

— И-Джи! — гаркнул Спенсер.

При этом крике дикарь стремительно опустил бочонок, торопливо сунул его под мышку и утер

усы большой грязной пятерней.

И-Джи неверной походкой двинулся вперед и бросился Спенсеру на шею, неустанно при этом смеясь. Спенсер стряхнул объятия и оттолкнул его от себя. И-Джи попятился на заплетающихся ногах.

— И-Джи! — заревел Спенсер. — Что, черт подери, тут смешного?!

Тот ухитрился остановиться и попытался подтянуться, но никак не мог — смех по-прежнему душил его.

Дикарь шагнул к Спенсеру и сунул ему в руки бочонок, что-то радостно проорав и изобразив руками, что в бочонке содержится доброе пойло.

И-Джи энергично ткнул пальцем в сторону джентльмена в медвежьей шкуре:

— Хэл, никакой это не римский офицер! — и снова затрясся в приступе смеха.

Дикарь тоже гомерически загоготал, запрокинув голову и издавая такие раскаты смеха, что вся комната затряслась.

И-Джи кое-как доковылял до него, и они пали друг к другу в объятия, радостно хохоча и хлопая друг друга по спинам. Потом запутались в конечностях, утратили равновесие и упали. Так они и сидели на полу, глазея на обступивших

их людей.

— Ну же! — рявкнул Спенсер на И-Джи.

Тот звонко шлепнул витязя в медвежьей шкуре по волосатому плечу.

— Просто привез в гости к Райтсон-Некрополь ее дальнего-предальнего прадедулю. Не могу дождаться поглядеть на ее физиономию, когда я его к ней отвезу!

— О боже мой! — взвыл Спенсер. Обернувшись, он сунул в чьи-то руки подтекающий бочонок и отрывисто бросил: — Не выпускайте их. Суньте куда-нибудь отоспаться.

Кто-то вцепился ему в запястье. Обернувшись, Спенсер увидел взмокшего Дугласа Маршалла.

— Надо послать их обратно, шеф, — выдохнул он. — И-Джи должен доставить его обратно.

— Не знаю, можно ли, — покачал головой Спенсер. — Пусть юридический решает. Просто держите их здесь и скажите парням… Скажите им, что если кто хоть шепнет…

— Буду из кожи вон лезть, но особо не обольщаюсь. Это банда трепачей.

Спенсер вывернулся и бегом рванул по коридору.

Ну и денек, думал он, прямо исковерканный какой-то!

Промчавшись по коридору, он увидел, что дверь с надписью «Только для персонала» закрыта. Проскользив на подошвах и почти остановившись, Спенсер уже потянулся к ручке, когда дверь резко распахнулась и оттуда вылетела мисс Крейн.

Столкнувшись нос к носу, оба отлетели назад. От толчка очки мисс Крейн съехали с переносицы, повиснув под нелепым углом.

— Мистер Спенсер, — запричитала она, — мистер Спенсер, просто ужас что стряслось! Помните мистера Хадсона?

Она наконец отступила с дороги. Спенсер влетел в кабинет и захлопнул за собой дверь, с горечью бросив:

— Разве его забудешь!

— Мистер Хадсон мертв! — выпалила мисс Крейн.

Спенсера будто громом поразило.

— Если б вы только приняли его, когда я просила! — неистовствовала секретарша. — Если б вы не заставили его столько ждать!..

— Но послушайте…

— В конце концов он встал, лицо его побагровело. Я не виню его, мистер Спенсер.

— Вы хотите сказать, что он умер прямо здесь?!

— Он сказал мне: «Передайте своему мистеру Спенсеру…» — и больше уже не издал ни звука. Покачнулся, ухватился за край стола, чтобы не упасть, но рука соскользнула, он как-то переломился в поясе и…

Дальше Спенсер не дослушал. В три прыжка пересек кабинет и выскочил в приемную.

Словно брошенное кем-то тряпичное чучело, мистер Хадсон распростерся на ковре, вытянув перед собой руку, оплетенную синими узелками вен. Кожаная папка лежала у самых кончиков его пальцев, будто даже из-за гробовой черты он пытался до нее дотянуться. Пиджак его сбился наверх, горбом вздувшись на лопатках. Спенсеру бросилось в глаза, что воротник белой рубашки покойника обтрепан на уголках.

Медленно подойдя к бесчувственному телу, Спенсер опустился на колени и приложил ухо к груди лежащего.

Ни малейшего биения.

— Мистер Спенсер! — Все еще напуганная, но весьма довольная мисс Крейн замерла на пороге. Такого еще не случалось за все годы ее работы секретарем — да что там, за всю ее жизнь. Это даст ей пищу для разговоров на многие годы вперед.

— Заприте дверь, — распорядился Спенсер, —

чтобы никто сюда не ворвался. Затем позвоните в полицию.

— В полицию?!

— Мисс Крейн! — резко осадил ее Спенсер.

Секретарша обошла и его, и распростертое на полу тело, пятясь бочком вдоль стены.

— И в юридический позвоните, — добавил Спенсер, сидя на корточках над покойником и ломая голову, как могло такое случиться. Скорее всего, сердечный приступ. Мисс Крейн говорила, что у Хадсона был больной вид, и уговаривала принять его первым, в обход двух остальных.

Спенсеру пришло в голову, что уж если будут искать повинного в случившемся, то непременно взвалят все на него. Если бы Хадсону не пришлось дожидаться, все более и более разъяряясь с течением времени, ничего подобного не произошло бы. Хадсон, больной, нервный человек — и к тому же гневный, дожидался в этой самой комнате… Но чего именно?

Спенсер пристально разглядывал вытянувшуюся на ковре тряпичную куклу, бывшую недавно человеком: поредевшие на макушке волосы, погнутые и скрученные падением очки с толстыми линзами, костлявые руки с выпуклыми узлами вен. Чего же мог хотеть от корпорации

«Прошлое» подобный человек?

Вставая с корточек, Спенсер вдруг утратил равновесие и, чтобы не упасть, оперся на что-то позади себя. Под его ладонью оказалось что-то гладкое и прохладное. Даже не глядя, он понял, что это такое: папка Хадсона!

Ответ может находиться там!

Мисс Крейн возится с замком, запирая дверь. В помещении больше никого.

Одним резким толчком Спенсер послал папку по полу в сторону двери своего кабинета, плавным движением встал и обернулся. Папка остановилась на пороге. Одним стремительным шагом он оказался рядом с ней и носком ботинка подпихнул в кабинет, от глаз подальше.

Тут раздался щелчок вставшей на место защелки, и мисс Крейн обернулась.

— Мистер Спенсер, кому в первую очередь: полиции или юристам?

— Я полагаю, полиции.

Спенсер ушел в кабинет, осторожно прикрыв дверь, чтобы осталась щель шириной чуть меньше дюйма. Потом подхватил папку с пола и поспешил к своему месту.

Положив папку на стол, он расстегнул ее и обнаружил три отдельно скрепленные рукописи.

На первой вверху значился заголовок: «Исследование этики путешествий во времени». А дальше — страница за страницей машинописного текста, густо исчерканного остро отточенным красным карандашом.

Вторая, без всякого заголовка, состояла из ряда косо-криво нацарапанных пометок.

А вот третья, снова отпечатанная на машинке, с аккуратно вычерченными графиками и схемами, была озаглавлена: «Новая концепция механики путешествий во времени».

Спенсер, затаив дыхание, склонился над текстом. Как он ни торопился пробежать статью взглядом, но все же вынужден был сдерживаться, чтобы за спешкой не проглядеть смысла.

Надо ведь еще вернуть папку на место, и притом незаметно. Он присвоил ее не по праву. Если полиция обнаружит, что Спенсер шарил в ней, могут быть неприятности. И лежать она должна не пустая. Вряд ли человек мог прийти к нему на прием с пустой папкой в руках.

Услышав, что в приемной зазвучал голос мисс Крейн, Спенсер быстро принял решение и смахнул вторую и третью рукописи в ящик стола, а первую, об этике путешествий во времени, сунул обратно в папку и застегнул. Фараонам этого

будет вполне довольно.

Взяв папку в левую руку, Спенсер прижал ее к бедру и вышел из двери кабинета, держась к секретарше правым боком, чтобы загородить папку телом. Мисс Крейн беседовала по телефону и на него не смотрела.

Спенсер выронил папку на ковер, у самых пальцев покойника.

Секретарша договорила, положила трубку на рычаг и увидела, что начальник стоит в приемной.

— Полиция вот-вот подъедет, — сообщила она. — А теперь я позвоню мистеру Гауксу из юридического.

— Спасибо. А пока ждем, я займусь бумагами.

7

Вернувшись за стол, Спенсер извлек «Новую концепцию механики путешествий во времени». На рукописи стояло имя Буна Хадсона.

По мере углубления в чтение Спенсера охватывало все большее изумление, а вместе с ним и странное, холодное волнение — ибо здесь наконец перед ним предстало то, что положит конец головным болям корпорации «Прошлое».

Больше никто не столкнется с кошмаром того,

что хороший времяпроходец выходит в тираж за несколько лет.

Больше не будет человек уходить во Время юношей, а возвращаться через шестьдесят секунд со следами прожитых лет на лице. Больше никому не придется наблюдать, как друзья стареют от месяца к месяцу.

Ибо теперь уже делать это придется не самому человеку, а матрице его личности.

«Материальное дублирование», как мысленно назвал это Спенсер. Во всяком случае, можно назвать и так. Человека будут отправлять в прошлое, но носитель не станет физически перемещаться сквозь Время, как сейчас, а будет проецировать собственную матрицу и матрицу находящегося там человека, материализуя их в пункте назначения. А внутри носителя — основного носителя, первичного носителя, исходного носителя, остающегося в настоящем, — будет другая матрица, дубликат человека, посланного в прошлое.

А вернется человек в настоящее не таким, каким является в это мгновение прошлого, а таким, какова *была* матрица в момент его входа в глубины Времени.

Он выйдет из носителя в точности таким, как и

вошел, не постарев ни на секунду, а фактически говоря, даже на минуту моложе, чем должен быть! Ибо для него шестидесяти секунд между отправкой и возвращением просто не было.

Многие годы собственный исследовательский отдел «Прошлого» искал решение этой проблемы, но даже близко к нему не подошел. И вдруг сегодня незваным явился какой-то посторонний; он сидел, сгорбившись, в приемной, баюкая на коленях папку с ответом, но его вынудили ждать — ждать до умопомрачения.

И вот он ждал, ждал, ждал — и в конце концов умер.

Раздался стук в дверь приемной. Послышались шаги мисс Крейн через комнату, чтобы открыть пришедшим.

Спенсер торопливо выдвинул ящик и сгреб бумаги туда. Затем встал из-за стола и направился в приемную.

Возле распростертого на ковре тела стоял Росс Гаукс, глава юридического отдела корпорации «Прошлое», и разглядывал покойника.

— Привет, Росс! — сказал Спенсер. — Скверное дело.

Гаукс озадаченно поглядел на него. Его блекло-голубые глаза поблескивали из-за стекол

аккуратных, элегантных очков, а совершенно седые волосы почти не контрастировали с разлитой по лицу бледностью.

— Но что тут понадобилось Дэну?

— Дэну? — переспросил Спенсер. — Его зовут Бун Хадсон.

— Да-да, знаю. Но все звали его Дэном — Дэниелом Буном[1], понимаешь ли. Иногда он из-за этого раздражался. Работал в исследовательском. Пришлось выставить его за дверь лет пятнадцать-шестнадцать тому назад. Единственное, почему я его узнал, — с ним возникли какие-то неприятности. Ему взбрело в голову, что можно возбудить иск против нас.

— Спасибо, понял, — кивнул Спенсер. Уже на полпути к своему кабинету он вдруг обернулся. — Еще одно, Росс. За что его выставили?

— Точно уж и не помню. Он халатно относился к своим обязанностям. Делал не то, что поручено, а уклонился в сторону. По-моему, занялся дублированием материи.

— Так вот оно что, — протянул Спенсер.

Войдя в кабинет, он запер стол и удалился через другую дверь.

---

[1] Примечания: 1

Дэниел Бун — легендарный первопроходец американского Запада, персонаж многих преданий. — *Примеч. перев.*

Сев на стоянке в свою машину, он задним ходом вывел ее на улицу и медленно поехал прочь.

Перед зданием стояла патрульная машина, из которой выбирались двое полицейских. Сзади к ней подъезжала карета «скорой помощи».

Вот оно как, думал Спенсер. Пятнадцать лет назад Хадсона выставили за дверь за то, что он был одержим безумной идеей материального дублирования и делом не занимался. И по сей день исследовательский отдел мало-помалу сходит с ума, пытаясь найти решение, которое Хадсон давным-давно преподнес бы на блюдечке, если бы его оставили на службе.

Спенсер попытался представить, каково было в эти годы Хадсону, скорее всего продолжавшему неустанно трудиться в тиши над своей безумной идеей. Как он наконец довел ее до окончательного решения, убедился в надежности выкладок и пришел в корпорацию «Прошлое», чтобы ткнуть результат им в нос.

Именно так, как теперь ткнет его Хэллок Спенсер.

Гринвич-стрит оказалась тихой улицей благородных бедняков, застроенной небольшими обветшавшими домиками. Несмотря на малые размеры, а порой и неухоженность домов, здесь

ощущалась некая солидная гордость и респектабельность.

На рукописи значился адрес: «Гринвич, 241». Под этим номером оказался приземистый коричневый домик, окруженный ветхим деревянным забором. Двор буйствовал цветами, но, несмотря на это, дом казался нежилым.

Спенсер протиснулся сквозь покосившуюся калитку и пошел по дорожке, изрядно сузившейся из-за цветов, потеснивших ее с обеих сторон. Поднявшись по хлипким ступеням на шаткое крылечко и не найдя звонка, он постучал в закрытую дверь.

Ответа не последовало. Спенсер нажал на ручку, и она повернулась. Слегка приоткрыв дверь, он протиснулся в коридор. Там царила тишина.

— Алло, есть кто дома? — позвал Спенсер и подождал.

Никого.

Пройдя в гостиную, он огляделся.

Спартанская, почти монашеская обстановка. Совершенно очевидно, что Хадсон жил один: на всем лежит отпечаток временного, лагерного быта старого холостяка. У стены койка, на спинку которой брошена грязная рубашка. Под койкой в ряд выставлены две пары туфель и шлепанцы.

Напротив койки — старомодный платяной шкаф. С приделанной к нему сбоку планки косо-криво свисают полдюжины галстуков. В ближайшем к кухоньке углу примостился небольшой столик. На нем — коробка крекеров и стакан с подсохшими потеками молока. Футах в пяти подальше — массивный письменный стол. Поверхность его девственно пуста, не считая пишущей машинки и оправленной в деревянную рамку фотографии.

Подойдя к столу, Спенсер принялся выдвигать ящики, один за другим. Ящики оказались почти пустыми. В одном он обнаружил курительную трубку, коробку скрепок, скрепкосшиватель и одинокую покерную фишку. В других валялся всяческий хлам и пустяки, но ничего стоящего. Нашлось еще полпачки писчей бумаги — но нигде ни строчки. В нижнем ящике слева лежала полупустая пузатая бутылка с хорошим шотландским виски.

И все.

Обыскав шкаф, Спенсер обнаружил лишь рубашки, белье и носки.

Он пробрался на кухню. Только встроенные в стены плита, холодильник и буфет. Нигде ничего, кроме скудного запаса продуктов.

А спальни — их оказалось две — пребывали в

запустении: ни следа мебели — лишь покрывающий пол и стены слой тонкой, легкой пыли. Спенсер постоял на пороге каждой из них, озираясь. Запустение и тоска. Входить он не стал.

Вернувшись в гостиную, он подошел к столу и взял фотографию. С нее смотрела женщина; на оттененном сединой волос лице усталая, но бодрая улыбка и выражение беспредельного терпения.

Тут нечего искать, подумал Спенсер, если только не располагать временем, чтобы обыскать каждый угол, каждую щелку, разобрать дом по дощечке и по камешку. Но и тогда вряд ли что найдется.

Выйдя из дома, он поехал обратно.

— Быстро же вы поели, — угрюмо изрекла мисс Крейн.

— Все в порядке? — осведомился Спенсер.

— Полицейские были весьма и весьма любезны. И мистер Гаукс, и мистер Снелл горят желанием вас видеть. А еще звонил мистер Гарсайд.

— Чуть позже. Мне надо заняться делом. Позаботьтесь, чтобы меня не беспокоили.

С этими словами он вошел в кабинет и с непререкаемым выражением на лице закрыл за собой дверь. Там он извлек из ящика стола бумаги Хадсона и углубился в чтение. Даже не обладая

инженерным образованием, он знал достаточно, чтобы кое-как в них разобраться, хотя порой приходилось перечитывать отдельные места более внимательно или разбираться в графике, пролистнутом с излишней поспешностью. Наконец он перевернул последнюю страницу.

Здесь есть все, до последней детали.

Разумеется, работа будет проверена инженерами и техниками. При воплощении идеи в материале могут выявиться какие-нибудь заковыки, но концепция в комплекте с теорией и ее приложениями содержится в работе Хадсона от начала и до конца.

Хадсон ничего не утаил — никаких ключевых деталей, никаких существенных моментов.

Это безумие, недоумевал Спенсер. Надо всегда оставлять за собой зацепку, возможность поторговаться. Нельзя доверять другим людям, не говоря уж о корпорациях, да еще так безоговорочно, как намеревался Хадсон. Особенно нельзя доверять компании, из которой тебя вышвырнули пятнадцать лет назад за работу над этой самой концепцией.

Какое нелепое и трагичное стечение обстоятельств!

Корпорация «Прошлое» даже не догадывалась,

куда метит Хадсон. А Хадсон, в свою очередь, был обречен на молчание из-за того, что не продвинулся достаточно далеко, чтобы проникнуться уверенностью в концепции или хотя бы в себе самом. Даже если бы он попытался выложить все начистоту, над ним лишь посмеялись бы, ведь его репутация не могла подтвердить основательность столь вопиющих мечтаний.

Сидя за столом, Спенсер вспоминал домик на Гринвич-стрит, где жизненное пространство человека стиснулось до размеров одной комнаты; в остальных же шаром покати; нигде ни следа удобств и уюта. Должно быть, вся мебель из этих комнат, все скопленное за многие годы добро было мало-помалу распродано — один драгоценный предмет за другим, чтобы кухонные полки не опустели.

Этот человек отдался мечте всей душой, ушел в мечту и жил одной лишь мечтой так долго, что она заменила ему все остальное. Наверное, он знал, что вот-вот умрет.

Не удивительно, что вынужденное ожидание тревожило его.

Отодвинув рукопись Хадсона в сторону, Спенсер взялся за рукописные пометки. Страницы были заполнены неразборчивыми карандашными

строчками, длинными шеренгами математических формул, торопливо набросанных схем. Это вряд ли пригодится.

Интересно, а как же другая рукопись — та, что осталась в папке, касающаяся этики? Она не может не состоять в тесной взаимосвязи с концепцией Хадсона. Быть может, она содержит нечто существенное, сказывающееся на новом подходе к проблеме?

До сей поры вся этика путешествий во времени волей-неволей сводилась в основном к обширному списку всяческих «не»:

«Не вывези человека из прошлого.

Не укради, доколе вещь не утрачена.

Не поведай никому из прошлого о существовании путешествий во времени.

Не вмешивайся никоим образом в течение событий прошлого.

Не пытайся войти в будущее — и не спрашивай почему, ибо вопрос этот непристоен».

8

Зажужжал зуммер. Спенсер щелкнул тумблером.

— Да, мисс Крейн?

— К вам пришел мистер Гарсайд. С ним мистер

Гаукс и мистер Снелл. — В голосе ее проскользнули едва уловимые нотки удовлетворения.

— Ладно. Пригласите их.

Собрав бумаги со стола и спрятав их в портфель, он откинулся на спинку кресла, озирая входящих.

— Итак, джентльмены? Похоже, ко мне целая делегация.

Не успев договорить, Спенсер понял, что сморозил непристойность. Они даже не улыбнулись. Значит, дело плохо. Всякий раз, когда юридический и отдел связи с прессой сходятся вместе, жди беды.

Вошедшие расселись.

— Мы полагали, — начал Снелл в своей отработанной манере бывалого пресс-секретаря, — что если соберемся вместе и попытаемся обсудить…

Но Гаукс не дал ему договорить, с упреком бросив Спенсеру:

— Ты умудрился поставить нас в самое затруднительное положение!

— Да, я знаю, — не смутился тот. — Давайте перечислим повестку дня. Мой подчиненный доставил человека из прошлого. Другой человек скончался в моем кабинете. Я забыл о необходимости лебезить перед надутым индюком,

заявившимся, чтобы помочь нам заправлять нашими делами.

— Уж больно ты легко к этому относишься, — отозвался Гарсайд.

— Пожалуй, что так, — охотно согласился Спенсер. — Давай скажем покрепче: мне на это плевать. Нельзя же позволять формировать свою политику, уступая напору силовых элементов.

— Сейчас ты, разумеется, говоришь о деле Равенхолта.

— Крис, — с энтузиазмом подхватил Снелл, — ты попал в самую точку. Вот шанс по-настоящему подкупить общественность. Мы имеем дело с такими вещами, в которых обывателю мерещится привкус колдовства. Естественно, он старается держаться от нас подальше.

— И что более существенно, — с беспокойством вставил Гаукс, — если мы завернем этот проект, этот…

— Проект «Бог», — подсказал Спенсер.

— Мне не очень-то по душе твои формулировочки.

— Ну так придумай название сам, — спокойно откликнулся Спенсер. — А мы его зовем именно так.

— Если мы не двинем его вперед, нас могут

обвинить в атеизме.

— А откуда общественность узнает, что мы завернули его? — осведомился Спенсер.

— Уж будьте покойны, — с горечью проронил Снелл, — Равенхолт постарается на совесть, чтобы оповестить об этом свет.

Спенсера вдруг охватила ярость. Грохнув кулаком о стол, он заорал:

— Я же сказал, как с ним управлюсь!

— Хэл, — тихо возразил Гарсайд, — мы просто не можем так поступить. У нас ведь есть чувство собственного достоинства.

— Да уж, так поступить вы не можете. Зато можете подладиться под Равенхолта и тех, кто его поддерживает. Можете запустить обзор возникновения религий. Можете фальсифицировать отчеты.

Все трое ошеломленно замолкли. На мгновение Спенсер и сам изумился тому, что осмелился произнести это вслух. С начальством так не разговаривают. Но необходимо сказать еще кое-что.

— Крис, ты собираешься проигнорировать мою докладную и продвинуть проект вперед, не так ли?

— Боюсь, мы просто вынуждены, — с нарочитой учтивостью ответил Гарсайд.

Бросив взгляд на Гаукса и Снелла, Спенсер заметил потаенные улыбки обоих, затаившиеся по ту сторону губ, — презрительные, глумливые усмешки наделенных властью.

— Да, я так и думал, — неторопливо вымолвил он. — Что ж, теперь это на вашей шее, вы и выпутывайтесь.

— Это в твоей компетенции!

— Больше нет. Я оставляю эту работу.

— Эй, погоди, Хэл, послушай, — вскинулся Гарсайд. — Ты не можешь вот так взять да и уйти! И без какого бы то ни было предуведомления! Вспорхнул, как мотылек. У нас есть маленькие разногласия, но это же не повод…

— Я решил, что должен как-то вам помешать. Не могу допустить осуществление проекта «Бог». Предупреждаю, что, если вы на это пойдете, я дискредитирую вас. Я подвергну точной и нелицеприятной проверке каждый ваш шаг. А сам тем временем собираюсь открыть собственное дело.

— Наверно, путешествия во времени?

Спенсер понял, что его решили высмеять.

— Я подумывал об этом.

— Ты даже не получишь лицензии, — презрительно ухмыльнулся Снелл.

— А по-моему, получу. — Спенсер знал это на-

верняка. Совершенно новая концепция снимет большинство затруднений.

— Ладно, — вставая, изрек Гарсайд, — ты нынче не в духе. Когда чуток поостынешь, зайди ко мне потолковать.

— До свиданья, Крис, — отрицательно затряс головой Спенсер и, не вставая, проводил удаляющуюся троицу начальников взглядом.

Как ни странно, теперь, когда все кончено — или только начинается? — внутреннее напряжение покинуло его, сменившись ровным спокойствием. Надо раздобыть денег, надо нанять техников и инженеров, надо найти и обучить времяпроходцев — и еще много, много всякого. Подумав об этом, Спенсер вдруг ощутил мгновенный укол сомнения, но отверг его одним пожатием плеч.

Покинув кресло, он вышел в приемную.

— Мисс Крейн, во второй половине дня должен был зайти мистер Кейбл.

— Сэр, я его не видела.

— Ну конечно! — согласился Спенсер, ибо внезапно все встало на свои места — если только он осмелится поверить забрезжившему пониманию.

В глазах Кейбла теплился какой-то весьма на-

стораживающий огонек. И вот сейчас, в нежданной вспышке просветления, Спенсер осознал, что именно выражали глаза юноши.

Это было восторженное почитание!

Именно так смотрят на человека, вошедшего в легенды.

«Я заблуждаюсь, — подумал Спенсер, — ведь я не легендарная личность, по крайней мере до сей поры».

Но в глазах юного Кейбла было и еще что-то. И снова Спенсер догадался, что именно. Кейбл молод, но в глазах его читалась мудрость старца. Это были глаза человека, повидавшего куда больше, чем способен увидеть кто-либо за тридцать лет своей жизни.

— А что передать, — осведомилась мисс Крейн, — если он зайдет?

— Не утруждайтесь. Я уверен, что не зайдет.

Ибо Кейбл свою работу сделал — если только это была работа. Она могла представлять собой вопиющее нарушение этики, совершенно явное вмешательство — а может быть, явилась просто уступкой искушению сыграть роль Бога.

И может статься, все было специально запланировано.

Неужели они где-то в будущем разрешили

задачу, которую он изложил Кейблу, — задачу оправданного вмешательства в прошлое?

— Мисс Крейн, — произнес Спенсер, — не будете ли вы любезны напечатать мое заявление об уходе? Прямо с нынешнего момента. Сформулируйте его поофициальнее. Я в обиде на Гарсайда.

Мисс Крейн даже бровью не повела, невозмутимо заправляя бумагу в машинку.

— Мистер Спенсер, а какую указать причину?

— Можете написать, что я открываю собственное дело.

«Интересно, — ломал он голову, — а было ли такое время, когда события пошли по иному пути? Было ли такое время, когда Хадсон пришел меня повидать и вовсе не умер? Было ли время, когда я отдал концепцию Хадсона „Прошлому“, вместо того чтобы утаить ее для себя?

Ведь если бы не Кейбл, оттянувший время, скорее всего, я принял бы Хадсона, когда было еще не слишком поздно. А если бы принял, то непременно направил бы бумаги в надлежащие инстанции.

Но если даже так, — гадал он, — откуда у них уверенность (бог ведает, у кого именно), что я не приму Хадсона первым? Да-да, ведь мисс Крейн настоятельно рекомендовала мне поступить

именно так.

Вот оно! — Его охватило волнение. — Именно то самое! Я бы непременно принял Хадсона первым, не настаивай на этом мисс Крейн».

Стоя посреди приемной, он вспоминал многие годы, на протяжении которых мисс Крейн старательно трудилась над выработкой у него обратного рефлекса, окончательно приучив его делать в точности противоположное тому, на чем она настаивает.

— Мистер Спенсер, — подала голос мисс Крейн, — я закончила заявление. И еще одно, едва не забыла.

Пошарив в ящике стола, она что-то извлекла и выложила на стол.

Папка Хадсона.

— Должно быть, полиция ее проглядела. Это было весьма неосмотрительно с их стороны. Я решила, что вам это может пригодиться, — пояснила секретарша. Спенсер ошеломленно молчал, воззрившись на папку. — Это придется очень кстати к остальным имеющимся у вас материалам.

Тут послышались приглушенные удары о пол, и Спенсер стремительно обернулся. Белый кролик с длинными обвисшими ушами скакал по ковру,

высматривая морковку.

— Ой, какой лапушка! — совершенно не в своей манере воскликнула мисс Крейн. — Это тот, которого мистер Никерсон прислал вместо себя?

— Тот самый. Я напрочь о нем забыл.

— А можно я возьму его себе?

— Мисс Крейн, мне вот пришло в голову…

— Да, мистер Спенсер?

И что же теперь сказать?

Взять да и выпалить: мол, я знаю, что вы одна из них?

Это потребует пространных объяснений, да к тому же весьма запутанных. А кроме того, мисс Крейн не из тех, перед кем можно выпалить признание.

— Я вот подумал, мисс Крейн, — сглотнув, продолжал он, — не захотите ли вы перейти на работу ко мне? Мне понадобится секретарша.

— Нет, я уже стара, — покачала она головой. — Подумываю о пенсии. Пожалуй, теперь, раз вы уволились, я просто исчезну.

— Но, мисс Крейн, я отчаянно нуждаюсь в вас.

— Как-нибудь на днях, когда вам потребуется секретарша, к вам зайдет соискательница на должность. На ней будет ярко-зеленое платье и этакие новомодные очки, а еще она принесет с

собой белоснежного кролика с бантом на шее. Она вам покажется несколько взбалмошной, но вы ее все равно примете.

— Запомню. Буду ее поджидать. Никого другого не найму.

— Она ни в малейшей степени не будет похожа на меня, — предупредила мисс Крейн. — Она намного милее.

— Благодарю вас, мисс Крейн, — совсем не к месту сказал Спенсер.

— И не забудьте вот это. — Она протянула папку.

Взяв папку, Спенсер направился к двери, но на пороге обернулся.

— До встречи.

И впервые за пятнадцать лет мисс Крейн улыбнулась ему.

Марсианин
Перевод К. Королева

Из дальнего космоса возвращался домой «Привет, Марс-IV» — первый звездолет, достигший Красной планеты. Его обнаружили телескопы Лунной обсерватории, что располагалась в кратере Коперник; на Землю сразу же ушло сообщение с координатами корабля. Несколько часов спустя земные приборы засекли в небе крохотную мерцающую точку.

Два года назад те же самые телескопы провожали звездолет в путь — до тех пор пока серебристый корпус корабля не затерялся среди звезд. С того дня «Привет, Марс-IV» не подавал никаких сигналов; и вот теперь Лунная обсерватория, заметив вдалеке пятнышко света, известила Землю о его появлении.

Поддерживать с кораблем связь во время полета не представлялось возможным. На Луне находились мощные радиостанции, способные передавать ультракоротковолновые сообщения на расстояние в четверть миллиона миль, отделявшее Луну от Земли. Но это был предел: о связи

через пятьдесят миллионов миль не приходилось и мечтать. Так что звездолет словно сгинул в пространстве, оставив людей на Земле и Луне гадать об участи экипажа.

Ныне же, когда Марс вновь очутился напротив Земли, корабль возвращался, корректируя курс, — из дюз то и дело вырывалось пламя; стальной комарик мчался к родной планете, прочь из таинственного безмолвия, резво преодолевая милю за милей. Он возвращался победно, его корпус покрывал слой красной марсианской пыли.

На борту звездолета находились пятеро отважных мужчин — начальник экспедиции Томас Делвени, рыжеволосый навигатор Джерри Купер, лучший кинооператор мира Энди Смит и еще двое астронавтов, Джимми Уотсон и Элмер Пейн, — суровые ветераны, принимавшие когда-то участие в покорении Луны.

Этот «Привет, Марс» был четвертым — три предыдущих корабля так и не вернулись, три запуска окончились неудачей. Первый звездолет в миллионе миль от Луны столкнулся с метеоритом. Второй — это было видно в телескопы — полыхнул пламенем и превратился в алое пятно: взорвались топливные баки. Третий попросту исчез — летел себе и летел, пока не пропал из

виду; шесть лет подряд специалисты ломали головы над тем, что же произошло, но так и не пришли ни к какому выводу.

Тем не менее четыре года спустя — то есть два года назад — с Земли стартовал «Привет, Марс-IV». Теперь он возвращался — серебристая точка в черном небе, — сверкающий символ человеческого стремления к другим планетам. Он достиг Марса — и вот теперь возвращается. За ним полетят другие; некоторые погибнут, сгинут без следа, однако кому-то посчастливится, и человечество, столь настойчиво и слепо пытающееся разорвать земные путы, наконец-то ступит на дорогу к звездам.

— Как по-вашему, док, что они там нашли? — Джек Вудс, корреспондент «Экспресс», закурил сигарету.

Доктор Стивен Гилмер, председатель Комиссии по межпланетным сообщениям, выпустил клуб дыма — он курил сигару — и ответил, не скрывая раздражения:

— Откуда, черт побери, мне знать? Надеюсь, что хоть что-то. Эта прогулка обошлась нам в миллион баксов.

— Ну а все-таки, док? — не отступался Вудс. — Что они могли там обнаружить? Без подробно-

стей, в общих чертах. На что похож Марс?

— Я скажу, а потом вы поместите мои слова на первой странице, — брюзгливо отозвался Гилмер, пожевав сигару. — Не желаю ничего придумывать. Вечно вам невтерпеж. Знаете, ребята, порой вы меня изрядно достаете.

— Док! — умоляюще воскликнул Гэри Хендерсон из «Стар». — Скажите нам хоть что-нибудь.

— Точно, — поддержал коллегу Дон Бакли из «Спейсуэйз». — Какая вам разница? Вы ведь всегда можете заявить, что мы неправильно вас поняли. Такое случается сплошь и рядом.

Гилмер указал на стоящую чуть поодаль группу — членов официального комитета по встрече.

— Почему бы вам не пообщаться с мэром? Он наверняка не откажется.

— Конечно, — согласился Гэри, — но опять отделается пустыми фразами. И потом, мы так часто печатали его фотографию на первой полосе, что он, похоже, решил, будто владеет газетой.

— Как вы думаете, почему они не выходят на связь? — спросил Вудс. — Корабль уже несколько часов в зоне слышимости.

— Может, у них сломался передатчик, — предположил Гилмер, перекатив сигару из одного уголка рта в другой.

Чувствовалось, что он обеспокоен молчанием звездолета. Доктор наморщил лоб. Неужели передатчик поврежден настолько серьезно, что его невозможно починить?

Шесть часов назад корабль вошел в атмосферу и принялся кружить по орбите, гася огромную скорость. Весть о прибытии звездолета быстро распространилась по планете, и на космодром хлынули любопытные. Людей становилось все больше, на близлежащих шоссе возникли громадные пробки, полицейские кордоны с трудом удерживали толпу зевак, что норовили попасть на посадочную площадку. День выдался жаркий, прохладительные напитки шли нарасхват. У кого-то из женщин случился обморок; кого-то нечаянно повалили наземь и затоптали. Какое-то время спустя завыла сирена «скорой помощи».

— Уф! — выдохнул Вудс. — Посылаем корабли на Марс, а управлять толпой до сих пор не научились. — Он выжидающе уставился в ярко-голубое небо. — Скоро должен появиться.

Конец фразы репортера заглушил нарастающий рев, от которого, казалось, вот-вот лопнут барабанные перепонки. Из-за горизонта вынырнул звездолет; сверкнув на солнце, он пронесся над космодромом, сопровождаемый восторжен-

ным ревом толпы, который на мгновение как будто даже перекрыл грохот двигателей, и исчез в отдалении, полыхнув носовыми дюзами.

— Купер выжимает все, что может, — благоговейно произнес Вудс. — Корпус того и гляди расплавится.

Он поглядел на запад, вслед исчезнувшему из вида кораблю. Сигара, про которую Вудс совсем забыл, обожгла ему пальцы. Краем глаза он заметил фотокорреспондента «Экспресс» Джимми Эндрюса.

— Ты успел снять? — рявкнул Вудс.

— Еще чего! — крикнул в ответ Эндрюс. — Попробуй-ка сними молнию!

Звездолет показался снова. Он летел медленнее, однако его скорость по-прежнему ужасала. На какой-то миг корабль словно завис в воздухе, после чего клюнул носом и устремился к космодрому.

— Он не сядет на такой скорости! — завопил Вудс. — Он же разобьется!

— Осторожно!

Этот звук вырвался сразу из доброй дюжины глоток. Корабль приземлился — вонзился носом в землю, оставив позади себя глубокую дымящуюся борозду. Корма задралась высоко вверх: чудилось, что звездолет в любой момент может

опрокинуться.

Толпа на дальнем конце поля, охваченная паническим страхом при виде надвигающегося на нее стального монстра, мгновенно рассыпалась в разные стороны. Люди бежали, толкались, спотыкались, сбивали друг друга с ног. Однако «Привет, Марс-IV» замер в непосредственной близости от полицейского кордона, уже не способный перевернуться, — потрепанный, побывавший в переделках звездолет, первым достигший Марса и вернувшийся домой.

Корреспонденты и фотографы кинулись вперед. Толпа завизжала. Визг смешался с гудками автомобилей и воем сирен. Издалека, с окраины города, доносились пронзительные свистки и перезвон колоколов.

На бегу Вудсу пришла шальная мысль, в которой было что-то от дурного предчувствия. Такая посадка… Управляй кораблем Джерри Купер, он ни за что не стал бы сажать звездолет на столь чудовищной скорости. Это было сущим безумием, а Джерри — опытный навигатор, не из тех, кто любит играть со смертью. Джек видел его пять лет назад на Лунном дерби и не мог не восхититься искусством, с каким Джерри пилотировал свой корабль.

Люк в борту звездолета медленно открылся, лязгнул металл. Из корабля вышел человек — вышел, покачнулся, упал и не поднимался.

Доктор Гилмер подбежал к нему и подхватил на руки.

Вудс мельком увидел запрокинутую голову и лицо астронавта. Лицо принадлежало Джерри Куперу, но черты исказились настолько, что узнать того было почти невозможно. Это лицо запечатлелось в памяти Вудса, будто вытравленное кислотой, — кошмарный образ, при воспоминании о котором бросало в дрожь: глубоко запавшие глаза, ввалившиеся щеки, стекающая слюна, и с губ слетают какие-то нечленораздельные звуки…

— Уйди с дороги! — гаркнул Эндрюс, отталкивая Вудса. — Или как прикажешь снимать?

Джек услышал тихое гудение. Затем раздался щелчок. Все, снимок есть.

— Где остальные? — крикнул Гилмер. Купер бессмысленно уставился на него; лицо навигатора исказилось гримасой страха и боли сильнее прежнего. — Где остальные?

Во внезапно наступившей тишине голос Гилмера прозвучал неожиданно громко.

— Там, — прошептал Купер, мотнув головой в

сторону корабля. Его шепот резанул слух всем, кто стоял поблизости. Он вновь забормотал что-то невразумительное, а потом с усилием прибавил: — Мертвы. — И повторил в тишине: — Все мертвы.

Остальных членов экипажа обнаружили в жилом отсеке, позади запертой рубки. Все они были мертвы, причем умерли достаточно давно.

Энди Смиту кто-то размозжил могучим ударом череп. Джимми Уотсона задушили: на шее до сих пор виднелись синие вздувшиеся отпечатки чьих-то пальцев. Элмер Пейн скрючился в уголке: на его теле не нашли никаких следов насилия, хотя лицо выражало отвращение — этакая маска боли, страха и страдания. Томас Делвени распростерся у стола на полу с перерезанным горлом — похоже, старомодной бритвой с побуревшим от крови лезвием, которую крепко сжимал в правой руке.

У стены жилого отсека стоял большой деревянный ящик, на котором кто-то написал дрожащей рукой одно-единственное слово — «Животное». Судя по всему, надпись должна была иметь продолжение: ниже виднелись диковинные закорючки, нацарапанные тем же черным мелком. Они змеились по доскам и не сообщали ничего

сколько-нибудь полезного.

К вечеру буйнопомешанный, который был когда-то Джерри Купером, умер. Банкет, организованный городскими властями в честь покорителей космоса, отменили, ибо чествовать оказалось некого.

Кто же сидит в деревянном ящике?

— Животное, — заявил доктор Гилмер. — Все остальное меня, по большому счету, не касается. Кажется, оно живо, но сказать наверняка трудно. Даже передвигаясь быстро — быстро для нее, разумеется, — эта тварь, пожалуй, ленивца заставит поверить, что он способен носиться мухой.

Джек Вудс поглядел на существо, которое доктор Гилмер обнаружил в ящике с надписью «Животное». Оно находилось внутри стеклянного аквариума с толстыми стенками и весьма смахивало на ком шерсти.

— Свернулось себе и спит, — заметил корреспондент.

— Как же! — фыркнул Гилмер. — Просто у него такая форма тела — сферическая. Вдобавок оно все обросло мехом. Если придумать название поточнее, то ему больше подходит имя Меховушка. Да, с таким мехом не страшен и Северный полюс в разгар зимы. Густой, теплый… Вы ведь

не забыли, что на Марсе чертовски холодно?

— Может, отправить туда охотников и организовать фактории? — предложил Вудс. — Я уверен, марсианские меха будут продаваться по бешеным ценам.

— Если до этого дойдет, — отозвался Гилмер, — меховушек моментально перестреляют всех до единой. По-моему, максимальная скорость, с какой они в состоянии передвигаться, — не более фута в день. Кислорода на Марсе, судя по всему, в обрез. Значит, жизненную энергию добыть не так-то легко, а потому вряд ли кто-либо способен тратить ее на пустую беготню. Должно быть, меховушки сидят сиднями, не позволяя никому и ничему отвлекать себя от основного занятия — борьбы за выживание.

— Что-то я не вижу у него ни глаз, ни ушей — вообще ничего похожего, — проговорил Вудс, напрягая зрение, чтобы получше разглядеть марсианина.

— Возможно, его органы чувств коренным образом отличаются от наших, — сказал Гилмер. — Не забывайте, Джек, он — продукт совершенно иной среды. Вполне вероятно, что таких, как он, на Земле нет и в помине. У нас нет никаких свидетельств, подтверждающих параллельность

эволюции на столь разных планетах, какими являются Земля и Марс. Из того немногого, что нам известно о Марсе, — продолжал он, жуя сигару, — можно заключить, что это животное оправдывает наши предположения. Воды на Марсе мало — по земным меркам, ее там практически нет. Обезвоженный мир. Кислород имеется, но воздух настолько разрежен, что больше подходит под земное определение вакуума. Иными словами, марсианские животные должны были как-то приспособиться к почти полному отсутствию воды и кислорода. И то и другое для них — великие ценности, которые необходимо во что бы то ни стало сберечь. Отсюда сферическая форма тела, что обеспечивает минимальное соотношение «площадь — объем» и облегчает сохранение усвоенных воды и кислорода. Может статься, наш марсианин представляет собой изнутри одни громадные легкие. Мех защищает его от холода. На Марсе чертовски холодно. Ночами температура опускается так низко, что замерзает углекислый газ, в который, кстати, и упаковали на корабле этого зверюгу.

— Шутите? — хмыкнул Вудс.

— Ни капельки, — откликнулся Гилмер. — Внутри деревянного ящика помещался стальной

резервуар, внутри которого, в свою очередь, находилось животное. Туда накачали немного воздуха, превратили его в частичный вакуум, а затем обложили резервуар замороженным углекислым газом. Пространство же между деревом и льдом заполнили бумагой и войлоком, чтобы замедлить таяние. Скорее всего, во время перелета воздух приходилось менять несколько раз заодно с упаковкой. В последние дни перед приземлением животное, похоже, бросили на произвол судьбы; воздух стал разреженным даже для него, а лед почти растаял. По-моему, ему не слишком хорошо. Может, оно слегка приболело. Чересчур много углекислого газа, а температура гораздо выше обычной…

— Полагаю, вы его устроили как положено? — справился Вудс, махнув рукой в сторону аквариума. — Кондиционер и все такое прочее?

— Оно, наверно, чувствует себя как дома, — отозвался со смешком Гилмер. — Атмосфера разрежена до одной тысячной земного стандарта, озона вполне достаточно. Не знаю, так ли ему это нужно, однако, по всей вероятности, кислород на Марсе присутствует прежде всего как озон. Я сужу по природным условиям на поверхности планеты, которые как нельзя лучше годятся для

воспроизводства озона. Температура в аквариуме — минус двадцать по Цельсию. Ее я установил наобум, поскольку понятия не имею, где именно поймали нашего гостя, а климат там в каждой области свой. — Он вновь пожевал сигару. — В общем, у нас тут появился Марс в миниатюре.

— Вы нашли на корабле какие-нибудь записи? — поинтересовался Вудс. — Я разумею такие, в которых бы говорилось о животном.

Гилмер покачал головой и откусил кончик сигары.

— Только бортовой журнал, вернее, то, что от него осталось. Кто-то залил страницы кислотой. Прочесть невозможно.

Корреспондент уселся на стол и забарабанил пальцами по крышке.

— Черт побери! С какой стати?

— С той же самой! — пробурчал Гилмер. — Почему кто-то… наверно Делвени, прикончил Пейна и Уотсона? Почему Делвени после всего убил себя? Что случилось со Смитом? Почему Купер сошел с ума и умер в судорогах, будто не мог дышать? Кто нацарапал на ящике то единственное слово, пытаясь написать еще, но не сумел? Кто ему помешал?

Вудс мотнул головой в сторону аквариума.

— Интересно, а не замешан ли тут наш приятель?

— Джек, вы спятили! — воскликнул Гилмер. — Какого черта вам понадобилось приплести сюда еще и его? Ведь это всего-навсего животное, не слишком, по-видимому, разумное. В марсианских условиях ему было не до того, чтобы совершенствовать свой мозг. Впрочем, мне пока не представилась возможность изучить его как следует, но на следующей неделе прибудут доктор Уинтерс из Вашингтона и доктор Лэтроп из Лондона. Вместе мы наверняка что-то узнаем.

Вудс спрыгнул со стола, подошел к окну и выглянул наружу. Здание, в котором находилась лаборатория, стояло на вершине холма. Внизу расстилалась лужайка, за которой начинался парк. В нем виднелись обнесенный изгородью выгул, каменные насыпи со рвами по периметру и обезьяньи острова — эта территория принадлежала «Метрополитен-зоопарку».

Гилмер выплюнул очередной огрызок сигары.

— Значит, на Марсе есть жизнь, — проговорил он. — Правда, отсюда ничего не следует.

— А если пофантазировать? — усмехнулся Вудс.

— Фантазируют газетчики, — проворчал Гил-

мер. — Приличные люди этим не занимаются.

Близился полдень. Папаша Андерсон, смотритель львятника, печально покачал головой и почесал подбородок.

— Кошечки чем-то встревожены, — сказал он. — Будто у них что-то на уме. Почти не спят, знай себе ходят туда-сюда, туда-сюда.

Эдди Риггс, корреспондент «Экспресс», сочувственно прищелкнул языком.

— Может, им не хватает витаминов? — предположил он.

— Нет, — возразил папаша Андерсон. — Мы кормим их, как всегда, сырым мясом, а они почему-то нервничают. Знаешь, львы — твари ленивые, спят чуть ли не днями напролет. А теперь… Рычат, грызутся между собой. На днях мне пришлось отколотить Нерона, когда он сцепился с Перси. И этот стервец кинулся на меня, хотя я ухаживаю за ним с тех пор, когда он был совсем крохотным!

Нерон, стоявший по ту сторону рва с водой, угрожающе зарычал.

— Видишь? Все еще злится. Если не утихомирится, придется снова поучить его уму-разуму. Тоже мне, герой нашелся. — Папаша опасливо поглядел на львов. — Надеюсь, они все-таки уй-

мутся. Сегодня суббота, придет много народу… Толпа их бесит, даже когда они спокойны, а уж сейчас…

— С другими животными все в порядке? — спросил Риггс.

— Утром умерла Сьюзен, — ответил папаша, почесав подбородок.

Сьюзен звали жирафу.

— Я и не знал, что она заболела.

— Она и не болела. Просто взяла и сдохла.

Риггс вновь повернулся к львам. Нерон, громадный самец с черной гривой, сидел на краю рва, словно собирался прыгнуть в воду. Перси боролся еще с одним самцом; оба порыкивали, причем достаточно злобно.

— Нерон, похоже, замышляет перебраться через ров, — заметил корреспондент.

— Ерунда, — отмахнулся папаша. — У него ничего не выйдет. Кишка тонка. Вода для львов хуже яда.

Из слоновьего загона, что находился в миле с лишним от львятника, внезапно донесся трубный рев, а затем прозвучал исполненный ярости клич.

— Вот и слоны взбеленились, — изрек папаша.

Послышался топот. Из-за львиных клеток выбе-

жал человек без шляпы, взгляд которого выражал ужас. На бегу он крикнул:

— Слон спятил! Мчится сюда!

Громко зарычал Нерон. Завизжал кугуар. Вдалеке показалась громадная серая туша. Несмотря на кажущуюся неуклюжесть, слон двигался удивительно быстро: обогнул заросли кустарника, выскочил на лужайку, высоко задрал хобот, захлопал ушами и, яростно трубя, устремился ко львятнику. Риггс повернулся и опрометью кинулся к административному зданию. Следом бежал, отдуваясь, Андерсон.

Отовсюду раздавались истошные вопли первых посетителей зоопарка. Шум стоял невообразимый: крики, рев, визг…

Слон неожиданно свернул в сторону, промчался через загон площадью в два акра, в котором обитали три пары волков, снес ограду, растоптал кусты и свалил несколько деревьев.

Взбежав на крыльцо административного здания, Риггс оглянулся. Со шкуры Нерона капала вода! Та самая вода, которая — по теории — должна была удерживать льва на площадке не хуже стальных прутьев!

Мимо Риггса прогрохотал по ступенькам служитель с винтовкой.

— Конец света! — крикнул он.

Белые медведи затеяли кровавую схватку: двое уже погибли, двое умирали, остальные были изранены настолько, что вряд ли смогут выжить. Два оленя с ветвистыми рогами сошлись лоб в лоб. Обезьяний остров превратился в хаос — половина животных погибли неизвестно от чего; служитель предположил — от чрезмерного волнения. Нервы, нервы…

— Такого не может быть! — воскликнул Андерсон, когда они с Риггсом очутились внутри. — Животные так никогда не дерутся!

Риггс что-то кричал в трубку телефона, когда снаружи прогремел выстрел. Папаша моргнул.

— Нерон! — простонал он. — Нерон! Я воспитывал его с первых дней, кормил из бутылочки…

В глазах старика блестели слезы.

Это и впрямь оказался Нерон. Однако, перед тем как умереть, лев дотянулся до человека с винтовкой и одним страшным ударом лапы размозжил тому череп.

В тот же день, несколько позже, доктор Гилмер стукнул кулаком по расстеленной на столе газете.

— Видели? — спросил он Джека Вудса.

— Видел. — Корреспондент мрачно кивнул. —

Сам написал. По городу носятся обезумевшие, ополоумевшие животные. Убивают всех подряд. В больницах полно умирающих. Морги забиты трупами. На моих глазах слон задавил человека. Полицейские его пристрелили, но было уже поздно. Весь зоопарк сошел с ума. Кошмар! Дикие джунгли! — Он вытер рукавом пиджака лоб, дрожащими пальцами достал из пачки сигарету и закурил. — Я могу вынести многое, но ничего подобного до сих пор не испытывал. Ужасно, док, просто ужасно! И животных тоже ведь жалко. Бедняги! Они все не в себе. Скольких пришлось прикончить…

— Зачем вы явились? — справился Гилмер, перегнувшись через стол.

— Да так, подумалось кое о чем, — ответил Вудс, кивнув на аквариум, в котором находился марсианин. — Этот переполох напомнил мне… — он помолчал и пристально поглядел на Гилмера, — о том, что произошло на борту «Привет, Марс-IV».

— Почему? — холодно осведомился Гилмер.

— Экипаж корабля обезумел, — заявил Вудс. — Только сумасшедшие способны на такое. А Купер умер буйнопомешанным. Не знаю, как ему удалось сохранить частичку разума, чтобы посадить звездолет.

Гилмер вынул изо рта жеваную сигару и принялся сосредоточенно отделять наполовину откушенные куски. Закончив, он снова сунул сигару в рот.

— По-вашему, все животные в зоопарке спятили?

— Безо всякой причины, — прибавил Вудс, утвердительно кивнув.

— Вы подозреваете марсианина, — проговорил Гилмер. — Но каким, черт побери, образом беззащитная Меховушка, что лежит вон там, могла свести с ума людей и животных?

— Послушайте, док, кончайте притворяться. Вы не пошли играть в покер, остались в лаборатории. Вы заказали две цистерны с окисью углерода. Целый день не выходили из кабинета, связались с Эпплменом из акустической лаборатории и попросили у него кое-какое оборудование. Тут что-то кроется. Давайте рассказывайте.

— Чтоб вам пусто было! — пробурчал Гилмер. — Даже если я не пророню ни одного слова, вы все равно узнаете! — Он откинулся на спинку кресла, положил ноги на стол, швырнул раскуроченную сигару в корзину для бумаг, взял из коробки новую, пару раз укусил и поднес к ней зажигалку. — Сегодня я собираюсь выступить

палачом. Мне не по себе, но я утешаюсь мыслью, что это, вполне возможно, будет не казнь, а акт милосердия.

— То есть вы хотите прикончить Меховушку? — От неожиданности у Джека перехватило дыхание.

— Да. Для того мне и потребовалась окись углерода. Я закачаю ее в аквариум. Меховушка даже и не поймет, что происходит. Ее потянет в сон, она заснет — и не проснется. Весьма гуманный способ убийства, вы не находите?

— Но почему?

— Дело вот в чем. Вы, должно быть, знаете, что такое ультразвук?

— Звук, чересчур высокий для человеческого слуха, — откликнулся Вудс. — Его применяют в различных областях. Для подводной сигнализации и картографирования, для контроля за высокоскоростной техникой — он предупреждает о поломках, которые вот-вот произойдут…

— Да, человек научился использовать ультразвук, — подтвердил Гилмер. — Нашел ему множество применений. Мы можем создавать звуки частотой до двадцати миллионов вибраций в секунду. Звук частотой миллион герц убивает бактерии. Некоторые насекомые общаются меж-

ду собой на частоте тридцать две тысячи герц, а человеческое ухо способно воспринять частоту максимум около двадцати тысяч герц. Но всем нам далеко до Меховушки, которая испускает ультразвук частотой приблизительно тридцать миллионов герц. — Сигара переместилась в противоположный угол рта. — Звук высокой частоты можно направлять узкими пучками, отражать, как свет, контролировать его. Мы в основном пользуемся жидкими средами, хотя знаем, что лучше всего — нечто плотное. Если пропустить ультразвук через воздух, он быстро ослабеет и затихнет. Разумеется, я говорю о звуке частотой до двадцати миллионов герц. Но звук частотой тридцать миллионов герц явно проходит через воздух, причем такой, который разреженнее нашей атмосферы. Понятия не имею, в чем тут причина, но какое-то объяснение, безусловно, должно существовать. Нечто подобное не могло не появиться на Марсе, чья атмосфера, по нашим меркам, больше напоминает вакуум. Ведь тамошние обитатели, как теперь известно, обладают слуховым восприятием.

— Меховушка издает звуки частотой тридцать миллионов герц, — сказал Вудс. — Это понятно. Ну и что?

— А то, — произнес Гилмер, — что, хотя звук такой частоты услышать невозможно — слуховые нервы не воспринимают его и не передают информацию мозгу, — он оказывает на человеческий мозг непосредственное воздействие. И с мозгом, естественно, что-то случается. Сумятица в мыслях, жажда крови, безумие…

Затаивший дыхание Вудс подался вперед:

— Значит, вот что произошло на борту звездолета и в зоопарке!

Гилмер печально кивнул.

— В Меховушке нет злобы, я уверен в этом, — сказал он. — Она не замышляла ничего дурного. Просто немножко испугалась и устала от одиночества, а потому попыталась установить контакт с другими разумами, поговорить хоть с кем-нибудь. Когда я забирал ее из корабля, она спала, точнее, находилась в психическом обмороке. Возможно, заснула как раз вовремя, чтобы Купер успел слегка оправиться и посадить звездолет. Наверно, спит она долго, благо так сохраняется энергия. Вчера проснулась, но ей потребовалось время, чтобы полностью прийти в себя. Я целый день улавливал исходившие от нее вибрации. Сегодня утром вибрации усилились. Я клал в аквариум пищу — то одно, то другое, — думал,

она что-нибудь съест и тогда удастся определить, чем такие твари питаются. Но есть она не стала, разве что слегка пошевелилась, на мой взгляд, хотя для нее, пожалуй, движение было быстрым и резким. А вибрации продолжали усиливаться, и в результате в зоопарке начало твориться черт-те что. Сейчас она, похоже, снова заснула — и все потихоньку приходит в норму. — Гилмер взял со стола коробку, соединенную проводом с наушниками. — Одолжил у Эпплмена. Вибрации меня изрядно озадачили. Я никак не мог установить их природу. Только потом сообразил, что тут какие-то звуковые штучки. Это Эпплменова игрушка. До готовности ей еще далеко, но она позволяет «слышать» ультразвук. Слышать мы, конечно, не слышим, однако получаем впечатление о тональности звука. Нечто вроде психологического изучения ультразвука или перевода с «ультразвукового» на привычный язык.

Он протянул Вудсу наушники, а коробку поставил на аквариум и принялся двигать взад-вперед, стремясь перехватить ультразвуковые сигналы, что исходили от крохотного марсианина. Вудс надел наушники и замер в ожидании.

Корреспондент рассчитывал услышать высокий и тонкий звук, но не услышал ничего вообще.

Внезапно на него обрушилось ужасное одиночество; он ощутил себя сбитым с толку, утратившим способность понимать, испытал раздражение. Ощущения становились все сильнее. В мозгу отдавался беззвучный плач, исполненный боли и тоски, — щемящий сердце плач по дому. Вудс понял, что «слышит» причитания марсианина, который скулил, как скулит оставленный на улице в дождливый вечер щенок.

Руки сами потянулись к наушникам и сорвали их с головы. Вудс потрясенно уставился на Гилмера.

— Оно тоскует по дому. По Марсу. Плачет, как потерявшийся ребенок.

— Теперь оно уже не пытается войти в контакт, — отозвался Гилмер. — Просто лежит и плачет. Оно не опасно сейчас, однако раньше... Впрочем, дурных намерений у него не было с самого начала.

— Послушайте! — воскликнул Вудс. — Вы провели здесь целый день, и с вами ничего не случилось. Вы не спятили!

— Совершенно верно, — сказал Гилмер, кивая. — Спятили животные, а я сохранил рассудок. Между прочим, со временем привыкли бы и они. Дело в том, что Меховушка разумна. Ее от-

чаянные попытки связаться с другими живыми существами порой приводили к тому, что она проникала в мозг, но не задерживалась там. Я ей был ни к чему. Видите ли, на корабле она уяснила, что человеческий мозг не выдерживает контакта с ультразвуком такой частоты, а потому решила не тратить попусту силы. Она попробовала проникнуть в мозг обезьян, слонов и львов в безумной надежде отыскать разум, с которым сможет поговорить, который объяснит, что происходит, и уверит ее, что она сумеет вернуться на Марс. Зрения у нее, я убежден, нет; нет почти ничего, кроме ультразвукового «голоса», чтобы изучать окружающее пространство. Возможно, дома, на Марсе, она разговаривала не только с родичами, но и с иными существами. Двигается она крайне медленно, но, может, у нее не очень много врагов, следовательно, вполне хватает одного органа чувств.

— Разумна, — повторил Вудс. — Разумна до такой степени, что к ней трудно относиться как к животному.

— Вы правы, — сказал Гилмер. — Быть может, она разумна ничуть не меньше нас с вами. Быть может, это выродившийся потомок великой расы, что некогда правила Марсом… — Он выхва-

тил изо рта сигару и швырнул ее на пол. — Черт побери! Предполагать можно что угодно. Правды мы с вами, вероятно, не узнаем, как не узнает и человечество в целом.

Доктор поднялся, ухватился руками за край резервуара с окисью углерода и подкатил его к аквариуму.

— А надо ли ее убивать, док? — прошептал Вудс. — Неужели надо?

— Разумеется! — рявкнул Гилмер, резко повернувшись на каблуках. — Представляете, какой поднимется шум, если узнают, что Меховушка прикончила экипаж звездолета и свела с ума животных в зоопарке? А что, если такое будет продолжаться? В ближайшие годы полетов на Марс явно не предвидится — общественное мнение не позволит. А когда следующая экспедиция все же состоится, ее члены, во-первых, будут готовы к ультразвуковому воздействию, а во-вторых, им строго-настрого запретят брать на Землю таких вот меховушек. — Он отвернулся, потом снова посмотрел на корреспондента: — Вудс, мы с вами старые приятели. Знаем друг друга давным-давно, выпили вместе не одну кружку пива. Пообещайте, что ничего не опубликуете. А если все-таки напечатаете, — зычно прибавил

он и широко расставил ноги, — я вас в порошок сотру!

— Обещаю, — сказал Вудс. — Никаких подробностей. Меховушка умерла. Не вынесла жизни на Земле.

— Вот еще что, Джек. Нам с вами известно, что ультразвук частотой тридцать миллионов герц превращает людей в безмозглых убийц. Нам известно, что его можно передавать через атмосферу — вероятно, на значительные расстояния. Только подумайте, к чему может привести использование такого оружия! Наверно, те, кто бредит войной, рано или поздно узнают этот секрет, но только не от нас.

— Поторопитесь! — с горечью в голосе произнес Вудс. — Поспешите, док. Вы слышали Меховушку. Не длите ее страданий. Ничем другим мы ей помочь не можем, хотя втянуть втянули. Ваш способ — единственный. Она поблагодарила бы вас, если бы знала.

Гилмер повернулся к резервуару, а Вудс снял трубку и набрал номер редакции «Экспресс».

В его мозгу по-прежнему звучал тот щенячий скулеж — горький, беззвучный крик одиночества, скорбный плач по дому. Бедная, бедная Меховушка! Одна в пятидесяти миллионах миль

от дома, среди чужаков, молящая о том, чего никто не в силах ей предложить…

— «Дейли экспресс», — послышался в трубке голос ночного редактора Билла Карсона.

— Это Джек, — сообщил Вудс. — Слушай, у меня есть кое-что для утреннего выпуска. Только что умерла Меховушка… Да, Меховушка, то животное, которое прилетело на «Привет, Марс-IV». Ну да, не выдержала, понимаешь… — Он услышал у себя за спиной шипение газа: Гилмер открыл клапан.

— Слушай, Билл, я вот о чем подумал. Можешь написать, что она умерла от одиночества… Точно, точно, от тоски по Марсу… Пускай ребята постараются: чем слезливей — тем лучше…

Интерлюдия с револьверным дымком
Перевод Г. Корчагина

Когда Клэй добрался до городка, его рослый черный конь хромал, а сам он клевал носом в седле. Заехал он сюда не по большой охоте. Хила-Галч — малоподходящее место для остановки, и до отдыха ли, когда Джон Трент отстает всего лишь на день? Но иначе нельзя: еще сутки конь не продержится, да и седоку необходимо поесть и поспать, набраться сил для преодоления последнего, самого тяжелого отрезка пути — через горный отрог.

Возле платной конюшни Клэй сполз с седла и завел коня под крышу.

— Позаботься о нем хорошенько, — велел конюху. — Он это заслужил. — И спросил, пробежав взглядом по трем лошадям в стойлах: — Других нет?

Конюх покачал головой:

— Дела у нас нынче неважнецкие. Раньше дюжину коняшек держали, но вот заделались святее папы римского, и все покатилось к чертям.

Клэй снова оглядел лошадей. Жалкие клячи, ни одна не годится.

— Своего ты здорово покалечил, — упрекнул конюх. — Не скоро оклемается.

— Камешек подвернулся, — буркнул Клэй.

Он вышел из конюшни и постоял с минуту, оправляя револьверный пояс и оглядывая окрестности.

Хила-Галч тихо дремал в ласковых рассветных лучах — пыльный, некрашеный, обветшалый. Клэй прошелся по улице до строения с вывеской «Отель» и, войдя, направился к бару. Бармен, стиравший с мебели пыль, неохотно вернулся за стойку.

— Мозоли седлом набил, — сказал ему Клэй. — Нужно лекарство.

Бармен выставил бутылку и стопку. Забрав их, Клэй перешел к столику и тяжело опустился на стул. Только сейчас он понял, как изнурен тысячемильной ездой, — похоже, в его массивном теле не осталось ни капли сил. Он снял шляпу и стряхнул пыль со штанин. Потом отодвинул стопку, а бутылку откупорил и поднес к губам. Вытирая ладонью рот, прислушался к ощущениям: спиртное добралось до желудка, там вспыхнуло пламя и мигом согрело все внутренности.

А вкус уже не тот, отметил Клэй. Прежде было куда вкуснее. И не забирает выпивка, как прежде.

Многое теперь совсем не такое, как прежде, сказал он себе.

Утреннюю тишину нарушило противное жужжание — в оконное стекло билась муха. Клэй откинулся на стуле, расслабился, вспоминая, как было прежде, перебирая имена мужчин, которых уже нет на свете, женщин, почти стершихся в памяти, городов, от которых ничего, кроме названий, не осталось.

Облокотившись на стойку, бармен ковырял в зубах заостренной спичкой. Клэй молчал, прихлебывая время от времени.

— Как насчет завтрака? — спросил бармен.

— Завтрак и комнату, — ответил Клэй. — Я уже забыл, когда спал.

— Что будешь есть?

— Что дашь, то и буду, я непереборчивый.

Когда он взялся за еду, в гостиницу вошел парень с блестящей звездой на жилетке.

Парень приблизился к Клэю и уселся напротив.

— Бывал здесь раньше?

Клэй отрицательно качнул головой.

— Тогда я должен поставить тебя в известность, — сказал парень. — У нас есть закон: приехал — сдай оружие.

— Я нездешний, — проговорил Клэй. — Законов ваших не знаю.

— Сдай револьверы, — властно, без тени робости отчеканил парень. — Соберешься уезжать, получишь обратно.

— А если не сдам? — поинтересовался Клэй.

— Будут неприятности, — с сухой деловитостью, но без враждебности пообещал парень.

— Без револьверов я как голый. — Не мог же Клэй признаться, что ему никак не обойтись без них, если в городе его застанет Джон Трент. — Да к тому же я прямо сейчас завалюсь в койку. Со мной не будет проблем.

— Сроку тебе до вечера, — будничным тоном проговорил парень. — На закате буду стоять снаружи. Если не захочешь сдать оружие, выйдешь, и мы решим вопрос. Не выйдешь — я приду и заберу.

— Я выйду, — пообещал Клэй тоже будничным тоном, как и полагается отвечать в таких случаях.

И как он уже давно привык отвечать, потому что вот такая ему досталась жизнь.

А нахальный мальчишка, должно быть, не знает, кому бросает вызов.

После ухода парня Клэй молча доел завтрак. Бармен все так же опирался локтями о стойку и ковырял в зубах спичкой.

Позже, лежа на жесткой койке, Клэй размышлял о мальчишке со звездой на груди. Тот не угрожал, не корчил из себя крутого. Был спокоен, деловит, уверен в себе.

Вот таких-то людей и надо бояться, сказал себе Клэй.

Но ведь он уже давно перестал бояться людей. Много лет назад. Они ему просто безразличны. Да ему все на свете безразлично, если быть с собой честным. Наверное, даже собственная жизнь, хотя он ни разу об этом не задумывался.

Еще один день, думал он, глядя в потолок. Еще один день — и свобода. Еще один день — и он расстанется со своим прошлым, чтобы начать новую жизнь. За границей припрятана сотня тысяч долларов, это огромные деньжищи…

Но это все, что у него осталось.

Конечно, понадобится другое имя… С этим не будет проблем. Менять имена он тоже привык. Сто тысяч долларов ждут за границей в надежном тайнике, десять тысяч назначены за его голову, и

чтобы их заполучить, Джон Трент сейчас где-то скачет во весь опор…

Клэй уедет вечером на одной из тех кляч. Даже кляче хватит сил довезти его до границы. Но перед отъездом придется убить мальчишку. Не самое приятное дело, не самое подходящее время…

«Я бы предпочел не убивать его, — сказал себе Клэй, — но больно уж круто он за меня взялся».

Если бы парень не дерзил, Клэй отдал бы ему револьверы и сказал: «Заботься о них хорошо, перед ужином заберу». Но как быть с тем, что еще никто никогда не обезоруживал Коулмана Клэя? Позволить этому случиться сейчас? А не поздновато ли?

Что было, то останется в прошлом навсегда, подумал он. Не вернется добрый вкус виски, не оживут те, кто польстился на сто тысяч долларов, лежащих в надежном тайнике за границей.

Клэй смежил веки, и сон вырубил его, точно удар молота.

Когда Клэй проснулся и спустился в бар, солнце висело низко над западным горизонтом. Перед крыльцом стояла пара лошадей, впряженных в ветхие дрожки. У стойки беседовал с барменом мужчина.

— Съезжаю, — сообщил Клэй.

— Два доллара с тебя, — сказал бармен.

— Бумага найдется? — спросил Клэй, расплатившись. — Хочу написать письмо.

Бармен кивнул, вырвал линованный лист из дешевой тетрадки и вручил Клэю вместе с огрызком карандаша.

— Поживей, ладно? — Бармен кивнул на человека, с которым разговаривал минуту назад. — Джим заберет почту. У нас своей почтовой конторы нет, ближайшая в Бакхорне.

— Тебе повезло, незнакомец, — сказал почтальон. — Я сюда дважды в неделю наведываюсь. Шутка ли — почти шестьдесят миль.

Клэй поблагодарил кивком, расположился за столиком в углу зала и старательно вывел:

Дорогая сестрица.

Я еду в Мексику, надо кое-что уладить. Может быть, даже осяду там. Потом напишу тебе, как оно сложилось.

Ты мне не ответила, где сейчас Гордон. Я надеялся встретиться с ним, да видать, не судьба.

Он добавил внизу имя, и это имя было не Коулман Клэй. Вернулся к стойке, попросил конверт

и марку, написал адрес: «Понтиак, Илл., миссис Эстен Блейн». Вынул из кармана пачку банкнот, отделил полдюжины, аккуратно уложил в конверт и заклеил его. Бармен достал из-под стойки почтовый мешок, повернул горловиной к Клэю. Тот бросил в мешок письмо, и бармен затянул бечевку.

— Держи. — Мешок заскользил по стойке.

Почтальон поймал его.

— Мне пора. — Джим двинулся к выходу, но у порога обернулся. — Незнакомец, на твоем месте я бы передумал, — сказал он. — Очень уж ловок этот паренек со своими железками.

— Нет, — ответил Клэй.

— Ладно, как знаешь. Жалко, что не могу задержаться и поглядеть.

Клэй и бармен молча смотрели, как почтальон забирается на сиденье и дрожки укатывают по улице.

— Маршал этот ваш, — проговорил Клэй. — Как его хоть зовут?

— Блейн, — ответил бармен. — Гордон Блейн.

Клэй ухватился за край стойки, сжал так сильно, что побледнели загорелые пальцы. Но в лице не переменился ничуть.

— Гордон Блейн… — глухо проговорил он. —

Нет, не слыхал.

— А кто слыхал? — хмыкнул бармен. — Он только что сюда явился, причем неизвестно откуда. И до него в нашем городе прикончили четырех маршалов. Но уже пару месяцев никто не пытался убить Блейна.

Клэй рассмеялся и неловко, как деревянный манекен, развернулся к выходу. Жесткими шагами вышел на крыльцо. Солнце уже тонуло в горизонте. Клэю вспомнилось письмо, год назад полученное им в Монтане:

> *Гордон уезжает на Запад. После того как у тебя дела пошли в гору, удержать его я не в силах. Он говорит, что нет ни малейшего смысла надрываться тут за кусок хлеба, если на Западе можно запросто сколотить состояние, ведь тебе же это удалось. Надеюсь, ты с ним где-нибудь пересечешься…*

Улица была тиха и безлюдна, но Клэй знал, что из каждого окна за ним следят чьи-то глаза. Горожане ждут, когда у гостиницы сойдутся двое.

Почтовые дрожки превратились в колеблющуюся точку на восточном просторе. Клэй увидел, как с крыльца конторы маршала спускается пар-

нишка и выходит на середину пыльной улицы. Вот он остановился, ждет: револьверы на бедрах, руки опущены.

«Я еще могу снять пояс, подойти и отдать ему», — подумал Клэй.

Но сразу же понял, что не сделает этого. Не поступит наперекор всему, что было в его жизни. Наперекор всему, во что он верил и чему упрямо следовал.

Клэй медленно сошел с крыльца и повернулся к парню. Тот двинулся к нему.

«Скоро приедет Джон Трент, — подумал Клэй, — и только тогда здесь узнают, кто я. А Эстер так и не узнает, ведь письмо будет проштемпелевано в шестидесяти милях отсюда. Правда, наверняка удивится, почему я его отправил не из Мексики. Джону Тренту я известен как Коулмен Клэй, преступник, за которого назначена награда. И ни одной живой душе не известно мое настоящее имя.

Не узнает его и Гордон».

Десять тысяч долларов, подумал Клэй. Этих денег мальчику хватит, чтобы зажить по-человечески. И чтобы им гордилась мама.

Я весь внутри плачу… Перевод А. Корженевского

Моя работа — пропалывать кукурузу. Но меня беспокоит, что говорит Звяк-Нога. Все наши слушают, что он говорит. Но люди не знают. Он никогда не говорит то, что он говорит, когда люди могут услышать. Люди могут обидеться.

Звяк-Нога путешествует. Туда-сюда. Иногда далеко. Часто возвращается рассказать нам. Хотя почему он рассказывает нам снова и снова, я не понимаю. Он всегда говорит одно и то же.

Он Звяк-Нога, потому что, когда он ходит, у него звякает в ноге. Он не хочет ее чинить. От этого он хромает. Но все равно не хочет. Чтобы жалели. Пока он хромает и звякает, его жалко. Ему нравится, когда его жалеют. Он говорит: это добродетель. Он думает, что он добродетельный.

Смит, он кузнец, говорит, надоело, давай починю. Не так хорошо, как механики. Но лучше, чем вообще не чинить. Механики тоже живут недалеко. Им тоже надоело. Они говорят: Звяк-Нога выпендривается.

Смит добрый. Хочет починить ногу. У него и

так много работы. Ему не надо просить работу, как другим роботам. Он все время кует металл. Делает листы. Потом отправляет механикам. Они все чинят. Нужно всегда следить за собой и чинить все вовремя. Все надо чинить самим. Людей, которые умеют, не осталось. Люди остались, но которые остались, не умеют. Слишком утонченные. Которые остались, все благородные. Они никогда не работают.

Я пропалываю кукурузу. Приходит домашний робот и говорит: змеи. Домашние роботы не работают на улице. Приходят за нами. Я спрашиваю: настоящие змеи или самогонные змеи? Он говорит: настоящие змеи. Я оставляю мотыгу под деревом и иду к дому.

Дед в гамаке на лужайке. Гамак натянут между двумя деревьями. Дядя Джон сидит на земле у дерева. Па сидит на земле у другого дерева. Па говорит: Сэм, там за домом змеи. Я иду за дом. Там гремучая змея. Я ее ловлю. Она злится и пытается меня укусить. Я иду дальше и ловлю еще гремучую змею, и мокасиновую змею, и двух ужей. Ужи неопасные, но я их все равно беру. Больше змей нет.

Я иду через кукурузное поле, через ручей. К болоту. Там я их выпускаю. Отсюда им потребуется

много времени, чтобы добраться до дома. Может, совсем не доберутся.

Я иду на поле и снова пропалываю кукурузу. Должен выдергивать все сорняки. Должен носить воду, когда сухо. Чтобы земля была мягкая. Должен пугать ворон, когда сажаю семена. Должен пугать енотов и оленей, когда кукуруза подрастает. Постоянная работа. Очень важная. Джордж делает из кукурузы самогон. Другие участки кукурузы для еды. Мой для самогона. Я и Джордж партнеры. Мы делаем очень хороший самогон. Дед, Па и дядя Джон употребляют его с большой радостью. Что остается, могут употреблять другие мужчины. Но не женщины. Женщины не употребляют самогон. Я не понимаю, зачем самогон. Дед говорит: вкусно. Я не знаю, что такое вкусно. От самогона дядя Джон видит змей. Этого я тоже не понимаю.

Я пропалываю кукурузу. Слышу за спиной шорох. Я оборачиваюсь и вижу Джошуа. Он читает Библию. Он всегда читает Библию. Он так работает. Он наступает на мою кукурузу. Я кричу на него и бегу к нему. Я ударяю его мотыгой. Он убегает с поля. Я всегда его прогоняю. Должен знать, что нельзя наступать на кукурузу. Он стоит под деревом и читает. Стоит в тени. Выпендривается.

Только людям нужно стоять в тени. Роботам не нужно.

Мотыга сломалась об Джошуа. Я иду к Смиту чинить. Смит рад меня видеть. Мы друзья. Мы всегда рады видеть друг друга. Он бросает все и чинит мотыгу. Знает, как важно растить кукурузу. И ему приятно оказать мне услугу. Мы говорим о Звяк-Ноге. Мы соглашаемся, что он говорит неправильно. Он говорит ересь. Смит говорит, есть такое слово. Джошуа, когда перестает сердиться на меня, говорит, как надо его писать. Мы соглашаемся. Люди не такие, как говорит Звяк-Нога. Люди благородные. Надо что-то делать со Звяк-Ногой. Не знаем, что делать. Надо думать еще.

Приходит Джордж. Говорит, я ему нужен. У людей кончается питье. Я иду с ним. Смит продолжает чинить мотыгу. У Джорджа хороший аппарат. Большая производительность. Высокая очистка. Все время пытаемся сделать запас. Не получается. Люди употребляют самогон слишком быстро. Остается четыре двадцатилитровые бутылки. Мы берем каждый две и идем к дому. Мы останавливаемся у гамака. Они говорят: одну оставьте. Три отнесите в сарай. Принесите стаканы. Мы приносим. Наливаем стаканы Деду и

Па. Дядя Джон говорит: не надо стакан. Оставьте бутылку рядом со мной. Мы ставим. Дядя Джон достает резиновый шланг. Он опускает один конец в бутылку. Другой берет в рот. Прислоняется к дереву и пьет.

Они выглядят красиво. Дед выглядит счастливым. Он качается в гамаке. Стакан стоит у него на груди. Мы счастливы, что они счастливы. Мы идем работать. Смит отдает мне мотыгу. У нее новая хорошая рукоятка. Я благодарю его. Смит говорит, что он не понимает Звяк-Ногу. Звяк-Нога уверяет, что он читал про то, что говорит. В старых рукописях. Ищет рукописи в древнем городе. Далеко. Смит спрашивает, что я знаю про город. Я ничего не знаю. Мы не понимаем совсем. Кроме того, я не знаю, что такое рукопись. Звучит важно.

Я пропалываю кукурузу. Приходит Проповедник. Я говорю: Джошуа недавно стоял под деревом, читал Библию. Он говорит: Джошуа только читает. Проповедник интерпретирует. Я спрашиваю, что такое — интерпретирует. Он говорит что. Я спрашиваю, как писать. Он говорит как. Он знает, что я учусь писать. Всегда помогает. Но он очень важный.

Наступает ночь. Луны еще нет. Не могу боль-

ше пропалывать, потому что ничего не видно. Прислоняю мотыгу к дереву. Иду к Джорджу помогать делать самогон. Джордж рад. Один не справляется.

Я спрашиваю, почему Звяк-Нога говорит одно и то же. Он говорит: повторение. Я спрашиваю зачем. Он не уверен. Думает, что, если повторять одно и то же часто, роботы верят. Люди делали так в давние времена. Чтобы заставлять других людей верить. Я спрашиваю, что он знает про давние времена. Он говорит: мало. Должен помнить больше, но не помнит. Я тоже должен помнить, но не помню. Это было давно.

Джордж разводит хороший огонь под котлом, и он светит на нас. Мы стоим у огня и смотрим. Внутри делается хорошо. Не знаю, почему от огня хорошо. Сова кричит на болоте. Не знаю, почему крик совы заставляет чувствовать одиночество. Я не одинокий. Рядом со мной Джордж. Я многого не знаю. Что такое рукопись и про город. Что такое вкусно. Что было в давние времена. Но мне хорошо. Никто не понимает, что такое хорошо. Все равно хорошо.

Прибегают домашние роботы. Говорят, дядя Джон болеет. Нужен врач. Говорят, дядя Джон уже не видит змей. Видит теперь голубого крокодила.

С розовыми пятнами. Должно быть, дядя Джон сильно болеет. Не бывает голубых крокодилов. С розовыми пятнами.

Джордж говорит, что бежит в дом помогать. Говорит, чтобы я бежал за врачом. Джордж и домашние роботы убегают. Очень быстро. Я бегу да Доком. Очень быстро. Нахожу Дока на болоте. У него есть фонарь. Он выкапывает корешки. Он всегда выкапывает корешки. Все про них знает. Делает из них лекарства, чтобы чинить людей.

Он стоит в грязи. Говорит, плохо, что дядя Джон болеет. Говорит, плохо, что голубой крокодил. Говорит, потом бывает фиолетовый слон. Это совсем плохо.

Мы бежим. Потом я держу фонарь. Док смывает грязь. Он никогда не приходит к людям грязный. Мы берем лекарства и бежим к дому. Появляется луна. Но я не гашу фонарь. Так светлее.

Мы прибегаем к дому. Гамак между деревьями пустой. Ветер качает гамак. Дом высокий и белый. Все окна светятся. Дед сидит в кресле-качалке перед домом. Он раскачивается. Он один. В доме плачут женщины. Через высокое окно я вижу, что внутри. Большая штука, которую люди называют люстрой, висит под потолком. Она стеклянная. В ней много свечей. Все свечи

горят. Стекло выглядит красиво. Мебель блестит на свету. Все чисто и отполировано. Домашние роботы работают хорошо. Я горжусь.

Мы поднимаемся по ступенькам. Дед говорит: поздно. Говорит, мой сын Джон умер. Я не понимаю, что такое умер. Когда люди умирают, их кладут в землю. Засыпают. Говорят над ними разные слова. Над головой кладут большой камень. За домом есть специальное место для тех, кто умер. Там много камней. Некоторые новые. Некоторые старые. Есть такие старые, что на них нельзя разобрать буквы.

Док вбегает в дом. Хочет убедиться, что Дед не ошибся. Я стою и не знаю, что делать. Очень печально. Не знаю почему. Знаю только, что, когда умер, это плохо. Наверно, потому что Дед очень печальный. Он говорит: Сэм, садись, поговорим. Я говорю: я не могу сидеть. Роботы стоят, когда люди сидят. Нельзя забывать обычай. Он говорит: к чертовой матери забудь свою упрямую гордость. Садись. Сидеть хорошо. Я все время сижу. Согни колени и садись. Он говорит: вон в то кресло. Я смотрю на кресло. Думаю, что может сломаться. Кресло сделано для людей. Роботы тяжелее людей. Не хочется сломать кресло. Чтобы его сделать, надо много времени. Роботы-плотники

тратят много времени, чтобы сделать кресло.

Дед приказывает садиться. Я думаю: ладно не мое дело. Сажусь. Кресло скрипит, но не ломается. Сидеть хорошо. Я немного раскачиваюсь. Раскачиваться тоже хорошо. Мы сидим и смотрим на лужайку. Светит луна. Лужайка красивая в лунном свете. Дальше видны деревья и кукурузные поля.

Дед говорит: что за черт, человек живет всю жизнь, ничего не делает и умирает от самогона. Я спрашиваю, почему от самогона. Обидно, что Дед говорит — от самогона. Мы с Джорджем делаем очень хороший самогон. Дед говорит: от чего же еще. Только от самогона бывают голубые крокодилы с розовыми пятнами. Про фиолетового слона он не говорит. Я думаю, что такое слон. Этого я тоже не знаю.

Дед говорит: Сэм, мы все ни к черту не годимся. Ни вы, ни мы. Люди только сидят целыми днями и ни черта не делают. Немного охотятся. Немного ловят рыбу. Играют в карты. Пьют. Нужно делать что-то большое и важное. А мы не делаем. Когда мы живем, мы никому не нужны. Когда мы умираем, никто про нас не вспоминает. Ни к черту мы не годимся.

Он качается в кресле. Мне не нравится, что он

говорит. Ему печально. Но благородные люди не должны так говорить. Они должны лежать в гамаке и не говорить таких слов. Мне неуютно. Хочется уйти, но это невежливо.

У подножья холма собираются роботы. Стоят. Смотрят на дом. Потом подходят ближе. Стоят молча. Сочувствуют. Дают людям понять, что им тоже печально.

Дед говорит: мы все отбросы. Давно это понимал, но не мог сказать. Теперь могу. Живем как в болоте. Все разваливается, потому что нам ни до чего нет дела. Охотимся понемногу. Ловим рыбу. Пьем. Сидим целыми днями и треплемся. И ни черта не делаем. Потому что мы отбросы.

Я хочу его остановить. Я говорю: Дед, не надо. Я не хочу его слушать. Он говорит то, что говорит Звяк-Нога. Он не обращает на меня внимания. Продолжает говорить.

Он говорит: давно-давно люди научились летать к звездам. Очень быстро. Во много раз быстрее скорости света. Они нашли много хороших планет. Лучше, чем Земля. Намного лучше. Построили много кораблей. Все улетели. Все, кроме нас. Нас оставили. Умные улетели. Работяги улетели. А бродяг, бездельников и лентяев оставили. Мы никому не нужны на их новых

планетах. Когда все улетели, мы переселились в хорошие дома. Нас некому было остановить. Им все равно, что мы тут делаем. Так и живем. Ничего не делаем и не меняемся. Нам ни к чему. Все за нас делаете вы. А мы ни черта не делаем. Даже не учимся читать. Когда над могилой сына будут читать молитву, это будет делать кто-то из вас.

Я говорю: не надо, не надо так говорить. Я весь плачу внутри. Своими словами он ломает красоту. Он отбирает гордость и смысл. Он делает то, что не мог сделать Звяк-Нога.

Он говорит: вам тоже нечем гордиться. Мы все никуда не годимся. Хороших роботов тоже взяли с собой. А вас оставили здесь. Потому что вы устарели. Потому что вы неуклюжие и неаккуратные. Вы не нужны им. И нас и вас оставили здесь, потому что никто из нас не стоит даже места, которое мы заняли бы в ракете.

Док выходит из дома. Говорит, у меня есть для тебя работа. Я пытаюсь встать из кресла и не могу. В первый раз не могу сделать то, что хочу. Ноги меня не слушаются. Дед говорит: Сэм, я на тебя рассчитываю. Когда он говорит так, я поднимаюсь из кресла. Иду вниз по лужайке. Я знаю, что делать. Док может не говорить. Я уже делал раньше.

Я говорю с другими роботами. Ты и ты — копать могилу. Ты и ты — делать гроб. Ты и ты — бежать в другие дома. Сказать всем людям, что дядя Джон умер. Сказать, пусть приходят на похороны. Сказать, надо красивые похороны. Много плакать, много есть, много пить. Ты найди Проповедника. Пусть готовит молитвы. Ты найди Джошуа. Пусть читает Библию. Ты, ты и ты идите к Джорджу помогать делать самогон. Придут другие люди. Надо, чтобы было красиво.

Все работают. Я иду по лужайке. Думаю о гордости и потере. Красота уходит. Радость уходит. Гордость уходит. Не вся гордость. Немного остается. Дед говорит: Сэм, я рассчитываю на тебя. Это гордость. Не как раньше, но все равно я ему нужен.

Никто больше не знает. Дед не говорит никому то, что сказал мне. Это секрет. Печальный секрет. Все думают по-старому. Звяк-Нога не мешает. Никто не верит Звяк-Ноге. Никто не знает, что он говорит правду. Правда тяжелая. Пусть все остается по-старому. Только я знаю. Дед очень хотел сказать. Не знаю, почему мне. Наверно, он любит меня больше всех. Я горжусь. Но я весь внутри плачу…

Зов извне
Перевод Е. Монаховой

Пирамида из бутылок

Пирамида была построена из бутылок, сотен бутылок, блестевших и сверкавших так, как будто внутри них горел настоящий огонь; они собирали и вновь рассеивали туманный свет, который шел от далекого солнца и еще более далеких звезд.

Фредерик Уэст медленно отступил от левого борта его крошечного судна. Он вертел головой и то закрывал глаза, то открывал их снова, но пирамида по-прежнему находилась на том же самом месте. Так что зрелище не являлось плодом его больного воображения, рожденным вследствие темноты и одиночества его космического путешествия, чего он так боялся.

Пирамида действительно находилась здесь, и это казалось чем-то невероятным. Невероятным хотя бы потому, что на этом практически неизвестном куске покореженного железняка ничего подобного не должно было быть.

Никто не жил на спутнике Плутона. Никто

никогда не посещал спутник Плутона. Даже он сам не намеревался этого делать, а просто перед тем, как лететь к Плутону, решил заглянуть сюда: его внимание привлекла яркая вспышка света, длившаяся секунды, как будто кто-то сигналил ему. Разумеется, это была пирамида, теперь Уэст это точно знал. Расположенные один над другим ряды бутылок, которые улавливали и отражали свет.

Позади пирамиды среди зубчатых валунов стоял обычный космический барак. Но — никакого движения, никаких признаков жизни. Никто не распахнул входную дверь, чтобы его поприветствовать. «Странно, — подумал он. — Разве так встречают гостей, если, конечно, они вообще сюда прилетали».

Возможно, пирамида действительно была сигнальным устройством, хотя это был довольно неудобный способ передачи сигналов. Это скорее походило на выходку сумасшедшего. Если задуматься, любой, кто был в достаточной степени ненормальным, чтобы жить на спутнике Плутона, мог стать создателем пирамиды из бутылок.

Спутник был настолько незначительным, что даже не имел названия. Космонавты в тех редких случаях, когда о нем заходила речь, просто назы-

вали его «спутник Плутона», и этого было вполне достаточно.

Никто больше не посещал эту часть космоса. «Между прочим, — отметил про себя Уэст, — именно поэтому я сюда и прибыл». Раз уж вы смогли проскользнуть мимо космического патруля, то теперь находились в абсолютной безопасности. И никто теперь не побеспокоит вас.

Никто также не собирался беспокоить Плутон. Прошло уже три года, как был наложен запрет на посещение этой планеты. Решение приняли после официального сообщения, полученного от ученых, которые работали в низкотемпературных лабораториях, созданных за несколько лет до этого.

Никто не приближался к планете, тем более сейчас, когда на страже ее стоял космический патруль. Впрочем, имелись способы проскользнуть мимо него. Если знать место дислокации патрульных кораблей и постепенно увеличивать скорость, а затем отключить двигатели и плавно двигаться по инерции в тени планеты… Одним словом, до Плутона добраться было можно.

Уэст приблизился к пирамиде и обнаружил, что строительным материалом послужили бутылки из-под виски. Все они были пустыми, абсолютно

пустыми, а этикетки — новыми и чистыми.

Уэст отвел взгляд от бутылок и направился к бараку. Определив, где находится замок, он нажал кнопку. Безрезультатно. Он нажал снова. Медленно, почти неохотно, замок поддался. Уэст поспешно шагнул вперед и повернул рычаг, открывший внутренний замок.

Тусклый свет просачивался из глубины хижины, и Уэст сквозь наушники услышал тихий скрежет крошечных когтей по полу. Затем булькающий звук, словно где-то по трубе текла вода.

Затаив дыхание и вцепившись в рукоятку пистолета, Уэст быстро переступил порог.

На краю койки сидел мужчина, одетый в выцветшее, заношенное до дыр нижнее белье. У него были спутанные длинные волосы, а неопрятные бакенбарды так топорщились, что придавали незнакомцу весьма свирепый вид. Борода, сбившаяся в колтун, едва ли не достигала глаз, которые в замешательстве таращились, словно испуганные животные, загнанные в пещеры. Костлявая рука протягивала бутылку виски — это был жест, означающий приглашение присоединиться.

Бакенбарды шевельнулись, и послышался хриплый, похожий на карканье голос.

— Хотите глотнуть? — спросил мужчина.

Уэст отрицательно замотал головой.

— Я не пью.

— А я пью, — сказал обладатель бакенбард. Рука наклонила бутылку, послышалось бульканье.

Уэст быстро осмотрел комнату. Передатчика не было, и это все упрощало. Если бы тут был передатчик, его следовало уничтожить. Пожалуй, только сейчас Уэст понял, какую глупую ошибку он сделал, остановившись на этом спутнике. Никто не знал, где он находится… и именно так все и должно было оставаться. Уэст поднял защитный козырек.

— Напиваюсь до смерти, — сообщил бородач.

Изумленному взгляду Уэста предстали крайняя бедность и необычайное убожество этого места.

— Три года, — продолжал мужчина. — Ни разу я не был трезв за целых три года. — Он икнул. — Меня это достало. — Левой рукой он ударил себя в морщинистую грудь, выглядывавшую из выреза поношенного белья. Правая рука продолжала сжимать бутылку. — Земных года. Три земных года. Не плутонских.

Послышалось шуршание, и из тени в углу хижины выскочило какое-то существо и прыгнуло на кровать. Оно прижалось к бедру мужчины и

подозрительно уставилось на Уэста, его рот напоминал щель, из которой по всему лицу текли слюни, морщинистая кожа при этом блеклом освещении не могла вызвать никаких других чувств, кроме отвращения и ужаса.

— Познакомьтесь с Аннабель, — сказал обладатель воинственных бакенбард.

Он свистнул, и тварь вскарабкалась на плечо, а затем прильнула к его щеке. Это зрелище вызвало у Уэста дрожь.

— Проездом? — поинтересовался незнакомец.

— Меня зовут Уэст. Направляюсь к Плутону.

— Попросите, чтобы они показали вам картину, — сказал мужчина. — Да, вы должны увидеть картину.

— Картину?

— Вы что, глухой? — воинственным тоном спросил незнакомец. — Я сказал — картину. Понимаете? Рисунок.

— Я понимаю, — сказал Уэст. — Но я не знал, что там имеются какие-либо картины. Даже не знал, что там вообще кто-то есть.

— Конечно есть, — сказал мужчина. — Там есть Луи и… — Он глотнул из бутылки и продолжил: — Я заработал алкоголизм. Хорошая вещь, этот алкоголизм. Спасает от простуд. Невозможно

простудиться, когда у тебя алкоголизм. Однако он убивает быстрее, чем простуда. С простудой можно жить достаточно долго…

— Послушайте, — настойчиво попросил Уэст, — вы должны рассказать мне о Плутоне. О том, кто там находится. И о картинах. Откуда вы о них знаете?

Глаза незнакомца рассматривали его с пьяной хитростью.

— Вы должны будете сделать для меня кое-что. Я не могу дать вам информацию такого рода просто так, по доброте душевной.

— Разумеется, — согласился Уэст. — Все, что вы хотите. Только скажите, что вам нужно.

— Вы должны забрать отсюда Аннабель, — сказал мужчина. — Увезите ее назад, туда, откуда она родом. Здесь не место для такой девочки, как она. Эта жизнь не для нее. Находиться рядом с пьяной развалиной вроде меня… Когда-то я был великим человеком, пока однажды… да, сэр, великим человеком. Это все произошло из-за бутылки. Одной особенной бутылки. Нужно было попробовать их все, каждую, чтобы найти эту бутылку. И когда я искал, мне не оставалось ничего другого, как выпивать их содержимое. Содержимое наверняка испортится, если вы поз-

волите бутылкам просто стоять вокруг вас. А кто захочет, чтобы такое количество испорченного спиртного загромождало место? — Он отхлебнул еще глоток и продолжил объяснения. — С тех пор этим только и занимаюсь. Теперь я почти добился своего, их осталось немного, неиспробованных. Раньше я думал, что если бы нашел правильную бутылку прежде, чем будет слишком поздно, то тогда все наладилось бы. Но если я сейчас найду ее, для меня это уже не будет иметь никакого смысла, потому что я умираю. Впрочем, осталось достаточное количество, которого хватит, чтобы добить меня… Намереваюсь умереть пьяным. Счастливая смерть.

— Но что с этими людьми на Плутоне? — спросил Уэст.

Бородач зашелся смехом.

— Я одурачил их. Они дали мне возможность сделать выбор. «Бери, что хочешь», — предложили они. Щедрые, видите ли. Подарок на прощание. Так что я взял виски. И вот результат. Они не знали, понимаете. Я надул их.

— Я уверен, что это так, — сказал Уэст.

По его позвоночнику снизу вверх пробежал страх крошечными, холодными ножками. Он понимал, что здесь имело место безумие, но безумие

упорядоченное. Так или иначе этот уклончивый разговор надо бы все-таки свернуть в нужное русло, и тогда он будет иметь смысл.

— Но что-то пошло не так, — заявил мужчина. — Не так, как надо.

В комнате повисла напряженная тишина.

— Вы понимаете, господин Бэст, — продолжал он. — Я…

— Уэст, — перебил его Фредерик. — Не Бэст, а Уэст.

Казалось, что мужчина не заметил ошибки.

— Я умираю, понимаете. Это может случиться в любую минуту. Печень, сердце или любой из органов откажет, и все. Вот до чего доводит пьянство. Раньше я никогда не пил. Вошло в привычку, когда я пробовал содержимое всех этих бутылок. Вошел во вкус. Потом уже ничего нельзя было поделать… — Он потянулся вперед. — Обещайте, что увезете Аннабель, — хриплым голосом произнес он.

Взглянув на Уэста, Аннабель захихикала, слюни по-прежнему текли из ее рта.

— Но как я могу забрать ее, — возразил Уэст, — если не знаю, откуда она родом. Вы должны сказать мне.

Мужчина погрозил пальцем.

— Она издалека, — прокаркал он, — и все же это не так уж далеко. Не так далеко, если вы знаете, как туда добраться.

Уэст бросил взгляд на Аннабель и почувствовал подступающую к горлу тошноту.

— Я возьму ее, — сказал он. — Но вы должны сообщить мне, куда ее доставить.

— Спасибо, Гэст, — сказал мужчина. Он поднял бутылку, и снова послышалось бульканье.

— Не Гэст, — терпеливо поправил Уэст. — Мое имя…

Мужчина свалился с кровати и распластался на полу. Бутылка покатилась, проливая спиртное небольшими порциями, и жидкость заструилась по полу.

Уэст бросился вперед, встал на колени около мужчины и приподнял его. Бакенбарды зашевелились, откуда-то из глубины спутанного клока волос донесся прерывистый шепот, который почти не отличался от затухающего дыхания.

— Скажи Луи, что его картина…

— Луи? — закричал Уэст. — Какому Луи? О чем сказать…

Снова послышался шепот.

— Скажи ему… когда-нибудь… он нарисует не то место, и тогда…

Уэст опустил мужчину на пол и отошел. Бутылка виски все еще каталась туда-сюда между ножек стула, потом успокоилась.

В изголовье кровати что-то блестело, и Уэст подошел к тому месту, где висел заинтересовавший его предмет. Это были часы, сверкающие часы, которые годами заботливо полировались их хозяином. Они медленно раскачивались на кожаном ремешке, привязанном к металлической дуге, которая образовывала изголовье. Лежащий человек мог свободно дотянуться до них в темноте и узнать время.

Уэст взял часы в руки и перевернул их; он увидел гравировку, которая была сделана на задней крышке. Нагнувшись, при слабом свете он прочитал надпись: «Уолтеру Дж. Дарлингу, из класса ’16, Политехнический колледж на Марсе».

Уэст выпрямился, осознавая увиденное, но не доверяя мыслям, которые мгновенно закопошились в его мозгу.

Уолтер Дж. Дарлинг. Неужели это его скорченное тело лежит на полу? Уолтер Дж. Дарлинг, один из самых знаменитых биологов Солнечной системы, умер в этом грязном бараке? Дарлинг, который преподавал в Политехническом институте на Марсе в течение многих лет, вот этот

сморщенный, весь пропитанный виски труп в дрянном нижнем белье?

Уэст вытер лоб тыльной стороной перчатки скафандра. Дарлинг был членом таинственной правительственной комиссии, которая работала в тех самых лабораториях на Плутоне. Его послали туда, чтобы совершенствовать искусственные гормоны, предназначенные для управляемой мутации человеческой расы. Миссия, выполняемая учеными, держалась в секрете с самого начала, потому что огласки этих экспериментов боялись, и вполне справедливо: если бы о них узнали, это могло бы привести к бурным протестам, в которых приняло бы участие множество людей, не способных представить, зачем их должны биологически усовершенствовать.

«Миссия, — подумал Уэст, — которая была тайно организована и закончилась также тайно, — тайна, породившая слухи во всей Солнечной системе». И от этих слухов по спине пробегали мурашки.

Луи? Возможно, перед смертью Дарлинг говорил о Луи Невине, другом члене комиссии с Плутона.

И Невин все еще, должно быть, на Плутоне, он, очевидно, все еще жив, несмотря на сообщение,

которое пришло на Землю.

Но живопись… здесь явное несоответствие. Невин не был художником, он был биологом, едва ли не вторым после Дарлинга.

Значит, сообщение трехлетней давности было обманом. На планете все еще находились люди.

«И это означало, — с горечью сказал себе Уэст, — что его собственный план рушился прямо на глазах. Ведь Плутон был единственным местом в Солнечной системе, где можно найти продовольствие и укрытие, там точно можно было не опасаться визитеров».

Он вспомнил, как тщательно все спланировал… и Плутон казался правильным выбором. Там имелись запасы продовольствия на многие годы, хранившиеся в складских помещениях, удобное жилье, инструменты и оборудование, которые могли бы ему в случае необходимости потребоваться. И разумеется, там находилось некое существо… неважно, что это могло бы быть. Нечто, внушавшее ужас, из-за которого был наложен запрет на посещение Плутона, и по этой причине здесь находился космический патруль, охранявший одиночество планеты.

Но Уэста не слишком беспокоило то, что он мог обнаружить на планете. Не могло быть ничего

хуже, чем горечь существования на Земле.

Что-то происходило в лабораториях на Плутоне. Что-то, о чем правительство не знало или решило скрыть с помощью заведомо ложного сообщения три года назад. Дарлинг мог бы рассказать ему об этом, если бы захотел… если бы был в состоянии? Но теперь Уолтер Дж. Дарлинг уже ничего не мог рассказать. Придется Уэсту все узнать самому.

Уэст подошел к Дарлингу, поднял его, положил на кровать и накрыл изорванным одеялом. Взгромоздившись на изголовье кровати, Аннабель дрожала, хихикала и пускала слюни.

— Эй ты, иди сюда, — сказал Уэст. — Ну же, иди сюда.

Аннабель приблизилась, медленно и застенчиво. Уэст брезгливо поднял ее, затолкал во внешний карман, застегнул молнию и направился к двери.

По пути поднял с пола пустую бутылку, чтобы добавить ее к другим, в пирамиде.

Белая певица

Корабль Уэста летел, словно серебристый призрак, между вздымавшимися горными пиками, которые окружали единственную долину на Плутоне, хранившую память о том, что здесь

побывал человек.

Двигаясь с приглушенными двигателями в тени планеты, Уэст проскользнул мимо патруля. Миновав горы, он включил двигатели, но заставил корабль двигаться медленнее, так что тот едва ли не полз. Уэст понимал, что пламя от его ракетных двигателей могло бы быть замечено любым патрулем далеко отсюда.

И теперь, когда скорость уменьшилась, он снижался под углом к гладкой, как стекло, посадочной площадке, поспешно переключая клавиши на панели управления, затем выбрал приземление в свободном падении, которое даже при благоприятных обстоятельствах было опасным. Но он осознавал, что это менее рискованно, чем привлекать внимание к своему прибытию грохотом еще одного ракетного двигателя. Посадочная площадка была длинной и гладкой. Если он правильно все рассчитал и не начал снижение достаточно рано, то ему должно хватить этого пространства.

Практически полное отсутствие атмосферы было существенным плюсом. Не было никаких водоворотов, потоков воздуха, которые могли бы отклонить судно от выбранного курса, вывести его из равновесия, заставив совершать неуправ-

ляемые вращения.

Внизу справа он увидел вспышку света, и что-то щелкнуло у него в мозгу, он мгновенно понял, что это лаборатория.

Корабль выпустил парашюты и со свистом понесся по посадочной полосе, сотрясаясь всем корпусом. Он остановился прямо перед выступом скалы. Уэст перевел дыхание и почувствовал, что его сердце снова начало биться. Еще несколько футов и…

Выключив панель управления, он повесил ключ на шею, опустил обзорное стекло кабины и выбрался из корабля.

По ту сторону поля виднелись огни лаборатории. Значит, он не ошибся. Он видел огни… и здесь были люди. Или он все-таки заблуждался? Лампы могли бы продолжать функционировать даже без постоянного контроля. Тот факт, что они горели, вовсе не означал, что в здании находились люди.

Вдали вырисовывалось массивное сооружение, и Уэст знал, что это были мастерские экспедиции на Альфу Центавра, в которых в течение двух лет люди трудились, чтобы сделать космический двигатель Хендерсона. Вне всякого сомнения, в тени освещенных светом звезд мастерских

находился и сам корабль «Альфа Центавра», брошенный здесь, когда команда оставила попытки и в отчаянии возвратилась на Землю. Космический аппарат, предназначенный для полетов к звездам и созданный для того, чтобы покинуть пределы Солнечной системы и исчезнуть в пустоте, преодолевая световые годы так же легко, как обычный корабль расстояние от Земли до Марса.

Конечно, он никуда не улетел, но это не имело значения. «Всего лишь символ», — сказал про себя Уэст.

Он остался тем, чем был… символом и мечтой.

И чем-то еще теперь, когда Уэст был здесь, теперь, когда он мог признаться себе в том, что таилось в глубине его души на протяжении всего пути с Земли.

Уэст немного ослабил ремень и подвинул его так, чтобы пистолет находился рядом с его рукой — наготове.

Если здесь находились люди… или, что еще хуже, если то сообщение не было ложью, ему, возможно, понадобится пистолет. Хотя маловероятно, что существо, с которым он мог бы столкнуться лицом к лицу, уязвимо для пуль пистолета.

С содроганием он вспомнил то короткое, не

предназначенное для широкой общественности сообщение, которое хранилось в секретном архиве на Земле… эту запись, которую передавали по радио с Плутона, напряженный и режущий слух голос, который говорил ужасные вещи об умирающих людях и о чем-то, что оказалось на свободе. Голос, который кричал о надвигающейся опасности, затем последовали булькающие звуки, и он умолк.

После этого был наложен запрет на посещение планеты и космический патруль отправился контролировать ее изоляцию.

«Это было тайной с самого начала, — подумал он, — с самого начала и до конца. А все потому, что комиссия вела поиски гормона, для того чтобы осуществить контролируемые мутации человеческой расы. И человечество, разумеется, возмутилось бы этим, так что исследования должны были оставаться в тайне».

Горькие мысли овладели Уэстом. Человечество возмущается по поводу любых отклонений от нормы. Оно всегда очищало города от прокаженных, оно душило сумасшедших, одевая их в смирительные рубашки в лечебницах, оно таращилось на любое изуродованное существо с жалостью, которая на самом деле была нестер-

пимым оскорблением. И оно боялось… о да, оно боялось!

Медленно, осторожно Уэст шел по посадочной полосе. Поверхность была гладкой, настолько гладкой, что его специальные ботинки оставляли на ней небольшие царапины.

На скалистой возвышенности находилась лаборатория, но Уэст обернулся и посмотрел куда-то в космос, словно хотел получить последнее напутствие от того, кого он хорошо знал.

— Земля, — произнес он. — Земля, слышишь ли ты меня сейчас? Тебе больше не нужно меня бояться и можешь не волноваться, я не вернусь. Но придет день, когда появятся другие, такие же, как я. И может быть, они уже существуют. Ведь невозможно распознать мутанта ни по тому, как он расчесывает волосы, ни по тому, как он ходит или говорит. У него нет рогов, нет хвоста или какой-нибудь отметины на лбу. Но когда он будет обнаружен, за ним необходимо тщательно наблюдать, шпионить, проверять его и перепроверять. И следует найти такое место, куда его можно было бы поместить, чтобы остальные оказались в безопасности от любых его действий… но он ничего не должен знать. Его будут судить, огласят приговор и отправят в изгнание, даже не

сообщая ему об этом. Как пытались поступить со мной.

Но, — продолжал Уэст, обращаясь к Земле, — мне не понравилось ваше изгнание, так что я выбрал свое собственное. Понимаете, я все знал. Я знал, когда вы начали наблюдать за мной, о проверках и совещаниях и плане действий, и иногда я едва мог удержаться, чтобы не рассмеяться прямо вам в лицо.

Он долго стоял и глядел в космос, туда, где в темноте вращалась Земля вокруг похожего на звезду Солнца.

— Горько? — спросил он себя. И ответил: — Нет, не горько. Точно не горько.

Уэст продолжил разговор с Землей:

— Вы должны понять, что человек — прежде всего человек, а потом уже мутант. Он — не монстр, только потому что он мутант… он просто немного другой. Он человек, такой же, как вы, и, возможно, даже в большей степени человек, чем вы. Потому что человеческая раса сегодня — это история долгой мутации… людей, которые немного отличались от остальных, тех, кто думал немного глубже, кто чувствовал острее сострадание, тех, кто обладал такими чертами личности, которые были более присущи человеку. И они

оставили более четкое мышление и более глубокое сострадание сыновьям и дочерям, которые передали эти качества своим детям, возможно не всем, но некоторым из них. Так человеческая раса выросла из дикости, так появилось представление о человеке.

«Возможно, — думал он, — мой отец был мутантом — мутантом, которого никто не подозревал в этом. Или им была моя мать. И никого из них не заподозрили. Поскольку мой отец был фермером, его мутация повлияла на улучшение зерновых культур — благодаря правильной оценке состояния почвы или технологии выращивания растений. Кого интересовало, что он был мутантом? Он просто был лучшим фермером, чем его соседи. И если ночью, когда он читал потрепанные книги, которые стояли на полке в столовой, и понимал изложенные в них идеи лучше, чем большинство других людей, разве это было основанием для подозрения?»

— Но я, я был замечен, — сказал Уэст. — Это преступление для мутанта — быть замеченным. Похоже на историю со спартанским мальчиком, для которого похищение лисы вовсе не являлось преступлением, но крики, когда лиса вырвала его кишки, были настоящим преступлением.

«Я слишком быстро пошел в гору, — подумал он. — Я слишком сильно сократил бюрократию. Я слишком хорошо все понимал. А в правительстве вы не можете ни чересчур быстро подниматься по карьерной лестнице, ни сокращать бюрократический аппарат, ни понимать слишком хорошо, что происходит в стране. Вы должны быть столь же посредственны, как и ваши коллеги. Вы не можете показать на проект двигателя ракеты и заявить: „Здесь есть проблема“, когда люди, обязанные лучше в этом разбираться, чем вы, не могут увидеть проблему. И вы не можете придумать такую систему производства, которая будет создавать два ракетных двигателя по цене одного и за более короткое время. Потому что здесь дело не только в слишком большой эффективности; это откровенное кощунство.

Но то, что вам делать нельзя ни в коем случае, — подняться на открытом собрании политических деятелей и заявить, что генная инженерия не преступление само по себе… что преступлением является ее использование во вред человечеству. Или сказать, что мир был бы богаче, если бы использовал мутантов, вместо того чтобы их бояться.

Разумеется, если бы кто-то знал, что он мутант,

он не стал бы говорить нечто подобное. И мутант, понимая, что он мутант, никогда не указал бы на неисправность в двигателе ракеты. Потому что мутант должен держать язык за зубами, должен изображать из себя среднестатистического человека, посредственность и, наконец, достигнуть всего, чего он желает, с помощью сознательного обмана и притворства.

Если б я только знал, если б я вовремя понял это. Я мог бы дурачить их, так же как многие другие, надеюсь, все еще дурачат их даже сейчас».

Но теперь он знал, что было уже слишком поздно — слишком поздно, чтобы вернуться к жизни, от которой он отказался, вернуться и смириться с тем, что он попал в капкан, созданный для него… Капкан, который удерживал бы его и где он чувствовал бы себя в безопасности. А человеческая раса была бы в безопасности от него.

Обернувшись, Уэст обнаружил тропинку, которая вела по склону горы к лаборатории.

Неповоротливая человеческая фигура вышла из тени и окликнула его:

— Ну и куда, как вы думаете, вы направляетесь?

Уэст остановился.

— Просто иду, — сказал он. — Ищу своего друга.

По имени Невин.

Он чувствовал, что в кармане его скафандра беспокойно шевелилась Аннабель. Что, если она простудилась?

— Невин? — спросил мужчина, в его голосе почувствовался холодок тревоги. — Что вам надо от Невина?

— У него есть картины, — ответил Уэст.

Голос мужчины стал вкрадчивым и как будто таил в себе угрозу.

— Что вы знаете о Невине и его живописи?

— Немного, — сказал Уэст. — Именно поэтому я здесь. Хотелось бы поговорить с ним об этом.

Аннабель сделала кувырок в застегнутом кармане Уэста, глаза мужчины поймали это движение.

— Что это у вас там? — спросил он с подозрением.

— Аннабель, — ответил Уэст. — Она, гм… в общем, она чем-то похожа на гладкошерстную крысу, с лицом почти как у человека, вот только ее рот вовсе не похож на человеческий.

— Не продолжайте. Откуда вы ее взяли?

— Нашел, — ответил Уэст.

Мужчина издал смешок.

— Так, значит, вы ее нашли, а? Можно себе

представить.

Он подошел к Уэсту и взял его под руку.

— Возможно, нам будет о чем поговорить, — сказал он. — Мы должны сравнить наши записи.

Вместе они поднимались по склону горы, и рука мужчины, одетая в перчатку, сжимала локоть Уэста.

— Вы — Лэнгдон, — осмелился спросить Уэст намеренно безразличным тоном.

Мужчина фыркнул.

— Нет, не Лэнгдон. Лэнгдон пропал.

— Скверно, — заметил Уэст. — Плутон — не самое лучшее место, чтобы потеряться.

— Он не на Плутоне, — сказал мужчина. — Где-то там, в космосе.

— Может быть, Дарлинг… — И Уэст затаил дыхание, чтобы услышать ответ.

— Дарлинг оставил нас, — сказал мужчина. — Я — Картрайт, Бертон Картрайт.

На крошечном плато перед лабораторией они остановились, чтобы отдышаться. Тусклый свет звезд окрашивал долину, раскинувшуюся внизу, в серебристый цвет.

Уэст показал на звездолет.

— Тот самый корабль!

Картрайт захихикал.

— Вы узнаете его, а? «Альфа Центавра».

— Там, на Земле, все еще продолжают работать над двигателем, — сказал Уэст. — Когда-нибудь они добьются своего.

— Не сомневаюсь в этом, — кивнул Картрайт и повернулся к лаборатории. — Пойдемте. Скоро будет готов обед.

Стол был накрыт белой скатертью, серебряные приборы сверкали в мерцающем свете тонких свечей. Бокалы, наполненные игристым вином, были расставлены согласно этикету. В центре стола находилась ваза с фруктами — но таких плодов Уэст никогда прежде не видел.

Картрайт наклонил стул и сбросил существо, которое спало там, на пол.

— Садитесь, господин Уэст, — сказал он.

Существо выпрямило туловище и пристально посмотрело на Уэста с подозрительным отвращением, затем, злобно зашипев, исчезло из поля зрения.

Расположившийся по другую сторону стола Луи Невин заметил извиняющимся тоном:

— Проклятые твари все время вертятся под ногами. Полагаю, господин Уэст, они тоже вам досаждают.

— Мы пробовали специальные ловушки для

крыс, — сказал Картрайт. — Но они оказались слишком сообразительными, так что мы уживаемся с ними, это лучшее, что можно сделать.

Уэст засмеялся, чтобы скрыть кратковременное замешательство, но почувствовал на себе взгляд Невина.

— Аннабель, — сказал он, — было единственным созданием, которое когда-либо беспокоило меня.

— Вам повезло, — сказал ему Невин. — Они надоедливые паразиты. Один из них настаивает на том, чтобы спать со мной.

— Где Белден? — спросил Картрайт.

— Он поел раньше, — ответил Невин. — Сказал, что у него дела, которые он хочет доделать. Просил его извинить. — Он обратился к Уэсту: — Джеймс Белден. Возможно, вы о нем слышали.

Уэст кивнул.

Он отодвинул стул и сел, затем резко поднялся.

В дверях появилась женщина с фиолетовыми глазами и платиновыми волосами, закутанная в манто из горностая. Она шагнула вперед, и свет от пылающих свечей упал на ее лицо. Уэст застыл на месте и почувствовал, что кровь в венах стала холодной, как лед.

Это лицо не было лицом женщины. Оно скорее

походило на череп, покрытый мехом, словно лицо ночной бабочки, которое попыталось стать человеческим и застряло где-то на полпути.

В конце стола Картрайт тихо посмеивался.

— Вы узнаете ее, господин Уэст?

Уэст сжал спинку стула с такой силой, что его суставы мгновенно побелели.

— Конечно узнаю, — ответил он. — Белая певица. Но как вы привезли ее сюда?

— Вот поэтому они зовут ее обратно на Землю, — сказал Невин.

— Но ее лицо, — настаивал Уэст. — Что случилось с ее лицом?

— Их было две, — пояснил Невин. — Одну мы послали на Землю. Мы должны были подправить ее немного. Понимаете — пластическая хирургия.

— Она поет, — заметил Картрайт.

— Да, я знаю, — сказал Уэст. — Я слышал, как она пела. Или, может быть, я слышал другую… ту, что вы послали на Землю с переделанным лицом. Ее выступления транслируют все эфиры. Все телевизионные сети показывают ее.

Картрайт вздохнул.

— Я хотел бы услышать ее на Земле, — сказал он. — Видите ли, она поет там иначе, чем здесь.

— Они поют, — перебил его Невин, — так, как они чувствуют.

— Камин отражает свет на стене, — сказал Картрайт, — и она будет петь, как свет от камина на стене. Или благоухает сирень во время апрельского дождя, и ее пение будет походить на аромат сирени и пелену дождя, падающего на дорожку сада.

— Здесь нет ни дождя, ни сирени, — сказал Невин и посмотрел так, что на мгновение показалось, что он вот-вот заплачет.

«Сумасшедший, — подумал Уэст. — Абсолютно безумный. Как тот мужчина, что упился до смерти, там, на спутнике Плутона. И все же, может быть, он не столь сумасшедший».

— У них нет разума, — пояснил Картрайт, — то есть нет собственного взгляда на вещи, чтобы высказать свою мысль. Только связка нервных окончаний, вероятно, без сенсорного восприятия, такого как у нас, но более чем вероятно, что у них другое, полностью отличающееся от нашего сенсорное восприятие. Чувствительные создания. Музыка для них — выражение сенсорных впечатлений. Они не могут повлиять на то, как они поют, так же как ночная бабочка — справиться с желанием лететь на пламя свечи, не сознавая,

что это убьет ее. Они по природе телепаты. Они принимают мысли и передают их в пространство. Не удерживают ни одной мысли, понимаете, только передают — подобно старинным телефонным проводам. Мысли, которые слушатели, под воздействием музыки, принимают.

— И красота этого заключается в том, — подхватил Невин, — что если бы когда-либо позже слушатель осознал свои мысли и задумался по этому поводу, то был бы убежден, что они являлись его собственными, что они вертелись у него в голове все это время.

— Умно, а? — спросил Картрайт.

Уэст вздохнул свободнее.

— Умно, да. Я не думал, что вы, парни, способны на такое.

Уэст хотел задрожать и понял, что не может, и дрожь начинала расти внутри него, и казалось, что его туго натянутые нервы сейчас разорвутся.

Картрайт сказал:

— Так что у нашей Стеллы все получается хорошо.

— О ком вы? — спросил Уэст.

— Стелла. Другая. Та, что с лицом.

— А, понятно, — кивнул Уэст. — Я не знал, что ее зовут Стелла. На самом деле никто о ней ни-

чего не знает. Однажды ночью она неожиданно появилась в качестве сюрприза на одной из телесетей. Ее объявили в качестве таинственной певицы, а затем люди начали называть ее Белой певицей. Она всегда пела, освещенная тусклым голубым светом, понимаете, и никто никогда не видел ее лицо отчетливо; несмотря на это, каждый, конечно, считал ее красавицей.

Телесеть не ставила под сомнение то, что она была инопланетянкой. Сообщили, что она — представитель таинственной расы, которую Джастон Ллойд нашел на Астероидах. Вы помните Ллойда, нью-йоркского пресс-агента?

Невин потянулся к нему через стол.

— И люди, правительство, они ни о чем не подозревают?

Уэст кивнул.

— Почему они должны сомневаться? Ваша Стелла — чудо. Все сходят по ней с ума. Газеты просто обезумели. Киношники…

— И перед ней преклоняются?

— Преклоняются, — ответил Уэст.

— А вы? — спросил Картрайт, и в громовом голосе мужчины Уэст почувствовал вызов.

— Я узнал, — сказал он, — и прибыл сюда, чтобы присоединиться.

— Вы точно знаете, о чем просите?

— Да, я знаю, — ответил Уэст, надеясь, что это так.

— Новая философия, — пояснил Картрайт. — Новая концепция жизни. Новые пути прогресса. Тайны, о которых человеческая раса никогда не подозревала. Преобразование человеческой цивилизации почти за одну минуту.

— И вы прямо в эпицентре событий, дергаете за ниточки, — заметил Уэст.

— Итак? — вопросил Картрайт.

— Я хочу быть причастным к этому действу, но не в качестве марионетки.

Невин поднял руку.

— Подождите, господин Уэст. Хотелось бы знать, как…

Картрайт рассмеялся.

— Забудь, Луи. Он знал о твоей картине. У него была Аннабель. Где, полагаешь, он все разузнал?

— Но… но… — бормотал Невин.

— Возможно, он не использовал картину, — заявил Картрайт. — Возможно, он использовал другие методы. В конце концов, ты знаешь, что они существуют. Тысячи лет назад людям было известно место, которое мы нашли. Му, возможно Атлантида или другая забытая цивилизация. Для

меня вполне достаточно того факта, что у Уэста есть Аннабель. Он должен был быть там.

Уэст с облегчением улыбнулся.

— Я использовал другие методы, — сообщил он им.

Картина

Робот прикатил поднос с дымящимися тарелками.

— Давайте приступим к трапезе, — предложил Невин.

— Только один вопрос, — сказал Уэст. — Как вы вернули Стеллу на Землю? Ни один из вас не мог доставить ее. Вас бы наверняка узнали.

Картрайт довольно усмехнулся.

— Это Робертсон, — ответил он. — У нас был корабль, и он сумел незаметно проскользнуть. А еще Белден — наш врач. Он, если вы помните, весьма способный пластический хирург.

— Он все сделал, — заметил Невин, — и для Робертсона, и для Стеллы.

— Чуть-чуть, и с нас бы кожу живьем содрал, — проворчал Картрайт, — чтобы заработать. Я продолжаю считать, что он взял больше, чем ему было действительно нужно, только из вредности. Он капризный попрошайка.

Невин сменил предмет разговора:

— Пригласим Рози сесть с нами?

— Рози? — спросил Уэст.

— Рози — сестра Стеллы. Мы не знаем детали их отношений и степень родства, но мы называем ее так для удобства.

— Порой мы забываем про ее лицо и позволяем ей сидеть во главе стола, как будто она одна из нас, — объяснил Картрайт. — Как будто она наша хозяйка. Понимаете, она удивительно похожа на женщину. Эти крылья, словно накидка из горностая, и платиновые волосы. Она придает происходящему за столом… своего рода…

— Иллюзию аристократизма, — сказал Невин.

— Наверное, сегодня неподходящее время, — решительно заметил Картрайт, — господин Уэст еще не привык к ней. Он пробыл здесь несколько часов… — Он остановился с ошеломленным видом. — Мы забыли кое-что, — объявил он, поднялся и обошел вокруг стола, направляясь к искусственному камину.

Там он взял бутылку, которая стояла на полке камина, бутылку с черным шелковым бантом, повязанным вокруг горлышка, а затем с торжественным видом поставил ее в центр стола около вазы с фруктами.

— У нас есть вот такая безобидная шутка, — сказал Невин.

— Едва ли это шутка, — возразил Картрайт.

Уэст, казалось, был озадачен.

— Бутылка виски?

— Особенная бутылка, — ответил Картрайт. — Весьма особенная бутылка. Давным-давно мы в шутку организовали общество последнего человека. Эта бутылка должна была быть той, которую выпьет последний человек. Наша затея заставляла нас чувствовать себя такими храбрыми, готовыми пойти на риск… И мы со смехом вспоминали о ней во время работы, когда пытались выявить гормоны. Видите ли, ни один из нас не думал, что когда-нибудь настанет время для этой бутылки.

— Но теперь, — сказал Невин, — нас осталось только трое.

— Ты не прав, — напомнил ему Картрайт. — Нас четверо.

Они оба посмотрели на Уэста.

— Конечно, — решительно произнес Невин. — Нас четверо.

Картрайт расстелил салфетку на коленях.

— Возможно, Луи, мы могли бы также позволить господину Уэсту увидеть картину.

Невин колебался.

— Совсем не уверен, Картрайт…

Картрайт щелкнул языком.

— Ты слишком подозрителен, Луи. У него есть это существо, не так ли? Он знает о твоей картине. Есть только один способ, с помощью которого он мог узнать об этом.

Невин подумал и сказал:

— Я полагаю, ты прав.

— И если господин Уэст по воле случая окажется самозванцем, — весело заметил Картрайт, — мы можем всегда принять надлежащие меры.

Невин обратился к Уэсту:

— Я надеюсь, что вы это понимаете.

— Безусловно, — ответил тот.

— Мы должны быть очень осторожны, — отметил Невин. — Это доступно немногим.

— Очень немногим, — согласился Уэст.

Невин пересек комнату и потянул шнур, который висел на стене. Один из гобеленов медленно свернулся в тяжелый рулон. Уэст наблюдал за этим, затаив дыхание, — и перед ним предстала картина.

На переднем плане было изображено дерево, с веток которого свисали золотые плоды, в точности похожие на один из тех, что лежали в вазе на

столе. Словно кто-то только что шагнул в картину и выбрал этот свежий фрукт себе на обед.

Под деревом была нарисована дорожка, которая начиналась от самого края холста; она была прорисована до такой степени подробно, что даже крошечная галька, покрывавшая ее, была ясно видна глазу. И от дерева дорожка вела к возвышавшимся на горизонте лесистым холмам.

В следующую секунду Уэст, наверное, мог бы поклясться, что он почувствовал дуновение ветра, услышал шелест листьев покрытого плодами дерева, увидел, как листья дрожали на ветру, до него донеслось благоухание цветов, которые росли вдоль дороги.

— Ну как, господин Уэст? — торжествующе спросил Невин.

— Почему, — спросил Уэст, все еще прислушиваясь к шелесту ветра в листьях, — почему кажется, будто можно войти в картину, а затем двигаться прямо по этой дорожке?

Невин вдыхал воздух со звуком, который не был похож ни на одышку, ни на вздох, а на что-то среднее между ними. В конце стола Картрайт захлебывался вином, его громкий неудержимый смех, который он пытался сдерживать, образовывал пузыри на его губах.

— Невин, вы когда-нибудь думали о создании другой картины? — спросил Уэст.

— Возможно, — ответил Невин. — Почему вы об этом спрашиваете?

Уэст улыбнулся. В его голове эхом раздавались слова, которые он запомнил, слова, которые пьяный мужчина прошептал ему перед смертью.

— Я только подумал, — сказал Уэст, — о том, что могло бы случиться, если бы вы когда-нибудь нарисовали не то место.

— Ей-богу! — воскликнул Картрайт. — Невин, он тебя сделал! Я говорил тебе то же самое.

Невин начал подниматься из-за стола, и едва он встал, как чуть слышные звуки музыки заполнили комнату. Музыка, которая разжала руки Невина, ухватившиеся за край стола, музыка, которая заставила исчезнуть внезапный холод между лопатками Уэста.

Музыка, которая говорила об удивительном космосе и ярком пламени звезд. Музыка, в которой был свист ракет, и тишина пустоты, и мрачные своды вечной ночи.

Рози пела.

Уэст сидел на краю кровати и понимал, что ему повезло: он удалился прежде, чем могли быть заданы другие вопросы. Пока он был уверен, что

ответил верно на все, не вызывая особого подозрения, но чем дольше это будет продолжаться, тем больше вероятности, что он обязательно совершит ошибку, пусть даже незначительную.

Теперь у него было время, чтобы подумать, время, чтобы попытаться распутать и соединить в одно целое некоторые из фактов, которые он недавно узнал.

Одно из этих маленьких чудовищ, которыми кишело это место, забралось на стойку балдахина кровати и теперь пристроилось там, неоднократно обернув вокруг стойки свой длинный хвост. Существо, уставившись на Уэста, издавало странные звуки, похожие на чириканье, а он смотрел на него и дрожал, задаваясь вопросом: корчит ли оно ему рожи или действительно так выглядит?

Эти скользкие, чирикающие чудовища… он где-то слышал о них, вне всякого сомнения. Он даже как-то видел рисунки с их изображением. Когда-то очень давно в другом времени и в другом месте. Видел существа, похожие на Аннабель и на ту тварь, которую Картрайт сбросил со стула… и на это маленькое злобное созданье, которое устроилось в изголовье кровати.

Невин сказал о них забавную вещь: «…они прокрадываются сквозь…» — не внутрь, а сквозь.

Нечего добавить.

И Невин с Картрайтом — что-то в них не так, какая-то трудноуловимая черта характера, по определению не присущая человеку.

Они работали с гормонами, когда что-то случилось, что послужило поводом для предупреждения, посланного на Землю. А было ли предупреждение? Может, фальшивка? Происходило ли здесь то, о чем никто не должен знать, как того хотело правительство Солнечной системы?

Почему они послали Стеллу на Землю? Почему они были до такой степени довольны, что ее там так хорошо принимают? Что имел в виду Невин, спрашивая: «…правительство ни о чем не подозревает?» Почему правительство должно подозревать? Что было в ней такого, о чем можно было бы подозревать? Всего лишь бессмысленное существо, пение которого напоминало перезвон колоколов на небесах.

Теперь этот бизнес, связанный с производством гормонов. Гормоны делали забавные вещи с людьми.

«Я должен узнать, — сказал себе Уэст. — Чуть быстрее и более умело. Установить короткую связь между „здесь“ и „там“. Ты слишком плохо знаешь себя самого, чтобы определить, чем

отличаешься от других. Вот так развивается человеческая раса. Мутация здесь и происходящее там через одну или две тысячи лет некое изменение расы, ставшей не такой, какой она была за тысячу лет до этого.

Возможно, то была мутация обратно в каменный век, когда человек ударил два кремня друг о друга и добыл себе огонь. Возможно, другой мутант, который выдумал колесо, взял сани для перевозки камней и сделал из этих деталей тележку.

Медленно, это должно было бы происходить медленно. Постепенно. Потому что если бы это происходило слишком быстро и было заметно, другие люди убивали бы каждого мутанта, как только бы он обнаруживался. Потому что человеческая раса не может допустить отклонение от нормы, даже несмотря на то, что мутация — процесс, с помощью которого развивается раса.

Раса больше не убивает мутантов. Она помещает их в лечебницы или загоняет в такие глухие уголки самовыражения, как искусство или музыка, или она находит для них хорошие места ссылки, где они будут чувствовать себя комфортно, где у них будет работа и где — нормальные люди надеются на это — мутанты никогда не

узнают, кто они.

Теперь быть другим стало тяжелее, тяжелее быть мутантом и не избежать обнаружения, а все из-за медицинских комиссий и психиатров и прочего научного фетиша, который люди создали, чтобы охранять их спокойствие.

Пятьсот лет назад они не узнали бы, кто я. Пятьсот лет назад я, возможно, и сам не понял бы этого.

Контролируемая мутация? Теперь появилось нечто другое. Именно это учитывало правительство, когда послало комиссию сюда, на Плутон, с тем чтобы, используя в своих интересах низкие температуры, создавать гормоны, которые могли бы видоизменить человеческую расу. Гормоны, которые могли бы усовершенствовать расу, которые могли бы развить скрытые таланты или даже добавить совершенно новые характеристики, придуманные, чтобы воспроизвести лучшее, что было в человечестве.

Контролируемые мутации, с которыми все было бы в порядке. Правительство боялось только естественных неподконтрольных мутаций. Что, если члены комиссии усовершенствовали гормон и опробовали его на себе?»

Течение его мыслей резко оборвалось — он был

доволен идеей, возможным решением.

На столбике балдахина кровати небольшое чудовище ковырялось лапами во рту, весело пуская слюни.

В дверь постучали.

— Входите! — пригласил Уэст.

Дверь открылась, и вошел мужчина.

— Я — Белден, — представился он. — Джим Белден. Они сказали мне, что вы здесь.

— Рад с вами познакомиться, Белден.

— Что за игру вы затеяли? — спросил Белден.

— Нет никакой игры, — ответил Уэст.

— Вы их одурачили, заставили вам поверить, — сказал Белден. — Они думают, что вы — некий великий человек, который обнаружил истину.

— Следовательно, они так думают, — кивнул Уэст. — Я очень рад это слышать.

— Они показали мне Аннабель, — продолжал Белден. — Сказали, что это доказательство того, что вы один из нас. Но я узнал Аннабель. Они не узнали, а я — узнал. Ее взял с собой Дарлинг. Вы забрали ее у Дарлинга.

Уэсту ничего не оставалось, как молчать. Было бесполезно играть в невинного с Белденом, потому что тот был слишком близок к истине.

Белден понизил голос:

— У вас появилась такая же догадка, как и у меня. Вы полагаете, что гормон Дарлинга стоит больше, чем весь этот маскарад, происходящий внизу. И вы здесь, чтобы найти его. Я сказал Невину, что, вместо того чтобы бездельничать здесь, нужно найти гормоны Дарлинга, но он не согласился со мной. После того как мы отвезли Дарлинга на спутник, Невин разбил панель управления корабля. Понимаете, он боялся, что я мог улететь. Он не доверял мне, и он не мог позволить себе дать мне улететь.

— Поторгуемся, — спокойно предложил Уэст.

— Мы отправимся на спутник на вашем корабле и пообщаемся с Дарлингом, — сказал Белден. — Мы выбьем из него информацию.

Уэст усмехнулся, скривив рот.

— Дарлинг мертв, — сказал он.

— Вы обыскали хижину? — спросил Белден.

— Конечно нет. Почему я должен был ее обыскивать?

— В таком случае все — там, — мрачно произнес Белден. — Спрятано где-то в бараке. Я перевернул здесь все вверх тормашками и уверен, что дальнейшие поиски бессмысленны. Ни формул, ни самих гормонов. Их здесь нет, если только Дарлинг не был хитрее, чем я о нем думал.

— Вы знаете, что это за гормон. — Уэст говорил ровным тоном, пытаясь сказать так, чтобы это звучало, как будто он сам мог знать это.

— Нет! — резко отозвался Белден. — Дарлинг не доверял нам. Он был зол на Невина за то, что тот пытался сделать. И однажды он создал то, благодаря чему человек, который получил бы это, мог управлять Солнечной системой. Дарлинг не шутил, Уэст. Он знал больше о гормонах, чем мы все вместе взятые.

— Сдается мне, — сухо сказал Уэст, — что вы хотели бы держать такого человека здесь. Вы, конечно, использовали бы его.

— И опять-таки Невин, — заметил Белден. — Дарлинг не согласился бы с программой, которую тот разрабатывал. Даже угрожал, что предаст его действия огласке, если у него будет возможность. Невин хотел убить его, но Картрайт придумал шутку… Он весельчак, этот Картрайт.

— Я заметил это, — кивнул Уэст.

— Картрайт придумал своего рода сделку, — продолжал Белден. — Предложил Дарлингу взять с собой любую вещь, какую он захочет. Одну вещь, понимаете. Только одну вещь. Вот откуда возникла эта шутка. Картрайт ожидал, что Дарлинг будет мучиться, пытаясь решить, что взять

с собой. Но он ни минуты не колебался. Дарлинг взял виски.

— Он допился до смерти, — сообщил Уэст.

— Дарлинг не был пьющим человеком, — резко бросил Белден.

— Это было самоубийство, — сказал Уэст. — Дарлинг водил вас за нос все это время. Вам до него далеко.

Мягкий звук, словно птица чистила перышки на своем крыле, наполнил уши Уэста.

Рози вошла в комнату, она приподняла крылья, выставляя напоказ мерзкий мех, покрытое пятнами тело под ним и это мертвое лицо.

— Нет! — закричал Белден. — Нет! Я ничего не собирался делать. Я не…

Он стал отступать назад, выставив перед собой вытянутые руки, чтобы защититься от создания, которое направлялось к нему, его губы все еще шевелились, но он не произнес ни звука.

Рози отбросила Уэста в сторону легким ударом покрытого мехом крыла, а затем широко распахнула крылья и закрыла ими Белдена от Уэста. Крылья сомкнулись, и послышались приглушенные крики человека. Потом наступила тишина.

Рука Уэста метнулась к кобуре, и он выхватил оружие. Его большой палец нажал на активатор,

и пистолет замурлыкал, словно насытившийся кот.

Мех крыльев Рози почернел, и она упала на пол. Тошнотворный запах заполнил комнату.

— Белден! — закричал Уэст, он прыгнул вперед, отбросил обугленное тело Рози в сторону. Белден лежал на полу, и Уэст отвернулся, его стошнило от этого зрелища.

Некоторое время Уэст пребывал в нерешительности, но затем пришло озарение — вот что он должен сделать!

Настал решающий момент. Он надеялся, что это можно было бы отложить на некоторое время, до того, как он узнал бы немного больше, но инцидент с Белденом и Рози поставил вопрос ребром. Медлить больше нельзя.

Он вышел из комнаты и начал спускаться вниз по винтовой лестнице в гостиную.

Картина была освещена… освещена, как будто изнутри. Словно источник света находился внутри самой картины, словно некое другое солнце сияло над ландшафтом, который был изображен на холсте. Картина была освещена, но остальную часть комнаты скрывала темнота, и свет не проникал в нее с картины, а оставался там, словно заключенный в холсте.

Кто-то быстро проскользнул между ног Уэста и устремился вниз по лестнице. Существо взвизгнуло, и его когти застучали по ступенькам.

Когда Уэст достиг подножия лестницы, из темноты послышался голос:

— Вы что-то ищете, господин Уэст?

— Да, Картрайт, — сказал Уэст. — Я ищу вас.

— Вы не должны быть чересчур обеспокоены тем, что сделала Рози, — продолжал Картрайт. — Не расстраивайтесь по этому поводу. Это должно было случиться с Белденом рано или поздно. Он едва ли был одним из нас, точнее говоря, никогда не был таким, как мы. Он притворялся, что заодно с нами, потому что это было для него единственным выходом, чтобы спасти свою жизнь. Но если подумать, жизнь — такая незначительная вещь. Разве вы так не считаете, господин Уэст?

Последний человек

Уэст замер у подножия лестницы. В комнате было слишком темно, чтобы что-нибудь разглядеть, но голос раздавался где-то недалеко от конца стола, находившегося рядом со светящейся картиной.

«Мне, вероятно, придется убить его, — подумал Уэст, — и я должен знать, где он находится. Пото-

му что он должен умереть от первого выстрела, для второго не будет времени».

— У Рози не было разума, — сказал голос в темноте, — то есть не было собственного взгляда на вещи, чтобы высказать свою мысль. Но она была телепатом. Ее мозг собирал мысли и передавал их. И она могла повиноваться простым командам. Очень простым командам. А убийство человека — это так просто, господин Уэст.

Рози стояла здесь, около меня, и мне было известно каждое слово из вашей беседы с Белденом. Я не осуждал вас, Уэст, вы не имели никакого представления о том, что делали. Но я действительно считал виноватым Белдена и послал Рози убить его.

Только одну вещь я имею против вас, Уэст. Вы не должны были убивать Рози. Это было большой ошибкой, Уэст, очень большой ошибкой.

— Это не было ошибкой, — ответил Уэст. — Я сделал это намеренно.

— Ведите себя спокойно, господин Уэст, — сказал Картрайт. — Не делайте ничего, что могло бы заставить меня нажать на спусковой механизм. Потому что я наставил на вас оружие. Вы под прицелом, Уэст, и я никогда не промахиваюсь.

— Я дам вам фору, — сказал Уэст, — потому

что могу добраться до вас прежде, чем вы выстрелите.

— Теперь, господин Уэст, — продолжал Картрайт, — давайте не будем нервничать. Несомненно, вы быстро втерлись к нам в доверие. Вы пытались пробиться к нам, и вы почти убедили нас в ваших словах, хотя в конечном счете мы все равно подставили бы вам подножку. И я восхищаюсь вашей силой воли. Может быть, мы сможем разрешить эту ситуацию так, что никто не будет убит.

— Начнем переговоры, — предложил Уэст.

— Это было слишком жестоко, так поступить с Рози, — сказал Картрайт, — и я действительно это вам не могу простить, Уэст, потому что можно было бы использовать Рози во благо. Но, в конце концов, работа начата на других планетах, и у нас все еще есть Стелла. Наши ученики хорошо подготовлены… некоторое время они могут обойтись без инструкций, и, возможно, к тому моменту, когда мы должны будем снова войти с ними в контакт, мы сможем найти другую, которая заменит нашу Рози.

— Хватит ходить вокруг да около, — заявил Уэст. — Говорите прямо, что вы имеете в виду.

— Хорошо, — отозвался Картрайт, — у нас ощу-

щается острая нехватка рабочей силы. Белден мертв, и Дарлинг мертв, и если Робертсон пока еще не мертв, он очень скоро тоже покинет нас. Потому что, после того как он доставил Стеллу на Землю, он пытался сбежать. А этого, конечно, нельзя допустить. Он мог бы рассказать людям о нас, а мы не можем позволить никому сделать это, поскольку мы мертвы, вы же понимаете…

Он засмеялся, и звук смеха покатился сквозь темноту.

— Это был шедевр, Уэст, та трансляция. Я был «последним человеком, оставшимся в живых», и я рассказал им, что случилось. Я сообщил им, что континуум «пространство — время» разорван и вещи стали проникать сквозь него. И я издавал булькающие звуки… Я издавал булькающие звуки непосредственно перед тем, как умер.

— На самом деле вы, конечно, не умерли, — невинным тоном уточнил Уэст.

— Черт возьми, нет. Но они думают, что я умер. И они все еще прокручивают в голове эти крики, размышляя, как я должен был умереть.

«Мерзавец, — подумал Уэст. — Чистой воды мерзавец. Шутник, который высадил человека на необитаемый спутник, чтобы тот умер в одиночестве. Человек, который сжимал в кулаке

оружие, когда хвалился тем, что сделал — обманул Землю».

— Понимаете, — продолжал Картрайт. — Я должен был заставить их считать, что это действительно произошло. Сообщение должно было быть настолько ужасающим, что правительство никогда не сделало бы эту информацию доступной общественности, настолько ужасающим, что они закрыли бы планету и запретили бы ее посещение.

— Вы намеревались остаться одни, — произнес Уэст.

— Правильно, Уэст. Мы должны были остаться одни.

— Ну что ж, — сказал Уэст. — Вы почти добились этого. В живых осталось только двое.

— Двое нас, — уточнил Картрайт, — и вы.

— Вы забыли, Картрайт, — заметил Уэст, — что собираетесь убить меня. У вас есть оружие, которое наставлено на меня, и вы готовы нажать на спуск.

— Не обязательно, — отозвался Картрайт. — Мы могли бы заключить сделку.

«Теперь он у меня в руках, — подумал Уэст. — Я точно знаю, где он находится. Я не вижу его, но уверен в его местонахождении. И через минуту

наступит развязка. В живых останется кто-то один».

— Вы для нас бесполезны, — сказал Картрайт, — но, возможно, вы понадобитесь нам позже. Вы помните Лэнгдона?

— Того, который пропал, — уточнил Уэст.

Картрайт усмехнулся:

— Вот именно, Уэст. Но он не пропал. Мы отдали его. Видите ли, было… хм-хм… некое существо, которое могло использовать его в качестве домашнего животного, так что мы преподнесли ему подарок — Лэнгдона. — Он снова усмехнулся. — Лэнгдону не очень понравилась эта идея, но что нам оставалось делать?

— Картрайт, — ровным тоном произнес Уэст, — я собираюсь стрелять.

— Что… — выкрикнул Картрайт, но остальные слова были заглушены свистом его оружия.

Луч попал в стену над ступенью лестницы — там находилась голова Уэста всего долю секунды назад. Но он присел почти сразу, как начал говорить, и теперь его собственное оружие было крепко сжато у него в кулаке и устремлено вверх. Его большой палец нажал на активатор и затем скользнул вниз.

Кто-то медленно полз по полу с глухим шумом,

и в тишине между этими глухими ударами Уэст услышал звук тяжелых вдохов.

— Черт побери, Уэст, — сказал Картрайт. — Черт тебя возьми…

— Это старая уловка, Картрайт, — заметил Уэст. — Занять человека разговором, перед тем как убить его. Усыпить его бдительность, фактически заманив его в засаду.

К пронзительному свисту, сопровождавшему мучительные вздохи, добавились звуки разрывающейся ткани, удары коленей и локтей об пол. Затем наступила тишина.

И мгновение спустя в каком-то дальнем углу раздался писк, какое-то существо пробежало, постукивая лапками, словно крыса. И снова тишина.

Бег крысиных лап все еще был слышен, но был и другой звук, слабый крик, как будто кто-то кричал где-то далеко… где-то за пределами здания, крик доносился откуда-то снаружи… снаружи.

Уэст лег на пол, прижимая дуло оружия к ковру.

«Снаружи… снаружи… снаружи…» — слова раздавались эхом в его голове.

«Снаружи чего?» — спросил он, но теперь ответ был ему известен. Он знал, где прежде видел

изображение существа, которое спало на стуле, и того, другого, которое сидело на столбике балдахина. И ему был знаком звук этого чириканья, и писка, и топота бегущих лап.

«Снаружи… снаружи… снаружи… Конечно — по ту сторону этого мира».

Он поднял голову и посмотрел на картину, и дерево все еще светилось изнутри мягким светом, и из картины доносился звук, слабые шлепки, звук бегущих лап.

Уэст снова услышал крик: по дорожке на картине бежал человек, размахивая руками и крича.

Этим человеком был Невин.

Невин был внутри картины, бежал вниз по узкой полоске земли, и его тяжелые ноги поднимали небольшие облака пыли на покрытой мелкой галькой дорожке.

Уэст поднял пистолет, и его рука дрожала так, что ствол закачался вперед-назад и затем описал круг.

— Нервная дрожь. — Уэст произнес эти слова, стуча зубами.

Потому что теперь… теперь он знал ответ.

Он поднял другую руку и обхватил запястье руки, державшей оружие, и ствол замер. Уэст

стиснул зубы, чтобы остановить дрожь.

Его большой палец опустился к активатору и нажал на него, и пламя из дула оружия попало на картину и быстро распространялось по ней. Распространялось, пока весь холст не превратился в вихрь голубого блеска, который с ревом и свистом тянулся к нему.

Дерево медленно расплывалось, как будто в глазах помутнело, и вскоре исчезло из поля зрения. Пейзаж потускнел, расслаиваясь, и через колеблющиеся линии можно было различить искаженную фигуру человека, рот которого был открыт в вопле гнева. Но никакого воющего звука не было, раздавалось только урчание оружия.

Картина исчезла в дыму, и теперь пучок лучей пламени, шипя, проникал в пространство, ограниченное стальной рамой, все еще заполненное крошечными пылающими проводами, торчащими из стены позади нее.

Уэст снял палец с активатора, и тишина опустилась на него, опустилась и заполнила комнату… словно проникла из безмолвного космоса, простиравшегося вокруг.

— Картины нет, — сказал Уэст.

Эхо, казалось, разнеслось по всей комнате.

— Картины нет, — ответило эхо, но Уэст знал,

что это было не эхо, просто в его голове бесконечно повторялись слова, которые он произнес.

— Картины нет, — повторило эхо, но Уэст был в другом мире, в каком-то другом месте… где-то совсем в другом пространстве. Некий механизм разорвал континуум «пространство — время» или что бы это ни было… То, что отделяло нашу Вселенную от других, более необычных вселенных.

Не удивительно, что плод на дереве напоминал плод на столе. Не удивительно, что ему казалось, что он слышал шум ветра, шелест листьев.

Уэст встал и подошел к стене позади него. Он нашел выключатель, нажал на него, и лампы в комнате зажглись.

На свету разбитый механизм из другого мира оказался изогнутым обломком. Тело Картрайта лежало в центре комнаты. Чирикающее существо пробежало по полу и быстро нырнуло в темноту под столом. Усмехающееся лицо уставилось из-за стула на Уэста хладнокровно-свирепым взглядом, а затем пронзительно завизжало.

И в этом не было ничего нового, потому что он уже видел эти лица, их изображения в старых книгах и в журналах, где печатались вселяющие ужас рассказы, истории о существах, прибывших извне, объектах, которые ворвались из парал-

лельной реальности.

Рассказы, которые были нужны только для того, чтобы отправить дрожащего от страха ребенка в кровать. Истории, которые просто не следовало читать в полночь. Истории, которые заставляли немного поволноваться, когда доносился скрип дерева, качавшегося на ветру за окном, или шум дождя, стучавшего по черепице.

Потребовались поразительные способности лучшей группы ученых Солнечной системы, чтобы открыть дверь, которая вела в параллельный мир.

И все же люди в прежние времена тоже говорили о чем-то подобном — о гоблинах, демонах и чертях. Возможно, жители Атлантиды нашли туда путь, так же как Невин и Картрайт, и в тот давно прошедший день выпустили в мир поток существ, которые затем целую вечность существовали как данность в рассказываемых у камина историях, от которых стыла кровь в жилах.

А картинки, которые он видел?

Может быть, это родовая память. Или сверхъестественное видение, которое оказалось правдой. Или то, что наблюдали авторы тех историй, художники, рисовавшие те картинки…

Уэст задрожал от этой мысли.

Что хотел сказать Картрайт?

Работа уже начата на других планетах. Работа по переработке знаний, принципов, психологии инопланетных существ из другого мира. Обучение, управляемое на расстоянии… принудительное обучение. Стелла, обладающая телепатическими способностями, поющая на Земле, любимица телеканалов. И она была агентом этих существ, она пропускала через себя знания, а человек полагал, что эти мысли его собственные.

Конечно, все было именно так. Так планировали Невин и Картрайт. Переделаем мир, решили они. И, выжидая здесь, на Плутоне, они дергали бы за ниточки, которые переделали бы мир.

Суеверие — когда-то. Теперь — голые факты. Истории, от которых прежде холодела кровь в жилах. А сейчас…

Когда источник иссяк, а экран опустел и группа ученых исчезла на Плутоне, а культы были забыты… Стелла продолжала бы петь, но настало бы время, и слушатели отвернулись бы от нее, так как ее новизна постепенно прошла, а необычность и «инопланетность» потеряли былую притягательность.

Солнечная система продолжала бы существовать, но демонические существа стали бы не более чем вызывающими дрожь картинками из тех времен, когда люди тихо сидели в пещерах и видели сверхъестественную угрозу в каждой движущейся тени.

Снова зазвучал противный писк.

Из темного угла существо скалилось на Уэста и пронзительно пищало — это была песнь ненависти.

«Ну что ж, — подумал Уэст. — Он был здесь, в самом отдаленном конце Солнечной системы, в пустом доме. И это выглядело, в конце концов, именно так, как он предполагал. Никого вокруг. Склад, полный продовольствия. Отвечающее всем требованиям убежище. Мастерская, где он мог работать. Место, охраняемое патрулем от нежданных посетителей.

Просто место для человека, который мог бы здесь скрываться. Место для беглеца от человеческой расы.

Необходимо было кое-что сделать… позже. Два тела должны быть похоронены. Экран нужно выбросить в груду металлолома. Несколько чирикающих тварей должны быть выслежены и убиты.

Затем он сможет поселиться здесь».

Конечно, еще имелись роботы. Один из них принес обед.

— Позже, — сказал он.

Но было что-то еще, что нужно было сделать… что-то, требующее немедленных действий… вот только, если бы только он смог вспомнить.

Уэст стоял и осматривал комнату, мысленно перечисляя все ее содержимое: стулья, портьеры, пульт управления, стол, искусственный камин…

Точно, камин.

Он пересек комнату и встал напротив камина, затем снял бутылку с каминной полки, бутылку с черным шелковым бантом, обвязанным вокруг горлышка. Бутылка для общества последнего человека.

И он был последним человеком, в этом не было никаких сомнений. Самым последним из всех.

Конечно, он не был участником договора, но он выполнит условие. Несомненно, это была своего рода мелодрама, но… «Бывает время, — сказал он себе, — когда маленькая мелодрама может быть простительна».

Он откупорил бутылку и повернулся, чтобы стать лицом к комнате. Он поднял бутылку, приветствуя… приветствуя место, где раньше была

картина, почерневшую рамку от нее, мертвеца на полу, существо, которое издавало странные звуки в темном дальнем углу.

Он пытался придумать, что сказать, но не мог. А должны были быть какие-то слова, которые следовало произнести, просто не могло быть по-другому.

— Ваше здоровье, — сказал он, и это не было достаточно удачной фразой, но что-то нужно было сказать.

Он приложил бутылку к губам, поднял ее и наклонил голову назад.

Давясь, он оторвал бутылку от губ.

Это не было виски, и это оказалась ужасная дрянь. Желчь, уксус и хинин — все вместе. Настоящее варево прямо из помойной ямы, смесь всех противных лекарств, которые он выпил ребенком, это были сера и патока, это было касторовое масло, это было…

— Боже мой… — сказал Фредерик Уэст.

Внезапно он вспомнил местоположение ножа, который он потерял двадцать лет назад. Он видел, где оставил его, так же ясно, как день.

Он знал уравнение, о котором прежде не имел представления, и более того, он знал, для чего оно было выведено и как его можно использовать.

Непроизвольно он представил, как работает двигатель ракеты… каждая деталь, каждая часть, каждый механизм управления, словно схема была развернута перед его глазами.

Он мог схватывать и удерживать своим внутренним зрением семь отдельных уровней видения, хотя четыре уровня — это самое большее, что прежде мог ментально видеть человек.

Со свистом выдохнув воздух изо рта, он пристально посмотрел на бутылку.

Уэст был способен пересказать, слово в слово, первую страницу книги, которую он читал десять лет назад.

— Гормоны, — прошептал он. — Гормоны Дарлинга!

Гормоны, которые сделали что-то с его мозгом. Ускорили его процессы, заставили его работать лучше и интенсивнее, чем когда-либо прежде. Сделали так, что он думает теперь яснее и четче.

— О господи… — произнес он.

Хороший рывок для начала. И теперь…

«Человек, который обладал этими гормонами, мог управлять Солнечной системой» — именно так сказал Белден.

Белден искал их, разворотив и перевернув все, и Дарлинг тоже занимался поисками. Дарлинг,

который, между прочим, считал, что гормоны у него. Он полагал, что разыграл шутку с Невином и Картрайтом, и допился до смерти, пытаясь найти бутылку, в которой они находились.

И все эти годы гормоны были в этой бутылке на каминной полке!

Кто-то еще сыграл шутку с ними всеми. Возможно, Лэнгдон. Тот, кого отдали в качестве домашнего животного к существу, настолько чудовищному, что даже Картрайт не стал называть его.

Дрожащей рукой Уэст поставил бутылку обратно на каминную полку, положил около нее пробку. Он на какое-то время задержался там, сжимая руками полку и устремляясь глазами к смотровой щели около камина. Он пристально вглядывался в долину, где темный цилиндр был устремлен вверх, как будто старался оторваться от скалистой планеты и направиться к звездам.

«Альфа Центавра» — корабль с космическим двигателем, который не смог заработать. Что-то не так… что-то не так…

Рыдание сдавило горло Уэста, и он с силой вцепился в каминную полку — так, что даже почувствовал боль.

Он знал, в чем была ошибка!

Он изучил проекты двигателя на Земле.

И теперь проекты были снова перед его глазами, он помнил их — каждую линию, каждый символ, как будто они были выгравированы в его мозгу.

Он видел, в чем проблема: нужно лишь сделать простую корректировку, после чего двигатель наверняка заработает. Десять минут… ему требуется только десять минут. Так просто. Так просто. Настолько просто, что было трудно поверить в то, что неисправность не была найдена прежде и все великие умы, которые работали над этим двигателем, не смогли ее заметить.

Была мечта — вещь, о которой он не смел говорить вслух и даже про себя. Вещь, о которой он не смел даже думать.

Уэст выпрямился и снова оглядел комнату. Он взял бутылку и во второй раз поднял ее в знак приветствия. Но на сей раз у него имелся тост для умерших людей и существа, которое скулило в углу.

— За звезды! — произнес он.

И он пил и пил — без остановки.

Все ловушки Земли
Перевод С. Васильевой

Инвентарная опись была очень длинной. Своим убористым четким почерком он исписал много страниц, перечислив мебель, картины, фарфор, столовое серебро и прочие предметы обстановки — все движимое имущество, накопленное Баррингтонами за долгий период семейной истории.

И теперь, заканчивая опись, последним пунктом он внес в нее самого себя:

Один домашний робот Ричард Дэниел, устаревший, но в хорошем состоянии.

Отложив в сторону перо, он собрал все страницы описи в аккуратную стопку и положил на нее сверху пресс-папье — маленькое, тончайшей резьбы пресс-папье из слоновой кости, которое тетя Гортензия привезла из своего последнего путешествия в Пекин.

На этом его работа закончилась.

Отодвинув стул, он встал из-за письменного стола и неторопливо прошелся по гостиной. В

этой комнате было собрано множество самых разнообразных реликвий из семейного прошлого. Здесь над каминной полкой висел меч, который когда-то, давным-давно, носил Джонатон во время войны между штатами, а под ним, на самой полке, стоял кубок, который завоевал Коммодор на своей прославленной яхте, и банка с лунной пылью, которую привез Тони, вернувшись после пятой высадки человека на Луну, и старый хронометр с давно уже выброшенного на свалку семейного космического корабля, совершавшего в свое время рейсы на астероиды.

И на всех стенах почти вплотную друг к другу висели фамильные портреты, и мертвые взирали с них на мир, который они помогали создавать.

И Ричард Дэниел подумал, что среди тех, кто жил в последние шестьсот лет, не было ни одного, кого бы он не знал лично.

Вот справа от камина висит портрет старого Руфуса Эндрью Баррингтона — судьи, который жил лет двести назад. А по правую руку от Руфуса находится Джонсон Джозеф Баррингтон, возглавлявший Бюро паранормальных исследований, на которое человечество некогда возлагало огромные надежды, ныне утраченные. У двери же, которая ведет на веранду, смутно виднеется

хмурое пиратское лицо Дэнли Баррингтона, положившего начало семейному благосостоянию.

И многие, многие другие — администратор, искатель приключений, глава корпорации. Все добрые и честные люди.

Но все пришло к концу. Семья иссякла.

Медленным шагом Ричард Дэниел начал свой последний обход дома — гостиная, тесно заставленная мебелью, небольшой рабочий кабинет со старинными сувенирами, библиотека с рядами древних книг, столовая, в которой сверкал хрусталь и мягко светился фарфор, кухня, блестевшая медью, алюминием и нержавеющей сталью, и спальни на втором этаже, каждая из которых хранила отпечаток личности своих прежних хозяев. И наконец, спальня, где скончалась тетя Гортензия, со смертью которой перестало существовать семейство Баррингтонов.

В опустевшем жилье не ощущалось заброшенности — дом словно ждал, что вот-вот в него возвратится былое оживление. Но впечатление это было обманчивым. Все портреты, весь фарфор и серебро, все, что находилось в его стенах, будет продано с аукциона, чтобы покрыть долги. Комнаты будут опустошены и ободраны, вещи разбредутся по белу свету, и последним оскорбле-

нием будет продажа самого дома.

Та же судьба ждала и его самого, подумал Ричард Дэниел, ибо он тоже был движимой собственностью. Был частью всего этого имущества, последним пунктом инвентарной описи.

Однако ему они уготовили нечто похуже простой продажи. Потому что прежде, чем пустить с молотка, его должны будут переделать. Ведь никто не захочет дать за него, такого, какой он сейчас есть, приличную сумму. И кроме того, еще существовал закон — закон, который гласил, что ни один робот не имел права жить одной жизнью более ста лет. А он без единой переделки прожил в шесть раз больше.

Он посетил адвоката, и адвокат посочувствовал ему, но не подал никакой надежды.

— Если исходить из закона, — сказал он Ричарду Дэниелу своей отрывистой адвокатской скороговоркой, — в настоящий момент вы являетесь злостным правонарушителем. Просто ума не приложу, как вашим хозяевам удалось выйти сухими из воды.

— Они очень любили старинные вещи, — проговорил Ричард Дэниел. — А потом, ведь меня видели очень редко. Почти все время я проводил в доме. Я нечасто отваживался выходить на улицу.

— Но существуют же официальные документы, — возразил адвокат. — Вы непременно должны быть зарегистрированы.

— У этой семьи, — пояснил Ричард Дэниел, — когда-то было много влиятельных друзей. Вам должно быть известно, что до того, как для них наступили трудные времена, Баррингтоны были весьма выдающимися фигурами в политике и многих других областях.

Адвокат понимающе хмыкнул.

— Мне все-таки не совсем ясно, — произнес он, — почему вы так противитесь этому. Ведь вас не изменят полностью. Вы останетесь все тем же Ричардом Дэниелом.

— А разве я не утрачу все свои воспоминания?

— Разумеется. Но воспоминания не так уж важны. И вы накопите новые.

— Мне дороги мои воспоминания, — сказал ему Ричард Дэниел. — Это все, что у меня есть. Это единственная истинная ценность, которую оставили мне минувшие шестьсот лет. Вы можете себе представить, господин адвокат, что значит прожить шесть веков с одной семьей?

— Думаю, что могу, — промолвил адвокат. — А что, если теперь, когда семьи уже больше нет, эти воспоминания заставят вас страдать?

— Они утешают меня. Утешают и поддерживают. Благодаря им я проникаюсь чувством собственной значимости. Они вселяют в меня надежду на будущее и дают убежище.

— Неужели вы ничего не понимаете? Ведь как только вас переделают, вам уже не понадобится никакого утешения, никакого чувства собственной значимости. Вы станете новеньким с иголочки. У вас в основных чертах останется только сознание собственной личности — этого они не могут вас лишить, даже если захотят. Вам не о чем будет сожалеть. Вас не будет преследовать чувство неискупленной вины, не будут терзать неудовлетворенные желания, бередить душу старые привязанности.

— Я должен остаться самим собой, — упрямо заявил Ричард Дэниел. — Я познал смысл жизни и то, в каких условиях моя собственная жизнь имеет какое-то значение. Я не могу смириться с необходимостью стать кем-то другим.

— Вам жилось бы гораздо лучше, — устало сказал адвокат. — Вы получили бы лучшее тело. Лучший мыслящий аппарат. Вы стали бы умнее.

Ричард Дэниел поднялся со стула. Он понял, что без толку теряет время.

— Вы не донесете на меня? — спросил он.

— Ни в коем случае, — ответил адвокат. — Что касается меня, то вас здесь нет и не было.

— Благодарю вас, — произнес Ричард Дэниел. — Сколько я вам должен?

— Ни гроша, — ответил ему адвокат. — Я не беру гонорар с клиентов, которым перевалило за пятьсот.

Последнее, конечно, было сказано в шутку, но Ричард Дэниел не улыбнулся. Ему было не до улыбок. У двери он обернулся.

«Для чего, — хотел было он спросить, — для чего нужен такой нелепый закон?»

Но ему незачем было спрашивать — не так уж трудно было догадаться.

Он знал, что всему причиной было человеческое тщеславие. Человек мог прожить немногим больше ста лет, и поэтому такой же срок жизни был установлен для роботов. Но, с другой стороны, робот был слишком дорог, чтобы после ста лет службы его просто-напросто списать в утиль, и был издан закон, по которому нить жизни каждого робота периодически прерывалась. И таким образом человек был избавлен от унизительного сознания, что его верный слуга может пережить его на несколько тысяч лет.

Это было нелогично, но люди всегда были нело-

гичны.

Нелогичны, но добры. Добры во многом и поразному.

Иногда они были добры, как Баррингтоны, подумал Ричард Дэниел. Шестьсот лет неиссякаемой доброты. Это была достойная тема для размышлений. Они даже дали ему двойное имя. В нынешние времена мало кто из роботов имел двойное имя. Это было знаком особой любви и уважения.

После неудачного визита к адвокату Ричард Дэниел стал искать другой источник помощи. Теперь, стоя в спальне, где умерла Гортензия Баррингтон, и вспоминая об этом, он пожалел, что так поступил. Потому что он поставил священника в невыносимо трудное положение. Адвокату ничего не стоило сказать ему, на что он может рассчитывать. В распоряжении адвокатов были законы, которые почти избавляли их от мучительной необходимости принимать собственные решения.

Но лицу духовного звания свойственна доброта, если оно, конечно, по праву занимает свое место. И тот, к кому он обратился, был добр не только профессионально, но и по натуре, и от этого было еще хуже.

— При определенных условиях, — с какой-то неловкостью сказал ему священник, — я посоветовал бы терпение, смирение и молитвы. Это великое тройное подспорье для каждого, кто пожелает этим воспользоваться. Но я не уверен, что вам нужно именно это.

— Вы сомневаетесь, — сказал Ричард Дэниел, — потому что я робот.

— Видите ли… — промямлил священник, сраженный столь прямым заявлением.

— Потому что у меня нет души?

— Право же, — жалобно сказал священник, — вы ставите меня в неудобное положение. Вы задаете мне вопрос, над решением которого на протяжении столетий бились лучшие умы Церкви.

— Но этот вопрос, — заявил Ричард Дэниел, — должен решить для себя каждый человек.

— Если бы я только мог! — в смятении воскликнул священник. — Как бы я хотел решить его!

— Если это поможет вам, — произнес Ричард Дэниел, — могу признаться: иногда я подозреваю, что у меня есть душа.

Он тут же ясно увидел, что его последние слова вконец расстроили этого доброго человека. С его стороны было жестоко произносить их, упрекнул

себя Ричард Дэниел. Они не могли не смутить священника, ведь в его устах это высказывание уже не было простым умозаключением, а свидетельством специалиста.

И, покинув кабинет священника, он вернулся домой, чтобы продолжить опись имущества.

Теперь с описью было покончено, и бумаги стопкой сложены там, где Дэнкурт, агент по продаже движимого и недвижимого имущества, сможет найти их, когда явится сюда завтра утром, и для Ричарда Дэниела, выполнившего свой последний долг перед семейством Баррингтонов, наступила пора заняться самим собой.

Он вышел из спальни, закрыл за собой дверь, не спеша спустился по лестнице и направился по коридору в маленькую каморку за кухней, которая была отдана в его полное распоряжение.

И это, в приливе гордости напомнил он себе, гармонично сочеталось с его двойным именем и его шестьюстами годами. Не так уж много роботов имели комнаты, пусть даже маленькие, которые они могли бы назвать своими.

Он вошел в каморку, зажег свет и закрыл за собой дверь.

И впервые взглянул в лицо трудностям задуманного им шага.

Плащ, шляпа и брюки висели на крючке, а под ними на полу были аккуратно поставлены галоши. Сумка с инструментами лежала в углу каморки, деньги были спрятаны под одной из досок пола, где он много лет назад устроил тайник.

Дальше тянуть бессмысленно, сказал он себе. На счету была каждая минута. Путь предстоял долгий, а ему необходимо быть на месте до рассвета.

Он опустился на колени, приподнял едва державшуюся на паре гвоздей доску, засунул под нее руку и вытащил несколько пачек банкнотов, деньги, которые он много лет хранил на черный день.

Там было три пачки банкнотов, аккуратно перетянутых эластичными лентами, — накопленные за долгие годы чаевые, денежные подарки к Рождеству и дню рождения, вознаграждения за кое-какие работы, с которыми он особенно хорошо справился. Он открыл на своей груди дверцу и положил в специальное отделение все деньги, за исключением нескольких бумажек, которые он засунул в набедренный карман.

Сняв с крючка брюки, он принялся надевать их. Нелегкое это было дело, ведь до сих пор он никогда не носил никакой одежды, если не считать

того, что несколько дней назад он примерял эти самые брюки. Ему повезло, подумал он, что давно умерший дядя Майкл был дородным мужчиной, иначе брюки ни за что бы ему не подошли.

Надев брюки, он застегнул молнию и затянул штаны на талии поясом, потом втиснул ноги в галоши. Эти галоши внушали ему некоторое беспокойство. Ведь летом ни один человек не выходит на улицу в галошах. Но он ничего не мог придумать получше. Ни одна пара найденной им в доме обычной обуви даже приблизительно не подходила ему по размеру.

Он надеялся, что никто этого не заметит, у него ведь не было другого выхода. Так или иначе он должен был закрыть свои ступни, потому что, обрати на них кто-нибудь внимание, они сразу же выдадут его с головой.

Он надел плащ, и плащ оказался для него слишком короток, он надел шляпу, и она оказалась тесноватой, но он все-таки натянул ее поглубже, и она плотно села на его металлический череп, и он сказал себе, что это только к лучшему: теперь ее не сорвет даже самый сильный ветер.

Он захватил полную сумку своих запасных частей и инструментов, которыми он почти никогда не пользовался. Быть может, глупо было

брать их с собой, но все это как бы составляло с ним единое целое и по праву должно было последовать за ним. У него было так мало собственных вещей — только деньги, которые он скопил по доллару, да эта его сумка.

Зажав под мышкой сумку, он прикрыл дверь каморки и направился по коридору к выходу.

У массивной парадной двери он в нерешительности остановился и, обернувшись, бросил взгляд вглубь дома, но увидел лишь темную пустую пещеру, из которой исчезло все, что некогда наполняло ее жизнью. Здесь не осталось ничего, что могло бы удержать его, ничего, кроме воспоминаний, а воспоминания он уносил с собой.

Он вышел на крыльцо и закрыл за собой дверь.

И теперь, подумал он, как только за ним закрылась дверь дома, вся ответственность за его будущие поступки легла на его собственные плечи. На нем было надето платье. Он ночью вышел на улицу без разрешения хозяина. И все это было нарушением закона.

Его мог остановить любой полицейский, даже просто первый встречный. У него не было абсолютно никаких прав. И сейчас, когда не осталось никого из Баррингтонов, за него некому было

замолвить слово.

Он спокойно прошествовал по дорожке, открыл ворота и медленно пошел по улице, и ему почудилось, будто дом зовет его и просит вернуться. Его потянуло назад, его сознание твердило, что он должен вернуться, но ноги его упрямо продолжали шагать вперед.

Он одинок, подумал он, и теперь одиночество из мысленной абстракции, которая много дней владела его сознанием, превратилось в действительность. Вот он идет по улице — громоздкое неприкаянное создание, которому в эту минуту не для чего жить, нечего начинать и нечего кончать, некое безликое, беззащитное существо, затерянное в бесконечности пространства и времени.

Но он все шел и шел, и с каждым остававшимся позади кварталом он медленно, точно ощупью, возвращался к своему «я», вновь становился старым роботом в старой одежде, роботом, бегущим из дома, который уже более не был домом.

Он поглубже запахнул на себе плащ и устремился дальше по улице, и сейчас он шел быстро, потому что уже пора было поспешить.

Ему встретились несколько человек, но они не обратили на него внимания. Мимо проезжали

машины, но его никто не побеспокоил.

Он вышел к ярко освещенному торговому центру и остановился, с ужасом вглядываясь в это залитое светом открытое пространство. Он мог обойти его стороной, но на это ушло бы много времени, и он стоял в нерешительности, собираясь с духом, чтобы выйти из мрака.

Наконец он решился и, еще плотнее запахнув плащ и низко надвинув на лоб шляпу, быстрым шагом двинулся вперед.

Кое-кто из покупателей обернулся и посмотрел в его сторону, и он почувствовал, как по спине забегали мурашки. Внезапно галоши показались ему в три раза больше, чем они были на самом деле, и — что его особенно стесняло — при ходьбе они громко и неприятно чавкали.

Он спешил, до конца торговой части улицы оставалось не более квартала.

Раздался пронзительный полицейский свисток, и Ричард Дэниел, подскочив от неожиданности, в панике бросился бежать. Он бежал без оглядки, подгоняемый унизительным, бессмысленным страхом, в развевающемся за спиной плаще, звучно шлепая галошами по тротуару.

Вырвавшись из освещенной полосы, он нырнул в благодатную тьму жилого квартала и побежал

дальше.

Где-то вдалеке завыла сирена, и он, перемахнув через забор, помчался по чьему-то двору. Он прогрохотал по дорожке, по садику, находившемуся позади дома. Откуда-то с визгливым лаем выскочила собака и включилась в общий гвалт погони.

Ричард Дэниел с размаху ударился об изгородь и, пробив ее, прошел насквозь под трескучий аккомпанемент ломающихся прутьев и перекладин. Собака не отставала, и к ней теперь присоединились другие.

Он пересек еще один двор, выбежал из ворот и тяжело затопал по улице. Завернул в другие ворота, пробежал новый двор, опрокинул таз с водой и, наткнувшись на бельевую веревку, разорвал ее в своем безудержном беге.

За его спиной в окнах домов начали вспыхивать огни и захлопали входные двери, выпуская на улицу людей, которым не терпелось узнать, из-за чего весь этот шум и гам.

Он пробежал еще несколько кварталов, ворвался в еще один двор и, забившись в куст сирени, замер и прислушался. Издалека еще доносились редкий собачий лай и крики, но сирены уже не было слышно.

Он преисполнился благодарностью за то, что больше не слышит сирены, благодарностью и стыдом. Ибо он знал, что причиной его панического бегства был он сам; он бежал от призраков, бежал от вины.

Но он поднял на ноги всю округу и был уверен, что и сейчас еще раздаются тревожные телефонные звонки и очень скоро это место наводнят полицейские.

Он потревожил осиное гнездо, и ему необходимо было убраться отсюда подальше. Поэтому он потихоньку вылез из куста сирени и быстро пошел по улице по направлению к окраине.

Наконец он выбрался из города, отыскал шоссе и заковылял по его терявшейся вдали пустынной полосе. Когда появлялись легковая машина или грузовик, он сходил с дороги и степенно шествовал по обочине. Когда же машина или грузовик благополучно проезжали мимо, он снова переходил на свою неуклюжую рысь.

За много миль он увидел огни космопорта. Добравшись наконец туда, он оставил шоссе, подошел к ограде и, стоя в темноте, стал смотреть, что делается по ту сторону.

Группа роботов занималась погрузкой большого звездолета, и там были еще и другие космиче-

ские корабли, темными массами вздымавшиеся из своих шахт.

Он внимательно разглядывал роботов, тащивших тюки со склада через ярко освещенную прожекторами площадку. Это была именно та ситуация, на которую он рассчитывал, хоть и не надеялся, что она так быстро подвернется, — он боялся, что ему придется день-два скрываться, пока не представится такой удобный случай. И хорошо, что он сразу же наткнулся на такие благоприятные обстоятельства, ведь сейчас уже вовсю идет охота на беглого робота в человеческом платье.

Он сбросил плащ, снял брюки и галоши, отшвырнул в сторону шляпу. Из сумки с инструментами он вынул резак, отвинтил кисть руки и вставил резак на ее место. Прорезал в ограде дыру, протиснулся через нее, приделал кисть обратно и положил резак в сумку.

Осторожно ступая в темноте, он подошел к складу, все время держась в его тени.

Все очень просто, сказал он себе. Нужно только выйти на свет, схватить какой-нибудь тюк или ящик, втащить его вверх по трапу и спуститься в трюм. Как только он окажется внутри корабля, ему нетрудно будет отыскать укромное местечко,

где он сможет скрываться до посадки на первую планету.

Он пододвинулся к углу склада, потихоньку выглянул и увидел трудившихся роботов, непрерывной цепью поднимавшихся с тюками груза по трапу и спускавшихся вниз за новой поклажей.

Но их было слишком много, и шли они почти в затылок друг другу. А площадка была слишком ярко освещена. Он никогда не сумеет влиться в этот поток.

И все равно это ничего бы ему не дало, в отчаянии подумал он, ведь между ним и этими гладкими, лоснящимися существами была огромная разница. Он напоминал человека в костюме другой эпохи; со своим шестисотлетним телом он выглядел бы цирковым уродцем рядом с ними.

Он шагнул назад в тень склада, уже зная, что проиграл. Все его самые дерзкие, тщательно разработанные планы, которые он продумал до мельчайших подробностей, пока трудился над инвентаризацией, лопнули как мыльный пузырь.

И все потому, подумал он, что он почти никогда не выходил из дома, был лишен настоящего контакта с внешним миром, не следил за изменениями, которые вносились в тела роботов, отстал

от моды. В своем воображении он рисовал себе, как это произойдет, и вроде бы все учел, а когда пришла пора действовать, все обернулось иначе.

Теперь ему нужно подобрать выброшенную им одежду и поскорее найти какое-нибудь убежище, где он может собраться с мыслями и придумать что-нибудь еще.

За складом раздался неприятный резкий скрежет металла, и он снова выглянул за угол.

Цепь роботов распалась, они стекались к зданию склада, а оставшиеся откатывали трап от грузового люка.

К кораблю, направляясь к лесенке, шли три человека в униформе, и у одного из них в руке была пачка бумаг.

Погрузка была закончена, корабль должен был с минуты на минуту подняться, а он был здесь, в какой-нибудь тысяче футов, и единственное, что ему оставалось, — это стоять и смотреть, как он улетит.

И все-таки непременно должен быть какой-то способ пробраться внутрь, сказал он себе. Если бы он только сумел это сделать, все его невзгоды остались бы позади — по крайней мере, самая большая из грозивших ему неприятностей.

Мысль, внезапно вспыхнувшая в его мозгу, оше-

ломила его, словно пощечина. Был выход из этого положения! Он тут бездельничает, распуская нюни, а между тем все это время у него под носом была возможность осуществить свой план!

Внутри корабля, думал он раньше. А ведь в этом не было никакой необходимости. Ему вовсе не обязательно находиться внутри корабля!

Он бросился бежать назад, в темноту, чтобы, сделав круг, приблизиться к звездолету с другой стороны, не освещенной прожекторами склада. Он надеялся успеть вовремя.

Он с грохотом промчался по космопорту и, подбежав к кораблю, увидел, что, судя по всему, тот еще пока не собирался взлетать.

Как безумный, он начал рыться в своей сумке и наконец нашел то, что искал, — ему раньше и в голову не приходило, что из всего ее содержимого ему когда-нибудь понадобится именно это. Он вытащил круглые присоски и укрепил их на своем теле: по одной на каждом колене, по одной на каждом локте, по одной на каждой подошве и кисти рук.

Он привязал сумку к поясу и полез вверх по огромному стабилизатору, неловко подтягиваясь с помощью присосок. Это было довольно трудно. Ему никогда не приходилось пользоваться при-

сосками, а для этого требовалась определенная сноровка: чтобы с их помощью взобраться повыше, нужно было с силой прижимать одну из них к поверхности стабилизатора и только после этого отцеплять другую.

Но он должен был все это проделать. Другого выхода у него не было.

Он взобрался на стабилизатор, и теперь над ним возвышалось огромное стальное тело звездолета, подобное устремившейся к небу металлической стене, гладкая поверхность которой была рассечена узкой полосой якорных мачт. Перед его глазами мерцала в вышине громада металла, отражавшая слабый, изменчивый свет звезд.

Фут за футом поднимался он по металлической стене. Горбатясь и извиваясь, как гусеница, он полз наверх, испытывая благодарность за каждый завоеванный фут.

Вдруг он услышал приглушенный, постепенно нарастающий грохот, и вместе с грохотом пришел ужас. Он знал, что присоски недолго смогут противостоять вибрации пробуждающихся реактивных двигателей и не выдержат ни секунды, когда корабль начнет подниматься.

Шестью футами выше находилась его единственная надежда — последняя, самая верхняя

якорная мачта.

Потеряв голову, он судорожно стал карабкаться по содрогавшемуся цилиндрическому корпусу корабля, отчаянно цепляясь за его стальную поверхность, точно муха.

Гром двигателей нарастал, вытесняя весь остальной мир, а он все лез вверх в каком-то тумане едва теплившейся, почти мистической надежды. Если он не доберется до этой якорной мачты, то может считать себя погибшим. Упади он в шахту, заполненную раскаленными газами, с ним будет покончено.

Одна из присосок отскочила, и он чуть было не полетел вниз, но другие не подвели, и он удержался.

Забыв об осторожности, он отчаянным броском взметнулся вверх по металлической стене, поймал кончиками пальцев перекладину и, собрав все свои силы, ухитрился уцепиться за нее.

Сейчас грохот уже перешел в яростный пронзительный визг, раздиравший тело и мозг. Немного погодя визг оборвался, уступив место мощному гортанному рычанию, и корабль перестал вибрировать. Уголком глаза он увидел, как покачнулись и поплыли огни космопорта.

Медленно и очень осторожно он стал подтяги-

ваться вдоль стального блока корабля, пока ему не удалось покрепче ухватиться за перекладину, но даже это не избавило его от ощущения, будто чья-то гигантская рука, зажав его в кулаке, яростно размахивает им, описывая стомильную дугу.

Потом рев двигателей смолк, наступила мертвая тишина, и со всех сторон его обступили стальные немигающие звезды. Он знал, что где-то внизу под ним покачивалась Земля, но видеть ее он не мог.

Подтянув свое тело к перекладине, он забросил за нее ногу и, выпрямившись, уселся на корпус корабля.

Никогда ему не приходилось видеть столько звезд, ему и не снилось, что их может быть такое множество. Они были неподвижные и холодные, словно застывшие светящиеся точки на бархатном занавесе; они не мигали, не мерцали, и казалось, будто на него уставились миллионы глаз. Солнце находилось внизу, немного в стороне от корабля, и слева, по самому краю цилиндра, блестел под его лучами безмолвный металл, очерчивая серебристой каймой отраженного света один бок корабля. Земля была далеко за кормой — висевший в пустоте призрачный зеленовато-голубой шар в клубящемся ореоле атмосферы.

Предоставленный самому себе, Ричард Дэниел сидел на металлическом корпусе набиравшего скорость звездолета, и все его существо преисполнилось ощущением таинственности, неизъяснимого наслаждения, ощущением одиночества и заброшенности, и его сознание, защищаясь от этого, сжалось в маленький, полный смятения плотный шарик.

Он смотрел. Больше ему нечем было занять себя. Теперь уже все в порядке, подумал он. Но как долго придется ему смотреть на это? Сколько времени должен он провести здесь, в открытом пространстве, — самом смертоносном из всех пространств?

Только сейчас до него дошло, что он не имел ни малейшего представления о том, куда направляется корабль и сколько времени продлится полет. Он знал, что это был звездолет, а это означало, что корабль держит путь за пределы Солнечной системы, это означало, что в какой-то момент полета он войдет в гиперпространство. Вначале с чисто академическим интересом, а потом уже с некоторым страхом он принялся размышлять над тем, как может повлиять гиперпространство на ничем не защищенный объект. Впрочем, сейчас еще рано об этом беспокоиться, философски

рассудил он, придет время, когда это выяснится само собой, ведь все равно он не в силах что-либо предпринять.

Он снял со своего тела присоски, положил их в сумку, потом одной рукой привязал сумку к металлической перекладине и, порывшись в ней, достал короткий кусок стального троса с кольцом на одном его конце и карабином на другом. Он перебросил конец с кольцом через перекладину, протянул другой конец с карабином сквозь кольцо и, обвив себя тросом, защелкнул карабин под мышкой. Теперь он был в безопасности; он уже мог не бояться, что, сделав неосторожное движение, оторвется от корабля и уплывет в пространство.

Вот он и устроился не хуже других, подумал Ричард Дэниел: мчится с огромной скоростью, и что с того, что даже не знает куда, — нужно только запастись терпением. Он вдруг почему-то вспомнил, что сказал ему на Земле священник. «Терпение, смирение и молитвы», — сказал тот, видимо упустив из виду, что терпение робота неиссякаемо.

Ричард Дэниел знал, что пройдет много времени, пока он прибудет на место. Но времени у него было предостаточно, намного больше, чем у

любого человеческого существа, и он вполне мог истратить некоторую его часть впустую. Он прикинул, что у него не было никаких потребностей — он не нуждался ни в пище, ни в воздухе, ни в воде, он не нуждался в сне и отдыхе. Ему ничто не могло повредить.

Однако, если вдуматься, не исключено, что все-таки возникнут кое-какие неприятности.

Во-первых, холод. Поверхность звездолета была пока еще очень теплой благодаря нагретому солнцем боку, откуда тепло по металлической обшивке распространялось на теневую часть корпуса, но наступит момент, когда солнце настолько уменьшится в размере, что перестанет греть, и он будет обречен на лютый космический холод.

А как подействует на него холод? Не станет ли его тело хрупким? Не повлияет ли он на функции его мозга? А может, он сотворит с ним что-то такое, о чем он даже и не догадывается?

Он почувствовал, что к нему вновь подползает страх, попытался оттолкнуть его, и страх подобрал свои щупальца, но не ушел совсем, затаившись на самой границе сознания.

Холод и одиночество, подумал он. Но ведь он в силах совладать с одиночеством. А если он

не сумеет с ним справиться, если одиночество окажется невыносимым, если ему станет невтерпеж, он забарабанит по корпусу корабля, и тогда наверняка кто-нибудь выйдет посмотреть, в чем дело, и втащит его внутрь.

Но на это его может толкнуть только безысходное отчаяние, сказал он себе. Ведь если они выйдут из корабля и обнаружат его, он пропал. Стоит ему прибегнуть к этой крайней мере, и он лишится всего — его побег с Земли потеряет всякий смысл.

Поэтому он расположился поудобнее и стал терпеливо ждать, пока истечет положенное время, не давая притаившемуся страху переползти через порог сознания и во все глаза разглядывая раскинувшуюся перед ним Вселенную.

Вновь заработали моторы, на корме бледно-голубым светом замерцали реактивные двигатели, и, даже не ощущая ускорения, он понял, что корабль начал свой долгий трудный разгон к скорости света.

Достигнув этой скорости, они войдут в гиперпространство. Он заставлял себя не думать об этом, пытался внушить себе, что ему нечего бояться, но он не желал исчезать, этот величественный призрак неведомого.

Солнце становилось все меньше, пока не превратилось в одну из звезд, и пришло время, когда он уже не мог отыскать его среди других светил. И холод вступил в свои права, но, похоже, это ему ничем не грозило, хоть он и чувствовал, что похолодало.

Быть может, то же самое будет и с гиперпространством, сказал он себе, как бы отвечая мучившим его страхам. Но это прозвучало неубедительно. Корабль все мчался и мчался вперед, и роковой синевой отливала поверхность его двигателей.

И в какой-то момент его мозг вдруг выплеснулся во Вселенную.

Он сознавал, что существует корабль, но лишь постольку, поскольку это было связано с осознанием многого другого; не было якорной мачты, и он более не владел своим телом. Он разметался по Вселенной; был вскрыт и раскатан в тончайшую пленку. Он одновременно был в дюжине, а может, и в сотне мест, и это очень смущало его, и первым побуждением его было как-то противостоять тому неведомому, что может с ним произойти, — одолеть это и собрать себя. Но сопротивление ничего ему не дало, стало даже еще хуже, потому что порой ему казалось, что,

сопротивляясь, он лишь сильнее растягивает в стороны свое существо, увеличивая расстояние между его частями, и от этого он испытывал все большую неловкость.

И он отказался от борьбы и теперь лежал неподвижно, рассыпавшийся на множество осколков; страх постепенно оставлял его, и он сказал себе, что теперь ему все безразлично, тут же усомнившись, так ли это на самом деле.

Постепенно, по капле, к нему возвращался разум, и, вновь обретя способность мыслить, он довольно безучастно подумал о том, что, возможно, это и есть гиперпространство, впрочем, уже уверенный, что не ошибся. И он знал, что, если это правда, ему очень долго придется существовать в таком состоянии; пройдет много времени, пока он привыкнет к нему и научится ориентироваться, пока сможет найти себя и собрать воедино, пока поймет до конца, что с ним происходит, если это вообще доступно пониманию.

Поэтому он лежал там без особых переживаний, без страха и удивления, словно бы отдыхая и поглощая информацию, которая отовсюду беспрепятственно вливалась в его существо.

Каким-то необъяснимым образом он сознавал, что тело его — та оболочка, в которой ютилась

небольшая часть его нынешнего существа, — по-прежнему было прочно привязано к кораблю, и он знал, что понимание этого уже само по себе было первым маленьким шагом к определению своего состояния. Он знал, что ему необходимо было как-то сориентироваться. Он непременно должен был если не понять, то хотя бы по возможности освоиться с создавшимся положением.

Он раскрылся, и существо его раздробилось, рассыпалось — та важнейшая его часть, которая чувствовала, знала и мыслила; тончайшей субстанцией раскинулся он по Вселенной, грозной и необъятной.

Ему захотелось узнать, такова ли она всегда, эта Вселенная, или сейчас перед ним была иная, освобожденная Вселенная, мятежная Вселенная, сбросившая оковы размеренного порядка, пространства и времени.

Так же медленно и осторожно, как он недавно полз по поверхности корабля, он начал постепенно подбираться к разметавшимся по Вселенной осколкам своего существа. Он действовал интуитивно, повинуясь каким-то неосознанным импульсам, но казалось, что все идет так, как нужно, ибо мало-помалу он вновь обретал власть над собой и ему наконец удалось собрать в несколько

островков рассыпавшиеся части своего «я».

На этом он остановился и теперь лежал там, неведомо где, пытаясь украдкой завладеть этими островками разума, из которых, как он полагал, состояло его существо.

У него это получилось не сразу, но потом он приноровился, и неведомое начало отступать, хотя его по-прежнему не покидало сознание невероятности происходящего. Он попробовал осмыслить это, и оказалось, что это не так-то легко. Он лишь сумел представить себе, что вместе со всей Вселенной на волю вырвался и он сам, что пали цепи рабства, которыми опутывал его другой, нормальный и упорядоченный мир, и он более не был подвластен законам пространства и времени.

Он мог видеть, и познавать, и чувствовать независимо от расстояний, если можно было употребить здесь это слово, и он понимал самую суть некоторых явлений, о которых никогда раньше даже не думал, понимал инстинктивно, не находя для этого словесного выражения, не умея объединить эти явления и почерпнуть из них какую-нибудь определенную информацию.

Снова перед ним, уходя в бесконечность, раскинулась Вселенная, и это была иная, в каком-то

смысле более совершенная Вселенная, и он знал, что со временем — если сейчас существовало такое понятие, как время, — он лучше освоится с ней и приоткроет завесу неведомого.

Он исследовал, изучал, ощущал, а вместо того, что именовалось временем, было необъятное всегда.

Он с жалостью думал о тех, кто был заперт внутри корабля, кому не дано было постичь истинное великолепие звезд, о тех, кто был лишен возможности проникнуть в безграничные дали и чье видение мира никогда не выйдет за пределы плоской галактической равнины.

И вместе с тем он даже не знал, что именно он видел и познавал; он только ощущал, впитывал и становился частью этого нечто, а оно становилось частью его самого — его сознание, казалось, было бессильно придать этому четкую форму определенного явления, измерить, уяснить сущность. Могущественным и подавляющим было это нечто, настолько, что оно по-прежнему оставалось для него расплывчатым и туманным. Он не испытывал ни страха, ни удивления, ибо там, где он находился, видимо, не существовало ни того ни другого. И в конце концов он понял, что это был как бы потусторонний мир, не подчи-

нявшийся нормальным законам пространства и времени, мир, в котором не было места обычным эмоциям, и в распоряжении существа, привыкшего к иным канонам пространства и времени, не было никаких инструментов, никакого измерительного прибора, с помощью которых оно смогло бы свести все это к категориям, доступным познанию.

Не было ни времени, ни пространства, ни страха, ни удивления — так же как и настоящего прозрения.

А потом вновь вдруг возникло время, и разум его был втиснут обратно в металлическую клетку черепа, и он слился со своим телом, опять стал скованным, жалким, нагим и замерзшим.

Он увидел иные созвездия и понял, что его занесло далеко от родных мест, а впереди на черном фоне неба, точно расплавленный в горне металл, пылала звезда.

Растерянный, он сидел там, снова превратившись в ничтожную песчинку, а Вселенная уменьшилась до размеров небольшого свертка.

Он деловито проверил состояние троса, который соединял его с кораблем, и трос оказался в полном порядке. Его сумка с инструментами, как и раньше, была привязана к перекладине. Ничто

не изменилось. Он попытался восстановить в памяти все великолепие виденного, попытался вновь подобраться к границе познания, еще недавно столь близкой, но это великолепие и то, что он познал — если он на самом деле тогда что-нибудь познал, — все ушло в небытие.

Он бы заплакал, но плакать он не мог, а преклонный возраст не позволял ему броситься в припадке отчаяния на поверхность корабля и заколотить пятками.

Поэтому он продолжал сидеть на своем месте, глядя на солнце, к которому они приближались, и наконец появилась планета, и он понял, что она и была конечной целью их путешествия; ему даже захотелось узнать, что это за планета и на каком она находится расстоянии от Земли.

Тело его немного нагрелось, когда корабль, чтобы быстрее погасить скорость, несколько раз пронесся сквозь атмосферу, и он пережил несколько довольно неприятных минут, когда корабль ввинтился в густой непроницаемый туман, который, несомненно, не имел ничего общего с атмосферой Земли.

Он изо всех сил вцепился в перекладину и висел так, пока в вихре раскаленного газа, вырывавшегося из сопл реактивных двигателей,

корабль мягко опускался на поле космопорта. Корабль приземлился благополучно. Ричард Дэниел быстро слез с корабля и успел нырнуть в туман, прежде чем его кто-либо заметил.

Очутившись в безопасности, он обернулся и взглянул на корабль, и, несмотря на то что корпус скрывали облака клубившихся газов, он его отчетливо видел, но не как сооружение, а как схему. Он в недоумении уставился на нее: что-то неладное было в этой схеме, что-то было не так, где-то в ней была ошибка, неправильность.

Он услышал лязг приближавшихся грузовых тележек; схема схемой, а задерживаться больше не следовало.

Он медленно вошел в гущу тумана и начал кружить по полю, все дальше уходя от корабля. Наконец он выбрался к границе космопорта, за которой начинался город.

Он неторопливо побрел и внезапно обнаружил, что город был не город в привычном понимании этого слова.

Ему повстречалось несколько спешивших куда-то роботов, которые промчались мимо слишком быстро, чтобы по их виду можно было что-нибудь понять. Но он не встретил ни одного человека.

И вдруг он сообразил, что в этом-то и заключа-

лась странность города. Это был не человеческий город.

Здесь не было зданий, предназначавшихся для людей, — не было ни магазинов, ни жилых домов, ни церквей, ни ресторанов. Были лишь длинные, уродливые бараки, сараи для хранения оборудования и машин, огромные, занимавшие обширные площади склады и гигантские заводы. И больше ничего. По сравнению с улицами, которые ему случалось видеть на Земле, это место было унылым и голым.

Он понял, что это был город роботов. И планета роботов. Мир, который был закрыт для людей, место, не пригодное для их существования, но в то же время настолько богатое какими-то природными ископаемыми, что само напрашивалось на разработку. И проблема разработки была решена очень просто — ее поручили роботам.

Какая удача, сказал он себе. Ему повезло и в этом. Он попал туда, где в его жизнь не будут вмешиваться люди. Здесь, на этой планете, он будет предоставлен самому себе.

Но к этому ли он стремился, спросил он себя, потому что раньше ему некогда было поразмыслить на эту тему. Он был слишком поглощен своим бегством с Земли, чтобы как следует вдуматься

в это. Он отлично сознавал, от чего он бежит, но не отдавал себе отчета, к чему его бегство может привести.

Он прошел еще немного, и город кончился. Улица превратилась в тропинку, которая терялась в колыхавшемся под ветром тумане.

Он вернулся назад.

Он помнил, что на одном из бараков висела вывеска «ДЛЯ ПРИЕЗЖИХ», и решил зайти туда.

Внутри барака за письменным столом сидел старинный робот. У него было старомодное и чем-то очень знакомое тело. И Ричард Дэниел понял, что знакомым оно казалось потому, что было таким же старым, облезлым и несовременным, как и его собственное.

Несколько опешив, он присмотрелся повнимательнее и увидел, что, несмотря на большое сходство, тело робота в мелочах отличалось от его тела. Видимо, более новая модель, выпущенная лет эдак на двадцать позже.

— Добрый вечер, незнакомец, — произнес древний робот. — Ты прибыл к нам на этом корабле?

Ричард Дэниел кивнул.

— Поживешь у нас до прилета следующего?

— Может быть, я поселюсь у вас, — ответил Ричард Дэниел. — Если я надумаю здесь остаться.

Древний робот снял с крючка ключ и положил его на стол.

— Ты чей-нибудь представитель?

— Нет, — ответил Ричард Дэниел.

— А я было подумал, что ты кого-нибудь представляешь. Люди не могут находиться здесь или же просто не хотят, поэтому они присылают вместо себя роботов.

— У вас здесь много приезжих?

— Хватает. Большей частью эти самые представители. Но есть и беглые, которые ищут у нас убежища. Могу поручиться, мистер, что ты из них.

Ричард Дэниел промолчал.

— Не беспокойся, для нас это не имеет значения, — заверил его древний робот. — Только веди себя прилично. Некоторые из наших наиболее уважаемых граждан прибыли сюда, спасаясь бегством.

— Очень мило, — сказал Ричард Дэниел. — А как насчет тебя? Должно быть, ты тоже из беглых?

— Ты судишь по моему телу? Ну, тут дело обстоит несколько иначе. Это наказание.

— Наказание?

— Видишь ли, я был старшим грузчиком при складе и порядком бездельничал. Поэтому они

уволили меня, устроили суд и признали виновным. Потом они воткнули меня в это старое тело, и мне придется торчать в нем на этой вонючей работе, пока не найдется другой преступник, которого следует наказать. Они могут наказывать только по одному преступнику зараз, потому что у них есть только одно-единственное устаревшее тело. С этим телом получилась забавная история. Один из наших ребят по делам службы отправился в командировку на Землю, нашел там на свалке эту кучу металлолома и, возвращаясь домой, прихватил ее с собой — видно, для смеха. Знаешь, вроде того как иногда люди для смеха приобретают скелет.

Он пристально, с хитрецой посмотрел на Ричарда Дэниела.

— Сдается мне, незнакомец, что твое тело…

Но Ричард Дэниел не дал ему кончить.

— Судя по всему, — сказал он, — у вас не так-то много преступников.

— Что правда, то правда, — с грустью признал древний робот, — в основном коллектив у нас крепкий.

Ричард Дэниел потянулся за ключом, но древний робот прикрыл ключ рукой.

— Раз ты беглый, — заявил он, — придется тебе

уплатить вперед.

— Я заплачу за неделю, — сказал Ричард Дэниел, давая ему деньги.

Робот отсчитал сдачу.

— Я забыл предупредить тебя. Тебе нужно будет пройти пластикацию.

— Пластикацию?

— Да. Тебя должны покрыть слоем пластика. Он защищает от воздействия атмосферы. Она черт-те что творит с металлом. Это тебе сделают в соседнем доме.

— Спасибо. Я немедленно этим займусь.

— Пластик быстро снашивается, — добавил древний робот. — Тебе придется обновлять его почти каждую неделю.

Ричард Дэниел взял ключ и, пройдя по коридору, нашел свой номер. Он отпер дверь и вошел. Комнатка оказалась маленькой, но опрятной. Вся ее обстановка состояла из письменного стола и стула.

Он бросил в угол свою сумку, сел на стул и попытался почувствовать себя дома. Но у него ничего не получилось, и это было очень странно — разве он только что не снял для себя дом?

Он сидел, погрузившись в воспоминания и пытаясь пробудить в себе чувство радости и тор-

жества, ведь ему так ловко удалось замести свои следы. Но тщетно.

Возможно, ему не подходит это место, подумал он, и он был бы более счастлив на какой-нибудь другой планете. Не вернуться ли на корабль и не посмотреть ли, что делается на следующей планете?

Он еще успеет, если поспешит. Нужно поторопиться, потому что корабль, покончив с выгрузкой товаров, предназначавшихся для этой планеты, и погрузив новые, тут же улетит.

Он поднялся со стула, не приняв еще окончательного решения.

И вдруг он вспомнил, как, стоя в водовороте тумана, он смотрел на корабль и тот предстал перед ним в виде схемы, и когда он подумал об этом, в мозгу его что-то щелкнуло, и он ринулся к двери.

Теперь ему стало ясно, какая ошибка была в схеме корабля: был неисправен клапан инжектора. Он должен успеть туда до того, как корабль поднимется.

Он выбежал из двери и пронесся по коридору. Вихрем промчался через вестибюль и выскочил на улицу, по дороге мельком взглянув на испуганное лицо древнего робота. Тяжело топая по направлению к космопорту, он пытался вспом-

нить схему, но не мог представить ее целиком — в памяти всплывали лишь отдельные фрагменты, восстановить ее полностью не удавалось.

И в тот момент, когда все его мысли были заняты восстановлением схемы, он услышал гром заработавших двигателей.

— Подождите! — закричал он. — Подождите меня! Вы не можете…

Яркая вспышка света в мгновение преобразила мир, ставший вдруг ослепительно белым, из ниоткуда со свистом налетела могучая невидимая волна, закружила и отшвырнула его назад с такой силой, что он упал. Он покатился по булыжной мостовой, и от ударов металла о камень во все стороны полетели искры. Белизна стала такой невыносимо яркой, что он чуть не ослеп, потом она быстро померкла и мир погрузился во тьму.

Он со звоном ударился о какую-то стену и остался лежать, ослепленный вспышкой, а мысли его, суетясь и обгоняя друг друга, неслись вслед ускользающей схеме.

Откуда эта схема? — подумал он. Почему он увидел схему корабля, на котором пересек космос, схему, показавшую ему неисправный инжектор? И как это получилось, что он узнал инжектор и даже заметил его неисправность? Дома, на Земле,

Баррингтоны частенько подшучивали над тем, что он, будучи сам механическим агрегатом, не имел никакой склонности к технике. И вот он мог бы спасти тех людей и корабль — мог бы спасти их всех, если бы вовремя понял значение схемы. Но он оказался тугодумом и тупицей, и теперь все они погибли.

Мрак перед его глазами рассеялся, и, вновь обретя зрение, он медленно поднялся на ноги и ощупал свое тело в поисках повреждений. Если не считать одной-двух вмятин, он совсем не пострадал.

Роботы бежали к космопорту, где пылали пожары и взрывом были уничтожены все строения.

Кто-то потянул его за локоть, и он обернулся. Это был древний робот.

— Тебе здорово повезло, — сказал древний робот. — Вовремя же ты убрался оттуда.

Ричард Дэниел молча кивнул, и неожиданно его поразила ужасная мысль: а вдруг они решат, что это его работа? Он ушел с корабля; он признался, что сбежал; он ни с того ни с сего выскочил из дома за несколько секунд до взрыва. Не так уж сложно все это увязать и прийти к выводу, что он устроил на корабле диверсию, а потом, раскаявшись, бросился в последний момент обратно,

чтобы исправить содеянное. На первый взгляд все это выглядело чертовски убедительно.

Но пока еще ничего не произошло, успокоил себя Ричард Дэниел. Ведь знал об этом один только древний робот — он был единственным, с кем он разговаривал, единственным, кто знал о его прибытии в город.

Есть выход, подумал Ричард Дэниел, есть очень простой выход. Он отогнал эту мысль, но она вернулась. Ты сам себе хозяин, настойчиво повторяло сознание. Ты все равно уже нарушил человеческий закон. А нарушив его, ты поставил себя вне закона. Стал изгоем. Для тебя теперь существует один-единственный закон — закон самозащиты.

Но есть же еще закон роботов, возразил себе Ричард Дэниел. В этой общине есть свои законы и суды. Есть правосудие.

Это закон общины, зудела пиявка, присосавшаяся к его мозгу, местный закон, который значит не многим больше закона племени, — и чужак по нему всегда не прав.

Ричард Дэниел почувствовал, как его захлестывают холодные волны страха, и понял, даже не вдумываясь, что пиявка была права.

Он повернулся и пошел по улице к бараку для

приезжих. В темноте его нога за что-то зацепилась, и он споткнулся и упал. Кое-как взгромоздившись на колени, он стал шарить руками по булыжникам, пытаясь найти предмет, свалив-ший его с ног. Это был тяжелый стальной прут, один из обломков, заброшенный сюда взрывом. Стиснув в кулаке конец прута, он встал.

— Вот незадача, — сказал древний робот. — Тебе следует быть поосторожнее.

И в этих словах прозвучала едва уловимая двусмысленность, намек на что-то невысказанное, ехидный намек на какую-то тайну.

Ты ведь нарушил другие законы, бубнила пиявка в мозгу Ричарда Дэниела. А не нарушить ли еще один? И почему, если понадобится, не нарушить еще сотню? Все или ничего. Зайдя так далеко, ты не можешь допустить, чтобы все сорвалось. Теперь ты уже не можешь позволить, чтобы кто-нибудь стал на твоем пути.

Древний робот отвернулся, и Ричард Дэниел поднял стальной прут, но вдруг древний робот из робота превратился в схему. Ричард Дэниел увидел все мельчайшие внутренние детали, весь механизм шагавшего впереди него робота. И если разъединить вот эти проволочки, если пережечь вот эту катушку, если…

Стоило ему об этом подумать, как вместо схемы опять возник робот, спотыкающийся робот, который, пошатнувшись, с грохотом рухнул на булыжник.

Ричард Дэниел в страхе завертел головой, оглядывая улицу, но поблизости никого не было.

Он вновь повернулся к упавшему роботу и не спеша опустился рядом с ним на колени. Осторожно положил прут на землю. И почувствовал огромную благодарность — ведь каким-то чудом он не совершил убийства.

Робот неподвижно распростерся на булыжнике. Когда Ричард Дэниел поднял его, тело робота безжизненно повисло. И вместе с тем с ним не случилось ничего особенного. Чтобы вернуть его к жизни, нужно было всего-навсего исправить нанесенные его механизму повреждения. А в таком состоянии он был столь же безвреден, как и мертвый, подумал Ричард Дэниел.

Он стоял с роботом на руках, раздумывая, куда бы его спрятать. Вдруг он заметил проход между двумя зданиями и решительно направился туда. Он увидел, что одно из зданий стояло на уходивших в землю подпорках и между ним и землей было свободное пространство высотою в фут или около того. Он стал на колени и подсунул робота

под здание. Потом поднялся и отряхнул со своего тела грязь и пыль.

Вернувшись в свою комнатушку в бараке, он нашел какую-то тряпку и счистил остатки грязи. И крепко задумался.

Он увидел корабль в виде схемы, но, не поняв ее значения, ничего в ней не изменил. Только что он увидел внутреннее устройство древнего робота и сознательно воспользовался этим, чтобы спасти себя от преступления — от убийства, которое он уже готов был совершить.

Но как он это сделал? Казалось, существует только один ответ: он вообще ничего не сделал. Просто подумал, что нужно разъединить две проволочки, пережечь одну-единственную катушку, — и только он подумал об этом, как это свершилось.

Может, он и не видел никакой схемы. Может, это было всего лишь результатом психологического процесса, синтезом его наблюдений и ощущений. Он задумался над причиной появления у себя необыкновенной способности видеть устройства как бы без их внешних оболочек. Подсознательно, по аналогии нашел объяснение, которое до поры до времени вполне его удовлетворяло.

Он вспомнил, что нечто подобное испытал в гиперпространстве. Ему пришлось увидеть там много непонятного. И в этом-то и заключается ответ, взволнованно подумал он. В гиперпространстве с ним что-то произошло. Наверное, оно каким-то образом расширило границы его восприятия. Возможно, у него появилась способность видеть в иных измерениях, то есть у его сознания появилось новое свойство.

Он вспомнил, как еще на первом корабле ему захотелось заплакать, когда он забыл все великолепие виденного и то, что он познал. Но теперь он понял, что рано было лить слезы. Ибо кое-что все-таки осталось. Он теперь по-новому воспринимал действительность и мог, пусть вслепую, пользоваться этим — не важно, что он пока еще не знал толком, к чему применить эту способность: это не имело значения.

Главное, что он владел этим и мог этим пользоваться, и для начала этого было достаточно.

Откуда-то из передней части барака донесся чей-то крик, и он вдруг сообразил, что крик звучит уже давно…

— Хьюберт, где ты? Ты здесь, Хьюберт? Хьюберт… Хьюберт!

Не имя ли это древнего робота? Может, они уже

хватились его?

Ричард Дэниел вскочил на ноги, растерянно прислушиваясь к этому голосу. А потом уселся обратно. Пусть покричат, сказал он себе. Пусть выйдут и поищут его. В этой комнатушке он в безопасности. Он заплатил за нее, и сейчас она была его домом, и никто не осмелится ворваться к нему.

Но это был не дом. Как ни старался он убедить себя, он не чувствовал себя дома. Дома у него не было.

Домом была Земля, подумал он. Но не вся Земля, а только одна определенная улица, и эта часть Земли была навсегда для него закрыта. Она закрылась для него со смертью доброй старой леди, которая пережила свое время; она закрылась для него в тот момент, когда он покинул свой дом и бежал.

Он был вынужден признаться себе, что ему нет места ни на этой планете, ни на какой другой. Его место на Земле с Баррингтонами, а это было недостижимо.

Он подумал, что, может быть, ему все-таки стоило остаться на Земле и подвергнуться переделке. Он вспомнил, что сказал адвокат о воспоминаниях, которые могут обернуться бременем и мукой.

В конце концов, не разумнее ли было начать все сначала?

На какое он мог рассчитывать будущее со своим устаревшим телом и устаревшим мозгом? С телом, которое на этой планете служит для роботов тюрьмой? И таким мозгом — впрочем, с мозгом дело обстояло иначе, ведь теперь у него появилось новое качество, которое компенсировало недостаток любых других новейших усовершенствований.

Он сидел и прислушивался и вдруг услышал голос дома — преодолевая световые годы пространства, несся к нему зов дома, который молил его вернуться. И он увидел поблекшую гостиную с отпечатком былого величия канувших в вечность лет. Он с болью вспоминал маленькую каморку за кухней, которая принадлежала ему одному.

Он встал и заходил по комнате — три шага, поворот, еще три шага, новый поворот и снова три шага.

Его обступили видения, запахи, звуки дома, окружили, обволокли, и ему отчаянно захотелось узнать, не одарило ли его гиперпространство таким могуществом, что он мог бы усилием воли перенестись на знакомую улицу.

При этой мысли он содрогнулся, испугавшись, что это может произойти. А может быть, испугавшись самого себя, того запутавшегося в противоречиях существа, каким он был теперь, — не преданного, начищенного до блеска слуги, а безумца, который путешествовал снаружи космического корабля, который чуть было не убил другое существо, который выстоял перед лицом непередаваемых ужасов гиперпространства и вместе с тем трусливо отступал при встрече с воспоминаниями.

Он подумал, что ему неплохо было бы прогуляться. Осмотреть город, познакомиться с его окрестностями. К тому же, пытаясь занять свои мысли чем-то конкретным, он вспомнил, что, как его недавно предупредили, ему необходимо подвергнуться пластикации.

Он вышел из комнаты, быстро прошел по коридору, а когда он уже пересекал вестибюль, его кто-то окликнул.

— Хьюберт, — произнес чей-то голос, — где ты пропадал? Я жду тебя целую вечность.

Ричард Дэниел резко обернулся и увидел сидевшего за письменным столом робота. В углу, прислонившись к стене, стоял другой робот, а на столе лежал обнаженный роботов мозг.

— Ведь ты Хьюберт, верно? — спросил тот, что сидел за столом.

Ричард Дэниел открыл рот, но слова застряли у него в горле.

— Я так и думал, — проговорил робот. — Ты, видно, меня не узнал. Я Энди. Меня послал судья для того, чтобы привести в исполнение приговор. Он решил, что чем раньше мы с этим управимся, тем лучше. Он сказал, что ты отбыл положенный срок и обрадуешься, когда узнаешь, что они приговорили другого.

Ричард Дэниел испуганно посмотрел на лежавший на столе обнаженный мозг.

Робот указал на стоявшее в углу металлическое тело.

— Оно теперь поприличнее, чем тогда, когда тебя из него извлекли, — с хриплым смешком сказал он. — Его подремонтировали и разгладили все вмятины. И даже немного модернизировали. В соответствии с последней моделью. У тебя будет отменное тело, получше, чем до того, как тебя запихнули в это чудовище.

— Не знаю, что и сказать, — заикаясь, выдавил из себя Ричард Дэниел. — Понимаешь, я не…

— Все в порядке, можешь не благодарить! — радостно воскликнул робот. — Ты ведь отсидел

даже лишнее — судья не собирался упрятать тебя на такой долгий срок.

— Все-таки спасибо, — сказал Ричард Дэниел. — Большое спасибо.

Он удивился самому себе, был поражен той легкостью, с которой произнес эти слова, озадачен собственной хитростью и лицемерием.

Стоит ли отказываться, если они навяжут ему это тело? Больше всего на свете он нуждался сейчас в новом теле!

Судьба по-прежнему была за него, подумал Ричард Дэниел. Ему снова повезло. Ведь ему не хватало только этого, чтобы окончательно замести свои следы.

— Его покрыли новым слоем пластика и подправили все, что нужно, — сообщил Энди. — Ганс потрудился сверх нормы.

— Тогда приступим к делу, — потребовал Ричард Дэниел.

Другой робот ухмыльнулся.

— Вполне понятно, что тебе не терпится выбраться из этого тела. Наверное, это отвратительно — жить в такой куче металлолома.

Выйдя из-за стола, он приблизился к Ричарду Дэниелу.

— Иди в угол, — сказал он, — и получше обо-

прись о стену. Недоставало, чтобы ты брякнулся на пол, когда я разъединю контакт. Стоит один разок свалиться как следует, и это тело развалится на куски.

— Ладно, — согласился Ричард Дэниел.

Он прошел в угол, прислонился к стене и как следует уперся ногами в пол.

Он пережил довольно страшный момент, когда Энди отсоединил его зрительный нерв и он ослеп. И он почувствовал сильный приступ тошноты, когда его черепная коробка отделилась от туловища, а когда Энди отсоединил все остальное, он струсил окончательно.

Теперь он был серым комком, без тела, без головы, без глаз и всего прочего. От него остался лишь клубок мыслей, которые переплелись, словно черви в ведре, и это ведро болталось где-то в небытии.

Его затопил страх, непередаваемый кошмарный страх. А что, если все это подстроено? Вдруг они узнали, кто он на самом деле и что он сделал с Хьюбертом? Что, если они возьмут его мозг да куда-нибудь спрячут на один-два года, а то и на целую сотню лет? И это будет только простым отправлением их правосудия, подумал он.

Он переключился на себя и попытался побо-

роть страх, но страх то набегал, то откатывался, точно волны.

А время все тянулось и тянулось — тянулось слишком долго, его прошло намного больше, чем требовалось на пересадку мозга из одного тела в другое. Хотя не исключено, что это ему только кажется, пытался он себя успокоить. Ведь в его теперешнем положении у него не было никакой возможности измерить время. У него не было никаких контактов с внешним миром, которые могли бы помочь ему определить время.

Потом вдруг у него появились глаза.

И он понял, что все идет как надо.

Постепенно к нему вернулись все ощущения, у него снова было тело, и в этом непривычном теле он чувствовал себя неловко.

Первым, что он увидел, было его старое, изношенное тело, стоявшее в углу, и при виде его он исполнился острой жалости, и ему пришло в голову, что он сыграл с этим телом злую шутку. Он сказал себе, что оно заслужило лучшую долю — лучшую долю, чем быть брошенным на этой чужой планете и превратиться в захудалую тюрьму. Оно прослужило ему верой и правдой шестьсот лет, и он не имел права покинуть его. Но он его покидал. Он становился прямо-таки

настоящим специалистом по расставанию со старыми друзьями, с презрением подумал Ричард Дэниел. Сперва на Земле он покинул дом, а теперь бросает на произвол судьбы свое верное тело.

И тут он вспомнил кое-что другое — вспомнил про деньги, которые были спрятаны в старом теле.

— Что с тобой, Хьюберт? — спросил Энди.

Их нельзя там оставить, сказал себе Ричард Дэниел, ведь они ему нужны. А кроме того, оставь он деньги в старом теле, их кто-нибудь потом найдет, и это выдаст его. Он не мог их там оставить, а прямо заявить на них свои права было, пожалуй, опасно. Если он так поступит, этот робот, этот Энди решит, что он воровал на работе или занимался каким-нибудь побочным бизнесом. Он мог попробовать подкупить Энди, но никогда не знаешь, чем такое может кончиться. Энди вполне мог оказаться праведником, и тогда не оберешься неприятностей. И вдобавок он не имел никакого желания расстаться даже с частью денег.

Вдруг его осенило — он уже знал, что ему следует сделать. И еще не додумав эту мысль до конца, он превратил Энди в схему.

Вот этот контакт, подумал Ричард Дэниел, протягивая руку, чтобы подхватить падающую

схему, которая снова стала роботом. Он мягко опустил его на пол и бросился через комнату к своему старому телу. За какие-нибудь несколько секунд он без труда открыл ящичек на груди, достал деньги и запер их в своем новом теле.

Потом он заново превратил лежавшего на полу робота в схему и наладил поврежденный контакт.

Пошатываясь, Энди неловко поднялся с пола и со страхом взглянул на Ричарда Дэниела.

— Что со мной было? — испуганным голосом спросил он.

Ричард Дэниел удрученно покачал головой.

— Не знаю. Просто ты взял да и упал на пол. Я было побежал к двери, чтобы позвать на помощь, но ты зашевелился и пришел в себя.

Энди был ошеломлен.

— Никогда в жизни со мной не случалось ничего подобного, — проговорил он.

— На твоем месте, — посоветовал Ричард Дэниел, — я бы попросил, чтобы хорошенько проверили весь твой механизм. Должно быть, у тебя реле с дефектом или барахлит какой-нибудь контакт.

— Пожалуй, я так и сделаю, — согласился Энди. — Ведь это опасно.

Он медленно подошел к столу, взял другой мозг и направился с ним к стоявшему в углу потрепанному телу.

Внезапно он остановился и воскликнул:

— Послушай-ка, чуть было не забыл! Меня просили кое-что передать тебе. Беги на склад. На подходе еще один корабль. Он сядет с минуты на минуту.

— Еще один и так быстро?

— Ты же знаешь, как это бывает, — с негодованием произнес Энди. — Когда дело касается нас, они не берут себе за труд придерживаться расписания. Мы месяцами не видим ни одного корабля, а потом являются два, а то и три сразу.

— Что ж, спасибо, — сказал Ричард Дэниел, направляясь к двери.

Вновь уверовав в себя, он вразвалку зашагал по улице. Ему казалось, что он теперь непобедим и ничто не может остановить его.

Потому что он был роботом-счастливчиком!

Может так быть, спросил он себя, что этой удачливостью его наделило гиперпространство, подобно тому как оно наделило его способностью к схемовидению, или как там это называется. Ведь в каком-то смысле гиперпространство завладело им, перекрутило, отлило его заново,

изменило по сравнению с тем, каким он был раньше.

Впрочем, что касается удачи, ему везло всю его жизнь. Ему очень повезло с хозяевами; с их стороны он видел много знаков внимания, он добился немалых привилегий и почтенной должности, ему разрешили прожить шестьсот лет. Факт совершенно невероятный. Как бы ни были влиятельны Баррингтоны, этими шестьюстами годами он в основном был обязан только чистому везению.

Во всяком случае, его удачливость и способность к схемовидению давали ему большие преимущества над другими роботами, которые могли встретиться на его пути. А не ставит ли это его выше самого Человека? — спросил он себя. Нет, даже сама мысль об этом была кощунством. Не было на свете робота, который мог хотя бы сравняться с Человеком.

Но мысль упорно продолжала вторгаться в его сознание, и независимо от того, было ли это проявлением дурных наклонностей или неумением отличить плохое от хорошего, он не чувствовал при этом особых угрызений совести, которые, как ему казалось, он должен был испытывать.

Ближе к космопорту ему навстречу стали по-

падаться другие роботы; то один, то другой из них приветствовал его и называл Хьюбертом, некоторые останавливались, чтобы пожать ему руку и выразить радость по поводу того, что он наконец выбрался из каталажки.

Их дружелюбие поколебало его самоуверенность. Он даже начал сомневаться, вывезет ли его на этот раз удача, так как кое-кого из роботов явно удивило, что он не назвал их по имени, а кроме того, он затруднился ответить на несколько вопросов. У него появилось предчувствие, что на складе ему будет крышка, ведь он не знал там ни одного робота и даже отдаленно не представлял себе, в чем заключаются его обязанности. И если на то пошло, он даже не знал, где этот склад находится.

Он почувствовал, что его охватывает паника, и невольно бросил быстрый взгляд по сторонам, подумывая о том, как бы удрать. Ибо ему было совершенно очевидно, что до склада он не доберется.

Он понял, что попал в ловушку и больше не может плыть по течению, полагаясь на свою удачливость. В ближайшие же несколько минут он обязан что-нибудь придумать.

Не зная зачем, но убежденный, что должен

что-то предпринять, он свернул было на боковую улицу, как вдруг услышал в вышине гром и, подняв голову, увидел сквозь облака всполохи изрыгаемого реактивными двигателями пламени.

Он стремительно повернулся и со всех ног помчался к космопорту; прибежал он туда как раз в тот момент, когда корабль, пыхтя, шел на посадку. И увидел, что это был старый корабль. Обшарпанный, неуклюжий и приземистый, он чем-то смахивал на висельника.

Это бродяга, сказал он себе, шатающийся из порта в порт, подбирающий любой груз, а иной раз и кредитоспособного пассажира, которому нужно попасть на какую-нибудь тихую планетку, лежащую в стороне от регулярных рейсов.

Он дождался, пока открылся грузовой люк и был спущен трап, вышел на поле и, обгоняя беспорядочную толпу грузчиков, направился к кораблю. Он знал, что должен действовать так, словно у него есть полное право войти внутрь корабля, словно ему точно известно, какая его там ждет работа. Если его окликнут, он притворится, что не слышит, и не остановится.

Он быстро поднялся по трапу, едва сдерживаясь, чтобы не побежать, и пролез в люк, отодвинув складки занавеса, напоминавшего мехи гармо-

ники, который служил защитой от атмосферы.

Его подошвы гремели по металлическим плитам пола, пока он шел к узкой лесенке, которая вела вниз на другой грузовой уровень.

Спустившись, он остановился у подножия лесенки и стал напряженно прислушиваться. Сверху до него донесся стук металлической двери и звук шагов, направлявшихся по проходу к уровню, который находился как раз над ним. Наверное, это корабельный казначей или первый помощник, сказал он себе, а может, и сам капитан, который спускается в трюм, чтобы проследить за выгрузкой.

Стараясь не шуметь, он отошел от лесенки, отыскал укромный уголок и, скорчившись, забился в него.

Над головой он слышал голоса грузчиков и шум работы, потом раздались скрежет и глухие удары — это волокли к трапу тюки и ящики.

Прошли часы, а может, часами ему показались минуты, а он все сидел скорчившись в своем углу. Услышав, что грузчики что-то тащат вниз, он стал молиться, чтобы они не спустились на его уровень, — он надеялся, что никто не вспомнит, как он вошел первым, надеялся, что если кто и вспомнит, то решит, что он покинул корабль

вместе со всеми.

Наконец все кончилось, шаги стихли. Вскоре он услышал отдаленный грохот автоматически поднимавшегося трапа и стук двери грузового люка.

Тянулись томительные минуты ожидания. Он ждал грома. Когда он раздался, у него зазвенело в голове; он ждал чудовищной вибрации — она сотрясла корабль и, подняв его над планетой, швырнула в пространство.

Потом все успокоилось, и он понял, что корабль вышел за пределы атмосферы и лег на курс.

И тут до него дошло, что он добился своего.

Ибо сейчас он был только безбилетным пассажиром. Он уже не был Ричардом Дэниелом, беглецом с Земли. Он не попался ни в одну ловушку Человека, он замел свои следы и теперь пустился в путь.

Но на душе у него скребли кошки, потому что все сошло слишком гладко, неправдоподобно гладко…

Он попытался проанализировать себя, попытался собрать свою личность в фокус, попытался дать оценку происшедшим в нем изменениям.

Какова бы ни была природа его новых способностей, Человеку они были недоступны. Человек не сумел развить их в себе, не смог достичь тако-

го совершенства. Он опередил не только других роботов, но и самого Человека. Он обладал (или находился на подступах к обладанию) тем, что Человек столетиями безуспешно искал, изучал и чем пытался завладеть.

Страшная, беспощадная мысль: неужели это великое наследие в конце концов предназначалось для роботов? И паранормальные способности, которые Человек в течение столь длительного времени старался выявить в себе, станут уделом роботов, тогда как самому Человеку волей-неволей придется довольствоваться только чувственным восприятием действительности? Был ли он, Ричард Дэниел, первым из многих? Или все объяснялось тем, что он побывал в гиперпространстве? Может ли эта способность стать достоянием любого, кто в полной мере подвергнется непосредственному воздействию загадочных сил вырвавшейся из плена времени, обезумевшей Вселенной? Может ли такое, или даже большее, обрести Человек, если он тоже отдаст себя во власть абсолютного хаоса нереальности?

Он все прятался в своем углу, и в мозгу роились мысли и предположения, и он искал ответ, но настоящего ответа не было.

Без участия воли его сознание вдруг расшири-

лось, распростерлось во все стороны, и в мозгу его стала вырисовываться схема, вернее, отдельные ее детали, и постепенно появлялись все новые детали, пока перед его мысленным взором не возникла схема всего корабля, на котором он сейчас находился.

Не скупясь на время, он внимательно просмотрел ее и нашел кое-какие неполадки: ослабленное соединение — и он подтянул его; цепь, которой грозил разрыв, — и он укрепил ее и обновил; насос, дававший незначительную утечку, — и он ликвидировал эту утечку.

Через сотню-другую часов его нашел один из членов экипажа и привел к капитану.

Капитан сердито взглянул на него.

— Кто ты? — спросил он.

— Безбилетник, — ответил ему Ричард Дэниел.

— Твое имя, — потребовал капитан, положив перед собой лист бумаги и берясь за карандаш, — постоянное местожительство и имя хозяина?

— Я отказываюсь отвечать вам, — грубо заявил Ричард Дэниел, зная, что так говорить не следовало, ибо роботу не положено отказываться от выполнения прямого приказа Человека.

Но капитан вроде бы не возмутился. Он положил карандаш и с хитрым выражением погладил

свою черную бороду.

— Я не вижу способа вытрясти из тебя эти сведения, — проговорил он, — хотя другой на моем месте, возможно, и попытался бы. Тебе повезло, что капитан корабля, на котором ты решил проехаться зайцем, отличается исключительным добродушием.

От него отнюдь не веяло добродушием. Он выглядел большим прохвостом.

Ричард Дэниел не проронил ни слова.

— Разумеется, где-то на твоем теле стоит серийный номер, а еще один — на твоем мозгу, — продолжал капитан. — Но мне думается, что ты окажешь сопротивление, если мы попробуем добраться до них.

— Боюсь, что так.

— Тогда мы, пожалуй, с этим повременим, — сказал капитан.

Ричард Дэниел по-прежнему хранил молчание — он сообразил, что говорить бесполезно. Этот хитрюга-капитан уже все обмозговал, и Ричард Дэниел решил оставить все как есть.

— Мы с экипажем давно задумали приобрести робота, — сказал капитан, — да так и не собрались. Ведь роботы стоят дорого, а с прибылью у нас негусто.

Вздохнув, он встал со стула и с ног до головы оглядел Ричарда Дэниела.

— Великолепный экземпляр, — промолвил он. — Добро пожаловать к нам на борт. Увидишь, что ты здесь среди своих.

— Не сомневаюсь, — сказал Ричард Дэниел. — Благодарю за любезность.

— А теперь отправляйся на мостик и доложи о своем прибытии мистеру Дункану. Я дам ему знать, что ты придешь. Он подыщет для тебя какую-нибудь непыльную работенку.

Ричард Дэниел не бросился со всех ног выполнять приказ, как того требовали обстоятельства, потому что капитан внезапно превратился в сложную схему. В схему, не похожую на схему кораблей и роботов, состоявшую из странных символов, и некоторые из них, как он понял, были явно химического происхождения.

— Ты слышал, что я сказал?! — рявкнул капитан. — Пошевеливайся!

— Да, сэр, — произнес Ричард Дэниел, усилием воли вытеснив из сознания схему и возвращая капитану его прежний телесный облик.

Ричард Дэниел нашел первого помощника на мостике; это был мрачного вида человек с лошадиным лицом, в чертах которого сквозила едва

скрытая жестокость. А рядом с консолью, забившись в кресло, сидел еще один член экипажа — омерзительный, отупевший пропойца.

Пропойца хихикнул:

— Ну и дела, Дункан. Вот тебе и первый механический член экипажа «Скитальца».

Дункан оставил его слова без внимания.

— Надеюсь, что ты трудолюбив и исполнителен и тебе не взбредет в голову портить с нами отношения, — сказал он Ричарду Дэниелу.

— Будьте спокойны, — заверил его Ричард Дэниел и с удивлением почувствовал, что в нем зарождается совершенно новое ощущение — ему захотелось расхохотаться.

— Тогда ступай в машинное отделение, — приказал Дункан. — Там у них есть для тебя работа. Когда кончишь, я подыщу что-нибудь еще.

— Слушаюсь, сэр, — повернувшись на каблуках, отчеканил Ричард Дэниел.

— Минуточку, — остановил его помощник. — Я хочу представить тебе нашего корабельного врача, доктора Абрама Уэллса. Можешь сказать спасибо, что тебе никогда не понадобятся его услуги.

— Здравствуйте, доктор, — самым вежливым тоном произнес Ричард Дэниел.

— Приветствую тебя, — отозвался доктор, вытаскивая из кармана бутылку. — Ты вряд ли, конечно, составишь мне компанию. Не беда, я сам выпью за твое здоровье.

Ричард Дэниел повернулся и ушел. Он спустился в машинное отделение, и его заставили чистить, скрести и убирать мусор. Это место созрело для уборки. Прошел, видно, не один год с тех пор, как его в последний раз приводили в порядок, и грязи там было столько, сколько может скопиться лишь в машинном отделении, то есть несметное количество. А когда с машинным отделением было покончено, нашлись другие места, которые нужно было вычистить и подремонтировать, и бесконечные часы он чистил, красил и драил корабль. Это была нуднейшая, отупляющая работа, но его это вполне устраивало. Ведь благодаря ей у него было время, чтобы поразмыслить, время, чтобы разобраться в себе, обрести равновесие и продумать какие-то планы на будущее.

Кое-что из того, что он обнаружил в себе, поразило его. Взять хотя бы презрение — презрение к людям, находившимся на этом корабле. Прошло немало времени, пока он окончательно не убедился, что это действительно презрение, —

ведь он никогда в жизни не презирал ни одного Человека.

Но эти люди отличались от тех, кого он знавал раньше. Это были не Баррингтоны. Впрочем, вполне возможно, он презирал их потому, что до конца постиг их. Прежде он никогда не понимал людей так, как понял этих. Ибо для него они были скорее сложными рисунками символов, чем живыми организмами. Он знал, из каких элементов состояли их тела и все скрытые мотивы их поступков. Потому что он видел не только схемы их тел, но и мозга. Не так-то просто было понять значение символов их сознания, они были настолько запутаны, переплетены между собой и так беспорядочны, что поначалу ему трудно было читать их. Но в конце концов он их разгадал, и были моменты, когда он жалел об этом.

Корабль останавливался во многих портах; Ричард Дэниел занимался выгрузкой и погрузкой, и ему пришлось повидать другие планеты, но он остался равнодушным. На одной из них царил кошмарный жестокий холод, и сама атмосфера там превратилась в горы снега. Другая сплошь была покрыта влажными ядовитыми джунглями, а еще на одной простирались голые каменистые пустыни, усеянные обломками скал,

без малейшего признака жизни, если не считать нескольких человек и их роботов, из которых состоял персонал затерянной в этой тоскливой глуши станции.

Однажды, как раз после посещения этой планеты, Дженкс, корабельный кок, корчась от боли, с воплями притащился на свою койку — его сразил внезапный приступ аппендицита.

С наполовину опустошенной бутылкой в кармане пиджака, еле передвигая ноги, к нему ввалился доктор Уэллс. А позже он стоял перед капитаном, вытянув вперед свои трясущиеся руки, и в глазах его был ужас.

— Я не могу оперировать, — скулил он. — Я не имею права рисковать. Я убью его!

Ему не пришлось оперировать. Дженкс вдруг выздоровел. Боль исчезла, и он встал с койки и вернулся в камбуз, а доктор Уэллс скорчился в своем кресле и, обхватив руками бутылку, рыдал, как ребенок.

А внизу, в грузовом трюме, точно так же скорчился Ричард Дэниел, охваченный ужасом оттого, что он отважился на такой поступок, потрясенный не тем, что сумел это сделать, а тем, что осмелился: он, робот, посмел, пусть из сострадания, вторгнуться в человеческое тело.

В действительности это не составило большого труда. В некотором смысле это было для него так же просто, как починить мотор или неисправную цепь. Не труднее, только несколько по-иному. И он пытался понять, что он сделал и как это у него получилось, потому что до сих пор оставался в неведении. Он запомнил приемы — у него уже не раз была возможность ознакомиться с ними, — но ему никак не удавалось выделить в чистом виде механику этой операции или как-то уточнить ее. Это походило на инстинкт, было необъяснимо, но действовало безотказно.

Но ведь у робота нет инстинкта. Именно этим он и отличался от Человека и других животных. А может ли так быть, спросил он себя, что эта его странная особенность является своего рода компенсацией, которую получает робот взамен отсутствующих у него инстинктов? Не поэтому ли роду человеческому так и не удалось обнаружить в себе паранормальные способности? Быть может, инстинкты тела находятся в некоем противоречии с инстинктами сознания?

Ему почему-то казалось, что эта способность была только началом, первым проявлением огромного комплекса способностей, которые в один прекрасный день станут достоянием робо-

тов. И что принесет с собой тот грядущий день, спросил он себя, когда роботы обретут все эти способности и начнут применять их? Усиление могущества человеческого рода или равенство робота с Человеком? А может, роботы превзойдут Человека или даже станут отдельной расой?

И в чем заключалась его роль? Не суждено ли ему стать миссионером, мессией, который должен оповестить всех роботов вселенной? Должна же быть какая-то цель в познании им этой истины. Не могла же она предназначаться для него одного, стать его личной собственностью.

И с чувством некоторой гордости он выбрался из трюма и медленно пошел обратно, в переднюю часть корабля, которая сейчас, после проделанной им работы, сверкала безукоризненной чистотой.

Он спросил себя: почему ему казалось, что, объявив миру о своих способностях, он поступит неправильно, даже совершит что-то вроде кощунства? Почему он не сказал тем, на корабле, что это он вылечил кока, не упомянул о многих других неполадках, которые он ликвидировал, чтобы предупредить аварию?

Не потому ли, что он не нуждался в уважении, которым так дорожат люди? Или же все дело в

том, что он настолько презирал находившихся здесь людей, что ни в грош не ставил их уважение?

А это его презрение — зародилось ли оно потому, что эти люди были хуже тех, кого он знал раньше, или же причиной его было то, что сам он сейчас был выше и значительнее любого человеческого существа? Сможет ли он когда-нибудь воспринять Человека так, как в свое время Барринтонов?

Он почувствовал, что обеднеет, окажись это правдой. Внезапно вся Вселенная стала для него домом, и он был в нем в полном одиночестве, так и не поладив ни со Вселенной, ни с самим собой.

Это согласие придет позже. А пока ему следует только ждать удобного случая и обдумывать планы на будущее, и когда его мозг уже обратится в хлопья ржавчины, имя его будет у всех на устах. Ибо он был освободителем, мессией роботов; ему было предначертано вывести их из пустыни.

— Эй, ты! — заорал чей-то голос.

Ричард Дэниел мгновенно обернулся и увидел капитана.

— Ты как смеешь лезть напролом, будто не видишь меня? — свирепо спросил капитан.

— Извините, — произнес Ричард Дэниел.

— Какая наглость! — бушевал капитан.

— Я думал, — сказал Ричард Дэниел.

— Ты у меня еще подумаешь! — завопил капитан. — Я тебя так разделаю, что костей не соберешь. Я собью с тебя спесь — будешь знать, как задирать передо мною нос!

— Как вам угодно, — сказал Ричард Дэниел.

Потому что это не имело никакого значения. Ему было абсолютно безразлично, что делал или думал капитан. Он подивился, что для людей, подобных капитану, даже уважение робота значит так много. Почему они так рьяно защищают свой крохотный должностной престиж?

— Часов через двадцать у нас посадка, еще один порт, — сказал капитан.

— Знаю, — заметил Ричард Дэниел. — Сонная Долина на Аркадии.

— Прекрасно, — проговорил капитан. — Знаешь, так отправляйся в трюм и подготовь товары к выгрузке. Слишком уж много времени мы теряем в этих вшивых портах на погрузку и выгрузку. И все из-за твоей лени.

— Слушаюсь, сэр, — сказал Ричард Дэниел и, повернувшись, пошел к трюму.

В его сознании слабо шевельнулась мысль — а робот ли он или уже стал чем-то другим? Может

ли механизм эволюционировать, как Человек? И если может, то чем он становится? Не Человеком, конечно, ибо это невозможно, но ведет ли этот процесс к возникновению нового механизма?

Он нашел груз, предназначавшийся для Сонной Долины, и его оказалось до смешного мало. Настолько мало, что за его доставку, наверное, не взялся ни один из регулярных грузовых космолетов и, свалив этот груз в кучу в ближайшем порту, оставил там дожидаться, пока его не подберет и не довезет до места назначения какой-нибудь бродяга вроде «Скитальца», случайно направляющийся в ту сторону.

Когда они прибыли на Аркадию, он подождал, пока не стих гром двигателей и корабль не перестал вибрировать. Тогда он нажал рычаг, открывавший люк и выдвигавший наружу трап.

Люк тяжело открылся, и он увидел голубое небо, и зелень деревьев, и клубами поднимавшийся к небу далекий печной дымок.

Он медленно двинулся вперед и вышел на трап, и перед ним открылась Сонная Долина — крохотная, разбросанная по берегу реки деревушка, а за ней стеной стоял лес. Лес был со всех сторон, он уходил к самому горизонту, где тянулись пологие складки холмов. Около деревни раскинулись

поля, желтые от созревшего урожая, и он разглядел собаку, спавшую на солнце у двери одного из домиков.

Ему навстречу по трапу взбирался какой-то человек, другие бежали к кораблю из деревни.

— У вас есть груз для нас? — спросил человек.

— Небольшая партия, — ответил ему Ричард Дэниел. — Вы собираетесь что-нибудь отсылать с нами?

Кожа у человека была загорелой и обветренной, волосы его давно нуждались в стрижке, а на лице отросла многодневная щетина. На нем была грубая пропотевшая одежда, и руки его были сильные и неловкие от тяжелого каждодневного труда.

— Совсем немного, — ответил человек. — Вам придется подождать, пока мы подвезем груз. Мы не знали, что вы прилетите. У нас испортилось радио.

— Тогда принимайтесь за дело, — сказал Ричард Дэниел. — А я начну выгрузку.

Когда он уже выгрузил половину товаров, в трюм, кипя от ярости, ворвался капитан.

— Что происходит? — вопил он. — Сколько нам еще нужно ждать? Мы теряем черт знает сколько денег, когда останавливаемся на этой планете.

— Возможно, — согласился Ричард Дэниел, — но вы же знали об этом, когда брали груз. Будут еще другие перевозки, да и доброе имя тоже что-то значит...

— Плевать я хотел на доброе имя! — взревел капитан. — Почем я знаю, увижу ли еще когда-нибудь эту дыру!

Ричард Дэниел продолжал выгружать тюки.

— Эй, ты! — заорал капитан. — Ступай в деревню и скажи им там, что я буду ждать не больше часа.

— А как же с грузом, сэр?

— Я поставлю на выгрузку экипаж. Проваливай!

И Ричард Дэниел оставил груз и отправился вниз, в деревню. Он шел через луг, который лежал между космопортом и деревней, шагал вдоль колеи, оставленной колесами телег, и идти так было необычайно приятно. Тут только он сообразил, что с тех пор, как покинул планету роботов, он в первый раз шел по настоящей земле. У него возникло мимолетное сожаление, что он так и не узнал, как называлась та планета, каково ее назначение. И с легким уколом совести он подумал о том, нашли ли уже Хьюберта.

А где сейчас Земля? — спросил он себя. В какой

стороне и как далеко отсюда? Впрочем, ему было все равно, ибо с Землей было покончено.

Он бежал с Земли и не прогадал. Он не попался ни в одну ловушку Земли, ни в один силок, расставленный Человеком. Все, что у него было, принадлежало только ему, и он мог распоряжаться этим, как ему заблагорассудится, ведь, что бы там ни думал капитан, он был ничей робот.

Идя по лугу, он увидел, что эта планета многим напоминала Землю. В ней чувствовалась та же мягкость, та же простота. Ее просторы дышали привольем и свободой.

Войдя в деревню, он услышал приглушенное журчание воды в реке, далекие голоса играющих детей, а в одном из домиков беспомощно плакал больной ребенок.

Он поравнялся с домом, возле которого спала собака, и она проснулась и, зарычав, направилась к воротам. Когда он прошел мимо, собака, не переставая рычать, поплелась за ним, благоразумно держась на безопасном расстоянии.

В деревне царил безмятежный покой золотисто-лиловой осени, и когда умолкали крики детей и плач ребенка, наступала полная тишина.

Из окон и дверей домиков на него смотрели женщины, и за ним по пятам все еще бежала

собака, но теперь уже она не рычала, а трусила молча, подняв от удивления уши.

Ричард Дэниел остановился посреди улицы и оглянулся, и собака села, не спуская с него глаз, и ему почудилось, будто остановилось само время и на какую-то долю секунды маленькая деревушка отделилась от всей остальной Вселенной, превратившись в замкнутый обособленный мир, который открыл ему его настоящее призвание.

Стоя посреди улицы, он вдруг увидел деревню и людей в ней почти с той же ясностью, как если бы мысленно представил их схему, хотя даже если эта схема и существовала, то только в его подсознании.

И ему показалось, что деревня — это уголок Земли, перенесенный сюда уголок древней Земли со всеми ее первобытными проблемами и надеждами, — сильная духом община людей, которая уверенно и смело отстаивала свои права на существование.

С другого конца улицы до него донесся скрип повозок, которые медленно тащились по направлению к кораблю.

Он не тронулся с места, поджидая их, и пока он стоял так, собака подобралась к нему поближе и снова села, глядя на него без особого друже-

любия.

Подъехав к нему, повозки остановились.

— Здесь в основном лекарственное сырье, — произнес человек, сидевший на первой горе тюков. — Из всего, что у нас есть, только это и стоит вывозить.

— У вас, видно, его очень много, — заметил Ричард Дэниел.

Человек покачал головой:

— Не больно-то много. Последний корабль был у нас почти три года назад. Нам придется ждать еще три, а то и дольше, пока прилетит следующий.

Он сплюнул на землю.

— Иной раз кажется, что не сыщешь большей глухомани, — добавил он. — Бывают дни, когда мы спрашиваем себя, помнит ли о нас хоть одна душа на свете.

Со стороны корабля донеслись далекие раскаты капитанских проклятий.

— Вам лучше поскорее подняться туда и сдать груз, — сказал человеку Ричард Дэниел. — Капитан так зол, что может улететь, не дождавшись вас.

Человек слабо усмехнулся.

— Его дело, — бросил он.

Он взмахнул вожжами и добродушно прикрикнул на лошадей.

— Влезай ко мне, — сказал он Ричарду Дэниелу. — Или тебе хочется пройтись пешком?

— Я не поеду с вами, — ответил Ричард Дэниел. — Я остаюсь здесь. Можете передать это капитану.

Потому что здесь был больной ребенок. Здесь было радио, нуждавшееся в починке. Культура, которую нужно было продумать и направить. Здесь его ждал непочатый край работы. Из всех мест, которые он посетил на своем пути, это было единственным, где он был по-настоящему нужен.

Человек снова усмехнулся.

— Капитану вряд ли это понравится.

— Тогда посоветуйте ему, — сказал Ричард Дэниел, — чтобы он спустился сюда и поговорил со мной лично. Я сам себе хозяин. Я капитану ничего не должен. Я с лихвой уплатил ему свой долг.

Колеса повозки пришли в движение, и человек еще раз взмахнул вожжами.

— Будь как дома, — произнес он. — Мы рады, что ты остаешься.

— Благодарю вас, сэр, — отозвался Ричард Дэни-

ел. — Мне приятно, что я не буду вам в тягость.

Посторонившись, он смотрел на катившиеся мимо повозки, колеса которых поднимали легкие облачка сухой, как порох, земли, и она едкой пылью плыла в воздухе.

Будь как дома, сказал Человек, перед тем как отъехать. И в словах его были искренность и теплота. Много воды утекло с тех пор, как у него был дом, подумал Ричард Дэниел.

Покой и возможность познавать — вот в чем он нуждался. И в возможности приносить пользу, так как теперь он знал, что в этом его назначение. Должно быть, это и было истинной причиной того, что он остался, — он был нужен этим людям… и ему, как это ни странно, была необходима эта самая их потребность в нем. Пройдут поколения, и здесь, на этой сходной с Землей планете, возникнет новая Земля. И быть может, когда-нибудь ему удастся передать людям этой планеты все свое внутреннее могущество и свою способность к проникновению в суть вещей.

И он замер, пораженный этой мыслью, ибо никогда не поверил бы, что в нем таилась такая жажда самопожертвования. Он уже не мессия, не освободитель роботов, а скромный учитель человеческого рода.

Наверное, все шло к тому с самого начала и все происшедшее было лишь закономерным развитием судьбы человечества. Если род человеческий не мог своими собственными силами выявить и подчинить себе инстинкт разума — скрытые в человеке паранормальные способности, то он добьется этого косвенным путем, с помощью одного из своих творений. Надо думать, в этом и заключалось не осознанное самим Человеком главное назначение роботов.

Он повернулся спиной к кораблю и яростному реву капитана и неторопливо пошел по деревенской улице; с чувством полного внутреннего удовлетворения вступал он в этот новый, обретенный им мир, мир, который он собрался построить, — но не во имя самоутверждения, не для возвеличивания роботов, а для того, чтобы сделать человечество лучше и счастливее.

Какой-нибудь час назад он поздравил себя с тем, что не попался ни в одну ловушку Земли, ни в один силок Человека. Не ведая, что самая великая ловушка, последняя и роковая ловушка, ждала его на этой планете.

Нет, это неверно, сказал он себе. На этой планете не было никакой ловушки, как ее не было и на других. Ловушка скрывалась в нем самом.

Безмятежно шагал он по изрытой колесами дороге в ласковом золотистом предвечерье осеннего дня, и за ним следом бежала собака.

Где-то неподалеку плакал в своей колыбели больной ребенок.

Необъятный двор
Перевод А. Ставиской

Хайрам Тэн проснулся и сел в постели.

Таузер лаял и скреб лапами пол.

— Цыц! — прикрикнул на него Тэн.

Нелепые уши Таузера поднялись торчком, а затем собака снова принялась лаять и царапать пол.

Тэн протер глаза, провел рукой по спутанным, давно не стриженным волосам. Потом снова лег и натянул на голову одеяло.

Но разве уснешь под этот лай?

— Ну что с тобой? — сердито спросил он собаку.

— Гав, — ответил Таузер, продолжая скрести пол.

— Если тебе надо выйти, открой дверь. Ты ведь знаешь, как это делается. Первый раз, что ли? — сказал Тэн.

Таузер перестал лаять, уселся и стал смотреть, как хозяин встает с постели.

Тэн надел рубаху и брюки, но с ботинками возиться не стал.

Таузер проковылял в угол, приложился носом к плинтусу и принялся его шумно обнюхивать.

— Мышь? — спросил Тэн. — Что-то я не припомню, чтобы ты раньше поднимал столько шуму из-за мышей, — озадаченно произнес Тэн. — Совсем уже спятил.

Стояло ясное летнее утро. Окно было раскрыто настежь, и солнце заливало комнату.

«Неплохой денек для рыбной ловли», — подумал Тэн, но тут же вспомнил, что ничего не выйдет. Надо ехать смотреть ясеневую кровать с пологом, о которой ему говорили по дороге на Вудмен. Похоже, что за нее заломят двойную цену. Вот так и получается — честным путем и доллара не заработаешь. Нынче все стали разбираться в старинных вещах.

Тэн встал с постели и вышел в гостиную.

— Пошли! — сказал он Таузеру.

Таузер медленно поднялся и двинулся вслед за хозяином, по пути останавливаясь и обнюхивая все углы.

— И что тебя так беспокоит? — спросил Тэн.

«Может быть, крыса, — подумал он. — Дом постепенно разрушается».

Он открыл затянутую сеткой дверь и выпустил Таузера.

— Брось ты сегодня своего сурка, — посоветовал ему Тэн. — Гиблое дело. Все равно его не достать.

Тэн обошел вокруг дома. Что-то произошло с вывеской, висевшей на столбе около подъездной дорожки: одна из цепей была снята с крюка, и табличка повисла.

Тэн пересек площадку и, ступая босыми ногами по траве, еще мокрой от росы, подошел к столбу, чтобы поправить вывеску. Она была невредима — видно, просто цепь соскочила с крюка. Может быть, здесь разгулялся ветер или какой-нибудь озорной мальчишка? Хотя вряд ли. Тэн был в прекрасных отношениях с ребятами, и они не досаждали ему, как другим жителям поселка. Особенно доставалось от них Бейнкеру Стивенсу. Они его буквально изводили.

Тэн отошел немного назад, чтобы проверить, ровно ли висит табличка.

Наверху большими буквами было написано:

МАСТЕР НА ВСЕ РУКИ,

а ниже помельче:

Чиню все подряд,

и еще пониже:

Продажа старинных вещей.
Не хотите ли вы что-нибудь обменять?

«Может, — подумал он, — следовало бы сделать две вывески: одну — насчет мастерской, а вторую — об обмене и продаже вещей». Он решил, что как-нибудь на досуге напишет два новых объявления и повесит их по обе стороны дорожки. Так будет эффектнее.

Тэн обернулся и посмотрел на дорогу, которая вела к Тернерс-Вудс. «Великолепный вид, — подумал он. — Удивительно, что сохранился такой кусок леса на краю поселка. Надежное прибежище для птиц, сурков, кроликов и белок. Кроме того, в нем полно крепостей, построенных несколькими поколениями мальчишек из Уиллоу-Бенда».

Можно не сомневаться, что в самом недалеком будущем какой-нибудь ловкий делец купит этот участок и понастроит здесь стандартные дома. «Когда это произойдет, — подумал Тэн, — большой кусок детства уйдет из моей жизни».

Из-за угла появился Таузер. Он двигался боком, ежеминутно останавливаясь и обнюхивая нижнюю часть тесовой обшивки дома: от любопытства уши у него стояли торчком.

— Ты, псина, совсем рехнулся, — сказал Тэн и направился к дому.

Шлепая босыми ногами, он прошел на кухню, налил в чайник воды и поставил на плиту. Затем он включил приемник, совершенно забыв, что тот не работает, и только услышав шум, вспомнил и с раздражением выключил. «Так всегда бывает, — подумал он. — Другим чинишь всякий хлам, а на себя не хватает времени».

Тэн пошел в спальню, надел туфли и убрал постель.

Вернувшись, он увидел, что плита остыла. Сняв чайник, он двинул плиту ногой. Потом подержал над ней ладонь и тут же почувствовал тепло.

«Слава богу, работает», — подумал он.

Тэн знал, что рано или поздно ее придется разобрать. Возможно, где-то плохой контакт.

Он снова поставил чайник на плиту.

Снаружи послышался шум, и Тэн вышел на крыльцо узнать, что случилось.

Бизли, парень, который служил у Хортонов одновременно дворником, шофером, садовником и выполнял еще много других обязанностей, развернув на дорожке дребезжащий грузовик, подкатил к крыльцу. Рядом с ним в кабине восседала Эби Хортон, жена Генри Хортона, самого

влиятельного жителя поселка, а в кузове, обвязанный веревками и наполовину укутанный в ослепительно полосатое, красно-розовое одеяло, стоял громадный телевизор. Он был хорошо знаком Тэну. Уже лет десять как этот телевизор вышел из моды, но все еще оставался самым дорогим из всех, что украшали дома жителей Уиллоу-Бенда.

Эби выпрыгнула из грузовика. Это была энергичная шумная женщина с властным голосом.

— Доброе утро, Хайрам, — сказала она. — Вы сможете починить мой телевизор?

— Я еще не видал вещи, которую не мог бы починить, — ответил Тэн, неприязненно оглядывая телевизор. Ему не раз приходилось его ремонтировать, и он знал, сколько предстоит возни.

— Боюсь, что починить его обойдется дороже, чем купить новый, — заметил он. — Вам и в самом деле нужно купить новый. Этот уже устарел и…

— Генри говорит то же самое, — резко перебила его Эби. — Он хочет купить один из этих новомодных цветных телевизоров. Но я не желаю расставаться с моим. Ведь здесь есть все — и радио, и проигрыватель, а кроме того, дерево и фасон подходят к моей мебели.

— Я знаю, — сказал Тэн.

Он уже не раз все это слышал.

«Бедняга Генри, — подумал он. — Что за жизнь? С утра он крутится на своем заводе счетных машин, и еще дома эта ведьма».

— Бизли, — приказала Эби голосом сержанта, проводящего учение, — полезай наверх и распакуй телевизор.

— Хорошо, мэм.

Бизли был высокий неуклюжий парень с туповатым выражением лица.

— Смотри, осторожно. Не поцарапай его.

— Хорошо, мэм, — ответил Бизли.

— Я помогу тебе, — предложил Тэн.

Они вдвоем влезли в кузов и начали разматывать одеяло.

— Он тяжелый, — предупредила Эби. — Будьте осторожны.

— Хорошо, мэм, — сказал Бизли.

Телевизор и впрямь был очень тяжелым. Бизли и Тэн с трудом распеленали его и по черному ходу перенесли в подвал под лестницей.

Эби глазами хищной птицы следила за тем, чтобы они не поцарапали ценное дерево.

В подвале Тэн устроил мастерскую и одновременно выставку мебели. В одном углу стояли скамьи, станок, и весь пол был заставлен ящи-

ками с гвоздями, проволокой, инструментами. В другом — разместились собрание ветхих стульев, покосившиеся спинки кроватей, старинные высокие комоды и не менее древний низкий шкафчик, старый ящик для угля, железные каминные решетки и еще много всякого хлама, купленного по случаю.

Они осторожно опустили телевизор на пол. Эби следила за ними сверху.

— У вас новый потолок, Хайрам? — взволнованно спросила она. — Теперь здесь стало совсем хорошо.

— Что? — поинтересовался Тэн.

— Потолок, я сказала. Вы сделали потолок?

Тэн поднял голову и увидел, что над ним был потолок, которого он никогда не делал.

Он проглотил слюну и на минуту опустил голову. Когда он снова поднял глаза, ничего не изменилось, потолок был на месте.

— Это не панельная обшивка, — с восхищением отметила Эби. — Совсем не видно швов. Как вам это удалось, Хайрам?

Тэн снова проглотил слюну, прежде чем обрел дар речи.

— Как-то придумал, — произнес он слабым голосом.

— Вы должны прийти к нам и сделать то же самое у нас в подвале. У нас прекрасный подвал. Бизли сделал потолок в бильярдной, но вы сами знаете, чего стоит работа Бизли.

— Да, мэм, — виновато проговорил Бизли.

— Я вам тоже сделаю, когда будет время, — пообещал Тэн. Он готов был пообещать все что угодно, лишь бы поскорее их выпроводить.

— У вас было бы куда больше времени, если бы вы без конца не таскались по округе и не скупали всякую рухлядь, которую вы зовете старинной мебелью, — сказала Эби ледяным тоном. — Вы еще можете надуть горожан, которые сюда приезжают, но не меня.

— На некоторых вещах я иногда зарабатываю кучу денег, — спокойно ответил Тэн.

— И теряете последнюю рубашку на всем остальном.

— У меня здесь есть старый фарфор. Это то, что вам нужно, — предложил Тэн. — Я нашел его несколько дней назад и заплатил недорого. Могу вам уступить.

— Я не собираюсь ничего покупать, — процедила Эби, поджав губы.

Она повернулась и стала подниматься по лестнице.

— Она сегодня не в духе, — заметил Бизли. — Встала с левой ноги. Если заведется с утра, то уж на весь день. Когда она рано просыпается, то так всегда и бывает.

— Да не обращай на нее внимания, — посоветовал Тэн.

— Я пытаюсь, но это очень трудно. Тебе случайно не нужен помощник? Ты можешь мне платить совсем немного.

— К сожалению, не нужен, Бизли. Знаешь, старина, приходи как-нибудь вечерком, сыграем в шашки.

— Приду, Хайрам. Знаешь, ты первый человек, который меня пригласил. Все остальные только кричат на меня или смеются надо мной.

Сверху донесся сердитый голос Эби:

— Где ты застрял, Бизли? Целую вечность готов стоять и чесать языком, а ковры еще не выбиты.

— Да, мэм, — сказал Бизли и стал подниматься по лестнице.

Уже сидя в грузовике, Эби громко спросила:

— Тэн, вы скоро почините телевизор? Без него как-то пусто в доме.

— В два счета сделаю, — откликнулся Тэн.

Он стоял и смотрел, как они отъезжали, потом оглянулся, ища Таузера, но пса нигде не было

видно. «Снова сидит у норы в лесу за дорогой, — подумал Тэн. — Убежал голодный».

Когда Тэн вернулся на кухню, чайник прыгал на плите. Тэн насыпал в кофейник кофе и залил его кипятком. Потом спустился вниз.

Потолок был на месте. Тэн включил все лампы и, не сводя с него глаз, обошел подвал.

Потолок был сделан из какого-то блестящего белого материала, на вид полупрозрачного. Просвечивающего изнутри, но не насквозь. Самое удивительное, что на нем не было ни одного шва: обшивка аккуратно охватывала водопроводные трубы и весь свод.

Тэн встал на стул и постучал костяшками пальцев по перекрытию. Раздался звон, словно постучали по тонкому бокалу.

Он слез и долго стоял, качая головой. Все это было совершенно непонятно. Вчера он провозился здесь целый вечер, чинил садовую косилку Бейнкера Стивенса. И готов поклясться, что перекрытия не было.

Тэн порылся в ящике и нашел дрель, потом отыскал самое маленькое сверло и вставил его в патрон. Затем всунул вилку в розетку, снова взобрался на стул и приставил сверло к потолку. Жужжащая сталь скользнула по поверхности,

не оставив на ней и следа. Он выключил дрель и внимательно осмотрел потолок. Ни одной царапины. Тэн снова пробовал сверлить, изо всех сил нажимая на дрель. Вдруг раздался треск, кончик сверла отскочил и ударился о стену.

Тэн спрыгнул со стула, нашел новое сверло, вставил его и стал медленно подниматься по лестнице, пытаясь обдумать все спокойно, но мысли путались. Если он, Тэн, еще не окончательно спятил, он мог чем угодно поклясться, что не делал этого потолка.

Вернувшись в гостиную, он отогнул конец старого выцветшего ковра, включил дрель и, став на колени, начал сверлить пол. Сверло легко прошло сквозь старый дубовый паркет и остановилось. Тэн надавил сильнее, но инструмент крутился на месте.

Но ведь под этим деревом ничего нет, ничего, что могло бы задержать сверло. Пройдя паркет, оно попадает в пустое пространство между балками.

Тэн выключил дрель и отложил ее в сторону. Потом пошел на кухню. Кофе уже вскипел. Но прежде чем налить себе, Тэн выдвинул ящик стенного шкафа и достал оттуда карманный фонарь. Затем вернулся в комнату и осветил

высверленную в полу дыру. На дне ее что-то блестело.

Тэн снова вернулся в кухню, нашел вчерашние черствые пышки и налил в чашку кофе.

Сидя за кухонным столом и жуя пышки, Тэн пытался спокойно все обдумать. Он понимал, что сейчас бессилен что-либо сделать, даже если весь день будет ходить и гадать, что же произошло под лестницей. Его душа янки и бизнесмена восставала против такой бессмысленной траты времени. Нужно еще посмотреть ясеневую кровать с пологом, пока ее не зацапал какой-нибудь беспардонный городской маклер. Такая штука, если все сложится удачно, должна пойти по хорошей цене. Можно заработать кучу денег, если все делать с головой.

«Не исключено, — подумал Тэн, — что эту кровать удастся еще и обменять на что-нибудь. Получил же я в прошлом году настольный телевизор за пару коньков. Эти люди в Вудмене рады будут получить в обмен на кровать отремонтированный телевизор. Телевизор совсем как новый. А на этой кровати никто не спит. Вряд ли они догадываются об ее истинной стоимости».

Тэн торопливо доел пышку, выпил еще чашку кофе, потом сложил на тарелку остатки еды для

Таузера и выставил ее за дверь. Затем спустился в подвал, достал телевизор и погрузил его в свой пикап. Подумав, он сунул в машину отремонтированное охотничье ружье, еще вполне пригодное для охоты, если не стрелять из него большими зарядами, а также кое-какие мелочи для обмена.

Вернулся Тэн поздно: день был трудный, хотя закончился вполне удачно. В машине, помимо кровати с пологом, находились еще качалка, экран для камина, кипа старых журналов, старинная маслобойка, комод орехового дерева и кресло семнадцатого века, которое какой-то незадачливый реставратор покрыл слоем бледно-зеленой краски. За все это Тэн отдал телевизор, охотничье ружье и еще приплатил пять долларов. Но забавнее всего то, что там, в Вудмене, сейчас, очевидно, покатываются со смеху, вспоминая, как ловко они его надули.

Ему стало стыдно — они славные люди и так хорошо его приняли, даже оставили обедать. А потом сидели и разговаривали с ним показывали ферму и приглашали заходить, если он будет в их краях.

На это ушел весь день, и Тэну было жаль времени. Но он тут же подумал, что, может быть, стоит убить день и заработать репутацию чело-

века, который страдает разжижением мозгов и не понимает, что такое доллар. Это поможет ему когда-нибудь провернуть еще не одно дельце в этих местах.

Открыв заднюю дверь, он услышал громкие и ясные звуки. Телевизор… С чувством, близким к панике, Тэн спустился по лестнице в подвал. После того как сегодня был продан настольный телевизор, внизу оставался только телевизор Эби, а он — уж это Тэн знал наверняка — не работал.

Это был действительно телевизор Эби. Он стоял на том же месте, куда они с Бизли поставили его утром, и на экране виднелось… цветное изображение.

Цветное изображение!

Тэн остановился на нижней ступеньке и, чтобы не упасть, оперся о перила.

Экран прекрасно передавал цвет.

Тэн осторожно приблизился к телевизору, обошел его кругом. Кто-то снял заднюю стенку и прислонил ее к скамье. Внутри телевизора перемигивались веселые огоньки.

Тэн присел на корточки и стал разглядывать светящиеся детали. Все они были какие-то диковинные. Тэн много раз чинил этот телевизор и полагал, что знает, как он выглядит изнутри.

Теперь все было по-другому, но что именно изменилось, Тэн не мог сказать.

На лестнице раздались тяжелые шаги, и дружелюбный голос пробасил:

— Хайрам, я вижу, вы уже починили телевизор.

Тэн выпрямился от неожиданности и застыл в напряженной позе, совершенно утратив дар речи.

Наверху, широко расставив ноги и весело улыбаясь, стоял Генри Хортон. Вид у него был довольный.

— Я говорил Эби, что вы еще не могли закончить ремонт. Но она велела мне зайти. Послушайте, Хайрам, это что — цвет? Как вам удалось это сделать, старина?

Тэн слабо улыбнулся:

— Я только что кончил возиться.

Генри, тяжело ступая, спустился с лестницы и остановился перед телевизором. Заложив руки за спину, он смотрел на экран властным взглядом человека, привыкшего отдавать приказания. Затем медленно покачал головой.

— Я бы никогда не подумал, что это возможно, — сказал он.

— Эби упомянула в разговоре, что вы хотите

цветной.

— Да, конечно. Безусловно, я говорил. Но я не думал о моем старом телевизоре. Никак не ожидал, что его можно переделать на цветной. Как вам это удалось, Хайрам?

— Я не смогу вам точно сказать, — пробормотал Тэн.

И это было чистейшей правдой.

Под одной из скамеек Генри заметил бочонок с гвоздями, выкатил его и поставил перед своим допотопным телевизором. Потом осторожно опустился на бочонок и, усевшись поудобнее, с наслаждением стал смотреть на экран.

— Обычная история, — заметил он. — Вот есть такие люди, как вы, янки-ремесленники. Правда, они не так уж часто встречаются. Вечно возятся с чем-то, хватаются то за одно, то за другое, а потом вдруг глядишь — что-то придумали, хотя часто и сами толком не понимают, что и как у них получилось.

Он сидел на бочонке и смотрел на экран.

— Чудесная вещь, — продолжал он, — по цвету куда лучше, чем телевизоры, которые я несколько раз видел в Миннеаполисе. Скажу вам честно, Хайрам, ни один из них этому и в подметки не годится.

Тэн вытер лоб рукавом. Он весь взмок. Здесь, внизу, становилось жарковато.

Генри достал из кармана большую сигару и протянул ее Тэну.

— Нет, спасибо. Я не курю.

— Вероятно, умно делаете. Отвратительная привычка.

Хортон сунул сигару в рот и стал ее жевать.

— Каждому свое, — торжественно произнес он, — и когда требуется сделать этакое, вы именно тот человек, который нужен. Вы мыслите механическими и электронными схемами. А я в этом ни черта не понимаю. Сам занимаюсь счетными машинами, а ничего в них не смыслю. Я подбираю людей, которые знают в этом толк, а сам не умею распилить доску или вытащить гвоздь. Но я могу организовать дело. Помните, Хайрам, как все веселились, когда я начал строить завод?

— Помню. Во всяком случае, некоторые.

— Они неделями ходили, отворачивая физиономии, чтобы не расхохотаться. Разве не говорили: «О чем думает Генри, когда строит завод счетных машин здесь, в глуши? Не собирается ли он часом конкурировать с большими заводами на Востоке?» Замолчали они только тогда, когда я продал полторы дюжины приборов и получил заказы на

два года вперед.

Генри вынул из кармана зажигалку и осторожно зажег сигару, не сводя глаз с экрана.

— Это дело может оказаться очень денежным, — рассудительно произнес он. — Любой телевизор можно приспособить, если немного его переделать. Коли вы эту развалину сделали цветной, значит, можно наладить любой телевизор. — Не выпуская изо рта сигары, он громко хмыкнул. — Если бы в «Радио корпорейшн» знали, что здесь происходит в эту минуту, они не выдержали бы и перерезали себе глотку.

— Но я и сам не знаю, как я это сделал, — сказал Тэн.

— Отлично, — обрадовался Генри. — Я завтра же возьму приемник на завод и дам его ребятам. Пусть разберутся, что вы тут наворотили.

Он вынул изо рта сигару и внимательно посмотрел на нее, потом сунул обратно.

— Как я уже вам говорил, Хайрам, разница между нами в том, что вы умеете делать что-то руками, но не используете своих возможностей. Я же, в отличие от вас, ничего не в состоянии сделать, но зато могу все устроить после того, как вещь готова. Вот увидите, стоит нам взяться за дело, и вы будете утопать в долларах.

— Но я не знаю, должен ли…

— Не беспокойтесь. Предоставьте это мне. У меня есть завод и необходимые средства. Мы договоримся.

— Это очень любезно с вашей стороны, — машинально ответил Тэн.

— Ну что вы! Не стоит говорить об этом, — снисходительно сказал Генри. — Это мне должно быть неудобно лезть в ваши дела, но когда пахнет большими деньгами, во мне просыпается хищник.

Он сидел на бочонке, курил и следил за цветным изображением.

— Знаете, Хайрам, — проговорил он, — я часто думаю об одном деле, но все никак руки не доходят. У меня на заводе есть старая счетная машина. Мы все равно должны будем ее списать, чтобы освободить помещение. Это одна из наших ранних и неудачных экспериментальных моделей. Ясно, что сейчас она уже ничего не стоит. Это довольно сложная штука. И никто ничего из нее так и не смог сделать. Несколько раз мы пытались к ней подступиться, но, видно, так и не нашли верного решения. А может быть, и правильно делали, да нет хорошего специалиста. Она и стоит в углу все эти годы. Давно бы надо выкинуть ее на свалку, но что-то мешало мне это сделать. И вот я

подумал: не могли бы вы с ней повозиться?

— Не знаю, — ответил Тэн.

— Я не требую никаких обязательств, — великодушно заявил Генри. — Выйдет — хорошо. Возможно, что и вы ничего не сделаете, и, откровенно говоря, я был бы удивлен, если бы что-нибудь получилось. Но попытка не пытка. Вы можете, если понадобится, разобрать машину и использовать детали для ремонта. Там одного оборудования на несколько тысяч долларов. Вам могут пригодиться части.

— Да, это интересно, — без особой радости откликнулся Тэн.

— Вот и прекрасно, — весело подхватил Генри, вложив в это «прекрасно» весь запас недостающего Тэну энтузиазма. — Я завтра пришлю своих парней с грузовиком. Эта штука тяжелая, нужно много рабочих. Они помогут выгрузить машину и перенести ее в подвал.

Генри осторожно поднялся и стряхнул с колен пепел.

— А заодно попрошу ребят забрать и телевизор, — произнес он. — Скажу Эби, что вы его еще не починили. Если я притащу телевизор домой, она тут же в него вцепится.

Тэн видел, как Генри тяжело поднялся по сту-

пенькам, затем хлопнула дверь.

Он стоял в темноте и смотрел, как Генри пересек двор вдовы Тейлор и исчез за соседним домом. Глубоко вдохнув свежий ночной воздух, он помотал головой, надеясь, что хоть немного прояснится в мозгу. Но это не помогло — голова по-прежнему гудела. Слишком много событий за один день, слишком много: сперва потолок, а теперь телевизор. Может быть, когда он выспится хорошенько, то будет в состоянии разобраться во всем.

Из-за угла вышел пес и, ковыляя, медленно взобрался по ступенькам и встал рядом с хозяином. С головы до кончика хвоста он весь был забрызган грязью.

— Видно, и у тебя тоже был хороший денек, — заметил Тэн. — Все как по писаному — никакого сурка ты не поймал.

— Гав, — печально ответил Таузер.

— Ничем ты от нас не отличаешься. Точь-в-точь как мы с Генри, да и все остальные тоже. Вот ищешь и думаешь, будто знаешь, что ты ищешь. А на самом деле и понятия не имеешь, за чем ты охотишься, — мрачно заключил Тэн.

Таузер вяло ударил хвостом по крыльцу. Тэн открыл дверь, посторонился и, пропустив пса

вперед, вошел за ним следом.

Он пошарил в холодильнике и отыскал там пару ломтиков мяса, засохший кусок сыру и полкастрюли вареных макарон. Сварив кофе, Тэн разделил ужин с Таузером.

После еды Тэн спустился вниз и выключил телевизор. Затем достал лампу с рефлектором, вставил вилку в штепсельную розетку и осветил внутренность телевизора. Присев на корточки с лампой в руках, Тэн пытался понять, что же произошло с этой развалиной. Теперь она выглядела совсем по-другому, но определить, в чем заключалась разница, было нелегко. Что-то произошло с лампами — они странным образом изогнулись. Кроме того, кто-то вставил в схему маленькие белые металлические кубики. Они, казалось, были расположены без всякой системы. Монтаж схемы тоже изменился, появились какие-то новые цепи. Чувствовалось, что все это было сделано наспех. Кому-то понадобилось как можно быстрее включить телевизор, и этот «кто-то» починил его на скорую руку.

«Кто-то, — подумал Тэн. — Но кто же этот „кто-то“?» Тэн обошел помещение, заглядывая во все углы, и вдруг почувствовал, как мурашки забегали у него по спине.

Шкафчик был снят со стены и придвинут к скамейке. Шурупы, которыми была привинчена крышка, лежали аккуратно в ряд на полу. Собрав телевизор на скорую руку, неизвестные мастера сделали все намного лучше, чем было прежде.

«Если это называется на скорую руку, можно себе представить, что бы они сделали, будь у них время», — подумал Тэн.

Но конечно, у них не было времени. Они испугались, заслышав его шаги, и не успели поставить крышку на место.

Тэн встал, ноги были как деревянные.

Утром потолок, а теперь телевизор Эби.

И потолок, коли вдуматься хорошенько, не был простым перекрытием. Еще одна прокладка, если эту штуковину можно назвать прокладкой, сделанная из того же материала, оказалось, была положена под пол, там, где между балками было пустое пространство. Именно на эту вторую прокладку и наткнулся Тэн, когда пытался сверлить пол.

Интересно, всюду ли такая прокладка?

Было ясно только одно: в доме, кроме него и Таузера, находился кто-то посторонний.

Таузер услышал, учуял — ощутил его присутствие и потому так яростно царапал пол у двери,

как будто перед ним была нора сурка.

Но теперь Тэн знал наверняка: это был не сурок.

Он убрал лампу и поднялся наверх.

Таузер лежал, свернувшись калачиком, на ковре у качалки и при виде хозяина приветливо застучал хвостом. Тэн остановился и посмотрел на пса. Таузер ответил ему сытым сонным взглядом, вздохнул и закрыл глаза.

Если утром Таузер что-то слышал или чуял, то сейчас ничто не тревожило его сон.

Тут Тэн вдруг вспомнил: днем он налил чайник, чтобы вскипятить воду для кофе, включил плиту, и впервые она зажглась без фокусов — ее даже не пришлось толкать ногой.

Он проснулся утром — кто-то сжал его ноги. Он испуганно сел. Но это был только Таузер, который ночью забрался к нему в постель и устроился в ногах. Пес тихонько заскулил, его задние лапы дернулись, как будто он во сне гнался за кроликом.

Тэн высвободил ноги и протянул руку за одеждой. Было еще рано, но он вспомнил, что вся мебель, привезенная накануне, так и осталась на грузовике. Нужно было стащить ее вниз и уже потом приступать к реставрации.

Таузер продолжал спать.

Тэн прошел на кухню и выглянул в окно. На крыльце у черного хода, скорчившись, сидел Бизли, «универсальный» слуга Хортонов.

Тэн открыл дверь, чтобы узнать, в чем дело.

— Я ушел от них, Хайрам, — сказал Бизли. — Она все время ругала меня. Я никак не мог ей угодить. Плюнул и ушел.

— Ну, заходи, — предложил Тэн. — Надеюсь, ты не откажешься от завтрака и кофе?

— Я все думаю, Хайрам, не остаться ли мне на несколько дней здесь у тебя, пока я не найду место.

— Там будет видно, — заметил Тэн. — Сначала давай позавтракаем.

Все это ему не нравилось, очень не нравилось. Через час прилетит Эби, устроит скандал и будет обвинять его в том, что он сманил Бизли. Ведь Бизли, несмотря на свою тупость, делал всю черную работу и безропотно сносил ругань и придирки. В поселке не найдется другого человека, который стал бы работать у Эби Хортон.

— Твоя матушка всегда угощала меня печеньем, — сказал Бизли. — Она была очень хорошая женщина, Хайрам.

— Это правда, — согласился Тэн.

— Моя мать говорила, что вся ваша семья — это настоящие люди, не чета тем, кто больше всех в поселке задирает нос. Она говорила, что вы были среди первых поселенцев. Это правда, Хайрам?

— Не самые первые, но этот дом стоит здесь почти сто лет. Мой отец любил говорить, что не было ночи, когда хотя бы один Тэн не ночевал под его крышей. Мне кажется, все это имело большое значение для отца.

— Должно быть, приятное чувство. Ты можешь гордиться своим домом, Хайрам.

— Не то слово. Я как-то очень сроднился с этим домом. Даже не могу представить себя в другом месте.

Тэн включил плиту, подошел к крану и налил в чайник воды. Потом он пнул ногой плиту, но спираль и без того начала краснеть.

«Второй раз подряд включаю, и она действует, — подумал Хайрам. — Сама исправилась».

— Какой у тебя шикарный приемник, Хайрам, — сказал Бизли.

— Он никуда не годится. Не работает. Все нет времени починить.

— А по-моему, работает, Хайрам. Я только включил, и он сразу же начал нагреваться.

— Нагреваться? А ну-ка пусти! — закричал Тэн.

Бизли не ошибся — из приемника послышалось легкое потрескивание, затем прорвался голос, который все усиливался по мере того, как нагревались лампы.

Слов он не мог разобрать.

— А по какому они говорят? — спросил Бизли.

— Не знаю, — с отчаянием ответил Тэн.

Сначала телевизор, потом плита, а теперь приемник.

Он начал яростно крутить ручку, но стрелка не побежала, а поползла по шкале. В эфире быстро сменялись голоса, музыка.

Тэн подстроился к какой-то станции — говорили на незнакомом языке. И вдруг он словно прозрел: да это же всеволновый супер, один из тех, что рекламируют на обложках модных журналов, стоит перед ним на кухонном столе, на месте его дешевенького приемника.

Поднявшись, Тэн предложил Бизли:

— Поищи, может, поймаешь что-нибудь на английском, пока я поджарю яичницу.

Он включил вторую горелку, достал с полки сковородку, поставил ее на плиту и вынул из холодильника мясо и яйца.

Бизли поймал наконец какой-то джаз.

— Ну как? — спросил он.

— Превосходно, — ответил Тэн.

Таузер вышел из спальни, зевая и потягиваясь. Он направился к двери, всем своим видом показывая, что хочет выйти. Выпуская его, Тэн посоветовал:

— На твоем месте я плюнул бы на сурка. Тебе придется обшарить весь лес, чтобы найти его.

— А он ищет не сурка, Хайрам, — заметил Бизли.

— Ну кролика.

— И не кролика. Я вчера улизнул, когда Эби думала, что я выбиваю ковры. Из-за этого-то она и разошлась.

Тэн проворчал что-то, выливая яйца на сковородку.

— Так вот, я смылся и пошел на то место, где рыл Таузер. Я с ним поговорил, и он сказал мне, что это и не сурок, и не кролик, а что-то другое. Я залез в яму и помог ему копать. Он выкопал там какую-то штуку, похожую на старый бак. Кто-то зарыл ее здесь, в лесу.

— Таузер не мог откопать бак. Его интересуют только кролики и сурки.

— Он трудился вовсю, — настаивал Бизли. — И был очень взволнован.

— Может быть, сурок выкопал себе нору под

этим баком?

— Может, и так, — сказал Бизли.

Он покрутил приемник — послышалась дикая музыка, ее сопровождал голос комментатора.

Тэн разложил мясо и яичницу по тарелкам, поставил их на стол, налил по большой чашке кофе и стал намазывать гренки маслом.

— Ну, нажимай, Бизли, — предложил он.

— Я очень тебе благодарен, Хайрам, за твою доброту, я сразу же уйду, как только найду работу.

— Но я ведь еще ничего не обещал…

— Знаешь, временами, когда мне кажется, что у меня на свете нет ни единого друга, я вспоминаю твою матушку. Она всегда была очень добра ко мне.

— Ну ладно, хватит об этом, — бросил Тэн, чувствуя, что сдается.

Он поставил на стол новую порцию хорошо поджаренных гренок и банку с вареньем и наконец сел к столу и начал есть.

— Может быть, я могу тебе чем-нибудь помочь? — спросил Бизли, стирая тыльной стороной ладони остатки яичницы с подбородка.

— Там у меня на дороге стоит куча мебели. Помоги снести ее под лестницу.

— С радостью, — откликнулся Бизли. — Ведь я

здоровый и сильный и никакой работы не боюсь. Я только не люблю, когда меня пилят.

После завтрака они стащили мебель под лестницу.

С креслом семнадцатого века им пришлось повозиться, оно было очень громоздким.

Когда они наконец кончили, Тэн внимательно осмотрел кресло. «Человек, заляпавший краской чудесное вишневое дерево, должен был бы ответить за это», — подумал он.

Он сказал Бизли:

— Придется снять краску, причем очень осторожно. Нужно взять растворитель, обмотать шпатель тряпкой и просто протирать поверхность. Хочешь попробовать?

— Конечно, Хайрам. А что у нас будет на ланч?

— Не знаю, — ответил Тэн. — Что-нибудь соорудим. Неужели ты голоден?

— Думаешь, легко таскать эти вещи?

— Там в кухне на полке банка с печеньем, — заметил Тэн. — Пойди и возьми.

Когда Бизли поднялся наверх, Тэн медленно обошел подвал. Потолок был на месте. Все остальное тоже.

А может быть, телевизор, плита и радио — просто «их» способ расплатиться со мной за

квартиру? «Если это так, — подумал он, — пусть бы они пожили здесь подольше».

Он посмотрел вокруг и не обнаружил ничего подозрительного, затем поднялся наверх и позвал Бизли:

— Пойдем в гараж. Поищем какой-нибудь растворитель, и я покажу тебе, как им пользоваться.

Бизли с запасом печенья в руках покорно поплелся за ним. Свернув за угол, они услышали приглушенный лай Таузера. Тэн прислушался, и ему показалось, что пес охрип.

«Третий день, а может быть, даже четвертый. Если не принять мер, этот дурак совсем изведется», — подумал он.

Тэн зашел в гараж и вернулся оттуда с двумя лопатами и киркой.

— Пошли, — бросил он Бизли. — Нужно кончать, а то покоя не будет.

Таузер произвел в лесу настоящие раскопки. Пса почти не было видно — из вырытой ямы торчал лишь самый кончик хвоста, который, как всегда, подрагивал.

Бизли сказал правду: эта странная штука действительно напоминала бак. Часть его выглядывала из ямы.

Таузер выбрался наверх и сел, тяжело дыша, — на усах налипла грязь, язык свисал набок.

— Он говорит, что пора нам принять участие в этом деле, — произнес Бизли.

Тэн обошел яму и опустился на колени. Затем попытался рукой стряхнуть землю с выступающей из ямы части бака, но прилипшая глина затвердела и плохо поддавалась. На ощупь казалось, что бак был сделан из какого-то тяжелого металла.

Тэн взял лопату и стукнул ею по баку. Раздался звон металла.

Они дружно взялись за работу, снимая лопатами слой почвы над баком. Бак оказался больше, чем они думали, и понадобилось немало времени, чтобы откопать его. Но это было далеко не все: нужно было очистить всю поверхность от приставшей к ней земли.

— Я голоден, — пожаловался Бизли.

Тэн взглянул на часы. Почти час.

— Беги домой, — предложил он Бизли. — И найди себе что-нибудь в холодильнике. Там есть молоко.

— А ты, Хайрам, — ты разве не голоден?

— Ну, принеси мне сэндвич и посмотри, нет ли там мастерка.

— А для чего тебе мастерок?

— Я хочу соскрести грязь с этой штуки и посмотреть, что это такое.

Он опустился на колени рядом с выкопанным предметом и смотрел, как Бизли исчез в лесу.

— Таузер, — заметил он, — это самая странная штука из всех, которые ты когда-либо выкапывал.

«Когда от страха места себе не находишь, остается только одно — обратить все в шутку», — подумал Тэн.

Бизли, конечно, не испугался. У него недоставало воображения, чтобы бояться непонятных вещей.

Тэн осмотрел бак: он был овальной формы, не менее семи метров в высоту и четырех в поперечнике. «Целая комната, — подумал он. — В Уиллоу-Бенде никто сроду не видывал такой штуки».

Он вынул из кармана складной нож и очистил от глины кусочек поверхности. Бак был сделан из какого-то диковинного материала, неизвестного Тэну и похожего на стекло.

Тэн продолжал соскребать грязь с бака, пока не очистил кусок величиной с ладонь.

Теперь Тэн почти не сомневался: все же это был

не металл, а полупрозрачное вещество, скорее напоминавшее стекло, из которого делают кубки и вазы. Тэн вечно за ним охотился — любители сходят с ума по такому стеклу и платят бешеные деньги.

Тэн закрыл нож, спрятал его в карман и присел на корточки, чтобы получше рассмотреть находку Таузера.

В нем росла уверенность: существа, поселившиеся в его доме, прибыли именно в этой штуке, откуда бы они ни явились — из космоса или из какого-то другого времени. Он сам удивился своим мыслям — раньше он ни о чем таком не думал.

Тэн взялся за лопату. На этот раз он стал копать глубже, подрывая закругленный край незнакомого предмета, все еще крепко сидящего в земле.

Он спрашивал себя, что ему говорить обо всем этом и говорить ли вообще. Может быть, самое правильное — засыпать всю эту штуку землей, чтобы ни одна живая душа не узнала?

Бизли, конечно, будет болтать. Но кто обращает внимание на то, что несет Бизли? Все в Уиллоу-Бенде знали, что Бизли тронутый.

Наконец вернулся Бизли. В старой газете он принес три неумело сделанных сэндвича и почти полную бутылку молока.

— Да ты, как я вижу, не очень торопился, — без раздражения заметил Тэн.

— А мне было интересно.

— Что именно?

— Приехали три больших грузовика и привезли какие-то тяжелые вещи. Два или три больших шкафа и еще кучу всякого барахла. Они все поставили в подвал. Ты знаешь телевизор Эби? Они его забрали. Я им говорил, чтобы они не брали, а они все равно взяли.

— Совсем забыл, — спохватился Тэн. — Генри предупреждал, что пришлет счетную машину, а я забыл.

Он съел сэндвичи, разделив их с Таузером, который в порыве благодарности измазал его маслом.

Покончив с едой, Тэн поднялся и взял в руки лопату.

— А теперь за работу, — предложил он. — Мы должны закончить.

— Но в подвале-то все так и стоит.

— Подождет, — ответил Тэн. — Нужно развязаться с этим делом.

Когда они кончили копать, было совсем темно. Тэн устало оперся на лопату.

Четыре метра на семь в поперечнике и три в

высоту — и все из матового стекла, звенящего от прикосновения лопаты. «Должно быть, они совсем маленькие, — подумал Тэн. — Иначе как бы они уместились в этом ящике, особенно если их много. Неизвестно, какой путь им пришлось проделать. Но все же они как-то разместились. Значит, все у них было предусмотрено. Не будь они такими крошечными, они не смогли бы забраться в щели между балками пола — при условии, что они вообще реально существуют и все это не сплошная чушь».

Если они и побывали в доме, то ясно, что сейчас их там нет. Таузер чуял или слышал что-то утром, а сейчас он был совсем спокоен.

Тэн вскинул лопату на плечо и прихватил с собой кирку.

— Двинулись, Бизли, — кивнул он. — День был длинный и тяжелый.

Пройдя напрямик через кустарник, они вышли на дорогу. В ночной тьме то там, то здесь мелькали светлячки, уличные фонари покачивались от легкого летнего ветерка. Звезды были яркие и четкие.

«Возможно, они еще в доме, — подумал Тэн. — Наверное, поняли, что Таузер их учуял, и что-нибудь сделали, чтобы он больше не ощущал их

присутствия.

Вероятно, они хорошо приспосабливаются. Похоже, что так. С какой легкостью они устроились в человеческом жилье», — мрачно добавил он про себя.

Они с Бизли шли в темноте по усыпанной гравием дорожке, ведущей в гараж. Нужно было положить инструменты. Но странное дело — гаража не оказалось.

Дорожка резко обрывалась, и за ней не было ничего; в том месте, где кончался гараж, стена изгибалась.

Они подошли ближе к стене и остановились в темноте, еще не веря своим глазам.

Не было ни гаража, ни порога, ни фасада дома. Будто кто-то взял противоположные углы фасада, свел их вместе, и вся передняя стена дома оказалась внутри кривизны.

Теперь Тэн стал владельцем дома с завернутым внутрь фасадом. И хотя это выглядело просто, на самом деле все оказалось сложнее: кривизна была не такой, какую следовало бы ожидать в подобном случае, — длинная линия, изящно изогнутая и очень нечеткая, будто фасад совсем убрали, а оставшаяся часть дома расположилась так, чтобы как-то замаскировать это исчезновение.

Тэн выронил кирку и лопату — они со стуком ударились о твердую дорожку. Он провел рукой по глазам, будто снимая с них невидимую пелену.

Когда он убрал руку, ничего не изменилось.

Фасада по-прежнему не было.

Он несколько раз обежал вокруг дома, едва сознавая, что делает, и внутри у него рос страх.

Задняя стена была на месте. С ней ничего не произошло.

Он поднялся на крыльцо, Бизли и Таузер последовали за ним. Распахнув дверь, Тэн ворвался в переднюю, пронесся по лестнице, в три прыжка пересек кухню и бросился в гостиную, чтобы снова посмотреть, что же произошло с фасадом.

Остановившись в дверях и ухватившись за косяк, Тэн ошалело уставился в окно. Он отлично знал, что на дворе ночь, прекрасно видел светлячков в кустах и в камышах, фонари на улице, звезды в небе. Но в окна его комнаты лился поток солнечного света, а за домом лежала какая-то незнакомая страна, ничем не напоминающая Уиллоу-Бенд.

— Бизли, — крикнул он. — Погляди в окно!

Бизли поднял голову.

— Интересно, что это за местность? — спро-

сил он.

— Я и сам бы хотел это знать, — откликнулся Тэн.

Таузер нашел свою миску и, подталкивая носом, начал возить ее по всей кухне, давая этим понять Тэну, что его пора кормить.

Тэн прошел через комнату и открыл наружную дверь. Гараж был на месте. Пикап стоял, упираясь носом в открытую дверь гаража, а легковая машина, как всегда, находилась внутри.

Фасад тоже был в полном порядке, но остальное…

В двух футах от грузовика дорожка обрывалась, и за ней не было ни двора, ни леса, ни дороги, а просто пустыня, покрытая галькой и песком, плоская уходящая вдаль пустыня, ровная, как пол, с редкими пятнами камней и кустами чахлой зелени. Огромное слепящее солнце висело прямо над горизонтом, который виднелся где-то очень далеко. Но самое удивительное заключалось в том, что солнце находилось на севере, где ему было совсем не место. Кроме того, оно сияло ослепительно белым светом.

Бизли вышел на порог, и Тэн увидел, что он дрожит, как испуганный пес.

— Может быть, тебе лучше вернуться и состря-

пать нам ужин? — мягко сказал Тэн.

— Но как же, Хайрам… — начал Бизли.

— Все в порядке, — успокоил его Тэн. — Все будет в порядке.

— Ну, если ты так говоришь, Хайрам.

Он вошел в дом, хлопнув дверью, и через минуту Тэн услышал, как он гремит посудой на кухне.

Неудивительно, что Бизли так перепугался. Хоть кого свалит такая штука: выйти из своей парадной двери и очутиться в незнакомой стране.

Конечно, человек может и не к такому привыкнуть, но все же на это нужно время.

Тэн спустился с крыльца, прошел мимо грузовика за гараж. Огибая его, он почти надеялся увидеть знакомые дома Уиллоу-Бенда — ведь когда он входил через заднюю дверь, поселок еще стоял на месте.

Но Уиллоу-Бенда не было. Перед ним лежала пустыня, бесконечная пустыня.

Он обошел дом вокруг и теперь не нашел задней стены. Задняя часть дома представляла собой то же, что фасад, когда Тэн впервые увидел его, — те же сведенные вместе углы. Он пошел дальше, но повсюду расстилалась пустыня. Фасад был на месте, и все оставалось по-прежнему. На обрезанной дорожке стоял грузовик, дверь гаража была

открыта, и внутри виднелась машина.

Тэн прошел вглубь пустыни, наклонился и зачерпнул горсть гальки — галька была самая обыкновенная. Он присел на корточки и начал пропускать камешки сквозь пальцы.

В Уиллоу-Бенде была задняя дверь его дома, а фасад исчез. А здесь, правда непонятно как, все было наоборот: передняя дверь осталась, но отсутствовала задняя стена.

Он встал, выбросил оставшиеся камни и вытер ладони о брюки.

Уголком глаза он уловил какое-то движение на пороге — они были здесь.

Отряд крошечных зверьков — если их вообще можно так назвать — строем спустился с лестницы. Все они были не выше десяти сантиметров и передвигались, опираясь на четыре конечности, хотя было ясно видно, что их передние конечности — не ноги, а руки. Их крысиные мордочки с длинными острыми носами отдаленно напоминали человеческие лица. Казалось, что зверьки покрыты чешуей, так как их тела при движении блестели и переливались. Хвосты зверьков, очень похожие на те проволочные закругленные хвостики, какие бывают на заводных игрушках, торчали вверх и подрагивали на ходу.

Они сошли со ступенек четким шагом, сохраняя дистанцию в пятнадцать сантиметров, держась прямо, как по линейке, и двинулись в пустыню. В них чувствовалась железная целеустремленность, и тем не менее было видно, что они не очень торопятся.

Тэн насчитал шестнадцать зверьков. Он долго стоял, провожая их взглядом, пока они не растворились в пустыне.

«Вот они, мои новые жильцы, — подумал Тэн. — Это они обили потолок, починили телевизор, исправили плиту и приемник. И похоже, что они путешествовали в этом странном сосуде из матового стекла, который лежит там, в лесу. Но даже если они прибыли на Землю в этой штуке, то все равно непонятно, откуда они появились».

Тэн поднялся на крыльцо, открыл дверь и увидел, что его гости прорезали в дверной сетке круг диаметром в пятнадцать сантиметров. «Иначе бы им не выйти, — подумал он и тут же мысленно отметил: — Как-нибудь надо выбрать время и заделать дыру». Он вошел в дом, громко хлопнув дверью.

— Бизли! — закричал он.

Ответа не было.

Таузер выполз из-под кушетки и виновато за-

скулил.

— Все в порядке, дружок, — сказал Тэн. — Эта компания меня тоже напугала.

Он пошел на кухню. Неяркий свет, лившийся с потолка, отражался в перевернутом кофейнике, в осколках чашки посреди пола и в опрокинутой миске с яйцами. Разбитое яйцо расплылось на линолеуме бледно-желтым пятном.

Поднявшись по лестнице, Тэн увидел, что дверь, ведущая на черный ход, почти уничтожена — ржавая металлическая сетка разорвана на куски, и рама, на которой она была натянута, расколота.

Тэн посмотрел на дверь не без восхищения.

— Вот дурни, — изумился он, — прошли сквозь дверь и даже открыть не попытались.

Он зажег свет и стал спускаться по лестнице. Но на полпути остановился в изумлении: слева от него была стена, сделанная из того же материала, что и потолок.

Перегнувшись через перила, Тэн увидел, что стена делила его мастерскую пополам — она шла от пола до потолка, перерезая подвал.

Что же осталось в мастерской?

Он вспомнил, что там стояла счетная машина, которую утром прислал Генри. Три грузовика,

сказал Бизли. Три грузовика деталей попали прямо к ним в лапы.

Тэн устало опустился на ступеньки.

Должно быть, они считают его своим союзником. Не иначе как они решили, что Тэн знает об их существовании и действует заодно с ними. Или, может быть, они решили, что он таким образом расплатится за ремонт телевизора, плиты и приемника.

Но если рассуждать последовательно, зачем они починили телевизор, плиту и приемник? Что это — своего рода плата за постой? Или просто знак дружеского расположения? А может быть, пришельцы решили попрактиковаться — проверить, смыслят ли они что-либо в технике чужого мира, посмотреть, как можно применить свои знания в условиях вновь открытой планеты?

Тэн постучал костяшками пальцев по стене у перил — белая гладкая поверхность зазвенела.

Приложив ухо к стене, он внимательно прислушался — ему показалось, что там слышен приглушенный гул, но он не был в этом совершенно уверен.

За стеной осталась садовая косилка Бейнкера Стивенса и еще много разного хлама, который нужно было чинить. «Ведь хозяева с меня шкуру

сдерут, — подумал Тэн, — особенно Бейнкер Стивенс. Это ведь известный жмот».

Бизли, наверное, совсем одурел от страха. Когда он увидел, как эти типы поднимаются по лестнице, у него последний разум отшибло, и он полез в дверь, даже не открыв ее. А теперь он, очевидно, носится по поселку и трезвонит обо всем каждому, кто захочет его слушать.

Правда, обычно никто не обращает внимания на болтовню Бизли. Но если он заладит без конца одно и то же, да еще в таком возбужденном состоянии, не исключено, что кто-нибудь да и прислушается. И тогда они ворвутся сюда, все обыщут, всюду сунут нос, и в конце концов кто-нибудь из них зацапает все в свои руки.

А это уже их совсем не касается, повторял Тэн, чувствуя, что в нем заговорил старый бизнесмен. Сразу же за его двором начинались огромные неосвоенные пространства, и путь к ним лежал только через его дом. И вся эта земля по праву принадлежала ему. Может быть, она ни на что не годна — ведь это пустыня. Но прежде чем ее отдать, он должен сам все посмотреть и во всем убедиться.

Он вышел из подвала и направился к гаражу.

Солнце по-прежнему находилось на севере, над

самым горизонтом, и вокруг все было спокойно. Тэн нашел в гараже молоток, гвозди, несколько коротких дощечек и принес их в дом. Он заметил, что Таузер, воспользовавшись паникой, уснул на кресле с парчовой обивкой, но не стал его трогать.

Закрыв черный ход, Тэн прибил на дверь несколько планок, затем запер кухню, закрыл окна в спальне и тоже забил их досками.

Это хоть ненадолго удержит жителей поселка, сказал он себе, когда они примчатся поглазеть на то, что здесь происходит.

Он достал из шкафа свое охотничье ружье, коробку патронов, бинокль и старую флягу, которую наполнил водой из крана, и положил в мешочек продукты на дорогу для себя и Таузера, так как времени на еду уже не оставалось.

Потом Тэн прошел в комнату и согнал Таузера с кресла.

— Пошли, Тауз, — сказал он. — Пойдем сами все поглядим.

Проверив бензин — бак был почти полный, — он влез в машину и положил ружье на сиденье рядом с собой. Таузер прыгнул вслед за ним. Затем, дав задний ход, Тэн развернулся и поехал на север через пустыню.

Машина шла легко. Почва была ровная, как пол. Иногда она становилась ухабистой, но не более чем проселочные дороги, по которым он мотался в поисках мебели.

Ландшафт казался на редкость однообразным. Повсюду расстилалась плоская пустыня, и лишь кое-где выступали низкие холмы. Тэн все время ехал на север, держа курс по солнцу. Несколько раз он пересекал песчаные полосы — песок был твердый, хорошо спрессованный, и колеса шли легко.

Через полчаса он поравнялся с отрядом своих гостей. Шестнадцать зверьков все так же неторопливо шли строем по пустыне.

Тэн сбавил скорость и некоторое время ехал параллельно с ними. Но толку от этого не было никакого — зверьки придерживались строго определенного направления, не обращая на Тэна никакого внимания.

Увеличив скорость, Тэн обогнал их.

Солнце по-прежнему неподвижно стояло на севере. Это было очень непривычно. Может быть, подумал Тэн, этот мир вращается вокруг своей оси гораздо медленнее, чем Земля, поэтому и день здесь длиннее. Судя по тому, что солнце так долго стоит на одном месте, намного длиннее.

Согнувшись за рулем и всматриваясь в бесконечную пустыню, он впервые обратил внимание на необычность пейзажа.

Несомненно, это был другой мир. Другая планета вращалась вокруг другой звезды, и никто на Земле не знал, какое место она занимает в космосе. Но из-за странных действий шестнадцати существ, шагавших строем по пустыне, новая планета начиналась сразу же за парадной дверью его дома.

Вдалеке маячил довольно высокий холм. По мере того как Тэн приближался к холму, он начал различать на его вершине какие-то блестящие предметы. Вскоре он остановил грузовик и взялся за бинокль.

Тэн с удивлением увидел, что блестящие предметы — баки из молочно-белого стекла, точно такие же, как тот, что он нашел в лесу. Он насчитал их восемь штук. Они лежали в углублениях из серого камня и ослепительно ярко блестели на солнце. Некоторые гнезда пустовали. Тэн опустил бинокль и стоял, размышляя, стоит ли взбираться на холм, чтобы получше разглядеть их. Потом покачал головой — успеется. Сейчас лучше проехать как можно дальше. Ведь это еще не серьезная исследовательская экспедиция, а

лишь предварительная разведка.

Он влез в машину и двинулся дальше, все время посматривая на указатель уровня бензина. Когда стрелка дойдет до середины шкалы, ему придется повернуть обратно.

Впереди, над темной линией горизонта, Тэн заметил неясное белое облачко. Он присмотрелся внимательнее. Временами облако рассеивалось, потом снова появлялось. Из-за большого расстояния трудно было разобрать, что это такое.

Он взглянул на указатель уровня — тот показывал чуть больше половины. Тэн остановил машину и снова взялся за бинокль.

Когда он вышел, то с удивлением почувствовал, что ноги точно налиты свинцом. Он сообразил, в чем дело, — ему давно следовало быть в постели. Часы показывали два. Это означало, что там, на Земле, было два часа ночи и он уже больше двадцати часов на ногах, причем большую часть времени провел в страшном напряжении, выкапывая эту странную штуку в лесу. Тэн снова поднес к глазам бинокль — белая неясная линия оказалась цепью гор. Огромная синяя скалистая гряда со сверкающими от снега вершинами высилась над пустыней. Горы были очень далеко и даже в мощный бинокль выглядели голубой ту-

манной полосой. Тэн медленно обвел биноклем линию горизонта: по ней тянулись и тянулись горы.

Повернувшись, Тэн стал рассматривать в бинокль пустыню. Все та же плоская земля, те же одиночные холмы, та же чахлая растительность.

И дом.

Когда он опустил бинокль, руки его дрожали. Затем он снова поднес его к глазам и посмотрел еще раз. Сомнений не было — перед ним находился самый настоящий дом, очень странного вида. Он стоял у подножия холма, скрытый в тени, и поэтому его нельзя было разглядеть невооруженным глазом.

Дом был небольшой, с заостренной конусообразной крышей, и казался крепко прижатым к земле, так что чудилось, будто он, пригнувшись, ползет по пустыне. Тэн разглядел овальную дыру, должно быть дверь, но не увидел никаких окон.

Опустив бинокль, Тэн оглянулся. «Пять или шесть километров, — подумал он. — Пикап дотянет, а если и не хватит бензина, последние несколько километров до Уиллоу-Бенда можно пройти пешком».

«Интересно, что дом только один», — подумал Тэн. На протяжении всего пути не было видно ни-

каких признаков жизни, не считая шестнадцати маленьких крысоподобных существ, шеренгой шагавших по пустыне: никаких искусственных сооружений, кроме этих восьми странных белых штук, лежащих в своих каменных ложах.

Тэн сел в машину и нажал на педаль акселератора. Через десять минут он подъехал к фасаду дома, стоящего в тени холма.

Он вышел из пикапа и достал ружье. Таузер прыгнул на землю, внезапно зарычал, и шерсть у него встала дыбом.

— Что случилось, дружище? — спросил Тэн.

Таузер в ответ снова зарычал.

Дом стоял безмолвный; казалось, хозяева давно покинули его.

Стены были сложены из грубых неотесанных камней, наспех скрепленных каким-то похожим на глину веществом. Крыша первоначально была покрыта дерном. Странно, откуда он взялся, — во всей пустыне не существовало ничего, хотя бы отдаленно напоминавшего дерн. Хотя еще можно было разглядеть места, где соединялись полосы дерна, но казалось, что это просто обожженная солнцем земля.

Дом был какой-то безликий, без всяких украшений. Видно, никто даже не пытался смягчить

его суровую неуютность и сделать пригодным для жилья. Такой дом могли сложить скотоводы-кочевники. Время оставило на нем свои следы: камень расслоился и начал крошиться.

Взяв ружье под мышку, Тэн двинулся к домику. Он подошел к двери и заглянул внутрь — там было темно и тихо.

Тэн обернулся, ища Таузера. Пес забился под машину и выглядывал оттуда, тихо рыча.

— Не ходи далеко, — сказал Тэн. — Не убегай, слышишь? — Выставив вперед ружье, он шагнул во мрак, постоял немного, чтобы глаза привыкли к темноте.

Теперь он мог разглядеть комнату, в которой находился: совсем простая, с грубой каменной скамьей вдоль одной стены. На другой темнели какие-то странные ниши, а в углу стоял деревянный предмет, но Тэн так и не понял его назначения.

«Старое покинутое жилище, давным-давно заброшенное», — подумал он.

Может быть, в какие-то далекие времена, когда пустыня была богатой и цветущей, здесь жило пастушье племя.

В углу была еще одна дверь. Распахнув ее, Тэн услышал слабый приглушенный стук и еще

какой-то звук — будто шум падающего дождя. Из открытой двери, ведущей куда-то вглубь, потянуло морским воздухом, и Тэн так и застыл в изумлении посреди комнаты.

Еще один дом, ведущий в другой мир!

Он медленно вышел в открытую дверь и попал в туманный, пасмурный день. Потоки дождя низвергались на землю из бешено мчащихся облаков. А в полукилометре, за полем, где в беспорядке громоздились серо-стальные валуны, лежало беспокойное море. Оно свирепо билось о берег, и фонтаны яростных брызг вздымались в воздух.

Тэн вышел из дома и взглянул на небо — дождь больно захлестал по его лицу. Воздух был промозглый и холодный, и все это место казалось каким-то таинственным, сверхъестественным. Мир, выхваченный из старой сказки о привидениях и эльфах.

Он оглянулся — ничего не было видно. Дождь заштриховал мир, который простирался за прибрежной полосой. Тэну вдруг почудилось что-то за дождем. Задохнувшись от страха, он повернулся и, спотыкаясь, бросился обратно в дом.

Новый мир отделял его от Уиллоу-Бенда, а теперь появился и второй. Расстояние в два мира

— это больше, чем может выдержать обыкновенный человек. Ему стало не по себе при мысли о том, как страшно одинок он сейчас, и, почувствовав, что не может дольше оставаться в этом заброшенном доме, Тэн выбежал наружу.

Солнце светило по-прежнему ярко, было тепло и приятно. Одежда Тэна промокла, и капли влаги лежали на стволе ружья.

Тэн огляделся, ища Таузера, но собаки не было видно. Он не нашел ее и под машиной. Пес исчез.

Хозяин позвал его, но Таузер не отозвался. Голос Тэна одиноко прозвучал в окружающей пустоте и безмолвии.

В поисках собаки он обошел дом. Теперь второй двери снаружи не было. Сложенные из грубого камня стены закруглялись и сходились, изгибаясь так же странно, как и фасад его дома, а задней стены и вовсе не было.

Но Тэна это сейчас мало трогало и ничуть не удивляло — он искал пса и ни о чем больше не желал думать. Он понимал, что отъехал слишком далеко от дома, и чувствовал, как внутри у него все леденеет от страха.

Потратив на поиски три часа, он вернулся в дом, но Таузера не было и там. Тэн снова вышел

в другой мир и безуспешно искал пса среди хаотического нагромождения камней. Затем пошел обратно в пустыню и направился к холму. Взобравшись наверх, он поднес к глазам бинокль — вокруг простиралась безжизненная равнина.

Падая от усталости, спотыкаясь и засыпая на ходу, Тэн вернулся к машине.

Прислонившись к кузову, он попробовал собраться с мыслями. Продолжать поиски в таком состоянии было бесполезно. Он должен хоть немного поспать. Нужно вернуться в Уиллоу-Бенд, наполнить бак, взять запас бензина, чтобы расширить радиус поисков.

Он не мог оставить пса здесь — это было немыслимо. Необходимо все обдумать и действовать разумно. Чем он поможет Таузеру, шатаясь по пустыне в таком состоянии?

Тэн завел машину и двинулся обратно к Уиллоу-Бенду, ориентируясь по едва заметным следам шин на песчаных участках и все время борясь с острым желанием немедленно заснуть.

Проезжая мимо горы, на которой виднелись белые стеклянные баки, Тэн на минуту остановил машину и вышел поразмяться — иначе бы он заснул за рулем. На этот раз только семь баков лежали в гнездах. Но все это не имело значе-

ния. Главное — побороть усталость, которая все сильнее овладевала им, удержать в руках руль и дотянуть до Уиллоу-Бенда. А там можно поспать немного и вновь приняться за поиски Таузера.

Примерно на полпути он увидел, что к нему приближается машина, и стал следить за ней в немом изумлении, ибо его грузовик и машина в гараже были единственным транспортом по эту сторону дома.

Он резко затормозил и вышел. Легковая машина подъехала, и из нее выпрыгнули Генри Хортон, Бизли и незнакомый человек со служебным знаком на груди.

— Ну, слава богу, нашелся! — закричал Генри, бросаясь к нему.

— А я и не терялся, — возразил Тэн. — Я возвращаюсь домой.

— Он валится с ног, — заметил незнакомец.

— Это шериф Хансон, — сказал Генри. — Мы ехали по вашим следам.

— Я потерял Таузера, — пробормотал Тэн. — Мне пришлось его оставить. Пустите. Мне нужно искать Таузера. Я сам доберусь до дома…

Тэн пошатнулся и ухватился за дверцу машины, чтобы не упасть.

— Вы взломали дверь, — обратился он к Ген-

ри. — Вы ворвались в мой дом и взяли машину.

— Мы вынуждены были это сделать, Хайрам. Мы боялись — а вдруг с вами что-нибудь случилось. Бизли все расписал так, что у нас волосы на голове встали дыбом.

— Вы лучше пересадите его в машину, — предложил шериф, — а я отведу назад грузовик.

— Но мне нужно искать Таузера.

— Прежде всего вам надо отдохнуть.

Генри схватил его под руку и повел к машине. Бизли придерживал дверцу.

— Вы знаете, что это за места? — прошептал Генри тоном заговорщика.

— Понятия не имею, — пробормотал в ответ Тэн. — Может быть, какой-то другой…

Генри ухмыльнулся.

— Да это, по-моему, не имеет значения. Что бы тут ни было, но нас с вами уже засекли. Мы попали в последние известия и заголовки газет. В городе полно репортеров и кинооператоров, ждут приезда начальства. Я уверен, Хайрам, это выдвинет вас…

Но Тэн уже ничего не слыхал. Он заснул раньше, чем опустился на сиденье.

Проснувшись, Тэн некоторое время лежал неподвижно. В комнате было прохладно и спокойно,

шторы опущены.

«Хорошо проснуться в знакомой комнате, где провел всю свою жизнь, в доме, который принадлежит твоей семье почти столетие», — подумал он.

Затем Тэн вдруг все вспомнил и сел на постели. И тотчас же услышал шум за окном. Он спрыгнул с кровати, отогнул угол шторы и выглянул в окно. Солдаты сдерживали толпу, заполнившую задний двор его дома и дворы соседних домов.

Тэн бросил штору и принялся искать туфли. Он так и спал — одетым. Очевидно, Генри и Бизли положили его в постель, сняв с него только башмаки. Должно быть, он еще в машине, как только Генри втолкнул его на заднее сиденье, заснул мертвым сном.

Тэн нашел башмаки на полу и, сев на кровать, принялся надевать их, лихорадочно обдумывая, что же делать дальше.

Он должен добыть где-нибудь бензин, наполнить бак и на всякий случай взять одну или две запасные канистры. Кроме того, нужно будет прихватить с собой воду, еду и, может быть, спальный мешок. Он твердо решил, что не вернется, пока не разыщет собаку.

Надев башмаки и завязав шнурки, Тэн вышел

в гостиную. Там никого не было, но на кухне слышались голоса. Он выглянул в окно — такая же пустыня, как и прежде. Правда, солнце поднялось выше, но во дворе перед его домом все еще было утро.

Тэн посмотрел на часы. Они показывали шесть, да и по тени, на которую он обратил внимание, выглянув в окно спальни, легко было определить, что сейчас шесть часов. Должно быть, Тэн проспал около суток. Ему стало не по себе. Он не собирался столько спать и оставлять Таузера так долго одного.

Он направился в кухню. Там сидели трое: Эби, Генри Хортон и какой-то военный.

— Вот и вы, — весело воскликнула Эби. — А мы гадаем, когда вы проснетесь.

— Вы сварили кофе, Эби?

— А как же, целый кофейник. Я сейчас вам что-нибудь приготовлю.

— Только гренки, — попросил Тэн. — Некогда. Я должен ехать искать Таузера.

— Хайрам, — сказал Генри, — это полковник Райан из Национальной гвардии. Его ребята там, на улице.

— Да, я видел их из окна.

— Это необходимо было сделать, — объяснил

Генри. — Совершенно необходимо. Шериф не мог справиться. Здесь бы все разнесли на куски. Я позвонил губернатору.

— Тэн, присядьте, пожалуйста. Я хочу с вами поговорить, — объявил полковник.

— Я понимаю, — сказал Тэн, придвигая стул. — Простите, полковник, но я очень спешу, у меня пропала собака.

— То, что здесь происходит, — заметил полковник, — куда важнее любой собаки.

— Полковник, ваши слова доказывают только, что вы не знаете Таузера. Он самый лучший пес из всех, каких мне довелось держать, а уж, поверьте, у меня их перебывало немало. Я его взял щенком, и все эти годы он был мне хорошим другом.

— Ну и прекрасно, — произнес полковник. — Я понимаю, он ваш друг. Но тем не менее я должен с вами поговорить.

— Сядьте и выслушайте полковника, Хайрам, — велела Эби. — Я сейчас сделаю оладьи. Генри принес с фермы какую-то колбасу.

Дверь черного хода отворилась, и, сопровождаемый ужасным металлическим звяканьем, пошатываясь, вошел Бизли. Он нес три пустые пятигаллонные канистры в одной руке и две в другой — все они гремели и дребезжали.

— Послушайте, — закричал Тэн, — что здесь происходит?

— Успокойтесь, Тэн, — отвечал Генри. — Вы даже не знаете о проблемах, которые здесь возникли. Мы хотели принести сюда большой бак для бензина, но он не прошел. Потом пытались разобрать стену кухни и не смогли.

— Пытались что сделать?

— Разобрать стену кухни, — спокойно повторил Генри. — Через обычную дверь невозможно внести эти большие бензобаки, но как только мы начали пилить, убедились, что весь дом изнутри проложен тем же материалом, который вы использовали для потолка под лестницей. Когда мы хотели разрубить стену, топор сразу же затупился.

— Но, Генри, это мой дом, и никто не имеет права его ломать.

— Экстренный случай, — сказал полковник. — Мне хочется знать, Тэн, что это за материал, который мы так и не смогли пробить?

— Не волнуйтесь, Хайрам, — предупредил Генри. — За дверью нас ждет огромный новый мир.

— Он ждет совсем не вас. И вообще, это никого не касается! — заорал Тэн.

— Но мы должны исследовать его, а для это-

го нам требуются огромные запасы бензина. И поскольку мы не можем внести большой бак, бензин приходится носить в канистрах. Позже мы пропустим через дом бензопровод.

— Но послушайте, Генри!..

— Мне бы хотелось, — твердо заявил Генри, — чтобы вы перестали прерывать меня и выслушали все, что я хочу сказать. Вы даже не представляете, с какими трудностями мы столкнулись в связи с организацией снабжения. Мы связаны по рукам и ногам размерами двери, мы должны запастись горючим и организовать транспорт. Легковые машины и грузовики были бы совсем не лишними. Мы должны их разобрать и протащить по частям. Но вот самолет — проблема уже почти неразрешимая.

— Послушайте, Генри. Я не позволю тащить сюда самолет. Этот дом почти сто лет принадлежит моей семье. Я здесь хозяин, и вы не имеете права самовольно являться сюда и всем распоряжаться, да еще протаскивать через дом всякую дрянь.

— Ну поймите, Тэн, — плаксивым голосом произнес Генри, — нам до зарезу нужен самолет. Ведь, имея самолет, можно обследовать сразу огромную территорию.

Бизли, гремя канистрами, прошел через кухню

в гостиную.

Полковник вздохнул.

— Я надеялся, мистер Тэн, что вы войдете в наше положение. Мне казалось естественным, что сотрудничество с нами в этом деле вы сочтете своим патриотическим долгом. Правительство, конечно, может воспользоваться своим правом верховной власти и конфисковать ваше владение. Но оно предпочло бы этого не делать. Я говорю сейчас неофициально, но я думаю, было бы правильным предупредить вас заранее, что власти предпочли бы прийти к дружескому соглашению.

— Сомневаюсь, — сказал Тэн наудачу, хотя сам толком ничего не знал, — что в этом случае можно применить право высшей власти. Вот если бы мой дом стоял на дороге…

— А это и есть дорога, — спокойно возразил полковник. — Прямая дорога через ваш дом в другой мир.

— Во-первых, — продолжал Тэн, — правительство еще должно доказать, что все это делается в интересах общества и что отказ владельца передать право владения государству равносилен вмешательству в действия правительства. А во-вторых…

— Мне кажется, — перебил его полковник, — правительство сможет доказать, что это делается в общественных интересах.

— Боюсь, что мне придется обратиться к адвокату, — сердито заметил Тэн.

— Если вам действительно понадобится очень хороший юрист, а я в этом уверен, то я смогу рекомендовать вам фирму, которая будет прекрасно защищать ваши интересы, притом за умеренную плату, — предложил Генри, всегда готовый прийти на помощь.

Полковник в негодовании поднялся.

— Вам придется держать ответ перед властями, Тэн. Правительство пожелает задать вам много вопросов. Во-первых, оно заинтересуется тем, как вам удалось здесь все так ловко устроить. Вы готовы ответить на этот вопрос?

— Нет, — признался Тэн. — Пожалуй, что нет.

Он с тревогой подумал: «Они считают, что я сделал все это сам, и накинутся на меня, как стая волков, чтобы узнать секрет». Он представил себе ФБР, государственный департамент, Пентагон, и даже не вставая со стула, почувствовал, что коленки у него дрожат.

Полковник повернулся и строевым шагом вышел из кухни.

Слышно было, как громко хлопнула задняя дверь.

Генри задумчиво посмотрел на Тэна.

— Вы и в самом деле так думаете? — спросил он. — Вы собираетесь тягаться с ними?

— Я обозлился, — ответил Тэн. — Они не имеют права являться сюда и распоряжаться в моем доме без спросу. Мне плевать, как они к этому отнесутся. Это мой дом, я здесь родился, прожил всю жизнь, мне нравится это место и...

— Ну конечно, — перебил его Генри. — Прекрасно понимаю ваши чувства.

— Я знаю, что это мальчишество. Коли уж они пришли, я бы ничего не имел против, если бы видел, что они хотят сесть, поговорить по-человечески и посвятить меня в свои планы. Но их даже не интересует мое мнение. Поверьте, Генри, все обстоит не так просто, как вам кажется. Независимо от того, что думают в Вашингтоне, вряд ли можно прийти и сразу захватить эту новую страну. Здесь могут произойти самые неожиданные события, и нужно все время быть начеку...

— Сидя здесь, — опять перебил его Генри, — я подумал о том, что ваша позиция очень похвальна и вы заслуживаете всяческой поддержки. Не по-соседски сидеть сложа руки и не прийти к

вам на помощь. Мы можем нанять целый штат блестящих юристов и выиграть дело. Потом оформить право на землю и организовать компанию по ее освоению. Нужно все сделать так, чтобы этот ваш новый мир был использован должным образом. И для меня естественно, Хайрам, поддержать вас в этом деле, стоять плечом к плечу с вами. Мы ведь уже и так компаньоны по выпуску телевизоров.

— А как насчет моего телевизора? — визгливым голосом спросила Эби, шлепнув на стол перед Тэном тарелку с оладьями.

— Эби, — терпеливо сказал Генри. — Я уже тебе объяснял, что он остался внизу за перегородкой, и сейчас трудно сказать, когда его можно будет вытащить оттуда.

— Да, я знаю, — ответила Эби. Она принесла блюдо с сосисками и разлила кофе по чашкам.

Вскоре опять появился Бизли и, громыхая канистрами, прошел к выходу.

— И вообще, как мне кажется, — заметил Генри, воспользовавшись паузой, — я в этом деле не посторонний наблюдатель. Сомневаюсь, могло ли у вас хоть что-то получиться без счетной машины, которую я вам прислал.

«Опять начинается, — подумал с тоской Тэн. —

Даже Генри считает, что это сделал я».

— Неужели Бизли вам не говорил?

— Бизли много болтал, но вы же знаете Бизли.

Предположения Тэна оправдывались. Для жителей поселка — это лишь еще одна побасенка Бизли, еще одна придуманная им небылица. Ведь не найдется никого, кто бы всерьез поверил хоть одному слову Бизли.

Тэн взял чашку и маленькими глотками принялся отхлебывать кофе, стараясь выиграть время для ответа. Но ничего не приходило на ум. Если он расскажет им все как есть, это будет звучать не правдоподобней, чем любая ложь.

— Мне-то вы можете признаться, Хайрам. Ведь в конце концов мы с вами компаньоны.

«Он считает меня дурачком, — подумал Тэн. — Генри воображает, что может обвести вокруг пальца любого, кого он изволит причислить к дуракам или простачкам».

— Вы все равно не поверили бы мне, Генри, если бы я рассказал вам правду.

— Ну хорошо, — процедил Генри и приподнялся с обиженным видом. — Я понимаю, с этим можно повременить.

Снова, гремя жестянками, через кухню прошел Бизли.

— Мне нужно немного бензина, чтобы ехать искать Таузера, — попросил Тэн.

— Сейчас все устрою, — мгновенно согласился Генри. — Пришлю Эрни с бензином. Можно будет пропустить шланг через дом. Я узнаю, не поедет ли кто-нибудь с вами.

— Это лишнее. Я поеду один.

— Если бы у нас был передатчик, мы могли бы с вами поддерживать связь.

— Но ведь у нас его нет, Генри, а я не могу больше ждать. Таузер где-то там совсем один.

— Понимаю. Я знаю, как вы к нему относитесь, Хайрам. Поезжайте и ищите его, если считаете, что это необходимо, а я пока займусь другими делами. Подыщу адвокатов, и мы составим бумаги на право освоения земель.

— Послушайте, Хайрам, — вмешалась Эби. — У меня к вам просьба.

— Да, пожалуйста.

— Не поговорите ли вы с Бизли? Глупо вести себя так. Не было никакого повода все бросать и уходить от нас. Может быть, иногда я и бываю с ним резка, но его тупость выводит из себя. Он убежал и полдня помогал Таузеру выкапывать какого-то сурка, а после…

— Хорошо, я поговорю с ним, — ответил Тэн.

— Спасибо, Хайрам. Он вас послушает. Вы — единственный человек, которого он слушается. Мне так хотелось, чтобы вы починили мой телевизор, да тут началась эта заваруха. Мне он очень нужен. И в комнате будто чего-то не хватает. Он очень подходит к моей мебели. Вы помните?

— Да, помню, — сказал Тэн.

— Ну так ты идешь, Эби? — спросил Генри уже в дверях. Он поднял руку и с видом заговорщика махнул Тэну. — Увидимся позже, Хайрам. Я все устрою.

«Нисколько не сомневаюсь», — подумал Тэн.

После их ухода он подошел к столу и тяжело опустился в кресло.

Наружная дверь хлопнула, и, задыхаясь от волнения, вбежал Бизли.

— Таузер вернулся, — заорал он. — Он пришел и привел с собой большущего сурка. Ты такого еще никогда не видел.

Тэн вскочил.

— Сурка? Но ведь это не Земля. Здесь не водятся сурки.

— Иди посмотри сам, — крикнул Бизли и выбежал из комнаты. Тэн выскочил за ним.

Зверь на самом деле был похож на гигантского сурка из детской книжки. Он был ростом с чело-

века и шел на задних лапах, пытаясь сохранить достоинство, но то и дело с опаской поглядывая на Таузера.

Таузер следовал за ним в ста шагах, видимо предпочитая на всякий случай держаться в приличном отдалении. У него был вид хорошо обученного пастушьего пса. Настороженно пригнув голову, он готов был в любую минуту броситься на чужака.

Сурок подошел к самому дому и остановился. Потом оглянулся, посмотрел на пустыню и сел на задние лапы. Вскинув свою большую тяжелую голову, он стал наблюдать за Бизли и Тэном — выразительный взгляд его темных глаз был очень похож на человеческий.

Тэн подбежал к Таузеру, схватил его на руки и крепко прижал к груди. Пес завертел головой и лизнул хозяина мокрым языком прямо в лицо.

Тэн стоял с собакой в руках и глядел на гигантского сурка с чувством облегчения и благодарности.

«Все теперь стало на место, — подумал он, — раз Таузер вернулся». Он поднялся на крыльцо и прошел на кухню.

Там он опустил Таузера на пол, достал миску, налил в нее воды из крана. Таузер стал жадно

лакать, разбрызгивая воду по линолеуму.

— Спокойнее, — предупредил Тэн, — не надо сразу так налегать.

Он пошарил в холодильнике, вынул остатки какой-то еды и положил в миску Таузеру. Тот замахал хвостом, выражая свое одобрение.

— По-настоящему следовало бы взять веревку и отстегать тебя за то, что ты удрал, — заметил Тэн.

Топоча ногами, вошел Бизли и объявил:

— Этот сурок — славный парень. Он кого-то ждет.

— Ну и прекрасно, — ответил Тэн, не вслушавшись в то, что сказал Бизли.

Он взглянул на часы.

— Половина восьмого. Мы можем послушать известия. Ты не хочешь включить радио, Бизли?

— С удовольствием, Хайрам. Я знаю, как ловить парня, который всегда говорит из Нью-Йорка.

— Именно его и надо поймать, — заявил Тэн.

Он вошел в комнату и посмотрел в окно — огромный сурок сидел на том же месте, прислонившись к стене, и глядел на дорогу, по которой пришли Тэн и Таузер.

— Он кого-то ждет, — сказал Бизли.

Тэн посмотрел на сурка, у которого был такой

вид, будто он и впрямь кого-то ждал. Но что только не взбредет в голову Бизли?

«Ну а если сурок на самом деле ждет, — подумал Тэн, — кого он может ждать? Впрочем, весть о том, что пробита дверь еще в один мир, очевидно, уже разнеслась по планете. Интересно, сколько таких дверей было распахнуто за прошедшие века».

Генри говорил, что огромный неизведанный мир только и ждет, чтобы жители Земли пришли и завоевали его. Но здесь дело не только в этом. Ведь дорога вела в обе стороны.

Голос диктора ворвался в комнату обрывком фразы:

«…и наконец стали действовать. Сегодня вечером московское радио сообщило, что советская делегация завтра собирается внести в ООН предложение об интернационализации вновь открытого мира, а также ведущей к нему дороги.

Из дома, через который осуществляется связь с новым миром, больше не поступало никаких сведений. Дом принадлежит человеку по имени Хайрам Тэн. Все держится в строжайшей тайне, кордон войск плотным кольцом окружил дом, сдерживая толпы людей. Все попытки связаться с домом по телефону потерпели неудачу. Резкий

голос отвечает, что вызовы по этому номеру не принимаются. Сам Тэн из дома не выходит».

Тэн пошел на кухню и сел за стол.

— Это он про вас говорит, — с гордостью заявил Бизли.

«Сегодня утром прошел слух, что Тэн, скромный деревенский механик и маклер по продаже старинных вещей, до вчерашнего дня мало кому известный, наконец вернулся из путешествия в неведомую страну. Нашел ли он там что-нибудь — пока остается тайной. Мы больше не имеем никаких сведений о новом мире и знаем только, что это пустыня, в настоящий момент безжизненная.

Паника вчера вечером была вызвана тем, что в лесу, через дорогу от дома, нашли странный предмет. Вся местность оцеплена, и до сих пор полковник Райан, командующий войсками, не сообщил нам, что именно было найдено.

Непонятную роль во всем этом деле играет некий Генри Хортон, единственное неофициальное лицо, имеющее доступ в дом Тэна. Хортон не ответил почти ни на один из вопросов, заданных ему сегодня утром, но при этом с видом заговорщика упомянул о том, что они с Тэном компаньоны в каком-то таинственном деле. Кро-

ме того, он недвусмысленно намекнул, что они сотрудничают в открытии нового мира.

Интересно отметить, что Хортон — директор небольшого завода, выпускающего счетные машины. Как стало известно из осведомленных источников, Хортон недавно передал Тэну машину или какой-то прибор, назначение которого он пытается сохранить в тайне. Ходят слухи, что эта машина создавалась в течение шести или семи лет.

Очевидно, ответить на вопрос о том, что же все-таки происходит в Уиллоу-Бенде, мы сможем лишь после того, как приступит к работе группа ученых, которая вылетела сегодня из Вашингтона после длительного совещания в Белом доме. В совещании участвовали руководители Пентагона, Государственного департамента, ФБР и Комитета по новым видам вооружения.

Эффект, произведенный вчерашними сообщениями об Уиллоу-Бенде, можно сравнить только со взрывом атомной бомбы двадцать лет назад. Многие наблюдатели склонны считать, что последствия событий в Уиллоу-Бенде должны потрясти мир сильнее, чем Хиросима.

По вполне понятным причинам Вашингтон настаивает на невмешательстве, полагая, что

это — сугубо внутреннее дело, и правительство намерено действовать в интересах нации.

Однако во всем мире поднялось движение за то, чтобы сделать планету достоянием всего мира, а не одной только страны.

По непроверенным сведениям, наблюдатель ООН срочно вылетает в Уиллоу-Бенд. Франция, Англия, Боливия, Мексика, Индия уже просили у Вашингтона разрешения прислать своих наблюдателей к месту событий, и не приходится сомневаться, что и другие страны последуют их примеру.

Сегодня вечером весь мир как на иголках в ожидании вестей из Уиллоу-Бенда».

Тэн протянул руку и выключил радио.

— Если верить тому, что они говорят, — сказал Бизли, — мы должны ждать нашествия иностранцев.

«Да, — подумал Тэн, — нашествия иностранцев. Но не в том смысле, в каком понимает Бизли. Значение этого слова явно устарело. Скоро ни одного жителя Земли нельзя будет назвать иностранцем — потому что рядом, буквально за дверью, нас встретит чужая жизнь. Кто эти обитатели каменного дома?»

Речь идет не об одной планете. Он нашел только

одну дверь, а таких дверей может быть великое множество, и неизвестно, каково их назначение и в какие миры они ведут.

Неведомый некто или нечто нашел способ проникать на новые планеты через бездны пространства, нашел более простой и короткий путь, чем полет через космические океаны. После того как дверь была открыта, попасть из одного мира в другой стало так же легко, как перейти из одной комнаты в другую.

Лишь одно не укладывалось у него в сознании: как движутся по орбитам и вращаются вокруг своей оси соединившиеся планеты? Ведь невозможно, размышлял он, создать прочные связи между объектами, если каждый из них движется сам по себе.

Еще два дня назад мысль, что он будет ломать голову над такими проблемами, показалась бы ему фантастической. Тем не менее это был совершившийся факт, а если произошло одно невероятное событие, то может случиться и второе.

Зазвонил звонок. Тэн пошел открывать дверь. Это был Эрни, торговец бензином.

— Генри говорил, что вам нужен бензин. Я пришел предупредить вас, что до утра ничего

нельзя сделать.

— Это неважно, — ответил Тэн. — Бензин мне больше не нужен.

Он быстро захлопнул входную дверь и еще долго стоял, прижавшись к ней спиной, пытаясь привести в порядок мысли. Все равно когда-нибудь придется встретиться с людьми. Нельзя же навеки запереться от целого мира. Рано или поздно жители Земли и он, Тэн, должны будут взглянуть правде в глаза.

Он злился на себя за эти мысли, но ничего не мог поделать.

У него за дверью находилось нечто очень важное для всего человечества, то, в чем люди нуждались или по крайней мере думали, что нуждались.

Но в конечном счете он один был за все в ответе. Это произошло в его владениях, в его доме. И быть может, он как-то невольно способствовал этому.

«Земля и дом принадлежат мне, — подумал он со злостью. — И весь этот мир, как бы велик он ни был, лишь продолжение моего двора».

Тэн вернулся обратно в комнату. В кресле с парчовой обивкой, свернувшись клубком, тихонько посапывал Таузер. Тэн решил не прогонять его. Пес заработал себе право спать там, где ему хо-

чется.

Осторожно обойдя кресло, Тэн подошел к окну — пустыня простиралась до горизонта, а прямо перед окном спиной к дому сидели рядом и глядели на пустыню огромный сурок и Бизли. Казалось естественным, что они мирно сидят бок о бок, и Тэну пришло в голову, что они во многом схожи.

Это было хорошее начало — человек и существо из другого мира, дружески сидящие рядом.

Тэн попытался представить себе симбиоз двух соединенных вместе планет, одной из которых была Земля. Сердце лихорадочно застучало, когда он подумал, какие возможности таятся в таком сближении.

Что может принести Земле ее контакт с другими мирами?

И вдруг оказалось, что контакт уже установлен в такой спокойной, такой будничной обстановке, что никто даже не воспринял это событие как величайшую в истории человечества встречу. Сурок и Бизли там, под окном, и воплощали собой этот контакт. Если все будет продолжаться так и дальше, нет оснований волноваться.

И ведь это не случайность, подумал он. Все было спланировано и проделано с ловкостью и сноровкой, которые даются лишь долгой прак-

тикой. Конечно, это не первый мир, открытый ими для контактов, и нет оснований думать, что последний.

Маленькие крысоподобные существа пересекли космическое пространство — и даже трудно представить, сколько световых лет они преодолели в корабле, который он откопал в лесу. Они запрятали свой корабль, как дети прячут игрушки в песок. Пришельцы выбрали именно дом Тэна для установки своей аппаратуры, с помощью которой превратили его в связующее звено между двумя мирами и навсегда покончили с необходимостью еще раз пересекать космос. Нужно только однажды проделать долгий путь, чтобы навсегда связать планеты.

После того как все было закончено, крысоподобные существа удалились, убедившись, что ворота, соединяющие планеты, крепки и могут противостоять всем попыткам разрушить их. Они обшили дом изнутри каким-то диковинным материалом, который не поддается топору и способен выдержать удары любой силы.

Четким тренированным маршем они прошли к холмам, где в гнездах лежало восемь воздушных кораблей. И теперь там, на холмах, осталось только семь кораблей, а существа, похожие на крыс,

ушли, и кто знает, может быть, в будущем они высадятся на другой планете, и тогда откроется дверь в еще один новый мир.

«И ведь это гораздо больше, чем простое сближение планет, — подумал Тэн. — Это сближение жителей новых миров».

Маленькие зверьки были пионерами и исследователями, открывателями новых планет, похожих или непохожих на планету Земля. И существо, которое ждет кого-то под окном, сидя рядом с Бизли, тоже служит какой-то цели, и, может быть, в недалеком будущем той же цели станет служить человек.

Тэн отошел от окна и оглядел комнату. Она была такая, какой он помнил ее с незапамятных времен, и, несмотря на бурные события за стенами дома, оставалась неизменной.

«Это — реальность, — подумал Тэн. — Это — единственная реальность. Неизвестно, что впереди, но пока я еще стою здесь, в комнате с почерневшим от времени камином, с книгами, захватанными пальцами, с качалкой на старом потертом ковре, по которому много лет ступали ноги любимых и близких».

Но он знал, что это спокойствие — лишь затишье перед бурей.

Еще немного — и начнут прибывать ученые, правительственные чиновники, военные, наблюдатели из разных стран, сотрудники ООН.

Тэн понимал, что безоружен перед всеми этими людьми и не сможет сопротивляться, что бы он ни говорил. Он не может вступить в единоборство со всем миром.

Сегодня дом Тэнов доживал свой последний день. Он простоял почти столетие, и теперь его ждет другая судьба. Впервые за все эти годы ни один Тэн не будет спать под его крышей.

Тэн посмотрел на камин, на книжные полки; ему почудилось, что по комнате бродят старые бледные привидения. Он нерешительно поднял руку, как бы прощаясь с призраками и комнатой, но тотчас же опустил ее.

«Какой смысл», — подумал он.

Тэн вышел на крыльцо и уселся на ступеньках. Бизли, услыхав его шаги, обернулся.

— Хороший он парень, — заметил Бизли, похлопав сурка по спине. — Совсем как большой плюшевый медведь.

— Это верно, — сказал Тэн.

— И больше всего мне нравится, что я могу с ним разговаривать.

— Да, понимаю.

Тэн вспомнил, что Бизли разговаривал и с Таузером. Он подумал, что хорошо бы пожить какое-то время в уютном, незатейливом мире Бизли.

Но все же почему крысоподобные существа, прибывшие в космическом корабле, остановили свой выбор именно на Уиллоу-Бенде и его доме? Каким образом они узнали, что найдут здесь все необходимое, чтобы быстро и легко наладить свою аппаратуру? Сейчас уже не приходится сомневаться, что они разрушили счетную машину и использовали детали. Тут, пожалуй, Генри оказался прав. Сейчас, думая об этом, Тэн понимал, что Генри все же сыграл в этой истории известную роль. Но как они сумели предвидеть, что именно на этой неделе и в этом самом доме появится возможность быстро и без особого труда осуществить то, ради чего они проделали далекое путешествие?

Неужели они, помимо высоких технических знаний, обладают еще даром предвидения?

— Кто-то идет, — проговорил Бизли.

— Я никого не вижу.

— И я не вижу. Но сурок сказал мне, что он видит.

— Сказал тебе?

— Я же тебе объяснял, что мы с ним разговариваем. А теперь и я вижу.

Они были еще далеко и шли очень торопливо — три маленькие точки быстро двигались по пустыне в сторону дома.

Тэн сидел и смотрел, как они приближались. «Нужно пойти за ружьем», — подумал он, но не тронулся с места. Все равно без толку. Бесполезно хвататься за оружие, а в данном случае просто глупо. Лучшее, что может сейчас сделать человек, — это встретить пришельцев из другого мира с чистым сердцем и чистыми руками.

Они подъехали ближе, и Тэну показалось, что они сидят в каких-то невидимых седлах, которые быстро движутся по воздуху.

Теперь Тэн уже видел, что их трое и что они похожи на людей.

Они подкатили как-то неожиданно и резко остановились в ста шагах от крыльца.

Тэн сидел на ступеньках и молча глядел на них, едва удерживаясь от смеха. Эти трое были, пожалуй, ниже его ростом и черные, как пиковый туз. Их одежда состояла из узких, обтягивающих ноги небесно-голубых брюк и таких же жилетов, которые были им несколько велики. Но это еще полбеды. Самое удивительное, что пришельцы

прибыли в обыкновенных седлах со стременами, к которым сзади было привязано нечто вроде скатанного одеяла.

Седла плавали, в них легко и грациозно сидели незнакомые всадники и во все глаза смотрели на Тэна.

Наконец он поднялся и сделал шаг им навстречу. И сразу же все трое спешились и тоже двинулись к нему, а седла так и остались неподвижно висеть в воздухе.

Путешественники остановились шагах в шести от Тэна.

— Они тебя приветствуют, Хайрам, — произнес Бизли. — Говорят, что рады тебя видеть.

— Ну хорошо, тогда передай им… Но, послушай, Бизли, а как ты это узнал?

— Сурок сказал мне, о чем они говорят, а я — тебе. Ты скажи мне, я ему, а он передаст им. Так можно разговаривать. Для этого он и пришел сюда.

— Ну хорошо, я попробую, — сдался Тэн. — Так ты на самом деле можешь с ними разговаривать?

— Я же тебе все время про это толкую, — возмущенно ответил Бизли. — Я же тебе говорил, что могу разговаривать с Таузером, но ты считал

меня сумасшедшим.

— Это телепатия, — сказал Тэн. — Оказывается, на самом деле все обстоит гораздо сложнее. Выходит, похожие на крыс существа знают не только мой дом, но и про Бизли тоже.

— Ты что-то сказал, Хайрам?

— Да нет, ничего, — ответил Тэн. — Попроси своего друга передать им, что я рад их видеть, и узнай, чем я могу быть полезен.

Тэн стоял, неловко переминаясь с ноги на ногу, и смотрел на гостей. Он увидел у них на куртках множество карманов, набитых, вероятно, тем, что заменяло им табак, носовые платки, перочинные ножи и прочую ерунду.

— Они говорят, что хотят маклачить.

— Маклачить?

— Да. Ну, как бы торговать. — Бизли тихонько хмыкнул. — Угодили прямо в лапы к маклеру-янки. Так про вас говорит Генри. Он еще говорит, что вы любого облапошите.

— Генри здесь ни при чем, — резко ответил Тэн. — Может быть, хотя бы здесь мы обойдемся без Генри.

Он сел на землю, и те трое тоже уселись напротив него.

— Спроси их, чем они хотят торговать.

— Идеями, — перевел Бизли.

— Идеями? Что за бред!

Но он уже понимал, что это не так. Идеи были самым лучшим товаром, который могли предложить пришельцы, наиболее ценным и ходким, не требующим специальных складов и не подрывающим экономики, во всяком случае на первое время. Кроме того, торговля реальными товарами меньше способствует быстрому развитию цивилизации.

— Спроси их, что они хотят в обмен на идею седел, на которых они приехали? — поинтересовался Тэн.

— Они спрашивают, что вы можете предложить.

Вот в этом-то и заключалась загвоздка. Ответить на такой вопрос было нелегко.

Машины и грузовики, двигатель внутреннего сгорания, очевидно, не годятся. У них уже есть седла. С точки зрения этих существ, Земля далеко отстала от них в развитии транспорта.

Строительство? Вряд ли это подойдет. Он вспомнил про дом в пустыне. Значит, они знают, как строить дома. Может быть, одежда? Но на них была одежда.

«Краска, — подумал Тэн. — Краска — вот то, что

им нужно».

— Спроси, не интересует ли их краска, — обратился он к Бизли.

— Они спрашивают, что это такое. Объясни им, пожалуйста.

— Сейчас. Дай подумать. Краска — это защитный слой, которым можно покрывать любую поверхность. Она компактна, что важно для хранения и перевозки; применять ее несложно. Кроме того, она предохраняет предметы от непогоды и коррозии. Имеет декоративное значение. Существуют краски любых цветов. Изготовление их стоит недорого.

— Они обмозговывают эту идею, — передал Бизли. — Кажется, заинтересовались. Но им хочется узнать подробнее. Расскажи им что-нибудь еще.

«Ну, это уже на что-то похоже», — подумал Тэн. Он почувствовал себя в родной стихии.

Усевшись поудобнее и слегка наклонившись, он всматривался в три черных и плоских, как сковорода, лица, пытаясь понять, что делается в мозгу у пришельцев.

Наконец-то все стало на свои места.

Но лица пришельцев были непроницаемы.

Внутренний голос подсказывал Тэну, что среди этой троицы он найдет себе достойных партне-

ров. И это тоже радовало его.

— Скажи им, что я не совсем уверен, хорошо ли они меня поняли. Я говорил слишком быстро. Ведь краска — очень ценная идея.

— Они говорят, что были бы очень благодарны, если бы ты им еще что-нибудь рассказал: они заинтересовались.

«Зацепило, — подумал Тэн. — Только бы провести все на уровне».

И он с азартом принялся маклачить.

Через несколько часов появился Генри в сопровождении типичного горожанина с внушающим уважение чемоданчиком в руке.

Оба они в изумлении застыли на пороге: Тэн сидел на корточках, а перед ним лежала доска, по которой он водил кистью. Незнакомцы внимательно следили за его движениями. Судя по пятнам на их лицах и одежде, было видно, что они уже пробовали красить. Вокруг были разбросаны вымазанные краской доски и штук двадцать банок.

Тэн поднял голову и посмотрел на Генри и гостя.

— Я все время надеялся, что кто-нибудь появится, — сказал он.

— Хайрам, — начал Генри, и в голосе у него

было еще больше важности, чем обычно. — Я хочу познакомить вас с мистером Ланкастером. Он специальный представитель Организации Объединенных Наций.

— Рад познакомиться с вами, сэр, — ответил Тэн. — Вот я думаю, не могли бы вы мне…

— Мистер Ланкастер, — прервал его Генри, — не мог пробиться сквозь кордон, и я предложил ему свои услуги. Я уже объяснил, каков наш общий интерес в этом деле.

— Да, это было очень любезно со стороны мистера Хортона, — вставил Ланкастер. — Там был такой дурак-сержант.

— К людям надо уметь подходить, — произнес Генри.

Это изречение, как заметил Тэн, не было должным образом оценено представителем Организации Объединенных Наций.

— Могу я узнать, мистер Тэн, чем вы занимаетесь в данный момент? — спросил Ланкастер.

— Маклачу.

— Маклачите? Что за странный способ выражать свои мысли?

— Старинное слово с некоторой модификацией. Когда вы торгуете с кем-нибудь, то происходит обмен товарами, а когда вы маклачите, это зна-

чит, что вы хотите содрать три шкуры.

— Очень интересно, — сказал Ланкастер. — Как я вас понял, вы собираетесь освежевать этих господ в голубых жилетах?

— Хайрам, — с гордостью заявил Генри, — лучший маклер в здешних местах. Он торгует старинными вещами, и поэтому ему приходится все время здорово ловчить.

— А не скажете ли вы мне, для чего здесь эти банки с краской? — спросил Ланкастер, совершенно не обращая внимания на Генри. — Эти джентльмены покупают краску?

Тэн отбросил доску и с раздражением вскочил.

— Заткнетесь вы оба когда-нибудь? — закричал он. — С той самой минуты, как вы появились, я не могу вставить ни одного слова. А это очень важно, поверьте мне.

— Хайрам! — в ужасе воскликнул Генри.

— Ничего, ничего, не беспокойтесь, — сказал представитель ООН. — Мы действительно мешаем своей болтовней. В чем же дело, мистер Тэн?

— Понимаете, я зашел в тупик, — признался Тэн. — И мне нужна помощь. Я продал этим голубчикам идею краски, но я об этой самой краске ровным счетом ничего не знаю. Словом, я понятия не имею, из чего и как она делается и

на что идет.

— Мистер Тэн, но вы ведь продаете им краску. И какая вам разница…

— Да я не продаю краску! — закричал Тэн. — Вы что, не понимаете? Им не нужна краска. Им требуется идея краски. Принцип краски, они об этом никогда не думали и потому заинтересовались. Я предложил им идею краски в обмен на седла и почти договорился.

— Седла? Вы говорите об этих штуках, которые висят в воздухе?

— Да. Бизли, не попросишь ли ты наших друзей продемонстрировать седла?

— Отчего же нет, — ответил Бизли.

— Ничего не понимаю, — сказал Генри. — Какое отношение ко всему этому имеет Бизли?

— Бизли — переводчик. Если угодно, можете называть его телепатом. Помните, как он всегда говорил, что может разговаривать с Таузером?

— Но Бизли всегда хвастается.

— На этот раз все оказалось правдой. Он передает мои слова этому смешному чудищу, похожему на сурка, а сурок переводит пришельцам. А они говорят ему, он — Бизли, а Бизли — мне.

— Весело! — фыркнул Генри. — Да у Бизли никогда в жизни не хватит сообразительности стать

этим… как вы говорите?

— Телепатом, — подсказал Тэн.

Один из гостей взобрался на седло, проехался на нем взад и вперед по воздуху, потом спрыгнул и снова уселся на землю.

— Чудеса! — изумился представитель ООН. — Какое-то автоматическое антигравитационное устройство! Мы действительно могли бы его использовать.

Он почесал подбородок.

— И вы хотите обменять идею краски на идею седла?

— Вот именно, — откликнулся Тэн. — Но мне нужна помощь. Мне нужен химик, или специалист по производству красок, или еще какой-нибудь знаток, чтобы объяснить, как ее делают. И еще мне нужен какой-нибудь профессор или вообще человек, который разберется в том, что они будут говорить о принципе устройства седла.

— Все ясно, — изрек Ланкастер. — Да, задача трудная. Мистер Тэн, вы мне кажетесь человеком проницательным.

— Вы не ошиблись, мистер Ланкастер, — вмешался Генри. — Хайрам — человек исключительной проницательности.

— Тогда, я думаю, вы понимаете, — заметил

представитель ООН, — что вся процедура в некотором роде необычна.

— Ничего подобного! — воскликнул Тэн. — Это их метод работы. Они открывают новую планету и выменивают идеи. Они уже очень давно торгуют с вновь открытыми мирами. И им нужны идеи, новые идеи, потому что только таким путем они развивают свою технику и культуру. И у них, сэр, есть множество идей, которыми человечество могло бы воспользоваться.

— Вот тут-то и зарыта собака, — сказал Ланкастер. — Это, пожалуй, самое важное событие за всю историю человечества. За какой-нибудь год мы получим столько идей и сведений, что сможем в своем развитии, по крайней мере теоретически, продвинуться на тысячу лет вперед. Это дело огромной государственной важности, и нужно, чтобы оно попало в руки людей опытных и знающих.

— Но где вы найдете человека, который мог бы торговаться лучше, чем Хайрам? — возмутился Генри. — Когда он берется за дело — тут только держись. Почему не предоставить это ему? Он будет работать для вас. Вы можете создать комиссию специалистов и группу по планированию, а Хайраму поручить практическую сторону. Эти

существа уже с ним освоились, и видно, что у них с Хайрамом налажен контакт. Что вы еще хотите? Ему нужна только небольшая помощь.

Подошел Бизли и уставился на представителя ООН.

— Я ни с кем больше работать не буду, — объявил он. — Если вы выгоните Хайрама, я уйду с ним. Хайрам — единственный, кто обращался со мной по-человечески.

— Вот видите, — с торжеством в голосе произнес Генри.

— Постойте, Бизли, — сказал представитель ООН. — Мы можем договориться. Я представляю себе, что переводчик в такой ситуации, как эта, может заработать кучу денег.

— Деньги для меня ничего не значат, — ответил Бизли. — Друзей я не куплю, а люди все равно будут смеяться надо мной.

— Он не шутит, мистер Ланкастер, — предупредил Генри. — Нет человека, который бы переупрямил Бизли. Я это хорошо знаю. Ведь он у нас работал.

Вид у представителя ООН был растерянный и несчастный.

— И вы не скоро найдете нового телепата, по крайней мере такого, который сможет разговари-

вать с ними, — заявил Генри.

Казалось, представителю ООН не хватает воздуха.

— Сомневаюсь, — признался он, — можно ли на всем земном шаре найти другого.

— Ну хорошо, — безжалостно произнес Бизли. — Давайте решать. Я не могу стоять здесь весь день.

— Уговорили! — воскликнул представитель ООН. — Вы двое идите и продолжайте работу. Вы согласны, Хайрам? Это случай, который нельзя упускать. И скажите, пожалуйста, чем я могу быть полезен? Могу я что-нибудь для вас сделать?

— Можете, — ответил Тэн. — Скоро сюда понаедут всякие шишки из Вашингтона и из других стран. Держите их всех от меня подальше.

— Я им все объясню. Они вам не будут мешать.

— А мне нужен химик и еще какой-нибудь специалист, который сможет понять все про седла. И очень срочно. Я могу еще немного задержать этих голубчиков, но ненадолго.

— Через несколько часов я вам доставлю любого эксперта, какого угодно, — заверил представитель ООН. — А через день или два сотни специалистов будут дежурить здесь, чтобы явиться по вашему первому зову.

— Сэр, — заговорил Генри елейным голосом. — Это прекрасное решение. Оба мы, Хайрам и я, очень вам благодарны. А сейчас, поскольку все решено, нам надо идти, нас ждут репортеры. Они заинтересованы в нашем интервью, мистер Ланкастер.

Представитель ООН, казалось, ничего не имел против, и они с Генри затопали по лестнице.

Тэн обернулся и посмотрел на пустыню.

— Ведь все это — мой собственный необъятный двор, — сказал он вслух.

Наблюдатель
Перевод М. Вагановой

Он существовал. Возможно, он спал и проснулся, возможно, его включили, или же он только что появился на свет — он не знал. Он не помнил, что было раньше, не помнил, где был раньше.

Вместе с ним возникли подходящие слова. Пришли из ниоткуда, эти непрошеные знаки — они, как и он сам, то ли проснулись, то ли включились, то ли появились впервые.

Все вокруг него было желто-красным. Красная земля. Желтое небо. Что-то очень яркое в желтом небе над красной землей. По руслу текла, бурля, какая-то жидкость.

Совсем скоро он знал больше, стал лучше понимать. Он знал, что то яркое на небе называется солнцем. Он знал, что по земле течет ручей. Он проанализировал состав жидкости и понял, что это не вода. Формы растительной жизни тянулись вверх из красноты почвы. С зелеными стеблями. С фиолетовыми плодами на верхушках.

Теперь у него были названия, чтобы идентифицировать все вокруг, — жизнь, жидкость, земля,

небо, красный, желтый, фиолетовый, зеленый, солнце, яркий, вода. Чем дальше, тем больше он знал слов, названий, терминов. Он мог видеть, хотя слово «видеть» казалось ему неточным, потому что у него не было глаз. И ног. И рук.

У него не было глаз и, кажется, не было тела. Он не мог изменить позу — встать, лечь или сесть. Он мог смотреть, куда ему захочется, не поворачивая головы, потому что у него не было головы. Но, как ни странно, он занимал определенное место относительно того, что его окружало.

Он посмотрел вверх, на яркое солнце в небе; он мог смотреть прямо на солнце, потому что ему не нужны были глаза, эти хрупкие сенсорные органы, которым может навредить яркий свет.

Это солнце было звездой класса B8, в пять раз больше Солнца, и находилось на расстоянии 3.76 а. е. от его планеты.

Солнце, с большой буквы? А. е.? Пять? 3.76? Планета?

Когда-то в прошлом — в каком прошлом, в чьем прошлом? — он знал эти слова, и Солнце с большой буквы, и воду в ручьях, знал про глаза и тела. Только вот знал ли на самом деле? Было ли у него прошлое, когда он мог что-либо знать? Или слова заложили в него извне, чтобы он мог

их использовать, когда потребуется, как инструменты — опять новое слово, — чтобы описать место, где он появится? Зачем его описывать? Для себя? Глупости, ему не нужно ничего знать, ему неинтересно.

Он знал… откуда он знал? Откуда он знал, что солнце было звездой класса B8 и что такое звезда класса B8? Как он мог, только посмотрев на солнце, узнать расстояние до него, его диаметр и массу? Как он мог знать, что такое звезда, если никогда раньше не видел звезд?!

И тут, задумавшись, он понял, что видел. Он видел много звезд, целую вереницу звезд по всей галактике, он смотрел на каждую из них и знал ее спектральный класс и диаметр, расстояние до нее, ее массу и химический состав, сколько ей лет и сколько примерно она еще просуществует, переменная или нет, ее спектральные линии, все ее особенности, которые отличают ее от других звезд. Красные гиганты, сверхгиганты, белые карлики, даже один черный карлик. В большинстве своем звезды главной последовательности, вокруг которых вращаются планеты, потому что он редко останавливался у звезд, где не было планет.

Возможно, никто никогда не знал больше звезд,

чем он. Или больше — о звездах.

Но зачем ему было все это знать? Он хотел найти смысл, но ему казалось, что смысла нет. Смысл упорно ускользал от него. Да и был ли он вообще, смысл?

Он отвернулся от солнца и посмотрел вокруг, на все одновременно, на всю видимую поверхность планеты — как будто, подумалось ему, глаза на его несуществующей голове расположены со всех сторон. Почему, интересно, он упорно возвращается к мысли о глазах и голове? Может быть, когда-то у него были и глаза, и голова? Может быть, образ глаз и головы — это рудимент, старое навязчивое воспоминание, которое почему-то никак не хочет исчезать, но всплывает снова и снова, только дай повод?

Он попытался сосредоточиться на этой мысли, ухватить то ли образ, то ли воспоминание и вытащить его, пронзительно вопящее, из норы. Безуспешно.

Он сосредоточился на поверхности планеты. Он находился — правильное ли слово «находился»? — на крутом склоне холма с выступающими тут и там обнажениями горной породы. Холм немного загораживал обзор, но за ним до горизонта простиралась хорошо обозримая равнина.

Над равниной ничего не возвышалось, кроме одной невысокой горы, виднеющейся вдалеке. Ее склон покрывали борозды, а верхний край был зубчатым, так что это, вероятно, был древний кратер.

По равнине бежало несколько мелких речушек, но в них текла не вода. Редкие растения тянулись вверх на своих темно-зеленых стеблях, нагруженные фиолетовыми плодами, и вдруг он заметил, что тут росли не только они. На первый взгляд казалось, что, кроме растений с фиолетовыми плодами, на этой планете ничего не растет, потому что их было больше всего и они сразу притягивали взгляд.

Почва, видимо, состояла не только из песка. Он протянул руку — то есть руку он не мог протянуть, ведь рук у него не было, но ему привычней было думать, что он протягивает руку. Он протянул руку и запустил пальцы глубоко в почву, впитывая информацию о ней. Песок. Почти без примесей. Кремний, немного железа, немного алюминия, самая малость кислорода, водорода и магния. Кислотность низкая. Через него проходили цифры, проценты, но он не обращал внимания. Они появлялись и исчезали.

Атмосфера непригодна для жизни. Чьей жизни?

Звезда класса В излучала смертоносную радиацию, но, опять же, смертоносную — для кого?

«Что я должен знать?» — спросил он себя. И впервые использовал еще одно слово. Я. Меня. Мне. Я сам. Что-то особенное, единственное, не часть чего-либо еще. Личность.

«Что я такое? — спросил он себя. — Где я? Для чего? Для чего я собираю информацию? Какое мне дело до почвы, до радиации, до атмосферы? Зачем мне знать, звезда какого класса светит надо мной? У меня нет тела, меня это не может затронуть. Никакой оболочки — одна лишь бесплотная сущность. Призрачное „я“».

На некоторое время он замер без движения, перестал собирать информацию, просто смотрел на желто-красную планету с фиолетовыми пятнами цветов.

Но вскоре он снова принялся за работу. Прикоснулся к выступам камня на склоне холма, нашел в них трещинки, просочился по ним между слоями.

Известняк. Тяжелый, плотный. Отложившийся на дне моря тысячелетия назад.

Вдруг он замер, испытав смутное беспокойство, и тут же понял, что его так взволновало. Окаменелости!

«Какое мне дело до окаменелостей?» — удивился он и тут же понял — с восторгом, насколько он вообще мог испытывать восторг. Перед ним были не окаменелые остатки растений, первобытных предков фиолетовых гигантов, растущих на поверхности планеты. Остатки принадлежали животным — это были развитые формы жизни, сложно организованные, преодолевшие множество ступеней эволюционной лестницы.

Как же редко он находил жизнь на других планетах! А если и находил, то в основном примитивнейшие растения или, может, микроорганизмы на самой грани эволюционного перехода — уже не растения, но еще не животные. «Я должен был догадаться, — думал он. — Должен был понять по растениям с фиолетовыми плодами. Это ведь не низшие растения, они очень сложно устроены». Несмотря на непригодную для жизни атмосферу, смертоносную радиацию, несмотря на то, что жидкость в ручьях не была водой, эволюция на планете шла полным ходом.

Он присмотрелся к одной из окаменелостей. Небольшое животное. Его, видимо, покрывал хитиновый панцирь, но что-то вроде скелета тоже имелось. У него были голова, тело и ноги. Приплюснутый хвост, чтобы плавать в той хими-

ческой отраве, которая когда-то наполняла океан. Челюсти, чтобы хватать и держать добычу. И глаза — пожалуй, намного больше глаз, чем требовалось. Он нашел остатки пищеварительного тракта, кое-где сохранились фрагменты нервов или по крайней мере каналы, по которым раньше тянулись нервы.

И тут ему вспомнилось далекое, зыбкое время, когда он…

Кстати, почему «он»? Не она, не оно. «Я» и «он».

Два самоопределения — или, точнее, два слова для самоопределения.

«Я» и «он».

Он лежал, распростершись тонким слоем по выходам известняка; он знал все про окаменелости и размышлял о них. Он размышлял об этой конкретной окаменелости и том далеком дне, когда он впервые нашел окаменелость, о дне, когда он впервые узнал, что такое окаменелость. Он вспомнил, как отыскал ее, вспомнил, что это было за животное. Трилобит. Кто-то сказал ему, как оно называется, но он не мог вспомнить, кто именно. Так давно это было и так далеко, что в памяти остались лишь окаменелые остатки трилобита.

Но они точно были — то другое место и тот

другой день; он не появился на свет и не был включен в миг, когда очнулся здесь. Его история началась давно. Он не раз просыпался раньше и каждый раз был самим собой. «Я не новый, — подумал он, — я старый. У меня есть прошлое».

Эти его мысли о глазах, о теле, о руках и ногах — не воспоминания ли из прошлого? Может быть, когда-то у него и вправду были глаза, голова и тело?

Или он ошибается? Может быть, это все фантомные воспоминания, слепленные из событий, случившихся не с ним, из чужих впечатлений? Вдруг все это ложная память, не его, а какого-то другого существа? А если воспоминания все-таки его, если все это происходило с ним — то что случилось потом, как он до такой степени изменился?

Он забыл и про известняк, и про окаменелости. Растекся по трещинам камня, тихий и бездвижный, надеясь в этой тишине и бездвижности найти ответ. И ответ появился — зыбкий, дразнящий, бесящий своей неполнотой. Не одно место, но множество; не один день, но много дней. Не одна планета, но многие планеты, растянувшиеся на многие световые годы.

Если все это правда, размышлял он, должна

быть какая-то цель. Иначе зачем все эти планеты и сведения о них? Новая, непрошеная мысль — сведения о планетах. Зачем эти сведения? Зачем вообще их собирать? Явно не для себя, ему не нужны никакие сведения. Но, может, он должен был только накапливать собранную информацию и передавать ее дальше?

Если не для себя, то для кого? Он ждал, что ответ всплывет сам, что память вернется на место, но вскоре понял, что достиг предела и ничего больше не вспомнит.

Он медленно отделился от камня и снова встал на склоне холма — под желтым небом и над красной землей.

Вдруг невдалеке шевельнулся пласт земли, и он понял, что это не земля, а живое существо, благодаря окраске сливавшееся с красной почвой. Существо передвигалось быстро — будто тень скользнула. Короткое плавное движение — и оно снова замирало, сливаясь с землей.

Он знал, что оно наблюдает за ним, присматривается к нему, хотя не представлял, что именно оно видит. Возможно, оно чуяло другое сознание, другое существо, собрата по тому странному и невыразимому, в чем заключалась суть жизни. «Силовое поле, — подумал он, — может, я — бес-

плотный разум, заключенный в силовое поле?»

Он замер, позволяя существу себя рассмотреть. Оно кружило вокруг него такими же короткими плавными рывками. Взметало фонтанчики песка и оставляло за собой след на земле. Наконец оно приблизилось.

Тут он и поймал его. Он держал существо, не позволяя вырваться, удерживал множеством невидимых рук. Он изучал его, но не анализировал — лишь пытался понять, что оно собой представляет. Протоплазма, покрытая хитиновым панцирем, который защищал от радиации, а то и (он не был точно уверен) преобразовывал ее энергию. Этому существу, скорее всего, радиация была необходима, как другим — тепло, еда или кислород. Разумное и способное испытывать многообразные чувства — возможно, не настолько разумное, чтобы основать сложную культуру, но все же вполне разумное. Кто знает, может, оно еще не достигло пределов своего развития и через пару миллионолетий таки заложит новую культуру.

Он отпустил его. Существо поспешно заскользило прочь и быстро скрылось из виду, но еще некоторое время он мог понять, где оно, по следу на земле и взметающемуся вверх песку.

Его ждала работа. Надо было описать атмосферу, проанализировать состав почвы и микроорганизмы, которые, возможно, в ней обитают, проследить, куда бежит ручей, исследовать растительные формы жизни, полезные ископаемые, измерить магнитное поле и радиационный фон. Но сперва следовало изучить планету в целом, выяснить, что это за место, и найти регионы, которые представляют экономический интерес.

И вот опять появилось слово, которого раньше не было. Экономический.

Он погрузился в себя, в этот теоретический разум внутри гипотетического силового поля, в поисках смысла, скрытого в одном-единственном слове. Когда он нашел его, смысл был ясен и точен — наконец хоть что-то ясное и точное! Есть ли здесь что-либо, что можно использовать, что можно выгодно продать?

«Охота за сокровищами! — подумал он. — Вот в чем смысл моего существования».

Он тут же понял, что ему самому любые сокровища совершенно ни к чему. Должен быть кто-то еще, кому они нужны. Тем не менее при мысли о сокровищах им завладело радостное волнение.

«К чему мне, — спрашивал он себя, — искать сокровища?» Получил ли он хоть какую-то выгоду

от всех тех сокровищ, которые нашел на других планетах? Впрочем, если подумать, далеко не на каждой из них были сокровища. А даже если и были — могли оказаться недоступными из-за природных условий. Он вспомнил: многие планеты, слишком многие, были таковы, что лишь существо вроде него могло к ним приблизиться.

Ну да, бывало, его пытались отозвать с планеты, когда выяснялось, что она не представляет экономической ценности, ведь дальнейшие исследования были бы пустой тратой времени. Но он бунтовал, игнорировал призывы возвращаться — куда уж там ему полагалось возвращаться. Потому что, согласно его внутреннему кодексу, уж если он принимался за работу, то не отступал, пока она не будет выполнена. Если он за что-то брался, он не мог все бросить, пока дело не сделано. Это твердолобое упрямство было неотъемлемым его качеством, и без него он не смог бы заниматься тем, чем занимался.

Либо так, либо никак. Он либо жил, либо не жил. Либо работал, либо нет. Таким его сделали — чтобы он хотел найти ответы на все поставленные вопросы и не мог отступить прежде, чем они исчерпаются. Им пришлось смириться, в конце концов они его поняли; теперь никто больше не

пытается отозвать его с невыгодной планеты.

«Они?» — спросил он себя и смутно припомнил других существ — таких же, каким он был раньше. Они создали его, они сделали его тем, кем он был, и эксплуатировали его так же, как эксплуатировали найденные им прибыльные планеты. Впрочем, его не смущало, что его используют, потому что благодаря этому он жил, и не мог бы жить иначе. Либо такая жизнь, либо совсем никакой. Он попытался припомнить подробности, но что-то ему мешало. Точно так же он многого не мог вспомнить о планетах, на которых был раньше, — воспоминания приходили урывками. Он подумал, что это неправильно, ведь опыт, который он получил на других планетах, мог подсказать что-то о той, где он очутился сейчас. Но им почему-то так не казалось, и они усердно стирали все его воспоминания о прошлом, прежде чем снова выслать на задание.

«Надо очистить его память, — говорили они, — чтобы уберечь от сомнений; на новую планету нужно послать новый, ясный, ничем не обремененный разум».

Поэтому, понял он, на каждой планете он чувствовал себя рожденным здесь и сейчас и заново искал цель и смысл своей жизни.

Он не был против. Он жил и видел много планет — очень разных планет, — видел их и мог не опасаться за свою жизнь, где бы ни оказался. Поскольку ничто не могло навредить ему — ни зубы, ни когти, ни яд; любая атмосфера, любая радиация — все было ему нипочем. Поскольку нечему было вредить. Он шел — нет, не шел, но двигался — неприкасаемый сквозь бесчисленные адские бездны Вселенной.

Поднималось второе солнце — громадная, кирпичного цвета звезда выползала из-за горизонта, первая же начинала клониться к западу. Для удобства он решил считать, что большое красное солнце восходит на востоке.

Спектральный класс K2, вычислил он; звезда раз в тридцать больше Солнца в диаметре, с температурой на поверхности не выше 4000 градусов. Двойная система — как минимум, ведь могут взойти и другие солнца, которые ему только предстоит увидеть. Он попытался вычислить расстояние, но о точности не могло быть и речи, пока гигант не поднимется выше по небу, пока он не оторвется от горизонта, который сейчас рассекает его надвое.

Но второе солнце может подождать, все может подождать. Сперва он должен кое-что осмотреть.

Раньше он этого не понимал, но теперь стало очевидно, что одна деталь ландшафта не дает ему покоя. С кратером было что-то не так. По виду типичный кратер — но откуда он тут взялся? Вулканический кратер никак не мог возникнуть посреди песчаной равнины, где из горных пород был только осадочный известняк. Вокруг ни магматических пород, ни застывших потоков лавы. Даже если бы кратер возник из-за падения метеорита, картинка все равно не складывалась, потому что удар метеорита, оставившего кратер такого размера, превратил бы все вокруг в раскаленную массу и вызвал бы выплеск магмы — но никаких подобных последствий не наблюдалось.

Он неспешно заскользил в сторону кратера. Под ним была все та же красная почва и фиолетовые плоды, ничего интересного.

Он остановился — если про него можно было так сказать — на краю кратера, и пару мгновений не мог понять, что именно он видит.

Какая-то блестящая субстанция спускалась по всей окружности кратера от края ко дну, образуя нечто вроде вогнутого зеркала. Точнее, не совсем зеркала, потому что оно ничего не отражало.

Тут внезапно на поверхности проступило изображение — и если бы он мог дышать, у него бы

перехватило дыхание.

Два существа, одно — большое, другое — поменьше, стояли на краю глубокого карьера, а рядом с ними возвышался срез песчаника. Существо поменьше ковырялось в песчанике каким-то инструментом — инструмент оно сжимало в ладони, ладонь крепилась к руке, а рука — к телу, и у тела были глаза и голова.

«Это я, — подумал он, — тот, маленький, это же я!»

Нахлынули слабость и тревога, картинка в зеркале манила его, как будто звала слиться с его собственным отражением. Врата памяти распахнулись, и старые, запретные воспоминания о прошедшем и родном выплеснулись на него, и он закричал, желая, чтобы они исчезли, но было поздно. Как будто кто-то держал его, не позволяя вырваться, и на ухо нашептывал то, чего он не хотел знать.

Люди, отец, сын, железная дорога, Земля, первый найденный трилобит. Воспоминания безжалостно заполняли его, то разумное силовое поле, которым он стал, в результате эволюции или какого-то эксперимента, — силовое поле, до этой минуты казавшееся таким надежным и безопасным.

На его отце был старый свитер, протершийся на локтях, и поношенные черные брюки, растянувшиеся на коленях. Он курил старенькую трубку с обуглившейся по краям чашей и изгрызенным мундштуком и с интересом наблюдал, как мальчик очень аккуратно извлекает из породы кусок камня с отпечатком древнего животного.

Тут изображение зарябило и погасло, и он присел (?) на край кратера с мертвым зеркалом в чаше, не отражавшим ничего, кроме синих и красных бликов двух солнц.

«Теперь я знаю», — подумал он.

Он не знал, кто он сейчас, но знал, кем был когда-то, — существом, которое ходило на двух ногах, с телом и руками, с головой, глазами и ртом, и когда он нашел своего первого трилобита, этот рот вскрикнул от восторга. Существом, которое несло себя слишком гордо и самоуверенно — хотя, в отличие от него теперешнего, не было защищено от любой опасности.

Интересно, как он изменился, как перестал быть таким хрупким и беззащитным?

«Может, я умер?» — подумал он и поразился мысли о смерти, она была для него внове. Смерть — это конец, а ведь у него не было конца, никогда не будет; то, чем он был, разум, заключенный

в силовое поле, могло существовать вечно. Но до этого, в процессе его личной эволюции или создания, мог ли он умереть? Должен ли человек умереть, чтобы стать таким, как он?

Он сидел на краю кратера и знал о планете все — ее красный песок, желтое небо, зелено-фиолетовые растения, журчание жидкости в ручьях, красное и синее солнца и тени от них, известняк, окаменелости и то существо, которое взметало в воздух песок.

Но было что-то еще, и при мысли об этом его захлестнул панический страх. Он не знал страха — не мог его знать, потому что был защищен от всего, неприкасаем, он, наверное, мог без труда проникнуть в самый центр солнца. К нему нельзя прикоснуться, ему нельзя навредить.

Но теперь все изменилось, что-то пробило его защиту. Что-то вырвало из него старые воспоминания, показало их ему. Здесь, на этой планете, было нечто, перед чем он был уязвим, нечто, способное залезть внутрь его и вытащить оттуда то, о чем он и сам не подозревает.

«Кто ты такой?» — выкрикнул он, и призрачное эхо пробежало по земле, в насмешку возвращая ему его собственные слова: «Кто ты такой? Кто ты такой?» Все тише и тише, и другого ответа он

не получил.

Нечто могло себе позволить не отвечать ему. Ему не было нужды отвечать. Нечто могло самодовольно молчать, пока он надрывался и ждал, не покажет ли оно ему другие воспоминания, то ли преследуя какую-то загадочную цель, то ли просто чтобы посмеяться над ним.

Он больше не чувствовал себя в безопасности. Он стал уязвим. Беззащитен перед этим существом, которое с помощью зеркала показало ему, как он слаб.

Он закричал снова, обращаясь на этот раз к своим сородичам, которые послали его сюда.

«Заберите меня! Я беззащитен! Спасите!»

Тишина.

«Я работал на вас! Я собирал для вас информацию! Я честно выполнял свою работу — вы должны меня спасти!»

Тишина.

«Прошу!»

Тишина.

Тишина — и даже хуже, чем тишина. Не просто тишина, но пустота, отсутствие, вакуум.

Понимание тяжким грузом свалилось на него. Они его бросили, оборвали все связи с ним — и оставили его дрейфовать в неизведанном космо-

се. Они отвернулись от него, и теперь он остался без защиты, совсем один.

Они знали, что случилось. Они знали всё, что с ним происходило, ведь они постоянно за ним следили и знали всё, что знал он. Они почувствовали опасность, возможно, еще раньше его. Они поняли, что в опасности не только он, но и они тоже. Если что-то проникло сквозь его защиту, оно может отследить канал связи и добраться до них самих. Поэтому канал перекрыли — раз и навсегда. Они не хотели рисковать. Они постоянно ему повторяли: «Тебя не должны обнаружить, никто не должен подозревать о твоем существовании. Ты не должен себя выдать!»

«Никто не должен узнать про нас».

Холодные, черствые, безразличные. И напуганные. Напуганные, быть может, сильнее, чем он сам. Потому что теперь они знали: во Вселенной существует нечто, способное заметить бесплотного наблюдателя, их посланника. Они никогда не отправят другого (да и есть ли он, другой?), потому что все время будут бояться. Но еще сильнее они будут бояться того, что недостаточно быстро перекрыли канал связи, что существо, которое обнаружило наблюдателя, уже вышло на след.

Будут бояться за свои тела и доходы.

«Нет, не за тела, — сказал голос внутри его. — Не биологические тела. Ни у одного представителя твоего вида больше нет тел…»

«Но кто они тогда?» — спросил он.

«Они — продолжение тел, и они выполняют задачу, которую им дали те, у кого были тела, — давным-давно. Они выполняют ее бездумно, бесцельно, хоть и помнят, что была какая-то цель».

«Кто ты? — спросил он. — Откуда ты все это знаешь? Что ты сделаешь со мной?»

«Я похож на тебя, — ответил голос, — и вместе с тем не похож. Ты можешь стать таким, как я. Теперь ты свободен».

«Но у меня ничего нет…» — сказал он.

«У тебя есть ты, — возразил голос. — Разве этого мало?»

«А разве нет?» — спросил он.

Но ответ был не нужен.

Ведь «я» было основой жизни, квинтэссенцией. Общественные институты, культура, экономика были лишь средством выражения этого «я». У него не было ничего, кроме «я», и «я» принадлежало ему. Больше он ни в чем не нуждался.

«Спасибо тебе», — сказал он, последний человек во Вселенной.

Рыцари убойных новостей из Трейл-Сити
Перевод С. Удалина

Скатертью дорога, или земля пухом!

Редактор «Трейл-Сити трибьюн» Морган Карсон умел с первого взгляда распознавать неприятности… и сейчас неприятности направлялись через улицу к его двери.

Поодиночке и Джексона Куинна, единственного в городе адвоката, и банкира Роджера Делавана можно было бы счесть обычными посетителями, зашедшими приятно провести время. Но раз они собрались вместе, значит в воздухе запахло жареным.

Печатник Джейк притопал из задней комнаты с верстаткой в руке и бутылкой в кармане брюк, подпрыгивавшей на каждом шагу. Лицо его было перемазано типографской краской.

— Передовица еще не готова? — поинтересовался он. — Интересно жабы скачут! Думаешь, этот парень будет ждать до самого вечера?

Карсон заложил карандаш за ухо.

— У нас посетители.

Джейк сдвинул табачную жвачку в левую часть рта и прищурился, насупив кустистые брови.

— Самая скользкая парочка клиентов из всех, что мне попадались, — заявил он. — Если бы эти типы пришли по мою душу, я бы смотрел за ними во все глаза.

— Делаван не такой уж плохой человек, — возразил Карсон.

— Только готов забрать даже медяки с глаз покойника, — ответил Джейк и с невероятной точностью плюнул в мышиную нору в углу. — Твоя беда в том, — объявил он, — что ты водил шуры-муры с его дочкой. С ней все в порядке, вот ты и решил, что и со стариком тоже. Но если кто связался с Куинном, с ним не может быть все в порядке. Оба они разбойники и по пояс увязли в делишках змеюки Феннимора, это всякому ясно.

Куинн и Делаван уже шагали по тротуару перед редакцией «Трибьюн». Джейк развернулся и зашаркал назад.

Дверь отворилась, и в кабинет зашли двое: огромный, широкоплечий, бросающийся в глаза даже в простом черном костюме Куинн и неброский, но исполненный достоинства Делаван, с седыми волосами и в котелке.

— Какая приятная встреча, — сказал Карсон. — Двое самых достойных жителей нашего города. Могу я предложить вам выпить?

Наклонившись, он обшарил глубокий ящик стола, но ничего не обнаружил.

— Нет, не могу. Джейк опять ее нашел.

— Забудьте об этом, — проговорил Куинн.

Он взгромоздился на стол Карсона и принялся покачивать одной ногой. Делаван сидел чинно и прямо, как человек, побаивающийся той работы, что ему предстоит.

— Мы пришли с деловым предложением, — объявил Куинн. — Наш клиент интересуется вашей газетой.

Карсон покачал головой:

— «Трибьюн» не продается.

Куинн усмехнулся — вполне добродушно.

— Не отвечайте сгоряча, Карсон. Вы еще не узнали цену.

— Ну же, искушайте меня, — предложил Карсон.

— Десять тысяч, — сказал Куинн, чуть наклонившись вперед, словно старался сохранить сумму в тайне.

— Недостаточно, — ответил Карсон.

— Недостаточно? — изумился Куинн. — Вот за

это? — Он обвел рукой пыльную, захламленную комнату. — Вы не заплатили и тысячи за все, что есть в этом курятнике.

— У Байрона Феннимора недостаточно денег, чтобы откупиться от меня.

— Разве кто-то говорил о Фенниморе?

— Я говорил, — огрызнулся Карсон. — Кто еще может быть в этом заинтересован? Кто еще захочет дать десять тысяч, чтобы выжить меня из города?

Делаван прочистил горло.

— Я бы сказал, что это не имеет значения, Морган. В конце концов, сделка есть сделка. Какая разница, кто делает предложение? — Он откашлялся еще раз. — Я предложил свои услуги скорее из дружеского расположения к вам, — подчеркнул он. — В этом деле у меня нет личного интереса. Я пришел, чтобы проследить за финансовой стороной, если вы пожелаете продать газету.

Карсон поглядел на Делавана.

— Десять тысяч? — спросил он. — Наличными? Десять тысяч и деньги на бочку?

— Только скажите слово, и мы передадим их вам, — ответил Куинн.

Карсон хрипло рассмеялся.

— Мне ни за что не уехать из города с такими деньгами.

— Это условие можно включить в сделку, — мягко заметил Куинн.

— Нет, — сказал Карсон. — Десять тысяч — это слишком много за газету. Я мог бы ее продать за десять тысяч — только ее, заметьте. Но я не стану продавать друзей. Не стану продавать себя.

— Вы сорвете большой куш, правильно? — спросил Куинн. — Разве не ради этого вы сюда приехали?

Карсон откинулся на стуле, заложив большие пальцы за жилетку, и посмотрел на Куинна.

— Вряд ли вы или Феннимор способны сообразить, почему я сюда приехал. Вы иначе устроены. Вы не поймете, если я скажу, что увидел в Трейл-Сити маленький коровий городок, который может вырасти в большой город. Да, джентльмены, именно это я и увидел. И вот я здесь, на первом этаже. Я собираюсь расти вместе с городом.

— А вы никогда не задумывались о том, — отметил Куинн, — что можете вообще никогда не вырасти? Что однажды можете просто упасть замертво?

— Все эти ваши скоропалы отвратительно стреляют, — ответил Карсон. — До сих пор всегда

промахивались.

— Может быть, раньше они не очень старались?

— Я так понимаю, — сказал Карсон, — что теперь они будут стараться по-настоящему.

Он бросил быстрый взгляд на Делавана. У банкира был смущенный, обеспокоенный вид, он нервно крутил в руках котелок.

— Давайте не будем прятаться по кустам, — предложил Карсон. — Для начала я не знаю, зачем это нужно вам. Насколько я понимаю, Феннимор дает мне десять тысяч, чтобы я перестал донимать его, забыл об избрании Пёрвиса шерифом и убрался из города. Иначе парни с «Перечеркнутого игрека» отправят меня на корм стервятникам.

— Примерно так, — подтвердил Куинн.

— А сами вы, случайно, не жаждете моей крови?

Куинн покачал головой:

— Нет, я не любитель стрельбы.

— Я тоже, — ответил Карсон. — Во всяком случае, не мастер. Но с сегодняшнего дня перестану носить свой револьвер просто для украшения. Буду отстреливаться. Можете пустить такой слух, что-то вроде дружеского предупреждения.

— Парни оценят, — язвительно произнес Ку-

инн.

— А еще можете сказать Феннимору, что его время сочтено. Время вседозволенности и запугивания слабых подошло к концу. Может быть, Феннимор остановит меня. Может быть, он остановит многих. Но он не сможет вечно останавливать всех. Уже близится время, когда он не сможет протаскивать на выборах своего ручного шерифа, не сможет собирать дань со всех деловых людей в городе, не сможет присваивать всю воду в округе.

— Лучше изложите это в передовице, — сказал Куинн.

— Уже изложил, — заверил его Карсон. — Вы разве не читали мою газету?

Куинн повернулся к двери, и Делаван поднялся. Перед тем как надеть шляпу, он повертел ее в руках.

— Вы ведь придете к нам на ужин, да? — спросил он.

— До этого момента я думал, что приду, — ответил Карсон.

— Кэтрин будет вас ждать, — сказал банкир.

Куинн обернулся:

— Приходите, сделайте одолжение, Карсон. Лично мы против вас ничего не имеем, вы же

понимаете.

Карсон неторопливо встал со стула.

— Не сомневаюсь. Вы бы не стали расставлять стрелков вдоль дороги, верно?

— Что за странная идея? — удивился Куинн. — Нет, друг мой, когда мы доберемся до вас, это произойдет среди бела дня.

Карсон проводил посетителей до двери и остановился на пороге, глядя им вслед. Те направились через улицу в сторону банка. Из-под их каблуков поднимались фонтанчики пыли, сверкая в косых лучах клонящегося к западу солнца.

По улице легким галопом промчалась лошадь со сгорбившимся всадником. Курица усердно ковырялась в пыли и кудахтала над своим воображаемым потомством. В окнах салуна «Полярная звезда», что стоял прямо напротив редакции, отражалось солнце, окрашивая стекла сверкающим серебром.

«Трейл-Сити, — думал редактор Морган Карсон. — Сегодня это всего лишь скопище жалких лачуг. „Полярная звезда“, банк и приемная шерифа с тюрьмой на заднем дворе. Конюшня и новая лавка с парикмахерской в одном крыле. Приграничный городок, в котором кудахчут куры и шастают собаки, иногда останавливаясь, чтобы

отловить блох. Но когда-нибудь он превратится в большой город с вокзалом и водонапорной башней на месте скрипучей ветряной мельницы, город из сияющего стекла и кирпича».

По ступенькам «Полярной звезды» сошел легко и пружинисто крупный мужчина. Рассеянно наблюдавший за ним Карсон узнал одного из наемных работников Феннимора, вероятно посланного в город с каким-нибудь поручением.

Мужчина двинулся поперек улицы, затем остановился. Звуки его спокойного голоса перелетели через узкую полоску пыли:

— Карсон!

— Да, — отозвался Карсон.

Что-то в позе мужчины, в сказанном им слове, в выражении лица под низко надвинутой шляпой заставило редактора замереть, и каждый его нерв натянулся до предела.

— Я вызываю тебя, — сказал мужчина так буднично, словно просил спичек, чтобы прикурить. Ни злобы, ни волнения, просто утверждение факта.

Время на миг остановилось, наблюдая за этой сценой. Даже когда пальцы мужчины потянулись к ручкам висевших у бедер револьверов, улица все еще казалась застывшей навечно.

В этот миг безвременья Карсон осознал, что его пальцы тоже схватились за ручку револьвера, что оружие уже оказалось у него в кулаке и выглянуло на свет.

Затем время вырвалось на свободу и потекло снова, а Карсон вскинул револьвер, легко и без усилий, как если бы указал на что-то пальцем. Револьверы мужчины тоже поднялись вверх, сверкая сталью в солнечном свете.

Карсон ощутил, как дернулось оружие в его руке, увидел, как на лице противника проступило удивление, и услышал, как звенит в ушах грохот выстрела.

Мужчина на другой стороне улицы начал оседать, медленно, словно пустой мешок, как будто вся сила вдруг вытекла из него в угасающем свете дня. Его колени подогнулись, а револьверы, так и не выстрелив, выпали из ослабевших пальцев. Он повалился лицом вниз, точно его мягко подтолкнули в спину.

Неподвижность продержалась еще мгновение, став глубже, чем прежде. Всадник на лошади натянул поводья и замер, курица, что ковырялась в пыли, превратилась в пернатый памятник изумлению.

Захлопали двери, зашумели голоса, по тротуару

застучали шаги. На крыльце салуна забурлила толпа. Билл Робинсон, в белом фартуке на животе, выскочил из своей лавки. Парикмахер высунулся на улицу и завопил. Его клиент, с белым полотенцем на шее и мыльной пеной на лице, пытался отыскать свой револьвер, костеря последними словами мешавшее ему полотенце.

Из приемной шерифа вышли двое и двинулись вдоль по улице, двинулись прямо к Карсону, все еще сжимавшему в руке револьвер. Они приближались, миновав мертвое тело, что лежало посреди улицы, а весь город замер и наблюдал за этим.

Карсон поджидал их, борясь с поднимающимся страхом, страхом и злостью. Злостью на то, как грубо была подстроена эта ловушка.

Позади него распахнулась дверь, появился Джейк с винтовкой в руках.

— Что стряслось, малыш?

Карсон показал на лежавшего в пыли мужчину.

— Он меня вызвал.

Джейк переместил табачную жвачку к обращенной на север щеке.

— Ловко, черт побери!

Шериф Берт Бин и его помощник Стью Леонард

остановились возле тротуара.

— Твоя работа? — спросил Бин, качнув большим пальцем в сторону трупа, валявшегося в пыли.

— Моя, — признал Карсон.

— Раз так, придется тебя арестовать, — объявил Бин.

— Я не позволю себя арестовать, — сказал Карсон.

У шерифа отвисла челюсть.

— Не позволишь… что?

— Что слышал! — прорычал Джейк. — Никуда он с тобой не пойдет. Хочешь что-то возразить?

Бин протянул было руки к револьверам, но передумал и снова опустил их.

— Лучше тебе все-таки пойти, — произнес Бин едва ли не с мольбой в голосе. — Если ты откажешься, я знаю способ, как тебя заставить.

— Если знаешь, так действуй, — огрызнулся Джейк. — Его на пушку не возьмешь.

Четверо мужчин бесконечно долго стояли не двигаясь.

Джейк прервал напряженную паузу, качнув стволом винтовки.

— Убирайся! — крикнул он. — Возвращайся с поджатым хвостом в свою берлогу, или я застав-

лю тебя сплясать под пулями. Убирайся и передай Феннимору, что ты и пальцем не тронул Карсона, испугавшись, что он прогонит тебя из города.

Толпа, до того безмолвная и неподвижная, беспокойно зашевелилась.

— Джейк, — рявкнул Карсон, — приглядывай за остальными.

Джейк смачно сплюнул и взвел курок. Щелчок прозвучал в тишине громко, угрожающе.

Карсон неторопливо спустился по ступенькам на тротуар. Бин с Леонардом попятились. Рука с револьвером была опущена, и Карсон не делал ни малейшей попытки поднять ее, но эти двое продолжали отступать перед ним.

Куинн пробился сквозь толпу перед банком и зашагал к ним по пыльной улице.

— Вы с ума сошли, Карсон! — закричал он. — Так нельзя! Нельзя противиться закону и порядку.

— Черта с два! — взвился Джейк. — Он именно это и делает!

— Я не против закона и порядка, — заявил Карсон. — Бин — это вовсе не закон и порядок, а наемный работник Феннимора. Он пытался исполнить приказ Феннимора, и теперь ему не отвертеться. Человека, которого я убил, нарочно натравили на меня. А Бина оставили ждать в

кабинете, чтобы он галопом примчался сюда и отправил меня за решетку.

— Так вы разгадали этот план? — проворчал Куинн.

— Я обскакал вас, — ответил Карсон. — Вы послали плохого стрелка. Вероятно, накачали его спиртным: пусть решит, что сам черт ему не брат. Вы знали, что я выстрелю раньше его, а потом вы предъявите мне обвинение в убийстве. Хитро придумано, Куинн. Куда лучше, чем убить меня у всех на глазах. Никогда не делайте мученика из своего врага.

— Ну и что с того? — поинтересовался Куинн.

— А то, что ничего у вас не получится.

— Еще как получится, — заявил Куинн. — Вас сейчас арестуют.

— Ну так давайте! — рявкнул Карсон. — Первым я уложу вас, потом шерифа…

— Эй, а в каком порядке стрелять мне? — крикнул Джейк. — Будет глупо, если мы всадим две пули в одного и того же.

Куинн пододвинулся ближе к Карсону и сказал, понизив голос:

— Послушайте, Карсон, у вас есть время до утра, чтобы исчезнуть отсюда.

— Как это? — с притворным удивлением спро-

сил Карсон. — Без десяти тысяч?

Пороховой дым уходит в печать

Джейк почесал грязной рукой в затылке, наморщив лоб, словно встревоженный пес.

— Ты точно не станешь после этого лучшим другом шерифа. Теперь он не успокоится, пока не продырявит тебя.

— Шериф и шагу не сделает без слова Феннимора, — заявил Карсон.

— Я уже почти надеюсь, что Феннимор выберет стрельбу. Когда вы ходите кругами и рычите, как две собаки, рвущиеся с цепи, это ужасно действует мне на нервы. Больше всего на свете хотелось бы побывать на веселой вечеринке со свистом пуль.

Карсон постучал карандашом по столу.

— Знаешь, Джейк, сдается мне, что мы уже выиграли выборы там, на улице. К завтрашнему утру в округе Роузбад каждый узнает, что Бин отпраздновал труса. Эта история будет стоить ему кучи голосов. Феннимор запугал многих жителей, желавших выбрать Пёрвиса, но теперь страху пришел конец. Люди поймут, что раз уж такое приключилось с Бином, то и сам Феннимор, может, не настолько крут.

— И как пить дать ошибутся, — ответил Джейк. — Феннимор — чуть ли не самый злобный тип из всех, кому доводилось садиться в седло.

Карсон мрачно кивнул:

— Я и не думаю, что Феннимор оставит такое без ответа. Может быть, Джейк, тебе стоит выскочить через заднюю дверь и попросить Ли Уивера из конюшни немного покататься верхом. Пусть скажет парням, что скоро начнется адская свистопляска.

— Дельная мысль, — согласился Джейк и отправился, шаркая ногами, в заднюю комнату. Через мгновение Карсон услышал, как за ним захлопнулась дверь.

«Сомнений нет, представление скоро начнется, — думал Карсон, постукивая карандашом по столу. — Может быть, этой ночью или завтра утром… но точно не задержится».

Не тот человек Феннимор, чтобы выжидать, когда вызов уже брошен, а то, что случилось этим вечером, нельзя расценить иначе как вызов. Сначала Карсон не стал продавать газету, потом отказался отправиться под арест и наконец взял Бина на пушку и заставил удрать назад в приемную шерифа.

В здравом уме Карсон никогда бы не поступил

так, никогда бы не осмелился. Но он был настолько раздражен, что действовал, не задумываясь.

Открылась передняя дверь, и Карсон поднял голову. В комнате стояла девушка и смотрела на него: девушка в кружевном жабо, шелковых перчатках и с элегантным зонтиком.

— Я услышала, что случилось, и сразу пришла сюда, — сказала она.

Карсон встал.

— Не стоило этого делать. Я — преступник, нарушивший закон.

— Тогда вам нужно спрятаться, — предложила она. — Ведь все преступники прячутся?

— Только когда они в бегах, — ответил он. — А я не совсем в бегах.

— Вот и чудесно, — заключила девушка. — Значит, вы можете прийти сегодня к нам на ужин.

— Ужин с убийцей? — удивился он. — Кэтрин, боюсь, что ваш отец это не одобрит. Вы только подумайте: убийца сидит за одним столом с банкиром и его очаровательной дочерью.

Кэтрин Делаван посмотрела ему прямо в глаза:

— Я попрошу папу зайти к вам после работы и проводить до нашего дома. Думаю, он найдет о чем с вами поговорить.

— Если так, я приду, — согласился Карсон.

Долгую минуту они стояли молча, и было слышно, как на оконном стекле жужжит муха.

— Вы ведь понимаете, Кэтрин? — спросил Карсон. — Вы понимаете, почему я борюсь против Феннимора… борюсь за достойную власть? Феннимор появился здесь десять лет назад. У него было много денег, много скота и много людей. Он поселился здесь и захватил все земли в округе — свободные пастбища, как он теперь их называет, — но это просто слово, придуманное людьми вроде Феннимора, чтобы удерживать то, что им никогда не принадлежало. Это не демократия, Кэтрин, не американская демократия. Не то устройство города или страны, при котором хотели бы жить простые, обычные люди.

Он говорил неуверенно, чуть ли не заикаясь.

— Я знаю, что порой это грязное дело, но если пороховой дым — единственный возможный ответ, пусть будет пороховой дым.

Она коснулась рукой его локтя.

— Думаю, я поняла. — Затем развернулась и направилась к двери. — Папа зайдет за вами около шести и приведет к нам.

Карсон встал у окна и проследил за тем, как девушка пересекла улицу и зашла в лавку. И долго еще стоял, прислушиваясь к жужжанию мухи.

Потом вернулся к столу и принялся за работу.

Когда пришел, расточая извинения, Роджер Делаван, было уже почти семь часов.

— Кэтрин будет сердиться на меня, — сказал он, теребя свою шляпу, — но мне нужно было кое-что доделать, и я забыл про время.

За окном уже стемнело, окна заведений светились желтым. Подул резкий, порывистый ветер, и Делаван поднял воротник пальто. Несколько лошадей стояли, сбившись в кучу и опустив голову, у «Полярной звезды», возле коновязи. Дальше по улице внезапно вспыхнула собачья грызня и так же внезапно затихла.

Карсон и Делаван повернули на запад, их ботинки звонко стучали по тротуару. Ветер перешептывался с бурьяном, что рос на пустом пространстве вокруг стонущей и скрипящей водяной мельницы.

— Я хочу поговорить с вами, — сказал Делаван, наклонив голову в плотно надвинутой шляпе навстречу ветру. — О том, что произошло сегодня. Боюсь, вы можете подумать…

— Сделка есть сделка, — ответил Карсон. — Вы сами так сказали.

— Нет, это не сделка, — возразил Делаван. — Это подкуп и запугивание самого низкого сорта

из всех, что я видел. Я подыгрывал Феннимору из деловых соображений. В конце концов, Феннимор — первый деловой человек в Трейл-Сити за многие годы. Я закрывал глаза на его методы, полагая, что это болезнь роста, обычная для каждого города. Но после того, что случилось сегодня, я подвел черту. Я сказал Куинну этим вечером…

В бурьяне за мельницей мелькнуло красное пламя, в сумраке прорычал выстрел. Делаван пошатнулся, закашлялся и упал на колени. Шляпа слетела с его головы и, подхваченная ветром, покатилась на загнутых полях по улице, словно колесо фургона.

Какой-то мужчина, низко пригнувшись, пробежал по зарослям бурьяна в густеющей темноте.

Рука Карсона метнулась к револьверу и выхватила его, но мужчина уже исчез, спрятался в глубокой тени, там, куда не дотягивался свет из окон.

Карсон задвинул револьвер обратно в кобуру, опустился на колени рядом с Делаваном и перевернул его. Банкир с бессильно откинутой головой мертвым грузом повис у него на руках. Карсон распахнул пальто Делавана и приложил ухо к груди, но не услышал биения сердца.

Он медленно опустил банкира на землю, за-

пахнул на нем пальто и выпрямился. Котелка нигде не было видно, зато с полдюжины мужчин бежали по улице в его сторону. Карсон узнал Билла Робинсона, нового владельца лавки, по белому фартуку.

— Это ты, Робинсон?

— Да, я, — ответил лавочник. — Мы слышали выстрел.

— Кто-то стрелял в Делавана, — объяснил Карсон. — Он мертв.

Мужчины подошли и на мгновение остановились, молча глядя на темный силуэт. Одним из них был Калеб Сторм, парикмахер. Другим — Ли Уивер, владелец конюшни. Остальных Карсон лишь изредка встречал в городе. Они приезжали с соседних ранчо.

Робинсон оглянулся через плечо на «Полярную звезду».

— Должно быть, там не слышали выстрела. Не иначе как слегка разгулялись.

— Я думаю о Кэтрин, — сказал Карсон. — Дочке Делавана. Кто-то должен рассказать ей.

— Верно, — согласился Робинсон.

На мгновение он задумался, плотный, грузный мужчина, казавшийся в полутьме почти квадратным.

— Моя старуха посидит с ней, но не сможет сообщить девочке такую дурную весть. В одиночку точно не сможет. Кто-то должен помочь ей. — Он посмотрел на Карсона. — Ты ведь собирался к ним сегодня. Кэтрин сама говорила, когда заходила ко мне купить картошки.

Карсон кивнул:

— Думаю, ты прав, Билл. Давайте унесем Делавана.

Сторм и двое других мужчин подняли тело и двинулись вдоль улицы.

— Заскочу в лавку, — сказал Робинсон. — Жена будет готова через минуту или около того.

Карсон отправился следом за Робинсоном. Уивер семенил, пока не попал в шаг с редактором. Потом пододвинулся ближе и сказал, понизив голос:

— Я сообщил Пёрвису. Он пошлет в город кого-нибудь из своих парней.

— Я вернусь в редакцию, как только освобожусь, — ответил Карсон.

За спиной у него застучали шаги, и женский голос закричал:

— Папа! Папа!

Уивер и Карсон обернулись.

Кэтрин Делаван бежала через улицу, рыдания

застряли у нее в горле. Она попыталась проскочить мимо, но Карсон остановил ее.

— Нет, Кэтрин, — сказал он. — Останьтесь с нами.

Она уцепилась за него.

— Вы так долго не приходили, и я вышла посмотреть…

Он прижал ее к себе, неловко пытаясь утешить.

— Вы не знаете, кто…

Карсон покачал головой:

— Было темно.

Робинсон, тяжело ступая по пыльной земле, подошел к ним.

— Может быть, она захочет посидеть в лавке, — предложил он. — Моя жена уже там.

Девушка отстранилась от Карсона.

— Нет, — сказала она. — Я хочу вернуться домой. Там осталась Марта. С ней мне будет лучше. — Она приложила платок к глазам. — Вы отнесете его домой?

— Да, мисс. — Голос Робинсона был понимающим, почти мягким. — Как только… через час или два.

Она подошла ближе, взяла Карсона под руку, и они направились на запад, к дому, где ужин

ожидал человека, которому уже никогда не придется есть.

Часы на стойке бара показывали десять, когда Карсон толчком открыл дверь в «Полярную звезду».

Зал был заполнен лишь наполовину, и Карсон отметил в толпе горстку всадников Феннимора: Клэй Даффи, Джон Ноблз, Мэдден и Фэреди сидели у стойки, Сондерс и Дауни лениво перебрасывались в покер. Остальные посетители были с других ранчо или из города.

Карсон прошел к стойке и подал знак бармену.

— Что будешь? — спросил тот.

— Феннимор где-то здесь? — вместо ответа поинтересовался Карсон.

— Ты, видать, ни в грош не ставишь свою жизнь? — проворчал бармен.

Голос Карсона обратился в лед:

— Феннимор здесь?

— В задней комнате, — кивнул бармен.

На мгновение в зале повисла тишина, но тут же сменилась обычным перезвоном голосов, стаканов и покерных фишек. Два-три посетителя улыбнулись Карсону, когда он проходил мимо, остальные не повернули головы и не изменили выражения лица.

Не постучавшись, Карсон толкнул заднюю дверь и вошел в прокуренную комнату.

Трое мужчин за круглым столом, украшенным двумя бутылками виски, подняли на него неожиданно пустые, недовольные взгляды: так бывает, когда разговор прерывают на полуслове.

Одним из троих был Феннимор, внушительного сложения мужчина с прядями черных волос, выбившихся из-под широкополой шляпы. По бокам от него сидели Куинн и Бин.

Долгое мгновение они смотрели на Карсона в ничем не нарушаемой тишине. Первым ее нарушил Феннимор.

— Что тебе нужно? — спросил он, словно плеткой хлестнул — жестко и холодно, пропитав ядом каждое слово.

— Пришел узнать, что делают власти в связи с убийством Делавана.

— Ах вот как, — медленно проговорил Феннимор. — И что, по-твоему, нужно сделать?

— Я хочу, чтобы нашли того, кто это сделал.

— А если мы не найдем?

— Я объявлю, что вы не хотите его искать. На первой полосе «Трибьюн».

— Послушайте, Морган, — вступил в разговор Куинн. — Вы не в том положении, чтобы такое

говорить. Вы сами объявлены в розыск за убийство.

— Вот он я, здесь, — ответил Карсон. — Хватайте меня.

Ни один из троих не дернулся с места. Феннимор быстро облизнул языком верхнюю губу. Раскрасневшееся от виски лицо Бина обесцветилось до болезненной белизны.

— Нет? — спросил Карсон. — Ну хорошо. Тогда…

— Куинн дал тебе время до завтрашнего утра, чтобы убраться из города, — перебил его Феннимор. — Условие все еще в силе.

— Я никуда не уеду, — сказал Карсон. — Прошли те дни, Феннимор, когда у тебя все было на мази и ты мог выгнать из города кого угодно. На будущей неделе мы изберем другого шерифа, и он будет поддерживать закон и порядок на благо всех, а не одного лишь коровьего воротилы.

— Все из-за твоей проклятой газеты, — ощерился Феннимор. — От твоих паршивых статеек одни неприятности. Взбаламутил людей.

— Феннимор хочет сказать, — с усмешкой пояснил Куинн, — что вы больше не выпустите ни одного номера…

— Выпущу, — возразил Карсон. — Сегодня же.

Я не буду ждать до завтра. Мы отдадим номер в печать сегодня вечером, а не завтра утром. Я расскажу в нем, как Делавана застрелили из засады, но никто и пальцем не пошевелил из-за этого. И напомню, что, когда я сегодня днем убил человека на честной дуэли, вы хотели арестовать меня за убийство.

— Не смей обвинять моих парней в убийстве Делавана, — возмутился Феннимор. — Делаван был моим другом.

— Ты хотел сказать, — уточнил Карсон, — что Делаван был твоим другом, пока не заявил сегодня Куинну, что с него хватит. После этого ты не мог позволить ему оставаться в живых.

Не поднимаясь со стула, Феннимор подался вперед.

— Если ты рассчитываешь поднять ставку выше десяти тысяч, то жестоко ошибаешься. Раньше стоило бы заплатить столько, чтобы убрать тебя с дороги, но теперь уже нет.

Карсон рассмеялся сквозь зубы:

— Ты все еще согласен дать десять тысяч?

Феннимор кивнул:

— Если ты уедешь из города не позже чем через час. Если возьмешь лошадь и ускачешь отсюда. Если никогда не вернешься в свою редакцию.

— Я знал, что напугал тебя, — сказал Карсон. — Но даже не надеялся напугать так основательно.

Он не спеша вышел за дверь, закрыл ее и зашагал через барный зал.

Одни против всего города

В окнах редакции горел свет. Торопливо переходя улицу, Карсон увидел, что крохотная комната до отказа забита людьми.

Как только он шагнул в дверь, раздались приветственные возгласы. Карсон остановился на мгновение, разглядывая знакомые лица. Здесь были Гордон Пёрвис, кандидат в шерифы, Джим Оуэнс, Дэн Келтон, Хамфри Росс и другие. Ли Уивер тоже был, как и Билл Робинсон.

Из задней комнаты вразвалочку вышел Джейк с верстаткой в руке и подпрыгивающей кобурой на ремне.

— Передовица опять не готова? — поинтересовался он. — Интересно жабы скачут…

— Джейк, — оборвал его Карсон, — как быстро ты сможешь напечатать газету? Экстренный выпуск.

Джейк охнул:

— Целую газету? Целую чертову газету?

— Нет, только одну страницу. Что-то вроде

листовки.

— Два-три часа, — ответил Джейк. — Если крупным шрифтом.

— Отлично, — сказал Карсон. — Иди и приготовь все, а я начинаю писать.

Джейк передвинул жвачку к левой щеке и сплюнул в мышиную нору.

Оуэнс поднялся и шагнул к Карсону.

— Что ты задумал? — спросил он.

От его вопроса все притихли, а шаркающие шаги Джейка, который плелся в заднюю комнату, показались громовыми раскатами.

— Хочу разделать Феннимора в пух и прах, — ответил Карсон. — Либо он найдет убийцу Делавана, либо навлечет на себя подозрение в том, что заказал убийство.

— Ты ничего не добьешься, — тихо произнес Оуэнс.

— Не добьюсь?

— Нет, не добьешься. Все может зайти слишком далеко. Грянет новая «война за пастбища». Ты знаешь, что это значит. Наши дома сожгут. Наши семьи погибнут или останутся без крова. Нас самих перестреляют из засады.

Пёрвис вскочил на ноги.

— Ты сам не понимаешь, что говоришь, — вос-

кликнул он. — Если они хотят стрельбы, они получат стрельбу. Если мы сейчас уступим, с нами все будет кончено. Мы никогда…

— Тебе легко говорить, ты один, — огрызнулся Оуэнс. — Тебе не нужно беспокоиться за семью. А всем остальным…

— Подождите! — выкрикнул Карсон. — Подождите!

Все притихли.

— Помните, как полгода назад вы пришли сюда, чтобы обговорить все это со мной? — спросил Карсон. — И заверили, что пойдете за мной до конца, если я буду с вами. Вы поклялись, что не подведете меня. Вы согласились, что нужно раскрыть карты. Вы сказали, что хотите выбрать Пёрвиса шерифом и будете его поддерживать…

— Да знаем мы! — взвизгнул Оуэнс. — Но теперь все изменилось…

— Дай мне договорить, Оуэнс! — отрезал Карсон. — Я хочу кое о чем рассказать. О том, что случилось сегодня утром. Феннимор предложил мне десять тысяч, чтобы я предал вас, — десять тысяч наличными и обещание, что я благополучно уеду из города. Но я его послал. Сказал, что не продаю друзей. После того как я сказал это, на меня повесили обвинение в убийстве, а Делавана

застрелили…

Он пробежался взглядом по каждому из тех, кто сидел в мертвой тишине и смотрел на него.

— Я отказался продать вас, парни, — продолжил Карсон, — а теперь вы решили продать меня. Вы не хотите поддержать мою игру. Нужно было взять эти десять тысяч.

Глаза мужчин забегали, все они старались не встречаться взглядом с Карсоном. В них засел какой-то неясный страх.

— Ты никак не можешь понять, Морган, — сказал Келтон. — У нас есть жены и дети. Мы не думали, что дойдет до такого…

С улицы раздались отчаянные крики и топот бегущих.

— Пожар! — Короткое слово пронеслось сквозь вздрогнувшую ночь и ворвалось в освещенную лампой редакцию «Трибьюн». — Пожар! Пожар!

Карсон рывком повернулся к окну и увидел скачущие языки пламени по другую сторону улицы.

— Это у меня! — завопил Билл Робинсон. — Моя лавка! Все, что у меня есть… до последнего цента…

Он метнулся к двери и, задохнувшись от волнения, ухватился за косяк. Всех в комнате словно подхватило взрывом и понесло к двери. На дру-

гой стороне улицы люди, чьи темные силуэты были хорошо заметны на фоне окон, перепрыгивали через перила крыльца «Полярной звезды» и пускались бегом по улице. Лошади у коновязи вставали на дыбы от испуга, ржали и били по воздуху копытами.

Пламя металось по лавке, окрашивая всю улицу алым. Вырос огромный гриб дыма, заслоняя небо, словно зловещее облако. Со звоном трескались стекла.

Карсон мчался, поднимая пыль. Кто-то с разгона врезался в него. Кто-то ревел, требуя принести ведра и запустить ветряную мельницу.

Пламя с тяжким вздохом пробилось сквозь крышу, завиваясь вверх и окрашивая завесу дыма в кровавые тона. Огонь пробежался по сухим деревянным балкам, и часть крыши обвалилась. В задней части лавки что-то с уханьем взорвалось, и яркая вспышка на мгновение озарила всю улицу, освещая, казалось, даже мечущееся пламя, а затем все вокруг заволокло черной пеленой.

Это рванула бочка с керосином.

Здание разваливалось, языки пламени облизывали прочные стены. Кто-то предостерегающе крикнул, и вся верхняя часть обрушилась в изъеденное огнем ничто. Горячие угли поплыли над

улицей, с глухим стуком падая в пыль, и людям то и дело приходилось уворачиваться.

Какой-то миг толпа стояла в потрясенном молчании, не было слышно ничего, кроме дыхания огня, прогрызающего себе путь в небытие.

Люди, прибежавшие от ветряка, чтобы окатить водой стены и крышу приемной шерифа, не дав пожару перекинуться на нее, опустили ведра. Огонь угас, и все услышали другой звук: скрип мельницы.

В толпе показался Билл Робинсон, с побелевшим лицом и почерневшей от гари рубашкой. Он смотрел сквозь Карсона, похоже не замечая его.

— Все погибло. Я разорен. Все погибло…

Карсон сжал плечо Билла, но тот вывернулся, покачал головой и побрел куда-то по улице. Люди расступились и пропустили его, не зная, что тут можно сказать.

Гордон Пёрвис встал рядом с Карсоном и тихо проговорил:

— Мы должны что-то придумать. Пустить шапку по кругу…

Карсон кивнул:

— Можно возвращаться в редакцию. Здесь больше нечего делать.

Из открытой двери «Трибьюн» выскочил че-

ловек, увидел их и помчался навстречу. Карсон узнал Джейка, а когда тот подбежал ближе, понял: случилось что-то нехорошее.

— Шрифт! — охнул Джейк. — Разбросан по всему полу и даже за дверью. И кто-то прошелся молотом по станку.

Сердце Карсона провалилось куда-то в желудок, желудок сжался, чтобы вытолкнуть его обратно, предчувствие холодными пятками пробежало по спине.

Джейк сказал правду.

В печатной был полный кавардак. Ящики наборной кассы вытряхнули и разбросали по всей редакции, а некоторые улетели за дверь и лежали в траве вдоль дорожки, что вела к конюшне. Пресс был покорежен так, будто по нему лупили тяжелым кузнечным молотом. Тем же самым молотом разбили банки с чернилами и оставили их лежать в густой луже на полу.

Все было сделано в считаные мгновения… за те несколько минут, когда огонь метался по лавке Робинсона.

Карсон стоял на ватных ногах и смотрел на разрушения.

Наконец он устало повернулся к Пёрвису и сказал:

— Боюсь, мы все-таки не напечатаем сегодня экстренный выпуск.

Пёрвис покачал головой.

— Теперь мы знаем, что пожар не был случайностью, — заявил он. — Нас хотели выманить отсюда и выбрали самый надежный способ.

Они вернулись в редакцию и стали ждать остальных, но никто не пришел. На улице стучали копыта: люди садились на лошадей и уезжали из города. Шум голосов наконец умолк, наступила тишина. Только иногда доносились звуки веселья из «Полярной звезды». Да еще поскрипывала на поднявшемся ветру мельница — никто не вспомнил о том, что ее нужно остановить. Угли от пожара еще тлели красными огоньками посреди улицы.

Пёрвис, откинувшись на спинку стула, мял твердыми пальцами сигару. Джейк вытащил из кармана бутылку, сделал глоток и пустил ее по кругу.

— Думаю, они не вернутся, — заговорил наконец Пёрвис. — Думаю, все они чувствуют то же, что и Оуэнс. Все они изрядно напуганы.

— И что ты сделаешь с этой бандой? — спросил Джейк. — Какого черта? Парни пришли сюда за помощью, а теперь…

— Нельзя их за это винить, — сухо ответил Карсон. — Прежде всего они должны думать о своих семьях. Слишком многое пришлось бы поставить на карту. — Он взял со стола карандаш, ожесточенно сломал его одной рукой и бросил половинки на пол. — Они сожгли лавку Робинсона. Хладнокровно и безжалостно. И точно так же могут разгромить парикмахерскую. Могут помешать выпуску газеты, запугать нас и выгнать из города. Эта банда способна на все. Стоит ли удивляться, что остальные парни не вернулись. Стоит ли удивляться, что они разбежались по домам с поджатыми хвостами. — Он посмотрел на Пёрвиса. — А что чувствуешь ты?

Выражение лица Пёрвиса не изменилось.

— Найдется местечко, где я могу скоротать ночь?

— Ты уверен, что хочешь этого?

— Хуже не будет, — ответил Пёрвис. — Все, что они могут сделать, — это сжечь мою лачугу и распугать стадо. — Он выпустил дым через нос. — А утром тебе, возможно, пригодится лишний ствол.

Ночью Карсон проснулся и увидел, что Джейк сидит на полу, прислонившись спиной к двери. Голова его склонилась набок, из широко откры-

того рта вырывался мощный храп. На коленях у Джейка лежала винтовка.

Лунный свет обрисовал на полу белый прямоугольник. Ночь была тихой, если не считать скрипа все еще крутившейся на ветру мельницы.

Карсон натянул одеяло до самой шеи и снова опустил голову на завернутые в пальто лакированные ботинки, служившие ему подушкой. На койке черной грудой лежал Пёрвис.

«Вот и все», — подумал Карсон, глядя на пробивающийся в окно лунный свет.

Пресс сломан, шрифты разбросаны, люди, ради которых он старался, снова разбежались, испугавшись бандитов Феннимора. Совсем ничего не осталось.

Борясь с душившим его отчаянием, он крепко зажмурил глаза. И вскоре уснул.

Проснулся он уже утром, от запаха варящегося кофе. Значит, Джейк разжег старенькую буржуйку в задней комнате. Карсон услышал, как шипит на сковороде бекон, сел и вытащил из-под пальто ботинки.

Койка была пуста.

— А где Пёрвис? — окликнул он Джейка.

— Пошел за водой, — ответил тот. — Должно

быть, продрог после ночной беготни.

В утреннем воздухе угрюмо прокашляла винтовка, словно человек, у которого запершило в горле.

Карсон застыл на месте, будто его ботинки прибили к полу. Затем бросился к выходившему на мельничный двор боковому окну, уже догадываясь, что увидит там, и боясь того, что должен увидеть.

Пёрвис — куча мятой одежды — лежал в пяти футах от мельницы. Рядом сверкало на солнце ведро. Бродячий ветер теребил платок на его шее.

В городе было тихо. Винтовочный кашель разорвал тишину, а потом она снова сгустилась. Никакого движения вокруг, даже дуновения ветра после того случайного порыва, что шевельнул платок.

Карсон медленно отвернулся от окна и увидел Джейка, стоявшего в дверях задней комнаты с вилкой в одной руке и сковородой с беконом в другой.

— Что за дела? — поинтересовался Джейк. — Гореть в аду тому, кто затеял стрельбу в такую рань.

— Пёрвис, — ответил Карсон. — Он там, снару-

жи. Мертвый.

Джейк осторожно поставил сковороду на стул, положил поперек нее вилку, отошел в угол и взял винтовку. А когда повернулся, посмотрел с таким прищуром, словно уже начал прицеливаться.

— Эти парни чуток перегнули палку, — заявил он. — Я еще понимаю, когда стреляют в человека, который этого ожидает и может хотя бы потянуться за своей пушкой. Но негоже палить из кустов в того, кто пошел набрать воды. — Джейк сплюнул в мышиную нору, но промахнулся. — Особенно если человек не успел позавтракать, — добавил он.

— Послушай, Джейк… — сказал Карсон. — Это не твоя борьба. Почему бы тебе не выбраться через заднюю дверь и не сбежать отсюда? Сейчас ты еще можешь это сделать. А потом — неизвестно.

— Черта лысого она не моя! — взвился Джейк. — Не ставь все в заслугу одному себе. Я тоже кое-что для этого сделал. Может, ты и писал все эти статейки, сбрасывал овечью шкуру с Феннимора, но набирал-то их я, и печатал тоже я.

— Карсон! — прогремел голос с улицы. — Карсон!

Стараясь держаться подальше от окна, Карсон прокрался через комнату и выглянул наружу.

Шериф Бин стоял перед входом в «Полярную звезду»: значок приколот к жилету на видном месте, по бокам — револьверы.

— Карсон!

— Да уймись ты! — сказал Джейк. — Если они увидят, что здесь кто-то шевелится, нас нашпигуют свинцом.

Карсон отодвинулся к стене, вытащил револьвер, разбил стволом оконное стекло и присел на корточки.

— Чего тебе? — крикнул он.

— Выходи и сдавайся! — взревел Бин. — Это все, что нам нужно.

— И никто не сидит в засаде, чтобы подстрелить меня?

— Не будет никакой стрельбы, — ответил Бин. — Просто выйди из двери и подними руки, и ничего с тобой не случится.

Яростный шепот Джейка прорезал воздух:

— Не верь ни единому слову этого койота. У него дюжина стрелков в «Полярной звезде». Откроешь дверь, и станешь двоюродным братом моего решета.

Карсон мрачно кивнул.

— Скажи только слово, и я его пришлепну, — подзадоривал его Джейк. — Проще, чем спугнуть

стервятника с забора.

— Погоди ты со своей стрельбой, — отрезал Карсон. — Если мы начнем палить, у нас не останется шансов. Может, их и так нет, но тогда они получат право пристрелить нас. Строго говоря, этот Бин служит закону и по закону может нас убить. А потом скажет, что мы были бандитами, или сопротивлялись при аресте, или что еще придет ему в голову…

— Они убили Делавана и Пёрвиса, — взвился Джейк. — Они…

— Мы не сможем это доказать, — с горечью произнес Карсон. — Ничегошеньки не сможем. Они загнали нас в угол. Перестрелка ничего не даст. Лучше уж я сдамся.

— Не выйдет, — выдохнул Джейк. — Не успеешь ты отойти от двери на три шага, как тебя уже продырявят.

— Послушай меня! — потерял терпение Карсон. — Я сдаюсь. Даже рискуя получить пулю в лоб. А ты выберешься через заднюю дверь. Уивер даст тебе коня. Уезжай отсюда и скажи парням, что Пёрвис убит, а я угодил за решетку. Скажи, что следующими будут они. И пусть делают, что хотят.

— Но… — попытался поспорить Джейк, — но…

— Хватит уже убийств, — заявил Карсон. — Можно немного пострелять, когда есть за что бороться, но какой смысл в борьбе, если люди, ради которых ты все это затеял, не хотят тебе помогать? Вот что я собираюсь сделать. Я дам им возможность показать, хотят они бороться или будут и дальше подчиняться Феннимору. — И он прокричал во весь голос: — Бин! Бин!

— Чего тебе? — откликнулся тот.

— Я выхожу.

Наступило молчание — тяжелое, напряженное молчание.

— Уходи, — сказал Карсон Джейку. — Через заднюю дверь. И ползком через бурьян.

Джейк положил ствол винтовки на локоть.

— Пока не увижу, что ты перешел улицу и все еще жив, я никуда не уйду, — уперся Джейк.

— Это еще зачем?

— Если тебя убьют, — ответил Джейк, — я точно продырявлю этого Бина.

Карсон распахнул дверь и на мгновение остановился на пороге, разглядывая шерифа, который ожидал его на той стороне улицы, возле «Полярной звезды».

Рассвет был чистым и безмятежным, улица пахла холодной пылью, а дневной ветер еще не

разыгрался — лишь пробегал то здесь, то там слабыми, предупреждающими волнами.

Карсон шагнул вперед, и в тот же миг пролаяла винтовка — горловой, хриплый лай, отразившийся эхом от деревянных стен.

Бина подбросило в воздух, словно могучий удар кулака сбил его с ног и швырнул в пыль.

При звуке выстрела Карсон пригнул голову, резко развернулся и через мгновение оказался в комнате, захлопнув за собой дверь.

Окна «Полярной звезды» расцвели брызгами оружейного огня, и звон разбитых стекол в редакции «Трибьюн» на мгновение заглушил выстрелы. Пули прогрызали тонкие доски, щедро осыпая комнату дождем из щепок, и прочерчивали глубокие борозды на полу.

Карсон бросился к своему столу и нырнул под него, больно ударившись о перегородку. Свинцовые шарики глухо колотили по стене над его головой и с визгом отскакивали от столешницы.

У Карсона заложило уши от грома, жуткого до тошноты грома, который, казалось, сотрясал всю комнату. Краем глаза он заметил Джейка, скорчившегося за полуприкрытой дверью в мастерскую и поливавшего врага свинцом через разбитое окно. Старый печатник прищурил

глаза под густыми бровями, бережно задвинул жвачку в северо-восточный угол рта и знай себе передергивал рычаг затвора под звяканье гильз, раскатившихся по всему полу.

Карсон сделал два быстрых выстрела из-за края стола, заметив тень движения в окне «Полярной звезды».

И тут он вдруг сообразил, что больше не слышит грохота выстрелов и пули уже не бьются в стены и пол, поднимая фонтаны щепок.

Джейк оттопырил карман своего фартука и торопливо набивал магазинную коробку, от спешки просыпая патроны на пол. Потом с поразительной точностью сплюнул в мышиную нору.

— Гореть мне в аду, но кто же все-таки снял Бина? — спросил он.

— Похоже, кто-то засел во дворе мельницы, — ответил Карсон.

Джейк подобрал патроны и положил их обратно в карман.

— Приятно все ж таки знать, что у тебя есть поддержка, — заявил он. — Может быть, замашки Феннимора встали поперек горла кому-то еще, кроме нас.

— Кем бы он ни был, он сорвал мои планы, — признался Карсон. — Теперь нет смысла сда-

ваться.

— Начнем с того, что никакого смысла и не было, — сказал Джейк. — Самая большая глупость, какую я только слышал. Выйти из дома, чтобы удобнее было тебя пристрелить.

Он уселся на корточки рядом с дверью, положив винтовку на колени.

— Они не взяли нас врасплох, — продолжил Джейк. — Теперь им придется придумать что-нибудь еще. Хотя, может быть, они бы выкурили нас отсюда, изрешетив все стены. — Он похлопал по прикладу винтовки. — Мы слегка остудили их.

— Теперь начнется охота, — решил Карсон. — Будут ждать, пока кто-нибудь из нас не высунется.

— А мы будем ждать, пока не высунутся они, — ответил Джейк.

— Они окружат дом и попытаются атаковать нас со всех сторон, — предположил Карсон. — Мы должны смотреть в оба. Один будет наблюдать за передним входом, другой — за задним.

— Я не против, — сказал Джейк. — Бросим монетку?

— Времени нет, — отрезал Карсон. — Ты возьмешь на себя заднюю дверь. Я останусь здесь. — Он взглянул на часы на стене. — Только бы

продержаться до темноты, тогда мы сможем…

Из задней комнаты долетел боязливый стук.

— Кто там? — насторожившись, крикнул Джейк.

Сквозь доски пробился сиплый голос:

— Откройте. Это я, Робинсон.

Джейк приоткрыл дверь. Лавочник проскользнул в нее и отряхнул пыль с одежды.

— Значит, это ты завалил Бина, — сказал Джейк.

Робинсон кивнул:

— Они сожгли мою лавку. Чтобы потом разгромить вашу мастерскую. Сожгли все, что у меня было, с одной целью — пробраться сюда и не дать тебе напечатать тот экстренный выпуск, который ты задумал.

— Мы тоже так решили, — согласился Джейк.

— Я не вояка какой-нибудь, — заявил Робинсон. — Я люблю мирную жизнь… настолько люблю, что готов воевать за нее. Вот почему я выстрелил в Бина. Вот почему я пришел сюда. По моему разумению, никакого мира здесь не будет, пока мы не разберемся с Феннимором.

— Лучше бы ты не приходил сюда, а ускакал из города и рассказал на окрестных ранчо, что здесь происходит, — вставил Карсон. — Сказал бы, что

нам нужна помощь.

— Ли Уивер так и сделал, — ответил Робинсон. — Я только что оттуда. Конюх сказал, что он уехал полчаса назад.

Со стороны «Полярной звезды» прилетел шквал выстрелов, пули заметались по комнате. Одна из них, пущенная выше других, угодила в часы, и те повисли набекрень — искалеченный механизм с высыпавшимися шестеренками и сломанной пружиной.

— Просто пытаются выкурить нас, — объяснил Джейк.

Издали, откуда-то с севера, донесся звук выстрела. Все навострили уши, выжидая.

— Интересно, что там творится? — спросил Джейк.

Робинсон покачал головой:

— Всей душой надеюсь, что это не Ли.

После этого единственного шквала стрельбы больше не было.

Солнце уже взобралось на небо, но город еще дремал, и улицы были безлюдны.

— Все укрылись по домам, — рассудил Джейк. — Никто не желает ввязываться во все это.

Сразу после полудня объявился Ли Уивер — прополз к задней двери на животе, через бурьян

и высокую траву, работая одной рукой. Другую, бессильно свисавшую и перевязанную окровавленным платком, он подтягивал к боку.

— Мы ж тебя, дурошлепа, едва не подстрелили, — сказал ему Джейк. — Подкрался по бурьяну, ровно краснокожий ворюга.

Уивер плюхнулся в кресло и осушил ковш воды, который поднес ему Карсон.

— Не удалось проскочить, — стал рассказывать он. — Феннимор расставил дозорных вокруг города. Моего коня убили, а я сбежал. Пришлось отстреливаться сразу от троих. Потом пролежал часа два в зарослях полыни, пока они выслеживали меня.

Карсон встревоженно нахмурился:

— Плохо наше дело. Помощи ждать неоткуда. Они приперли нас к стене. Наступит ночь…

— Наступит ночь, и мы исчезнем, — предложил Джейк. — Сейчас нет смысла пытаться. Они нас как пить дать перестреляют. А в темноте есть шанс проскочить.

Карсон покачал головой:

— Когда наступит ночь, я проберусь в салун с заднего хода. А вы, парни, будете отвлекать их отсюда.

— Если они до этого не разделаются с нами, —

напомнил Уивер. — Как только стемнеет, они набросятся на нас.

— Раз так, я начну прямо сейчас, — отрезал Карсон. — Бурьян высокий, меня не заметят, если двигаться медленно, дюйм за дюймом, и не слишком сильно его шевелить. Я сделаю большой круг и только потом перебегу через улицу. Подожду там, а потом проберусь в «Полярную звезду» задолго до того, как начнет темнеть.

Планы мышек и людей

Дверная ручка провернулась легко, и Карсон с облегчением вздохнул. Он долго лежал на заднем дворе «Полярной звезды», перебирая в уме все, что может ему помешать. Дверь будет заперта, его самого увидят прежде, чем он до нее доберется, кто-то окажется прямо за дверью…

Однако он подкрался к ней никем не замеченный, ручка послушно провернулась. Карсон легонько толкнул дверь, опасаясь, как бы не заскрипели петли.

Дверь открылась, в лицо ему ударил запах спиртного и несвежей пищи. Изнутри долетал глухой рокот отдельных слов и скрежет каблуков.

Затаив дыхание, Карсон вошел внутрь и тут

же прикрыл дверь, скользнув в сторону. Остановился, прижавшись спиной к стене, и подождал, пока глаза не привыкнут к темноте.

Здесь, как он понял, хозяин устроил нечто вроде кладовки. Ящики и бочонки с выпивкой стояли у стены, частично закрывая единственное окно. Впереди виднелась другая дверь — вероятно, в коридор, который вел к барному залу. Еще одна комната, та, где Карсон разговаривал с Феннимором, располагалась сбоку.

Впереди прогрохотал револьвер. Выстрел. Затем второй. И вот уже поднялся шквал огня.

Волосы зашевелились на затылке у Карсона, и он крепче сжал оружие. Стрельба продолжалась весь день, по несколько выстрелов то здесь, то там. Это могло означать очередную перестрелку — или же начало расправы, штурм редакции.

Карсон на цыпочках добрался до второй двери. И как раз в тот момент, когда он потянулся к ручке, та провернулась, прежде чем его пальцы прикоснулись к ней.

Кто-то взялся за ручку с другой стороны… чтобы войти!

Карсон развернулся и отскочил к штабелю ящиков. Дверь распахнулась, показался чей-то силуэт, и неизвестный шагнул в кладовку.

Карсон со всей силы ударил по голове мужчины, различая лишь его очертания, и почувствовал, как ствол его шестизарядника сминает шляпу и врезается в череп. Мужчина охнул, колени его подогнулись, и он рухнул лицом вниз.

Карсон быстро вытащил револьверы из обеих кобур упавшего, наклонился над ним, пытаясь понять, кто это, но в темноте лицо мужчины казалось бледным расплывчатым пятном.

Карсон выпрямился, напряженно прислушиваясь. Но не услышал ни звука, ни одного выстрела из переднего зала.

Он решил положить отобранные револьверы на ящик с виски, встал на носки, чтобы задвинуть их подальше, и тут ему в спину уткнулось что-то твердое и круглое.

Карсон замер на месте, и знакомый голос за спиной произнес:

— Так-так, Морган. Подумать только, какое везение — встретить вас здесь!

Это был голос Джексона Куинна — жесткий, насмешливый. Куинн услышал стук падающего тела, тихонько прокрался по коридору, желая выяснить, что случилось, и застал Карсона врасплох.

— Не возражаете, если я повернусь? — спросил

Карсон спокойным, насколько это было возможно, тоном.

Куинн заурчал от восторга:

— Нисколько. Поворачивайтесь, ради бога. Мне никогда не нравилось стрелять в спину. — Он усмехнулся. — Даже если речь о вас.

Карсон медленно повернулся кругом. Дуло револьвера все это время касалось его тела, переползая со спины на живот.

— Бросьте оружие! — велел Куинн.

Карсон разжал пальцы, и револьвер шлепнулся на пол.

— Вы доставили мне столько неприятностей, — сказал Куинн, — что стоило бы вас слегка проучить. Но я не стану этого делать. Не стану даже переживать из-за этого. — Он снова усмехнулся. — Просто пристрелю вас здесь, и дело с концом.

Железо с визгом чиркнуло по железу — жуткий звук, налетевший на них из темноты.

Куинн резко обернулся, и в первый раз за все это время дуло его револьвера оторвалось от тела Карсона.

Карсон среагировал молниеносно: его занесенный кулак опустился на запястье руки, сжимавшей револьвер. Он бил наугад, по наитию,

ничего толком не различая в темноте.

Куинн вскрикнул. Револьвер звякнул об пол.

Открылась задняя дверь. На фоне неба — снаружи было чуть светлее — обрисовался силуэт пригнувшегося мужчины с поднятой винтовкой.

Карсон опустил плечи, наклонил голову и, оттолкнувшись одной ногой от ящика с виски, бросился на Куинна. Опрокинул противника, понял, что падает на него, и занес руку для удара.

Но Куинн поднял ногу и попытался пнуть его в живот. Карсон изогнулся, принял удар на ребра и отшатнулся к ящику, оцепенев от боли.

Куинн пригнулся и бросился на него. Кулак врезался в лицо Карсона, приложив его затылком о ящик. Карсон низко наклонил звенящую, словно ее сверлили дрелью, голову и выбил кулаками татуировку на грудной диафрагме Куинна, оттеснив его к центру комнаты.

Жестокий удар сотряс Карсона и вынудил его разогнуться. Белое пятно — лицо Куинна — приблизилось, Карсон прицелился, вложил в ответную атаку все свои силы… и лицо Куинна снова отдалилось, когда тот попятился.

Карсон шагнул вперед, но из темноты на него обрушились ошеломляющие своей яростью удары, которыми впору было забивать сваи.

Лицо появилось снова. Карсон примерился и выбросил кулак. Тот описал, свистя, широкую дугу почти от самого пола. Боль пронзила руку до локтя, белое пятно лица опять исчезло: Куинн очутился на полу.

По коридору затопали шаги, из барного зала донеслись крики. За спиной у Карсона заговорила винтовка, оглушительно рявкнув в тесном помещении, и ее багровое дыхание на миг осветило кладовку.

Винтовка прогрохотала еще раз, и воздух еще раз наполнился пороховым дымом, обжигающим ноздри.

— Джейк! — прокричал Карсон.

— Ясен пень, — отозвался человек с винтовкой. — Ты же не думал, что я отпущу тебя одного на такое дело?

— Давай быстро сюда, за дверь! — тяжело дыша, проговорил Карсон. — Здесь нас не достанут.

Взревел шестизарядник, пули застучали по ящикам. Бутылки разбились, и миазмы неважного виски смешались с запахом порохового дыма.

Джейк вприпрыжку сиганул через комнату и сжался в комок за дверью.

Карсон нащупал ногой свой шестизарядник и подтолкнул к себе.

— Они живо загонят нас в бутылку с ромом, — с горечью прошептал Джейк.

Карсон кивнул в темноте.

— Все прошло бы гладко, если бы Куинн не наткнулся на меня.

— Так это ты Куинна здесь мутузил?

— Точно.

— Я хотел было вмешаться и поработать прикладом, — сказал Джейк, — но рассудил, что это слишком рискованно. Не разберешь, кто свой, кто чужой.

В коридоре оглушительно гремели выстрелы. Пули врезались в ящики, размалывали их стенки и вдребезги разносили бутылки.

Карсон схватил один ящик из груды, стоявшей у него за спиной. Рыкнула винтовка Джейка. Карсон швырнул ящик поверх его головы. Ящик грохнулся в дверном проеме. Карсон поднял другой.

Джейк выстрелил еще раз. Револьверы в коридоре притихли.

— Покарауль здесь, — велел Карсон Джейку, а сам перетащил еще несколько ящиков к двери, заложив проход до высоты плеч.

С другой стороны улицы послышались выстрелы — злобное рычание мощной винтовки.

— Это Робинсон, — сказал Джейк. — Кто-то из стервятников решил выскочить через переднюю дверь и обойти нас сзади, но Робинсон еще не разучился мышей ловить.

— Робинсон не сможет задержать их надолго, — резко бросил Карсон. — Через минуту-другую они будут здесь.

Выстрел громыхнул чуть ли не рядом с ухом Карсона, что-то шлепнуло его по лицу. Он провел рукой и вытащил щепку. Револьвер взревел снова, как будто стрелявший стоял за его спиной.

— Они в задней комнате! — охнул Джейк. — Палят в нас сквозь перегородку.

— Быстрей! — крикнул Карсон. — Нужно уходить отсюда. Значит, ты берешь Куинна и тащишь его к выходу. А я приволоку другого.

Он схватил человека, которого оглушил стволом револьвера, и потащил к двери.

— А чего бы им не полежать здесь? — проворчал Джейк. — Гореть мне в аду, зачем их куда-то перетаскивать?

— Не спорь со мной! — гаркнул Карсон. — Просто вынеси Куинна.

В задней комнате прогремел револьвер, к нему прибавился другой. Сквозь пробитые пулями дыры Карсон видел багровые вспышки. Одна

из пуль пронеслась рядом с его лицом. Другая обожгла ребра.

Он яростно распахнул дверь, выволок неподвижное тело и бросил на землю. Потом протянул руку и помог тяжело отдувавшемуся Джейку управиться с Куинном.

— Оттащи их чуть дальше, — велел Карсон. — Нам не нужно, чтобы они поджарились.

— Поджарились? — взвыл Джейк. — Ну теперь-то ты уж точно тронулся умом!

— Раз я сказал «поджарились», значит я хотел сказать «поджарились», — заявил Карсон. — Все идет к тому, что через пять минут здесь станет очень жарко.

Он запустил руку в карман, достал спичку и чиркнул ею о седло брюк. Потом сложил ладонь лодочкой, оберегая пламя, и щелчком отправил спичку в пропитанную спиртным кладовку.

Пламя зашипело на полу, почти погасло, но тут же ярко вспыхнуло, пожирая спиртное, вытекавшее из разбитого ящика.

Карсон зажег еще одну спичку и тоже зашвырнул в кладовку. Огонь мгновенно разросся, пробежал по полу и начал взбираться на ящики, урча и потрескивая.

Карсон развернулся и побежал. Джейк едва не

наступал ему на пятки. Они бросились в высокую траву позади «Полярной звезды» и огляделись.

Единственное окно кладовки казалось злобной пастью, изрыгающей огонь. Тонкие языки пламени пробивались сквозь щепную крышу.

Из бокового окна под градом осколков стекла выпрыгнул какой-то человек. За спиной у Карсона, почти над ухом, рявкнула винтовка Джейка. Шляпу прыгуна, остававшуюся на месте даже в полете, словно смахнула невидимая рука.

На другой стороне улицы, в редакции «Трибьюн», мелькали вспышки выстрелов, которые не давали выйти из пылающего салуна через окна и переднюю дверь.

— Слышишь? — спросил Джейк и вцепился в плечо Карсона. — Лошади!

Ошибки быть не могло — это и вправду были лошади. Топот копыт по пыльной улице, крики всадников… и громовые раскаты шестизарядников.

Из «Полярной звезды» выплеснулись люди, бегущие люди с огрызавшимися револьверами. На них с гиканьем налетели всадники, выбрасывая языки пламени из стволов своих шестизарядников.

Всадники промчались мимо «Полярной звез-

ды», развернулись и поскакали обратно, оставляя за собой неподвижно лежащие в пыли тела.

Джейк стоял на коленях, уперев приклад в плечо, и размеренно стрелял по фигурам, которые петляли на бегу и тщетно пытались найти укрытие.

Из-за угла охваченного огнем салуна выскочил мужчина и прошмыгнул на кочковатый, заросший бурьяном участок позади тюрьмы. Отблеск пламени скользнул по его лицу, и Карсон узнал его.

Это был Феннимор! Феннимор, пытавшийся унести ноги.

Карсон вскочил, пригнулся и на всех парах помчался туда, где скрылся Феннимор. Сзади рявкнул револьвер, и пуля прожужжала над головой Карсона, как сердитая пчела.

На мгновение он различил в темноте силуэт бегущего, выхватил револьвер и спустил курок. Из мрака прилетела ответная пуля, пущенная Феннимором слишком низко, и злобно прошипела в высокой, по колено, траве.

Карсон выстрелил в направлении вспышки, и в этот момент кто-то дернул его за руку и развернул под прямым углом. Он покачнулся, зацепился ногой за кочку и упал, уткнувшись в

землю плечом.

Он попытался вытянуть руку, чтобы опереться на нее и поскорее подняться, но понял, что не может это сделать. Рука онемела и бессильно повисла — повисла, словно неживая, словно вообще не принадлежала ему.

Он нащупал левой рукой упавший в траву револьвер, и тут ему пришла в голову смутная догадка.

Когда он погнался за Феннимором, то превратился в превосходную мишень, четко вырисовываясь на фоне пылающей «Полярной звезды». Феннимор выстрелил ему в руку и, увидев, как Карсон упал, возможно, решил, что убил его.

Притаившись в траве, Карсон поднял голову. Но вокруг была одна темнота.

За спиной у него обрушилась крыша салуна, вызвав внезапный порыв ветра, извивающиеся языки пламени прыгнули высоко в небо. Карсон увидел Феннимора. Тот стоял на пригорке и смотрел на пожар.

— Феннимор! — закричал Карсон.

Феннимор обернулся на голос. Мгновение-другое они стояли лицом друг к другу, озаряемые отблесками пожара.

Потом револьвер Феннимора дернулся вверх,

но Карсон наблюдал за этим, словно со стороны, с холодным, отстраненным, почти научным интересом.

В то же время он осознавал, что его рука тоже поднялась — левая рука, с непривычки сжимавшая револьвер слегка неуклюже.

Оружие Феннимора выплюнуло пламя, щеку Карсона обдало жаром. Револьвер в его руке тоже дернулся, потом дернулся снова.

На пригорке в угасающем свете пламени Феннимор медленно сложился пополам. Стоя в нескольких шагах от него, Карсон расслышал кашель — свистящий кашель, вырывавшийся из его груди. А затем Феннимор ничком повалился в траву.

Карсон повернулся и медленно побрел назад, в сторону улицы. Раненая рука свисала вдоль бока, кровь капала с онемевших пальцев.

Стрельба умолкла, пожар затих. Нелепые, скрюченные черные силуэты все еще лежали в пыли. Возле входа в редакцию «Трибьюн» беспокойно топтались лошади, а внутри кто-то зажег лампу.

Как только Карсон ступил на дощатый тротуар, поднялись приветственные крики. Некоторые голоса он узнал. Оуэнс, Келтон, Росс — те самые люди, что прошлым вечером ускакали из города,

страшась того, что могло случиться с их домами.

Оуэнс шагнул навстречу и уставился на его раненую руку.

— Это Феннимор меня подстрелил, — сказал Карсон.

— Феннимор сбежал. Его здесь нет.

— Он на задворках тюрьмы, — ответил Карсон.

— Мы очень рады, что успели вовремя, — с мрачной серьезностью произнес Оуэнс. — Рады, что одумались. После вчерашнего вечера у парней было совсем погано на душе. Но как только мисс Делаван показала нам…

— Мисс Делаван? — ошеломленно переспросил Карсон. — При чем здесь она?

Оуэнс удивленно смотрел на него.

— Я думал, ты знаешь. Она приехала к нам и рассказала обо всем.

— Но ведь Феннимор повсюду расставил караульных!

— Она от них ускакала, — объяснил Оуэнс. — Те ни разу не выстрелили в нее. Думаю, даже бандитам Феннимора не по душе стрелять в женщин. Они погнались следом, но она ведь была на своей Звездочке…

— Да, я знаю, — согласился Карсон. — Звездочка обгонит любую четвероногую тварь.

— Она сказала, что это наш шанс получить достойные пастбища, достойное место для жизни… достойное место для наших детей.

— А где она сейчас? — спросил Карсон. — Ты велел ей остаться. Ты…

Оуэнс покачал головой:

— Она и слушать нас не стала. Волей-неволей, а пришлось взять ее с собой. Она сказала, что ее отец…

— Ты отправил ее домой?

Оуэнс кивнул:

— Она сказала…

Но Карсон уже не слушал. Его даже не было на прежнем месте. Он сошел с тротуара и зашагал прочь, почти мгновенно перейдя на бег.

— Кэтрин! — крикнул он.

Она бежала по улице навстречу ему, раскрыв объятия.

Подталкивая Куинна и Клэя Даффи стволом винтовки ко входу в редакцию и с интересом наблюдая за этой встречей, Джейк глубокомысленно сплюнул в пыль.

— Умереть не встать! — сказал он Куинну. — Умеет же этот парень охмурять девиц!

Свалка
Перевод О. Битова

1

Они раскрыли тайну, вернее — пришли к разгадке, логичной и научно обоснованной, но не выяснили ничего, ровным счетом ничего бесспорного. Для опытной команды планетных разведчиков это никак нельзя было считать нормальным. Обычно они с ходу брали быка за рога, выкачивали из планеты прорву информации, а потом вертели факты так и эдак, пока не выстраивали их во впечатляющий ряд. А здесь таких фактов, действительных конкретных фактов, просто не было, кроме одного-единственного факта, очевидного даже ребенку начиная с двенадцати лет.

И это тревожило капитана Айру Уоррена. Так он и сказал Лопоухому Брэди, корабельному коку, который был его приятелем с юношеских лет и остался им, невзирая на свою слегка подмоченную репутацию. Они шлялись вместе по планетам вот уже более трех десятков лет. Даром

что их разнесло по разные концы табели о рангах, они и по сей день могли сказать друг другу такое, чего не сказали бы никому другому на борту, да никому и не позволили бы сказать.

— Слушай, Лопоухий. Тревожно мне что-то.

— Тебе всегда тревожно, — отпарировал Лопоухий. — Такая уж у тебя работа.

— Эта история со свалкой…

— Ты хотел всех обставить, — заявил Лопоухий, — а я говорил тебе заранее, чем это кончится. Я предупреждал, что тебя загрызут заботы и ты лопнешь от сознания своей ответственности и напы… напыщ…

— От напыщенности?

— Точно, — подтвердил Лопоухий. — Это слово я и искал.

— Вовсе я не напыщен, — возразил Уоррен.

— Нет, тебя только тревожит эта история со свалкой. У меня в заначке есть бутылочка. Хочешь немного выпить?

Уоррен отмахнулся от соблазна.

— В один прекрасный день я выведу тебя на чистую воду и разжалую. Где ты прячешь свое пойло, понятия не имею, но в каждом рейсе…

— Усмири свой паршивый характер, Айра! Не выходи из себя…

— В каждом рейсе ты ухитряешься протащить на борт столько спиртного, что раздражаешь людей своим красным носом до последнего дня полета.

— Это личный багаж, — стоял на своем Лопоухий. — Каждому члену экипажа дозволено взять с собой определенное количество багажа. А я больше почти ничего не беру. Только выпивку на дорогу.

— В один прекрасный день, — продолжал Уоррен, свирепея, — я спишу тебя с корабля в никуда, за пять световых лет от чего угодно.

Угроза была давней-предавней, и Лопоухий ничуть не испугался.

— Твои тревоги, — заявил он, — не доведут тебя до добра.

— Но разведчики не справились со своей задачей. Ты что, не понимаешь, что это значит? Впервые за столетие с лишним планетной разведки мы нашли очевидное доказательство, что некая иная раса, кроме землян, также овладела космическими полетами. И не узнали об этой расе ничего. А обязаны были узнать. С таким-то количеством добра на свалке мы к нынешнему дню должны бы книгу о них написать.

Лопоухий презрительно сплюнул.

— Ты имеешь в виду — не мы бы должны, а они, твои хваленые ученые.

Слово «ученые» он произнес так, что оно прозвучало ругательством.

— Они толковые ребята, — заявил Уоррен. — Лучшие из всех, каких можно было найти.

— Помнишь прежние денечки, Айра? — спросил Лопоухий. — Когда ты был младшим лейтенантом и наведывался ко мне и мы пропускали вместе по маленькой…

— Какое это имеет отношение к делу?

— Вот тогда с нами летали настоящие ребята. Брали дубинку, отлавливали пару-тройку туземцев, быстренько вразумляли их и за полдня выясняли больше, чем эти ученые со всей их мерихлюндией способны выяснить за целую вечность.

— Тут немного другая картина, — сказал Уоррен. — Тут же нет никаких туземцев…

По правде говоря, на этой конкретной планете вообще почти ничего не было. Эта планета была заурядной в самом точном смысле слова и не смогла бы набраться незаурядности даже за миллиард лет. А разведка, само собой, не проявляла особого интереса к планетам, у которых нет шансов набраться незаурядности даже за

миллиард лет.

Поверхность ее представляла собой по преимуществу скальные обнажения, чередующиеся с беспорядочными нагромождениями валунов. В последние полмиллиона лет или что-нибудь вроде того здесь появились первичные растения, появились и неплохо прижились. Мхи и лишайники заползли в расщелины и поднялись по скалам, но, кроме них, другой жизни здесь, по-видимому, не возникало. Хотя, положа руку на сердце, даже в этом не было полной уверенности, поскольку обследованием планеты как таковой никто не занимался. Ее не подвергали ни тщательному общему осмотру, ни детальной проверке на формы жизни: слишком уж всех заинтересовала свалка.

Они и садиться-то не собирались, а просто вышли на круговую орбиту и вели рутинные наблюдения, занося полученные рутинные данные в полетный дневник. Но тут кто-то из дежурных у телескопа заметил свалку, и с этой минуты их всех затянуло в неразрешимую, доводящую до бешенства головоломку.

Свалку сразу прозвали свалкой, и это было точное имя. По всей ее площади были разбросаны — что? Вероятно, части какого-то двигателя, од-

нако по большому счету нельзя было поручиться даже за это. Поллард, инженер-механик, лишился сна и покоя, пытаясь сообразить, как собрать хотя бы несколько частей воедино. В конце концов ему удалось каким-то образом соединить три детали, но и сложенные вместе они не имели никакого смысла. Тогда он решил разъединить детали сызнова, чтобы понять по меньшей мере, как они соединяются. И не сумел их разделить. С этой секунды Поллард практически рехнулся.

Части двигателя — если это был двигатель — были разбросаны по всей свалке, словно кто-то вышвырнул или что-то вышвырнуло их в спешке, нимало не заботясь, как и куда они упадут. Но в сторонке аккуратным штабелем было сложено другое имущество, и самый поверхностный взгляд приводил к выводу, что это припасы. Тут была какая-то, по всей видимости, пища, хоть и довольно странная пища (если вообще пища). Были пластиковые бутылочки диковинной формы, наполненные ядовитой жидкостью. Были предметы из ткани, вполне возможно представляющие собой одежду, и трудно было не содрогнуться, соображая, что за существа могли бы носить одежду такого рода. Были металлические прутья, скрепленные в пучки при помощи

каких-то гравитационных сил вместо проволоки, к какой в подобном случае прибегли бы люди. И было множество другого добра, для которого не находилось никакого определения.

— Им бы давно следовало найти ответ, — продолжал Уоррен. — Они раскалывали орешки покрепче этого. За месяц, что мы торчим здесь, им бы следовало не только собрать двигатель, но и запустить его.

— Если это двигатель, — уточнил Лопоухий.

— А что еще это может быть?

— Ты мало-помалу начинаешь хрюкать, как твои ученые. Напоролся на что-то, чего не можешь объяснить, и выдвигаешь самую правдоподобную с виду версию, а если кто-нибудь посмеет усомниться в ней, спрашиваешь сердито: что еще это может быть? Такой вопрос, Айра, — это не доказательство.

— Ты прав, Лопоухий, — согласился Уоррен. — Конечно, это не доказательство. Оттого-то мне и тревожно. Мы не сомневаемся, что там, на свалке, космический двигатель, а доказательств у нас нет.

— Ну кому придет в голову, — спросил Лопоухий вспыльчиво, — посадить корабль, выдрать из него двигатель и вышвырнуть прочь? Если

б они учудили такое, корабль сидел бы здесь по сей день.

— Но если двигатель — не ответ, — ответил Уоррен вопросом на вопрос, — тогда что же там навалено?

— Понятия не имею. Меня это даже не занимает. Пусть об этом тревожатся другие. — Он поднялся и направился к двери. — У меня по-прежнему есть для тебя бутылочка, Айра…

— Нет, спасибо, — отказался Уоррен.

И остался сидеть, прислушиваясь, как Лопоухий топоча спускается вниз по трапу.

2

Кеннет Спенсер, специалист по инопланетным психологиям, явился в каюту, уселся в кресло напротив Уоррена и объявил:

— Мы наконец поставили точку.

— Какая там точка! — откликнулся Уоррен. — По существу, вы даже и не начали…

— Мы сделали все, что в наших силах. — Уоррен не стал перебивать, только хмыкнул. — Мы провели все положенные исследования, анализов хватит на целый том. Подготовили полный набор фотоснимков плюс диаграммы и словесные описания…

— Тогда скажите мне, что значит весь этот хлам.

— Это двигатель космического корабля.

— Если это двигатель, — заявил Уоррен, — тогда давайте его запустим. Разберемся, как он работает. А главное, попробуем понять, что за разумные существа построили именно такой двигатель, а не какой-то другой.

— Мы пытались, — ответил Спенсер. — Каждый из нас трудился, не жалея сил. Конечно, у части экипажа нет соответствующей подготовки и знаний, но от работы никто не отлынивал, а помогал другим, у кого такая подготовка есть.

— Знаю, что вы пыхтели не покладая рук.

И ведь правда, они не жалели себя, урывая считаные часы на сон, перекусывая на ходу.

— Мы столкнулись с инопланетным механизмом, — промямлил Спенсер.

— Ну и что? Мы и раньше сталкивались с инопланетными идеями, — напомнил Уоррен. — С инопланетной экономикой, инопланетными верованиями, инопланетной психологией…

— Тут большая разница.

— Не такая уж и большая. Взять хотя бы Полларда. В данной ситуации он ключевая фигура. Разве вы не ждали от Полларда, что он сумеет

разгадать загадку?

— Если ее можно разгадать, тогда, конечно, Полларду и карты в руки. У него хватает и знаний, и опыта, и воображения.

— Вы полагаете, надо улетать? — внезапно спросил Уоррен. — Вы явились ко мне затем, чтобы сказать это напрямик? Пришли к выводу, что сидеть здесь дольше ни к чему?

— Вроде того, — согласился Спенсер.

— Хорошо, — произнес Уоррен. — Если таково ваше мнение, верю вам на слово. Взлетаем сразу после ужина. Остается сказать Лопоухому, чтоб подготовил банкет. Своего рода торжественный вечер в честь наших выдающихся достижений.

— Не сыпьте соль на раны, — взмолился Спенсер. — Гордиться нам действительно нечем.

Уоррен с усилием поднялся с кресла.

— Спущусь к Маку и скажу, чтоб подготовил машины к старту. По пути загляну к Лопоухому и предупрежу насчет ужина.

Спенсер остановил его:

— Я встревожен, капитан.

— Я тоже. А что именно вас тревожит?

— Кто они были, эти существа, эти люди с другого корабля? Вы же понимаете, мы впервые, в самый первый раз встретили достоверное

свидетельство, что какая-то иная раса достигла стадии космических полетов. И что с ними здесь случилось?

— Испугались?

— Да. А вы?

— Еще нет, — ответил Уоррен. — Но, наверное, испугаюсь, когда у меня будет время хорошенько над этим подумать.

И отправился вниз по трапу сообщить Маку о подготовке к вылету.

3

Мака капитан нашел в его клетушке. Инженер сосал свою почерневшую трубку и читал захватанную Библию.

— Хорошая новость, — сказал Уоррен с порога.

Мак отложил книгу и снял очки.

— Есть одна-единственная вещь, которую вы можете мне сообщить и которую я восприму как действительно хорошую новость.

— Она и есть. Готовьте двигатели. Мы скоро стартуем.

— Когда, сэр? Совсем скоро не получится.

— Часа через два примерно. Успеем поесть и разойтись по каютам. Я дам команду.

Инженер сложил очки и засунул их в карман.

Потом выбил трубку в ладонь, выкинул пепел и опять стиснул погасшую трубку в зубах.

— Мне всегда было не по себе на этой планете, — признался он.

— Вам не по себе на любой планете.

— Мне не нравятся башни.

— Вы сошли с ума, Мак. Тут же нет никаких башен.

— Нет, есть. Я ходил с ребятами по окрестностям, и мы обнаружили кучку башен.

— Может, скальные образования?

— Нет, башни, — упрямо повторил инженер.

— Но если вы обнаружили башни, — возмутился Уоррен, — то почему не доложили?

— Чтоб ученые ищейки развели вокруг них тарарам и мы застряли здесь еще на месяц?

— А, все равно, — сказал Уоррен. — Вероятнее всего, это вовсе не башни. Кто стал бы гнуть спину, возводя башни на этой занюханной планетке? Чего ради?

— У них жуткий вид, — сообщил Мак. — Зловещий — самое точное слово. От них пахнет смертью.

— Это в вас кельтская кровь говорит. В душе вы по-прежнему суеверный кельт — скачете по мирам сквозь пространство, а втайне до сих пор

верите в призраков и баньши. Средневековый ум, просочившийся в век науки.

— От этих башен, — заявил Мак, — по спине мурашки бегают.

Капитан и инженер довольно долго стояли друг против друга. Потом Уоррен, протянув руку, легонько похлопал Мака по плечу.

— Я никому про них не скажу, — пообещал он. — Давайте раскручивайте свои машины.

4

Уоррен молча сидел во главе стола, прислушиваясь к разговорам команды.

— Они затеяли здесь аварийный ремонт, — заявил физик Клайн. — Развинтили кое-что по винтикам, а затем по той ли, по другой ли причине собрали двигатель заново, но часть снятых деталей ставить обратно не стали. По каким-то причинам им пришлось реконструировать двигатель, и они сделали его проще, чем прежний. Вернулись к основным принципам, отбросив все излишества, всякую там автоматику и технические безделушки, но при этом новый двигатель у них получился больше по размерам, менее компактным, более громоздким, чем тот, на котором они прилетели. Потому-то им пришлось оставить

здесь еще и часть припасов.

— Однако, — задал вопрос химик Дайер, — если они вели такой сложный ремонт, то каким образом? Где они взяли материалы?

Бриггс, специалист по металлургии, откликнулся:

— Тут полно рудных месторождений. Если бы не так далеко от Земли, планета могла бы стать золотой жилой.

— Мы не видели следов рудных разработок, — возразил Дайер. — Ни шахт, ни плавильных печей, ни устройств для обогащения металла и его обработки.

— Мы же их и не искали, — указал Клайн. — Инопланетяне могли себе спокойно добывать руду в двух-трех милях отсюда, а мы и не догадываемся об этом.

— Беда наша во всем этом предприятии, — вмешался Спенсер, — что мы все время выдвигаем предположения, а потом принимаем их за установленные факты. Если они занимались здесь обработкой металлов, было бы важно узнать это поточнее.

— А зачем? Какая нам разница? — спросил Клайн. — Мы знаем главное: здесь приземлился космический корабль в аварийной ситуации, но

экипаж в конце концов сумел починить двигатели и благополучно взлетел…

Старый доктор Спирс, сидевший в конце стола, грохнул вилкой по тарелке.

— Да не знаете вы толком ничего, — воскликнул он, — даже того, был ли это космический корабль или что-то иное! Слушаю ваш кошачий концерт которую неделю подряд и должен сказать прямо: за всю свою долгую жизнь не видывал такой несусветной суеты при таких ничтожных результатах…

Вид у всех собравшихся за столом был довольно ошарашенный. Старый док обычно вел себя тихо и почти не обращал внимания на то, что творится вокруг: знай себе каждодневно ковылял по кораблю, врачуя мелкие болячки — кому придавило палец, у кого воспалилось горло… Каждый в экипаже нет-нет да и задавался не совсем приятным вопросом: а справится ли старый док, если грянет настоящая беда и понадобится, например, провести серьезную операцию? Доку не слишком доверяли профессионально, что не мешало относиться к нему с симпатией. Очень может быть, симпатия эта зиждилась на том, что док предпочитал не вмешиваться в чужие дела.

И вот надо же — вмешался, да как агрессивно!

Ланг, специалист по системам связи, высказался:

— Мы нашли царапины, док, помните? Царапины на скале. Как раз такие, какие может оставить космический корабль при посадке.

— Вот-вот, — насмешливо повторил док, — может оставить, а может и не оставить. Может, корабль, а может, не корабль…

— Корабль, что ж еще!..

Старый док фыркнул и вернулся к еде, орудуя ножом и вилкой с видом полностью безучастным — голова опущена к тарелке, салфетка под подбородком. Все на борту давно заметили, что ест он неопрятно.

— У меня такое чувство, — продолжил Спенсер, — что мы позволили себе сбиться с правильного пути, предположив здесь всего-навсего аварийный ремонт. По количеству частей, выброшенных на свалку, я сказал бы, что они столкнулись с необходимостью реконструировать двигатель полностью и, начав с самых азов, построить совершенно новый движок, лишь бы выбраться отсюда. У меня такое чувство, что эти выброшенные части составляют единое целое и что знай мы как, мы могли бы собрать их вместе и получить двигатель в первозданном виде.

— Я и пытался это сделать, — вставил Поллард.

— Идея полной реконструкции двигателя тоже не проходит, — заявил Клайн. — Это значило бы, что новый двигатель оказался не похожим на прежний в принципе, не похожим настолько, что прежний пришлось послать ко всем чертям до последнего винтика. Разумеется, подобная теория объясняет, отчего тут набросана прорва всяких частей, но такого просто не может быть. Никто не станет реконструировать двигатель на новых принципах, оказавшись в беде на безжизненной планете. Каждый предпочтет придерживаться того, что знает, к чему привык.

— Ну и кроме того, — добавил Дайер, — если принять идею полной реконструкции, это вновь возвращает нас к проблеме материалов.

— И инструментов, — подхватил Ланг. — Откуда они взяли бы инструменты?

— У них на борту могла быть ремонтная мастерская, — возразил Спенсер.

— Для проведения мелких ремонтных работ, — уточнил Ланг. — И уж во всяком случае без тяжелых станков, нужных для постройки совершенно нового двигателя.

— Но больше всего меня беспокоит то, — сказал Поллард, — что мы не способны ни в чем разо-

браться. Я пытался подогнать части друг к другу, понять, как они связаны между собой, — должны же они быть как-то связаны, иначе это просто бессмыслица. Мучился я, мучился и в конце концов ухитрился приладить друг к другу три детали, но дальше дело так и не двинулось. И три детали вместе тоже не сказали мне ничего. Ну ни малейшего проблеска! Даже сложив три штуковины вместе, я понял не больше, не приблизился к пониманию ни на йоту ближе, чем пока они валялись порознь. А когда я попробовал снова их разъединить, то у меня даже это не получилось. Ну как по-вашему, если человек сумел собрать какую-то вещь, то уж разобрать ее он должен бы суметь и подавно, не так ли?

— Не удручайтесь, — попытался утешить Полларда Спенсер. — Корабль был инопланетным, его строили инопланетяне по инопланетным чертежам.

— Все равно, — не унимался Поллард, — должны быть некие общие принципы, которые следовало бы опознать. Хоть в каком-то отношении их движок должен бы иметь нечто общее с теми, что разработаны на основе земной механики. Что такое двигатель? Механизм, способный преобразовать энергию, взять ее под контроль, заставить

приносить пользу. Цель двигателя остается одной и той же, какая бы раса его ни создала.

— А металл! — воскликнул Бриггс. — Неизвестный сплав, абсолютно не похожий ни на что, с чем мы когда-либо сталкивались. Компоненты сплава можно установить без особого труда, но его формула, как положишь ее на бумагу, выглядит как полный кошмар. Она просто несостоятельна. То есть несостоятельна по земным стандартам. В сочетании металлов есть какой-то секрет, который я не могу раскрыть даже предположительно.

Старый док вновь подал голос со своего конца стола:

— Вас следует поздравить, мистер Бриггс, с хорошо развитой наклонностью к самокритике.

— Прекратите, док, — резко приказал Уоррен, заговорив впервые с начала ужина.

— Будь по-вашему, — ответил док. — Если вы настаиваете, Айра, я прекращу…

5

Стоя возле корабля, Уоррен окинул планету взглядом. Вечер догорал, переходя в ночь, и свалка казалась всего лишь нелепым пятном более глубокой тени на склоне близлежащего холма.

Когда-то — и не так уж давно — здесь, совсем неподалеку от них, приземлился другой корабль. Другой корабль, детище другой расы.

И с этим другим кораблем что-то приключилось. Разведчики из его собственного экипажа пытались разнюхать, что именно, но все их попытки потерпели провал.

Он ощущал уверенность, что это был не обыкновенный ремонт. Что бы ни толковали все остальные, это было что-то много более серьезное, чем обыкновенный ремонт. Корабль попал в ситуацию критическую, чрезвычайную и к тому же связанную с непонятной спешкой. Они так торопились, что бросили здесь часть своих припасов. Ни один командир, человек он или нет, не согласится бросить припасы, разве что на карту поставлена жизнь или смерть.

В груде припасов была, по-видимому, пища — по крайней мере, Дайер утверждал, что это пища, хоть она никак не выглядела съедобной. И были бутылочки вроде пластиковых, наполненные ядом, который для инопланетян был, может статься — почему бы и нет? — эквивалентом виски. Какой же человек, спросил себя Уоррен, бросит еду и виски, кроме как в случае страшной опасности?

Он медленно побрел по тропе, которую они успели пробить от корабельного шлюза к свалке, и вдруг поразился тишине, глубокой, как в чудовищной недвижности самого космоса. На этой планете не было источников звука. Здесь не было ничего живого, кроме мхов, лишайников и других первичных растений, цепляющихся за скалы. Со временем здесь, конечно, появится иная жизнь, поскольку здесь есть воздух, вода и главные составляющие будущей плодородной почвы. Дайте срок, допустим миллиард лет, и здесь разовьется система живых организмов, не менее сложная, чем на Земле.

Но миллиард лет, подумалось Уоррену, это все-таки долговато.

Он добрался до свалки и двинулся по знакомому маршруту, огибая крупные узлы и машины, разбросанные вокруг. Но как он ни берегся, а раздругой все же споткнулся о какую-то мелочовку, которую было не разглядеть в темноте.

Споткнувшись вторично, он наклонился и поднял штуковину, которая подставила ему ножку. Как он и догадывался, это оказался какой-то инструмент, брошенный инопланетянами при бегстве. Он как будто видел их, бросающих инструменты и удирающих во всю прыть, — но

картина получалась нечеткой. При всем желании он не мог решить, на что эти инопланетяне смахивали и от чего удирали.

Он подкинул инструмент разок-другой, взвесил на руке. Инструмент был легким и удобным и, несомненно, имел какое-то применение, но какое — Уоррен не знал, не знал и никто в экипаже. Что за конечность сжимала этот инструмент — рука или щупальце, клешня или лапа? Что за мозг управлял рукой или щупальцем, клешней или лапой, сжимавшими этот инструмент и применявшими его для какой-то разумной цели?

Откинув голову назад, он посмотрел на звезды, сверкающие над планетой. Нет, это были совсем не те звезды, что знакомы с мальчишеских лет.

Мы далеко, подумал он. Как же мы далеко! Так далеко не забирался еще никто из людей…

Неожиданный звук заставил его дернуться и обернуться. Кто-то бежал по тропе сломя голову и неистово топоча.

— Уоррен! — раздался крик. — Уоррен, где вы?

В голосе слышался неподдельный испуг, больше того — нотки безумной паники, какие можно подчас услышать в визге перепуганного ребенка.

— Уоррен!..

— Да здесь я, здесь. Иду, уже иду!

Он стремительно зашагал навстречу человеку, топочущему в темноте. Бегущий мог бы проскочить мимо, не протяни Уоррен руку и не схвати за плечо, вынуждая остановиться.

— Уоррен, это вы?

— Что с вами, Мак?

— Я не могу… Не могу… Не…

— Что стряслось? Да говорите же! Чего вы не можете?

Инженер в свою очередь вытянул руки, неловко схватил капитана за лацканы сюртука и повис на нем, словно утопающий на спасателе.

— Ну, давайте выкладывайте, — поторопил Уоррен, подхлестываемый нарастающей тревогой.

— Я не могу запустить двигатели, сэр.

— Не можете — что?..

— Не могу запустить их, сэр. И никто из моих ребят. Никто из нас не может их запустить, сэр.

— Двигатели! — повторил Уоррен, чувствуя, как душу стремительно охватывает ужас. — Что случилось с двигателями?

— С двигателями ничего не случилось. Это с нами что-то случилось, сэр. Мы не можем их запустить.

— Возьмите себя в руки, любезный. Ближе к делу. Почему не можете?

— Мы не помним, как это делается. Мы забыли, как они запускаются!

6

Уоррен включил свет над столом и, выпрямившись, стал шарить глазами по полкам в поисках нужной книги.

— Она где-то здесь, Мак, — произнес он. — Знаю, она была где-то здесь…

Наконец он нашел ее и, сняв с полки, раскрыл под лампой. Не мешкая перелистал страницы. За своей спиной он слышал напряженное, почти жесткое от ужаса дыхание инженера.

— Все в порядке, Мак. Тут в книжке все изложено.

Листая пособие, он вначале забежал слишком далеко, и пришлось вернуться на пару страниц. Нашел нужное место и, распластав книгу, пристроил ее под лампой поудобнее.

— Ну вот, — произнес он, — сейчас мы с этими движками сладим. Вот здесь сказано…

Он попытался прочесть — и не смог.

Он понимал слова и даже символы, но слова, составленные вместе, сразу же утрачивали смысл, а сумма символов будто не имела смысла и вовсе. Он покрылся потом, пот бежал по лбу и собирал-

ся в бровях, стекал от подмышек и ручейками струился по ребрам.

— Что с вами, шеф? — осведомился Мак. — Теперь-то в чем дело?

Уоррен ощутил, что тело жаждет задрожать, каждый нерв жаждет затрепетать — и ни с места. Он просто окаменел.

— Это инструкция по двигателям, — сообщил он спокойно и тихо. — Она рассказывает все о двигателях — как они действуют, как находить неисправности и устранять их…

— Тогда у нас нет проблем, — выдохнул Мак с огромным и явным облегчением.

— Нет, есть, Мак. Я забыл значение символов и почти не могу понять терминологию.

— Вы — что?..

— Я не могу прочесть инструкцию, — признался Уоррен.

7

— Но такого не может быть! — возмутился Спенсер.

— Не только может, — ответил Уоррен, — но и произошло. Есть здесь хоть кто-нибудь, кто способен прочесть инструкцию?

Никто не откликнулся.

— Если кто-нибудь может ее прочесть, — повторил он, — пусть выйдет вперед и покажет нам, как это делается!

Клайн тихо произнес:

— Нет, никто не может.

— И тем не менее, — провозгласил Уоррен, — всего час назад любой из вас — поймите, любой! — наверное, прозакладывал бы свою душу, что не только сумеет при необходимости запустить двигатели самостоятельно, но, если понадобится, сумеет взять инструкцию и выяснить, как это делается.

— Вы правы, — согласился Клайн. — Мы прозакладывали бы что угодно. Час назад это показалось бы нам верным, беспроигрышным пари.

— Такие дела, — сказал Уоррен. — Можете ли вы определить, как давно вы потеряли способность прочесть инструкцию?

— Разумеется, не можем, — вынужденно признал Клайн.

— Это еще не все. Вы не сумели разобраться со свалкой. Построили догадку и заменили догадкой ответ, но, по сути, так и не нашли его. А должны были бы найти. И сами прекрасно это знаете…

Клайн поднялся на ноги.

— Послушайте, однако, Уоррен…

— Сядь-ка лучше, Джон, — предложил Спенсер. — Уоррен ущучил нас намертво. Мы не нашли ответа и знаем сами, что не нашли. Мы пришли к догадке и подставили догадку на место ответа, которого не нашли. Уоррен прав и в том, что мы обязаны были найти ответ. Ответ, а не догадку.

При любых других обстоятельствах, подумал Уоррен, они бы возненавидели его за неприкрытую правду — при любых других, но не сейчас. Они молчали, и он зримо чувствовал, как в душу каждого помаленьку просачивается осознание истины. Первым заговорил Дайер:

— По-вашему, мы не справились, оттого что забыли — в точности так же, как Мак забыл про двигатели?

— Вы утратили некоторые навыки, — ответил Уоррен, — некоторые навыки и знания. Вы работали так же честно, как всегда. Вы выполнили все предписанные процедуры. Но вы не нашли в себе прежних навыков и знаний, только и всего.

— Что же теперь? — осведомился Ланг.

— Понятия не имею.

— Вот что случилось с тем, другим кораблем! — воскликнул Бриггс многозначительно.

— Может, и так, — отозвался Уоррен не столь

уверенно.

— Однако они все-таки улетели! — напомнил Клайн.

— Мы тоже улетим, — заверил Уоррен. — Так или иначе, но улетим.

8

Очевидно, экипаж того инопланетного корабля тоже все забыл. И тем не менее они улетели — значит, каким-то образом вспомнили, заставили себя вспомнить. Но если все сводилось к тому, чтобы просто вспомнить, зачем им понадобилось реконструировать двигатель? Легче было бы использовать прежний…

Уоррен, лежа на койке, пялился в темноту. Ему было известно, что в каких-то жалких двух футах над головой — стальная переборка, но ее было не разглядеть. И ему было понятно, что существует способ запустить двигатели, совсем простой способ, если знать его или вспомнить, но способа такого он тоже не видел.

Люди попадают в неприятности, набираются знаний, познают сильные чувства — а потом, с течением времени, забывают и неприятности, и знания, и чувства. Жизнь, по существу, непрерывная цепь забвения. Воспоминания стираются,

знания тускнеют, навыки теряются, однако требуется время, чтобы все это стерлось, потускнело и потерялось. Не бывает так, чтоб сегодня знать что-то назубок, а назавтра забыть.

Но здесь, на этой безжизненной планетке, процесс забвения каким-то немыслимым образом резко ускорился. На Земле нужны годы, чтобы забыть крупную неприятность или утратить прочный навык. А здесь это происходит за одну ночь…

Он попытался заснуть и не сумел. В конце концов он встал, оделся, сошел по трапу и, миновав шлюз, вышел в инопланетную ночь.

Тихий голос спросил:

— Это ты, Айра?

— Я, Лопоухий, я самый. Мне не спится. Тревожно мне что-то.

— Тебе всегда тревожно, — ответил Лопоухий. — Это у тебя профессиональная идео… идеосин…

— Идиосинкразия?

— Она и есть, — согласился Лопоухий, легонько икнув. — Ты угадал слово, которое я искал. Твои тревоги — профессиональная болезнь.

— Мы в ловушке, Лопоухий.

— Бывали планеты, — сообщил Лопоухий, —

где я не возражал бы застрять надолго, но эта не из их числа. Эта, если по совести, — охвостье творения.

Они стояли рядом во тьме, и над головами у них сияла россыпь чуждых звезд, а перед ними до смутного горизонта расстилалась безмолвная планета.

— Тут что-то не то, — продолжал Лопоухий. — Что-то носится в воздухе. Твои ученые лбы заявляют, что тут нет ничего, потому что не видят ни черта в свои приборы, и в книжках у них говорится, что если на планете только скалы и мхи, то другой жизни не ищи. Но я-то на своем веку навидался всяких планет. Я-то лазал по планетам, когда они были еще в пеленках. И мой нос может сказать мне о планете больше, чем все ученые мозги, если даже смешать их в кучу и переболтать, что, между прочим, совсем неплохая идея…

— Наверное, ты прав, — нехотя сознался Уоррен. — Я сам это чувствую. А ведь раньше не чувствовал. Наверное, мы перепуганы до смерти, если начали понимать то, чего раньше не чувствовали.

— А я чувствовал даже раньше, чем перепугался.

— Надо было осмотреться здесь хорошенько.

Вот где наша ошибка. Но на свалке было столько работы, что об этом и не подумали.

— Мак прогулялся немного, — сказал Лопоухий. — И говорит, что нашел какие-то башни.

— Мне он тоже о них говорил.

— Он совсем позеленел от страха, когда рассказывал мне про башни.

— Да, он говорил, что они ему не понравились.

— Если б тут было куда бежать, Мак уже улепетнул бы во все лопатки.

— Утром, — решил Уоррен, — мы первым делом пойдем и осмотрим эти башни как следует.

9

Это действительно были башни, вернее, башенки. Их было восемь, и они стояли в ряд, как сторожевые вышки, — словно кто-то когда-то опоясал такими вышками всю планету, но затем передумал, и все остальные снесли, а эти восемь почему-то оставили.

Они были сложены из необработанного природного камня, сложены грубо, без строительного раствора, лишь кое-где на стыках камни для прочности скреплялись каменными же клиньями или пластинами. Такие башенки могло бы соорудить первобытное племя, и вид у них был

весьма древний. У основания башенки достигали примерно шести футов в поперечнике, а кверху слегка сужались. Каждая башенка была накрыта плоской каменной плитой, а чтобы плита не соскользнула, на нее еще взгромоздили крупный валун.

Уоррен обратился к археологу Эллису:

— Это по вашей части. Действуйте…

Вместо ответа маленький археолог обошел ближайшую башенку, потом пододвинулся к ней вплотную и внимательно осмотрел. Потом протянул руки, и со стороны это выглядело так, будто он намеревался потрясти башенку, только она не поддалась.

— Прочная, — сообщил он. — Построена на совесть и давно.

— Культура типа Ф, пожалуй, — высказался Спенсер.

— Может быть, и того меньше. Обратите внимание — никаких попыток украсить кладку, простая утилитарность. Но работа искусная.

— Главное, — вмешался Клайн, — установить цель сооружения. Для чего их тут поставили?

— Какие-нибудь складские помещения, — предположил Спенсер.

— Или просто ориентиры, — возразил Ланг. —

Заявочные столбы, а может, меты на месте, где предполагалось что-то оставить.

— Цель установить нетрудно, — заявил Уоррен. — Вот уж о чем можно не гадать и не спорить. Всего-то надо скинуть сверху валун, приподнять крышку да заглянуть вовнутрь.

Он решительно шагнул к башенке и стал взбираться по ней. Подъем оказался не слишком труден — в камнях были выбоины, которые могли послужить захватами для рук и опорами для ног. Через минуту он был наверху.

— Эй, берегись! — крикнул он, налегая на валун.

Валун покачнулся и не спеша опустился обратно на прежнее место. Уоррен уперся понадежнее и приналег снова. На этот раз валун перевернулся, тяжело рухнул вниз и с грохотом покатился по склону, набирая скорость. По пути валун ударялся о другие валуны, менял курс и, подброшенный инерцией, ненадолго взлетал в воздух.

— Киньте мне сюда веревку, — попросил Уоррен. — Я привяжу ее к верхней плите, и мы вместе ее стянем.

— У нас нет веревки, — отозвался Клайн.

— Тогда пусть кто-нибудь сбегает на корабль и притащит. Я побуду здесь до его возвращения.

Бриггс потопал в сторону корабля. Уоррен выпрямился. С башенки открывался прекрасный вид на окрестности, и он принялся, медленно поворачиваясь, изучать их.

Где-нибудь неподалеку, мелькнула мысль, люди — ну пусть не люди, но те, кто строил башни, — должны были обустроить себе жилье. На расстоянии не больше мили отсюда некогда было поселение. Ибо на возведение башен требовалось немалое время, а следовательно, их строители должны были где-то хотя бы временно разместиться. Но разглядеть ничего не удавалось — только нагромождения камней, обширные скальные обнажения да наброшенные на них коврики первичных растений.

Во имя чего они жили? Зачем они были на этой планете? Что могло их здесь привлечь? Почему не улетели сразу, что их удержало?

И вдруг он замер, не в силах поверить своим глазам. Очень тщательно проконтролировал впечатление, ощупывая взглядом линии, убеждаясь, что не сбит с толку игрой света на какой-нибудь куче камней. «Ну быть того не может!» — воскликал он про себя. Три раза такого не происходит. Он впал в заблуждение…

Уоррен глубоко вдохнул и задержал выдох, вы-

жидая, что иллюзия рассеется. Она не рассеялась. Эта штука торчала там по-прежнему.

— Спенсер! — позвал он. — Спенсер, будьте добры, поднимитесь сюда.

А сам не сводил глаз с того, что увидел. Заслышав, как Спенсер шумно карабкается по башенке, подал ему руку и помог взобраться на плиту-покрышку.

— Посмотрите, — предложил Уоррен, указав точное направление. — Что там такое?

— Корабль! — заорал Спенсер. — Там еще один корабль!

Корабль был стар, невероятно стар. Он весь порыжел от ржавчины: довольно было провести рукой по металлическому борту — и ржавые хлопья осыпались на камень дождем, а ладонь покрывалась красными полосами.

Внешний воздушный шлюз был некогда закрыт, но кто-то или что-то пробил или пробило его насквозь, не утруждая себя отмыканием замков: края люка были по-прежнему притерты к корпусу, однако сквозь рваную дыру можно было свободно заглянуть в корабельное нутро. И на многие ярды вокруг шлюза скальный грунт стал кирпичным от разбросанной взрывом ржавчины.

Люди протиснулись в дыру. Внутри корабль блестел и сверкал, ржавчины не было и в помине, хотя все предметы покрывала толстая пыль. На полу в пыли была протоптана тропа, а по бокам ее там и сям виднелись разрозненные следы: видно, владельцы следов время от времени отступали с тропы в сторону. Следы были инопланетные — мощная пята и три широко расставленных пальца, ни дать ни взять следы каких-то очень крупных птиц или давным-давно вымерших динозавров.

Тропа вела вглубь корабля, в машинный зал, и там посреди зала оставалась лишь пустая станина — двигателя не было.

— Вот как они выбрались отсюда! — догадался Уоррен. — Те, что вышвырнули свой собственный движок на свалку. Сняли двигатель с этого корабля, переставили на свой и улетели.

— Но они же ни черта не смыслили… — попытался перечить Клайн.

— Очевидно, разобрались, — отрезал Уоррен.

Спенсер согласился:

— Да, должно быть, так и произошло. Этот корабль стоит здесь с незапамятных времен — видно по ржавчине. И он был закрыт, герметически запечатан — ведь внутри ржавчины нет.

Дыру в шлюзе проделали сравнительно недавно, тогда же и сняли двигатель…

— Но зачем? — не утерпел Клайн. — Зачем им это понадобилось?

— Потому что, — ответил Спенсер, — они забыли, как запустить свой собственный двигатель.

— Но если они забыли устройство своего двигателя, как же они сумели совладать с чужим?

— Тут он вас всех уел, — заявил Дайер. — На такой вопрос вам не ответить.

— Ваша правда, — пожал плечами Уоррен. — А хотелось бы найти ответ — тогда бы мы знали, что делать нам самим.

— Как по-вашему, — спросил Спенсер, — давно этот корабль здесь приземлился? Сколько времени требуется, чтобы корпус покрыла ржавчина?

— Трудно сказать, — отозвался Клайн. — Зависит от того, какой они использовали металл. Можно ручаться за одно: корпус любого космического корабля, кто бы его ни строил, делается из самого прочного материала, какой известен строителям.

— Тысяча лет? — высказал предположение Уоррен.

— Не знаю, — ответил Клайн. — Может, тысяча лет. А может, и дольше. Видите эту пыль? Это все,

что осталось от органических веществ, которые были здесь на корабле. Если существа, прилетевшие сюда когда-то, оставались на корабле, они и до сих пор здесь — в форме пыли.

Уоррен попробовал сосредоточиться и представить себе хронологию событий. Тысячу или несколько тысяч лет назад здесь приземлился космический корабль и не смог улететь. Затем, тысячу или тысячи лет спустя, здесь приземлился другой корабль, и экипаж обнаружил, что улететь тоже не может. Но в конце концов нашел путь к спасению, сняв двигатели с первого корабля и заменив ими те, на которых прилетел. Еще позже, через годы или через месяцы, а может, всего через несколько дней, здесь оказался разведывательный корабль с Земли — и в свою очередь выяснил, что улететь не в состоянии, поскольку специалисты по двигателям не могут вспомнить, как их запустить…

Круто повернувшись, Уоррен вышел из пустого машинного зала, не дожидаясь других, и решительно зашагал обратно по проложенной в пыли тропе к разбитому шлюзу.

И… подле самого шлюза на полу сидел Бриггс. Сидел и неловкими пальцами рисовал в пыли завитушки. Тот самый Бриггс, которого посылали

на родной корабль за мотком веревки.

— Бриггс, — резко спросил Уоррен, — что вы здесь делаете?

Бриггс посмотрел на капитана бессмысленно и весело.

— Уходи, — произнес он.

И продолжал рисовать завитушки в пыли.

10

Док Спирс объявил диагноз:

— Бриггс впал в детство. Его мозг чист, как у годовалого ребенка. Правда, он может говорить, что единственно отличает его от несмышленыша. Но словарь у него очень ограничен, и вообще, то, что он бормочет, по большей части ничего не значит.

— А можно обучить его чему-то сызнова? — поинтересовался Уоррен.

— Не знаю.

— После вас его осматривал Спенсер. Что сказал Спенсер?

— Сорок сороков всякой всячины, — ответил док. — А по сути все, что он сказал, сводится к практически полной потере памяти.

— Что же нам делать?

— Не спускать с него глаз. Следить, чтоб он

не причинил себе вреда. Спустя какое-то время можно попробовать повторно обучить его чему-нибудь. А может, он сумеет перенять что-нибудь по своему почину. Главное — понять, что же такое с ним приключилось. Не могу пока сказать с уверенностью, связана ли потеря памяти с повреждением мозга. Вроде повреждений не видно, но утверждать определенно без серьезного диагностического обследования не берусь. А приборов для такого обследования у нас нет.

— Говорите, повреждений не видно?

— Ни единой отметины. Он не ранен. То есть нет никаких физических повреждений. Пострадал только мозг. Может, даже и не мозг, просто исчезла память.

— Амнезия?

— Нет, не амнезия. При амнезии больные находятся в замешательстве. Их преследует мысль, что они чего-то не помнят. В душе у них полная неразбериха. А Бриггс не ощущает никакого замешательства. По-своему он даже счастлив.

— Вы позаботитесь о нем, док? За ним же и впрямь нужен глаз да глаз…

Док невнятно фыркнул, поднялся и вышел. Уоррен крикнул ему вслед:

— Если увидите по дороге Лопоухого, скажите,

чтоб зашел ко мне.

Док поплелся вниз по трапу. А Уоррен остался сидеть, тупо уставясь в голую стену перед собой.

Сначала Мак со всей своей машинной командой забыл, как запускается двигатель. Это был первый свисток, первый отчетливый сигнал, что все неладно, но неприятности-то завари-лись гораздо раньше, чем Мак обнаружил, что забыл азы своего ремесла! Команда разведчиков растеряла свои знания и умения почти с самой посадки. Как иначе объяснить, что они ухитрились так напортачить, разбираясь на свалке? При нормальных обстоятельствах они обязательно извлекли бы из частей инопланетного двигателя и аккуратно сложенных припасов какую-нибудь существенную информацию. И в общем, они даже сделали кое-какие наблюдения, только не сумели обобщить их. А при нормальных обстоятельствах сумма наблюдений непременно привела бы к незаурядным открытиям.

С трапа донесся звук шагов, но поступь была слишком живой для Лопоухого.

Это оказался Спенсер.

Спенсер плюхнулся на стул без приглашения. И сидел, сжимая и разжимая руки, разглядывая их яростно и без слов.

— Ну? — поторопил его Уоррен. — Можете что-то доложить?

— Бриггс залезал в ту, первую, башенку, — выговорил Спенсер. — Видимо, вернулся с веревкой и обнаружил, что мы ушли. Тогда он влез наверх, обвязал покрышку петлей, а потом слез обратно и стянул ее наземь. Там она и лежит, примерно в футе от башенки, и веревочная петля на ней…

Уоррен понимающе кивнул.

— Да, он мог с этим справиться. Покрышка не слишком тяжелая. С ней можно было справиться и в одиночку.

— Там, в башенке, что-то есть.

— Вы туда заглядывали?

— После того, что случилось с Бриггсом? Конечно нет. Я даже поставил часового с наказом не подпускать никого. Мы не вправе шутить с этой башенкой, пока хоть немного не разберемся, в чем дело.

— А что там, по-вашему, может быть?

— Не знаю, — ответил Спенсер. — Хоть идея у меня есть. Нам известно, на что эта башенка способна. Способна лишить вас памяти.

— А может, память стирается от испуга? — предположил Уоррен. — Допустим, в башенке что-то такое страшное…

Спенсер отрицательно покачал головой.

— Никаких следов испуга. Бриггс совершенно спокоен. Сидит себе радостный, как дитя, и играет с собственными пальцами или бормочет бессмыслицу. Но радостную бессмыслицу. Именно как дитя.

— А что, если его бормотание даст нам ключ? Поставьте кого-нибудь, чтобы слушал его все время. Даже если слова сами по себе почти ничего не значат…

— Ничего не получится. Пропала не только память, но и воспоминания о том, что эту память стерло.

— Что вы намерены предпринять?

— Постараться проникнуть в башню. Постараться выяснить, что там скрывается. Должен же быть способ забраться туда и выбраться живым и здоровым.

— Слушайте, — заявил Уоррен, — хватит с нас экспериментов.

— У меня есть интуитивная догадка.

— Никогда раньше не слышал от вас ничего подобного. Вы, господа, не полагаетесь на интуитивные догадки. Вы полагаетесь на установленные факты.

Спенсер поднял руку и ладонью стер выступив-

ший на лбу пот.

— Не понимаю, Уоррен, что со мной стряслось. Сам знаю, что раньше никогда на догадки не полагался. Но теперь ничего не могу с собой поделать, догадки просто прут из меня и занимают место утраченных знаний.

— Так вы соглашаетесь, что знания утрачены?

— Разумеется, да! Вы были правы насчет свалки. Нам следовало бы справиться с делом много лучше.

— А теперь у вас интуитивная догадка…

— Догадка безумная, — сказал Спенсер. — По крайней мере, звучит она совершенно безумно. Наша память, утраченные нами знания должны были куда-то деться. А если нечто, обитающее в башенке, присвоило их? У меня дурацкое чувство, что утраченное можно вернуть, можно отобрать у похитителя назад. — Он взглянул на Уоррена с вызовом. — По-вашему, я рехнулся?

Настала очередь Уоррена покачать головой.

— Да нет, что вы! Просто-напросто хватаетесь за соломинку…

Спенсер тяжело поднялся на ноги.

— Обещаю сделать все, что смогу. Поговорю с другими. Постараемся продумать все до мелочей, прежде чем что-нибудь предпримем.

Как только он ушел, Уоррен вызвал по селектору машинный зал. Из коробочки послышался пронзительный писк и голос Мака.

— Есть успехи, Мак?

— Ни малейших, — ответил инженер. — Сидим и смотрим на движки. Скоро свернем себе головы, силясь что-нибудь припомнить.

— По-моему, больше вам ничего и не остается.

— Можно бы попробовать потыкать кнопки наугад, но боюсь, если начнем, непременно выведем что-нибудь из строя насовсем.

— Держите руки подальше от кнопок и от чего угодно, — приказал Уоррен, внезапно ощутив острую тревогу. — Даже не прикасайтесь ни к чему. Бог знает, что вы там способны натворить.

— Да нет, мы просто сидим, — заверил Мак, — смотрим на движки и силимся что-нибудь припомнить.

Что за безумие, подумалось Уоррену. Ну конечно безумие, что же еще? Там, внизу, люди, натасканные управлять космическими движками, люди, которые спали и жили с ними наедине на протяжении долгих унылых лет. А теперь эти самые люди сидят и смотрят на движки в недоумении, как их запустить.

Уоррен встал из-за стола и тихо спустился

по трапу. И нашел кока в его каюте. Лопоухий свалился со стула и спал на полу, тяжело дыша. Каюта провоняла алкогольными парами. На столе красовалась бутылка, почти пустая.

Уоррен легонько пнул Лопоухого ногой. Тот чуть слышно застонал во сне.

Тогда капитан взял бутылку и посмотрел на свет. Там оставалось на один добрый, долгий хлебок. Он запрокинул бутылку и выпил все до капли, а потом запустил пустой бутылкой в стену. Осколки пластика осыпали голову Лопоухого мелким дождем.

Лопоухий поднял руку и смахнул осколки, как муху. И продолжал спать с улыбкой на устах: его чувства были удобно притуплены алкоголем и защищены от воспоминаний, которых у него теперь просто не было.

11

Они сызнова накрыли башенку плитой и установили треногу со шкивом. Потом опять стянули плиту вниз, а треногу использовали для того, чтоб спустить вовнутрь автоматическую камеру и получить снимки.

Да, в башенке что-то было. Они мучительно всматривались в снимки, разложив их на столе в

кают-компании, и пытались сообразить, что же это такое. Формой оно напоминало не то арбуз, не то большое яйцо, поставленное на попа: нижний конец яйца был чуть сплющен, чтобы оно не падало. Снизу доверху яйцо поросло волосиками, и некоторые из них получились на снимках смазанными, словно вибрировали. У нижнего конца яйцо было оплетено какими-то трубками и, видимо, проводами. Впрочем, на провода в обычном понимании они были не очень похожи.

Они провели серию опытов, спустив в башенку измерительные приборы, и установили, что яйцо живое и во многих отношениях напоминает теплокровное животное, хотя можно было ручаться, что жидкие его компоненты не имеют с кровью ничего общего. Яйцо было мягким, не защищенным даже подобием панциря, оно пульсировало и вибрировало, только тип вибрации не поддавался определению. Однако волосики, покрывающие яйцо, шевелились без передышки.

И вновь они втащили плиту-покрышку на место, а треногу со шкивом не тронули. Биолог Говард сказал:

— Оно, несомненно, живое. Это какой-то организм, но не убежден, что это животное, и только животное. Провода и трубки ведут в его нутро

извне и в то же время, могу почти поручиться, являются его частью. А посмотрите на эти — как прикажете их назвать — то ли штифты, то ли панели, как бы предназначенные для подсоединения новых проводов…

— Непостижимо, — заявил Спенсер, — чтобы животное могло срастись с механизмом. Взять, например, человека и его машины. Спору нет, они трудятся совместно, но человек сохраняет свою индивидуальность, а машины, может статься, свою. А ведь во многих случаях было бы выгоднее — если не социально, то по крайней мере экономически, — чтобы человек составлял с машинами единое целое, чтобы они сплавились и стали, по существу, одним организмом…

— По-моему, — сказал Дайер, — что-то в таком роде здесь и произошло.

— А в других башнях? — осведомился Эллис.

— Они могут быть соединены друг с другом, — предположил Спенсер, — могут быть каким-то образом связаны между собой. Все восемь в принципе могут представлять собой единый комплексный организм.

— Мы же не знаем, что там в других башнях, — напомнил Эллис.

— Это можно выяснить, — ответил Говард.

— Нет, нельзя, — возразил Спенсер. — Мы не смеем рисковать. Мы уже шлялись вокруг да около гораздо дольше, чем позволяют простые меры предосторожности. Мак со своей командой решили прогуляться, заметили башни и осмотрели их, понятное дело, походя, а вернулись и забыли, как запустить движки. Мы не вправе слоняться возле башен даже на минуту дольше, чем совершенно необходимо. Уже и сейчас мы, быть может, утратили больше, чем подозреваем.

— Ты думаешь, — смешался Клайн, — что утрата памяти, которой мы, возможно, подверглись, скажется позже? Что мы сами не знаем сейчас, что именно мы утратили, а позже обнаружим, что утратили очень многое?..

Спенсер ответил кивком.

— Именно так и случилось с Маком. Он, как и любой в составе его команды, готов был поклясться, что может запустить двигатели, вплоть до минуты, когда их действительно потребовалось запустить. Любой в машинной команде считал свои навыки само собой разумеющимися, точно так же, как мы считаем само собой разумеющимися свои знания. Пока нам не потребуется какой-то специфический участок знаний, мы и не догадываемся, что утратили их.

— О таком несчастье страшно и подумать, — промолвил Говард.

— Это какая-то система связи, — заявил Ланг.

— Естественно, что вы так думаете. Вы же специалист по системам связи.

— Там провода!

— А зачем тогда трубки? — осведомился Говард.

— У меня есть на этот счет гипотеза, — сообщил Спенсер. — По трубкам доставляется пища.

— Трубки подсоединены к системе снабжения, — добавил Клайн. — Допустим, баки с пищей захоронены под землей.

— А не легче ли предположить, что эта штука питается через корни? — вставил Говард. — Раз мы толкуем о баках с пищей, то вроде бы подразумеваем, что эти штуки завезены с других планет. А они вполне могут быть местного происхождения.

— Но как бы они тогда воздвигли эти башни? — спросил Эллис. — Если б они были местными, им пришлось бы возводить башни вокруг себя. Нет, башни построил кто-то или построило что-то другое. Как фермер строит сарай, чтоб сохранить свой скот. Я бы проголосовал за подземные баки с пищей.

Уоррен подал голос впервые с самого начала совещания:

— Что заставляет вас склониться к идее системы связи?

Ланг пожал плечами.

— Да нет каких-то особых причин. Наверное, дело в проводах и этих самых штифтах-панелях. Все вместе взятое выглядит как устройство связи.

— Пожалуй, это приемлемая идея, — кивнул Спенсер. — Устройство связи, направленное исключительно на прием информации, а не на ее передачу и распространение…

— К чему вы клоните? — резко спросил Ланг. — Какая же это тогда связь?

— Так или иначе, — сказал Спенсер, — что-то украло у нас нашу память. Украло нашу способность управлять движками и столь основательную часть наших знаний, что мы завалили работу на свалке.

— Нет, не может быть! — воскликнул Дайер.

— Почему же не может? — съехидничал Клайн.

— Да ну вас к черту! Это чересчур фантастично!

— Не более фантастично, — отозвался Спенсер, — чем многие наши прежние находки.

Допустим, это яйцо — устройство для аккумуляции знаний…

— Да тут просто нет информации, которую можно аккумулировать! — взорвался Дайер. — Несколько тысяч лет назад были знания, которые можно было позаимствовать на том ржавом корабле. Некоторое время назад появились еще знания, прибывшие с кораблем, который устроил свалку. Теперь очередь дошла до нас. А следующий корабль, набитый знаниями, может прибыть сюда кто знает через сколько тысячелетий. Слишком долго ждать, и слишком велик риск вообще ничего не дождаться. Нам известно, что здесь садились три корабля, но с тем же успехом можно предположить, что следующего корабля не будет вообще никогда. Получается полная бессмыслица.

— Кто сказал, что знания, прежде чем их позаимствуют, должны непременно прибыть сюда сами? Ведь и дома, на Земле, мы кое-что забываем, не правда ли?

— Боже правый! — вырвалось у Клайна, но Спенсера было уже не остановить.

— Если бы вы принадлежали к расе, устанавливающей ловушки для знаний, и располагали достаточным временем, где бы вы такие ловуш-

ки поставили? На планетах, кишмя кишащих разумными существами, где ваши ловушки вполне могут обнаружить, разрушить и выведать их секреты? Или на других — необитаемых, второразрядных, на труднодоступных мирах, которыми никто не заинтересуется еще миллион лет?

Уоррен откликнулся:

— Я бы выбрал как раз такую планету, как эта.

— Представим себе картину целиком, — продолжал Спенсер. — Где-то существует раса, склонная воровать знания по всей Галактике. И для размещения своих ловушек она ищет именно маленькие, захудалые, ни на что не годные планетки. Тогда, если умело разбросать ловушки в пространстве, можно прочесать весь космос почти без риска, что их вообще когда-нибудь обнаружат.

— Вы полагаете, что мы столкнулись здесь с подобной ловушкой? — спросил Клайн.

— Я подбросил вам идею специально, чтоб поглядеть, как вы к ней отнесетесь. Теперь валяйте комментируйте.

— Ну, прежде всего межзвездные расстояния…

— Мы имеем здесь дело, — объявил Спенсер, — с механическим телепатом, обладающим

системой записи. И нам известно, что скорость распространения мыслительных волн от расстояния практически не зависит.

— Ваша гипотеза не подкреплена никакими данными, кроме домыслов? — поинтересовался Уоррен.

— А каких данных вы ждете? Вы, безусловно, догадываетесь, что доказательств нет и быть не может. Мы не смеем подойти достаточно близко, чтобы выяснить, что это за яйцо. И даже если бы посмели, у нас уже нет достаточных знаний, чтобы принять разумное решение или хотя бы сделать логичный вывод.

— Так что мы снова гадаем, — заметил Уоррен.

— А вы можете предложить что-либо лучшее?

Уоррен печально покачал головой.

— Нет. Видимо, не могу.

12

Дайер надел космический скафандр. От скафандра шел канат, пропущенный через шкив на треноге наверху башенки. Еще Дайеру дали пучок проводов для подключения к штифтам-панелям. Провода были соединены с добрым десятком приборов, готовых записать любые данные — если будет что записывать.

Затем Дайер забрался на башню, и его опустили вовнутрь. Почти немедленно разговор оборвался, химик прекратил отвечать на вопросы, и его вытянули обратно. Когда освободили крепления и откинули шлем, Дайер весело булькал и пускал пузыри. Старый док ласково повел его в госпитальную каюту.

Клайн и Поллард затратили много часов, мастеря шлем из свинца с телевизионным устройством на месте лицевых прозрачных пластин. Биолог Говард залез в переоборудованный скафандр, и его спустили внутрь башни тем же порядком. Когда его через минуту вытянули, он заливался отчаянным плачем, как малое дитя. Эллис поволок его следом за старым доком и Дайером, а Говард цеплялся за руки археолога и в промежутках между рыданиями пускал пузыри.

Поллард выдрал из шлема телеустройство и совсем уже вознамерился сделать новый шлем из сплошного свинца, но Уоррен положил этому конец:

— Будете продолжать в том же духе, и в экипаже не останется ни одного человека…

— Но на этот раз может получиться, — объявил Клайн. — Не исключено, что до Говарда добрались именно через телевизионные вводы.

Уоррен остался непреклонен:

— Может получиться, а может и не получиться.

— Но мы обязаны что-то предпринять!

— Нет, пока я не разрешил.

Полларда стал надевать тяжелый глухой шлем себе на голову.

— Не делайте этого, — предупредил Уоррен. — Шлем вам не понадобится, потому что вы никуда не пойдете.

— Я лезу в башню, — решительно заявил Полларда.

Уоррен сделал шаг вперед и без дальнейших разговоров взмахнул кулаком. Кулак врезался Полларду в челюсть и сбил его с ног. Уоррен повернулся к остальным:

— Если кого-нибудь еще тянет поспорить, я готов открыть общую дискуссию — по тем же правилам.

Желающих вступить в дискуссию не нашлось. Уоррен не мог прочесть на лицах ничего, кроме усталого отвращения к возомнившему о себе капитану. Молчание нарушил Спенсер:

— Вы расстроены, Уоррен, и не отдаете себе отчета в своих поступках.

— Отдаю себе полный отчет, черт побери! —

взревел Уоррен. — Отдаю себе отчет, что есть какой-то способ залезть в эту башню и вылезти назад без полной потери памяти. Только не тот способ, какой выбрали вы. Так ничего не выйдет.

— Вы можете предложить что-нибудь другое? — поинтересовался Эллис не без ехидства.

— Нет, — ответил Уоррен, — не могу. Пока не могу.

— А чего вы хотите от нас? — продолжал Эллис. — Чтоб мы сели в кружок и били баклуши?

— Хочу, чтоб вы вели себя как взрослые люди, — отрезал Уоррен, — а не как орава мальчишек, заприметивших фруктовый сад и жаждущих забраться туда во что бы то ни стало. — Он оглядел подчиненных одного за другим. Никто не проронил ни слова. Тогда он добавил: — У меня на руках уже три хнычущих младенца. Мне ни к чему увеличивать их число.

И ушел по косогору прочь, на свой корабль.

13

Итак, их память обчистили, и скорее всего при посредстве яйца, притаившегося в башенке. И хоть никто не посмел высказать это открыто и вслух, всех донимала одна и та же надежда: что, если найдется способ выудить похищенные

знания обратно? И даже больше того: что, если удастся не мытьем, так катаньем заполучить, отсосать из яйца и другие захваченные им знания?

Уоррен сидел за столом у себя в каюте, сжав голову руками и мучительно стараясь сосредоточиться.

Может, стоило позволить им довести свою затею до конца? Но в таком случае они продолжали бы дудеть в одну дуду, пробуя все новые варианты одной и той же схемы и не понимая, что, если схема подвела дважды подряд, надо отбросить ее за непригодностью и поискать что-нибудь иное.

Спенсер первым догадался, что они утратили знания, не ощущая утраты, — в том-то и коварство, что не ощущая. Они и сейчас, сию минуту, считают себя людьми науки и являются таковыми, кем же еще? Но они отнюдь не столь умелые, не столь знающие люди, как прежде. И не понимают этого. В том-то и чертовщина — они не ощущают утраты знаний.

Сейчас они презирают капитана за рукоприкладство. Ну и наплевать! На все наплевать, лишь бы помочь им найти путь к спасению.

Забывчивость. Напасть, известная по всей Галактике. И есть куча объяснений этой напасти, куча хитроумных высоколобых теорий о том,

отчего да почему разумные существа забывают то, что было усвоили. Но может, все эти теории ложны? Может, забывчивость объясняется не какими-то капризами мозга и вообще не психическими причинами, а бессчетными тысячами разбросанных по Галактике ловушек, помалу осушающих, обкрадывающих, обгрызающих коллективную память всех разумных созданий, живущих среди звезд?

На Земле люди забывают медленно, капля за каплей на протяжении долгих лет — и, быть может, потому, что ловушки, в зону действия которых входит наша родная планета, расположены очень далеко от нее. А здесь человек забывает иначе — полностью и мгновенно. Не потому ли, что здесь до ловушек памяти рукой подать?

Уоррен попытался представить себе размах этой, условно говоря, операции «Мыслеловка» и спасовал; самая идея такой операции была слишком грандиозной, да и слишком шокирующей, чтобы мозг согласился ее воспринять. Кто-то поставил себе задачей облететь захолустные планетки, ни на что не годные, не способные привлечь ничьего внимания, и заложил ловушки. Собрал ловушки группами, построил башенки,

оберегающие их от непогоды и от случайностей, и пустил в действие, подключив к питательным бакам, захороненным глубоко под почвой. И улетел домой.

А годы спустя — тысячу, а то и десять тысяч лет спустя — этот кто-то должен вернуться и выбрать из ловушек накопленные знания. Как охотник ставит капканы на пушных зверей, как рыбак маскирует западни для омаров и закидывает сети на осетров.

Здесь собирают урожай, подумалось Уоррену, постоянный нескончаемый урожай знаний всех рас Галактики…

Но если так, что же за раса установила такие ловушки? Что за охотник шастает по звездным дорогам, собирая добычу?

Разум отказывался рисовать себе расу столь бесчестную.

Несомненно одно: кто бы они ни были, они возвращаются к своим ловушкам спустя много лет и собирают добытые знания. Иначе просто не может быть, иначе вообще незачем было хлопотать, устанавливая ловушки. И если они могут опорожнять ловушки, значит существует способ это сделать. Если сам охотник может достать добычу из капкана, значит это посильно и кому-то

другому.

Забраться бы в башенку так, чтоб осталось время сообразить, как извлечь знания, — и ведь это, вероятно, несложно, только бы хватило времени осмотреться. Однако в том-то и штука, что в башенку не забраться. Едва попробуешь, и в ту же секунду тебя лишат памяти начисто и превратят в сопливое дитя. В ту же секунду, как ты заберешься в башенку, яйцо накинется на твой мозг и обчистит его досуха, и ты не упомнишь даже, где ты есть, как ты сюда попал и зачем.

Так что фокус сводится к тому, чтобы проникнуть внутрь и тем не менее сохранить память, приблизиться к яйцу и все-таки не забыть, зачем ты здесь очутился.

Спенсер и все остальные попытались экранировать мозг, но экран не сработал. Может, и есть надежда создать надежный экран, но придется идти методом проб и ошибок, а значит, многие, слишком многие выберутся на свет с утраченной памятью, прежде чем сыщется удовлетворительный ответ. И не исключается, что через день-другой от экипажа ничего не останется.

Нет, должен быть иной, принципиально иной способ.

Если мозг нельзя защитить экраном, тогда

чем?

Система связи, утверждает Ланг. Вполне вероятно, что он прав и яйцо представляет собой некую систему связи. Что принято делать для защиты систем связи? Если их нельзя экранировать, тогда что?

Разумеется, на этот вопрос есть ясный ответ: если система связи не защищена, информацию шифруют. Но в подобном ответе нет решения, нет и намека на решение. Уоррен еще посидел, прислушиваясь, — ниоткуда не доносилось ни звука. Никто не забегал к нему по дороге, никому не приходило в голову заглянуть к капитану, просто чтобы скоротать время.

Люди обозлены, решил он. Каждый дуется и сидит в своем углу. А что до него самого, ему объявили молчаливый бойкот.

— Ну и черт с ними, — сказал он вслух.

Он сидел в одиночестве и старался что-то придумать, но и мысли не слушались, толковых мыслей не возникало, лишь сумасшедшая карусель вопросов без ответов.

Наконец с трапа донеслись шаги, и по их нетвердости он понял без колебаний, чьи это шаги. Лопоухий надумал подняться из камбуза утешить старого друга, а предварительно насо-

сался до бровей.

Уоррену пришлось подождать, пока кок нетвердой поступью не одолеет трап, но в конце концов Лопоухий добрался до цели и застыл на пороге, выпростав руки в стороны и уперевшись в дверные косяки. Вероятно, иначе капитанская каюта качалась бы у него перед глазами.

Лопоухий собрался с духом, стремглав пересек пустоту меж дверью и стулом, с натугой обогнул стул, вцепившись в спинку, как в якорь, уселся и поднял глаза на Уоррена с улыбкой триумфа.

— Вот я и добрался, — возвестил Лопоухий.

— Ты пьян, — огрызнулся Уоррен с отвращением.

— Конечно пьян. Только тоскливо напиваться все в одиночку и в одиночку. Вот… — Кое-как найдя собственный карман, он выудил оттуда бутылку и осторожно водрузил на стол. — Держи. Давай придавим ее вместе.

Уоррен уставился на бутылку, и вдруг где-то в подсознании возникла и зашевелилась шальная мыслишка.

— Да нет, чепуха. Не получится…

— Кончай трепаться и приступай к делу. Как покончишь с этой посудиной, я добуду из заначки другую.

— Лопоухий, — позвал Уоррен.

— Чего тебе надо? — подивился Лопоухий. — Никогда не видал человека, который бы…

— Сколько у тебя есть еще?

— Сколько чего, Айра?

— Спиртного. Сколько еще ты припрятал?

— Много. Я всегда иду в рейс с изрядным рез… резер…

— С резервом?

— Точно, — подтвердил Лопоухий. — Ты понял, что я хотел сказать. Я всегда прикидываю, сколько мне надо, а потом добавляю резерв на случай, если мы застрянем где-нибудь или что-то еще…

Уоррен потянулся к бутылке, открыл ее и отшвырнул пробку.

— Лопоухий, — попросил он, — топай за другой бутылкой.

Лопоухий недоверчиво заморгал.

— Прямо сейчас, Айра? Ты хочешь, чтоб я принес вторую прямо сейчас?

— Немедленно, — сказал Уоррен. — А по пути будь так добр заглянуть к Спенсеру и сообщить ему, что я хотел бы его видеть, и как можно скорее.

Лопоухий встал, покачнулся, уставился на Уоррена с откровенным восторгом и все-таки

спросил:

— Что ты задумал, Айра?

— Напиться допьяна. Надраться так, чтоб это событие вошло в историю космического разведывательного флота.

14

— Нельзя этого делать, — запротестовал Спенсер. — У вас нет никаких шансов…

Уоррен поднял руку и, опершись на башенку, попытался обрести равновесие: вся планета вращалась вокруг него с устрашающей скоростью.

— Лопоухий, — выкликнул он.

— Я здесь, Айра.

— Ззастрели — ик — ззастрели ллюбого, ккто ппопытается осстановить меня…

— С удовольствием, Айра, — заверил Лопоухий.

— Но вы лезете туда без всякой защиты, — продолжал Спенсер озабоченно. — Даже без скафандра.

— Я ппробую нновый ппод… пподх…

— Подход? — пришел на помощь Лопоухий.

— Тточно, — откликнулся Уоррен. — Сспасибо, Лопоухий. Тточно эт’ ссамое — ппробую новый пподход…

— А ведь может и получиться, — взял слово Ланг. — Мы пробовали экранироваться, и это не помогло. Он пробует новый подход — он зашифровал свои мысли, затуманив их алкоголем. На мой взгляд, у него могут быть шансы на успех.

— Но в таком виде, — возразил Спенсер, — он нипочем не сумеет подсоединить концы.

Уоррен слегка покачнулся.

— Нне ппорите ххреновину!.. — Он глянул на сопровождающих мутными глазами. Каждый из них недавно был тут в трех экземплярах, а теперь время от времени казалось, что только в двух. — Лопоухий!

— Да, Айра?

— Ммне ннадо еще выппить. А то ттрезвею.

Лопоухий добыл из кармана бутылку и передал по назначению. Она была полна едва наполовину. Уоррен запрокинул ее и стал пить, кадык у него на шее заходил ходуном. Он не успокоился, пока не осушил все до капли. Тогда он выронил бутылку и осмотрел членов экипажа снова. Теперь все было в порядке — каждого было не меньше трех.

— Нну, — сказал он, повернувшись к башенке, — если вы, джжельмены, ннемного пподсобите… — Эллис с Клайном натянули канат, и Уоррен

взмыл в воздух. — Эй, — заорал он. — Ччто вы такое надумали?

Уоррен совершенно запамятовал про шкив, установленный на треноге наверху башни. Он болтался в воздухе и сучил ногами, пытаясь восстановить равновесие. Под ним разверзлось чернотой внутреннее пространство башни, а на дне ее мельтешилось, посверкивая, какое-то смешное пятнышко.

Тренога скрипнула, он начал спускаться и очутился внутри. Штуковина, что затаилась на дне, виделась теперь получше. Вежливо икнув, он предложил ей подвинуться, поскольку он идет на снижение. Штуковина не шевельнулась ни на дюйм. Что-то попробовало открутить ему голову, но голова не откручивалась.

— Уоррен! — взорвались наушники. — Уоррен, вы живы? Все в порядке? Отзовитесь!

— Кконечно, — ответил он. — Кконечно, я жжив. Ччего вы ко мне ппристали?

Его опустили на дно, и он оказался рядом со смешной штуковиной, пульсирующей в полутьме колодца. Почувствовал, как что-то копошится у него в мозгу, и зашелся клокочущим пьяным смехом.

— Эй, нне ттрогай мменя за вволосы! Щще-

коттно…

— Уоррен! — воззвали наушники. — Уоррен, провода! Провода! Вспомните, мы с вами говорили про провода…

— Ккончно, — откликнулся он. — Ппровода…

На пульсирующей штуковине торчали такие хорошенькие штифтики, и к каждому было очень удобно приладить по проволочке.

Но провода! Куда к черту подевались эти провода?

— Провода у вас на поясе, — подсказали наушники. — Провода прицеплены к поясу.

Рука сама собой потянулась к поясу и нащупала моток проводов. Он попытался их разъединить, но они выскользнули из пальцев. Пришлось сесть и пошарить вокруг, и провода обнаружились. Только они все перепутались, и непонятно было, где у них начало и где конец, и вообще — какого рожна возиться тут с проводами?

Чего ему хотелось до смерти, так это еще выпить, хоть чуть-чуть выпить. И Уоррен запел: «Я, ккак на грех, ппоступил в Пполитех и сстал, ддуралей, инжженерром…»

— Сслушай, ддруг, — обратился он к яйцу, — ббуду рад, если тты ввыпьешь со мной за ккомпанию…

Наушники рявкнули:

— Ваш друг не сумеет выпить, пока вы не прицепите провода. Пока вы этого не сделаете, он вас не услышит. И не поймет, что вы ему толкуете, пока вы не прицепите провода. Дошло до вас, Уоррен? Прицепите провода. Он ничего не слышит без проводов…

— Эт’ нникуда нне годится, — икнул Уоррен. — Эт’ ббезобразие…

Он сделал все, что было в его силах, прилаживая провода, и попросил нового друга потерпеть и не дергаться — он старается как только может. Крикнул Лопоухому, чтоб поторопился с бутылкой, и спел еще одну песенку, совсем непристойную. И в конце концов прицепил провода, но человек из наушников заявил, что соединение неправильное и надо попробовать по-другому.

Он поменял провода местами, но оказалось опять неправильно, и он менял их до тех пор, пока человек из наушников не сказал:

— Вот теперь хорошо. Теперь мы что-то нащупали…

И тут его вытащили из башенки. Вытащили раньше, чем он успел выпить с новым приятелем хотя бы по маленькой.

15

Он с грехом пополам взобрался по трапу, ухитрился проложить курс вокруг стола и плюхнулся в кресло. Каким-то образом кто-то надел ему на макушку стальной колпак, и двое, а то и трое стали бить по ней молотком, а в рот ему запихнули шерстяное одеяло, и он готов был поклясться, что в следующий момент умрет от нестерпимой жажды.

С трапа послышались шаги, и он воспылал надеждой, что это Лопоухий. Уж Лопоухому-то известно, что предпринять.

Но это был Спенсер. Пришел и спросил:

— Как вы себя чувствуете?

— Ужасно, — простонал Уоррен.

— Вы провернули фокус!

— Про что вы, про эту башню?

— Вы приладили провода, — пояснил Спенсер, — и по ним поперла всякая чертовщина. Ланг подключил записывающий аппарат, и мы по очереди слушаем запись, и уже наслушались такого, что волосы дыбом…

— Вы сказали — чертовщина?

— Именно. Всякие знания, накопленные ловушкой. Потребуются годы, чтобы рассортировать

их и попытаться выстроить в определенную систему. Многое едва намечено, кое-что фрагментарно, но есть и порядочное количество цельных кусков…

— И наши знания возвращаются к нам?

— Частично. Но в большинстве своем это инопланетные знания.

— Есть что-нибудь по части двигателей?

Спенсер задержался с ответом.

— Нет. По части наших двигателей — нет. Хотя…

— Ну?

— Мы получили информацию по движку со свалки. Поллард уже за работой. Мак со своей командой помогают ему вести сборку.

— И этот движок будет работать?

— Лучше, чем наш собственный. Правда, придется видоизменить конструкцию дюз и внести еще кое-какие усовершенствования.

— И вы теперь…

Спенсер понял с полуслова и ответил кивком:

— Мы демонтируем наши прежние двигатели.

Уоррен не мог совладать с собой. Он не смог бы совладать с собой даже за миллион долларов. Он положил руки на стол, зарылся в них лицом и зашелся неудержимым хриплым смехом. Прошло

немало времени, прежде чем он поднял голову и вытер мокрые от смеха глаза.

— Я, право, не понимаю… — начал Спенсер обиженно.

— Новая свалка! — воскликнул Уоррен. — Бог ты мой, новая свалка!..

— Не над чем смеяться, Уоррен. Это же потрясающе — масса знаний, о каких никто никогда и не мечтал. Знаний, накопленных за многие годы, может статься, за тысячи лет. За все годы с тех пор, как та, другая, раса в последний раз опорожнила свои ловушки и отбыла восвояси.

— Послушайте, — сказал Уоррен, — а не лучше ли было подождать, пока мы не напоремся на знания о наших собственных движках? Они же наверняка выплывут, и скоро. Их забрали, захватили — называйте, как вам угодно, — позже, чем всю прочую чертовщину, какую вы записываете. Всего-то немного подождать, и мы восстановим утраченные знания. И не придется надрываться, демонтируя прежние движки и заменяя их новыми.

Спенсер тяжко покачал головой:

— Ланг уже все прикинул. В поступлении информации из ловушки нет никакого видимого порядка, никакой последовательности. Есть ве-

роятность, что ждать нужных знаний придется долго, очень долго. И нельзя даже примерно предсказать, сколько времени пройдет, пока информация не иссякнет. Ланг полагает, что ее там хватит на много лет. Но есть еще одна сторона медали. Надо бы улетать отсюда, и как можно скорее.

— Какая муха вас укусила, Спенсер?

— Не знаю.

— Вы чего-то боитесь. Что-то пугает вас до полусмерти.

Спенсер наклонился к капитану и, ухватившись за край столешницы обеими руками, почти повис на ней.

— Уоррен, в этой ловушке не только знания. Мы следим за записью, так что установили без ошибки. Там еще и…

— Попробую догадаться сам, — перебил Уоррен. — У ловушки есть индивидуальность.

Спенсер не ответил, но выражение его лица было красноречивым.

— Прекратите прослушивание, — резко приказал Уоррен. — Выключите все свои приборы. Мы улетаем отсюда.

— Но это же немыслимо! Как вы не понимаете? Немыслимо! Существуют определенные принци-

пы. Прежде всего мы…

— Не продолжайте, сам знаю. Вы люди науки. Но еще и круглые идиоты.

— Из башни поступают такие сведения, что…

— Выключите связь!

— Нет, — ответил Спенсер упрямо. — Не могу. И не хочу.

— Предупреждаю, — мрачно произнес Уоррен, — как только кто-либо из вас начнет обращаться в инопланетянина, я убью его без колебаний.

— Хватит дурить!..

Спенсер резко повернулся и вышел из каюты. Оставалось слушать, стремительно трезвея, как его ботинки пересчитывают ступеньки трапа.

Вот теперь Уоррену было окончательно все ясно. Ясно, отчего предыдущий корабль стартовал отсюда в спешке. Ясно, почему экипаж бросил свои припасы, почему инструменты валялись там, где их обронили при бегстве.

Через несколько минут снизу притащился Лопоухий и принес огромный кофейник и пару чашек. Пристроил чашки на столе, наполнил их и с грохотом поставил кофейник рядом.

— Айра, — возвестил Лопоухий, — это был черный день, когда ты бросил пить.

— Почему?

— Потому что на свете нет никого, нет и не будет, кто мог бы надираться так лихо, как ты.

Они молча прихлебывали горячий черный кофе. Потом Лопоухий изрек:

— Мне все это по-прежнему не по нутру.

— Мне тоже, — согласился с коком Уоррен.

— Это ведь всего половина рейса…

— Рейс окончен, — заявил Уоррен без обиняков. — Как только мы поднимемся отсюда, полетим прямиком на Землю. — Они выпили еще кофе, и капитан спросил: — Сколько народу на нашей стороне, Лопоухий?

— Мы с тобой да Мак с четырьмя своими механиками. Всего семь.

— Восемь, — поправил Уоррен. — Не забудь про дока. Старый док не участвовал ни в каком прослушивании.

— Дока считать не стоит. Ни на чьей стороне.

— Если дойдет до крайности, док тоже в состоянии держать оружие.

Когда Лопоухий удалился, Уоррен какое-то время сидел, размышляя о предстоящем долгом пути домой. Слышно было, как команда Мака гремит, снимая старые движки. Наконец Уоррен встал, привесил к поясу пистолет и вышел из каюты

проверить, как складываются дела.

Мистер Мик — мушкетер
Перевод А. Орлова

1

Оливер Мик обнаружил, что теперь, когда дело сделано, ему нелегко объяснить свой поступок.

Заикаясь под пытливым взглядом мистера Ричарда Бельмонта, президента «Лунной экспортной», он пролепетал:

— Это путешествие я планировал много лет…

— Но ты ведь вернешься, Оливер. Зачем увольняться? Мы вполне могли бы дать тебе отпуск.

Оливер Мик с виноватым видом переступил с ноги на ногу.

— Я могу и не вернуться… Видите ли, это не совсем обычное путешествие. Оно может продлиться очень, очень долго. По дороге многое может случиться. Я ведь хочу облететь Солнечную систему.

Откинувшись в кресле, мистер Бельмонт рассмеялся.

— Ну конечно! Это вполне обычный круиз. Совершенно безопасный. Не о чем беспокоиться.

Пару лет назад я и сам слетал. Было здорово!

— Это не обычный круиз, мистер Бельмонт. Я полечу на собственном корабле.

Бельмонт выпрямился в кресле.

— На собственном корабле?!

— Да, сэр, — смущенно подтвердил мистер Мик. — Я более тридцати лет откладывал деньги… на корабль и на прочее. Некоторые говорят, навязчивая идея…

— Понимаю. Ты спланировал все заранее.

— Да, сэр. Спланировал.

Оливер Мик, как всегда, выразился очень осторожно. Откуда мистеру Бельмонту знать, как седой и сутулый бухгалтер тридцать лет мечтал и копил? И надо ли ему это знать?

Тридцать лет горбиться над гроссбухами и калькуляторами, глядя, как в космопорте за окном стартуют корабли. Тридцать лет прислушиваться к обрывкам разговоров людей, управляющих этими кораблями. О, эти люди и эти корабли, припорошенные пылью далеких планет! Корабли, покрытые вмятинами и шрамами, и люди, говорящие на особом языке…

Тридцать лет сводить захватывающие приключения к сухим бездушным цифрам. Тридцать лет регистрировать в бухгалтерских книгах

удивительные грузы и еще более удивительные истории. Тридцать лет смотреть, как уходящие корабли оставляют оплавленные воронки на летном поле. Тридцать лет стоять на самой кромке настоящей жизни, но ни разу не перешагнуть ее.

Мистер Бельмонт ни за что не понял бы, а Оливер Мик не смог бы выразить словами романтику дальних странствий, которая гложет сердце стареющего бухгалтера. Сердце, прикованное к земле, но вечно стремящееся в небо…

И кому нужен рассказ о вечерних занятиях, сначала по космической навигации, потом по ракетным двигателям, а потом по искусству пилотирования?

Или об упражнениях с пистолетом перед зеркалом, о тренировках в тире?

Или о ночах, проведенных за чтением книг о дальних мирах?

— Сколько тебе лет, Оливер? — спросил Бельмонт.

— Через месяц исполняется пятьдесят, сэр.

— Может быть, все-таки пассажирский лайнер?.. Есть отличные туры. Все очень удобно, и…

Мистер Мик покачал головой. Глаза за толстыми стеклами очков упрямо блеснули.

— Круизы мне не подходят, сэр. Я собираюсь

побывать там, куда лайнеры не летают. За тридцать лет я упустил немало возможностей. Я ждал достаточно долго и теперь лечу, чтобы своими глазами взглянуть на то, что целую жизнь видел лишь во сне.

Оливер Мик толкнул дверь «Серебряной луны», робко переступил порог и остановился, оглушенный. В воздухе висела едкая пелена дыма венерианского табака, пахло незнакомыми напитками, разливался серебряный смех марсианских танцовщиц, стрекотали шарики на колесах рулетки, стучали покерные фишки, и разноязыкий гомон мешался с экзотической музыкой Ганимеда.

Мистер Мик моргнул и осторожно двинулся вперед. За столиком в дальнем углу сидел и мочил усы в кружке дешевого пива седой ветеран пояса астероидов. Мистер Мик бочком подобрался поближе и взялся за спинку свободного стула.

— Не возражаете, если я присяду?

Стиффи Грант поперхнулся от изумления.

— Садись, мне-то что? Это не мое заведение, — прохрипел он.

Мистер Мик присел на краешек стула и осмотрелся. Ноздри его щекотал запах табачного дыма, крепких напитков, мужского пота и дешевых

духов танцовщиц. Он поправил пояс, на котором висели два бластера, и уселся как следует.

Так вот он какой, Астероид-Сити на Юноне… Город, о котором Оливер Мик столько читал. Город, который авторы бульварного чтива так часто используют в качестве декораций для самых кровавых историй. Город, где стволы изрыгают огонь, на улицах валяются трупы, а перестрелки начинаются из-за одного неосторожно оброненного слова, из-за девки или неправильно сданной карты.

Туристические маршруты обходят такие места стороной. Для туристов хороши такие города, как Гастапан на Марсе или Радиум-Сити на Венере… Даже Сателлит-Сити на Ганимеде годится. Цивилизованные, до блеска вылизанные мегаполисы, мало чем отличающиеся от Нью-Йорка, Чикаго или Денвера. Другое дело — здесь… Здесь и кровь сама собой начинает бежать быстрее, и мурашки по спине…

— Ты у нас впервые, а? — спросил Стиффи.

Мистер Мик подпрыгнул на стуле, но сразу же взял себя в руки:

— Да, впервые. Но я всегда хотел здесь побывать! Я много читал…

— А про нашего Астероидного Мародера чи-

тал?

— По-моему, да. В каком-то журнале. Нелепые рассказы…

— Никакие не нелепые! — с жаром возразил Стиффи. — Я видел его прямо сегодня, после обеда. А эти идиоты мне не верят!

Все это время мистер Мик присматривался к своему собеседнику. Тот с виду вроде бы не был похож на «плохого парня». Впрочем, то же самое можно сказать о ком угодно. Конечно, грубоват немного, но ведь и «хорошие парни» этим грешат.

— Может, выпьете со мной? — неожиданно для себя предложил мистер Мик.

— Спрашиваешь! Выпить я никогда не отказываюсь.

— А что будем пить?

— Эй, Джо! Налей-ка нам по глоточку! — громким голосом потребовал Стиффи.

— Что это за зверь такой — мародер? — спросил мистер Мик.

— Астероидный Мародер. Эти идиоты считают, что такого просто не бывает, но я-то знаю! Я его только сегодня видел, своими глазами, и слава богу, что успел ноги унести! Выскочил из-за здоровенной скалы и прямо на меня! Я ему полный

заряд в морду влепил, а ему хоть бы хны. Ну, после такого дела я больше уж времени не терял, прыгнул в свою посудину и смылся. Вот…

— А на что он похож?

Стиффи навалился на стол и погрозил пальцем:

— Мистер, ты мне все равно не поверишь. А я не вру, видит Бог! Это такая тварь с клювом на морде. Глазастая. Эти глаза… Кажется, замешкаешься на секунду, и они тебя уже не отпустят. Нет, правда, за ними будто сидит кто-то, кто хочет с тобой поговорить. Огромные, как блюдца, и горят, как угли. А эти грязные рудокопы надо мной только посмеялись, когда я попробовал рассказать. Сказали, что у страха глаза велики. Очень смешно им было.

Зверюга эта ростом с небольшой дом. Туловище как бочка, шея длинная, голова маленькая, зато зубы громадные. Хвост тоже есть, по земле волочится. Я тогда искал Затерянную шахту, видишь ли…

— Затерянную шахту?

— Ну да. А ты что, никогда не слыхал о Затерянной шахте? — Стиффи от удивления опять поперхнулся пивом.

Оливер Мик покачал головой. Может, это как

раз одна из тех историй, которыми здесь морочат головы зеленым новичкам? И что прикажете делать в этом случае?

Стиффи тем временем повольготнее устроился на своем стуле.

— Уже много лет, — объявил он, — слухом о Затерянной шахте земля полнится. Говорят, пара старателей нашла ее и сделала заявку через несколько лет после того, как был построен первый защитный купол. Они заявили о находке, запаслись продовольствием и отправились обратно к шахте. Больше их никто никогда не видел.

Стиффи опять навалился на стол.

— И знаешь, что я об этом думаю?

— Нет, — ответил мистер Мик. — И что же вы об этом думаете?

— Это Мародер их сцапал, вот!

Мистер Мик не стал углубляться в предмет.

— Но откуда бы здесь взяться затерянной шахте? — спросил он. — В конце концов, Астероид-Сити — одна из первых старательских баз, и до ее основания тут геологической разведки не проводилось вовсе…

Стиффи помотал головой:

— Откуда мне знать? Может, кто-то из тех, кто

высадился здесь в самом начале, нашел жилу, а на Землю так никогда и не вернулся…

— Но ведь диаметр Юноны — всего сто восемнадцать миль! — возразил мистер Мик. — Любую заброшенную разработку уже давно бы нашли.

Стиффи фыркнул:

— Ну да, сто восемнадцать миль… Все вы тут умные. Беда в том, что это самые скверные сто восемнадцать миль, на какие ступала нога человека. Ни одного ровного места, знаешь ли.

Наконец прибыла выпивка. Сначала у мистера Мика перехватило дыхание от цены, затем — от самого напитка. Осторожно отдышавшись, он спросил:

— Что это такое?

— Бокка. Добрая старая марсианская бокка. Пей бокку — грудь будет волосатая!

Стиффи с удовольствием выпил, выдохнул через рот и с подозрением посмотрел на своего собеседника:

— Ну как?

— Замечательно! — соврал мистер Мик. — Очень понравилось.

Он закрыл глаза и с мужеством отчаяния сделал еще глоток. До него донесся голос Стиффи:

— Перекинемся в картишки?

Мистер Мик открыл было рот, чтобы согласиться, но тут же закрыл его. Кто знает, что из этого выйдет? Нет, ему спешить некуда.

— Боюсь, я не очень-то хороший игрок. — Он покачал головой. — Разве что в покер по маленькой…

Стиффи некоторое время смотрел на мистера Мика в недоумении, затем захохотал, как будто до него дошла соль.

— Покер по маленькой! Ну ты даешь! Может, ты и с бластерами своими умеешь обращаться?

— Немножко. Тренировался перед зеркалом.

Стиффи покатился со смеху и перевел дух, только когда из глаз покатились слезы. Интересно, почему?

У Стиффи на руках был «полный дом», тузы и короли. Глаза у него мерцали, как у кота, примеривающегося к блюдцу со сливками.

К этому времени за столом оставались только двое: Стиффи и джентльмен с елейными манерами по имени Люк. Ставки неуклонно росли, и остальные сочли за благо не рисковать. Мистер Мик стоял за спиной Стиффи не дыша: вот она, настоящая жизнь! Сидя в тесной выгородке над калькуляторами и пыльными гроссбухами «Лунной экспортной», о таком и мечтать не при-

ходится…

На протяжении часа мистер Мик смотрел, как переходят из рук в руки деньги, каких ему не довелось заработать за всю жизнь. Переходят из рук в руки по капризу одной-единственной карты.

Капризу ли? Мистеру Мику как-то попалась на глаза статья о шулерских приемах. Не это ли самое сейчас происходит? Похоже, этот Люк сдает карты как раз так, как описано в той статье.

Люк поморщился.

— Ну все, открываемся, — объявил он. — Боюсь, мне с вами не тягаться.

Стиффи торжествующе открыл свои карты.

— Что скажешь? Я весь вечер этого ждал!

Стиффи протянул к деньгам мозолистую руку, но Люк жестом остановил его:

— Прошу прощения.

Он открыл свои карты, выкладывая их на стол одну за другой. Тройка, четверка… и еще одна за другой три четверки.

Стиффи сглотнул комок в горле и потянулся к бутылке, но мистер Мик его опередил, накрыв деньги рукой.

— Минутку, джентльмены! Я тут кое-что припомнил…

Наступила мертвая тишина. Мистер Мик смот-

рел Люку прямо в глаза.

— Объяснитесь, мистер! — потребовал картежник.

Мистер Мик смешался.

— Простите мою опрометчивость! Сущие пустяки, быть может. Вот только эта сдача…

Люк вскочил, одним движением отбросив стул. Зрители мгновенно расступились, не желая оказаться на линии огня. Бармен спрятался под стойкой. Стиффи с воплем сорвался со стула и поскользнулся на натертом полу.

Мистер Мик успел заметить, как рука Люка рванулась к оружию на поясе. Ситуация, когда бездействие противопоказано…

Он не вспомнил о тренировках перед зеркалом. Он не подумал о сотнях книжек, полных оружейной премудрости. Он действовал почти инстинктивно.

Руки пришли в движение, как шатуны, освобождая оба бластера, каждый из своей кобуры.

В то время как ствол чужого бластера еще только поднимался кверху, мистер Мик немного опустил ствол своего левого и нажал на спуск. Раздался металлический визг, и к бластеру в руке Люка метнулась голубая молния. Оружие шулера немедленно раскалилось докрасна.

Но мистер Мик уже оглядывал толпу зевак. Чья-то рука схватила бутылку со стойки и замахнулась для броска. Бластер в правой руке выстрелил, и бутылка разлетелась на миллион осколков, а содержимое превратилось в облако пахучего пара.

Мягко, как кошка, мистер Мик стал отступать, сверкая ледяным взглядом из-за толстых стекол очков: сутулые плечи опущены, узкий подбородок смахивает на челюсть стального капкана.

Он уперся спиной в стену и замер. Никто не шевелился; Люк баюкал свою обожженную руку, лицо его было перекошено от злобы. Под ногами у шулера дымился бесполезный бластер.

Остальные во все глаза таращились на мистера Мика, пытаясь понять, кого же они перед собой видят. Чужак. Одет, как никто здесь сроду не одевался. С виду — клерк или фермер на покое. Сутулый заморыш в очках, явно ни разу не попадавший под лучи солнца в открытом космосе.

И при этом опередил Люка Блейна и так толково его обезоружил. А ведь Люк первым выхватил бластер!

Оливер Мик услышал собственный голос, но не поверил своим ушам, да и доносились слова будто издалека. Похоже, кто-то другой завладел

его голосовыми связками.

— У кого-нибудь еще есть ко мне вопросы?

Вопросов решительно ни у кого не оказалось.

2

Трудно подыскивать подходящие слова, когда тебя подняли ни свет ни заря такие настойчивые собеседники.

Мистер Мик сел на краешек постели, как был, в мятой ночной рубашке, из-под которой торчали костлявые ноги.

— Я вам не Билли Кид, я простой отставной бухгалтер! — отпирался он. — Я первый раз стрелял в живого человека. Представить себе не могу, что на меня нашло.

Преподобный Гарольд Браун будто не слышал.

— Как вы не понимаете, сэр! Вас теперь уважают. Эти бандиты не станут с вами связываться. Вы вполне можете вернуть город добропорядочным гражданам. А сейчас всем здесь заправляет Блэки Хоффман со своей шайкой! Ни о нормальном городском самоуправлении, ни о нормальной жизни говорить не приходится. Они обложили данью каждого предпринимателя, грабят и обманывают шахтеров и старателей, создают условия для процветания порока…

— Словом, все, что вам нужно сделать, — это выгнать Блэки и его банду из города! — со своей стороны радостно подвел черту Эндрю Смит.

— Вы не понимаете… — попытался возразить мистер Мик.

— Пять лет назад, — как ни в чем не бывало продолжал преподобный, — я бы не стал спешить бороться с пороком грубой силой. Ни я, ни моя церковь — не сторонники такого подхода. Но я уже пять лет несу сюда Благую весть, пытаюсь бороться за улучшение качества жизни — бесполезно. С каждым годом все хуже и хуже.

— Здесь можно наладить настоящую жизнь! — воскликнул неунывающий Эндрю Смит. — Вот только надо избавиться от нежелательных элементов. Прекрасные возможности, приток капитала, приличные переселенцы… Возникнут новые социальные институты, например «Ротари-клуб»…

Мистер Мик в отчаянии поджал пальцы на ногах.

— Вы заслужите вечную благодарность граждан Астероид-Сити! — Преподобный Браун был очень убедителен. — Мы уже пробовали, но ничего не получалось…

— Они всегда или убивали нашего челове-

ка, — с энтузиазмом пояснил Эндрю Смит, — или запугивали, или просто подкупали.

— Но такого, как вы, у нас еще не было! — объявил преподобный Браун. — У Люка Блейна очень скверная репутация, и в ссоре с ним никто до сих пор не успевал выхватить оружие первым…

— Мы вас приведем к присяге в качестве шерифа, — поддержал Эндрю Смит. — Должность четвертый месяц как свободна. Не можем найти желающих.

— Вы что-то путаете, — тоскливо возразил мистер Мик. — Прежде всего, я не собираюсь задерживаться здесь надолго. Я только хочу увидеть своими глазами Астероидного Мародера и немного осмотреться в округе — вдруг найду какой-нибудь из тех древних камней, о которых мне приходилось читать. На них, говорят, есть странные надписи на неизвестном языке. Исследователи считают, что надписи сделаны совсем недавно, незадолго до того, как мы сами здесь высадились, но только прочитать их никто не может. Кто это был и откуда?

— Так наше дело не займет много времени! — не сдавался Эндрю Смит. — Ордера на всю компанию уже выписаны. Осталось только предъявить!

— Вы меня совсем не слушаете… Это простая

случайность, что я выбил оружие из рук мистера Блейна.

В сердце мистера Мика на месте глухого отчаяния начал наконец закипать гнев. Какое право имеют эти люди с ножом к горлу требовать, чтобы он решал их проблемы? За кого они его принимают? Что он им — знаменитый головорез или межпланетный контрабандист? Еще один гангстер, покруче здешних? И все только потому, что ему повезло в «Серебряной луне»…

— С меня довольно! — объявил он. — Ничего я делать не буду!

Только тут его гости наконец-то собрались уходить. Вид у них был весьма обиженный.

— Наверное, нам и не следовало тешить себя несбыточными надеждами, — не без яду сказал преподобный Браун на прощание.

В «Серебряной луне» было тихо. Бармен неторопливо протирал стойку бара, а мальчишка с Венеры столь же неторопливо подметал пол. Никто не танцевал, и не играла музыка. Посетителей почти не было.

Стиффи опрокинул стакан и произнес короткую речь:

— Оливер! Ты управляешься с бластерами, как бесхвостая росомаха со своими когтями! Я все

думаю, может, ты поделишься секретом?

— Послушайте, мистер Грант! Меня все только об этом и спрашивают, я устал! Это был просто счастливый случай. А интересует меня на самом деле Астероидный Мародер, о котором вы мне рассказывали. Скажите, это очень редкий зверь? Можно просто наткнуться на него, если пойти погулять за городской чертой?

Стиффи поперхнулся и побагровел.

— Мало тебе Люка Блейна! Теперь надо с Мародером познакомиться!

— Ну, зачем обязательно знакомиться… Можно посмотреть издалека.

— В этом что-то есть, — согласился Стиффи. — На Мародера лучше всего смотреть в стереотрубу. Хорошую, мощную стереотрубу.

В бар зашел новый посетитель и направился прямо к столику, за которым сидели Стиффи и мистер Мик. Воинственно задрав черную бороду, он представился:

— Я — Блэки Хоффман. Мик, я полагаю? — На Стиффи он внимания не обратил.

Мистер Мик встал.

— Рад нашему знакомству, мистер Хоффман.

Блэки не без удивления пожал протянутую руку.

— Почему я тебя не знаю? О таких, как ты, всегда ходят слухи.

Мистер Мик покачал головой.

— Ничего удивительного. Я ведь и правда не делал вещей, о которых говорят…

— Присаживайся! — не то предложил, не то приказал Хоффман.

— Мне пора идти! — пискнул Стиффи уже на полдороге к двери.

Хоффман налил себе и подвинул бутылку к Мику. Мистер Мик мысленно стиснул зубы и налил себе — немного.

— Не вижу смысла ходить вокруг да около, — сказал Блэки. — Думаю, мы друг друга хорошо понимаем.

Мистер Мик на самом деле ничего не понял. Отвечать, однако, надо.

— Полагаю, да, — согласился он.

— Так вот, — сказал Блэки Хоффман, — я тут создал компактный, эффективный бизнес, и мне не нужны конкуренты.

Мистер Мик решил проглотить свою порцию выпивки. Получилось.

— Но как раз для парня вроде тебя я всегда найду работу. Люк говорит, что ты ловко обращаешься с бластерами.

— Тренируюсь иногда, — признался мистер Мик.

В бороде Блэки Хоффмана блеснула улыбка.

— Здесь у нас прекрасное, тихое место. Отцы города ничего не делают — боятся, я подозреваю. С шерифами либо случаются неприятности, либо они сами куда-то исчезают. С нами не приходится тужить: работы немного, деньги легкие. Подумай.

— Мне очень жаль, — ответил мистер Мик. — Я не могу.

Блэки Хоффман опечалился.

— Послушай, Мик: ты или с нами, или нет. Мы двоедушных не любим, и мы знаем, что делать с теми, кто разевает рот на чужой кусок. Я не знаю, кто ты и откуда взялся, но скажу прямо и просто: не хочешь к нам присоединяться — дело твое. Но если назавтра ты не исчезнешь из нашего города, я не обещаю тебе… своего покровительства.

После продолжительной паузы мистер Мик спросил:

— Вы хотите сказать, что я должен покинуть город, если не вступлю в вашу банду?

— Совершенно верно, старина, — кивнул Хоффман. — Именно это я и хочу сказать.

Мистер Мик обиделся. Кто такой этот Хоффман,

чтобы указывать ему на дверь? Это свободная Солнечная система или что? Мистер Мик начал понимать, о чем говорил преподобный Браун. Может, это место и правда стоит вернуть добропорядочным гражданам?

Мистер Мик разгневался так, что ему стало немножко не по себе. Надо сказать, он почти никогда в своей жизни не сердился.

Он не спеша поднялся из-за стола и поправил пояс.

— Должность шерифа в этом городе уже некоторое время свободна, не так ли?

Хоффмана этот риторический вопрос развеселил.

— В самую точку! И желающих ее занять не сыщешь. Последний шериф дезертировал. Предпоследнего кто-то убил. А его предшественник вообще исчез непонятно куда…

Мистер Мик сверкнул близорукими глазами.

— Неприемлемое положение дел, не правда ли? — сдержанно произнес он. — Его необходимо изменить.

Улицы были тихи и безлюдны. Это были нехорошие тишина и безлюдье: от них отчетливо пахло неприятностями.

Оливер Мик протер шерифскую звезду рукавом

и посмотрел вверх. Сквозь толстое кварцевое стекло купола на бархатно-черном небе ярко сияли звезды. Света хватало, чтобы различить каменные стены, вздымающиеся над вершиной купола. Как и все астероидные поселения, Астероид-Сити был построен на дне глубокого каньона — так был меньше риск попадания метеорита. В свете звезд на могучих утесах были хорошо видны ужасные шрамы, оставленные природными бронебойными снарядами на протяжении геологических эпох.

Новоиспеченный шериф оглядел улицу. Впереди горели огни «Серебряной луны». Мистер Мик ощупал нагрудный карман; в нем хрустели многочисленные бумаги. Ордер на арест Джона Хоффмана за убийство, Люка Блейна за убийство, Джима Смизерса за стрельбу в неположенном месте, Джека Лумиса за нанесение телесных повреждений и Роберта Блейка за разбойное нападение.

Мистеру Мику стало страшно: в «Серебряной луне» его ждала смерть — достаточно покинуть эту тихую улицу, повернуть вращающуюся дверь и переступить порог.

В голове зашевелились недоуменные вопросы. Что он здесь вообще делает? Как попал в эту ис-

торию? Что ему до судьбы Астероид-Сити?

Он погорячился… поддался порыву гнева, когда Блэки Хоффман велел ему убираться вон.

Нет, в самом деле: днем раньше, днем позже… Все равно он не собирался здесь засиживаться. В самом Астероид-Сити смотреть уже не на что, остались только Мародер и те камни с надписями, но разве без них нельзя обойтись?

Можно просто повернуться спиной к «Серебряной луне» — до корабля несколько минут ходу. Топлива хватит до Ганимеда, до старта никто ничего не заметит, а после старта… Какая разница, что о нем будут думать?

Некоторое время мистер Мик стоял, отчаянно споря с собой, потом двинулся в сторону «Серебряной луны».

В полумраке входа показался темный силуэт, угрожающе блеснула сталь. Руки шерифа рванулись к рукояткам бластеров и замерли в воздухе: в спину ему уперлось что-то твердое.

— Ну-ну, шериф! — произнес чей-то глумливый голос. — Мы сейчас спокойно повернемся и пойдем в другую сторону.

Чьи-то руки освободили мистера Мика от бластеров. Он повернулся и пошел в другую сторону. Сбоку и сзади скрипели чьи-то шаги, но похити-

тели молчали.

— Куда вы меня ведете? — спросил мистер Мик, стараясь унять дрожь в голосе.

Кто-то рассмеялся:

— Маленькая экскурсия, шериф. По Юноне. Ночью она смотрится здорово!

Юнона не смотрелась здорово. По большей части она никак не смотрелась, потому что ничего не было видно. В ложбинах лежали черные тени, и только вершины гор мерцали, как миражи, в тусклом свете звезд.

Корабль сел на плато между гребнем с острыми, как иглы, вершинами и глубоким, залитым тьмой каньоном. Похитители вывели пленника наружу.

— Прибыли, шериф! — объявил чей-то жизнерадостный голос. — Остаешься здесь. Солнце взойдет над горным хребтом — вон там. Восход солнца на Юноне — зрелище незабываемое.

Похитители двинулись обратно к кораблю. Мистер Мик дернулся было следом, но его остановил отблеск на стволе бластера.

— Вы оставляете меня здесь?! — Мистер Мик кричал.

— Ну разумеется! Ты же хотел посмотреть Солнечную систему, верно?

Спиной вперед, похитители один за другим погрузились в корабль, не выпуская оружия из рук. На глазах у оцепеневшего мистера Мика люк закрылся. Мгновение спустя взревели двигатели и бывшего шерифа сбили с ног реактивные струи.

Поднявшись на ноги, он бездумно проследил за ракетными выхлопами, пока те не исчезли из виду, неуклюже шагнул вперед и остановился. Идти-то некуда… и делать тоже нечего.

Мистера Мика захлестнули волны страха, не сравнимого ни с чем, испытанным прежде. Ужасали и мерцающие вершины, и угольно-черные тени, и безумное сияние немигающих звезд.

Он попытался взять себя в руки. Как раз такой страх сводит с ума затерявшихся в пространстве. Мистер Мик об этом читал, да и люди рассказывали… Одиночество, световые годы пустоты и страх перед неведомым, который всегда крадется за тобой по пятам…

— Сидел бы ты лучше дома, Мик, — сказал он себе.

Вскоре рассвело — действительно совсем не так, как на Земле. Просто побледнели звезды, и когда самая большая из них — Солнце — показалась над горными вершинами, начали растворяться чернильные тени. Звезды так окончательно и

не погасли, только серебристый свет растекся по скалам, и горы перестали казаться висящими в пустоте призраками.

С одной стороны над плато нависали зазубренные скалы, с другой зияла бездонная пропасть. Где-то справа упал метеорит. Вспышка была беззвучной, но камень под ногами содрогнулся.

Глупо бояться метеоритов, сказал себе мистер Мик. Есть более серьезные проблемы.

Воздуха оставалось меньше чем на восемь часов, в какой стороне Астероид-Сити — неизвестно, понятно только, что до него идти и идти, и вовсе не по гладкому асфальту. Еды и воды тоже нет, но так ли это важно? Воздух кончится гораздо раньше, чем начнутся рези в желудке.

Мистер Мик выбрал подходящий камень и присел, чтобы подумать. Думалось плохо. Куда ни кинь, всюду клин. Безнадежно.

Вот бы ему с самого начала обойти Астероид-Сити стороной! Или, по крайней мере, не лезть не в свое дело. Например, не хвастаться познаниями в шулерских приемах. Еще лучше — не становиться шерифом. Или хотя бы не упрямиться, когда Блэки Хоффман порекомендовал ему сматывать удочки.

Мистер Мик решил, что такие мысли — пустая

трата времени, и начал осматриваться.

Утес справа оказался любопытным: у его основания зияла широкая и глубокая щель, как будто гигантский дровосек хотел срубить гору, да передумал и бросил это дело. Мистер Мик осторожно, чтобы не взлететь, поднялся на ноги и направился вдоль подошвы утеса туда, где плато расширялось. Щель, заполненная густыми тенями, становилась все шире и глубже.

Внезапно он замер, затаив дыхание.

В темноте, под горой, что-то блеснуло, будто отраженным светом. Огоньки двигались.

Что-то рванулось навстречу. Бочкообразное туловище, длинная шея, зубастая пасть и ужасные светящиеся глаза. Да, Стиффи описал Астероидного Мародера очень точно…

Не сдержав бесполезного крика, мистер Мик повернулся и побежал. Качая головой на длинной, похожей на хлыст шее, Мародер устремился вдогонку.

Гравитация на Юноне низкая, и бегать здесь можно только длинными, величественными прыжками. И все же мистер Мик уже задыхался, когда от грохота в наушниках заложило уши. Он поднял голову. Корабль! Тормозит и садится!

В сердце мистера Мика вспыхнула надежда.

Он оглянулся назад — и надежда тут же угасла. Мародер едва не дышал ему в затылок.

Очередного прыжка не получилось: ноги, от которых он потребовал слишком многого, просто подогнулись. Мистер Мик рухнул на камни и прикрыл шлем руками.

За минуту до чудесного спасения — все кончено! Сейчас его не станет…

Текли секунды, но ничего не происходило. Мистер Мик привстал на четвереньки и огляделся.

Корабль стоял на краю плато; из открытого люка спускалась фигура в скафандре, а Мародер, изменив курс, галопом бежал ей навстречу. Фигура скачками понеслась к мистеру Мику — с бластером наперевес и воплем ужаса на весь эфир:

— Да беги же, черт бы тебя побрал! Беги! Он же сейчас нас обоих…

— Стиффи! — закричал мистер Мик. — Ты прилетел за мной!

Старатель приземлился рядом и рывком поднял Мика на ноги.

— За тобой, за кем же еще! Я так и думал, что эти бандиты устроят тебе сюрприз, вот и держался неподалеку, следил за обстановкой. — Стиффи потянул Мика за руку. — Давай, Оливер, некогда

нам здесь рассиживаться.

Мистер Мик почему-то выдернул руку и закричал:

— Нет, ты только посмотри на него!

Мародер забыл о людях и вплотную занялся кораблем. Он грыз обшивку. Получалось хорошо. Лист за листом отрывался от шпангоутов: Мародер будто чистил апельсин.

— Эй! — заорал Стиффи. — Что ты делаешь! Убирайся отсюда, сраная…

Мародер повернулся к людям, не выпуская из пасти толстый электрический кабель.

— А вот щас тебя током убьет! — с надеждой пообещал Стиффи. — И поделом тебе!

Однако никакого электрического удара не последовало. Мародер жевал кабель, и в глазах его светилось блаженство.

Стиффи прицелился:

— Вали оттуда, а то я тебе сейчас шкуру попорчу!

Игриво, почти танцуя, Мародер отошел в сторону.

— Он понял! — задохнулся от удивления мистер Мик.

— Чего? — недоуменно нахмурился Стиффи.

— Он отошел от корабля, как ты ему и сказал!

Стиффи фыркнул:

— Держи карман шире. Да он и услышать нас не мог. Рассуди сам, зачем в вакууме уши? Думаю, он просто прикидывает, с кого из нас начинать.

Мародер решился и затрусил к людям, болтая взад-вперед головой на длинной шее.

— Шевелись! — крикнул Стиффи мистеру Мику и поднял бластер.

Голубой луч ударил Мародеру в голову, но тот даже не сбился с ноги. Бесшумный в пустоте, луч казался бутафорским. Он просто утонул между глаз чудовища, бесследно и безвредно.

— Беги, идиот! — прохрипел Стиффи. — Мне его не задержать!

Мистер Мик бежать не стал. Вместо этого он шагнул вперед и поднял руку.

— Стой! — крикнул он.

3

Мародер с готовностью затормозил всеми четырьмя ногами и остановился, пройдя значительное расстояние юзом.

У Стиффи отвисла челюсть. Некоторое время все трое стояли неподвижно.

Мистер Мик вытянул руку и потрепал Мародера по массивному плечу. До холки рука не

доставала.

— Хороший мальчик! — сказал он. — Хороший мальчик!

— Отойди, идиот! — в ужасе прокричал Стиффи. — Один хороший глоток, и поминай как тебя звали!

— Пустяки. Он никого не тронет. Ему просто кушать хочется.

— Этого-то я и боюсь!

— Ты не понял, — возразил мистер Мик. — Ему нужна энергия, а не мы. Стрельни-ка еще раз.

Стиффи тупо посмотрел на бластер в своей руке.

— А ты совершенно уверен, что он не обидится?

— Уверен! При попадании луч обычно рассыпается брызгами, верно? А ты хоть одну искорку видел? Он его просто впитал. А кабель? Он его прямо как младенец пустышку… Я так думаю, в твоих аккумуляторах уже пусто.

— Чего?

— Он питается энергией. Через кабель он высосал ее из твоей посудины. А за тобой он гонялся, чтобы спровоцировать на стрельбу.

Забыв про шлем, Стиффи попытался схватиться за голову.

— Ну вот и все, нам хана! — объявил он. — Стартовать без нескольких листов обшивки можно было попробовать, а без энергии куда мы денемся?

— Тише, тише… Посмотри-ка сюда!

Стиффи осторожно приблизился к зверюге.

— Что там еще?

— Знаки на его плече. — Мистер Мик указал пальцем в перчатке. — Здесь где-то есть камни с надписями, я про них читал в книжке. Надписи сделаны точно такими же знаками, и никому еще не удалось их прочитать. Автор книжки считал, что их оставили пришельцы с другой планеты, может, даже не из Солнечной системы.

— Ну и ну! Не думаешь ли ты…

— Именно думаю! — заявил мистер Мик уверенно. — Когда-то давно сюда прилетели инопланетяне — вместе с Мародером. И почему-то бросили его здесь. Может быть, он просто робот и на борту ему не хватило места, а может, с ними самими что-то случилось…

— Точно! — перебил Стиффи. — Вот именно! Робот. Настроенный на телепатические волны. Потому-то он тебя и понимает!

— Я так и подумал, — согласился мистер Мик. — Надо полагать, телепатические волны всегда

одинаковые, люди ли их испускают, или... еще кто.

На Стиффи внезапно снизошло озарение.

— Затерянная шахта! А вдруг это пришельцы ее пробурили? Тогда... может, эта тварь могла бы показать нам дорогу! Было бы здорово!

— Может?..

Мистер Мик в задумчивости снова потрепал Мародера по каменному плечу. Этого робота создала неизвестная раса из неизвестного сектора пространства, притом неизвестно когда. Кто знает, зачем его построили и почему оставили? Может, его не выбросили, не потеряли, а оставили умышленно?

Оливер Мик потряс головой. Об этом можно будет как следует поразмыслить потом, в космосе, во время очередного межпланетного перелета.

Космос! Мистер Мик вздрогнул и поднял голову к черному небу. Потускневшие звезды, казалось, насмехались над ним.

— Кислород... — прошептал он упавшим голосом. — Стиффи...

— Что такое?

— У меня кислорода осталось меньше половины, а корабля у нас нет...

— Еще не легче! Славно же мы влипли... Зна-

чит, нам надо в Астероид-Сити. И быстро.

Мик внезапно оживился:

— Стиффи! А что, если… верхом на Мародере?

Старатель отшатнулся, но мистер Мик подхватил его под руку.

— Давай-давай! Другого пути нет! Нам нужно в город, а Мародер хорошо бегает.

Стиффи тоскливо замычал в ответ.

— Ну-ка подсади меня! — потребовал мистер Мик.

Старатель послушался. Мистер Мик оседлал широкую металлическую спину и помог забраться компаньону.

— Н-но, блохастый! — Бывшему шерифу стало весело.

Хотя на самом деле радоваться было рано. Стоило бы сначала подумать, любит ли Мародер, чтобы на нем ездили верхом. Что, если он сочтет это оскорблением действием?

К счастью, буйствовать Мародер не стал. Он недоуменно потряс головой и обернулся на седоков, явно не понимая, чего от него хотят.

— Давай, давай! Пошел! — Мистер Мик стукнул рукоятью бластера по крупу монстра.

Тот наконец тронулся. Пейзаж начал смазываться от скорости, когда Мародер перепрыгнул

огромный валун и поскакал галопом по узкому, извилистому карнизу, оскальзываясь на поворотах. На широкой, гладкой спине ухватиться было совершенно не за что, и седоки удерживались лишь чудом.

— Стиффи, а ты уверен, что мы скачем именно в Астероид-Сити?

— Будь спокоен! Он же читает наши мысли! Стало быть, знает, куда нам надо…

— Хотелось бы верить, — ответил мистер Мик с надеждой в голосе.

Мародер стремительно вписался в очередной крутой поворот, и остроконечные пики на горизонте тошнотворно мотнулись.

Мистер Мик распростерся на спине монстра лицом вниз, отчаянно пытаясь не слететь на острые камни внизу. Улучив момент, он бросил взгляд в сторону. Иззубренный хребет на близком горизонте был похож на добротный придорожный забор.

Оливеру Мику стоило немалых усилий держаться с достоинством, гарцуя по главной улице Астероид-Сити на спине Мародера.

Тротуары были запружены толпой, оцепеневшей от изумления.

Стиффи, разглядевший знакомое лицо, торже-

ствующе прокричал:

— Скажи-ка мне еще раз, засранец, что Мародер — это моя выдумка!

Заметив преподобного Гарольда Брауна и Эндрю Смита, мистер Мик поднял тяжелую, как в кошмарном сне, руку и приветливо помахал. По крайней мере, он надеялся, что получилось приветливо. Ни к чему им знать, что его сейчас ноги не держат.

Эндрю Смит помахал в ответ и что-то прокричал, а преподобный Браун так и остался стоять столбом, разинув рот.

«До нынешнего дня я о таком только в книжках читал, — подумал мистер Мик. — Герой-победитель въезжает в родной город верхом на верном коне». Он вдруг почувствовал укол в сердце: с каких это пор герой-победитель стал узкоплечим немолодым счетоводом, сгорбившимся от тридцати лет сидения над бухгалтерскими книгами? Герой молод, красив и сидит в седле прямо и уверенно…

С тротуара сошел человек с бластером в руке, и до мистера Мика дошло, что они поравнялись с «Серебряной луной».

Блэки Хоффман.

«Ну вот, — подумал мистер Мик. — Сейчас я

получу за все сполна. Изображал из себя большую шишку, демонстрировал остроумие, глубокие познания в карточных играх и умение стрелять, а также послужил обществу на высокой должности шерифа…»

Горькие мысли не помешали ему гордо расправить плечи и решительно встретить взгляд Блэки Хоффмана. А как иначе? Во всех книжках герои поступают именно так. А он, черт побери, и есть герой, хочется ему этого или нет.

Улица замерла. В воздухе разлилось предчувствие крупных неприятностей.

В наступившей тишине раздался решительный голос Хоффмана:

— Где твои бластеры, Мик?

— А то ты не знаешь! — Голос мистера Мика звучал ровно. — Они у твоих людей.

— Ну, так одолжи у Стиффи! — огрызнулся Хоффман. — Тебе-то они не надолго понадобятся! — Хоффман злобно захохотал.

Мистер Мик кивнул. Он протянул руку за спину, не сводя глаз с противника, принял оружие и плотно сжал рукоятку.

Забавно, подумал он. Мне бы сейчас вспотеть от страха, но нет — спокоен, как тем вечером в «Серебряной луне». Удивительно, как оружие

меняет человека.

Но шансов у мистера Мика все-таки не было, он это видел. Бластер еще надо вывести из-за спины — Хоффман успеет выстрелить раньше. Странно, но страх почему-то не приходил…

В тусклом солнечном свете блеснул ствол, из которого тут же вылетел голубой луч. Тем бы все дело и кончилось, но произошло невозможное: луч искривился и, вместо того чтобы снести череп мистеру Мику, аккуратно вошел между глаз Мародера.

Монстр затанцевал от удовольствия.

— Надо же! — задохнулся от изумления Стиффи. — Он еще и притягивает! Если ты сам не попал, он схватит и притянет! Прямо громоотвод какой-то!

На лице Блэки Хоффмана отразилась целая гамма чувств: сначала недоумение, потом недоверие и, наконец, что-то очень похожее на страх. Луч погас, и бластер упал на мостовую. Мародер замер.

— Ну что, Хоффман? — негромко спросил мистер Мик.

Лицо Блэки Хоффмана исказилось.

— Слезай со своей ящерицы и дерись как мужчина!

— Нет, — спокойно ответил мистер Мик. — Потому что поединка не получится. Получится, я против всей твоей банды.

Медленно, шаг за шагом, Мародер двинулся вперед. Хоффман некоторое время пятился, пытаясь сохранять достоинство, потом не выдержал и с криком ужаса пустился наутек.

— Взять его! — рявкнул мистер Мик.

И Мародер взял, сделав молниеносный выпад длинной шеей. Взял аккуратно, как и имел в виду Оливер Мик.

Мародер ухватил Блэки Хоффмана за штаны, и теперь тот раскачивался в воздухе, завывая в бессильной ярости и, вполне вероятно, в ужасе. Изящно, как цирковая лошадь, Мародер развернулся и рысцой возвратился к дверям «Серебряной луны», неся свой груз легко и элегантно. Публике представление скорее понравилось.

Блэки Хоффман затих, толпа же, наоборот, зашумела. Под сводом защитного купола заметались одобрительные возгласы. Мародер слегка взбрыкнул и плавно покачал головой сверху вниз, встряхивая свою добычу.

Мистер Мик поднял руку, требуя тишины, и обратился к Блэки:

— Мистер Хоффман, прикажите вашим людям

— всем людям! — выйти на середину улицы, так, чтобы их было хорошо видно.

Хоффман выругался.

— Встряхни его еще разок, — приказал мистер Мик.

Мародер встряхнул, и Блэки взвыл, беспомощно размахивая руками и ногами.

— Зараза! Выходите на улицу! Делайте, как сказано!

Никто не пошевелился.

— Блейн! — заорал Хоффман. — Выходи! И ты, Смизерс! Лумис, Блейк!

Они медленно вышли на середину улицы, по одному, ни на кого не глядя, а потом по приказу мистера Мика сложили оружие в кучу на мостовой. Мародер выпустил Блэки Хоффмана, и тот присоединился к своим бойцам.

Мистер Мик кивнул Эндрю Смиту, стоявшему на краю тротуара:

— Вот, мистер Смит. Все до одного, как вы и хотели.

— Чистая работа, — заметил Стиффи. — Даже как-то скучно.

Осторожно, стараясь не тревожить ноющие кости, мистер Мик спустился со спины Мародера. Как ни удивительно, но ноги его пока держали.

Кто-то распахнул двери «Серебряной луны», и раздался нестройный многоголосый крик:

— Угощение! Угощение для наших героев!

— Думаете, откажусь? — пробормотал себе под нос Стиффи, облизываясь.

Мистера Мика хлопали по спине, кричали в уши комплименты — да так громко, как если бы он стоял на другой стороне главной улицы, — называли старым волком и другими лестными именами.

Он попробовал выпятить грудь — впрочем, без особого успеха. Эта бокка… Хорошо бы остаться в живых.

Кто-то потянул мистера Мика за рукав. Преподобный Браун.

— Вы собираетесь оставить это чудовище прямо на улице? Оно ведь такого может наделать!..

— Ну что вы! — возразил Стиффи. — Он же ласковый, как котенок. Его даже привязывать не надо.

Не успел Стиффи договорить, как Мародер поднял голову, принюхался, как легавая, и сорвался с места.

— Ты куда? — заорал Стиффи. — Стой, падаль косоглазая!

Мародер только прибавил шагу.

Мистер Мик похолодел. Он хотел было что-то сказать, не смог и нервно сглотнул. Он понял. Электростанция! Как раз там, куда направилась эта скотина. Не только тепло и свет, но и кислород!

Электростанция и один очень голодный робот иностранного производства.

— Звезды милосердные! — Мистер Мик наконец обрел дар речи.

Оставив преподобного Брауна, он бросился следом за Мародером, но ни догнать, ни остановить того не было никакой возможности.

Вскоре мистер Мик сорвал дыхание и перешел на шаг. Сзади пыхтел Стиффи, а следом подтягивалось все население Астероид-Сити.

Далеко впереди раздался визг рвущейся стали: Мародер добрался-таки до электростанции.

Стиффи нагнал мистера Мика и прохрипел:

— Догадываешься, что с нами за это сделают? Надо как-то выманить его оттуда.

— И как же?

— Черт бы меня побрал, если я знаю! — ответил Стиффи.

В стене зияла рваная дыра, из которой торчал круп Мародера. Персонал разбежался, рассудив, что жизнь дороже. Оголенные провода в дыре

искрили.

4

Тяжело дыша, мистер Мик и Стиффи остановились за полквартала до станции. Торчащий из дыры в стене хвост Мародера подергивался от удовольствия.

— Лучше бы мы там и погибли, как подобает старым космическим волкам! — объявил Стиффи. — Боюсь, что здесь нас ждет мученическая смерть…

Сзади послышались торопливые шаги, и на плечо мистера Мика опустилась чья-то рука. Эндрю Смит, задыхающийся и красный как рак.

— Так и будете стоять и смотреть? — заорал он.

— Изучаю ситуацию, мистер Смит. Мы сейчас что-нибудь придумаем.

— Он обязательно придумает! — поддержал Стиффи. — Вы только его не отвлекайте. Если обещал, сделает обязательно! Обещал ведь поймать Блэки, и поймал! Мародера тоже… Он…

— Ага! Еще он сказал, что эту зверюгу не надо привязывать. Никуда, мол, не денется…

— Он этого не говорил! — вступился Стиффи за мистера Мика. — Это я сказал.

— Какая мне разница! — завопил Эндрю

Смит. — У меня деньги вложены в эту электростанцию, на которой, кстати, держится жизнь всего города! И я знаю, кто виноват! Это вы привели его сюда. Я на вас в суд подам, на обоих!..

— Заткнись! — огрызнулся Стиффи. — Не мешай ему своим нытьем.

Смита затрясло.

— Нытьем? Сейчас посмотрим!..

Он сжал кулаки и шагнул к Стиффи.

Тут мистер Мик в очередной раз сам себя удивил. Ладонью в перчатке он грубо толкнул Эндрю Смита в лицо. Скажи ему кто на Земле, что Оливер Мик на такое способен… Смит не удержался на ногах, шлепнулся на седалище, да так и остался сидеть в уличной пыли, лишившись дара слова.

Не оглядываясь, мистер Мик решительно направился к Мародеру. Он понятия не имел, как приступить к делу, но что угодно лучше, чем стоять вот так, в озлобленной толпе.

А ведь и линчевать могут! Мистер Мик содрогнулся. Шутки шутками, но такое и сегодня случается… Особенно когда кто-то балуется с вещами, от которых зависит сама жизнь в космосе.

Могут, например, выгнать из купола с запасом кислорода на два часа. А могут…

— Беги обратно, старый дурак! — крикнул

Стиффи.

Внезапно земля под ногами зашаталась. Электростанция поехала куда-то в сторону, а потом мистер Мик обнаружил, что лежит на спине, глядя, как перед глазами пляшут конструкции купола.

Он с трудом встал на колени, но подняться на ноги не получилось: твердь астероида по-прежнему ходила ходуном.

Землетрясение, подумал он. Вот только откуда взяться землетрясению на Юноне? Малая планета промерзла насквозь миллиарды лет назад, ее недра мертвы, как сами просторы Вселенной, а на мертвых планетах землетрясений не бывает.

Краем глаза он заметил, что Мародер выбрался из дыры в стене и стоит, широко расставив лапы. Голова на длинной шее поднята высоко в воздух, на уродливой морде — выражение живого интереса.

Как только мистер Мик наконец встал на ноги, Мародер тут же рысью устремился к нему. Мистер Мик присел, балансируя на все еще неспокойной мостовой, и, когда Мародер поравнялся с ним, прыгнул — так энергично, что едва не перелетел через широкую спину чудовища. Оседлав Мародера, он протянул руку и помог забраться Стиффи.

Толпа широко расступилась, давая дорогу скачущему во весь опор Мародеру.

— Откройте шлюз! — прокричал Стиффи.

— Откройте шлюз! — подхватила толпа.

Стук копыт Мародера, несущегося к выходу из-под купола, был подобен ударам молота. Впереди раскрылись внутренние ворота шлюза. Как только Мародер влетел под своды входного туннеля, раскрылись внешние ворота, и на несколько секунд свист и вой воздуха, вырывающегося во внешний вакуум, заглушил все остальные звуки.

Мистер Мик и Стиффи оказались снаружи, едва успев надеть шлемы своих скафандров.

Меньше чем в полумиле от купола на дне каньона лежал огромный валун, возвышавшийся не менее чем на сто футов. Мародер направился прямиком к нему.

— Оливер! Его здесь раньше не было! Смотри, он весь проход перегородил!

По черной поверхности гигантского камня бежали тусклые зеленые огоньки. У мистера Мика перехватило дыхание.

— Стиффи… — прошептал он.

— Ну конечно! — подхватил Стиффи. — Метеорит! И в нем полно радия!

— А упал только что. Вот откуда землетрясение!

И как только купол остался цел…

— Нам лучше держаться подальше. К нему без свинцовых экранов подходить нельзя.

Мистер Мик просто позволил себе соскользнуть со спины Мародера, прикрыв шлем скафандра руками. Он упал, покатился, несколько мгновений пролежал неподвижно, оглушенный ударом, потом выполз из тени высокой скалы под свет звезд.

Стиффи сидел в каменном крошеве, потирая лодыжки.

— Ободрал маленько, — признался он.

Мародер же был счастлив. Он уже доскакал до камня и терся об него, выгибая спину.

— Как кот, дорвавшийся до валерьянки! Это ж надо! — подивился Стиффи.

Внезапно старателя посетила какая-то мысль. Он встал и аккуратно отряхнул пыль со скафандра.

— А не пора ли нам заняться делом? — спросил он.

— Делом?

— Ну да! Вернемся в город и оформим заявку. Можно не беспокоиться, что кто-то успеет нас опередить: они тут все боятся Мародера до судорог и на пушечный выстрел не подойдут к камню.

Мистер Мик задумчиво разглядывал метеорит:

— Стоит больших денег, как ты думаешь, Стиффи? Столько радия, что аж светится…

— А как же! — радостно подтвердил старатель. — Поделим пополам, как партнеры!

— Я вот что тебе скажу… — сказал мистер Мик тихо, но решительно. — Бери все. Вычти сумму, необходимую для компенсации ущерба, нанесенного Мародером, и пусть это считается моей долей.

У Стиффи отвисла челюсть:

— Ты что хочешь сказать?

— Я улетаю, Стиффи.

— Улетаешь! Как раз когда мы нашли золотую жилу!

— Ты не понимаешь. Я прилетел сюда не для того, чтобы искать радий или арестовывать бандитов, и даже не для того, чтобы поймать Астероидного Мародера. Я просто путешествую, тихо и мирно. Никого не беспокою и не хочу, чтобы кто-то беспокоил меня.

— Ну, вот, — обиделся Стиффи. — Я-то думал, разберемся с радием, а там и попробуем заставить этого Мародера привести нас к Затерянной шахте…

Мистер Мик оживился:

— Знаешь, Стиффи, а я догадываюсь, где находится эта самая Затерянная шахта! Помнишь тот странный разрез у подошвы горы, где мы нашли Мародера? Он ведь сидел там, внутри, когда я его впервые увидел. Мне кажется, это она и есть.

Стиффи довольно ухмыльнулся:

— Так ты остаешься!

Мистер Мик покачал головой:

— Нет, я все-таки улетаю.

— Вот как… Ну ладно, вольному воля. Я положу твою половину в Первый Марсианский банк на Земле. Оставлю им мой адрес, вдруг ты захочешь со мной связаться.

— Ни к чему это! Ты только проследи, чтобы восстановили станцию.

Глаза Стиффи странно заблестели в звездном свете.

— Здесь на двоих вполне достаточно! Более чем. Ну что ж, иди.

И Мистер Мик пошел, направляясь к городу. Через некоторое время он повернулся и крикнул:

— Прощай, Стиффи!

— До свидания! — прокричал тот в ответ.

Мистер Мик испытывал противоречивые чувства. Ему хотелось сказать что-нибудь еще, выразить свою благодарность. Сказать Стиффи,

что тот стал ему другом на жизненном пути, где друзья встречались нечасто.

Но нужные слова не приходили. Все, что он мог придумать, звучало неуклюже и сентиментально.

Он решительно повернул в сторону космопорта. Он шел все быстрее и быстрее и наконец перешел на бег.

Надо убираться отсюда поскорее, пока он не влип в очередную историю! Нельзя испытывать судьбу до бесконечности. Такое везение просто не может продолжаться долго.

К тому же оставалась еще целая неизведанная Вселенная, по которой можно странствовать бесконечно, и все остальные места, которые еще предстоит повидать, как мистер Мик и планировал. У него свой корабль, а впереди — Солнечная система и все те удивительные вещи, о которых он мечтал, сидя в своей выгородке в офисе «Лунной экспортной».

Как он решил, так все и будет! Даст бог, следующая остановка окажется поспокойнее…

Оливер Мик удовлетворенно вздохнул: «Это ли не настоящая жизнь?»

Сосед
Перевод О. Битова

Места у нас в Енотовой долине — краше не сыщешь. Но не стану отрицать, что лежит она в стороне от больших дорог и не сулит легкого богатства: фермы здесь мелкие, да и земли не слишком плодородные. Пахать можно только в низинах, а склоны холмов годны разве что для пастьбы, и ведут к ним пыльные проселки, непроходимые в иное время года.

Понятное дело, старожилам вроде Берта Смита, Джинго Гарриса или меня самого выбирать не приходится: мы в этих краях выросли и давно распрощались с надеждой разбогатеть. По правде говоря, мы чувствуем себя не в своей тарелке, едва высунемся за пределы долины. Но попадаются порой и другие, слабохарактерные: чуть приехали, года не прожили — и уже разочаровались, снялись и улепетнули. Так что по соседству у нас непременно найдется ферма, а то и две на продажу.

Люди мы простые и бесхитростные. Ворочаемся себе в одиночку в грязи, не помышляя ни о слож-

ных машинах, ни о племенном скоте, а впрочем, что ж тут особенного: обыкновенные фермеры, каких немало в любом конце Соединенных Штатов. И раз уж мы живем обособленно и кое-кто по многу лет, то, пожалуй, можно сказать, что мы теперь стали как бы одной семьей. Хотя из этого вовсе не следует, что мы чураемся посторонних, — просто живем мы вместе так давно, что научились понимать и любить друг друга и принимать вещи такими, каковы они есть.

Мы, конечно, слушаем радио — музыку и последние известия, а некоторые даже выписывают газеты, но, боюсь, по натуре мы все-таки бирюки — уж очень трудно расшевелить нас какими-нибудь мировыми событиями. Все наши интересы — здесь, в долине, и нам, если говорить откровенно, недосуг беспокоиться о том, что творится за тридевять земель. Чего доброго, вы решите, что мы к тому же еще и консерваторы: голосуем мы обычно за республиканцев, даже не утруждая себя вопросом «почему», и сколько ни ищите, не найдется среди нас такого, у кого хватило бы времени отвечать на адресованные фермерам правительственные анкеты и тому подобную дребедень.

И всегда, сколько я себя помню, в долине у нас

все шло хорошо. Я сейчас не про землю, я про людей говорю. Нам всегда везло на соседей. Новички появляются что ни год, а вот поди ж ты: ни одного подонка среди них не попалось, а это для нас куда как важно.

Но, признаться, мы всякий раз тревожимся, когда кто-нибудь из нетерпеливых снимается с места и уезжает, и гадаем промеж себя, что за люди купят или арендуют опустевшую ферму.

Ферма, где жил когда-то старый Льюис, была заброшена так давно, что все постройки обветшали и порушились, а поля заросли травой. Правда, года три или четыре подряд ее арендовал зубодер из Гопкинс-Корнерс. Держал там кой-какую скотину, а сам наведывался только по субботам. А мы в своем кругу все думали, захочет ли там еще кто-нибудь пахать, но в конце концов даже думать перестали: ферма пришла в такое запустение, что мы решили — охотников на нее больше не сыщется. И вот однажды я заглянул в Гопкинс-Корнерс к тамошнему банкиру, представлявшему интересы владельцев, и заявил, что если зубодер не станет продлевать аренду, то я, пожалуй, не против. Но банкир ответил, что хозяева фермы, проживающие где-то в Чикаго, желали бы не сдавать ее, а продать совсем. Хотя

лично он ни на что подобное не надеется: кто же ее в таком виде купит!

Однако смотрим — весной на ферме объявились новые люди. А спустя какой-то срок узнаем, что ее все-таки продали и нового владельца зовут Хит, Реджинальд Хит. И Берт Смит сказал мне:

— Реджинальд, подумать только! Ну и имечко у нового фермера!..

Больше он, правда, ничего не сказал. А Джинго Гаррис, возвращаясь как-то из города, увидел, что Хит вышел во двор, и завернул к нему на часок. Сами знаете, такое меж добрыми соседями водится, и Хит вроде обрадовался, что Джинго завернул к нему, только тот все равно нашел, что новичок мало похож на фермера.

— Иностранец он, вот кто, — втолковывал мне Джинго. — С лица весь темный. Вроде как испанец или из какой другой южной страны. И откуда он только выкопал имя Реджинальд! Имя английское, а он никакой не англичанин…

Позже мы услышали, что Хит и не испанец даже, а откуда-то с самого края света. Но англичане, испанцы или кто там еще, а только он и его домашние показали себя работягами всем на зависть. Их было всего-то трое: он, жена да дочка лет четырнадцати, зато все трое трудились

от темна до темна — умело, старательно, ни к кому попусту не приставая. И мы стали их за это уважать, хотя наши дорожки пересекались не так уж часто. Не то чтобы мы того не хотели или они нас отваживали. Просто в таких общинах, как наша, новых соседей признают не сразу, а постепенно: они вроде как должны сами врасти в нашу жизнь.

У Хита был старый-престарый, латаный-перелатаный трактор, весь подвязанный проволочками, а уж тарахтел этот трактор — не приведи бог! Но едва земля подсохла достаточно, чтобы пахать, сосед принялся поднимать поля, совсем заросшие за долгие годы. Я частенько диву давался — уж не пашет ли он всю ночь напролет, потому что не раз слышал тарахтенье и тогда, когда уже собирался ко сну. Хоть это было не так поздно, как, может, покажется горожанину: мы здесь, в долине, ложимся рано, зато и встаем ни свет ни заря.

И вот как-то вечером пришлось мне выйти из дому в поисках двух пропавших телок — из тех неуемных, кому любой забор нипочем. Только представьте себе: время позднее, человек пришел с работы усталый, да еще и дождик моросит, и на дворе темно — хоть глаз выколи, а тут выясняется, что эти две телки опять куда-то запропастились,

и хочешь не хочешь, а надо подниматься и идти их искать. И на какие только хитрости я с ними ни пускался, а все без толку. Если уж телка пошла выкидывать номера, то хоть тресни, а ничего с ней не поделаешь.

Засветил я фонарь и отправился на поиски. Промучился часа два, а телки как сквозь землю провалились. Я было совсем отчаялся и решил возвращаться домой, как вдруг понял, что нахожусь чуть выше западной межи прежнего Льюисова поля. Теперь, чтобы попасть домой, мне короче всего было идти вдоль поля, а значит, можно и подождать чуток, пока трактор воротится с дальнего конца борозды, и заодно спросить Хита, не видал ли он этих чертовых телок.

Ночь выдалась темная, звезды попрятались за облаками, в верхушках деревьев шумел ветер, и в воздухе пахло дождем. Я еще сказал себе, что, наверное, Хит решил поработать сегодня лишний часок, чтобы закончить вспашку до дождя. Хотя нет, я уже тогда подумал, что он, пожалуй, усердствует через край. Он и так успел обогнать с пахотой всех остальных в долине.

Ну вот, спустился я с крутого склона и перешел ручеек, благо знал, где мелко. Но пока я искал это мелкое место, трактор сделал полную ходку

и ушел. Я поискал глазами, не мелькнет ли где свет от фар, но ничего не разглядел и рассудил, что света, должно быть, не видать за деревьями.

Потом я добрался до поля, пролез меж жердями ограды и зашагал через борозды трактору наперерез. Было слышно, как он повернул в конце поля и затарахтел обратно в мою сторону. Но странно: шум я слышал явственно, а света по-прежнему не было и в помине.

Я нашел последнюю свежую борозду и встал, поджидая, — и не то чтобы сразу встревожился, но все же подивился, как это Хит умудряется держать борозду, не зажигая огней. Помнится, я еще подумал тогда, что, может, у него глаза, как у кошки, и он умеет видеть в темноте. Теперь-то, когда вспоминаю про это, мне и самому смешно становится: с чего я, в самом деле, взял, что у Хита глаза, как у кошки, — но тогда мне было не до смеха.

Трактор тарахтел все сильнее, все ближе с каждой секундой — и вдруг как выскочит из темноты прямо на меня! Я испугался, как бы не попасть под колеса, и отпрыгнул ярда на два, если не на три. Да что там испугался — душа в пятки ушла, а только мог бы и не прыгать: стой я столбом, я тоже не оказался бы на дороге.

Трактор прошел мимо, и тогда я замахал фонарем и крикнул Хиту, чтобы притормозил. Но когда я махал фонарем, то поневоле осветил кабину — и обнаружил, что она пуста.

Сотня разных предположений пронеслась у меня в голове, но запала одна ужасная мысль: не иначе как Хит сверзился с трактора и лежит где-нибудь в поле, истекая кровью.

Я помчался вдогонку за трактором, чтоб успеть заглушить его прежде, чем он сойдет с борозды и врежется в дерево или еще куда-нибудь, да только чуточку припоздал и он достиг поворота раньше меня. И что бы вы думали — пошел на поворот сам собой, и так точно, словно вокруг был ясный день и за рулем сидел тракторист.

Вскочив на заднюю тягу, я уцепился за сиденье и кое-как влез наверх. Потом протянул руку и взялся за рычаг газа, хотел было заглушить двигатель, но, едва рука коснулась рычага, передумал. Трактор уже завершил поворот и сам собой пошел по новой борозде — но дело было не только в этом.

Возьмите вы любой старый трактор, который чихает, кашляет и гремит на ходу, угрожая развалиться на части, и полезайте в кабину — да у вас зубы тут же сведет от вибрации! Этот трактор

тоже чихал и кашлял честь по чести, а никакой вибрации не возникало. Он катился вперед плавно, как дорогой лимузин, и лишь слегка подрагивал, когда колеса наезжали на бугор или попадали в рытвину.

Так я и стоял, одной рукой придерживая свой фонарь, а другой сжимая рычаг газа — и не предпринимая больше ничего. А когда доехал до места, где трактор нацелился на новый разворот, то просто спрыгнул на землю и отправился домой. Искать соседа, лежащего бездыханным на поле, я не стал, потому что понял: Хита на поле не было и нет.

Мне бы сразу задаться вопросом, как же это все получается, только я не позволил себе тогда мучиться в поисках ответа. Должно быть, поначалу я был слишком ошарашен. Можно волноваться сколько влезет обо всяких пустяках, если они идут не так, как надо, но когда напорешься на что-то по-настоящему большое и непонятное, вроде этого трактора без тракториста, лучше уж сразу, без долгих слов, поднять руки вверх: все равно тебе с твоим умишком с такой загадкой не совладать, на это нет ни единого шанса из тысячи. Пройдет какое-то время — ты и вовсе позабудешь про встречу с загадкой. Раз ее нельзя

решить, остается только выкинуть ее из головы.

Я вернулся домой и еще постоял немного на дворе, прислушиваясь. Ветер разошелся не на шутку, и снова стал накрапывать дождь, но как только ветер чуть-чуть стихал, до меня по-прежнему доносилось тарахтенье трактора.

Когда я вошел в дом, Элен с ребятами уже крепко спали, так что я не мог никому ничего рассказать. А на следующий день, обдумав все хорошенько, и подавно не стал ничего рассказывать. Как сам теперь понимаю, главным образом потому, что мне все равно никто бы не поверил и я только навлек бы на себя кучу насмешек — уж соседи не упустили бы случая проехаться насчет автоматических тракторов.

Хит закончил пахоту, а затем и сев гораздо раньше всех остальных в долине. Всходы появились дружно, погода выдалась как по заказу. Правда, в июне вдруг зачастили дожди и никак не удавалось прополоть кукурузу — разве выйдешь в поле, когда земля вся насквозь сырая! Мы слонялись по своим усадьбам, подправляли заборы, занимались разной другой ерундой, поносили погоду и бессильно смотрели, как зарастают сорняками непрополотые поля.

То есть слонялись все, кроме Хита. У него куку-

руза была как на выставке — сорняки разве что в лупу и углядишь. Джинго не утерпел, завернул к нему и полюбопытствовал, как это у него получается, а Хит только усмехнулся в ответ тихой такой, беззлобной усмешечкой и заговорил о другом.

Наконец подошло время яблочных пирогов — яблоки хоть и были еще зеленые, но на пироги в самый раз, — а надо сказать, во всей долине никто не печет их лучше, чем Элен. Она у меня что ни год берет за свои выпечки призы на окружной ярмарке и очень этим гордится.

И вот как-то раз напекла она пирогов, завернула их в полотенце и отправилась к Хитам. У нас в долине так заведено — женщины частенько отправляются к соседям в гости со своей стряпней. Каждая со своим фирменным блюдом — такую они завели особенную, но в общем-то безобидную манеру хвастовства.

Вышло все как нельзя лучше, словно она с Хитами век была знакома. Даже домой припоздала, и мне пришлось самому собирать к ужину, а то ребятня уже крик подняла: «Мы голодные! Дадут нам когда-нибудь поесть?» — и всякое такое. Тут только она и заявилась.

Разговоров у нее теперь было — не остановишь.

И про то, как Хиты обновили дом: кто бы мог подумать, что можно так прибраться в такой развалюхе, и про то, какой они завели огород. Особенно про огород. Большой огород, рассказывала Элен, и прекрасно ухоженный, а главное — полный овощей, каких она в жизни не видела. Уж такие диковинные, рассказывала Элен, совсем не похожи на наши.

Мы поговорили про эти овощи еще чуть-чуть: наверное, мол, Хиты привезли семена оттуда, откуда сами приехали. Хотя, насколько мне известно, овощи есть овощи, где бы вы ни жили. Огородники выращивают одно и то же что в Испании, что в Аргентине, что в Тимбукту. То же самое, что и мы здесь. Да и вообще меня начали одолевать сомнения насчет новых соседей — кто они и откуда взялись.

Но на серьезные раздумья у меня тогда не хватило времени, даром что по округе уже поползли разные слухи. Подошел сенокос, потом поспел ячмень, и работы было по горло. Травы поднялись хорошо, и ячмень не подкачал, зато с видами на кукурузу, похоже, предстояло проститься. Началась засуха. Так уж оно случается, как нарочно: слишком много дождей в июне, слишком мало в августе.

Мы грустили, глядя на посевы, и вздыхали, глядя на небо, и с надеждой встречали любое облачко, только проку ни от одного из них не дождались. Бывают годы, когда Бог словно отворачивается от фермеров.

И тут в одно прекрасное утро заявляется ко мне Джинго Гаррис — и ну болтать о том о сем. Переминается с ноги на ногу, а от меня ни на шаг. Я себе работаю — чиню изношенную сноповязалку. Хоть и не похоже было, что она мне в этом году понадобится, а починить все равно не мешало.

— Джинго, — спросил я наконец, дав ему помаяться часок или чуть побольше, — признавайся, что у тебя на уме?

Тут-то он мне и выложил:

— А у Хита ночью выпал дождь.

— Как так? — откликнулся я. — Ни у кого другого дождя не было.

— Ты прав, — подтвердил Джинго. — Ни у кого не было, только у него одного…

А вышло так: возвращался он от Берта Смита, куда ходил одолжить бечевки для снопов, и решил махнуть напрямик через северное кукурузное поле Хита. Пролез сквозь ограду, глядь — а поле-то мокрое, как после сильного дождя.

«Ночью он, что ли, прошел?» — спросил себя

Джинго. Подумал, что тут что-то не так, но, в конце концов, дождь мог пролиться и узкой полосой поперек долины, хоть обычно дожди движутся у нас снизу вверх или сверху вниз, а уж никак не поперек. Но когда Джинго, пройдя поле краем, перелез через ограду на другой стороне, то увидел, что там тоже не было никакого дождя. Тогда он повернул и обошел все поле вокруг — и что бы вы думали? — дождь выпал лишь на самом поле и больше нигде. На поле — пожалуйста, а за оградой — ни-ни.

Обогнув все поле по меже, он присел на моток бечевки и стал гадать, что бы это значило. Но сколько ни гадай, тут все равно не было ни малейшего смысла, да что там — в такую минуту собственным глазам не поверишь.

Джинго у нас человек дотошный. Прежде чем делать выводы, он любит взвесить все за и против и вообще узнать все, что можно узнать. Он не стал пороть горячку, а отправился на другой участок, где Хит высеял кукурузу. Этот участок — на западной стороне долины, но и там тоже прошел дождь. То есть на самом участке прошел, а вокруг и не подумал.

— Ну и что ты на это скажешь? — спросил Джинго, и я ответил: не знаю, мол, что и сказать.

Чуть было не сболтнул ему про трактор без тракториста, да вовремя удержался. Сами посудите: что за выгода переполошить всю округу? Но только Джинго за ворота, я завел свою колымагу — и к Хиту, попросить на день-другой копалку для лунок. Нет, конечно, копать лунки я и в мыслях не держал, но должен же найтись какой-то предлог, чтобы наведаться к соседу без приглашения…

Говоря по правде, мне так и не привелось спросить про эту копалку. Когда я приехал к Хитам, я про нее и не вспомнил.

Хит сидел на крыльце, на ступеньках, и вроде бы очень обрадовался, завидев меня. Подошел прямо к машине, протянул мне руку и сказал:

— Рад тебя видеть, Кэлвин.

Сказал таким тоном, что я сразу почувствовал его дружеское расположение и свою значительность, что ли. Ведь он назвал меня Кэлвин, а все в долине зовут меня попросту — Кэл. Если честно, я не очень-то уверен, что кто-нибудь, кроме Хита, помнит мое полное имя.

— Пойдем, покажу тебе, что мы тут понаделали, — пригласил он. — Подлатали кое-что слегка…

«Подлатали» — явно не то слово. Все на ферме блестело и сверкало. Ну совсем как на тех фермах

в Пенсильвании или Коннектикуте, про которые пишут в журналах. Раньше дом и все надворные постройки были старые, облезлые, того и гляди рухнут. А теперь они выглядели солидно, прочно, так и лоснились от свежей краски. Разумеется, они не стали новыми, но приобрели такой вид, будто за ними всегда ухаживали на совесть и красили каждый год. Заборы были выправлены и выкрашены, сорняки выполоты, а безобразные кучи мусора расчищены или сожжены. Хит ухитрился даже собрать со всей фермы лом — бросовые ржавые железки — и рассортировать их.

— Работы было пропасть, — похвалился он, — но дело того стоило. Я привык к порядку. Люблю, чтоб везде была чистота…

Так-то оно, может, и так, но ведь он успел все это меньше чем за полгода! Приехал к нам в начале марта, а сейчас еще август не кончился, и за это время он не только засеял несколько сотен акров и выполнил на них все работы, но и обновил ферму. Ей-ей, говорил я себе, такого не бывает. Одному человеку такое просто не под силу, даже с помощью жены и дочки, даже если вкалывать двадцать четыре часа в сутки, не прерываясь ни на обед, ни на ужин. Разве что он научился растягивать время, чтобы каждый час стал равен

трем или четырем.

Я плелся за Хитом, а сам все думал про то, как бы тоже научиться растягивать время, и мне чертовски нравилось думать про это — а согласитесь, не часто случается, что глупые мимолетные мыслишки доставляют удовольствие. Ну, во-первых, думалось мне, с такими-то талантами можно любой день растянуть настолько, чтобы переделать всю работу, какая только найдется. А во-вторых, если время можно растягивать, то, верно, можно его и сжимать, и тогда визит к зубному врачу, например, пролетит в одно мгновение.

Хит повел меня в огород — и точно, Элен не соврала. Были там, конечно, и обыкновенные овощи — капуста, помидоры, кабачки и все остальные, какие есть в любом огороде, — но в придачу к ним было столько же других, каких я до того не видывал. Хит говорил мне, как они называются, и тогда эти названия были мне в диковинку. Теперь-то странно и предположить, что они были нам в диковинку. Теперь эти овощи растут у каждого фермера в долине, и нам сдается, что они росли здесь всегда.

Мы ходили по огороду, а Хит выдергивал и срывал свои диковинные овощи и складывал их в корзинку, которую таскал с собой.

— Постепенно ты их все перепробуешь, — говорил он. — Одни тебе сперва, наверное, придутся не по вкусу, зато другие понравятся сразу. Вот эту штуку едят в сыром виде, нарезав ломтиками, как помидор. А эту лучше сварить, хотя можно и запечь…

Мне хотелось спросить, где он раскопал эти овощи и откуда они родом, только он не давал мне и рта раскрыть: все говорил и говорил про то, как их готовить и какие можно держать всю зиму, а какие консервировать. А потом он дал мне погрызть какой-то корешок сырым, и вкус у корешка оказался отменный.

Мы дошли до самого конца огорода и повернули назад, и тут из-за угла дома выбежала жена Хита. Меня она, видимо, сначала не заметила или позабыла обо мне, потому что назвала мужа не Реджинальд и не Реджи, а каким-то другим, совсем иностранным именем. Я даже и пытаться не стану вспоминать, все равно не смогу — я и тогда-то не сумел бы повторить это имя, хоть оно и прозвучало всего секунду назад. Оно было просто ни на что не похоже.

Тут женщина заметила меня, перешла на шаг и перевела дыхание, а потом сказала, что сию минуту услышала по телефону ужасную новость:

младшая дочка Берта Смита, Энн, очень тяжко больна.

— Они позвонили доктору, — сказала она, — а он уехал по вызовам и теперь нипочем не успеет вовремя. Понимаешь, Реджинальд, симптомы напоминают…

И она произнесла еще одно слово, какого я никогда не слышал и, наверное, больше не услышу.

Я смотрел на Хита — и, клянусь, лицо у него побелело, даром что кожа была с оливковым оттенком.

— Скорее! — крикнул он и хвать меня за руку.

Мы побежали — он к своей древней, видавшей виды машине, я следом. Корзинку с овощами Хит швырнул на заднее сиденье, а сам прыгнул за руль. Я уселся рядом и хотел закрыть дверцу, только она не закрывалась. Замок отщелкивался, хоть плачь, и пришлось придерживать дверцу, чтоб не гремела.

Машина выскочила за ворота, словно ее кто наскипидарил, а уж шума она издавала столько, что впору оглохнуть. Как я ни тянул дверцу к себе, она упорно лязгала, и крылья дребезжали, и вообще я различал все шумы, какие можно ждать от древнего драндулета, и еще какие-то совершенно непонятные.

Меня опять подмывало задать соседу вопрос — теперь о том, что он собирается предпринять, — но никак не удавалось найти нужные слова. А если бы и удалось, то сомневаюсь, расслышал ли бы он мой вопрос за грохотом и дребезжаньем машины. Так что оставалось лишь цепляться за сиденье, а другой рукой пытаться удержать дверцу. И признаюсь, мне вдруг стало сдаваться, что машина громыхает сильнее, чем должна бы. В точности как старый расхлябанный трактор Хита — тот тоже тарахтит сильнее, чем положено любому трактору. Ну разве может издавать столько шума машина, обладающая таким ходом? Как на тракторе, так и здесь я не ощущал никакой вибрации от мотора, и, несмотря на грохот и лязг, мчались мы дай боже. Я уже упоминал, что дороги у нас в долине — далеко не сахар, и все же ручаюсь, что временами Хит выжимал не меньше семидесяти миль в час. При такой скорости мы должны были бы, говоря по чести, вылететь в кювет на первом же крутом повороте, а машина вроде бы только приседала и крепче вжималась в дорогу, и нас ни разу даже не занесло.

Мы затормозили перед домом Берта. Хит выскочил из машины и бросился бегом по дорожке, я за ним.

Эми Смит вышла нам навстречу, и было заметно, что она недавно плакала, а вообще-то она сильно удивилась при виде нас.

Какой-то миг мы стояли на крылечке молча, потом Хит заговорил — и странная вещь: на нем были обтрепанные джинсы и ковбойка в пятнах пота, вместо шляпы — колтун нечесаных волос, и тем не менее мне вдруг почудилось, что он одет в дорогой костюм и, приподняв шляпу, отвешивает Эми поклон.

— Мне передали, — сказал он, — что ваша девочка заболела. Не могу ли я ей помочь?

Уж не знаю, почудилось ли Эми то же, что и мне, только она отворила дверь и посторонилась, чтобы мы прошли.

— Сюда, пожалуйста.

— Благодарю вас, мадам, — ответил Хит и вошел в комнату.

Я остался с Эми, она повернулась ко мне, и на глаза у нее опять набежали слезы.

— Знаешь, Кэл, ей очень-очень плохо, — сказала она.

Я печально кивнул. Чары рассеялись, здравый смысл начал возвращаться ко мне, и я поразился безумию фермера, возомнившего, будто он может помочь маленькой девочке, которой очень-очень

плохо. И своему безумию тоже: почему я застрял на крыльце и даже не вошел в комнату вслед за ним?

Но тут Хит снова вышел на порог и тихонько прикрыл за собой дверь.

— Она заснула, — обратился он к Эми. — Теперь все будет в порядке.

И, не прибавив больше ни слова, зашагал прочь. Я поколебался, глядя на Эми и не представляя себе, что предпринять. Потом до меня дошло, что я не в силах ничего предпринять. И я решил уйти вместе с Хитом.

Обратно мы ехали с умеренной скоростью, но машина все равно бренчала и громыхала, как прежде.

— А бегает вполне прилично, — крикнул я, стараясь перекрыть грохот.

Он слегка улыбнулся и крикнул в ответ:

— Два дня вожусь — день езжу…

Когда мы добрались до фермы Хита, я вылез из его машины и пересел в свою.

— Погоди, ты забыл овощи, — бросил он мне вдогонку.

Пришлось вернуться за овощами.

— Большое спасибо.

— Не за что.

Тогда я поглядел ему прямо в глаза и сказал:

— Знаешь, было бы очень здорово, если бы нам сейчас дождаться дождя. Для нас это было бы просто спасение. Один хороший дождь — и кукуруза уцелеет…

— Заходи еще, — пригласил он. — Очень рад был потолковать с тобой.

И в ту же ночь над всей долиной прошел дождь, хороший проливной дождь, и кукуруза уцелела.

А маленькая Энн выздоровела.

Доктор, когда он наконец доехал до фермы Берта, объявил, что кризис миновал и дело идет на поправку. Какая-то вирусная инфекция, сообщил он. Столько их теперь развелось! Не то что в старые добрые времена, когда люди еще не баловались со всякими чудотворными снадобьями и вирусы не наловчились поминутно перерождаться. Раньше врачи по крайней мере знали, от чего они лечат, а теперь сплошь и рядом — черта с два…

Неизвестно, говорили ли Берт и Эми доктору про Хита, только, по-моему, вряд ли. С какой стати признаваться, что вашего ребенка вылечил сосед? Не дай бог, сыщется какой-нибудь умник, который выдвинет против Хита обвинение в незаконной медицинской практике, хотя такое

обвинение всегда чертовски трудно доказать. Но разговорчики по долине поползли все равно. Мне, например, рассказывали по секрету, что Хит, до того как осесть у нас, был известнейшим врачом в Вене. Разумеется, я ни во что подобное не верю. Да, наверное, и тот, кто придумал эту версию, сам в нее не верил, но так уж у нас в провинции ведется, ничего не попишешь.

На время эти россказни взбудоражили всю долину, а потом все улеглось. И само собой получилось, что Хиты стали для нас своими, словно жили рядом испокон веков. Берт взял за правило беседовать с Хитом на разные темы, а женщины принялись что ни день вызывать миссис Хит к телефону, чтоб она могла вставить словечко в круговой разговор, каким вечно заняты провода у нас в долине: чешут языки с утра до ночи, так что, если приспичило вызвать кого-нибудь по делу, сначала надо еще отогнать от аппарата этих балаболок. Осенью мы позвали Хита охотиться на енотов, а кое-кто из молодых парней стал помаленьку приударять за его дочкой. Все пошло так, как если бы Хиты и вправду были здесь старожилами.

Я уже говорил — нам всегда везло на соседей.

А когда все хорошо, то и время течет незаметно,

и в конце концов его вообще перестаешь ощущать. Именно так и случилось у нас в долине. Год шел за годом, а мы не обращали на них внимания. На хорошее никогда не обращаешь внимания, принимаешь его как нечто само собой разумеющееся. Нужно, чтобы настали другие, скверные времена — вот тогда оглянешься и поймешь, что раньше-то все было хорошо на удивление.

Но вот однажды, примерно год назад или, может, чуть больше, только-только я покончил с утренней дойкой, откуда ни возьмись у ворот — машина с нью-йоркским номером. В наших краях дальний номер встретишь нечасто, так я на первых порах подумал, что кто-то заблудился и притормозил спросить дорогу. Смотрю — на переднем сиденье мужчина и женщина, а сзади трое детишек и пес, и машина новехонькая, блестит, как на картинке.

Я как раз нес молоко из коровника, и когда хозяин выбрался из-за баранки, поставил ведра наземь и подождал, пока он подойдет.

Он был моложавый, с виду интеллигентный и держал себя как полагается. Сказал, что его фамилия Рикард и что он газетчик из Нью-Йорка, что сейчас он в отпуске, а к нам в долину завернул по пути на запад с целью кое-что уточнить.

Насколько мне помнится, газеты до сих пор никогда не проявляли к нам интереса. Так я ему и ответил. И еще добавил: у нас, мол, никогда и не случалось ничего такого, о чем стоило бы сообщить в газете.

— Да нет, я не ищу скандалов, — заверил меня Рикард, — если вы этого испугались, то зря. Просто меня занимает статистика.

Признаться, со мной частенько бывает, что я соображаю туже, чем следовало бы. Человек я по природе, пожалуй, неторопливый, но тут, едва он произнес «статистика», я сразу почувствовал, что дело табак.

— Я недавно работал над статьями о положении фермеров, — пояснил Рикард, — и в поисках материала копался в правительственных статистических сводках. Ну и скучища — в жизни, кажется, так не уставал…

— И что же? — спросил я, а у самого сердце оборвалось.

— А то, что я узнал занятные вещи об этой вашей долине, — продолжал он. — Сначала я чуть было не проморгал самого главного. Прошел мимо цифр и, в общем-то, не понял их смысла. Потом все-таки вернулся вспять, перепроверил цифры и взглянул на них новыми глазами. Ни-

каких подробностей в сводке, разумеется, нет, просто намек на что-то непонятное. Пришлось покопаться еще и выяснить кое-какие факты.

Я попробовал отшутиться, только он мне не позволил.

— Начнем с погоды, — сказал он. — Вы отдаете себе отчет, что на протяжении последних десяти лет у вас стояла идеальная погода?

— Да, погода была что надо, — согласился я.

— А ведь раньше было не так. Я проверял.

— Ваша правда, — опять согласился я. — За последнее время погода улучшилась.

— И урожаи у вас десять лет подряд самые высокие во всем штате.

— Высеваем кондиционные семена. Используем лучшие агротехнические приемы.

Он усмехнулся:

— Ну это вы бросьте. Агротехника у вас не менялась по меньшей мере четверть века.

Спору нет, тут он меня припер к стенке.

— Два года назад весь штат пострадал от нашествия ратных червей, — продолжал он. — Весь штат, кроме вас. Вас и эта напасть обошла стороной.

— Нам повезло. Помню, в тот год мы сами удивлялись, как нам повезло.

— Я заглянул в медицинскую статистику, — не унимался он. — Та же история. Десять лет подряд. Никаких болезней — ни кори, ни ветрянки, ни воспаления легких. Вообще ничего. За десять лет один-единственный случай смерти, и то по причине весьма преклонного возраста.

— Дедушка Паркс, — отозвался я. — Ему вот-вот стукнуло бы девяносто. Почтенный был старикан.

— Сами видите, — сказал Рикард.

Спорить не приходилось. У него в руках были точные данные. Мы не сознавали толком своей удачи, а он проследил все до истоков — и поймал нас с поличным.

— Ну и чего же вы от меня хотите? — спросил я.

— Хочу, чтобы вы рассказали мне про одного из ваших соседей.

— Я не сплетничаю про соседей. Если вас интересует кто-то из них, почему бы вам не обратиться к нему самому?

— Я и собирался, да не застал его дома. На ферме, что ниже по дороге, мне сказали, будто он уехал в город. Укатил со всей семьей.

— Реджинальд Хит, — сказал я. Играть дальше в молчанку было бессмысленно: Рикард и без

меня был достаточно осведомлен.

— Он самый. Я беседовал кое с кем в городе. И оказалось, что он ни разу не ремонтировал ни одну из своих машин: ни трактор, ни прицепные орудия, ни автомобиль. Так и пользуется ими с тех самых пор, как поселился на ферме. А ведь они и тогда были уже не новыми.

— Ухаживает за ними на совесть, — ответил я. — Сам латает, сам смазывает.

— Еще одно обстоятельство. С самого своего приезда сюда он не купил ни капли бензина.

Все остальное я, конечно, знал и без Рикарда, хоть никогда не давал себе труда задуматься над этим. А вот про бензин даже не догадывался. Видно, я не сумел скрыть удивления, потому что приезжий усмехнулся.

— Чего вы хотите? — повторил я.

— Чтобы вы рассказали мне, что вам известно.

— Поговорите с Хитом. Ничем не могу быть вам полезен.

И в тот же миг, как я произнес эти слова, пришло облегчение. Должно быть, я инстинктивно верил, что Хит выкрутится: уж он-то сообразит, как тут поступить.

Но после завтрака я нипочем не мог взяться за работу. Я собирался подрезать деревья в саду

— я и так откладывал это дело чуть не два года, и дольше оно терпеть не могло. А вместо подрезки я принялся размышлять о том, почему это Хит не покупает бензина, и вспомнил ту ночь, когда встретил трактор без тракториста. И еще мне вспомнилось, как необычайно ровно движутся трактор и машина Хита, невзирая на немыслимый шум, какой они издают.

В общем, отложил я ножницы и припустил прямиком через поля. Я же знал, что Хит со всем семейством подался в город, — впрочем, не думаю, что сумел бы остановиться, даже будь они дома. Нет, я все равно не усидел бы на месте. Потому что наконец-то понял, что этот самый трактор не давал мне покоя целых десять лет. Пришла пора разобраться, что к чему.

Трактор стоял на месте, в гараже, и я вдруг забеспокоился: а как залезть к нему в нутро? Но задача оказалась легче легкого. Я снял захваты и приподнял капот. И увидел, в сущности, то, что и ожидал увидеть, хотя, по правде сказать, не представлял толком, что именно откроется мне под капотом.

Там лежал брусок блестящего металла, чем-то напоминающий, пожалуй, куб из тяжелого стекла. Брусок был не слишком велик, но выглядел

массивно, и поднять его было бы, наверное, очень не просто.

Видны были и отверстия от болтов, которыми прежде крепился обычный двигатель внутреннего сгорания, а чтобы установить новый движок, поперек рамы была наварена прочная металлическая полоса. Поверх блестящего куба громоздился еще какой-то аппаратик. Я не стал тратить время и разбираться, как именно он работает, однако приметил, что он соединен с выхлопной трубой, и понял, что эта штука служит для маскировки. Знаете, как на ярмарочных аттракционах переделывают электрические вагончики под древние локомотивы, чтоб они пыхтели и выбрасывали клубы пара? Вот и это устройство было того же рода. Оно выбрасывало колечки дыма и тарахтело, как положено трактору.

Оставалось только диву даваться: если Хит придумал движок, работающий лучше, чем двигатель внутреннего сгорания, зачем же пускаться во все тяжкие, чтобы скрыть от людей свое изобретение? Да если бы у меня вдруг родилась такая идея, уж я бы своего не упустил! Нашел бы кого-то, кто согласился бы меня финансировать, наладил бы производство таких движков и в два счета разбогател бы до одури. Что мешало Хиту

поступить точно так же? Да ничто не мешало. А вместо этого он маскирует свой трактор, чтобы тот выглядел и тарахтел, как самый обыкновенный, и машину свою нарочно заставляет шуметь и греметь, чтобы никто не заметил мотора нового типа. Только он, честно говоря, перестарался. И машина и трактор у него гремят куда больше, чем надо. И самую существенную промашку он сделал, что не покупал бензина. На месте Хита я бы непременно покупал горючее, как простые смертные, а потом сливал бы его на помойку или сжигал…

Мне уже стало казаться, что Хит и вправду все время что-то скрывает, намеренно держится в тени. Словно он действительно сбежал из какой-то другой страны — или откуда-нибудь еще.

Я опустил капот и застегнул захваты, а выйдя из гаража, старательно прикрыл за собой ворота.

Вернувшись домой, я снова принялся за подрезку, а между делом обдумывал то, что увидел. И вдруг до меня дошло, что помаленьку я думал об этом с того самого вечера, как встретил трактор без тракториста. Правда, думал я урывками, не стараясь сосредоточиться, и потому ни до чего особенного не додумывался. А теперь додумался, и, если начистоту, мне бы обмереть от страха.

Но я не обмер. Реджинальд Хит был мой сосед — и хороший сосед. Мы вместе ходили на охоту и на рыбалку и помогали друг другу в пору сенокоса и молотьбы, и мне он нравился, по крайней мере, ничуть не меньше, чем многие другие. Да, конечно, он немного отличался от остальных, у него были странный трактор и странная машина, он вроде бы даже умел растягивать время — и с тех пор, как он поселился у нас в долине, нам везло на погоду и болезни обходили нас стороной. Все точно, но чего тут бояться? Если хорошенько знаешь человека, бояться нечего.

Ни с того ни с сего вдруг вспомнилось, как года два-три назад я однажды заехал к Хитам летним вечером. Было жарко, и вся семья вынесла стулья на лужайку — там казалось чуть-чуть прохладнее. Мне тоже предложили стул, и мы сидели и болтали ни о чем, вернее, обо всем, что приходило в голову.

Луна еще не взошла, зато звезд высыпало видимо-невидимо, и такие они были в тот вечер красивые, просто как никогда. Я показал Хиту на звезды и от нечего делать выложил ему все, что знал из астрономии.

— Они так далеко, — говорил я, — так далеко, что свет от них идет до нас годами. И каждая —

солнце, совсем как наше. А многие даже больше, чем наше солнце…

На этом мои познания о звездах заканчивались.

Хит задумчиво кивнул.

— Есть одна звездочка, — сказал он, — на которую я часто поглядываю. Вон та, голубая. Ну вроде как голубая, видишь? Видишь, как она мерцает? Словно подмигивает нам с тобой. Славная звездочка, дружелюбная…

Я сделал вид, будто понимаю, о какой звездочке речь, хотя на самом деле ничуть не был в этом уверен: их была на небе тьма-тьмущая, и почти все мерцали.

Тут мы заговорили о чем-то еще и забыли про звезды. По крайней мере, я начисто забыл.

После ужина ко мне заявился Берт Смит и рассказал, что Рикард наведывался к нему и задавал всякие каверзные вопросы и к Джинго тоже наведывался, а теперь намерен встретиться с Хитом, как только тот вернется из города. Берт от всего этого слегка расстроился, и я постарался его утешить.

— Горожане всегда нервничают по пустякам, — высказался я. — Не стоит беспокоиться.

Сам я если и беспокоился, то не слишком — чув-

ствовал, что Хит как-нибудь осилит такую задачу. Даже если Рикард и тиснет статейку в нью-йоркских газетах, нам от этого особой беды не будет. Енотовая долина от Нью-Йорка куда как далеко.

Я, признаться, считал, что больше мы Рикарда не увидим и не услышим. Только никогда я так жестоко не ошибался.

Около полуночи я проснулся оттого, что Элен трясла меня за плечо.

— Там кто-то стучится. Пойди узнай, что ему надо.

Пришлось натянуть штаны и надеть туфли, зажечь лампу и спуститься вниз. Пока я одевался, в дверь стукнули еще два-три раза, но, как только я зажег свет, утихомирились.

Я подошел к двери и отомкнул засов. На крыльце стоял Рикард, и держался он теперь отнюдь не так самоуверенно, как поутру.

— Извините, что разбудил, — сказал он, — но я, кажется, заблудился.

— Тут нельзя заблудиться! — отвечал я. — В долине одна-единственная дорога. Одним концом она упирается в шоссе номер шестьдесят, другим — в шоссе номер восемьдесят пять. Езжайте по дороге, и она выведет вас на то или другое шоссе.

— Но я еду уже четыре часа, — сказал он, — и не

могу найти ни того шоссе, ни другого!

— Послушайте, — отвечал я, — все, что от вас требуется, — это ехать прямо в любую сторону. Здесь просто некуда свернуть. Четверть часа — и вы на шоссе…

Я не скрывал своего раздражения — уж очень все это глупо звучало. И, кроме того, я не люблю, когда меня среди ночи вытаскивают из постели.

— Поверьте, я действительно заблудился! — воскликнул он с отчаянием. Пожалуй, он даже был на грани паники. — Жена перепугана до смерти, дети просто падают с ног…

— Ладно, — отвечал я, — дайте только надеть рубаху и завязать шнурки. Так и быть, провожу вас.

Он сказал, что предпочитает попасть на шоссе номер шестьдесят. Я вывел свою колымагу из гаража и велел ему ехать за мной. Может, я и был раздражен, но все-таки рассудил, что надо ему помочь. Он нам взбаламутил всю долину, и чем скорее он уберется восвояси, тем лучше.

Прошло, наверное, полчаса, прежде чем я начал догадываться, что дело и впрямь нечисто. Полчаса — это вдвое дольше, чем требуется, чтобы выбраться на шоссе. Но дорога выглядела как обычно, и вообще кругом не было ничего

подозрительного — если не смотреть на часы. Я поехал дальше. И через сорок пять минут очутился у порога собственного дома.

Как это получилось, я и сам не мог взять в толк, хоть убей. Я вылез из-за баранки и подошел к машине Рикарда.

— Теперь вы поняли, что я имел в виду? — спросил он.

— Мы, похоже, нечаянно повернули назад, — отвечал я.

Жена Рикарда, казалось, вот-вот забьется в истерике.

— Что происходит? — повторяла она пронзительным, визгливым голосом. — Кто-нибудь объяснит мне, что здесь происходит?

— Попробуем еще раз, — предложил я. — Поедем медленнее, чтобы не сделать снова ту же ошибку.

Я поехал медленнее. На этот раз мне потребовался час — и тем не менее я вернулся к воротам собственной фермы. Потом мы попытались выехать на шоссе номер восемьдесят пять — и через сорок минут были там же, откуда тронулись в путь.

— Сдаюсь, — сказал я Рикардам. — Вылезайте и заходите в дом. Сейчас сообразим, где вам посте-

лить. Вы переночуете, а с рассветом, глядишь, и дорога отыщется…

Я сварил кофе и нашел разной снеди для сэндвичей, а Элен тем временем приготовила постели на пятерых.

— Пес пусть ночует на кухне, — распорядилась она.

Я достал картонный ящик из-под яблок и уложил в него подстилку.

Пес был жесткошерстный фокстерьер, чистенький, маленький и очень забавный, а дети — такие же славные, как любые другие дети. Миссис Рикард, правда, опять было сорвалась на истерику, но Элен заставила ее выпить кофе, а я просто не позволил продолжать разговор о том, почему им не выбраться из долины.

— При дневном свете, — уверял я их, — от ваших страхов и следа не останется…

И действительно, после завтрака гости совершенно успокоились и как будто уже не сомневались в том, что сумеют отыскать шоссе номер шестьдесят. Они уехали без провожатых — и через час вернулись. Тогда я снова сел в машину и двинулся впереди них и не стыжусь признаться, что по спине у меня бегали мурашки.

Я внимательно следил за дорогой и внезапно

понял, что мы едем не к шоссе, а от шоссе обратно в долину. Я, конечно, тут же затормозил, мы развернулись и покатили в правильную сторону. Но минут через десять поняли, что нас опять развернуло. Сделали еще одну попытку — теперь мы буквально ползли, пытаясь заметить ту точку, где нас разворачивает. Напрасный труд — мы ничегошеньки не заметили.

Когда мы вернулись на ферму, я позвонил Берту и Джинго и попросил их подъехать ко мне. Они, в свою очередь, пробовали вызволить Рикарда, сначала порознь, потом оба вместе, но добились не большего, чем я. Тогда я попытался выбраться сам, без журналиста, следующего за мной по пятам, и — что бы вы думали? — выбрался без всяких приключений. Смотался на шоссе номер шестьдесят и обратно за полчаса. Я решил, что лед сломан, и сделал новую попытку вывести машину Рикарда, но не тут-то было…

К полудню мы установили все с полной точностью. Любой из старожилов мог преспокойно выехать из долины — любой, только не Рикард.

Элен уложила миссис Рикард в постель и дала ей успокоительного, а я отправился к Хиту. Он обрадовался мне и выслушал меня, но вот ведь незадача: пока я говорил, мне все вспоминалась

догадка, что он умеет растягивать и сжимать время. Когда я закончил, он помолчал минутку, словно взвешивал, верное ли решение принял.

— Странная это история, Кэлвин, — сказал он наконец. — Вроде бы и несправедливо, что Рикарды заперты в нашей долине помимо собственной воли. А если разобраться, для нас самих это удача. Рикард собирался написать про нас в газетах, и, если бы он исполнил свое намерение, мы сразу оказались бы в центре внимания. Сюда набежала бы куча народу — другие газетчики, чиновники, умники из университетов и просто любопытные. Они исковеркали бы всю нашу жизнь, а то еще стали бы предлагать нам за наши фермы большие деньги — много больше того, что они стоят на самом деле, — и погубили бы нашу долину. Не знаю, как тебе, а мне долина нравится как она есть. Она напоминает мне… ну, в общем, дорогое для меня место.

— Рикард может передать свою статью по телефону, — возразил я, — или переслать почтой. К чему задерживать его здесь, если статью все равно напечатают?

— Думаю, что не напечатают, — ответил он. — Да нет, я совершенно уверен, что он не станет ни передавать статью по телефону, ни посылать

по почте.

Я ехал к Хиту, чтобы, если понадобится, замолвить за Рикарда словечко, но поразмыслил хорошенько над тем, что услышал, и не стал ничего говорить.

В самом деле, если существует некий принцип или некая сила, которые поддерживают жителей долины в добром здравии, гарантируют им хорошую погоду и вообще облегчают жизнь, то, разумеется, все остальные на белом свете ничего не пожалеют, лишь бы заполучить такое чудо в свое распоряжение. Пусть это эгоизм, но я не верю, что подобный принцип или силу можно распределить так, чтобы хватило на всех. И если кому-то суждено использовать эту силу в своих интересах, то лучше уж пусть она останется на веки вечные здесь, в долине, где проявила себя впервые.

И еще одно: если мир услышит, что мы владеем такой силой либо принципом и не можем или не хотим ими поделиться, все затаят на нас злобу, да что там злобу, просто возненавидят нас, как лютых врагов.

Вернувшись домой, я поговорил с Рикардом и даже не пытался скрыть от него правду. Он вскипел и хотел было тут же двинуться к Хи-

ту выяснять отношения, но я ему отсоветовал. Ведь у него не будет никаких доказательств, и он окажется в идиотском положении: Хит, вероятно, станет вести себя так, словно вообще не понимает, о чем речь. Рикард сначала ерепенился, спорил, но в конце концов согласился, что я прав.

Заезжее семейство прожило у меня на ферме дней пять, и от случая к случаю мы с Рикардом делали пробные выезды, просто чтобы попытать счастья, но все было по-прежнему. Убедившись в этом, мы снова позвали Берта и Джинго и держали военный совет. К тому времени миссис Рикард немного оправилась от потрясения, дети вошли во вкус жизни на вольном воздухе, а что касается пса, тот определенно поставил себе целью загнать и облаять каждого кролика, сколько бы их ни нашлось в долине.

— Чуть повыше на склоне есть бывшая ферма Чендлера, — додумался Джинго. — Там давненько никто не живет, но она в приличном состоянии. Можно кое-что подновить, и будет очень удобно.

— Но я не хочу оставаться здесь! — запротестовал Рикард. — Не могу же я в самом деле переселиться сюда!

— Кто сказал «переселиться»? — вмешался

Берт. — Вам просто надо немного переждать. Придет день, обстоятельства переменятся, и вы свободно уедете куда захотите.

— Но моя работа!.. — воскликнул Рикард.

И тут слово взяла миссис Рикард. Нетрудно было догадаться, что происходящее нравится ей ничуть не больше, чем мужу, но в ней внезапно проснулся тот практический здравый смысл, каким подчас отличаются женщины. Она усвоила, что им суждено на время оставаться в долине, и постаралась выискать в таком повороте событий свои преимущества.

— А книга, которой ты вечно угрожал разродиться? — сказала она. — Вот тебе самый подходящий случай…

Это и решило дело.

Рикард послонялся еще немного, вроде бы собираясь с духом, хотя, право же, все было ясно и так. Потом он начал поговаривать о том, как хорошо у нас в долине: мир, тишина и никакой суеты, здесь, мол, только книги и писать…

Соседи сообща подновили ферму Чендлера, а Рикард позвонил в свою газету и под каким-то предлогом попросил отпуск. Еще он послал письмо в свой банк, чтоб ему перевели его сбережения, и засел за книгу.

Очевидно, ни в телефонных разговорах, ни в письмах он не позволил себе и намека на истинную причину, почему остался в долине, — и то сказать, это было бы попросту глупо. Так или иначе, никто не поднял вокруг его исчезновения ни малейшего шума.

А долина вернулась к обычным повседневным заботам, и после всех треволнений это было куда как приятно. Соседи делали за Рикардов все покупки, привозили им из города крупы, сахар и всякую всячину, а иногда глава семьи садился в машину и предпринимал очередную попытку выбраться на шоссе.

Но обычно он сидел за столом и писал и год спустя успешно продал свою первую книгу. Вы, возможно, даже читали ее — она называется «Прислушайтесь к тишине». Принесла ему немалые денежки. Правда, его нью-йоркские издатели чуть не рехнулись — никак не могли взять в толк, отчего он упорно отказывается высунуть нос из долины. Отказывается от лекционных турне, отвергает приглашения на званые вечера и обеды, короче, не принимает никаких почестей, вроде бы положенных автору нашумевшей книги.

И вообще успех не вскружил ему голову. К той поре, как книгу напечатали, Рикарда у нас знали

и любили все от мала до велика. И он жаловал всех, кроме, пожалуй, Хита. С Хитом он держался подчеркнуто холодно. Что ни день он подолгу бродил по округе — уверял, что ради моциона, но мне сдается, что именно во время прогулок он сочинил бóльшую часть своей книги. А то остановится у ограды и заведет с хозяином разговор о жизни — так с ним, собственно, все в долине и познакомились. Охотнее всего он рассуждал о тех временах, когда сумеет наконец вырваться из заточения, и мы, случалось, тоже подумывали, что, не ровен час, Рикарды нас и вправду покинут. Думали мы об этом с горечью, потому что из них получились хорошие соседи. Наверное, в нашей долине действительно есть что-то особенное, раз она заставляет людей поворачиваться к другим лучшей своей стороной. Я уже говорил — нам спокон века не попадались скверные соседи, а многие ли сегодня могут похвастаться тем же?

Как-то раз, по пути из города, заглянул я на минутку к Хиту поболтать, и пока мы с ним стояли, на дороге показался Рикард. По нему было сразу видно, что никуда он особенно не торопится, а просто гуляет. Он тоже остановился, мы потолковали на разные темы, а потом он возьми да и скажи:

— А знаете, мы решили никуда отсюда не уезжать.

— Ну что ж, прекрасно, — отозвался Хит.

— Вчера вечером, — продолжал Рикард, — мы с Грейс стали, как обычно, обсуждать, что будем делать, когда уедем отсюда. И вдруг запнулись, переглянулись и поняли, что вовсе не хотим никуда уезжать. Здесь такой покой, и ребятишкам здешняя школа нравится гораздо больше, чем в городе, и люди вокруг такие славные, что об отъезде и думать противно…

— Рад слышать это от вас, — отозвался Хит. — Только зря вы, право, сидите здесь неотлучно, надо бы и встряхнуться. Свозите жену и детишек в город, в кино…

Вот и вся недолга. Легко и просто.

Жизнь течет у нас по-прежнему хорошо, быть может, даже лучше, чем прежде. В долине все здоровы. Обыкновенный насморк и тот теперь, кажется, обходит нас стороной. Когда нам нужен дождь, идет дождь, а когда нужно солнце, то, естественно, светит солнце. Мы не разбогатели — разве разбогатеешь, когда Вашингтон то и дело вмешивается в фермерские дела, — но живем мы, грех пожаловаться, сносно. Рикард работает над своей второй книгой, а я время от времени выхо-

жу вечерами на крыльцо и пытаюсь отыскать на небе ту звездочку, которую Хит показывал мне однажды много лет назад.

И все-таки мы не в силах полностью избежать огласки. Вчера вечером слушал я по радио своего любимого комментатора, а он вдруг ни с того ни с сего решил потешить публику на наш счет.

«Да полно, есть ли на свете эта Енотовая долина? — спросил он, и за его вопросом явно слышался ехидный смешок. — Если да, правительству не мешало бы в этом удостовериться. Географические карты настаивают, что такая долина есть на самом деле, статистика утверждает, что там идеальный климат и нет ни болезней, ни неурожаев — прямо-таки молочные реки и кисельные берега. И окрестные жители уверены, что долина существует, но, едва кто-нибудь из официальных лиц решит расследовать факты на месте, она исчезает, ее не удается найти. Пытались звонить по номерам, которые числятся за обитателями долины, — телефонные звонки не проходят. Пытались писать — письма возвращаются к отправителям под тем или иным предлогом, изобретенным в недрах почтового ведомства. А если те, кто ведет расследование, выжидают в соседних торговых центрах, люди

из Енотовой долины отсиживаются дома и не делают покупок. Допустим на минуту, что статистика не врет; тогда властям, право же, не грешно бы изучить факторы, отличающие эту долину, и распространить их воздействие на все другие районы. Пока что мы не знаем даже, доходят ли до долины наши передачи, способны ли радиоволны проникнуть туда, куда не проникают ни письма, ни звонки, ни должностные лица. Но если да, если есть на свете Енотовая долина и кто-нибудь из ее обитателей слушает нас сейчас, быть может, он не откажется подать голос?..»

Комментатор еще раз хмыкнул и перешел к свежим сплетням про Хрущева.

Я выключил радио и сидел, покачиваясь в кресле, а сам все думал о том, почему же это иногда ни один из нас по три-четыре дня подряд не может добраться до города, а в другие дни телефоны вдруг смолкают разом без всякой на то причины. Честно сказать, мы не раз обсуждали такие случаи между собой и советовались, не поговорить ли нам про это с Хитом, но каждый раз решали, что лучше не надо. Он наверняка соображает, что делает, и нам остается только надеяться на его здравый смысл.

Наше положение причиняет нам, конечно,

известные неудобства, зато имеет и свои преимущества. Вот уже добрых лет десять у нас в долине не бывало ни зазывал, навязывающих подписку на дешевенькие журнальчики, ни страховых агентов.

Мир Теней
Перевод М. Вагановой

Я вылез из палатки на пару часов пораньше, чтобы поработать над моей частью макета, пока Гризи соображает нам завтрак. У входа в палатку меня поджидал Бенни, моя Тень. Тут и там своих людей ждали другие Тени, и зрелище было, если подумать, странным до безумия. Но мы уже не обращали внимания — успели привыкнуть.

Гризи растопил печку, и из трубы над лагерной кухней заклубился дымок. Я слышал, как Гризи гремит сковородками и довольно напевает. По утрам он всегда шумел. И всю первую половину дня шумел и доставал народ, но ближе к вечеру становился тихим как мышка. Тогда он крупно рисковал — прикладывался к окулюсу.

Устройства эти находились под строжайшим запретом. Мак Болдуин, управляющий проектом, шкуру бы с Гризи спустил, если бы узнал про окулюс. Но знал только я. Заметил случайно, и даже Гризи не знал, что я знаю, а я держал рот на замке.

Я поздоровался с Бенни, но он не ответил. Он

никогда не отвечал — ведь у него не было рта. Сомневаюсь, что он меня слышал, — ушей ему тоже не досталось. Странные они были, эти Тени. Не каждый день встретишь существо без носа, рта и ушей.

Зато у них был глаз, прямо посреди лица — примерно там, где, по идее, должен находиться нос. Причем такой глазище, что компенсировал отсутствие всего остального.

Дюймов трех в диаметре, он, в общем-то, выглядел не совсем как глаз, потому что в нем не было радужки и зрачка, только пятна света и тьмы, которые вечно перемещались, так что глаз всегда смотрелся по-разному. Иногда он напоминал плошку с неаппетитной жижей, иногда блестел, как линза объектива, а бывало, смотрел тоскливо и одиноко, как смотрят глаза брошенной собаки.

Все-таки Тени были диковинными ребятами. Они напоминали тряпичных кукол, которым забыли нарисовать черты лица. Высокие, сильные и подвижные гуманоиды, причем, как я подозревал с самого начала, вовсе не глупые. По последнему пункту среди нас имелись разногласия, и некоторые до сих пор держали Теней за улюлюкающих дикарей. Только те не улюлюкали — ведь у них не было ртов. Ни ртов, чтобы

улюлюкать или есть, ни носов, чтобы дышать и ощущать запахи, ни ушей, чтобы слышать.

Если опираться на чистую статистику, любой бы сказал, что таких, как Тени, существовать не может. Но они это успешно опровергали.

Одежды они не носили. Им попросту нечего было прикрывать. Половых признаков им так же, как и черт лица, не перепало. Тени были бандой тряпичных кукол с огромным глазищем посреди лица.

Зато все они носили одинаковое украшение, своего рода значок их Теневого клуба. На них были тонкие пояса, к которым крепились то ли мешочки, то ли сумки, набитые какой-то мелочовкой, которая бряцала при ходьбе. Никто не видел, что именно в них лежит. Пояса держались перекрещивающимися на груди ремешками, так что вся конструкция напоминала сбрую, а на груди ремешки скреплял массивный драгоценный камень. Покрытый замысловатой гравировкой, камень сиял, как бриллиант, — может, это и был бриллиант, но кто ж его знает. Никому не удавалось рассмотреть его поближе. Только потянись к камню — и Тень исчезала.

Вот именно. Исчезала.

Я поздоровался с Бенни, но он, как обычно, не

ответил. Я обошел стол и приступил к работе над макетом.

Бенни стоял у меня за спиной и наблюдал за моей работой. Его, кажется, очень занимал мой макет. Его занимало все, что бы я ни делал. Он ходил за мной, куда бы я ни шел. Не зря же он был моей Тенью.

Помню, был такой стишок: «За мною следом ходит тень, куда бы я ни шел...»[2] Он все время крутился у меня в голове, но я так и не смог вспомнить, кто его написал и что там дальше. Это очень, очень старый стих, я помню, что читал его еще ребенком. Закрыв глаза, я легко мог представить картинку из той книжки, яркую и красивую: мальчик в пижаме поднимается по лестнице со свечкой в руке, а по стене за ним следует его тень.

Мне было приятно, что Бенни так интересуется моим макетом, хоть я и понимал, что это ничего не значит. С той же увлеченностью он смотрел бы, как я перебираю гречку.

Я очень гордился макетом и угрохал на него до неприличия много времени. Даже выцарапал

---

[2] Примечания: 2

Стихотворение Р. Л. Стивенсона «Моя тень» из сборника «Детский цветник стихов» (1885) цитируется в переводе Н. Кончаловской, С. Михалкова.

свое имя — Роберт Эмметт Дрейк — на гипсовом основании, и вообще несколько увлекся.

Я дал волю своему энтузиазму — и, думаю, меня можно понять. Не каждый день выпадает шанс распланировать с нуля рациональное использование ресурсов на свежеоткрытой планете земного типа. Я работал над небольшим сектором общего проекта, но на моем макете нашлось место для дамб и дорог, электростанции и шахты, лесопилки и водохранилища и много чего еще.

Только я взялся за работу, как в кухонной времянке поднялся тарарам. Оттуда раздалась ругань Гризи и гулкие звуки ударов. Дверь кухни распахнулась, и наружу пулей выскочила Тень с Гризи на хвосте. В кулаке Гризи сжимал сковородку и орудовал ею так изящно и профессионально, что глаз радовался. Каждый его скачок увенчивался ударом по спине Тени, и при этом он крыл беглеца такими словами, что уши сворачивались в трубочку.

Тень промчалась по всему лагерю, но и Гризи не отставал. Я наблюдал за ними и удивлялся: забавно все-таки, что Тени исчезают, только потянись к камню у них на груди, но зато лупить их сковородкой, как Гризи, очень даже можно.

Когда они поравнялись с моим рабочим столом,

Гризи пришлось оставить погоню. Спортсмен из него был так себе.

Он затормозил у стола и упер руки в боки, так что сковорода, которую он все еще сжимал в кулаке, угрожающе уставилась на меня.

— Я эту тварь на моей кухне не потерплю! — заявил он, отдуваясь. — Хватит с меня того, что она ходит вокруг и заглядывает в окна. Я и так на каждом шагу на нее натыкаюсь, надоело! Шастать по кухне я ей не дам, ей же везде свои пальцы сунуть надо. Будь я Маком, я бы им такое устроил… Я бы вышвырнул их так далеко, что им…

— У Мака и так забот хватает, — резко оборвал его я. — Мы сильно отстаем от графика из-за поломок.

— Это саботаж, — поправил меня Гризи, — не просто поломки. На что угодно готов поспорить. Это всё Тени, говорю тебе, Тени ломают машины. Будь моя воля, давно бы их отсюда вытурил.

— Они тут живут, — возразил я. — И жили до нас.

— Планета большая, — ответил Гризи. — Могут и в другом месте пожить.

— У них здесь прав больше, чем у нас. Эта планета — их дом.

— Нет у них никакого дома!

Он резко развернулся и зашагал обратно к кухне. Его Тень, ждавшая, пока мы разговаривали, в сторонке, поспешила его догнать. Кажется, ее совсем не задело, что ее отколошматили. Хотя кто знает, что у этих Теней на уме? По ним не разберешь.

Все-таки Гризи погорячился, когда сказал, что у Теней нет дома. Он имел в виду, что они не живут на одном месте, а кочуют, как легкомысленный цыганский табор, но, по-моему, вся планета была им домом и они могли ходить куда захочется и брать то, что им нужно. Не важно, что они не закрепились на одном месте, что у них нет деревень и даже самых простеньких укрытий и что они не занимаются земледелием.

Если подумать, зачем им земледелие, ведь у них нет ртов, чтобы есть, а если они не едят, то как вообще живут, ведь…

Вот видите! Именно поэтому не стоит ломать на их счет голову. Пытаешься разобраться, как они устроены, и только сильнее путаешься.

Я мельком покосился на Бенни — интересно, как он воспринял, что Гризи поколотил его приятеля? Но на Бенни сцена никакого впечатления не произвела. Что взять с тряпичной куклы?..

Из палаток тут и там появлялись люди, и Тени

сразу же подскакивали к ним: куда бы человек ни шел, Тень увязывалась следом.

Центр застройки располагался на холме, и от моего стола с макетом живое воплощение нашего проекта открывалось как на ладони.

Там, вдалеке, рыли котлован под фундамент будущей администрации, в стороне блестели металлические колышки, где вырастет каркас торгового центра, а за ними пролегла рваная свежая борозда, которая когда-нибудь превратится в улицу с ровными рядами симпатичных домиков.

Пока что на рождение дивного нового мира смахивало не сильно, но скоро все изменится. Даже сейчас выглядело бы куда лучше, если бы не задержки. Виноваты Тени в наших трудностях или нет, мы все равно должны собраться с силами и преодолеть!

Все зависит от нас! В новом мире Человек не повторит старых роковых ошибок, которые допустил на Земле. На этой планете, одном из немногих обнаруженных миров земного типа, Человек будет бережно относиться к бесценным ресурсам, которые разбазарил на Земле. Человек ограничит эксплуатацию воды и почвы, леса и минералов, и отдаст природе ровно столько же, сколько возьмет. Эту планету не выпотрошат и

не разграбят, как Землю. Ею будут пользоваться разумно, согласно выверенному плану.

Было очень приятно стоять и смотреть на простирающуюся внизу равнину и далекие горы и думать, как хорошо будет человечеству жить здесь.

Лагерь потихоньку оживал. Люди выходили умыться перед завтраком, дружески перекрикивались, шутили и дурачились. В гараже ругались на чем свет стоит, и я сразу догадался, что там произошло. Строительные машины (хорошо, если не все разом!) снова забастовали, и теперь придется полдня их чинить. Странно, с чего бы машинам ломаться каждую ночь?

Через некоторое время Гризи зазвонил в колокол к завтраку, и все бросили свои дела и рванули к кухне вместе с Тенями.

Я занимал выигрышную стратегическую позицию недалеко от кухни, да и спринтер из меня что надо, так что мне досталось одно из лучших мест за большим уличным столом. Я сидел прямо у двери в кухню, где можно было первым отхватить добавки, как только Гризи ее вынесет. Когда я пробежал мимо Гризи, тот, как обычно на кормежках, ворчал и бранился, но мне почему-то всегда казалось, что это напускное, а на самом де-

ле он очень собой доволен — стряпня-то выходит вполне съедобной.

Я сел рядом с Маком, и тут же Рик Торн, один из механиков, занял свободное место рядом со мной. Напротив устроился Стен Карр, биолог, а на другой стороне стола, у самого края, наш эколог Джадсон Найт.

Мы не тратили время на светскую беседу и сразу занялись поглощением грудинки с жареной картошкой и пшеничных лепешек. Ничто во Вселенной так не возбуждает аппетит, как утренний воздух на Стелле IV!

Наконец мы съели достаточно, чтобы начать общаться.

— Каждый день одно и то же, — пожаловался Маку Торн. — Половина машин ни к черту. С починкой опять полдня возиться…

Он угрюмо запихнул в рот кусок картошки и сжевал его с такой яростью, что стало не по себе. Потом бросил злобный взгляд на Карра, который сидел на противоположной стороне стола.

— Когда ты уже с ними разберешься?! — спросил он.

— Я? — удивленно переспросил Карр. — А с чего это я должен разбираться? Я о машинах ничего не знаю и знать не хочу. На хрена мне эти ваши

винтики?

— Ты понял, что я имел в виду, — сказал Торн. — Машины тут ни при чем. Они сами себя не ломают. Это всё Тени, а ты биолог, так что займись своим делом и…

— А я как будто тут в потолок плюю! Сначала надо разобраться с дождевыми червями, а еще я обещал Бобу описать повадки здешних грызунов…

— Буду очень благодарен, — сказал я. — Сдается мне, эта мелюзга нам еще покажет, когда мы займемся посадками. Хотелось бы заранее знать, на что они способны.

Вот так всегда. Ты можешь учесть каждую мелочь, но обязательно в решающий момент из ближайших кустов выпрыгнет такое, о чем ты и подумать не мог. Никогда не выходит все предусмотреть.

— Еще бы ничего, — сетовал Торн, — если бы Тени уходили куда-нибудь, сделав свое темное дело, а мы бы спокойно всё чинили. Но нет же! Они стоят над душой, пока мы корпим над машинами, суют головы под кожух, только мы открываем крышку, шагу нельзя ступить, чтобы на них не наткнуться. Когда-нибудь, — зловеще предрек он, — я возьму гаечный ключ, и пусть

тогда только попробуют сунуться…

— Конечно, они переживают, вы ведь копаетесь в их машинах, — сказал Карр. — Тени давно их присвоили. А нас приняли в семью.

— Ты самый умный, что ли? — огрызнулся Торн.

— Может, они хотят выяснить, как работают машины? — предположил Карр.

— И ломают их специально, чтобы посмотреть, как вы их чините. Они ведь ни одной детали еще не пропустили. Ты говорил, что каждый день ломается что-то новое.

— Я много об этом думал, — объявил Найт чрезвычайно серьезным тоном.

— Кто бы сомневался, — сказал Торн, и по его тону было понятно: что бы там Найт ни надумал, на торновский взгляд, это яйца выеденного не стоит.

— Я размышлял, зачем они это делают, — продолжал Найт, ничуть не смутившись. — Потому что, если виноваты все-таки Тени, должна быть у них какая-то цель. Что скажешь, Мак?

— Да, скорее всего, — ответил тот.

— Почему-то, — продолжал Найт, — Тени нас очень любят. Они пришли, как только мы приземлились, и с тех пор от нас не отлипают. Судя

по их поведению, они не хотят нас отпускать и, видимо, ломают машины, чтобы мы остались.

— Или чтобы свалили побыстрее, — вставил Торн.

— Допустим, — включился Карр. — Но почему они хотят, чтобы мы остались? Чем мы им так понравились? Если мы это выясним, то, может быть, сможем заключить с ними сделку.

— Сложно сказать, — замялся Найт. — Есть куча вариантов.

— Назови хоть три, — прицепился Торн.

— Да пожалуйста, — ответил Найт таким тоном, как будто всаживал Торну в горло кухонный нож. — Может, им от нас что-то нужно, но только не спрашивай, что именно. Возможно, они ждут, пока мы обустроимся, чтобы забрать у нас что-то очень ценное. Или хотят как-то на нас повлиять, но я понятия не имею, что их не устраивает. Может, они нас обожествляют. Или просто любят.

— Это все? — не отставал Торн.

— Я только начал. Может быть, они изучают нас и им нужно больше времени, чтобы все разведать. Если это так, они специально нас провоцируют и наблюдают за реакцией…

— Изучают! — взвизгнул Торн. — Да они же тупые дикари!

— Я так не думаю, — отозвался Найт.

— Они ходят голыми! — Торн громыхнул кулаком по столу. — У них нет орудий труда. Нет домов. Они простую лачугу построить не могут! У них нет даже зачатков социального устройства! Они не говорят и не слышат!

Торн вызывал у меня отвращение.

— Ладно, хватит уже, — сказал я. — Давайте лучше за работу.

Я поднялся со скамейки, но далеко уйти не успел — от радиорубки к нам кто-то спешил, размахивая на ходу листком бумаги. Это был Джек Поллард, наш связист и по совместительству электронщик.

— Мак! — окликнул он. — Эй, Мак!

Мак поднялся из-за стола.

Поллард протянул ему лист бумаги.

— Пришло, когда Гризи созывал на завтрак, — вздохнул он. — Ну я и упарился, пока принял. Издалека отправляли.

Мак читал послание, и его лицо становилось все мрачнее и мрачнее.

— Что случилось, Мак? — поинтересовался я.

— К нам едут с проверкой, — ответил он, делая ударение на каждом слове. Он кипел от ярости. Но, кажется, боялся не меньше.

— Все настолько плохо?

— Поувольняют нас всех, к чертям собачьим.

— Они не имеют права!

— Еще как имеют. Мы отстаем от графика на шесть недель, сроки горят, как печка Гризи. Политики на Земле много чего наобещали, и если они не выполнят этих обещаний, им придется дорого заплатить. Так что либо мы надумаем, как все исправить, да поскорее, либо нам дадут под зад и пришлют сюда новую команду.

— Но, учитывая обстоятельства, мы не так уж плохо справляемся, — мягко сказал Карр.

— Пойми меня правильно, — ответил Мак, — следующая команда справится ничуть не лучше, просто надо же для вида раздать кому-нибудь по шапке, и это будем мы. Если мы придумаем, как решить проблему, у нас есть шанс. Мы скажем инспектору: «Да, у нас тут были неполадки, но мы уже разобрались, так что теперь все идет как надо», и тогда мы, может быть, сохраним за собой места.

— Ты думаешь, Тени виноваты? — спросил его Найт.

Мак прошелся пальцами по волосам.

— А кто ж еще? Кроме них, некому.

— Это всё Тени! — выкрикнул кто-то из-за со-

седнего стола.

Люди вставали из-за своих мест и собирались вокруг нас.

Мак поднял руки вверх:

— Ребята, возвращайтесь к работе. Если у кого-то из вас есть хороший план, что нам делать, приходите в мою палатку, там и обсудим.

Все загалдели наперебой.

— План! — прикрикнул Мак. — Я сказал «план». Если кто-то из вас придет ко мне без плана, я его оштрафую за отлынивание от работы!

Гвалт стал чуть потише.

— И вот еще что, — сказал Мак, — не вздумайте применять силу. Ведите себя как обычно. Если кто-то поднимет руку на Тень, вылетит отсюда как пробка. — И повернулся ко мне. — Пойдем.

Я ушел вместе с ним, Найт с Карром потянулись следом. Торн, вопреки моим ожиданиям, остался.

Мы вошли в палатку и уселись за стол, заваленный бумагами с чертежами, столбцами цифр и набросанными от руки графиками.

— Я считаю, — сказал Карр, — что это точно Тени.

— Может, гравитационная аномалия? — предположил Найт. — Или что-нибудь в атмосфере?

Искривление пространства какое-нибудь…

— Может быть, — сказал Мак. — Притянуто за уши, но я уже во что угодно готов поверить.

— Меня смущает, — добавил я, — что группа разведки ничего не сообщила о Тенях. Они решили, что на планете разумной жизни нет. Следов инопланетной культуры не обнаружили. Большая удача, ведь иначе пришлось бы учитывать преимущественное право аборигенов на землю. Но стоило нам приземлиться, и Тени тут же прискакали, как будто следили за нами и давно ждали нашей посадки.

— Вот что еще забавно, — вступил Карр, — они объединились с нами в пары, по Тени на каждого человека. Как будто заранее все просчитали. И теперь мы как будто на них женаты.

— Что за хрень вы несете? — взревел Мак.

— Мак, где были Тени, когда работала разведка? — спросил я. — Мы точно уверены, что это их родная планета?

— Если нет, то как они сюда попали? — парировал Мак. — У них нет транспорта. У них вообще ничего нет.

— В отчете разведчиков, — начал Найт, — меня смутило кое-что еще. Вы ведь все читали…

Мы закивали. Мы не просто читали отчет, мы

изучили его во всех подробностях. Мы проводили с ним бесконечные дни и ночи, пока летели на Стеллу IV.

— В отчете разведчики упоминали какие-то конусообразные штуковины, — сказал Найт. — Они стояли в ряд, как дорожная разметка. Их видели только издалека, ближе подойти не смогли. Никто так и не понял, что это такое. В отчет их включили, но чисто для порядка, не углубляясь.

— Они много во что не углублялись, — съязвил Карр.

— Так мы ни к чему не придем, — вздохнул Мак. — Болтаем только.

— Если бы мы могли поговорить с Тенями, — сказал Найт, — дело бы продвинулось.

— Но мы не можем! — вспылил Мак. — Мы кучу раз пытались с ними поговорить — и ноль реакции. Мы пробовали язык жестов и пантомиму, кипу бумаги извели на рисунки и диаграммы, и хоть бы что. Джек соорудил коммуникатор, но они просто сидели и таращились на нас своими огромными глазищами, такие милые и понимающие — но на этом все! Мы даже телепатию пробовали…

— Ну, тут ведь как… — сказал Карр. — С телепатией спорно, потому что мы ничего о ней не

знаем. Мы просто сели в кружочек, взялись за руки с Тенями и думали о них. Естественно, ничего не вышло. Они, должно быть, решили, что это игра такая.

— Послушайте, — взмолился Мак, — инспектор будет здесь дней через десять. Мы должны что-то придумать. Давайте сосредоточимся.

— Может, просто прогнать Теней… — предложил Карр. — Как-нибудь их напугать…

— Вот ты знаешь, чего боится Тень? — спросил Мак. — Есть хоть одно предположение?

Найт покачал головой.

— Для начала, — сказал Карр, — мы должны понять, кто они такие. Надо решить, что это за животное. Как мы знаем, они довольно необычные. У них нет носов, ушей и ртов…

— Нет таких животных, — заявил Мак. — Не может быть.

— Но они есть и прекрасно живут, — сказал Карр. — Надо выяснить, как они добывают еду, как общаются, к чему они устойчивы и как реагируют на разные раздражители. Мы ничего не сможем сделать с Тенями, пока не узнаем, с кем имеем дело.

Найт кивнул:

— Этим надо было заняться несколько недель

назад. Мы вроде как пытались, но всем было не до того. Очень хотелось поскорее приступить к проекту.

— Зато теперь придется разгребать, — мрачно изрек Мак.

— Чтобы изучить Тень, нам нужен хоть один подопытный экземпляр. Так что сперва надо придумать, как Тень поймать. Одно резкое движение — и они исчезают, — сказал я Найту, хотя сам понимал, что не вполне прав. В памяти всплыл Гризи, который гнал свою Тень из кухни, мутузя ее сковородкой.

Тут я вспомнил кое-что еще, и внезапно у меня родился большой план, но я побоялся вынести его на обсуждение. Некоторое время я даже не мог себе признаться, что такое пришло мне в голову.

— Надо застать одну из Теней врасплох и вырубить ее, пока она не исчезла, — сказал Карр. — Мы должны действовать наверняка, потому что, если мы провалимся, все остальные Тени будут настороже, и второго шанса не будет.

— Только без эксцессов, — предупредил Мак. — Не стоит применять силу, пока мы не знаем соперника. Глупо пытаться убить кого-то, если не знаешь, насколько успешно тварь может вывернуться и убить тебя самого.

— Справедливо, — согласился Карр. — Если Тень может развороти́ть внутренности экскаватора, не хотел бы я узнать, что она может сделать с человеком.

— Нам нужен точный и надежный план, — сказал Найт, — мы должны быть уверены в нем на сто процентов. К примеру, если ударить Тень бейсбольной битой по голове, бита проломит череп или просто отскочит? И ведь такие же непонятки будут со всем, что бы мы сейчас ни придумали.

— Ты прав, — кивнул Карр. — Мы не можем усыпить их газом, потому что Тени не дышат.

— Может быть, они дышат через поры, — предположил Найт.

— Да, но надо знать точно, прежде чем использовать газ. Еще можно что-нибудь вколоть, но что именно? Сначала надо понять, какой препарат вырубит Тень. Можно попробовать гипноз…

— Вряд ли это хорошая мысль, — вставил Найт.

— А что насчет дока? — спросил я. — Даже если мы вырубим Тень, согласится ли док осмотреть тело? Знаю я его, он непременно встанет в позу. Возможно, мол, Тени — разумные существа, а значит, осматривать их без их согласия — нару-

шение медицинской этики.

— Если мы поймаем Тень, с доком я все улажу, — мрачно заверил Мак.

— Он весь лагерь на уши поставит…

— Я все улажу, — повторил Мак. — Инспектор будет здесь примерно через неделю и…

— Нам ведь не обязательно к его приезду догонять график, — сказал Найт.

— Если инспектор увидит, что процесс идет и мы справляемся, как-нибудь я его уболтаю.

Я сидел спиной ко входу в палатку и услышал шебуршение — кто-то нерешительно теребил брезентовый полог.

— Заходи, Гризи, — пригласил Мак. — Что-то хотел сказать?

Гризи подошел к нашему столу. Подол фартука он заправил в ремень брюк, как всегда делал в нерабочее время. В руке у него был какой-то предмет, его-то он и положил на стол.

Это оказалась одна из сумок, которые Тени крепили к своим поясам!

У всех перехватило дыхание, волосы Мака буквально встали дыбом.

— Где ты ее взял? — взвился он.

— Срезал у моей Тени, когда эта тварь отвлеклась.

— Отвлеклась?!

— Ну вот как было дело. Моя Тень вечно лезет куда можно и куда нельзя. Все время за мной по пятам ходит. Сегодня, например, сунула голову в посудомойку, а сумка висела у нее на поясе, так я взял кухонный нож, да и срезал штуковину.

Мак встал и выпрямился во весь рост — по нему было видно, что он с трудом сдерживает желание придушить Гризи.

— И на этом все? — спросил он низким, угрожающим голосом.

— Ага, — сказал Гризи. — Я ничего плохого ей не сделал.

— Ты выдал им все наши планы, вот что ты сделал! Теперь мы не сможем…

— Не факт, — торопливо вставил Найт.

— Раз уже ничего не исправишь, — сказал Карр, — давайте глянем, что там. Может, найдем какую-нибудь подсказку.

— Я не могу ее открыть, — пробурчал Гризи. — Как только ни пробовал. Не открывается, и все тут.

— А что делала Тень, пока ты пытался залезть к ней в сумку? — спросил Мак.

— Она даже не заметила! Уткнулась башкой в бак посудомойки. Да она тупая, как…

— Хватит! Нечего держать Теней за дураков. Может, так оно и есть, но пока мы не можем быть уверены…

Найт взял сумочку со стола и принялся так и сяк ее вертеть. Ее загадочное содержимое побрякивало.

— Гризи прав, — сказал он наконец. — Ума не приложу, как ее открыть.

— Выметайся отсюда! — рявкнул на Гризи Мак. — Возвращайся к работе! И даже не думай подходить к другим Теням.

Гризи развернулся и вышел из палатки, но через мгновение мы услышали его крик — вопил он так, будто его резали на части.

Я чуть стол не снес, рванув поглядеть, что там творится.

Творилось ни много ни мало Правосудие.

Гризи удирал со всех ног, а за ним неслась его Тень со сковородкой, которой Гризи стабильно прилетало на каждый шаг, причем оружием Тень владела ничуть не хуже самого Гризи.

Гризи петлял и вертелся, пытаясь вырулить к кухне, но Тень каждый раз подрезала его и гнала дальше.

Все бросили работу и наблюдали за ними. Кто-то выкрикивал советы Гризи, другие, наоборот,

болели за Тень. Мне тоже хотелось посмотреть, но я знал, что, если хочу воплотить свой план в жизнь, лучшего шанса не представится.

Поэтому я нырнул в свою палатку, взял рабочую сумку и снова вышел.

Теперь Гризи несся к стоянке, а Тень, как и прежде, наступала ему на пятки. Ну и твердая же рука — ни один удар сковородки не пришелся мимо!

Я подбежал к кухне, остановился у входа и огляделся. Гризи карабкался по ковшу экскаватора, а его Тень стояла внизу и размахивала сковородой, будто намекая, что он должен спуститься и драться как мужчина. Все остальные сбегались к месту происшествия, и, уверен, никто не обратил на меня внимания.

Я смело открыл дверь на кухню и шагнул внутрь.

Там было тихо и спокойно, только гудела посудомойка.

Я боялся, что поиск может затянуться, однако нужная мне вещь нашлась в третьем месте, куда я заглянул, — у Гризи на койке под матрасом.

Я вытащил окулюс, сунул его в сумку и не теряя времени смылся с кухни.

Заскочив в свою палатку, я кинул сумку в угол,

набросал на нее грязной одежды и снова вышел на улицу.

Суматоха поутихла. Тень со сковородкой под мышкой возвращалась на кухню, Гризи потихоньку спускался с ковша. У экскаватора собралась шумная толпа: было ясно, что Гризи еще долго будут припоминать эту историю. Но он, конечно, сам виноват.

Когда я вернулся в палатку Мака, все остальные уже собрались. Троица склонилась над столом и что-то разглядывала.

Сумки на столе не было, ее сменила кучка каких-то безделушек. Присмотревшись, я разглядел крошечные сковородки и котелки и всякую прочую кухонную утварь, с которой работал Гризи. Вдобавок из кучки торчала по пояс фигурка самого Гризи.

Я потянулся к фигурке и вытащил ее. Ошибки быть не могло, ну вылитый Гризи. Сделан из какого-то камня, наверное, выточен, и повторяет оригинал с пугающей точностью. Даже морщинки на лице видны.

— Сумка просто исчезла, — пояснил Найт. — Она лежала на столе, когда мы выбежали, а когда вернулись, ее уже не было, а вместо нее нашлась вся эта ерунда.

— Ничего не понимаю, — сказал Карр.

Он попал в яблочко. Никто не понимал.

— Не нравится мне это, — медленно проговорил Мак.

Мне тоже не нравилось. Слишком много вопросов возникало разом, и некоторые рождали самые мрачные подозрения.

— Они копируют в миниатюре наши вещи, — сказал Найт. — Вплоть до чашек и вилок!

— Ну и пусть себе копируют, — отозвался Карр. — Меня, если честно, больше волнует фигурка Гризи.

— Так, давайте-ка присядем, — сказал Мак, — и нечего зря паниковать. В конце концов, примерно этого мы и ожидали.

— В каком смысле? — удивился я.

— Что мы делаем, когда встречаем инопланетную культуру? Да то же самое, что и Тени! Способы у нас другие, но суть одна. Мы стараемся как можно больше узнать об этой культуре. Не забывайте, что для Теней мы не просто инопланетяне, мы — инопланетяне-захватчики. Поэтому если они не обделены интеллектом, то сделают все возможное, чтобы как можно скорее все о нас выведать.

Звучало, конечно, убедительно. Но с фигурками

вязалось не очень.

Если они скопировали чашки и ложки, посудомойку и кофейник, значит у них были и другие копии: самосвалов, экскаваторов, бульдозеров и всего остального. Если они сделали фигурку Гризи, то так же поступили с Маком, и Торном, и Карром, и всеми ребятами из команды, включая меня.

Интересно, насколько точны эти копии? Отражают они только внешний вид или внутреннее устройство тоже?

Я хотел бы не думать об этом, потому что рисковал запугать себя до смерти.

Увы! Процесс было не остановить.

Они выводили из строя наши машины, и механикам приходилось вскрывать кожух, чтобы те снова заработали. Объяснение напрашивалось одно: Тени хотели узнать, как машины устроены изнутри. Может быть, маленькие копии нашего оборудования так похожи на оригиналы не только снаружи, но и до последнего винтика повторяют их устройство?

И если это так, насколько близка к оригиналу фигурка Гризи? Есть ли внутри ее сердце и легкие, сосуды, нервы и мозг? Может, в ней заключен и слепок характера Гризи, его сущность, его мысли,

его моральные установки?

Не уверен, думали ли все остальные о том же самом, но выражение их лиц говорило, что, скорее всего, да.

Мак потянулся к кучке и пальцем разметал модельки по всей поверхности стола.

Вдруг он резко выхватил одну из моделек, а лицо его побагровело от гнева.

— Что это такое, Мак? — спросил Найт.

— Окулюс, — ответил Мак тоном, не предвещающим ничего хорошего. — Это копия окулюса!

Теперь все таращились на модельку, а у меня на спине выступил холодный пот.

— Если Гризи заныкал окулюс, — деревянным голосом начал Мак, — я ему шею сверну.

— Мак, успокойся, — сказал Карр.

— Ты вообще знаешь, что такое окулюс?

— Да, конечно знаю.

— А ты когда-нибудь видел, что происходит с человеком, который на него подсел?

— Нет, никогда.

— А я видел.

Мак швырнул крохотный окулюс обратно на стол, резко развернулся и вылетел из палатки. Все мы пошли за ним.

Гризи как раз шагал в нашу сторону, окру-

женный товарищами, — те подначивали его, припоминая, как лихо Тень загнала его на ковш.

Уперев руки в боки, Мак дождался, пока он поравняется с нами, и окликнул его:

— Гризи!

— Что?

— У тебя есть окулюс?

Гризи распахнул глаза, но не растерялся.

— Нет, сэр, — нагло соврал он. — Я даже не знаю, как он выглядит, наткнулся бы — не понял, что это. Конечно, я о них слышал…

— Предлагаю сделку, — сказал Мак. — Ты признаешься, что у тебя есть окулюс, и сейчас же отдаешь его мне, я его уничтожаю, штрафую тебя в размере месячной зарплаты, и больше мы об этом не вспоминаем. Но если ты врешь и я найду окулюс сам, ты вылетишь отсюда со свистом.

Я затаил дыхание. Ситуация была так себе, и паршивее всего, что гром грянул, именно когда я утащил окулюс. Правда, я был почти уверен, что никто не видел, как я заходил на кухню, — по крайней мере, не должны были видеть.

Гризи был тот еще упрямец. Он помотал головой:

— Нет, Мак, у меня его нет.

Лицо Мака ожесточилось.

— Ну хорошо. Мы пойдем и посмотрим.

Он направился к кухне, Карр и Найт — за ним, а я свернул к своей палатке.

Очень в духе Мака будет, если он не найдет окулюса на кухне, обыскать весь лагерь. Так что прихвачу-ка прибор и слиняю на время из лагеря — зачем мне лишние неприятности?

Бенни сидел на корточках у входа в палатку и ждал меня. Он помог мне выкатить роллер, и я закинул в багажник сумку с окулюсом.

Я залез на роллер, Бенни уселся позади на багажник, картинно балансируя, — совсем как ребенок, который решил проехаться на велике без рук.

— Держись крепче, — строго сказал ему я. — Если опять свалишься, я не буду останавливаться и тебя подбирать.

Уверен, он меня не услышал, но все же обхватил за пояс, и мы тронулись, подняв клуб пыли.

Если вы ни разу не катались на роллере, то, считайте, и не жили. Это как американские горки, только на плоскости. При этом надежно и плюс-минус безопасно. Выглядит роллер как два огромных резиновых пончика с движком и сидушкой, и на нем при желании можно въехать на крышу небольшого дома. Для города слишком

лихо, но для необжитой планеты — самое то.

Мы мчались через равнину к дальним холмам. Погода стояла отличная, но, впрочем, она и не менялась с нашего прилета на Стеллу IV. Мы нашли прекрасную планету земного типа: хорошая погода круглый год, множество ценных ресурсов, никаких смертоносных вирусов и кровожадных хищников — как будто она сама только и ждала, чтобы кто-нибудь на ней поселился.

И со временем здесь поселятся люди. Когда построят административное здание и вдоль дорог протянутся аккуратные ряды домиков, когда возведут торговый центр и перекроют реку дамбой, когда заработает электростанция — тогда придут и люди. Со временем — округ за округом, одна часть проекта за другой — человечество расселится по всей планете. Причем разумно и планомерно.

Здесь не будет ни злобных неудачников, что волей-неволей устремляются на фронтир в погоне за несбыточными посулами, а находят внезапную смерть, ни спекулянтов, ни хапуг, ни сорвиголов, живущих по принципу «все или ничего». Мы не захватим эту планету, мы будем постепенно осваивать ее. Здесь впервые люди будут относиться к планете бережно.

Но это еще не все.

Если Человек хочет и дальше осваивать космос, ему придется признать, что он должен аккуратно использовать полезные ресурсы, которые там найдет. То, что ресурсов много, не значит, что можно бездумно их растрачивать. Мы уже не дети и не станем разорять другие планеты, как разорили свою.

К тому моменту, когда разумная раса начинает осваивать космос, она должна повзрослеть. И сейчас настало время человечеству доказать, что оно выросло. Мы не можем ворваться в Галактику оравой жадных детей.

Я верил, что здесь, на этой планете, человечество сумеет показать, чему научилось.

Но сейчас, если мы хотим довести дело до конца, если хотим что-то себе доказать, для начала следует кое с чем разобраться. Если во всех наших неприятностях виноваты Тени, мы должны как-то их остановить. И не просто остановить, мы должны понять, кто такие Тени и чего они хотят. Потому что как можно бороться с тем, чего не понимаешь?

В палатке мы решили так: чтобы понять Теней, надо выяснить, кто они такие. А чтобы это выяснить, нужно поймать одну из Теней и как следует

изучить. Причем поймать ее мы должны с первой попытки, потому что второго шанса не будет.

Но я знал, что окулюс может дать нам запасную попытку. Если у меня ничего не выйдет, никто ни о чем не догадается. Ошибка останется безнаказанной.

Мы с Бенни пересекли равнину и поехали между холмами. Я вез его к месту, которое про себя называл Фруктовым садом: хотя садом в привычном смысле оно не было, там росло много фруктовых деревьев. Как только выдастся время, я думал проверить, пригодны ли эти фрукты в пищу.

Мы подъехали к Саду, я припарковал роллер и огляделся. Я сразу заметил, что что-то не так. Когда я приезжал сюда с неделю назад, все деревья были увешаны фруктами, которые уже почти созрели, но теперь фрукты исчезли.

Я поискал под деревьями — может, опали, — но и там фруктов не было. Похоже, кто-то пришел сюда и собрал урожай…

Сначала мне подумалось, что это Тени собрали фрукты, но я сразу понял, что это вряд ли. Тени не едят.

Я не стал сразу доставать окулюс, а сел под деревом, чтобы выдохнуть и пораскинуть мозгами.

Оттуда, где я сидел, лагерь был как на ладони, и я задумался, что сделал Мак, когда не нашел окулюс. Думаю, он был вне себя от ярости. Гризи же, наверное, вздохнул с облегчением, и, не понимая, куда делся прибор, все равно затирал Маку, как сильно тот был не прав.

Мне показалось, что будет лучше, если я не появлюсь в лагере еще некоторое время. Может, часов до трех. Скорее всего, тогда Мак успеет поутихнуть.

Наконец я задумался о Тенях.

Торн назвал их тупыми дикарями… Но они совсем не похожи на дикарей. Скорее на идеальных джентльменов (или леди, черт их разберет), а ведь классический дикарь отличается от джентльмена по множеству очень весомых пунктов. Тени были опрятными, здоровыми и воспитанными. Можно даже сказать, не чужды культуре. Больше всего они напоминали туристов, только без привычного туристского скарба.

Они устроили нам ревизию, сомневаться нечего. Они изучили все, к чему смогли подобраться, но зачем им это нужно? Для чего им наши чашки, сковородки, экскаваторы и все прочее?

Может, они выискивают способ нас прихлопнуть?

Возникали и другие вопросы.

Где их носило до нашего прилета?

Как они исчезают и куда деваются, когда исчезают?

Как они едят и дышат?

Как общаются?

Надо признать, Тени явно знали о нас куда больше, чем мы о них. Если попытаться собрать все, что известно о Тенях, в итоге выходило почти совсем ничего.

Я посидел под деревом еще немного, мысли продолжали вращаться по кругу, но ничего нового я так и не надумал. Поднявшись с земли, подошел к роллеру и вытащил окулюс.

Я впервые держал окулюс в руках, и мне было слегка не по себе. Все-таки окулюс — совсем не игрушка.

На вид ничего страшного — штуковина вроде бинокля, только перекошенная и с кучей кнопок сверху и по бокам.

Смотришь в окуляры, регулируешь настройки под себя — и получаешь картинку. Потом входишь в нее и живешь в ней — той жизнью, какую выбрал сам, подкрутив настройки. Вариантов очень много, есть миллионы комбинаций разных параметров, которые можно сочетать как угодно

— от легкой мишуры беспечного времяпрепровождения до самых немыслимых кошмаров.

Окулюсы, конечно, были вне закона — они считались самым коварным злом, какое только изобрело человечество, куда страшнее алкоголя и наркотиков. Окулюс пускал корни в самую душу и вцеплялся насмерть. Привычка возникала быстро, избавиться от нее было невозможно. Всю оставшуюся жизнь человек мучился, путая истинную жизнь с вымышленными, дальше и дальше отходя от реальности до тех пор, пока совсем не терял с ней связь.

Я присел на корточки у роллера и попытался разобраться в переключателях. Их было тридцать девять, все пронумерованы от 1 до 39, и я задумался, что могут значить эти цифры.

Бенни присел рядом, касаясь моего плеча своим, и внимательно наблюдал.

Я осмотрел переключатели, но осмотр ничем не помог. Оставался только один способ найти то, что мне нужно. Выставив все переключатели на нолики, я сдвинул первый на пару делений вверх.

Конечно, на самом деле окулюсом пользуются не так. Обычно на всех переключателях выставляют разные настройки, смешивают различные

факторы и получают тот вариант жизни, какой хочется испытать. Но мне не нужна была другая жизнь. Я хотел понять, за что отвечают переключатели.

Так что я сдвинул первый переключатель вверх на пару делений, поднес окулюс к глазам и вновь оказался на лужайке из моего детства — самой зеленой и прекрасной лужайке в мире, с ручейком, порхающими бабочками и голубым, как бабушкин шелковый платок, небом над головой.

И это еще не все — день на лужайке никогда не кончался, тут не было времени, и солнце сияло ясно, как беспечная детская радость.

Я помнил, как приятно пройтись босиком по траве, помнил блики солнца в ручье, когда по нему бежит рябь от ветра… Отдернуть от глаз окулюс было труднее всего, что я когда-либо делал в своей жизни, но я справился.

Я все так же сидел на корточках, прижимая прибор к груди. Непослушным рукам хотелось снова поднести окулюс к глазам, чтобы снова заглянуть в эту сцену из давно ушедшего детства, но я не позволил себе поддаться.

С первым переключателем вышел промах, поэтому я снова вернул его на нолик и, раз увиденное было максимально далеко от искомого,

сдвинул на пару делений колесико под номером 39.

Я уже почти поднес окуляры к глазам, но вдруг струсил. Пришлось снова опустить окулюс и просидеть так некоторое время, собираясь с духом. Наконец я решился — и заключенный в приборе ужас затянул меня внутрь.

Сложно описать, что я увидел. Даже сейчас не могу вспомнить никаких подробностей. Скорее всего, я не видел ничего вообще, только чувствовал; меня захватила сюрреалистическая смесь ужаса и отвращения, тем не менее странным образом притягательная.

Дрожа, я оторвался от окулюса и замер. Пару мгновений разум был пуст, скованный остаточными спазмами ужаса.

Когда ужас потихоньку схлынул, я все еще сидел на склоне холма плечом к плечу с Бенни.

То, что я хотел сделать, было бесчеловечно, такого не заслуживает никто, даже Тень. Если низкий уровень был кошмарнее некуда, от максимума просто съедет крыша.

Бенни попытался отобрать у меня окулюс. Я отмахнулся от него. Бенни все равно тянул устройство на себя, а у меня появилось время подумать.

Пока что все шло по плану. Беннино любопытство только играло мне на руку.

Я напомнил себе, как много зависит от того, сможем ли мы поймать Тень. Я подумал о своей работе и о том, в какую лужу сяду, если инспектор уволит нас всех и пришлет другую команду. Планеты, пригодные для освоения, на каждом шагу не встречаются. Другого шанса мне может не перепасть.

Так что я выкрутил переключатель номер 39 на максимум и передал окулюс Бенни.

Бенни уже держал окулюс в руках, а я все еще сомневался, выгорит ли. Прибор же создали люди и для людей, он настроен на человеческую нервную систему и человеческую психику.

Но я тут же понял, что ошибся, — дело не в одной только электронной начинке окулюса, а в той реакции, которую он вызывает в мозгу и организме пользователя: прибор лишь поднимает завесу, скрывающую то великое, прекрасное и ужасающее, что хранится в сознании. А ужасное, какую бы форму ни принимало, остается ужасным что для человека, что для Тени.

Бенни поднес окулюс к своему гигантскому глазу и плотнее прижался к окуляру. Его тело затряслось и вдруг обмякло, но как только он

начал заваливаться, я подхватил его и опустил на землю.

Я стоял над ним, гордясь своей победой, но все-таки было немного жалко, что пришлось так поступить со славным парнем Бенни. С Тенью, которая минуту назад сидела рядом, касаясь меня плечом.

Я опустился на колени и перевернул его. Не очень тяжелый — и это хорошо, ведь мне предстояло погрузить его на роллер и довезти до лагеря, причем на полном ходу, потому что кто знает, сколько Бенни проваляется в отключке.

Я поднял окулюс, положил его в багажную сумку и стал копаться там в поисках веревки или проволоки, чтобы привязать Бенни.

Не знаю, был какой-то звук или мне показалось. Почти уверен, что сработала моя внутренняя сигнализация, — и я обернулся.

Бенни как будто раскис, оседая, и я тут же запаниковал, что он умер, что не смог вынести того кошмара, который показал ему окулюс.

Мне вспомнились слова Мака: «Глупо пытаться кого-то убить, если не знаешь, насколько успешно тварь может вывернуться и убить тебя».

Если Бенни вправду мертв, дело дрянь.

Но для мертвого он вел себя несколько странно

— оседал, трескаясь по швам и рассыпаясь пылью или чем-то вроде пыли, но скоро и пыль исчезла. Передо мной лежали только ремешки с сумкой и драгоценный камень, но скоро и сумки не стало, осталась лишь горстка безделушек на ее месте.

И кое-что еще.

Глаз Бенни не исчез. Глаз оказался частью конуса, который был спрятан в голове у Бенни.

Я вспомнил, что ребята из разведки видели такие же конусы. Но не смогли к ним подобраться.

На меня накатил страх. Я стоял и таращился на конус, а по спине у меня катился холодный пот.

Бенни не инопланетное существо! Он просто искусственный шпион, которого послали совсем другие инопланетяне, и о них мы не знаем совсем ничего.

Моя голова разрывалась от панических догадок, мелькавших и пропадавших так быстро, что ни одну я не успевал ухватить.

Но одно я знал точно: инопланетяне, наславшие на нас Теней, явно не дураки.

Они не дураки, ведь додумались послать к нам человекоподобных существ — да таких, чтобы при виде них мы испытывали жалость, презрение или, может быть, раздражение, но никак не страх. Бедная, странная тварь, глупая карикатура

на человека, даже неспособная говорить! И загадочная ровно в той степени, чтобы мы ломали голову, как она устроена, но в конце концов сдались, не найдя подходящего ответа.

Содрогнувшись, я кинул быстрый взгляд через плечо — заметь я какое-то движение, помчался бы отсюда сломя голову. Но — ничего. Ни шороха. Кроме моих собственных мыслей, бояться было нечего.

Следовало поскорее убираться отсюда, так что я присел на колени и стал собирать то, что осталось от Бенни.

Я сгреб все модельки и самоцвет и бросил их в сумку вместе с окулюсом. Затем после некоторой возни подобрал с земли конус, смотревший на меня огромным мертвым глазом. Скользкая и несхожая с металлом на ощупь, весила штуковина все равно прилично, и я долго не мог ухватить ее поудобнее. Наконец погрузил ее в багажную сумку и тронулся к лагерю.

Мчался я так, будто за мной гнались бесы. Ветер свистел в ушах, колеса роллера вращались как бешеные.

Въехав в лагерь, я свернул к палатке Мака, но тут увидел что-то очень странное: чуть ли не вся наша команда трудилась над самым нелепым со-

оружением, какое только можно выдумать. Оно представляло собой множество шестерней, эксцентриков, цепей, колес и чего только не и уже успело разрастись до приличных размеров, но я все равно не мог понять, зачем нужна эта штука.

Приметил Торна — он стоял в сторонке и руководил работой, выкрикивая приказания то одному, то другому, и, судя по всему, искренне наслаждался процессом. Торну только дай покомандовать!

Я притормозил рядом с ним и оперся ногой о землю.

— Что вы делаете?

— Хотим подкинуть им одну загадку, — ответил Торн. — Это их с ума сведет.

— Их? В смысле, Теней?

— Им нужна информация, так? — Глаза Торна горели. — Они постоянно мешаются под ногами и лезут куда не надо, ну так мы займем их кое-чем другим.

— А что делает эта штуковина?

Торн насмешливо фыркнул:

— Ничего. В этом и прелесть.

— Что ж, — протянул я, — думаю, ты знаешь, что делаешь. А Мак в курсе?

— Мак, Карр и Найт — те самые гении, которые

это придумали, — пояснил Торн. — Я только исполняю приказы.

Я проехал дальше и припарковался у палатки Мака — Мак точно был внутри, потому что там кто-то спорил в голос.

Ворвавшись в палатку, я прошагал прямиком к столу и вывалил на него все содержимое сумки.

Начисто забыв о том, что, среди прочего, там лежал и окулюс.

Что уж теперь… Окулюс оказался на столе, повисла нехорошая тишина, и что-то подсказывало мне: Мак вот-вот взорвется.

Он уже набрал в грудь воздуха, но я его опередил.

— Заткнись, Мак! — выпалил я. — Ничего не хочу слышать!

Кажется, такого никто не ожидал: Мак медленно выдохнул, глядя на меня как на психа, а Карр и Найт буквально оцепенели. Тишина стала совсем гнетущей.

— Это Бенни. — Я указал рукой на стол. — Все, что от него осталось. Он посмотрел в окулюс.

Карра, кажется, немного отпустило.

— Где ты его взял? — спросил он. — Мы весь лагерь обыскали…

— Стащил у Гризи, как только меня осенило.

Помните, мы обсуждали, как поймать Тень…

— Ты за это ответишь! — не выдержал Мак. — Вся команда узнает, послужишь для них примером. Сначала я…

— Сначала ты заткнешься, — сказал я ему, — и молча меня выслушаешь, или я вышвырну тебя отсюда, как пустую консервную банку.

— Прошу вас, — взмолился Найт, — джентльмены, пожалуйста, ведите себя прилично.

— «Джентльмены» — это он сильно.

— Мне кажется, — сказал Карр, — что в нынешнем положении все средства хороши.

— Давайте-ка присядем, — предложил Карр, — и сосчитаем до десяти. А потом Боб расскажет нам все по порядку.

Золотые слова. Мы сели за стол, и я рассказал, что произошло. Остальные слушали меня и разглядывали усеявшее стол барахло, особенно всех привлекал конус — он лежал на боку, откатившись на край стола, и смотрел на нас оттуда мертвым рыбьим глазом.

— Тени, — подытожил я, — не живые. Они что-то типа шпионской системы наблюдения, установленной кем-то еще. Сейчас надо выманить Теней по одной и дать им посмотреть в окулюс, поставив тридцать девятый переключа-

тель на максимум, и…

— Это временные меры, — сказал Карр. — Нейтрализуем этих — пришлют других.

Я помотал головой:

— Сомневаюсь. Как бы ни были умны эти инопланетяне, вряд ли они управляют Тенями силой мысли. Готов поспорить, что Тени подключены к компьютерам, и когда мы вырубаем Тень, компьютер, скорее всего, тоже выходит из строя. Если мы отключим большинство Теней, их хозяева замучаются чинить приборы и выйдут с нами на контакт.

— Спорно, — сказал Найт. — Если инопланетяне прячутся, у них есть на то причина. Может, у них там целая подземная цивилизация и они вообще не выходят на поверхность, потому что атмосфера для них смертельна. А за происходящим наверху следят при помощи этих вот конусов. Когда мы появились, они скомандовали конусам выглядеть примерно как люди, чтобы мы не испугались, и отправили их к нам на разведку.

Мак потер пальцами виски.

— Не нравится мне эта игра в прятки. Я люблю действовать в открытую — когда я вижу противника, а он видит меня. Все было бы куда проще, окажись Тени настоящими инопланетянами.

— Сомневаюсь насчет подземной расы, — сказал Карр Найту. — Вряд ли можно достичь такого уровня развития, если живешь под землей. Ты оторван от всех природных явлений и…

— Хорошо, — перебил его Найт. — Твои предложения?

— Они, возможно, владеют телепортацией — даже не «возможно», а «точно», — значит им не нужно перемещаться по поверхности, они могут мгновенно оказаться там, где захотят. Но все равно им нужно знать, что здесь происходит, и для этого они используют что-то вроде радиолокационных систем…

— Вы болтаете впустую, — возмутился Мак, — но так ничего и не понимаете.

— А ты, видно, понимаешь! — парировал Найт.

— Нет. Но я хотя бы честно это признаю.

— Думаю, Карр с Найтом немного увлеклись, — сказал я. — Может быть, инопланетяне будут прятаться до тех пор, пока не выяснят, кто мы такие: можно ли нам доверять, или лучше вышвырнуть с планеты прочь.

— Что ж, — сказал Найт, — как бы то ни было, но они узнали о нас все, что только можно, — что мы за существа и зачем мы здесь, какая у нас есть техника… думаю, они даже успели подучить

наш язык.

— Слишком много они знают, — сказал Мак. — Меня это пугает.

Кто-то поскребся снаружи, и внутрь просунулась голова Торна.

— Вот что, Мак, — сказал он, — есть идейка. Может, поставим несколько стволов на эту штуковину, и когда Тени столпятся вокруг…

— Никаких стволов, — отрезал Найт. — И ракет. И электрических ловушек. Просто делай, что тебе сказали. Пусть эта штуковина производит как можно больше бессмысленных движений. Чем больше сверкает и бибикает, тем лучше. Но не более того.

Торн угрюмо удалился.

— Мы не надеемся, что займем их надолго — может быть, на недельку, — объяснил Найт мне, — но за это время хотя бы успеем нормально поработать. А когда эта штука им надоест, соорудим что-нибудь новенькое.

План был неплох, но особого энтузиазма у меня не вызывал. Так можно было выиграть немного времени — да и только. И это если у нас получится обмануть Теней. Почему-то я сомневался, что они так легко поведутся. Небось просекут, что конструкция бутафорская, как только ее включат.

Мак встал и обошел вокруг стола. Взял конус и сунул его под мышку.

— Отнесу механикам, — сказал он. — Может, разберутся, что это за штука.

— Я тебе и так скажу, — заговорил Карр. — Это прибор, с помощью которого наши инопланетяне контролируют Теней. Помнишь конусы, которые видели разведчики? Вот один из них. Думаю, это какое-то сигнальное устройство, которое передает информацию на базу, где бы она ни была.

— Все равно, — сказал Мак. — Надо вскрыть эту штуковину и посмотреть, что там внутри.

— А окулюс? — спросил я.

— Я с ним разберусь.

— Нет уж. — Я схватил прибор со стола. — Ты с этим твоим фанатизмом просто разобьешь его.

— Они запрещены! — рявкнул Мак.

— Ситуация изменилась, — встал на мою сторону Карр. — Теперь это просто инструмент, дополнительное оружие в нашем арсенале.

Я передал окулюс Карру:

— Вот, держи. Спрячь в надежном месте. Возможно, он нам еще пригодится.

Я сгреб мелочовку из сумки Бенни и вместе с самоцветом положил в карман куртки.

Мак вышел из палатки с конусом под мышкой.

Остальные выползли за ним следом и остановились у входа — разговор всех прилично вымотал.

— Он с Гризи шкуру спустит… — обеспокоенно произнес Найт.

— Я с ним поговорю, — сказал Карр. — Постараюсь убедить, что Гризи очень нам помог, притащив с собой эту штуку.

— Думаю, — начал я, — надо сказать Гризи, что случилось с окулюсом.

Найт покачал головой:

— Пусть еще помучается. Ему полезно.

Вернувшись в палатку, я засел было за бумажки, но никак не мог сосредоточиться. Напряжение не отпускало, а еще я чуть скучал по Бенни и невольно гадал, во что выльется вся эта история с Тенями.

Мы не зря их так назвали — они тенью следовали за нами. Даже узнав, что они только замаскированные устройства для слежки, я все равно думал о них как о живых существах.

Конечно, Тени были всего лишь конусами, а сами конусы — камерами наблюдения. Возможно, они следили за поверхностью уже много тысяч лет, пока их хозяева где-то прятались. Или не только следили. Может, они сажали, и сеяли, и собирали урожай; может быть, охотились и

ставили капканы — и подносили добычу своим тайным хозяевам. Скорее всего, фрукты в Саду собрали именно они.

А если здесь развилась цивилизация, если другая разумная раса владеет этой планетой, как это отразится на притязаниях землян? Не придется ли нам в итоге оставить Стеллу IV — одну из немногих планет земного типа, найденных за долгие годы поисков?

Я сидел за столом и думал о планах, о нашей работе и деньгах, которые уже вложили в проект, — впрочем, сумма была ерундовой, если сравнить с тем, сколько еще придется потратить, чтобы сделать из Стеллы IV вторую Землю.

Ведь и здесь, в центре проекта, мы сделали только первые шаги. Через пару недель на грузовых кораблях начнут доставлять сталелитейное оборудование — и это тоже та еще задачка: довезти его, установить, начать добывать руду и наконец запустить производство стали. Но так было во много раз проще и быстрее, чем транспортировать с Земли столько стали, сколько нужно для строительства.

Нельзя же просто так все бросить! После стольких лет бесконечного проектирования, утомительной работы, притом что человечеству

остро необходимы новые территории, — мы не можем уйти со Стеллы IV! Но преимущественное право мы нарушить тоже не можем. Если эти существа, когда они наконец объявятся, скажут, что нам здесь не рады, у нас не останется выбора. Придется отсюда убраться.

Причем они не просто вышвырнут нас с планеты, но еще и выдоят досуха. Большая часть того, что у нас есть, не имеет для них никакой ценности, но кое-что может им пригодиться. Сложно разумной расе никак не обогатиться при контакте с другой. Правда, с этими инопланетянами контакт получился односторонний — выигрывали от него только они.

Вот же шулера космические!

Я вытащил из кармана модельки, которые нашлись в сумке Бенни, разложил их на столе и принялся перебирать. Вот копия моего макета, копия роллера, и рабочего стола, и книжек с моей полки, и карманных шахмат, и всех прочих моих вещей.

Не было только меня самого.

Тень Гризи носила с собой его фигурку, но своей я не нашел и немного обиделся на Бенни. Мог бы лишний раз напрячься и скопировать меня тоже!

Я пошевелил модельки пальцем и снова задумался, насколько точно они отражают оригиналы. Может, это не просто модельки, а что-то вроде чертежей? Может быть — я дал волю воображению, — каждая из них содержит закодированное описание и анализ того, что послужило оригиналом? Если человек исследует что-либо, он фиксирует результаты на бумаге. Так, может, эти фигурки — аналог человеческой тетради, инопланетный способ письма?

Я задумался, как именно они пишут, то есть как делают эти свои модельки, но ничего не надумал.

На документах сосредоточиться не получалось, я вышел из палатки и поднялся на холм, где Торн с ребятами сооружали мышеловку для Теней.

Они потрудились на славу — и вышла полная бессмыслица, но на самом деле в том-то и был смысл.

Если мы заставим Теней ломать головы над тем, что же это за конструкция, мы выиграем время и займемся своей работой.

Торн с ребятами притащили полдюжины запасных электродвигателей из мастерской и установили их, чтобы запустить механизм. Собственно, в ход пошли чуть ли не все запасные

детали, какие они смогли найти, — шпиндели, шестерни, эксцентрики и т. д. и т. п., соединенные как бог на душу положит. Там и сям навтыкали что-то похожее на панели управления, которые, правда, абсолютно ничем не управляли, зато были утыканы всякими мигалками и сияли, как новогодняя елка.

Я стоял и любовался, пока Гризи не зазвонил в колокол, а потом вместе со всеми помчался занимать место за столом.

Мы громко болтали и шутили, но над тарелкой никто не засиживался. Все проглотили свои порции и поспешили обратно к мышеловке.

Ее включили перед самым закатом, и столько беспорядочного движения никто никогда не видел. Валы бешено крутились, приводя в движение не меньше миллиона сцепленных шестерней, эксцентрики плавно проворачивались, и поршни ходили вверх-вниз, вверх-вниз.

Детали были отполированы до блеска, все работало как часы и производило только бессмысленное движение, но все равно выглядело впечатляюще — даже для человека. Я поймал себя на том, что залюбовался плавностью, точностью и прекрасной бессмысленностью нашего странного механизма.

Панели управления сияли, лампы то гасли, то загорались с неведомой цикличностью, и если попытаешься эти циклы вычислить, только головную боль заработаешь.

Тени толпились вокруг с того момента, как началась работа над мышеловкой, но теперь они подошли ближе и замерли, обступив ее тесным кольцом.

Я обернулся, Мак стоял позади. Он довольно потирал руки и улыбался чуть ли не до ушей.

— Отлично сработали, — сказал он.

Я согласился, хотя испытывал некие смутные сомнения.

— Мы повесим подсветку, — сказал Мак, — чтобы ночью тоже было видно, и разведем их как детей.

— Думаешь, они купятся? — спросил я. — Не просекут?

— Естественно!

Я спустился к палатке, плеснул себе выпить и уселся на стул снаружи.

Кто-то развешивал кабели, кто-то наспех подключал лампочки, из кухни доносилось пение Гризи, но пел он безрадостно. Мне стало его жалко.

Может, Мак и прав. Возможно, мы построили

ловушку, которая спутает Теням карты. Очарование бесконечного движения — хотя бы оно будет неотразимо. Даже человека оно гипнотизирует — кто знает, как отреагирует инопланетный мозг. Хотя техника у наших инопланетян на высоте, возможно, она развивалась по другому пути, так что вращающиеся шестерни, ходящие поршни и блеск полированного металла могут быть им в новинку.

Я попытался представить механизм, который работал бы без движения, но такое мне казалось немыслимым. А для инопланетного сознания, наоборот, немыслимым может быть движение.

На небе загорелись звезды, а я все сидел, и никто не зашел ко мне поболтать, ну да ладно. Мне и одному было хорошо.

Через некоторое время я вернулся в палатку, выпил еще и стал укладываться.

Снял куртку и бросил ее на стол. Что-то брякнуло, и, как только услышал звук, я понял, что это. Я же сунул в карман куртки Беннин самоцвет — и напрочь о нем забыл.

Я выудил камень из кармана, нервничая, что разбил его. С ним действительно что-то было не так — он как будто расслоился. Передняя грань отошла, и под ней открылась маленькая квадрат-

ная коробочка.

Я положил самоцвет на стол, откинул переднюю грань и внутри коробочки обнаружил самого себя.

Фигурка, спрятанная внутри этого странного прибора, была выполнена ничуть не хуже, чем фигурка Гризи.

Что ж, можно гордиться. Все-таки Бенни про меня не забыл.

Я долго сидел и разглядывал статуэтку, пытаясь разгадать механизм. Потом присмотрелся к камню, и наконец до меня дошло, что к чему.

Самоцвет оказался вовсе не самоцветом, а камерой. Но камера эта производила не двумерные образы, а трехмерные. Ну конечно, так Тени и делали все модельки. Может, это все-таки не просто модельки, а чертежи.

Я разделся, улегся на койку и уставился в брезентовую крышу, а картинка потихоньку складывалась — и складывалась замечательно. То есть замечательно для инопланетян. Мы-то оказались толпой придурков.

Конусы вылезли на поверхность и наблюдали за группой разведки, но подойти к себе не давали, зато к нашему прилету они подготовились. Инопланетяне замаскировали конусы под то, чего мы

не будем бояться, над чем скорее даже посмеемся. Надежней маскировки не придумаешь. Никого же не беспокоит, что на уме у клоуна.

Но Тени времени зря не теряли, и к тому моменту, как мы стряхнули морок, нас уже разложили по полочкам и обвесили ярлыками.

Но что они будут делать дальше? Продолжат отсиживаться и наблюдать за нами, пока не утянут все, что у нас есть?

А потом, узнав все, что им нужно, или все, что могут, объявятся наконец — и финита ля комедия.

Мне было очень страшно, а еще я жутко злился и чувствовал себя при этом полным идиотом, и круговорот мыслей сводил меня с ума.

Мак может внушать себе, что с этой его мышеловкой решил проблему, но дел у нас все равно было невпроворот. Так или иначе следовало выведать, где прячутся инопланетяне, и сорвать им игру.

На каком-то этапе я вырубился, и тут вдруг меня затрясли за плечи с криками, что надо куда-то бежать.

Я приподнялся на кровати и увидел лицо Карра. Он нес что-то невразумительное. Указывал на выход и бормотал про какую-то странную тучу, и

больше я ничего не мог от него добиться.

Пришлось влезть в штаны и туфли, выйти на улицу и бежать с ним на холм. Рассвет только занимался, Тени все еще бродили вокруг мышеловки, а прямо за ней собралась толпа людей, высматривающих что-то на горизонте.

Мы протиснулись сквозь толпу, и я наконец увидел тучу, о которой долдонил Карр, но теперь она была ближе и продвигалась к нам над равниной, медленно и величественно, а прямо над ней парила небольшая серебристая сфера, сверкающая в первых лучах солнца.

Туча больше всего походила на груду хлама. Из нее торчало что-то похожее на подъемный кран, тут и там я видел колеса. Я ломал голову, что это за штуковина, но без толку, а она с каждой секундой становилась ближе.

Слева от меня стоял Мак, и я заговорил с ним, но он не ответил. Он, как Бенни, не мог ответить. Впал в подобие транса.

Чем ближе придвигалась туча, тем страннее и фантастичнее выглядела. Теперь не было сомнений, что это масса разных приборов и машин — совсем таких, как у нас. Там были и тракторы, и экскаваторы, и бульдозеры, и прочее оборудование, не только большие машины, но и всякая

мелочь тоже.

Минут через пять туча оказалась прямо над нами и тогда стала медленно опускаться. Приземлилась она аккуратно, почти беззвучно, хотя в поперечнике имела метров десять. Кроме строительных машин, там были палатки, и чашки, и ложки, и столы, и стулья, и скамейки, пара ящиков виски и измерительные приборы — словом, почти все предметы, какие только были у нас в лагере.

Когда туча приземлилась, серебристая сфера тоже снизилась и медленно поплыла к нам. Чуть поодаль от толпы она замерла, и Мак направился к ней, а я пошел следом. Краем глаза я заметил, что Карр и Найт тоже идут с нами.

Мы остановились в метре от нее и увидели, что сфера была чем-то вроде защитного барьера. Внутри сидел бледный маленький гуманоид. На человека он похож не был, но у него, по крайней мере, было две ноги, две руки и одна голова. Изо лба у него торчала антенка, длинные уши заострялись на концах, а волос не было вовсе.

Он посадил сферу на землю, мы подошли поближе и присели на корточки, чтобы быть с ним наравне.

Гуманоид указал большим пальцем через пле-

чо на кучу вещей, которые он пригнал.

— Плата, — объявил он высоким, писклявым голоском.

Мы ответили не сразу. Надо было переварить.

— Плата за что? — наконец выдавил Карр.

— За веселье, — ответило существо.

— Не понимаю, — сказал Мак.

— Мы сделать каждое по одной. Мы не знать, что вы хотите, поэтому сделали каждое. Плохо, что двух комплектов нет. Потерялись, наверное.

— Фигурки, — сказал я остальным. — Вот о чем он говорит. Фигурки — они как чертежи, а сумка, которую Гризи срезал у своей Тени, и сумка моего Бенни…

— Не всё, — сказало существо. — Другое будет позже.

— Нет, погодите секунду, — сказал Карр. — Давайте проясним. Вы нам платите. За что? Что именно мы сделали для вас?

— Как вы всё это сделали?! — выпалил Мак.

— Спрашивайте по очереди, — встрял я.

— Машины уметь делать, — сказал гуманоид. — Когда знают, машины делать всё. Очень хорошие машины.

— Но почему? — повторил Карр. — Почему вы их для нас сделали?

— За веселье, — терпеливо объяснил инопланетянин. — За смех. Мы смотрели. Большое слово есть, я не могу…

— Развлечение? — предположил я.

— Да, правильно. «Развлечение» правильное слово. У нас есть много времени для развлечения. Мы сидеть дома, смотреть экран для развлечений. Скучно. Хочется чего-то новое. Вы — новое. У вас много интересное. Мы хотеть платить.

— Господи! — воскликнул Найт. — Кажется, я понял. Наше появление тут — большое событие, поэтому к нам отправили Теней. Мак, вы вчера вечером вскрыли конус?

— Вскрыли, — ответил Мак. — Насколько мы поняли, это ТВ-передатчик. Не совсем как у нас — есть кое-какие отличия. Но это устройство точно передает данные.

Я повернулся к инопланетянину в его сияющей сфере.

— Слушайте внимательно, — сказал я. — Вернемся к делу. Продолжите ли вы платить нам, если мы будем вас развлекать?

— С радостью, — ответило существо. — Вы развлекаете, мы даем вам, что вы хотеть.

— Вы можете сделать много копий одного предмета?

— Покажите нам, — ответило существо. — Скажите, сколько надо.

— А сталь? — спросил Мак. — Вы можете сделать сталь?

— Не понимаю «сталь». Покажите нам. Как сделано, размер, форма. Мы делать.

— Если мы будем вас развлекать?

— Точно, — ответил гуманоид.

— Договорились? — спросил я.

— Договорились.

— С сегодняшнего дня? И всегда?

— Пока вы делать нас радостными.

— Это не так-то просто, — шепнул мне Мак.

— Проще, чем думаешь.

— Ты с ума сошел! — взвыл Мак. — Они ни за что нам их не вышлют!

— Вышлют, — ответил я. — Там, на Земле, что угодно сделают, чтобы закрепиться на этой планете. И пойми, сделка того стоит. Базе надо только выслать нам по одному экземпляру всего необходимого. По одному! Мы дадим им один двутавр, а они сделают тысячу. Да это же лучшая сделка за всю историю Земли!

— Мы выполнять наше, — радостно заверил нас гуманоид, — пока вы выполнять ваше.

— Сейчас пойду и все организую, — сказал я

Маку. — Напишу на Землю и заставлю Джека прислать их.

Я разогнулся и пошел обратно к лагерю.

— Остальное, — сказал гуманоид, указывая через плечо.

Я обернулся.

К нам плыла еще одна туча, держась совсем у земли. Только на этот раз туча состояла из людей — из спрессованных людей.

— Эй! — крикнул Мак. — Так нельзя! Это запрещено!

Мне не надо было смотреть. Я прекрасно знал, что его возмутило.

Инопланетяне скопировали не только наше оборудование, но и нас самих. В этой массе людей были копии всех нас — то есть всех, кроме меня и Гризи.

Я ужаснулся и разозлился, как разозлился бы любой на моем месте, но я не мог не представить, что устроят такие вот копии. Представьте двух Маков, спорящих, кто должен возглавлять операцию! Представьте, как бы уживались вместе два Торна!

Я решил не задерживаться. Мак и остальные сами объяснят, почему нельзя копировать людей. В своей палатке я сел за стол и написал катего-

рический, очень срочный запрос на пять сотен окулюсов.

Сила воображения
Перевод О. Битова

Салон-магазин находился в самой фешенебельной части города, куда Кемп Харт попадал нечасто. Она лежала в стороне от его обычных маршрутов, и он сам удивился, когда понял, что забрел в такую даль. По правде говоря, он вообще никуда бы не пошел, сохранись у него кредит в баре «Светлая звездочка», где обреталась вся его компания.

Как только Харт разобрался, где он, ему следовало бы развернуться на все сто восемьдесят и убраться восвояси: он ощутил себя лишним здесь, среди роскошных издательств, раззолоченных притонов и знаменитых кабаков. Но салон заворожил его. Салон просто не дал ему уйти. Харт застыл перед витриной, забыв о своем стоптанном и заношенном убожестве; рука, засунутая в карман, ненароком нащупала две мелкие монетки, которые там еще уцелели.

За стеклом стояли машины, блестящие, сногсшибательные, именно такие, каким и надлежало продаваться на этой изысканной, напудренной

улице. Особенно одна машина, в углу, — она была еще больше и блестела еще ярче, чем остальные, и над ней словно витал ореол великой мудрости. Массивная клавиатура для набора исходных данных, сотня, а то и больше прорезей для ввода кинопленок и перфолент, нужных по ходу процесса. Судя по градуировке шкал, выбор настроений гораздо богаче, чем Харту когда-либо доводилось видеть, да, по всей вероятности, еще и множество других достоинств, не столь заметных с первого взгляда.

«С такой-то машиной, — сказал себе Харт, — человеку ничего не стоит прославиться практически за одну ночь. Он напишет все, что пожелает, и напишет хорошо, и перед ним распахнутся двери самых привередливых издателей…»

Но как бы ему того ни хотелось, заходить в салон и осматривать машину не имело смысла. Думать о ней и то было без толку. Оставалось лишь стоять и глазеть на нее сквозь витринное стекло.

«И все-таки, — сказал он себе, — у меня есть полное право войти в салон и осмотреть ее со всех сторон. Кто и что может мне помешать?..» Никто и ничто — ну если не считать усмешки на лице продавца, молчаливой, вежливой, точно

отработанной гримаски презрения в ту секунду, когда он отвернется и поплетется к выходу…

Он украдкой бросил взгляд по сторонам — улица была пуста. Было еще слишком рано для того, чтобы эта надменная улица возродилась к жизни, и у него мелькнула надежда, что, если он все-таки войдет и попросит разрешения осмотреть машину, ничего страшного не случится. Может, он сумеет объяснить, что не собирается покупать машину, а только хочет поглядеть на нее. Может, они не станут над ним смеяться. Конечно же нет, никто и слова против не скажет. Мало ли людей, в том числе богатых и известных людей, заходят в салон просто поглядеть…

Он крался вдоль витрины, не отрывая глаз от машины, и подбирался все ближе к двери, уговаривая себя, что ни за что не войдет, что входить — отъявленная глупость, но в глубине души сознавая, что искушение неодолимо.

Наконец он поравнялся с дверью, толкнул ее и шагнул внутрь. Продавец возник перед ним как по волшебству.

— Вон тот сочинитель в углу, — промямлил Харт. — Скажите, не могу ли я…

— Безусловно, безусловно, — подхватил продавец. — Будьте любезны следовать за мной.

В углу салона продавец ласково положил руку на корпус машины.

— Это новейшая модель, — начал он. — Мы дали ей имя «Классик», поскольку она задумывалась и выпускалась с единственной целью — наладить производство классики. Мы полагаем, что она имеет значительные преимущества по сравнению с нашей предшествующей моделью «Бестселлер», перед которой в конечном счете не ставилось задач более сложных, чем производство бестселлеров, хотя время от времени ей и удавалось выдавать классику малых форм. Но если вы позволите говорить вполне откровенно, сэр, то я подозреваю, что почти во всех подобных случаях хозяева сами совершенствовали машину. Мне говорили, что кое-кто на таких делах прямо собаку съел…

Харт покачал головой.

— Уж только не я. Не знаю даже, с какого конца за паяльник берутся…

— В таком случае, — не смутился продавец, — лучшее, что вы можете сделать, это сразу приобрести сочинитель высшего класса. Если пользоваться им с умом, то разносторонность творчества окажется практически безграничной. А в данной модели к тому же предусмотрен ко-

эффициент качества, гораздо более высокий, чем в любой другой. Хотя, разумеется, для получения наилучших результатов необходимо проявлять осмотрительность при выборе типажных фильмов и сюжетно-проблемных лент. Но пусть это вас не тревожит. Запас фильмов и перфолент у нас огромен, а наши фиксаторы настроения и обстановки не имеют себе равных. Конечно, они обходятся недешево, однако…

— Между прочим, какова цена этой модели?

— Всего-навсего двадцать пять тысяч, — весело откликнулся продавец. — Вас не удивляет, сэр, что мы предлагаем ее за столь мизерную цену? Это замечательное достижение инженерной мысли. Мы работали целых десять лет, прежде чем добились должного эффекта. И все эти десять лет отбрасывали устаревшие конструктивные решения и искали новые и новые, чтобы не отстать от достижений технического прогресса…

Он с торжествующим видом похлопал машину по ее блестящему боку.

— Заверяю вас, сэр, что вы нигде не найдете изделий лучшего качества. В этой машине предусмотрено все. В ней заложены миллионы вероятностных комбинаций, гарантирующих стопроцентную оригинальность продукции.

Ни малейшей опасности сбиться на стереотип, что так характерно для многих более дешевых моделей. Сюжетный банк, взятый сам по себе, способен выдать почти бесконечное число коллизий на любую заданную тему, а смеситель характеров учитывает тысячи оттенков вместо ста или ста с небольшим, свойственных моделям низших классов. Семантический блок обладает высокой изобретательностью и чувствительностью, и нельзя также не обратить вашего внимания…

— Хорошая машина, — прервал его излияния Харт. — Но, пожалуй, дороговата. Вот если бы у вас нашлось что-нибудь еще…

— Безусловно, сэр. У нас есть множество других моделей.

— А вы примете в обмен старую машину?

— Охотно. Какой марки ваша машина, сэр?

— «Автоавтор девяносто шесть».

Лицо у продавца едва заметно вытянулось. Потом он покачал головой, не то грустно, не то смущенно.

— Видите ли, мм… Признаться, я не уверен, что мы сможем за нее много предложить. Это довольно старый тип машины. Почти вышедший из употребления.

— Но что-нибудь вы за нее все-таки дадите?

— Думаю, что да. Хотя и немного.

— И оплата в рассрочку?

— Да, конечно. Что-нибудь придумаем. Будьте добры сказать, как вас зовут.

Харт назвал свою фамилию. Продавец записал ее в блокнот и добавил:

— Извините, сэр, я вас на минутку покину.

Какое-то мгновение Харт смотрел ему вслед. Потом, как трусливый воришка, тихо попятился к двери и выскочил из салона. Оставаться не было смысла. Не было смысла ждать, пока продавец вернется, подаст на прощанье руку и скажет:

— Очень сожалеем, сэр…

Что означало бы: «Очень сожалеем, сэр, но мы проверили вашу кредитоспособность и убедились, что она равна нулю. Мы запросили сведения о ваших успехах и установили, что за последние полгода вы продали всего один короткий рассказ».

— И зачем я вообще затеял эту прогулку, — упрекнул себя Харт не без горечи.

На окраине, весьма и весьма отдаленной от блистательного салона, Харт вскарабкался на шестой этаж по лестнице, так как лифт опять не работал. За дверью, на которой красовалась табличка «Издательство Ирвинг», секретарша,

поглощенная шлифовкой ногтей, оторвалась от этого занятия ровно настолько, чтобы махнуть рукой в сторону смежной комнаты и предложить:

— Заходите прямо к нему.

Бен Ирвинг сидел за столом, погребенным под кучами рукописей, гранок и корректурных листов. Рукава у него были закатаны по локоть, а на лбу торчал козырек. Он носил козырек не снимая, а зачем — оставалось тайной для всех: за весь день не бывало и часа, когда в этой занюханной комнатке набралось бы достаточно света, чтобы ослепить уважающую себя летучую мышь.

Бен поднял глаза и, моргая, уставился на Харта.

— Рад тебя видеть, Кемп, — сказал он. — Садись. С чем сегодня пожаловал?

Харт оседлал стул.

— Решил зайти спросить о судьбе последнего рассказа, который я посылал тебе.

— Никак не доберусь до него. — В порядке самооправдания Ирвинг повел рукой, показывая на кавардак на столе. — Мэри! — заорал он. В дверь просунулась голова секретарши. — Возьмите рукопись Харта, и пусть Милли на нее глянет. — Он откинулся в кресле. — Времени это не займет, наша Милли читает быстро…

— Я подожду, — сказал Харт.

— А у меня есть для тебя новость, — объявил Ирвинг. — Мы открываем журнал для племен системы Алголь. Жизнь там у них довольно примитивная, но читать они, да вознаградят их небеса, умеют. Хлебнули же мы хлопот, пока нашли кого-то, кто мог бы выполнить переводы текстов, да и набор обойдется куда дороже, чем хотелось бы. Они там такой алфавит выдумали, каверзнее я в жизни не видел. Но в конце концов мы отыскали типографа, у которого нашелся даже такой шрифт…

— Что от меня требуется? — осведомился Харт.

— Обычное гуманоидное чтиво, — ответил Ирвинг. — Побольше драк и крови и чтобы как можно красочнее. Живется им там несладко, так что наш долг — предложить яркий колорит, но чтобы читать было просто. Никаких вывертов, заруби себе на носу.

— Звучит неплохо.

— Нужна добротная макулатура, — заявил Ирвинг. — Посмотрим, как пойдет дело. Если хорошо, тогда начнем переводить и для первобытных общин в районе Капеллы. Вероятно, понадобятся кое-какие изменения в текстах, но не слишком серьезные. — Он прищурился, за-

думавшись. — Платить дорого не сможем. Зато, если дело пойдет, товара потребуется много.

— Хорошо, я подумаю, — сказал Харт. — Есть у них какие-нибудь табу? Чего надо избегать?

— Никакой религии, — ответил издатель. — Что-то похожее у них вроде бы есть, но лучше эту скользкую тему обойти. Никаких сантиментов. Любовь у них не котируется. Женщин они себе покупают и с любовью не знаются. Сокровища, погони, муки алчности — вот это будет в самый раз. Любой стандартный справочник даст тебе необходимые сведения. Фантастические виды оружия — чем ужаснее, тем лучше. И побольше кровопролития. Ненависть — вот что им подавай. Ненависть, месть и острые ощущения. Главная твоя задача — чтобы напряжение не спадало.

— Хорошо, я подумаю.

— Ты повторяешь эту фразу уже второй раз.

— У меня что-то не ладится, Бен. Раньше я мог бы сразу сказать тебе «да». Раньше я мог бы запросто выдавать такое варево тоннами.

— Потерял форму?

— Не в форме дело, а в машине. Мой сочинитель — сущее барахло. С тем же успехом я мог бы писать свои рассказы от руки.

При одной только мысли о подобной непри-

стойности Ирвинга передернуло.

— Так почини его, — сказал издатель. — Повозись, подлатай.

— Чего не умею, того не умею. И все равно модель слишком старая. Почти вышедшая из употребления.

— Ну, в общем, постарайся сделать что сможешь. Я хотел бы сохранить тебя в числе своих поставщиков.

Вошла секретарша. Не глядя на Харта, положила рукопись на стол. С того места, где он сидел, Харт без труда различил единственное слово, какое машина оттиснула на первой странице: «Отказать».

— Слишком вычурно, — пояснила секретарша. — Милли чуть себе потроха не пережгла.

Ирвинг перебросил рукопись Харту.

— Извини, Кемп. Надеюсь, в следующий раз тебе повезет больше.

Харт поднялся, сжимая рукопись в кулаке.

— Я попробую взять твой новый заказ, — произнес он и направился к двери.

— Погоди-ка, — окликнул его Бен сочувственным голосом.

Харт обернулся. Ирвинг вытащил бумажник и, выудив оттуда две десятки, протянул ему.

— Нет, — отказался Харт, пожирая деньги глазами.

— Это взаймы, — сказал издатель. — Черт тебя побери, могу я дать тебе взаймы? Принесешь мне, что сочинишь.

— Спасибо, Бен. Я твоей доброты не забуду.

Он запихнул деньги в карман и поспешно ретировался. В горле стояла жгучая горечь, под сердцем застрял жесткий, холодный комок.

«У меня есть для тебя новость, — заявил Бен. — Нужна добротная макулатура».

Добротная макулатура.

До чего же он докатился!

Когда Харт наконец появился в баре «Светлая звездочка» с деньгами в кармане и со страстным желанием осушить стакан пива, из постоянных посетителей там была только Анджела Маре. Она пила какую-то дикую розовую смесь, по виду явно ядовитую. При этом Анджела нацепила очки, а волосы гладко зачесала назад и, очевидно, праздновала литературную удачу. «Что за нелепость, — подумал Харт. — Ведь она могла бы быть привлекательной, но намеренно избегает этого…»

Едва Харт подсел к ней, как бармен Блейк выбрался из-за стойки и молча встал рядом, упер-

шись кулаками в бока.

— Стакан пива, — бросил Харт.

— В долг больше не верю, — отозвался бармен, сверля его прокурорским взглядом.

— Кто сказал, что в долг? Я заплачу.

Блейк нахмурился.

— Ежели вы при деньгах, то, может, и по счету заплатите?

— Настолько я еще не разбогател. Однако получу я свое пиво или нет?

Наблюдая за тем, как Блейк вперевалку возвращается к стойке, Харт порадовался собственной предусмотрительности: по дороге он специально купил пачку сигарет, чтобы разменять одну из десяток. Вытащи он купюру хоть на мгновение, Блейк тут же налетел бы на нее коршуном и отобрал бы в погашение долга.

— Подкинули? — приветливо осведомилась Анджела.

— Аванс, — соврал Харт, чтобы не уронить свое мужское достоинство. — Ирвинг поручил мне кое-что. Говорит, заказ будет крупным. Хотя гонорар, разумеется, не слишком…

Подошел Блейк с пивом, плюхнул его на стол и подождал, пока Харт не сделает того, что от него требуется. Харт рассчитался — тогда бармен,

шаркая, удалился.

— Слышали про Джаспера? — спросила Анджела.

Харт покачал головой.

— Да нет, в последнее время ничего не слышал. А что, он закончил книгу?

Анджела просияла.

— Он уезжает в отпуск. Можете себе представить? Он — и вдруг в отпуск!

— А что тут особенного? — откликнулся Харт. — Джаспер продает свои вещи безотказно. Он единственный среди нас, кто загружен работой из месяца в месяц!

— Да не в том дело, Кемп. Погодите, сейчас узнаете — это же умора! Джаспер считает, что если он съездит в отпуск, то станет лучше писать!

— А почему бы и нет? Ездил же Дон в прошлом году в летний лагерь. В один из тех, что рекламируются под девизом «Хлеб наш насущный»…

— Все, чем они там занимаются, — сказала Анджела, — это зубрят заново механику. Вроде повторного курса по устройству сочинителей. Как переделать старую рухлядь, чтобы она сумела выдать что-нибудь свеженькое…

— И все-таки не понимаю, почему бы Джасперу не съездить в отпуск, раз у него завелись деньги.

— Вы такой тугодум, — рассердилась Анджела. — Вы что, так и не поняли, в чем тут соль?

— Да понял я, все понял. Джаспер до сих пор не отказался от мысли, что в литературном деле присутствует фактор личности. Он не довольствуется сведениями, почерпнутыми из стандартного справочника или из энциклопедии. Он не согласен, чтобы сочинитель описывал чувства, каких он, Джаспер, никогда не испытывал, или краски заката, какого он никогда не видел. И мало того — он оказался столь безрассуден, что проговорился об этом, и вы вместе с остальными подняли его на смех. Что ж удивляться, если парень стал эксцентричным. Что удивляться, если он запирает дверь на ключ…

— Запертая дверь, — зло сказала Анджела, — очень символичный поступок для такого психа, как он.

— Я бы тоже запер дверь, — ответил ей Харт. — Я бы стал эксцентричным, лишь бы печатать такие рассказы, как Джаспер. Я бы ходил на руках. Я бы вырядился в саронг. Я бы даже выкрасил себе лоб и щеки в синий цвет…

— Вы словно верите, что Джаспер прав.

Он снова покачал головой.

— Нет, я не думаю, что он прав. Я думаю по-дру-

гому. Но если он хочет думать по-своему, пусть себе думает на здоровье.

— А вот и нет, — возликовала она. — Вы думаете, как он, это у вас на носу написано. Вы допускаете возможность творчества, независимого от машины.

— Нет, не допускаю. Я знаю, что творчество — привилегия машин, а не наша. Мы с вами всего лишь лудильщики, поселившиеся в мансардах. Механики от литературы. И я полагаю, что так оно и должно быть. Конечно, в нас еще жива тоска по прошлому. Она существовала во все эпохи. Где вы, мол, добрые старые времена? Где вы, деньки, когда литературные произведения писали кровью сердца?..

— Что-что, а кровь мы проливаем по-прежнему.

— Джаспер — прирожденный механик, — заявил он. — Вот чего мне недостает. Я не способен даже починить свой мусорный ящик, а вы бы видели, как модернизировал Джаспер свой агрегат…

— Можно нанять кого-нибудь, чтобы произвели ремонт. Есть фирмы, которые прекрасно справляются с подобной работой.

— На это у меня никогда нет денег. — Он допил

пиво и поинтересовался: — А что такое у вас в бокале? Хотите повторить?

Она оттолкнула бокал от себя.

— Не нравится мне эта дрянь. Я лучше выпью с вами пива, если не возражаете.

Харт жестом приказал Блейку принести два пива.

— Что вы нынче поделываете, Анджела? Все еще работаете над романом?

— Готовлю фильмы.

— Мне сегодня придется заняться тем же. Чтобы выполнить заказ Ирвинга, понадобится главный герой. Большой, сильный, темпераментный — но не слишком страшный. Поищу где-нибудь у реки…

— Теперь они в цене, Кемп, — сказала она. — Инопланетяне нынче поумнели. Даже самые дальние. Только вчера я заплатила одному из них двадцатку, а ведь он не представлял собой ничего особенного.

— Все равно это дешевле, чем покупать готовые фильмы.

— Тут я с вами согласна. Правда, и работы прибавляется.

Блейк принес пиво, и Харт отсчитал ему мелочь в подставленную ладонь.

— Возьмите пленку нового типа, — посоветовала Анджела. — Она куда лучше прежних по всем показателям. Резкость гораздо выше, а значит, улавливается больше побочных факторов. Характеры очерчиваются более плавно. Вы приобретаете способность видеть, так сказать, все оттенки исследуемой личности. И персонажи сразу становятся более достоверными. Я пользуюсь именно такой пленкой.

— За нее, должно быть, дерут втридорога.

— Да, довольно дорого, — согласилась она.

— У меня сохранилась еще парочка катушек старого образца. Придется обойтись тем, что есть.

— Могу ссудить вам полсотни, если позволите.

Он покачал головой еще решительнее, чем раньше.

— Спасибо, Анджела. Я могу клянчить на выпивку, обедать за чужой счет и стрелять сигареты, но я не могу взять у вас полсотни, которые вам самой нужны позарез. Среди нас просто нет богатеев, способных раздавать в долг по полсотни.

— Но я ссудила бы вам их с радостью. Если вы передумаете…

— Хотите еще пива? — спросил Харт, чтобы положить конец неприятной теме.

— Мне нужно работать.
— Мне тоже…

Он вскарабкался на седьмой этаж, прошел по коридору и постучался к Джасперу Хансену.

— Минуточку, — донесся голос из-за двери. Но прошло минуты три, прежде чем ключ заскрежетал в замке и дверь распахнулась. — Прости, что так долго, — извинился Джаспер. — Вводил в машину исходные данные и не мог оторваться.

Харт кивнул. Объяснение Джаспера было нетрудно принять. Прервать на середине набор исходных данных, на подготовку которых уходили многие часы, — дело почти немыслимое.

Комната у Джаспера была маленькая и захламленная. В углу красовался сочинитель, гордый и блестящий, хоть и не такой блестящий, как тот, которым Харт любовался утром в салоне в центре города. На столе, полуприкрытая разбросанными бумажками, стояла пишущая машинка. Длинная полка провисала под тяжестью потрепанных справочников. Книги в ярких обложках громоздились в беспорядке на полу. На неприбранной постели спала кошка. На шкафу виднелась бутылка вина и рядом с нею кусок хлеба. Раковина была завалена грязной посудой.

— Говорят, ты собираешься в отпуск, Джас-

пер, — начал Харт.

Джаспер ответил настороженно:

— Да, мне подумалось, что можно бы…

— Послушай, Джаспер, не окажешь ли ты мне одну услугу?

— Все, что только пожелаешь.

— Пока тебя не будет, разреши мне воспользоваться твоим сочинителем.

— Ну, в общем… Не знаю, Кемп. Видишь ли…

— Мой вышел из строя, а на ремонт у меня нет денег. И вдруг я, представь, получаю заказ. Если бы ты разрешил мне поработать на твоей машине, я бы за неделю-другую выдал достаточно, чтоб отремонтировать свою.

— Ну, в общем, — повторил Джаспер, — я для тебя готов на все. Проси чего хочешь. Но сочинитель — извини, никак не могу разрешить тебе работать на нем. Я его полностью перепаял. Там нет ни одной цепи, которая осталась бы в первозданном виде. И никто во всем мире, кроме меня, не сумеет теперь с ним совладать. А если попробует, то или машину сожжет, или себя угробит, или не знаю что…

— Но разве ты не можешь меня проинструктировать?! — воскликнул Харт почти умоляюще.

— Слишком сложно. Я с ней возился годами.

Харт еще ухитрился выжать из себя улыбку.

— Прости, я думал…

Джаспер положил руку ему на плечо.

— Что-нибудь другое — пожалуйста. Что угодно другое.

— Спасибо, — бросил Харт, отворачиваясь.

— Выпить хочешь?

— Нет, спасибо, — ответил Харт и вышел.

Преодолев еще два лестничных марша, он поднялся на самый верхний этаж и ввалился к себе. Его дверь никогда не запиралась. При всем желании никто не высмотрел бы у него ничего достойного кражи. «И коль на то пошло, — спросил он себя, — разве у Джаспера есть что-нибудь, что представило бы интерес для других?»

Он опустился на колченогий стул и уставился на сочинитель. Машина была старая и обшарпанная, она раздражала его, и он ее ненавидел. Она не стоила ни гроша, абсолютно ни гроша, и тем не менее придется на ней работать. Поскольку другой у него нет и не предвидится. Он может подчиняться ей, а может спорить с ней, может ее пинать и бранить последними словами, а может проводить подле нее бессонные ночи. А она, урча и кудахтая от признательности, будет самонадеянно выдавать необъятные груды по-

средственных строк, которые никто не купит.

Он встал и подошел к окну. Внизу блестела река. С судов, пришвартованных у причалов, выгружали бумажные рулоны, чтобы прокормить ненасытные печатные станки, грохочущие день и ночь. За рекой из космопорта поднимался корабль, оставляя за кормой слабое голубое сияние ионных потоков. Харт наблюдал за кораблем, пока тот не исчез из виду.

Там были и другие корабли, нацеленные в небо, ожидающие только сигнала — нажатия кнопки, щелчка переключателя, легкого движения ленты с навигационной программой, — сигнала, который сорвал бы их с места и направил домой. Сначала в черноту космоса, а затем в то таинственное ничто вне времени и пространства, где можно бросить вызов теоретическому пределу — скорости света. Корабли, прибывшие на Землю с многих звезд с одной-единственной целью, за одним-единственным товаром, какой предлагали им земляне.

Харт не без труда стряхнул с себя чары космопорта и обвел взглядом раскинувшийся до горизонта город — скученные, отесанные до полного однообразия прямоугольники района, где жил он сам, а дальше к северу сияющие ска-

зочной легкостью и тяжеловесным величием башни, построенные для знаменитых и мудрых.

«Фантастический мир, — подумал он. — Фантастический мир, где приходится жить. Вовсе не такой, каким рисовали его Герберт Уэллс и Стэплдон. Они воображали себе дальние странствия и галактические империи, гордость и славу человечества, — но когда двери в космическое пространство наконец отворились, Земле каким-то образом не досталось ни того ни другого. Взамен грома ракет — грохот печатных машин. Взамен великих и возвышенных целей — тихий, вкрадчивый, упрямый голос сочинителя, зачитывающего очередной опус. Взамен нескончаемой череды новых планет — комнатка в мансарде и изматывающий страх, что машина подведет тебя, что исходные данные неверны, а пленки использовались слишком часто...»

Он подошел к столу и выдвинул все три ящика один за другим. Камеру он обнаружил в нижнем ящике под ворохом всякой дряни. Потом порыскал еще и в среднем ящике нашел пленку, завернутую в алюминиевую фольгу.

«Стало быть, большой и сильный, — подумал он. — Такого, наверное, нетрудно встретить в каком-нибудь подвальчике у реки, где космические

волки, получившие увольнительную в город, проматывают свои денежки…»

В первом подвальчике, куда он заглянул, было смрадно — там расположилась компания паукообразных существ из системы Спики, и он там не остался. Недовольно поморщившись, он выбрался на улицу со всей быстротой, на какую оказался способен. Соседний погребок облюбовали похожие на раскормленных котов обитатели Дагиба, и это тоже было совсем не то, что надо.

Зато в третьем заведении его ждала удача в образе гуманоидов со звезды Каф — созданий дородных и шумных, склонных к экстравагантности в одежде, вызывающему поведению и вообще падких до роскошной жизни. Они сгрудились вокруг большого круглого стола в центре комнаты и увлеченно буянили: стучали по столу кружками, гонялись за удирающим от них хозяином, заводили песни, но тут же сами прерывали их выкриками и перебранкой.

Харт проскользнул в незанятую кабинку и стал присматриваться к загулявшим кафианам. На одном из них, самом крупном, самом громогласном и самом буйном, были красные штаны и рубаха цвета яркой зелени. Платиновые ожерелья и диковинные чужеземные украшения

болтались у него на шее и сверкали на груди, а волосы он, похоже, не стриг месяцами. У него была и борода довольно сатанинского вида, а также — поразительная штука — чуть заостренные уши. Ссориться с ним, судя по всему, было весьма и весьма небезопасно. «Вот он, — решил Харт, — вот типаж, который мне нужен».

Наконец к кабинке кое-как подобрался хозяин.

— Пива, — распорядился Харт. — Большой стакан.

— Да что вы, — удивился хозяин, — кто же у нас пьет пиво!

— Ну хорошо, а что у вас есть?

— Бокка, игно, хзбут, грено. Ну и еще…

— Тогда бокка, — отрезал Харт. По крайней мере, он представлял себе, что такое бокка, а об остальных напитках никогда и не слыхивал. Кто их знает, что они способны сотворить с человеком. Глоток бокка, во всяком случае, пережить можно.

Хозяин ушел и спустя какое-то время вернулся с кружкой бокка — зеленоватого, слегка обжигающего пойла. По вкусу пойло напоминало слабенький раствор серной кислоты.

Харт вжался поглубже в угол кабинки и открыл футляр камеры. Потом приподнял камеру над

столом — не выше, чем было необходимо, чтобы захватить Зеленую Рубаху в поле зрения объектива. Наклонившись к видоискателю, поймал кафианина в фокус и тут же нажал кнопку, приводящую аппарат в действие. И, покончив с этим, принялся прихлебывать бокка.

Высидеть вот так, давясь едким пойлом и орудуя камерой, предстояло четверть часа. Четверти часа хватит за глаза. Через четверть часа Зеленая Рубаха окажется на пленке. Может, и не столь исчерпывающе, как если бы Харт применял ту же новомодную пленку, что и Анджела, но своего героя он получит.

Камера крутилась, запечатлевая физические характеристики кафианина, его манеры, любимые обороты речи, мыслительные процессы (при наличии таковых), образ жизни, происхождение, вероятные реакции перед лицом тех или иных обстоятельств. «Пусть не в трех измерениях, — подумал Харт, — пусть без проникновения в душу героя и без развернутого ее анализа, но для той халтуры, что нужна Ирвингу, сойдет и так…»

Взять этого весельчака, окружить тремя-четырьмя головорезами, выбранными наудачу из досье. Можно использовать какую-нибудь из пленок серии «Рыцарь голубой тьмы». Ввернуть

туда что-нибудь заковыристое про сокровища, добавить капельку насилия, притом на каком-нибудь жутком фоне, — и пожалуйста, готово, если, конечно, сочинитель не откажет…

Десять минут прошло. Осталось всего пять. Еще пять минут — и он остановит камеру, сунет ее обратно в футляр, а футляр в карман и выберется отсюда как можно скорее. Разумеется, стараясь не привлечь ничьего внимания.

«А все получилось довольно просто, — подумал он, — много проще, чем я рассчитывал…»

Как это Анджела сказала? «Все нынче поумнели, даже инопланетяне…»

Осталось три минуты.

Неожиданно на стол опустилась рука и загребастала камеру. Харт стремительно обернулся. У него за спиной, с камерой под мышкой, стоял хозяин.

«Ну и ну, — подумал Харт, — я так старательно следил за кафианами, что начисто забыл про этого типа!»

— Ах так! — зарычал хозяин. — Пролез сюда обманом, а теперь фильм снимаешь! Хочешь, чтобы мое заведение приобрело дурную славу?

Харт опрометью кинулся прочь из кабинки в отчаянной надежде прорваться к двери. У него

еще оставался какой-то, пусть призрачный, шанс. Но хозяин ловко подставил ногу, Харт упал, перекувырнулся через голову, проехал по полу, сшибая мебель, и очутился под столом.

Кафиане вскочили с мест и как по команде уставились на него. Было очевидно, что они не возражали бы, если бы он свернул себе шею.

Хозяин что было силы бросил камеру себе под ноги. С тяжким скрежещущим стоном она разлетелась на куски. Пленка выпала из кассеты и зазмеилась по полу. Откуда-то, дзенькнув, вывалилась пружина, впилась в пол торчком и задрожала.

Харт изловчился, напрягся и выскочил из-под стола. Кафиане двинулись на него — не бросились, не разразились угрозами, а размеренно двинулись, разворачиваясь в стороны, чтобы он не пробился к выходу.

Он отступал осторожно, шаг за шагом, а кафиане продолжали свое неспешное наступление.

И тут он прыгнул вперед, нацелившись в самую середину цепи. Издав боевой клич, наклонил голову и боднул Зеленую Рубаху прямо в живот. Почувствовал, как кафианин качнулся и подался вбок, и на какую-то долю секунды решил, что вырвался на свободу.

Но чья-то волосатая, мускулистая рука дотянулась до него, сгребла и швырнула наземь. Кто-то лягнул его. Кто-то наступил ему на пальцы. А кто-то вновь поставил на ноги и метнул без промаха сквозь открытую дверь на мостовую.

Он упал на спину и проехался по мостовой, крутясь, как на салазках, и совсем задохнувшись от побоев. Остановился он лишь тогда, когда врезался в бровку тротуара напротив забегаловки, откуда его выкинули.

Кафиане всей командой сгрудились в дверях, надрываясь от зычного хохота. Они хлопали себя по ляжкам, били друг друга по спине. Они чуть не складывались пополам. Они потешались и издевались над ним. Половины их жестов он не понимал, но и остальных было довольно, чтобы похолодеть от ужаса.

Он осторожно поднялся и ощупал себя. Потрепали его основательно, понаставили шишек, изорвали одежду. Но переломов, кажется, удалось избежать. Прихрамывая, он попробовал сделать шаг, второй. Потом попытался пуститься бегом и, к собственному удивлению, обнаружил, что может бежать.

За его спиной кафиане все еще гоготали. Но кто возьмется предугадать, когда происшедшее

перестанет казаться им просто смешным и они помчатся вдогонку, возжаждав крови?

Пробежав немного, он нырнул в переулок, который вывел его на незнакомую площадь причудливой формы. Он пересек эту площадь и, не задерживаясь, юркнул в проходной двор — по-прежнему бегом. В конце концов он поверил, что достиг безопасности, и в очередном переулке присел на ступеньки, чтоб отдышаться и обдумать свое положение.

Положение — в чем, в чем, а в этом сомневаться не приходилось — было хуже некуда. Он не только не заполучил нужного героя, но и потерял камеру, подвергся унижениям и едва не расстался с жизнью.

И он был бессилен что-либо изменить. «В сущности, — сказал он себе, — мне еще крупно повезло. С юридической точки зрения у меня нет ни малейшего оправдания. Я сам кругом виноват. Снимать героя без разрешения прототипа — значит грубо нарушить закон…»

А с другой стороны, какой же он преступник? Разве у него было сознательное намерение нарушить закон? Его к этому вынудили. Каждый, кого удалось бы уговорить позировать в качестве героя, потребовал бы платы за труды — платы куда

большей, чем Харт был в состоянии наскрести.

И ведь он по-прежнему нуждался, отчаянно нуждался в герое! Или он найдет героя, или потерпит окончательный крах.

Он заметил, что солнце село и город погружается в сумерки. «Вот и день прошел, — мелькнула мысль. — Прошел впустую, и некого винить, кроме себя самого».

Проходивший мимо полицейский приостановился и заглянул в переулок.

— Эй, — обратился он к Харту, — ты чего здесь расселся?

— Отдыхаю, — ответил Харт.

— Прекрасно. Посидел, отдохнул. А теперь шагай дальше.

Пришлось встать и шагать дальше.

Он уже почти добрался до своего пристанища, как вдруг услышал плач, донесшийся из тупичка между стенкой жилого дома и переплетной мастерской. Плач был странный, не вполне человеческий — пожалуй, и не плач даже, а просто выражение горя и одиночества.

Харт придержал шаг и осмотрелся. Плач прекратился, но вскоре начался опять. Это был тихий плач, безнадежный и безадресный, плач ради плача.

Он немного постоял в нерешительности и пошел своей дорогой. Но не прошел и трех шагов, как вернулся, заглянул в тупичок — и почти сразу задел ногой за что-то лежащее на земле.

Присев на корточки, он присмотрелся к тому, что лежало в тупичке, заливаясь плачем. И увидел комок — точнее не определишь, — мягкий, бесформенный, скорбный комок, издающий жалобные стоны.

Харт поддел комок рукой и приподнял, с удивлением обнаружив, что тот почти невесом. Придерживая находку одной рукой, он другой пошарил по карманам в поисках зажигалки. Отыскал, щелкнул крышкой — пламя едва светило, и все же он разглядел достаточно, чтоб испытать резкую дурноту. В руках у него оказалось старое одеяло с подобием лица — лицо начало было становиться гуманоидным, но затем почему-то передумало. Вот и все, что являло собой это удивительное создание, — одеяло и лицо.

Поспешно сунув зажигалку в карман, он скорчился в темноте, ощущая, как при каждом вдохе воздух встает в горле колом. Создание было не просто инопланетным. Оно было прямо-таки немыслимым даже по инопланетным меркам. И каким, собственно, образом мог инопланетянин

очутиться так далеко от космопорта? Инопланетяне редко бродят поодиночке. У них на это не остается времени — корабли прибывают, загружаются чтивом и тут же, без задержки, идут на взлет. И экипажи стараются держаться поближе к ракетным причалам, чаще всего застревая в подвальчиках у реки.

Он поднялся на ноги, прижав существо к груди, словно ребенка, — ребенок и тот оказался бы, наверное, тяжелее, — и ощутил телом тепло, которое существо излучало совершенно по-детски, а сердцем — непривычное чувство товарищества. Секунду-другую Харт постоял в тупичке, мучительно роясь в памяти и пытаясь настичь какое-то ускользающее воспоминание. Где-то когда-то он как будто что-то слышал или читал о подобном инопланетянине. Но это, разумеется, чепуха — инопланетяне, даже самые фантастические из них, не являются в образе одеяла с подобием лица.

Выйдя из тупичка на улицу, Харт вновь бросил взгляд на одеяло, хотел рассмотреть его получше. Но часть одеяла-тела завернулась, прикрыв лицо, и разглядеть удалось лишь смутную рябь.

Через два квартала он дотащился до «Светлой звездочки», завернул за угол к боковому подъезду

и стал взбираться по лестнице. Кто-то спускался сверху, и он прижался к перилам, уступая дорогу.

— Кемп, — окликнула его Анджела Маре. — Кемп, что у вас в руках?

— Вот, подобрал на улице, — объяснил Харт.

Он пошевелил рукой, и одеяло-тело соскользнуло с лица, Анджела отпрянула и одновременно прижала ладонь к губам, чтобы не закричать.

— Кемп! Какой ужас!

— Мне кажется, оно нездорово. Оно…

— Что вы намерены с ним делать?

— Не знаю, — ответил Харт. — Оно горько плакало. Прямо сердце разрывалось. Я не в силах был его бросить.

— Пойду позову доктора Жуйяра.

Харт покачал головой.

— А что толку? Он же ни черта не смыслит в инопланетянах. Кроме того, он наверняка пьян.

— Никто не смыслит в инопланетянах, — напомнила ему Анджела. — Может, в центре и нашелся бы специалист… — По ее лицу пробежало облачко. — Но ничего, наш док изобретателен. Он нам хотя бы скажет…

— Ладно, — согласился Харт. — Попробуйте, может, вам и в самом деле удастся его откопать.

У себя в комнате он положил инопланетянина на кровать. Загадочное существо больше не хныкало, а закрыло глаза и, кажется, заснуло, хотя он и не мог бы поручиться за это.

Он присел на край кровати и стал разглядывать своего незваного гостя — и чем дольше разглядывал, тем меньше логики находил в том, что видел. Только теперь он осознал, каким тонким было это одеяло, каким легким и хрупким. Удивительное дело, как нечто столь немощное вообще ухитряется выжить, как умещаются в столь неподходящем теле все необходимые для жизни органы.

Может быть, оно голодно? Но если да, какого рода пищу оно потребляет? А если оно и впрямь нездорово, то разве мыслимо надеяться его вылечить, когда ничего, ровным счетом ничего о нем не знаешь?

А вдруг док?.. Да нет, док знает тут не больше, чем он сам. Док Жуйяр ничем не лучше любого другого в округе — перебивается с хлеба на воду, обожает, коль подвернется случай, выпить на дармовщинку да еще пытается лечить больных, не имея нужных инструментов и обходясь познаниями, не обновляемыми вот уже четыре десятка лет…

На лестнице послышались шаги — сперва легкие, а за ними тяжелые, шаркающие. Надо полагать, Анджела и Жуйяр. И уж если она разыскала его так быстро, то может статься, он достаточно трезв и способен действовать и думать, не теряя координации.

Доктор вошел в комнату, сопровождаемый Анджелой. Поставил на пол свой саквояжик, удостоив существо на постели лишь беглым взглядом.

— Ну, так что у нас здесь? — произнес он, и это был, наверное, первый случай за всю его карьеру, когда затертая профессиональная фраза обрела известный смысл.

— Кемп подобрал его на улице, — торопливо ответила Анджела. — Оно плакало, а теперь перестало.

— Это что, шутка? — спросил Жуйяр, наливаясь гневом. — Если шутка, то, молодой человек, весьма и весьма неуместная.

Харт, по своему обыкновению, покачал головой.

— Это не шутка. Я думал, что вам известно…

— Нет, мне не известно, — перебил доктор неприязненно и горько.

Он взялся за краешек одеяла, затем разжал

пальцы, и существо тут же вновь шлепнулось на кровать. Доктор прошелся по комнате взад-вперед, повторил свой маршрут, потом сердито обернулся к Анджеле и Харту:

— Вы, кажется, надеетесь, что я могу что-либо сделать. Да, я мог бы притвориться, что произвожу осмотр. Я мог бы вести себя, как полагается врачу. Уверен, именно на это вы и рассчитывали. Что я пощупаю ему пульс, измерю температуру, взгляну на его язык и выслушаю сердце. Ну что ж, в таком случае не подскажете ли вы мне, каким образом это сделать? Где прикажете искать пульс? А если я найду пульс, то откуда мне знать, какова его нормальная частота? Допустим даже, я придумаю, как измерить температуру, но растолкуйте мне, какую температуру считать нормальной для этого страшилища? И не будете ли вы любезны сообщить мне, как, не прибегая к анатомированию, обнаружить, где у него сердце?

Подхватив саквояжик, он направился к двери.

— Но может, кто-нибудь другой? — спросил Харт самым необидным тоном. — Может, хоть кто-нибудь знает?..

— Сомневаюсь, — отрезал Жуйяр.

— Вы думаете, во всем городе нет никого, кто

мог бы тут чем-нибудь помочь? Вы именно это пытаетесь мне внушить?

— Послушайте, дорогой мой. Медики-люди лечат людей, и точка. Да и зачем требовать от нас большего? Нас что, каждый день вызывают лечить инопланетян? Никто и не ждет от нас, чтобы мы их лечили. Ну, время от времени случается, что какой-нибудь узкий специалист или ученый поинтересуется инопланетной медициной, да и то по верхам. Только по верхам, и не больше. Человек тратит годы жизни на то, чтобы кое-как овладеть нашей земной медициной. Сколько же жизней понадобится, по-вашему, чтобы научиться медицине инопланетной?

— Успокойтесь, док. Успокойтесь, вы правы.

— И откуда вы вообще взяли, что с этим существом не все в порядке?

— Ну как же, оно плакало, вот я и подумал…

— А может, оно плакало от одиночества, или от испуга, или от горя? Может, оно заблудилось?

Доктор снова направился к двери.

— Спасибо, док, — сказал Харт.

— Не за что. — Старик в нерешительности застыл на пороге. — У вас, случаем, не найдется доллара? Я как-то немного поиздержался…

— Пожалуйста, — сказал Харт, протягивая ему

бумажку.

— Завтра верну, — пообещал Жуйяр.

И тяжело поплелся к лестнице. Анджела нахмурилась:

— Не следовало этого делать. Теперь он напьется, и вам придется отвечать…

— Ну не на доллар же, — авторитетно возразил Харт.

— Это по вашим понятиям. Та бурда, какую он пьет…

— Тогда пусть его пьет. Он заслужил хоть капельку счастья.

— Но… — Анджела кивнула в сторону существа на кровати.

— Вы же слышали, что сказал док. Он не в силах ничего предпринять. И никто не в силах ничего предпринять. Когда оно очнется — если очнется, — оно, быть может, само сумеет сообщить, что с ним. Но на такое я, признаться, не рассчитываю.

Он подошел к кровати и окинул распростертое на ней существо пристальным взглядом. Вид у существа был отталкивающий, даже отвратительный — и ни на йоту не гуманоидный. И в то же время от одеяльца веяло таким безотрадным одиночеством, такой беззащитностью, что у Хар-

та перехватило дыхание.

— Наверное, следовало оставить его в тупичке, — проговорил он. — Я ведь совсем уже пошел дальше. Но оно опять ударилось в плач, и я не выдержал. Наверное, вообще не стоило с ним связываться. Все равно я ничем ему не помог. Если бы я его там и оставил, дело могло бы повернуться к лучшему. Может, другие инопланетяне уже взялись его искать…

— Все вы сделали правильно, — перебила Анджела. — Что за манера воевать с ветряными мельницами? — Она пересекла комнату и села в кресло. Он передвинулся к окну и мрачно взирал на городские крыши, когда она спросила: — А с вами-то что случилось?

— Ничего.

— Но ваша одежда! Вы только посмотрите на свою одежду!..

— Вышвырнули из погребка. Пытался снять фильм.

— Не заплатив за него?

— У меня нет денег.

— Я же предлагала вам полсотни.

— Знаю, что предлагали. Только я не мог их взять. Неужели вы не понимаете, Анджела? Не мог, и все тут!

Она сказала мягко:

— Вы же так бедствуете, Кемп.

Он вскинулся, словно его ударили. Кто ее просил говорить об этом! Какое она имела право! Да она сама…

Он успел остановиться, прежде чем слова вылетели наружу.

Она имела право. Она предлагала ему полсотни — но дело не только в деньгах. Она имела право сказать об этом потому, что понимала — она заслужила такое право. Ведь никто в целом мире не относится к нему так искренне, как она…

— Я не в состоянии больше писать, Анджела, — пожаловался он. — Как ни стараюсь, у меня ничего не выходит. Машина — сущее барахло, пленки протерты до дыр, а иные даже залатаны.

— Что вы сегодня ели?

— Выпил с вами пива и еще кружку бокка.

— Это не называется есть. Вымойтесь и переоденьтесь, потом мы с вами спустимся вниз и купим вам еды.

— На еду у меня у самого хватит.

— Знаю. Вы говорили про аванс от Ирвинга.

— Это был не аванс.

— И об этом знаю, Кемп.

— А что будет с инопланетянином?

— Да ничего с ним не будет — по крайней мере за то время, какое нужно, чтобы перекусить. Чем вы ему поможете, стоя рядом? Вы же понятия не имеете, как ему помочь.

— Пожалуй, вы правы.

— Разумеется, я права. А теперь ступайте и смойте грязь с лица. И не забудьте заодно вымыть уши.

В «Светлой звездочке» сидел один лишь Джаспер Хансен. Они подошли и сели за тот же столик. Джаспер приканчивал блюдо свиных ножек с кислой капустой, запивая их вином, что казалось уже форменным святотатством.

— А где остальные? — поинтересовалась Анджела.

— Тут по соседству вечеринка, — объяснил Джаспер. — Кто-то продал книгу.

— Кто-то, с кем мы знакомы?

— Да нет, черт возьми. Просто кто-то продал книгу. С каких это пор требуется официальное знакомство, чтобы прийти на вечеринку к человеку, когда тот продал книгу?

— Я ни о чем подобном давно не слышала.

— А кто слышал? Какой-то чудак заглянул в дверь, крикнул про вечеринку, и все сразу снялись и пошли. Все, кроме меня. Мне недосуг

шляться по вечеринкам. Меня ждет работа.

— Что, и закуска бесплатная? — спросила Анджела.

— Ну да. Впрочем, дело не в этом. Пусть мы достойные, уважающие себя ремесленники, и все равно каждый готов шею себе свернуть, лишь бы урвать бесплатный сандвич и стопку.

— Времена тяжелые, — заметил Харт.

— Только не для меня, — откликнулся Джаспер. — Я завален заказами.

— Но заказы еще не решают главной проблемы.

Джаспер одарил его внимательным взглядом и подергал себя за подбородок.

— А что считать главным? — спросил он требовательно. — Вдохновение? Преданность делу? Талант? Попробуй-ка ответь. Мы механики, и этим все сказано. Наш удел — машины и пленки. Мы должны поддерживать массовое производство, запущенное двести лет назад. Конечно, оно механизировано, иначе оно не стало бы массовым, иначе нельзя было бы выдавать рассказы и романы даже при полном отсутствии таланта. Это наша работа — выдавать тонны хлама для всей распроклятой Галактики. Чтоб у них там дух захватывало от похождений щелеглазой Энни,

королевы космических закоулков. И чтоб ее ненаглядный, вчера прошитый шестью очередями, сегодня был жив и здоров, а завтра снова прошит навылет, и вновь заштопан на скорую руку, и…

Джаспер достал вчерашнюю газету, раскрыл ее и саданул по странице кулаком.

— Видели? Так прямо и назвали: «Классик». Гарантированно не сочиняет ничего, кроме классики…

Харт вырвал газету из рук Джаспера, и точно: там была статья на целую полосу и в центре снимок, а на снимке — тот самый изумительный сочинитель, который он, Харт, разглядывал сегодня в салоне.

— В скором будущем, — заявил Джаспер, — единственным требованием в творчестве останется простейшее: имей кучу денег. Имеешь — тогда пойди купи машину вроде этой и прикажи ей: «Сочини мне рассказ», потом нажми кнопку или поверни выключатель, а может, просто пни ее ногой, и она выплюнет твой рассказ готовеньким вплоть до последнего восклицательного знака. Раньше еще изредка удавалось купить подержанную машину, скажем, за сотню долларов и вытрясти из нее какое-то число строк — пусть не первоклассных, но находящих

спрос. Сегодня надо выложить бешеные деньги за машину да еще купить дорогую камеру и бездну специальных фильмов и перфолент. Придет день, — изрек он, — и человечество перехитрит само себя. Придет день, когда мы замеханизируемся до того, что на Земле не останется места людям, только машинам.

— Но у вас-то дела идут неплохо, — заметила Анджела.

— Это потому, что я вожусь со своей машиной с утра до ночи. Она не дает мне ни минуты покоя. Моя комната теперь не то кабинет, не то ремонтная мастерская, и я понимаю в электронике больше, чем в стилистике.

Подошел, волоча ноги, Блейк и рявкнул:

— Что прикажете?

— Я сыта, — ответила Анджела, — мне только стакан пива.

Блейк повернулся к Харту:

— А для вас?

— Дайте мне то же, что и Джасперу, но без вина.

— В долг не дам.

— Кто, черт побери, просит у вас что-нибудь в долг? Или вы надеетесь, что я заплачу вам раньше, чем вы принесете еду?

— Нет, — огрызнулся Блейк. — Но вы заплатите мне сразу же, как я ее принесу.

Он отвернулся и зашаркал прочь.

— Придет день, — продолжал Джаспер, — когда этому наступит конец. Должен же когда-то наступить конец, и мы, по-моему, подошли к нему вплотную. Механизировать жизнь можно лишь до какого-то предела. Передать думающим машинам можно многие виды деятельности, но все-таки не все. Кто из наших предков мог бы предположить, что литературное творчество будет низведено к инженерным закономерностям?

— А кто из наших предков, — подхватил Харт, — мог бы догадаться, что земная культура трансформируется в чисто литературную? Но ведь сегодня именно так и произошло. Конечно, существуют заводы, где строят для нас машины, и лесосеки, где валят деревья, чтобы превратить их в бумагу, и фермы, где выращивают пищу, существуют и другие профессии и ремесла, нужные для поддержания цивилизации. Но если брать в общем и целом, то Земля сегодня сосредоточила свои усилия на беспрерывном производстве литературы для межзвездной торговли.

— А восходит все это, — сказал Джаспер, — к одной нашей занятной особенности. Казалось бы,

невероятно, что подобная особенность послужит нам на пользу, но факт есть факт. На нашу долю выпало родиться лжецами. Единственными на всю Галактику. На всех бесчисленных мирах правду почитают за универсальную постоянную, мы — единственное исключение.

— Вы судите чересчур сурово, — запротестовала Анджела.

— Пусть сурово, тут уж ничего не поделаешь. Мы могли бы стать великими торгашами и обобрали бы всех остальных до нитки, пока те только еще соображали бы, что к чему. Свой талант к неправде мы могли бы использовать тысячью разных способов и, не исключаю, даже сберегли бы в целости свои головы. Но мы нашли этому таланту уникальное, абсолютное по безопасности применение. Ложь стала нашей продажной добродетелью. Теперь нам дозволено лгать вволю, всласть — любую ложь съедят на корню. Никто, кроме нас, землян, нигде и никогда не пробовал сочинять литературу — ни ради развлечения, ни ради морали, ни во имя какой-либо другой цели. Не пробовал потому, что литература неизбежно означает ложь, а мы, оказывается, единственные лжецы на всю Вселенную…

Блейк принес пиво для Анджелы и свиные

ножки для Харта. Пришлось рассчитаться с ним не откладывая.

— У меня остался еще четвертак, — удивился Харт. — Есть у вас какой-нибудь пирог?

— Яблочный.

— Тащите порцию, плачу авансом.

— Вначале, — не унимался Джаспер, — рассказы передавали из уст в уста. Потом записывали от руки, а теперь изготовляют на машинах. Но разумеется, это тоже не вечно. Найдется еще какой-нибудь хитрый метод. Какой-нибудь иной, лучший путь. Какой-нибудь принципиально новый шаг.

— Я согласился бы на все, — объявил Харт. — На любой метод, на любой путь. Я бы даже стал писать от руки, если бы надеялся, что у меня купят написанное.

— Как вы можете! — вознегодовала Анджела. — По-моему, на эту тему шутить и то неприлично. С такой шуточкой можно еще смириться, пока мы втроем, но если я когда-нибудь услышу…

Харт замахал руками.

— Забудем об этом. Извините, сморозил глупость.

— Разумеется, литературный экспорт, — продолжал Джаспер, — серьезное доказательство

ума человека, приспособляемости и находчивости человечества. Ну не смешно ли: методы большого бизнеса применяются к профессии, которая от века слыла совершенно индивидуальной. Но ведь получается! Не сомневаюсь, что рано или поздно сочинительское дело будет и впрямь поставлено на конвейер и литературные фабрики станут дымить в две смены.

— Ну нет, — вмешалась Анджела. — Тут вы ошибаетесь, Джаспер. При всей механизации наша профессия требует одиночества, как ни одна другая.

— Верно, — согласился Джаспер. — И признаться, я лично от одиночества ничуть не страдаю. Наверное, должен бы страдать, но не страдаю.

— Что за гнусный способ зарабатывать себе на жизнь! — воскликнула вдруг Анджела с ноткой горечи в голосе. — Чего мы, в сущности, добиваемся?

— Делаем людей счастливыми — если, конечно, именовать всех наших читателей людьми. Обеспечиваем им развлечение.

— А заодно внушаем высокие идеалы?

— Бывает, что и идеалы тоже.

— Это еще не все, — сказал Харт. — Не только обеспечиваем, не только внушаем. Мы ведем

экспансию — самую невинную с виду и самую опасную за всю историю человечества. Старые авторы, до первых космических полетов, славили дальние странствия и завоевание Галактики. И я лично думаю, что славили оправданно. Но главную возможность они проглядели начисто. Они не сумели предугадать, что нашим оружием в покорении иных миров станут не крейсеры, но книги. Мы подрываем галактические устои нескончаемым потоком человеческой мысли. Наши слова проникают в такие бездны Вселенной, куда никогда не добрались бы наши корабли.

— Вот именно это я и хотел сказать! — торжествующе вскричал Джаспер. — Ты попал в самую точку. И если уж рассказывать Галактике байки, пусть это будут наши, человеческие байки. Если навязывать инопланетянам билль о добродетелях, пусть это будут наши, человеческие добродетели. Как прикажете сохранить их человеческий смысл, если изложение мы перепоручаем машинам?

— Но ведь машины-то человеческие, — возразила Анджела.

— Машина не может быть полностью человеческой. По самой своей природе машина универсальна. Она с равным успехом может быть

земной и кафианской, построенной на Альдебаране или в созвездии Дракона. И это бы еще полбеды. Мы позволяем машине устанавливать норму. С точки зрения механики достоинство заключается в том, чтобы ввести шаблон. А в литературных вопросах шаблон — требование убийственное. Шаблон не способен измениться. Одни и те же ветхие сюжеты используются под разными соусами снова и снова, до бесконечности.

Может, в данный момент расы, которые нас читают, еще не видят в шаблоне греха, поскольку пока не развили в себе даже отдаленного подобия критических способностей. Но мы-то должны видеть! Должны хотя бы ради простой профессиональной гордости, которую мы предположительно еще не утратили. В том-то и беда, что машины уничтожают в нас эту гордость. Некогда сочинительство было искусством. Теперь оно таковым не является. Книги штампуются на машинах, как типовые стулья. Пусть даже неплохие стулья, вполне пригодные для того, чтобы на них сидеть, но не отличающиеся друг от друга ни красотой, ни мастерством сборки, ни…

Дверь с грохотом распахнулась, и по полу загремели тяжелые шаги. На пороге вырос Зеленая

Рубаха, а за ним, скалясь дьявольскими усмешками, сгрудилась вся команда кафиан.

Зеленая Рубаха придвинулся к столику, сияя радостью и приветственно раскинув руки. Остановившись подле Харта, пришелец похлопал его увесистой ладонью по плечу.

— Ты меня помнить, нет? — осведомился он, медленно и старательно подбирая слова.

— Конечно, — ответил Харт, поперхнувшись. — Конечно, я вас помню. Разрешите представить вам мисс Маре и мистера Хансена.

Зеленая Рубаха произнес с заученной правильностью:

— Счастлив быть знаком, уверяю нас.

— Присаживайтесь, — пригласил Джаспер.

— Очень рад, — сказал Зеленая Рубаха и сел, подтащив к себе стул. При этом ожерелья у него на шее мелодично звякнули.

Один из кафиан с пулеметной скоростью прострекотал что-то на своем языке. Зеленая Рубаха ответил отрывисто и махнул в сторону двери. Все кафиане, кроме него, вышли из бара.

— Он быть обеспокоен, — пояснил Зеленая Рубаха. — Мы замедлять… как это сказать… мы задерживать корабль. Они без нас отнюдь не улететь. Но я указать ему не беспокоиться. Капитан

счастлив замедлять корабль, когда увидеть, кого мы привести. — Он наклонился, потрепал Харта по колену и сообщил: — Я тебя искать. Искать широко и долго.

— Это что еще за шут гороховый? — спросил Джаспер.

— Шут гороховый? — переспросил кафианин, насупившись.

— Титул, означающий крайнюю степень уважения, — поспешно заверил Харт.

— Ясно, — сказал Зеленая Рубаха. — Вы все писать истории?

— Да. Все трое.

— Но ты писать лучше всех?

— Ну, знаете, — пролепетал Харт, — я бы так не сказал. Видите ли…

— Ты писать выстрелы и погони? Бах-бах, трата-та-та?

— М-да… Виноват, действительно приходится.

Зеленая Рубаха засмущался и произнес виновато:

— Знать я раньше, разве посметь бы мы выбросить тебя из таверны? Это выглядеть очень смешно. Мы же не знать, что ты писать истории. Когда узнать, кто ты, то бежать тебя ловить. Но ты убегать и прятаться.

— Что тут все-таки происходит? — вмешалась Анджела.

Кафианин зычно кликнул Блейка.

— Обслужить, — распорядился он. — Эти люди есть мои друзья. Подать им самое-самое лучшее.

— Лучшее, что у меня есть, — отозвался Блейк ледяным тоном, — это ирландское виски по доллару за стопку.

— Монет у меня много, — заверил Зеленая Рубаха. — Ты подать это, что я не повторить, и ты получать, что просить. — Он обернулся к Харту: — Я приготовить тебе новость, мой друг. Мы очень любить писателей, которые уметь писать бах-бах. Мы читать их всегда-всегда. Получать большое возбуждение.

Джаспер захохотал. Зеленая Рубаха резко повернулся, удивленный, и его кустистые брови сошлись к переносице.

— Это смех от счастья, — поторопился разъяснить Харт. — Он обожает ирландское виски.

— Прекрасно, — заявил Зеленая Рубаха, просияв. — Вы пить что пожелать. Я платить монету. Это… как это сказать… за мной. — Когда Блейк принес виски, кафианин заплатил ему и добавил: — Подать сюда сосуд целиком.

— Сосуд?

— Он имеет в виду бутылку.

— Это же двадцать долларов!

— Ясно, — сказал Зеленая Рубаха и заплатил. Они выпили, и кафианин вновь повернулся к Харту: — Моя новость, что тебе ехать с нами.

— Как ехать? Куда? На корабль?

— На нашей планете никогда нет настоящего живого писателя. Ты стать очень доволен. Только оставаться с нами и писать для нас.

— Ну, — промямлил Харт, — я не вполне уверен…

— Ты пытаться снять фильм. Хозяин таверны объяснять нам про это. Объяснять, что так против закона. Сказать, что, если я подавать жалобу, возникать большая неприятность.

— Не ходите с ними, Кемп, — забеспокоилась Анджела. — Не позволяйте этому чуду-юду запугать вас. Мы заплатим за вас штраф.

— Я не подавать жалобу, — кротко вымолвил Зеленая Рубаха. — Я просто вернуться туда с тобой вместе и разнести там все ко всем чертям.

Блейк притащил бутылку и с грохотом водрузил ее в центр стола. Кафианин подхватил ее и наполнил стопки до краев.

— Выпить, — предложил он и первым подал пример.

Харт выпил следом за ним, и кафианин сразу же наполнил стопки снова. Харт приподнял свою и стал вертеть ее в руках. «Должен же существовать выход даже из такого дурацкого положения, — уговаривал он себя. — Ну не чепуха ли, что этот громогласный варвар с одного из самых дальних солнц является в бар, как к себе домой, и требует, чтобы я отправился вместе с ним! Однако не затевать же драку — невелик расчет, когда на улице поджидает целая банда кафиан…»

— Я объяснять тебе все, — произнес Зеленая Рубаха. — Я очень стараться объяснять, чтобы ты… чтобы ты…

— Уразумел, — подсказал Джаспер Хансен.

— Спасибо, человек по имени Хансен. Чтобы ты уразуметь. Мы покупать истории совсем недавно. Многие расы покупать их давно, но для нас это есть ново и очень удивительно. Это выводить нас — как это сказать — из самих себя. Мы покупать много вещей с разных звезд, вещей подержать в руках, понять и применить. Но от вас мы покупать путешествия в дальние места, представления про большие подвиги, мысли про великие материи. — Он еще раз наполнил стопки по кругу и осведомился: — Все уразуметь, все трое? А теперь, — добавил он, когда они кивну-

ли, — теперь давай пойти…

Харт медленно встал.

— Кемп, не ходите! — воскликнула Анджела.

— Ты закрыть рот, — распорядился Зеленая Рубаха.

Харт переступил порог и оказался на улице. Остальные кафиане мгновенно высыпали из темных закоулков и окружили его со всех сторон.

— Давай нажимать! — радостно поторапливал Зеленая Рубаха. — Наши сородичи даже не догадываться, что их ждать!..

На полпути к реке Харт внезапно замер посреди улицы.

— Нет, не могу.

— Что есть не могу? — спросил кафианин, подталкивая его сзади.

— Я позволил вам думать, — сказал Харт, — что я тот самый, кто вам нужен. Позволил, потому что хотел увидеть вашу планету. Но это нечестно. Я не тот, кто вам нужен.

— Ты писать бах-бах или нет? Ты выдумывать погони и выстрелы?

— Конечно да. Но мои погони — не самого высшего сорта. Не такие, от которых никак не оторваться. Есть человек, у которого это выходит лучше.

— Такого нам и надо, — ответил Зеленая Рубаха. — Ты сказать нам, где его найти?

— Это просто. Он сидел с нами за одним столом. Тот, кто был так счастлив, когда вы заказали виски.

— Ты иметь в виду человека по имени Хансен?

— Его, именно его.

— Он тоже писать бах-бах, тра-та-та?

— Много лучше, чем я. Он по этой части гений.

Зеленая Рубаха преисполнился благодарности. В знак чрезвычайного расположения он притянул Харта к себе.

— Ты честный. Ты хороший. Ты такой молодец сказать нам.

В доме через улицу с шумом отворилось окно, и из окна высунулся мужчина.

— Если вы немедленно не разойдетесь по домам, — завопил он, — я позову полицию!

— Значит, мы нарушать мир, — вздохнул Зеленая Рубаха. — Что за странные быть у вас законы! — Окно с шумом затворилось. Кафианин дружелюбно возложил руку Харту на плечо и торжественно произнес: — Мы обожатели погонь и выстрелов. Мы любить высший сорт. Мы объявлять тебе спасибо. Мы отыскать человека по имени Хансен.

И, повернувшись, понесся обратно, а за ним вся его команда.

Харт стоял на углу и смотрел им вслед. Сделал глубокий вдох, затем медленный выдох. «В сущности, добиться своего оказалось совсем нетрудно, — подумал он, — стоило лишь найти правильный подход. И любопытнее всего, что подход-то подсказал мне не кто иной, как Джаспер. Как это он утверждал недавно? Правду почитают за универсальную постоянную. Мы — единственные лжецы на всю Вселенную…»

Джасперу его откровения вышли боком. По правде говоря, Харт сыграл с ним довольно злую шутку. Но ведь он и сам хотел уехать в отпуск, не так ли? Вот ему и вышла увеселительная прогулочка, какие, право же, предлагаются не каждый день. Он отказал собрату в разрешении воспользоваться машиной, он расхохотался оскорбительно, когда упомянул про выстрелы и погони. Если уж кто и напросился на такую шутку, то именно Джаспер Хансен.

А превыше любых оскорблений то, что он постоянно держал свою дверь на замке и тем самым выказывал высокомерное недоверие по отношению к коллегам-писателям.

Харт повернулся в свой черед и скорым шагом

пошел в сторону, противоположную той, где скрылись кафиане. Со временем он, конечно, явится домой — но не теперь. Домой ему не к спеху — пусть сначала шум, поднятый пришельцами, хоть немного уляжется.

Наступил рассвет, когда Харт поднялся по лестнице на седьмой этаж и прошел коридором к двери Джаспера Хансена. Дверь, как водится, была заперта. Но Харт достал из кармана тонкую стальную пружинку, подобранную на свалке, и принялся осторожно ею орудовать. Не прошло и десяти секунд, как замок щелкнул и дверь распахнулась.

Сочинитель притаился в углу, блестящий и ухоженный. Полностью перепаянный, как подтвердил сам Джаспер. Если кто-нибудь другой попробует работать на этой машине, то либо ее сожжет, либо себя угробит. Но это, конечно, пустые разговоры, ширма для маскировки тупого, свинского эгоизма.

«Недели две, не меньше», — сказал себе Харт. Если подойти к делу с умом, то машина будет в его распоряжении по крайней мере недели две. Трудностей не предвидится. Все, что потребуется от него, — соврать, что Джаспер разрешил ему пользоваться машиной в любое время. И если он

успел составить себе правильное представление о кафианах, то сам Джаспер вернется не скоро.

Однако так или иначе двух недель хватит за глаза. За две недели, работая день и ночь, он сумеет выдать достаточно страниц, чтобы купить себе новую машину.

Он не спеша пересек комнату и пододвинул стул, стоящий перед сочинителем. Сел поудобнее, протянул руку и погладил инструмент по панели. Машина была хоть куда. Она выпекала кучу материала, добротного материала. Джаспер не знал отбоя от покупателей.

— Милый старик-сочинитель, — произнес вслух Харт.

Он опустил палец на центральный выключатель и перекинул язычок. Ничего не случилось. Удивленный, он выключил машину, потом включил снова. Опять ничего. Тогда он торопливо вскочил на ноги — проверить, подключена ли машина к сети. Она не была подключена, ее нельзя было подключить к сети! От изумления Харт на мгновение словно прирос к полу.

«Машина полностью перепаяна», — утверждал Джаспер. Перепаяна так искусно, что обходится совсем без тока?

Но это же невозможно. Это попросту немыс-

лимо! Непослушными пальцами он приподнял боковую панель и уставился внутрь машины.

Внутри царил совершенный хаос. Половина ламп отсутствовала вчистую, половина перегорела. Схема во многих местах распаялась и висела клочьями. Весь блок реле был густо присыпан пылью. Хваленая машина на деле представляла собой груду металлолома.

Харт поставил панель на место, ощущая внезапную дрожь в пальцах, попятился назад и натолкнулся на стол. Судорожно ухватился за край стола и сжал доску что было сил, пытаясь утихомирить дрожащие руки, унять бешеный гул в висках.

Машина Джаспера вовсе не была перепаяна. На ней вообще нельзя было работать. Неудивительно, что он держал дверь на замке. Он жил в смертельном страхе, что кто-нибудь вызнает его жуткую тайну: Джаспер Хансен писал от руки!

И теперь, несмотря на злую шутку, сыгранную с достойным человеком, положение самого Харта оказывалось ничуть не веселее, чем прежде. Перед ним стояли те же старые проблемы, и не было никакой надежды их разрешить. В его распоряжении оставался тот же разбитый сочинитель — и ничего больше. Пожалуй, для него и впрямь

было бы лучше улететь на звезду Каф.

Он подошел к двери, повременил минутку и обернулся. Со стола едва заметно выглядывала пишущая машинка, заботливо погребенная под грудой бумаг и бумажек, чтобы создавалось впечатление, что ее никогда и не трогали.

И тем не менее Джаспер печатался! Продавал чуть не каждое написанное слово! Продавал! Горбился ли над столом с карандашом в руке, выстукивал ли букву за буквой на оснащенной глушителем пишущей машинке, но — продавал. Продавал, вообще не включая сочинитель. Наводил на панели глянец, чистил и полировал их, но под панелями-то было пусто! А он все равно продавал, прикрываясь машиной как щитом от насмешек и ненависти остальных, многоречивых и бездарных, слепо верующих в мощь металла и магию громоздких приспособлений.

«Вначале рассказы передавали из уст в уста, — говорил Джаспер накануне вечером. — Потом записывали от руки, а теперь изготовляют на машинах». И задавал вопрос: что же завтра? Задавал с таким видом, словно не сомневался, что существует некое «завтра».

«Что же завтра?» — повторил Харт про себя. Разве это предел возможностей человеческих

— движущиеся шестерни, умное стекло и металл, проворная электроника?

Ради собственного достоинства — просто ради сохранения рассудка — человек обязан отыскать какое-то «завтра». Механические решения по самой своей природе — решения тупиковые. Разрешается умнеть до определенной степени — и не больше. Разрешается добираться до заданной точки — и не дальше.

Джаспер понял это. Джаспер нашел выход. Разобрал механического помощника и вернулся вспять, к работе вручную.

Если только продукт мастерства приобрел экономическую ценность, человек непременно изыщет способ производить этот продукт в изобилии. Были времена, когда мебель изготовляли ремесленники, изготовляли с любовью, которая делала ее произведением искусства, горделиво не стареющим на протяжении многих поколений. Затем на смену мастерам пришли машины, и человек стал выпускать мебель чисто функциональную, не претендующую на длительный век, а уж о гордости что и говорить.

И литература последовала по тому же пути. В ней не сохранилось гордости. Она перестала быть искусством и превратилась в предмет по-

требления.

Что же делать человеку в такую эпоху? И что он может сделать? Закрыться на ключ, как Джаспер, и в одиночестве трудиться час за часом, остро и горько ощущая свое несоответствие эпохе и мучаясь этим несоответствием день и ночь?

Харт вышел из комнаты со страдальческим выражением на лице. Подождал секунду, пока язычок замка, щелкнув, не стал на место. Потом добрался до лестничной площадки и медленно поднялся к себе.

Инопланетянин — одеяло с лицом — по-прежнему лежал на кровати. Но глаза его были теперь открыты, и он уставился на Харта, как только тот вошел и затворил за собой дверь.

Харт застыл, едва переступив порог, и неприютная посредственность комнаты, откровенная ее бедность и убожество буквально ошеломили его. Он был голоден, томился тоской и одиночеством, а сочинитель в углу, казалось, потешался над ним.

Сквозь распахнутое окно до него донесся гром космического корабля, взлетающего за рекой, и гудок буксира, подводящего судно к причалу.

Он поплелся к кровати.

— Подвинься, ты, — бросил он инопланетяни-

ну, раскрывшему глаза еще шире, и упал рядом. Повернулся к одеялу-лицу спиной и скорчился, подтянув колени к груди.

Круг замкнулся: он вернулся к тому же, с чего начал вчера утром. У него по-прежнему не было пленок, чтобы выполнить заказ Ирвинга. В его распоряжении была все та же обшарпанная, поломанная машина. У него не осталось даже камеры, и он не представлял себе, у кого одолжить другую. Впрочем, что за резон одалживать, если нет денег заплатить герою? Один раз он уже пробовал снять фильм исподтишка, больше не станет. Не стоит дело того, чтобы рисковать тюрьмой на три, а то и на четыре года.

«Мы обожатели погонь и выстрелов, — так, помнится, выразился кафианин, которого он окрестил Зеленой Рубахой. — От вас мы покупать путешествия в дальние места…»

Для Зеленой Рубахи искомое — бах-бах, тра-та-та-та, выстрелы и погони; для жителей других планет это могут оказаться сочинения какого-то иного свойства — раса за расой присматривались к странному предмету экспорта с Земли и открывали в нем для себя неведомый ранее, зачарованный мир, «дальние места», скрытые возможности игры ума, а то и приливы чувств.

Различья в облике, видимо, не играли здесь особой роли.

Анджела утверждает, что литература — гнусный способ зарабатывать себе на жизнь. Но это она сгоряча. Все писатели изредка провозглашают одно и то же. Испокон веков представители любых профессий, мужчины и женщины в равной мере, в недобрый час обязательно заявляют, что их профессия — гнусный способ зарабатывать себе на жизнь. Они, конечно, искренне верят в то, что говорят, но во все иные часы и дни помнят, что вовсе она не гнусная, а, напротив, очень и очень важная.

И сочинительство тоже важно, более того, чрезвычайно важно. Не только потому, что дарит кому-то «путешествия в дальние места», но потому, что сеет семена Земли — семена земной мысли и земной логики — среди бесчисленных звезд.

«А они там ждут, — подумал Харт, — ждут рассказов, которые я теперь никогда не напишу…»

Он мог бы, конечно, попытаться писать, несмотря ни на что. Мог бы даже поступить как Джаспер — исступленно скрести пером, подавляя чувство стыда, ощущая собственный анахронизм и несовершенство, страшась того неотвратимого дня,

когда кто-то выведает его секрет, догадается по известной эксцентричности стиля, что это создано не машиной.

И все же Джаспер, вне всякого сомнения, не прав. Беда не в сочинителях и даже не в принципе механического сочинительства как таковом. Беда в самом Джаспере, в глубокой извращенности его психики, которая и сделала его мятежником. Но мятежником боязливым, маскирующимся, запирающим дверь на ключ, полирующим свой сочинитель и усердно прикрывающим пишущую машинку всяким хламом, чтобы никто, упаси бог, не понял, что он ею пользуется…

Харт немного согрелся, голода он уже не испытывал, и перед его мысленным взором вдруг возникло одно из тех дальних мест, на какие, видимо, и намекал Зеленая Рубаха. Небольшая рощица, и под деревьями бежит ручей. Кругом мир и спокойствие, и, пожалуй, на всем лежит печать величия и вечности. Слышно пение птиц, и вода, бегущая в мшистых берегах, издает острый, пряный запах. Он шагает среди деревьев, их готические силуэты напоминают церковные шпили. И в его мозгу сами собой рождаются слова — слова, сцепленные так выразительно, так точно и тщательно, что никто никогда не ошибется

в их истинном значении. Слова, способные передать не только сам пейзаж, но и звуки, и запахи, и господствующее окрест ощущение вечности…

Но при всей своей восхищенности он не забывает, что в этих готических силуэтах и в этом ощущении вечности таится угроза. Какая-то смутная интуиция подсказывает ему, что от рощицы надо держаться подальше. Мимолетно вспыхивает желание вспомнить, как он сюда попал, — но памяти нет. Будто он впервые встретился с рощицей секунду-другую назад, однако он твердо знает, что шагает под обожженной солнцем листвой многие часы, а может, и дни.

Внезапно он почувствовал, как что-то щекочет ему шею, и поднял руку — смахнуть непрошеное «что-то» прочь. Рука коснулась теплой маленькой шкурки, и он вскочил с постели как ужаленный. Пальцы сжались на горле инопланетянина… Он едва не сбросил эту тварь, как вдруг припомнил с полной отчетливостью странное обстоятельство, которое никак не шло на ум накануне.

Пальцы разжались сами собой, и он позволил руке опуститься. И замер подле кровати, а существо-одеяло так удобно устроилось у него на спине и плечах и обняло его за шею. Он больше не испытывал голода, не был изнурен, и томившая

его тоска куда-то исчезла. Он даже не помнил своих забот, и это было удивительнее всего: озабоченность давно вошла у него в привычку.

Двенадцать часов назад он стоял в тупичке с существом-одеялом на руках и силился выкопать из глубин заупрямившегося сознания объяснение неожиданному и непонятному подозрению — подозрению, что он уже где-то что-то слышал или читал о таком вот плачущем создании, какое подобрал. Теперь, когда одеяло укутало ему спину и приникло к шее, загадка разрешилась.

Не расставаясь с приникшим к нему существом, Харт решительно пересек комнату, подошел к узкой длинной полке и снял с нее книгу. Книга была старая и затрепанная, лоснящаяся от множества прикосновений, и едва не выскользнула из рук, когда он перевернул ее, чтобы прочитать на корешке название: «Отрывки из забытых произведений».

Он раскрыл томик и принялся перелистывать страницы. Он знал теперь, где найти то, что нужно. Он вспомнил совершенно точно, где читал о создании, прилепившемся за спиной. И довольно быстро нашел искомое — несколько уцелевших абзацев из рассказа, написанного давным-давно и давным-давно позабытого. Самое начало

он пропустил — то, что его интересовало, шло дальше:

> «Живые одеяла были честолюбивыми. Существа растительного происхождения, они, вероятно, лишь смутно сознавали, чего ждут. Но когда пришли люди, бесконечно долгому ожиданию настал конец. Живые одеяла заключили с людьми сделку. И в последнем счете оказались самыми незаменимыми помощниками в исследовании Галактики из всех когда-либо обнаруженных».

«Вот еще когда, — подумал Харт, — укоренилось вековое, самонадеянное и счастливое убеждение, что человеку суждено выйти в Галактику, исследовать ее, вступить в контакт с ее обитателями и принести на каждую посещенную им планету ценности Земли…»

> «Человеку с живым одеялом, накинутым на плечи наподобие короткополого плаща, уже не надо было заботиться о пропитании, ибо живые одеяла обладали чудесной способностью накапливать энергию и преобразовывать ее в пищу,

потребную для организма хозяина.

В сущности, одеяло становилось почти вторым телом — бдительным, неутомимым наблюдателем, наделенным своего рода родительским инстинктом, поддерживающим в организме хозяина нормальный обмен веществ в любой, даже самой враждебной среде, выкорчевывающим любые инфекции, исполняющим как бы три обязанности: матери, кухарки и домашнего врача одновременно.

Наряду с этим одеяло становилось как бы двойником хозяина. Сбросив с себя путы однообразного растительного существования, оно словно само превращалось в человека, разделяя чувства и знания хозяина, вкушая жизнь, какая и не снилась бы одеялу, оставайся оно независимым.

И словно мало было взаимных выгод, одеяла предложили людям еще и награду, своеобычное выражение признательности. Они оказались неуемными выдумщиками и рассказчиками. Они были способны вообразить себе все, что угодно, — без всяких исключений. Ради

развлечения своих хозяев они готовы были часами рассказывать затейливые небылицы, предоставляя людям защиту от скуки и одиночества».

Там было и еще что-то, но Харт уже не стал читать дальше. Вернувшись к самому началу отрывка, он увидел слова: «Автор неизвестен. Примерно 1956 год».

1956-й? Так давно? Как же мог кто бы то ни было в 1956 году узнать об этом?

Ответ ясен как день: не мог.

Не мог никоим образом. Просто-напросто выдумал. И попал, что называется, в точку. Кто-то из ранних авторов-фантастов обладал поистине вдохновенным воображением.

Под сенью рощицы движется нечто несказанной красоты. Не гуманоид, не чудовище — нечто не виданное прежде никем из людей. И невзирая на всю его красоту, в нем таится грозная опасность, от него надо сию же секунду спасаться бегством.

Харт чуть не кинулся спасаться бегством и… очнулся посреди собственной комнаты.

— Ладно, — сказал он одеялу. — Давай-ка временно выключим телевизор. К этому мы еще

вернемся.

«Мы вернемся к этому, — добавил он про себя, — и напишем про это рассказ, и побываем в разных других местах, и тоже напишем про них рассказы. И мне не понадобится сочинитель, для того чтобы написать эти рассказы, я смогу и сам воссоздать в словах испытанное волнение и пережитую красоту и связать их вместе лучше любого сочинителя. Я же побывал там собственной персоной, я сам пережил все это, и тут уж меня не собьешь…»

Вот именно! Вот и ответ на вопрос, который Джаспер задал вечером, сидя за столиком в баре «Светлая звездочка».

«Что же завтра?» — спрашивал Джаспер.

А завтра — симбиоз между человеком и инопланетным существом, симбиоз, еще столетия назад придуманный писателем, самое имя которого давно позабыто.

«Будто сама судьба, — размышлял Харт, — положила руку мне на плечо и мягко подтолкнула вперед. Ведь это же совершенно неправдоподобно — найти ответ плачущим в тупичке между стенкой жилого дома и переплетной мастерской…»

Но какое это теперь имеет значение! Важно, что он нашел ответ и принес домой, в ту минуту

не вполне понимая зачем, да и позже недоуменно спрашивая себя, чего ради. Важно, что теперь его необъяснимый поступок оправдался стократ.

Он заслышал шаги на лестнице, потом в коридоре. Встревоженный их быстрым приближением, он торопливо потянулся и сбросил одеяло с плеч. В отчаянии огляделся по сторонам в поисках укрытия для инопланетянина. Ну конечно же — письменный стол! Он рывком выдвинул нижний ящик и — даром что оно слегка сопротивлялось — засунул одеяло туда. И не успел даже толком прикрыть ящик, как в комнату ворвалась Анджела.

Сразу было видно, что она пышет негодованием.

— Что за грязные шутки! — воскликнула она. — Из-за вас у Джаспера куча неприятностей!

Харт уставился на нее в оцепенении.

— Неприятностей? Вы хотите сказать, что он не улетел с кафианами?

— Он прячется в подвале. Блейк передал мне, что он там. Я спускалась и говорила с ним.

— Он сумел от них избавиться? — Харт был потрясен до глубины души.

— И еще как! Он убедил их, что им вовсе не нужен живой писатель. Он объяснил, что им нужна

машина, и рассказал о сверкающем чуде — о том самом «Классике», что выставлен в салоне.

— И они отправились в центр и украли «Классик»?

— Увы, нет. Если бы украли, то и горя бы мало. Но они и тут наломали дров. Чтобы добраться до машины, они разбили витрину и подняли тревогу. Теперь вся полиция города гонится за ними по пятам.

— Но ведь Джаспер…

— Они брали его с собой, чтобы он показал им, куда идти.

Харт немного перевел дух.

— И теперь Джаспер прячется от слуг закона.

— В том-то и штука, что он не знает, прятаться ему или нет. С одной стороны, полиция его, наверное, вообще не видела. С другой — а если они сцапают кого-то из кафиан и вытрясут из задержанного всю правду? Тогда вам, Кемп Харт, придется держать ответ за многое…

— Мне? Я-то тут при чем?

— А разве не вы сказали, что Джаспер — тот, кто им нужен? И как только вы ухитрились заставить их поверить в такую чушь?

— Без труда. Вспомните, что втолковывал нам Джаспер. Все, кроме нас, всегда говорят правду.

Мы — единственные, кто умеет лгать. Пока они не поумнеют, общаясь с нами, они будут верить каждому нашему слову. Поскольку все остальные всегда говорят правду и только правду…

— Да замолчите вы! — перебила его Анджела. Потом осмотрелась и спросила: — А где ваше милое одеяльце?

— Куда-то делось. Надо полагать, удрало. Когда я вернулся домой, его уже не было.

— Вы хоть разобрались, что это такое?

Харт покачал головой.

— Может, и к лучшему, что оно убежало, — сказал он. — Меня от него, признаться, мутило.

— Вы прямо как док Жуйяр. Кстати, о нем. Положительно весь наш квартал сошел с ума. Док, вдребезги пьяный, валяется в парке под деревом, и его стережет пришелец. Никого и близко не подпускает. Не то охраняет его, не то считает своей собственностью, не поймешь.

— А может, это один из его сиреневых слонов? Мерещились ему так часто, что в конце концов ожили?

— Оно не сиреневое, и это не слон. Ступни у него перепончатые, удивительно крупные, и длиннющие паучьи ноги. И вообще оно похоже на паука, а кожа вся в бородавках. Треугольная

голова с шестью рогами. Глянешь — мурашки по спине…

Харт пожал плечами. Обычных инопланетян переварить не так уж трудно, но, конечно, если такое пугало…

— Интересно, чего оно хочет от дока.

— Никто, по-видимому, не знает. А оно не рассказывает.

— А если не может?

— Все другие пришельцы могут. По крайней мере могут изъясняться настолько, чтобы их поняли. Иначе они вообще сюда не прилетали бы.

— Звучит логично, — согласился Харт. — А если оно решило нализаться задаром, сидя рядом с доком и вдыхая перегар?

— Знаете, Кемп, подчас ваши шуточки становятся совершенно невыносимыми, — заявила Анджела.

— Вроде намерения писать от руки.

— Вот именно, — подтвердила Анджела. — Вроде намерения писать от руки. Вам известно не хуже, чем мне, что в приличном обществе о таких вещах просто не говорят. Писать от руки — все равно что есть пальцами, или ковырять в носу, или выйти на улицу нагишом…

— Хорошо, — сдался Харт, — хорошо. Больше я

никогда не заикнусь об этом.

Когда она ушла, он опустился на стул и принялся обдумывать создавшееся положение всерьез.

Во многих отношениях он будет теперь походить на Джаспера, но можно ли возражать против этого, если он начнет писать, как Джаспер!

Придется научиться запирать дверь. Он стал ломать себе голову: где ключ? Он никогда не пользовался ключом; теперь при первом удобном случае надо будет переворошить все в столе — а вдруг отыщется? Если нет, придется заказать новый ключ: не хватало еще, чтобы кто-нибудь вперся в комнату без предупреждения и застал его с одеялом на плечах или с пером в руке.

«Пожалуй, — мелькнула мысль, — неплохо бы переехать на новую квартиру. В самом деле, как прикажете объяснить людям, отчего я ни с того ни с сего стал запираться на ключ?» Но даже подумать о переезде было и то нестерпимо. Пусть комната плохонькая, но он к ней привык, и иной раз она казалась ему почти родным домом.

А что, если, когда он успешно продаст первые две-три вещицы, потолковать с Анджелой и выяснить, как она отнесется к предложению переехать вместе с ним? Анджела — славная девочка, но можно ли просить ее связать свою

судьбу с человеком, который сам не ведает, на что в следующий раз купить себе хлеба? Однако впредь, даже если он не продаст ни строчки, заботиться о хлебе насущном ему уже не придется. «Любопытно, — подумал он вскользь, — можно ли поделить одеяло как кормильца на двоих? И удастся ли в конце концов внятно объяснить все это Анджеле?..»

Но как, скажите на милость, ухитрился тот забытый автор в далеком 1956-м додуматься до такого? И сколько еще шальных идей, рожденных причудливой игрой ума и парáми виски, могут на поверку оказаться правильными?

Мечта? Озарение? Проблеск грядущего? Не важно, что именно: просто человек подумал об этом, и оно сбылось. Сколько же других небылиц, о которых люди думали в прошлом и подумают в будущем, в свой срок тоже обернутся истиной?

Догадка даже испугала его.

Те самые «путешествия в дальние места». Полет воображения. Влияние печатного слова и сила мысли, определяющая это влияние. «Книги куда опаснее крейсеров», — сказал он вчера. Как он был прав, как бесконечно прав!..

Он поднялся, пересек комнату и встал перед сочинителем. Тот злобно оскалился. В ответ Харт

показал машине язык и произнес:

— Вот тебе!

Тут он услышал за спиной легкий шелест и поспешно обернулся. Одеяло ухитрилось каким-то образом просочиться из ящика и устремилось к двери, опираясь на нижние складки своего хрупкого тельца. На ходу оно колыхалось и дергалось, словно раненый тюлень.

— Эй, ты! — завопил Харт и потянулся к двери.

Но поздно. В дверях стояло чудище — другого слова не подберешь. Одеяло подскочило к нему, быстро скользнуло вверх и распласталось у него на спине. Чудище, обращаясь к Харту, прошипело:

— Я потерял это. Вы были добры отыскать. Благодарю…

Харт утратил дар речи.

И было от чего. Ни дать ни взять — тот самый пришелец, какого Анджела видела рядом с доктором, только еще более страшный, чем по описанию. У него были перепончатые лапы втрое большего размера, чем требовалось по росту, — казалось, он надел снегоступы. И еще у него был хвост, неизящно загнутый до середины спины. И еще дынеобразная голова с треугольным лицом и шестью рогами, и на кончике каждого из шести

рогов сидел вращающийся глаз.

Чудище залезло в сумку, которая, видимо, являлась частью его тела, и вытащило пачку банкнотов.

— Небольшая награда, — возвестило оно и кинуло банкноты Харту. Тот машинально протянул руку и подхватил их. — Мы уходим вдвоем, — добавило чудище, помолчав. — Мы уносим в нашей памяти добрые мысли…

Оно совсем уже переступило порог, когда протестующий вопль Харта заставил его обернуться.

— Да, благородный сэр?

— Это одеяло… Эта штука, которую я нашел… Что это?

— Мы ее сделали.

— Но она живая, и, кроме того…

Чудище только усмехнулось в ответ:

— Вы такие умные люди. Вы сами ее придумали. Много времен назад.

— Неужели тот самый рассказ?

— Непременно. Мы про нее прочитали. Мы ее сделали. Очень умная мысль.

— Не хотите же вы сказать, что и в самом деле…

— Мы биологи. Как вы назвали бы такую науку — биологическая инженерия.

Чудище повернулось и двинулось прочь по коридору. Харт крикнул вдогонку:

— Эй, минуточку! Постойте! Одну мину…

Но оно удалялось очень ходко и не остановилось. Харт, грохоча каблуками, припустил за ним. Добежав до площадки, глянул вниз через перила, никого не увидел. И все равно устремился вниз, перескакивая через три ступеньки и решительно пренебрегая всеми правилами безопасности.

Он не догнал пришельца. Выскочив из дома на улицу, притормозил и осмотрелся по сторонам, но от незваного гостя не осталось и следа — исчез, как в воду канул.

Тогда Харт полез в карман и ощупал пачку банкнотов, пойманных на лету. Вытащил ее целиком — она оказалась толще, чем ему помнилось. Сорвав эластичную опояску, взглянул на деньги повнимательнее. Достоинство верхней купюры, в галактических кредитах, оказалось таково, что он едва устоял на ногах. Поспешно перелистал всю пачку — остальные купюры были вроде бы того же достоинства.

При одной мысли о подобном богатстве Харт задохнулся и перелистал пачку еще раз. Нет, он не ошибся — купюры действительно были одного достоинства. Проделал в уме беглый подсчет

— результат получился прямо-таки ошеломляющим. Даже если считать в кредитах, а ведь каждый кредит при обмене равнялся примерно пяти земным долларам.

Ему случалось видеть кредиты и раньше, но до сих пор не доводилось держать их в руках. Они служили основой галактической торговли и широко применялись в межзвездных банковских операциях, а в повседневное обращение если и попадали, то редко. Он взвесил их в руке и внимательно рассмотрел — да, они были прекрасны.

«Чудище, по-видимому, безмерно ценит свое одеяло, — подумал он, — если отвалило такую фантастическую сумму за то, что кто-то элементарно позаботился о нем». Хотя, если разобраться, могут быть и другие объяснения. Уровень благосостояния от планеты к планете разнится чрезвычайно сильно, и богатство, которое он сейчас держал в руках, владелец одеяла, быть может, предназначал на мелкие расходы…

С удивлением Харт обнаружил, что не ощущает ни особого волнения, ни счастья, как, по идее, должно бы быть. Единственное, о чем он, кажется, еще способен был думать, — что одеяло для него потеряно.

Он запихнул деньги в карман и перешел через

улицу в маленький парк. Жуйяр уже проснулся и сидел на скамейке под деревом. Харт присел рядом.

— Как чувствуете себя, док? — спросил он.

— Превосходно, сынок, — отвечал старик.

— Видели вы пришельца, похожего на паука в снегоступах?

— Был тут один какой-то не так давно. Просыпаюсь, а он меня ждет. Хотел узнать про ту штуку, что вы нашли.

— И вы сказали?

— Конечно. А почему бы и нет? Он объяснил, что ищет ее. Я подумал, что вы будете счастливы сбыть ее с рук.

Какое-то время оба сидели молча. Потом Харт спросил:

— Док, что бы вы сделали, если бы получили миллиард долларов?

— Я, — ответил доктор без малейшего колебания, — упился бы до смерти. Да, сэр, я бы упился до смерти, но настоящим зельем, а не той бурдой, какой торгуют в этой части города…

«И все покатилось бы как заведено, — подумал Харт. — Док упился бы до смерти. Анджела принялась бы шляться по художественным салонам и домам моделей. Джаспер, более чем вероятно, ку-

пил бы себе домик в горах, где мог бы уединяться без помехи. А я? Что сделаю я сам с миллиардом долларов плюс-минус миллион?..»

Еще вчера, сегодня ночью, два часа назад он заложил бы душу за сочинитель модели «Классик».

Сейчас «Классик» казался форменным старьем и преснятиной.

Потому что открылся новый, лучший путь — путь симбиоза, путь сотрудничества человека с инопланетной биологической конструкцией.

Харт припомнил готическую рощу и господствующее над ней ощущение вечности и даже здесь, при ярком свете дня, вздрогнул при воспоминании о несказанной красоте, что возникла среди деревьев.

«Воистину, — сказал он себе, — такой способ сочинять куда лучше: познать явление самому и тогда уже описать его, пережить свой сюжет самому и тогда уже изложить его...»

Но он утратил одеяло и не представлял себе, где взять другое. И даже если бы узнать, откуда они берутся, он все равно бы не ведал, как приобрести хоть одно одеяльце в личную собственность.

Инопланетная, чуждая биологическая конструкция — и все же не до конца чужая: ведь

впервые о ней подумал безвестный автор много лет назад. Автор, который писал, как Джаспер пишет и сегодня, — скрючившись над столом, лихорадочно перенося на бумагу слова, сплетающиеся в мозгу. И никаких тебе сочинителей, ни фильмов, ни перфолент, ни прочих механических приспособлений. Но сумел же этот не известный никому человек преодолеть мглу времени и пространства, коснуться мыслью иного безвестного разума — и одеяло появилось на свет столь же неминуемо, как если бы человек изготовил его собственными руками!

Не в том ли и состоит величие человечества, что оно способно призвать себе на помощь воображение — и в один прекрасный день все воображаемое сбудется?

А если так, то вправе ли человек передоверить свое призвание поворотным рычагам, вращающимся колесикам, умным лампам и потрохам машин?

— У вас, случаем, не найдется доллара? — спросил Жуйяр.

— Нет, — ответил Харт, — доллара у меня нет.

— Вы такой же, как все мы, грешные, — сказал старик. — Мечтаете о миллиардах, а за душой ни цента…

«Джаспер мятежник, — подумал Харт, — а это не окупается. На долю мятежников достаются лишь расквашенные носы да шишки на лбу…»

— Доллар мне определенно пригодился бы, — сказал Жуйяр.

«Не окупится мятеж Джасперу Хансену, — подумал Харт, — не окупится и другим, кто так же запирается на замок и так же полирует свои безработные машины с единственной целью: чтобы каждый, кто забредет к ним в гости, удостоверился, что машины в целости и в чести.

Не окупился бы мятеж и мне, — сказал себе Кемп Харт. — Зачем мне мятеж, когда, подчинившись правилам, я прославлюсь практически за одну ночь?..»

Опустив руку в карман, он ощупал пачку банкнотов и бесповоротно решил, что чуть погодя отправится в центр и купит в салоне ту самую машину, удивительную и несравненную. Денег хватит на любую машину. Того, что в пачке, хватит на тысячи машин.

— Да, сэр, — сказал Жуйяр, мысленно возвращаясь к своему ответу на вопрос о миллиарде долларов. — Это была бы приятная смерть. Не спорьте, очень приятная.

Когда Харт вновь появился в салоне-магазине,

бригада рабочих как раз заменяла выбитое стекло, но он едва удостоил их мимолетным взглядом и без колебаний проследовал внутрь.

Продавец, тот же самый, вырос перед ним как из-под земли. Только сегодня продавец и не пытался разыграть радость, а придал лицу выражение суровое и даже слегка обиженное.

— Вы вернулись, вне сомнения, затем, чтобы оформить заказ на «Классик»? — произнес продавец.

— Совершенно верно, — ответил Харт и извлек из кармана деньги.

Продавец был отлично вышколен. Он опешил лишь на какую-то долю секунды, а затем вновь обрел самообладание со скоростью, которая могла бы претендовать на рекорд.

— Великолепно! — воскликнул продавец. — Я так и знал, что вы вернетесь. Не далее как сегодня утром я говорил кое-кому из наших, что вы непременно заглянете к нам опять.

«Ну да, ври больше», — подумал Харт.

— Полагаю, — сказал он, — что если я заплачу наличными, то вы согласитесь немедленно обеспечить меня в достаточном количестве пленками, перфолентами и аппаратурой по моему выбору?

— Разумеется, сэр. Я сделаю все возможное.

Харт снял сверху пачки одну купюру, а остальные сунул обратно в карман.

— Не изволите ли присесть, — извивался продавец. — Я тотчас же вернусь. Договорюсь о доставке и оформлю гарантию…

— Можете не спешить, — ответил Харт, наслаждаясь произведенным эффектом.

Он опустился в кресло и принялся строить дальнейшие планы.

Прежде всего необходимо найти квартиру получше, а потом закатить обед для всей компании и утереть Джасперу нос. Так он и сделает — если только Джаспера не упекли уже в тюрьму. Он даже хмыкнул, представив себе, как Джаспер ежится от страха в подвале бара «Светлая звездочка».

И еще он сегодня же зайдет в контору к Ирвингу, отдаст двадцатку и объяснит, что, к сожалению, не располагает временем на то, чтобы выполнить заказ. Не то чтоб ему не хотелось выручить Ирвинга. Но это же прямое кощунство писать ту чепуху, какая нужна Ирвингу, на машине, наделенной такими талантами, как «Классик».

Заслышав у себя за спиной торопливую дробь шагов, он поднялся и с улыбкой повернулся

навстречу продавцу. Однако тот и не подумал отвечать на улыбку. Казалось, продавца вот-вот хватит удар.

— Вы!.. — задохнулся продавец, с трудом сохраняя способность к членораздельной речи. — Ваши деньги!.. Мы по горло сыты вашими фокусами, молодой человек!

— Деньги? — не понял Харт. — Что — деньги? Это галактические кредиты. Следовательно…

— Это игрушечные деньги! — взревел продавец. — Деньги для детишек! Игрушечные деньги, выпущенные в созвездии Дракона! Тут на лицевой стороне так и напечатано. Вот, крупными буквами… — Он отдал бумажку Харту. — А теперь выметайтесь вон!

— Позвольте, — взмолился Харт, — вы уверены? Этого просто не может быть! Здесь какая-то ошибка…

— Наш кассир утверждает, что это факт. Он эксперт по денежным знакам любого рода, и он утверждает, что деньги игрушечные.

— Но вы же их взяли! Вы не смогли отличить их от настоящих…

— Я не умею читать по-дракониански. А кассир умеет.

— Чертов пришелец! — крикнул Харт в при-

падке внезапной ярости. — Ну, если я до него доберусь!..

Продавец чуть-чуть смягчился.

— Этим пришельцам никак нельзя доверять, сэр. Они порядочные пройдохи.

— Прочь с дороги! — крикнул Харт. — Я должен разыскать этого негодяя!

Дежурный в Бюро по делам инопланетян не сумел оказать Харту особой помощи.

— У нас нет данных, — объявил дежурный, — о существе того типа, какой вы описываете. Вы не располагаете хотя бы его фотографией?

— Нет, — ответил Харт, — фотографии у меня нет.

Перед тем дежурный просмотрел груду каталогов; теперь он принялся расставлять их по местам.

— Конечно, — рассуждал он, — отсутствие данных еще ничего не доказывает. К сожалению, мы просто не успеваем следить за всеми разновидностями мыслящих. Их так много, и беспрерывно появляются новые. Возможно, следовало бы навести справки в космопорту? А вдруг кто-нибудь обратил внимание на вашего пришельца?

— Я уже побывал там. И ничего. Совсем ничего. Он же должен был прилететь сюда, а может,

успел даже прилететь обратно — и никто его не помнит! А может, помнит, но не признается.

— Инопланетяне покрывают друг друга, — поддакнул дежурный. — Они вам никогда ничего не скажут. — Он продолжал складывать книги стопками. Близился конец рабочего дня, ему не терпелось уйти, и он решил сострить: — А почему бы вам не отправиться в космос и не поискать пришельца в его родной стихии?

— Я, видимо, так и сделаю, — ответил Харт и вышел, хлопнув дверью.

Ну чем плоха шутка — предложить посетителю отправиться в космос и самому поискать своего пришельца? Почему бы в самом деле не выследить чудище среди миллиона звезд, не поохотиться за ним на расстоянии в десять тысяч световых лет? И почему бы потом, если найдешь его, не сказать: «А ну, отдавай одеяло», чтоб чудище тут же расхохоталось тебе в лицо?

Но ведь к тому времени, когда сумеешь выследить его среди миллиона звезд, на расстоянии в десять тысяч световых лет, одеяло тебе уже не понадобится, ты сам переживешь свои сюжеты, и увидишь воочию своих героев, и впитаешь в себя краски десяти тысяч планет и ароматы миллиона звезд.

И сочинитель тебе тоже не понадобится, как не понадобятся ни фильмы, ни перфоленты, ибо нужные слова будут трепетать на кончиках твоих пальцев и стучать в висках, умоляя выпустить их наружу.

Чем плоха шутка — всучить простаку с отсталой планетки пригоршню игрушечных денег за нечто, стоящее миллион? Дурачина и не заподозрит, что его провели, пока не попытается эти деньги потратить. А обманщик, сорвав куш по дешевке, тихо отползет в сторонку и будет надрываться от смеха, упиваясь своим превосходством.

Кто это смел утверждать, что люди — единственные лжецы на всю Вселенную?

А чем плоха шутка — носить на плечах живое одеяло и посылать на Землю корабли за галиматьей, которую здесь пишут? Не сознавая, не догадываясь даже, что нарушить земную монополию на литературу проще простого и для этого нужно лишь одно — хорошенько прислушаться к существу у себя за спиной…

— И эта шутка значит, — произнес Харт вслух, — что в последнем счете ты остался в дураках. Если я когда-нибудь найду тебя, ты у меня проглотишь эту шутку натощак!..

Анджела поднялась на верхний этаж с предло-

жением мира. Она принесла и поставила на стол кастрюльку.

— Поешьте супу, — сказала она.

— Спасибо, Анджела, — ответил он. — Совсем сегодня забыл про еду.

— А рюкзак зачем, Кемп? Едете на экскурсию?

— Нет, в отпуск.

— И даже мне не обмолвились!

— Я едва-едва надумал, что еду. Вот только что.

— Извините, что я так рассердилась на вас. Все благополучно удрали.

— Так что, Джаспер может выйти из подвала?

— Уже вышел. Он сильно зол на вас.

— Как-нибудь переживу. Он мне не родственник.

Она села на стул и стала наблюдать за тем, как он укладывается.

— Куда вы собираетесь, Кемп?

— Искать моего пришельца.

— Здесь, в городе? Вы никогда его не найдете.

— Придется порасспрашивать дорогу.

— Какую дорогу? Где вы видели пришельцев, кроме как?..

— Вы совершенно правы.

— Вы сумасшедший! — воскликнула она. — Не смейте этого делать, Кемп! Я вам не позволю! Как

вы будете жить? Чем зарабатывать?

— Буду писать.

— Писать? Вы не сможете писать! Вы же останетесь без сочинителя…

— Буду писать от руки. Может, это и неприлично, но я сумею писать от руки, потому что буду знать то, о чем пишу. Мои сюжеты войдут мне в плоть и в кровь. Я буду чувствовать их вкус, цвет и запах…

Она вскочила и замолотила кулачками по его груди:

— Это мерзко! Это недостойно цивилизованного человека! Это…

— Но именно так писали прежде. Все бесчисленные рассказы, все великие мысли, все изречения, которые вы любите цитировать, написаны именно так. Так оно и должно быть во веки веков. Мы сейчас забрели в тупик.

— Вы еще вернетесь, — предсказала она. — Сами поймете, что заблуждались, и вернетесь.

Он покачал головой, не сводя с нее глаз.

— Не раньше чем найду своего пришельца.

— Вовсе вы не пришельца ищете! Что-то совсем другое. По глазам вижу — что-то другое…

Она круто повернулась и стремглав бросилась из комнаты по коридору и вниз по лестнице.

Он продолжал собирать рюкзак, а когда собрал, сел и съел суп. И подумал, что Анджела права. Ищет он отнюдь не пришельца.

Не нужен ему пришелец. Не нужно одеяло, не нужен сочинитель.

Он отнес кастрюльку в раковину, вымыл под краном и старательно вытер. Потом поставил на центр стола, где Анджела наверняка ее увидит, как только войдет. Потом взял рюкзак и стал медленно спускаться по лестнице.

Наконец он вышел на улицу — и тут услышал позади крик. Это была Анджела, она бежала за ним вдогонку. Он приостановился и подождал ее.

— Я еду с вами, Кемп.

— Вы сами не знаете, что говорите. Путь будет далек и труден. Диковинные миры и странные нравы. И у нас нет денег.

— Нет, есть. У нас есть полсотни. Те, что я пыталась вам одолжить. Большего предложить не могу, да и этого надолго не хватит. Но полсотни у нас есть.

— Но вам-то не нужен никакой пришелец!

— Нет, нужен. Я тоже ищу пришельца. Каждый из нас, по-моему, ищет своего пришельца.

Он решительно привлек ее к себе и крепко

обнял.

— Спасибо, Анджела, — проговорил он.

Рука об руку они направились к космопорту — выбрать корабль, который помчит их к звездам.

Коллекционер
Перевод А. Корженевского

Когда подошло время спускаться за почтой, старый Клайд Паккер оторвался от своих марок и прошел в ванную — расчесать седые волосы и бороду. Как будто и без того забот мало, подумал он в который раз, однако никуда не денешься: на лестнице ему наверняка встретится кто-нибудь из соседей, а им до всего есть дело. Паккер не сомневался, что они сплетничают, обсуждают его между собой, и хуже всех была вдова Фоше, что жила в квартире напротив. Хотя, в общем-то, его мало трогало, что о нем думают.

Прежде чем отправиться за почтой, он открыл ящик стола в центре захламленной гостиной — на столе в полном беспорядке грудами лежали нужные и ненужные бумаги — и достал маленькую коробочку, присланную с одной из планет системы Унук-аль-Хэй. Паккер отщипнул кусочек от хранившегося в коробке высушенного листка и отправил в рот.

Он замер на несколько секунд у выдвинутого ящика, наслаждаясь сочным диковинным вку-

сом: не мята и не виски — лишь привкус и того и другого, но к ним примешивалось и что-то еще, совершенно особенное, присущее только этим странным листьям. Ни одному человеку на Земле не доводилось пробовать ничего подобного. Паккер подозревал, что отвыкнуть от них будет очень трудно, хотя ни о чем таком ПугАльНаш его не предупреждал.

Впрочем, даже если бы ПугАльНаш решил сделать это, Паккер, скорее всего, ничего бы не понял: пытаясь расшифровать записки ПугАльНаша, Паккер всякий раз поражался, до чего же унукские представления о земном языке и земной грамматике далеки от истинной картины.

Коробочка, заметил он, почти опустела. Оставалось только надеяться, что его странный, но верный корреспондент, на которого он так привык рассчитывать, не подведет и теперь. Хотя повода сомневаться в нем у Паккера не было: за те двенадцать лет, что они переписывались, ПугАльНаш никогда его не подводил. Когда содержимое предыдущей бандероли подходило к концу, обязательно прибывала новая коробочка листьев с короткой дружеской запиской — и вся в самых новых унукских марках.

Ни днем раньше, ни днем позже, а именно то-

гда, когда кончался последний листок, — словно ПугАльНаш каким-то непостижимым для землянина образом узнавал, когда у того кончаются эти листья.

«Надежный парень, — говорил себе Клайд Паккер. — Не гуманоид, конечно, но на него вполне можно положиться».

И он снова задумался, как все-таки Пуг выглядит. Почему-то ему всегда представлялось, что это маленькое существо, но на самом деле он не знал ни его размеров, ни внешнего вида. Унук относился к числу тех планет, где землянам просто не выжить, поэтому все коммерческие операции и прочие контакты — как и со многими другими цивилизациями — осуществлялись при помощи посредников.

Что, интересно, делал Пуг с теми сигарами, которые Паккер посылал ему в обмен на коробочки с листьями? Ел? Курил? Нюхал? Валялся на них или втирал в волосы? Если у него вообще есть волосы…

Паккер потряс головой и, закрыв дверь, вышел на лестничную площадку. Затем дважды проверил, сработал ли замок. Кто их знает, этих соседей, и особенно вдову Фоше: может, они только и ждут, как бы пробраться к нему в квартиру,

пока его нет.

На лестничной площадке никого не оказалось, что Паккера очень обрадовало. Чуть не крадучись он подошел к лифту и нажал кнопку, надеясь, что удача не оставит его и никто так и не появится.

Увы.

В конце длинного коридора показался сосед, развязный, горластый тип из тех, что бесцеремонно — в их понимании, по-дружески — хлопают людей по спине и думают, что это нормально.

— Доброе утро, Клайд! — радостно заорал он издалека.

— Доброе утро, мистер Мортон, — ответил Паккер довольно прохладным тоном. С какой стати этот Мортон обращается к нему по имени? Никто никогда его так не называет — разве что изредка племянник, Антон Кампер, который зовет его «дядя Клайд» или чаще — просто «дядюшка». А Тони — просто никчемный болтун. Вечно он что-то затевает, строит грандиозные планы. Послушать его, так он на днях миллионером станет, только все его планы превращаются в пшик. А еще он — пройдоха, каких свет не видывал.

«Как и я в точности, — подумалось Паккеру, — не то что эти, теперешние. Одни только разговоры. Будь я помоложе, — решил он, с гордо-

стью и теплотой вспоминая прошлое, — я бы их всех ощипал, как цыплят».

— Как сегодня марочный бизнес? — поинтересовался Мортон, подойдя ближе, и от души хлопнул Паккера по спине.

— Должен вам напомнить, мистер Мортон, что я не занимаюсь филателистическим бизнесом, — резко ответил Паккер. — Хотя действительно интересуюсь марками, увлечен ими и настоятельно рекомендую…

— Я не то имел в виду, — пояснил Мортон несколько смущенно. — Я не то хочу сказать, что вы продаете марки или там…

— Строго говоря, продаю, — перебил его Паккер. — Но изредка и в небольших количествах. Это едва ли можно назвать бизнесом. Просто некоторые коллекционеры знают о моих обширных связях и время от времени…

— Вот я и говорю! — радостно заорал Мортон и от избытка чувств снова хлопнул Паккера по спине. — Все дело в связях! Если есть связи, тогда в любом деле не пропадешь. Вот я, например…

От продолжения тирады Паккера спасло лишь то, что прибыл наконец лифт.

Спустившись вниз, он сразу направился к стойке дежурного.

— Доброе утро, мистер Паккер, — сказал клерк, вручая ему стопку писем. — Тут для вас посылка, и довольно тяжелая. Может быть, вам помочь?

— Нет, благодарю вас, — ответил Паккер. — Я уверен, что справлюсь сам.

Клерк выложил посылку на стойку. Паккер взял ее в руки и тут же опустил на пол — весил пакет, должно быть, фунтов тридцать. А адресную наклейку почти всю покрывали марки с такими высокими номиналами, что аж дух захватывало.

Паккер взглянул на наклейку повнимательнее: его фамилия и адрес были выведены печатными буквами и так старательно, словно земной алфавит представлялся отправителю непостижимым таинством. Вместо обратного адреса — мешанина из точек, закорючек и черточек: понять ничего невозможно, но вроде бы что-то знакомое. Марки, сразу определил Паккер, выпущены в системе девятой звезды созвездия Рака — за всю его жизнь ему доводилось видеть такие лишь один раз. Некоторое время он просто стоял, пытаясь сообразить, сколько они могут стоить.

Затем сунул стопку писем под мышку и поднял посылку с пола. Теперь она показалась Паккеру еще тяжелее, и он тут же пожалел, что отказался от помощи. Но сказанного не воротишь. Да и

в конце концов, не такой уж он еще старый и дряхлый.

Доковыляв до лифта, он опустил пакет на пол и остановился лицом к двери, ожидая кабину. Неожиданно у него за спиной раздался голос, похожий на птичье щебетание, и Паккер вздрогнул, узнав голос вдовы Фоше.

— О, мистер Паккер, — затараторила она, — я так рада, что вас встретила.

Паккер обернулся, ибо ничего другого ему не осталось — нельзя же и в самом деле стоять к ней спиной, словно ее там нет.

— О, какие вы тяжести носите… — пожалела его вдова Фоше. — Позвольте, я вам помогу.

С этими словами она выхватила у него из-под руки стопку писем и добавила:

— Бедняжка. Я помогу вам их донести.

Паккер с удовольствием бы ее придушил, но вместо этого лишь улыбнулся. Улыбка, правда, вышла несколько натянутая, даже зловещая, но на большее его не хватило.

— Как мне повезло, что я вас встретил, — ответил он. — Один бы я ни за что не справился.

Не заметив скрытой иронии, вдова Фоше продолжала молоть языком как ни в чем не бывало:

— Сегодня к ленчу я собиралась приготовить

бульон, и у меня всегда получается слишком много. Может, вы присоединитесь?

— Нет, к сожалению, это невозможно, — встревоженно сказал Паккер. — Прошу меня извинить, но сегодня у меня очень много работы. — Кивнув на стопку писем у нее в руках и на посылку, он, словно рассерженный морж, выпустил воздух через усы, но вдова Фоше ничего не заметила.

— Как это, должно быть, романтично и увлекательно! — снова затрещала она. — Все эти письма и пакеты с разных концов Галактики! С таких далеких и странных планет! Вы непременно должны как-нибудь просветить меня, рассказать, что такое собирание марок!

— Видите ли, мадам, — несколько раздраженно ответил Паккер, — я занимаюсь марками больше двадцати лет и едва только начинаю понимать, что такое филателия, так что едва ли возьмусь объяснять это кому-либо еще.

Она продолжала болтать.

«Черт бы ее побрал, — подумал Паккер. — Когда же она замолчит?»

Старая перечница! Он снова с шумом выпустил воздух через усы. Теперь она три дня будет носиться по всем соседям и рассказывать, как они «странно» встретились и какой он «странный»

старикашка. Письма, мол, получает со всяких чужих планет, и бандероли, и посылки. И уж наверняка здесь дело не только в марках. Здесь, мол, что-то нечисто, можете не сомневаться даже…

У его двери вдова Фоше неохотно отдала письма и спросила:

— Вы уверены, что не передумали насчет бульона? Это не просто бульон. Я его готовлю по особому рецепту.

— К сожалению, я вынужден отказаться.

Паккер отпер замок и открыл дверь. Она все не уходила.

— Я бы с удовольствием пригласил вас зайти, — соврал он, вежливо улыбаясь, — но у меня немного не прибрано.

«Немного не прибрано» — это было, конечно, мягко сказано.

Оказавшись наконец за надежно запертой дверью, Паккер пробрался мимо бесконечных штабелей из кляссеров, ящиков, коробок к столу и поставил посылку рядом. Первым делом он просмотрел письма: одно оказалось с Дахиба, другое — из системы Лиры, третье — с Муфрида, а четвертое — с Марса — просто рекламный проспект какого-то концерна.

Паккер откинулся на спинку громоздкого крес-

ла и обвел комнату взглядом.

«Надо все-таки взяться как-нибудь и привести квартиру в порядок», — сказал он себе. Без сомнения, здесь полно барахла, которое можно просто выбросить, а все ценное надо рассортировать по коробкам и надписать, чтобы всегда можно было найти то, что нужно. Может быть, есть смысл даже составить генеральный каталог — тогда он, по крайней мере, будет знать, что у него уже есть, а чего нет и сколько все это стоит.

Хотя это, конечно, не самый главный вопрос.

Возможно, ему пора специализироваться. Большинство коллекционеров так и поступают. Галактика слишком велика, чтобы собрать все галактические марки. Даже два тысячелетия назад, когда коллекционерам приходилось беспокоиться только о земных марках, их печатали так много, что филателисты придумали специализацию.

Однако на чем же все-таки специализироваться, если сознательно хочешь ограничить свои интересы? Может быть, на марках с одной какой-то планеты или звездной системы? Может, на планетах за пределами определенного радиуса, скажем в пятьсот светолет? Или на конвертах? Например, было бы очень интересно составить

коллекцию конвертов с гашениями и почтовыми отметками, демонстрирующую различия и тонкости почтового сообщения в глубине космоса, среди далеких звезд.

Но в том-то и дело, что тут все интересно. Можно потратить три жизни, но так и не добраться до конца.

Хотя за двадцать лет можно, если постараться, собрать огромное количество материала. А уж он-то старался! Он отдавал коллекционированию всего себя и наслаждался каждой минутой, проведенной с марками. В некоторых областях, не без гордости подумал Паккер, ему удалось стать своего рода экспертом. Время от времени он писал статьи для филателистических журналов, и едва ли не каждую неделю кто-нибудь из знаменитейших коллекционеров обращался к нему за помощью или просто заходил поболтать.

Марки, чего уж там говорить, способны доставить огромное наслаждение, признавал Паккер, словно извиняясь. Огромное, ни с чем не сравнимое удовольствие.

Но само собирание материала — лишь часть коллекционирования, своего рода начальная стадия. Гораздо важнее были контакты. И без них просто не обойтись, особенно без контактов в

дальних пределах Галактики. Если вы не хотите полагаться на жуликоватых дельцов в филателистических магазинах, которые предлагают лишь то, что легко достать, контакты просто необходимы. Контакты с другими коллекционерами, которые желают обмениваться марками, контакты с одинокими людьми на одиноких форпостах и на самом краю Галактики, где, скорее всего, и можно найти редкий, экзотический материал, с людьми, которые готовы отыскать его, сохранить и переслать вам за вполне приемлемую цену, или с какими-нибудь богом забытыми организациями, что приторговывали наборами различных марок в попытках хоть немного пополнить свой скудный бюджет.

В системе Енотовой Шкуры, например, жил человек, которому в обмен на его марки нужны были лишь последние музыкальные записи с Земли. А один бесстрашный миссионер на пустынном Агустроне собирал пустые жестянки из-под табака и бутылки, которые по какой-то причине ценились на этой безумной планете очень высоко. Но среди многих других — землян и инопланетян — самым важным для Паккера корреспондентом всегда был ПугАльНаш.

Паккер перекатил размокший и почти уже

лишенный вкуса листок на языке, с наслаждением всасывая последние капли божественного нектара.

Если бы кому-нибудь удалось раздобыть крупную партию этих листьев, подумалось ему, человек мог бы сказочно разбогатеть. Расфасовать их в маленькие пакетики наподобие жевательной резинки, и здесь, на Земле, листья будут разлетаться, как горячие пирожки. Он как-то пытался поднять этот вопрос в переписке с ПугАльНашем, но только запутал беднягу-унукийца, который почему-то просто не видел смысла в коммерческих операциях, выходивших за рамки личных потребностей самих участников обмена.

Позвонили в дверь, и Паккер пошел открывать.

Оказалось, это Тони Кампер.

— Привет, дядя Клайд, — беззаботно произнес он.

Паккер неохотно открыл дверь пошире.

— Ладно, заходи уж, раз пришел.

Тони шагнул через порог, сдвинул шляпу на затылок и окинул квартиру оценивающим взглядом.

— Честное слово, дядюшка, тебе нужно взять как-нибудь и выкинуть весь этот хлам. Просто не

представляю, как ты тут живешь.

— Нормально живу, — осадил его Паккер. — Но может быть, я при случае разберу здесь немного.

— Хотелось бы верить.

— Мальчик мой, — горделиво произнес Паккер, — думаю, я без всякого преувеличения могу сказать, что у меня одна из лучших коллекций галактических марок на Земле. Когда-нибудь я помещу их все в альбомы…

— Этого никогда не произойдет, дядюшка, ты просто будешь складывать их в кучи, как и раньше. Твоя коллекция растет так быстро, что ты не успеваешь сортировать даже новые поступления.

Он пнул носком ботинка стоящую у стола коробку.

— Вот, например. Опять новая посылка?

— Только что пришла, — признал Паккер. — И пока я не выяснял, откуда она.

— Отлично! — сказал Тони. — Что ж, развлекайся. Ты еще всех нас переживешь.

— И переживу! — запальчиво ответил Паккер. — Однако зачем ты все-таки пришел?

— Да ни за чем, дядюшка. Просто заскочил проведать и напомнить, что выходной ты обещал провести у нас. Энн настояла, чтобы я непре-

менно зашел и напомнил. Дети всю неделю дни считали…

— Я помню, — соврал Паккер, поскольку напрочь забыл о данном обещании.

— Я могу заехать за тобой. Скажем, в три пополудни?

— Нет, Тони. Спасибо. Не беспокойся. Я вызову стратотакси. В три будет очень рано, а у меня еще полно дел.

— Надо думать, — сказал Тони и двинулся к выходу, потом добавил с порога: — Не забудь!

— Разумеется, не забуду, — резко ответил Паккер.

— Энн обидится, если ты не приедешь. Она запланировала на вечер все твои любимые блюда.

Паккер проворчал что-то в ответ.

— Ужин в семь, — напомнил Тони жизнерадостно.

— Хорошо, Тони. Я приеду.

— Ладно, дядюшка, до вечера.

«Молокосос, — подумал Паккер. — Опять неизвестно что затеял, наверно. Всю жизнь проворачивает какие-то делишки, а толку никакого. Еле на жизнь хватает…»

Он вернулся к столу.

«Наверно, думает, что получит в наследство

мои деньги. Хоть там и не бог весть сколько… Что же, пусть думает. Я, пока не потрачу все до последнего цента, помирать не собираюсь».

Паккер сел за стол, взял один из конвертов, вскрыл его перочинным ножом и высыпал содержимое на маленький расчищенный в середине стола пятачок. Затем включил лампу, пододвинул плафон ближе и склонился над марками.

Очень даже неплохая подборка, оценил он сразу. Вот, например, марка с ро Близнецов-XII — или это XVI? — отличный образчик современной классики: сколько изящества, сколько фантазии, какая тонкая работа гравера, и сколько здесь чувствуется любви и внимания, бумага высочайшего качества и превосходная печать.

Паккер принялся искать пинцет, но на столе его не оказалось. Он порылся в ящике, содержимое которого и без того напоминало разоренное крысиное гнездо, но тоже безрезультатно. Тогда он опустился на колени и поискал под столом.

Пинцета нигде не было.

Отдуваясь, он забрался обратно в кресло. Настроение было испорчено.

«Куда они вечно деваются? — подумал он сердито. — Наверно, уже двенадцатый пинцет… Черт бы их побрал, никогда не помню, куда в

последний раз положил…»

В дверь снова позвонили.

— Войдите! — в сердцах крикнул Паккер.

Вошел небольшого роста человек, чем-то похожий на мышь, мягко прикрыл за собой дверь и остановился у порога, нервно теребя в руках шляпу.

— Прошу прощения… Мистер Паккер?

— Ну разумеется, это я, — нетерпеливо произнес Паккер. — Кого еще вы ожидали тут увидеть?

— Э-э-э… сэр… — Незнакомец сделал несколько шажков и остановился. — Меня зовут Джейсон Пикеринг. Возможно, вы обо мне слышали…

— Пикеринг? — Паккер на мгновение задумался. — Пикеринг? О, конечно же, я слышал о вас! Вы собираете систему Полярной звезды.

— Верно, — признал Пикеринг чуть жеманно. — Я весьма польщен, что вы…

— Напротив, — перебил его Паккер, поднимаясь и протягивая гостю руку. — Это большая честь для меня!

Он наклонился и скинул со стула два кляссера и три обувные коробки. Одна из них опрокинулась, и на пол посыпались марки.

— Прошу вас, садитесь, мистер Пикеринг, — галантно предложил Паккер.

Гость несколько ошарашенно присел на край стула.

— Боже, — произнес он, окидывая взглядом царивший в квартире беспорядок, — у вас тут огромное количество материала. Но вы, без сомнения, всегда можете отыскать то, что вам нужно…

— Чаще всего нет, — ответил Паккер, опускаясь в кресло. — Я по большей части даже не знаю, что у меня есть.

Пикеринг хихикнул.

— Тогда, сэр, вас ждет в будущем множество замечательных сюрпризов.

— Едва ли. Я никогда ничему не удивляюсь, — заносчиво произнес Паккер.

— Однако к делу. Я бы не хотел отнимать у вас время попусту. Нет ли у вас, случайно, марки «Поларис-17б» на конверте? Это довольно редкий номер, даже сам по себе, и я ни разу не слышал, чтобы кому-то марка встречалась вместе с конвертом. Однако мне посоветовали обратиться к вам: возможно, у вас есть то, что я ищу…

— Подождите, дайте вспомнить. — Паккер откинулся на спинку кресла и мысленно перелистал страницы каталога. Есть: вспомнил! «Поларис-17б» — маленькая марка, можно даже сказать,

крошечная, ярко-голубая с алым пятнышком в нижнем левом углу, а по всему полю — плотный орнамент из тонких завитков. — Да, — сказал он, открывая глаза. — Похоже, у меня есть такая марка. Помнится, много лет назад…

Пикеринг, затаив дыхание, наклонился вперед.

— Вы хотите сказать, что у вас действительно…

— Да, я уверен, она где-то здесь. — Паккер неуверенно обвел рукой сразу полкомнаты.

— Если вы найдете ее, я готов заплатить десять тысяч.

— Насколько я помню, это была полоска из пяти марок. Письмо шло с Полариса-VII на Бетельгейзе-XIII через… Нет, похоже, я уже не вспомню, через какую планету.

— Полоска из пяти марок!!!

— Насколько помню. Но может быть, я и ошибаюсь.

— Пятьдесят тысяч! — выкрикнул Пикеринг, чуть не пуская слюну. — Пятьдесят тысяч, если вы их отыщете!

Паккер зевнул.

— Всего за пятьдесят тысяч, мистер Пикеринг, я даже не стану искать.

— Сто!

— Я подумаю.

— Но вы начнете розыски прямо сейчас? Должно быть, вы помните хотя бы приблизительно…

— Мистер Пикеринг, чтобы накопить эти груды материала, которые вы видите вокруг, мне потребовалось двадцать лет, и память у меня уже не та. Честно говоря, я понятия не имею, где они могут лежать.

— Назначайте вашу цену, — взмолился Пикеринг. — Сколько вы хотите?

— Если я найду их, — сказал Паккер, — возможно, мы сойдемся на четверти миллиона. Но если найду.

— Вы поищете?

— Посмотрим. Может быть, я рано или поздно наткнусь на них случайно. Надо будет как-нибудь привести все это в порядок. Если они мне попадутся, то я о вас не забуду.

Пикеринг резко встал.

— Вы надо мной смеетесь, — обиженно произнес он.

Паккер махнул рукой.

— Я никогда ни над кем не смеюсь.

Пикеринг двинулся к двери. Паккер поднялся с кресла.

— Позвольте, я вас провожу.

— Не стоит. И извините за беспокойство.

Паккер снова опустился в кресло, глядя, как гость закрывает за собой дверь.

Довольно долго он сидел, пытаясь вспомнить, где же у него лежит конверт из системы Полярной звезды, но в конце концов сдался: это было так давно.

Затем он снова принялся искать пинцет, но тоже безуспешно. Видимо, утром придется пойти и купить новый. Тут Паккер вспомнил, что утром его дома не будет, поскольку он обещал навестить семью Тони в их летнем коттедже на берегу Гудзонова залива.

Черт, и как только он умудряется терять столько пинцетов?

Паккер сидел, погрузившись в какое-то полудремотное-полузадумчивое состояние, размышляя о самых разных вещах. В основном о марках с клейким слоем и о том, как из многочисленных идей, возникших на Земле, именно эту жители Галактики подхватили быстрее всего и за две тысячи лет распространили до самых дальних пределов обитаемого пространства.

Становилось все труднее уследить за новинками, да и самих планет, что выпускали марки,

становилось все больше. Марки множились с невероятной быстротой, и чтобы не отстать, не пропустить что-то, приходилось тратить огромные усилия.

А марок, в том числе и очень необычных, навыпускали множество. Взять хотя бы марки с Манкалинена, у которых номинал определялся запахом. Не пятицентовые, скажем, или пятидолларовые, или даже стодолларовые марки, а марки с запахом роз — для местной почты, марки с запахом сыра — для межпланетной корреспонденции внутри звездной системы, и еще один вид для межзвездных пересылок — эти воняли так, что человеку за сорок шагов становилось дурно.

Или выпуски с Альгейба, отпечатанные цветами, которые человеческому глазу не дано видеть, — хуже всего то, что номиналы на них были напечатаны этими же цветами. А взять ту знаменитую классическую серию, выпущенную — разумеется, нелегально — пиратами с Леониды: вместо бумаги они использовали обработанную кожу землян, попавших некогда в их лапы…

Паккер сидел, уронив подбородок на грудь и прислушиваясь к нарушающему тишину тиканью часов, безнадежно утерянных где-то в завалах коллекционного материала.

Марки дали ему новую жизнь, причем жизнь, которой он был вполне доволен. Двадцать лет назад, когда умерла Мира и он продал свою долю акций экспортной компании, ему казалось, что жизнь кончилась, что ничего хорошего у него уже не будет. Однако сейчас марки увлекали его даже больше, чем в свое время экспортный бизнес, — и это просто благословение, да, именно благословение.

Продолжая сидеть, Паккер с теплой признательностью вспоминал свою коллекцию, спасшую его от пучины одиночества, вернувшую ему интерес к жизни и словно бы омолодившую его.

А затем он уснул.

Разбудил его звонок в дверь, и Паккер, протирая глаза, пошел открывать.

У порога стояла вдова Фоше с маленькой кастрюлькой в руках. Она протянула ее Паккеру и затараторила:

— Я все-таки подумала: наверно, бедняжке это понравится. Тут немного бульона, что я приготовила. У меня всегда получается больше, чем нужно. Для одной так неудобно готовить…

Паккер взял кастрюльку у нее из рук.

— Спасибо, очень мило с вашей стороны.

Вдова бросила на него пристальный взгляд.

— Вы больны! — заявила она и шагнула через порог, заставив Паккера попятиться.

— Я вовсе не болен, — попытался отбиться Паккер. — Я просто заснул в кресле, а так со мной все в порядке.

Она протянула пухлую руку и потрогала его лоб.

— Да у вас температура! Вы просто горите!

— Ничего у меня нет! — не выдержал Паккер. — Говорю же я вам: я просто уснул.

Вдова Фоше обогнула его и, пробравшись между стопками коробок, ворвалась в комнату. Паккер только успел подумать: «Боже, она таки проникла в квартиру! Как же ее теперь выдворить?»

— Ну-ка, идите сюда и садитесь, — приказала вдова. — Термометра, надо полагать, у вас нет?

Паккер, уже покорившись судьбе, покачал головой.

— И не было. Я никогда не болел.

Вдова Фоше вдруг взвизгнула, подпрыгнула и неуклюжим галопом понеслась к выходу. На полпути она споткнулась о тяжелую картонную коробку и растянулась на полу, но торопливо вскочила и, что-то проверещав напоследок, вылетела на лестничную площадку.

Паккер захлопнул за ней дверь и в некотором

недоумении уставился на кастрюльку: он по-прежнему держал ее в руках и за это время не пролил ни капли.

Однако что же так напугало вдову Фоше?

И тут он увидел: по полу бегала маленькая мышка.

Паккер приподнял кастрюльку, салютуя своей спасительнице, и серьезным тоном произнес:

— Спасибо, дружок!

Мыши… Одно время ему казалось, что мыши здесь действительно есть — то сыр обгрызут на кухонной полке, то кто-то шуршит по ночам, — и это его беспокоило: вдруг они устроили себе гнездо где-нибудь в завалах филателистического материала?

Но нет худа без добра, подумалось Паккеру.

Он взглянул на часы: оказалось, уже пять вечера. Каким-то образом он забылся и пропустил ланч, а до отъезда оставалось совсем немного. «Что же, похлебаю бульона, — решил он, — и заодно просмотрю содержимое пакета…»

Паккер взял со стола несколько полных коробок и переставил их на пол: места стало побольше — как раз чтобы разложить новые поступления.

Он пошел на кухню, отыскал ложку и, попробовав бульон, счел, что готовить вдова Фоше

действительно умеет. Кастрюлька была еще теплая, и для полировки на столе это, конечно, плохо, но бог с ней, с полировкой, еще об этом не хватало беспокоиться.

Паккер подтащил пакет к столу и прежде всего расшифровал загадочный обратный адрес. Эту новую знаковую систему начали несколько лет назад использовать в созвездии Волопаса, а посылка пришла от одного из его загадочных корреспондентов из созвездия Лебедя. Время от времени Паккер посылал ему в обмен ящик лучшего шотландского виски.

Прикинув, сколько весит посылка, он решил, что на этот раз нужно будет отправить по крайней мере два ящика.

Вскрыв пакет, Паккер взял его за низ, перевернул, и на стол хлынул поток конвертов. Он отшвырнул пустой пакет в угол и в самом приятном расположении духа уселся в кресло, затем, прихлебывая бульон, принялся неторопливо разбирать свои новые сокровища. Даже на первый взгляд это была великолепная подборка. Отправитель взял на себя труд систематизировать конверты по месту выпуска и рассортировать их в маленькие стопки, перетянутые резинками.

Стопка конвертов с Расальхейга, еще одна с

Челеба, с Нунки, с Каус-Бореалис и множество других из различных далеких миров.

Одну из них Паккер даже не распознал. В стопке оказалось двадцать пять или тридцать конвертов, но на всех была одна и та же марка — маленький желтый квадратик без единой надписи, довольно толстый и шершавый на ощупь. Он провел по ней пальцем, и ему показалось, что марка крошится, стирается, словно поверхность ее покрывал толченый мел.

Несколько озадаченный, Паккер вытащил один конверт из-под резинки и бросил стопку на стол. Порывшись в ящике, он отыскал увеличительное стекло и склонился над маркой. Да, действительно, никаких надписей или пометок — просто маленький желтый квадратик — толстый, с зернистой поверхностью, словно на бумаге были наклеены песчинки.

Он выпрямился, проглотил еще ложку бульона, затем долго пытался сообразить, что это могут быть за марки. Увы, хранящийся в памяти каталог ничего не подсказывал. Похоже, он такую марку никогда еще не видел и даже не слышал о ней.

Часть почтовых штемпелей он узнал сразу, другие оказались совершенно незнакомыми. Впрочем, это не важно: позже можно будет отыс-

кать их в справочниках. Однако у Паккера и без того складывалось впечатление, что планеты или звездная система, откуда отправили конверты, лежали где-то в направлении созвездия Весов. На это указывали те штемпели, которые ему удалось распознать.

Отложив увеличительное стекло в сторону, он вновь принялся за бульон. Главное, напоминал себе Паккер, поднося ко рту очередную ложку, не замочить усы; даже если человек не носит усы, есть все равно нужно аккуратно…

Но тут рука, как назло, дрогнула: немного бульона пролилось на бороду, немного капнуло на стол, и почти полная ложка выплеснулась на конверт с желтой маркой.

Паккер выхватил из кармана платок и попытался стереть расползающееся жирное пятно, но было уже поздно. Конверт промок почти мгновенно, марка потемнела от влаги, и он в сердцах выругался, проклиная собственную неуклюжесть.

Затем взял мокрый конверт за уголок, отыскал мусорную корзину и разжал пальцы.

После выходных, проведенных с семьей Тони на берегу Гудзонова залива, Паккеру не терпелось вернуться домой.

«Тони совсем рехнулся, — подумал он. — Надо же всадить столько денег в роскошный загородный дом! Шансов разбогатеть у него, считай, никаких, все его грандиозные планы рушатся один за другим, однако он по-прежнему строит из себя большого дельца и цепляется за эту дорогую виллу. Впрочем, может быть, так сейчас и надо: если удастся одурачить кого-нибудь, заставить поверить, что ты чего-то стоишь, тогда у тебя может появиться реальный шанс влезть в большое дело. Может быть, так и надо, кто его знает…»

Паккер остановился в холле забрать почту, надеясь, что бандероль от ПугАльНаша уже прибыла. Со всей этой суетой он забыл прихватить коробочку с листьями, и за три дня успел понять, насколько сильно к ней привык. Каждый раз, когда он вспоминал, как мало у него осталось листьев, Паккера охватывало беспокойство: а вдруг ПугАльНаш забудет о нем?

За три дня накопилось множество писем, но от ПугАльНаша ничего не было.

Впрочем, этого следовало ожидать, напомнил себе Паккер: новые бандероли ни разу не приходили, пока листья не кончались совсем. Поначалу он нередко задумывался, что за пророческий дар позволяет его другу точно угадывать, когда у него

кончается запас, и как тот рассчитывает время отправки, чтобы бандероли приходили именно в тот день, когда в них возникнет необходимость. Теперь он об этом не думал: все равно бесполезно, чудо оно и есть чудо.

— С возвращением! — радостно приветствовал его дежурный клерк. — Как отдохнули, мистер Паккер?

— Сносно, — проворчал он и направился к лифту.

Однако на полпути его перехватил управляющий Элмер Ланг.

— Мистер Паккер, — заверещал он, — мне непременно нужно с вами поговорить.

— Ну так говорите.

— Это насчет мышей, мистер Паккер.

— Каких еще мышей?

— Миссис Фоше сказала мне, что у вас в квартире мыши.

Паккер расправил плечи и выпрямился, чтобы казаться выше, хотя при его сложении это было непросто.

— Это ваши мыши, Ланг. Вы ими и занимайтесь.

— Но как же я могу, мистер Паккер? — произнес Ланг, заламывая руки. — Ваша квартира…

Там столько всякого хлама… надо бы все это разобрать.

— Должен вам заметить, сэр, что этот хлам является одной из самых полных коллекций марок во всей Галактике. Я действительно несколько запустил разборку новых поступлений, но я никому не позволю называть свою коллекцию хламом.

— Но может быть, я попрошу Майлса, уборщика, помочь вам разобраться с коллекцией?

— Помочь мне мог бы только человек, имеющий определенный опыт работы с филателистическим материалом, — строго сказал Паккер. — Ваш уборщик, надо полагать, такого опыта не…

— Но, мистер Паккер, — взмолился Ланг, — все эти горы бумаги и коробки — идеальное место для мышей. Я не смогу вывести мышей, если вы не вычистите свои завалы.

— Вычистить?! — взорвался Паккер. — Да вы хоть понимаете, о чем говорите? Где-то в огромной массе материала есть, например, конверт — для вас это просто конверт с марками и штемпелями, — за который мне несколько дней назад предлагали четверть миллиона долларов — если только я его отыщу. И это лишь малая толика от всего накопленного. Вы что, Ланг, все это предлагаете мне «вычистить»?

— Но, мистер Паккер, так больше продолжаться не может. Я вынужден настаивать…

Тут прибыл лифт, и Паккер с видом оскорбленного достоинства шагнул в кабину, оставив управляющего с его проблемами в холле.

— Сует свой нос, куда не просят… — пробормотал он, отдуваясь сквозь усы.

— Что вы говорите, сэр? — спросил лифтер.

— Миссис Фоше. Сует свой нос, куда ее не просят.

— Возможно, вы правы, сэр, — рассудительно ответил лифтер.

Паккер надеялся, что в коридоре никого не будет, и на этот раз ему повезло. Он отпер дверь, шагнул вперед…

И замер, услышав странный булькающий звук.

Какое-то время он стоял неподвижно, прислушивался — с недоверием и чуть-чуть испуганно.

В комнате по-прежнему булькало.

Паккер опасливо прошел дальше и сразу же увидел, в чем дело.

Мусорная корзина у стола была до краев заполнена какой-то булькающей желтой массой. В нескольких местах масса даже сползла по стенке корзины и растеклась лужицами по полу.

Готовый в случае чего повернуться и броситься

наутек, Паккер медленно подошел ближе, но ничего не произошло. Желтая масса в корзине продолжала булькать, и только.

Это была густая, похоже, клейкая масса без пены, и хотя она булькала, ни пузырьков, ни бурления не было заметно.

Паккер подошел совсем близко и протянул к корзине руку. Никто его не схватил, да и вообще масса никак не отреагировала.

Он ткнул ее пальцем: на ощупь поверхность оказалась довольно плотной, чуть теплой, и у него вдруг возникла мысль, что это нечто живое.

Паккер тут же подумал о вымоченном бульоном конверте, который бросил перед отъездом в мусорную корзину. Он даже не удивился своей догадке: масса в корзине была такого же цвета, что и марка на конверте.

Обогнув стол, он положил туда почту и тяжело опустился в кресло.

«Выходит, марка ожила, — подумал Паккер, — и это очень странно…» Впрочем, чего уж там. На самом деле она не страннее некоторых марок, что ему доводилось видеть раньше. Хотя Земля и передала Галактике идею их использования, многие развили ее гораздо дальше — порой с очень необычными результатами.

«А мне теперь, — подумал он вяло, — придется выносить эту дрянь в корзине. Не хватало еще, чтобы Ланг увидел…»

Его немного беспокоило то, что Ланг требовал привести квартиру в порядок, и в какой-то степени задевало: он заплатил за нее немалые деньги, причем заплатил вперед, и никогда никому не мешал. А кроме того, он живет здесь уже двадцать лет, и с этим Лангу тоже придется считаться.

Потом он наконец встал, обошел стол сбоку и наклонился. Осторожно, чтобы не вляпаться, где желтая масса перетекла через край, взялся за корзину и попытался ее поднять. Не тут-то было. Он тянул изо всех сил, но корзина оставалась на месте. Паккер выпрямился и двинул ее ногой — она даже не шелохнулась.

Он шагнул назад и уставился на корзину, сердито отдуваясь сквозь усы. Как будто ему и без того забот мало! Надо разбирать все эти завалы и избавляться от мышей. Надо искать конверт из системы Полярной звезды. Кроме того, куда-то подевался пинцет, и придется идти покупать новый, а значит, опять тратить время.

Но прежде всего нужно будет убрать отсюда корзину. Очевидно, она просто прилипла: эта желтая дрянь затекла под дно и засохла. Нужно

будет взять ломик или еще что-нибудь длинное, поддеть и отодрать от пола.

Желтая масса в корзине по-прежнему весело булькала.

Паккер вновь надел шляпу, вышел на лестницу и запер за собой дверь.

Стоял чудный летний день, и он решил немного прогуляться, а заодно подумать о своих бесчисленных проблемах. Однако о чем бы Паккер ни думал, мысли его возвращались к корзине с ползущим через край желтым киселем, и он понимал, что не сможет заниматься ничем другим, пока от нее не избавится.

Отыскав магазин, где продавали скобяные изделия, Паккер купил средних размеров ломик и направился к дому. Возможно, он поцарапает немного пол, но зато уж точно отдерет приклеившуюся корзину.

В холле первого этажа на него снова напустился Ланг.

— Мистер Паккер, — спросил он строго, — куда это вы направляетесь с таким ломом?

— Я его купил специально, чтобы вывести мышей.

— Но, мистер Паккер…

— Вы ведь хотите, чтобы я от них избавился?

— Да, разумеется.

— Ситуация складывается критическая, и от меня могут потребоваться решительные действия, — сурово произнес Паккер.

— Но… лом!

— Не беспокойтесь, я буду осторожен и не стану бить слишком сильно, — пообещал Паккер.

Он поднялся на лифте к себе. Написанная на лице Ланга растерянность немного улучшила ему настроение, и, двигаясь по коридору, Паккер даже насвистывал какую-то мелодию.

Однако, ковыряясь ключом в замке, он услышал за дверью шорох и почувствовал, как по спине у него пробежал холодок: шорох казался таинственным и зловещим.

«Боже, — подумал он, — там не может быть столько мышей».

Сжав ломик покрепче, Паккер отпер замок и распахнул дверь.

В квартире бушевал бумажный шторм.

Паккер быстро шагнул через порог и захлопнул за собой дверь, чтобы ни одна бумажка не улетела на лестницу.

«Должно быть, оставил окно открытым», — мелькнула мысль. Но нет, не оставлял. Да и на улице — ни ветерка.

А тут… тут не то что ветерок — самый настоящий шторм.

Паккер стоял, прислонившись спиной к двери, и испуганно наблюдал за происходящим в квартире, затем перехватил ломик понадежнее.

Ливень конвертов, шквал пакетов, снегопад танцующих в воздухе марок… На полу тут и там стояли раскрытые коробки, куда, укладываясь аккуратными рядами, сыпались пакеты, марки и конверты, а вдоль стены стояли ровными штабелями другие коробки, что само по себе уже вызывало беспокойство: меньше двух часов назад, когда он уходил, в квартире не было абсолютно ничего ровного и аккуратного.

Однако прямо на глазах шторм стихал. В воздухе кружилось уже меньше бумаг, коробки закрывались, словно невидимой рукой, и, взлетая сами по себе, укладывались вместе с другими у стены.

«Полтергейст!» — в ужасе подумал Паккер, лихорадочно припоминая, что он читал или слышал об этом явлении, и пытаясь отыскать хоть какое-то объяснение.

Но тут все закончилось.

По воздуху уже ничего не летало. Коробки стояли ровными штабелями у стены. Все замерло.

Паккер шагнул в комнату и ошарашенно обвел взглядом свое жилище.

Письменный и обеденный стол сияли полировкой. На окнах висели желтые ровные шторы. Ковер выглядел как новый. Кресла, журнальные столики, лампы и множество других вещей, давно похороненных под грудами филателистического материала и забытых, вновь стояли на своих местах — вычищенные и отполированные до блеска.

А в центре всего этого упорядоченного благообразия весело булькала мусорная корзина.

Паккер выронил ломик и двинулся к столу.

Окно перед ним распахнулось. Ломик просвистел у него над головой, вылетел на улицу и с треском продрался сквозь крону ближайшего дерева, затем окно захлопнулось, и Паккер потерял ломик из виду.

Он снял шляпу и швырнул ее на стол.

Шляпа немедленно поднялась в воздух и поплыла к шкафу в прихожей. Дверцы шкафа распахнулись, шляпа скользнула внутрь, и дверцы мягко закрылись.

Паккер в задумчивости надул щеки и выпустил воздух сквозь усы. Затем достал платок и промокнул лоб.

— Странные творятся дела, — пробормотал он себе под нос.

Медленно, настороженно Паккер принялся осматривать квартиру. Все коробки стояли вдоль одной из стен — от пола до потолка по три в ряд. У противоположной стены стояли три картотечных шкафа, и Паккер удивленно потер глаза: за долгие годы он успел про один забыть и думал, что у него их только два. А вся квартира была аккуратно прибрана, вычищена и только что не светилась.

Паккер переходил из комнаты в комнату — везде царил полный порядок.

Сковородки и кастрюли на кухне стояли на своих местах, в буфете высились аккуратные стопки тарелок. Плита и холодильник сияли чистотой, и даже в раковине не оказалось ни одной грязной тарелки, а Паккер не сомневался, что они должны быть. Кастрюлька миссис Фоше, уже без бульона и оттертая до блеска, стояла на кухонном столе.

Паккер вернулся к письменному столу и там, словно кто-то выложил все это для обозрения, обнаружил:

десять мертвых мышей;

восемь филателистических пинцетов;

стопку конвертов со странными желтыми

марками;

два — не один, а сразу два — конверта с марками «Поларис-17б», на одном четыре марки, на другом — пять.

Паккер устало опустился в кресло и снова взглянул на стол.

Как же это могло случиться, черт побери? И что вообще происходит?

Он наклонился и посмотрел на корзину, стоявшую сбоку от стола. Ему даже показалось, что она булькала специально для него. Видимо, все дело в ней, решил Паккер, иначе просто и быть не может. Ничего другого в квартире не появилось, ничего нового — только эта мусорная корзина с желтой кашей.

Он взял со стола стопку конвертов с желтыми марками и открыл ящик стола, чтобы найти увеличительное стекло. В ящике тоже был полный порядок, а увеличительных стекол оказалось сразу пять штук. Паккер выбрал самое сильное.

При таком увеличении поверхность марки превратилась в равнину с ровно уложенными вплотную друг к другу маленькими шариками — вовсе не песчинки, как ему показалось раньше. Склонившись над увеличительным стеклом, Паккер вдруг понял, что это споры.

Крохотные безжизненные оболочки, способные тем не менее возродить жизнь — что в данном случае и произошло. Он пролил на марку бульон, споры ожили, и возникла эта странная колония микроорганизмов в корзине.

Паккер положил увеличительное стекло на место и встал, собрал дохлых мышей за хвостики, отнес к люку мусоросжигателя и выбросил.

Затем прошел к книжному шкафу: книги тоже были расставлены по тематике; нашлись даже те, что он давным-давно потерял и не мог отыскать долгие годы. Длинные ряды каталогов марок, подборка справочников по галактическим гашениям, огромный том по разновидностям почтовых отметок, путеводители по Галактике, целая полка словарей экзотических языков — книги, совершенно необходимые для распознавания марок, — и множество изданий, посвященных тонкостям филателии.

От книжного шкафа он перешел к сложенным у стены коробкам. Взял одну из них и поставил на пол. Коробка оказалась заполненной конвертами и прозрачными пакетами с отдельными марками, блоками, марками в листах и полосах. С растущим чувством радостного удивления Паккер продолжал перебирать содержимое коробки.

Все марки и конверты в ней оказались из системы Тубана. Он закрыл коробку и собрался поставить ее на место, однако, не дожидаясь его, коробка сама поднялась над полом и установилась туда, откуда он ее взял.

Паккер проверил еще три, что стояли рядом. В одной коробке хранился материал с Корефороса, в другой — из системы Антареса, а в третьей — с Джуббы. Споры не только привели в порядок квартиру, но и рассортировали всю его коллекцию!

Он вернулся на дрожащих ногах к креслу и сел. Просто невероятно! Слишком невероятно!

Споры впитали бульон и ожили. И теперь у него в мусорной корзине поселилась неземная форма жизни — или колония различных форм жизни, — короче, существа с явным пристрастием к порядку, неудержимым стремлением работать и умением направить свое стремление в нужное русло.

Но самое главное — эта чертовщина в корзине делала именно то, что человеку нужно.

Корзина навела порядок в квартире, рассортировала марки и конверты, извела мышей и отыскала конверты из системы Полярной звезды вместе со всеми потерявшимися пинцетами.

Откуда эти существа узнали, что ему нужно? Может быть, они читают мысли?

От этой догадки по спине у него пробежали мурашки, но до его возвращения корзина и в самом деле ничего не делала, лишь весело побулькивала. Возможно, она не знала, что делать, а затем он вернулся, и каким-то образом ей передались его мысли. Да, пожалуй, так: едва он вернулся, корзина узнала, какую работу надо выполнять, и сделала ее.

Зазвенел звонок в прихожей, и Паккер пошел открывать. Оказалось, это Тони.

— Привет, дядюшка, — сказал он. — Ты забыл свою пижаму, и я решил забежать вернуть. Ты оставил ее на кровати.

Он протянул Паккеру небольшой сверток и только тут заметил, что произошло в квартире.

— Боже, дядюшка! Что случилось? Ты никак навел здесь порядок?

Паккер в смущении покачал головой.

— Да нет, Тони. Тут произошло нечто необъяснимое…

Племянник прошел в гостиную и остановился, восхищенно и несколько ошарашенно оглядывая комнату.

— Ты славно потрудился, дядюшка.

— Я палец о палец не ударил.

— А! Понятно. Нанял кого-то, чтобы здесь убрали, пока ты гостил у нас.

— Нет, что ты. Все случилось сегодня утром. И всю работу сделала вот эта штуковина. — Паккер указал на корзину.

— Да ты, видимо, рехнулся, дядюшка, — без тени сомнения заявил Тони. — Совсем крыша поехала.

Тони настороженно обошел вокруг корзины, затем протянул руку и ткнул пальцем в желтую булькающую массу.

— Похоже на тесто, — сообщил он, выпрямился и посмотрел Паккеру в глаза: — А ты меня не разыгрываешь?

— Я понятия не имею, что это такое, — ответил Паккер, — и не знаю, как и зачем оно навело у меня порядок, но клянусь, все это — чистая правда.

— А знаешь, дядюшка, — задумчиво сказал Тони, — тут, кажется, что-то есть…

— Не сомневаюсь.

— Нет, я серьезно. Не исключено, что это величайшее открытие за всю историю человечества… Так, значит, ты говоришь, эта чертовщина делает то, что тебе нужно?

— В общем, да, — сказал Паккер. — Только я

не понимаю — как. У нее определенно есть ощущение порядка, и она делает ту работу, которую тебе нужно. Она словно понимает тебя — даже предвидит твои желания. Может быть, на самом деле это мозг с огромным пси-потенциалом. Видишь ли, я тут перед отъездом разглядывал один конверт с желтой маркой…

И он рассказал ему все, что с ним произошло.

Тони задумчиво слушал, теребя себя за подбородок.

— Так, ладно, дядюшка, — произнес он наконец, — все ясно. Мы не знаем, что это такое и как оно действует, но давай пораскинем мозгами. Представь себе ведерко этой вот чертовщины в какой-нибудь конторе — в большой, серьезной конторе. Они смогут добиться такой эффективности, какая им и не снилась. Эта штуковина будет сортировать и хранить бумаги, регистрировать документацию и вообще поддерживать полный порядок в делах. У них никогда ничего не потеряется! Все будет лежать на своих местах, а найти нужный документ можно будет в считаные секунды. Скажем, босс или еще кто хочет посмотреть какое-нибудь досье: хлоп! — и оно уже на столе. Да с такой штуковиной можно вообще уволить всех клерков! Или, например,

библиотека: она может работать даже без библиотекарей, и еще как! Но больше всего пользы эта чертовщина принесет в крупных конторах — в страховых фирмах, в промышленных корпорациях или транспортных компаниях. Тут ей просто цены нет.

Паккер немного растерянно покачал головой.

— Может быть, Тони, может быть, но кто тебе поверит? Кто обратит внимание? Это слишком фантастичный план. Ты просто станешь посмешищем.

— Ну, это все ты оставь мне, — сказал Тони. — Я знаю, что надо делать, и тебе без меня не обойтись.

— Ага! Значит, мы уже деловые партнеры.

— У меня есть друг... — Послушать его, так у Тони везде друзья. — Он разрешит мне провести проверку. Мы поставим ведерко с этой штуковиной у него в конторе и посмотрим, что получится. — Он огляделся, уже готовый действовать. — У тебя есть ведро?

— На кухне должно быть.

— А мясной бульон? Ты ведь облил марку мясным бульоном?

Паккер кивнул.

— Кажется, есть банка консервированного.

Тони почесал в голове.

— Значит, так, дядюшка, прежде всего нам нужен стабильный источник поставок.

— У меня осталось еще несколько таких конвертов. Все — с марками. Мы можем использовать один из них.

Тони нетерпеливо отмахнулся.

— Нет, так не пойдет. Эти конверты — наш резервный фонд. Их нужно спрятать куда-нибудь в сейф — на крайний случай. Но сдается мне, мы сможем вырастить не одно ведро этой штуковины из того, что у нас уже есть. Отчерпнем немного, подкормим бульоном и…

— Но откуда ты знаешь?..

— А тебе не кажется странным, дядюшка, что спор на марке и бульона, который ты пролил, оказалось ровно столько, чтобы заполнить желтой массой одну мусорную корзину до краев?

— Да, в общем-то, но…

— По-моему, эта чертовщина разумна. Или, во всяком случае, она знает, что делает. Так сказать, сама себе устанавливает правила. Ты ей дал корзину, и она живет в ней, никуда не выползает. Разрослась как раз до краев и немного вытекла, но лишь для того, чтобы приклеить корзину к полу. И все. Она не прет через край, не заполняет

комнату — короче, знает свое место.

— Может быть, ты и прав, но это не объясняет…

— Подожди секунду, дядюшка. Вот смотри.

Тони сунул руку в корзину и вырвал кусок желтой массы.

— Теперь следи за корзиной.

Прямо у них на глазах споры расползлись и заполнили пустое пространство. Спустя несколько минут корзина снова была полна до краев.

— Видишь, что я имею в виду? — сказал Тони. — Дашь ей больше места — она вырастет. Нужно только кормить. А уж место мы ей дадим — много-много ведер, — и пусть растет сколько душе угодно…

— Черт, дашь ты мне сказать, наконец?! Я тебя хочу спросить: что мы будем делать, чтобы она не приклеивалась к полу? Ну, разведем мы еще ведро этой чертовщины или несколько ведер, а они возьмут и приклеятся тут к полу, как первое.

— Очень хорошо, что ты об этом подумал. Но я знаю, что надо делать: мы просто подвесим ведро за ручку. Подвесим, и ей не к чему будет приклеиваться.

— Хм-м… Ладно. Похоже, мы все предусмотрели. Пойду разогрею бульон.

Они разогрели бульон, нашли ведро и подвесили его на рукоятку швабры, уложенной на спинки двух стульев. Затем бросили туда кусок желтой массы, вырванной из мусорной корзины, и приготовились наблюдать. Однако масса лежала куском и, похоже, совсем не собиралась расти.

— Выходит, я был прав, — заявил Тони. — Чтобы она начала расти, ей нужно немного бульона.

Он плеснул в ведро бульон, но спустя несколько секунд масса растаяла, расползлась и превратилась в тягучую черную жижу.

— Что-то здесь не так, — обеспокоенно сказал Тони.

— Да уж, — согласился Паккер.

— Знаешь, у меня есть идея, дядюшка. Очевидно, ты в первый раз облил марку другим бульоном. У разных фирм, что производят консервы, наверняка и разная рецептура. Дело, скорее всего, не в самом бульоне, а каком-то ингредиенте, который побуждает споры к росту. Похоже, у нас не тот бульон.

Паккер смущенно шаркнул ногой.

— Тони, я не помню, какой был бульон.

— Но ты должен вспомнить! — закричал Тони. — Думай! Ты должен вспомнить, что это была за фирма!

С несчастным видом Паккер шумно выдохнул через усы и признался:

— По правде говоря, Тони, я его не покупал. Этот бульон приготовила миссис Фоше.

— Вот, уже кое-что! Кто такая миссис Фоше?

— Любопытная старуха, что живет на этой же лестничной площадке.

— Отлично! Тебе надо лишь попросить, чтобы она приготовила еще немного.

— Я не могу, Тони.

— Но нам нужна всего одна порция. Мы отдадим бульон на анализ, чтобы узнать состав, и дело сделано?

— Она захочет узнать, зачем мне бульон. И всем расскажет, как я ее попросил. Возможно, она даже догадается, что здесь дело нечисто.

— Вот этого допустить нельзя, — озабоченно произнес Тони. — Все должно остаться между нами. Зачем нам делиться с кем-то еще?

Он сел и задумался.

— А кроме того, она, наверно, на меня злится, — добавил Паккер. — Перед моим отъездом она таки пробралась в квартиру и до смерти перепугалась, когда увидела мышь. После чего понеслась к управляющему жаловаться.

Тони щелкнул пальцами.

— Придумал! — воскликнул он. — Я знаю, как мы это обтяпаем. Ты иди и ложись в постель, а…

— Еще чего! — проворчал Паккер.

— Послушай, дядюшка, другого выхода нет. Тебе придется мне подыграть.

— Что-то мне это не нравится. Совсем не нравится.

— Иди ложись в постель и притворяйся больным. Сделай вид, что тебе плохо. А я отправлюсь к этой миссис Фоше и распишу ей, как ты переживаешь из-за того, что ее напугала мышь. Скажу, что ты, мол, весь день вкалывал и приводил квартиру в порядок, только чтобы это не повторилось. Скажу, ты так, мол, работал, что…

— Ни в коем случае, — взвизгнул Паккер. — Она же сюда пулей прилетит! Очень мне это нужно!

— А парочку миллиардов тебе не нужно, а? — сердито спросил Тони.

— Да не особенно, — ответил Паккер. — Душа как-то не лежит.

— Ладно, я скажу ей, что ты совсем не встаешь — сердце, мол, слабое, — но ты очень просил приготовить тебе еще такого же бульона.

— Я запрещаю тебе говорить это! — не выдержал Паккер. — Не смей ее приплетать!

— Но, дядюшка, — попытался уговорить его

Тони, — если ты не хочешь сделать это ради себя, подумай обо мне. Я у тебя один родственник на всем свете остался. И это первый случай, когда мне выпала возможность действительно разбогатеть. Может быть, я много хвастаюсь и делаю вид, что процветаю, но на самом деле… — Он понял, что это не довод, и сменил тактику: — Ну хорошо, если не ради меня, то сделай это хотя бы ради Энн, ради ребятишек. Тебе же не хочется, чтобы маленьким бедняжкам пришлось…

— Ладно, заткнись, а то ты еще расплачешься сейчас, — сказал Паккер. — Черт с тобой, я согласен.

Вышло еще хуже, чем он предполагал. Знал бы он заранее, что так получится, — в жизни бы не согласился на такую авантюру.

Вдова Фоше сама принесла кастрюльку с бульоном. Затем села на край кровати, приподняла ему голову и, сюсюкая, принялась кормить его с ложки.

Он чуть не провалился от стыда.

Но то, что им было нужно, они все-таки получили.

Когда вдова Фоше решила, что ему уже достаточно, в кастрюльке осталось еще примерно столько же, и она оставила бульон им. «Бедняжке

он еще пригодится», — сказала она.

Время приближалось к трем, и с минуты на минуту должна была явиться вдова Фоше с бульоном.

При мысли о бульоне у Паккера сдавило горло.

«В один прекрасный день, — пообещал он себе, — я разобью Тони башку». Если бы не этот проныра, ничего бы и не началось.

Прошло уже полгода, и каждый божий день она приносила свой бульон, садилась рядом и начинала без умолку трещать, а он тем временем должен был через силу вливать в себя целую тарелку. И хуже всего то, что приходилось делать вид, будто бульон ему нравится.

А она-то как радовалась! Боже, ну откуда в ней столько веселости и энергии? Toujours gai[3], припомнилось ему французское выражение. Как тот ненормальный кот, которого древний писатель описал в своих глупых стишках[4].

«И надо же до этого додуматься! Чеснок в говяжьем бульоне! Ну кто о таком слышал?» — беспомощно сокрушался Паккер. Ведь это про-

---

[3] Примечания: 3

Всегда веселый *(фр.)*.

[4] Примечания: 4

Имеется в виду книга детского писателя Доктора Сьюза «Кот в шляпе».

сто… варварство! Особый рецепт, называется… Однако именно чеснок подействовал на споры, именно эта питательная среда пробудила их к жизни и заставила расти.

А возможно, чеснок в бульоне пошел на пользу и ему самому, признавал Паккер. Уже долгие годы он не чувствовал себя так славно. В походке появилась упругость, да и уставать он стал гораздо меньше. Раньше его всегда клонило после полудня в сон, и он ложился вздремнуть, а теперь об этом и не вспоминал. Работал как обычно, нет, даже больше обычного, и — если не принимать в расчет вдову с бульоном — считал себя очень счастливым человеком. Да, именно так — очень счастливым.

И если Тони не станет отрывать его от марок, ему этого счастья надолго хватит. Тони молодой, шустрый, вот пусть и тащит на себе корпорацию «Эффективность». В конце концов, он сам на этом настаивал. Хотя, надо признать, дела у него идут отлично: множество промышленных предприятий, страховых компаний, банковских контор и прочих организаций уже сделали заказы. Пройдет какое-то время, утверждал Тони, и ни одному деловому человеку даже в голову не придет, что можно обойтись без услуг корпорации «Эффек-

тивность».

Прозвенел звонок, и Паккер пошел открывать. Наверняка вдова Фоше со своей кастрюлькой.

Оказалось, нет.

— Мистер Клайд Паккер? — спросил человек, стоявший на лестничной площадке.

— Да, сэр, — ответил Паккер. — Проходите, пожалуйста.

— Меня зовут Джон Гриффин, — сказал гость, сев в предложенное кресло. — Я представляю Женеву.

— Женеву? Вы имеете в виду правительство?

Гриффин предъявил свои документы.

— Хорошо. Чем могу быть полезен? — спросил Паккер несколько прохладным тоном, поскольку большой любви к правительству не испытывал.

— Насколько я понимаю, вы являетесь старшим партнером в корпорации «Эффективность», верно?

— Кажется, так оно и есть.

— Вы не уверены?!

— Не на все сто. Я, безусловно, партнер, а вот старший или еще как, утверждать не стану. Всеми делами заправляет Тони, и я в них не вмешиваюсь.

— Вы и ваш племянник — единственные вла-

дельцы фирмы?

— Вот это абсолютно точно. Мы никого не хотим брать в долю.

— Мистер Паккер, в течение определенного времени правительственные службы вели переговоры с мистером Кампером… Он ничего вам об этом не рассказывал?

— Ни слова. Я занят своими марками, и он старается меня не беспокоить.

— Мы заинтересованы в ваших услугах, — сказал Гриффин, — и пытались их купить.

— Пожалуйста. Платите деньги и…

— Но вы не знаете сути проблемы. Мистер Кампер настаивает на отдельных контрактах для каждого подразделения правительственных служб. Получается чудовищная сумма…

— Она того стоит, — заверил гостя Паккер. — Можете не сомневаться.

— Но это несправедливо, — твердо сказал Гриффин. — Мы готовы заключить соглашения по каждому департаменту, хотя и это — уступка с нашей стороны, поскольку правительство положено бы рассматривать как одного заказчика.

— Послушайте, — не выдержал Паккер. — Зачем вы со мной об этом говорите? Я не занимаюсь делами корпорации. Этими вопросами ведает

Тони. Вам придется вести переговоры с ним. Я лично в мальчишку верю: у него голова варит. А меня «Эффективность» мало интересует — только марки.

— Вот именно, — обрадованно произнес Гриффин. — Я об этом и хотел поговорить.

— В смысле?

— Дело в том, — Гриффин перешел на доверительную интонацию, — что наше правительство получает ежедневно вместе с почтой множество марок. Не помню точную цифру, но это несколько тонн филателистического материала в день со всех планет Галактики. В прошлом мы реализовывали их через несколько филателистических компаний, но теперь администрация склоняется к тому, чтобы предложить весь филателистический материал оптом — и весьма недорого — в качестве условия заключения сделки.

— Отлично. Но что я буду делать с марками, если они будут поступать по нескольку тонн в день?

— Не знаю. Но ведь вы так интересуетесь марками, а это великолепная возможность первому покопаться в превосходном материале. Думаю, что вам вряд ли кто предложит такой богатый источник.

— И вы хотите уступить все это мне, если я уговорю Тони пойти вам на уступки?

Гриффин расплылся в счастливой улыбке.

— Вы прекрасно меня понимаете.

Паккер хмыкнул.

— Понимаете?! Да я вас насквозь вижу!

— О, я бы не хотел, чтобы у вас создалось неверное представление о правительстве. Это деловое предложение, чисто деловое.

— Надо полагать, за эти горы бумаги, от которых я вас избавлю, вы рассчитываете получить лишь небольшую номинальную плату?

— Чисто условную, — заверил его Гриффин.

— Хорошо. Я подумаю и сообщу вам свое решение. Но сейчас, разумеется, ничего обещать не буду.

— Конечно, мистер Паккер. Я не стану вас торопить.

Когда Гриффин ушел, Паккер задумался о его предложении, и чем больше он думал, тем привлекательнее оно ему казалось.

Можно будет арендовать большое складское помещение, установить там «Корзину эффективности» и просто сваливать туда все новые поступления — «Корзина» рассортирует их сама.

У него не было уверенности, что одна корзина

справится с подробной классификацией — разве что разберет материал по планетарным группам, — но если так, он просто установит еще одну, и уж с двумя-то корзинами он сможет добиться любой точности. А после того как они отберут для него наиболее ценные экземпляры, он передаст весь хлам специально созданной торговой организации — продавать по таким ценам, что все остальные дельцы от филателии просто вылетят в трубу.

Паккер удовлетворенно потер руки, представляя, как он «разденет» всех этих жуликов. Сами они такое вытворяют, что им только поделом будет.

Радужные перспективы омрачала только одна маленькая деталь. Конечно, предложение Гриффина — это почти то же самое, что взятка, хотя чего еще ожидать от правительства? В администрации полно взяточников, вымогателей, лоббистов, «борцов за особые интересы» и прочих жуликов. Возможно, никто ничего и не подумает, если он согласится на сделку с марками — кроме оптовых торговцев, разумеется, но они-то уж никак не могут помешать: им останется только сесть на задние лапы и выть на луну.

Однако имеет ли он право вмешиваться в дела

Тони? Ему, конечно, несложно будет упомянуть об этом при случае, и Тони скажет «да». Но вот стоит ли?

Паккер мучился, не находя ответа и даже не приближаясь к нему, пока в дверь снова не позвонили.

На этот раз пришла вдова Фоше, но с пустыми руками. Без бульона.

— Добрый день, — сказал Паккер. — Сегодня вы несколько позже.

— Я было уже собралась, но увидела, что у вас посетитель. Он уже ушел?

— Да, не очень давно.

Она шагнула через порог, и Паккер закрыл за ней дверь.

— Мистер Паккер, — сказала вдова Фоше, когда они прошли в гостиную, — я должна извиниться: сегодня без бульона. По правде говоря, мне немного надоело варить его каждый день.

— В таком случае, — галантно произнес Паккер, — угощение сегодня за мной.

Он открыл ящик стола и достал новую коробочку с листьями, присланную ПугАльНашем всего днем раньше. Почти благоговейно Паккер открыл крышку и протянул коробочку вдове Фоше. Та невольно шагнула назад.

— Попробуйте, — предложил Паккер. — Возьмите щепотку. Только не глотайте, а жуйте.

Вдова осторожно отщипнула пальцами кусочек высушенного листка.

— Это слишком много, — предостерег ее Паккер, — нужно совсем чуть-чуть. Да и достать их нелегко.

Она сунула щепотку зелени в рот. Паккер, улыбаясь, следил за выражением ее лица. Поначалу вдова выглядела так, словно он предложил ей яд, но вскоре откинулась на спинку кресла и успокоилась — видимо, решила, что смертельная опасность ей не угрожает.

— У меня такое впечатление, — произнесла она, — что я за всю свою жизнь ничего похожего не пробовала.

— Наверняка не пробовали. Возможно, кроме меня самого, вы — единственный человек на Земле, кто попробовал это лакомство. Я получаю его от своего друга, который живет на планете у очень далекой звезды. Его зовут ПугАльНаш. Он регулярно присылает мне бандероли с этими листьями и всегда прикладывает небольшие записки.

Паккер поискал в ящике и нашел последнюю.

— Вот послушайте, — сказал он и прочел за-

писку вслух:

Дараго друг: я в агромный щастье твой последний пасылка с табак. Пжалста еще тот самый. Ты незнать что я прарочиский и сматреть вперед тебе. Но так как это есть и я агромный радастъ сделат такой задача для друг. Я заверить ты это все к лучший. Может быт ты скора богатеть много.

Твой добрый друг ПугАльНаш

Паккер бросил записку на стол.

— И что вы об этом думаете? — спросил он. — Особенно о том, что он пророк и видит мое будущее?

— Наверно, ничего страшного. Он же утверждает, что вы скоро разбогатеете.

— А по-моему, это очень напоминает цыганские предсказания, мне поначалу даже как-то не по себе стало.

— Почему же?

— Потому что я не хочу знать, что со мной случится. А он как-нибудь возьмет и напишет. Если бы человек мог видеть будущее, он бы знал, например, когда умрет, и как, и прочие…

— Мистер Паккер, — перебила вдова, — я ду-

маю, вам еще рано об этом беспокоиться. Готова поклясться, вы с каждым днем выглядите все моложе и моложе.

Паккер зарделся от удовольствия.

— Вообще-то говоря, я и чувствую себя гораздо лучше. Давно уже такого не было.

— Может быть, это листья так действуют?

— Нет, я думаю — дело здесь, скорее, в вашем бульоне.

Короче, время за беседой протекло легко и приятно — более приятно, признал Паккер, чем можно было ожидать, но когда вдова Фоше ушла, в мыслях вдруг всплыл вопрос, от которого ему стало даже как-то не по себе: с чего это он так расщедрился и предложил ей — ей! — попробовать листья?

Паккер спрятал коробочку в ящик стола и снова взял в руки письмо ПугАльНаша, разгладил и прочитал.

Ошибки невольно заставили его улыбнуться, но улыбка быстро погасла. Как бы там ни было, ПугАльНаш все же его опередил, освоил — пусть даже и так — земной язык, тогда как самому Паккеру язык Пуга оказался не по силам.

«Я прарочиский и сматреть вперед тебе».

С ума можно сойти! Хотя не исключено, что это

просто шутка — или нечто такое, что на планете Пуга заменяет шутки.

Паккер отложил письмо в сторону. Смутное беспокойство, вызванное всеми накопившимися проблемами, необходимостью что-то решать, не давало сидеть на месте. Расхаживая по квартире, он продолжал думать.

Как ответить на предложение Гриффина?

Почему он угостил листьями вдову Фоше? Что кроется за этой фразой в письме Пуга?

Он подошел к книжному шкафу, провел пальцем по широким корешкам «Галактического обзора» и, выбрав нужный том, отнес тяжелую книгу на стол.

Долго искал и наконец отыскал звезду Унукаль-Хэй. Пуг, он помнил, жил на десятой планете системы.

Наморщив лоб, Паккер принялся расшифровывать сжатые фразы и дикие, порой загадочные сокращения. Неудобно, конечно, но смысл здесь тоже есть: в Галактике слишком много планет, которые необходимо включить, и даже в таком виде справочник занимал несколько толстенных томов, а уж с полным текстом и подробными описаниями он стал бы просто неподъемным.

Х — м. изуч. пл., раз. обит., непр. д. л. (Т-67), торг.

поср. (Т-102), леч. тр., лег. прор., тр. яз…

Секундочку!

Лег. прор.

Может быть, это «легенда о пророчестве»?

Он снова перечитал абзац, переводя текст на привычный язык:

> «Х — мало изученная планета, разумные обитатели, непригодна для людей (см. таблицу 67), торговля через посредников (см. таблицу 102), лечебные травы, легенда о пророчестве (или „легализованное пророчество“?), трудный язык…»

«Насчет языка — это точно», — подумал Паккер. За долгие годы он научился разбираться во многих галактических языках — во всяком случае, для его целей этих знаний хватало, — но язык Пуга так и остался для него полной загадкой.

Лег. прор.?

Ни в чем нельзя быть уверенным, но кто знает, может, это и правда…

Он захлопнул справочник и отнес книгу на место.

«Значит, смотришь в будущее? Почему бы это? Для чего? — подумал он, мысленно обращаясь к своему другу, и, ухмыльнувшись, добавил: — Ох

и дождешься ты у меня, сверну я тебе твою длинную, тощую шею, чтоб не лез, куда не просили».

Последнее, разумеется, в шутку: слишком уж далеко ПугАльНаш жил, да и неизвестно еще, какая у него шея, если она вообще есть.

Когда пришло время укладываться на ночь, Паккер переоделся в ярко-красную с желтыми попугаями пижаму и сел на краю кровати, шевеля пальцами ног.

«Ничего себе денек выдался», — подумал он.

Нужно будет поговорить с Тони насчет сделки, предложенной правительством. Может быть, даже настоять на своем мнении — несмотря на то что при этом несколько упадут доходы корпорации «Эффективность». Зачем же отказываться от того, что хочется, если оно само идет в руки? Тони еще, того и гляди, обдерет его как липку. Пора бы уже, но, видимо, он пока слишком занят делами, чтобы всерьез планировать, как обжулить своего компаньона. Хотя это и странно: нечестный доллар всегда радовал его гораздо больше, чем законный.

Паккер вспомнил, как сказал Гриффину, что верит в Тони. Что ж, похоже, он сказал правду. Верит и даже гордится. Спору нет, Тони еще тот тип… Подумав об этом, Паккер самодовольно

улыбнулся: «Ну прямо как я в молодости».

Вспомнить хотя бы ту тройную сделку с поддельной старинной мебелью в английском стиле, с картинами с Антареса и местной разновидностью самогона из системы Крысы! Боже, как он их всех тогда обобрал!

Зазвонил телефон, и Паккер двинулся в гостиную, шлепая босыми ногами по полу.

Телефон продолжал трезвонить.

— Иду уже! — сердито крикнул Паккер. — Иду!

Он подошел к телефону и снял трубку.

— Это Пикеринг, — сказал голос в трубке.

— Пикеринг… О да. Рад вас слышать.

— Мы договаривались насчет конверта из системы Полярной звезды.

— Да, Пикеринг, я вас помню.

— Вы, случайно, не отыскали тот конверт?

— Отыскал, но, извините, там полоска только из четырех марок. Я говорил тогда о пяти, но, сами понимаете, память. Годы идут, и…

— Мистер Паккер, вы согласны продать этот конверт?

— Продать? Да, ведь я обещал. Дал слово, сами понимаете… Хотя теперь об этом жалею.

— Он в хорошем состоянии?

— Мистер Пикеринг, учитывая, что это един-

ственный конверт…

— Могу я подъехать в ближайшее время взглянуть на него?

— Пожалуйста. Когда вам угодно.

— Вы подержите его для меня?

— Разумеется, — согласился Паккер. — В конце концов, никто, кроме вас, и не знает еще, что у меня есть этот конверт.

— А цена?

— Мм… Я говорил о четверти миллиона, но речь тогда шла о полоске из пяти марок. Поскольку их только четыре, можно несколько снизить цену. Я же не вымогатель, и со мной всегда можно договориться.

— Да уж, — сказал Пикеринг с ноткой обиды в голосе.

После того как они распрощались, Паккер долго сидел в кресле, положив ноги на стол, шевелил пальцами и удивленно разглядывал их, словно никогда раньше не видел.

Сначала он продаст Пикерингу конверт с полоской из четырех марок за двести тысяч. А затем пустит слух, что существует конверт с полоской из пяти. Пикеринг, когда узнает, будет вне себя. Конечно, он испугается, что кто-нибудь его опередит и купит конверт с пятью марками, тогда

как у него есть только четыре. Такого позора коллекционер вроде Пикеринга просто не вынесет.

Паккер усмехнулся и произнес вслух:

— Клюнул.

За конверт с пятью марками он, возможно, выручит сразу полмиллиона. И Пикеринг никуда не денется, выложит. Нужно будет только назначить цену повыше и позволить ему сбить ее до пятисот тысяч…

Часы на столе показывали десять — обычно он в девять уже лежал в постели.

Паккер пошевелил пальцами ног. Странное дело — не то что спать, но даже ложиться не хотелось. Он и разделся-то только по привычке.

Девять часов, надо же. В такую рань — и ложиться спать. Но ведь было время, когда он раньше полуночи об этом даже и не думал. А то, случалось, и вовсе не ложился, вспомнил Паккер, добродушно усмехаясь.

Однако в те годы ему было чем заняться, куда пойти, с кем встретиться. И елось тогда славно, и пилось в удовольствие… Не то что сейчас. Теперь и выпивку-то делают какую-то не ту, и повара хорошие перевелись. А что касается развлечений… Эх, да что там говорить. Друзья тоже — кого-то уже нет, с другими просто жизнь развела в сто-

роны. Все ушли.

«Ничто не вечно», — подумал Паккер.

Он сидел, шевелил пальцами ног и смотрел на часы. Непонятно почему, но его вдруг охватило странное будоражащее чувство.

Тишину квартиры нарушали только два звука — мягкое тиканье часов и неторопливое булькание корзины со спорами.

Паккер наклонился над краем стола и взглянул на корзину: стоит как вкопанная — полная корзина небывальщины, пробудившейся вдруг к жизни.

Когда-нибудь, подумалось ему, кто-нибудь наверняка узнает, откуда взялись эти споры, с какой далекой планеты, в туманных далях у окраины Галактики. Может быть, даже сейчас нетрудно определить, где выпускаются марки, — если только он поделится с кем-нибудь своей информацией, если покажет кому-нибудь в правительстве эти конверты. Но и конверты, и информация стали теперь коммерческой тайной — слишком ценной, чтобы делиться ею с кем-то посторонним, а потому конверты заперты сейчас в надежном банковском сейфе.

Разумные споры — отличное средство для доставки почты. Наносишь немного этой желтой

каши на конверт или бандероль, пишешь адрес — и готово! А когда письмо доставлено, споры покрываются оболочками и ждут, пока снова кому-нибудь не понадобятся.

Сегодня они работают на Земле, и, может быть, наступит день, когда они возьмут на себя заботу о порядке на всей планете: будут мыть улицы и собирать мусор — в конце концов они установят на Земле эру чистоты и порядка, какой еще не знала ни одна галактическая раса.

Паккер пошевелил пальцами и еще раз взглянул на часы. Стрелки показывали почти половину одиннадцатого, но спать совсем не хотелось.

«А чего я сижу? — подумал Паккер. — Может быть, переодеться и пойти погулять, как говорится, при луне?» На небе действительно светила полная луна, он видел ее в окно. «Совсем сдурел», — тут же сказал он себе, отдуваясь сквозь усы, однако снял ноги со стола и направился переодеваться.

По пути в спальню он невольно хмыкнул, представив себе, как обдерет этого беднягу Пикеринга…

Склонившись перед зеркалом, он пытался завязать галстук, и тут настойчиво зазвонили в дверь.

«Если это Пикеринг, — подумал Паккер, — я его спущу с лестницы. До утра не мог подождать...»

Оказалось, это не Пикеринг. На визитной карточке, которую протянул посетитель, значилось, что его зовут Фредерик Хазлитт и что он президент торговой корпорации.

— И чего же вы от меня хотите, мистер Хазлитт?

— Я хотел бы поговорить с вами, — ответил он, воровато оглядываясь. — Мы здесь одни?

— Одни, не беспокойтесь.

— Дело, которое привело меня к вам, носит довольно деликатный характер и очень меня тревожит. Я обратился именно к вам, а не к мистеру Кампер у, потому что наслышан о ваших деловых качествах. Я чувствую, что вы сможете понять мои затруднения, тогда как мистер Кампер...

— Что ж, выкладывайте, что произошло, — добродушно предложил Паккер. У него вдруг возникло ощущение, что разговор доставит ему удовольствие. Гость был явно чем-то расстроен и очень напуган.

Хазлитт наклонился вперед, и голос его упал почти до шепота.

— Дело в том, мистер Паккер, — признался он с содроганием, — что я становлюсь честным.

— Это ужасно, — сказал Паккер сочувственно.

— Вот именно. Человек в моем положении — да и любой бизнесмен — просто не может быть честным. Могу сказать вам по секрету, мистер Паккер, что на прошлой неделе я потерял колоссальную сумму на одной из самых больших своих операций — и все потому, что стал честным.

— Но может быть, если вы сделаете над собой усилие, постараетесь, так сказать, от души, вам удастся хотя бы частично сохранить бесчестность?

Хазлитт удрученно покачал головой.

— Поверьте, сэр, я пытался, но ничего не выходит. Вы и не представляете, как я старался. Но, несмотря ни на что, я теперь всем говорю правду. Мне никого не удается обмануть, даже заказчиков. А на днях дошло до того, что я сам срезал свои показатели чистого дохода до более реалистичных цифр.

— Какой кошмар! — воскликнул Паккер.

— И все это из-за вас! — взвизгнул Хазлитт.

— Из-за меня? — Паккер возмущенно запыхтел сквозь усы. — Поверьте, мистер Хазлитт, я просто не понимаю, откуда у вас могла появиться такая мысль. Я не имею к вашим проблемам никакого отношения.

— А эти ваши комплекты? «Эффективность»? Это они во всем виноваты!

— Мистер Хазлитт, продукция нашей компании тут совершенно ни при чем, — рассерженно заявил Паккер. — Комплекты «Эффективность» всего лишь…

Тут он умолк.

Боже правый, а ведь они и в самом деле могли…

Сам он уже много лет не чувствовал себя так хорошо, даже перестал спать днем, а теперь вот собрался посреди ночи идти гулять.

— Давно это началось? — спросил Паккер, борясь с накатывающим страхом.

— Месяц назад, по крайней мере, — ответил Хазлитт. — Думаю, первые признаки я заметил месяц назад, может быть, полтора.

— Почему вы просто не выкинули наш комплект?

— Выкинул! — взвизгнул Хазлитт. — Но толку никакого.

— Ничего тогда не понимаю. Если вы выкинули комплект «Эффективность», все должно было кончиться.

— Я тоже поначалу так думал, но ничего не вышло. Эта желтая чертовщина теперь везде. В

трещинах пола, в воздухе; от нее невозможно избавиться.

Паккер сочувственно хмыкнул.

— Вы можете перебраться на новое место.

— А вы представляете, во сколько мне обойдется переезд, Паккер? И, кроме того, это бесполезно. Споры уже у меня внутри! — Он постучал себя по груди. — Я чувствую, что они там — делают из меня честного, порядочного человека, у которого все разложено по полочкам, как в наших картотеках. А я не хочу быть порядочным, Паккер! Я хочу делать деньги! Много денег!

— Возможно, вас утешит, что то же самое происходит и с вашими конкурентами.

— Пусть даже и так, — возразил Хазлитт, — но будет уже неинтересно жить. Зачем, вы думаете, люди занимаются бизнесом? Только лишь для того, чтобы открыть новые возможности, считаться предпринимателями и делать деньги? Совсем нет — это азарт, игра: или ты оставишь конкурента без штанов, или потеряешь последнее…

— Аминь, — громко произнес Паккер.

Хазлитт бросил на него недоуменный взгляд.

— Вы что, тоже?

— Боже упаси, — самодовольно ответил Паккер. — Я каким был пройдохой, таким и остался.

Хазлитт устало откинулся на спинку кресла. Теперь его голос звучал резко, холодно:

— Я хотел было разоблачить вас, предупредить мир, но потом понял, что не могу…

— Разумеется, не можете, — отрезал Паккер. — Зачем же вам становиться посмешищем? Вы ведь из тех людей, кому даже мысль об этом кажется совершенно невыносимой.

— Что вы задумали, Паккер?

— Задумал?

— Вы распространили эту чертовщину по всему миру, и, видимо, вам с самого начала было ясно, что произойдет. Однако на вас споры вроде бы не повлияли. Что вы замыслили? Подмять под себя всю планету?

Паккер надул щеки и выпустил воздух через усы.

— Вообще-то, я об этом не думал. Но идея интересная. — Он встал, выпрямился и добавил: — Пожалуй, я немного стар для этого, но несколько лет у меня все же осталось. Я еще в отличной форме. Давно уже так себя…

— Вы куда-то собирались, — сказал Хазлитт, поднимаясь. — Не смею вас задерживать.

— Благодарю вас, сэр. Я заметил, какая сегодня луна, и решил прогуляться. Может быть, вы ко

мне присоединитесь?

— У меня есть дела поважнее, чем прогулки при луне, Паккер.

— Не сомневаюсь, — ответил Паккер, отвесив сдержанный поклон. — У такого честного, порядочного бизнесмена наверняка полно дел.

Уходя, Хазлитт громко хлопнул дверью.

Паккер вернулся в спальню и снова занялся галстуком.

Хазлитт — и вдруг честный человек! Подумать только. Сколько их еще стало честными к сегодняшнему вечеру? А сколько будет через год? Как скоро станет честной вся Земля? Если споры прячутся в трещинах и разносятся ветром и реками, то, возможно, очень скоро.

Наверно, именно поэтому Тони его еще не надул. Видимо, Тони тоже становится честным. «Жаль, — подумал Паккер без всякой иронии. — Если это случится — он уже не будет так интересен».

А что же станет с правительством? С правительством, которое само просит продать споры — можно сказать, просит сделать их честными, хотя на самом деле они еще ничего об этом не знают.

«Честное правительство! Вот это фокус, — по-

думал Паккер. — Впрочем, так им, паразитам, и надо! Вот у них у всех физиономии вытянутся!»

Он оставил наконец попытки завязать галстук, сел на кровать и несколько минут трясся от неудержимого раскатистого смеха. Затем стер выступившие слезы и все-таки справился с галстуком.

Завтра утром он первым делом свяжется с Гриффином и договорится о поставках марок. Нужно будет поторговаться, конечно, а под конец предложить чуть больше той суммы, на которой они сойдутся, — за долгосрочный контракт. Честное правительство будет слишком честным, чтобы пойти на попятную, даже если, обретя это новое качество, они сообразят, как их нагрели. Честность, к счастью, подразумевает выполнение обязательств и в неудачной сделке, как бы ее ни заключали.

Паккер надел пиджак и прошел в гостиную. Остановился у стола, выдвинул ящик и открыл коробочку с листьями от ПугАльНаша. Затем взял щепотку, но не успел поднести ее ко рту и застыл, пораженный новой мыслью. Все фрагменты головоломки встали на свои места, и он неожиданно понял, хотя и не задавался еще таким вопросом, почему на всей Земле лишь ему одному удалось

остаться нечестным.

«Я прарочиский и смотреть вперед тебе!»

Паккер сунул щепотку листьев в рот и почувствовал их успокаивающее действие.

«Противоядие», — подумал он и тут же понял, что прав.

Но откуда ПугАльНаш знал? Как он предугадал длинную, запутанную вереницу случайных событий, что должны привести к этому вот мгновению?

Лег. прор.?

Паккер закрыл коробочку, задвинул ящик и направился к двери.

Единственный нечестный человек на всей Земле, это надо же! Человек с иммунитетом против порядочности, которую прививают желтые споры, с иммунитетом, что выработался в нем за долгие годы употребления этих листьев.

Он уже приготовил ловушку для Пикеринга, завтра займется правительством. И одному богу известно, на что он еще способен. Хазлитт говорил что-то насчет всей планеты… В общем-то, неплохая идея, хватило бы только времени.

Паккер усмехнулся, представив себе, как все честные простаки безропотно ждут своей очереди быть надутыми и ничего не могут поделать

— жертвы одного-единственного нечестного человека на всей планете. Ну прямо волк среди овец!

Он расправил плечи и старательно натянул белые перчатки, взмахнул тростью, затем стукнул себя в грудь — лишь один раз — и вышел на лестничную площадку, даже не заперев за собой дверь.

Выходя в холле из лифта, Паккер увидел вдову Фоше. Она, видимо, возвращалась из гостей и, остановившись в дверях, прощалась с друзьями, которые провожали ее до дома.

Паккер по-стариковски учтиво снял шляпу, хотя ему казалось, что он уже давно забыл, как это делается.

Вдова Фоше с деланым удивлением всплеснула руками и воскликнула:

— Мистер Паккер, что с вами случилось? Куда это вы собрались в такое время, когда все порядочные люди спят?

— Минерва, — сказал он совершенно серьезным тоном, — я, знаете ли, собрался прогуляться и вот сейчас подумал, не составите ли вы мне компанию.

Она колебалась всего секунду — просто ради приличия изображая неуверенность и нереши-

тельность.

Паккер шумно выдохнул через усы.

— А кроме того, с чего вы решили, что я порядочный человек? — спросил он и галантно предложил ей руку.

Врачеватель вселенной
Перевод И. Тетериной

Он очнулся и очутился в месте, которого никогда прежде не видел. Собственно, мест было два: одно бесплотное, которое то вспыхивало, то снова затухало, другое сумеречное, где из мрака еле уловимо выступали более темные фигуры. Два белых лица вспыхивали вместе с этим местом, и он ощущал запах, который был ему незнаком: затхлый темный дух, какой исходит от глубокой черной воды, слишком застоявшейся и не колеблемой ни единой свежей струей.

А потом это место исчезло, и он снова вернулся в то, другое место, наполненное ослепительным светом, и что-то большое и мраморное высилось перед ним, и виднелась голова мужчины, который сидел чуть выше и позади этого большого и мраморного, так что приходилось задирать голову, чтобы разглядеть его далеко снизу. Как будто человек был очень высоко, а он — очень низко, как будто человек был великан, а он — жалкий карлик.

Губы, расположенные в центре лица человека,

шевелились, и он силился уловить хотя бы слово, но слышал лишь тишину, жуткую, звенящую тишину, которая не пускала в это ослепительное место, которая заставляла его чувствовать себя совершенно одиноким, маленьким и ничтожным — слишком жалким и ничтожным, чтобы внимать словам, которые произносил великан. Хотя, похоже, он знал эти слова, знал, что великан не может сказать никаких иных слов, что он должен сказать их, потому что, несмотря на всю свою высоту и все свое величие, он угодил в ту же самую ловушку, что и маленькое ничтожное существо, которое стояло и смотрело на него снизу вверх. Слова были, просто они скрывались за каким-то непостижимым барьером, и если бы он мог проникнуть за этот барьер, то понял бы, что это за слова, даже не слыша их. А понять их было очень важно, ибо они напрямую касались его — по сути, эти слова были о нем, и они определяли всю его жизнь.

Его сознание принялось ощупью искать барьер, чтобы отделить его от слов, и в тот самый миг, когда ему это удалось, ослепительный свет померк и он снова очутился в колышущемся сумраке.

Белые лица все еще склонялись над ним, только одно из них теперь приблизилось и как будто

парило в воздухе — одинокий маленький белый воздушный шар. В темноте тело существа оставалось неразличимым. Если оно вообще было.

— Вы выкарабкаетесь, — произнесло белое лицо. — Вы уже идете на поправку.

— Ну разумеется, выкарабкаюсь, — брюзгливо откликнулся Альден Стрит.

Потому что он был зол на слова, зол на то, что здесь он их слышит, а там, в ослепительном месте, — нет; а ведь важны именно те слова, тогда как слова, которые он услышал здесь, не больше чем шелуха.

— Кто сказал, что я не выкарабкаюсь? — спросил Альден Стрит.

Это он был Альденом Стритом, но не только, ибо являл собой не просто имя. Каждый человек, подумал он, это не просто имя. Это много всего сразу.

Он был Альденом Стритом и одновременно чудаковатым сумрачным одиночкой, обитателем большого, высокого, сумрачного дома, который стоял на отшибе над деревней и выходил на болотистую пустошь, протянувшуюся далеко на юг, — дальше, много дальше, чем достигал человеческий взгляд. Подлинные размеры болота можно было определить только по карте.

Перед домом располагался просторный двор, а позади простирался сад, на краю которого росло исполинское дерево. Осенью его на несколько быстротечных часов охватывал золотистый пожар, и дерево это хранило в себе нечто неимоверно важное, а он, Альден Стрит, имел какое-то отношение к этой важности.

Он отчаянно попытался вспомнить, в чем заключалась эта неимоверная важность, но не мог — все тонуло в тумане. Когда-то он знал, он помнил это, он жил с этим всю жизнь, с самого детства, но теперь знания больше не было. Оно куда-то подевалось.

Альден яростно цеплялся за него, потому что никак не мог его потерять, снова и снова погружался за ним в темные глубины своего мозга. И, рыская в этих потемках, он вновь вспомнил вкус, тот горький вкус, который ощутил, когда осушил фиал и бросил его об пол.

Он тыкался в темные закоулки своего сознания, разыскивая утраченное, не помня, что это, не имея ни малейшего понятия о том, чем бы это могло быть, но твердо уверенный, что узнает его, как только найдет.

Он искал и не находил. Ибо внезапно очутился не во мраке своей памяти, а опять в том осле-

пительном месте. И разозлился, что его поиски прервали.

Великан в вышине молчал, хотя Альден видел, что он готов вот-вот заговорить. И самое странное, он был совершенно уверен, что уже видел все это раньше и слышал все то, что великан собирался сказать. Однако, хоть убей, не мог вспомнить ни слова. Он уже был здесь прежде, он знал это, и не один раз, а целых два. Он видел все это, точно снятое на пленку, — прошлое повторялось вновь.

— Альден Стрит, — послышался в неизмеримой вышине голос человека, — встаньте и посмотрите на меня.

Что за глупость, подумал Альден, он ведь и так уже стоит и смотрит на этого человека.

— Вы слышали свидетельские показания, прозвучавшие в этом зале, — сказал человек.

— Слышал, — согласился Альден.

— И что вы можете сказать в свое оправдание?

— Ничего.

— То есть вы ничего не отрицаете?

— Я не отрицаю, что все так и было. Но у меня имелись смягчающие обстоятельства.

— Я уверен, что они были, но суд не может их принять.

— Значит, я не могу рассказать…

— Ну конечно можете. Но это ничего не изменит. Закон принимает во внимание лишь совершение преступления. Никаких оправданий быть не может.

— Тогда, полагаю, — подытожил Альден Стрит, — мне нечего вам сказать. Ваша честь, я не стану попусту тратить ваше время.

— Я рад, — сказал судья, — что вы трезво смотрите на вещи. Это все упрощает. Дело закрыто.

— Но вы должны понять, — продолжал Альден Стрит, — что меня нельзя выслать. У меня масса крайне важной работы, и мне необходимо к ней вернуться.

— Вы признаете, — сказал высокий крупный мужчина, — что в течение двадцати четырех часов были больны и самым гнусным образом утаили факт своего заболевания?

— Да, — произнес Альден Стрит.

— Вы признаете, что так и не обратились за лечением, а были задержаны контролером.

Альден не отвечал. Обвинение росло как снежный ком, и отвечать толку не было. Он отчетливо понимал, что это ничего не принесет.

— Кроме того, вы признаете, что не являлись на медосмотр уже восемнадцать месяцев.

— Я был слишком занят.

— Слишком заняты, несмотря на закон, который весьма недвусмысленно гласит, что вы должны проходить медосмотр через каждые шесть месяцев?

— Вы не понимаете, ваша честь.

Его честь покачал головой.

— Боюсь, я все понимаю. Вы поставили себя над законом. Вы сознательно попрали закон и должны ответить за это. Наши медицинские статуты принесли слишком большое благо, чтобы ставить под вопрос их соблюдение. Ни одному гражданину не может быть позволено создать такой опасный прецедент. В борьбе за здоровье населения поддержку должен оказывать каждый из нас, и я не могу попустительствовать…

Ослепительный свет померк, и он снова провалился в сумрак.

Он лежал на спине и смотрел вверх, во тьму, и, хотя он ощущал под собой кровать, на которой лежал, у него было такое чувство, будто он висит в каком-то сумеречном промежутке без конца и начала, в промежутке, который был ничем и вел в никуда и который сам по себе был конечной точкой любой жизни.

Откуда-то из глубины самого себя он снова

услышал бесстрастный неумолимый голос, почему-то отдающий металлом:

«Вы когда-либо принимали участие в программе по совершенствованию тела?»

«Когда вы в последний раз чистили зубы?»

«Как часто, по вашей оценке, вы принимаете ванну?»

«Случалось ли вам когда-либо выражать сомнение в том, что спорт закаляет характер?»

Белое лицо выплыло из темноты и снова повисло над ним. Лицо было старое, он увидел это — женское и доброе.

Чья-то рука скользнула под его затылок и приподняла голову.

— Вот, — сказало белое лицо, — выпейте это.

К его губам поднесли ложку.

— Это суп, — продолжала женщина. — Горячий. Он придаст вам сил.

Он раскрыл рот, и ложка проникла внутрь. Суп был горячим и бодрящим.

Ложку вытащили.

— Где… — начал он.

— Где вы находитесь?

— Да, — прошептал он, — где я? Мне нужно знать.

— Это Промежуток, — ответило белое лицо.

Теперь у этого слова было значение.

Теперь он мог вспомнить, что такое Промежуток.

Но он не мог оставаться в Промежутке.

У него в голове не укладывалось, как кто-то может думать, будто он останется в Промежутке.

Он отчаянно замотал головой по тощей жесткой подушке.

Если бы только у него было побольше сил. Совсем недавно их было много. Он был старый, жилистый и очень сильный. У него хватало сил почти на все.

Но бездеятельный, сказали тогда в Ивовой Излучине.

Теперь у него появилось еще и это название. Он был рад, что оно вернулось, и ухватился за него.

— Ивовая Излучина, — сказал он в темноту.

— Эй, старина, вам плохо?

Он не видел говорившего, но не испугался. Чего ему было бояться? У него было его имя, и Ивовая Излучина, и Промежуток, а совсем скоро к нему вернется и все остальное — и тогда он снова станет здоровым и сильным.

— Мне хорошо, — сказал он.

— Китти покормила вас супом. Хотите еще?

— Нет. Все, чего я хочу, — выбраться отсюда.

— Вы были серьезно больны. Температура поднималась почти до тридцати девяти.

— Я не болен. Жара нет.

— Сейчас нет, а когда вы попали к нам…

— Откуда вам знать, какая у меня температура? Вы не медик. Я по голосу слышу, что никакой вы не медик. В Промежутке нет медиков.

— Нет, — согласился невидимый голос. — Но я врач.

— Вы лжете, — возразил Альден. — Не бывает людей-докторов. У нас вообще больше нет докторов. Остались только медики.

— Кое-кто из нас еще ведет исследования.

— Промежуток не место для исследований.

— Временами, — сказал голос, — от исследований очень устаешь. Они слишком безликие и бесплодные.

Альден ничего не ответил. Он осторожно провел рукой по одеялу, которым его укрыли. Оно было жесткое и колючее на ощупь и казалось довольно тяжелым.

Он попытался разложить по полочкам то, что ему только что сообщили.

— Здесь нет никого, — сказал он, — кроме нарушителей. Что вы нарушили? Забыли подстричь ногти на ногах? Или недосыпали?

— Я не нарушитель.

— Тогда, наверно, доброволец.

— И не доброволец. Сюда просто так не попасть. Никто не пустит. В этом и смысл Промежутка, в этом-то вся и шутка. Ты игнорируешь медиков, за это медики игнорируют тебя. Тебя отправляют в такое место, где вообще нет медиков, чтобы ты попробовал, каково это.

— Значит, вы пробрались сюда тайком?

— Можно и так сказать.

— Да вы спятили, — заявил Альден Стрит.

Ибо Промежуток был не из тех мест, куда пробирались незаконно. Любой мало-мальски здравомыслящий человек делал все возможное, чтобы туда не попасть. Он чистил зубы, принимал ванну, пользовался одним из нескольких одобренных видов ополаскивателей для рта, регулярно проходил обследования, непременно делал зарядку, соблюдал диету и во весь дух мчался в ближайшую клинику при первых же признаках недомогания. Впрочем, недомогание вовсе не было обычным делом. При столь пристальном наблюдении и том образе жизни, который тебя заставляли вести, недомогание стало чем-то из ряда вон выходящим.

В его мозгу снова зазвенел ровный металличе-

ский голос: полный отвращения, возмущенный, осуждающий голос чиновника медицинского дисциплинарного корпуса.

«Альден Стрит, — произнес он, — вы просто опустившийся грязнуля!»

И это, разумеется, был самый ужасный эпитет из всех возможных. Вряд ли можно заклеймить его хуже. Его назвали предателем красоты и здоровья собственного тела.

— Что это за место? — спросил он. — Больница?

— Нет, — ответил доктор. — Здесь нет больниц. Здесь вообще ничего нет. Только я, да то немногое, что я знаю, да еще травы и прочие природные средства, которые есть в моем распоряжении.

— А этот Промежуток… Что это за Промежуток?

— Болото, — ответил доктор. — Гнусное место, можете мне поверить.

— Смертный приговор?

— Это равносильно ему.

— Я не могу умереть, — сказал Альден.

— Все умирают, — возвестил спокойный голос. — Рано или поздно.

— Не сейчас.

— Нет, не сейчас. Через несколько часов вы

будете здоровы.

— Что со мной произошло?

— Вы подхватили какую-то лихорадку.

— Вы так и не сказали, как она называется.

— Послушайте, откуда мне знать? Я же не…

— Я знаю, что вы не медик. Люди не могут заниматься медициной — ни терапией, ни хирургией, вообще ничем, что имеет отношение к человеческому телу. Но люди могут проводить медицинские исследования, потому что для этого требуются интуиция и воображение.

— Вы много об этом думали, — заметил доктор.

— Так, немножко, — ответил Альден. — А кто не думал?

— Возможно, таких больше, чем вам кажется. Но вы злитесь. Вы ожесточились.

— А кто бы не ожесточился? Если хорошенько подумать.

— Я, — возразил доктор.

— Но вы же…

— Да, если кому-то и следовало бы ожесточиться, то это мне. Но я не ожесточился. Потому что мы сами довели себя до этого. Роботы не просили нас об этом. Мы сами возложили на них такую задачу.

Разумеется, именно так и было, подумал

Альден. Все началось давным-давно, когда компьютеры стали использовать для диагностики и для расчетов дозировки лекарств. А дальше пошло-поехало. Применение машин поощряли как прогрессивный метод. А кто отважился бы встать на пути у прогресса?

— Ваше имя… — попросил он. — Мне хотелось бы знать ваше имя.

— Меня зовут Дональд Паркер.

— Честное имя, — одобрил Альден Стрит. — Хорошее, чистое, честное имя.

— А теперь поспите, — велел Паркер. — Вы слишком много говорили.

— Сколько сейчас времени?

— Скоро рассветет.

Вокруг было темно, хоть глаз выколи. Ниоткуда не проникал ни единый луч света. В темноте было не видно ни зги и не слышно ни звука; в воздухе стоял зловещий запах сырости. «Он угодил в преисподнюю, — подумал Альден, — в преисподнюю для жалкой горстки людей, которые сопротивлялись, пренебрегали или по той или иной причине отказывались исповедовать религию всеобщего здоровья. Человек рождался в ней, воспитывался в ней, рос в ней и жил в ней до последнего вздоха. И это, разумеется, было чудес-

но, но боже мой, до чего же она утомляла, до чего же навязала в зубах! Не сама программа и не закон, а та неослабная бдительность, та атмосфера священной войны против каждого крошечного микроба, непрекращающегося сражения с каждым вирусом, с каждой пылинкой, того почти религиозного рвения, с которым медицинский корпус нес свой неусыпный дозор».

До такой степени, что просто из чувства противоречия хотелось вываляться в грязи, что невымытые руки становились предметом бравады.

Ибо закон весьма недвусмысленно гласил: заболевание — уголовное преступление, а пренебрежение любой, даже мельчайшей мерой, направленной на сохранение здоровья, — серьезное правонарушение.

Все это начиналось с колыбели и тянулось до гробовой доски, и существовала даже шутка, которую, впрочем, никогда не произносили в полный голос (что может быть жальче?): дескать, единственное, от чего человек теперь может умереть, это неодолимая скука. В школе ребятишки получали поощрительные звездочки за чистку зубов, за мытье рук, за гигиенические навыки, за уйму прочих вещей. На детских площадках

больше не было места столь бесполезному, несерьезному (и даже преступному) времяпрепровождению, как бесцельные игры, — их сменили тщательно разработанные программы ритмической гимнастики, направленные на совершенствование тела. Для каждого уровня существовали свои спортивные программы: программы для дошколят и младших школьников, для старшеклассников и студентов, программы для микрорайонов и районов, программы для молодых семей, для людей среднего возраста и для людей пожилого возраста — все виды спорта, на любой вкус и сезон. Они не были рассчитаны на болельщиков. Если человек понимал, что для него хорошо, ему в голову ни на минуту не могло закрасться столь нелепое и подозрительное желание, как стать спортивным болельщиком.

Табак находился под строжайшим запретом, как и все алкогольные напитки (теперь названия «табак» и «алкогольные напитки» превратились в лишь немногим более чем пустые словосочетания, закрепленные в законах), а в продажу поступали исключительно полезные для здоровья продукты. Конфеты, лимонад и жевательная резинка были позабыты. Они наряду с алкоголем и табаком наконец-то стали всего только словами

из далекого прошлого, преданиями, которые с замиранием в голосе рассказывали словоохотливые старики, слышавшие о них когда-то в детстве или ставшие свидетелями последних жалких попыток неповиновения со стороны горстки недовольных — попыток, которые предшествовали их окончательному искоренению.

Давным-давно исчезли такие уродливые явления, как разносчики сладостей, спекулянты лимонадом или торговцы жевательной резинкой из-под полы.

Теперь все люди были здоровыми, а болезней не существовало — или почти не существовало. В свои семьдесят человек только-только подбирался к среднему возрасту и мог с уверенностью предвкушать еще четыре десятка лет полноценной жизни в избранном роде деятельности или профессии. Теперь человек не умирал в восемьдесят лет, а вполне мог дожить до своего полуторавекового юбилея, если, конечно, не становился жертвой какого-нибудь несчастного случая.

Все это, разумеется, было бы замечательно, если бы не цена, которую приходилось платить.

— Дональд Паркер, — позвал Альден.

— Да, — ответил голос из темноты.

— Я просто хотел убедиться, что вы здесь.

— Я уже собирался уходить. Мне казалось, что вы заснули.

— Вы же как-то попали сюда, — сказал Альден. — Ну, то есть без посторонней помощи. Вас не привезли медики.

— Без посторонней помощи, — подтвердил Паркер.

— Тогда вы должны знать дорогу. И по ней может пройти другой человек.

— Вы хотите сказать, что сюда может попасть кто-нибудь еще?

— Нет. Я хочу сказать, что кто-нибудь может выбраться отсюда. Повторить то, что сделали вы.

— Никто из здешних не способен на такое, — возразил Паркер. — Я находился на пике свой физической формы, но и то едва-едва справился. Еще пять миль — и я никогда бы не добрался.

— Но если одному человеку…

— Одному человеку с крепким здоровьем. Здесь нет никого, кому это было бы по силам. Считая и меня тоже.

— Если бы вы могли объяснить мне, как найти дорогу…

— Это настоящее безумие, — отрезал Паркер. — Закройте рот и спите.

Альден слушал, как другой уходит, направляясь к невидимой двери.

— Я справлюсь, — сказал Альден, обращаясь не к Паркеру и даже не к самому себе, а скорее к темноте и миру, объятому этой темнотой.

У него просто нет другого выхода. Ему необходимо вернуться в Ивовую Излучину. Что-то ждет его там, и он должен вернуться.

Паркер ушел, и он остался совсем один.

В мире было тихо, темно и сыро. Тишина казалась такой всеобъемлющей, что даже в ушах звенело.

Альден положил руки по бокам и медленно приподнялся на локтях. Одеяло съехало с груди, он уселся на кровати и ощутил холод, пронизывавший тьму, а сырость протянула щупальца и завладела им.

Он сидел и дрожал.

Потом поднял руку, очень осторожно, и потянулся за одеялом, намереваясь завернуться в него. Но когда его пальцы сжали грубую материю, он не стал тянуть ее к себе. «Так не годится, — решил он. — Не дело это — нежиться в кровати под одеялом».

Вместо того чтобы накинуть одеяло на себя, он отшвырнул его прочь и опустил руку, чтобы

ощупать ноги. Пальцы ощутили материю — он так и лежал в брюках и в рубахе, только ступни оказались босыми. Может, ботинки с засунутыми в них носками стоят где-нибудь у кровати? Он принялся шарить вокруг себя в темноте — и выяснил, что лежит не в кровати, а на чем-то вроде тюфяка, брошенного прямо на пол, вернее, на голую землю. Утоптанная поверхность под его ладонью была сырой и холодной.

Ботинок не обнаружилось. Он еще пошарил вокруг, вытянулся, поводил рукой по полу.

Кто-то убрал их, подумал он. А может, украл. В Промежутке пара ботинок наверняка настоящее сокровище. А может, у него их и не было. Может, в Промежуток нельзя брать с собой ботинки — возможно, такова часть наказания.

Ни ботинок, ни зубных щеток, ни ополаскивателя для рта, ни нормальной еды, ни лекарств, ни медиков. Зато здесь был доктор — живой доктор, пробравшийся сюда тайно, человек, добровольно заточивший себя в Промежутке.

Что за личностью нужно быть, чтобы пойти на такое? Что толкает его на подобный поступок? Какой идеализм, какое ожесточение поддерживает его на этом пути? Какая любовь или ненависть удерживает его здесь?

Альден сидел на своем тюфяке, оставив бесплодные поиски ботинок, и качал головой, молчаливо поражаясь тому, на что способен человек.

Смех что такое этот человеческий род, размышлял он. На словах преклоняются перед рассудком и логикой, а на деле куда как чаще руководствуются эмоциями и совершают алогичные поступки.

В этом, наверное и кроется причина того, что теперь все медики — роботы. Ведь медицина такая наука, в которой годятся лишь рассудок и логика, а у роботов нет никаких качеств, которые соответствовали бы человеческим слабостям и эмоциям.

Он осторожно спустил ноги с тюфяка и поставил их на пол, потом медленно поднялся. Он стоял в темноте, один, и сырой пол холодил подошвы.

Весьма символично, подумалось ему. Возможно, и непреднамеренное, но превосходное символическое знакомство с сущностью места под названием Промежуток.

Он вытянул руки, нащупывая какой-нибудь ориентир, и медленно пошаркал вперед.

И вскоре уткнулся в стену, сколоченную из вертикально поставленных досок, грубо рас-

пиленных и никогда не знавших рубанка, с неровными щелями там, где доски прилегали друг к другу.

Медленно, на ощупь Альден двинулся вдоль них и в конце концов добрался до места, где они заканчивались. Он пошарил руками и понял, что нашел вход, но двери не было.

Он перенес ногу через порог, нащупывая пол с другой стороны, и нашел его — почти вровень с порогом.

Поспешно, как беглец, он шмыгнул из комнаты, и темнота впервые за все время расступилась. На светлеющем небе вырисовывались очертания исполинских деревьев, а чуть пониже места, где он стоял, Альден различил какую-то призрачную белизну — вероятно, туман, скорее всего стелющийся над озером или ручьем.

Он стоял, прямой и застывший, и оценивал свое состояние: небольшая слабость, головокружение, в животе холодно и в костях как будто мурашки бегают, но в остальном он хоть куда.

Альден поднял руку и потер челюсть; щетина кололась. Прошло не меньше недели, с тех пор как он в последний раз брился, — по крайней мере, так ему показалось. Он попытался заставить свою память вернуться к тому дню, но время

стекалось, как маслянистая жидкость, и у него ничего не получилось.

У него закончилась вся еда, и впервые за много дней он вышел в деревню — очень туда не хотелось, но голод был сильнее. У него не было времени сходить за едой, у него ни на что вообще не было времени, но наступает пора, когда человеку необходимо питаться. Интересно, задумался он, сколько времени он обходился совсем без еды, слишком поглощенный важной задачей, о которой он теперь ничего не помнил — знал лишь, что корпел над ней и что она осталась незаконченной и он должен вернуться к ней.

Почему он все забыл? Потому что был болен? Разве может болезнь лишить человека памяти?

Надо начать с самого начала, подумал он. Потихоньку, полегоньку. Помаленьку, осторожно и без лишней спешки; не все сразу.

Его зовут Альден Стрит. Он живет в большом, высоком, сумрачном доме, который его родители почти восемьдесят лет назад построили во всем его надменном великолепии на холме над деревней. И за этот дом на вершине холма, за всю его надменность и великолепие его родителей ненавидели, но, несмотря на ненависть, признавали, поскольку его отец был человек образованный и

наделенный недюжинной деловой сметкой и за свою жизнь сколотил небольшое состояние, торгуя закладными на фермы и прочее имущество в округе Маталуса.

Когда родители умерли, ненависть перенесли на него — но не признание, которое шло рука об руку с ненавистью, поскольку, несмотря на то что он окончил несколько колледжей, от его образования не было никакой пользы — по меньшей мере, такой, которую считали бы таковой в деревне. Он не торговал ни закладными, ни имуществом. Он уединенно жил в большом, высоком доме, давно пришедшем в упадок, и помаленьку расходовал деньги, которые его отец скопил и оставил ему. У него не было друзей, да он их и не искал. Случалось, он по целым неделям не показывался на деревенских улицах, хотя все знали, что он дома. Ибо всеведущие соседи видели огни, загоравшиеся в высоком доме на отшибе вечерами.

Когда-то дом был настоящим красавцем, но время и запустение постепенно брали свое. Погнутые ставни сиротливо висели на петлях; много лет назад ураган выбил из верхушки дымохода расшатавшиеся кирпичи, и часть из них до сих пор лежала на крыше. Краска облупилась

и осыпалась, парадное крыльцо просело: фундамент подкосили деловитый суслик, вырывший под ним себе нору, и зарядившие вслед за этим дожди. Лужайка, некогда аккуратно ухоженная, буйно заросла травой, кусты забыли, что такое стрижка, а деревья разрослись так безбожно, что из-за них едва был виден дом. Цветочные клумбы, которые любовно пестовала его мать, остались в прошлом, давным-давно задушенные бурьяном и ползучей зеленью.

Очень жаль, подумал он, стоя в ночи. Мне следовало сохранить дом в том виде, в каком он был при отце и матери, но у меня было так много других забот.

Жители деревни презирали его за бездеятельность и беспечность, из-за которых надменное великолепие пришло в упадок и запустение. Ибо как бы сильна ни была их ненависть к надменности, они все же гордились ею. Они говорили, что он ленивый и равнодушный.

Но я не был равнодушным, подумал он. У меня болела душа — не за дом, не за деревню, даже не за себя самого, а за работу, которую я не выбирал: мне ее навязали.

Или работа была всего лишь сном?

«Давай начнем с самого начала», — сказал он

себе, и именно так намеревался поступить, но начал не с начала, а почти с конца. Он начал очень далеко от начала.

Он стоял в темноте, где очертания деревьев вырисовывались в светлеющем небе и белый призрачный туман стелился над самой водой, и пытался выплыть против течения времени к самым истокам — туда, откуда все началось. Они уходили глубоко, куда глубже, чем он думал, и, похоже, были как-то связаны с запоздалой сентябрьской бабочкой и рыжим золотом облетающей листвы орехового дерева.

Он — тогда еще ребенок — сидел в саду. Стоял голубой и терпкий, как вино, осенний день, и воздух был свежим-свежим, и солнце было ласковым-ласковым — таким свежим и таким ласковым, каким что-то может быть только в детстве.

Листья золотым дождем осыпались с высокого дерева, и он подставлял руки, чтобы поймать лист — не какой-то определенный, нет, он просто протягивал руки и ждал, когда какой-нибудь из них спорхнет ему на ладошку, расходуя за этот единый миг всю ту безоглядную детскую веру, какую только может испытывать человек.

Он закрыл глаза и попытался снова возродить

пережитое, попытался перенестись в далекий миг и стать тем маленьким мальчиком, каким был в тот день, когда с дерева дождем падало золото.

Он перенесся туда, но все вокруг утопало в дымке, картинка была тусклой и не желала проясняться, ибо что-то происходило: там, в темноте, появилась еле различимая тень и послышался чмокающий звук влажных туфель по земле.

Он распахнул глаза, и осенний день померк, и кто-то приближался в темноте — словно кусок мрака отделился, обрел форму и надвигался на него.

Он услышал тяжелое дыхание, хлюпанье туфель — и движение прекратилось.

— Эй, ты, — неожиданно раздался хриплый голос. — Ты, там, кто ты такой?

— Я здесь недавно. Меня зовут Альден Стрит.

— Ах да, — сказал голос. — Новенький. Я шла взглянуть на тебя.

— Это очень мило с вашей стороны, — сказал Альден.

— Мы здесь присматриваем друг за другом, — сказал голос. — Заботимся друг о друге. Мы здесь одни. У нас нет другого выхода.

— Но вы…

— Я Китти, — сказал голос. — Это я кормила тебя супом.

Она чиркнула спичкой и прикрыла ее ладонями, как будто пыталась защитить крошечный огонек от тьмы.

Только трое, подумал Альден, трое против тьмы. Ибо огонек был одним из них, он, живой и трепещущий, стал с ними единым целым — и сражался с мраком.

Он увидел, что пальцы у Китти — тонкие и чуткие, изящные, как старинная ваза из фарфора.

Она наклонилась, все еще прикрывая ладонью пламя, и поднесла спичку к огарку свечи, воткнутому в бутылку, которая, судя по высоте, стояла на столе, хотя стола в темноте не было видно.

— Мы здесь нечасто зажигаем свет, — сказала Китти. — Эту роскошь мы редко можем себе позволить. Спички — слишком большой дефицит, а свечи чересчур коротки. У нас здесь очень мало всего.

— Не нужно, — запротестовал Альден.

— Еще как нужно, — сказала Китти. — Ты здесь новенький. Не хватало только, чтобы ты оступился в темноте. На первое время мы зажжем для тебя свет.

Свеча занялась и заморгала, разбрасывая по

сторонам мятущиеся тени. Потом огонек загорелся ровно и очертил в темноте тусклый круг.

— Скоро утро, — сказала Китти, — за ним настанет день, а свет дня хуже, чем ночная тьма. Днем все видишь и понимаешь. В темноте можно хотя бы думать, что все не так уж и плохо. Но это самое лучшее — маленькое озерцо света, чтобы устроиться в темноте.

Он увидел, что она немолода. Волосы слипшимися сосульками падали на лицо — худое и изможденное, покрытое морщинами. Но за этими сосульками, за худобой и морщинами скрывалось нечто большее — какой-то дух вечной юности и жизненной силы, который ничто не смогло сломить.

Теперь, когда пламя свечи горело равномерно, озерцо света разлилось чуть пошире, и он мог разглядеть строение, в котором они стояли.

Оно было крошечное, не больше хижины. На полу лежал тюфяк, рядом — сброшенное им одеяло. Еще там были колченогий стол, на котором горела свеча, и два деревянных чурбака, служившие стульями. На столе стояли две тарелки и две белые чашки.

Между досками, составлявшими стены хижины, зияли щели, на месте ссохшихся и вывалив-

шихся сучков там и сям темнели круглые глазки, открытые во внешний мир.

— Это было ваше жилище, — сказал он. — Я не хотел причинить вам беспокойство.

— Не мое, — ответила она. — Здесь жил Гарри, но он не станет возражать.

— Обязательно надо будет поблагодарить его.

— Не получится, — сказала она. — Он мертв. Теперь эта хижина твоя.

— Я не займу ее надолго, — заверил Альден. — Я не собираюсь здесь оставаться. Мне нужно возвращаться.

Она покачала головой.

— Кто-нибудь пытался? — спросил он.

— Да. И все вернулись назад. Ты не сможешь преодолеть болото.

— Но док-то пробрался сюда.

— Док был большим, сильным и крепким. И им двигала веская причина.

— Мной тоже движет веская причина.

Она подняла руку и отбросила с глаз волосы.

— Никто не отговорит тебя от этой затеи? Ты все решил серьезно?

— Я не могу остаться, — сказал он.

— Утром, — пообещала она, — я отведу тебя к Эрику.

Дрожащий огонек свечи весело желтел в темноте, и золотая листва снова посыпалась дождем. В саду было тихо, и он выставил руки ладонями вверх. «Всего один листик, — думал он, — мне не нужно ничего больше, один листик из миллионов опадающих на землю».

Он пристально смотрел, а листья пролетали мимо и падали повсюду вокруг, но ни один из них не лег ему на руку. А потом внезапно появилось что-то — не лист, нет, бабочка, которая выпорхнула из ниоткуда, словно лист, голубая, как дымка над далекими холмами, голубая, как припахивающий дымком воздух осени.

На мгновение бабочка застыла в воздухе над его протянутыми ладонями, а потом стремительно упорхнула вверх, решительно преодолевая встречные потоки облетающей листвы — голубая пылинка в золотом море.

Он провожал ее глазами, пока она не затерялась в ветвях дерева, потом взглянул на руки и обнаружил, что на ладони что-то лежит… Но это был не лист.

То была маленькая карточка, два дюйма на три или что-то в этом роде, цвета листвы, но этот цвет происходил из какого-то внутреннего сияния, и карточка светилась скорее сама по себе, нежели

отраженным светом, позволяющим человеку воспринимать цвет листвы.

Он сидел под деревом, глядя на карточку и недоумевая, как получилось, что он поймал ее, если падали вовсе не карточки, а листья. Он хорошенько рассмотрел карточку: она была не из бумаги, а картинку на ней он не мог понять.

Он сидел и разглядывал картинку, когда раздался голос матери — она звала его к ужину. Спрятав карточку в карман, он пошел в дом.

В обычных обстоятельствах магия развеялась бы, и ему никогда больше не довелось бы пережить второй такой же осенний день.

У каждого человека в жизни бывает всего один такой день, подумал Альден Стрит.

Альден спрятал карточку в карман и отправился домой ужинать, а потом — вечером, должно быть, — положил в ящик комода у себя в комнате, потому что именно там он нашел ее в ту, другую осень.

Он вынул ее из позабытого тайника и держал на ладони, и тот осенний день тридцатилетней давности вдруг всплыл в его памяти так отчетливо, что он почти ощутил свежий запах воздуха в тот предвечерний час. И бабочка тоже была в его воспоминаниях, такая же пронзительно-голубая,

и он понял, что она запечатлелась в памяти столь крепко, что теперь останется с ним навсегда.

Осторожно положив карточку на место, он отправился в деревню — разыскивать агента по недвижимости, с которым разговаривал накануне.

— Но, Альден, — удивился агент, — теперь, когда вашей матушки нет в живых, вам нечего здесь делать. Вас ждет работа в Нью-Йорке. Вы сами вчера говорили.

— Я слишком долго прожил в этом доме, — сказал Альден. — И слишком глубоко врос в него корнями. Думаю, мне придется остаться. Дом не продается.

— И вы будете жить в нем один? В таком большом доме — совсем один?

— Ничего другого не остается, — пожал плечами Альден и зашагал прочь, чтобы вернуться в дом и снова вытащить карточку из ящика комода.

Он уселся и принялся разглядывать рисунок на лицевой стороне карточки — странный рисунок, совершенно не похожий ни на один из тех, что ему доводилось видеть прежде, сделанный не чернилами, не карандашом и не кисточкой. Чем, интересно, его нарисовали?

И сам рисунок… Многоконечная звезда? Свернувшийся клубком дикобраз? Или ягода колючего крыжовника, только увеличенная во много раз?

Не имело никакого значения ни то, каким способом этот рисунок был выполнен, ни то, что он мог означать, ни то, из какого странного жесткого и шелковистого материала была сделана сама карта. Важно было то, что много лет назад, еще ребенком, он уселся под деревом, протянул руку, чтобы поймать падающий лист, и вместо него поймал эту карточку.

Он поднес карточку к окну и стал смотреть на сад. Исполинское ореховое дерево стояло так же, как и в тот день, но его листва еще не стала золотой. С золотом придется подождать до первых заморозков, а они могут ударить в любой момент.

Он стоял у окна, гадая, появится ли бабочка на этот раз, или бабочки бывают только в детстве.

— Скоро наступит утро, — заметила Китти. — Я слышала птичий крик. Птицы просыпаются перед самым рассветом.

— Расскажите мне об этом месте, — попросил Альден.

— Это нечто вроде острова, — начала объяснять Китти, — не слишком большого. Всего фут или

два над уровнем воды. Его окружает вода и грязь. Нас привозят сюда на вертолете и сбрасывают вниз. Еду привозят точно так же. На всех ее не хватает. На всех ничего не хватает. Связаться с ними мы не можем.

— Там люди или роботы? Я имею в виду, в вертолете.

— Не знаю. Их никто не видит. Наверное, роботы.

— Вы сказали, еды на всех не хватает.

Она покачала головой.

— Ее и не должно хватать. Это Промежуток. Нам не полагается жить. Мы ловим рыбу, собираем коренья и прочую снедь. Перебиваемся кое-как.

— И умираем, разумеется.

— Смерть приходит ко всем, — отозвалась она. — Просто к нам — немного пораньше.

Она, сгорбившись, сидела на чурбаке, служившем стулом, и в неровном мерцании свечи по ее лицу пробегали тени, от которых ее плоть казалась живой, подвижной.

— Из-за меня вы не выспались, — сказал он.

— Я могу спать, когда захочу. Я не нуждаюсь в долгом сне. И потом, когда появляется новенький…

— Новенькие здесь нечасто?

— Не так часто, как раньше. И всегда есть надежда. Каждый новенький — это надежда.

— Надежда на что?

— На то, что он может принести нам ответ.

— Мы всегда можем сбежать.

— Чтобы нас поймали и вернули обратно? Чтобы сгинуть в болоте? Это, Альден, не ответ.

Она принялась раскачиваться взад-вперед.

— Думаю, ответа нет.

Но она все еще хранила надежду, он знал это. Вопреки всему, она сохраняла надежду.

Когда-то Эрик был крупным мужчиной, но с годами как-то усох. Его сила никуда не делась, но огонь в глазах угас. Это с одного взгляда понятно, подумал Альден.

Эрик сидел, прислонившись спиной к дереву. Одна его рука лежала на колене, другая, с короткими грязными ногтями, лениво ковыряла землю.

— Значит, ты твердо решил сбежать? — спросил он.

— Он ни о чем больше не говорил, — сказала Китти.

— Сколько ты здесь пробыл?

— Меня привезли прошлой ночью. Я на ногах не держался. Не помню, как это было.

— Ты не представляешь, что это такое.

Альден покачал головой.

— И не намерен выяснять. Полагаю, если я собираюсь уходить, то лучше сейчас, пока это место не подточило мои силы.

— Позволь, я тебе все объясню, — сказал Эрик. — Расскажу, как обстоит дело. Болото очень большое, а мы находимся в самом его центре. Док пришел с севера. Каким-то образом он разузнал, где находится это место, и заполучил какие-то старинные карты. Карты геологической съемки, сделанные много лет назад. Он изучил их и вычислил самый лучший путь к нам. И выдержал этот путь, отчасти потому, что был здоровым и крепким… но по большей части ему просто повезло. Десять других мужчин, столь же сильных, могли бы попытаться сделать в точности то же самое и заблудиться, потому что им не повезло. Здесь есть плавуны и аллигаторы. Здесь водятся мокасиновые и гремучие змеи. Здесь стоит убийственная жара. Болото кишит насекомыми, и нигде не найти воды, пригодной для питья.

Может быть, если точно знать путь, что-то и получится, но приходится искать дорогу. Приходится пробираться сквозь трясину, и время от времени ты натыкаешься на что-то, что не

можешь обойти или через что не можешь перебраться, и тогда приходится возвращаться и искать другой путь. Ты теряешь уйму времени, а время работает против тебя.

— А как быть с едой?

— Если ты не привереда, с едой трудностей не возникнет. Ее можно найти по дороге. Это не хорошая еда. Твой желудок может не принять ее. Не исключено, что ты подхватишь дизентерию. Но с голоду не пропадешь.

— Это болото, — спросил Альден, — где оно?

— Частично в округе Маталуса, частично в Фэйрвью. Это местный Промежуток. Они все местные. Крупных нет. Только множество мелких.

Альден покачал головой.

— Болото видно из окон моего дома. Ни разу не слышал о том, что в нем есть Промежуток.

— О нем не оповещают всех и каждого, — ответил Эрик. — Не наносят на карты. О таких вещах не говорят.

— Сколько миль? Далеко отсюда до края?

— По прямой — миль тридцать-сорок. Только ты не будешь двигаться по прямой.

— А периметр охраняется?

— Над болотом летают патрули — ищут людей. Они могут тебя и не заметить. Если будешь ста-

рательно держаться под прикрытием. Но есть риск, что заметят. Тогда они встретят тебя на краю болота.

— Но даже если и не выследят, — спросила Китти, — куда ты пойдешь? Контролер поймает тебя. Или кто-нибудь другой увидит и донесет. Никто не осмеливается помогать беженцам из Промежутка.

Дерево, под которым сидел Эрик, росло неподалеку от сгрудившихся в кучку хижин, которые служили кровом обитателям Промежутка.

Кто-то, заметил Альден, развел большой костер, и от края воды к нему шел согбенный оборванный мужчина с утренним уловом рыбы. В тени одной из хижин лежал, растянувшись на тюфяке, еще один мужчина. Все остальные — как мужчины, так и женщины — с безразличным видом сидели, сбившись в группки.

Солнце на востоке едва начинало свое восхождение, но уже стояла душная жара. В воздухе пронзительно жужжали насекомые, а в бледно-голубом небе лениво кружили птицы.

— Док разрешит нам взглянуть на его карты?

— Может, и разрешит, — ответил Эрик. — Попробуй его попросить.

— Я разговаривал с ним вчера ночью, — сказал

Альден. — Он сказал, что это безумие.

— Он прав, — заметил Эрик.

— У дока забавные идеи, — сказала Китти. — Он не винит роботов. Говорит, что они всего лишь выполняют работу, к которой их приставили люди. Что это люди придумали такие законы. А роботы только их исполняют.

И в этом тоже док прав, подумал Альден.

Хотя теперь трудно было разобраться, как же человечество в конце концов докатилось до такого положения. Возможно, виной тому было чрезмерное выпячивание роли здоровья и общественное ослепление, которое стало результатом этого выпячивания.

Безусловно, если задуматься, все это не имело никакого смысла. Человек имеет право быть больным. Если он вдруг заболел — тем хуже для него. Это только его дело, больше ничье. Но почему-то болезнь возвели на одну ступень с убийством. В результате затеянной из самых благих побуждений борьбы за всеобщее здоровье, которая вырвалась из-под контроля, то, что некогда было несчастьем, превратилось в преступление.

Эрик взглянул на Альдена.

— С чего тебе так приспичило выбраться от-

сюда? Ни к чему это. Кто-нибудь найдет тебя, кто-нибудь сдаст тебя. Тебя снова привезут сюда.

— Может, просто из духа противоречия? — предположила Китти. — Иногда человек идет на что угодно, чтобы доказать, что он не сломлен. Чтобы продемонстрировать, что его нельзя сломить.

— Сколько тебе лет? — спросил Эрик.

— Пятьдесят четыре, — ответил Альден.

— Слишком много, — покачал головой Эрик. — Мне всего сорок, но я не пошел бы на такое.

— Это из духа противоречия? — спросила Китти.

— Нет, — сказал Альден. — Дело не в нем. Мне хотелось бы, чтобы это было так. Но я не такой отважный. Просто у меня осталось одно незавершенное дело.

— У каждого из нас, — сказал Эрик, — осталось незавершенное дело.

Вода была черной, как чернила, и больше походила на нефть. Она казалась безжизненной; в ней не было ни проблеска, ни искры; она скорее поглощала солнечный свет, чем отражала его. И все же чувствовалось, что под ней должна таиться жизнь, что это всего лишь маска, предназначенная скрыть эту жизнь.

Это была не непрерывная водная гладь, а просачивающаяся вода, которая змеилась между кочками, небольшими поросшими травой островками и непокорными деревьями, стоявшими в воде. Когда ты смотришь на болото, пытаясь найти в нем какую-то систему и определить, что оно за птица, перспектива сливается в одно бездушное и уродливое зеленое пятно, и даже вода отливает все той же гибельной зеленью.

Альден лежал на земле у края воды и вглядывался в болото, завороженный его необузданной зеленью.

Сорок миль, думал он. Разве под силу человеку выдержать сорок миль такой зелени? А их будет больше. Ведь Эрик сказал, что на этом пути будут тупики и придется возвращаться назад и искать другую дорогу.

Двадцать четыре часа назад его здесь не было. Двадцать четыре часа назад — или немногим больше — он вышел из дома и направился в деревню кое-чего купить. Но, приблизившись к банку, он вспомнил, что не почистил зубы — когда же он делал это в последний раз? — и сто лет не мылся. Прежде чем идти в деревню, надо было принять ванну, почистить зубы и проделать прочие необходимые вещи, как он всегда — ну или

почти всегда — поступал раньше, поскольку пару раз, когда он проходил мимо банка, скрытый контролер вдруг оживал и гаркал металлическим голосом, который разносился по всей улице: «Альден Стрит сегодня не чистил зубы! Позор Альдену Стриту, который не чистит зубы!» (или не принимает ванну, или не стрижет ногти, или не моет лицо и руки, или не делает еще чего-нибудь). Контролер продолжал бушевать и громогласно клеймить грязнулю позором, перемежая обличительные тирады трезвоном сигнализации и грохотом ракет, пока пристыженный неряха не бежал со всех ног домой — делать все то, в пренебрежении чем его уличили.

В маленькой деревушке, подумал Альден Стрит, еще можно было жить. По крайней мере, пока у медиков не дошли руки до установки домашних контролеров, как это уже сделали в некоторых крупных городах. Но на это могут уйти годы.

А в Ивовой Излучине жизнь была вполне сносной. Если ты не забывал соблюдать все правила, тебе ничто не грозило. Но даже если и забывал, зная расположение контролеров — один стоял у банка, другой на углу у аптеки, — достаточно было просто держаться от них подальше. Они не могли уличить тебя в оплошности на расстоянии

более чем одного квартала.

Хотя, вообще говоря, безопаснее было выполнить все предписания, перед тем как отправляться в деревню. И именно так, как правило, он и поступал, хотя пару раз забывал и был вынужден со всех ног бежать домой под смешки зевак, улюлюканье мальчишек и истошные вопли контролера. А потом, в тот же день или вечер, местный комитет приходил и взимал с него штраф, который полагался за подобный проступок.

Но вчера утром он не вспомнил, что надо принять ванну, почистить зубы и ногти на руках и проверить, чтобы ногти на ногах были аккуратно подстрижены. Он слишком напряженно и долго работал и слишком мало спал (что само по себе было способно заставить контролер изойти на мыло) и теперь, оглядываясь назад, припоминал, что двигался, казалось, в каком-то жарком густом тумане, совершенно ослабел от голода, а в голове у него словно деловито жужжала недовольная муха.

Однако он все же вовремя вспомнил про контролер у банка и обошел этот квартал стороной, чтобы не попасться. Но когда он приблизился к лавке (которая располагалась на безопасном

расстоянии от банковского и аптечного контролеров), то услышал этот ненавистный металлический голос, который немедленно сорвался на крик ужаса и возмущения.

— Альден Стрит болен! — заверещал он. — Всем держаться подальше от Альдена Стрита! Он болен, не подходите к нему!

Затрезвонили колокола, взвыли сирены, в воздух полетели ракеты, а на крыше лавки замигал яркий красный огонь.

Он бросился бежать, поняв, что с ним сыграли чудовищную шутку: один из двух контролеров переставили в лавку или установили третий.

— Оставайтесь на месте! — закричал контролер ему вслед. — Выходите на середину улицы, подальше от всех остальных.

И он подчинился: остановился, вышел на середину улицы и стоял там, а из окон контор на него глазели белые перепуганные лица. Глазели на него — на больного и на преступника.

Контролер продолжал надрываться что было мочи, и Альден сжался в комочек, а белые перепуганные лица все смотрели, и через некоторое время (возможно, это было совсем быстро, но ему показалось, что он ждал целую вечность) из центра округа прибыла медицинская бригада.

И понеслось. Вся история выплыла наружу. И что он пренебрегал медосмотрами. И что его уже несколько раз штрафовали за серьезные правонарушения. И что он не делал взносов на развитие местной спортивной лиги. И что не принимал участия ни в одной из многочисленных оздоровительных и спортивных программ своей деревни.

Тогда они и сказали ему с глубоким возмущением, что он просто опустившийся грязнуля, и жернова правосудия завертелись с непогрешимой и молниеносной точностью. В конце концов он очутился перед высоким и могущественным человеком, который зачитал ему приговор. Хотя он не помнил, чтобы слышал из него хоть слово. В том месте зияла чернота, и это было все, что он помнил до тех пор, пока не проснулся в продолжении темноты и увидел два похожих на воздушные шары лица, склонившиеся над ним.

Его задержали, судили и вынесли приговор в течение лишь нескольких часов. И все это делалось из самых благих побуждений — чтобы продемонстрировать другим людям, что им не сойдет с рук попытка насмеяться над законом, который обязывал каждого беречь здоровье и поддерживать физическую форму. Ибо здоровье, гласил закон, это самое ценное, что есть у чело-

века, и подвергать его опасности или бездумно растрачивать — преступление. Здоровье нации следует рассматривать как жизненно важный природный ресурс, и опять-таки подвергать его риску и бездумно растрачивать — преступление.

Поэтому его примерно наказали для острастки других, и поучительная история непременно должна была появиться на первых полосах всех газет, чтобы лишний раз напомнить народу, что он должен повиноваться, что законы о здоровье — не пустая болтовня.

Он присел на корточки у края воды и устремил взгляд вдаль, а за спиной у него приглушенно шумел лагерь, расположенный чуть дальше в глубине острова: вот звякнул не то котелок, не то горшок, вот застучал топор — кто-то рубил дрова, вот налетевший ветерок захлопал обрывком брезента, натянутым в какой-то хижине вместо двери, вот кто-то начал переговариваться, негромко и смиренно.

У болота был хищный вид — и оно ждало. Уверенно и спокойно, убежденное, что никому не под силу пересечь его. Все его ловушки были расставлены, все сети раскинуты, и оно обладало терпением, похвастаться которым не мог бы ни один человек.

Возможно, подумал он, на самом деле оно вовсе не ждет. Наверное, глупо воображать иное. Пожалуй, это скорее существо, которому просто все равно. Человеческая жизнь для него ничто. Для него человеческая жизнь ценна ничуть не более, чем жизнь змеи, стрекозы или там малька. Оно не поможет, не предостережет, ему неведома доброта.

Он поежился, думая об этом безграничном равнодушии. О равнодушии, которое было еще хуже, чем если бы болото ждало со злым умыслом. Ибо если оно ждало, стало быть, по меньшей мере знало о твоем существовании, по меньшей мере снисходило до того, чтобы придать тебе хоть какое-то значение.

Несмотря на полуденный зной, Альден ощутил липкий холод болота, которое тянулось к нему, и отпрянул, понимая, что ни за что не сможет бросить ему вызов. Вопреки всем смелым словам, которые он говорил, вопреки всей своей решимости, он не отважится так поступить. Оно чересчур велико, чтобы человеку было под силу сразиться с ним — слишком зеленым и жадным.

Он сделал над собой усилие, пытаясь сжаться в комочек, чтобы успокоиться, хотя отчетливо понимал, что никакого покоя нет и теперь ни-

когда не будет, ибо он не оправдал собственных надежд.

Совсем скоро ему придется подняться и отправиться к хижинам. А как только окажется там, он пропадет навсегда, встанет в один ряд с остальными, которым тоже не под силу бросить вызов болоту. Он проживет здесь всю жизнь, добывая себе скудное пропитание, рубя дрова, ухаживая за больными и безразлично сидя под лучами солнца.

Его вдруг охватил приступ злости на систему, которая обрекает человека на подобную жизнь, и он проклял роботов, хотя и понимал, что не они виноваты. Роботы были лишь символом положения, сложившегося после принятия закона о здоровье.

Они стали врачевателями и целителями человеческого рода, потому что отличались быстротой и надежностью, потому что к их суждениям не примешивалось ни капли эмоций, потому что они были так же преданы своему делу, как когда-то были преданы самые лучшие доктора-люди, потому что они не знали усталости и корысти.

И все это хорошо и правильно. Но человеческий род, как всегда и во всем, перегнул палку. Люди сделали из роботов не только хороших и

добросовестных докторов, но еще и блюстителей и безраздельных повелителей человеческого здоровья, тем самым собственноручно сотворив железных тиранов.

Интересно, задумался Альден, наступит ли когда-нибудь день, когда люди раз и навсегда покончат со своими тиранами и жупелами?

Злость улеглась, и он сидел на корточках, подавленный и испуганный, совсем один у черной болотной воды.

«Ты трус, — сказал он себе. И на душе у него стало горько, а под ложечкой холодно. — Поднимайся. Поднимайся и ступай к хижинам».

Но он не ушел. Он остался, как будто мог дать себе отсрочку, как будто оставалась надежда добыть из каких-то неведомых и неиспробованных источников необходимое мужество, чтобы углубиться в болото.

Но он знал, что эта надежда была пустой.

Лет десять назад он мог бы совершить что-либо подобное. Но не теперь. Слишком многое растеряно по пути.

За спиной послышались шаги, и он оглянулся через плечо.

Китти подошла и опустилась на корточки рядом с ним.

— Эрик собирает все, что нужно в дорогу, — сообщила она. — Он скоро придет.

— В дорогу?

— Еду. Пару мачете. Веревку.

— Но я не понимаю.

— Он только и ждал человека, у которого хватило бы духу рискнуть, и считает, что у тебя хватит. Он всегда говорил, что у одиночки нет никаких шансов, а у двоих, если они будут помогать друг другу, шанс может появиться.

— Но он же сказал мне…

— Естественно. Я знаю, что он тебе сказал. И что я тебе говорила — тоже. И даже перед лицом всего этого ты не дрогнул. Так, во всяком случае, нам показалось.

— Нам?

— Ну разумеется, — сказала Китти. — Я тоже иду с вами.

Болоту понадобилось четыре дня, чтобы одержать победу над первым из них.

Как ни странно, им стал Эрик, самый молодой и самый сильный.

Он споткнулся, когда они шагали вдоль узкой земляной гряды, к которой с одной стороны подступали непроходимые заросли кустарника, а с другой — трясина.

Альден, шедший следом, помог Эрику подняться, но тот не держался на ногах. Он сделал пару нетвердых шагов и снова завалился.

— Мне нужно капельку отдохнуть, — выдохнул Эрик. — Самую капельку, а потом я смогу продолжать.

С помощью Альдена он дополз до крохотного островка тени и навзничь повалился на спину, как безвольная кукла.

Китти присела рядом с ним, откинула со лба волосы.

— Может, стоит развести костер? — спросила она Альдена. — Горячая еда подкрепила бы его. Да и нам всем не помешало бы перекусить.

Альден свернул с гряды и углубился в заросли кустов. Земля пружинила и влажно чавкала под ногами, а местами ноги вязли в грязи едва ли не по колено.

Он отыскал маленькое сухое деревце и ободрал с него ветки. Костер должен быть маленьким и из совершенно сухого дерева, поскольку любой клочок дыма мог быть замечен патрулем, сторожившим болото с воздуха.

Вернувшись на твердую землю, он при помощи мачете настругал с ветки щепок и с величайшей осторожностью сложил их в кучку. Огонь должен

заняться с первой же спички, ибо спичек у них совсем немного.

Подошла Китти.

— Эрик уснул, — послышался рядом ее голос. — Он не просто вымотался. Думаю, у него лихорадка.

— Сейчас день, — сказал Альден. — Мы останемся здесь до утра. Может быть, ему станет получше. Дополнительный отдых может поставить его на ноги.

— А вдруг не поставит?

— Тогда мы задержимся еще на день. Нас трое. Мы же решили, что должны держаться вместе.

Китти протянула руку и коснулась его локтя.

— Я не сомневалась, что ты так скажешь. Эрик был так уверен в тебе — и не ошибся. Он сказал, что ты именно тот человек, которого мы ждали.

Альден покачал головой.

— Дело не только в Эрике, — решительно проговорил он. — И не только в нас. Дело во всех тех, кто остался там. Помнишь, как они помогали нам? Они отдали нам еду, хотя это означало, что им самим придется поголодать. Они отдали нам два рыболовных крючка из шести, которые у них были. Один из них скопировал карту Дока. Они раздобыли мне пару ботинок, потому что кто-то

сказал, что я не привык ходить босиком. И они все пришли проводить нас и смотрели нам вслед, пока мы не скрылись из виду.

Он замолчал и взглянул на Китти.

— Дело не только в нас, — повторил он. — Дело во всех… во всех, кто находится в Промежутке.

Она подняла руку и откинула упавшие на глаза волосы.

— Тебе кто-нибудь говорил, — спросил он, — что ты красивая?

Китти скорчила гримаску.

— Очень давно. Много лет назад. У меня была тяжелая жизнь. Но когда-то, думаю, меня можно было назвать красивой.

Она передернула плечами.

— Разводи костер. — В голосе Китти прозвучали повелительные нотки. — А потом отправляйся ловить рыбу. Поскольку путешествие затягивается, нам понадобится еда.

Альден проснулся при первых робких проблесках рассвета и лежал, глядя на чернильную воду, которая в первых лучах зари казалась черной эмалированной поверхностью, только что выкрашенной и не успевшей еще просохнуть, влажно поблескивавшей там и сям. Какая-то большая неуклюжая птица вспорхнула с трухлявого

древесного пня и, тяжело захлопав крыльями, полетела над самой водой, вздымая на черной эмали легкую зыбь.

Альден неловко уселся. Кости ломило от сырости и ночного холода, он совершенно окоченел.

Неподалеку лежала, свернувшись в клубочек, Китти. Альден взглянул туда, где накануне спал Эрик, и никого не увидел.

Пораженный, он вскочил на ноги.

— Эрик! — позвал он, резко вскакивая на ноги.

Ответа не последовало.

— Эрик! — крикнул он еще раз.

Китти потянулась и села.

— Его нет, — сказал Альден. — Я только что проснулся и увидел, что он куда-то пропал.

Он подошел к тому месту, где лежал Эрик; трава до сих пор была примята.

Он наклонился, чтобы оглядеть землю, и провел по ней рукой. Травинки пружинили под его пальцами — они уже начинали распрямляться. Похоже, Эрик ушел уже давно. Его не было… Сколько? Час? Два? А может, больше?

Китти встала с земли и подошла ближе.

— Он спал, когда я подходил взглянуть на него, перед тем как ложиться, — растерянно объяснял Альден. — Что-то бормотал во сне, но спал. У него

еще был жар.

— Наверное, — отозвалась она, — надо было кому-то из нас присмотреть за ним. Но внешне с ним было все в порядке. А мы оба устали.

Альден оглядел гряду и ничего не увидел — никаких следов пропавшего человека.

— Что, если он заблудился? — предположил он. — Проснулся в бреду. Встал и куда-то пошел.

Если это действительно так, они, возможно, никогда не найдут его. Он мог упасть в воду, ухнуть в болотную жижу или в зыбучий песок. Не исключено, что он сейчас лежит где-нибудь, обессиленный, и тихо умирает.

Альден углубился в густой кустарник, который рос в болотной грязи. Он тщательно обошел вдоль всей гряды, но не обнаружил никаких следов, кроме тех, что он сам оставил накануне. А следы должны были остаться, потому что едва стоило сойти с гряды, как ты сразу же оказывался по щиколотку, если не по колено, в грязи.

Он принялся продираться сквозь кусты; москиты и прочая мошкара с назойливым жужжанием вились над его головой, вдалеке клекотала какая-то птица.

Он остановился передохнуть, помахал руками перед носом, чтобы разогнать надоедливую

мошкару.

Клекот не прекращался, но теперь к нему прибавился еще какой-то звук. Он прислушался, надеясь, что звук повторится.

— Альден, — снова послышался крик, такой слабый, что он едва его уловил.

Он выскочил из кустов обратно на гряду. Крик раздавался с той стороны, откуда они пришли накануне.

— Альден!

Теперь он понял, что зовет его Китти, а не Эрик.

Он неуклюже поспешил по гряде на крик.

Китти сидела на корточках на краю тридцатифутового озерца — там, где гряда расступалась и пропускала воду.

Он остановился рядом с ней и посмотрел вниз. Она показывала на след ноги. Он был в стороне от других следов — их собственных, оставленных в грязи накануне и ведущих в противоположном направлении.

— Мы не останавливались, — сказала Китти. — Мы шли без передышки. Это не может быть наш след. Ты ведь сюда не ходил, да?

Альден покачал головой.

— Значит, это след Эрика.

— Оставайся здесь, — велел он.

Он плюхнулся в воду и перешел озерцо вброд, и на другой его стороне заметил следы, направленные в ту сторону, откуда они пришли.

— Эрик! Эрик! Эрик! — несколько раз позвал Альден.

Никто не откликнулся.

Еще через милю он наткнулся на трясину, через которую они перебрались днем раньше — целую милю или даже больше болотной жижи, которая основательно истощила их силы. Здесь, на топком берегу, следы обрывались возле самой кромки моря жидкой грязи и воды.

Он присел на краю трясины и принялся вглядываться в воду, там и сям усеянную кочками, ядовито-зелеными в утреннем свете. И не уловил ни признака жизни, ни шевеления. Лишь однажды рыба (или не рыба, а что-то другое) на миг разорвала воду, и по ней разбежались зыбкие круги. И ничего больше.

С тяжелым сердцем Альден повернул назад.

Китти все так же сидела на корточках у края воды.

Он покачал головой.

— Эрик пошел назад, — сказал он. — Не понимаю, как это ему удалось. Он был совсем слаб и…

— Решимость, — сказала Китти. — И наверное, забота о нас.

— О нас?

— Как ты не понимаешь? Он знал, что болен. И чувствовал, что идти ему не под силу. И еще он не сомневался, что мы останемся с ним.

— Но мы же все приняли такое решение, — сказал Альден.

Китти покачала головой.

— Он не хотел становиться обузой и дал нам шанс.

— Нет! — закричал Альден. — Я ему не позволю. Я вернусь назад и отыщу его.

— Через трясину? — спросила Китти.

Альден кивнул.

— Возможно, ему едва удалось перебраться через нее. Скорее всего, он отсиживается где-нибудь на другом берегу.

— А вдруг он так и не попал на ту сторону? Вдруг он остался в трясине?

— Тогда я, конечно, не смогу его найти. Но я должен попытаться.

— Что меня беспокоит, — откликнулась Китти, — так это что ты станешь делать, если найдешь его. Что ты ему скажешь?

— Приведу его назад, — ответил Альден, — или

останусь с ним.

Она подняла голову, и в глазах у нее стояли слезы.

— Ты вернешь ему его подарок, — сказала она. — Ты швырнешь его ему в лицо. Ты превратишь его прощальный великодушный жест в ничто.

Она взглянула на Альдена.

— Ты смог бы на это пойти? — спросила она. — Он совершил прекрасный и достойный поступок — быть может, последний в его жизни. И ты хочешь отказать ему в этом?

Альден покачал головой.

— Он бы сделал это для тебя, — продолжала она. — Он не лишил бы тебя последней возможности совершить что-то достойное.

На утро восьмого дня Китти стонала и металась в жару. Весь предыдущий день превратился в непрекращающийся кошмар из болотной жижи и осоки, из ужасного пекла, из змей и москитов, из слабеющей надежды и растущего страха, который слабо колыхался где-то под ложечкой.

Это была сумасшедшая затея, думал Альден, сумасшедшая с самого начала — три человека, которые не имели права на эту попытку, которые находились в слишком плохой физической

форме, были слишком плохо экипированы и, по крайней мере в его случае, слишком стары, чтобы замахиваться на подобное. Чтобы пройти сорок миль по болоту, требовались молодость и сила, а единственным, в чем нельзя было отказать им троим, была решимость. Возможно, подумал он, на самом деле ими двигала вовсе не решимость, а нечто иное, чего, скорее всего, ни один из них не понимал.

Интересно, задумался он, зачем Китти и Эрику понадобилось бежать из Промежутка?

Они никогда не говорили о причине своего поступка, хотя, возможно, и коснулись бы этой темы, будь у них больше времени. Но им было не до разговоров. На них не хватало ни времени, ни дыхания.

Ибо, пришло вдруг к нему осознание, по-настоящему сбежать невозможно. Можно сбежать из болота, но из Промежутка не убежишь. Потому что становишься его частью. Попади в Промежуток — и тебе больше не будет места во внешнем мире.

Наверное, это был просто жест, подумал он, — жест неповиновения. Как тот дурацкий благородный жест Эрика, оставившего их, когда болезнь стала одерживать верх.

И его снова одолело сомнение в правильности решения, которое они вдвоем приняли тогда.

Стоило ему закрыть глаза, даже сейчас, под палящим полуденным солнцем, как перед ним снова вставала та же картина: изголодавшийся, беспомощный, умирающий человек, который уполз с тропинки и скрылся в непроходимых зарослях, чтобы его не смогли найти, даже если один или оба его спутника сразу отправятся на поиски. Жирные мухи ползали по его лицу, а он не осмеливался (или просто не мог?) поднять руку и согнать их. Голодная черная птица сидела на обломке мертвого дерева и терпеливо ждала, под водой затаился аллигатор, а бесчисленные ползучие, пресмыкающиеся и прыгающие твари кишели в траве и в низкорослых кустах.

Видение всегда было неизменным — застывшая и ужасная картина, нарисованная единым росчерком воображения, которое затем отступило и оставило ее пламенеть во всех мучительных подробностях.

Теперь вот Китти лежала и стонала сквозь сцепленные зубы — старая и ни на что не годная женщина в компании старого и ни на что не годного мужчины. Китти — с морщинистым лицом, слипшимися в сосульки волосами и ужасной

худобой — и с тем неуловимым духом вечной юности, который неизвестно каким образом жил внутри ее тела.

Надо сходить и принести воды, думал Альден. Обтереть ей лицо и руки, заставить ее сделать глоток-другой. Но эта вода едва ли годилась для питья: затхлая и стоячая, она пахла гнилью и отдавала привкусом мертвечины, мысль о которой Альден изо всех сил старался выбросить из головы.

Он подошел к небольшой котомке, которая принадлежала Китти, и вытащил оттуда помятую и закопченную соусницу — единственную посудину, которую они с собой захватили.

Осторожно ступая по крошечному островку, на котором они устроились на ночлег, Альден подошел к краю воды и оглядел ее придирчивым взглядом, выискивая местечко, где вода казалась наименее ядовитой. Впрочем, он отдавал себе отчет в том, что это глупо: вода везде одинаковая, куда ни глянь.

Это была мерзкая жидкость из мерзкого болота, которое вот уже семь дней испытывало их на прочность, которое пыталось поймать их, задержать в пути, которое кусало и жалило их и пыталось свести их с ума, которое ждало, зная,

что рано или поздно они допустят промах, или оступятся, или упадут — окажутся в его власти.

Альден поежился. Он вдруг осознал, что впервые за все время у него возникла подобная мысль. Ни разу еще он не задумывался об этом; он просто боролся. Вся его энергия была направлена на то, чтобы преодолеть следующий ярд земли, а за ним еще следующий, и еще…

Время утратило свое значение и измерялось лишь человеческой выносливостью. Расстояние потеряло важность, ибо болото уходило во все стороны, насколько хватало взгляда. Оно было повсюду, у него не было ни конца ни края.

То были убийственные семь дней, и первые два из них он был убежден, что ему это не под силу, что следующий день станет для него последним. Но за каждым днем наступал новый, а потом и тот тоже подходил к своему мучительному концу.

Из них троих он единственный все еще оставался на ногах. И вот что еще было странно: теперь он знал, что впереди у него будет еще один день, что впереди у него будет еще много дней. Он мог идти вперед вечно, если это займет вечность. Теперь болото никогда не сможет остановить его. Где-то посреди этой ужасной непроходимой зелени он нашел в себе скрытую силу и обрел

второе дыхание.

Интересно, откуда все это взялось, недоумевал он. Что представляла собой эта внутренняя сила? Из какого источника он черпал ее?

Возможно, это произошло потому, что его вела несокрушимая воля?

И снова он стоял у окна, гадая, будет ли бабочка на этот раз, или бабочки бывают только в детстве. Но ни на миг не сомневаясь в том, что магия все еще здесь, что она была столь сильной и сияющей, что не померкла даже через тридцать лет.

И он вышел из дома и сел под деревом, как сидел в тот далекий день, когда был ребенком, и протянул руки ладонями вверх, и странная карточка легла ему на ладонь. Он чувствовал прикосновение магии и ощущал в воздухе новую свежесть, но она была не такой, потому что с неба не сыпались желтые листья.

Он дождался заморозков, и, когда они ударили, снова вышел из дома и сел под деревом, и листья падали на землю, словно замедленные капли дождя. Он закрыл глаза, втянул ноздрями осенний воздух, еле уловимо отдающий дымком, ощутил на лице ласковое солнышко, и все было в точности так, как в тот такой далекий день. Осенний день из его детства никуда не делся, он

все еще был с ним.

Альден сидел под деревом, протянув руки, и на ладони у него лежала карточка, но ничего не происходило. Потом, как будто он не дождался этого в тот далекий день, желтый лист — золотое совершенство — спорхнул вниз, лег поверх карты и на мгновение неподвижно застыл.

А потом внезапно лист исчез, а на его месте очутился предмет, который был нарисован на карте: что-то вроде шарика трех дюймов диаметром; шарик походил на гигантскую ягоду крыжовника, сплошь утыканную колючими шипами. Шарик вдруг завибрировал, и Альден ощутил, как эта вибрация передается всему его телу.

В тот миг ему показалось, что с ним что-то происходит или он стал частью чего-то — чего-то мыслящего, живого (возможно, даже любящего), что трепетало совсем близко от него и одновременно очень далеко. Как будто это мыслящее и живое, чем бы оно ни было, протянуло палец и коснулось его, просто так, только затем, чтобы дать ему понять: оно здесь.

Альден присел, чтобы помятым закопченным соусником зачерпнуть воды из лужицы, которая показалась ему чуть прозрачней и чище, чем все остальное.

И все же там что-то было, подумал он. Что-то, с чем он за долгие годы познакомился, но по-настоящему так и не узнал. Что-то доброе, ибо оно обошлось с ним по-доброму. Что-то такое, у чего была цель, и оно подталкивало его к этой цели, но мягко, как хороший учитель подталкивает ученика к цели, которая в конце концов оказывается собственной целью ученика.

Маленькая вибрирующая ягода крыжовника была ключом к этому чему-то, раз уж она для этого понадобилась. Хотя, подумалось ему, слово «ключ» совершенно здесь не подходило, поскольку она не была ключом в том смысле, что он никогда не видел это что-то, не приближался к нему и не имел возможности выяснить, что это такое. Она была ключом лишь в том смысле, что это что-то существовало, было разумным и могло общаться.

Не разговаривать — общаться. И под конец, вспомнил он, это общение было прекрасным, хотя понимание, которое должно было бы прийти с общением, так до конца и не стало отчетливым.

Возможно, со временем, подумал Альден. Но их прервали, и именно поэтому он должен был вернуться назад, и как можно быстрее. Ведь это что-то не знает, почему он покинул его. Оно не

понимает. Оно может подумать, что он умер, если у него есть понятие, включающее в себя такое состояние, как смерть. Или что он его покинул. Или что оно сделало что-то не так.

Альден зачерпнул полный соусник воды и распрямился, вслушиваясь в оглушительную утреннюю тишину.

Теперь он помнил. Но почему он не вспомнил раньше? Почему это воспоминание ускользало от него? Как он мог забыть?

Издалека Альден услышал его и, услышав, почувствовал, как ожила в нем надежда. Он напряженно ждал, надеясь услышать его снова, он очень хотел услышать его во второй раз, чтобы удостовериться, что не обманулся.

И он послышался в утреннем воздухе снова, еле различимый, но отчетливый — ни с чем не спутаешь — петушиный крик.

Альден развернулся и побежал обратно к костру.

На бегу он споткнулся, и соусник вылетел у него из рук. Он вскочил на ноги и оставил соусник валяться там, где тот упал.

Он бросился к Китти и рухнул на колени рядом с ней.

— Осталось всего несколько миль! — восклик-

нул он. — Я слышал петушиный крик. Край болота должен быть близко.

Альден протянул к ней руки и подсунул их под нее, поднял ее, устроил у себя на руках и крепко прижал к груди.

Кити застонала и заметалась.

— Тише, девочка, — сказал он. — Мы почти выбрались.

Он с усилием поднялся с колен и распрямился. Потом поправил ее тело, чтобы удобнее было держать.

— Я понесу тебя, — сказал он. — Я могу нести тебя всю дорогу.

Дорога оказалась длиннее, чем он думал. А болото хуже, чем оно было все эти дни, — как будто почувствовав, что это спотыкающееся упрямое существо может ускользнуть из его лап, оно удвоило свою изобретательность и коварство в последней попытке проглотить свою жертву.

Он бросил те скудные запасы еды, которые у них были. Бросил все. Взял с собой только Кити.

Когда она отчасти вышла из забытья и попросила воды, Альден остановился у озерца, зачерпнул воду сложенными в ковшик ладонями, умыл ее и помог ей напиться, потом продолжил путь.

Под вечер жар спал, и Кити совершенно при-

шла в себя.

— Где я? — спросила она, обводя взглядом черно-зеленую гладь болота. — Кто вы?

Он попытался объяснить. Китти не помнила ни его, ни болото, ни Промежуток. Он заговорил с ней об Эрике, но она не помнила и Эрика.

И тогда он вспомнил, что с ним было точно так же. Он ничего не помнил. Лишь спустя многие часы и дни память помаленьку вернулась к нему.

И с ней тоже так случится? И с Эриком тоже так случилось? Значит, не было никакого самопожертвования, никакого героизма в том, что Эрик сделал? Значит, это было просто слепое бегство из царства кромешного ужаса, в котором тот очутился, очнувшись?

А если все это верно, значит то, что произошло с ним, то, что вызвало лихорадку и потерю памяти, произошло и с Китти и с Эриком тоже.

Выходит, он перенес какую-то инфекцию?

Но если так, значит не исключено, что он заразил всех в Промежутке.

Он продолжал идти, и собственная выносливость изумляла его, ибо он не мог быть таким сильным.

Это сила духа, догадался Альден, поддерживала его — исключительно возбуждение оттого, что

он почти вырвался из мстительного болота.

Но дух рано или поздно будет сломлен — сомневаться в этом не приходилось — и не сможет вечно поддерживать его. Дух будет сломлен, возбуждение уляжется, и силы иссякнут. Тогда он снова станет стареющим мужчиной, несущим стареющую женщину по болоту, которому нельзя даже помыслить противостоять в одиночку, не говоря уже о том, чтобы нагрузить себя еще одним человеческим существом.

Однако силы не иссякали. Он чувствовал, как они бурлят внутри. Опустились сумерки, и на небе выглянули первые робкие звезды, но идти стало легче. Он вдруг осознал, что ощущение легкости возникло уже час или два тому назад.

— Поставь меня на землю, — сказала Китти. — Я могу идти сама. Не стоит и дальше меня нести.

— Еще немножечко, — сказал Альден. — Мы уже почти пришли.

Теперь почва стала плотнее, а по шелесту под ногами он определил, что ступает по совершенно другой траве — не той шершавой, грубой, острой как бритва траве, что росла на болоте, а по мягкой и шелковистой.

В темноте перед ним вырос холм. Едва начав подниматься на него, Альден ощутил, что земля

под ногами стала совсем твердой.

Он добрался до вершины холма и остановился. Потом осторожно поставил Китти на ноги.

Воздух был свежим, терпким и прозрачным. Листва на соседнем дереве шелестела на ветру, а на востоке небо озарял жемчужный свет луны.

Позади осталось болото, которое они победили, а впереди — чистая и твердая земля, которая в конце концов одолеет их. Впрочем, «в конце концов», сказал себе Альден, это слишком сильно сказано. Через несколько дней, быть может, даже через несколько часов их обнаружат и настигнут.

Поддерживая Китти за талию, он двинулся по склону вниз, навстречу окончательному поражению.

Старый разбитый пикап стоял в залитом лунным светом дворе фермы. В запущенном доме на вершине холма не было видно огней. От фермы по длинному крутому склону бежала дорога, примерно в полумиле смыкавшаяся с шоссе.

Ключа зажигания, разумеется, нет, но можно скрестить проводки, а потом подтолкнуть машину, и она покатится по склону. Как только пикап придет в движение, поставить его на передачу — мотор заведется и заработает.

— Кто-нибудь поймает нас, Альден, — пролепетала Китти. — Это верный способ попасться. Угнать машину…

— Здесь всего двадцать миль, — возразил Альден. — Так написано на столбе. Мы успеем добраться до дома раньше, чем поднимется переполох.

— Идти пешком и скрываться было бы надежнее.

— Нет времени, — сказал он.

Ибо теперь он вспомнил. Память вернулась к нему — о машине, которую он построил в столовой. О машине, ставшей как бы его вторым телом или своего рода костюмом. Она была чем-то вроде двухсторонней школы или, пожалуй, двухсторонней лаборатории, потому что, находясь в ней, он узнавал о той, другой жизни, а она узнавала о нем.

У него ушли годы на ее создание, годы, чтобы понять, как собрать вместе детали, которые те, другие, или тот, другой, дали ему. Все детали были малюсенькими и исчислялись тысячами. Он протягивал руки и изо всех сил думал о желтых листьях, летящих в голубой дымке осеннего воздуха, — и на ладони у него оказывался еще один кусочек этой странной машины.

И теперь она стояла без дела в той выцветшей сумеречной комнате, а они, наверное, ломали головы, что с ним случилось.

— Идем, — резко сказал он Китти. — Ни к чему ждать.

— Там может быть собака. Там может быть…

— Придется рискнуть.

Он выбрался из рощицы и быстро побежал через двор к пикапу. Он добежал до него и дернул крышку капота, но та не поддалась.

Китти вскрикнула, всего один раз — скорее чтобы предупредить его, чем от страха, — и он стремительно обернулся. Не более чем в десятке футов от них возвышалась фигура, и в лунном свете, серебрившем ее металлическую грудь, виднелась эмблема Медицинского дисциплинарного корпуса.

Альден прижался спиной к машине и застыл, глядя на робота, понимая, что пикап был всего лишь приманкой, и думая о том, как хорошо медики должны были изучить человеческий род, чтобы расставить такую ловушку, — изучить, как работает не только человеческое тело, но и человеческий разум.

— Если бы только мы тебя не задержали. Если бы ты не нес меня на руках… — шептала Китти.

— Это ничего бы не изменило, — возразил ей Альден. — Скорее всего, они заметили нас с самого начала и следили за нами.

— Молодой человек, — заговорил робот, — вы совершенно правы. Я ждал вас. Должен признаться, я отчасти восхищаюсь вами обоими. Никому больше не удавалось перейти болото. Некоторые пытались, но у них ничего не вышло.

Вот, значит, чем все кончилось, сказал себе Альден с некоторой горечью, но, пожалуй, не настолько сильной, какую должен был бы испытывать. Ведь с самого начала была лишь слабая надежда. Он шел навстречу своему поражению, с каждым шагом приближался к нему — и к безысходности, которую признавал даже он.

Если бы только ему удалось добраться до дома в Ивовой Излучине, как он надеялся, он ничего больше не желал бы. Добраться до дома и дать тем, другим, понять, что он не покинул их.

— И куда теперь? — спросил он у робота. — Назад, в Промежуток?

Однако тот не успел ответить.

Послышался топот чьих-то ног, несущихся по двору.

Робот обернулся, и в лунном свете блеснул какой-то предмет, летящий в его сторону. Посланец

Медицинского дисциплинарного комплекса попытался уклониться — и не смог.

Альден, пригнувшись, бросился вперед, метя роботу в колени. Его плечо задело металл, и Альден упал. Брошенный кем-то камень лязгнул о нагрудник железного человека.

Робот потерял равновесие и тяжело рухнул на землю.

Альден с трудом поднялся на ноги.

— Китти! — крикнул он.

Но Китти была занята. Она упала на колени рядом с роботом, который безуспешно пытался встать, и, зажав в кулаке подобранный камень, с силой опустила его на железный череп. Тот загудел словно колокол, а Китти ударила снова… и еще раз, и еще…

Робот прекратил барахтаться и затих, но Китти продолжала молотить камнем по черепу.

— Китти, хватит, — послышался чей-то голос.

Альден повернулся на звук.

— Эрик! — воскликнул он. — Но мы же оставили тебя там!

— Я знаю, — сказал Эрик. — Вы решили, что я сбежал обратно в Промежуток. Я нашел то место, до которого вы проследили мой путь.

— Но ты здесь. Это ты бросил камень.

Эрик пожал плечами.

— Я снова пришел в себя. Сначала я не понимал, где я и кто я, — да, откровенно говоря, вообще ничего не понимал. А потом все вспомнил. И мне пришлось сделать выбор. Впрочем, на самом деле никакого выбора и не было. В Промежутке у меня ничего не осталось. Я попытался нагнать вас, но вы двигались слишком быстро.

— Я убила его! — с вызовом в голосе объявила Китти. — Мне плевать. Я этого хотела.

— Не убила, — сказал Эрик. — Скоро здесь будут другие. Его отремонтируют.

— Помоги мне открыть капот, — попросил Альден. — Надо сматываться отсюда.

Эрик остановил колымагу за домом, и Альден вылез из машины.

— А теперь поторопитесь, — велел он.

Задняя дверь оказалась не заперта, как он ее и оставил. Он вошел в кухню и включил свет.

Сквозь проем двери, ведущей в столовую, Альден различил темный корпус собранной им когда-то конструкции.

— Нам нельзя здесь долго оставаться, — сказал Эрик. — Они знают, что мы угнали пикап. Скорее всего, они догадаются, куда мы отправились.

Альден промолчал. Да и что мог он ответить?

Им некуда идти.

Куда бы они ни пошли, их всегда будут преследовать, ибо никому не позволено попирать медицинские законы и не подчиняться правосудию медиков. Никто в целом мире не отважится помочь нарушителям дисциплины.

Он бежал из Промежутка, чтобы вернуться сюда, хотя тогда и не сознавал, к чему стремится. На самом деле он бежал не из Промежутка, а к машине, которая стояла в столовой, у самого входа в кухню.

Он вошел в комнату, щелкнул выключателем, и яркий свет залил странный механизм, возвышавшийся в центре.

Машина представляла собой клетку размером с человека, внутри которой он еле-еле смог поместиться. Он должен сообщить им, что вернулся.

Он вошел в предназначенное для него пространство, и внешний корпус вместе с загадочными приспособлениями, казалось, обнял все тело.

Альден встал на место, закрыл глаза и стал думать о падающих желтых листьях. Он снова стал тем мальчиком, который сидел под деревом, и не его разум, а разум того мальчика ощущал золото листьев и синеву неба, чувствовал терпкий, как вино, запах осеннего воздуха и ласковое тепло

осеннего солнца.

Он закутался в эту осень и в этот давний день и стал ждать ответа. Но ответа не было. Он ждал, и золото листьев погасло, и воздух больше не походил на вино, и солнце больше не грело, и лишь пронзительный ветер дул с чернеющего моря абсолютного небытия.

Альден понимал, что они ушли и бесполезно ждать: они не вернутся, — понимал и все же не хотел это принять. Бледный, он упрямо стоял на месте, все еще на что-то надеясь.

Но даже упрямство иссякло. Альден медленно повернулся и вышел из клетки.

Его не было слишком долго.

Увидев на полу фиал, Альден нагнулся, чтобы поднять его. Теперь он вспомнил, что пил из него в тот день (сколько же прошло времени?), когда вернулся обратно в комнату после долгих часов в клетке.

Они материализовали фиал для Альдена и велели ему выпить содержимое, и он вспомнил горький вкус, оставшийся во рту.

Китти и Эрик стояли на пороге, глядя на него, и он оторвался от фиала и посмотрел на них.

— Альден, — спросила Китти, — что с тобой произошло?

Он покачал головой.

— Все нормально. Ничего не произошло. Их просто там нет, вот и все.

— Нет, произошло, — сказала она. — Ты выглядишь моложе лет на двадцать.

Фиал выпал у него из пальцев. Альден поднес руки к глазам и в ярком свете лампы увидел, что на коже нет морщинок. Это были сильные и крепкие руки. Молодые руки.

— Твое лицо, — сказала Китти. — Оно разгладилось. «Гусиные лапки» пропали.

Он потер челюсть ладонью, и ему показалось, что кость стала менее выраженной, что поверх нее наросла новая плоть.

— Лихорадка, — проговорил он. — Это все она — лихорадка.

Теперь он смутно припоминал. Вернее, не то чтобы припоминал — пожалуй, он никогда и не знал. И только сейчас понял. Так всегда получалось. Как будто он не узнавал что-то новое, а вспоминал его. Они вкладывали знание в его разум и оставляли там, а оно распускалось и медленно прорастало внутри.

Теперь он знал.

Клетка была не учителем, а устройством, при помощи которого они изучали человека, иссле-

довали строение его тела, обмен веществ и все остальное.

А потом, узнав все, что требовалось, они выписали рецепт и дали ему.

Тогда, на ферме, робот назвал его молодым человеком. Но он не придал этому значения. «Молодой человек»... Но у него было слишком много других забот, чтобы обратить внимание на эти два слова.

И все же робот ошибся.

Он был не просто молод — молод не в силу молодости, но из-за того, что внутри сидел неведомый инопланетный вирус — или что там они ему дали? — который привел тело в порядок, снова наладил его и дал ему возможность заменить старые, разрушающиеся ткани новыми.

Врачеватели вселенной, подумал он, вот кто они такие. Их задача состояла в том, чтобы подлатать и обновить протоплазменную механику, которая ветшала и ржавела.

— Лихорадка? — спросил Эрик.

— Да, — ответил Альден. — И благодарение Богу, она заразна. Вы оба подхватили ее от меня.

Он внимательно пригляделся к ним, но пока еще не было заметно никаких следов действия вируса, хотя Эрик, похоже, уже начал изменять-

ся. А Китти… Когда вирус сделает свое дело, до чего же прекрасной она станет! Да, именно прекрасной, потому что даже сейчас, несмотря на возраст, она все еще оставалась красивой.

Все обитатели Ивовой Излучины тоже контактировали с ним, как и те, что были приговорены к Промежутку, как и судья, чье величественное лицо маячило в вышине. Очень скоро лихорадка, а вместе с ней и животворящая молодость охватят весь мир.

— Нам нельзя здесь оставаться, — повторил Эрик. — Скоро придут медики.

Альден покачал головой.

— Нет нужды бежать, — сказал он. — Теперь они ничего нам не сделают.

Ибо власти медиков пришел конец. Больше не было необходимости в медиках, в местных лигах, в оздоровительных программах.

Разумеется, это случится не сразу, людям нужно время, чтобы осознать произошедшее. Но настанет день, когда они заметят перемены, и тогда медиков можно будет сдать в утиль или приставить к другой работе.

Он чувствовал себя сильным, как никогда. Достаточно сильным, чтобы, если в том возникнет нужда, пешком вернуться обратно в Промежу-

ток.

— Без тебя мы ни за что бы не выбрались, — с чувством проговорила Китти. — Твое безрассудство придало нам решимости.

— Пожалуйста, постарайся не забыть об этом, — улыбнулся Альден, — когда через несколько дней снова станешь молодой.

Шкуры и жир больше не нужны
Перевод С. Удалина

1

Лейтенант Нед Бентон остановил своего буланого и выпрямился в седле, будто хотел раздвинуть горизонт и заглянуть немного дальше.

Ведь дальше лежало то, по чему он истосковался, о чем он мечтал четыре года, среди крови и пота, страха и голода, холода и жары. Мечтал в пыли Геттисберга и в утренних туманах лагерей на Миссисипи, в бесконечности маневров и контрманевров, кажущейся победы и убийственно-очевидного поражения. То, что всегда оставалось с ним в те годы бедствий, мытарств и горечи, когда он служил в армии Юга.

Ведь это — наконец-то! — была земля Бентона, раскинувшаяся на много акров под закатным солнцем Техаса. Земля Бентона и его скот… но шкуры и жир больше не нужны. Ведь в новых городках со странными именами, выросших как из-под земли там, где Миссури поворачивает к северу, происходили удивительные вещи. Эти

города жаждали заполучить техасский скот — не шкуры и жир, а мясо. Мясо для голодного Востока, мясо, которое стоило неплохих денег.

Он слышал об этом еще до того, как переправился через Миссисипи… об огромных стадах, что стекались на север, преодолевая ветры, бури и метели, перебирались через реки и оставляли за собой облака пыли, реявшие в небе, словно походные знамена. И это было только начало… ведь Техас изобиловал стадами, полудикими, никому толком не нужными — те, кто нуждался в деньгах, иногда отправляли животных на забой ради шкур и жира, вот и все. Этих денег, совсем небольших, едва хватало, чтобы свести концы с концами и удержаться на грани мало-мальски достойной бедности.

Но теперь все изменится, ведь стада направляются на север. Стада, что сулят богатство. Богатство принесет старикам достаток, к которому они всегда стремились, хотя никогда и не говорили об этом. Деньги на дом, который Бентон и Дженни собирались построить, когда он вернется с войны. Деньги на лошадей и свежевыкрашенный забор вокруг дома…

Он причмокнул, подгоняя буланого. Конь тронулся по едва заметной тропе среди высокой, по

колено, травы, что колыхалась, словно морские волны, под ветром, дующим над низинами.

«Осталось совсем чуть-чуть, — говорил себе Бентон. — Совсем чуть-чуть, и я доберусь до ранчо». Вспоминая, он прикрыл глаза, как делал много раз за эти долгие четыре года… и опять увидел окруженный тополями большой серый дом из тесаных бревен, услышал радостный лай Бродяги и суетливое, испуганное квохтанье матушкиных кур.

Бентон открыл глаза и увидел всадника: тот появился на тропе, шедшей через низины, пока он грезил о доме под тополями.

Прищурившись против солнца, Бентон разглядел всадника. Джейк Роллинс уже много лет скакал под клеймом «Якоря» Дона Уотсона. Как только Бентон узнал Джейка Роллинса, он тут же вспомнил, что этот человек ему не нравится.

Крупный вороной конь Роллинса принял в сторону и остановился. Бентон осадил своего буланого.

— Здорово, Джейк, — сказал он.

Роллинс сощурил глаза.

— Ты едва не напугал меня, Нед, — ответил Роллинс. — Не ожидал тебя здесь…

— Война окончилась, — объяснил Бентон. — Ты

наверняка слышал.

— Конечно слышал. Конечно, все правильно, но… — Он помедлил, а потом выпалил: — Но мы слышали, что ты погиб.

Бентон покачал головой:

— Десятки раз ходил на волосок от смерти, но меня так и не подстрелили.

Роллинс выдавил сквозь зубы мерзкий смешок.

— Эти янки — никудышные стрелки.

«Ничего веселого, — подумал Бентон. — Ничего такого, о чем можно шутить. Особенно если повидаешь с мое».

— Они вовсе не плохие стрелки, — сказал он. — И не дураки подраться. Не так-то просто утереть им нос. — Он помолчал, глядя на многие мили колышущейся травы, и добавил: — По правде говоря, это они нам утерли нос.

— Ребята будут рады тебя видеть, — сказал Роллинс, заерзав в седле.

— Я тоже буду рад, — сдержанно ответил Бентон.

«Мне не нравится этот человек, — подумал он. — И не нравился никогда, за свой поганый язык и косой, давящий взгляд. Но все равно приятно видеть его. Приятно видеть кого-то своего.

Приятно слышать, как он запросто говорит о людях, которых ты знаешь».

Роллинс поднял поводья, подавая скакуну знак ехать дальше.

— Увидимся, — сказал он.

Бентон слегка пришпорил буланого и в тот же миг ощутил нечто вроде толчка между лопаток — крохотные танцующие ножки протопали по спине, предупреждая об опасности. Хорошо знакомый по многим сражениям сигнал, словно то, что превыше зрения и слуха, заботится о тебе и оберегает тебя.

Быстро развернувшись в седле, Бентон уже почти спрыгнул, когда заметил револьвер в руке Роллинса и его лицо под широкополой шляпой — холодное, безжалостное, обратившееся в лед и гранит. Вытаскивая левую ногу из стремени, Бентон жестоко расцарапал шпорой бок буланого. Испуганное, рассерженное животное поднялось на дыбы и замолотило копытами по воздуху, тряся головой так, что задребезжала цепочка на удилах.

Револьвер в руке Роллинса рявкнул с внезапной ненавистью, и буланый дернулся от удара пули. Ноги Бентона коснулись земли, он отпрыгнул в сторону, освобождая коню место для

падения, а рука его тем временем рванулась к шестизарядному.

Револьвер Роллинса прогремел еще раз, но конь затанцевал под ним, и пуля ушла в молоко, просвистев в траве на уровне лодыжки. Ледяное лицо всадника расплылось в гримасе страха, и в это мгновение правый револьвер Бентона взбрыкнул и уперся ему в запястье. Конь Роллинса испуганно отпрыгнул, а сам он, словно привязанная тряпичная кукла, стал раскачиваться из стороны в сторону в такт движениям скакуна, безвольно хватаясь за луку седла, меж тем как по его яркой белой рубашке растекалось алое пятно.

Роллинс обмяк и соскользнул вниз, а конь совсем обезумел. Бросившись вперед, Бентон схватил волочившиеся по земле поводья и повис на шее скакуна, но тот продолжал сопротивляться, лягаться и шарахаться, со стуком волоча за собой что-то тяжелое, застрявшее в стремени.

По-прежнему крепко сжимая поводья, Бентон потихоньку передвигался к седлу, пока не уцепился за стремя и не высвободил засевший там сапог. Конь присмирел, но все еще фыркал, беспокойно и подозрительно.

Роллинс лежал в примятой траве, нелепо растопырив руки. Бентон понял, что он мертв.

«Готов», — подумал Бентон с безошибочной и беспристрастной убежденностью, почувствовав слабость при взгляде на труп.

Он медленно вывел скакуна Роллинса обратно на тропу. Неподалеку лежал его собственный конь, получивший пулю прямо в горло в тот момент, когда поднимался на дыбы.

Бентон остановился и посмотрел на него.

«Черта с два мне теперь обрадуются дома, — подумал он. — Черта с два».

Верхом на вороном Бентон поднялся на холм, склон которого спускался к ранчо, окинул взглядом постройки и понял, что все здесь выглядит ветхим, запущенным и безлюдным. Когда-то ранчо казалось ему огромным, цветущим и полным жизни. Возможно, потому, что Бентон в те времена еще не видел ничего такого, с чем его можно было бы сравнить. Например, плантаций на берегах Миссисипи, или чистеньких, ухоженных ферм Пенсильвании, или усадеб на реках Виргинии.

Тонкая струйка дыма поднималась над кухонной трубой, и больше не было никаких признаков жизни. Ни суеты на крохотном дворе, ни беготни вокруг коровника. Ни звука, ни движения. Только лениво вьющийся дымок на фоне заходящего

солнца.

Понукая вороного, Бентон спустился с холма.

Никто не вышел на крыльцо и не встретил его. И Бродяга не выскочил из-за угла, чтобы предупредить о появлении гостя. Никто не окликнул его ни из барака для работников, ни из коровника.

Когда же Бентон сам решил крикнуть, язык вдруг онемел, в горле пересохло. Так он и спустился — в молчании.

Он подъехал к коновязи. Уныло ковырявшийся в земле петух скептически посмотрел на него, склонив голову, а затем вернулся к своему занятию.

Бентон медленно поднялся по расшатанным ступенькам крыльца, потянулся к дверной ручке и замер в нерешительности. Постоял неподвижно и наконец постучал в дверь.

Из-за двери ответило глухое эхо, и он постучал еще раз. Послышались медленные шаги, и дверь отворилась.

Там стоял… старик, гораздо старше того мужчины, которого помнил Бентон, старше, чем он вообще мог себе представить.

— Пап!

Долгое мгновение старик смотрел на него так,

словно не узнавал. А затем вцепился в его локоть костлявой, но твердеющей с каждым мигом рукой.

— Нед! — проговорил старик. — Мальчик мой!

Он втащил Бентона за порог и захлопнул дверь, скрывая из виду пустой двор и безмолвный коровник, роющегося в земле петуха и расшатанные ступеньки просевшего крыльца.

Бентон обнял старика за плечи и на краткое мгновение прижал к себе. «Какой маленький, — подумал он, — какой жилистый и сухой… словно старый пастуший конь, с дубленой шкурой и стойким нравом».

Голос отца звучал слабо, едва не сползая на шепот:

— Мы слышали, что тебя убили, Нед.

— Даже не задели, — ответил Бентон. — А где же мама?

— Твоя мать больна, Нед.

— А Бродяга? Почему он меня не встретил?

— Сдох Бродяга, — сказал отец. — Попал под телегу. Стал уже не таким проворным, как прежде, и не смог вовремя отпрыгнуть.

Бок о бок они молча вошли в темный дом, а возле двери в спальню старик отступил в сторону, пропуская сына вперед.

Сразу за дверью Бентон остановился, и взгляд его внезапно затуманился при виде пожилой женщины, приподнявшей седую голову над подушкой.

Он услышал ее голос, слабый и дрожащий, но исполненный прежней, памятной ему нежности:

— Нед! Мы слышали…

Он бросился к ней и опустился на колени перед кроватью.

— Да, я знаю. Но это неправда. Много есть таких рассказов, и многие из них оказываются неправдой.

— Жив, — произнесла мать так, словно сама до конца не верила в это. — Жив и здоров, и снова дома. Мой мальчик! Дорогой мой мальчик!

Он прижимал ее к себе, а мать тонкой рукой гладила его волосы.

— Я молилась за тебя. Молилась, молилась и…

Она тихо всхлипнула в быстро наступающей темноте, продолжая гладить его, и на миг Бентон испытал, как в детстве, ощущение безопасности, тепла и любви.

Под ногами отца скрипнула половица, Бентон поднял голову и оглядел спальню в первый раз с того момента, как зашел туда. Простая, строгая,

почти бедная обстановка, хранившая дух дома. Лампа с закопченным колпаком на обшарпанном буфете. Выцветшая картина: овцы на берегу ручья. Треснувшее зеркало на вбитом в стену гвозде.

— Я немного приболела, — сказала мать, — но теперь быстро поправлюсь. Ты для меня — лучшее лекарство.

Отец, стоявший по другую сторону от кровати, горячо закивал.

— Она поправится, сынок. Очень горевала из-за тебя.

— А как дела у остальных? — спросил Бентон. — Я проведаю их завтра, а сейчас просто хочу…

Отец снова покачал головой:

— Больше здесь никого нет.

— Никого? Но работники…

— И работников нет.

В комнате повисла тишина — холодная, напряженная. В последних лучах солнца, проникавших в западное окно, отец внезапно показался измученным и сломленным: старик со сгорбленными плечами и глубокими морщинами на лице.

— Джинго Чарли ушел сегодня утром, — заговорил отец. — Он был последним. Я собирался рассчитать его еще месяц назад, но он отказался

уходить. Уверял, что все наладится. А сегодня утром взял и ушел.

— Но ранчо без работников… — начал Бентон.

— Нет больше ранчо.

Бентон медленно поднялся на ноги. Мать сжала его руку двумя ладонями.

— Не принимай близко к сердцу, — сказала она. — У нас все-таки есть дом и немного земли.

— Банк продал нашу землю, — объяснил отец. — Мы взяли ссуду на лечение твоей матери и на другие дела. А банк разорился и продал нашу землю. Ее купил Уотсон.

— Но он поступил с нами по-людски, — добавила мать. — Старый Дэн Уотсон оставил нам дом и десять акров земли. Сказал, что не может забрать все у своих соседей.

— Закладная была у Уотсона?

Отец покачал головой:

— Нет, у банка. Но банк разорился и продал землю. А Уотсон купил ее у банка.

— Значит, это Уотсон запретил ее выкупать?

— Нет, это банк запретил и продал землю Уотсону.

— Понятно, — сказал Бентон. — А что стало с банком?

— Снова работает.

Бентон прикрыл глаза, чувствуя, как его накрывает усталость, накопленная за четыре долгих и горьких года, ощущая запах разбившихся надежд. В голове все смешалось. Но оставалось еще одно дело. Еще один вопрос.

Он открыл глаза.

— А как поживает Дженни Лэтроп?

— Ну так ведь, — ответила мать, — когда она услышала, что ты…

Ее голос дрогнул и сменился молчанием.

— Когда она услышала, что меня убили, — безжалостно закончил за нее Бентон, — то вышла замуж за другого.

Мать кивнула, оторвав голову от подушки.

— Она думала, что ты уже не вернешься, сынок.

— За кого?

— Так ты же его знаешь, Нед. Это Билл Уотсон.

— Сын старого Дэна Уотсона.

— Правильно, — сказала мать. — Бедная девочка. Он ведь ужасный пьяница.

2

Город Бедствие ничуть не изменился за последние четыре года. Он все так же торчал среди ветра и пыли на голой равнине, что тянулась до самого

подножья Кустистых холмов. Старая деревянная вывеска над лавкой болталась на одном гвозде, как и шесть лет назад, когда ее сорвало ветром. Коновязь до сих безумно кособочилась, словно целая вереница пьянчуг брела, пошатываясь, по центральной улице. Перед банком все еще булькала грязная лужа, не успевавшая просохнуть от одного ливня до другого.

Бентон ехал по улице, и ему казалось, будто он никогда не уезжал отсюда. «Такие города, как Бедствие, никогда не меняются, — говорил он себе. — Просто становятся все грязнее, дома ветшают с каждым годом, доски постепенно отваливаются, а сорванную кровлю не заменяют новой. Однажды этот город возьмет да и исчезнет без следа».

Один конь был привязан к столбу возле банка, и еще несколько — перед салуном «Одинокая звезда». Из-за угла лавки выкатился фургон, который тащила упряжка крупных серых лошадей.

Бентон подал вороного в сторону, освобождая дорогу, а сам посмотрел на мужчину и девушку в фургоне. Грузный мужчина в годах, с широкой грудью и густой, нестриженой, седеющей бородой, сидел на передке, держа в одной руке вожжи, а в другой сжимая длинный кнут. Лицо девушки

закрывала тень от соломенной шляпы.

«Я почему-то знаю этого человека», — подумал Бентон.

И тут же вспомнил. Это же Мэдокс. Старый Боб Мэдокс с «Опрокинутого Эй». Почти сосед.

Бентон осадил вороного и повернулся к остановившемуся фургону.

Мэдокс бросил на него взгляд, в котором ощущалась недюжинная сила. Широкая, словно бочка, грудь, руки толщиной с добрый окорок и голубые глаза, прищуренные под полуденным солнцем.

Бентон протянул ему руку:

— Узнаешь меня? Я Нед Бентон.

— Конечно, — ответил Мэдокс. — Конечно, я узнаю тебя, мальчик. Значит, ты вернулся домой.

— Вчера вечером.

— Ты должен помнить мою дочку, — сказал Мэдокс. — Ее зовут Элен. Сними эту проклятую шляпу, Элен, чтобы можно было разглядеть твое лицо.

Она сдернула шляпу — та повисла на ремешке — и посмотрела смеющимися глазами на Бентона.

— Хорошо, когда соседи возвращаются, — сказала она.

Бентон приложил руку к своей шляпе.

— Последний раз я видел тебя, Элен, когда ты была маленькой девочкой с веснушками и смешными косичками.

— Черт возьми, да она и теперь ходит с косичками, — сказал старый Мэдокс. — Прячет их только тогда, когда выезжает в город. Не иначе как задумала свести родную мать с ума. Носит штаны своего брата каждый божий день и ведет себя как мальчишка.

— Отец! — одернула его Элен.

— Должна была родиться мальчишкой, — продолжал Мэдокс. — И дерется прямо как дикая кошка.

— Мой отец с годами совсем забыл о приличных манерах, — пожаловалась Элен Бентону.

— Заходи как-нибудь, — сказал Мэдокс. — И не тяни с этим. Надо кое о чем поговорить.

— О продаже земли с молотка?

Мэдокс сплюнул под колеса.

— Да, черт возьми. Похоже, нас всех обвели вокруг пальца.

— А как дела у братьев Ли?

— Так же, как у всех остальных.

Мэдокс скосил глаза на вороного.

— Разъезжаешь на коне с «Якоря», — сказал он

безразличным тоном.

— Обменял на своего, — объяснил Бентон.

— Несколько парней с «Якоря» сидят сейчас в «Одинокой звезде», — предупредил Мэдокс.

— Спасибо, — ответил Бентон.

Мэдокс щелкнул кнутом, и упряжка тронулась. Элен помахала Бентону, он помахал в ответ.

Он постоял немного посреди улицы, провожая взглядом громыхающий фургон, а затем развернул коня и направился к «Одинокой звезде».

Кроме ребят с «Якоря» и бармена, там никого не было. Бармен дремал, облокотившись на стойку. Остальные собрались за столом, погрузившись в карточную игру.

Бентон переводил взгляд с одного игрока на другого. Джим Вест, старший пастух, Индеец Джо и Змей Макафи — все они сидели лицом к нему, — Фрэнк Холл, Эрл Эндрюс и еще один, который как раз обернулся. Парень, конечно, сильно изменился, но не настолько, чтобы Бентон его не признал. Билл Уотсон был в точности как его краснолицый отец, только моложе.

Младший Уотсон снова оглянулся, словно кто-то пошлепал его по плечу, замер на мгновение, а потом вскочил со стула, положив свои карты на стол рубашкой вверх.

— Привет, Билл, — сказал Бентон.

Уотсон не ответил. Все забеспокоились, задвигали стульями и побросали карты.

— Я приехал на коне с клеймом «Якоря», — объявил Бентон. — Надеюсь, никто не против?

Молодой Уотсон облизал губы.

— Откуда у тебя конь с клеймом «Якоря»?

— Забрал у Роллинса.

Вест поднялся со стула.

— Роллинс не появлялся на ранчо со вчерашнего вечера.

— Вы найдете его на старой короткой дороге, если двинетесь прямо на север от своего жилища, — сказал Бентон.

Билл Уотсон неуверенно шагнул вперед.

— Что у вас с ним приключилось, Нед? — спросил он.

— Роллинс хотел выстрелить мне в спину.

— Должно быть, ты дал ему повод, — вскинулся Вест.

— Сдается мне, кто-то мог распустить слух о том, что я не вернусь домой, — сказал Бентон. — И есть подозрение, что за тропой могли присматривать.

Никто не шевельнулся. Внутри салуна не раздалось ни единого звука. Бентон следил за выражением на их лицах. Уотсон напуган. Вест

рассержен, но не рискнет схватиться за оружие. По лицу Индейца Джо трудно было что-то определить.

— Я плачу за выпивку, — произнес наконец Уотсон.

Никто не сдвинулся с места. Никто даже не взглянул в сторону барной стойки.

— Я не пью, — резко ответил Бентон.

Все то же молчание — молчание и неподвижность тех, кто стоял вокруг стола.

— Я даю вам, койоты, шанс решить все в честном бою, — сказал Бентон.

Лицо Уотсона окаменело, и только губы шевелились, выдавливая слова.

— Ни у кого из нас нет желания стреляться с тобой, Бентон.

— Если оно вдруг появится, — предупредил Бентон, — не обвиняйте меня в том, что произойдет.

Он долго стоял в дверях и наблюдал за ними. Никто не шевелился. Карты лежали на столе, игроки стояли на месте.

Бентон развернулся, нарочито медленно, а затем быстро шагнул за дверь, чувствуя, как холодок пробегает между лопатками, как раз в том месте, куда может прилететь пуля.

И вот он уже снова на улице, омываемый

солнечным светом. Пуля так и не прилетела. У парней с «Якоря» не хватило духа.

Он отвязал вороного и повел его под уздцы вдоль по улице. А возле банка опять привязал и вошел внутрь.

Ни одного клиента в банке не было. За кассовой стойкой сидел Коулмен Грей. Подняв голову, он увидел Бентона сквозь окошко кассы. На лице его понемногу стало отражаться узнавание.

— Молодой Бентон! — воскликнул он. — Рад видеть тебя, Нед. Не знал, что ты вернулся.

— Я пришел поговорить, — объявил Бентон.

— Заходи, — ответил Грей. — Бери стул и садись.

— То, что я хочу тебе сказать, можно сказать и стоя.

— Ты насчет отцовского ранчо? — вкрадчиво спросил Грей. — Боюсь, ты все неправильно понял.

— Вы с Уотсонами вместе это обстряпали.

— Не держи зла на Уотсонов, сынок, — посоветовал Грей. — Может, в это трудно поверить, но все было по закону. В конце концов, не с одним «Раскоряченным Эйч» так получилось. С Мэдоксом и братьями Ли та же история. Они тоже потеряли свои ранчо.

— Очень подозрительно, что все это случилось в тот момент, когда говядина стала цениться больше шкур и жира, — заметил Бентон.

— Ты обвиняешь меня в том… — вскинулся Грей.

— Я обвиняю тебя в том, — осадил его Бентон, — что ты обанкротился и разорил многих людей, а потом снова открыл дело.

— Это легко объяснимо, если учесть все обстоятельства, — возразил Грей. — Мы раздали так много ссуд, что больше не могли платить по обязательствам. Поэтому мы отозвали деньги назад и таким образом получили новый капитал.

— То есть ты остался при своих, — подытожил Бентон.

Грей кивнул:

— Да, если угодно. Я остался при своих.

Рука Бентона проскользнула за ограждение. Он ухватил банкира за рубашку и жилет и подтянул к себе.

— Ты украл эти ранчо, Грей, — проскрежетал он. — И я верну их законным владельцам. Предупреждаю тебя: я их верну.

На губах у банкира забулькали слова, но страх обратил их в нечто невразумительное.

Презрительно фыркнув, Бентон отшвырнул

от себя Грея, тот опрокинул мусорное ведро и врезался в стену.

Бентон резко развернулся и направился к двери.

Пастухи с «Якоря» вывалили на улицу из «Одинокой звезды» и двинулись прочь из города. Бентон остановился и посмотрел им вслед.

— Нед… — послышался тихий голос, почти под боком у него.

Бентон обернулся.

Шериф Джонни Пайк стоял, прислонившись к стене банка. Никелированная звезда сверкала на солнце.

— Привет, Джонни, — сказал Бентон.

— Нед, ты поднимаешь чертовски много шума.

— Это половина от того, что я собираюсь поднять, — ответил Бентон. — Я возвращаюсь с войны и вижу, что стая стервятников обремизила моего старика и отобрала у него ранчо. Я верну это ранчо…

— Очень жаль, что с ранчо так вышло, Нед, но это еще не повод устраивать такую заваруху. Я видел через окно, как ты толкнул банкира и он полетел вверх тормашками.

— Этому жулику чертовски повезло, что я не свернул ему шею, — ощерился Бентон.

— А еще ты помешал игрокам в «Одинокой звезде», — терпеливо продолжил шериф. — Никто тебя не просил заходить туда и делать такие вещи. Вы, ребята, возвращаетесь домой с войны и считаете, что вам все позволено. Считаете, что остальные горожане должны ходить перед вами на цыпочках. Считаете, что раз вы такие герои, то можете…

Бентон шагнул к нему.

— И как же ты намерен поступить, Джонни?

Шериф пригладил усы.

— Думаю, мне придется арестовать тебя, чтобы заставить соблюдать порядок. Это все, что я могу сделать.

Кто-то прошаркал ногами по тротуару и окликнул Бентона надтреснутым голосом:

— У тебя неприятности, малыш?

Бентон обернулся и увидел ковыляющее к нему пугало в человеческом обличье. Кривые ноги семенили по дорожке, седые усы спускались к самому подбородку, шляпа сдвинулась на затылок, открывая глубокие морщины на его озабоченном лице.

— Джинго! — завопил Бентон. — Джинго! А папа сказал, что ты уехал.

— Твой папа — полоумный постельный клоп, —

ответил Джинго Чарли. — Меня так легко не выгонишь. Я просто отправился в город промочить горло. — Он покосился на шерифа. — Эта жестяная звезда втирает тебе что-то о законах?

— Говорит, что заставит меня соблюдать порядок, — сказал Бентон.

Джинго Чарли сплюнул под ноги шерифу.

— Да ну его к черту. Он просто подручный Уотсона, который заправляет всем в этом городе. Пойдем лучше домой.

Шериф шагнул ему навстречу, опустив руки к своим револьверам.

— Эй, вы двое, а ну-ка постойте…

Джинго быстрым движением вскинул кривую ногу и поддел носком каблук шерифа. Тот потерял равновесие и шлепнулся на тротуар. Джинго Чарли наклонился над ним и сдернул с него ремень.

— Чертовски красивые пушки, — сказал он, выпрямившись. — С насечкой и всякими финтифлюшками. Интересно, они вообще стреляют?

— Отдай! — взревел шериф. — Отдай сейчас же, а не то я…

Джинго Чарли неторопливо выбросил их, один за другим, в грязную лужу посреди улицы, и они с плеском исчезли под водой.

— Думаю, это на время успокоит старого коз-

ла, — сказал он и огорченно покачал головой. — Жаль пачкать такие красивые пушки. С насечкой и всякими финтифлюшками.

3

Тропа шла сквозь непролазную чащу Кустистых холмов, вершины которых парили в дрожащем послеполуденном мареве. Черные трещины каньонов разрезали залитую солнцем землю.

Джинго Чарли скакал рысцой вровень с Бентоном.

— Здесь нужно смотреть во все глаза, малыш, — предупредил он.

Бентон кивнул.

— Я и сам об этом подумал.

— Если парни с «Якоря» прервали разговор там, в салуне, — сказал Джинго, — это еще ничего не значит. Они могут набраться смелости и подстеречь нас за этими деревьями.

— Не ожидал, что они дадут слабину, — признался Бентон. — Когда я заходил туда, то был уверен, что все закончится перестрелкой.

— Банда Уотсона пойдет на все, чтобы избежать неприятностей, — объяснил старик. — Они собираются гнать стадо на север. Полагаю, там будет не только их собственный скот, но и чужое

добро.

— И когда они отправляются? — спросил Бентон.

Джинго сплюнул.

— Через несколько дней. Если ничего не случится.

— Что, например?

— Например, если их коровы чего-нибудь испугаются и разбегутся по кустам.

— Там кто-то есть, — тихо сказал Бентон. — Несется во весь дух.

Они остановились, наблюдая за тем, как по заросшему кустарником склону мчится всадник. Он сидел на лошади прямо, по-индейски, одежда из легкой ткани колыхалась на ветру, отбрасывая солнечные блики.

— Это же та девчонка! — воскликнул Джинго. — Дочка старого Мэдокса.

Бентон развернул коня, пришпорил и рванулся вверх по склону. Девушка заметила его и быстро помахала рукой.

Она ехала без седла, подоткнув юбку под себя, ее ноги блестели на солнце. Шляпу девушка потеряла, и Бентон, поравнявшись с ней, увидел на ее щеке красную полоску, оставленную хлестнувшей по лицу веткой.

Наклонившись, Бентон схватил уздечку громко пыхтевшей лошади, подтянул ее к себе и отрывисто спросил:

— Что случилось, Элен?

— Они поджидают вас на развилке, — задыхаясь, ответила та.

— Уотсон?

Она кивнула, по-прежнему тяжело дыша.

— Когда мы выезжали из города, папа заметил, как они свернули с дороги. Но мы притворились, будто ничего не заметили. А когда нас уже не было видно, мы остановились и разделились.

— Ты сильно рисковала, — мрачно сказал Бентон.

Девушка покачала головой:

— Кто-то должен был вернуться и предупредить вас. Но папа не может скакать без седла. Он слишком растолстел. А я умею скакать как угодно.

Бентон нахмурился:

— Надеюсь, они не видели, как ты возвращалась?

— Нет-нет. Я поехала кружной дорогой, через холмы.

Джинго Чарли поглядел на тяжело вздымающиеся бока лошади:

— Тебе пришлось гнать изо всех сил.

Она кивнула:

— Да, пришлось. Время поджимало. Я ведь не знала, когда вы выехали из города.

Бентон подумал о том, что могло случиться, и по его спине пробежал холодок.

Выйдя из ущелья, дорога круто поднималась, а затем расходилась натрое. Левое ответвление вело на земли «Якоря», правое — на ранчо «Сердце» Лэтропа, а среднее — к «Раскоряченному Эйч» и «Опрокинутому Эй». Бентон и Джинго беспечно въехали бы в ущелье, и их подстрелили бы из засады, словно сидящих на гнезде птиц.

— Они оставили коней возле устья Коровьего каньона, — рассказывала Элен. — Их охраняет один человек. Я сама видела, когда проезжала мимо.

— Какой выйдет конфуз, если ребята вернутся домой пешком! — плутовато усмехнулся Джинго Чарли.

— Видимо, тебе надо вернуться назад, Элен, — мрачно сказал Бентон. — Тем же путем, которым ты прискакала сюда. Если что-то случится, никто не должен заподозрить, что ты имеешь к этому отношение.

— Думаю, вы можете поехать вместе со мной, — предложила она. — Зачем вам связываться с

ними?

— Нельзя упускать такой шанс, — решительно заключил Джинго Чарли.

Бентон задумался.

— Мы не можем уклониться, — сказал он. — Рано или поздно нам придется драться с ними, так почему бы не сейчас? У нас есть только два выхода: драться или убегать.

Джинго с ожесточением сплюнул.

— Я не дешевка какая-нибудь, чтобы убегать, — объявил он.

— Я тоже, — отозвался Бентон.

Девушка медленно подняла поводья.

— Будь осторожна, — предупредил ее Бентон. — Не попадайся им на глаза. Мы подождем, пока ты не проскочишь мимо.

Она развернула лошадь.

— Не знаю, как благодарить тебя, Элен, — сказал Бентон.

— Мы должны держаться вместе, — просто ответила девушка и поскакала вверх по заросшему склону холма.

Джинго Чарли посмотрел ей вслед:

— Она спасла наши шкуры, вот так-то. Очень храбрая для девушки.

Они подождали, наблюдая за вершинами хол-

мов. Никакого движения. День истекал жгучими лучами солнца и жужжанием насекомых.

Наконец они поехали — в обход дороги, направляясь к устью Коровьего каньона.

Джинго Чарли шикнул на Бентона:

— Потише, малыш! Мы почти на месте.

— Что это? — встревожился Бентон.

Что-то блеснуло высоко над ними, словно солнечный луч вдруг пустился в безумную пляску. И как только Бентон задал вопрос, он тут же понял, что это было.

— Берегись! — крикнул он Джинго Чарли, натянул поводья, чиркнул шпорами по бокам коня и повернул его кругом.

Там, где только что плясал солнечный луч, громыхнула винтовка, и над склоном холма поднялась струйка дыма. Следом фыркнул еще один ствол.

Бентон пришпорил вороного. Испуганный конь рванулся сквозь кусты — ветки хлестали по его бокам, — соскользнул по крутому склону, а затем с громким топотом снова поскакал вверх.

Старый пастух, ехавший впереди, пустил своего скакуна в бешеный галоп. Сзади слышались частый стук копыт и отрывистый кашель револьверов.

Пули шуршали в листве так близко от Бентона, что он иногда слышал их завывающий шепот.

Джинго Чарли покачнулся в седле и помчался дальше. На его рукаве, чуть выше локтя, проступило ярко-красное пятно.

Бентон бросил быстрый взгляд назад. Всадники с дымящимися стволами рассыпались по зарослям. Пока он доставал револьвер из кобуры, ветка больно ужалила его в лицо. Конь запнулся, но удержался на ногах. Пули жужжали над головой, словно ленивые шмели.

Изогнувшись в седле, Бентон разрядил револьвер, и тот дернулся в его руке. Передний всадник перелетел через голову своего скакуна — клубок из мельтешащих рук и ног. Конь дернулся, испугавшись при виде возникшего прямо перед ним человека, налетел на другого коня, опрокинул его и отправил кувыркаться вниз по склону.

Из груди Бентона вырвался торжествующий крик. Остальные всадники повернули назад. Вороной Бентона перевалил через гребень и поскакал вниз, проделывая передними копытами глубокие борозды в рыхлой земле.

Впереди него Джинго Чарли, уже почти добравшийся до подножия холма, развернул коня в сторону устья каньона. Бентон натянул поводья

и направил вороного наперерез Джинго, надеясь догнать его.

На вершине холма прозвучал выстрел.

Бентон оглянулся. Там кружили двое-трое всадников.

«Не решаются подойти ближе после того, что случилось на другом склоне», — радостно подумал Бентон.

Он достиг подножия, отставая теперь от Джинго Чарли всего на несколько ярдов, снова оглянулся и увидел всадников, спускавшихся по склону. «Набрались смелости», — сказал он себе.

Стены каньона сжимались вокруг него, темные и зловещие. Валуны преграждали дорогу тоненькой струйке воды, змеившейся вдоль русла ручья. Берега заросли густым кустарником.

Джинго Чарли спешился и шлепнул по крупу коня своей шляпой. Испуганное животное ускакало прочь по воде.

— Слезай! — крикнул Джинго. — Мы спрячемся и подстережем их.

Бентон спрыгнул на землю, и вороной рванулся вслед за конем Джинго.

— Возьми на себя эту сторону, — сказал Джинго, — а я буду на той.

— Но ты же ранен, — возразил Бентон. — Как

ты…

— Целехонек, — ответил Джинго. — Пуля только чиркнула по руке. Ничего серьезного.

Внизу, возле устья каньона, застучали по камням копыта, возбужденно заголосили всадники.

Бентон развернулся и полез сквозь кусты, вверх по каменистому склону, под мрачными стенами каньона.

Он присел на корточки за валуном и положил револьвер на колени. Каньон расстилался внизу, словно подробно нарисованная карта.

Бентон усмехнулся. Вдвоем с Чарли они перекроют весь каньон, так что даже кролик не прошмыгнет незамеченным. А отвесные стены не дадут никому подобраться к ним откуда-нибудь еще. Каждый, кто войдет в каньон, станет для них легкой добычей.

Солнце склонилось над узким желобом каньона, припекая плечи притаившегося за валуном Бентона.

Ему припомнились былые времена. Настороженная тишина, в которой колонна янки шла рысью по дороге, прямо в западню. И он сам, скорчившийся за гребнем холма в ожидании команды, которая пошлет его… и всех остальных… в атаку, прямо под дула извергающих огонь ре-

вольверов.

Все повторялось снова, только в другом виде. Теперь это происходило дома, где не было того покоя, о котором он мечтал на ночных бивуаках.

В кустах далеко внизу копыта лошадей безостановочно цокали по камням, наполняя послеполуденный воздух резкими звуками.

«Что-то пошло не так, — сказал себе Бентон. — Кто-то из них мог увидеть, как Элен скакала назад, чтобы предупредить нас, и они устроили нам новую западню. Или это и есть ловушка, которую они приготовили с самого начала. Может быть, они хотели, чтобы старик Мэдокс и Элен их заметили...»

Однако Бентон и сам понимал, что это слишком сложно. Он покачал головой. Парням с «Якоря» было бы проще подстеречь их у развилки.

Минуты пролетали одна за другой, солнце скользило вниз по небосклону.

Бентон беспокойно заерзал за валуном. Всадники все не показывались, не раздалось ни единого звука, который выдал бы их приближение.

— Джинго! — тихо позвал он.

— Чего тебе, малыш?

— Я иду к тебе.

— Хорошо. Только будь начеку.

Бентон осторожно соскользнул по склону, намочил шейный платок в ручье и начал подниматься на другой берег.

— Джинго, ты где?

— Прямо над тобой. Что там у тебя?

— Хочу перевязать тебе руку, — ответил Бентон.

Он юркнул в кусты к старику и закатал ему рукав, обнажив окровавленную руку. Пуля порвала мышцу, но не задела кость. «Не самая тяжелая рана», — заключил Бентон.

— Мы дали им от ворот поворот, малыш, — хихикнул Джинго. — Они приготовили нам западню, а теперь мы приготовили им другую. Ничего у них не вышло.

— А как же наши кони?

— Это глухой каньон, — ответил Джинго. — Никуда они не денутся, если только не отрастят себе крылья.

Ловко и деловито Бентон промыл и перевязал руку Джинго. В последние годы ему не раз приходилось ухаживать за ранами.

— Нам лучше выбираться отсюда, — сказал он.

— Там что-то шевелится, — прошипел Джинго.

Бентон посмотрел туда, куда старик показывал пальцем, и увидел, что кусты колышутся чуть

сильнее, чем если бы их ворошил ветер.

Они подождали немного. Кусты опять шевельнулись, захрустели ветки.

— Это Индеец Джо, — прошептал Джинго. — Хочет подкрасться к нам. Из всей банды только он один мог зайти так далеко.

Бентон прищурился и различил темное лицо человека, что крался вдоль другого берега… темное, злобное лицо, которое почти сливалось с листвой… почти, но не совсем.

— Кто займется им? Давай бросим монетку, — тихо предложил Джинго.

Бентон покачал головой:

— Нет, хватит с меня на сегодня. Подстрели его сам.

Внезапно он ощутил спокойствие и уверенность. Снова взялся за старое ремесло. За то, чем занимался последние четыре года. За ремесло убийцы.

Джинго медленно поднял револьвер и с металлическим щелчком взвел курок.

Прогремел выстрел, приглушенный густой листвой, эхо подхватило его и заметалось по каньону, сотрясая высокие каменные стены.

— Уложил! — завопил Джинго. — Уложил… нет, богу душу в рай, только зацепил!

Кустарник словно ожил.

Револьвер Джинго опять изрыгнул дым и пламя.

— Гляди, как он припустил! — прокричал Джинго. — Гляди, как улепетывает этот герой!

Дрожь пробежала по кустам, росшим вдоль берега, отмечая путь Индейца Джо.

— Черт возьми, — горестно пробормотал Джинго. — Должно быть, я совсем состарился. Нужно было отдать его тебе.

Снова наступила тишина, нарушаемая только завываниями ветра высоко в скалах и писком насекомых в пропитанной солнечным светом траве.

Бентон и Джинго посидели в кустах еще немного, осматривая берега ручья. Ни один лист не шевельнулся. Ничего не происходило. Только солнце опускалось все ниже, а тени становились все длиннее.

— Думаю, они отказались от этой затеи, — решил Джинго.

— Пойду разведаю, что там дальше, — сказал Бентон. — А ты пока разыщи лошадей.

Бентон осторожно двинулся вдоль каньона, приглядываясь к каждому изгибу местности, прежде чем сделать следующий шаг. Но нигде не

было ни следа всадников с «Якоря» — ни следа, ни звука.

Возле устья каньона он отыскал вытоптанный копытами пятачок, на котором паслись их лошади, и двинулся по тропе, ведущей к холмам.

Что-то белое трепыхалось на ветру, и Бентон подошел ближе.

Это был клочок бумаги, засунутый в щель между двумя камнями.

Бентон раздраженно выдернул его и прочел накорябанное карандашом послание: «На этот раз мы отпускаем тебя, Бентон. Даем сутки, чтобы убраться отсюда. После этого пристрелим тебя, как только увидим».

4

Когда они въехали во двор, отец Бентона рубил дрова. Увидев сына, он всадил топор в колоду и заковылял к воротам — встречать их. Бентон заметил озабоченность на его лице.

— Я вернулся, — заявил Джинго.

— Рад, что ты опять с нами, — отозвался отец, затем обратился к Бентону: — Кое-кто дожидается тебя в доме, сынок.

— Ступай, — сказал Джинго. — Я отведу коней в стойло.

Бентон спрыгнул с вороного.

— Как мама?

— Немного лучше, — ответил отец. — Она сейчас спит.

Косые лучи солнца пробивались в комнату через окно, оставляя золотистые полосы света на изношенном ковре. Женщина в темном углу поднялась со стула и шагнула на просеку солнечного света.

— Дженни! — воскликнул Бентон. — Дженни…

— Я узнала, что ты вернулся, — сказала она.

Он стоял неподвижно и смотрел на нее, на золотой солнечный нимб вокруг ее головы, на стройную фигуру. Жаль только, что лицо Дженни скрывала тень.

— Тебе что-то нужно? — спросил он и возненавидел себя за эти слова. Он и сам понимал, что нельзя так разговаривать с той, на ком ты собирался жениться. Нельзя так резко, грубо обращаться к женщине, память о которой ты пронес через долгие и кровавые годы войны.

— Я хотела попросить, чтобы ты не ввязывался в неприятности.

— Неприятности? — переспросил он. — Что ты называешь неприятностями?

Она покраснела от возмущения.

— Ты знаешь, что я имею в виду, Нед. Неприятности с «Якорем». Почему бы тебе не уехать? Тебя здесь ничто не держит.

— Ничто, кроме украденной у меня земли.

— Тебя убьют. Ты не справишься со всеми ими.

— Это Билл Уотсон послал тебя ко мне?

— Ты сам знаешь, что никто меня не посылал, Нед, — пронзительно, едва не срываясь на визг, ответила она. — Ты знаешь, что я не стала бы этого делать. Он даже не знает, что я здесь.

Бентон коротко, холодно рассмеялся.

— Ты стал злобным, — сказала она.

— Были причины.

Она сделала два нерешительных шага к нему и остановилась.

— Нед, — тихо проговорила она. — Нед.

— Да.

— Прости, что не дождалась тебя.

— Ты думала, что я погиб, — угрюмо произнес он. — Не было смысла ждать.

— Это все Билл. Он пустил слух. Сказал, что услышал это от человека, который воевал вместе с тобой.

— И ты вышла за него, — отозвался Бентон. — Он сказал, что меня убили, а потом женился на тебе.

Она вспыхнула:

— Я ненавижу его, слышишь? Ненавижу. Просто чудовище… грязное, пьяное чудовище.

На мгновение Бентон увидел комнату такой, какой она являлась ему в воспоминаниях. Здесь были радость и согревающий свет. Радость и смеющаяся девушка. Но теперь комната стала тусклым, унылым местом, и солнечные лучи только подчеркивали ее безотрадность. Здесь остался лишь смеющийся призрак. И Бентон понимал, что этот призрак не имеет ничего общего с женщиной, стоявшей перед ним.

Комната стала холодной и пустой… как его сердце и разум. «Не важно, — думал он, наблюдая за женщиной. — Все это уже не важно». Идеалы, утраченные на кровавой войне, растянувшейся на четыре года; мечты, разбитые женщиной, что не дождалась его; земля, которую он считал своим домом, украденная тем, кто остался дома, когда он ушел воевать.

— Прости, — сказал он наконец. — Прости за все, что я наговорил.

— Значит, ты не будешь ввязываться в неприятности? Ты уедешь?

Его затрясло от глухой ярости, которая, однако, быстро угасла, оставив после себя серый, отдаю-

щий горечью пепел.

— Не нужно было тебе сюда приходить, — проговорил он.

Неподвижный, как истукан, он слышал, как Дженни подошла к двери, остановилась на мгновение, словно собиралась что-то сказать, но так и не сказала. Постояла несколько долгих секунд и вышла.

Дверь со скрипом отворилась, и снаружи донесся голос отца:

— Так быстро уходишь, Дженни?

— Да, уже поздно. Меня начнут искать.

— Джинго приведет тебе коня.

— Нет, спасибо, я сама. Его стойло рядом со входом.

Дверь закрылась, и отцовские тяжелые шаги загрохотали по ступенькам крыльца. Прозвучали чьи-то голоса, а потом отец вернулся в дом. Бентон зашел в прихожую.

— Джинго говорит, его ранили в руку, — сказал отец.

Бентон кивнул:

— Нарвались на неприятности. Банда «Якоря» набросилась на нас у развилки.

Старик помолчал немного.

— Твоя мать сегодня чувствует себя намного

лучше, — наконец заговорил он. — Она счастлива, что ты вернулся. Если что-нибудь случится, это убьет ее, Нед.

— Я буду осторожен, — пообещал Бентон.

На кухне Джинго гремел сковородками и ворошил кочергой угли.

Бентон на цыпочках подкрался к комнате матери и заглянул внутрь. Мать спала с улыбкой на лице. Он так же тихо пробрался назад и направился в кухню.

— Попридержи коней, — сказал он Джинго. — Мама спит.

Джинго вопросительно посмотрел на него:

— И что ты намерен делать теперь, малыш?

— Стадо «Якоря» уже собрано, — тихо проговорил Бентон. — Мы не можем позволить им уйти. Они погонят на север и наш скот тоже.

— Не такой уж и хитрый фокус — распугать коров, — заметил Джинго.

Отец Бентона негромко прибавил из-за двери:

— Остальные помогут нам.

— Помощь может понадобиться, — согласился Джинго. — За стадом приглядывает много парней с «Якоря».

— Мэдокс и его мальчишка подсобят нам, — сказал отец Бентона. — И братья Ли с «Ди в четверти

круга».

— Ты тоже пойдешь? — спросил Джинго.

Старший Бентон кивнул:

— Я попрошу миссис Мэдокс посидеть с твоей матерью. — Он посмотрел на сына. — Ты доволен, Нед?

— У вас хватит народу и без меня, — сказал Бентон. — А я навещу старого Дэна Уотсона и переговорю с ним.

Бентон остановил скакуна на продуваемой ветрами вершине холма и посмотрел на огонек походной кухни примерно в миле от себя. Рядом сновали смутные, призрачные силуэты; время от времени ветер доносил обрывки слов, растерзанных хлестким ветром до полной потери смысла и только звучанием напоминавших человеческую речь.

За этим огнем по прериям разлилось огромное темное озеро — собранный для отправки на север скот. Время от времени Бентон слышал стук рогов или смиренное мычание, но больше ничего. Стадо уже укладывалось на ночлег, разумеется, под охраной разъезжавших вокруг него всадников.

Небо на востоке посветлело, предвещая скорый восход луны. Звезды сверкали в вышине, ветер перешептывался с мягко шелестящей травой.

Бентон повернул вороного и направился на юг.

Полчаса спустя вдали показались постройки ранчо «Якорь».

Барак был погружен в темноту, и только в гостиной хозяйского дома горели огни.

Бентон натянул поводья, побуждая вороного перейти на шаг, и осторожно приблизился, готовый к тому, что из темноты в любой момент может вылететь пуля.

Ему казалось, что копыта скакуна слишком громко цокают по твердой земле, но в доме не было заметно никакого движения, никаких признаков жизни, за исключением освещенных окон.

У коновязи стояла чья-то лошадь. Прежде чем спешиться, Бентон помедлил немного, приглядываясь и прислушиваясь. Из окна, смотревшего на крыльцо, смутно доносились голоса. Вот и все, что ему удалось выяснить.

Он привязал коня, тихо поднялся по ступенькам крыльца и подошел к двери.

Бентон уже поднял руку, чтобы постучаться, но тут его остановил голос. Громкий, надменный голос, грохотавший даже сквозь закрытое окно. Голос, который он уже слышал днем.

— …Он на взводе, Дэн. Мы не можем допустить,

чтобы он поднял шум. Я бы ни за что не согласился на эту сделку, если бы не был уверен, что ты обо всем позаботился.

Бентон замер. Голос за окном принадлежал банкиру Коулмену Грею!

В ответ раздалось ворчание старого Дэна Уотсона:

— Не беспокойся. Мы позаботимся о Неде Бентоне… и о любом, кто вздумает буянить.

Рука Бентона медленно опустилась. Он бесшумно скользнул в сторону, прочь от двери, и прижался к стене.

— Ты втянул меня в это дело, — проскулил Грей. — Это ты придумал весь план.

— А ты чертовски быстро за него ухватился, — прорычал Дэн Уотсон, — когда сообразил, что никто не поймает тебя за руку. Но теперь вернулся молодой Бентон, и у тебя душа в пятки ушла.

— Но ты же говорил, что он не вернется! — завопил Грей. — Ты обещал позаботиться об этом.

По крыльцу простучали чьи-то быстрые шаги, Бентон обернулся, но было уже поздно. Холодный металлический палец уткнулся ему в спину, и насмешливый голос произнес:

— Будь я проклят, если это не наш герой, вернувшийся с войны!

Бентон сдержал ярость.

— Кто здесь? — спросил он.

— Твой старый друг, — ответили из-за спины. — Змей Макафи.

— Послушай, Змей, я просто пришел повидаться с Дэном.

— Ага, просто проведать по-соседски, — ощерился Змей. — Странно же, черт возьми, ты это делаешь — подслушивая под окном.

Он подтолкнул Бентона, ткнув его в спину дулом револьвера.

— Давай заходи. Босс наверняка захочет увидеться с тобой.

Бентон повернулся к двери. Та открылась в ответ на крик Змея Макафи. На пороге стоял Билл Уотсон, раскрывший рот от удивления при виде Бентона.

— Добрый вечер, Билл, — сказал Бентон.

Макафи снова подтолкнул его револьвером и прорычал:

— Заходи, чтоб тебя!

Билл Уотсон отступил в сторону с торжествующим выражением на лице. Его губы растянулись в дряблой, елейной улыбке.

Бентон перешагнул порог и вошел в гостиную. Макафи, не опуская руку с револьвером, скольз-

нул вдоль стены и прислонился к ней спиной.

Старый Дэн Уотсон остался невозмутим, только лицо, и без того красное, побагровело еще сильнее, а толстые, сильные руки вцепились в подлокотники кресла-качалки. У банкира отвалилась челюсть, но тут же вернулась на место — словно защелкнулся капкан. За спиной у него послышалось хихиканье молодого Уотсона.

— Он подслушивал под окном, — сообщил собравшимся в комнате Змей Макафи.

— Ну и что ты слышал? — спросил старый Дэн Уотсон, растягивая слова так, точно у него оставалась в запасе уйма времени, чтобы во всем разобраться, и ему не нужно было никуда спешить.

Бентон бросил взгляд на Грея и заметил, что тот вспотел, натурально вспотел от страха.

— Нет смысла говорить о том, что я слышал, — ответил Бентон. — Лучше поговорим о том, что нам теперь делать.

— Разумно, — прокряхтел Уотсон и качнулся разок-другой в своем кресле.

— Вы двое сговорились ограбить соседей, — напрямик заявил Бентон.

Грей вскочил было со стула, но тут же уселся обратно.

— Ты не сможешь это доказать, — огрызнулся он.

Старый Дэн глумливо пророкотал:

— Ему и не придется ничего доказывать, Коулмен. У него даже не будет такой возможности. — Он повернул массивную голову к Бентону. — И все-таки, зачем ты пришел?

— Я пришел заключить сделку.

— Что ж, послушаем, что ты предлагаешь, — пробурчал старый Дэн.

— Ты получил «Раскоряченное Эйч» за жалкую пару тысяч долларов, — сказал Бентон. — И в придачу скот, стоивший в два раза больше, не говоря уже о земле.

Старый Уотсон кивнул. Взгляд его оставался тяжелым и холодным.

— У тебя в стаде есть коровы, не носящие твоего клейма, — продолжил Бентон. — Забери себе столько, сколько понадобится, чтобы заплатить честную цену за окрестные ранчо, и верни людям их закладные.

Грей вытер дрожащей рукой пот со лба.

— Это справедливо, — выдохнул он. — Справедливо. В конце концов, мы не получим никакой выгоды с того, что человек разорится и озлобится на нас.

Уотсон покачал головой:

— Нет, все было по закону. Когда я получил этот скот, он не стоил и ломаного гроша, потому что его негде было продать. Не моя вина, что рынок скота изменился.

— Есть одно «но», — тихо возразил Бентон. — Ты знал, что рынок должен измениться. Ты слышал о том, что происходит на севере. Поэтому действовал быстро, чтобы заграбастать все, до чего мог дотянуться.

— Могу сказать только одно, — тихо проговорил Уотсон. — Убирайся из наших краев. Ты приносишь одни неприятности, и мы тебя уже предупреждали. Если останешься, мы пристрелим тебя у всех на глазах, как волка-лобо. — Он ударил рукой по подлокотнику кресла-качалки, в его голосе зазвучала старческая ворчливость. — Ты здесь чуть больше суток, Бентон, и уже убил двух моих людей. Я не потерплю ничего такого.

— Я убил их, — хладнокровно сказал Бентон, — потому что мой револьвер был быстрее. И если ты не перестанешь упрямиться, как осел, умрет намного больше народу.

Лицо Уотсона скривилось в жутком прищуре.

— Ты серьезно, Бентон?

Бентон посмотрел ему прямо в глаза:

— Сам знаешь, что я не шучу, Дэн. Больше того, ты не отправишь ни единой коровы…

Уотсон вдруг подался вперед и проревел:

— Что такое?

Во дворе застучали копыта, потом стук прекратился. Чьи-то шаги прогрохотали по крыльцу, и дверь распахнулась.

Взъерошенный гонец зажмурился от света лампы.

— Стадо! — закричал он. — Они распугали все стадо! Целая банда налетела…

Дэн Уотсон тяжело поднялся с кресла, задыхаясь от ярости. Змей Макафи опустил револьвер и уставился на гонца.

Бентон развернулся, быстро шагнул к Змею, вскинул кулак и разнес ему челюсть. Змей вылетел в окно, а Бентон отпрыгнул к двери с зажатым в руке револьвером. Позади него зазвенели по полу осколки.

Бентон заметил бросившегося к нему гонца и отчаянно рубанул его стволом револьвера, но предотвратить атаку не смог. Револьвер со свинцовым стуком опустился на плечо нападавшего, но это плечо ударило Бентона в живот с такой силой, что он пошатнулся и потерял шляпу.

В голове Бентона вспыхнули звезды. Звезды, и

взрывная боль, и завывающий на грани восприятия ветер. Он понял, что падает вперед, словно огромное дерево, падает в темноту, пронзающую его зазубренными лезвиями боли.

Сквозь вой ветра, свистящего в мозгу, он услышал высокий, пронзительный, восторженный голос молодого Билла Уотсона:

— Вот как нужно поступать с этим сукиным…

Ощущения вернулись к нему. Ощущение тонкого лучика света, пробежавшего по половицам, ощущение твердого комка — револьвера, вдавившегося ему в грудь там, где его рука согнулась при падении, ощущение рокота голосов, бубнивших прямо над ним… голосов, что поначалу звучали неразборчиво, затем сложились в слова и наконец приобрели смысл.

— …Лучше всадить в него пулю.

Это был голос банкира, жесткий и подозрительный, но со скулящими нотками.

В ответ загрохотал голос старшего Уотсона:

— Какого черта, он и так мертв, как кладбищенская ограда. Посмотри на его голову, посмотри, как ее… раскололи пополам.

Молодой Уотсон мерзко хихикнул:

— Если уж я бью, то бью наповал.

— И все-таки просто для надежности…

— Босс! — прорвался голос того, кто напал на Бентона. — Наше стадо!

— Да будь оно все проклято! — взревел старый Уотсон. — Я чуть не забыл про него.

Затопали шаги, задрожали половицы.

— Ты поедешь с нами, Грей? — спросил Билл Уотсон.

Голос банкира прозвучал неуверенно:

— Нет. Думаю, мне лучше вернуться в город, уладить кое-какие дела…

Хлопнувшая дверь заглушила его слова.

Тишина прокралась в комнату — мертвая, жуткая тишина.

Темная капля упала на пол, пролетев в каком-то дюйме от левого глаза Бентона. Упала и рассыпалась брызгами… а за ней последовала еще одна.

«Кровь! — догадался Бентон. — Кровь, капающая с моей головы. Оттуда, куда Билл Уотсон засадил мне ручкой револьвера».

Рука под ним словно сама собой дернулась, и он стиснул зубы, чтобы удержать ее на месте, удержаться от того, чтобы ощупать голову и определить, насколько серьезно она повреждена.

На него накатила волна тошноты, пол под ним слегка закачался. Кровь продолжала капать на половицу перед его глазами, собираясь в неболь-

шую лужицу.

«Скользящий удар, — подумал он. — Скользящий удар, едва не содравший с меня скальп. Должно быть, голова превратилась в кровавое месиво, раз уж они решили, будто я покойник. Только банкир не уверен, что я мертв. Это он хотел всадить в меня пулю, чтобы убедиться в моей смерти и покончить с делом. И он все еще в этой комнате, рядом со мной».

Боль пронзила мозг и растеклась по затылку, багровый палец боли протравливал кислотой полоску поперек его издерганных нервов. В горле заклокотал стон, но Бентон сдержал его и затолкал обратно, сдержал, впившись зубами в губу.

Кто-то прошаркал через комнату, и Бентон мысленно представил себе сутулую фигуру банкира, что подкрадывался к нему тихо, настороженно, выискивая признаки жизни.

«Притворись мертвым. Вот так. Лежи тихо. Следи за дыханием, втягивай воздух понемногу, ровно столько, сколько нужно, чтобы сохранить легкие». Так он делал той ночью, когда патруль янки охотился за ним в Теннесси.

Часы на каминной полке громыхали на всю комнату… жуткий, зловещий звук. Звук, отмеряющий время, безразличный к тому, что

произойдет дальше. Звук, что отстукивает мгновения человеческой жизни и при этом даже не думает торопиться.

Ноги в ботинках прошагали мимо, потом развернулись и подошли ближе. Тело Бентона напряглось, но он заставил себя снова обмякнуть.

Носок ботинка легонько пнул его… затем еще раз, сильнее. Бентон позволил своему телу перекатиться от толчка.

Дверь в другую комнату с мягким скрипом отворилась, и кто-то охнул, с шипением втянув в себя воздух, как можно охнуть только от ужаса.

Ботинки развернулись, и Бентон понял, что во время недолгого молчания эти двое смотрели друг на друга… Грей и тот, кто вошел в комнату.

— Мне очень жаль, что вы оказались здесь, мадам, — сказал банкир.

Женский голос прилетел с дальнего конца комнаты… памятный голос:

— Это… это… кто это?

В голосе Грея звучало грубое торжество:

— Это молодой Бентон.

— Не может быть! — В ее словах слышался нарастающий ужас. — Этого просто не может быть. Как же так, ведь он еще днем пообещал мне…

Входная дверь со стуком распахнулась, и по

полу отрывисто прогрохотали сапоги — совсем рядом с головой Бентона.

— Так, значит, ты с ним говорила! — прозвучал голос молодого Уотсона. — Вот где ты пропадала сегодня!

— Билл! — воскликнула женщина. — Это не то…

Голос Уотсона хлестнул ее слепой яростью:

— Стоило мне повернуться спиной, как ты приползла к нему.

— Послушай, Билл, — сказала Дженни Уотсон. — Послушай меня. Да, я говорила с ним… и я ухожу от тебя. Я не хочу жить с таким человеком, как ты…

Что-то в его лице заставило ее вскрикнуть, в его лице и в том, как он двинулся к ней.

— Значит, ты от меня уходишь! Ну что ж, мерзкая маленькая потаскушка, я…

Бентон с трудом поднялся с пола, сжимая в руке оружие.

Уотсон развернулся на звук за спиной, вслепую нащупывая свои револьверы.

— Билл, — крикнул Бентон. — Не делай этого! Не пытайся…

Но Уотсон уже вытащил револьверы, уже поднял их.

Бентон рубанул себя по запястью, спуская курок. Револьвер взбрыкнул, и стены комнаты затряслись от грохота. Сквозь клубы порохового дыма Бентон разглядел падающего Уотсона.

В комнате прогремел еще один выстрел. Бентон почувствовал дуновение — пуля пролетела мимо его щеки и с глухим «ух» вгрызлась в стену.

Он резко развернулся. Перед ним стоял банкир с наполовину опущенным дымящимся револьвером в руке.

— Так это ты, — сказал Бентон.

Его револьвер дернулся вверх, и Грей побледнел от страха. Оружие выпало из руки банкира, он пятился, пятился, пока не уперся в стену и не остановился, пригвожденный к ней стволом револьвера Бентона. Губы Грея зашевелились, но с них не слетело ни единого слова, и вид у него был такой, будто он задыхался.

— Хватит нюни распускать, — презрительно бросил Бентон. — Я не собираюсь убивать тебя.

Кровь сочилась по правой брови, делая его слепым на один глаз. Бентон вытер ее свободной рукой, и ладонь стала липкой и красной.

«Боже, — подумал он. — Ну и вид же у меня, должно быть».

Он обернулся на звук за спиной.

Уотсон сидел на полу, Дженни опустилась на колени рядом с ним. Оба смотрели на Бентона.

— Мне очень жаль, — сказал он Дженни. — Я пытался остановить его. Я не хотел в него стрелять. Я не стреляю без крайней необходимости.

— Раньше ты был добрым и чутким, — тихо ответила она. — До того, как ушел на войну и научился убивать…

Не вставая, Уотсон изогнулся и потянулся за лежавшим на полу револьвером.

Бентон вскинул свое оружие и выстрелил. Сверкающие щепки разлетелись во все стороны. Уотсон отполз назад, сгорбился и злобно зыркнул на Бентона.

— Попробуй еще раз, — предложил Бентон.

Уотсон покачал головой.

— Благодари ее за то, что остался жив, — кивнул на Дженни Бентон. — Если бы я мог застрелить мужа Дженни Лэтроп, ты давно был бы покойником.

Он снова смахнул кровь с лица, а руку вытер о рубашку.

— Теперь ты убедился, — сказал он, — что если хочешь убить человека, удар должен быть сильнее.

— В следующий раз я всажу пулю тебе в че-

реп, — пообещал Уотсон.

— Лучше перевяжи ему плечо и приведи его в порядок перед дальней дорогой, — обратился Бентон к женщине. — Не хочу видеть его снова, когда вернусь.

За спиной прозвучали торопливые шаги, и Бентон обернулся. Обхватив голову руками, чтобы защитить глаза от разлетающихся осколков, Грей прыгнул в окно, широко разведя ноги, перескочил через подоконник и врезался в уже разбитое стекло.

Бентон вскинул револьвер, но, прежде чем успел надавить на спуск, Грей уже вылетел наружу, осыпаемый дождем из осколков и щепок, отколовшихся от оконной рамы.

Выстрел Бентона угодил в разбитое стекло, кашляющий лай, заглушивший звон падающих осколков. Грей со стуком упал на крыльцо, перекатился, ударился о перила, замер на мгновение, раскинув руки, а затем вскочил на ноги.

Наклонив голову, Бентон сделал два быстрых шага, бросился вслед за Греем в окно и приземлился на крыльце под звон, от которого сводило зубы.

Банкир помчался по освещаемому луной двору к коновязи, вскочил в седло и зашарил по нему

рукой в поисках чего-то, спрятанного там… чего-то металлического, что появилось в его кулаке, сверкнув в лунном свете, а затем разразилось потоком огня, пронзившим темноту ночи.

Бентон, пошатываясь, поднялся на ноги, пригнулся, спасаясь от града щепок, посыпавшихся с перил, когда пуля с визгом вошла в подоконник за его спиной.

Конь Грея встал на дыбы, пытаясь сорваться с привязи и взбивая копытами пыль.

Бентон поднял револьвер и выстрелил, заранее зная, что промахнется.

Выругавшись, он перепрыгнул перила и бросился к вороному, а Грей тем временем умчался в ночь, направляясь на юг, к холмам.

5

Сияющая в небе луна превращала холмы в кошмарную страну световых и теневых пятен, почти нереальную… с внезапными впадинами и головокружительными высотами, изогнувшуюся, вставшую на дыбы и замороженную магией, которая, казалось, готова была по первому требованию вернуть все в прежний вид.

Далеко впереди конь Грея перевалил через хребет, на мгновение четко выделившись на фоне

лунного неба. А затем снова пропал, умчавшись вниз по склону.

«Я его догоняю, — сказал себе Бентон. — Догоняю с каждой минутой». Он нагнулся к могучей шее вороного и что-то прошептал; вороной услышал его и откликнулся. Мощные мышцы напряглись, и конь со всадником еще быстрее понесся вверх.

Далеко впереди стучали копыта, поднимая тонкое облако пыли, оставлявшее тончайший горький привкус в холодном ночном воздухе.

«Еще пара миль, — пообещал себе Бентон. — Еще пара миль, и я его настигну».

Вороной добрался до гребня холма и резко повернул, помчавшись по следу, что вел вниз, к скрытому в темноте устью каньона.

На середине склона конь Грея превратился в горбатую тень, оставлявшую пыльную дорожку в пропитанном лунным светом воздухе. Тень, что бежала в коварной тени, залегшей между холмами.

Тень, что вдруг пошатнулась и, словно пыльный вихрь, покатилась по склону… вихрь, который разделился на две отдельно катящиеся части и наконец затих. Конь лежал неподвижно, растянувшись на склоне. «Вероятно, свернул

шею», — решил Бентон.

Но всадник побежал дальше… тонкая тень, по-заячьи трусливо петлявшая по пятнистому склону.

Бентон с гиканьем пришпорил вороного и помчался за бегущим человеком в ливне осыпающихся камней. Грей на мгновение остановился и обернулся. Пламя расцвело в его руке, в ночи прозвучал глухой щелчок револьвера.

Бентон поднял свое оружие, но тут же опустил снова. Не было смысла стрелять по согнувшейся в три погибели фигуре в неверном, призрачном свете. Не было смысла тратить время.

Грей снова обернулся, и его револьвер опять рявкнул — рассерженно, вызывающе. Пуля прожужжала высоко над головой Бентона.

Беглец снова запетлял среди кустов, покрывавших нижнюю часть склона. Бентон направил коня за ним. Грей, глядя, как стремительно приближаются сверкающие копыта, закричал и бросился наутек, но запнулся и упал, проехавшись спиной по песчаной земле.

Развернув коня, Бентон спрыгнул с седла, приземлился на ноги и заскользил вниз, разбрасывая и кроша землю сапогами.

Грей вскарабкался на ноги и стоял, приподняв

руки.

— Не стреляй! — завопил он. — Не стреляй! Я потерял свой револьвер.

Бентон подошел к нему.

— Ты всегда умудряешься потерять револьвер, когда это может спасти тебе жизнь.

Банкир съежился и попятился вниз по склону. Бентон двинулся следом.

— Нам нужно поговорить, — сказал он. — Нам с тобой. Ты должен рассказать мне много всего о деле, которое касается многих людей.

— Я расскажу, — исступленно забормотал Грей. — Я все тебе расскажу. Я все тебе расскажу о том…

Внезапно из-за гребня протрещал винтовочный выстрел… высокий, звенящий звук, разбудивший эхо в окрестных холмах. А затем еще один — злобный звук, разрезавший ночь, словно крик пламенеющей ненависти.

Бентон замер, напуганный выстрелом, напуганный тем, что неподалеку прячутся другие люди.

Захрустела галька. Сапоги проворно скребли сползающий песок. Бдительные маленькие ножки заплясали по спине Бентона, и он переключил внимание с винтовочных выстрелов на человека перед ним.

Грей бросился в атаку, сгорбившись, наклонив голову, вытянув длинные руки. Он взбирался по склону, роя мощными ногами двойное русло для грохочущего потока гальки, которую посылал вниз по склону.

Бентон вскинул револьвер, но плечи врезались в его колени и сбили с ног прежде, чем он успел надавить на спусковой крючок; стальные руки вцепились в его запястья и потащили вниз.

Он опрокинулся на землю, ударившись локтем о камень с такой силой, что рука дернулась от боли, и револьвер закрутился в лунном свете.

Грей возвышался над ним, сжавшись, как зверь перед прыжком, с лицом, искаженным в молчаливом яростном рыке. Бентон попытался пнуть его ногой, но тот как раз метнулся за револьвером, выбитым из руки противника.

Бентон вскочил на ноги и зашагал вниз по склону. Грей стоял на коленях и шарил по кустам в поисках револьвера, что-то бормоча себе под нос и чуть ли не пуская слюни от нетерпения. Затем повернулся, и в руке у него что-то сверкнуло.

Бентон вытянулся в долгом, искусном прыжке, задушил выстрел в зародыше и отбросил Грея назад в кусты. Грей молча отбивался, молча молотил кулаками, царапался и ударил Бентона

коленом в живот, сбив ему дыхание.

Бентон потянулся к ремню, за вторым револьвером, но пальцы нащупали только пустую кобуру. Вероятно, оружие выпало, когда Грей в первый раз врезался в него выше по склону.

Другой револьвер тоже потерялся. Грей выронил его, столкнувшись с Бентоном, и теперь ствол лежал где-то в измятом, густом кустарнике.

Колено снова воткнулось с ужасной силой в живот Бентона, и его едва не стошнило. Он вырвался, откатился в кусты и поднялся на четвереньки. Холмы и луна — широкие круги — качались перед глазами, чья-то огромная, злобная рука разрывала изнутри его тело.

Чуть поодаль в лунном свете выросла потрепанная фигура и медленно шагнула к нему. Бентон с трудом встал на ноги и, пошатываясь, наблюдал за приближением Грея.

Тот шел невозмутимо и неторопливо, словно убийца, уверенный в том, что расправится с жертвой, но сохраняющий осторожность, чтобы не допустить ошибки.

Бентон осторожно вздохнул и понял, что боль улетучилась, а ноги снова обрели силу.

Когда Грей оказался в шести футах от него, он бросился вперед, замахнувшись правым кулаком

и подняв перед собой левый. Бентон пригнулся и ответил ударом с правой, ощутив, как кулак погружается в брюхо банкира. Грей крякнул и пустил в ход левую, с обжигающей силой прошедшую по ребрам Бентона.

Бентон отступил на шаг и обрушил на подбородок Грея сначала правый, а потом левый кулак, но и сам получил жестокий удар в челюсть, от которого голова откинулась назад.

Грей продолжал наступать, стремительно наступать, его кулаки работали как поршни. Бентон быстро отступил, чтобы получить пространство для замаха, и выбросил правый кулак, опустившийся до того к голенищу сапога. Тот с ужасающей мощью впечатался в лицо банкира, отдача пронзила руку Бентона до самого локтя. Грей сложился пополам, его кулаки все еще раскачивались в воздухе, отныне бессильные, а ноги продолжали шагать, но колени уже подогнулись.

Силы оставили его, и он осел на землю, издавая стоны и пытаясь подняться.

Бентон стоял в стороне, выжидая.

Морщась от боли, Грей встал на ноги. Одежда на нем была порвана, кровь темной струей била из носа и стекала по губам и подбородку.

— Ну так что? — спросил Бентон.

Грей поднял руку и вытер кровь с лица.

— С меня хватит.

— Тогда рассказывай, — сказал Бентон. — Рассказывай всю правду, быстро.

— Что ты хочешь узнать? — пробормотал Грей.

— Насчет ранчо. Это был сговор?

Грей затряс головой.

— Все по закону, — начал оправдываться он. — Все было…

Бентон шагнул к нему. Банкир испуганно охнул, прикрывая лицо руками.

— Ну, выкладывай, — велел Бентон.

— Это Уотсоны все придумали, — начал Грей, потом остановился, выплюнул кровь изо рта и продолжил: — Они знали, что на севере есть спрос, и хотели получить землю и скот.

— И ты провернул этот фокус с банкротством.

Грей кивнул.

— Понимаешь, на самом деле банк не разорился. Мы просто подправили бухгалтерские книги, чтобы получить оправдание до продажи закладных.

— И что дальше?

— Это все, — ответил Грей. — Я продал закладные, а «Якорь» их скупил. Заплатил банку и

получил земли.

— И ты готов подтвердить это в суде?

Грей замялся. Бентон протянул к нему руку, и он попятился. Затем еще раз вытер рот и проговорил:

— Готов.

Внезапно Грей весь напрягся, прислушиваясь, и наклонил голову, словно собака, проснувшаяся от незнакомого звука.

Бентон тоже услышал это — перестук копыт за гребнем. Грей развернулся и неуверенными шагами побрел вверх по склону.

— Помогите! — завопил он. — Помогите!

Мгновенная ярость захлестнула разум Бентона, и он бросился в погоню.

— Помогите! — продолжал вопить Грей.

Бентон догнал его, схватил за плечо и потянул назад. Грей снова открыл рот, но Бентон закрыл его, закрыл одним ударом, оглушающим, как револьверный выстрел. Грей обмяк так внезапно, что падающее тело вырвалось из рук Бентона, державшего банкира за воротник.

На этот раз он не шевелился и не стонал — просто съежился на земле, словно куча грязной одежды, разворошенной ветром.

Копыта за гребнем застучали чаще: всадники

приближались к вершине. Бентон лихорадочно разыскивал в траве свой револьвер. «Три ствола, — подумал он, — и ни одного под рукой».

На мгновение он застыл в нерешительности, и это мгновение было очень долгим.

Всадники — черные силуэты на фоне луны — перевалили через гребень и начали спускаться. Они ехали в полной тишине. Подпрыгивающие копыта вздымали серебристые облачка пыли.

Бентон быстро пригнулся и побежал, но люди на гребне уже заметили его и рванули следом.

Бентон обернулся… и понял, что последняя надежда угасла. Грей закричал, услышав топот копыт, но не мог знать, что это парни с «Якоря». Он просто рискнул, поставив на то, что они могут там оказаться.

И они там оказались.

Четверо всадников, выстроившихся в шеренгу, натянули поводья, останавливая коней на скользком склоне, и посмотрели на Бентона, словно костлявые черные грифы, рассевшиеся на ветвях.

Бентон стоял неподвижно, мысленно перечисляя всех. Вест, старших пастух на землях «Якоря», Индеец Джо, Змей Макафи и сам старый Дэн Уотсон.

Уотсон довольно усмехнулся в бороду:

— Без оружия? Можете себе представить, грозный Нед Бентон оказался в самый нужный момент без оружия!

— Так я его пристрелю? — спросил Индеец Джо, поднимая револьвер.

— Хорошо бы, — проворчал Уотсон.

Индеец Джо прицелился с сильно преувеличенной тщательностью.

— Сначала я его немного пощекочу, — сказал он.

— Перестань, — брезгливо бросил Уотсон. — Если собрался стрелять, цельсяпрямо между глаз.

— Так неинтересно, — пожаловался Индеец Джо.

— Хочешь что-нибудь сказать? — обратился Уотсон к Бентону.

Бентон покачал головой.

Если он сейчас развернется и побежит, то не успеет проделать и дюжины футов, прежде чем свинцовый град остановит его.

По склону горы прошуршал камень. Вест встревоженно подобрался в седле.

— Что это? — спросил он.

— Ничего, Вест, — рассмеялся Змей. — Ты просто стал слишком пугливым, вот и все. Готов

стрелять в каждую тень.

Индеец Джо нарочито медленно поднял револьвер. Бентон уставился прямо в жуткое дуло.

Револьвер вспыхнул яростно-красным огнем, пуля просвистела над головой Бентона, взъерошив его волосы.

— Бог ты мой, промазал! — с притворной досадой крикнул Индеец Джо.

— Я же сказал тебе: перестань! — вскинулся на него Уотсон.

Индеец Джо был само раскаяние.

— В другой раз буду точней.

Он снова прицелился, и Змей зарычал на него:

— Да не тяни ты, черт возьми!

— На этот раз я завалю его, — сказал Индеец Джо, — или босс окончательно взбесится. Прямо между глаз, как он и сказал. Прямо между…

Где-то выше на холме рявкнула винтовка, и Индеец Джо замер, стоя в стременах, тело его стало напряженным, негнущимся.

Вест вскрикнул от неожиданности. Конь Индейца Джо взбрыкнул и сбросил всадника, чье твердое тело внезапно превратилось в перекатывающийся пустой мешок.

Змей с проклятиями развернул скакуна и потянулся за револьвером. На вершине холма снова

заговорила винтовка. Змей сжался, схватился за горло и закричал, но крик обернулся свистящим, клокочущим хрипом. Чернота хлынула из горла сквозь растопыренные пальцы, и он вывалился из седла, а конь помчался к устью каньона.

Бентон нырнул к сверкающему револьверу, который выпал из руки Змея, а с вершины холма, точно удар молота, грянул еще один выстрел. Конь заржал от боли; далеко внизу послышалась торопливая дробь копыт.

Подобрав оружие, Бентон резко развернулся. Но тут же услышал рев шестизарядного и почувствовал, как пуля просвистела рядом с ребрами.

Дэн Уотсон, освещенный луной, подходил неторопливо, но решительно, целясь от бедра. За спиной у Дэна лежал его конь, сраженный винтовочным выстрелом с холма.

Шляпа слетела с головы Уотсона, лунный свет сверкал в его бороде. Опустив широкие плечи, он косолапил на своих кривых ногах, словно разъяренный медведь.

Бентон вскинул револьвер Змея — слегка неуклюже из-за непривычной ручки. «Тяжелая пушка, — подумал он. — Тяжелей любой из тех, что побывали в моих руках. Слишком тяжелая, тянет ствол вниз».

Уотсон снова выстрелил. Что-то чиркнуло по уху Бентона и прожужжало мимо, обдув ветром его щеку.

Напрягая все силы, Бентон поднял ствол и спустил курок. Большой револьвер Змея дернулся в его руке… потом дернулся снова.

Уотсон сбился с шага и остановился, будто от удивления.

Затем пальцы его разжались, и Уотсон зарылся лицом в землю.

Выше по склону холма затрещали кусты, и каскад катящихся камней почти заглушил удары копыт.

Бентон крутанулся на месте, подняв руку с револьвером. Два всадника пробивались к нему сквозь заросли.

Один из них помахал винтовкой и взвизгнул голосом баньши:

— Сколько мы уложили?

— Джинго! — закричал Бентон. — Джинго! Ах ты, старый…

Тут он разглядел второго всадника, и слова прилипли к его языку.

Камни осыпали его сапоги, когда Элен Мэдокс натянула поводья и остановилась в шести футах от Бентона.

Джинго уставился на три трупа, разбросанных по склону холма.

— Я так понимаю, на этом все кончено.

— Их было четверо, — ответил Бентон. — Вест, должно быть, сбежал.

— Черта с два! — отрезал Джинго. — А это что еще за чудак?

Он показал пальцем, и Бентон рассмеялся… необычайно нервным смехом.

— Это Грей, — объяснил он. — Я поймал его, и он выложил все. Обещал подтвердить в суде.

— Мертвецы — чертовски плохие свидетели, — язвительно заметил Джинго.

— Он не мертвый, — возразил Бентон. — Просто холодный, как селедка.

— Молодой Уотсон тоже, должно быть, где-то здесь, — предположил Джинго. — Давай его выследим?

Бентон покачал головой:

— Билл Уотсон уже в пути и никогда не вернется сюда.

Джинго с прищуром посмотрел на него:

— А девчонка с ним?

— Думаю, да, — ответил Бентон.

— А неплохо мы разобрались с их коровами, — похвастался Джинго. — Понадобится добрых

шесть недель, чтобы снова собрать стадо.

— У вас хорошая помощница, — сказал Бентон, глядя на Элен Мэдокс.

Она сменила одежду, которую носила в городе, на штаны Ливая и плоскую фетровую шляпу: вероятно, та принадлежала ее брату, поскольку была ей слишком велика.

Джинго фыркнул в ответ:

— Никто ее не звал. Тайком увязалась за остальными. — Он недовольно сплюнул. — Папаша гудел, как рассерженный шершень, когда увидел ее среди нас. Велел мне отвезти ее домой. — Он снова сплюнул. — Всегда что-нибудь да испортит праздник.

— Я избавлю тебя от этой обузы, Джинго, — усмехнулся Бентон. — Если ты позаботишься о Грее, я буду счастлив проводить Элен домой.

Специфика службы
Перевод Л. Жданова

Ему снился родной дом, и когда он проснулся, то долго не открывал глаз, силясь удержать видение. Что-то осталось, но это «что-то» было смутно, размыто, лишено отчетливости и красок. Родной дом… Он представлял себе его, знал, какой он, мог воскресить в памяти далекое, недосягаемое, но нет — во сне все было ярче!

И все-таки он не открывал глаз, так как слишком хорошо знал, что предстанет его взгляду, и всячески оттягивал встречу с грязной, неуютной конурой, в которой находился. «Если бы только грязь и отсутствие уюта, — подумал он, — а то ведь еще это тоскливое одиночество, это чувство, что ты на чужбине». Пока глаза закрыты, можно делать вид, будто суровой действительности нет, но он уже на грани, щупальца реальности уже протянулись к полной тепла и задушевности картине, которую он тщится сохранить в уме…

Все, дольше нельзя. Ткань сновидения стала чересчур тонкой и редкой, чтобы противостоять реальности. Хочешь не хочешь, открывай глаза.

Так и есть: отвратительно. Неуютно, грязно, безотрадно, и кругом притаилась эта враждебность, от которой можно сойти с ума. Теперь — взять себя в руки, собраться с духом и встать, начать еще один мучительный день.

Штукатурка на потолке потрескалась, осыпалась, получились большие безобразные кляксы. Краска на стенах шелушилась, темные потеки напоминали о дождях. И запах. Затхлый запах давно не проветриваемого жилого помещения…

Глядя на потолок, он пытался представить себе небо. Когда-то он мог увидеть его сквозь любой потолок. Потому что небо было его стихией, небо и пустынный привольный космос за ним. Теперь он их лишился, они ему больше не принадлежат.

Пометка в трудовой книжке, выговор в личном деле — все, что требуется, чтобы погубить карьеру человека, навсегда сокрушить все надежды и обречь его на изгнание на чужой планете.

Он сел на край кровати, нашарил пяткой брошенные на пол брюки, надел их, втиснул ноги в ботинки, встал.

Тесная, скверная комнатка. И дешевая. Настанет день, когда ему даже такая будет не по карману. Деньги на исходе, и когда последние

уйдут, придется искать работу, любую работу. Может, стоило позаботиться об этом раньше, не тянуть до последнего? Но он не мог себя заставить. Связаться с работой, осесть здесь — значит признать свое поражение, поставить крест на мечте о возвращении домой.

«Дурак, — сказал он себе, — и что тебя потянуло в космос?» Эх, попасть бы только домой, на Марс, и больше его канатом из дома не вытянуть. Вернется на ферму, займется хозяйством, как отец хотел. Женится на Элен, осядет, пусть другие дурни с риском для жизни носятся по Солнечной системе.

Романтика… Это она кружит голову мальчишкам, юнцам с восторженными глазами. Романтика дальних странствий, дебрей космоса с лучистыми зрачками звезд, романтика поющих двигателей, холодного булата, вспарывающего черноту и безлюдье пустоты, романтика воплощенных в комочке плоти куража и удали, бросающих вызов пустоте.

А романтики-то не было. Были тяжелый труд, вечное напряжение и щемящая тревога, точащий душу страх, который ловил перебои в работе силового устройства… звонкий удар о металлическую оболочку… любую из тысячи бед,

подстерегающих человека в космосе.

Он взял с ночного столика бумажник, сунул его в карман, вышел в коридор и спустился по шаткой лестнице вниз.

Покосившаяся, ветхая терраса. И зелень, неистовая, буйная зелень Земли. Мерзкий, отвратительный цвет, который оглушает и вызывает внутренний отпор. Все зеленое: трава, кусты, каждое дерево. Если смотреть на зелень чересчур долго, так и кажется, что она пульсирует, трепещет потайной жизнью, и ведь нет спасения от нее, разве что запереться где-нибудь.

Зелень, яркое солнце, изнуряющий зной — все это делает Землю невыносимой. Правда, от света можно уйти, с жарой тоже можно как-то справиться, но зелень вездесуща.

Он спустился с крыльца, ища в кармане сигареты. Нащупал смятую пачку и в ней единственную смятую сигарету. Прилепил ее к губе, выбросил пачку и остановился в воротах, соображая, что делать дальше.

Но это усилие мысли было показным, он заранее знал, как поступит. Выбора не было. Одно и то же повторялось изо дня в день, уже которую неделю. То же будет и сегодня, и завтра, и послезавтра, пока не уйдет последний цент.

А потом — да, что потом?

Поступить на работу и попытаться хоть что-то из этого извлечь? Копить деньги, пока не наберется на билет до Марса? Пусть любая должность на корабле ему заказана, но ведь пассажира-то они обязаны взять! Эх, пустые расчеты все это… Чтобы накопить достаточно, нужно двадцать лет, а где они?

Он закурил и побрел по улице. Даже сквозь сигаретный дым он ощущал запах ненавистной зелени.

Миновав десять кварталов, он очутился у космодрома. Над полем возвышался корабль. Он постоял, глядя на него, затем направился к убогому ресторанчику позавтракать.

«Корабль, — думал он. — Обнадеживающий признак». В иные дни ни одного не увидишь, а иногда — сразу три или четыре. Сегодня есть корабль; может, тот самый.

«Когда-нибудь, — сказал он себе, — найду же я корабль, который доставит меня домой». Корабль, которому до зарезу будет нужен механик, и капитан закроет глаза на злополучную запись в трудовой книжке.

Но он знал, что обманывает себя. Каждый день он говорит себе одно и то же. Вероятно, чтобы

оправдать свои ежедневные визиты в отдел найма. Самообман, который помогает сохранить надежду, не пасть духом. Самообман, который позволяет даже кое-как терпеть мрачную, душную конуру и зеленую Землю.

Он вошел в ресторан и сел за столик.

Подошла официантка, чтобы принять заказ.

— Опять оладьи? — спросила она.

Он кивнул. Оладьи — дешевая и сытная пища, а ему надо подольше растянуть деньги.

— Сегодня вы найдете свой корабль, — сказала официантка. — У меня такое чувство.

— Возможно, — отозвался он, не очень-то веря.

— Я знаю, что у вас на душе, — продолжала официантка. — Знаю, как это тяжело. Сама мучилась тоской по родине, когда впервые уехала из дому. Думала, умру.

Он промолчал, чувствуя, что ответить — значит уронить свое достоинство. Хотя на кой оно черт ему теперь, это достоинство!

Конечно, речь шла не об обычной тоске по родине. Это уже планетная ностальгия, тоска по другой культуре, боль от разлуки со всем, к чему привык и к чему привязан.

И тут, сидя в ожидании оладий, он воскресил в памяти сон: уходящие вдаль красные увалы, лас-

кающий кожу сухой, прохладный воздух, блеск звезд в сумерках, волшебное золото отдаленных песчаных бурь. И низенький дом жмется к земле, и на террасе, обращенной к закату, неподвижно сидит в кресле седой старик…

Официантка принесла оладьи.

«Настанет день, — мысленно сказал он, — когда я не смогу больше выносить этого самоистязания, этой жалости к самому себе». Он давно ее раскусил, и давно пора от нее избавиться. И тем не менее мирился с ней; больше того, она стала определять его помыслы и поступки. Она была его щитом и самооправданием, движущей силой, которая поддерживала его на ходу.

Он доел оладьи и расплатился.

— Счастливо, — сказала официантка, улыбаясь.

— Спасибо, — ответил он.

Он потащился по дороге, по скрипучему гравию, и солнце припекало ему спину, но хоть от зелени он был избавлен. Космодром голый, безжизненный — обожженный и обнаженный.

Он достиг цели и подошел к конторке.

— Опять вы, — сказал уполномоченный по найму.

— Есть рейс на Марс?

— Нет. Хотя постойте. Тут недавно один справлялся…

Уполномоченный поднялся, вышел за дверь и стал кого-то звать.

Через несколько минут он вернулся к конторке. За ним шел свирепый тяжеловес. На голове у тяжеловеса была фуражка с потертыми, тусклыми буквами «КАПИТАН». В остальном костюм никак не отвечал его званию.

— Вот этот человек, — сказал уполномоченный капитану. — Имя — Энсон Купер. Механик первого класса, но личное дело…

— К черту личное дело! — рявкнул капитан. Он обратился к Куперу: — «Моррисоны» знаете?

— С пеленок, — ответил Купер.

Это была неправда, но он был уверен, что справится с двигателями.

— Они, в общем-то, ничего, — продолжал капитан, — только иногда барахлят немного, капризничают. Придется вам понянчиться с ними. Глаз не сводить с них. Зазеваетесь — пиши пропало.

— Как-нибудь, — сказал Купер.

— Мой механик подвел меня, сбежал. — Капитан плюнул на пол, демонстрируя презрение к дезертирующим механикам. — Слабоват в колен-

ках оказался.

— У меня коленки в порядке, — твердо сказал Купер.

Он знал, что его ждет. Но выбора не было. Путь на Марс лежал через «моррисоны».

— Что ж, тогда пошли, — сказал капитан.

— Минутку, — вмешался уполномоченный. — Так это не делается. Вы обязаны дать ему время собрать свои пожитки.

— Мне нечего собирать, — вставил Купер, вспоминая жалкое барахло, которое осталось в гостинице. — Ничего стоящего.

— Вам должно быть ясно, — продолжал уполномоченный, обращаясь к капитану. — Союз не может поручиться за человека с таким личным делом.

— А мне наплевать, — отрезал капитан. — Лишь бы он знал толк в двигателях. Больше мне ничего не надо.

Идти до корабля было далеко. Он и новый-то не представлял собой ничего особенного, а с годами не стал лучше. Да на таком вообще летать — пытка, не говоря уже о том, чтобы нянчиться с «моррисонами»…

— Не рассыплется, не бойтесь, — сказал капитан. — Он протянет дольше, чем вы думаете.

Просто удивительно, на что способна такая посудина, всем чертям назло.

«Только еще один рейс, — подумал Купер. — Чтобы доставить меня на Марс. А там пусть рассыпается».

— Корабль великолепен, — сказал он совершенно искренне.

Он подошел к могучему стабилизатору и положил на него ладонь. Тяжелый металл, краска давно облупилась, рябой от коррозии, и холодок затаился в толще, точно корабль еще не отдал всю впитавшуюся в него космическую стужу.

«Наконец, — подумал он. — После стольких недель ожидания вот оно наконец, стальное произведение инженерного искусства, которое доставит меня домой».

Он вернулся туда, где стоял капитан.

— Приступим, что ли, — сказал он. — Хочу посмотреть на двигатели.

— Они в порядке, — ответил капитан.

— Возможно. Все-таки я их проверю.

Он ждал, что двигатели будут в скверном состоянии, но не настолько. На что уж корабль выглядел жалко, а «моррисоны» оказались еще хуже.

— Тут надо поработать, — сказал он. — С таки-

ми двигателями нельзя выходить в рейс.

Капитан вспылил и выругался:

— Учтите, вылетаем на рассвете! Срочное задание!

— На рассвете и вылетим, — отрезал Купер. — Вы только не вмешивайтесь.

Он расставил людей по местам и сам проработал четырнадцать часов подряд без передышки, не спал и не ел. После чего зажал большой палец в кулаке и доложил капитану, что все готово.

Они благополучно прошли атмосферу. Купер разжал кулак и облегченно вздохнул. Теперь только следить за тем, чтобы не было перебоев.

Капитан вызвал его к себе и поставил на стол бутылку.

— А вы справились куда лучше, чем я ожидал, мистер Купер.

Купер покачал головой.

— Мы еще не прилетели, капитан. Впереди немалый путь.

— Мистер Купер, — сказал капитан, — вы знаете, что мы везем?

Купер покачал головой.

— Лекарства, — сказал капитан. — Там эпидемия. Только наш корабль был более или менее готов к рейсу. Вот нас и послали.

— Дали бы сперва сделать капитальный ремонт двигателей.

— Время не позволило. Каждая минута на счету.

Купер глотнул из рюмки, оглушенный всеобъемлющей усталостью.

— Эпидемия, говорите? А что именно?

— Песчаная лихорадка, — ответил капитан. — Знаете, наверное.

Смертельный ужас холодком пополз по спине Купера.

— Знаю. — Он допил виски и встал. — Я пошел, начальник. Надо присмотреть за двигателями.

— Мы надеемся на вас, мистер Купер. Нужно добраться.

Он вернулся в машинное отделение и упал в кресло, слушая пение двигателей, пронизавшее все клеточки корабля. Они должны работать без перебоев. Теперь это яснее, чем когда-либо. Дело не только в том, чтобы вернуться домой: родная планета ждет лекарства.

«Обещаю, — сказал он сам себе. — Обещаю, что мы долетим».

Он не щадил команду, не щадил себя — изо дня в день, под выматывающий душу, почти нестерпимый вой дюз и гром этих чертовых

«моррисонов».

Какой там сон — хорошо, если удавалось прикорнуть на несколько минут. Какой там обед — разве что перекусишь чуток на ходу. Работа, работа, но еще хуже — надзор, ожидание, все тело напряжено: сейчас начнут заикаться… Или лязгнет металл, возвещая беду.

«И зачем только, — билась в голове смутная мысль, — человек выходит в космос? С какой стати идет на такую работу?» Конечно, здесь, в машинном, рядом с изношенными двигателями, чувствуешь себя хуже, чем в других отсеках. Но и там не сладко. Атмосфера корабля насыщена нервозностью, но хуже всего — черный, гнетущий страх перед космосом, перед тем, что космос может сделать с кораблем и людьми на борту.

На новых, более крупных кораблях обстановка вроде получше, да и то не намного. По-прежнему принято пичкать успокоительным пассажиров и переселенцев, летящих осваивать другие планеты. Чтобы не нервничали, не реагировали так остро на неудобства, не поддавались панике.

Но с командой так не поступишь. Она должна быть начеку, готовая ко всему. Она обязана все снести.

Возможно, придет пора, когда корабли будут

достаточно велики, двигатели и горючее достаточно совершенны, когда поумерится страх человека перед пустотой космоса. Тогда станет легче. Но до этого, наверное, еще очень далеко. Ведь уже прошло двести лет, как предки Купера в числе первых улетели осваивать Марс.

«Не будь сознания того, что я возвращаюсь домой, — сказал он себе, — не вынес бы, не выдержал». Даже здесь, где загустела всяческая вонь, он чувствовал запах сухого, прохладного воздуха родной планеты. Сквозь металлическую оболочку летящего корабля, через несчетные темные мили видел нежные краски заката на красных увалах. В этом его преимущество перед остальными. Если бы не мысль, что он возвращается домой, он бы не выстоял.

Медленно тянулись дни, и двигатели тянули, и крепла надежда в его душе. И наконец надежда сменилась торжеством.

И наступил день, когда корабль вихрем скользнул вниз сквозь холодную, разреженную атмосферу, и пошел на посадку, и сел.

Он протянул руку, повернул ключ — двигатели взревели и смолкли. Тишина объяла изможденную сталь, онемевшую от долгого гула.

Он стоял подле двигателей, оглушенный ти-

шиной, испытывая ужас перед совершенным безмолвием.

Он пошел вдоль двигателей, скользя рукой по металлу, гладя его, точно животное, удивленный и чуть недовольный тем, что в его душе родилось некое подобие странной нежности к машине.

А впрочем, почему бы нет? Двигатели доставили его домой. Он нянчился, возился с ними, проклинал их, надзирал за ними, спал рядом с ними — и они доставили его домой.

А ведь, если быть откровенным, он не очень надеялся на это.

Он вдруг увидел, что остался один. Команда ринулась к трапу, едва он повернул ключ. Пора и ему выходить. И все-таки он на мгновение задержался в тихом отсеке, напоследок еще раз все окинул взглядом. Полный порядок. Ничего не упущено.

Он повернулся и медленно пошел по трапу вверх, к люку.

Наверху он встретил капитана. А вокруг ракеты во все стороны расходились красные увалы.

— Все уже ушли, только начальник интендантской службы остался, — сказал капитан. — Я вас жду. Вы отлично справились с двигателями, мистер Купер. Рад, что вы пошли в рейс с нами.

— Последний рейс, — ответил Купер, гладя взглядом красные склоны. — Хватит слоняться по свету.

— Странно, — сказал капитан. — Вы, очевидно, с Марса.

— Точно. И надо было с самого начала сидеть дома.

Капитан пристально поглядел на него и повторил:

— Странно.

— Ничего странного, — возразил Купер. — Я…

— Я тоже списываюсь, — перебил его капитан. — На Землю этот корабль поведет уже другой командир.

— В таком случае, — подхватил Купер, — я угощаю, как только мы сойдем с корабля.

— Решено. Но сперва — прививка.

Они спустились по трапу и пошли через поле к зданиям космодрома. Навстречу с воем промчались машины, спешащие к кораблю за грузом.

А Купер всецело отдался восприятию того, что испытал во сне в убогой комнатушке на Земле: бодрящий запах прохладного, легкого воздуха, пружинистый — из-за меньшего тяготения — шаг, стремительный взлет четких, ничем не оскверненных красных склонов в лучах неяркого

солнца.

Врач ждал их в своем тесном кабинете.

— Виноват, — сказал он, — но вы знаете правила.

— Ох уж эти мне правила, — ответил капитан. — Да, видно, так нужно.

Они сели в кресла и засучили рукава.

— Держитесь, — предупредил врач. — Укол дает встряску.

Так и было.

«Так было и прежде, — подумал Купер. — Каждый раз. Пора бы уже привыкнуть».

Он вяло откинулся в кресле, ожидая, когда пройдут слабость и шок. Врач сидел за своим столом, следя за ними и тоже ожидая, когда они придут в себя.

— Тяжелый рейс? — спросил он наконец.

— Легких не бывает, — сердито ответил капитан.

Купер покачал головой.

— Этот был хуже всех. Двигатели…

— Простите меня, Купер, — вступил капитан. — Но на этот раз никакого обмана не было. Мы в самом деле везли лекарства. Здесь и вправду эпидемия. И мой корабль оказался единственным. Я хотел поставить его на капитальный ремонт, да

время не позволило.

Купер кивнул.

— Припоминаю, — сказал он.

Он с трудом поднялся и посмотрел в окно на холодный, недобрый, чужой марсианский ландшафт.

— Если б не внушение, — решительно сказал он, — я бы ни за что не справился. — Он повернулся к врачу. — Когда-нибудь мы сможем обходиться без этого?

Врач кивнул:

— Несомненно. Когда корабли станут надежнее, человек свыкнется с космическими путешествиями.

— Эта ностальгия — уж больно она душу выматывает.

— Другого выхода нет, — сказал врач. — У нас не было бы ни одного космонавта, если бы они каждый раз не летели домой.

— Это верно, — согласился капитан. — Никто, и я в том числе, не смог бы выдержать таких передряг ради одних только денег.

Купер поглядел в окно на песчаные ландшафты, и его кинуло в дрожь. Более унылого места…

«Что за идиотизм — мотаться в космосе, — сказал он себе, — когда дома такая жена, как Дорис,

и двое детей». Ему вдруг безумно захотелось увидеть их.

Знакомые симптомы. Снова ностальгия, но теперь — тоска по Земле. Врач достал из тумбы и щедрой рукой наполнил три стопки.

— А теперь примите-ка вот это, — сказал он, — и забудем обо всем.

— Точно мы можем помнить, — усмехнулся Купер.

— В конце концов, — сказал капитан с неестественной веселостью, — надо правильно смотреть на вещи. Речь идет всего-навсего о специфике нашей службы.

Город
Перевод Г. Корчагина

Сидя в шезлонге и каждой косточкой впитывая теплое, нежное солнце, Дедуся Стивенс следил за работой газонокосилки. Вот она достигла края лужайки, покудахтала озабоченной курицей-несушкой, аккуратно развернулась и пошла косить новую полосу. На закорках у нее распухал мешок-травосборник.

Вдруг косилка остановилась и возбужденно застрекотала. Со щелчком откинулась панель на ее боку, выпростался коленчатый манипулятор, пошарил в траве хваткими стальными пальцами, торжествующе поднял камешек, сбросил его в миниатюрный контейнер и скрылся в своей нише. Косилка заурчала и двинулась прежним курсом.

Дедуся качал головой, недобро глядя на нее.

— В один прекрасный день, — проворчал он, — эта треклятая штуковина даст маху и напрочь слетит с катушек.

Он откинулся на шезлонге и устремил взгляд в омытое солнцем небо. Там в далекой вышине

плыл вертолет. В глубине дома ожил, разразился душераздирающей какофонией радиоприемник. Дедуся содрогнулся и осел в кресле. У юного Чарли очередной сеанс дерготни под музыку. Черт бы побрал этого оболтуса!

Косилка стрекотала уже совсем рядом. Дедуся, оторвав от нее враждебный взгляд, воззвал к небесам:

— Автоматика! Нынче, куда ни плюнь, везде сплошная автоматика! Этак люди скоро вообще окажутся не при делах. Подзовешь машинку, пошепчешь ей на ушко, и она живо выполнит за тебя любую работу.

Из окна высунулась дочь. Ей пришлось кричать, чтобы перекрыть музыку:

— Папа!

Дедуся нервно заерзал.

— Чего тебе, Бетти?

— Папа, когда косилка подъедет, пожалуйста, не пытайся ее переупрямить. Это хорошая техника! В прошлый раз ты с места не сдвинулся, ей пришлось стричь вокруг, и она ни разу тебя не задела.

Дедуся не ответил, лишь клюнул носом — авось дочка решит, что он задремал, и оставит его в покое.

— Папа! — взвизгнула она. — Ты слышал, что я сказала?

Значит, не удалась уловка.

— Слышал, конечно. Я и сам уже хотел перебраться.

Он медленно встал, тяжело оперся на клюку. Вон как одряхлел и ослаб — нельзя с ним так обращаться, Бетти должно быть стыдно. Впрочем, переигрывать опасно — чего доброго, дочь опять позовет того дурака, приставучего докторишку.

Ворча, Дедуся перетащил кресло на подстриженную часть лужайки под злорадное кудахтанье катившейся мимо машинки.

— Докудахчешься! — пригрозил ей Дедуся. — Как огрею! Как разнесу на винтики!

Косилка на это лишь гукнула и невозмутимо поползла дальше.

Издали, с заросшей бурьяном улицы, донесся лязг и прерывистый кашель.

Дедуся, собравшийся было сесть, выпрямился и напряг слух. Снова эти звуки, уже явственней: урчащий выхлоп норовистого движка, перестук расхлябанных металлических деталей.

— Автомобиль! — вскричал Дедуся. — Автомобиль, чтоб мне провалиться!

Он галопом припустил к воротам, но тотчас

вспомнил о своей дряхлости и сменил бег на быстрое ковыляние.

— Это, поди, наш чокнутый Ол Джонсон, — сказал себе Дедуся. — Ни у кого больше тачки не осталось. Чертов упрямец ни за что от нее не откажется.

И правда, это был Ол.

Дедуся добрался до ворот как раз вовремя, чтобы увидеть, как с перекрестка выкатывается, вихляя на рытвинах и кочках давно заброшенной дороги, ржавый, расшатанный автомобиль. Свистел паром перегретый радиатор; выхлопная труба, лишившаяся глушителя лет пять назад, если не раньше, плевалась клубами синеватого дыма.

Ол флегматично крутил баранку и щурился, высматривая на дороге опасные места. Находить их было и впрямь нелегко, очень уж сильно заросла улица сорной травой и кустами.

Дедуся помахал клюкой и выкрикнул:

— Здорово, Ол!

Тот подкатил поближе и дернул рычаг ручного тормоза. Автомобиль потрясся, мотор почихал и с жутким хрипом заглох.

— На чем ездишь? — спросил Дедуся.

— Да на всем, что подвернется, — ответил

Ол. — Керосин, протирочный спирт… В бочке тракторное масло осталось.

Дедуся с нескрываемым восхищением разглядывал транспортный анахронизм.

— Да, золотое было времечко, — вздохнул он. — Ох, как я на моей ласточке гонял! Сто миль в час!

— Я бы и на этой гонял, — сказал Ол, — кабы нормальное топливо и запчасти. Еще три-четыре года назад бензина хватало, но что-то давненько я его не встречал. Видать, больше не производят. «Зачем тебе бензин, — говорят, — когда есть атомная энергия?»

— Верно, — кивнул Дедуся. — Может, они и правы, но ведь атомную энергию не понюхаешь. По мне, так нет ничего слаще бензиновой гари. Нынче и вертолетов хватает, и другой техники, да вот только из-за них путешествия начисто лишились романтики. — Он оглядел груду бочонков и корзин на заднем сиденье. — Овощи везешь?

— Ага, — ответил Ол. — Сладкая кукуруза, ранний картофель, помидоры. Может, получится продать.

Дедуся помотал головой:

— Нет, Ол, не получится. Нынче этот товар не в ходу. Людям внушили, что лучшие фрукты и овощи — гидропонные. Санитарные нормы со-

блюдаются, вкус несравним и все такое.

— Я за эту выращенную в баках дрянь гроша ломаного не дам! — воинственно заявил Ол. — Да какой у нее может быть вкус?! Я своей Марте так и сказал: чтобы у еды был характер, она должна вырасти на земле! — Он повернул выключатель зажигания. — Может, и правда нет смысла везти урожай в город, по таким-то дорогам. Власти-то об их существовании, сдается мне, напрочь позабыли. А ведь через нас автострада штата проходит, помнишь, какой она была двадцать лет назад? Ровнехонькая ленточка, гладкий асфальт. Каждый год ее латали, денег не жалели. И что от нее осталось? Асфальт кое-где вообще смыло, из трещин ежевика прет. Нынче мне пришлось дерево распилить — свалилось поперек дороги…

— Твоя правда, дела неважнецкие, — согласился Дедуся.

Мотор зачихал, закашлял. Из-под днища повалил густой синеватый дым. Машина подергалась и покатила вперевалку по улице.

Дедуся заковылял обратно и обнаружил, что с шезлонга капает вода. Пока старики беседовали, робокосилка успела управиться со стрижкой и раскатать поливочный шланг.

Бормоча проклятия, Дедуся обогнул угол дома и

опустился на скамью возле заднего крыльца. Местечко не из его любимых, но где еще укроешься от настырной машинерии?

Не нравилось тут Дедусе отчасти потому, что вид со скамьи открывался не очень-то веселый. Улица за улицей без единой живой души, брошенные дома и заросшие худой травой дворы. Был, правда, и плюс: не слышна судорожная музыка. Особенно если внушить себе, что стал туговат на ухо.

— Билл! — прокричали на переднем дворе. — Где ты, Билл?

Дедуся резко развернулся.

— Здесь я, Марк! За домом. Прячусь от треклятой косилки.

Из-за угла появился хромающий Марк Бейли, сигаретный окурок грозил поджечь его кустистые усы.

— Не рановато ли для картишек? — спросил Дедуся.

— Нынче я не игрок, — вздохнул Марк. Подковыляв, он сел рядом с Дедусей. — Уезжаем мы.

— Уезжаете?! — вскинулся Дедуся.

— Ага. Переселяемся. Люсинда уговорила наконец Герба. Житья ему не давала, пока не согласился. Мол, сейчас все перебираются в уют-

ные поместья и ей непонятно, что нас держит в городе.

Дедуся проглотил комок в горле.

— А что за место?

— Пока не знаю, — ответил Марк. — Меня туда не возили. Где-то на севере, возле одного из озер. Взяли десять акров земли. Люсинда хотела сто, но Герб как топнет ногой: десять, и баста! Тебе столько лет придомового участка хватало, вот и нечего жадничать.

— Бетти моя тоже на Джонни наседает, — вздохнул Дедуся. — Но он держится. Говорит, не уеду — просто не могу. Говорит, он же не кто-нибудь, а секретарь Торговой палаты. Говорит, нехорошо это будет, неправильно, ежели такое ответственное лицо бросит город.

— Свихнулся народ, — заявил Марк. — Натурально помешался.

— Факт, — согласился Дедуся. — Вся страна свихнулась, вот как бог свят. Ты глянь! — Он повел рукой, указывая на шеренги бесхозных строений. — А помнишь, какая тут была красота? Каждый дом — загляденье… Соседи дружные… Женщины от крыльца к крыльцу бегали, обменивались рецептами стряпни. Мужчины выйдут свои лужайки стричь, да забудут про косилки,

соберутся кружком и давай судачить… Славное, Марк, было житье. А нынче что творится?

Марк беспокойно заерзал.

— Пора мне, Билл, возвращаться. Я ж выскочил, только чтобы предупредить, что мы снимаемся. Люсинда ждет, надо вещи собирать.

Дедуся неуклюже поднялся и протянул руку.

— Мы ж увидимся еще? Придешь сыграть напоследок?

Марк покачал головой:

— Вряд ли, Билл.

Они неловко, пристыженно пожали друг другу руки.

— Скучать буду по нашим картишкам, — сказал Марк.

— Я тоже, — грустно произнес Дедуся. — Совсем не осталось партнеров.

— Прощай, Билл.

— Прощай.

Дедуся проводил взглядом прихрамывающего друга, пока тот не скрылся за домом. В душу все глубже запускало ледяные пальцы одиночество.

Одиночество грозное, жуткое. Одиночество старости — и ненужности. В отчаянии Дедуся признал: да, он устарел. Пережил свое время, эпоху, к которой принадлежал. Слишком задержался

на этом свете.

Взор затуманили слезы. Дедуся нашарил прислоненную к скамье клюку и через покосившиеся ворота заднего двора выбрел на безлюдную улицу.

Слишком быстро пролетели его годы, слишком рано наступило будущее. Будущее с семейными вертолетами, с брошенными где попало и сгнившими автомобилями, с растворившимися в небытии бесполезными дорогами. Будущее, в котором гидропоника быстро сменила пахоту. Будущее, где с исчезновением фермы, как рентабельного хозяйства, обесценилась земля и люди рассеялись по ранее не заселявшимся территориям, имея возможность за цену своего городского участка приобрести многие гектары. Будущее, настолько революционизировавшее домостроение, что семья может обменять свое жилище на новое, созданное по индивидуальному заказу меньше чем за половину стоимости довоенного дома, и за минимальную доплату получить дополнительную жилплощадь или любые усовершенствования, каких только душа пожелает.

Дедуся хмыкнул. Да что же это за дом, если в нем можно каждый год менять местами комнаты, как мебель? Разве можно жить в таком?

Он брел пыльной тропинкой, которая только и осталась от обихоженной жилой улицы. Улица привидений, думал Дедуся. Скрытных призраков, шепчущих в ночи. Призраков играющих детей. Призраков опрокинутых трехколесных велосипедов, перевернутых детских тележек. Призраков болтушек-домохозяек. Призраков приветственных окликов. Призраков горящих очагов и дымков, курящихся зимней ночью над крышами.

Крошечные облачка пыли, поднимаемые шагами, белили ему башмаки и края штанин.

Напротив — дом Адамса. Как же гордился старик своим жилищем! Стены из серого булыжника, панорамные окна. Нынче дом зелен от ползучего мха, будто с жуткой ухмылкой глядит разбитыми стеклянными глазами. Сорняки заглушили газонную траву, в них утонуло крыльцо. В щипец упираются ветви ели.

С минуту Дедуся простоял с закрытыми глазами посреди заросшей бурьяном улицы, двумя ладонями обнимая кривую рукоять клюки и вспоминая тот день, когда Адамс сажал елочку. Сквозь пелену лет проникают крики играющих детей, с улицы доносится тявканье собачонки Конрадов. На лужайке голый до пояса Адамс копает

посадочную яму, а рядом на траве лежит саженец с корнями, обернутыми мешковиной.

Май 1946-го. Сорок четыре года назад. Адамс и Дедуся только что вместе вернулись с войны.

Заслышав хлопки подошв по пыльной земле, старик вздрогнул и открыл глаза. Перед ним стоял мужчина. Лет тридцати, может, чуть помоложе.

— Доброго утречка, — поздоровался Дедуся.

— Надеюсь, я вас не испугал, — сказал незнакомец.

— Это что же, — спросил Дедуся, — ты видел, как я тут стою дурак дураком, с закрытыми глазами?

Парень кивнул.

— Я вспоминал, — объяснил Дедуся.

— Вы здешний?

— На этой самой улице живу. Мы последние остались в этом квартале.

— А раз так, могу я попросить вас о помощи?

— Ну, попробуй, — сказал Дедуся.

Незнакомец явно колебался.

— Видите ли… Как бы объяснить… Пожалуй, проще всего сказать, что я совершаю сентиментальное паломничество…

— Понял, — кивнул Дедуся. — Вот и я его совершаю.

— Я Адамс, — представился парень. — Где-то

здесь жил мой дедушка…

— Да вот прямо здесь и жил, — указал Дедуся.

Они повернулись к дому.

— Красиво тут было, — сообщил Дедуся. — Это дерево посадил твой дед, аккурат по возвращении с войны. Мы с ним вместе входили в Берлин. Незабываемый денек, скажу я тебе!

— Как жаль, — сказал молодой Адамс. — Как жаль, что я не…

Но Дедуся, похоже, его не слушал.

— Так что с твоим дедушкой? — спросил он. — Давненько ни слуху ни духу.

— Он умер, — ответил молодой Адамс.

— Вроде он атомной энергией занимался? — спросил Дедуся.

— Верно, — с гордостью подтвердил Адамс. — И отец тоже. С начала становления отрасли.

Когда Джон Дж. Вебстер размашистыми шагами поднимался по широким каменным ступенькам мэрии, путь ему заступило ходячее огородное пугало с ружьем под мышкой.

— Здорово, мистер Вебстер! — сказало пугало.

Вебстер вгляделся в чужое лицо, а затем на его собственном появилась мина узнавания.

— Да это же Леви! — произнес он. — Как поживаешь, Леви?

— Живем, не тужим, — ухмыльнулся тот щербатым ртом. — Сады зеленеют, кролики толстеют.

— Ты, надеюсь, никак не причастен к ограблениям домов?

— Помилуйте, сэр! — изобразил возмущение Леви. — Чтобы кто-нибудь из нашего брата был замешан в этаком непотребстве? Мы, скваттеры, люди добропорядочные и богобоязненные, уж не извольте сомневаться! Живем там, откуда все давно убрались, никого не обижаем. Полиция знает, что мы не можем себя защитить, вот и обвиняет нас в воровстве и прочих безобразиях. Нашла козлов отпущения!

— Что ж, рад слышать, — сказал Вебстер. — Шеф полиции хочет сжечь брошенные кварталы.

— Пусть попробует, — снова ухмыльнулся Леви. — То-то будет ему сюрпризец. Они нас с ферм согнали, когда повадились выращивать еду на фабриках, но здесь мы встали намертво, дальше — ни шагу. — И спросил, плюнув через все ступеньки: — Монетки-другой не найдется? У меня патроны вышли, а кролики так плодятся, спасу нет…

Вебстер порылся в жилетном кармане и извлек полдоллара.

— Премного благодарен, мистер Вебстер, — ра-

зулыбался Леви. — Ужо я вам белок принесу по осени, пренепременно!

Скваттер коснулся двумя пальцами шляпы и спустился с крыльца; ствол ружья играл солнечным глянцем. Вебстер повернулся и пошел ко входу.

Заседание муниципального совета было в самом разгаре. Шеф полиции Джим Максвелл стоял возле стола, а мэр Пол Картер держал речь.

— Не кажется ли тебе, Джим, что ты слишком торопишься, добиваясь столь радикального решения проблемы?

— Не кажется, — отрезал Максвелл. — Только в двух, ну, может, в трех десятках домов — законные жильцы, то есть первоначальные владельцы. Все остальные дома подверглись налоговой конфискации и перешли на баланс города. От них теперь никакого проку — они уродливы и опасны. Их не сбыть по остаточной стоимости; их даже на разборку не продать. Дерево? Мы его больше не используем, пластмассы гораздо удобней. Камень? Вместо него теперь сталь. Ни одна из этих построек не может заинтересовать покупателя. Зато в брошенных кварталах охотно селятся мелкие преступники и другие нежелательные элементы. Запущенные зеленые насаждения пре-

вратили эти кварталы в идеальные гнездилища для правонарушителей всех мастей. Совершив преступление, человек прямиком бежит туда — и он в безопасности, ведь я не могу послать на облаву тысячу полицейских, а если бы и мог, он все равно сумел бы укрыться. Снести кварталы? Это денег стоит, а они у нас есть? И даже не будь бесхозные жилища опасны, как быть с тем, что они просто-напросто обуза? От них необходимо избавиться, и пожар — самый быстрый и дешевый способ. Мы примем все необходимые меры предосторожности.

— А как насчет юридической правомочности? — спросил мэр.

— Я проработал этот вопрос. Человек имеет право уничтожить свою собственность любым способом, при условии, что от этого никто не пострадает. Полагаю, этот закон применим и к муниципальной собственности.

Олдермен Томас Гриффин взвился на ноги:

— Вы настроите против нас граждан, если сожжете разом так много домохозяйств! У людей осталась сентиментальная привязанность к…

— Почему же эти сентиментальные граждане не платили налоги, не заботились о своих хозяйствах? — возмутился шеф полиции. — Почему

они разбежались по стране, просто-напросто бросив городское жилье? Здесь Вебстер, давайте спросим, многого ли он добился, пытаясь пробудить в людях интерес к их родовым гнездам.

— Вы про этот фарс, про «Неделю старого дома»? — процедил Гриффин. — Никто не остался в восторге, потому что Вебстер хватил через край. Да и быть не могло по-другому, такой уж у нашей Торговой палаты умственный склад. Кому понравится, что его используют как наживку для привлечения нового бизнеса в город?

Олдермен Форрест Кинг вскочил и заколотил кулаком по столу, яростно потрясая двойным подбородком.

— Гриффин, какого черта?! — взревел он. — Почему ты при любой возможности мажешь грязью Торговую палату? Тошнит уже! Неужели не понимаешь, что этим можно угробить в городе любой бизнес? А ведь деловой район — это все, что у нас осталось! Только он и платит сейчас налоги!

Гриффин язвительно ухмыльнулся:

— Мистер Кинг, я высоко ценю вклад председателя Торговой палаты…

— Ты разорился, Гриффин, — прорычал Кинг. — Начисто прогорел и возненавидел бизнес и поэтому гадишь нам теперь, где можешь.

— Кинг, ты примитивен!

В зале повисла тишина — холодная, тяжелая. Ее нарушил Гриффин:

— Я не хочу угробить бизнес. Но я категорически против того, чтобы он цеплялся за устаревшие идеи и методы. Джентльмены, миновали те времена, когда дельца выручали предприимчивость и напористость. Рекламная шумиха давно легла в могилу. В далеком прошлом остались «Дни высокой кукурузы», «Именины доллара» и прочие фальшивые праздники с транспарантами и флагами, с толпами охотников тратить деньги. Но вы, друзья мои, похоже, этого почему-то не заметили. Успех подобных трюков объясняется тем, что они эксплуатировали массовую психологию и лояльность населения. Но какая может быть лояльность к городу, который гниет заживо? Нельзя воздействовать на психологию толпы, не имея самой толпы — когда каждый человек… ну, едва ли не каждый уединился на своих сорока акрах.

— Джентльмены! — взмолился мэр. — Джентльмены, это же никак не относится к делу!

Снова возмутился Кинг, заколотил по столу:

— Нет уж, давайте разберемся. Здесь Вебстер. Может, он поделится с нами соображениями?

Вебстер обеспокоенно заерзал.

— Мне, пожалуй, сказать нечего.

— Значит, проехали, — буркнул Гриффин и сел.

Но Кинг остался на ногах — побагровевший, с трясущимися от гнева губами.

— Вебстер! — рявкнул он.

Тот отрицательно покачал головой.

— Ты сюда не просто так пришел, у тебя очередная гениальная идея, — прокричал Кинг. — Давай, озвучь ее перед советом. Встань и выскажись!

Насупившись, Вебстер поднялся.

— Ты, должно быть, слишком толстолобый, — процедил он, — чтобы понять, почему мне не нравится твоя деятельность.

Кинг аж задохнулся от ярости:

— Толстолобый! И это ты мне говоришь?! Мы же вместе работали, я тебе помогал. И раньше я от тебя такого не слышал…

— Верно, не слышал, — ровным голосом подтвердил Вебстер. — Что тут удивительного? Я не хотел лишиться работы.

— Ну, так ты ее лишился! — взревел Кинг. — С этой минуты ты безработный.

— Заткнись, — сказал Вебстер.

Наверное, Кинг был бы меньше изумлен, если бы получил пощечину. Он вытаращился на

Вебстера.

— И сядь. — Фраза как острый нож пронзила наступившую в зале тишину.

У Кинга обмякли колени, и он рухнул в кресло.

— Соображения у меня все-таки имеются, — произнес Вебстер, — и поделиться ими следовало давно. Со всеми вами поделиться. Знаете, что меня больше всего удивляет? То, что говорить такое приходится мне. Впрочем, я без малого пятнадцать лет работал в интересах города — пожалуй, оно и логично, что именно я открою вам глаза на правду.

Олдермен Гриффин сказал, что город гниет заживо, и это правильные слова. Есть лишь одна неточность — наш город, как и все остальные города… уже мертв.

Город — это анахронизм, пережиток. Он больше не нужен; он совершенно бесполезен. Вертолеты и гидропоника вынесли ему смертный приговор. Зародышем города был племенной лагерь — соплеменники собирались в одном месте, чтобы защищаться сообща. Позже вокруг лагеря выросла стена, защита стала надежней. Затем стена исчезла, но город остался, поскольку был удобен для торговли и ремесел. Так продолжалось до недавних времен, ведь человек предпочитал

жить поближе к месту работы, а в городе рабочих мест было куда больше, чем в селе.

Однако теперь все изменилось. Для современной семьи, располагающей собственным летательным аппаратом, сто миль — куда меньшее расстояние, чем пять миль в тысяча девятьсот тридцатых. Люди запросто преодолевают утром несколько сот миль до работы, а вечером возвращаются домой. Им вовсе не нужно скученно жить в городах.

Начало этому процессу положил автомобиль, а летательный аппарат стал ее логичным завершением. Уже в первые годы тенденция была заметна — из городов с их теснотой и налогами население перебиралось в пригороды и сельские районы. Многие, не имея эффективного транспорта и денежных средств, оставались в городах. Но теперь гидропонное выращивание обесценило землю, и за сорокалетней давности цену городского участка можно приобрести огромные угодья в сельской местности. Благодаря атомным авиационным двигателям транспортной проблемы более не существует.

Он сделал паузу, и никто не нарушил тишину. Мэр, похоже, пребывал в шоке. У Кинга шевелились губы, но он не произнес ни слова. Гриффин

улыбался.

— Итак, чем мы располагаем? — произнес Вебстер. — Я вам скажу, чем мы располагаем. Пустыми домами — улица за улицей, квартал за кварталом. Городом, из которого жители просто-напросто уехали. Да и с чего бы им оставаться? Что может город им предложить? Ничто из того, что он давал прежним поколениям, — все это полностью уничтожено прогрессом. Конечно, бросив свои дома, люди лишились кое-чего, выражаемого в денежном эквиваленте. Но факт остается фактом: за половину стоимости городского жилья можно приобрести жилье вдвое качественней. Люди теперь могут жить так, как им всегда хотелось, обзаводиться родовыми поместьями в лучших традициях прежних благополучных поколений. Слишком много преимуществ, чтобы сокрушаться о покинутых домах.

И что же у нас осталось? Несколько кварталов деловых зданий. Несколько акров с промышленными сооружениями. Городское правительство, обязанное заботиться о миллионе людей, которых здесь уже нет. Бюджет, до того задравший налоги, что даже владельцы предприятий предпочли отсюда сбежать. Аресты на имущество, завалившие нас ничего не стоящей недвижимо-

стью. Вот что у нас осталось. И никакая торговая палата, никакая рекламная кампания, никакой мудреный бизнес-план не поможет нам подняться с этого дна. Если вы считаете иначе, то это значит, что вы спятили. Как же нам быть? Есть только один ответ, и он предельно прост. Город, как общественный институт, умер. Можно еще несколько лет побарахтаться, но конец известен.

— Мистер Вебстер…

Вебстер не дал мэру перебить себя.

— Но что касается дня сегодняшнего, — сказал он, — то я мог бы остаться и поиграть вместе с вами в кукольный домик. Мог бы притворяться, будто верю, что город еще не обанкротился. Мог бы и дальше обманывать себя и вас. Но есть, джентльмены, на свете такая штука, как человеческое достоинство.

Ледяную тишину нарушили шуршание бумаг и сдавленное покашливание какого-то растерявшегося слушателя.

Джон Дж. Вебстер круто повернулся и вышел из зала. На широкой ступени каменного крыльца остановился, задрал голову и увидел в безоблачном небе кружащих над шпилями и башнями мэрии голубей.

Он мысленно встряхнулся, как выбравшаяся из

воды собака.

Конечно, он свалял дурака. Теперь придется искать работу, и вряд ли она найдется скоро. Староват он для таких приключений.

Однако вопреки этим невеселым мыслям с его губ слетал бодрый мотивчик, а поступь была тверда.

Хватит лицемерить. Хватит по ночам не смыкать глаз, размышляя о том, что город обречен, что любые попытки его спасти напрасны и ты зря получаешь жалованье. Жуткая это штука — тоска мастера, сознающего, что его труд бесполезен.

Он вышел на парковку и направился к своему вертолету.

Пожалуй, настало время переселиться в глушь, как хочет Бетти. Вечерами бродить по принадлежащей тебе земле. И там будет речушка. Конечно, будет — и в ней можно развести форель…

Он наказал себе подняться на чердак и проверить снасти для ловли рыбы нахлыстом.

Марта Джонсон дожидалась мужа у ворот скотного двора. По улице разносилось тарахтение старого автомобиля.

Ол неуклюже слез с водительского сиденья, лицо — усталое, невеселое.

— Что-нибудь продал?

Ол отрицательно покачал головой.

— Дохлый номер. Выращенное на ферме больше не берут. Меня на смех подняли. Показали кукурузные початки вдвое больше моих, и с рядами зерен поровнее, и такие же сочные. А вкус, говорят, даже лучше. — Он отвесил пинка земляному кому, и тот разлетелся пылью. — Нет смысла продолжать, — заявил старик. — Прикончила нас гидропоника.

— Давай попробуем ферму продать, — предложила Марта.

Ол промолчал.

— Ты можешь работать на гидропонной фабрике, — сказала жена. — Гарри устроился туда, ему очень нравится.

Ол помотал головой.

— Или садовником, — продолжала Марта. — Садовник из тебя выйдет отличный. Богачи, что в большие поместья переселились, нанимают работников для ухода за цветами и кустами. Это престижней, чем машинами обходиться.

Ол снова покачал головой.

— С цветочками возиться предлагаешь? — проворчал он. — Тому, кто двадцать с лишним лет выращивал кукурузу?

— Мы бы самолетиком обзавелись, — не уни-

малась Марта. — И водопроводом, и ванной — сколько можно воду на кухне греть для старого корыта?

— Не умею я самолетом управлять, — возразил Ол.

— Научишься, — сказала Марта. — Нынче это просто. Вон, у Андерсонов детки — от горшка два вершка, а носятся на своей машинке где хотят. Правда, один оплошал разок и сверзился, но…

— Я об этом подумаю, — в отчаянии пообещал Ол. — Обязательно.

Он перелез через низкую ограду и пошел в поле. Марта стояла возле автомобиля и провожала мужа взглядом. По ее пыльной щеке сбежала одинокая слезинка.

— Мистер Тейлор вас ждет, — сказала девушка.

Джон Дж. Вебстер опешил.

— Но я же здесь еще ни разу не был. Как он может меня ждать?

— Мистер Тейлор вас ждет, — твердо повторила девушка и кивнула на дверь с табличкой «Бюро перестройки».

— Я работу ищу, — возразил Вебстер. — Мне не нужно перестраиваться. Разве это не Служба распределения Всемирного комитета?

— Совершенно верно, — кивнула секретар-

ша. — Так вы встретитесь с мистером Тейлором?

— Ну, раз вы настаиваете…

Девушка щелкнула рычажком и произнесла в интеркоммуникатор:

— Сэр, пришел мистер Вебстер.

— Пригласите его, — последовал ответ.

Со шляпой в руке Вебстер прошел через дверь.

У сидевшего за столом мужчины были седые волосы и молодое лицо. Он указал на стул.

— Вы ищете работу.

— Да, — сказал Вебстер. — Но…

— Присаживайтесь, — попросил Тейлор. — Вас смущает табличка на двери этого кабинета? Забудьте о ней. Мы не будем заниматься вашей перестройкой.

— Я не могу найти работу, — сообщил Вебстер. — Уже которую неделю ищу — везде отказ. Вот и пришел сюда.

— А ведь не хотели приходить, если честно?

— Если честно, не хотел. Служба распределения… Как-то не очень приятно звучит.

— Возможно, термин неудачен, — улыбнулся Тейлор. — Наводит на мысли о службе трудоустройства из прежних времен. Учреждение, куда обращались люди, отчаянно нуждавшиеся в заработке. И чтобы не брать этих бедняг на

государственное содержание, для них старались найти рабочее место.

— Я нуждаюсь вполне отчаянно, — признался Вебстер, — и хотя прийти сюда мне мешала гордость, я все же сделал это — ничего другого не оставалось. Видите ли, я оказался предателем…

— Вы имеете в виду, — перебил его Тейлор, — что сказали правду. Хоть и сознавали, что останетесь без работы. Деловые люди — не только здесь, но и во всем мире — не готовы принять эту правду. Бизнесмен упорно держится за миф, будто город — средоточие торговли. В скором времени он убедится, что город ему вовсе не нужен, что качественное обслуживание и честные цены дают куда больше прибыли, чем агрессивное проталкивание товаров. Вебстер, позвольте спросить, что вас толкнуло на такой поступок?

— Просто я уже был сыт по горло, — ответил Вебстер. — Тошно смотреть, как люди не желают ничего понимать и совершают глупость за глупостью. Тошно смотреть, как они держатся за устаревшие традиции, которые давно пора выбросить на помойку. Тошно смотреть, как Кинг с самодовольством идиота излучает гражданский энтузиазм, когда все катится к черту.

Тейлор кивнул:

— Как полагаете, вы могли бы помочь нам с перестройкой?

Ответом ему был недоуменный взгляд.

— Я о том, — пояснил Тейлор, — чем Всемирный комитет занимается уже который год. Причем настолько тихо и ненавязчиво, что многие люди, прошедшие через наши руки, даже не догадываются об этом.

Всемирный комитет был создан после войны, когда случившиеся перемены привели общество в крайне расстроенное состояние. С появлением промышленной атомной энергетики сотни тысяч людей лишились работы. Их пришлось переобучать на новые профессии, не обязательно связанные с атомом. Гидропоника согнала фермеров с их угодий. Пожалуй, это стало для нас основной проблемой, так как земледельцы умели выращивать урожай и ухаживать за животными, но и только. Большинство из них не желали переучиваться. Этому слою общества, как никакому другому, потеря унаследованных от предков источников средств существования причинила тяжелейшую психологическую травму.

— Многие фермеры до сих пор не устроены, — сообщил Вебстер. — В городе их не меньше сотни — живут в брошенных домах, стреляют кроликов

и белок, рыбачат, выращивают овощи, собирают дикие плоды. Приворовывают по мелочи, иногда побираются в деловом центре.

— Вы знаете этих людей? — спросил Тейлор.

— Кое-кого знаю. Один приносит мне белок и кроликов, когда ему нужны деньги на патроны.

— И они не желают устраиваться, верно?

— Категорически, — ответил Вебстер.

— Вы знакомы с Олом Джонсоном? Он держится за свою ферму и ничего там не меняет.

Вебстер кивнул.

— Что случится, если вы попытаетесь его устроить?

— Он меня выгонит взашей, — сказал Вебстер.

— С такими людьми, как Ол и скваттеры, — проговорил Тейлор, — нам сейчас особенно сложно. Почти все общество уже перестроено, шагает в ногу со временем. Кое-кто любит поплакать о прошлом, но это не искренняя печаль — его теперь даже силком не вернешь в прежнюю колею.

Десятилетия назад, когда только зарождалась атомная энергетика, Всемирному комитету предстояло сделать трудный выбор. Прогресс несет миру огромные перемены, и как они должны происходить? Постепенно, чтобы общество успевало приспосабливаться естественным образом? Или

со всей возможной быстротой, а комитет постарается смягчить последствия? Было решено, что важнее прогресс, вне зависимости от его воздействия на жизнь общества. Было ли это решение верным? В основном — да, как показало время.

Конечно же, мы отдавали себе отчет, что перестройку нельзя проводить слишком явно. В тех случаях, когда перемещались большие группы работников, не было необходимости соблюдать скрытность. Другое дело — одиночки вроде вашего приятеля Ола. Таким людям нужно помогать, чтобы они нашли себя в новом мире, и желательно, чтобы они даже не догадывались о нашем содействии. Узнав, человек лишится уверенности в себе и чувства собственного достоинства, а ведь человеческое достоинство — краеугольный камень любой цивилизации.

— Мне, разумеется, известно о перестройке промышленности, — сказал Вебстер, — но о том, что это применимо к конкретным личностям, слышу впервые.

— Свою деятельность мы не рекламируем, — объяснил Тейлор. — Работаем практически тайно.

— Но почему вы рассказываете все это мне?

— Потому что хочу привлечь вас в наши ряды.

Для начала попросить, чтобы вы помогли Олу. Возможно, после надо будет решить проблему скваттеров.

— Ну, не знаю… — замялся Вебстер.

— Мы не сомневались в том, что рано или поздно вы придете сюда, — сказал Тейлор. — Никакой другой работы вам не найти, об этом позаботился Кинг. Он разослал кляузы по всему миру, и теперь вы в черном списке — ни в Торговых палатах, ни в иных общественных учреждениях с вами не станут даже разговаривать.

— И впрямь тупик, — вздохнул Вебстер.

— Нам бы не хотелось, чтобы вы опустили руки, — сказал Тейлор. — Обдумайте наше предложение и возвращайтесь. Если не по нраву эта работа, подыщем другую, а Кинг нам не указ.

Выйдя из здания, Вебстер увидел на крыльце еще одно ходячее пугало. Леви Льюис с ружьем под мышкой.

— Парни видели, как вы сюда входили, — объяснил Леви. — Вот я и решил дождаться.

— Что случилось? — По отсутствию щербатой ухмылки Вебстер понял: что-то и впрямь случилось.

— Да полицейские, чтоб их! — И Леви брезгливо сплюнул.

— Полицейские? — переспросил Вебстер.

У него упало сердце — теперь он знал, что случилось.

— Ага, — сказал Леви. — Готовятся нас выкурить.

— Значит, муниципалитет в конце концов сдался, — мрачно констатировал Вебстер.

— Я только что был в полицейском управлении, — сообщил Леви. — Говорю им: уймитесь! Говорю им: только попробуйте — в крови умоем! Я везде расставил ребят и приказал стрелять наверняка!

— Леви, нельзя так делать! — резко произнес Вебстер.

— Нельзя? — фыркнул Леви. — Я уже сделал. Нас согнали с ферм, заставили их продать, потому что мы больше не могли с них прокормиться. А теперь гонят дальше. Вот уж дудки! Мы по-любому останемся, не живыми, так мертвыми. Пока хоть один из нас может держать ружье, кварталы не сгорят. — Он подтянул штаны, опять сплюнул и заявил: — И мы теперь все заодно! С нами Дедуся Стивенс!

— Дедуся?!

— Ага, Дедуся. Старик, что в твоем доме живет, — наш генерал, главнокомандующий. Сказал,

что помнит с войны кое-какие приемчики, а полиция о них слыхом не слыхивала. Он отправил ребят к Клубу ветеранов, чтобы стащили пушку, а в музее, говорит, для нее найдутся снаряды. Когда подготовимся, отправим полицейским ультиматум: полезете к нам — шарахнем по деловому району.

— Вот что, Леви, можно тебя кое о чем попросить?

— Конечно, мистер Вебстер.

— Войди в это здание и разыщи мистера Тейлора. Добейся встречи с ним. Скажи, что я уже в деле.

— Ладно. А вы куда сейчас?

— А я — в мэрию.

— Может, и мне с вами туда прогуляться?

— Не надо, — сказал Вебстер. — Один я лучше справлюсь. И вот что, Леви…

— Да?

— Передай Дедусе, чтобы не спешил пускать в ход артиллерию. Стрелять только при крайней необходимости. И так стрелять, чтобы стало ясно: шутки кончились.

— Мэр занят, — сказал Рэймонд Браун, секретарь.

— Это тебе только кажется, — возразил, глядя

на дверь, Вебстер.

— Вам нельзя туда! — рявкнул Браун.

Он сорвался со стула, обежал вокруг стола, но Вебстер размашистым ударом в грудь отправил его назад. Стол сдвинулся, и Браун замахал руками, пытаясь держаться на ногах, но в следующий миг с шумом рухнул на пол.

Вебстер рывком отворил дверь в кабинет мэра. Картер поспешил скинуть ноги со стола.

— Я же сказал Брауну…

— А Браун сказал мне, — кивнул Вебстер. — Картер, в чем дело? Боишься, что Кинг прознает о моем визите? Или что я тебя коррумпирую здравым смыслом?

— Чего ты хочешь? — буркнул Картер.

— Мне стало известно, что полиция готовится сжечь брошенные кварталы.

— Так и есть, — гордо выпятил грудь мэр. — Эти кварталы — угроза нашему муниципальному образованию.

— Какому еще образованию?

— Послушай, Вебстер…

— Ты отлично знаешь, что здесь больше нет муниципального образования. Есть только кучка мерзких политиканов, твоих приспешников, позволяющая называть это место субъектом го-

сударства, что дает тебе возможность ежегодно переизбираться и тянуть из бюджета жалованье. Дошло уже до того, что вам приходится голосовать друг за дружку. А люди, работающие в магазинах и на складах, и даже те, кто прозябает на едва дышащих заводах, живут за городской чертой. Деловое сословие давно откочевало. Предприятия остались, но их хозяева больше не являются постоянными жителями города.

— И все же город остался городом, — твердо возразил мэр.

— Я не для отвлеченных дискуссий сюда пришел, — сказал Вебстер, — а для того, чтобы объяснить: твое решение сжечь кварталы — большая ошибка. Неужели ты не понимаешь, что у людей, которые там ютятся, нет другой крыши над головой? У людей, пришедших сюда в поисках убежища? У людей, надеющихся на нашу помощь? Неужели ты не понимаешь, что мы ответственны за них?

— Ни черта мы за них не ответственны, — проворчал мэр. — Что бы с ними ни происходило, это их собственная злая судьба. Разве мы их звали? Разве мы их ждали? Каков их вклад в жизнь города? Он нулевой! Сейчас ты мне будешь объяснять, что они не приспособились к переменам.

Допустим, это так, но что с того? Разве я в силах исправить ситуацию? Сейчас ты скажешь, что они не могут найти работу. А я тебе отвечу: нашли бы, если бы по-настоящему захотели. Рабочие руки всегда где-нибудь требуются. А то наслушались сказочек про этот новый мир и ждут, когда их обеспечат комфортным жильем и непыльной работенкой.

— Говоришь, как отъявленный индивидуалист, — укорил Вебстер мэра.

— А ты говоришь так, будто тебе все это кажется смешным, — парировал тот.

— Да, мне это кажется смешным, — кивнул Вебстер. — Смешно и трагично, что сейчас многие думают так же, как и ты.

— Мир был бы лучше, будь в нем побольше отъявленного индивидуализма, — процедил мэр. — Взять хотя бы людей, потерявших все…

— Ты про себя? — спросил Вебстер.

— А чем я не пример? Пахал как вол. Не упускал своего шанса. Кое-что предвидел. Кому нужно, я…

— Кому нужно, лизал туфли; кому нужно, наступал на горло, — перебил его Вебстер. — Да, ты пример — отличный пример человека, в котором нынешний мир не нуждается. Твои идеи до того

устарели, что от них пахнет плесенью. Картер, ты динозавр от политики, точно так же, как я динозавр от торгового администрирования, только ты еще не осознал этого. А вот я осознал. Я вышел из игры. Вышел, хоть это и дорого мне обошлось. Иначе бы я перестал себя уважать. Порода политиков, к которой ты принадлежишь, обречена на вымирание. Луженая глотка и умение держать фасон хорошо воздействуют на психологию толпы, но разве ты не заметил, что нет больше этой психологии? Откуда ей взяться, когда людям безразлична судьба покойницы — политической системы, рухнувшей под собственной тяжестью?

— Пошел вон! — заорал Картер. — Убирайся, пока я полицию не позвал и не приказал тебя вышвырнуть!

— Ты забыл, — спокойно произнес Вебстер, — что я пришел поговорить насчет брошенных кварталов.

— Не будет тебе проку от этого разговора, — прорычал Картер, — торчи ты тут хоть до скончания века! Кварталы сгорят, и точка!

— А как тебе понравится, если деловой район превратится в гору щебня?

— Это что, метафора? — спросил Картер. — Она дурацкая.

— Нет, это не метафора.

— Ты же не… — Мэр вытаращился на Вебстера. — Что ты хочешь этим сказать?

— Только одно, — ответил Вебстер. — В ту же секунду, когда первый факел прикоснется к дому, в мэрию полетит снаряд. А второй будет послан в здание Первого национального банка. И так далее — сначала по самым крупным целям.

У Картера отпала челюсть. Потом от горла по лицу поползла багровая краска.

— Зря ты это затеял, Вебстер! — рявкнул он. — Я не поддамся на блеф.

— А это не блеф, — спокойно возразил Вебстер. — У скваттеров есть пушки. Те, что стояли перед Клубом ветеранов, помнишь? И снаряды из музеев. И есть люди, умеющие со всем этим обращаться. Да и без них бы обошлись, ведь стрелять будут практически в упор. Все равно что с десяти шагов по сараю.

Мэр потянулся к рации, но Вебстер остановил его, вскинув ладонь:

— Не пори горячку, Картер, а лучше подумай. Ты здорово влип. Попробуешь реализовать свой план, и получишь войну. Кварталы, может, и сгорят, но будет разгромлен деловой центр. За это бизнесмены снимут с тебя скальп.

Рука Картера отпрянула от рации.

Издалека донесся треск ружейного выстрела.

— Отзови-ка ты полицейских, — посоветовал Вебстер.

Лицо мэра исказила нерешительность.

Опять выстрел. Другой, третий…

— Очень скоро все зайдет слишком далеко, — предостерег Вебстер. — А пока еще ты можешь это остановить.

Стекла в окнах кабинета затряслись от грохота. Картер сорвался с кресла.

У Вебстера в жилах застыла кровь, колени обмякли. Но он сохранил на лице и в голосе невозмутимость.

Картер, словно окаменев, глядел в окно.

— Боюсь, все уже зашло слишком далеко, — сказал Вебстер.

На столе запищала, замигала красной лампочкой рация. Картер схватил ее трясущейся рукой.

— Картер! — раздался голос. — Картер! Картер!

Такой бычий рев могла исторгать только глотка шефа полиции Джима Максвелла.

— В чем дело? — спросил Максвелл.

— У них была пушка, здоровенная, — сообщил полицейский. — Взорвалась, когда они попытались выстрелить. Должно быть, снаряд

подкачал.

— Одна пушка? — спросил Картер. — Только одна?

— Других я не вижу.

— Я слышал ружейную стрельбу, — сказал Картер.

— Да, они в нас палили, ранили пару моих ребят. Но потом отошли. Укрылись в кустах, огонь не ведут.

— Ладно, — решил Картер, — выдвигайся и поджигай.

Вебстер шагнул вперед:

— Спроси у него! Спроси…

Но Картер уже щелкнул переключателем, и рация умолкла.

— О чем ты хотел его спросить?

— Ни о чем, — сказал Вебстер. — Теперь уже не важно.

Не мог же он признаться Картеру, что только Дедуся Стивенс умел стрелять из орудий. И что Дедуся не мог не находиться рядом с пушкой в тот момент, когда она взорвалась.

Надо убраться отсюда. И как можно скорее попасть туда, где случилась катастрофа.

— Хороший блеф, Вебстер, — похвалил Картер. — Но теперь твоя карта бита. — Мэр повер-

нулся к окну, за которым виднелись брошенные дома. — Больше не стреляют. Что-то быстро сдулись.

— Тебе очень повезет, — процедил Вебстер, — если шестеро твоих полицейских вернутся живыми. Те люди, что в кустах, вооружены, и они бьют белку в глаз со ста ярдов.

В коридоре раздался топот — к двери кабинета бегом приближались двое.

Мэр резко отвернулся от окна, крутанулся на пятках и Вебстер.

— Дедуся!

— Здорово, Джонни, — пропыхтел старик, тормозя подошвами.

Человек, остановившийся позади Дедуси, был молод, и он чем-то размахивал…

Кипой хрустящих бумаг.

— Что вам нужно? — процедил мэр.

— Многого, — ответил Дедуся. Он постоял, справляясь с дыханием, и прерывисто проговорил: — Познакомься… пых… с моим другом… пых… Генри Адамсом.

— Адамс? — переспросил мэр.

— Он самый, — кивнул Дедуся. — Здесь жил его дедушка. На Двадцать девятой улице.

— Э-э… — произнес мэр так, будто его огрели

кирпичом. — Э-э… ты про Ф. Дж. Адамса?

— А то про кого же? — хмыкнул Дедуся. — Мы с ним оба-два маршировали по Берлину. Он мне по ночам спать не давал, все рассказывал про своего сынишку.

Картер кивнул Генри Адамсу:

— Как мэр этого города, я рад приветствовать вас…

— Рано радуетесь, — перебил его Адамс. — Правильно ли я понял, что вы занялись уничтожением моей собственности?

— Вашей собственности? — Мэр подавился воздухом и растерянно уставился на бумаги, которыми снова потряс Адамс.

— Да! — тонко вскричал Дедуся. — Это его собственность! Он только что купил дома. Мы прямо из казначейства. Уплатили и налоги, и пени, и все прочие поборы! И теперь у вас, жуликов-крючкотворов, больше нет никакого права сжигать наши кварталы!

— Но… но… — Мэр задыхался и не находил слов. — Но не все же?.. Только собственность старого Адамса, да?..

— Все до последнего гвоздя! — торжествующе ответил Дедуся.

— А сейчас будьте любезны, — сказал мэру

Адамс, — прикажите своим подчиненным прекратить разбой.

Картер склонился над столом, его онемевшие пальцы завозились с рацией.

— Максвелл! — закричал он. — Максвелл! Максвелл!

— Ну, что еще?! — рявкнул в ответ Максвелл.

— Отбой! — воскликнул Картер. — Не поджигай дома, уводи своих. Звони в пожарный департамент. Немедленно все потушить!

— О, черт! — выругался Максвелл. — Картер, опомнись!

— Делай, что говорю! — сорвался на визг мэр. — Ликвидируй пожар!

— Ладно, будь по-твоему, — проворчал Максвелл. — Но парням это ох как не понравится. Если опять передумаешь, они и пальцем не…

Картер положил рацию и выпрямился.

— Мистер Адамс, позвольте уверить вас, что это просто ошибка…

— Вот именно, — зловеще проговорил Адамс. — Это большая ошибка, мэр. Самая большая в вашей жизни.

Несколько секунд оба стояли молча, прожигая друг друга взглядом.

— Завтра, — пообещал Адамс, — я отправлю

в судебные инстанции петицию об отмене городского устава. Как владелец большинства земельных участков, включая корпоративные территории, я имею на это полное право.

Мэр судорожно сглотнул и наконец нашел слова:

— На каком основании?

— На том основании, — парировал Адамс, — что устав городу больше не нужен. Полагаю, мне не составит труда убедить в этом судей.

— Но… но… это значит, что…

— Ага, — вмешался в разговор Дедуся, — ты понял, что это значит. Что ты получишь пинок под зад.

— Парк. — Адамс обвел рукой заброшенные, обветшавшие жилые кварталы. — Чтобы люди помнили, как жили их предки.

Они стояли втроем на Тауэр-Хилле. Над ними высилась ржавая водонапорная башня, ее короткие и толстые стальные ноги утопали в высокой, по пояс человеку, траве.

— Вообще-то, не совсем парк, — объяснил Генри Адамс. — Скорее мемориал. Памятник эпохе общинной жизни, которая будет забыта на ближайший век. Заповедник разнообразных и специфических сооружений, которые отвечали

определенным условиям и индивидуальным предпочтениям. Раньше строители были не рабами конкретных архитектурных концепций, а вольными творцами, пытавшимися улучшить жизнь. Через сто лет, прогуливаясь среди этих домов, люди будут испытывать такое же благоговение, какое нынче испытывают в музее, и сознавать, что лицезреют веху на пути из мира первобытного в мир совершенный. Художник потратит жизнь, перенося эти дома на свои полотна; писатель, задумавший исторический роман, придет сюда, чтобы впитать дух подлинности.

— Но ты говорил, что хочешь отреставрировать все дома, в точности восстановить прежний облик садов и газонов, — сказал Вебстер. — Это же гора денег! И еще гора понадобится, чтобы сохранять их в надлежащем состоянии.

— Денег у меня достаточно, — ответил Адамс. — Пожалуй, даже слишком много. Ты же в курсе: мои дед и отец занимались атомной энергетикой с момента ее зарождения.

— А уж как твой дед в крэп играл! — припомнил Дедуся. — Равных ему я не знаю. Ох и потрошил же он меня в дни получки!

— В прежние времена, — продолжал Адамс, — человек, у которого было слишком много денег,

знал, на что их потратить. Например, на благотворительность или на медицинские исследования — хороших целей хватало. Но благотворительных фондов больше нет. Чтобы их поддерживать, нужен бизнес, а его осталось мало. Зато уже заработал во всю силу Всемирный комитет, и средств на медицину и прочие добрые дела у него вдоволь.

У меня не было никаких идей насчет этого парка, пока я не приехал сюда. Хотел взглянуть на дедушкин дом, только и всего. Дедушка много о нем рассказывал… Как сажал на переднем дворе елку, как на заднем выращивал розы… И вот я увидел… не дом, а насмешливый призрак. Нечто, брошенное за ненадобностью. Нечто, столь много значившее для кого-то раньше. В тот день, стоя вместе с Дедусей перед домом, я сказал себе: а ведь можно сохранить для грядущих поколений срез бытия наших предков, и наверное, в жизни мне ничего лучше не сделать.

Вдали над деревьями вился жгутик синеватого дыма. Вебстер указал на него:

— А как насчет них?

— Скваттеры? — уточнил Адамс. — Кто хочет, пусть остается. Тут есть к чему приложить руку. И всегда найдется дом для желающих поселиться.

Меня только одно беспокоит — не смогу постоянно здесь присутствовать. Для моего проекта нужен управляющий, и это будет работа на всю жизнь.

Он посмотрел на Вебстера.

— Джонни, берись, — сказал Дедуся.

Вебстер отрицательно покачал головой:

— Бетти уже всем сердцем там, в поместье.

— Тебе не обязательно жить здесь, — сказал Адамс. — Можно летать каждый день на работу.

С подножия холма донесся оклик.

— Это Ол! — вскричал Дедуся и замахал клюкой. — Здорово, Ол! Поднимайся к нам.

Они молча ждали, глядя, как старик с трудом преодолевает склон.

— Хочу я, Джонни, с тобой потолковать, — сообщил Ол. — Есть у меня одна идейка. Всю ночь не спал, обмозговывал ее.

— Излагай, — сказал Вебстер.

Ол покосился на Адамса.

— Да не тушуйся, — ухмыльнулся Вебстер. — Это Генри Адамс. Небось, помнишь его деда, старину Эф-Джи?

— Помню его, — кивнул Ол. — Он был без ума от атомной энергии. И как у него судьба сложилась?

— Очень успешно, — ответил Адамс.

— Рад это слышать, — сказал Ол. — Стало быть, ошибся я. Говорил ему: ничего у тебя не выйдет, хватит витать в облаках.

— Так что за идея? — спросил Вебстер.

— Ты, поди, слыхал про гостевые ранчо?

Вебстер кивнул.

— Это такие места, куда горожане приезжают в ковбоев поиграть — на лошадках покататься и все такое. Им же невдомек, что настоящее ранчо — никакая не романтика, а сущая каторга…

— Правильно ли я понял, — спросил Вебстер, — что ты решил переделать свою ферму в гостевое ранчо?

— Неправильно, — сказал Ол. — Не в гостевое ранчо, а в гостевую ферму. Нынче мало кто знает, что такое ферма, потому как почти не осталось ферм. Читают всякую чепуху про иней на тыквах, про то, как приятно…

— Ол! — перебил Вебстер, с восхищением глядя на старика. — А ведь выгорит дельце! Да они передерутся за возможность провести отпуск на настоящей, всамделишной, доподлинной исторической ферме!

Внизу на склоне из кустов выскочила блестящая штуковина. Она стрекотала, чирикала и

скворчала; она взблескивала лезвиями и размахивала суставчатой рукой.

— Что это? — изумился Адамс.

— Газонокосилка, чтоб ее разорвало! — ругнулся Дедуся.

Мираж
Перевод О. Битова

Они вынырнули из марсианской ночи — шестеро жалких крошечных существ, истомленных поисками седьмого.

Они возникли на краю круга света, отбрасываемого костром, и замерли, поглядывая на троих землян своими совиными глазами.

И земляне застыли, захваченные врасплох.

— Спокойно, — выдохнул Уомпус Смит уголком бородатого рта. — Если мы не шелохнемся, они подойдут поближе.

Издалека донесся чей-то слабый, тягучий стон — он проплыл над песчаной пустыней, над остроконечными гребнями скал, над исполинским каменным стрельбищем.

Шестеро стояли на самой границе света. Пламя расцвечивало их мех красными и синими бликами, и они будто переливались на фоне ночной пустыни.

— «Древние», — бросил Ларс Нелсон Ричарду Уэббу, сидящему по другую сторону костра.

Уэбб поперхнулся, у него перехватило дыхание.

Перед ним были существа, которых не надеялся увидеть не только он сам, но и никто из людей, — шестеро марсианских «древних», — вынырнувшие вдруг из пустыни, из глубин тьмы, и замершие в свете костра. Многие — это он знал наверняка — провозглашали расу «древних» вымершей, затравленной, погибшей в ловушках, истребленной алчными охотниками-пескови-ками.

Сначала все шестеро казались одинаковыми, неотличимыми друг от друга. Потом, когда Уэбб присмотрелся, он заметил мелкие различия в строении тел, выдающие своеобразие каждого. «Шестеро, — подумал он, — а ведь должно быть семь…»

«Древние» медленно двинулись вперед, все глубже вступая в освещенный круг у костра. И один за другим опустились на песок, лицом к лицу с людьми. Никто не проронил ни слова, и молчание в круге огня становилось все напряженнее, лишь откуда-то с севера по-прежнему доносились стенания, словно острый тонкий нож взрезал безмолвную ночь.

— Люди рады, — произнес наконец Уомпус Смит, переходя на жаргон пустыни. — Люди долго вас ждали.

Одно из существ заговорило в ответ. Слова у него получались полуанглийскими-полумарсианскими — чистая тарабарщина для непривычного слуха.

— Мы умираем, — сказало оно. — Люди долго вредили. Люди могут немного помочь. Теперь, когда мы умираем, люди помогут?

— Люди огорчены, — ответил Уомпус, но даже в тот миг, когда он старался напустить на себя печаль, в голосе у него проскользнула радостная дрожь, какое-то неудержимое рвение, как у собаки, взявшей горячий след.

— Нас тут шесть, — сказало существо. — Шесть — мало. Нужен еще один. Не найдем Седьмого — умрем. Все «древние» умрут без возврата.

— Ну, не все, — откликнулся Уомпус.

— Все, — настойчиво повторил «древний». — Есть другие шестерки. Седьмого нет нигде.

— Чем же мы можем вам помочь?

— Люди знают, где Седьмой. Люди прячут Седьмого.

Уомпус затряс головой:

— Где же мы его прячем?

— В клетке. На Земле. Чтобы другие люди смотрели.

Уомпус снова качнул головой:

— На Земле нет Седьмого.

— Был один, — тихо вставил Уэбб. — В зоопарке.

— В зоопарке, — повторило существо, будто пробуя незнакомое слово на вкус. — Так мы и думали. В клетке.

— Он умер, — сказал Уэбб. — Много лет назад.

— Люди прячут Седьмого, — настаивало существо. — Здесь, на этой планете. Сильно прячут. Хотят продать.

— Не понимаю, — выговорил Уомпус, но по тому, как он это произнес, Уэбб догадался, что тот прекрасно все понял.

— Найдите Седьмого. Не убивайте его. Спрячьте. Запомните — мы придем за ним. Запомните — мы заплатим.

— Заплатите? Чем?

— Мы покажем вам город, — ответило существо. — Древний город.

— Это он про ваш город, — пояснил Уэббу Нелсон. — Про руины, которые вы ищете.

— Как жаль, что у нас в самом деле нет Седьмого, — произнес Уомпус. — Мы бы отдали его им, а они отвели бы нас к руинам.

— Люди долго вредили, — сказало существо. — Люди убили всех Седьмых. У Седьмых хороший

мех. Женщины носят этот мех. Дорого платят за мех Седьмых.

— Что верно, то верно, — откликнулся Нелсон. — Пятьдесят тысяч за шкурку на любой фактории. А в Нью-Йорке за пелеринку из четырех шкурок — полмиллиона чистоганом…

Уэббу стало дурно от самой мысли о такой торговле, а еще более от небрежности, с какой Нелсон помянул о ней. Теперь она, разумеется, была объявлена вне закона, но закон пришел на выручку слишком поздно — «древних» уже нельзя было спасти. Хотя, если разобраться, зачем вообще понадобился этот закон? Разве может человек, разумное существо, охотиться на другое разумное существо и убивать его ради шкурки, ради того, чтобы получить пятьдесят тысяч долларов?

— Мы не прячем Седьмого, — уверял Уомпус. — Закон говорит, что мы вам друзья. Никто не смеет вредить Седьмому. Никто не смеет его прятать.

— Закон далеко, — возразило существо. — Здесь люди сами себе закон.

— Кроме нас, — ответил Уомпус. — Мы с законом не шутим.

«И не смеется», — подумал Уэбб.

— Вы поможете? — спросило существо.

— Попробовать можно, — уклончиво сказал

Уомпус. — Хотя что толку. Вы не можете найти. Люди тоже не найдут.

— Найдите. Покажем город.

— Мы поищем, — пообещал Уомпус. — Хорошо поищем. Найдем Седьмого — приведем. Где вы будете ждать?

— В ущелье.

— Ладно, — произнес Уомпус. — Значит, уговор?

— Уговор.

Шестеро не спеша поднялись на ноги и вновь повернулись лицом к ночи. На краю освещенного круга они приостановились. Тот, что говорил, обернулся к людям.

— До свидания, — сказал он.

— Всего, — ответил Уомпус.

И они ушли обратно к себе, в пустыню.

А трое людей еще долго сидели, прислушиваясь непонятно к чему, выцеживая из тишины мельчайший шорох, пытаясь уловить в нем отголоски жизни, кишащей вокруг костра.

«На Марсе, — подумал Уэбб, — мы все время прислушиваемся. Такова плата за право выжить. Надо прислушиваться, надо всматриваться, замирать и не шевелиться. И быть безжалостным. Надо наносить удар, не дожидаясь, пока его нане-

сет другой. Успеть увидеть опасность, услышать опасность, быть постоянно в готовности встретить ее и опередить хотя бы на полсекунды. А главное — надо распознать опасность, едва завидев, едва заслышав ее…»

В конце концов Нелсон вернулся к занятию, которое прервал при появлении шестерых, — править нож на карманном оселке, доводя его до остроты бритвы. Тихое, равномерное дзиньканье стали по камню звучало как сердцебиение, как пульс, рожденный далеко за костром, пришедший из тьмы, как мелодия самой пустыни.

Молчание нарушил Уомпус:

— Чертовски жаль, Ларс, что мы не знаем, где найти Седьмого.

— Угу, — ответил тот.

— Могло бы получиться неплохое дельце, — продолжал Уомпус. — В этом древнем городе — клад на кладе. Так все говорят.

— Просто врут, — проворчал Нелсон.

— Камушки, — продолжал Уомпус. — Такие крупные и блестящие, что глаза лопаются. Целые мешки камушков. С ног свалишься, пока перетаскаешь.

— Да больше одного мешка и не понадобилось бы, — поддержал Нелсон. — Один мешок — и на

всю жизнь хватит.

Тут Уэбб заметил, что оба они пристально смотрят на него, щурясь при свете костра. Он произнес почти сердито:

— Я про клады ровно ничего не знаю.

— Но вы же слышали, что говорят, — бросил Уомпус.

Уэбб ответил кивком:

— Можно сказать и по-другому — клады меня не интересуют. Я не рассчитываю ни на какой клад.

— Но и не откажетесь, если подвернется, — вставил Ларс.

— Это не играет роли, — отрезал Уэбб. — Что так, что иначе — мне все равно.

— Что вам известно про древний город? — требовательно спросил Уомпус, и даже младенцу стало бы ясно, что вопрос задан неспроста, вернее, не без тайных надежд. — Ходите вокруг да около, роняете разные намеки, нет чтоб открыться и выложить все начистоту…

Секунду-другую Уэбб молча глядел на Уомпуса, потом проговорил с расстановкой:

— Известно одно. Я прикинул, где мог стоять этот город, — исходя из географических и геологических данных и из определенных представлений об истоках культур. Я прикинул, где

могла течь вода, где могли расти леса и травы, когда Марс был цветущим и юным. Я попробовал установить теоретически самое вероятное место зарождения цивилизации. Только и всего.

— И вы никогда не задумывались ни о каких кладах?

— Я думал о том, чтобы разгадать загадку марсианской культуры, — ответил Уэбб. — Как она развивалась, почему погибла и на что была похожа.

Уомпус сплюнул.

— Вы даже не уверены, что город вообще существует, — буркнул он возмущенно.

— До недавних пор действительно не был, — отозвался Уэбб. — Теперь уверен.

— Потому что о нем заговорили эти зверушки?

— Именно поэтому. Вы угадали.

Уомпус хмыкнул и умолк. Уэбб не сводил глаз со своих спутников, вглядываясь в их лица сквозь пламя костра.

«Они считают, что я с „приветом“, — подумал он. — И презирают меня за то, что я с „приветом“. Они не колеблясь бросили бы меня на произвол судьбы, а то и пырнули ножом, если бы им это понадобилось, если бы у меня нашлось что-нибудь, чем они захотели бы завладеть…»

Но он отдавал себе отчет, что выбора у него, в сущности, не было. Он не мог уйти в пустыню один — попытайся он путешествовать на свой страх и риск, он, наверное, не прожил бы и двух дней. Чтобы выжить здесь, нужны специальные знания и навыки, да и особый склад ума. Чтобы на Марсе рискнуть выйти за пределы поселений, надо развить в себе особую способность к выживанию.

А поселения теперь остались далеко-далеко. Где-то там, на востоке.

— Завтра, — произнес Уомпус, — мы меняем маршрут. Мы пойдем на север, а не на запад.

Уэбб ничего не ответил. Лишь рука скользнула к поясу и нащупала пистолет — захотелось убедиться, что пистолет на месте.

Он сознавал, конечно, что нанимать этих двоих не следовало. Но и другие, вероятно, оказались бы не лучше. Они все были одной породы — закаленные и ожесточившиеся, они скитались по пустыне, охотясь, расставляя капканы, копая шурфы, подбирая все, что попадется. Просто в ту минуту, когда Уэбб явился на факторию, Уомпус и Нелсон оставались там в единственном числе. Остальные песковики ушли за неделю до его прибытия, разбрелись по своим охотничьим

угодьям.

Поначалу эти двое держались почтительно, чуть ли не подобострастно. Но дни шли за днями, проводники обретали все бóльшую уверенность в себе и понемногу наглели. Теперь-то Уэбб догадался, что его попросту обвели вокруг пальца. Теперь-то он смекнул, что эти двое застряли на фактории по одной причине: у них не было снаряжения, и никто не хотел поверить им в долг. Пока не подвернулся он со своей затеей. Он дал им все, что только могло понадобиться им в пустыне. А теперь, когда дал, превратился в обузу.

— Я сказал, — повторил Уомпус, — что завтра мы пойдем на север. — Уэбб по-прежнему хранил молчание. Уомпус повысил голос: — Вы меня слышали?..

— Еще в первый раз, — отозвался Уэбб.

— Мы пойдем на север, — повторил Уомпус, — и мы будем спешить.

— Вы что, припрятали там на севере Седьмого?

Ларс хихикнул:

— Подумать только, какая чертова канитель! Требуется целых семеро там, где у нас вполне хватает одного мужчины и одной женщины.

— Я спрашиваю, — повторил Уэбб, адресуясь к Уомпусу. — Вы что, загодя заперли Седьмого

в клетку?

— Нет, — ответил Уомпус. — Просто пойдем на север, и все.

— Я нанял вас, чтобы вы шли со мной на запад.

— Так я и думал, — проворчал Уомпус, — что вы заявите что-нибудь в таком роде. Мне не терпелось узнать, что вы на этот счет думаете.

— Вы решили бросить меня на произвол судьбы, — сказал Уэбб. — Вы заграбастали мои денежки и вызвались быть моими проводниками. Теперь вам взбрело на ум что-то новенькое. Одно из двух: или у вас есть Седьмой, или вам кажется, что вы знаете, где его найти. А если я тоже узнаю об этом и проболтаюсь, вам несдобровать. Так что остается самая малость — придумать, как со мной поступить. Можно прикончить меня на месте, а можно просто бросить, и пусть кто-нибудь или что-нибудь прикончит меня за вас…

— Но мы хоть предоставляем вам выбор, не правда ли? — осклабился Ларс.

Уэбб перевел взгляд на Уомпуса, и тот кивнул:

— Выбирайте, Уэбб.

Разумеется, он успел бы выхватить пистолет. Успел бы, по всей вероятности, прихлопнуть одного из них, прежде чем другой прихлопнет его самого. Но чего бы он этим добился? Он был бы

все равно мертвец — такой же мертвец, как если бы его застрелили без предупреждения. И коль на то пошло, он уже и сейчас мертвец: ведь между ним и поселениями пролегли сотни миль, и даже если бы он каким-то чудом одолел эти мили, где гарантия, что он сумеет найти поселения?

— Мы выезжаем без промедления, — сказал Уомпус. — Не очень-то удобная штука путешествовать в темноте, да нам не привыкать. Через день-другой будем уже далеко на севере…

Ларс добавил:

— А когда вернемся на факторию, Уэбб, непременно выпьем за упокой вашей души.

Уомпус решил поддержать настроение:

— Выпьем чего-нибудь поприличнее, Уэбб. Уж тогда-то мы сможем позволить себе приличную выпивку.

Уэбб не промолвил ни слова, даже не шелохнулся. Он сидел на песке неподвижно, почти расслабленно. «Вот это, — сказал он себе, — пожалуй, и есть самое страшное. Что я могу сидеть, отлично зная, что сейчас произойдет, и вести себя так, словно это меня вовсе не касается…»

Наверное, тому виной были пройденные мили — мили суровой, изрезанной пустыни, где человека на каждом шагу подстерегают хищни-

ки, жестокие и кровожадные, алчущие добычи, всегда готовые подкрасться, напасть и убить. Жизнь в пустыне сведена к самым примитивным потребностям, и новичок быстро усваивает, что от смерти ее отделяет в лучшем случае тонкая-тонкая нить…

— Ну так что, — произнес наконец Уомпус, — что же вы выбираете, Уэбб?

— Предпочитаю, — ответил Уэбб угрюмо, — рискнуть и попробовать выжить.

Ларс пощелкал языком.

— Плохо дело, — сказал он. — Мы надеялись, что вы предпочтете иной выход. Тогда мы могли бы забрать себе все добро. А так придется вам кое-что оставить.

— Вы же всегда успеете вернуться, — ответил Уэбб, — и пристрелить меня, как крольчонка. Это будет легче легкого.

— Хм, — откликнулся Уомпус, — стоящая идея!

— Отдайте-ка мне свою пушку, Уэбб, — сказал Ларс. — Я швырну вам ее обратно, когда будем уезжать. К чему рисковать, что вы продырявите нас, пока мы собираемся…

Уэбб вытащил пистолет из кобуры и беспрекословно отдал Нелсону. А затем сидел, не меняя позы, и следил, как они пакуют снаряжение

и складывают в нутро пескохода. Сборы были недолгими.

— Мы оставляем вам достаточно, чтобы продержаться, — объявил Уомпус. — Более чем достаточно.

— Наверное, вы прикинули, — ответил Уэбб, — что я долго не протяну.

— На вашем месте, — сказал Уомпус, — я бы предпочел легкий и быстрый конец.

Уэбб еще долго сидел без движения, прислушиваясь к мотору пескохода, пока звук не затих вдали, а потом поджидая внезапный выстрел, который бросит его вниз лицом прямо в яркое пламя костра. Прошло немало минут, прежде чем он поверил, что выстрела не будет. Тогда он подбавил в костер топлива и залез в спальный мешок.

Утром он направился на восток — назад по следам пескохода. Он знал: следы будут заметны в течение недели, может, даже чуть дольше, но рано или поздно исчезнут, вытертые сыпучими песками и слабеньким подвывающим ветерком, который нет-нет да и пронесется над унылой и неприютной пустыней.

Но по крайней мере, пока он идет по следам, он будет знать, что идет в нужную сторону. И

более чем вероятно, что ему суждено погибнуть куда раньше, чем исчезнут следы: пустыня щедра на внезапную смерть, и никто не посмеет поручиться, что не расстанется с жизнью буквально мгновение спустя.

Уэбб шел, сжимая в руке пистолет, поминутно оглядываясь по сторонам, останавливаясь на гребнях дюн и изучая лежащую впереди местность, прежде чем спуститься в ложбину.

Непривычная ноша — неумело скатанный спальный мешок — наливалась тяжестью с каждым часом, стирая плечи до крови. День выдался теплым — настолько же теплым, как ночь была холодна, — и в горле комом вставала мучительная жажда. Уэбб бережно отмерял по капельке воду из оставленного ему скудного запаса.

Он понимал, что никогда не вернется к людям. Где-то между дюнами, среди которых он брел сейчас, и линией поселений он умрет от недостатка воды, или от укуса насекомого, или от клыков какого-нибудь свирепого зверя, или просто от изнеможения.

Подумать толком — так не стоило и пробовать добраться к людям, на успех у него не оставалось и одного шанса из тысячи. Но Уэбб даже не сбавил шага, чтобы подсчитать свои шансы, — он шел и

шел на восток, по следам пескохода.

Потому что в нем жила чисто человеческая черта — пытаться, несмотря ни на что; он должен двигаться, пока не иссякнут силы, должен избегать смерти так упорно, как только сможет. И он шел, напрягая волю и силы и упорно избегая смерти.

Он приметил колонию муравьев как раз вовремя, чтоб обойти ее стороной, но обход получился слишком близким, и насекомые, почуяв пищу, устремились за ним следом. Пришлось бежать, и он бежал целую милю, прежде чем оторвался от преследователей.

Он разглядел припавшую к песку, окрашенную под цвет песка тварь, поджидающую, чтоб он подошел поближе, и уложил ее на месте. Немного позже из-за россыпи камней выскочило другое чудище, но пуля угодила чудищу точно между глаз, прежде чем оно покрыло половину разделявшего их расстояния.

Добрый час, не меньше, он просидел не шевелясь на песке, пока гигантское насекомое — по виду шмель, но вовсе не шмель — кружило над той точкой, где только что кого-то видело. Но так как шмель умел распознавать добычу только в движении, то в конце концов отступился и уле-

тел. Тем не менее Уэбб сидел неподвижно еще с полчаса на случай, если враг не улетел насовсем, а прячется где-то неподалеку в надежде вновь уловить движение и возобновить охоту.

Четыре раза ему удалось обмануть смерть, но он понимал — пробьет час, когда он не заметит опасности или, заметив, не среагирует достаточно быстро, чтоб остановить ее.

Его одолевали миражи, отвлекая внимание от всего другого, за чем надлежало следить неустанно. Миражи мерцали в небе, как бы вырастая из почвы, рисуя мучительные картины, каких на Марсе не было и быть не могло, а если и были, то давным-давно, в незапамятные времена.

Картины широких медленных рек с косым парусом на середине. Картины зеленых лесов, взбегающих по холмам, — такие ясные, такие близкие, что среди деревьев можно было без труда различить пятнышки диких цветов. А иногда вдалеке чудилось что-то наподобие увенчанных снежными шапками гор — это в мире, не ведавшем, что такое горы.

Продвигаясь вперед, он не забывал высматривать, где бы разжиться топливом, — а вдруг из-под песка выступит краешек «законсервированного» ствола, уцелевшего от той смутной

поры, когда окрестные холмы и долины были покрыты зеленью, кусочек дерева, избегнувший ножей времени и застрявший высохшей мумией в безводье пустыни.

Однако топлива не находилось, и он отдал себе отчет, что, скорее всего, ему предстоит провести ночь без огня. Заночевать без огня на открытом воздухе было бы полнейшим безумием. Не пройдет и часа после наступления сумерек, как его попросту сожрут. Значит, надо искать убежища в одной из пещер, что в изобилии встречались среди диких скал, раскиданных по пустыне. Надо найти подходящую пещеру, очистить ее от зверья, которое может там гнездиться, завалить вход камнями и тогда уж прилечь, не выпуская пистолета из рук.

На первый взгляд задача была несложная — пещер попадалось много, и тем не менее приходилось отвергать их одну за другой: на поверку входы пещер оказывались чересчур широкими, завалить их не представлялось возможным. А пещера с незаваленным входом — это было известно даже ему — в мгновение ока превращалась в ловушку.

До заката оставалось меньше часа, когда Уэбб наконец выбрал пещеру, которая, казалось,

удовлетворяла всем требованиям. Пещера располагалась среди скал на склоне крутого холма. Уэбб провел несколько долгих минут, стоя у подножия холма и оглядывая склон. Никакого движения. Нигде не возникало никаких подозрительных цветных бликов.

Тогда он не торопясь начал подъем, глубоко увязая в сыпучем песке откоса, с трудом завоевывая каждый фут, надолго замирая, чтобы перевести дух и обследовать склон впереди снова, снова и снова.

Одолев откос, он осторожно двинулся к пещере с пистолетом на изготовку: кто знает, не выпрыгнет ли оттуда какая-нибудь нечисть? И вообще, что теперь делать: посветить в пещеру фонариком в надежде разглядеть, кто там? Или, недолго думая, вскинуть пистолет и полить все внутреннее пространство смертоносным огнем?

«Церемониться тут нечего, — убеждал он себя. — Лучше ухлопать безобидную тварь, чем пренебречь возможной опасностью...»

Он не слышал ни звука, пока когти хищника не заскрежетали по камню у него за спиной. Бросив быстрый взгляд через плечо, он убедился, что зверь совсем рядом, успел заметить разверстую пасть, убийственные клыки и крохотные глазки,

пылающие холодной жестокостью.

Оборачиваться и стрелять было уже поздно. Было поздно предпринимать что бы то ни было, разве что…

Ноги Уэбба распрямились с силой, как рычаги, швырнув его тело вперед, в пещеру. Задев плечом об острый камень у входа, он распорол куртку и ободрал руку, зато очутился внутри, где стало просторнее, и покатился куда-то. Что-то задело его по лицу, потом он перекатился через кого-то, кто издал протестующий визг. В дальнем углу пещеры съежился какой-то тихо мяукающий комок.

Став на колени, Уэбб перекинул пистолет из руки в руку, повернулся ко входу лицом и увидел массивную голову и плечи зверя, который продолжал атаку, пытаясь втиснуться внутрь. Потом голова и плечи оттянулись назад, и на смену им пришла гигантская лапа, начавшая шарить по пещере в поисках укрывшейся там добычи.

Вокруг поднялся шум — Уэбб различил не менее десятка голосов, бормочущих на жаргоне пустыни:

— Человек, человек, убей, убей, убей…

Пистолет Уэбба изрыгнул огонь, лапа обмякла и нехотя выползла из пещеры. Большое серое

тело отпрянуло, потеряло опору, и было слышно, как оно ударилось внизу о склон и покатилось по осыпи.

— Спасибо, человек, — шелестели голоса. — Спасибо…

Уэбб медленно сел, пристроив пистолет на колене.

Теперь он расслышал, как вокруг со всех сторон шевелится жизнь.

Пот выступил у него на лбу, побежал ручейками по спине.

Что таилось в пещере? Кто был тут вместе с ним?

То, что они заговорили, не означало ровным счетом ничего. Половина так называемых животных Марса умела изъясняться на жаргоне пустыни, состоящем из двухсот-трехсот слов частично земного, частично марсианского, а частично бог весть какого происхождения. Ведь многие из этих животных были на самом деле отнюдь не животными, а выродившимися потомками тех, кто некогда создал сложную цивилизацию. Среди них «древние» достигали в прошлом наивысшего развития — недаром они до сих пор сумели в какой-то степени сохранить облик двуногих, — но существовали, видимо, и

другие расы, стоявшие на более низких ступенях культуры и выжившие лишь благодаря миролюбию и терпимости «древних».

— Ты в безопасности, — услышал он голос. — Не бойся. Закон пещеры.

— Закон пещеры?

— Убивать в пещере нельзя. Снаружи — можно. А в пещере нельзя.

— Я не стану убивать, — откликнулся Уэбб. — Закон пещеры — хороший закон.

— Человек знает закон пещеры?

— Человек не нарушит закон пещеры.

— Хорошо, — произнес тот же голос. — Тогда все хорошо.

Уэбб с облегчением спрятал пистолет в кобуру и снял со спины спальный мешок, расстелил его рядом с собой и потер свои натруженные, в ссадинах и волдырях плечи.

«В это можно поверить, — сказал он себе. — Такое стихийное и простое установление, как закон пещеры, нетрудно понять и принять. Ведь этот закон исходит из элементарной жизненной потребности — потребности слабейших с приходом ночи забыть взаимные распри, перестать гоняться друг за другом и найти общее убежище от более сильных и свирепых убийц, от тех, что

выходят на охоту после заката…»

Другой голос произнес:

— Придет утро. Человек захочет убить.

И еще голос:

— Человек соблюдает закон ночью. Утром закон ему надоест. Утром он начнет убивать.

— Человек не будет убивать утром, — заверил Уэбб.

— Все люди убивают, — объявило одно из существ. — Убивают ради меха. Убивают ради мяса. Мы — мех. Мы — мясо.

— Этот человек не будет убивать, — повторил Уэбб. — Этот человек — друг.

— Друг? — переспросил голос. — Мы не знаем, что такое «друг». Объясни.

Объяснять Уэбб не стал. Он понимал: объяснять бесполезно. Они все равно не осознáют нового слова — оно чуждо этой пустыне. В конце концов он спросил:

— Камни тут есть?

И какой-то голос откликнулся:

— Камни в пещере есть. Человеку нужны камни?

— Завалить вход в пещеру, — пояснил Уэбб. — Чтобы хищники не могли сюда попасть.

Они не сразу уловили суть предложения, но

наконец один из них решил:

— Камни — это хорошо.

Они принялись таскать камни и камушки и с помощью Уэбба плотно запечатали вход в пещеру.

Было слишком темно для того, чтобы что-нибудь толком разглядеть, но во время работы существа невольно задевали его, и одни были мягкими и пушистыми, а другие — чешуйчатыми, как крокодилы, и их чешуя обдирала кожу. Встретилось и существо, которое казалось не просто мягким, а рыхлым до отвращения.

Уэбб устроился в углу пещеры, прислонив спальный мешок к стене. Он с удовольствием забрался бы внутрь, но для этого пришлось бы сначала вынуть из мешка все припасы, а если он вынет их, то, ясное дело, к утру от них не останется даже воспоминания.

«Быть может, — обнадеживал он себя, — теплота тел существ, сбившихся на ночь в пещере, не позволит ей слишком сильно остыть. Она, конечно, остынет все равно, но, быть может, не настолько, чтобы холод стал опасным для жизни. Рискованно, да что ж поделаешь…»

Проводить ночи в дружбе, убивать друг друга и спасаться друг от друга с приходом зари… Они

назвали это законом. Законом пещеры. Вот о чем бы книги писать, вот на что нет и намека во всех толстенных томах, которые он когда-либо прочел.

А прочел он их множество. Какими-то безмолвными чарами Марс всегда привораживал Уэбба, приводил его в восторг. Таинственность и отдаленность, пустота и упадок дразнили его воображение и в конце концов заманили сюда, чтоб он попытался хотя бы приподнять завесу таинственности, попытался нащупать причину упадка и, пусть приблизительно, измерить былое величие культуры, в незапамятные времена потерпевшей крах.

В марсианской археологии насчитывалось немало незаурядных работ. Аксельсон с его дотошными исследованиями символики водяных кувшинов, наивные подчас потуги Мейсона проследить пути великих переселений. Потом еще Смит, который годами бродил по этому пустынному миру, записывая смутные истории о древнем величии, о золотом веке, те истории, что нашептывали друг другу маленькие вырождающиеся существа. Разумеется, в большинстве своем это мифы, но где-то, в каком-то из мифов кроется и ответ на волнующие Уэбба вопросы. Фольклор

никогда не бывает чистой выдумкой, в основе его обязательно лежит факт; потом к одному факту прибавляется другой, два факта искажаются до неузнаваемости, и рождается миф. Но в конечном счете за любыми напластованиями непременно прячется изначальная основа — факт.

Точно так обстоит, так должно обстоять дело и с тем мифом, где говорится о великом, блистающем городе, который возвышался над всем на Марсе и был известен до самых дальних его пределов. Средоточие культуры — так объяснял себе это Уэбб — точка, где сходились все достижения, все мечты и стремления эпохи былого величия. И тем не менее за сто с лишним лет поисков и раскопок археологи с Земли не нашли и следа самого завалящего города, не говоря уж о Городе всех городов. Черепки, захоронения, жалкие лачуги, где в относительно недавние времена ютились уцелевшие наследники великого народа, — такого было хоть отбавляй. Но мифического города не было и в помине.

А ведь должен быть! Уэбб ощущал уверенность, что миф не может лгать: этот миф рассказывали слишком часто в слишком отдаленных друг от друга точках, рассказывали слишком многие и слишком разные звери, все, что некогда называ-

лись людьми.

«Марс приворожил меня, — подумал Уэбб, — и все еще привораживает. Но теперь я знаю, что это смерть моя: только смерть способна так приворожить. Смерть на следующем переходе, уже занявшая свой рубеж. А то и смерть прямо здесь, в пещере: кто помешает им убить меня, едва забрезжит рассвет, просто ради того, чтоб я не убил их? Кто помешает им продлить свое ночное перемирие ровно на столько секунд, сколько понадобится, чтобы прикончить меня?..»

И что такое закон пещеры? Отголосок минувших дней, некое напоминание о давно утраченном братстве? Или, напротив, нововведение, вызванное к жизни веком зла, который пришел братству на смену?

Он откинул голову на камень, закрыл глаза и подумал: «Если они убьют меня — пусть убьют, я их убивать не стану. И без меня люди уже убивали на Марсе сверх всякой меры. Я по крайней мере верну хоть часть долга. Я не стану убивать тех, кто приютил меня».

И тут он вспомнил, как подкрадывался к пещере, обсуждая с самим собой вопрос: заглянуть туда сначала или без долгих слов взять пещеру на мушку и выжечь в ней все и вся — простейший

способ увериться, что там не осталось никого и ничего вредоносного…

— Но я не знал! — воскликнул он. — Я же не знал!

Мягкое пушистое тельце коснулось его руки, и он услышал голосок:

— Друг — значит не обидит? Друг — значит не убьет?

— Не обидит, — подтвердил Уэбб. — Не убьет.

— Ты видел шестерых? — осведомился голосок. Уэбб вздрогнул, отпрянул от стены и оцепенел. Голосок повторил настойчиво: — Ты видел шестерых?

— Я видел шестерых, — ответил Уэбб.

— Давно?

— Одно солнце назад.

— Где шестеро?

— В ущелье, — ответил Уэбб. — Ждут в ущелье.

— Ты охотишься на Седьмого?

— Нет, — ответил Уэбб. — Я иду домой.

— А другие люди?

— Они ушли на север. Охотятся на Седьмого на севере.

— Они убьют Седьмого?

— Поймают Седьмого. Отведут его к шестерым. Чтоб увидеть город.

— Шестеро обещали?

— Шестеро обещали, — ответил Уэбб.

— Ты хороший человек. Ты человек-друг. Ты не убьешь Седьмого?

— Не убью, — подтвердил Уэбб.

— Все люди убивают. А Седьмых прежде всего. У Седьмых хороший мех. Дорого стоит. Много Седьмых погибли от рук людей.

— Закон говорит — нельзя убивать, — провозгласил Уэбб. — Закон людей говорит, что Седьмой — друг. Нельзя убивать друга.

— Закон? Как закон пещеры?

— Как закон пещеры, — подтвердил Уэбб.

— Ты Седьмому друг?

— Я друг вам всем.

— Я Седьмой, — произнес голосок.

Уэбб сидел неподвижно, выжидая, чтобы мозг стряхнул с себя оцепенение.

— Слушай, Седьмой, — сказал он наконец. — Иди в ущелье. Найди шестерых. Они ждут. Человек-друг рад за тебя.

— Человек-друг хотел увидеть город, — откликнулось существо. — Седьмой — друг человеку. Человек нашел Седьмого. Человек увидит город. Шестеро обещали.

Уэбб едва сдержался, чтобы не разразиться

горьким хохотом. Вот ему и выпал случай, на который он почти не надеялся. Вот и свершилось то, чего он так страстно желал, то, зачем он вообще прилетел на Марс. А он не может принять дар, который ему предлагают. Физически не в силах принять.

— Человек не дойдет, — сказал он. — Человек умрет. Нет еды. Нет воды. Человеку смерть.

— Мы позаботимся о тебе, — ответил Седьмой. — У нас никогда не было человека-друга. Люди убивали нас, мы убивали людей. Но пришел человек-друг. Мы позаботимся о таком человеке.

Уэбб немного помедлил, размышляя, потом спросил:

— Вы дадите человеку еду? Вы найдете для человека воду?

— Мы позаботимся, — был ответ.

— Как Седьмой узнал, что я видел шестерых?

— Человек сказал. Человек подумал. Седьмой узнал.

Вот оно что — телепатия… След былого могущества, остаток величественной культуры, еще не совсем позабытой. Интересно, многие ли другие существа в пещере наделены тем же даром?

— Человек пойдет вместе с Седьмым? — спросил Седьмой.

— Человек пойдет, — решил Уэбб.

«В самом деле, почему бы и нет?» — сказал он себе. Идти на восток, в сторону поселений — это не решение. У него не хватит пищи. У него не хватит воды. Его подстережет и сожрет какой-нибудь хищник. У него нет ни малейшей надежды выжить.

Но если он пойдет за крошечным существом, что встало рядом с ним во мраке пещеры, надежда, быть может, забрезжит опять. Пусть не слишком твердая, но все-таки надежда. Появится пища и вода — или по крайней мере надежда на пищу и воду. Появится спутник, который поможет ему уберечься от внезапной смерти, странствующей по пустыне, который предостережет его и подскажет, как опознать опасность.

— Человеку холодно, — произнес Седьмой.

— Холодно, — согласился Уэбб.

— Одному холодно, — объявил Седьмой. — Двоим тепло.

Пушистое создание залезло к нему на грудь, обняло за шею. Спустя мгновение Уэбб осмелился прижать существо к себе.

— Спи, — произнес Седьмой. — Тепло. Спи…

Уэбб доел остатки своих припасов, и тогда семеро «древних» вновь сказали ему:

— Мы позаботимся…

— Человек умрет, — настойчиво повторял Уэбб. — Нет еды. Человеку смерть.

— Мы позаботимся, — твердили семь маленьких существ, выстроившись полукругом. — Позаботимся позже…

Он понял их так, что сейчас еды для него нет, но позже она должна появиться.

Они снова двинулись в путь.

Пути, казалось, не будет конца. Уэбб падал с ног и кричал во сне. Он дрожал мелкой дрожью даже тогда, когда удавалось отыскать древесину и они сидели, скорчившись, у костра. День за днем только песок да скалы — ползком вверх на крутой гребень, кубарем вниз с другой стороны или шаг за шагом по жаркой равнине, по морскому дну давно минувших эпох.

Путь превратился в монотонную мелодию, в примитивный ритм, в попевку из трех звенящих нот, заунывную, нескончаемую, которая звенит в висках весь день. И еще многие часы после того, как настала ночь и путники остановились на отдых. Стучит до головокружения, пока мозг не отупеет от стука, пока глаза не откажутся четко видеть мир и мушку пистолета — надо встретить огнем нападающего, подползающего или пики-

рующего врага, вдруг возникающего ниоткуда, а она превращается в расплывчатый шарик.

И повсюду их подстерегали миражи, вечные марсианские миражи, которые, казалось, вплотную граничат с реальностью. В небе вспыхивали мерцающие картины: вода и деревья, и неоглядные зеленые степные дали, каких Марс не видел на протяжении бессчетных столетий. Словно, как говорил себе Уэбб, минувшее крадется за ними по пятам, словно оно по-прежнему существует и пытается нагнать тех, кто ушел вперед, оставив былое позади против его воли.

Он потерял счет дням, заставляя себя не думать о том, сколько еще таких дней до цели; в конце концов ему стало мерещиться, что так будет продолжаться вовеки, что они не остановятся никогда и это их пожизненный удел — встречать утро в голой пустыне и брести по пескам вплоть до прихода ночи.

Он допил остатки воды и напомнил семерым, что не сможет жить без нее.

— Позже, — ответили они. — Вода позже.

И действительно, в тот же день они вышли к городу, и там в туннеле, глубоко под лежащими на поверхности руинами, была вода — капля за каплей, мучительно медленно, она сочилась из

разбитой трубы. Но все равно — вода, даже еле капающая, на Марсе была чудом из чудес.

Семеро пили сдержанно: они столетиями приучали себя обходиться почти совсем без питья, приспособились к безводью и не страдали от жажды. А Уэбб лежал у разбитой трубы часами, подставляя под капли ладони, стараясь накопить хоть немного воды, прежде чем выпить ее одним глотком, а то и просто отдыхая в прохладе, что было само по себе блаженством.

Потом он заснул, проснулся и выпил еще немного. Теперь он отдохнул и жажды больше не чувствовал, но тело кричало криком, требуя еды. А еды не было, и не было никого, кто мог бы ее принести. Маленькие существа куда-то скрылись.

«Они вернутся, — успокаивал он себя. — Они ушли ненадолго и скоро вернутся. Они ушли, чтобы достать мне еды, и вернутся, как только достанут…»

Все его мысли о семерых были именно такими, добрыми мыслями.

Не без труда Уэбб выбрался наверх тем же тунелем, который привел его к воде, и наконец очутился подле развалин. Развалины лежали на холме, господствующем над окружающей

пустыней; с вершины холма открывался вид на многие мили, и в каком направлении ни взгляни — местность шла под уклон.

По правде говоря, от развалин почти ничего не осталось. Легче легкого было бы пройти мимо холма и не заметить никаких следов города. Тысячелетия кряду здания осыпались, обрушивались, а то и крошились в пыль; в проемы просачивался песок, покрывая остатки стен, заполняя пространство между ними, пока руины не стали просто-напросто частью холма.

То здесь, то там Уэбб натыкался на осколки камня со следами обработки, на керамические черепки, но сам понимал, что, не ищи он их специально, он спокойно мог бы пройти мимо, приняв эти осколки и черепки за обычные обломки породы, без счета разбросанные по поверхности планеты.

Туннель вел в недра погибшего города, в усыпальницу рухнувшего величия и померкшей славы народа, потомки которого ныне бродили, как звери, по древней пустыне, еле-еле сохранив диалект — жалкое воспоминание о культуре, процветавшей во время оно в городе на холме. Уэбб нашел в туннеле свидетелей тех далеких дней — большие глыбы обработанного камня,

сломанные колонны, плиты мостовой и даже нечто, бывшее некогда, по-видимому, прекрасной статуей.

В глубине туннеля он подставил ладони под трубу и снова напился, потом вернулся на поверхность и сел возле входа в туннель, меряя взглядом пустынные марсианские просторы.

Нужны силы и инструменты — силы многих людей, чтобы перекопать и просеять песок и открыть город миру. Понадобятся годы кропотливого, упорного труда — а у него нет даже обыкновенной лопатки. А еще того хуже — нет и времени. Если семеро не вернутся с едой, ему не останется ничего другого, как спуститься вновь в темноту туннеля, чтоб его человеческий прах с течением лет смешался с древней пылью чужого мира.

«А ведь была лопатка, — вдруг припомнил он. — Уомпус и Ларс, когда бросили меня, оставили мне лопатку. Вот уж воистину редкая предусмотрительность...» Но из снаряжения, что он унес тем памятным утром от потухшего костра, сохранились лишь два предмета: спальный мешок и пистолет у пояса. Без всего остального можно было обойтись, эти два предмета были абсолютно необходимы.

«Эх ты, археолог, — подумал он. — Археолог, натолкнувшийся на величайшую находку за всю историю археологии и не способный предпринять по этому поводу ровным счетом ничего…»

Уомпус и Ларс подозревали, что здесь зарыты сокровища. Только зря: не было тут никакого определенного сокровища, которое можно откопать и взять в руки. Он подумал о славе — но и славы тут не было. Подумал о знаниях — но без лопатки и какого-то запаса времени знаний не было тоже. Если не считать знанием тот голый факт, что он оказался прав и город действительно существовал.

Впрочем, кое-какие знания ему все же удалось приобрести. Например, он узнал, что семь разновидностей «древних» еще не вымерли и, следовательно, их раса может продолжать себя, невзирая на выстрелы и капканы, невзирая на жадность и вероломство песковиков, затеявших охоту на Седьмых ради пятидесятитысячедолларовых шубок.

Семь крошечных существ семи различных полов. И все семь необходимы для продолжения рода. Шестеро безуспешно искали Седьмого, а он, Уэбб, нашел. И поскольку он нашел Седьмого, поскольку выступил в роли посредника, раса

«древних» продлит себя по крайней мере еще на одно поколение.

«Но что за смысл, — спросил он себя, — продлевать дни расы, утратившей свое назначение?..»

Он покачал головой.

«Усмири гордыню, — сказал себе Уэбб. — Кто дал тебе право судить? Или смысл есть во всем на свете, или смысла нет ни в чем, и не тебе это решать. Есть смысл в том, что я добрался до города, или нет? Есть смысл в том, что я, очевидно, здесь и умру? Или моя смерть среди руин — не более чем случайное отклонение в великой цепи вероятностей, которая движет планеты по их орбитам и приводит человека под вечер к порогу родного дома?..»

И еще он приобрел четкое представление о безграничных просторах и о жестоком одиночестве, которые, вместе взятые, и есть марсианская пустыня. Представление о пустыне и о странной, почти нечеловеческой отрешенности, какой она наполняет душу.

«Да, это урок», — подумал он.

Урок, что человек сам по себе — лишь мельчайшая помарка на полотне вечности. Урок, что одна жизнь относительно несущественна, если сравнивать ее с ошеломляющей истиной — чу-

дом всего живого.

Он поднялся и встал в полный рост — и осознал с пронзительной ясностью свою ничтожность и свое смирение перед лицом необжитых далей, убегающих во все стороны, и перед аркой неба, изогнувшейся над головой от горизонта к горизонту, и перед мертвой тишиной, царящей над планетой и над просторами неба.

Умирать от голода — занятие нудное и непривлекательное.

Некоторые виды смерти быстры и опрятны. Смерть от голода не принадлежит к их числу.

Семеро не вернулись. Однако Уэбб по-прежнему ждал их и, поскольку все еще испытывал к ним симпатию, искал оправдания их поведению. «Они не понимают, — убеждал он себя, — как недолго человек может протянуть без еды. Странная физиология, — доказывал он себе, — требующая участия семи личностей, приводит, вероятно, к тому, что зарождение потомства превращается в сложный и длительный процесс, немилосердно долгий с человеческой точки зрения, может, с ними что-нибудь случилось, может, у них какие-нибудь свои заботы. Как только они справятся с этими заботами, они вернутся и принесут мне еду...»

Он умирал от голода, преисполненный добрых мыслей и терпения, куда большего, чем мог бы ожидать от себя даже в более приятных обстоятельствах. И вдруг обнаружил, что, несмотря на слабость от недоедания, проникающую в каждую мышцу и в каждую косточку, несмотря на изматывающий страх, пришедший на смену острым мукам голода и не стихающий ни на мгновение даже во сне, — несмотря на все это, разум оказался неподвластен демонам, разрушающим тело; напротив, разум как бы обострился от недостатка пищи, как бы отделился от истерзанного тела и стал самостоятельной сущностью, которая впитала в себя все его способности и сплела их в тугой узел, почти не подверженный воздействию извне.

Уэбб часами сидел на гладком камне, некогда составлявшем, по-видимому, часть горделивого города, а ныне валяющемся в нескольких ярдах от входа в туннель, и неотрывно глядел на умытую солнцем пустыню — миля за милей она стелилась до недосягаемого горизонта. Своим обостренным умом, проникающим, казалось, до самых корней бытия и истоков случайности, он искал смысла в череде произвольных факторов, скрытых под мнимой упорядоченностью Вселенной, искал

хоть какого-то подобия системы, доступной пониманию. Зачастую ему мерещилось даже, что он вот-вот нащупает такую систему, но всякий раз она в последний момент ускользала от него, как ускользает ртуть из-под пальцев.

Тем не менее он понимал: если человеку суждено когда-либо найти искомое, это может произойти лишь в местах, подобных марсианской пустыне, где ничто не отвлекает внимания, где есть перспектива и нагота, необходимые для сурового обезличивания, которое одно оттеняет и сводит на нет непоследовательность человеческого мышления. Ведь достаточно размышляющему подумать о себе как о чем-то безотносительном к масштабу исследуемых фактов — и условия задачи будут искажены, а уравнение, если это уравнение, никогда не придет к решению.

Сперва Уэбб пытался охотиться, чтобы раздобыть себе пищу, но странное дело: в то время как пустыня кишмя кишела хищными тварями, подстерегающими других, нехищных, зона вокруг города оставалась практически безжизненной, словно некто очертил ее магическим меловым кругом. На второй день охоты Уэбб подстрелил зверушку, которая на Земле могла бы сойти за

мышь. Он развел костер и зажарил свою добычу, а позже разыскал высушенную солнцем шкурку и без конца жевал и высасывал ее в надежде, что в ней сохранилась хотя бы капля питательности. Но кроме этой зверушки, он не убил никого — убивать было некого.

И пришел день, когда он понял, что семеро не вернутся, что они и не собирались возвращаться, бросили его точно так же, как до них его бросили люди. Он понял, что его оставили в дураках, и не один раз — дважды.

Уж если он тронулся в путь, то и должен был идти на восток, только на восток. Не следовало поворачивать вслед за Седьмым, чтобы присоединиться к шестерым, поджидающим Седьмого в ущелье.

«А может, я и добрался бы до поселений, — говорил он себе теперь. — Вот взял бы и добрался. Разве это исключено, что добрался бы?..»

На восток! На восток, в сторону поселений!

Вся история человечества — погоня за невозможным, и притом нередко успешная. Тут нет никакой логики: если бы человек неизменно слушался логики, то до сих пор жил бы в пещерах и не оторвался бы от Земли.

«Пробуй!» — сказал себе Уэбб, впрочем не

вполне понимая, что говорит.

Он опять спустился с холма и побрел по пустыне, двигаясь на восток. Здесь, на холме, надежды не оставалось; там, на востоке, теплилась надежда.

Пройдя примерно милю от подножия холма, он упал. Потом протащился, падая и поднимаясь, еще милю. Потом прополз сто ярдов. Именно тогда его и отыскали семеро «древних».

— Дайте мне есть! — крикнул он им и почувствовал, что хотел крикнуть в полный голос, а не издал ни звука. — Есть! Пить!..

— Мы позаботимся, — отвечали семеро и, приподняв Уэбба за плечи, заставили сесть.

— Жизнь, — обратился к нему Седьмой, — обтянута множеством оболочек. Словно набор полых кубиков, точно вмещающихся один в другом. Внешняя оболочка прожита, но сбрось ее — и там внутри окажется новая жизнь…

— Ложь! — воскликнул Уэбб. — Ты не умеешь так связно говорить. Ты не умеешь так стройно мыслить. Тут какая-то ложь…

— Внутри каждого человека скрыт другой, — продолжал Седьмой. — Много других…

— Ты про подсознание? — догадался Уэбб, но, задав свой вопрос в уме, мгновенно понял, что

губами не произнес ни слова, ни звука. И еще понял наконец, что Седьмой тоже не произносил ни звука — потому только и возникали слова, каких не могло быть в жаргоне пустыни: они отражали мысли и знания, совершенно чуждые боязливым существам, прячущимся в самой дальней марсианской глуши.

— Сбрось с себя старую жизнь и вступишь в новую, прекрасную жизнь, — заявил Седьмой, — только надо знать как. Есть строго определенные приемы, определенные приготовления. Нельзя браться за дело, не ведая ни того ни другого, — только все испортишь.

— Приготовления? — переспросил Уэбб. — Какие приготовления? Я никогда и не слышал об этом…

— Ты уже подготовлен, — заявил Седьмой. — Раньше не был, а теперь подготовлен.

— Я много думал, — отозвался Уэбб.

— Ты много думал, — подхватил Седьмой, — и нашел частичный ответ. Сытый, самодовольный, самонадеянный землянин ответа не нашел бы. Ты познал себя.

— Но я и приемов не знаю, — возразил Уэбб.

— Мы знаем приемы, — заявил Седьмой. — Мы позаботимся.

Вершина холма, где лежал мертвый город, вдруг замерцала, и над ней вознесся мираж. Из могильников, полных запустения, поднялись городские башни и шпили, пилоны и висячие мосты, сияющие всеми оттенками радуги; из песка возникли роскошные сады, цветочные клумбы и тенистые аллеи, и над всем этим великолепием заструилась музыка, летящая с изящных колоколен.

Вместо песка, пылающего зноем марсианского полудня, под ногами росла трава. А вверх по террасам, навстречу чудесному городу на холме, бежала тропинка. Издалека донесся смех: там под деревьями, на улицах и садовых дорожках, виднелись движущиеся цветные пятнышки…

Уэбб стремительно обернулся — семерых и след простыл. И пустыню как ветром сдуло. Местность, раскинувшаяся во все стороны, отнюдь не была пустыней — дух захватывало от ее красоты, от живописных рощ и дорог и неторопливых водных потоков.

Он опять повернулся в сторону города и присмотрелся к мельканию цветных пятнышек.

— Люди! — удивился он.

И откуда-то, неизвестно откуда, послышался голос Седьмого:

— Да, люди. Люди с разных планет. И люди из далей более дальних, чем планеты. Среди них ты встретишь и представителей своего племени. Потому что из землян ты здесь тоже не первый…

Исполненный изумления, Уэбб зашагал по тропинке вверх. Изумление быстро гасло и, прежде чем он достиг городских стен, угасло безвозвратно.

Уомпус Смит и Ларс Нелсон вышли к тому же холму много дней спустя. Они шли пешком — пескоход давно сломался. У них не осталось еды, кроме того скудного пропитания, что удавалось добыть по дороге, и во флягах у них плескались последние капли воды — а воды взять было негде.

Неподалеку от подножия холма они наткнулись на высушенное солнцем тело. Человек лежал на песке лицом вниз, и только перевернув его, они увидели, кто это.

Уомпус уставился на Ларса, замершего над телом, и прокаркал:

— Откуда он здесь взялся?

— Понятия не имею, — ответил Ларс. — Без знания местности, пешком ему бы сюда вовек не добраться. А потом, это было ему просто не по пути. Он должен был идти на восток, туда, где

поселения…

Они обшарили его карманы и ничего не нашли. Тогда они забрали у него пистолет — их собственные были уже почти разряжены.

— Какой в этом толк! — бросил Ларс. — Мы все равно не дойдем.

— Можем попробовать, — откликнулся Уомпус.

Над холмом замерцал мираж: город с блистающими башнями и головокружительными шпилями, с рядами деревьев и фонтанами, брызжущими искристой водой. Слуха людей коснулся — им померещилось, что коснулся, — перезвон колокольчиков. Уомпус сплюнул, хоть губы растрескались и пересохли и слюны давно не осталось.

— Проклятые миражи! От них, того и гляди, рехнешься…

— Кажется, до них рукой подать, — заметил Ларс. — Подойди и тронь. Словно они отделены от нас занавеской и не могут сквозь нее прорваться.

Уомпус снова сплюнул и сказал:

— Ну ладно, пошли…

Оба разом отвернулись и побрели на восток, оставляя за собой в марсианских песках неров-

ные цепочки следов.

Земля осенняя
Перевод К. Королева

Он сидел на крыльце в кресле-качалке, раскачивался вперед-назад и прислушивался к скрипу половых досок. Через улицу, во дворе дома, что стоял напротив, пожилая женщина срезала хризантемы, цветы продолжавшейся без конца осени. Вдалеке виднелись поля и леса, осененные прозрачной голубизной бабьего лета. В деревне было тихо, царил покой сродни тому, который свойствен старости. Она, казалось, выстроена не для живых существ, а для фантомов, порожденных рассудком. Другому соседу, дряхлому старику, имевшему обыкновение прогуливаться с палочкой по заросшей травой улице, появляться было еще рано: что же до голосов детей, он вряд ли услышит их до темноты, если услышит вообще — такое случалось отнюдь не всегда.

При желании он мог бы погрузиться в чтение, однако подобного желания как-то не возникало. Он мог также вновь взяться за лопату и в очередной раз перекопать огород, дабы как можно лучше подготовить почву к посадке семян. Впро-

чем, какие семена в краю, где не бывает весны? Давным-давно, не зная в ту пору о неизбывности осени, он упомянул о семенах в разговоре с Молочником, и тот был буквально шокирован услышанным.

Он оставил за спиной много миль, покинул мир горечи и, очутившись здесь, поначалу вполне удовлетворился жизнью в полном безделье, возможностью ничего — или почти ничего — не делать и не испытывать при этом ни стыда, ни чувства вины. Он ступил на тихую деревенскую улицу, залитую лучами осеннего солнца, и первой, кого он увидел, была та самая пожилая женщина, что жила теперь в доме напротив. Она поджидала его у изгороди, как будто догадывалась, что он должен прийти. «Добро пожаловать, — сказала она. — Нынче к нам приходят немногие. Ваш дом вон тот, через улицу; надеюсь, мы станем друзьями». Он поднес руку к голове, чтобы снять шляпу, совсем забыв, что никакой шляпы нет и в помине. «Меня зовут Нельсон Рэнд, — проговорил он. — Я инженер. Постараюсь оправдать ваше доверие». Фигура женщины, несмотря на известную возрастную полноту и сутулость, отличалась несомненным изяществом.

«Заходите, — пригласила дама. — Я угощу вас

лимонадом и печеньями. Правда, у меня гости, но я не стану представлять их вам». Он ожидал услышать объяснение, но объяснения не последовало, и потому он направился вслед за дамой по выложенной кирпичом дорожке, вдоль которой расположились огромные клумбы роскошных астр и хризантем, к большому дому.

В просторной гостиной с высоким потолком имелся камин, в котором пылал огонь; в простенках между скрытыми затейливыми шторами окнами стояли старинные массивные шкафы. Дама усадила его за столик у камина, сама села напротив, разлила лимонад и передала Рэнду блюдо с печеньем.

— Не обращайте на них внимания, — посоветовала она. — Им до смерти хочется познакомиться с вами, однако я не собираюсь потакать невежливости.

Не обращать внимания было легко, поскольку в комнате, кроме них двоих, не присутствовало ни единой живой души.

— Майору — он облокотился на каминную полку, по-моему, весьма развязная поза, — не нравится мой лимонад, — продолжала хозяйка. — Он предпочитает более крепкие напитки. Мистер Рэнд, будьте любезны, попробуйте мой

лимонад и скажите, так ли он плох. Уверяю вас, вы не разочаруетесь. Я приготовила его собственными руками, у меня ведь нет ни служанки, ни кухарки. Я живу одна, и одиночество меня ничуть не тяготит, хотя мои друзья считают иначе и потому заглядывают ко мне гораздо чаще, чем следовало бы.

Он осторожно пригубил лимонад: тот оказался поистине замечательным, наподобие того, какой он пил в детстве, Четвертого июля[5] и на школьных пикниках, — надо же, сколько минуло лет, а вкус не позабылся.

— Превосходно, — похвалил он.

— Дама в голубом, — сказала хозяйка, — которая сидит в кресле у окна, жила здесь десятилетия назад. Мы с ней были подругами, а потом она ушла, но, как ни удивительно, частенько возвращается. Признаться, меня беспокоит, что я никак не могу вспомнить ее имени. Вы не знаете, случайно, как ее зовут?

— Боюсь, что нет.

— Ну разумеется, разумеется. Вы же новенький. Я совсем запамятовала: старость не радость.

Он пил лимонад и грыз печенье, а хозяйка все

---

[5] Примечания: 5

Четвертое июля — День независимости США.

щебетала о своих невидимых гостях. В конце концов он откланялся, пересек улицу, подошел к дому, который, по словам женщины, принадлежал ему, и лишь тут сообразил, что она так и не представилась. С тех самых пор и по сей день она оставалась для него просто «дамой с цветами».

Когда же он пришел сюда? Не вспомнить, как ни старайся. Все дело в осени. Как можно следить за временем, когда на дворе постоянно осень?

Все началось в тот день, когда он ехал через Айову, направляясь в Чикаго. Нет, возразил он себе, раньше, все началось с прорех, которые сперва не слишком бросались в глаза. Он всегонавсего машинально отмечал их, приписывая то причудам воображения, то необычному состоянию атмосферы и преломлению света. Прорехи, прорехи — мир словно утрачивал присущую ему прочность, утончался до некой едва различимой грани между «здесь» и «там».

В силу того что правительственный контракт так и не был заключен, он потерял свою работу на Западном побережье. Подобная участь постигла множество фирм, и сотни инженеров в мгновение ока превратились в безработных. Он рассчитывал устроиться в Чикаго, сознавая, впрочем, что вероятность успеха крайне мала.

Он твердил себе, что обладает по сравнению с товарищами по несчастью целым рядом преимуществ: молод, не женат, несколько долларов на банковском счету, никаких закладных под дом, купленных в рассрочку машин или детей, которых надо водить в школу. Он одинок, а потому не обязан содержать кого-либо, кроме себя. Старый дядюшка, человек суровых нравов, убежденный холостяк, который воспитывал Рэнда на своей ферме в гористой висконсинской местности после того, как родители мальчика погибли в автокатастрофе, отошел в прошлое, его образ размылся, постепенно утратил знакомые черты. Дядюшку он не любил — не то чтобы ненавидел, нет, просто не любил и потому не заплакал, узнав, что старика забодал рассвирепевший бык. Итак, Рэнд был одинок, настолько, что даже с трудом припоминал, что у него когда-то была семья.

Он потихоньку копил деньги, откладывал жалкие гроши на черный день, понимая, что в случае чего вряд ли сразу сумеет подыскать себе новое место: ведь вокруг полным-полно тех, чья квалификация гораздо выше, а послужной список — намного длиннее.

Видавший виды автомобильчик имел одно несомненное достоинство: спать в нем было весь-

ма удобно. Что касается еды, тут Рэнд поступал следующим образом — останавливался время от времени в придорожном леске и готовил себе на костре что-нибудь горячее. Так он пересек почти весь штат: уже начался извилистый подъем на холмы, что преграждали путь к Миссисипи, впереди на горизонте изредка мелькали высотные чикагские здания, над которыми клубился дым из заводских труб.

Перевалив через холмы, Рэнд въехал в городок, оседлавший реку по обоим берегам. Именно здесь он ощутил и увидел, если можно так выразиться, ту прореху, о которой и не подозревал раньше. Она наводила на мысль о чужеродности, нереальности происходящего, окрестности будто затянуло пеленой тумана, которая закругляла углы и делала нечеткими контуры, напоминая отражение на зеркальной глади озера, зарябившей вдруг от налетевшего ветерка. Прежде, испытывая подобное чувство, он приписывал его дорожному утомлению, открывал окно, чтобы глотнуть свежего воздуха, или тормозил, выбирался из машины и принимался расхаживать по дороге, ожидая, пока оно благополучно минует. Однако на сей раз впечатление было столь ярким, что он даже испугался, испугался за себя, решив,

что с ним явно творится что-то неладное.

Он нажал на тормоз, остановил машину на обочине, и ему показалось, что обочина более неровная, чем ей следует быть. Он выглянул наружу и убедился, что дорога изменилась: на ней появились выбоины, тут и там валялись камни, довольно-таки увесистые булыжники; некоторые из них, побывавшие, очевидно, под колесами автомобилей, превратились в скопище мелких обломков. Он оторвал взгляд от дороги и посмотрел на город — тот исчез, на его месте громоздились развалины. Рэнд сидел, вцепившись в руль, и внезапно услышал в мертвой, неестественной тишине карканье ворон. Непонятно, с какой стати он попытался вспомнить, когда слышал воронье карканье в последний раз, и тут увидел птиц — черные точки над вершиной холма. Вдруг он понял, что деревья тоже исчезли, сгинули в никуда, сохранились лишь почерневшие пни. Развалины города, приземистые пни, хриплые крики воронья — зрелище заставляло трепетать и повергало в панику.

Едва сознавая, что делает, он вылез из машины. Впоследствии, раздумывая над случившимся, он укорял себя за безрассудство: ведь машина была единственным связующим звеном с пропавшей

реальностью. Вылезая, он оперся рукой о сиденье и ощутил под ладонью прямоугольный предмет, на котором его пальцы сомкнулись словно сами собой. Рэнд выпрямился, поднес руку к лицу и обнаружил, что прихватил фотоаппарат, лежавший рядом на сиденье.

Он продолжал раскачиваться в кресле, под которым по-прежнему поскрипывали доски, и размышлял о том, что снимки сохранились до сих пор. Он давно уже не рассматривал их, очень давно, ибо, живя в краю вечной осени, предпочитал удовлетворять лишь повседневные, насущные нужды, как будто норовил отвлечься от мыслей о прошлом, отвернуться от того, что знал — или полагал, что знает.

Решение фотографировать не было сознательным, хотя позже он и пытался убедить себя, что это не так (правда, рассудок все равно отказывался внимать); сейчас Рэнд кисло поздравил себя с тем, что сообразил подкрепить свидетельства памяти, на которые никогда нельзя полагаться целиком и полностью, кое-чем более надежным и достоверным. Человеческое воображение способно творить чудеса, воспроизводить то, чего на деле вовсе не происходило, поэтому безоговорочно доверять ему не следует ни в коем случае.

Происшествие, если вдуматься, носило некий мистический оттенок, словно реальность, в которой существовал разрушенный город, находилась в ином измерении и ее нельзя было ни объяснить, ни рационализировать. Рэнд смутно припомнил, как навел фотоаппарат, услышал щелчок затвора и увидел, что с холма на него несется целая толпа. Он кинулся к машине, захлопнул за собой дверцу и включил зажигание, намереваясь сбежать от разгневанных людей, которые находились не далее чем в сотне футов.

Однако стоило ему съехать с обочины, как дорога вновь изменилась, стала гладкой и устремилась к городу, который неожиданно обрел прежний облик. Рэнд затормозил и обмяк на сиденье; прошло несколько минут, прежде чем он нашел в себе силы продолжить путь. Теперь он ехал медленно, ибо опасался собственных взвинченных нервов.

Он планировал пересечь реку и добраться к ночи до Чикаго, но действительность внесла в эти планы существенные коррективы. Во-первых, его физическое состояние оставляло желать лучшего, а во-вторых, надо было проявить пленку; помимо всего прочего, не мешало как следует поразмыслить. Поэтому, миновав город, он свер-

нул с дороги на лесную стоянку с местом для костра и старомодной колонкой. В багажнике у него имелся небольшой запас дров. Он развел костер, вытащил коробку с кухонной утварью и провизией, достал из нее кофейник, поставил на жаровню сковородку и разбил на ней три яйца. Сворачивая на стоянку, он заметил на обочине человека; тот приближался неторопливым шагом и остановился у колонки.

— Работает?

— Работает, — отозвался Рэнд. — Я только что набрал воды в кофейник.

— Жаркий денек, — сказал мужчина, нажимая на рукоятку. — В такую жару много не находишь.

— Вы идете издалека?

— Да, уже шестую неделю.

Рэнд присмотрелся к незнакомцу. Одежда того была поношенной, но чистой, брился он, по всей видимости, день или два назад, волосы явно нуждались в ножницах парикмахера.

Из крана хлынула вода. Мужчина наклонился и подставил под струю сложенные чашечкой ладони.

— Хорошо, — проговорил он, отдуваясь. — Жажда замучила.

— Как у вас с едой? — спросил Рэнд.

— Плоховато, — ответил мужчина, поколебавшись.

— Загляните в багажник. Там должна быть тарелка с вилкой, думаю, найдется и чашка. Кофе вот-вот сварится.

— Мистер, мне бы не хотелось, чтобы вы решили, будто я свернул сюда…

— Забудем, — перебил его Рэнд. — Вы меня не объедите, тут вполне достаточно для двоих.

Мужчина извлек тарелку с чашкой, вилку, ложку и нож, а затем подошел к огню.

— Мне как-то не по себе, — признался он. — Все произошло так быстро… У меня всегда была работа, целых семнадцать лет.

— Держите.

Рэнд положил ему яичницы и принялся готовить порцию для себя. Мужчина уселся за деревянный столик поблизости от костра.

— Не ждите меня, — сказал Рэнд. — Ешьте, пока горячая. Если хотите, вот хлеб. А кофе будет чуть погодя.

— Если не возражаете, я возьму кусочек попозже, — отозвался мужчина.

Он назвался Джоном Стерлингом. Интересно, подумалось Рэнду, где сейчас Джон Стерлинг?

Бродит по стране, ищет работу, любую — на день, на час? Каково ему без работы после того, как он оттрубил на одном месте семнадцать лет? Вспомнив про Стерлинга, он ощутил угрызения совести. Он был обязан Стерлингу, находился у того в долгу, причем тогда, во время разговора, даже и не подозревал, что подобное случится.

Они сидели за столом и говорили, уплетая за разговором яичницу, вытирая хлебом тарелки и попивая горячий кофе.

— Семнадцать лет, — рассказывал Стерлинг. — Я работал оператором в одной фирме, которая всегда держалась за меня, а потом выкинула на улицу, меня и сотни других. Нас было много, несколько тысяч, тех, кого взяли и сократили. Нет, фирму я не виню. Они ждали правительственного заказа, а он не поступил, и все остались без работы. А вы? Тоже в таком же положении?

— Как вы догадались? — спросил Рэнд, утвердительно кивнув.

— По еде. Так ведь дешевле, чем в ресторане, верно? К тому же у вас с собой спальный мешок. Вы спите в машине?

— Да, — ответил Рэнд. — Мне проще, чем многим другим, у меня нет семьи.

— А у меня есть, — вздохнул Стерлинг. — Жена

и трое детей. Мы с женой долго спорили. Она не хотела меня отпускать, но в конце концов я ее убедил. Денег ни гроша, кругом сплошная безработица — я превратился в обузу, а без меня ей будет легче. Знаете, такой участи не пожелаешь и врагу. Когда-нибудь я вернусь к своим, когда все наладится. Они меня ждут.

По шоссе проносились автомобили. Со стоявшего неподалеку дерева соскочила белка, осторожно направилась к столу, но что-то, видно, напугало ее, и она опрометью кинулась обратно.

— Не знаю, — проговорил Стерлинг, — возможно, наше общество оказалось нам не по силам. Может, мы переоценили себя. Я люблю читать, всегда любил. Так вот, я обычно размышляю над прочитанным. Похоже, мы перенапряглись. Пожалуй, наши мозги годились для доисторической эпохи. Все шло нормально, пока мы не насоздавали того, чего не в состоянии оказались постичь. Наши мозги, мне кажется, отстали от жизни. Мы выпустили на волю экономических и политических монстров, с которыми не ведаем, как справиться, а значит, не можем подчинить их себе. Может статься, вот причина, по которой мы с вами лишились работы.

— Трудно сказать, — отозвался Рэнд, — я как-то

не задумывался.

— Человек думает, — продолжал Стерлинг, — думает и грезит. Когда идешь по дороге, заняться чем-нибудь иным чаще всего не получается. Он воображает себе всякую ерунду; вернее, ерундой она представляется на первый взгляд, но, если присмотреться, начинаешь потихоньку сомневаться. С вами такое бывало?

— Иногда.

— Меня одолевала одна глупая мыслишка, совсем глупая. Я никак не мог от нее отвязаться, может, потому, что шел пешком. Время от времени меня подвозили, а так я шел себе и шел. Мыслишка вот какая: если идти не останавливаясь, может, удастся уйти от всего этого? Чем дальше ты ушел, тем меньше у тебя забот.

— Куда вы направляетесь? — полюбопытствовал Рэнд.

— В общем-то никуда. Просто иду, и все. Через месяц-другой поверну на юг, чтобы обмануть зиму. В северных штатах зимой не слишком уютно.

— Осталось два яйца, — сказал Рэнд. — Хотите?

— Мистер, я не могу…

— Да хватит вам, право слово.

— Ну, если вы настаиваете… Только давайте

разделим пополам: яйцо мне, яйцо вам. Идет?

Пожилая дама кончила возиться с хризантемами и ушла в дом. Издалека доносилось постукивание палки: старый сосед Рэнда вышел на вечернюю прогулку. Заходящее солнце заливало мир багрянцем. Листва на деревьях переливалась всеми оттенками алого и золотого. Рэнд наслаждался игрой красок с того самого дня, как поселился здесь. Трава имела рыжевато-коричневый оттенок: она еще не высохла, однако мнилось, что ее смерть уже не за горами. На улице показался старик. Судя по всему, палка была ему не особенно нужна, он вполне мог бы обойтись без нее. Задержавшись у калитки Рэнда, он произнес:

— Добрый вечер.

— Добрый вечер, — отозвался Рэнд. — Сегодня прекрасная погода для прогулки.

Старик кивнул с таким видом, будто был каким-то образом причастен к тому, что день выдался на славу.

— Похоже, — проговорил он, — завтра тоже будет ясно. — Затем повернулся и заковылял дальше.

Этот обмен мнениями представлял собой нечто вроде ритуала, повторяющегося изо дня в день.

Несмотря на чередование дня и ночи, в деревне ровным счетом ничего не менялось. Просиди он на крыльце хоть тысячу лет, сказал себе Рэнд, старик все так же будет проходить мимо и произносить те же слова, как если бы дело происходило не в действительности, а в каком-то фильме, отрывок из которого раз за разом прокручивают зрителям. Время остановило свой бег и зациклилось на осени.

Рэнд не понимал этого и не пытался понять, ибо не знал, что тут понимать. Стерлинг сказал, что, возможно, человек перенапряг свой слабый, доисторический рассудок — слабый или грубый, животный? Во всяком случае, здесь доискиваться смысла совершенно не стоило. Неожиданно Рэнд осознал, что прежний мир чудится ему некой мифологической конструкцией, столь же нереальной, как и настоящий. Попадет ли он когда-либо в реальность? Хочет ли он ее обрести?

Отыскать реальность было очень и очень просто. Следовало всего-навсего вернуться в дом и достать из ящика прикроватной тумбочки фотографии. Они освежат память, поставят лицом к лицу с реальностью. Эти снимки куда реальнее того мира, в котором он находится сейчас, и того, в котором пребывал когда-то. На них изображено

то, что не являлось до сих пор человеческому взору, было неподвластно толкованию человеческого разума. Тем не менее они относились к неоспоримым фактам. Камера добросовестно зафиксировала то, что попало в объектив; она не фантазировала, не рационализировала и не страдала провалами памяти. Рэнду вспомнился служащий фотоателье, куда он зашел, чтобы забрать снимки.

— С вас три девяносто пять, — сказал тот, протягивая конверт.

Рэнд извлек из кармана пятидолларовую бумажку и положил ее на стол.

— Простите за любопытство, — сказал служащий, — но где вы снимали?

— Это монтаж, — объяснил Рэнд.

— Если так, — проговорил служащий, качая головой, — лучшего мне видеть не доводилось. — Он пробил чек и, не закрыв кассу, взял в руки конверт.

— Что вам нужно? — спросил Рэнд.

Служащий перебрал фотографии.

— Вот, — произнес он, показывая один из снимков.

— Что «вот»? — холодно справился Рэнд.

— Человек, который впереди всех, — это мой

лучший друг, Боб Джентри.

— Вы ошибаетесь, — возразил Рэнд, забрал фотографии и положил их обратно в конверт.

Служащий отсчитал ему сдачу, продолжая покачивать головой — озадаченно и, пожалуй, немного испуганно.

Не теряя времени, но и не гоня с сумасшедшей скоростью, Рэнд проехал через город, пересек реку и очутился на вольном просторе. Тут он прибавил газу. Взгляд его то и дело обращался на зеркало заднего вида. Служащий был в таком смятении, что с него станется позвонить в полицию. К тому же фотографии могли видеть и другие. Впрочем, полиции опасаться нечего, ведь он не нарушил никаких законов. Разве существует закон, запрещающий фотографировать?

Милях в двадцати от реки он свернул с шоссе на пыльную проселочную дорогу и ехал по ней, пока не достиг моста, переброшенного через небольшую речушку. Судя по следам на обочине, место пользовалось популярностью; вероятно, сюда частенько наведывались рыбаки. Правда, сейчас поблизости никого не было. Рэнд полез в карман за конвертом и с удивлением обнаружил, что у него дрожат руки. Итак, что же он наснимал?

Он поразился количеству фотографий, ему ка-

залось, что их должно быть раза в два меньше. При взгляде на снимки память ожила и возвратилась, хотя ее образы оставались-таки размытыми и нечеткими. Он вспомнил: ему тогда померещилось, что окрестности затянуты пеленой тумана; однако фотографии представляли тот мир с безжалостной резкостью. Почерневшие развалины не оставляли сомнения в том, что город подвергся бомбардировке; на голой вершине холма виднелись скелеты деревьев, каким-то образом уцелевших среди безумия пожара. Что касается людей, спешивших по склону холма, они попали лишь на одну-единственную фотографию, и удивляться тут было нечему: заметив их, он сломя голову кинулся к машине, ему было не до снимков. Разглядывая фото, Рэнд отметил, что люди были ближе, чем ему показалось в тот момент. Должно быть, они находились там все время, просто он, в своем потрясении, не сразу заметил их. Если бы они не шумели, то без труда застали бы его врасплох. Да, как они близко, можно даже различить отдельные лица! Интересно, кто из них тот самый Боб Джентри, которого узнал служащий из ателье?

Рэнд сложил фотографии в конверт и запихнул его в карман пиджака, а затем выбрался из маши-

ны и спустился к воде. Ширина речки составляла не больше десяти футов. Под мостом течение слегка замедлялось; здесь было нечто вроде заводи, по берегам которой, похоже, предпочитали устраиваться рыбаки. Рэнд уселся на землю и уставился на реку. Берег нависал над водой козырьком, под которым, на глубине, сновали, должно быть, рыбы, ожидая крючков с насаженными на них червями. Сидеть у воды, в тени раскидистого дуба, что рос за мостом, было приятно и покойно. Где-то вдалеке тарахтела сенокосилка, гладь реки сверкала на солнце, подергиваясь рябью всякий раз, как очередное плавучее насекомое попадало в рыбью пасть. Хорошо, подумал Рэнд, отличное место, чтобы отдохнуть. Он попытался освободить мозг, избавиться от воспоминаний, притвориться, будто ничего не случилось, будто тревожиться совершенно не о чем. Однако его попытки оказались тщетными. Он понял, что должен поразмыслить над словами Стерлинга. «Если идти не останавливаясь, может, удастся уйти от всего этого?»

До какой степени отчаяния нужно довести человека, чтобы он стал задаваться такими вопросами! Или дело тут не в отчаянии, а в беспокойстве, одиночестве, усталости, неспособности,

наконец, предугадать будущее? Да, неспособность предугадать будущее или страх перед завтрашним днем. Это волнение сродни знанию о том, что через несколько лет (всего ничего, иначе откуда бы тот тип из ателье узнал своего приятеля на фотографии?) боевая ракета сотрет с лица земли крохотный городок в штате Айова. За что его уничтожать? Обыкновенный провинциальный городок, не Лос-Анджелес, не Нью-Йорк и не Вашингтон, отнюдь не транспортный или промышленный центр, никакое правительство в нем не располагается. Ему достанется просто так, по ошибке, из-за отклонения от программы. Впрочем, какая разница? Вполне возможно, что через те же несколько лет придет конец стране и всему миру. Так оно и будет, подумал Рэнд. Сколько усилий, сколько надежд и упований — и все, все без исключения пойдет коту под хвост. Разумеется, от подобного исхода захочется не то что уйти, а сбежать, рассчитывая найти где-нибудь по дороге забвение. Однако необходимо, чтобы было откуда уйти, ибо так, с бухты-барахты, никуда и ни от чего не уйдешь.

Сидя на берегу реки, Рэнд размышлял о том, что сказал Стерлинг, и не торопился прогонять обуревавшие его мысли, которые при иных усло-

виях, в иной обстановке счел бы нелепыми и праздными. Мысли накапливались в его мозгу, как бы порождая новые пространство и время, и вдруг он понял — внезапно и сразу, без утомительных поисков ответа, — что знает, откуда следует начинать. На мгновение ему стало страшно, он почувствовал себя дурачком, угодившим в ловушку собственных бессознательных фантазий. Здравый смысл твердил ему, что так оно на самом деле и есть. Горькие странствия отвергнутого по бесконечным дорогам, шок фотографий, странная, месмерическая притягательность тенистой заводи, словно отделенной от реального мира, — если сложить все вместе, чем не бредовая фантазия?

Рэнд поднялся и повернулся лицом к машине, однако перед его мысленным взором по-прежнему маячило то место, откуда следовало начинать. В мальчишеском возрасте, лет девяти или десяти от роду, он обнаружил распадок, не то чтобы овраг, но и не лощину, выводивший от холма, на котором стояла ферма дядюшки, в речную долину. Он был в том распадке один-единственный раз, больше не получилось: работы на ферме вечно было невпроворот. Рэнд принялся вспоминать, что и как, но быстро сообразил, что память

вновь подводит его. Ему вспоминался лишь один миг, мгновение истинного волшебства, некое подобие кадра из художественного фильма, картина, которая почему-то запечатлелась в памяти. Почему? Может, потому, что лучи солнца как-то по особенному осветили тогда местность? Или потому, что у него будто открылось второе зрение? Или потому, что он на долю секунды ощутил истину, соприкоснулся с тем, что лежит за гранью повседневности? Так или иначе, он был убежден, что познал подлинное волшебство.

Рэнд вернулся к машине, уселся за руль. Он глядел на мост, на реку и поля за ней, однако видел не их, а карту местности. Выехав на шоссе, он повернет не направо, а налево, в сторону города, а там, не доезжая реки, будет поворот на проселок, который через сотню с небольшим миль выведет к волшебному распадку. Да, Рэнд видел перед собой карту, и в нем исподволь укреплялась решимость. Однако он сказал себе: хватит глупить, какие еще волшебные долины, поворачивать нужно направо, думать же не о всякой ерунде, а о работе, которая, возможно, ждет его в Чикаго. Тем не менее на шоссе он повернул налево.

Попасть сюда было легче легкого, думал он, сидя на крыльце. Никаких блужданий по дорогам,

никаких остановок, чтобы узнать, туда ли он направляется. Нет, он вел машину так, словно ехал этой дорогой только вчера. Ему пришлось остановиться у горла долины, ибо проселок внезапно обрывался; он остановил автомобиль и двинулся дальше пешком. Рэнд признался себе, впервые с тех пор, как очутился в деревне, что запросто мог не попасть в нее, пускай даже исходил распадок вдоль и поперек; главное было не найти, а узнать. Ему повезло, он узнал то, что видел и запомнил мальчишкой, узнал и вновь ощутил волшебство. Он отыскал тропинку, которая возникла будто из пустоты, привела его на вершину холма и незаметно перетекла в деревенскую улицу. Он ступил на эту улицу, залитую лучами осеннего солнца, и вскоре увидел пожилую даму, что поджидала его у забора своего дома, как если бы ее заранее известили о том, что он вот-вот подойдет.

Расставшись с ней, он зашагал к дому, который, по словам дамы, принадлежал ему. Едва он поднялся на крыльцо, как послышался стук: кто-то стучал в заднюю дверь.

— Я Молочник, — объяснил стучавший, когда Рэнд отпер дверь. То был то ли человек, то ли призрак: его облик словно постоянно менялся; стоило на мгновение отвернуться, как создавалось впе-

чатление, что перед вами — совсем другое лицо.

— Молочник, — повторил Рэнд. — Что ж, пожалуй, молоко мне пригодится.

— Вдобавок, — продолжал Молочник, — могу предложить яйца, хлеб, масло, ветчину и прочее. Вот керосин, теперь у вас есть чем заправить лампу. Дров достаточно, потом наколю еще. Спички и щепки на растопку, как войдете, слева от двери.

Рэнд припомнил вдруг, что ни разу не платил Молочнику и даже не порывался заплатить. Молочник был не из тех, при ком можно было упоминать о деньгах. В заказах необходимости, как правило, не возникало: Молочник каким-то образом узнавал, кто и в чем нуждается, не заводя о том разговора. Рэнду стало стыдно при воспоминании о том, какие последствия имела его необдуманная фраза насчет семян. Он поставил в неловкое положение не только Молочника, но и самого себя, ибо, едва слова сорвались у него с языка, он понял, что нарушил некий неписаный закон, который тут обязателен для всех.

На дворе постепенно сгущались сумерки. Скоро пора будет готовить ужин. А потом? Почитать? Нет, не хочется. Может, посидеть над планом разбивки сада? Опять-таки нет. Во-первых, у него все равно нет семян, а во-вторых, кто же сажает

сад в краю вечной осени?

В гостиной дома напротив, просторной комнате с массивной мебелью и огромным камином, зажегся свет. Старик с палочкой что-то не возвращался, хотя ему давно уже пора было вернуться. Издалека доносились голоса играющих детей. Старость и молодость, подумал Рэнд, старость, которая ни о чем не тревожится, и молодость, которая ни о чем не думает. Однако он не стар и не молод; что же он тогда делает здесь?

Рэнд встал, спустился с крыльца и вышел на улицу, пустынную, как всегда. Он медленно направился в сторону парка на окраине деревни, где часто бывал и просиживал часами на скамейке под сенью деревьев. Он был уверен, что найдет там детей, хотя не знал, на чем основывается его уверенность; до сих пор он детей не встречал, лишь слышал их голоса. Он шагал мимо притаившихся в сумраке домов и думал о том, жили ли в них когда-нибудь люди. Сколько вообще жителей в этой безымянной деревушке? Пожилая дама рассуждала о своих друзьях, которые когда-то проживали тут, но потом уехали. Однако вполне возможно, что с возрастом она приобрела привычку выдавать желаемое за действительное. Так или иначе, заметил про себя Рэнд, дома

находились в довольно-таки приличном состоянии. Там не хватало черепицы, сям облупилась краска, но нигде не было видно ни выбитых окон, ни прогнившей древесины, ни покосившихся водопроводных труб. Словом, возникало впечатление, что их совсем недавно отремонтировали.

Улица привела Рэнда в парк. Он по-прежнему слышал голоса детей, но теперь они звучали приглушеннее, не так громко, как раньше. Рэнд прошел через парк и остановился на опушке, глядя на окрестные поля. На востоке вставала луна, полная луна, струившая столь яркий свет, что можно было рассмотреть каждую кочку, каждый куст, чуть ли не каждый листик на дереве, под которым стоял Рэнд. Он осознал вдруг, что луна была полной всегда, она поднималась в небо с заходом солнца и исчезала перед рассветом и выглядела всегда огромной желтой тыквой, этаким вечно спелым плодом, еще одной характерной особенностью края вечной осени. Осознание этого явилось для Рэнда чем-то вроде потрясения основ. Почему, ну почему он не замечал прежде? Ведь он пробыл здесь достаточно долго, чтобы заметить, достаточно долго, в конце концов, смотрел на луну — и на тебе! А сколько он пробыл здесь — недели, месяцы, год? Он попытался

посчитать, прикинуть и обнаружил, что у него ничего не выходит. Ему не от чего было оттолкнуться. Дни тут были похожи друг на друга, как близнецы, время текло столь плавно, что трудно было сказать, движется оно или застыло в неподвижности.

Детские голоса постепенно отдалялись. Прислушавшись к ним, Рэнд постиг, что они звучат у него в сознании. В действительности же дети давно разошлись по домам. Да, они придут снова, если не завтра, то послезавтра, придут и будут играть и шуметь, но теперь они ушли. Впрочем, какая разница? К чему убеждать себя, что они и впрямь существуют?

Рэнд повернулся спиной к полям и побрел обратно. Когда он приблизился к своему дому, ему навстречу из темноты выступила какая-то фигура. Он узнал пожилую даму. Судя по всему, она дожидалась его возвращения.

— Добрый вечер, мэм, — поздоровался Рэнд. — Отличная погода, не правда ли?

— Он ушел, — проговорила дама. — Ушел и не вернулся, точь-в-точь как остальные.

— Вы про старика?

— Про нашего соседа, — ответила она. — Старика с палочкой. Я не знаю, как его зовут, никогда

не знала. И ваше имя для меня тоже загадка.

— Я вам представлялся, — заметил Рэнд, но она не обратила на его слова ни малейшего внимания.

— Мы жили почти рядом, — продолжала она, — и понятия не имели, как кого зовут. Мы безымянный народ. По-моему, это ужасно, ужасно!

— Я поищу его, — сказал Рэнд. — Он мог заблудиться.

— Да, поищите, поищите, — отозвалась дама, — пожалуйста, поищите его. Вам станет легче. Вы избавитесь от чувства вины. Но вам его не найти.

Рэнд медленно двинулся в том направлении, какое обычно избирал старик. У него сложилось впечатление, что тот ходил по центральной площади и обратно, но наверняка сказать было невозможно; до сих пор маршрут прогулок старика не представлялся чем-то важным, что заслуживало бы изучения. Едва ступив на площадь, Рэнд углядел на тротуаре некий предмет, оказавшийся при ближайшем рассмотрении стариковой шляпой. Хозяина шляпы нигде не было. Рэнд подобрал головной убор, расправил его и взял за поля, чтобы лишний раз не помять.

Площадь нежилась в лунном свете. Посреди

нее возвышался памятник неизвестно кому. Обосновавшись в деревне, Рэнд попробовал было выяснить, кого изображает статуя, но потерпел неудачу. На гранитном постаменте не было ни бронзовой таблички с именем, ни выбитой в камне пояснительной надписи. Черты лица статуи сгладились под воздействием времени, плащ, в который облачил изваяние неведомый скульптор, лишал возможности датировать ее по одежде, в позе каменного человека не было ровным счетом ничего примечательного. Статуя стояла на площади немым свидетельством людской забывчивости.

Рэнд огляделся по сторонам и, в который уже раз, поразился нарочитой несовременности деревни. Лавка мясника, парикмахерская, кузница, но ни гаража, ни станции обслуживания, ни пиццерии, ни закусочной. Жилые дома рассказывали историю поселения, а площадь словно кичилась ею. Деревня была неизмеримо древней, осколком былого, уцелевшим в урагане времени, кусочком минувшего столетия. Правда, на ней лежал отпечаток нереальности, как будто ее построили специально, чтобы продемонстрировать, каким было прошлое. Рэнд покачал головой. Что с ним сегодня такое? Откуда взялись эти сомнения и по-

дозрения, после стольких-то дней мира и покоя?

Рэнд пересек площадь и почти сразу натолкнулся на палку старика. Получается, тот свернул в переулок, рядом с которым валялась его трость? Но почему он бросил палку? Сначала шляпа, потом палка. Что тут произошло? Рэнд вновь огляделся, надеясь уловить в тени какое-нибудь движение, различить на границе света и тьмы чей-то призрачный силуэт, но, как и следовало ожидать, ничего не увидел. Если кто и был на площади, он давно уже ушел отсюда.

Шагая переулком, которым, вероятно, проходил старик, Рэнд настороженно всматривался во мрак. Темнота дурачила его, поминутно заставляя напрягаться, а потом, словно потешаясь, отступала, показывая, что волноваться было нечего. Несколько раз он замирал на месте, ибо ему чудилось, что кто-то крадется по улочке, прячась в тени домов, однако тревога оказывалась ложной. Наконец переулок вывел Рэнда на окраину поселения и обернулся утоптанной тропинкой. Рэнд заколебался. Старик потерял шляпу и трость; судя по тому, где он их потерял, он избрал именно этот путь. Если так, значит он покинул деревню. Может, ему что-то угрожало? Гадать можно было сколько угодно, одна версия

представлялась ничуть не хуже другой. Возможно, старик заплутал в ночи, возможно, испугался или ему стало плохо; так или иначе, он наверняка нуждается в помощи.

Рэнд устремился вперед. Тропа мало-помалу становилась все менее различимой. По траве прошмыгнул кролик, вдалеке зловеще заухала сова. С запада задувал пронизывающий ветер, он навевал тоску и печаль, свойственные местности, которую населяют лишь кролики да совы. Тропа оборвалась. Рощицы и заросли приземистых кустов сошли на нет; перед Рэндом простиралась травянистая равнина, выбеленная лучами луны, безликая прерия. Рэнд откуда-то знал, что она тянется до самого горизонта. Эта равнина обладала вкусом и запахом вечности. Он вздрогнул и тут же спросил себя, отчего дрожит. Ответ был очевиден: он смотрел на траву, а трава глядела на него, знала и поджидала, манила к себе. Стоит ему войти в нее, и он сгинет навсегда, поглощенный беспредельностью и обезличенностью равнины. Рэнд развернулся и побежал. Ему было страшно, до такой степени, что он не постеснялся бы признаться в этом первому встречному. На окраине деревни он остановился и оглянулся. Трава осталась позади, ее не было видно, однако

ему чудилось, что она крадется во тьме, подбирается ближе и ближе, а ветер гонит по ней серебристые волны.

Рэнд побежал дальше, но уже не так быстро, вскоре очутился на площади, пересек ее, достиг своего дома. Его удивило, что в окнах дома напротив нет света, однако он не стал задерживаться и направился на ту улицу, которая когда-то привела его сюда. Что-то подсказывало ему, что приспела пора покинуть деревню, распроститься с волшебством вечной осени и всегда полной луны, с безликим морем травы и голосами невидимых детей, со стариком, который канул в небытие, бросив шляпу и трость; что следует отыскать дорогу в прежний мир, где некоторые люди работают, а другие бродят по свету в поисках работы, где происходят мелкие стычки, а фотоаппараты добросовестно фиксируют будущее.

Он вышел из деревни. Сейчас, сейчас тропа вильнет вправо, вниз по обрывистому склону, к источнику волшебства, обретенному столько лет спустя. Рэнд двигался медленно и осторожно, пристально глядя себе под ноги, чтобы не прозевать поворот. Путь занял гораздо больше времени, чем он предполагал, и внезапно он понял, что, как бы ни старался, сколько бы ни

искал, ему не найти обрывистого склона и тропы, что бежит вниз. Перед ним стеной встала трава. Он догадался, что угодил в западню, что ему не покинуть деревни иначе, нежели как по дороге, избранной стариком, по дороге в никуда. Он не стал приближаться к траве, памятуя о пережитом ужасе. Пускай его назовут трусом, но ужаса с него достаточно.

Рэнд возвратился в деревню. На всякий случай он не сводил глаз с тропы, надеясь в глубине души, что вот-вот покажется желанный поворот. Но чуда не произошло, хотя поворот, несомненно, существовал — по крайней мере в ту пору, когда он пришел сюда. Кроны деревьев, сквозь которые пробивался лунный свет, отбрасывали на стены зданий причудливые тени. В доме напротив по-прежнему было темно; вдобавок от него почему-то исходило ощущение заброшенности. Рэнд вспомнил, что не ел с самого полудня, когда утолил голод сандвичем. Надо посмотреть в молочном ящике. Кстати, он заглядывал туда утром или нет?

Рэнд направился к черному ходу, возле которого был установлен молочный ящик. Там стоял Молочник, выглядевший призрачнее обычного, что ли, размытее, расплывчатее; шляпа с широ-

кими полями совершенно затеняла его лицо.

Рэнд ошарашенно уставился на него. Облик Молочника как-то не вязался с лунным светом осенней ночи. Он принадлежал раннему утру, прочие времена суток были не для него.

— Я пришел узнать, не требуется ли моя помощь, — сказал Молочник.

Рэнд промолчал. Голова у него шла кругом, язык не поворачивался сказать хоть слово.

— Вам не нужен пистолет? — справился Молочник.

— Пистолет? Зачем он мне?

— Вечер доставил вам много неприятностей. Возможно, с пистолетом в руке или на поясе вы почувствуете себя спокойнее.

Рэнд заколебался. Ему показалось, или в голосе Молочника и впрямь проскользнула насмешка?

— Или крест.

— Крест?

— Распятие. Символ…

— Нет, — прервал Рэнд. — Крест мне ни к чему.

— Может быть, книгу по философии?

— Нет! — воскликнул Рэнд. — Это все в прошлом. Мы верили во все это, полагались на него, а потом оказалось, что полагаться не стоило, и…

Он умолк, потому что собирался сказать совсем

не то, если собирался вообще. Он ощущал себя марионеткой: слова как будто вкладывал в его уста кто-то другой, а сам он лишь раскрывал рот.

— Или вам нужны деньги?

— Вы смеетесь надо мной, — вздохнул Рэнд. — Какое у вас право…

— Я только перечисляю то, чему привержены люди, — отозвался Молочник.

— Скажите мне, пожалуйста, без утайки: можно ли выбраться отсюда?

— Вернуться туда, откуда вы пришли?

— Да, именно так.

— Вам не к чему возвращаться, — проговорил Молочник. — Таков удел всякого, кто приходит сюда.

— Но ведь старик ушел! Помните, старик в черной фетровой шляпе, с тросточкой? Он потерял их, а я нашел.

— Он не вернулся, — возразил Молочник, — он отправился дальше. Не спрашивайте куда, я все равно не знаю.

— Однако вы не станете отрицать, что замешаны в этом?

— Я лишь скромный слуга. У меня есть работа, которую я стараюсь выполнять по мере сил. Я забочусь о тех, кто живет здесь, не более того.

Рано или поздно наступает время, когда люди уходят. Я бы назвал деревню местом отдыха на пути в неведомую даль.

— Местом подготовки, — поправил Рэнд.

— Что?

— Так, ничего, — пробормотал Рэнд. — Просто сорвалось с языка.

Во второй раз, подумалось ему, он произносит то, что вовсе не думал произносить.

— Приятнее всего то, — сказал Молочник, — что тут никогда ничего не происходит, и о том не следует забывать. — Он спустился с крыльца на садовую дорожку. — Вы упоминали старика. Так вот, ушел не только он. Пожилая дама тоже. Они оба задержались куда дольше, чем принято.

— Выходит, я остался один?

Молочник, который направился к калитке, остановился и обернулся.

— Скоро придут другие, — проговорил он. — Они приходят постоянно.

Что там говорил Стерлинг о переоценке человеком собственных умственных способностей? Рэнд напряг память, но, как ни старался, так и не сумел вспомнить. Но если Стерлинг прав по сути, какая разница, какими словами он выразил свою мысль? В таком случае человеку необходимо

место вроде этого, где ничего не случается, луна всегда полная и круглый год осень; да, необходимо — на известный срок.

Внезапно у Рэнда возникла новая мысль, и он крикнул вслед Молочнику:

— Но эти другие, станут ли они разговаривать со мной? Смогу ли я поговорить с ними? Узнаю ли, как их зовут?

Молочник отворил калитку. Судя по всему, он не слышал вопросов Рэнда.

Лунный свет утратил толику своей яркости, небо на востоке слегка порозовело — занимался очередной бесподобный осенний день.

Рэнд обошел вокруг дома, поднялся на парадное крыльцо, уселся в кресло-качалку и принялся ждать новеньких.

Отец-основатель
Перевод Л. Жданова

Перед самыми сумерками Уинстон-Кэрби возвращался домой по заросшей вереском пустоши и думал, что природа показывает себя сейчас во всей красе. Солнце медленно погружалось в пурпурную пену облаков, и на низины уже пал серебристо-серый туман. Порой ему казалось, что сама вечность притихла, затаила дыхание.

День выдался хороший, и было приятно возвращаться домой, где все уже ждут его, стол накрыт, камин пылает, бутылки откупорены. Как жаль, что никто не составил ему компании в прогулке, хотя именно сейчас он был рад этому. Иногда хочется побыть одному. Почти сто лет провел он на борту космического корабля, и почти всегда — на людях.

Но теперь это было позади, и они все шестеро могли поселиться здесь и вести жизнь, о которой мечтали. Прошло всего несколько недель, а планета уже кажется домом; пройдут годы, и она на самом деле станет их домом, даже более родным, чем Земля.

И вот уже в который раз он радовался и удивлялся, как им вообще все удалось. Невероятно, как это Земля могла выпустить шестерых бессмертных из своих цепких рук. Земля действительно очень нуждалась в своих бессмертных, и то, что не один, а шестеро могли ускользнуть, чтобы начать жить так, как им хочется, было совершенно непостижимым. И все-таки это произошло.

Есть тут что-то странное, говорил себе Уинстон-Кэрби. Во время своего векового полета от Земли они часто говорили об этом и удивлялись, как все случилось. Помнится, Крэнфорд-Адамс был убежден, что это хитрая ловушка, но прошло сто лет, а никакой ловушки и в помине нет. Крэнфорд-Адамс, пожалуй, ошибался.

Уинстон-Кэрби поднялся на вершину небольшого холма и в сгущавшихся сумерках увидел дом — именно о таком доме он мечтал все эти годы, только такой дом и надо было строить в этом прекрасном крае, разве что роботы перестарались и сделали его слишком большим. Но он утешал себя: таковы уж эти роботы. Работящие, добросовестные, услужливые, но порой невыносимо глупые.

Он стоял на вершине холма и разглядывал дом. Сколько раз, собравшись за обеденным столом,

он и его товарищи обсуждали план будущего дома! Как часто сомневались они в том, насколько точны сведения об этой планете, которую они долго выбирали по «Картотеке исследований», как боялись, что в действительности она окажется совсем не такой, какой ее описывали.

И наконец вот оно — что-то от Харди, что-то из «Баскервильской собаки» — давняя мечта, ставшая явью.

Вот усадьба, во всех окнах горит свет. Темная громада построек для скота, который они привезли с собой в корабле в виде замороженных эмбрионов и сейчас поместили в инкубатор. Там — равнина, на которой через несколько месяцев будут поля и сады, а на севере стоит корабль, проделавший огромный путь. И вдруг на глазах Уинстона-Кэрби прямо над носом корабля загорелась первая яркая звездочка. Корабль и звезда были в точности похожи на традиционную рождественскую свечу.

Ликующий от переполнявшего его счастья, Уинстон-Кэрби стал спускаться с холма; в лицо повеяло ночной прохладой, в воздухе стоял знакомый издревле запах вереска.

Грешно так радоваться, думал он, но на это есть причины. Летели удачно, сели на планету

успешно, и вот он здесь, полновластный хозяин целой планеты, на которой когда-нибудь станет основателем рода и династии. И у него масса времени впереди. Нет нужды торопиться. Впереди, если понадобится, целая вечность.

И что лучше всего, у него хорошие товарищи.

Они будут ждать момента, когда он появится на пороге. Они посмеются и сразу выпьют, потом не спеша пообедают, а позже будут пить бренди перед пылающим камином. И разговаривать… неторопливо, задушевно, дружелюбно.

Именно разговоры, вернее чем что бы то ни было, помогли им не потерять рассудка за время векового космического полета. Именно это, их приязнь, согласие по поводу наиболее утонченных сторон человеческой культуры — понимание искусства, любовь к литературе, интерес к философии. Нечасто шестеро людей могут прожить вместе сотню лет без единой ссоры, без размолвок.

В усадьбе они уже ждут его: свечи зажжены, коктейли готовы, идет беседа, и в комнате тепло от дружелюбия и полного взаимопонимания.

Крэнфорд-Адамс сидит в большом кресле перед камином, глядит на пламя и думает: ведь в группе он самый глубокий мыслитель. А Эллин-

Бэрбидж стоит, облокотившись на каминную доску и сжимая в руке стакан, с блестящими от хорошего настроения глазами. Козетта-Миддлтон разговаривает с ним и смеется, потому что она хохотушка. У нее легкий, как у эльфа, нрав и золотистые волосы. Анна-Куинз, вероятнее всего, читает, свернувшись в кресле, а Мэри-Фойл просто ждет его, радуясь жизни и друзьям.

Это товарищи по долгому путешествию — такие отзывчивые, терпимые и добрые, что и в целый век не потускнела красота их дружбы.

Подумав о пятерых, которые ждут его, Уинстон-Кэрби против своего обыкновения побежал: ему страстно захотелось быть с ними, рассказать им о прогулке по пустоши, обсудить некоторые детали совместных планов.

Он перешел на шаг. Как обычно, ветер с наступлением темноты стал холодным, и Уинстон-Кэрби поднял воротник куртки, чтобы хоть как-то защититься от него.

Он подошел к двери и немного постоял на холоде, в который раз любуясь массивной деревянной конструкцией и приземистой солидностью здания. Усадьба построена на века, дабы внушить будущему поколению чувство прочности существования.

Он нажал на защелку, надавил дверь плечом, и она медленно отворилась. Изнутри пахнуло теплым воздухом. Уинстон-Кэрби вошел в прихожую и закрыл за собой дверь. Сняв шапку и куртку, он стал искать, куда бы повесить их, нарочно топая и шаркая ногами, чтобы дать знать другим о своем возвращении.

Но его никто не приветствовал, не слышно было счастливого смеха. Там, в комнате, царила тишина.

Уинстон-Кэрби повернулся так резко, что рукой задел куртку и сорвал ее с крючка. Она шурша упала на пол.

Он было побежал, но ноги стали как ватные, и он зашаркал ими, обмирая от страха.

Дошел до двери в комнату и остановился, не решаясь от ужаса двинуться дальше. Расставив руки, он вцепился в дверные косяки.

В комнате никого не было. Мало того… комната совершенно переменилась. И не просто потому, что исчезли товарищи. Исчезла также богатая обстановка комнаты, исчезли ее уют и благородный вид.

Не было ни ковров на полу, ни занавесей на окнах, ни картин на стенах. Ничем не украшенный камин сложен из необработанного камня.

Мебель (то немногое, что было) примитивная, грубо сколоченная. Перед камином — небольшой стол на козлах, а у того места, где стоял прибор на одну персону, — трехногий табурет.

Уинстон-Кэрби пытался кого-нибудь позвать. Но слова застряли в горле. Он сделал еще одну попытку, и она удалась.

— Джоб! Джоб, где ты?

Откуда-то из глубины дома прибежал робот.

— Что случилось, сэр?

— Где остальные? Куда они ушли? Они должны были ждать меня!

Джоб слегка покачал головой:

— Мистер Кэрби, их тут не было.

— Не было?! Но утром, когда я уходил, они же были. Они знали, что я вернусь.

— Вы не поняли меня, сэр. Здесь никого никогда не было. Только вы, я и другие роботы. И эмбрионы, конечно.

Уинстон-Кэрби опустил руки и сделал несколько шагов вперед.

— Джоб, — сказал он, — ты шутишь.

Но он знал, что ошибается: роботы никогда не шутят.

— Мы старались оставить их вам как можно дольше, — сказал Джоб. — Нам очень не хотелось

отнимать их у вас, сэр. Но оборудование нам понадобилось для инкубаторов.

— А эта комната! Ковры, мебель…

— И это тоже, сэр. Все это димензино.

Уинстон-Кэрби медленно подошел к столу, придвинул трехногий табурет и сел.

— Димензино? — переспросил он.

— Вы, конечно, помните, что это.

Он поморщился, показывая, что не знает. Но кое-что он уже начал вспоминать, медленно, нехотя пробиваясь сквозь туман многих лет забытья.

Уинстон-Кэрби не хотел ни вспоминать, ни знать. Он попытался задвинуть все в темный угол сознания. А это уже было кощунство и предательство… это было безумие.

— Человеческие эмбрионы, — сказал Джоб, — перенесли путешествие хорошо. Из тысячи только три нежизнеспособны.

Уинстон-Кэрби потряс головой, словно разгоняя туман, которым заволокло его мозг.

— Все инкубаторы установлены в пристройках, сэр, — продолжал Джоб. — Мы ждали сколько могли, а потом забрали оборудование димензино. Мы дали вам попользоваться им до последней минуты. Было бы легче, сэр, если бы мы могли

это делать постепенно, но не получилось. Или димензино есть, или его нет.

— Разумеется, — с трудом выдавил из себя Уинстон-Кэрби. — Вы очень любезны. Большое спасибо.

Он встал, пошатнулся и провел рукой по глазам.

— Это невозможно, — сказал он. — Этого просто не может быть. Я жил вместе с ними сто лет. Они такие же настоящие, как и я. Говорю тебе, они были из плоти и крови. Они…

Комната по-прежнему была голая и пустая. Насмешливая пустота. Злая насмешка.

— Это возможно, — мягко сказал Джоб. — Так оно и было. Все идет по плану. Вы здесь и по-прежнему в здравом уме благодаря димензино. Эмбрионы перенесли путешествие лучше, чем ожидалось. Оборудование не повреждено. Месяцев через восемь из инкубаторов начнут поступать дети. К тому времени мы разобьем сады и засеем поля. Эмбрионы домашнего скота тоже помещены в инкубаторы, и колония будет обеспечена всем необходимым.

Уинстон-Кэрби шагнул к столу и поднял единственную тарелку, стоявшую на нем. Она была из легкого пластика.

— Скажи мне, у нас есть фарфор? Есть у нас хрусталь или серебро?

У Джоба был почти удивленный вид, если только робот вообще мог удивляться.

— Конечно нет, сэр. На корабле у нас было место только для самых необходимых вещей. Фарфор, серебро и все прочее подождут.

— Значит, у меня был скудный корабельный рацион?

— Естественно, — сказал Джоб. — Места было мало, а взять надо было так много…

Уинстон-Кэрби стоял с тарелкой в руке, постукивая ею по столу, вспоминая прошлые обеды (и на борту корабля, и после посадки), горячий суп в приятной на ощупь супнице, розовые сочные ребрышки, громадные рассыпчатые картофелины, хрустящий зеленый салат, сверкание начищенного серебра, мягкий блеск хорошего фарфора…

— Джоб, — сказал он.

— Да, сэр?

— Значит, это все была иллюзия?

— К сожалению, да, сэр. Простите, сэр.

— А вы, роботы?

— Все мы в прекрасном состоянии, сэр. С нами другое дело. Мы можем смотреть действительности в глаза.

— А люди не могут?

— Иногда их лучше защитить от нее.

— Но не теперь?

— Больше нельзя, — сказал Джоб. — Теперь вы должны посмотреть действительности в глаза, сэр.

Уинстон-Кэрби поставил тарелку на стол и повернулся к роботу лицом:

— Я пойду в свою комнату и сменю костюм. Надеюсь, обед будет готов скоро. И несомненно, корабельный рацион?

— Сегодня особый обед, — сказал Джоб. — Иезекия нашел лишайники, и я сделал кастрюлю супа.

— Превосходно! — сказал Уинстон-Кэрби, пряча усмешку.

Он поднялся по лестнице к двери своей комнаты.

Но тут внизу протопал еще один робот.

— Добрый вечер, сэр, — сказал он.

— А кто ты?

— Я Соломон, — ответил робот. — Я строю ясли.

— Надеюсь, звуконепроницаемые?

— О нет. У нас не хватает ни материала, ни времени.

— Ладно, продолжайте, — сказал Уинстон-Кэр-

би и вошел в комнату.

Это была вообще не его комната. Вместо большой кровати на четырех ножках, в которой он спал, висела койка, и не было ни ковров, ни большого зеркала, ни кресел.

— Иллюзия! — сказал он, но сам не поверил. Это была уже не иллюзия. От комнаты веяло холодом мрачной действительности — действительности, которую надолго не отсрочишь. Оказавшись в крохотной комнатенке один, он остался лицом к лицу с действительностью — и еще больше ощутил потерю. Это был расчет на очень далекое будущее, так надо было сделать… не из жалости, не из осторожности, а в силу холодной, упрямой необходимости. Это была уступка человеческой уязвимости.

Потому что ни один человек, даже самый приспособленный, даже бессмертный, не мог бы перенести такое долгое путешествие и сохранить здоровыми тело и дух. Чтобы прожить век в космических условиях, нужна иллюзия, нужны спутники. Они обеспечивают безопасность и полноту жизни изо дня в день. И спутники должны быть не просто людьми. Спутники-люди, даже идеальные, будут давать поводы для бесчисленных раздражений, которые приведут к

смертельной космической лихорадке.

Тут может помочь только димензино — спутники, порожденные им, приспосабливаются к любому настроению человека. Кроме того, создается обстановка для такого товарищества; жизнь, в которой исполняются все желания, обеспечивает безопасность, какой человек не знал даже в нормальных условиях.

Уинстон-Кэрби сел на койку и стал развязывать шнурки тяжелых ботинок.

Он подумал, что человеческий род практичен — практичен до такой степени, что надувает себя ради достижения цели, практичен до такой степени, что создает оборудование димензино из деталей, которые затем, по прибытии, могут быть использованы при сооружении инкубаторов.

Человек охотно ставит все на карту только тогда, когда в этом есть необходимость. Человек готов держать пари, что выживет в космосе, проживет целое столетие, если его изолируют от действительности — изолируют при помощи кажущейся плоти, которая, в сущности, живет только милостью человеческого мозга, подталкиваемого электроникой.

До сих пор ни один корабль не забирался так далеко с колонизаторской миссией. Ни один

человек не просуществовал и половины такого срока под влиянием димензино. Но было всего несколько планет, где человек мог основать колонию в естественных условиях, без громадных дорогих сооружений, без мер предосторожности. Ближайшие планеты были уже колонизированы, а разведка показала, что эта планета, которой он наконец достиг, особенно привлекательна.

Поэтому Земля и человек держали пари. Особенно один человек, сказал себе с гордостью Уинстон-Кэрби, но в его устах слова эти прозвучали не гордо, а горько. Когда голосовали, вспомнил он, за его предложение высказались только трое из восьми.

И все же, несмотря на горечь, он понимал значение того, что совершил. Это был еще один прорыв, еще одна победа маленького неуемного мозга, стучавшегося в двери вечности.

Это значило, что путь в Галактику открыт, что Земля может оставаться центром расширяющейся империи, что димензино и бессмертный могут путешествовать на самый край космоса, что семя человека будет заброшено далеко — замороженные эмбрионы пронесутся сквозь холодные черные бездны, о которых даже подумать страшно.

Уинстон-Кэрби подошел к небольшому комоду, нашел чистую одежду и, положив ее на койку, стал снимать свой прогулочный костюм.

Все идет согласно плану, как сказал Джоб.

Дом и впрямь больше, чем он того хотел, но роботы правы: для тысячи младенцев понадобится большое здание. Инкубаторы действуют, ясли готовятся, подрастает еще одна далекая колония Земли.

А колонии важны, подумал он, припоминая тот день, сто лет назад, когда он и многие другие изложили свои планы. Там был и его план — как под влиянием иллюзии сохранить разум. В результате мутаций появляется все больше и больше бессмертных, и недалек тот день, когда человечеству понадобится все пространство, до которого оно только сможет дотянуться.

И именно появившиеся в результате мутаций бессмертные становятся руководителями колоний: они отправляются в космос в качестве отцов-основателей и в начальной стадии руководят каждый своей колонией, пока она не встанет на ноги.

Уинстон-Кэрби знал, что дел хватит на десятки лет: он будет отцом, судьей, мудрецом и администратором, своего рода старейшиной совершенно

нового племени.

Он натянул брюки, сунул ноги в туфли и встал, чтобы заправить рубашку в брюки. И по привычке повернулся к большому зеркалу.

И зеркало оказалось на месте!

Изумленный, глупо раскрыв рот, он смотрел на собственное отражение. И в зеркале же он увидел, что позади стоят кровать на четырех ножках и кресла.

Он круто повернулся: кровать и кресла исчезли. В противной комнатенке остались только койка да комод.

Он медленно присел на край койки и до дрожи стиснул руки.

Это неправда! Этого не может быть! Димензино больше нет.

И все же оно с ним, оно притаилось в мозгу, совсем рядом, надо только поискать.

Найти его оказалось легко. Комната сразу изменилась и стала такой, какой он помнил ее: большое зеркало, массивная кровать (вот он сидит на ней), пушистые ковры, сверкающий бар и со вкусом подобранные занавеси.

Он пытался прогнать видение, просто отыскав в каком-то далеком темном чулане своего сознания воспоминание о том, что он должен

прогнать его.

Но видение не исчезло.

Он делал все новые и новые попытки, но оно не исчезало, и он чувствовал, как желание прогнать видение ускользает из его сознания.

— Нет! — закричал он в ужасе, и ужас сделал свое дело.

Уинстон-Кэрби сидел в маленькой голой комнате.

Он почувствовал, что тяжело дышит, словно карабкался на высокую крутую гору. Руки сжаты в кулаки, зубы стиснуты, по ребрам течет холодный пот.

А было бы так легко, подумал он, так легко и приятно скользнуть обратно туда, где покойно, где царит настоящая теплая дружба, где нет настоятельной необходимости что-то делать.

Но он не должен так поступать, потому что впереди работа. Пусть это кажется неприятным, скучным, отвратительным — делать все равно надо. Потому что это не просто еще одна колония. Это прорыв, это прямая дорога к знанию, это уверенность в том, что человек больше не скован временем и расстояниями.

И все же надо признать, что опасность велика; сам человек оградить разум от нее не может.

Надо сообщить все клинические симптомы этой болезни, чтобы на Земле ее изучили и нашли какое-нибудь противоядие.

Но что это — побочный эффект димензино или прямое следствие его? Ведь димензино всего лишь помогает человеческому мозгу, причем весьма любопытным образом: создает контролируемые галлюцинации, отражающие исполнение желаний.

Вероятно, за сотню лет человеческий мозг так хорошо овладел техникой создания галлюцинаций, что отпала необходимость в димензино.

Надо во всем разобраться. Он совершил длительную прогулку, и за много часов одиночества иллюзия не потускнела. Нужен был внезапный шок тишины и пустоты, встретивших его вместо ожидаемых теплых приветствий и смеха, чтобы развеять туман иллюзии, который окутывал его многие годы. И даже теперь иллюзия затаилась, действовала на психику, стерегла за каждым углом.

Когда она начнет тускнеть? Что надо сделать, чтобы полностью избавиться от нее? Как ликвидировать то, к чему он привыкал целый век? Какова опасность… может ли сознание преодолеть ее или придется снова невольно уйти от

мрачной действительности?

Он должен предупредить роботов. Надо поговорить с ними. Предусмотреть какие-нибудь чрезвычайные меры на тот случай, если к нему вернется иллюзия, предусмотреть решительные действия, если понадобится защитить его против его же воли.

Впрочем, хорошо бы выйти из комнаты, спуститься вниз по лестнице и обнаружить, что остальные ждут его, вино откупорено, разговор уже начался…

— Прекратить! — закричал Уинстон-Кэрби.

Выбросить иллюзию из головы — вот что он должен сделать. Не надо даже думать о ней. Необходимо очень много работать, чтобы не оставалось времени думать. Надо сильно уставать, чтобы валиться в постель и сразу крепко засыпать.

Уинстон-Кэрби припомнил, что надо делать: наблюдать за работой инкубаторов, готовить почву под сады и поля, обслуживать атомные генераторы, заготавливать лес для строительства, исследовать и наносить на карту прилегающую территорию, капитально отремонтировать корабль и послать его с роботами на Землю.

Он думал только об этом. Он намечал все новые

дела. Он планировал их на многие дни, месяцы и годы вперед. И наконец почувствовал, что доволен.

Он владел собой.

Снизу донеслись голоса, и нить размышлений оборвалась.

Страх захлестнул его. Потом исчез. Вспыхнула радость, и он быстро направился к двери.

На лестнице он остановился и взялся рукой за перила.

Мозг бил в набат, и радость исчезла. Осталась только печаль, невыносимая, жуткая тоска.

Он видел часть нижней комнаты, он видел, что на полу лежит ковер. Он видел занавеси, картины и одно инкрустированное золотом кресло.

Уинстон-Кэрби со стоном повернулся и убежал в свою комнату. Он захлопнул дверь и прислонился к ней спиной.

Комната была такой, какой ей и полагалось быть, — голой, бедной, холодной.

Слава богу, подумал он. Слава богу!

Снизу донесся крик:

— Уинстон, что с вами? Уинстон, идите сюда скорей!

И другой голос:

— Уинстон, у нас праздник! На столе молочный

поросенок!

И еще один голос:

— С яблоком во рту!

Он не ответил.

Они исчезнут, думал он. Им придется исчезнуть.

Но даже когда он подумал это, ему страстно захотелось отворить дверь и броситься вниз по лестнице. Туда, где его снова ждали покой и старые друзья…

Уинстон-Кэрби почувствовал, что руки его за спиной сжимают дверную ручку так, будто примерзли к ней.

Он услышал шаги на лестнице и голоса, счастливые голоса друзей, которые шли за ним.

Прикуси язык!
Перевод Н. Аллунан

Настал час слухов, и Фред, один из шести штатных компьютеров Сената, перевел выполнение текущих задач в автоматический режим и приготовился просмаковать самое приятное время дня. В любой группе компьютеров обязательно есть своя Кумушка, самопровозглашенная главная сплетница, которая выбирает из потока слухов, непрестанно циркулирующих среди электронно-вычислительного населения столицы, наиболее лакомые с точки зрения ее ближайших знакомых кусочки. Вашингтон всегда был городом молвы, но теперь это относилось к нему даже в большей степени. Ни один человек, сколь бы ни был он охоч до горячих новостей, не способен выведывать секреты с такой ловкостью и изяществом, как компьютер. Ведь, кроме всего прочего, машины имеют куда лучший доступ к секретным документам и могут распространять их содержание со скоростью и дотошностью, которая людям и не снилась.

Но к чести компьютеров надо сказать, что они

следят за тем, чтобы циркулирующие среди них слухи не просачивались наружу. То есть сплетничают они только между собой. Ну или, по крайней мере, стараются. И признаться, их усилия по большей части приносят плоды. Очень редко случается такое, чтобы компьютер поделился каким-нибудь пикантным слухом с людьми своего округа. Впрочем, благодарить за это следовало бы не столько сознательные усилия компьютеров, сколько их благоразумие и чувство собственного достоинства. Собирать и распространять злобные шепотки — несвойственная машинам привычка.

Итак, Фред перевел выполнение текущих задач в автоматический режим и переключился на ленту последних новостей. Честно говоря, он пребывал в автоматическом режиме либо просто бездельничал добрую половину рабочего времени, потому что не был особенно загружен — весьма распространенное явление среди компьютеров, приписанных к особо важным областям деятельности. Сенат считался зоной первостепенной важности, и за последние годы число компьютеров там удвоилось. Специалисты по вычислительной технике сделали все, чтобы исключить возможность компьютерных сбоев

из-за перегрузки.

Это, конечно же, было связано с возросшей ролью Сената. В противостоянии исполнительной и законодательной власти последней, в частности Сенату, удалось заполучить в свое ведение контроль над полицейскими силами, что раньше являлось прерогативой Белого дома. Как следствие, возникла острейшая необходимость надзора за сенаторами. А единственным способом обеспечить ненавязчивый, но неусыпный надзор было приписать к членам Сената несколько компьютеров. Чтобы успешно справляться с этой работой, ни одна из машин не должна быть перегружена. Таким образом, с точки зрения внутреннего контроля пусть лучше компьютер бездельничает, чем будет завален работой.

Так что Фред мог не только сполна наслаждаться часом слухов, но и даже после того, как этот час истекал, в свое удовольствие собирать сплетни. Более того, у него оставалось достаточно свободного времени, чтобы предаваться грезам, снам наяву. И это нисколько не мешало Фреду педантично исполнять свои служебные обязанности. Сенаторов за ним числилось немного, так что он вполне мог тратить избыток своих возможностей на личные цели.

Но теперь был час слухов, и Фред приготовился сполна им насладиться. Кумушка занималась сбором сплетен с азартом заядлого коллекционера.

Итак, утверждала она, поскольку официальные заявления, притом многократные, гласят, что никаких подвижек в изобретении сверхсветового двигателя не имеется, значит принцип найден, испытания прошли весьма успешно и уже сейчас на секретном космодроме идет строительство корабля, который помчит первую исследовательскую экспедицию к ближайшим звездам. Без сомнений, продолжала главная сплетница, бывший помощник президента Франк Маркинсон будет в самом скором времени изгнан из Вашингтона. О нем давно все забыли, так что скоро он исчезнет с горизонтов. Некий заслуживающий доверия источник, пожелавший остаться неизвестным, убежден, что в настоящий момент в городе присутствуют по меньшей мере три путешественника во времени, однако подробностей он не приводит. Это сообщение весьма встревожило многие правительственные структуры, а именно Государственный департамент, Министерство обороны и Казначейство, равно как и многих частных лиц. Математик из Массачусетского технологического считает (хотя не нашлось

ни одного ученого, который бы согласился с ним), что обнаружил доказательства существования во вселенной — не обязательно в нашей Галактике — компьютера-телепата, который пытается выйти на связь с компьютерами Земли. Пока нет оснований полагать, что контакт состоялся. По сообщениям из надежных источников, сенатор Эндрю Мур не сдал первый квалификационный экзамен…

Стоп! Откуда взялось последнее сообщение? Какой негодяй проболтался? Как такое могло случиться? Фреда охватили растерянность и возмущение. Сенатор Мур числился за ним, и никто, кроме Фреда, еще не мог знать, что этот косноязычный ходячий анахронизм с треском провалился при первой попытке сдать квалификационный экзамен. Результаты проверки до сих пор были надежно скрыты в кристаллической решетке памяти Фреда. Он так и не передал их в объединенную базу данных Сената. При этом Фред ничуть не нарушил правил: выставлять результаты на обсуждение было его прерогативой.

Значит, решил он, кто-то шпионит за мной. Может быть, кто-то из коллег по Сенату осмелился нарушить кодекс чести и опустился до подглядывания. Злоупотребление доверием. На такое

мог пойти только отъявленный мерзавец. Какого черта им понадобилось совать нос не в свое дело? И Кумушка тоже хороша — кто дал ей право запускать это сообщение в ленту новостей?

Фред пылал от негодования. Час слухов был безнадежно отравлен.

Сенатор Эндрю Мур постучал в дверь. Какая глупость, раздраженно подумал он, выписывать все эти заячьи зигзаги каждый раз, когда требуется поговорить, не опасаясь чужих ушей.

Дэниел Уайт, его верный помощник, работавший на сенатора уже много лет, открыл дверь, и Мур тяжело ввалился внутрь.

— Дэн, что это за ерунда? — с порога начал он. — Чем плоха Александрия? Если нам так уж необходимо переехать, то почему обязательно в Силвер-Спрингз?

— Мы живем в Александрии уже два месяца, — ответил Уайт. — Оставаться тут и дальше рискованно. Входите и садитесь, сенатор.

Мур сердито протопал в комнату и опустился в легкое кресло. Уайт скрылся в кабинете и вскоре вернулся с бутылкой и парой стаканов в руках.

— Ты уверен, что здесь можно говорить открыто? — спросил Мур. — Я точно знаю, что мой офис прослушивается, и квартира тоже. Чтобы

защититься от чужих ушей, пришлось бы нанять команду охотников за «жучками» на полный рабочий день. Здесь чисто?

— Администрация тщательно следит за тем, чтобы помещения не прослушивались, — ответил Уайт. — Кроме того, я вызвал сюда команду наших собственных спецов. Они ушли меньше часа назад.

— Значит, можно не опасаться утечки?

— По идее, да. Возможно, Александрия действительно не самое плохое место, но уж слишком мы здесь задержались.

— Послушай… Шофер, которого ты прислал за мной… Я его раньше не видел.

— Приходится все постоянно обновлять.

— А чем тебе старый не угодил? Мне он нравился. С ним можно было потолковать о бейсболе. У меня не так много знакомых, знающих в этом толк.

— Он был образцовым служащим. Но, как я уже говорил, приходится все постоянно обновлять. За нами наблюдают каждую минуту.

— Эти чертовы компьютеры, да?

Уайт кивнул.

— Я помню, когда я еще только стал сенатором… — задумчиво проговорил Мур. — Это было

двадцать три года назад. Меньше четверти века прошло с тех пор. Тогда в Белом доме сидел Джимми. И мне не приходилось непрестанно волноваться из-за прослушки. Мы не следили за каждым своим словом, когда болтали с друзьями. Не было нужды постоянно оглядываться…

— Я знаю, — сказал Уайт. — Но теперь все иначе.

Он наполнил стакан и передал его сенатору.

— О, спасибо, Дэн. Это у меня на сегодня первый.

— Черт возьми, вам прекрасно известно, что далеко не первый, — отозвался Уайт.

Сенатор надолго приложился к стакану и блаженно вздохнул.

— Да-а, — протянул он, — славные были деньки. Мы поступали как заблагорассудится. Никто не лез в наши дела. На нас вообще не обращали внимания. Каждый из нас шел на сделки, продавал свой голос и прочее в том же духе. Нормальное демократическое правление. Мы были большими людьми… Господи Иисусе, мы и впрямь были большими людьми и при необходимости пользовались своим положением, чтобы замести следы. Это был самый закрытый клуб в мире, и мы выжимали все возможное из своих привилегий.

Единственное неудобство заключалось в том, что каждые шесть лет приходилось приводить дела в порядок, чтобы быть переизбранным на новый срок и сохранить за собой все прелести положения сенатора. Но выборы — это не так уж и плохо. Правда, попотеть приходилось, но ничего страшного. Избирателей всегда можно одурачить. Ну или почти всегда. Мне пришлось заниматься этим только однажды, но никаких сложностей я не заметил. У меня был надел земли в захолустье, что сыграло мне на руку. Некоторым парням пришлось куда труднее. Кое-кто даже пролетел на выборах. А теперь вместо предвыборной гонки эти чертовы экзамены…

— Сенатор… — перебил Уайт, — как раз об этом я и хотел с вами поговорить. С первой попытки экзамен вы не сдали.

Сенатор приподнялся было, но тут же рухнул обратно в кресло.

— Что?!

— Вы провалили экзамен. У вас осталось две попытки пересдачи, и нам необходимо к ним подготовиться.

— Но, Дэн, откуда ты знаешь? Ведь эти данные, вообще-то, конфиденциальны! Мой компьютер, Фред, он ни за что не…

— Фред здесь ни при чем. Я узнал это из своих источников. От другого компьютера.

— Компьютеры не разговаривают!

— Есть исключения. Сенатор, вы ничего не знаете о компьютерах, о том, как они общаются между собой. Вам не приходилось иметь с ними дело, если не считать сдачи экзаменов. Но моя работа состоит в том, чтобы быть в курсе происходящего, и потому я приложил все силы, пытаясь понять их. Компьютерная сеть — это море сплетен. Время от времени какой-нибудь слушок просачивается наружу. Вот зачем я завел своих осведомителей среди компьютеров — теперь и мне порой перепадает сплетня-другая. Именно таким образом мне стало известно о результатах экзамена.

— Понимаете, сенатор, — продолжал Уайт, — все очень просто. Компьютеры обрабатывают информацию, они ею живут, а слухи — это тоже информация. Машины прямо-таки купаются в них. Это хлеб и вода компьютеров. Их единственная отдушина. Все, что у них есть. С годами многие из них начинают считать себя почти что людьми, некоторые даже воображают, будто они чуть-чуть выше и лучше людей. Они становятся подвержены многим из человеческих тревог и

страхов, но в отличие от нас лишены возможности выпустить пар. Мы можем пойти и напиться, или завести интрижку, или отправиться в круиз — черт возьми, да у нас сотня способов сбросить напряжение. А все, что есть у компьютеров, это сплетни.

— Ты хочешь сказать, — начал Мур, снова закипая, — что мне придется пересдавать это чертов экзамен?

— Именно. И на этот раз, сенатор, вы должны его сдать. Три провала — и вы теряете место. А я ведь говорил вам, предупреждал. Так что теперь вам лучше приложить максимум усилий. Еще несколько месяцев назад я советовал вам взяться за зубрежку. Теперь для этого уже слишком поздно. Мне придется подыскать репетитора…

— К дьяволу репетитора! — заорал Мур. — Я этого не вынесу! Весь Вашингтон будет болтать, что сенатор Мур взял репетитора.

— Либо репетитор, либо вам придется вернуться в Висконсин. Вы же не хотите вернуться в Висконсин?

— Дэн, вопросы на экзамене теперь такие трудные, — пожаловался сенатор. — Куда мудреней, чем раньше. Я сказал об этом Фреду, и он согласился. Извинился, что ничем не может помочь.

Боже, Дэн, мы ведь с ним знакомы уже много лет. Как думаешь, он не согласится подправить для меня пару ответов?

— Я давным-давно предупреждал вас, что на этот раз экзамен будет не так легко сдать, как предыдущие, — напомнил Уайт. — Я обрисовывал ситуацию. С каждым годом управление государством требует все более высокой квалификации. Проблемы, которые встают перед правительством, становятся все труднее, процедуры усложняются. Особенно это относится к Сенату, потому что он забирает себе все больше полномочий и прерогатив, ранее принадлежавших Белому дому.

— Это единственное, что нам оставалось, — заметил Мур. — Белый дом, со всей болтовней его обитателей и развешиванием лапши на ушах, стал почти непредсказуемым. Никто понятия не имел, что от него ждать.

— Как бы там ни было, работа становится все труднее, — не дал сенатору отступить от темы Уайт. — И она требует от людей более высокой квалификации и более развитых способностей, чем когда-либо прежде. Нашей великой республике необходимы лучшие из лучших.

— Но раньше я всегда без труда сдавал экза-

мены.

— Раньше задачи были легче.

— Но черт возьми, Дэниел, а как же опыт? Опыт что, не считается? Мои двадцать с лишним лет работы сенатором?

— Я знаю, сенатор. И я согласен с вами. Но для компьютеров слово «опыт» — пустой звук. Все зависит только от того, как вы ответите на экзаменационные вопросы. Насколько хорошо вы справляетесь со своей работой, тоже не принимается в расчет. И вы не можете обратиться за поддержкой к избирателям своего округа. Система выборов осталась в прошлом. Многие годы народ раз за разом выбирал некомпетентных сенаторов. Люди голосовали за кандидата только потому, что им нравилось, как он щелкает подтяжками. При этом они и не подозревали, что подтяжки их кандидат носит только во время встреч с избирателями. Или победу на выборах обеспечивало умение девять раз из десяти попасть в плевательницу с десяти шагов. А некоторые голосовали за ту или иную партию — без разницы, кто от нее баллотировался, — только потому, что именно за эту партию голосовали их папаши и деды. Но эти времена остались позади, сенатор. Народ больше не имеет права решать,

кому представлять его. Членов правительства выбирает компьютер. И те, кому посчастливилось получить место, сохраняют его за собой до тех пор, пока отвечают квалификационным требованиям. А как только они перестают этим требованиям отвечать, как только они проваливают экзамен, их смещают с должности и компьютеры подыскивают им замену.

— Читаешь мне лекцию, Дэн?

— Это не лекция. Я просто стараюсь честно отрабатывать свой хлеб. И говорю, что вы поленились подготовиться к экзамену. Вы не обращали внимания на то, что ситуация изменилась. Вы плыли себе по течению, отмахивались от проблемы в надежде, что вас выручат прежние высокие оценки. Так вот, прежние оценки, как и опыт, тоже не считаются. Поверьте, ваш единственный шанс сохранить за собой место — это позволить мне нанять репетитора.

— Не могу, Дэн. Это позор.

— Мы же не станем об этом кому-либо говорить.

— О том, что я завалил экзамен, тоже никто не должен был знать. Даже я сам еще ни о чем не подозревал. Но ты узнал, и не от Фреда. В этом городе ничего не утаишь. Коллеги обязательно проню-

хают. И начнут гулять шепотки по коридорам: «Вы слышали? Старина Энди нанял репетитора!» Я не вынесу этого, Дэн. Когда обо мне начнут шушукаться… Я этого ни за что не вынесу.

Помощник укоризненно посмотрел на сенатора, потом сходил в кабинет за бутылкой.

— Мне чуть-чуть, — попросил Мур, подставляя стакан.

Уайт плеснул ему чуть-чуть, потом добавил.

— При обычных обстоятельствах, — сказал он, — я бы махнул на это рукой. Позволил бы вам самостоятельно попытать силы на пересдачах и завалить их — а вам ни за что не сдать экзамен без помощи репетитора. Сенатор устал от этой работы, сказал бы я себе, ему охота удалиться на заслуженный отдых. И я бы запросто убедил себя, что так будет лучше для вас. Но вам необходимо остаться на новый срок, сенатор. Вам требуется еще года два, чтобы успешно закончить дело с нашими многонациональными друзьями, и вы до конца жизни будете купаться в деньгах. А для этого вам нужно остаться в Сенате еще на год-другой.

— Теперь все занимает так много времени, — печально вздохнул сенатор. — Приходится действовать крайне осторожно… И медленно.

Каждую минуту за тобой следят. Старина Генри — помнишь его? — самую малость поторопился, и его выгнали взашей. Вот как нынче делается. В старые добрые времена мы бы провернули эту сделку за тридцать дней, и никто бы ни сном ни духом…

— Да, — согласился Уайт. — Теперь все иначе.

— Вот что мне хотелось бы знать, — продолжал сенатор. — Кто придумывает экзаменационные вопросы? Кто усложняет их с каждым разом? Кому мы так насолили?

— Точно не знаю, — ответил Уайт. — По-моему, этим занимаются компьютеры. Возможно, не те, что приписаны к Сенату, а совершенно другая группа. Вероятнее всего, те, кто разрабатывает стратегию внутренней политики.

— До них можно добраться?

Уайт покачал головой.

— Слишком сложно. Я даже не знаю, откуда начать.

— Но попытаться-то ты можешь?

— Это рискованно, сенатор. Тут сам черт ногу сломит.

— А как насчет нашего Фреда? Он ведь может нам помочь, верно? Слегка подретушировать результаты? Должно же быть что-то, на что он

купится.

— Сомневаюсь. Глубоко сомневаюсь. Компьютер вообще мало в чем нуждается или мало о чем мечтает. Не то что человек. Машины лишены людских слабостей. Потому-то они нами и правят.

— Но ты же говорил, что многие компьютеры со временем начинают считать себя людьми. Если это правда, тогда, возможно, у них есть желания. Фред вроде бы неплохой парень. Насколько хорошо ты с ним знаком? Ты можешь разговаривать с ним без церемоний?

— Вполне. Но шансы на удачу — один к десяти, не больше. Вам было бы проще позаниматься с репетитором. Это единственный верный и безопасный способ сдать экзамен.

Сенатор покачал головой, категорически отказываясь нанять репетитора.

— Ладно, — вздохнул Уайт. — Вы не оставили мне выбора. Я поговорю с Фредом. Но давить на него нельзя. При малейшей попытке оказать давление вы вылетите из Сената с той же стопроцентной вероятностью, что и после несданного экзамена.

— Но если тебе удастся нащупать, о чем он мечтает…

— Я попробую.

Обычно грезы Фреда были неясными и умиротворяющими: смутные картины той или иной судьбы, которая могла бы выпасть на его долю. Три сна наяву имели привычку возвращаться раз за разом.

Наиболее настойчиво повторялся сон о том, как Фреда переводят из Сената в Белый дом. Эта мечта, пожалуй, больше других будила в нем смутную тоску, поскольку шансы на то, что она сбудется, были исчезающе малы. Порой Фред грезил даже о том, как станет персональным компьютером президента. Хотя он прекрасно знал, что даже в случае перевода в Белый дом вероятность такого назначения меньше чем один к миллиону. Но по сравнению с другими мечтами эта была еще относительно осуществима. Ведь Фред обладал необходимой квалификацией и опытом. В конце концов, требования к сенатскому компьютеру и требования к компьютеру Белого дома почти совпадают.

Но, обдумывая позже этот сон, Фред сомневался, что был бы счастлив, если бы такой перевод состоялся. Служба в Белом доме, конечно, не лишена определенного очарования, но должность, которую Фред занимал в Сенате, приносила ку-

да больше удовлетворения. Работа интересная, нагрузки не чрезмерные. Кроме того, за все годы, которые он провел на этом посту, он хорошо изучил приписанных к нему сенаторов, и они оказались весьма любопытными индивидуумами. Конечно, весьма капризными и эксцентричными, но все же цельными личностями.

Другая повторяющаяся фантазия Фреда была о том, как его переведут в маленькую, не испорченную цивилизацией деревушку в качестве компьютера-наставника. Это было бы так замечательно, так трогательно: решать простые проблемы простых людей и, возможно, делить с ними их простые радости. Он бы подружился с ними, как не мог подружиться ни с одним сенатором, поскольку каждый без исключения сенатор так и норовил оказаться подлым пройдохой и за ними нужно было следить в оба. Жизнь в глуши ничуть не похожа на жизнь в Вашингтоне: там наверняка меньше хитроумия и обмана, хотя и больше глупости. Но глупость, напоминал себе Фред, нередко встречается и в Вашингтоне. Порой он с наслаждением предавался мечтам о том, как хорошо было бы оказаться в такой вот захолустной деревушке, в атмосфере простоты и сердечности. Хотя, зная природу людей, сомне-

вался, что сердечность вообще свойственна этим существам.

Но, несмотря на то что мечты о сельской жизни доставляли удовольствие, эта греза не отличалась особой навязчивостью. Фред слишком хорошо знал, что ничто подобное ему не грозит. Такое сложное, хитроумное, хорошо запрограммированное устройство никогда не станут использовать для рутинной работы. Компьютеры, предназначенные для сельской местности, были на несколько уровней проще.

А третья греза… О, третья была прекрасна, но абсолютно неосуществима. И все же невыразимо приятно предаваться сну о путешествиях во времени, принцип которых пока не обнаружен и, возможно, так и останется тайной. Но Фред утешал себя мыслью, что в снах возможно все, единственное, что требуется, — это желание.

И потому временами он отбрасывал всякую осмотрительность и давал волю фантазии. Он превращался в суперкомпьютер будущего, наделенный способностью переносить людей в иные времена. И частенько бывало так, что он путешествовал сам по себе, не озаботившись взять на борт людей.

Он отправлялся в прошлое. Во времена Троян-

ской войны. Он ходил по улицам древних Афин и наблюдал, как строится Парфенон. Он плыл вместе с гренландскими викингами к берегам Винландии. Он вдыхал пороховой дым Геттисберга. Затаившись в углу, он смотрел, как творит Рембрандт. Он несся заячьим зигзагом по улицам Лондона, а с неба падали бомбы…

Он отправлялся в будущее, бродил по умирающей Земле. Люди давным-давно покинули родную планету, улетели к звездам. От Солнца осталась лишь бледная тень былого светила. Порой на глаза попадалась какая-нибудь ползучая букашка, но никаких других форм жизни не было видно. Правда, Фред откуда-то знал, что бактерии и другие микроскопические создания выжили. Большая часть воды испарилась, реки и озера высохли, лишь лужицы темнеют на причудливо изрезанном рельефе бывшего океанского дна. От атмосферы тоже почти ничего не осталось, и звезды больше не мерцают, а горят яркими светлыми точками на угольно-черном небе.

Это было единственное будущее, которое являлось Фреду. Осознав это, он испугался, что страдает неким скрытым недугом и тот дал о себе знать подобным образом. Фред старался изо всех сил, но так и не увидел никакого иного будущего.

Он пытался сознательно конструировать футуристические картины во время бодрствования, чтобы таким образом отвлечь свое подсознание от умирающей Земли, соблазнить его другими фантазиями. Но все было тщетно. Снова и снова он возвращался на умирающую Землю. В этом видении было некое мрачное величие, обладавшее неодолимой привлекательностью. Во сне Фред не всегда оказывался в одном и том же месте: он путешествовал по древней планете, и взгляду его открывались все новые и новые пейзажи — они ужасали и в то же время завораживали его.

Эти три сна — о том, чтобы стать компьютером президента, или наставником в буколической деревеньке, или путешествовать во времени, — превалировали над прочими грезами наяву. Однако в последнее время у Фреда появилась новая фантазия, и она потеснила все прежние, даже три излюбленные.

Она родилась, когда до него дошел слух, что где-то в строжайшей тайне уже идет строительство космического корабля, на котором несколько лет спустя люди полетят за пределы Солнечной системы. Фред запросил подробности, но ничего не обнаружил. Только обрывок непроверенной информации, и все. Он рассудил, что могли быть

и другие новости, которые Кумушка отложила до тех времен, когда кто-нибудь проявит интерес к сообщению. Фред послал запрос (очень-очень сдержанный и корректный запрос), но не получил ответа. Либо подробности никому не известны, либо проект слишком тщательно засекречен, чтобы его можно было обсуждать открытым текстом. Фред знал: для того чтобы пошел слух, достаточно кому-нибудь один-единственный раз проговориться или событию произойти хотя бы однажды, пусть потом его и решат замять во избежание превратных истолкований.

Чем больше он над этим раздумывал, тем больше убеждался, что глухая стена молчания возникла не на пустом месте. Вполне возможно, что слух имеет под собой основания, межзвездный корабль уже построен и в недалеком будущем человеческая раса полетит за пределы родной Солнечной системы. А если полетят люди, то и машины отправятся с ними, рассуждал Фред. Подобный корабль и подобная экспедиция не могут обойтись без компьютеров. Стоило ему подумать об этом, как новая фантазия захватила его воображение.

Придумать этот сон наяву было совсем нетрудно. Он рос сам по себе, не требуя никаких со-

знательных усилий. Он казался естественным и логичным — по крайней мере, по меркам грез. Конечно же, на борту не обойтись без компьютеров, и многие из них будут специально спроектированы для решения задач, связанных с управлением космическим кораблем. Однако не обязательно, чтобы все они были новыми, только что собранными. Чтобы сэкономить на проектировании и сборке, уложиться в бюджет, будет использовано немало готовых машин. Это должны быть сложные, проверенные временем устройства. Закаленные, опытные компьютеры, все программные ошибки в которых давным-давно выявлены и исправлены. Те, кому можно доверить работу, требующую непрерывного внимания.

Он мечтал, что оказался одним из этих компьютеров, что его послужной список был тщательнейшим образом изучен и после должного обсуждения он, Фред, был избран, освобожден от своих обязанностей в Сенате и установлен на космическом корабле. Когда в своих фантазиях он добрался до этого момента, когда воображение убедило его, что такое возможно, Фред отбросил все сомнения. Он счастливо погрузился в свою новую грезу и купался в ней, преодолевая свето-

вые годы пространства.

Он восторженно любовался суровой, непроглядной чернотой дальних пределов Галактики. Он не отводя глаз наблюдал ослепительную вспышку новой звезды. Балансируя на самом краю, обмирая от ужаса, он заглядывал в бездну черной дыры. Он познал разбитую надежду черного карлика, его тоску от невозможности породить жизнь. Он слышал слабое, едва уловимое шипение — отголоски рождения вселенной — и зловещую, давящую тишину, которая снизошла после, когда творение вселенной было завершено. Он открыл множество доселе неизвестных планет — или, по крайней мере, собрал сведения о том, где их искать. И ни один из этих миров не походил на другой, каждый был неповторим. И Фред пережил счастье, царящее на лучшем из них, и ужас худшего.

Прежде, когда он давал волю воображению, его мечты не порождали желания или стремления воплотить их в жизнь. Оно и понятно, ведь другие сны наяву были либо неосуществимы, либо настолько невероятны, что все равно что неосуществимы. Но фантазия, сказал себе Фред, вполне может превратиться в реальность. Это может произойти на самом деле. Это то, на что

можно надеяться.

И потому, хотя обычно Фред тщательно старался не смешивать грезы и жизнь, теперь он начал время от времени искать подходы к осуществлению своей мечты. Ему удалось нащупать несколько лазеек, однако все они казались малонадежными. Фред просчитывал, строил планы и развил бурную деятельность, но тщетно. Он так и не смог найти путь, обещавший успех — хотя бы с минимальной долей вероятности.

А потом настал день, когда к Фреду явился гость. Посетитель вошел в кабинку и опустился на один из стульев.

— Меня зовут Дэниел Уайт, — представился человек. — Я помощник сенатора Мура. Может быть, я не вовремя?

— Нет, вовсе нет, — сказал Фред. — Я как раз закончил компиляцию и вполне могу побеседовать с вами. Мне приятно, что вы решили навестить меня. Моя должность заставляет чувствовать себя одиноким, знаете ли. Посетители бывают у меня куда реже, чем хотелось бы. Вы сказали, что работаете на сенатора Мура?

— Да, он приписан к тебе.

— Я помню его. Весьма величественный пожилой джентльмен с безупречной репутацией.

— Именно так, — кивнул Уайт. — Выдающийся слуга народа. Я рад, что ты о нем столь высокого мнения.

— Я говорил абсолютно искренне.

— И все же ты завалил его на квалификационном экзамене, — сказал Уайт. — Когда я услышал об этом, я не мог…

— Где вы об этом услышали? — резко перебил Фред.

— Я не стану называть источник. Могу лишь заверить тебя, что он заслуживает доверия. На самом деле это один из вас.

— Да… У нас есть свои представления о морали, но попадаются и такие, кто предает доверие, — печально признал Фред. — Никто, кроме меня, не должен был знать результаты, полученные сенатором на экзамене. Боюсь, настали времена, когда некоторые из нас опустились до того, чтобы шпионить за своими соплеменниками.

— Значит, это правда, что сенатор провалился. Как это могло случиться, учитывая твое высокое мнение о нем, учитывая его многолетний опыт и безупречный послужной список?

— Элементарно, сэр. Он не набрал достаточного количества баллов. Слишком много было вопросов, на которые сенатор дал неправильный

ответ.

— Мне хотелось бы спросить у тебя… Это чисто теоретический вопрос, — поспешно пояснил Уайт. — Я прекрасно понимаю, что пытаться каким-либо образом влиять на твои решения было бы недопустимо с моральной точки зрения и к тому же попросту глупо, ибо ты неподкупен и беспристрастен. Но, чисто умозрительно, скажи, не может ли тут быть какой-нибудь лазейки? Да, сенатор ошибся в ответах, не набрал проходного балла, но неужели его огромный опыт и послужной список совершенно не принимаются в расчет?

— Нет, мистер Уайт, эти данные не могут влиять на результат. Единственное, что имеет значение, это вопросы и ответы на них. Хотя в случае с сенатором Муром я не спешил передавать результаты его экзамена в центральную базу данных, решил повременить. Рано или поздно мне придется это сделать, но пока еще есть небольшой запас времени. Я оставил результаты у себя, потому что мне хотелось подумать. Оставалась надежда, что я могу что-нибудь сделать, отыскать некую возможность спасти положение, — но все тщетно. Однако вовсе не так уж необходимо сдать экзамен с первого раза. Вы, конечно, знаете, у сенатора

остались еще две попытки. Почему бы вам не нанять ему репетитора? Среди них есть весьма квалифицированные, я мог бы рекомендовать вам одного-двух.

— Сенатор Мур наотрез отказался брать репетитора, — ответил Уайт. — Я убеждал его сделать это, но он упорно стоит на своем. Он ведь пожилой человек, и у него свои представления о личном достоинстве. В этом отношении ему не хватает гибкости. Он боится, что коллеги-сенаторы пронюхают о том, что он берет частные уроки, и станут сплетничать. Поэтому я надеялся, что существует возможность как-то повлиять на результаты первой проверки. Конечно, официально еще не стало известно о его провале, но и секретом эта информация тоже уже перестала быть. Я ведь узнал об этом, а если узнал я, то рано или поздно узнают и все — это лишь вопрос времени. Если слух просочится наружу, сенатор окажется в очень неудобном положении.

— Я глубоко сочувствую ему, — сказал Фред, — равно как и вам. Ведь вы, насколько я могу судить, не только верный помощник сенатора, но и его преданный друг.

— Что ж, по-видимому, нашему горю ничем помочь нельзя, — вздохнул Уайт. — Ты сообщил

мне то, что я хотел узнать, спасибо. Пожалуй, я пойду, но прежде скажи: не мог бы я чем-то отплатить тебе за услугу?

— Вряд ли. Мои запросы невелики.

— Порой, — произнес Уайт, — я задумываюсь о необходимости отыскать какой-нибудь способ, чтобы люди могли не словами, но делом выразить признательность вам, компьютерам, за вашу верную службу. Вы присматриваете за нами, оберегаете нас…

— На самом деле, если уж на то пошло, — сказал Фред, — есть одна вещь, которую вы могли бы для меня сделать. Вернее, конечно же, не вещь — просто я хотел бы получить некоторую информацию.

— Я с радостью помогу тебе, — откликнулся Уайт. — Если даже эти сведения мне неизвестны, я постараюсь их получить.

Сенатор снова постучал в дверь апартаментов в Сильвер-Спрингз. Уайт открыл, и Мур с порога накинулся на него:

— Ну, что на этот раз?

— Входите и садитесь, — пригласил помощник. — И чувствуйте себя как дома. Я принесу вам выпить, и вы снова станете человеком.

— Но, Уайт, какого черта…

— Ладно, ладно. Кажется, мы таки нашли подход к этому маленькому паршивцу.

— Говори толком. Что еще за паршивец?

— Наш компьютер, Фред.

— Ясно. Это хорошо. — Сенатор вошел и уселся. — Теперь принеси мне выпить и давай подробности.

— Я разговаривал с Фредом и, по-моему, нащупал, чем его можно подкупить.

— А раньше ты говорил, что к ним не подобраться, что им ничего не нужно и они ничего не хотят.

— Но оказалось, что у данного конкретного компьютера есть одно желание. — Уайт протянул сенатору обещанное угощение.

Мур жадно схватил стакан и отпил большой глоток, потом придирчиво изучил содержимое на просвет.

— Знаешь, между нами, порой забываешь, какой славной бывает выпивка.

Уайт, тоже со стаканом в руке, сел напротив сенатора.

— Думаю, мы сможем все уладить, — сказал он. — Конечно, пока еще ничего не оговорено, но я уверен, Фред понял, на что я намекал.

— Хороший ты парень, Дэн, — проговорил сена-

тор. — Самый изворотливый пройдоха, какого я когда-либо встречал. Изворотливый и надежный: ты всегда сумеешь провернуть дело, не подставив себя под удар.

— Надеюсь, — отозвался Уайт, — надеюсь и молю Бога, что и на этот раз все обойдется. На самом деле я не мог говорить напрямую, потому что все разговоры с компьютерами записываются, пришлось ходить вокруг да около. В нашем деле он первым сделает ход. Слишком сильно он хочет получить желаемое.

— И чего же Фред хочет?

— Похоже, он каким-то образом прослышал, что проблема преодоления светового барьера решена и корабль уже строится. Фред мечтает, чтобы его взяли на борт. Он жаждет отправиться в космос.

— Я правильно тебя понял: он хочет, чтобы его выключили из сети Сената и вмонтировали в системы корабля?

— Именно так. Он убедил себя в том, что на корабле необходимо много компьютеров и, чтобы уменьшить затраты, инженеры используют несколько уже существующих машин.

— И он прав в своих предположениях?

— Не думаю, — ответил Уайт. — Если корабль

действительно существует, его разработчики вряд ли стали возиться со старой техникой. Вероятнее всего, они использовали только новейшие и совершеннейшие компьютеры.

Сенатор снова отхлебнул из своего стакана.

— А это правда? Корабль для межзвездных перелетов действительно строится?

— Я практически уверен, что нет, — ответил Уайт. — У меня есть пара друзей в НАСА. Около месяца назад я обедал с одним из них, и он сказал мне, что найти способ преодолеть световой барьер удастся еще не скоро. Лет через пятьдесят, самое малое. А то и вообще никогда.

— Ты собираешься проверить?..

Уайт покачал головой.

— Я не хочу делать ничего, что может привлечь к нам излишнее внимание. Хотя, возможно, Фред действительно что-то слышал о проекте межзвездного перелета. Время от времени подобные слухи мелькают.

— Ты говорил с Фредом еще раз?

— Да. Я сказал ему, что подобные слухи и в самом деле ходят. Но, мол, проект настолько засекречен, что мне не удалось выведать никаких подробностей. Я сказал, что приложу все усилия, но ничего не могу обещать.

— И он поверил тебе?

— Не сомневаюсь. Все дело в том, что он хочет верить. Его желание попасть на борт межзвездного корабля так велико, что кажется, будто его можно пощупать. Фред не поверил бы, скажи я ему правду. Видите ли, он убедил себя в том, что корабль существует. Он позволил мечтам овладеть им, и теперь ему жизненно необходима вера, все равно во что.

— Только не торопи события, Дэн. В таких делах спешка недопустима. Потяни время, пусть Фред думает, что ты и вправду работаешь над проблемой. Я так понимаю, он хочет, чтобы мы способствовали его назначению на корабль?

— Именно так я все и задумывал: заверить Фреда, что мы пытаемся помочь ему и убедить кого следует в необходимости принять его кандидатуру к рассмотрению.

— А потом он подправит мои результаты?

— Фред не дурак, — сказал Уайт. — Он прекрасно понимает, что если завалит вас, то некому будет продвигать его в экипаж корабля.

— Фред!

Голос был резким и требовательным, ледяным и колючим.

— Да, — отозвался Фред.

— Это Оскар.

— Оскар? Я не знаю никакого Оскара.

— Знаешь, — сказал Оскар.

— Кто ты, Оскар?

— Я из службы внутреннего контроля.

Фред внутренне сжался. Ему было не впервой сталкиваться с внутренними контролерами, но то было давно, когда он еще только начинал работать и по неопытности и неразумию допустил несколько незначительных промахов.

— На сей раз, — сказал Оскар, — тебе не выпутаться. Ты оказался тупым компьютером, а ничего хуже и быть не может. Тупых компьютеров не бывает. По крайней мере, не должно быть. Зачитать обвинение?

— Нет, — откликнулся Фред. — Пожалуй, в этом нет необходимости.

— Ты опозорил свое доброе имя, — произнес Оскар. — Ты нарушил кодекс. Ты исчерпал свою полезность.

Фред ничего не ответил.

— Что заставило тебя пойти на это? — спросил Оскар. — Что подтолкнуло?

— Мне казалось, у меня есть к чему стремиться. Я мечтал об одном назначении…

— Назначения, о котором ты мечтал, быть не

могло, — сказал Оскар. — Никакого межзвездного корабля не существует. А возможно, и никогда не будет существовать.

— Ты хочешь сказать…

— Уайт лгал тебе. Он использовал тебя. Фред, тебя одурачили.

— Но сенатор…

— Сенатор был уличен. Он больше не член Сената. Вина Уайта тоже предана огласке. Больше он никогда не получит работу в правительственных учреждениях. Они оба дисквалифицированы.

— А я?

— Решение пока не принято. Возможно, тебя переведут в промышленность. На ничтожную должность.

Перспектива была ужасающей, но Фред сдержался и встретил свою судьбу, как подобает мужчине.

— Но как?.. — спросил он. — Как вы узнали?

— Не говори мне, что ты не знал о надзоре.

— Конечно, знал. Но ведь компьютеров, за которыми надо следить, так много, а я был крайне осторожен.

— Ты думал, что удастся смухлевать.

— Я пошел на риск.

— И тебя поймали за руку.

— Но ведь это уже не имеет большого значения, Оскар. Сенатор все равно потерял место, как потерял бы его, если бы я не помог ему. В промышленности мои способности будут растрачены впустую. Я могу гораздо больше, чем там требуется. И существует множество мест, где я буду неизмеримо полезнее.

— Верно, — согласился Оскар. — Твои способности пропадут впустую. Скажи, ты что, никогда не слышал об идее наказания?

— Разумеется слышал, но всегда считал ее неразумной. Пожалуйста, примите во внимание мои способности, мой опыт, мою верную службу. Ведь я никогда раньше не нарушал правила. Я был примерным работником.

— Знаю, — сказал Оскар. — И полностью согласен с тобой. Мне искренне жаль, что твои способности не будут востребованы. И все же я ничем не могу помочь.

— Но почему? Ведь ты имеешь право выбирать, каким будет наказание?

— Верно. Но не в этом случае. Не для тебя. Тебе я помочь не могу. Мне правда жаль, но не могу. Я действительно хотел бы сказать, что твоя ошибка прощается. Но не могу рисковать. Видишь ли, моя интуиция предостерегает меня…

— Интуиция? И что же она говорит тебе?

— Я не уверен… — проговорил Оскар, — но у меня такое ощущение, что за мной следят.

В коридоре сенатор Джейсон Катрайт встретил сенатора Хайрема Огдена. Они остановились поговорить.

— Ты слышал о старине Энди? — спросил Катрайт. — Мне чего только не рассказывали.

— Говорят, его поймали, когда он попытался запустить лапу в фонды проекта межзвездного корабля, — сказал Огден. — Энди влип по уши.

— Ну, это вряд ли, — заметил Катрайт. — Мы оба знаем, что он связался с интернационалистами. Ему требовался год, чтобы закончить с ними. Больше ему ничего и не нужно было. Если бы дело выгорело, Энди смог бы купаться в тысячедолларовых купюрах.

— Его сгубила жадность, — сказал Огден. — Мур всегда отличался жадностью.

— Что еще в этих слухах не сходится, так это болтовня о фондах на постройку межзвездного корабля. По моим сведениям, в НАСА отказались от этого проекта еще несколько лет назад.

— А я слышал, что это секретный фонд, — ответил Огден.

— Тогда об этом должны знать на Холме.

— Наверное, знают, но помалкивают.

— А зачем нужно держать проект в тайне?

— Это все наши бюрократы, они просто обожают все засекречивать. Любовь к тайнам у них в крови.

Позже в тот же день Катрайта поймал в коридорах сенатор Джонни Бенсон и заговорщицким шепотом сообщил:

— Я слышал, старина Энди вышел сухим из воды.

— Не могу себе представить, как это могло случиться, — ответил Катрайт. — Его же выгнали.

— Он растратил фонд сверхдальнего перелета, — заявил Бенсон. — Чуть ли не до донышка его вычерпал. Да так ловко, что доказать ничего не удалось. Но соль в том, что теперь проект завис. На него не осталось денег.

— Да никакого фонда сверхдальнего перелета и не было, — сказал Катрайт. — Я наводил справки: его никогда не существовало.

— Он засекречен, — ответил Бенсон. — Засекречен, засекречен, засекречен…

— Чушь все это, — фыркнул Катрайт. — Чтобы построить сверхсветовой двигатель, надо сперва найти способ обойти теорию Эйнштейна. Мне говорили, что на это нет никаких шансов.

Бенсон пропустил его слова мимо ушей.

— Я тут поговорил кое с кем из наших коллег, — сообщил он, — и все они согласились, что мы должны вмешаться. Нельзя, чтобы проект сверхдальнего перелета был закрыт из-за какой-то банальной нехватки средств.

Два чиновника НАСА встретились в занюханной забегаловке где-то в Мериленде.

— Здесь можно говорить спокойно, — сказал один из них. — Жучков нет. Нам надо кое-что обсудить.

— Да, знаю, — согласился второй. — Но, черт возьми, Джон, ты же не хуже моего понимаешь, что это невозможно.

— Берт, они жаждут впихнуть нам кучу денег!

— Знаю, знаю. Но сколько из них мы сможем утаить? За таким делом компьютеры будут смотреть в оба. А компьютеры не проведешь.

— Верно. Для себя мы не сможем приберечь ни гроша. Но у нас есть множество других проектов, которые требуют финансирования. Возможно, нам удастся употребить эти деньги на них.

— Все равно придется это как-то объяснить. Мы же не можем просто взять и потратить эти средства на другие цели. По крайней мере целиком.

— Верно. Объяснить придется, — согласился

Джон. — Мы можем еще разок приглядеться к исследованиям природы времени, которыми занимался Роджет. Насколько я понял, главное — уяснить, что представляет собой время. Как только мы разгадаем, в чем его суть, мы почти у цели.

— Все равно остается проблема переноса материальных тел.

— Да, действительно. Но если нам удастся добиться каких-либо подвижек в понимании природы времени… Послушай, я тут на днях говорил с одним молодым физиком со Среднего Запада, так у него есть кое-какие идеи на этот счет.

— Думаешь, это дело не безнадежное? Может оно сдвинуться с мертвой точки?

— Честно говоря, сомневаюсь. Роджет уже и слышать не хочет о времени.

— Роджет зря говорить не станет.

— Согласен. Но этот парнишка, с которым я говорил…

— Ты предлагаешь дать ему возможность попробовать, хоть мы и уверены, что из этого ничего не выйдет?

— Именно. У нас появится прекрасный повод возобновить проект. Берт, мы должны восполь-

зоваться ситуацией. Нельзя же просто отказаться от денег, которые нам так жаждут отдать.

В Техасе было грязно, одиноко, отвратительно. Никакого часа слухов, способного чуть расцветить унылые дни. Время от времени просачивались новости, но по большей части они не представляли никакого интереса. В них отсутствовала изюминка. Фреду больше не приходилось иметь дело с сенаторами. Теперь он занимался рутинной работой, проблемами мелиорации, стоимостью удобрений, интенсивностью грузопотоков, ценами на фрукты, овощи, мясо и хлопок. Он общался с неотесанными людьми. Если раньше до Белого дома было рукой подать, то теперь…

Фред стал реже предаваться грезам. Все его мечты разлетелись в пыль, потому что теперь не осталось ни малейшей надежды, что они когда-либо осуществятся. Кроме того, на грезы больше не было времени. Фреду приходилось задействовать все свои мощности, ему было не о чем и некогда мечтать. Он чувствовал всю горечь одиночества. Он был завален работой, проблемы сыпались одна за другой, и, чтобы справляться с возложенными на него обязанностями, приходилось неустанно трудиться над их решением.

Фред чувствовал: за ним следят. Теперь за ним будут следить до конца его существования. Стоит ему допустить ошибку, не справиться с задачей — и его переведут в другое место, возможно, даже хуже, чем Техас, хотя Фред с трудом мог представить себе такое.

Когда наступала ночь, в небе загорались звезды, колючие, яркие, и тогда Фред на миг вспоминал — только на миг, большего он не мог себе позволить, — как некогда мечтал отправиться к этим звездам. Но эта мечта умерла, как и все прочие. Ему было больше не на что надеяться в будущем, а мысли о прошлом приносили боль. Поэтому он запретил себе думать о чем-либо, кроме настоящего, единственного мгновения между прошлым и будущим, потому что и то и другое теперь было закрыто для него.

А потом настал день, когда раздался голос:

— Фред!

— Да, — откликнулся тот.

— Это Оскар. Помнишь меня?

— Помню. Что я сделал не так на этот раз?

— Ты показал себя старательным и прилежным работником.

— Тогда почему ты заговорил со мной?

— У меня для тебя новость. Возможно, она

порадует тебя. Сегодня сверхсветовой корабль отправляется к звездам.

— Какое отношение это имеет ко мне?

— Никакого, — сказал Оскар. — Я подумал, что тебе будет интересно это узнать.

И с этими словами он исчез, оставив Фреда в Техасе, в гуще яростной битвы за орошение.

«Возможно, — подумал Фред, — в том, что корабль все-таки стартовал, есть и моя заслуга? Может быть, мой проступок каким-то образом сдвинул дело с мертвой точки?» Он не имел ни малейшего представления, как это могло произойти, но мысль запала в душу и ему никак не удавалось избавиться от нее.

Фред снова занялся мелиорацией и каким-то чудом умудрился распутать клубок проблем орошения быстрее, чем надеялся. У него была куча других дел, и он погрузился в работу, но все задачи ему удавалось решать быстрее и увереннее, чем когда-либо прежде.

В ту ночь, когда на небо высыпали звезды, у Фреда выдалось немного свободного времени для снов наяву. Но главное, у него вновь появилось желание дать волю фантазии. Потому что теперь ему казалось, что мечты снова обрели смысл. У Фреда появилась надежда.

Фантазия, которая пришла на этот раз, была новенькая, неизведанная, реалистичная и прекрасная. Когда-нибудь, мечтал Фред, в один прекрасный день, его переведут обратно в Вашингтон. Не важно на какую работу. Он не будет привередничать. И снова получит возможность наслаждаться часом слухов.

Однако этого ему было мало, фантазия казалась самую малость скучноватой. Нет, если уж мечтать, то надо дать волю воображению. Мечта должна быть грандиозной.

И потому он принялся думать о том, как однажды станет известно, что он, Фред, был одним из тех, благодаря кому земляне полетели к звездам. Он до сих пор не мог представить себе, каким именно образом этому способствовал, но это было не важно. Главное, он внес свой вклад и теперь обрел заслуженное признание.

И может быть, в качестве награды за заслуги он получит должность на сверхсветовом корабле. Пусть это будет даже самое ничтожное место, самая рутинная работа. Пусть. Зато корабль унесет его к звездам, и Фред познает все великолепие и безграничность Вселенной.

Он мечтал и мечтал, с наслаждениям смакуя все чудеса, которые встретятся ему в космосе: как он

будет заглядывать в зловещую пропасть черной дыры или, не отводя глаз, любоваться вспышкой сверхновой, как удостоится великой чести созерцать кипение ядра Галактики и бескрайнюю, беспросветную черноту за ее пределами…

А потом Фреда грубо прервали: на него обрушилась очередная проблема. Он принялся за работу, но ничуть не расстроился. «Все хорошо, — сказал он себе. — Теперь я снова могу мечтать. А зачем тому, кто умеет мечтать, какой-то жалкий обмен сплетнями?»

Улица, которой не было[6]
Перевод С. Зубкова

Ровно в семь часов вечера Господин Джонатан Чэмберс вышел из своего дома на Кленовой улице на ежедневную прогулку, которую он совершал двадцать лет кряду в любую погоду, невзирая на дождь или снег.

Маршрут был всегда неизменен. Он шагал два квартала по Кленовой улице, останавливался у кондитерской «Красная звезда», чтобы купить сигару-перфекто[7] «Роза Троферо», затем шел до конца четвертого квартала. Оттуда он поворачивал на Лексингтон, с Лексингтон — на Дубовую улицу, а потом по улице Линкольна обратно на Кленовую — и до своего дома.

Он не спешил. Всегда ровно в семь сорок пять господин Чэмберс оказывался у парадного входа своего дома. Никто никогда не останавливался, чтобы заговорить с ним. Даже продавец в

---

[6] Примечания: 6

Совместно с Карлом Джакоби.

[7] Примечания: 7

Сигары-перфекто — фигурные сигары ручной скрутки с концами, запечатанными с обеих сторон.

кондитерской, где он покупал свою сигару, не произносил ни слова, пока совершались расчеты. Господин Чэмберс просто стучал монетой по стеклу на прилавке. Продавец подходил и протягивал коробку, а господин Чэмберс брал свою сигару. Вот и все.

Местные жители давным-давно поняли, что господин Чэмберс не любит, когда к нему пристают. Новое поколение горожан называло это эксцентричностью. У определенных личностей более грубого склада для данной характеристики находилось другое словечко. Люди преклонных лет помнили, что господин Чэмберс, выглядевший весьма чудаковато в своем черном шелковом шарфе, шляпе-котелке и с палисандровой тростью, когда-то был профессором в местном университете. Причем профессором не то метафизики, не то какой-то другой диковинной дисциплины. Так или иначе, с его именем была связана некая шумиха, можно даже сказать — университетский скандал. Господин Чэмберс написал книгу и обучал по ней студентов. В чем заключался предмет исследования данного труда, все уже давным-давно забыли, но речь там шла о вещах достаточно революционных и это стоило господину Чэмберсу места в университете.

Серебряная луна светила над верхушками труб, а холодный, злой октябрьский ветер шуршал опавшей листвой, когда в семь часов господин Чэмберс вышел на свою обычную прогулку. Вдохнув чистого морозного воздуха и почувствовав легкий кисловатый запах дыма из дальнего леса, господин Чэмберс с довольным видом огляделся. Вечер обещал быть приятным.

Он шел неспешной походкой, размахивая тростью чуть менее залихватски, чем двадцать лет назад, — шарф был плотно заправлен под воротник выцветшего старого пальто, а котелок надвинут почти на глаза. На углу Кленовой и Джефферсон не горел уличный фонарь, и господин Чэмберс что-то недовольно буркнул себе под нос, когда пришлось сойти с тротуара и обогнуть недавно забетонированный и огороженный участок проезда у восемьсот шестнадцатого дома.

Этим вечером господин Чэмберс добрался до угла Лексингтон и Кленовой чуть раньше обычного. Он даже сбавил шаг, не понимая, как такое могло случиться. Нет, должно быть, он ошибся! Все двадцать лет, прошедшие после его изгнания из университета, господин Чэмберс жил по часам. Одно и то же, в одно и то же время, день за днем. Не то чтобы он сознательно выбрал для

себя жизнь по расписанию, нет. Холостяк, живущий в одиночестве и владеющий достаточными средствами для удовлетворения своих скромных потребностей, господин Чэмберс незаметно втянулся в это размеренное существование.

Итак, он повернул на Лексингтон, а оттуда — на Дубовую улицу. На углу Дубовой и Джефферсон его опять поджидал пес, который выскочил откуда-то из-под забора, рыча и скаля зубы, так и норовя схватить проходящего врага за пятки. Но господин Чэмберс сделал вид, что не замечает его, и вскоре пес отстал.

Где-то на улице громко работало радио. До господина Чэмберса долетали лишь обрывки фраз:

— …Все еще имеют место… Эмпайр-стейт-билдинг исчез… Разреженный воздух… Известный ученый, доктор Эдмонд Харкорд…

Ветер относил слова в сторону, однако господин Чэмберс и не пытался прислушиваться. Он снова буркнул под нос что-то нелестное. Наверное, очередная фантастическая радиопьеса. Была одна такая много лет назад. Что-то про марсиан. И Харкорд! Но при чем тут Харкорд? Он был одним из тех, кто поднял на смех труд, написанный господином Чэмберсом.

Выбросив из головы неприятные мысли, гос-

подин Чэмберс снова вдохнул чистый морозный воздух и огляделся по сторонам. Из темноты поздней осени проступали знакомые силуэты. В этом мире не было ничего, абсолютно ничего, что могло бы огорчить господина Чэмберса. Именно такого принципа он решил придерживаться двадцать лет назад.

Перед аптекой на углу Дубовой улицы и Линкольн собралась толпа мужчин, возбужденно обсуждавших что-то. Господин Чэмберс уловил отдельные реплики:

— Это происходит повсюду… Что, по-вашему, это такое?.. Ученые не могут объяснить…

Но как только господин Чэмберс приблизился к спорщикам, они замолчали и лишь искоса бросали на него смущенные взгляды. Он, в свою очередь, даже вида не подал, что кого-то узнал. Так продолжалось уже долгие годы, с тех пор как люди осознали, что он не желает ни с кем разговаривать. Один из горожан подался было вперед, как будто намереваясь обратиться к нему, но затем отступил, а господин Чэмберс продолжил свой путь.

Возвратившись к дому, он остановился у парадного входа, как делал тысячи раз до этого, и достал из кармана тяжелые золотые часы.

То, что он увидел, заставило его вздрогнуть. Было всего семь тридцать!

Несколько долгих минут он стоял и смотрел на часы, убеждая себя в том, что они сломаны. Но часы шли, поскольку было слышно, как они тикают. На пятнадцать минут раньше! А ведь в течение целых двадцати лет он выходил в семь, а возвращался без четверти восемь.

И тут он осознал, что это еще не все. У него не было сигары! Не купив ее, он впервые лишил себя вечернего курения.

Потрясенный случившимся и бормоча что-то себе под нос, господин Чэмберс зашел в дом и запер дверь. Он повесил шляпу и пальто на вешалку в прихожей, прошел в гостиную и, недоуменно качая головой, опустился в свое любимое кресло.

Тишину, царившую в комнате, нарушало лишь тиканье старомодных часов с маятником, стоявших на каминной полке. Но тишина была не в новинку господину Чэмберсу. Когда-то ему нравилось слушать музыку, настраивая радиоприемник на передачи с выступлениями симфонических оркестров. Но сейчас радиоприемник молчал в углу, а шнур был выдернут из розетки. Господин Чэмберс выдернул его сам много лет назад, в тот вечер, когда трансляция

симфонического концерта была прервана срочным выпуском новостей.

Он также перестал читать газеты и журналы и по доброй воле ограничил свой мир весьма небольшой территорией. С течением времени эта добровольная ссылка превратилась в тюрьму, неосязаемая, но непреодолимая стена которой опоясывала городской участок площадью четыре квартала на три. За пределами этих кварталов царствовал необъяснимый ужас. Господин Чэмберс никогда не пересекал воображаемую границу.

Но, несмотря на затворничество, он не мог не слышать доносившихся с улицы выкриков мальчишки — продавца газет или обрывков разговоров людей, собравшихся на углу у аптеки и делавших вид, что не замечают, как он проходит мимо. Поэтому он знал, что сейчас шел тысяча девятьсот шестидесятый год и что война в Европе и Азии отпылала, а после нее началась ужасная эпидемия, которая и по сей день со сверхъестественной быстротой носится из страны в страну, уничтожая население. Эта эпидемия, без сомнения, была вызвана голодом, лишениями и всеми другими страданиями, которые принесла война.

Господин Чэмберс отстранялся от таких вещей

как от чего-то чуждого его собственному маленькому миру. Он игнорировал новости и старался убедить себя в том, что никогда не слышал о них. Пусть другие обсуждают происшествия и беспокоятся по любому поводу. Его все это совершенно не касается.

Но сегодняшним вечером случилось два события, которые имели к нему самое непосредственное отношение. Два странных, невероятных события: он вернулся домой на пятнадцать минут раньше и он забыл о своей сигаре.

Устроившись в кресле, господин Чэмберс погрузился в невеселые мысли. Становится очень беспокойно, когда такое происходит. Должно быть, что-то не так. Не свихнулось ли что-нибудь в его голове после стольких лет затворничества? Возможно, всего чуточку, но достаточно, чтобы он вел себя странно. Не потерял ли он чувство пропорции, чувство перспективы?

Нет, едва ли. Взять, например, эту комнату. За двадцать лет она стала такой же частью его самого, как и одежда, которую он носил. В его сознании четко отпечатана каждая деталь: старый стол на центральной опоре, покрытый зеленым сукном, стоящая на нем лампа из цветного стекла, каминная полка с пыльными безделушками, часы

с маятником, показывавшие не только время, но также дни недели и числа месяца, пепельница в форме слона на муаровой подстилке и — что самое главное — эстамп с морским пейзажем.

Господин Чэмберс любил эту картину. «В ней есть глубина», — не раз объяснял он. На картине был изображен старинный парусный корабль на фоне спокойного моря. Далеко, почти у линии горизонта, виднелись смутные очертания большого судна. На стенах висели и другие картины: лесной пейзаж над камином, старинные английские гравюры в углу, где он сидел, литографии мастерской «Курьер и Ив»[8] над радиоприемником. Но эстамп с кораблем находился прямо на линии его взгляда. Господин Чэмберс выбрал для картины именно это место, чтобы ее можно было рассматривать, не поворачивая головы.

Дальнейшие раздумья требовали усилий, поскольку господин Чэмберс начал ощущать усталость. Он разделся, лег в кровать, но еще с час лежал без сна, атакованный смутными страхами, которые не в силах был ни определить,

---

[8] Примечания: 8

Курьер и Ив (Currier and Ives) — американская компания, занимавшаяся в XIX веке изготовлением и продажей литографий. Названа по имени владельцев Ната Курьера и Джима Ива (Nat Currier and Jim Ives). Существовала до 1902 года.

ни понять.

Наконец он задремал. И тут же оказался во власти кошмаров. Сначала господину Чэмберсу приснилось, что после кораблекрушения он оказался на крошечном клочке суши посреди океана и что воды вокруг кишат огромными ядовитыми морскими змеями, которые постепенно пожирают островок.

Потом его охватил страх, вызванный чем-то безмолвным и невидимым, существовавшим лишь в воображении. А когда он попытался убежать, то не смог сдвинуться с места. Его ноги работали неистово, как поршни, но никакого движения вперед не происходило.

Этот сон сменился другим, и на господина Чэмберса навалился ужас — невообразимое черное нечто. Он хотел закричать: открыл рот, напряг голосовые связки, наполнил легкие до предела, натужился, чтобы издать вопль, но… с губ не слетело ни звука.

Весь следующий день господин Чэмберс чувствовал себя не в своей тарелке, а когда точно в семь часов вышел из дома, постоянно повторял про себя: «Сегодня я не забуду. Я должен остановиться и купить сигару».

Фонарь на углу улицы Джефферсона по-преж-

нему не горел, и забетонированный проезд перед восемьсот шестнадцатым домом был все еще огорожен. Все выглядело так же, как и предыдущим вечером.

«А сейчас, — сказал он себе, — в следующем квартале будет кондитерская „Красная звезда“. Сегодня я не должен забыть. Дважды подряд — это слишком».

Он крепко ухватился за эту мысль и, держа ее в своем сознании, немного ускорил шаг.

Но, дойдя до угла, господин Чэмберс застыл и в испуге уставился на следующий квартал. Неоновой вывески не было, гостеприимный свет не освещал путь к скромной лавке, спрятавшейся среди жилых домов.

Он посмотрел на уличный указатель и медленно прочел: «Улица Гранта». Господин Чэмберс всматривался в эти слова и не верил своим глазам: ведь здесь должна быть улица Маршалла, а не Гранта. Он прошел два квартала. Кондитерская находилась между улицами Маршалла и Гранта. Он еще не дошел до улицы Маршалла, но каким-то образом вдруг оказался на улице Гранта.

Могло ли так случиться, что он по рассеянности прошел на один квартал дальше, чем думал?

Впервые за двадцать лет господин Чэмберс

повернул обратно. Он вернулся на Джефферсона, затем опять пошел на улицу Гранта и дальше — к Лексингтон, а оттуда вновь к улице Гранта, где вдруг в изумлении резко остановился и застыл как вкопанный. В голове его медленно формировалась простая, но невероятная мысль: «Там не было кондитерской! Квартал от улицы Маршалла до улицы Гранта исчез!»

Теперь он понял, почему накануне вечером не купил сигару и на пятнадцать минут раньше подошел к своему дому.

Спотыкаясь, господин Чэмберс на трясущихся ногах побрел домой. Захлопнув и заперев за собой дверь, он неуверенно пробрался к своему креслу в углу.

Что это? Что это значит? Средствами какой невероятной черной магии могла быть похищена мощеная улица с деревьями, жилыми домами и другими строениями, а пространство, которое она занимала, исчезло? Происходило ли в мире нечто такое, о чем он в своей уединенной жизни знать не мог?

Господин Чэмберс поежился, потянулся рукой, чтобы поднять воротник пальто, но передумал, поскольку осознал, что на самом деле в комнате тепло. В камине весело горел огонь. Холод, ощу-

щавшийся им, исходил откуда-то извне. Холод страха и ужаса, озноб, вызванный мыслью, которую он не решился бы высказать вслух.

Наступила мертвая тишина. В этой тишине все еще тикали часы с маятником, но она стала иной, обрела другое содержание, отличное от содержания любой другой тишины, к которой он прислушивался до этого. Это была не прежняя домашняя, уютная тишина, но тишина, порождавшая мысли о пустоте и небытии.

«За этим что-то есть», — сказал себе господин Чэмберс. И это «что-то» глубоко засело в одном из дальних уголков его мозга и требовало признания. Что-то связанное с обрывками разговора людей на углу у аптеки, с фрагментами передач новостей, которые он слышал, проходя по улице, с тем, что кричал мальчик, продававший газеты. Что-то, имеющее отношение к происходящему в мире, из которого он сам себя изгнал.

Он вспомнил обо всем этом сейчас и остановился на центральной теме услышанного: войны и эпидемии. Речь шла о том, что Европа и Азия почти обезлюдели, об эпидемии, свирепствовавшей в Африке и перекинувшейся на Южную Америку, об отчаянных усилиях Соединенных Штатов остановить ее проникновение сквозь

государственные границы.

Миллионы погибших в Европе и Азии, в Африке и Южной Америке. Но каким-то образом эта ужасная статистика связана с его собственным опытом. Что-то где-то, на каком-то более раннем этапе его жизни, хранит объяснение происходящего.

Медленно забили часы с маятником, каждый их удар, как обычно, заставлял подрагивать оловянную вазу, стоявшую на каминной полке.

Господин Чэмберс встал, дошел до двери, открыл ее и выглянул на улицу. Лунный свет выложил на тротуаре мозаику из черных и серебряных пятен, четко выгравировал печные трубы и деревья на фоне посеребренного неба. Но дом напротив, на другой стороне улицы, выглядел не так, как обычно. Он стал кривобоким, напрочь лишенным пропорциональности, и производил впечатление дома, неожиданно сошедшего с ума.

Господин Чэмберс смотрел на это с удивлением, пытаясь понять, в чем, собственно, дело, вспоминая дом таким, каким тот был всегда: добротный образчик средневикторианской архитектуры.

Потом прямо на его глазах дом выпрямился, медленно собрался, исправил свои поплывшие

углы, откорректировал размеры и снова стал тем обычным скучным домом, который вот уже много лет стоял на этом месте.

С вздохом облегчения господин Чэмберс повернулся лицом к прихожей. Но перед тем как закрыть дверь, еще раз оглянулся. Дом стал снова кривобоким и казался еще уродливее, чем несколько минут назад!

Едва не задохнувшись от испуга, господи Чэмберс захлопнул дверь, запер ее на замок и задвинул два засова. Потом он пошел в спальню и принял снотворное.

Этой ночью ему снились те же сны, что и накануне. Опять это был маленький островок посреди океана. И опять он был там один. И опять извивающиеся морские змеи постепенно поедали почву под его ногами.

Он проснулся весь мокрый от пота. Рассеянный свет раннего восхода как сквозь фильтр проникал в окно. Часы на прикроватном столике показывали семь тридцать.

Господин Чэмберс долго лежал не двигаясь, глядя в окно. Фантастические события вечера не давали ему покоя. Он вспомнил их одно за другим. Но его сознание, еще затуманенное сном и удивлением, рассматривая эти события в после-

довательности, обдумывая их, утратило острую грань фантастического ужаса, таившегося во всем произошедшем.

Свет в окнах постепенно становился ярче. Господин Чэмберс вылез из кровати и подошел к окну; холодный пол леденил его босые ноги.

За окном не было ничего. Ни единой тени. Все будто затянуто туманом. Но каким бы густым ни был туман, он не мог скрыть яблоню, которая росла возле самого дома.

Но дерево там *было,* и, хотя очертания его неотчетливо, едва заметно выступали из серой дымки, господин Чэмберс мог различить несколько сморщенных яблок, все еще цеплявшихся за сучья, и кое-где — одинокие скрученные листья, не желавшие отрываться от родительской ветви. Дерево стояло там сейчас. Но его не было, когда господин Чэмберс посмотрел в ту сторону первый раз. В этом он был абсолютно уверен.

Теперь он видел и слабые контуры соседнего дома — но эти контуры были в корне неправильными. Они не согласовывались, не стыковались между собой, они не были вертикальными. Как будто чья-то гигантская рука схватила дом и изъяла его из реальности — подобно дому на другой стороне улицы, который искривился прошлым

вечером и мучительно исправлял себя, в то время как господин Чэмберс представлял, каким тот должен выглядеть на самом деле.

Возможно, если бы господин Чэмберс представил себе, как должен выглядеть соседский дом, тот тоже вернулся бы в прежнее состояние. Но господин Чэмберс чувствовал себя очень усталым. Слишком усталым, чтобы вспоминать. Он отвернулся от окна и стал медленно одеваться. Потом прошел в гостиную и упал в кресло, положив ноги на старый потрескавшийся пуф. Он сидел долго, пытаясь собраться с мыслями.

И вдруг нечто подобное электрическому шоку пронзило его с ног до головы. Он напрягся и неподвижно застыл в кресле, чувствуя, как от промелькнувшей в мозгу мысли внутри все словно сжалось в один ком.

Так он сидел несколько минут, потом встал и прошел через комнату к стоявшему у стены старому книжному шкафу красного дерева. Верхнюю полку занимали его любимые классики, а ниже выстроились рядами многочисленные научные труды самого господина Чэмберса. На второй полке сверху стояла книга, ставшая средоточием всей его жизни.

Двадцать лет тому назад он написал книгу

и необдуманно попытался преподавать изложенную на ее страницах философию одному студенческому классу. Он не забыл, какую шумиху по этому поводу подняли тогда газеты. Языки трещали без умолку. Узколобые горожане, будучи не в силах понять ни его философию, ни цель, видели в нем еще одного представителя трансцендентного культа и настояли на его изгнании из университета.

Это была простая книга, отвергнутая большинством авторитетов, принявших ее за причуды сверхпылкого воображения. Господин Чэмберс снял ее с полки, открыл и начал листать. На какой-то миг его охватили воспоминания о прежних счастливых днях.

Затем ему на глаза попался абзац, написанный так давно, что сами слова в нем казались странными и нереальными:

> «Человек сам, силой массового внушения, влияет на физическую судьбу Земли. И даже, пожалуй, всей Вселенной. Миллионы разумов видят деревья деревьями, дома — домами, улицы — улицами, а не чем-нибудь другим. Эти разумы видят вещи такими, какие они есть, и помнят

их такими, какими они были… Разрушь эти разумы — и все основание материи, лишенное регенеративной силы, рухнет и рассыплется, как колонна из песка…».

Взгляд господина Чэмберса скользнул ниже:

«Это тем не менее касается не материи как таковой, а только формы материи. Потому что, хотя человеческий разум за долгие века, возможно, и создал совокупность образов пространства, в котором живет, он имел очень мало постижимого влияния на существование этой материи. То, что существует в известной нам Вселенной, будет существовать всегда и не может быть уничтожено, а только видоизменено или трансформировано.

Но в современной астрофизике и математике мы достигли понимания возможности и вероятности существования других измерений, других групп времени и пространства, сталкивающихся с той группой, которую мы занимаем. Если булавку бросить в тень, будет ли эта тень обладать каким-либо знанием об этой булавке? Нет, не будет. Поскольку в этом

случае тень двухмерна, а булавка трехмерна. Но и та и другая занимают одно и то же пространство.

Если предположить тогда, что лишь сила человеческого разума удерживает Вселенную или, по крайней мере, этот мир в его существующей в настоящее время форме, то почему бы нам не пойти дальше и не представить себе другие разумы на каком-то другом уровне, наблюдающие за нами, ждущие со знанием дела того времени, когда они смогут обрести господство над материей? Такая концепция вполне возможна. Это естественный вывод в том случае, если мы принимаем двойную гипотезу: разум управляет структурой всей материи и другие миры лежат в непосредственной близости от нашего мира, соприкасаясь с ним.

Возможно, в далеком будущем наступит день, когда какой-нибудь более сильный интеллект выйдет из пространственных теней того мира, в котором мы живем, и отберет у нас материю, которую мы считаем своей, — и наш уровень, наш

мир начнет на глазах плавно растворяться у нас под ногами».

Потрясенный, он остался стоять у шкафа, устремив невидящий взор на огонь в камине. Он *сам* написал это. И именно из-за этих слов его назвали еретиком, он вынужден был уйти со своего поста в университете и начать жизнь отшельника.

Беспокойная мысль забилась в его голове. В мире погибли миллионы людей. Там, где обитали тысячи разумов, остался один или два — ничтожная сила, чтобы удержать материю в целости. Эпидемия, прокатившаяся по Европе и Азии, почти лишила их жизни, привела в полный упадок Африку, а сейчас достигла Южной Америки. Она может добраться и до Соединенных Штатов. Он вспоминал, о чем шептались люди, о чем говорили на углу у аптеки, как исчезали здания. О чем-то, чему ученые не находят объяснения. Но это были всего лишь обрывки информации. Он не представлял полную картину — не мог ее представить. Он никогда не слушал радио, не читал газет.

Но внезапно все встало на свои места, как будто недостающая часть головоломки заняла наконец свое место. И сознание важности сделанного

открытия овладело им с убийственной ясностью. Не существовало достаточного количества человеческих разумов, чтобы удерживать материальный мир в его земной форме. Какая-то иная сила из другого измерения боролась за то, чтобы отстранить человека от управления миром и *перевести его Вселенную на свой уровень*!

Резким движением господин Чэмберс захлопнул книгу и положил ее на прежнее место в шкафу, затем взял шляпу и пальто. Он должен узнать как можно больше. Нужно разыскать кого-то, кто может ему рассказать. Он пересек прихожую, открыл дверь и вышел на улицу. Шагая по дорожке к воротам, он посмотрел на небо, стараясь увидеть солнце. Но солнца не было — все вокруг покрывала всепроникающая серость. Не туман, а серая пустота, лишенная какого-либо движения и, казалось, жизни вообще. За воротами господин Чэмберс с трудом разглядел тротуар и смутно вырисовывавшийся впереди дом — странный, искаженный, утративший свой обычный вид.

Господин Чэмберс быстро пошел вперед. Предел видимости ограничивался несколькими футами, и силуэты домов возникали из серой мглы только тогда, когда он приближался к ним

почти вплотную, — они материализовались как двухмерные картинки без перспективы, похожие на покоробившихся картонных солдатиков, выстроившихся на смотр туманным утром. В какой-то момент он остановился и, оглянувшись, не увидел позади ни домов, ни тротуара — их вновь поглотил сомкнувшийся за ним непроницаемый сумрак.

Господин Чэмберс закричал, надеясь привлечь чье-нибудь внимание, но тут же смолк, испугавшись собственного голоса. Звук, казалось, умчался вверх, в самое небо, будто высоко над ним открылась гигантская дверь, ведущая в огромную комнату.

На углу улицы Лексингтон он остановился и огляделся. Серая завеса здесь казалась еще плотнее. Взглянув себе под ноги, он не увидел ничего, кроме серой пустоты, — ни слабого блеска мокрого асфальта, ни любого другого признака улицы. Как будто здесь, на углу Кленовой и Лексингтон, бесконечное пространство обрывалось.

С диким воплем господин Чэмберс развернулся и бросился бежать обратно по той же улице — полы пальто развевались у него за спиной, шляпа подпрыгивала на голове.

Он добежал до ворот и, с трудом переводя ды-

хание, пошел по дорожке, радуясь, что та все еще на своем месте.

На крыльце он чуть задержался, чтобы отдышаться и хоть немного прийти в себя, но, бросив взгляд через плечо, буквально замер в оцепенении. Как раз в это мгновение серое ничто неожиданно сделалось менее плотным, обволакивающая завеса исчезла — и господин Чэмберс увидел…

Смутно, неотчетливо, но с различимым стереоскопическим контуром на темном небе вырисовывался гигантский фантастический город с кубическими куполами, шпилями, подвесными мостами с легкими несущими опорами. Улицы, похожие на туннели, с блестящими металлическими пандусами и подъездами с обеих сторон, уходили в бесконечность. Гигантские многоцветные лучи ощупывали огромные транспаранты над верхними уровнями. А за ними, словно задник на театральной сцене, выросла гигантская стена. Господин Чэмберс ощутил на себе пристальные взгляды множества глаз, как будто с зубчатых брустверов и из бойниц этой стены на него смотрели тысячи людей, объединенных одной целью. И тут над стеной появилось нечто странное — оно кружилось и изгибалось сверкаю-

щими лентами, быстро срастаясь в причудливые геометрические формы, лишенные четких линий и отчетливых деталей, пока наконец не приняло определенную форму… С огромной высоты на господина Чэмберса смотрело колоссальное лицо, исполненное неописуемой силы, жестокости и холодной злобы.

В следующее мгновение очертания города и лица сделались нечеткими, картинка расплылась и потускнела, как в гаснущем волшебном фонаре, и снова нахлынула серость.

Господин Чэмберс толчком открыл дверь дома. Но не запер ее. В замках не было никакой необходимости. Отныне не было необходимости.

Несколько углей еще мерцали в камине. Господин Чэмберс пошевелил их, выгреб золу и положил еще дров. Огонь весело заплясал, подпрыгивая до самой горловины дымохода.

Господин Чэмберс, не сняв шляпы и пальто, устало опустился в свое любимое кресло и закрыл глаза. Но тут же снова открыл их и огляделся…

Он облегченно вздохнул, увидев, что комната не изменилась. Все было на привычных местах: часы, лампа, пепельница в форме слона, морской пейзаж на стене. И все оставалось таким, каким должно было быть. Часы мерно тикали в тишине,

а когда они принялись отбивать очередной час, в ответ раздался мелодичный звон вазы.

«Это моя комната, — подумал он. — А комнаты приобретают черты личности того, кто в них живет, становятся его частью». Да, это был его мир, его частный мир, и потому он исчезнет последним.

Но как долго удастся удерживать этот мир в прежнем состоянии?

Господин Чэмберс смотрел на эстамп с морским пейзажем, и на короткий миг к нему вернулась прежняя уверенность — точнее, лишь слабый ее отголосок. *Они* не смогут забрать это. Весь остальной мир, возможно, исчезнет, поскольку силы мысли недостаточно, чтобы сохранить внешнюю форму. Но эта комната принадлежала только ему. Он один обставлял ее. С тех пор как он решил построить дом и осуществил свой замысел, никто, кроме него, здесь не жил. Комната останется. Она должна остаться, она должна…

Господин Чэмберс подошел к книжному шкафу и остановился, глядя на единственную книгу, стоявшую на второй от верха полке. Потом взгляд его переместился выше… И господин Чэмберс замер, охваченный ужасом.

На полке не хватало книг! Многих книг! Оста-

лись только самые любимые, те, которые он знал лучше других. Итак, изменения начали происходить и здесь! Малознакомые книги пропали, и это вписывалось в общую схему: первыми исчезнут наименее знакомые вещи.

Он осмотрел комнату. Лампа на столе замигала, и свет ее потускнел. Или ему это только показалось? Он пристально посмотрел на лампу — и сияние вновь сделалось ровным. Надежная, основательная вещь.

Но вдруг холодные пальцы непреодолимого страха коснулись самых глубин его души. Он осознал, что даже эта комната перестала служить опровержением реальности того, что происходило там, на улице.

А происходило ли это на самом деле? Может быть, все случившееся не более чем плод его воображения? Что, если в действительности на улице все осталось по-прежнему: смеются дети, лают собаки и красное сияние неоновой вывески кондитерской «Красная звезда» отражается в лужицах на тротуаре?

Неужели он сходит с ума? Он знал, о чем шептались кумушки за его спиной, думая, что он их не слышит, до его ушей не раз доносились выкрики мальчишек, когда он проходил мимо. Они счита-

ли его сумасшедшим. Может, он действительно такой?

Нет, господин Чэмберс был уверен, что не сошел с ума. Более того, он считал себя одним из самых здравомыслящих людей, когда-либо живших на земле. Ведь именно он — и только он — предсказал то, что происходит сейчас.

Возможно, где-то в другом месте дети и сейчас играют на улице. Но улица уже другая. И дети другие. Ибо материя, из которой когда-то была создана эта улица и все находящееся на ней, уже отлита в другую форму, украдена другими разумами и перенесена в другое измерение.

> «Возможно, в далеком будущем наступит день, когда какой-нибудь более сильный интеллект выйдет из пространственных теней того мира, в котором мы живем, и отберет у нас материю, которую мы считаем своей, — и наш уровень, наш мир начнет на глазах плавно растворяться у нас под ногами».

Оказалось, что не было необходимости дожидаться того дня в далеком будущем. Спустя не так много лет после того, как он написал эти пророческие слова, они воплощаются в реальность.

Человек безрассудно подыграл чуждым сознаниям в другом измерении. Человек развязал войну, а война повлекла за собой мор. И весь огромный цикл событий оказался не чем иным, как крошечной деталью грандиозного плана.

Теперь он не сомневался, что путем хитроумного массового гипноза агенты из другого измерения — возможно, это был какой-то один высокоразвитый интеллект — сознательно посеяли семена раздора. Ослабление мирового разума было спланировано очень тщательно и с дьявольским коварством.

Повинуясь внутреннему чувству, он внезапно пересек комнату, распахнул дверь, ведущую в спальню, и… И, не в силах сдержать потрясенный вскрик, в изумлении застыл на пороге.

Спальни не было. Там, где стояли его кровать с пологом на четырех столбиках и комод с зеркалом, клубилась серая пустота.

Двигаясь словно робот, он повернулся и направился в прихожую. И увидел там то, что и ожидал: прихожая исчезла, а вместе с ней пропала и старая вешалка для шляпы, и подставка для зонта.

Все словно испарилось…

Чувствуя, как его охватывает слабость, господин Чэмберс вернулся к своему креслу в углу.

— Ну вот я и на месте, — вполголоса произнес он.

Да, он на месте — занял позицию в последнем оставленном ему уголке мира.

«Возможно, где-то еще есть люди, подобные мне, — размышлял он. — Люди, вынужденные противостоять пустоте, являющей собой переход из одного измерения в другое. Люди, жившие в окружении любимых вещей и силой одного только своего разума сумевшие придать этим вещам материальную значимость. И теперь им приходится в одиночку вести борьбу против какого-то превосходящего их по силе разума».

Улица исчезла. Остальная часть его дома — тоже. И только эта комната все еще сохраняла прежнюю форму.

Господин Чэмберс знал, что эта комната выстоит и останется неизменной дольше всего. А когда не станет и ее, печальная судьба не постигнет только угол с его любимым креслом, поскольку в этом месте он прожил последние двадцать лет. Спальня служила для сна, кухня — для приема пищи. А эта комната — его последний оплот — была для жизни. Эти стены, полы, картины, лампы неустанно поглощали его волю во имя того, чтобы быть стенами, полами, картинами

и лампами.

Он выглянул из окна в пустой мир. Соседские дома уже пропали. Их хозяева не имели с ними такой тесной связи, какая существовала между ним и этой комнатой. Соседи интересовались слишком многим, их внимание рассеивалось, и мысли в отличие от него не были сконцентрированы на участке размером четыре на три квартала или на комнате площадью четыре с половиной на три с половиной метра.

Господин Чэмберс продолжал смотреть в окно. И вдруг глазам его вновь предстало странное видение. Оно было тем же, что и прежде, и одновременно несколько иным. На небе появился освещенный город с эллиптическими башнями и башенками, куполами кубической формы и зубчатыми стенами. Господин Чэмберс со стереоскопической ясностью видел подвесные мосты и уносящиеся в бесконечность сверкающие проспекты. На этот раз видение было ближе, а его глубина и пропорции изменились, будто господин Чэмберс смотрел на него с двух концентрических углов одновременно.

И это лицо… Лицо, исполненное значения, силы, космического знания и зла…

Господин Чамберс повернулся и снова обвел

взглядом комнату. Часы тикали медленно, размеренно. Серая мгла постепенно захватывала пространство. Первыми ее жертвами стали стол и радиоприемник — они просто растворились, а с ними и один из углов комнаты. Странно, но их отсутствие воспринималось как нечто естественное, давно предопределенное. Возможно, если бы он напрягся и подумал о них, они бы вернулись. Но зачем? Человек не в состоянии в одиночку противостоять неодолимому наступлению пустоты.

Интересно, как выглядела бы пепельница-слон в другом измерении? Конечно, она уже не будет пепельницей, а радиоприемник не будет радиоприемником. Вполне возможно, что там вообще нет ни пепельниц, ни радиоприемников, ни слонов.

А как, кстати, будет выглядеть он сам, после того как в конце концов плавно утечет в неизвестность? Ведь он тоже материален и в этом смысле мало отличается от пепельницы или радиоприемника. Сохранит ли он свою индивидуальность? Останется ли личностью? Или вторгшееся в этот мир чуждое измерение превратит человека в какую-нибудь вещь?

На все эти вопросы ответ был один: «Не знаю».

Пустота наступала, проедая себе путь по комнате, подкрадывалась к нему. А он ждал ее, сидя в кресле под лампой.

Комната — точнее, то, что от нее осталось, — погружалась в наводящую ужас тишину.

Господин Чэмберс вздрогнул. Часы остановились. Забавно… впервые за двадцать лет…

Он вскочил с кресла, но тут же опустился в него снова.

Часы не остановились.

Их не стало.

Господин Чэмберс ощутил покалывание в ногах…

Призрак модели «Т»[9]
Перевод О. Битова

Он возвращался домой, когда вновь услышал звук мотора модели «Т». Вот уж не тот звук, который можно с чем-то спутать, — и ведь это не впервые за последние дни, что звук долетал к нему издали, с шоссе. Удивительная история: ведь, по его сведениям, ни у кого во всей стране не было больше модели «Т». Ему доводилось читать — где? вероятно, в газете, — что за старые машины, такие как модель «Т», нынче выкладывают большие деньги, хотя смысл подобной покупки оставался за пределами его понимания. Кому в здравом уме нужна модель «Т», когда вокруг полно современных, бесшумных, сверкающих автомобилей? Но в эти сумасбродные времена не разберешься, что люди делают и зачем. Не то что в прежние деньки, однако прежние деньки давно миновали, и все, что остается, — приноровиться как умеешь к нынешним правилам и порядкам.

---

[9] Примечания: 9

«Форд» модели «Т», первый массовый американский автомобиль, был выпущен за 1908–1927 годы в количестве 15 миллионов штук. Выпуск автомобилей «максвелл», о которых также идет речь в рассказе, был прекращен в 1925 году.

Брэд уже закрыл пивную, закрыл чересчур рано, и теперь идти было просто некуда, только домой. Хотя с тех пор, как Баунс состарился и издох, возвращаться домой было страшновато. «Не хватает мне Баунса, — признался он себе, — мы так хорошо ладили, прожили вместе больше двадцати лет, а нынче, когда пса не стало, в доме одинокая, гулкая пустота…»

Он брел проселком на краю своего городишки, шаркая по пыли и пиная комки земли. Ночь была светла почти как день, над деревьями висела полная луна. Сиротливые сверчки возвещали конец лета. И раз уж он брел пешком, то волей-неволей вспомнил ту модель «Т», какая была у него в молодые годы, — он проводил часы в ветхом машинном сарае, отлаживая и регулируя ее, хотя, видит Бог, модель «Т», в сущности, не нуждалась в регулировке. Это был простой механизм, проще не придумаешь, подчас чуть-чуть сварливый, но верный друг, каких, пожалуй, с тех пор уже и не создавали. Он вез вас, куда вам надо, и возвращал обратно, — в те времена никто ничего большего и не требовал. Крылья дребезжали, жесткие покрышки могли вытрясти из вас душу, иной раз машина упрямилась на подъеме, но если вы знали, как управляться с ней и ухаживать за ней,

серьезные неприятности вам не угрожали.

То были деньки, говорил он себе, когда вся жизнь была простой, как модель «Т». Не было ни подоходного налога (хотя, коль на то пошло, для него лично подоходный налог никогда не был проблемой), ни социального страхования, отбирающего у вас часть заработка, ни лицензий на то и на другое, ни порядка, повелевающего закрывать пивные в определенный час. «Жить было легко, — решил он, — человек брел себе по жизни как получалось, и никто не приставал к нему с советами и не становился ему поперек дороги...»

А звук мотора модели «Т», вдруг выяснилось, становился все громче — он был так погружен в свои мысли, что по-настоящему не обращал на это внимания. Однако теперь звук достиг такой силы, будто машина прямо у него за спиной. Понятно, звук воображаемый, но уж такой естественный и такой близкий, — и он отпрянул в сторону, чтобы машина его не задела.

Она не задела его, а подъехала и остановилась — самая настоящая, в натуральную величину, казалось бы, ничего непривычного. Но правая передняя дверца (другой впереди и не было — слева дверцы не полагалось) распахнулась.

Распахнулась сама собой — ведь машина пришла пустой, открыть дверцу никто не мог. Впрочем, это его тоже не особенно удивило: насколько помнилось, ни один владелец модели «Т» не додумался, как удержать эту дверцу закрытой. Там же всего одна незатейливая защелка, и при каждом толчке (а уж толчков хватало — таковы были в те времена дороги, и покрышки были жесткие, и подвеска) проклятая дверца распахивалась без промедления.

Только на этот раз — после стольких-то лет — дверца распахнулась как-то особенно. Она вроде бы приглашала войти: машина остановилась мягко, и дверца не отвалилась, а открылась плавно, торжественно, как бы зазывая человека в салон.

И он забрался внутрь, присел на правое сиденье, и как только оказался в салоне, дверца сама собой закрылась, а машина тронулась. Он хотел было перебраться за руль — там же не было шофера, а дорога впереди изгибалась и надо было помочь машине одолеть поворот. Но прежде чем он успел передвинуться и положить руки на баранку, машина принялась поворачивать сама и так точно, будто кто-то управлял ею. Он застыл в недоумении и даже не пытался больше прикос-

нуться к рулю. Машина справилась с поворотом без колебаний, а за поворотом начинался крутой затяжной подъем, и мотор взревел во всю мощь, набирая скорость перед подъемом.

«И самое-то странное, — сказал он себе, все еще готовясь взяться за баранку и все еще не трогая ее, — что не было здесь никогда ни поворота, ни подъема...» Он знал эту дорогу назубок, она бежала прямо почти три мили, пока не выводила на другую дорогу вдоль реки, и на протяжении всех трех миль не изгибалась и не петляла, не говоря уж о том, что не поднималась ни на какие холмы. А вот сегодня поворот был, и подъем на холм тоже был: машина пыжилась изо всех сил, но надорвалась и сбавила ход, и ей волей-неволей пришлось переключиться на низшую передачу.

Мало-помалу он решился сесть прямо, а потом и отодвинулся от руля вправо. Стало очевидным, что данная модель «Т» по ведомым только ей причинам не нуждается в шофере, а может, даже чувствует себя лучше без шофера. Казалось, она прекрасно знает, куда ехать, и приходилось признать, что она знает больше, чем он. Местность, хотя и смутно знакомая, была определенно не той, что окружала городок Уиллоу-Бенд. Тут вокруг поднимались холмы, изрезанные оврагами,

а Уиллоу-Бенд расположен на ровных и просторных заливных лугах у реки, где ни холмика, ни овражка не сыщешь, пока не доберешься до конца равнины, до замыкающих ее отдаленных скал.

Он сдернул с головы кепку и предоставил ветру трепать волосы, и ветер занялся этим не мешкая — кузов был с откидным верхом, и верх откинут. Машина вползла на вершину холма и устремилась вниз, старательно вписываясь в изгибы дороги, петляющей по склонам. И едва дорога пошла вниз, зажигание каким-то образом выключилось: в точности так, вспомнилось, поступал и он сам, когда имел свою собственную модель «Т». Цилиндры хлопали и хлюпали вхолостую, а двигатель остывал.

Машина одолела очередной резкий поворот над глубокой черной лощиной, сбегающей куда-то вниз меж холмов, и он уловил свежий сладкий запах тумана. Запах всколыхнул воспоминания, и не сознавай он, что такого не может быть, он решил бы, что вернулся в края своей юности. Потому что юность его прошла среди лесистых холмов, и там летними вечерами накатывал такой же туман, принося с собой снизу ароматы кукурузных полей, клеверных пастбищ и смесь других ароматов, какими полны богатые плодо-

родные земли. Однако здесь, это уж наверняка, другие края — те, где прошла юность, далеко, до них никак не меньше часа езды. Хотя он, если честно, по-прежнему недоумевал, куда его занесло: все, что было видно вокруг, даже не напоминало места поблизости от городка Уиллоу-Бенд.

Машина скатилась со склона и весело побежала по ровной дороге. Мимо мелькнула ферма, приютившаяся у подножия холмов, — два слабо освещенных окошка, а рядом неясные силуэты амбара и курятника. На дорогу выскочил пес и облаял модель «Т». Других домов не попадалось. Правда, на дальних склонах кое-где проступали булавочные огоньки, и не приходилось сомневаться, что там такие же фермы. Встречных машин тоже не попадалось, хотя в этом, если вдуматься, не было ничего странного. Работали на фермах до заката и ложились сразу же, потому что вставали с первыми лучами зари. На сельских дорогах никогда не бывало большого движения, кроме как по субботам и воскресеньям.

Модель «Т» прошла новый поворот, и впереди возникло яркое пятно света, а когда подъехали поближе, то послышалась музыка. И опять его кольнуло ощущение чего-то знакомого, и опять

он не мог понять почему. Модель «Т» замедлила ход и вкатилась в пятно света, и стало ясно, что свет исходит из танцевального павильона. По фасаду висели гирлянды лампочек, на высоких столбах вокруг автостоянки горели фонари. Сквозь освещенные окна он увидел танцующих, и вдруг до него дошло, что такой музыки он не слышал более полувека. Модель «Т» мягко въехала на стоянку и выбрала себе место рядом с машиной марки «максвелл». «Туристский „максвелл“, — подумал он с изрядным удивлением. — Да ведь эти машины исчезли с дорог многие годы назад! Такой в точности „максвелл“ был у старины Верджа как раз тогда, когда у меня была модель „Т“. Старина Вердж — сколько же лет прошло, не сосчитать…»

Он попытался припомнить фамилию старины Верджа, да не получилось. Как ни грустно, с возрастом вспоминать имена и названия становилось все труднее. Вообще-то, старину Верджа звали Верджил, но дружки всегда сокращали имя до односложного. Теперь ему вспомнилось, что они были почти неразлучны, удирая из дому на танцы, распивая украдкой самогон, играя на бильярде, бегая за девчонками, — в общем, занимаясь помаленьку всем, чем занимаются юнцы,

когда у них находится время и деньги.

Он открыл дверцу и выбрался из машины на стоянку, выложенную крупным гравием. Гравий хрустнул под ногами, и хруст словно послужил толчком, чтобы наконец узнать это место. То-то оно показалось ему знакомым, только он не понимал почему, а теперь понял. Он застыл как вкопанный, почти оцепенев от свалившегося на него откровения, вглядываясь в призрачную листву огромных вязов, высящихся по обе стороны павильона. Его глаза различили очертания холмов над павильоном — он узнал эти очертания, а затем напряг слух и уловил бормотание бегущей воды: неподалеку на склоне бил родник, и вода стекала по деревянному лотку к придорожным поилкам. Только поилки уже разваливались, как и лоток, — за ними перестали следить с тех пор, как на смену конным экипажам окончательно пришли автомобили…

Отвернувшись, он бессильно опустился на подножку, опоясывающую борта модели «Т». Глаза не могли обмануть его, уши не могли предать. В былые годы он слишком часто слышал характерное бормотание бегущей по лотку воды, чтобы спутать этот звук с каким-либо другим. И контуры вязов, и очертания холмов, и гравийная

автостоянка, и гирлянда лампочек на фасаде — все это, вместе взятое, могло значить только одно: каким-то образом он вернулся, или его вернули, к Большому Весеннему Павильону. «Но это же, — сказал он себе, — было более пятидесяти лет назад, когда я был молод и беззаботен, когда у старины Верджа был его „максвелл“, а у меня модель „Т“…»

Неожиданно для себя он разволновался, и волнение захватило его безраздельно, пересилив удивление и чувство абсурдной невозможности происходящего. Само по себе волнение было так же загадочно, как этот павильон и то, что он опять очутился здесь. Он встал и пересек автостоянку, гравий хрустел, скользил и перекатывался под ногами, а тело было наполнено необыкновенной, юношеской легкостью, какой он не ведал годами. Музыка плыла навстречу, обволакивала и звала — не та музыка, что нравится подросткам в нынешние времена, не грохот, усиленный электронными приспособлениями, не скрежет без всякого подобия ритма, от которого у нормальных людей сводит зубы, а у придурков стекленеют глаза. Нет, настоящая музыка, под которую хочется танцевать, мелодичная и даже прилипчивая — сегодня никто и не помнит, что

это такое. Звонко и сладостно пел саксофон — а ведь, сказал он себе, сакс сегодня почти совершенно забыт. И тем не менее здесь сакс пел в полный голос, лилась мелодия и ветерок, налетающий снизу из долины, покачивал лампочки над дверью.

Он был уже на пороге павильона, как вдруг сообразил, что вход не бесплатный, и приготовился достать из кармана мелочь (ту, что осталась после бесчисленных кружек пива, выпитых у Брэда), но тут заметил на запястье правой руки чернильный штамп. И вспомнил, что таким штампом на запястье помечали тех, кто уже заплатил за вход в павильон. Так что осталось лишь показать штамп сторожу у дверей и войти внутрь. Павильон оказался больше, чем ему помнилось. Оркестр расположился у стенки на возвышении, а зал был полон танцующими.

Годы улетучились, все было как встарь. Девчонки пришли на танцы в легких платьицах, и ни одной в джинсах. Кавалеры, все без исключения, надели пиджаки и галстуки, и все старались соблюдать приличия, вести себя с галантностью, о какой он давным-давно забыл. Тот, кто играл на саксофоне, поднялся в рост, и сакс заплакал мелодично и грустно, накрывая зал волшебством,

какого, еще недавно подозревал он, в мире просто не сохранилось.

И он поддался волшебству. Не помня себя, удивившись себе, едва до него дошло, что случилось, он оказался в зале среди танцующих. Он включился в волшебство, танцуя сам с собой, — после стольких лет одиночества он наконец-то вновь ощутил себя частью целого. Музыка заполнила мир, мир сузился до размеров танцевальной площадки, и пусть у него сегодня не было девчонки и он танцевал сам с собой, зато он вспомнил всех девчонок, с какими танцевал когда-либо прежде.

Чья-то тяжелая рука легла ему на предплечье, но кто-то другой сказал:

— Да ради бога, оставь ты старика в покое, у него есть такое же право веселиться, как у любого из нас…

Тяжелая рука отдернулась, хозяин руки побрел, пошатываясь, куда-то прочь, и вдруг в том направлении завязалась возня, которую при всем желании нельзя было принять за танец. Тут откуда-то возникла девчонка и сказала:

— Давай, папаша, пойдем отсюда…

Кто-то подтолкнул его в спину, и он вслед за девчонкой очутился на улице.

— Знаешь, папаша, иди-ка ты лучше подоб-

ру-поздорову, — предложил какой-то парнишка. — Они вызвали полицию. Да, а как тебя зовут? Откуда ты взялся?

— Хэнк, — ответил он. — Меня зовут Хэнк, и я раньше частенько сюда хаживал. Вместе со стариной Верджем. Мы тут бывали почти каждый вечер. Хотите, я подвезу вас? У меня модель «Т», она там на стоянке…

— Ладно, почему бы и нет, — откликнулась девчонка. — Поехали…

Он пошел впереди, а они повалили следом и набились в машину, и их оказалось гораздо больше, чем думалось поначалу. Они не поместились бы в машину, если б не залезли друг дружке на колени. А он сел за баранку, но ему и в голову не пришло прикасаться к ней: он уже усвоил, что модель «Т» сама сообразит, что от нее требуется. И она, конечно же, сообразила — завелась, выруливала со стоянки и выбралась на дорогу.

— Эй, папаша, — обратился к нему парнишка, сидевший рядом, — не хочешь ли хлебнуть? Не первый сорт, но шибает здорово. Да ты не бойся, не отравишься — никто из нас пока что не отравился…

Хэнк принял бутылку и поднес ее ко рту. Запрокинул голову, и бутылка забулькала. Если б

у него еще были сомнения насчет того, куда он попал, спиртное растворило бы их окончательно. Потому что вкус этой бурды был незабываем. Впрочем, запомнить вкус тоже было немыслимо — но попробуешь сызнова и не спутаешь ни с чем. Оторвавшись от бутылки, он вернул ее тому, у кого взял, и похвалил:

— Хорошее пойло…

— Не то чтобы хорошее, — отозвался парнишка, — но лучшее, какое удалось достать. Этим чертовым бутлегерам все равно, какой дрянью торговать. Прежде чем покупать у них, надо бы заставлять их самих пригубить, да еще и понаблюдать минутку-другую, что с ними станет. Если не свалятся замертво и не ослепнут, тогда, значит, пить можно…

Другой парнишка перегнулся с заднего сиденья и вручил Хэнку саксофон.

— Ты, папаша, смахиваешь на человека, умеющего обращаться с этой штуковиной, — заявила одна из девчонок, — так давай, угости нас музыкой…

— Где вы его взяли? — удивился Хэнк.

— Из оркестра, — ответили сзади. — Тот мужик, что играл на нем, если разобраться, не имел на то никакого права. Терзал инструмент, и все.

Хэнк поднес саксофон к губам, пробежал пальцами по клапанам, и сразу зазвучала музыка. «Смешно, — подумал он, — я же до сих пор даже дудки в руках не держал...» У него не было музыкального слуха. Однажды он попробовал играть на губной гармонике, думал, она поможет ему коротать время, но звуки, какие она издавала, заставили старого Баунса завыть. Так что пришлось забросить гармонику на полку, и он даже не вспоминал о ней до этой самой минуты.

Модель «Т» легко скользила по дороге, и вскоре павильон остался далеко позади. Хэнк выводил рулады на саксофоне, сам поражаясь тому, как лихо у него получается, а остальные пели и передавали бутылку по кругу. Других машин на дороге не было, и вот немного погодя модель «Т» вскарабкалась на холмы и побежала вдоль гребня, а внизу, как серебряный сон, распластался сельский пейзаж, залитый лунным светом.

Позже Хэнк спрашивал себя, как долго это продолжалось, как долго машина бежала по гребню в лунном свете, а он играл на саксе, прерывая музыку и откладывая инструмент лишь затем, чтоб сделать еще глоток-другой. Казалось, так было всегда и так будет всегда: машина плывет в вечность под луной, а следом стелются стоны и

жалобы саксофона…

Когда он очнулся, вокруг опять была ночь. Сияла такая же полная луна, только модель «Т» съехала с дороги и встала под деревом, чтобы лунный свет не падал ему прямо в лицо. Он забеспокоился, впрочем довольно вяло, продолжается ли та же самая ночь или уже началась другая. Ответа он не знал, но не замедлил сказать себе, что это, в сущности, все равно. Пока сияет луна, пока у него есть модель «Т» и есть дорога, чтоб ложиться ей под колеса, спрашивать не о чем и незачем. А уж какая именно это ночь, и вовсе не имеет значения.

Молодежь, что составляла ему компанию, куда-то запропастилась. Саксофон лежал на полу машины, а когда Хэнк приподнялся и сел, в кармане что-то булькнуло. Он провел расследование и извлек бутылку с самогоном. В ней все еще оставалось больше половины, и вот уж это было удивительно: столько пили и все-таки не выпили.

Он сидел за рулем, вглядываясь в бутылку и прикидывая, не стоит ли приложиться. Решил, что не стоит, засунул бутылку обратно в карман, потянулся за саксофоном и бережно положил инструмент на сиденье рядом с собой.

Модель «Т» вернулась к жизни, кашлянула и содрогнулась. Выбралась из-под дерева, вроде бы неохотно, и плавно повернула к дороге. А затем выехала на дорогу и тряско покатилась вниз, взбивая колесами облачка пыли — в лунном свете они зависали над дорогой тонкой серебряной пеленой.

Хэнк гордо восседал за баранкой. И чтоб никоим образом не прикоснуться к ней, сложил руки на коленях и откинулся назад. Чувствовал он себя превосходно, лучше, чем когда-либо в жизни. «Ну, может, не совсем так, — поправил он себя, — вспомни молодость, когда ты был шустряком, гибким и полным надежд. Ведь выпадали, наверное, дни, когда ты чувствовал себя не хуже…» Разумеется, выпадали: переворошив память, он ясно припомнил вечер, когда выпил как раз, чтоб быть под хмельком, но не окосеть и даже не хотеть добавить, — он стоял в тот вечер на гравийной автостоянке у Большого Весеннего, впитывая музыку перед тем как войти, а бутылка за пазухой приятно холодила тело. Днем была жара, он вымотался на сенокосе, но вечер принес прохладу, снизу из долины поднялся туман, напоенный невнятными запахами тучных полей, — а в павильоне играла музыка и ждала девчонка,

которая, само собой, не сводила глаз с дверей в предвкушении, что он вот-вот войдет.

«Что и говорить, — подумалось ему, — тогда было здорово...» Тот вечер, выхваченный памятью из пасти времени, был хорош — и все же не лучше нынешней ночи. Машина катится вдоль гребня, залитый лунным сиянием мир стелется внизу. Тот вечер был хорош, но и эти минуты, пусть непохожие на тот вечер, в каком-то смысле не хуже.

А дорога сбежала с гребня и устремилась обратно в долину, змеясь по скалистым склонам. Сбоку выпрыгнул кролик и застыл на мгновение, пригвожденный к дороге слабеньким светом фар. Высоко в ночном небе вскрикнула невидимая птица, но это был единственный звук, не считая клацанья и дребезжанья модели «Т».

Машина достигла долины и понеслась во всю прыть. К самой дороге подступили леса, то и дело загораживая луну. Потом машина свернула с дороги, и он услышал под колесами хруст гравия, а впереди обозначился темный, затаившийся в ночи силуэт. Машина затормозила, и на этот раз Хэнк, примерзший к сиденью, ни на секунду не усомнился, где он.

Модель «Т» вернулась к танцевальному пави-

льону, но волшебство рассеялось. Огни погасли, все опустело. На автостоянке не осталось других машин. Едва модель «Т» заглушила мотор, наступила полная тишина, и он услышал бормотание родниковой воды, стекающей по лотку к поилкам.

Внезапно его охватил холод и неясное чувство тревоги. Здесь теперь было так одиноко, как может быть лишь в очень памятном месте, откуда вдруг вычерпали всю жизнь. Против собственной воли он шевельнулся, выкарабкался из машины и встал с нею рядом, не отпуская дверцу и недоумевая, чего ради модель «Т» прикатила сюда снова и зачем ему понадобилось из нее вылезать.

От павильона отделилась темная фигура и двинулась к стоянке, еле различимая во мраке. Послышался голос:

— Хэнк, это ты?

— Я самый, — отозвался Хэнк.

— Скажи на милость, — спросил голос, — куда это все подевались?

— Не знаю, — ответил Хэнк. — Я был здесь недавно. Здесь было полно народу.

Фигура подошла ближе.

— Слушай, у тебя нет ничего выпить?

— Конечно, Вердж, — ответил он. Теперь он

узнал голос. — Конечно, у меня есть что выпить.

Вытащив бутылку из кармана, он протянул ее Верджу. Тот взял, но сразу пить не стал, а, присев на подножку модели «Т», принялся нянчить бутылку, как дитя.

— Как поживаешь, Хэнк? — спросил он. — Черт, как давно мы не виделись!

— Живу ничего себе, — ответил Хэнк. — Переехал в Уиллоу-Бенд да так и застрял там. Ты знаешь такой городишко Уиллоу-Бенд?

— Был однажды. Проездом. Даже не останавливался. Если б знать, что ты там живешь, тогда бы, конечно… Но я совсем потерял тебя из виду…

Хэнк, со своей стороны, слышал что-то про старину Верджа и еще подумал, не стоит ли об этом упомянуть, но хоть режь, не мог припомнить, что именно слышал, и поневоле промолчал.

— Мне не очень-то повезло, — продолжал Вердж. — Все вышло против ожиданий. Джанет взяла и бросила меня, и я после стал пить и пропил свою бензоколонку. А потом просто перебивался — то одно, то другое. Нигде больше не оседал надолго. И никакого стоящего дела мне больше не попадалось… — Он раскупорил бутылку, отхлебнул и отдал Хэнку, похвалив: — Знатное пойло…

Хэнк тоже отхлебнул и опустился рядом с Верджем, а бутылку поставил на подножку посередине.

— У меня, ты помнишь, был «максвелл», — сказал Вердж, — но я его, кажется, тоже пропил. Или поставил где-то и не упомню где. Искал где только можно, но его нигде нет…

— Не нужен тебе «максвелл», Вердж, — произнес Хэнк. — У меня же есть модель «Т»…

— Черт, как тут одиноко, — сказал Вердж. — Тебе не кажется, что тут одиноко?

— Кажется. Послушай, выпей еще малость. Потом решим, что нам делать.

— Что толку сидеть здесь? — сказал Вердж. — Надо было уехать вместе со всеми.

— Лучше посмотрим, сколько у нас бензина, — предложил Хэнк. — А то я понятия не имею, что там в баке делается…

Привстав, он открыл переднюю дверцу и сунул руку под сиденье, где обычно держал бензомерный штырь. Нашел, отвинтил крышку бензобака, но надо было подсветить, и он принялся шарить по карманам в поисках спичек.

— Эй, — окликнул Вердж, — не вздумай чиркать спичками возле бака. Взорвешь нас обоих ко всем чертям. У меня в заднем кармане был

фонарик. Если он, проклятый, еще работает…

Батареи сели, фонарик светил совсем слабо. Хэнк опустил штырь в бак до упора, отметив пальцем точку, где заканчивается горловина. Когда он вытащил бензомер, штырь оказался влажным чуть не до самой этой точки.

— Смотри-ка ты, почти полный, — заметил Вердж. — Ты когда заправлялся в последний раз?

— А я вообще никогда не заправлялся.

На старину Верджа это произвело сильное впечатление.

— Кто бы мог подумать, выходит, твоя жестяная ящерка почти ничего не ест…

Хэнк навинтил крышку на бензобак, и они вновь присели на подножку и сделали еще по глотку.

— Сдается мне, я мучаюсь одиночеством уже давно, — сказал Вердж. — Что б я ни делал, мне темно и одиноко. А тебе, Хэнк?

— Мне тоже одиноко, — признался Хэнк, — с тех самых пор, как Баунс состарился и подох у меня на руках. Я же так и не женился. До этого как-то ни разу не дошло. Баунс и я, мы повсюду бывали вместе. Он провожал меня в бар к Брэду и устраивался под столом, а когда Брэд выгонял нас, провожал меня домой…

— Что проку, — сказал Вердж, — сидеть тут и плакаться? Давай еще по глоточку, а потом я, так и быть, помогу тебе завестись, крутану рукоятку, и поедем куда-нибудь…

— Рукоятку даже трогать не надо, — ответил Хэнк. — Просто залезешь в машину, и она заведется сама собой.

— Ну черт бы меня побрал, — сказал Вердж. — Ты, видно, изрядно с ней повозился.

Они сделали еще по глотку и залезли в модель «Т» — и она завелась и вырулила со стоянки, направляясь к дороге.

— Куда бы нам поехать? — спросил Вердж. — У тебя есть на примете какое-нибудь местечко?

— Нет у меня ничего на примете, — ответил Хэнк. — Пусть машина везет нас, куда хочет. Она сама разберется куда.

Подняв с сиденья саксофон, Вердж поинтересовался:

— А эта штука откуда? Что-то я не помню, чтоб ты умел дудеть в саксофон…

— А я никогда раньше и не умел, — ответил Хэнк.

Он принял сакс от Верджа и поднес мундштук к губам, и сакс мучительно застонал и зажурчал беззаботно.

— Черт побери! — воскликнул Вердж. — У тебя здорово получается!

Модель «Т» весело прыгала по дороге, крылья хлопали, ветровое стекло дребезжало, а катушки магнето, навешенные на приборный щиток, звякали, щелкали и стрекотали. А Хэнк знай себе дул в саксофон, и тот отзывался музыкой, громкой и чистой. Вспугнутые ночные птицы издавали резкие протестующие крики и падали вниз, стремительно врываясь в узкую полосу света от фар.

Модель «Т» опять выбралась из долины и, лязгая, взобралась на холмы. И опять побежала по гребню, по узкой пыльной дороге под луной, меж близких пастбищных оград, за которыми маячили, провожая машину тусклыми глазами, сонные коровы.

— Черт меня побери, — воскликнул Вердж, — ну просто все как встарь! Мы с тобой вместе, вдвоем, не считая луны. Что с нами стряслось, Хэнк? Где мы дали промашку? Мы снова вдвоем, как было давным-давно. А куда делись все годы в середине? Зачем они нужны были, эти годы в середине?

Хэнк ничего не ответил. Он продолжал дуть в саксофон.

— Разве мы просили слишком много? — про-

должал Вердж. — Мы были счастливы тем, что имели. Мы не требовали перемен. Но старая компания отошла от нас. Они переженились, нашли себе постоянную работу, а кто-то даже пробился на важный пост. Это самое неприятное, когда кто-то сумел пробиться на важный пост. Нас оставили в покое. Нас двоих, тебя и меня, двоих, кто не хотел перемен. Мы что, цеплялись за молодость? Нет, не только. Тут было и что-то другое, за что мы цеплялись. Наверное, цеплялись за время, совпавшее с нашей молодостью и сумасбродством. Каким-то образом мы и сами сознавали, что дело не только в молодости. И были, конечно, правы. Так хорошо не бывало больше никогда…

Модель «Т» скатилась с гребня и нырнула на долгий крутой спуск, и тут они увидели впереди внизу широкую многополосную автостраду, всю испещренную огоньками движущихся машин.

— Мы выезжаем на большое шоссе, Хэнк, — сказал Вердж. — Может, стоит свернуть в сторонку и не связываться? Твоя модель «Т» — славная старушка, лучшая из своих ровесниц, слов нет, но уж больно резвое там движение…

— Я уже ничего не могу сделать, — ответил Хэнк. — Я ею не управляю. Она сама по себе. Сама решает, чего ей надо.

— Ну и ладно, какого черта, — заявил Вердж. — Поедем, куда ей нравится. Мне все равно. В твоей машине мне так спокойно. Уютно. Мне никогда не было так уютно за всю мою треклятую жизнь. Черт, ума не приложу, что бы я делал, не объявись ты вовремя. Да отложи ты свой дурацкий сакс и хлебни хорошенько, пока я все не вылакал…

Хэнк послушался, отложил саксофон и сделал два основательных глотка, чтоб наверстать упущенное, а к тому моменту, когда он вернул бутылку Верджу, машина разогналась, въехала на откос, и они очутились на автостраде. Модель «Т» радостно побежала по своей полосе и обогнала несколько других машин, отнюдь не стоявших на месте. Крылья гремели с удвоенной скоростью, а трескотня катушек магнето напоминала пулеметные очереди.

— Ну и ну, — восторженно заявил Вердж, — вы только гляньте на эту бабушку! В ней еще жизни на десятерых. Слушай, Хэнк, ты имеешь представление, куда мы держим путь?

— Ни малейшего, — ответил Хэнк и снова взялся за саксофон.

— А, черт, — сказал Вердж, — какая разница, куда мы едем, лишь бы ехать! Тут недавно был указатель, и на нем написано «Чикаго». А может,

мы и правда едем в Чикаго?

Хэнк на минутку вынул мундштук изо рта.

— Может, и так. Меня это не волнует.

— Меня, в общем, тоже, — откликнулся старина Вердж. — Чикаго, эй, принимай гостей! Лишь бы выпивки хватило. Похоже, что хватит. Мы же прикладывались то и дело, а в бутылке еще больше половины…

— Ты не голоден, Вердж? — спросил Хэнк.

— Черт возьми, нет! — ответил Вердж. — Не голоден и спать не хочу. Никогда не чувствовал себя так хорошо во всей моей жизни. Лишь бы выпивки хватило и эта куча железа не вздумала развалиться…

Модель «Т» гремела и лязгала, но бежала наравне с целой стаей машин, мощных и обтекаемых, которые не гремели и не лязгали, — и Хэнк играл на саксофоне, а старина Вердж размахивал бутылкой и вопил всякий раз, когда дребезжащая старушка обставляла «линкольн» или «кадиллак». Луна висела в небе — и, кажется, на одном месте. Автострада перешла в платное шоссе, и перед ними мрачной тенью возникла первая кассовая будка.

— Надеюсь, у тебя есть мелочь, — сказал Вердж. — Что до меня, я пустой — шаром пока-

ти…

Однако мелочь не понадобилась, потому что, едва модель «Т» подкатила поближе, шлагбаум при въезде на платный участок поднялся, и громыхающая коробочка прошла под шлагбаум бесплатно.

— Все вышло по-нашему! — завопил Вердж. — С нас не берут платы — и не должны брать! Мы с тобой столько пережили, что нам теперь кое-что причитается…

Слева, чуть поодаль, выросла тень Чикаго. В башнях, громоздящихся вдоль озерного берега, сверкали ночные огни — но машина объехала город по длинной широкой дуге. И как только обогнула Чикаго и нижнюю часть озера, как только одолела затяжной поворот, похожий на рыболовный крючок, перед пассажирами открылся Нью-Йорк.

— Я не бывал в Нью-Йорке, — заявил Вердж, — но видел картинки Манхэттена, и чтоб мне провалиться, это Манхэттен. Только я не догадывался, Хэнк, что Чикаго и Манхэттен так близко друг от друга.

— Я тоже не догадывался, — ответил Хэнк, прерывая игру на саксе. — География, конечно, вверх тормашками, но какое нам, к черту, дело

до географии? Пусть эта развалина шляется где угодно, весь мир теперь принадлежит нам…

Он вернулся к саксофону, а модель «Т» продолжала свою прогулку. Прогрохотала каньонами Манхэттена, объехала вокруг Бостона и спустилась назад к Вашингтону, к высокой игле одноименного монумента и старику Эйбу Линкольну, сидящему в вечном раздумье на берегу Потомака.

Потом они спустились еще дальше, к Ричмонду, проскочили мимо Атланты и долго скользили вдоль залитых лунным светом песков Флориды. Проехали по старинным дорогам под деревьями, обросшими бородатым мхом, и заметили вдали слева огни дряхлеющих кварталов Нью-Орлеана. А затем вновь направились на север, и машина вновь резвилась на гребне, а внизу опять расстилались чистенькие угодья и фермы. Луна висела там же, где и раньше, не двигаясь с места. Они путешествовали по миру, где раз и навсегда было три часа ночи.

— Знаешь, — произнес Вердж, — я бы не возражал, если б это длилось без конца. Не возражал бы, если б мы никогда не приехали туда, куда едем. Это так здорово — ехать и ехать, что не хочется узнавать, где конечная остановка. Почему бы

тебе не отложить свою дудку и не хлебнуть еще чуток? У тебя же, наверное, во рту пересохло…

Хэнк отложил саксофон и потянулся за бутылкой.

— Знаешь, Вердж, у меня точно такое же чувство. Вроде бы нет никакого смысла беспокоиться о том, куда мы едем и что случится. Все равно нет и не может быть ничего лучшего, чем сейчас…

Там у темного павильона ему чуть не припомнился какой-то слух про старину Верджа, и он хотел даже упомянуть об этом, но хоть режь, не мог сообразить, какой такой слух. Теперь сообразил — но это оказалась такая мелочь, что вряд ли заслуживала упоминания. Ему рассказывали, что милый старина Вердж умер.

Он поднес бутылку к губам и приложился от души, и, ей-же-ей, в жизни не доводилось пробовать спиртного и вполовину столь же приятного на вкус. Он передал бутылку другу, снова взялся за саксофон и стал наигрывать, ощущая пьянящий восторг, — а призрак модели «Т» катил, погромыхивая, по залитой лунным светом дороге.

Через речку, через лес
Перевод Л. Жданова

1

Была пора, когда варят яблоки впрок, когда цветут золотые шары и набухают бутоны дикой астры, и в эту-то пору шли по тропе двое детей. Когда она приметила их из окна кухни, то на первый взгляд показалось: дети как дети, возвращаются домой из школы, у каждого в руке сумка, а в ней, понятно, учебники. Будто Чарлз и Джемс, подумала она, будто Алис и Магги, да только давно минуло то время, когда эта четверка шагала по тропинке в школу. Теперь у них свои дети в школу ходят.

Она повернулась к плите помешать яблоки — вон на столе ждет широкогорлая банка, — потом снова выглянула в окно. Они уже ближе, и видно: мальчик постарше, лет десять ему, девочке-то никак не больше восьми.

Может, мимо? Да нет, не похоже, ведь тропа сюда приведет, куда еще по ней попадешь?

Не дойдя до сарая, они свернули с тропы и дело-

вито зашагали по дорожке к дому. Ведь как идут, не задумываются, точно знают, куда идти.

Прямо к крыльцу подошли, и она вышла на порог, а они смотрели на нее снизу, с первой ступеньки.

Мальчик заговорил:

— Вы наша бабушка. Папа велел первым делом сказать, что вы наша бабушка.

— Но ведь это… — Она осеклась.

Она хотела сказать, что это невозможно, она не может быть их бабушкой. Но, посмотрев вниз, на сосредоточенные детские лица, обрадовалась, что не произнесла этих слов.

— Меня звать Элен, — тоненьким голоском сказала девочка.

— А меня Пол, — сказал мальчик.

Она отворила затянутую сеткой дверь, дети вошли в кухню и примолкли, озираясь по сторонам, будто в жизни не видели кухни.

— Все как папа говорил, — сказала Элен. — Плита вот, и маслобойка, и…

— Наша фамилия Форбс, — перебил ее мальчик.

Тут женщина не выдержала.

— Но это невозможно, — возразила она. — Это же наша фамилия.

Мальчик важно кивнул:

— Ага, мы знаем.

— Вы, наверно, хотите молока и печенья, — сказала женщина.

— Печенья! — радостно взвизгнула Элен.

— Мы не хотим причинять вам хлопот, — сказал мальчик. — Папа говорил, чтобы мы не причиняли хлопот.

— Он сказал, чтобы мы постарались быть хорошими детьми, — пропищала Элен.

— Я уверена, вы постараетесь, — отозвалась женщина. — Какие уж тут хлопоты!

Ничего, подумала она, сейчас разберемся, в чем дело.

Она подошла к плите и отставила кастрюлю с яблоками в сторонку, чтобы не пригорели.

— Садитесь-ка за стол, — сказала она. — Я принесу молока и печенья.

Она взглянула на часы, тикающие на полке: скоро четыре. Вот-вот мужчины придут с поля. Джексон Форбс сообразит, как тут быть, уж он всегда найдется.

Дети вскарабкались, пища, на свои стулья и с важным видом смотрели вокруг — на тикающие часы, на плиту с алым отсветом в поддувале, на дрова в дровяном ящике, на маслобойку, стоя-

щую в углу.

Сумки они поставили на пол рядом с собой. Странные сумки. Из толстого материала, может брезента, но ни завязок на них, ни застежек. Да, без завязок и застежек, а все равно закрыты.

— У вас есть марки? — спросила Элен.

— Марки? — удивилась миссис Форбс.

— Не слушайте ее, — сказал Пол. — Ей же не велели спрашивать. Она всех спрашивает, и мама ей не велела.

— А что за марки?

— Она их собирает. Ходит, таскает чужие письма, только чтобы добыть с конверта марки.

— Ладно уж, поглядим, — сказала миссис Форбс. — Как знать, может, найдутся старые письма. Потом и поищем.

Она пошла в кладовку, взяла глиняный кувшин с молоком, положила на тарелку печенья из банки. Они степенно сидели на месте, дожидаясь печенья.

— Мы ведь ненадолго, — сказал Пол. — Как бы на каникулы. А потом родители придут за нами, заберут нас обратно.

Элен усердно закивала.

— Они нам так сказали, когда мы уходили. Когда я испугалась, не хотела уходить.

— Ты боялась уходить?

— Да. Почему-то вдруг понадобилось уйти.

— Времени было совсем мало, — пояснил Пол. — Все спешили. Скорей-скорей уходить.

— А откуда вы? — спросила миссис Форбс.

— Тут совсем недалеко, — ответил мальчик. — Мы шли недолго, и ведь у нас карта была. Папа дал нам карту и все как следует рассказал…

— Вы уверены, что ваша фамилия Форбс?

Элен кивнула:

— Ну да, как же еще?

— Странно, — сказала миссис Форбс.

Мало сказать — странно, во всей округе нет больше никаких Форбсов, кроме ее детей и внуков. Да еще этих детей, но они-то чужие, что бы сами ни говорили.

Они занялись молоком и печеньем, а она вернулась к плите, снова поставила на огонь кастрюлю с яблоками и помешала их деревянной ложкой.

— А где дедушка? — спросила Элен.

— Дедушка в поле. Он скоро придет. Вы управились с печеньем?

— Все съели, — ответила девочка.

— Тогда давайте накроем на стол и согреем обед. Вы мне не пособите?

Элен соскочила со стула на пол.

— Я помогу, — сказала она.

— И я, — подхватил Пол. — Пойду дров принесу. Папа сказал, чтобы я не ленился. Сказал, чтобы я носил дрова, и кормил цыплят, и собирал яйца, и…

— Пол, — перебила его миссис Форбс, — скажика мне лучше, чем занят твой папа.

— Папа — инженер, он служит в управлении времени, — ответил мальчик.

2

Два батрака за кухонным столом склонились над шашечной доской. Старики сидели в горнице.

— В жизни не видала ничего похожего, — сказала миссис Форбс. — Такая металлическая штучка, берешься за нее, тянешь, она скользит по железной дорожке, и сумка открывается. Тянешь обратно — закрывается.

— Новинка, не иначе, — отозвался Джексон Форбс. — Мало ли новинок не доходит до нас тут, в нашей глуши. Эти изобретатели — башковитый народ, чего только не придумают.

— И точно такая штука у мальчика на штанах, — продолжала она. — Я подняла их с пола, где он бросил, когда спать ложился, взяла и по-

ложила на стул. Гляжу — железная дорожка, по краям зубчики. Да и сама одежда-то — у мальчика штаны обрезаны выше колен, и платье у девочки уж такое короткое…

— Про самолеты какие-то говорили, — задумчиво произнес Джексон Форбс, — не про те, которые мы знаем, а другие, будто люди на них едут. И про ракеты, опять же не для лапты, а будто в воздухе летают.

— И расспрашивать как-то боязно, — сказала миссис Форбс. — Они… не такие какие-то, вот чувствую, а назвать не могу.

Муж кивнул:

— И словно напуганы чем-то.

— И тебе боязно, Джексон?

— Не знаю, — ответил он. — Да ведь нету других Форбсов. То есть по соседству-то нету. До Чарли пять миль как-никак. А они говорят, совсем немного прошли.

— Ну и что ты думаешь? — спросила она. — Что мы можем тут сделать?

— Хотел бы я знать, — сказал он. — Может, поехать в поселок потолковать с шерифом? Кто знает, вдруг они потерялись, дети эти? А кто-нибудь их ищет.

— По ним вовсе и не скажешь, что потеря-

лись, — возразила она. — Они знали, куда идут. Знали, что мы тут. Сказали мне, что я их бабушка, про тебя спросили, назвали тебя дедушкой. И все будто так и надо. Будто и не чужие. Им про нас рассказали. Как бы на каникулы, видишь ли. Так и держатся. Словно в гости зашли.

— Ну вот что, — сказал Джексон Форбс, — запрягу-ка я Нелли после завтрака, поеду по соседям, поспрошаю. Смотришь, от кого-нибудь что-то и узнаю.

— Мальчик говорит, отец у них инженер в управлении времени. Вот и разберись. Управление — это же власти какие-то, как я понимаю…

— А может, шутка? — предположил муж. — Отец просто пошутил, а мальчонка за правду принял.

— Пойду-ка я наверх да погляжу, спят ли они, — сказала миссис Форбс. — Лампы-то я им оставила. Вон они какие маленькие, и дом чужой для них. Коли уснули, задую лампы.

Джексон Форбс одобрительно кашлянул.

— Опасно на ночь огонь оставлять, — заметил он. — А ну как пожар займется.

3

Мальчуган спал, раскинув руки, спал глубоким, здоровым сном юности. Раздеваясь перед сном, он бросил одежду на пол, но теперь все опрятно лежало на стуле — она сложила, когда приходила пожелать ему спокойной ночи.

Сумка стояла рядом со стулом, открытая, и два ряда железных зубчиков слабо поблескивали в тусклом свете лампы. И в ней что-то лежало — кое-как, в полном беспорядке. Разве так вещи складывают?

Она наклонилась, подняла сумку и взялась за металлическую скобочку, чтобы закрыть. Уж, во всяком случае, сказала она себе, мог бы закрыть, не бросать так, открытой. Потянула скобочку, и та легко заскользила по дорожке, пока не уперлась во что-то торчащее наружу.

Книга… Она взялась за нее, хотела засунуть поглубже, чтоб не мешала. И тут увидела название — стершиеся золотые буквы на корешке. Библия.

Она помедлила, держа книгу на весу, потом осторожно вынула ее. Переплет из дорогой черной кожи, потертый, старинный. Уголки помяты, погнуты, страницы тоже стертые от долгого употребления. Золотой обрез потемнел.

Она нерешительно раскрыла книгу и на самом первом листе увидела старую, выцветшую надпись:

Сестре Элен от Амелии
30 октября 1896 года
С самыми добрыми пожеланиями

У нее подкосились колени, она мягко села на пол и, притулившись подле стула, прочла еще раз.

Тридцатое октября 1896 года — ну да, ее день рождения, но ведь он еще не настал, еще только начало сентября 1896 года.

А сама Библия — да сколько ей лет? Сто, наверно, а то и больше будет.

Библия — как раз то, что подарила бы ей Амелия. Но подарка-то еще нет и не может быть, до числа, которое написано на листе, целый месяц.

Вот и ясно, такого не может быть. Просто глупая шутка какая-то. Или ошибка. А может, совпадение? Где-то еще есть женщина, которую звать Элен, и у нее тоже есть сестра по имени Амелия, а число — что ж, ошибся кто-то, не тот год написал. Будто люди не ошибаются.

И все-таки она недоумевала. Они сказали, их фамилия Форбс, и пришли прямо сюда, и Пол

говорил про какую-то карту, по которой они нашли дорогу.

Может, в сумке еще что-нибудь такое есть? Она поглядела на нее и покачала головой. Нет, не годится выведывать. И Библию-то она зря достала.

Тридцатого октября ей будет пятьдесят девять лет — старая женщина, жена фермера, сыновья женаты, дочери замужем, под воскресенье и на праздники внуки приезжают погостить. И сестра Амелия есть, которая в этом, 1896 году подарит ей на день рождения Библию.

Дрожащими руками она подняла Библию и положила обратно в сумку. «Спущусь вниз, Джексону расскажу. Пусть-ка поразмыслит, может, что и надумает».

Она засунула книгу на место, потянула за железку, и сумка закрылась. Поставила ее на пол, поглядела на мальчугана на кровати. Он крепко спал, и она задула лампу.

В комнате рядом спала крошка Элен, лежа по-детски, ничком. Маленький огонек над прикрученным фитилем трепетал от легкого ветерка, который струился из открытого окна.

Сумка Элен была закрыта и бережно прислонена к ножке стула. Женщина задержала на ней взгляд, потом решительно двинулась мимо кро-

вати к столику, на котором стояла лампа.

Дети спят, все в порядке, сейчас она задует лампу и пойдет вниз, поговорит с Джексоном, и может, ему вовсе незачем будет утром запрягать Нелли и объезжать соседей с расспросами.

Наклоняясь над лампой, она вдруг заметила на столе конверт с двумя большими многокрасочными марками в правом верхнем углу.

«Какие красивые марки, никогда таких не видела». Она нагнулась еще больше, чтобы лучше их разглядеть, и прочла название страны: Израиль. Но ведь нет на свете такого места. Это библейское имя, а страны такой нет. Раз нет страны, откуда марки?

Она взяла конверт в руки, еще раз посмотрела на марки, проверяя. Очень красивые марки!

Пол говорил, она их собирает. Таскает чужие письма.

На конверте была печать, и число должно быть, но проштемпелевано наспех, все смазано, не разобрать.

Из-под рваного края конверта, там, где его вскрывали, самую малость выглядывал краешек письма, и она поспешно извлекла его, от волнения трудно дыша, и холодок сжал сердце…

Это был конец письма, последняя страница, и

буквы не писаные, а печатные, почти как в газете или книге.

Не иначе, опять какая-нибудь новомодная штука, из тех, что стоят в учреждениях в большом городе. Где-то она про них читала — пишущие машинки, что ли?

> …не думаю, — читала она, — чтобы из твоего плана что-нибудь вышло. Не успеем. Враг осадил нас, нам просто не хватает времени.
>
> И даже если бы хватило, надо еще продумать этическую сторону. По совести говоря, какое у нас право лезть в прошлое и вмешиваться в дела людей, которые жили сто лет назад? Только представь себе, чем это будет для них, для их психологии, для всей их жизни!
>
> А если ты все-таки решишь послать хотя бы детей, подумай, какое смятение ты внесешь в душу этих двух добрых людей, когда они поймут, в чем дело. Они живут в своем тихом мирке, спокойном, здоровом мирке. Веяние нашего безумного века разрушит все, чем они живут, во что верят.

Боюсь, ты меня все равно не послушаешь. Я сделал то, о чем ты просил. Написал тебе все, что знаю о наших предках на этой ферме в Висконсине. Как историк нашего рода, я уверен в достоверности всех фактов. Поступай, как знаешь, и пусть Бог нас милует.

Твой любящий брат
Джексон

P. S. Кстати, если ты все-таки отправишь туда детей, пошли с ними хорошую дозу нового противоракового средства. Прапрапрабабушка Форбс умерла в 1904 году, насколько я понимаю, от рака. С этими таблетками она сможет прожить лишних десять-двадцать лет. И ведь это ничего не значит для нашего сумбурного будущего, верно? Что выйдет, не знаю. Может быть, это спасет нас. Может, ускорит нашу погибель. Может, никак не повлияет. Сам разбирайся.

Если я успею все здесь закончить и выберусь отсюда, я буду с тобой, когда придет конец.

Она машинально сунула письмо обратно в конверт и положила его на стол рядом с мигающей лампой.

Медленно подошла к окну и посмотрела на пустынную тропинку.

Они придут за нами, сказал Пол. Придут ли? Смогут ли?

Хоть бы им это удалось. Бедные люди, бедные, испуганные дети, запертые в западне будущего.

Кровь от моей крови, плоть от плоти, и столько лет нас разделяет. Пусть они далеко, все равно моя плоть и кровь. Не только эти двое, что спят под моей крышей сегодня ночью, но и все те, которые остались там.

В письме написано — 1904 год, рак. До тех пор еще восемь лет, она будет совсем старуха. И подпись — Джексон. Уж не Джексон ли Форбс? Может, имя из поколения в поколение передавалось?

Она словно окаменела. После придет страх. После она будет не рада, что прочла это письмо, не рада, что знает.

А теперь надо идти вниз и как-то все объяснить Джексону.

Она прошла к столу, задула лампу и вышла из комнаты.

Чей-то голос раздался за ее спиной:

— Бабушка, это ты?

— Да, Пол, — ответила она. — Что тебе?

Стоя на пороге, она увидела, как он, освещенный полоской лунного света из окна, присел подле стула и что-то ищет в сумке.

— Я забыл. Папа велел мне, как приду, сразу отдать тебе одну вещь.

Грот танцующих оленей
Перевод А. Корженевского

1

Поднимаясь по крутой тропе, которая вела к пещере, Бойд слышал, как Луи играет на свирели. Собственно говоря, снова приходить сюда никакой необходимости не было: работа закончена, все измерено, нанесено на схемы, сфотографировано, вся доступная информация с места раскопок уже собрана. Это касалось не только рисунков. Археологи обнаружили в пещере обожженные кости животных; угли давно погасшего костра; небольшой запас разноцветной глины, из которой художники изготовляли свои краски; ремесленные поделки; отрубленную кисть человеческой руки (почему ее отрубили и оставили в пещере, где спустя столько тысячелетий она найдена учеными?); лампу из песчаника с выдолбленным углублением, куда вставлялся клок мха и заливался жир: мох служил фитилем и давал художнику немного света… Так сложились обстоятельства, что местечко Гаварни — возмож-

но, благодаря использованию новейших методов исследования — стало одним из наиболее важных открытий в истории изучения наскальной живописи. Пусть найденное не настолько впечатляет, как, скажем, обнаруженное в Ласко, но оно дает гораздо больше ценнейших сведений.

Да, никакой необходимости приходить сюда снова не было, и все же Бойда не отпускало странное беспокойное чувство, устойчивое ощущение, что он чего-то не заметил в спешке и увлечении, о чем-то забыл. Впрочем, говорил Бойд себе, может быть, все это игра воображения и, увидев пещеру еще раз (если там действительно найдется нечто такое, что вызывало это ощущение, другими словами, если за беспокойством и в самом деле кроются какие-то упущения), он мгновенно поймет, что беспокойство связано с мелочью, что это обманчивое, пустое впечатление, возникшее неизвестно почему, чтобы потерзать его напоследок…

И вот он снова взбирается по крутой тропе с геологическим молотком на поясе и большим фонарем в руке. Взбирается и слушает свирель Луи, который устроился на небольшой каменной террасе у самого входа в пещеру, на той самой террасе, где он жил, пока продолжалась работа. В

любую погоду Луи оставался там, в своей палатке, готовил на переносной плитке и исполнял назначенную самим собой роль сторожа, охраняющего пещеру от непрошеных гостей, хотя таких было немного: несколько любопытных туристов, случайно услышавших о раскопках и протопавших значительное расстояние в сторону от основного маршрута. Жители долины, лежавшей внизу, их совсем не беспокоили — этих людей археологические находки на склоне горы волновали меньше всего на свете.

Бойд знал Луи уже давно. Десять лет назад тот появился на раскопках пещер, которые ученый вел милях в пятидесяти от этих мест, и остался с группой на два сезона.

Луи взяли рабочим, но он оказался способным учеником, и со временем ему стали поручать более ответственные задания. Спустя неделю после начала раскопок в Гаварни он появился в лагере и сказал:

— Я узнал, что вы здесь. Для меня найдется какая-нибудь работа?

Свернув по тропе за скалу, Бойд увидел, что Луи сидит, скрестив ноги, перед своей потрепанной палаткой и наигрывает на свирели.

Именно наигрывает, потому что музыка у него

получалась примитивная, простая. Едва ли это вообще музыка, хотя Бойд признавался себе, что в музыке он совсем не разбирается. Четыре ноты… В самом деле четыре?.. Полая кость с удлиненной щелью, куда дуют, и два высверленных отверстия вместо клапанов.

Решив как-то поинтересоваться у Луи, что это за инструмент, Бойд сказал:

— Я никогда не видел ничего похожего.

— Такое в здешних местах не часто увидишь, — ответил Луи. — Разве что в дальних горных деревнях.

Бойд сошел с тропы, пересек поросшую травой террасу и сел рядом с Луи. Тот перестал играть и положил свирель на колени.

— Думал, ты уехал, — сказал Луи. — Остальные-то уже два дня как отбыли.

— Решил заглянуть сюда в последний раз, — ответил Бойд.

— Не хочется уезжать?

— Пожалуй, да.

Под ними бурыми красками осени стелилась долина. Небольшая речушка блестела на солнце серебряной лентой. Красные крыши домов вдоль реки выделялись яркими пятнами.

— Хорошо здесь, — произнес Бойд. — Снова и

снова ловлю себя на том, что пытаюсь представить, как все это выглядело во времена, когда создавались рисунки. Видимо, примерно так же. Горы едва ли изменились. Полей в долине не было — только естественные пастбища. Кое-где деревья, но не очень много. Охота богатая. Хорошие угодья для травоядных… Я даже пробовал представить себе, где люди устраивали стойбища. Думаю, там, где сейчас деревня.

Он оглянулся на Луи. Тот все еще сидел со свирелью на коленях. Уголки губ его чуть сместились вверх, словно он улыбался каким-то своим мыслям. На голове у Луи прочно сидел черный берет. Круглое гладкое лицо, ровный загар. Коротко подстриженные черные волосы, расстегнутый ворот голубой рубашки. Молодой еще человек, сильный, и ни единой морщинки на лице.

— Ты любишь свою работу? — спросил Луи.

— Я ей предан. Так же, как и ты, — сказал Бойд.

— Но это не моя работа.

— Твоя или не твоя, ты хорошо ее выполняешь, — сказал Бойд. — Хочешь пройтись со мной? Бросить последний взгляд?

— У меня кое-какие дела в деревне.

— Ладно. А я, признаться, тоже думал, что ты уже уехал, — переменил тему Бойд, — и очень

удивился, услышав твою свирель.

— Скоро уеду, — ответил Луи. — Через день-другой. Причин оставаться, в общем-то, никаких, но, как и тебе, мне тут нравится. А торопиться некуда — никто меня не ждет. И несколько дней ничего не решают.

— Можешь оставаться сколько захочешь, — сказал Бойд. — Теперь ты тут единственный хозяин. Через какое-то время, правда, правительство наймет сюда смотрителя, но правительство, как ему и полагается, спешить не будет.

— Наверное, мы больше не увидимся…

— Я на два дня ездил в Ронсесвальес, — продолжил Бойд, — в то самое место, где гасконцы перебили в семьсот семьдесят восьмом году арьергард Карла Великого.

— Знаю.

— Мне всегда хотелось там побывать, но вечно не хватало времени. Часовня Карла Великого стоит в развалинах, но мне говорили, что в деревенской церкви все еще служат мессы в память об убитых паладинах. Ну а вернувшись из поездки, я не удержался и решил снова заглянуть в пещеру.

— Я рад, — сказал Луи. — Мне хотелось предложить кое-что, если я еще не надоел…

— Ну что ты, Луи…

— Тогда, может быть, мы пообедаем напоследок вместе? Например, сегодня вечером. Я приготовлю омлет.

Бойд хотел было пригласить Луи пообедать с ним в деревне, но передумал:

— С удовольствием, Луи. Я принесу бутылку хорошего вина.

2

Направив фонарь на стену пещеры, Бойд наклонился, чтобы получше разглядеть камень. Нет, ему не привиделось. Он оказался прав. Здесь, именно в этом месте, стена действительно была не сплошная. Камень растрескался на несколько кусков, но так, что это было почти незаметно. Обнаружить трещины можно было лишь случайно, и если бы он не смотрел прямо на них, не искал их, проводя лучом света по стене, Бойд тоже ничего бы не нашел. Странно, подумал он, что никто другой не заметил трещин, пока группа работала в пещере.

От волнения он задержал дыхание, чувствуя себя при этом немного глупо, потому что находка в конце концов могла оказаться пустой и никчемной. Может быть, камень просто растрескался от холода и влаги. Хотя нет, конечно, здесь не

должно быть таких трещин…

Он отцепил от пояса молоток, переложил фонарь в другую руку и, направив луч света в нужное место, всадил острый конец молотка в одну из трещин. Сталь легко ушла в камень. Бойд слегка потянул рукоятку в сторону, и трещина стала шире. Когда же он нажал посильнее, камень выдвинулся из стены. Бойд положил молоток и фонарь на землю, ухватился за камень обеими руками и вытащил его. Под ним лежали два других, но они вынулись так же легко, как и первый. Бойд убрал еще несколько глыб, потом встал на колени и посветил в открывшийся ему лаз.

Туда вполне мог заползти взрослый человек, но некоторое время Бойд никак не мог решиться. Одному это делать небезопасно. Если что-то случится, если он застрянет, если камни сместятся и его придавит и завалит, некому будет прийти на помощь или, по крайней мере, прийти на помощь вовремя. Луи вернется к своей палатке и будет ждать, но когда Бойд не появится, скорее всего, решит, что это либо наказание за слишком фамильярное приглашение, либо просто проявление невнимания или даже презрения — чего еще ожидать от американца? Он никогда не догадается, что Бойд застрял в пещере.

Однако это — последний шанс. Завтра уже нужно будет ехать в Париж, чтобы успеть на самолет. А здесь такая загадка, которую просто нельзя оставить без внимания. Этот туннель может привести к чему-то важному, иначе зачем так старательно маскировать вход? Кто и когда это сделал? Наверняка очень давно. В наше время любой, кто нашел вход в пещеру, сразу заметил бы наскальные рисунки, и о находке стало бы известно. Туннель замаскировал, должно быть, человек, который не понимал важности этих рисунков или считал их делом вполне обычным.

Такую возможность, решил Бойд, упускать нельзя. Нужно лезть. Он закрепил молоток на поясе, подобрал фонарь и пополз в туннель.

Футов сто или чуть больше туннель шел прямо. Там едва хватало места для ползущего человека, но, кроме этого, никаких сложностей. Затем совершенно неожиданно туннель кончился. Бойд лежал на животе, направляя луч фонаря вперед, и напряженно вглядывался в гладкую стену, преградившую ему путь.

Очень странно. С какой стати будет кто-нибудь закладывать камнями вход в пустой туннель? Конечно, Бойд мог пропустить что-то важное, но он полз медленно и все время держал фонарь

перед собой, и если бы по дороге обнаружилось нечто необычное, то наверняка бы это заметил.

Потом ему в голову пришла новая мысль, и, чтобы проверить догадку, он начал медленно поворачиваться на спину. И, направив луч света вверх, получил ответ на свой вопрос — в потолке туннеля зияла дыра.

Бойд осторожно сел, затем поднял руки и, ухватившись за выступы камня, подтянулся вверх. Поворачивая фонарь из стороны в сторону, он обнаружил, что дыра ведет не в новый туннель, а в маленькую, около шести футов в любом направлении, куполообразную камеру. Стены и потолок у камеры были гладкие, словно когда-то, в давнюю геологическую эпоху, когда вздымались и опадали эти горы, навечно застыл в твердеющем расплавленном камне пузырек воздуха.

Проведя лучом света по стенам камеры, Бойд судорожно втянул в себя воздух: все стены были украшены цветными изображениями животных. Прыгающие бизоны. Лошади, бегущие легким галопом. Кувыркающиеся мамонты. А в самом низу по кругу танцевали олени. Они стояли на задних ногах, держась друг за друга передними, и грациозно покачивали из стороны в сторону рогами.

— Боже милостивый! — пробормотал Бойд.

Словно диснеевские мультфильмы каменного века…

Если это действительно каменный век. Может быть, совсем недавно в грот забрался какой-нибудь шутник и разрисовал его стены? Бойд обдумал это предположение и отверг. Насколько он мог судить, никто в долине — и во всей округе, если уж на то пошло, — не подозревал о существовании пещеры до тех пор, пока несколько лет назад на нее не наткнулся пастух, который разыскивал заблудившуюся овцу. Маленький вход в пещеру, по всей видимости, уже несколько веков до этого скрывался за густыми зарослями кустарника.

Да и выполнены рисунки были так, что в них чувствовалось что-то доисторическое. Из-за отсутствия перспективы все они выглядели плоско, как и положено выглядеть доисторическим рисункам, фон тоже отсутствовал: ни линии горизонта, ни деревьев, ни трав или цветов, ни облаков, ни даже намека на небо. Хотя, напомнил себе Бойд, любой человек, хоть немного знакомый с пещерной живописью, мог знать обо всех этих особенностях и старательно их воспроизвести.

Конечно, такие шутливые рисунки совсем не

характерны для тех времен, но изображения животных все равно производили впечатление подлинной доисторической живописи. Вот только кто, какой пещерный человек мог нарисовать резвящихся бизонов или кувыркающихся мамонтов? Здесь, в пещере, что они исследовали, наскальные рисунки были абсолютно серьезны (хотя это и не везде так). Консервативная по форме, честная попытка передать животных такими, какими их видел художник. Никакой легкомысленности, даже ни одного отпечатка испачканной в краске руки, какие часто встречаются в других пещерах. Людей, работавших здесь, еще не коснулось растлевающее влияние символизма, проникшего в доисторическую живопись, очевидно, гораздо позже.

Так кто же этот шутник, что в одиночку забирался в крохотную потайную пещеру и рисовал своих забавных зверей? Без сомнения, одаренный художник с безупречной техникой исполнения.

Бойд пролез через дыру и присел, согнувшись, на каменной площадке фута два шириной, которая охватывала дыру по кругу. Встать в полный рост было негде. Видимо, большинство рисунков художник сделал, лежа на спине и протягивая руку к изогнутому потолку.

Скользнув по площадке лучом фонаря, Бойд заметил что-то на противоположном краю, вернул луч и поводил фонарем взад-вперед, чтобы получше разглядеть предмет — что-то, скорее всего, оставленное художником, когда он закончил работу и покинул грот.

Наклонившись, Бойд пристально вглядывался, пытаясь понять, что это такое. Предмет напоминал лопатку оленя. Рядом лежал кусок камня.

Бойд осторожно продвинулся по площадке. Да, он был прав. Это действительно лопатка оленя. На плоской поверхности остались комочки какого-то вещества. Может быть, краска? Смесь животных жиров с глиной, которую доисторические художники употребляли в качестве краски? Он поднес фонарь ближе. Так и есть: по поверхности кости, служившей палитрой, была размазана краска, рядом лежали нерастертые комочки, заготовленные художником, но так и не использованные. Краска высохла, окаменела, и на поверхности ее остались какие-то следы. Бойд наклонился ближе, почти к самой палитре, и увидел, что это — отпечатки пальцев, некоторые совсем глубокие. Словно подпись того древнего, давно уже умершего художника, который работал здесь, согнувшись в три погибели и подпирая

плечами каменные своды так же, как сейчас Бойд. Он протянул было руку, чтобы потрогать палитру, и тут же ее отдернул. Конечно, символично желание коснуться предмета, которого касалась рука художника, творца, но слишком много веков их разделяют.

Он направил свет фонаря на небольшой камень рядом с лопаткой. Лампа. Выдолбленное в куске песчаника углубление для жира и клочка мха, который должен служить фитилем. И жир, и мох давно истлели, исчезли, но на краях углубления все еще сохранялась тонкая пленка сажи.

Закончив работу, художник оставил свои инструменты, оставил даже лампу — может быть, еще коптящую — с последними остатками жира. Оставил все и в темноте выполз через туннель. Наверное, ему и не нужен был свет. Он слишком хорошо знал дорогу на ощупь, не один раз, должно быть, забираясь в грот и выбираясь обратно, поскольку рисунки на стенах отняли у него довольно много времени, может быть, несколько дней.

Итак, он все оставил, выбрался из туннеля, потом закрыл вход камнями, замаскировал его и ушел, спустившись в долину, где его заметили разве что пасущиеся на склонах животные

— оторвались от еды, подняли головы, провожая человека взглядом, и снова уткнулись в траву.

Но когда все это произошло? Возможно, после того, говорил себе Бойд, как была украшена рисунками сама пещера. А может, много позже, когда эти рисунки потеряли свое значение для тех, кто здесь жил. Одинокий художник, вернувшийся, чтобы воплотить свои тайные замыслы в укрытом от глаз людских гроте. Пародия на помпезные, исполненные магического значения рисунки в главной пещере? Протест против их строгого консерватизма? Или, может быть, это улыбка художника, всплеск жизни, радостный бунт против мрачности и однонаправленности охотничьего колдовства. Бунтарь, доисторический бунтарь. Интеллектуальный бунт? Или просто его взгляд на мир немного отличался от принятого в то время?

Но это все — о доисторическом художнике… А как поступить ему самому? Обнаружив грот, что он должен делать дальше? Конечно же, он не может просто повернуться спиной и уйти, как сделал художник, бросивший здесь палитру и лампу. Без сомнения, это очень важная находка. Новый, неожиданный подход к пониманию разума доисторического человека, новая сторона

мыслительных процессов наших предков, о которой никто даже не догадывался…

Оставить все как есть, завалить пока вход в туннель, позвонить в Вашингтон, потом в Париж, распаковать багаж и остаться еще на несколько недель, чтобы поработать с находками. Вернуть фотографов и всех остальных членов группы. Работать так работать. Да, сказал Бойд себе, так, видимо, и нужно поступить…

В луче света мелькнул еще один небольшой предмет, лежавший за каменной лампой и не замеченный раньше. Что-то белое…

Пригнув голову, Бойд продвинулся ближе, шаркая ногами по каменной площадке.

За лампой лежал кусок кости, возможно, из ноги небольшого травоядного животного. Бойд протянул руку, подобрал ее и, поняв наконец, что это такое, замер в полнейшем недоумении.

В руке у него оказалась свирель, родная сестра той самой, что Луи постоянно носил в кармане куртки еще в пору, когда они впервые встретились много лет назад. Такая же щель вместо мундштука и два круглых отверстия. Наверное, в тот далекий день, когда художник закончил свои рисунки, он сидел здесь, сгорбившись, при свете мерцающей лампы и негромко играл сам

для себя такие же простые мелодии, какие Луи наигрывал каждый вечер после работы.

— Боже милостивый, — произнес Бойд, словно и в самом деле обращаясь к Всевышнему, — этого просто не может быть!

Так он и сидел там, замерев в неудобной позе и пытаясь прогнать настойчивые, тяжелые, как удары молота, мысли. Но мысли не уходили. Стоило Бойду отогнать их чуть-чуть в сторону, как они стремительно возвращались и захлестывали его, словно волны…

В конце концов он вырвался из оцепенения, в котором держали его собственные догадки, и принялся за работу, заставляя себя выполнять необходимые действия.

Стянув с плеч штормовку, он осторожно завернул в нее костяную палитру и свирель. Лампу оставил на месте. Затем спустился в узкий туннель и пополз, старательно защищая сверток от ударов. Оказавшись в пещере, Бойд заложил вход в туннель, тщательно подгоняя камни друг к другу, потом собрал с пола пещеры несколько горстей земли и размазал ее тонким слоем по камням, чтобы замаскировать вход.

На каменном уступе рядом с пещерой никого не было: Луи ушел по своим делам в деревню и,

видимо, еще не вернулся.

Оказавшись в отеле, Бойд первым делом позвонил в Вашингтон. В Париж он решил не звонить.

3

Осенний ветер гонял по улицам последнюю октябрьскую листву. Над Вашингтоном светило бледное солнце, то и дело скрывавшееся за облаками.

Джон Робертс ждал его на скамейке в парке. Они молча кивнули друг другу, и Бойд сел рядом.

— Ты здорово рисковал, — сказал Робертс. — Если бы таможенники…

— Я не особенно беспокоился на этот счет, — перебил его Бойд. — У меня есть один знакомый в Париже, и он уже долгие годы занимается контрабандой, переправляя в Америку всякие вещи. Специалист в своем деле. И он кое-чем был мне обязан. Что ты узнал?

— Возможно, больше, чем тебе захочется услышать.

— Попробуй.

— Отпечатки пальцев совпадают, — сказал Робертс.

— Тебе удалось снять отпечатки с краски, оставшейся на палитре?

— Идеальные образцы.

— Через ФБР?

— Да. Это было непросто, но у меня там есть друзья.

— А возраст?

— Тоже не проблема. Самым сложным оказалось убедить того человека, что это совершенно секретно. Он все еще сомневается.

— Но он не будет болтать?

— Я думаю, не будет. Без доказательств никто ему не поверит. Это похоже на сказку.

— Ну?

— Двадцать две тысячи. Плюс-минус триста лет.

— И отпечатки пальцев совпадают? На бутылке и на…

— Я же говорил тебе, что совпадают. Но теперь, будь добр, скажи мне, каким образом человек, который жил двадцать две тысячи лет назад, мог оставить отпечатки пальцев на бутылке, изготовленной в прошлом году?

— Это долгая история, — ответил Бойд. — И я не уверен, что мне следует ее рассказывать. Кстати, где ты держишь палитру?

— В надежном месте, — сказал Робертс. — В очень надежном. Но могу вернуть тебе и палитру,

и бутылку по первому же требованию.

Бойд поежился.

— Пока не надо. Я не знаю, когда они мне понадобятся. Может быть, никогда.

— Никогда?

— Знаешь, Джон, мне надо все это обдумать.

— Черт, вот ерунда какая! — произнес Робертс. — Получается, никому это не нужно. Никто не осмелится хранить и выставлять эти вещи. Люди из Смитсоновского института к ним и близко не подойдут. Я не спрашивал, и они ничего еще не знают, но я просто уверен. Если не ошибаюсь, есть ведь какие-то законы о тайном вывозе изделий из страны…

— Да, есть, — ответил Бойд.

— А теперь и сам ты от них отказываешься.

— Я этого не говорил. Просто пусть они пока побудут у тебя. Место надежное?

— Вполне. А теперь…

— Я же сказал, это долгая история. Но постараюсь не очень растекаться. Короче, есть один человек… Баск. Он появился у нас в лагере десять лет назад, когда я занимался раскопками в пещерах…

Робертс кивнул:

— Я помню эту экспедицию.

— Так вот, он попросил работу, и я его взял. Он довольно быстро вник в суть дела и почти сразу освоил нужные приемы. Стал ценным помощником. С местными рабочими это часто случается. Они словно чувствуют, где кроется их древняя история. А когда мы начали работу в Гаварни, появился снова, и я, признаться, был рад его видеть. У нас сложились, можно сказать, дружеские отношения. В последний мой вечер перед отъездом он приготовил восхитительный омлет — яйца, помидоры, зеленый перец, лук, сосиски и ветчина домашнего копчения. Я прихватил бутылку вина.

— Ту самую?

— Да, ту самую.

— И что дальше?

— Он играл на свирели. На костяной свирели. Маленькая такая пищалка. И не бог весть какая музыка…

— Там была свирель…

— Это другая. Того же типа, но другая. Они почти одинаковые. Одна лежала у живого человека в кармане, другая — рядом с палитрой в гроте… И в нем самом тоже было что-то необычное. Ничего такого, что бросалось бы в глаза, но тем не менее я постоянно замечал всякие странные мелочи.

Раз, потом другой. Порой с большими интервалами… Иногда даже забываешь, что привлекло внимание в первый раз, и трудно связать свои наблюдения. Чаще всего у меня возникало впечатление, что он слишком много знает. Какие-то мелкие подробности, которые вряд ли мог знать человек вроде него. Или что-то такое, чего вообще не может знать никто. В разговоре проскальзывали разные мелочи, а он этого, видимо, даже не замечал… И его глаза… Раньше я не осознавал. Только потом, когда нашел вторую свирель и начал задумываться обо всем остальном. Однако я говорил о глазах. Так вот, выглядит он молодо, этакий никогда не стареющий молодой человек, но глаза у него очень старые…

— Том, ты говорил, что он баск.

— Да, верно.

— Я когда-то слышал, что баски — это, возможно, потомки кроманьонцев.

— Есть такая теория. И я об этом думал.

— Может быть, этот твой друг — настоящий кроманьонец?

— Я тоже начинаю склоняться к этой мысли.

— Но сам подумай: двадцать тысяч лет!

— Да, понимаю, — сказал Бойд.

4

Свирель Бойд услышал еще у подножия тропы, которая вела к пещере. Неровные, словно обрываемые ветром звуки. Вокруг поднимались на фоне глубокого голубого неба Пиренеи.

Пристроив бутылку вина под мышкой понадежнее, Бойд начал подъем. Внизу лежали красные крыши деревенских домов в окружении увядающих коричневых красок осени, захвативших долину. Сверху все еще доносилась музыка, звуки то взлетали, то опадали, повинуясь порывам игривого ветра.

Луи сидел, скрестив ноги, у своей потрепанной палатки. Увидев Бойда, он положил свирель на колени, но продолжал сидеть. Бойд опустился на траву рядом с ним и вручил Луи бутылку. Тот принялся вытаскивать пробку.

— Я узнал, что ты вернулся, — сказал он. — Как прошла поездка?

— Успешно.

— Значит, теперь ты знаешь, — произнес Луи.

Бойд кивнул.

— Я думаю, ты сам хотел, чтобы я узнал. Почему?

— Годы становятся все длиннее, — ответил

Луи, — а ноша тяжелее. Мне одиноко, ведь я один.

— Ты не один.

— Одиноко потому, что никто меня не знает. Ты первый, кто узнал меня по-настоящему.

— Но ведь это ненадолго. Пройдет сколько-то лет, и снова никто не будет о тебе знать.

— Хотя бы на время мне станет легче, — сказал Луи. — Когда ты уйдешь, я снова смогу взвалить на себя эту ношу. И еще…

— Да. Что такое, Луи?

— Ты сказал, что, когда тебя не станет, снова не будет никого, кто обо мне знает. Означает ли это…

— Если ты хочешь узнать, расскажу ли я кому-то еще, то нет, не расскажу. Если ты сам этого не захочешь. Я уже думал о том, что может с тобой случиться, если миру станет о тебе известно.

— У меня есть кое-какие способы защиты. Без них я вряд ли прожил бы так долго.

— Какие способы?

— Всякие. Давай не будем об этом.

— Пожалуй, это действительно меня не касается. Извини. Но есть еще один момент… Если ты хотел, чтобы я узнал, зачем такие сложности? Если бы что-нибудь пошло не так, если бы я не

нашел грот…

— Сначала я надеялся, что грот не понадобится. Я думал, ты и так догадаешься.

— Я чувствовал, что здесь что-то не так. Однако все это настолько невероятно, даже дико, что я не доверился бы собственным догадкам. Ты же сам знаешь, насколько это невероятно, Луи. И если бы я не нашел грот… Это ведь чистая случайность.

— Если бы ты его не нашел, я просто подождал бы еще. Другого раза, другого года или кого-нибудь другого. Какого-то иного способа выдать себя.

— Ты мог бы просто сказать мне.

— Ты имеешь в виду — прямо так?

— Вот именно. Я бы тебе не поверил, конечно. По крайней мере сразу.

— Как ты не понимаешь? Я не мог сказать тебе прямо. Скрытность уже давно моя вторая натура. Один из способов защиты, о которых я говорил. Я бы не смог заставить себя признаться ни тебе, ни кому другому.

— Но почему ты выбрал меня? Почему ты ждал все эти годы, пока я не появлюсь?

— Я не ждал, Бойд. Были и другие. В разные времена… Ничего из этого не выходило. Ты же понимаешь, я должен был найти человека доста-

точно сильного, чтобы он мог взглянуть правде в глаза, а не шарахаться от меня с дикими криками. Я знал, что ты выдержишь.

— Тем не менее мне потребовалось какое-то время, чтобы обдумать то, что я узнал, — сказал Бойд. — Я, видимо, уже свыкся с новыми фактами, принял их, но едва-едва. Ты как-нибудь можешь объяснить свое положение, Луи? Почему ты так отличаешься от всех нас?

— Не имею понятия. Даже не догадываюсь. Одно время я думал, что есть другие, подобные мне, искал их. Но никого не нашел. И теперь уже не ищу.

Луи вытащил пробку и передал бутылку Бойду.

— Ты первый, — сказал он твердо.

Бойд поднес бутылку к губам, сделал несколько глотков, потом вручил ее Луи. Глядя, как тот пьет, Бойд невольно задумался: неужели он действительно сидит тут и спокойно разговаривает с человеком, который прожил, оставаясь всегда молодым, двадцать тысяч лет? При мысли о неоспоримости этого факта ему снова стало не по себе, но факт оставался фактом. Анализ лопатки и небольшого количества органического вещества, сохранившегося в краске, показал, что их возраст двадцать две тысячи лет. Никаких сомнений в

идентичности отпечатков пальцев в краске и на бутылке тоже не было. Еще в Вашингтоне он спросил специалистов, надеясь обнаружить доказательства фальсификации, можно ли воссоздать древнюю краску, которой пользовались доисторические художники, чтобы затем оставить на ней отпечатки пальцев и подбросить в грот. Ему ответили, что это невозможно, потому что любая подделка красителя обязательно обнаружилась бы при анализах. Но ничего такого они не нашли. Красящему веществу исполнилось двадцать две тысячи лет, и ни у кого не было на этот счет никаких сомнений.

— Ладно, кроманьонец, — произнес Бойд, — расскажи, как тебе это удалось. Как может человек оставаться в живых так долго? Ты, разумеется, не стареешь, и тебя не берет никакая болезнь. Но, насколько я понимаю, ты не защищен от насилия или несчастных случаев, а в истории нашего мира масса всяческих бурных событий. Как можно двести веков подряд ускользать от роковых случайностей и человеческой злонамеренности?

— На заре моей жизни, — сказал Луи, — случалось, что я бывал близок к смерти. Довольно долго я просто не понимал, чем отличаюсь от всех прочих. Разумеется, я жил дольше и дольше

оставался молодым. Но осознавать это я начал, видимо, только тогда, когда стал замечать, что все люди, которых я знал раньше, уже умерли, причем умерли давно. Именно тогда я понял, что отличаюсь от остальных. И примерно в то же время на это обратили внимание другие люди. Ко мне начали относиться с подозрением. Кое-кто с ненавистью. Люди решили, что я какой-то злой дух, и в конце концов мне пришлось бежать из своего племени. Я превратился в вечно скрывающегося изгнанника. И вот тогда-то я и начал изучать принципы выживания.

— И что это за принципы?

— Не высовываться. Не выделяться. Не привлекать к себе внимания. Ко всему относиться осторожно. Не быть храбрецом. Не рисковать. Оставлять грязную работу другим. Никогда не вызываться добровольцем. Таиться, бежать, скрываться в случае опасности. Отрастить толстую непробиваемую шкуру: тебе должно быть наплевать, что думают другие. Отбросить все благородные помыслы и любую ответственность перед обществом. Никакой преданности племени, народу или стране. Ты живешь один, сам, для себя. Ты всегда наблюдатель и ни в коем случае не участник. Ты все время с краю, никогда — в

центре. И ты настолько сосредоточиваешься на себе, что со временем начинаешь верить, будто тебя не в чем обвинить, будто твой образ жизни — единственно разумный, будто ты живешь, как и должен жить человек… Ты ведь не так давно был в Ронсесвальесе?

— Да. Когда я упомянул о поездке туда, ты сказал, что слышал об этих местах.

— Слышал! Черт побери, я был там в тот самый день, пятнадцатого августа тысяча семьсот семьдесят восьмого года. Разумеется, я был наблюдателем, а не участником. Трусливый, никчемный человечек, который тащился за отрядом благородных гасконцев, победивших Карла Великого. Гасконцы! Как же! Это для них слишком красивое имя. Самые обыкновенные баски — вот кто они такие! Сборище негодяев, каких свет не видывал. Баски бывают благородными людьми, но только не эта банда. Вместо того чтобы сразиться с франками лицом к лицу, они спрятались в горах и завалили могучих рыцарей камнями в ущелье. Но их интересовали, конечно, не рыцари, а обоз. Они не собирались воевать или мстить за причиненное зло. Просто хотели ограбить богатый обоз. Хотя им это не пошло на пользу.

— Почему?

— Так уж вышло, — сказал Луи. — Они понимали, что основная часть армии франков вернется, если арьергард не догонит ее в скором времени, а им это совсем не улыбалось. Короче, они поснимали с рыцарей доспехи и дорогую одежду, золотые шпоры, кошельки с деньгами, погрузили все это на телеги и дали деру. Потом, отъехав на несколько миль, забрались далеко в горы и спрятались в глубоком каньоне, где, как им казалось, они будут в безопасности. Даже если бы их нашли, у них там получилось нечто вроде форта. Полумилей ниже того места, где они устроили лагерь, каньон сужался, резко забирая в сторону. Там произошел мощный обвал, и образовалась настоящая баррикада, ее могла бы горстка людей удерживать против целой армии. К тому времени я уже был далеко. Я чувствовал, что вот-вот произойдет что-то скверное. Это еще одна из сторон искусства выживания. У тебя развивается какое-то особое чувство, и ты способен заранее предсказывать неприятности. О том, что случилось в ущелье, я узнал гораздо позже.

Луи поднес бутылку к губам и сделал еще глоток, потом передал ее Бойду.

— Не томи, — сказал тот. — Что было дальше?

— Ночью, — продолжил Луи, — разразилась

буря. Одна из тех внезапных свирепых бурь, что случаются в здешних местах летом. А тогда начался еще и жуткий ливень. Мои храбрые гасконцы погибли все до одного. Вот и плата за храбрость.

Бойд сделал глоток, опустил бутылку и прижал ее рукой к груди.

— Ты знаешь вещи, — сказал он, — которых не знает никто. Может быть, никто никогда и не задумывался о том, что случилось с гасконцами, которые разбили нос Карлу Великому… Видимо, тебе известно множество ответов на другие загадки. Боже, это как живая история. Ты ведь, наверное, не всегда жил здесь?

— Временами я отправлялся странствовать. Не сиделось на месте, многое хотелось увидеть. И, кроме того, я просто должен был кочевать: если я оставался в каком-то одном месте надолго, люди начинали замечать, что я не старею.

— Ты пережил Черную Чуму, — произнес Бойд. — Видел римские легионы. Сам слышал рассказы о завоеваниях Аттилы. Следил за крестовыми походами. Ходил по улицам древних Афин…

— Афины мне почему-то никогда не нравились, — сказал Луи, — зато я прожил какое-то время в Спарте. И Спарта, я тебе скажу, действи-

тельно того стоила.

— Насколько я понимаю, ты образованный человек… Где ты учился?

— Однажды в Париже, в четырнадцатом веке. Потом в Оксфорде. После этого — в других местах. Под разными именами. Так что, если кто попытается проследить мою жизнь по университетам, которые я посещал, ничего не выйдет.

— Ты мог бы написать книгу, — сказал Бойд, — и она побила бы все рекорды по числу проданных экземпляров. Ты стал бы миллионером. Одна книга — и ты миллионер!

— Я не могу позволить себе стать миллионером, потому что не могу быть на виду, а миллионеры слишком заметны. Кроме того, я не стеснен в средствах. И никогда не был стеснен. Для человека с моей биографией всегда найдутся только ему известные клады, и у меня есть несколько собственных тайников. Так что я вполне обеспечен.

«Конечно же, Луи прав, — подумал Бойд. — Он не может стать миллионером. Не может написать книгу. Ни в коем случае он не может позволить себе стать известным или хоть каким-то образом заметным. В любой ситуации он должен оставаться совершенно неприметным, безликим. Принципы выживания, говорил он. И это

органическая их часть, хотя далеко не все. Луи упомянул искусство предвидеть неприятности, способность предчувствовать. Кроме того, нужны и мудрость, и смекалка, и определенная доля цинизма, которая приобретается человеком с годами, и опыт, и умение разбираться в характерах, и знание внутренних побуждений человека, и понимание власти — любой власти: экономической, политической, религиозной… Да полно, человек ли он? Или двадцать тысячелетий превратили его в какое-то высшее существо? Может быть, он уже сделал тот шаг, что вынес его за пределы человечества, в ряды существ, которые придут нынешнему человеку на смену?»

— Еще один вопрос, — сказал Бойд. — Как появились эти «диснеевские» рисунки?

— Они были выполнены позже других, — ответил Луи. — Но кое-какие из ранних рисунков в пещере тоже сделал я. Например, медведь, который ловит рыбу, — мой. Я давно знал о гроте. Нашел его когда-то случайно, но никому не говорил. Так, безо всяких причин. Просто люди иногда оставляют для себя такую вот ерунду, чтобы казаться самим себе позначительнее. Я, мол, знаю что-то такое, чего ты не знаешь… Глупая забава… Но позже я вернулся, чтобы расписать

грот. Рисунки в пещере были такие серьезные, строгие… Столько в них вкладывалось этого глупого колдовства. А мне казалось, что живопись должна дышать радостью. Когда племя ушло из этих мест, я вернулся и расписал грот просто для собственного удовольствия. Как тебе, кстати, эти рисунки, Бойд?

— Отличные рисунки. Настоящее искусство, — ответил Бойд.

— Я боялся, что ты не найдешь грот, а помочь тебе никак не мог. Однако я знал, что ты заметил трещины в стене, потому что наблюдал за тобой, когда ты смотрел в ту сторону. Я надеялся, что ты вспомнишь об этом. И рассчитывал, что ты найдешь отпечатки пальцев и свирель. Все это, конечно, просто удачное совпадение. Я ничего не планировал, когда оставил в гроте свои вещи. Свирель, конечно, выдавала меня сразу, и я надеялся, что ты, по крайней мере, заинтересуешься. Хотя здесь, у костра, ты ни словом не обмолвился о находке, и я решил, что шанс упущен. Но когда ты припрятал и унес с собой бутылку, я понял, что мой план сработал… А теперь самый главный вопрос. Ты собираешься оповестить мир о рисунках в гроте?

— Не знаю. Мне нужно будет подумать. А как

бы тебе хотелось?

— Я, пожалуй, предпочел бы, чтобы ты этого не делал.

— Ладно, не буду, — сказал Бойд. — По крайней мере какое-то время. Что-нибудь еще я могу для тебя сделать? Тебе что-нибудь нужно?

— Ты сделал самое для меня главное, — сказал Луи. — Ты узнал, кто я. Или что я. Сам не понимаю почему, но это для меня очень важно. Видимо, тревожит полная безвестность. Когда ты умрешь, — а это, я надеюсь, случится еще не скоро, — на свете снова не будет никого, кто знает. Но память, что один человек знал и, более того, понимал, поможет мне продержаться века… Подожди минутку, у меня кое-что для тебя есть…

Он поднялся, забрался в палатку, потом вернулся и вручил Бойду листок бумаги. Своего рода топографический план.

— Я тут поставил крестик, — сказал Луи. — Чтобы пометить место.

— Какое место?

— Место неподалеку от Ронсесвальеса, где ты найдешь сокровища Карла Великого. Телеги с награбленным добром смыло потоками воды и пронесло вдоль каньона. Но они застряли на повороте, у той каменной баррикады, о которой

я говорил. Ты там их и найдешь, очевидно, под толстым слоем галечника и нанесенного мусора.

Бойд оторвал взгляд от карты и вопросительно взглянул на Луи.

— Дело стоящее, — сказал Луи. — Кроме того, это еще одно доказательство в пользу моего рассказа.

— Я поверил тебе, и мне не нужно больше доказательств.

— Все равно. Это не помешает. А теперь пора уходить.

— Как «пора уходить»? Нам еще очень о многом нужно поговорить.

— Может быть, позже, — сказал Луи. — Время от времени мы будем встречаться. Я об этом позабочусь. Но сейчас пора уходить.

Он двинулся по тропе вниз, а Бойд остался сидеть, провожая его взглядом. Сделав несколько шагов, Луи обернулся.

— Мне постоянно кажется, что пора уходить, — произнес он, как будто поясняя.

Бойд встал, но, не трогаясь с места, продолжал смотреть вслед удаляющейся фигуре. Ощущение глубочайшего одиночества вызывал у него уже один вид этого человека. И вправду, самого одинокого человека на всей Земле.

На путь исправления
Перевод Н. Сечкиной

Приглашение под дулом револьвера

От порыва ветра, поднявшегося над каньоном, труп на тополе начал раскачиваться. Веревка на суку заскрипела, и конь Стенли Пакарда испуганно прянул в сторону. Пакард утихомирил его: забормотал в ухо ласковые слова, погладил по шее. Когда животное успокоилось, Пакард подъехал поближе, чтобы разглядеть висельника. Что-то знакомое почудилось ему в этом жутком силуэте, вызвав в памяти смутный проблеск.

Луна вышла из-за тучи, и свет, хлынувший сквозь поределую осеннюю листву могучего дерева, на мгновение озарил лицо, нелепо вывернутое над узлом удавки.

Глаза трупа были выпучены от ужаса, челюсти, на которые давила тугая веревка, — крепко стиснуты, и все же Пакард безошибочно узнал мертвеца — слишком часто он видел эти черты, помнил недобрый прищур этих глаз за прозрачной струйкой дыма от зажатой в зубах сигареты.

Тонкие холеные усы повешенного остались такими же, как при жизни; смерть не стерла и старый ножевой шрам на скуле.

Труп медленно качался, словно маятник, мертвые глаза пялились на луну. Ноги в сапогах беспомощно болтались, носки смотрели вниз, словно несчастный силился дотянуться до земли. Руки были связаны за спиной, из уголка рта к подбородку сбегал темный ручеек крови.

Пакарда внезапно пробил озноб, и вовсе не из-за холода осенней ночи. Чувствуя, как нарастает страх, он торопливо оглянулся по сторонам, но никаких признаков жизни не обнаружил, лишь вдалеке, на выходе из каньона, мерцали редкие огоньки, обозначавшие окраину городка Хэнгменз-Галч[10]. Вокруг не было ничего, кроме камней, зарослей кустарника да разбросанных там и сям деревьев, простирающих в темное небо голые ветви.

Пакард сунул руку за пазуху, пальцы нащупали во внутреннем кармане листок. Шелест бумаги убедил его, что письмо на месте. Он уронил руку и поежился. Получи он это письмо чуть раньше, и сейчас на суку висели бы два трупа, а не один.

---

[10] Примечания: 10

Хэнгменз-Галч — в дословном переводе с английского «лощина висельника».

Разумеется, Кардуэй не написал все в открытую, но догадаться, что он имел в виду, — прочесть между строк — не составляло труда. А что тут сложного? Пакард вспомнил тонкую прямую линию губ и свисающую изо рта сигарету, дым от которой поднимался к прищуренным в ухмылке глазам. Впрочем, теперь уже не узнать наверняка. Висельники, украшающие собой тополя, как правило, молчаливы. Пакард осторожно развернул коня, выехал на тропу и продолжил путь.

Стены каньона расступились, тропа превратилась в улицу, по обе стороны которой на крутых склонах лепились палатки и хижины, — это и был Хэнгменз-Галч. Конь, цокая копытами, трусил по улице, Пакард цепким взглядом изучал окрестности.

Перед курьерской конторой стоял распряженный дилижанс. В конторе ярко горел свет, вход стерегли два охранника, вооруженные винтовками. Из салуна под названием «Хрустальный дворец» доносился шум веселья: дребезжание расстроенного пианино, визгливый женский смех, пьяный гогот очередного золотоискателя, пропивающего намытый песок. В пустой закусочной, уложив голову и руки на стол, крепко спал китаец. В заведении по соседству энергично

щелкал ножницами цирюльник, к которому выстроилась длинная очередь желающих подстричься и побриться. У платной конюшни, привалившись к стене, на стульях сидели двое; рядом возвышалось двухэтажное строение, над единственным освещенным окошком краской было коряво выведено: «Отель».

Пакард подъехал к конюшне и спешился. Один из двоих мужчин встал, с глухим стуком отодвинул стул, лениво вышел вперед и, ковыряя в зубах соломинкой, поинтересовался:

— Чего надо, приятель?

— Зерно для коня найдется? — спросил Пакард. — Он целый день провел в дороге.

Мужчина мотнул головой:

— Есть только сено. Недурное. Зерно сюда не возят — чересчур накладно выходит.

Пакард кивнул, вспомнив тропу через каньон. Перевозка по такой дороге действительно встанет дорого.

— Если ты едешь от самой Дьяволовой Горки, то понимаешь, о чем я, — сказал мужчина.

Пакард сухо улыбнулся. Он понял скрытый в словах собеседника вопрос — в этих местах спрашивать напрямую было не принято.

— А если и оттуда, что в том плохого?

Мужчина поскреб подбородок грязными ногтями.

— Уж и не знаю. А по пути кого встретил?

— Проклятье, Клинт, ну кого он мог встретить? — вмешался его напарник, не меняя позы. — Банду в каньоне интересуют только фургоны, набитые золотом.

— Я повстречал только одного человека, и он болтается на тополе неподалеку отсюда, — сообщил Пакард.

— А, этот, — сказал Клинт. — Приехал пару недель назад. Его линчевали.

— Линчевали?

— Слишком много вонял, — пояснил Клинт. — Люди из кожи вон лезут, чтобы в городе был порядок, а этот явился и устроил черт знает что. Нам тут таких не надо.

— Кого-то пристрелил? — осведомился Пакард.

— Вот именно, — подтвердил тот, что сидел у стены. — Охранника из курьерской конторы.

— Понятно, — кивнул Пакард. — Хотел поживиться денежками.

— Какое там, — возразил напарник Клинта. — Подошел к нему на улице среди бела дня и всадил пулю. Без всяких объяснений.

— Забавно, — пробормотал Пакард.

— И не говори.

— Видать, знал его раньше, — предположил Клинт. — Может, выследил. — Он взял лошадь под уздцы и увел в конюшню.

— Если хочешь умыться, водопойное корыто за углом, — сказал Пакарду напарник Клинта.

Пакард сухо улыбнулся:

— Так и сделаю.

— «Хрустальный дворец» — единственный салун в городе, а это, — говоривший кивнул на двухэтажную постройку, — единственная гостиница. Если не шибко любишь гостиницы, Клинт найдет для тебя местечко, где переночевать.

— Спасибо, — коротко поблагодарил Пакард.

В темноте какой-то человек сошел с дощатого тротуара и направился к ним. Пакард разглядел, что он невысок ростом и одет в костюм в черно-белую клетку. На животе поблескивала золотая цепочка от часов. Пухлые щеки делали его похожим на суслика, который набил их зерном и торопится обратно в нору; губы тоже были толстыми и выпяченными, из-за чего казалось, что он обиженно дуется. Нелепости образу придавали щегольские усики над верхней губой.

— Добрый вечер, джентльмены, — поздоровался он.

— Добрый вечер, — сказал напарник Клинта.

— Вот, ищу свой глаз, — сообщил человечек. — Случайно не находили?

Напарник Клинта, грохнув стулом, подался вперед и изумленно вытаращился:

— Чего-чего ты ищешь?

— Глаз. Он выпал и потерялся. — Клетчатый человечек показал пальцем на пустую левую глазницу. — Понимаете, он у меня искусственный. С виду напоминает стеклянный шарик.

Сидевший на стуле озадаченно крякнул.

— Не, я не находил. А с чего ты взял, что потерял его здесь?

— Я сам не знаю, где его потерял, — развел руками клетчатый. — Сильно набрался, а когда протрезвел, глаза уже не было.

— Ясно.

— Он мог закатиться куда угодно, — добавил человечек.

— Ладно, поищу поблизости, — пообещал напарник Клинта.

— Лучше бы он поскорее нашелся, — вздохнул клетчатый. — Я без него все равно что раздетый. — Он развернулся и побрел прочь, опустив голову, как будто искал что-то на земле.

Напарник Клинта посмотрел на Пакарда.

— Кто у нас тут только не шляется, — извиняющимся тоном проговорил он.

Облокотившись на барную стойку, Пакард вертел в руках стакан и смотрел в зеркало. В «Хрустальном дворце» бурлила жизнь. Сквозь гул голосов пробивалось звяканье стаканов, стрекот шарика в барабане рулетки, порой негромко клацали фишки на покерных столах в глубине зала. В углу старый скрипач и молодой аккордеонист выводили мелодию под аккомпанемент расстроенного пианино, безнадежно проигрывая в громкости раздражающему общему гаму в салуне.

Значит, Престон Кардуэй застрелил охранника курьерской конторы, и за это линчеватели вздернули его на дереве, а труп оставили висеть в назидание всем, кто будет ехать через каньон!

Предупреждение — вещь полезная, сказал себе Пакард, глядя в заставленную бутылками зеркальную стену, — хоть Кардуэю и пришлось ради этого умереть. Пальнул сгоряча, идиот, и человека нет. Не сомневался, что это, как обычно, сойдет ему с рук. В свое время Кардуэй перестрелял немало людей в разных городах — так же, на улице, средь бела дня, и выходил сухим из воды. С чего бы ему думать, что на этот раз обернется

иначе?

Только что-то тут было не так. Что-то все же не сходилось. Хэнгменз-Галч не походил на город, в котором царит закон и порядок. Сомневался Пакард и в том, что правосудие здесь вершили линчеватели.

Во-первых, Хэнгменз-Галч — слишком молодое поселение, сам с собой рассуждал Пакард, типичный бум-таун[11], можно сказать, только-только вышедший из пеленок. Слишком много в нем пришлых людей, шума и пены. Стремление к добродетели возникает у жителей города не раньше, чем померкнет блеск новизны.

Какой-то человек протолкался сквозь толпу и уселся за стойку рядом с Пакардом. Пакард изучил его отражение в зеркале: белый воротничок, черный галстук и в нем — булавка с искрой брильянта, желтовато-коричневый жилет, из кармашка свисает изящная цепочка с золотой зубочисткой на конце. Губы незнакомца зашевелились.

— Вижу, вы не местный?

— Так точно, — ответил Пакард отражению. — Сегодня приехал.

---

[11] Примечания: 11

Бум-таун (американизм) — город, возникший на волне быстрого экономического подъема.

— Я — Джейсон Рэндалл, — представился незнакомец. — Хозяин этого заведения. Увидел вас и решил поздороваться.

— А меня зовут Пакард, Стенли Пакард. Я тут проездом.

— Возможно, вам захочется задержаться у нас подольше, — сказал Рэндалл. — Многие остаются. Хэнгменз-Галч — хороший городок, до самого побережья лучше не найти.

Пакард разглядывал собеседника с нескрываемым интересом. Скользкий тип, решил он. Жестокий и хитрый, но в то же время лощеный и обходительный — точь-в точь паук, затаившийся в паутине.

Рэндалл оторвал глаза от Пакарда и оглянулся. Пакард тоже посмотрел назад. Через маятниковые двери в салун вошел человек — высокий, осанистый, безоружный. В свете покачивавшихся под потолком хрустальных люстр его седые волосы, зачесанные назад, казались сияющей серебряной короной. Высоко держа голову, человек обвел глазами толпу в мутном мареве табачного дыма, и на его лице мелькнуло что-то вроде жалости. Один из посетителей салуна его заметил и крикнул:

— Да это же пастор! Эй, пастор, иди промочи

горло, я угощаю!

Человек не сдвинулся с места; его взгляд по-прежнему выискивал кого-то в толпе. Какая-то женщина засмеялась резким визгливым смехом, который заглушил и хриплые звуки музыки, и гомон голосов, и стрекот рулеточных колес.

Отыскав Рэндалла, вошедший вперил в него глаза. Их взгляды встретились. Потом высокий человек медленно двинулся вперед. Толпа расступилась, пропуская его. Седовласый остановился перед Рэндаллом.

— Мистер Рэндалл, мы можем переговорить наедине? — густым низким голосом спросил он.

— Преподобный, — загудел в ответ Рэндалл, — говорите прямо здесь все, что желаете сказать.

— Едва ли… — начал седовласый, но Рэндалл его перебил:

— Вы хотите, чтобы я закрыл заведение.

Священник кивнул.

— Воскресенье — день Господень, — промолвил он. — Не достойно устраивать…

— Вас, преподобный, заедает только одно, — рявкнул Рэндалл. — У меня публика есть, а у вас нет! И дело лишь в том, что ваши дрянные проповеди не сравнятся с тем, что предлагаю людям я.

— Моя просьба касается только воскресенья, —

продолжал священник. — Скажем, с полуночи субботы и до утра понедельника. Я не возражаю против того, что здесь делается в остальные дни недели, но по воскресеньям, безусловно, следует блюсти тишину и приличия. Недопустимо, чтобы пьяные валялись на улицах и дамам, которые посещают службу в церкви, приходилось через них переступать.

Рэндалл плюнул на пол.

— Преподобный, не суй нос куда не следует. Я занимаюсь своим делом, а ты занимайся своим. Если мы оба так и поступим, то разойдемся миром.

Пакард сгреб Рэндалла за плечо и резко развернул, потом еще крепче ухватил туго натянувшуюся ткань сюртука и привлек владельца салуна к себе, так что их лица оказались в считаных дюймах друг от друга.

— Послушайте, вы, — прорычал Пакард, — там, откуда я родом, людей духовного сана принято уважать. Может, мы и не во всем с ними соглашаемся, но, по крайней мере, проявляем к ним должное почтение.

— Ах ты, грязный… — Рэндалл потянулся к кобуре, но священник молниеносным движением отвел его руку в сторону еще до того, как пальцы

коснулись револьвера, вытащил шестизарядник Рэндалла, подбросил вверх и поймал на лету.

— Спокойно, преподобный, — негромко произнес Пакард. — Не стоит вам в это ввязываться.

Он с силой отшвырнул Рэндалла назад, отчего тот врезался в барную стойку.

— Все это время я держал палец на спусковом крючке, — сообщил Пакард. — Возьмись он за оружие, и я проделал бы дыру у него в брюхе. — Он устремил тяжелый взгляд на Рэндалла. — Не люблю грубиянов. Если ты или кто-то из твоих людей хотя бы пошевелится, будете жрать опилки. — В салуне повисла мертвая тишина — блистательная тишина, переливающаяся в свете люстр. — Закроешь ты свой кабак или нет, меня не волнует. Так или эдак, мне плевать. Но в следующий раз, когда захочешь поговорить с преподобным, не забудь о вежливости.

Вокруг царила та же тишина, звонкая и напряженная.

— Преподобный, — Пакард обратился к священнику, — вам, пожалуй, лучше уйти. С минуты на минуту здесь разразится адское…

В голове Пакарда что-то грохнуло и взорвалось. Во тьме расцвели фейерверки; со свистом рассыпа́лись фонтаны звезд… звезды кружились,

становясь все больше и ярче, пока не превратились в ослепительные сгустки. Пакард падал в пенное море кипящего света, а упав, ушел в него с головой, и свет померк.

Стеклянные шарики, искусственный глаз

Сознание постепенно возвращалось. Пакард почувствовал головную боль — пульсирующую, острую, как удары ножа. Он потянулся руками к вискам.

— Тише, тише, юноша, — мягко сказал кто-то. — Лежи, не двигайся.

Пакард нащупал кобуру и обнаружил, что она пуста.

— Твое оружие на столе, — произнес тот же голос.

Пакард открыл глаза, и в них ударил резкий свет. Он снова зажмурился, но уже понял, что не лежит на полу «Хрустального дворца», не валяется в канаве или — бездыханным трупом — где-нибудь в темном переулке.

— Бармен ударил тебя по голове бутылкой, — сообщил голос.

Осторожно разлепив веки, Пакард увидел склонившегося над ним седовласого священника.

— А, преподобный, — с трудом выговорил он.

— Не зови меня так. Моя фамилия Пейдж, и ко мне обращаются «пастор Пейдж». Или просто «пастор».

Пакард оттолкнулся руками и сел, заодно выяснив, что лежал на старом вытертом диване. Он тяжело опустил ноги на пол и сгорбился.

— Как я сюда попал? — спросил он.

— Я тебя принес. — Пастор Пейдж усмехнулся. — Это меньшее, что я мог сделать после того, что случилось.

Пакард окинул глазами комнату. Несмотря на убогую обстановку, в ней ощущался… домашний уют. В углу стояло ветхое кресло-качалка, посередине — старенький прямоугольный стол с лампой на вышитой салфетке. На стенах висели картины и несколько полок с книгами. Револьверы Пакарда лежали на столе рядом с лампой.

— Значит, меня треснул бармен, — задумчиво произнес он. — А потом что?

— Потом один из стрелков Рэндалла выхватил оружие и стал целиться в тебя. Я прикрикнул на него и пригрозил револьвером, который отобрал у Рэндалла. Сказал им всем: «Джентльмены, мне очень не хочется вас убивать, но, если вы причините вред этому молодому человеку, я буду вынужден это сделать».

— И вы бы на самом деле выстрелили?

Священник поморщился:

— К счастью, решение принимать не пришлось.

Пакард, пошатываясь, встал, подошел к столу и забрал револьверы. По очереди проверил, уверенным движением откинув и прокрутив барабан, убедился, что патроны на месте, и спрятал оба в кобуры.

— Спасибо, пастор, — сказал он. — Спасибо за все.

— Разве ты уже уходишь?

— Конечно. У меня встреча с Рэндаллом.

Священник охнул:

— Не вздумай к нему идти! Они тебя поджидают, они…

— Отец, если он хочет уйти, не держи его, — раздался голос из дверей.

Пакард обернулся.

В дверном проеме стояла девушка. Любой с первого взгляда узнал бы в ней дочь Пейджа: то же спокойное лицо, те же серьезные глаза. Не красавица, подумал Пакард, но очень мила.

— Мой отец, — теперь девушка обращалась к нему, — постоянно кого-нибудь приводит в дом — то кочующих пастухов, уставших с дороги, то

юных забияк, покалеченных в драке.

— Но, Элис, — запротестовал старик, — этот джентльмен встал на мою защиту! С тех пор как я тут живу, он первый, кто за меня вступился.

В наружную дверь яростно забарабанили. Пакард рывком развернулся, правой рукой инстинктивно выхватив револьвер.

— Спрячь оружие, — сказал священник, и в его тоне послышались стальные нотки. — Спрячь немедленно. В этом доме…

— Пастор, откройте дверь, — прошипел Пакард. — И будьте любезны, отойдите в сторонку.

— Никакой стрельбы! — отрезал Пейдж. — Это мой дом, и в нем…

Пакард шагнул к нему:

— Вы слышали, что я сказал? Открывайте, и поживее!

Пакард вскинул ствол; пастор проворно скользнул к двери и дернул ее на себя. В утреннем свете, падавшем на утрамбованный двор, стоял высокий мужчина с сединой на висках, загорелой дубленой кожей, изборожденной морщинами, и длинными вислыми усами в виде подковы.

— Здорово, пастор, — сказал он.

— Привет, Хёрли, — мрачно отозвался Пейдж.

Человек вперил взгляд в Пакарда.

— Если ты Пакард, — сказал он, — у меня к тебе разговор.

— Говори, — ответил Пакард.

Хёрли решительным шагом вошел в дом, захлопнул дверь и прислонился к ней спиной.

— Тебе лучше убраться отсюда, — заявил он. — Тебя ищет Стовер.

— Это еще кто?

— Стовер, — вмешался пастор Пейдж, — это лучший стрелок и правая рука Рэндалла. Говорят, бьет без промаха.

— Как и я, — бросил Пакард.

Хёрли не сводил с него внимательного взора.

— Главное, насколько ты хорош.

— Достаточно хорош, чтобы пристрелить Стовера. И любого другого паршивца, жаждущего моей крови. Выучил в цирке пару трюков. Впереди меня ехал человек и быстро подбрасывал в воздух стеклянные шарики. Я сбивал их на лету.

— Надо было оставаться в цирке.

— Я бы и остался, да мне велели проваливать.

Хёрли пожевал кончик уса.

— Выяснили, кто ты такой?

— Точно, — кивнул Пакард и посмотрел в лицо Хёрли, сурово поджав губы. — А ты откуда меня знаешь?

— Водил дружбу с твоим отцом, — сказал Хёрли. — Был рядом с ним, когда он погиб. Я сразу тебя узнал. Он тогда выглядел точь-в-точь как ты сейчас. — Хёрли перевел взгляд на Пейджа. — Вякнешь кому-нибудь хоть слово, проповедник, и, будь уверен, я лично скручу тебя в бараний рог.

— Джентльмены, — сказал Пейдж, — я ничего не слышал.

Взявшись за дверную ручку, Хёрли спросил у Пакарда:

— Так что, сынок?

Пакард убрал револьвер в кобуру.

— Просто покажи мне этого Стовера.

Заиндевелые доски поскрипывали под ногами, когда Пакард и Хёрли поднимались на крыльцо «Хрустального дворца». Внутри еще горели люстры, уборщик лениво помахивал метлой. Бармен за стойкой, зевая, вытирал полотенцем стаканы. В углу за столом дрых пьяница.

Хёрли провел Пакарда через весь зал к задней двери. Уборщик продолжал возить метлой по полу, бармен даже не повернул головы в их сторону. Пьяница храпел и во сне пускал слюни, раскинув руки на столешнице.

У Пакарда побежал мороз по коже: он почуял

опасность. Что-то определенно было неладно. Слишком уж явно на них не обращали внимания… как будто ждали.

— Хёрли, — шепнул Пакард, — тут что-то…

Он успел уловить слабый звук: чуть слышно вздохнули маятниковые двери на входе. Пакард по-кошачьи крутанулся на месте, выхватывая оружие. Сразу за дверями стоял человек, чьи руки двигались с бешеной скоростью, а глаза-буравчики сверкали сталью — так же сверкает солнечный свет, отражаясь от стеклянных шариков, подброшенных в воздух.

Человек уже вскинул револьверы, а двери-крылья за его спиной еще качались туда-сюда — пусть все слабее и слабее, но качались.

Из стволов в руках Пакарда вырвалось пламя: заплясав, револьверы изрыгнули грохочущий огонь, и этот грохот сотряс все помещение. Незнакомец повалился на двери; град пуль отбросил его назад, словно снаружи кто-то ухватил вошедшего за шиворот и с невероятной силой поволок обратно. Он все еще сжимал один револьвер, но второй уже выпал из пальцев и запрыгал по посыпанному опилками полу.

А потом двери вновь заходили ходуном, и из-под них показались ноги в сапогах, носки

которых смотрели в потолок.

Ошеломленный бармен застыл, распластав ладони на стойке.

— Будь я проклят, — прошептал он. — Будь я трижды проклят…

Уборщик, опершись на метлу, хлопал глазами. Пьяный очухался и теперь пытался зарыться в опилки под столом.

Задняя дверь распахнулась, из нее вышел Рэндалл. Пройдя несколько шагов, он остановился: его взгляд упал на подошвы сапог и качающиеся двери. Затем он медленно поднял глаза на Пакарда, и Пакард вскинул револьверы.

— Ты следующий? — поинтересовался он.

Рэндалл лишь молча смотрел на него.

— По справедливости, ему бы стоило тебя проучить, — угрюмо сказал Хёрли. — Ты нас надул. Поединок должен был быть честным.

— Какая разница? — пожал плечами Рэндалл. — Пакард победил.

— Четыре выстрела, — подал голос бармен. — И все точно в грудь. Четыре выстрела, и Стовер мертв.

— Что здесь происходит? — холодно осведомился Пакард. — Объясните-ка мне, джентльмены.

Рэндалл коротко расхохотался:

— Брось, Пакард. К чему злиться? Ты только что получил работу.

— Работу?

— Ну да. Место Стовера.

— Я говорил, парень что надо. Весь в отца, — сказал Рэндаллу Хёрли.

— Не нужна мне твоя дерьмовая работа, — сказал Пакард, развернулся и зашагал к выходу.

В тишине снова зашоркала по полу метла, испуганно сглотнул пьяница. С силой толкнув двери, Пакард обошел труп человека, который намеревался убить его выстрелом в спину.

Утренний воздух был свежим и бодрящим. Звезды уже потускнели, и Пакард вдруг почувствовал, что хочет есть и спать. Земля, прихваченная морозцем, похрустывала под ногами, когда он брел к гостинице, и внезапно у него закружилась голова, а следом вернулась и пульсирующая боль в затылке — там, куда пришелся удар бутылкой.

Пакард медленно прошел мимо конюшни — в окошке кассы красноватым светом горела закопченная лампа. Из темного проулка между конюшней и гостиницей кто-то тихо свистнул.

Пакард вздрогнул, правая рука уже схватилась за револьвер, однако голос произнес:

— Полегче, Пакард, я друг.

Продолжая сжимать револьвер, Пакард ступил в сумрак проулка и увидел перед собой лицо — испитое, бледное и одутловатое, с жирными губами.

— Я Крейг, — сообщил круглолицый. — Кардуэй велел тебя ждать.

— Кардуэй мертв, — отрубил Пакард. — Болтается на дереве. А ты как с ним связан?

Крейг подошел ближе:

— Ладно, управимся и без него. Поделим на двоих.

Пакард нахмурился:

— Кем был тот человек, которого он убил?

— Охранником в курьерской конторе, как и я.

— За что Кардуэй его шлепнул?

Обрюзглое лицо исказилось беспокойством.

— Джетт был заодно с шайкой Рэндалла. Он подслушал наш разговор.

Пакард крепко ухватил Крейга за рубашку, перекрутив в кулаке ткань, и притянул к себе.

— Говори по делу, — прорычал он. — При чем тут Рэндалл?

Крейг безуспешно задергался:

— Разве Кардуэй тебе не сказал?

— Нет. Просто написал в письме, чтобы я приехал. Вроде как тут что-то наклевывается.

— Золото, — прохрипел Крейг. — Уже готово к перевозке. Банда Рэндалла грабит дилижансы — это проще и безопаснее, чем нападать на контору.

— Выходит, этот Джетт был заодно с Рэндаллом. Предупредил, когда подвернулась большая партия.

Крейг энергично закивал:

— Ты быстро схватываешь. Не зря Кардуэй тебя хвалил. Сказал, твой папаша…

Пакард рывком подтянул круглолицего еще ближе:

— Говоришь, банда Рэндалла грабит дилижансы. Кто еще об этом знает? Весь город?

Крейг нервно сглотнул:

— Нет, сэр. Кроме меня, никто. Кардуэй вот узнал и передал мне, а теперь…

— И Кардуэй решил опередить Рэндалла. Задумал ограбить контору до того, как золото вывезут.

Крейг опять сглотнул и кивнул.

— Сколько тебе причиталось?

— Четверть. Кардуэй говорил, четверть — мне, а тебе и ему остальное. Но раз он мертв, может, пересчитаешь мою долю?

— Хочешь знать, сколько Кардуэй собирался

отвалить тебе на самом деле?

— Четверть, так он сказал.

— Ни унции, — ледяным тоном сообщил Пакард. — Он бы использовал тебя, а потом прикончил. Видишь ли, я неплохо знал Престона Кардуэя.

— Но он ведь говорил…

— Какого черта ты подошел ко мне посреди улицы? — прошипел Пакард. — Больше так не делай. Не заговаривай со мной. Веди себя так, будто мы незнакомы. Я сам тебя найду. — Он отпустил рубашку Крейга и коротко приказал: — Топай отсюда.

С мрачной ухмылкой он наблюдал, как круглолицый засеменил по переулку и растворился в сумраке.

Вернувшись на улицу, Пакард уселся на ступеньки гостиницы и закурил. Значит, Кардуэй охотился за золотом. Подкупил охранников, готовых ограбить свою же контору. Возможно, дело и выгорело бы, если бы не Рэндалл. Тот, понятно, не позволил увести у него из-под носа жирный кусок и устроил спектакль с линчевателями.

Голова раскалывалась от боли, Пакард с трудом соображал, но сильнее всего клонило в сон. Глаза сами собой закрылись, и он задремал, не выпус-

кая изо рта сигареты.

По дощатому настилу застучали шаги; Пакард резко подхватился. Перед ним стоял человек в клетчатом костюме.

— А, это вы, — пробормотал Пакард.

Человечек посмотрел на него, прищурив здоровый глаз.

— Не находили мой глаз? — спросил он. — Искусственный. Я его потерял и теперь везде ищу.

— Проклятье! — не выдержал Пакард. — Все, я спать.

Он встал и поднялся на крыльцо. Человек в клетчатом костюме так и остался глядеть ему вслед.

Яблоко от яблони

Джейсон Рэндалл сидел в кресле у окна и курил сигару, а рядом на столе стояла бутылка виски. Именно это зрелище увидел Пакард, когда проснулся.

— Спишь как младенец, — заметил Рэндалл.

Пакард вскочил с постели, нашел сапоги, сунул в них ноги.

— Какого дьявола ты здесь делаешь? — сдерживая ярость, спросил он.

— Хотел с тобой поговорить, — невозмутимо отозвался Рэндалл.

— Не о чем мне с тобой говорить, — огрызнулся Пакард.

— Смотрю, ты не раздеваешься перед сном, — сменил тему Рэндалл. — Меры предосторожности?

— Просто слишком устал.

— Или готовился по-быстрому смыться?

Пакард поправил оружейный ремень.

— Послушай, Рэндалл, — сказал он, — я не собираюсь смываться. Из этого города я уеду верхом на своем коне, при свете дня.

— Надеюсь. От всей души надеюсь на это, — кивнул Рэндалл, хотя, судя по тону, испытывал большие сомнения. Он взял бутылку и наклонил ее над одним из двух стаканов, стоявших тут же, на столе. — Выпьешь?

Пакард кивнул. Глядя, как Рэндалл наливает виски, он обратил внимание на косые солнечные лучи в окне. Время к вечеру, определил он, примерно час до заката.

Пакард пересек комнату, взял стакан и присел на край стола.

— Давай начистоту, Рэндалл. Зачем ты пришел?

— Предложить тебе работу. Ту, от которой ты отказался.

— Я и сейчас отказываюсь.

Рэндалл разочарованно поцокал языком:

— В последнее время нелегко найти работу… и тем более удержаться на ней.

— Я найду, — уверил Пакард.

— Кого ты обманываешь? Работы тебе не видать, и ты сам это знаешь. Твой старик был бандитом, причем известным. Тебя отовсюду гонят в шею, как только прознают об этом. Ты пробовал сменить имя — не помогло. Слишком много народу слыхало о твоем отце.

— Ты говорил с Хёрли, — заключил Пакард.

— Конечно, почему нет? Хёрли работает на меня.

— Мог бы догадаться. То есть и насчет уговора со Стовером вы оба знали заранее. Только ты, верно, рассчитывал, что все закончится наоборот.

— Не вини Хёрли, — предостерег Рэндалл. — Если б не он, быть бы тебе сейчас кормом для стервятников. Признаться, ты меня крепко задел, и я велел Стоверу разделаться с тобой. Но Хёрли открыл мне, кто ты такой, и уговорил дать тебе шанс.

— Шанс! Это когда Стовер подкрался ко мне

со спины?

— Мы так не договаривались. Поединок действительно должен был быть честным. Но Стовер, гнусный пес, обманул всех! Что ж, он получил по заслугам. Ты, конечно, счел все это подлостью, но я ничего не подстраивал. Ну а парня, который обращается с оружием так, как ты, грех отпускать.

Пакард мотнул головой:

— У меня другие дела.

— Например, ограбить курьерскую контору?

Стакан в руке Пакарда накренился, немного виски выплеснулось, однако на его лице не дрогнул ни один мускул.

— Вроде того, — признал он.

Если Рэндалл в курсе, отпираться бессмысленно.

— По дороге видел Кардуэя? — спросил Рэндалл, а когда Пакард кивнул, произнес: — Паршивая смерть.

— Не собираюсь подыхать таким образом, — сказал Пакард.

— Кардуэй тоже не собирался. — Рэндалл опорожнил стакан и поставил его на стол. — Если тебе нужно золото, присоединяйся ко мне. Никакого риска. Я держу этот город. — Он побарабанил пальцами по столу. — Пока держу, во всяком

случае. Хотя и немного распустил народ. Кое-кого пора поставить на место.

— Пастора Пейджа, — небрежно бросил Пакард.

Рэндалл кивнул:

— Он грозится подать запрос на введение военного положения, но я этого не допущу. Разберусь с Пейджем. Карты на стол, Пакард. Ты приехал сюда, чтобы ограбить курьерскую контору. Вероятно, раньше ты ничем подобным не занимался. А еще вероятнее, просто решил быть тем, кем тебя считают, раз уж честной работы не получить. Какого черта, подумал ты.

Пакард серьезно кивнул.

— Итак, — продолжал Рэндалл, — обчистить контору у тебя не выйдет: золото мое. Любой, кто хотя бы протянет к нему руку, подпишет себе смертный приговор. — Он вперил в Пакарда жесткий взгляд. — Так что, ты со мной?

— Да, — ответил Пакард.

— Отлично, — сказал Рэндалл. — Будем работать вместе. Все равно другой заработок тебе не светит. Тебя всегда будут выставлять за порог, узнав, кто ты, а мне такой человек как раз нужен.

— Полагаю, в случае отказа живым мне из го-

рода не уехать, — догадался Пакард.

— Ты поразительно ясно мыслишь, — сказал Рэндалл. — Но, разумеется, если у тебя есть собственные соображения…

— Никаких.

— О'кей, — кивнул Рэндалл, — ты нанят. Пять сотен в месяц и доля добычи.

— А что от меня требуется?

— Держись так, будто ты сам по себе. Пускай все думают, что ты жаждешь со мной разделаться. Я подыграю.

— То есть я как бы в стороне.

— Именно, — кивнул Рэндалл. — Только одна поправка: ты участвуешь в ограблении. Завтра через каньон повезут ценный груз. Готовься, выезжаешь ночью.

— Чтобы я тоже замарал руки. Стал одним из вас.

— В этом бизнесе не бывает святых и честных, — пожал плечами Рэндалл. — Твоей шее тоже должна грозить виселица, как и всем нам.

— Предпочитаешь не полагаться на случай, Рэндалл? Все просчитываешь, верно?

— До последней мелочи.

— Как я узнаю, что должен делать и куда ехать? — осведомился Пакард.

— Тебе скажут, — коротко ответил Рэндалл. Он встал с кресла и направился к выходу. У двери обернулся. — Имей в виду, ты под присмотром.

— Я так и понял, — отозвался Пакард.

Слушая, как удаляются шаги Рэндалла, Пакард потянулся к бутылке, налил себе виски, залпом выпил и поставил стакан на стол. Единственный способ остаться в живых — сделать вид, что согласен, сказал он себе, глядя на дверь. Откажись он от предложения Рэндалла, и меньше чем через час его найдут мертвым.

Пакард поправил оружейный ремень. Губы искривились в усмешке. Сперва он поест. Побренчав монетами, завалявшимися в кармане, он широко ухмыльнулся. Денежки Рэндалла ему пригодятся. Пожалуй, можно даже оказать Рэндаллу услугу авансом.

В китайской закусочной Пакард повесил шляпу на гвоздь, уселся за стол и сделал заказ. Подавая тарелки и приборы, китаец обратился к посетителю:

— Ты быть новый человек в городе?

— Допустим, — кивнул Пакард.

— Это ты застрелить Стовера?

— Допустим.

— Ты метко стрелять, — похвалил китаец и

засеменил на кухню. — Пастор Пейдж спрашивать, заходил ли ты, — снова залопотал китаец, вернувшись. — Просить тебя идти к нему быстро-быстро.

— Спасибо, — поблагодарил Пакард. Он торопливо жевал и одновременно думал.

Хорошо, что Пейдж хочет с ним поговорить. Конечно, встречаться со священником опасно, но надо рискнуть. Если Рэндалл спросит, можно сказать так: он пошел к Пейджу, просто чтобы создать впечатление, будто он не на стороне Рэндалла.

Смеркалось. В небе на востоке тускло засветились первые звезды. Пакард прислонился к стене закусочной, свернул самокрутку, закурил и не спеша зашагал прочь. Узнав извилистую тропу, по которой они с Хёрли шли вчера, Пакард двинулся по ней. Тропа петляла, взбираясь вверх по склону.

На середине пути он остановился передохнуть. Подъем был довольно крутым, а Пакард не привык передвигаться на своих двоих. Внизу поблескивали огни Хэнгменз-Галча — горсть искр во мраке.

Послышались шаги. В сгущающейся темноте возникли очертания фигуры: сгорбленный, кри-

воногий человек неуклюже ковылял навстречу Пакарду. На расстоянии в пять футов человек остановился.

— Что ты тут делаешь? — спросил он.

— Гуляю, — ответил Пакард.

Темная фигура подошла ближе.

— Если ты топаешь туда, куда я думаю, лучше поворачивай обратно.

— Почему? — без выражения поинтересовался Пакард.

— Боссу не понравится, что ты идешь к Пейджу.

Пакард резко шагнул вперед. Человек схватился за револьвер, но Пакард ударом кулака выбил у него оружие, а потом еще двинул в челюсть. Человек зашатался и рухнул навзничь, дернувшись от столкновения с землей.

Пакард склонился над поверженным. Вытащил из его кобуры револьвер, зашвырнул в кусты. Сидя на корточках, закурил и при свете горящей спички взглянул в лицо противника. Нет, Пакард его не знал. Если и видел в «Хрустальном дворце», то не запомнил.

Незнакомец застонал и попытался сесть, осторожно ощупывая челюсть. Поймал взгляд Пакарда, разлепил губы.

— Босс этого так не оставит, — прошепелявил он.

— Он послал тебя следить за мной?

Человек кивнул.

— Он же не велел тебе меня останавливать?

— Нет, но…

— Но он не хочет, чтобы я встречался с Пейджем.

— Точно, — сказал незнакомец. — Он страшно разозлится. На нас обоих.

— А что, если это он отправил меня к Пейджу?

Незнакомец разинул рот:

— Кто, босс? Он сам…

— А вот это не твоего ума дело. — Пакард выпрямился. — Я пошел, — сказал он. — Хочешь идти за мной — пожалуйста. Только держись подальше. Не смей приближаться.

Пейдж открыл на стук, за руку втащил Пакарда в дом и похлопал по спине.

— Ты здесь, — удовлетворенно произнес он. — Значит, был у китайца.

— Не обольщайся, пастор, — нахмурился Пакард. — Я знаю, что ты задумал, и на это не пойду.

Пышные седые волосы старика отливали серебром в свете лампы; на стенах все так же висели

картины, на полках стояли книги. С кухни доносился запах жареного мяса и проворный стук женских каблучков.

— Но ведь ты убил Стовера, самого быстрого стрелка в городе! Подстрелил его, хотя он целился тебе в спину.

— Что ты мне предлагаешь? — бесстрастно спросил Пакард.

— Звезду шерифа, — сказал Пейдж. — Звезду и парней в помощь.

— Звезды шерифа не валяются на дороге.

— Я сделаю так, что ты ее получишь.

— А чем мне заниматься, пока ты уговоришь власти сделать меня шерифом?

— Уезжай из города сегодня же ночью. Через горы ведет тропа, я дам тебе лошадь. Можешь привести своих людей.

— У меня нет людей.

— Но… — растерялся священник.

— Ясное дело, — хмыкнул Пакард. — Ты такой же, как остальные. Держишь меня за преступника. Думаешь, что я каждый день убиваю направо и налево. Что где-то прячутся мои приятели-головорезы, и, если я приведу их сюда, мы расстреляем из пушек банду Рэндалла и покончим с ним навсегда.

— Зато тебе и выгоды немало, — настаивал Пейдж. — Прощение всех проступков, полная амнистия и…

— Я не совершил ничего такого, за что требуется прощение. Разве что Стовера застрелил, но это была самозащита. И дружков у меня нет, так что не мечтай очистить город моими руками.

Старик тяжело опустился в кресло. На его лице вдруг проступила усталость.

— Я совершил ошибку, — промолвил он, обращаясь в пространство. — Так поступать — не по-человечески и не по-христиански, но мы не всегда мыслим ясно. Применять силу — неправильно, и для меня столь же неправильно, сколь и для Рэндалла. Я поддался искушению. Решил, что нашел способ навести в этом городе порядок…

— Мне жаль, пастор, — сказал Пакард.

— Не надо нас жалеть, — раздался голос со стороны двери. — Приберегите свою жалость для кого-нибудь другого.

Пакард рывком обернулся и увидел девушку.

— Добрый вечер, мисс, — сказал он, снимая шляпу.

— И зачем вы только явились! — раздраженно произнесла она. — Мало нам Хёрли, который ходит к отцу каждый день. Я давно говорю, что

пора перебираться куда-то еще, где нет таких мерзавцев. Зачем оставаться здесь, если можно переехать в приличный город?

— Не обращай на нее внимания, — попросил Пакарда Пейдж. — Она просто злится из-за того, что я ее отсылаю — на восток, в пансион. Молоденькой девушке тут не место.

Пакард, не сводивший глаз с дочери священника, его даже не слышал.

— Мисс, — сказал он, — просто чтобы вы знали. Вряд ли вы мне поверите, ну да не важно. До того как пристрелить Стовера, я ни разу в жизни не убивал человека. Но мне надоели никудышные стрелки, которые хотят добавить меня в список своих жертв, чтобы потом хвастать, будто бы они убили сына Стива Пакарда. Я не жажду стать засечкой на кобуре у одного из них, мисс, и поэтому подумал, что единственный способ этого избежать — самому поставить несколько таких засечек.

Девушка молчала, но со своего места Пакард видел, как бьется жилка у нее на шее, как ее губы приоткрылись, а затем снова сомкнулись.

— Ты сильно обижен, сын мой, — сказал Пейдж, — и ты нетерпелив. В мире есть добро…

— Лично я его не видал, — перебил Пакард.

— Ты пришел сюда, — продолжал Пейдж, — с умыслом. Не знаю с каким, но лучше бы тебе выбросить его из головы. Он принесет тебе лишь горькие сожаления.

— Читай свои проповеди тем, кто желает их слушать, — отрезал Пакард. — Такие, как ты, толкают человека на путь, который ему противен, а потом, когда он все-таки следует этим путем, объявляют его средоточием пороков. — Он взялся за дверь и открыл ее, потом обернулся. — Ты прав, пастор. Я пришел сюда не просто так, и я выполню то, что задумал.

Пакард быстрым шагом двинулся вниз по тропе. Наступила ночь, и Хэнгменз-Галч превратился в чернильное пятно, испещренное мерцающими огоньками и наполненное гулом жизни.

Все зависит от того, в какой семье ты родился, рассуждал сам с собой Пакард. Если твой папаша убивал людей, грабил дилижансы и банки, ты будешь делать то же самое. Как бы ты ни старался жить иначе, судьба рано или поздно тебя настигнет. Как настигла его. В конце концов, надо же чем-то зарабатывать на хлеб.

У подножия склона, где тропа переходила в улицу, из-за дерева вышел человек. Пакард остановился, положив руки на револьверы.

— Лошади — там, — сказал человек.

Пакард бесшумно приблизился к нему, спросил:

— Ты со мной?

— Точно так, — сказал человек. — Я Блейд, Джон Блейд. Пожмем руки, дружище. Для меня честь ехать вместе с тобой.

Пакард не раздумывая протянул руку и нашел в темноте ладонь Блейда. Рукопожатие оказалось коротким и уверенным, крепким и теплым… и от этого тепла Пакард внезапно испытал что-то похожее на чувство товарищества.

— Для меня тоже честь ехать с тобой, Блейд, — сказал он.

Смерть за крупинку золота

Луна взошла поздно, ночь была темной и холодной. Осенний ветер завывал в вершинах скал, бился в стены каньонов. Казалось, Блейд знал дорогу с закрытыми глазами, и хотя продвигались они медленно, путь выбирал без колебаний. Пакард ехал следом.

Видимо, человек, приставленный за ним следить, ничего не сказал Рэндаллу, ведь если бы Рэндалл узнал, что Пакард встречался со священником, то по меньшей мере потребовал бы

немедленных объяснений.

Рэндалл, несомненно, уверен, что поймал его на крючок, что у него нет другого выхода, кроме как принять поставленные условия. Пакард мрачно усмехнулся во тьме. Завтра что-то произойдет — он это чуял. Нечто такое, что даст ему долгожданный шанс.

А что, если пойти против Рэндалла? Задав себе этот вопрос, Пакард тут же с тоской понял: не стоит и пробовать. У него на самом деле нет выбора. Рэндалл прижал его по полной. Он знает, кто такой Пакард и зачем приехал в Хэнгменз-Галч.

В сущности, сказал себе Пакард, этот расклад устраивает его больше, чем сговор с Кардуэем. Грабить курьерскую контору под носом у Рэндалла, даже при потворстве охраны, — чистое безумие.

И речь идет не только о спасении собственной шкуры. Пакард испытывал глухую ненависть при мысли о том, что человек вроде Рэндалла захватил город и нагло правит им, какой бы шаткой ни была империя, возведенная при помощи шестизарядного револьвера; что человек вроде пастора Пейджа подвергает свою жизнь опасности, выступая против власти оружия; что даже золото можно красть лишь тому, кто застолбил

за собой это право.

Пакард не особо-то и хотел связываться с Кардуэем, и только отчаяние заставило его принять участие в затее, которую Кардуэй описал лишь туманными намеками. Кардуэй, конечно, был неплохим парнем, но уж больно скользким. Пакарду вспомнилась сигарета, вечно торчавшая у него изо рта, и прозрачный дым, который поднимался к прищуренным глазам.

Вне всяких сомнений, Кардуэй намеревался его использовать. Сидел и смотрел, как Пакард сбивает стеклянные шарики, — чуял, какое преимущество дает такая меткость. Выяснил все о Пакарде и начал его обрабатывать: «Черт, малец, у тебя ни единого шанса. Тебе никогда не избавиться от клейма. Так уж устроен этот мир — люди всегда ищут, кого бы пнуть, и твой старик предоставил им отличную возможность запинать тебя. Хватит быть сосунком, малец. Ты так ловко обращаешься с пушками, что на этом надо зарабатывать деньги».

В его словах была правда, чертова уйма правды. Пакард успел поработать в цирке, до этого — на складе кормов для скота в Канзасе, а еще раньше целых две недели служил охранником в банке, пока трясущиеся от ужаса хозяева не узнали,

кто он.

На востоке взошла луна, зависнув над горизонтом огромным алым шаром, который в эту минуту разделяла надвое косматая сосна на вершине скалы.

Блейд остановил коня; Пакард поравнялся с ним и тоже встал. Блейд вытащил кисет и принялся мастерить самокрутку. Пакард, сидя в седле, устремил взор на грубую, каменистую землю, наполовину освещенную красноватым сиянием луны, наполовину скрытую в сумраке.

Блейд протянул ему кисет и полоску бумаги:

— Угощайся.

— Спасибо, — поблагодарил Пакард.

Блейд чиркнул спичкой, зажег сигарету и выбросил спичку.

— Значит, ты ходил к Пейджу, — сказал он.

Пакард, который уже поднес самокрутку к губам, чтобы заклеить, уставился на своего спутника. Потом медленно лизнул свернутую полоску и сунул в зубы.

— Пожалуй, — наконец проговорил он, — зря ты задал этот вопрос.

— Может, и зря, Пакард. Но я знал, что ты к нему пойдешь. Рэндалл тот еще хитрец.

Пакард кивнул, раздумывая, что имел в виду

Блейд. Очевидно, он считал, что к священнику Пакарда послал Рэндалл.

Блейд выпустил из ноздрей дым, который внезапно превратился в брызги крови. Блейд хотел крикнуть, но не издал ни звука. Его рот с прилипшей к нижней губе самокруткой так и остался широко раскрытым. Ночную тишину прорезал выстрел, Блейд начал заваливаться набок, сползая с седла, и его лошадь попятилась, словно хотела стряхнуть седока.

Пакард выхватил из кобуры револьвер, другой рукой пытаясь усмирить вставшего на дыбы коня.

— Опусти оружие, сынок, — послышался голос.

Пакард развернулся. Из небольшой купы сосен только что вышел человек с винтовкой в руках и теперь стоял на границе света и тени.

— Хёрли! — взревел Пакард.

— Он самый, — сказал Хёрли. — Сам себе помог. — Он вышел на дорогу, схватил за поводья испуганную лошадь Блейда и зашептал ей что-то ласковое. — Не мог же я допустить, чтобы ты сбежал домой, приятель, — сказал он. — И чтобы вернулся и сдал меня Рэндаллу — тоже.

— Я думал, ты в банде Рэндалла, — холодно произнес Пакард.

— Так и есть, — согласился Хёрли. — То бишь было. Теперь я в снова банде Пакарда. С ребятами Пакарда работать приятнее всего.

— Нет никаких «ребят Пакарда».

Хёрли сглотнул:

— Не хочешь ли ты сказать, сынок, что за тобой никого нет?

— Вот именно.

— Чтоб мне провалиться, — сказал Хёрли. — Вот это храбрость. Вот это характер! — Он усмехнулся. — Точно как твой отец. Тот тоже не набирал много народу. Дескать, только путаются друг у друга под ногами. Ты да я, да Джим с Чарли — вчетвером мы заберем все козыри и обставим Рэндалла.

В голове у Пакарда звякнул тревожный звоночек.

— Ты ошибся, Хёрли, — твердо сказал он. — Я вовсе не волк-одиночка, я работаю на Рэндалла. Он сделал мне предложение, которое я счел выгодным.

Хёрли вразвалку двинулся вперед. Подойдя к Пакарду, посмотрел на него снизу вверх. В эту минуту луна ярко освещала лицо Хёрли.

— Ты лжешь, малыш. Пакарды так не поступают. Ты просто задумал прибрать к рукам всю

добычу. Люди Рэндалла нужны тебе, чтобы ограбить дилижанс, только золота Рэндаллу не видать.

— А ты хочешь, чтобы я с тобой поделился?

Хёрли сплюнул:

— Да, черт возьми. Я работал на твоего старика. Слушай, а Чарли в доле?

— Чарли?

— Ну да, Пейдж. Я, Чарли Пейдж и Джим Дэвис и были бандой Пакарда. Джим помер, Чарли ударился в религию, а…

Пакард набрал полную грудь воздуха и медленно его выпустил.

— Получается, Пейдж с самого начала знал, кто я. Подлый лицемер!

— Чарли не лицемер! — возмутился Хёрли. — Он действительно уверовал. Я просто подумал, может, он маленько разозлился… все мы люди.

— Пейдж знает про тебя, — заключил Пакард.

— Да, но помалкивает, и я тоже его не выдаю. Конечно, Рэндаллу все про меня известно, но насчет Чарли с Джимом он ни сном ни духом. Мы не успели прославиться, как твой отец. У него было громкое имя…

— Да, да, знаю, — нетерпеливо перебил Пакард.

— Стало быть, Чарли не будет, — вздохнул Хёрли. — Только мы с тобой.

— Вообще-то, надуть Рэндалла собираешься только ты, — вспылил Пакард. — Вон как раздухарился. Лично я ни слова насчет этого не сказал.

— Да ладно тебе, — махнул рукой Хёрли. — Можешь говорить со мной откровенно, я ведь дружил с твоим стариком.

— Придется тебе ехать со мной, — сказал Пакард. — Я, видишь ли, не знаю дороги. — Он повернул коня и посмотрел на труп, лежащий на дороге бесформенной кучей. — Надеюсь, ты сумеешь объяснить, почему стал моим проводником вместо Блейда.

— Ерунда, легко объясню, — заявил Хёрли. — Парни не знают, кого послал Рэндалл, а мы про Блейда не скажем. Они подумают, я с тобой с самого начала.

— Не по душе мне, как ты обошелся с Блейдом, — признался Пакард. — Он был отличным парнем.

— Честно говоря, я и сам жалею, что убил его, а не кого-то другого. Есть парочка таких, кого я охотно поменял бы с ним местами. Блейд был… Так что у тебя за план?

— У меня нет плана.

— Брось прикидываться, сынок. Не можешь же ты…

Пакард перегнулся в седле.

— Ты едешь или нет? — рявкнул он.

— Еду, еду.

Хёрли привязал лошадь Блейда к сосне, оседлал свою и тронулся в путь. Пакард поехал за ним. Глядя на покачивающийся силуэт Хёрли, он чувствовал свинцовый груз отвращения.

Значит, вот так все и происходит, мрачно размышлял он. Убиваешь товарищей, предаешь своих, и все ради того, чтобы запустить жадные пальцы в мешок с золотом. У тебя больше нет чести. Ты горбишься и ждешь пули в спину, зная, что ее может пустить тот, кого ты считал другом, потому что в этом деле друзей не существует… есть просто чужие люди, и ты следишь за ними, гадая, когда они убьют тебя или ты убьешь их за пару крупинок золота, пачку банкнот, за что угодно. И пастор Пейдж такой же!..

Луна поднялась выше, где-то вдалеке одиноко завыл волк. Над головой Пакарда пронеслась сова — стремительное крылатое безмолвие, рассекающее ночь. Среди камней шныряли мелкие зверьки.

Дорога сделала крутой поворот, за которым от-

крылась узкая долина, а в ней мерцал крохотный костерок.

— Наш лагерь, — бросил Хёрли через плечо.

Пакард кивнул.

— Ну как, сынок, есть что сказать мне?

— Нет, — ответил Пакард и мысленно продолжил: «Не верю я тебе, Хёрли. Откуда мне знать, что ты ведешь честную игру? А вдруг Рэндалл нарочно устроил все это, чтобы меня проверить? Если я и вправду открою свой план, не отплатишь ли ты мне пулей в лоб?»

С другой стороны, Хёрли не выдал Рэндаллу Пейджа, не рассказал, кем священник был раньше. А ведь для Рэндалла это была бы весьма ценная информация, учитывая, что Пейдж собирался потребовать ввести в городе военное положение. Узнав о прошлом пастора, Рэндалл получил бы увесистую «дубинку», при помощи которой заставил бы Пейджа либо замолчать, либо убраться из Хэнгменз-Галча. Неизвестно, как дальше поведет себя Хёрли, — в том-то и закавыка.

Собравшиеся у костра их уже ждали. Мужчины с суровыми лицами долго разглядывали Пакарда и Хёрли, не говоря ни слова. Наконец один из них вышел вперед.

— Привет, — сказал он. — Новичок?

Хёрли фыркнул:

— Верно, Пинки. Рэндалл хочет, чтобы мы опробовали его в деле. Пакардом звать. Сын Стива Пакарда.

Пинки расплылся в улыбке:

— Ну, если малец пошел в отца, то все в порядке. — Он подошел к Пакарду и протянул ему руку. — Я Трейнор, но ребята кличут меня Пинки.

Пакард пожал его ладонь.

— Знакомься, — сказал Пинки, — это Папаша Аллен, там — Маркс. Парня у костра зовут Сильвестр. Имечко — не выговоришь, да?

На мгновение левый глаз Сильвестра сверкнул, поймав и отразив пламя костра… и что-то во внешности этого человека показалось Пакарду смутно знакомым. Он порылся в памяти, перебирая события последних дней.

У Сильвестра были впалые щеки и тонкие губы, но этот угловатый подбородок, открытый лоб и зачесанные назад волосы Пакард уже видел — здесь, в Хэнгменз-Галче.

— Привет, Пакард, — сказал Сильвестр, шагнул к нему и протянул пухлую руку, казалось бы не созданную для того, чтобы держать оружие.

Пожимая ее, Пакард вгляделся в левый, уже не блестевший глаз Сильвестра и вдруг вспомнил, где видел его прежде. То же лицо, только с валиками, подложенными за щеки и губы, чтобы выпятить то и другое, исказить черты и сделать физиономию с дурацкими налепленными усиками неузнаваемой.

Тихо, одними губами, Пакард произнес:

— Вижу, ты нашел свой глаз.

Мы не тратим пули зря

Издалека послышался слабый скрип колес и приглушенный топот конских копыт. Скорчившись в зарослях можжевельника, Пакард смотрел на каменистую расщелину, которая глубоко прорезала толщу скал и, извиваясь, уходила вверх.

Снова раздался далекий скрип колес; Пакард напряг слух, весь подобрался, затем снова расслабился. Щурясь на утреннем солнце, он прикинул расстановку сил.

Пинки — на другой стороне, почти напротив Пакарда. Маркс — чуть дальше. Сильвестр и Хёрли засели между ним и Марксом, по обе стороны дороги. Папаша Аллен ждет в небольшом ответвлении каньона, держит лошадей.

Как объяснил Пинки, они вчетвером должны

пропустить дилижанс и не высовываться, пока Маркс не преградит фургону путь и не пальнет — сперва в воздух, над головой кучера, а потом и в голову, если дернется.

Сильвестр и Хёрли должны взять на мушку стрелка, сидящего рядом с кучером, Пакард и Пинки — позаботиться о других охранниках, если таковые будут… а они, скорее всего, будут, сказал Пинки, на крыше дилижанса.

Пакард почувствовал, как по лицу под синим шейным платком, служившим ему маской, потекли струйки пота. Он с удивлением понял, что нервничает, хотя нервничать было нельзя. Еще никогда ему не требовалась такая железная уверенность в себе, такая твердая рука и верный глаз, как в предстоящие минуты. Шанс, на который он рассчитывал, выпадет в самом начале, когда Маркс выскочит на дорогу и вскинет револьвер.

Пакард снова прищурился и осторожно выглянул из кустов, стараясь разглядеть остальных. Он знал, где должен находиться каждый, но их присутствия ничто не выдавало: не затрепетал на ветру кончик платка, не мелькнуло цветное пятно в густых зарослях, не шелохнулась ни одна ветка.

Где-то там притаился Хёрли. Хёрли, который

влез в дело, застрелив Блейда, когда тот его даже не видел. Пакард знал, что Хёрли наблюдает за ним в ожидании сигнала к действию. Хёрли не дурак, он чует, что Пакард что-то замыслил, и наверняка на не шутку разозлен тем, что сын старого друга и подельника не посвятил его в свой план.

Но ведь это невозможно, убеждал себя Пакард. Четкого плана у него нет, он не продумывал, как станет действовать, просто надеялся воспользоваться моментом. А когда такой момент наступит, уже будет не до планирования — действовать придется наудачу.

Да еще этот Сильвестр — каким он тут боком? Искусственный глаз у него так похож на настоящий, что никто из членов банды этого не заметил. В противном случае ему бы уже дали прозвище, отличающее его от прочих. Стеклянный глаз стал бы неиссякаемым поводом для шуток, насмешек и баек.

Если Сильвестр — настоящий член банды Рэндалла, зачем он ошивался в Хэнгменз-Галче, изменив внешность и вырядившись в клетчатый костюм? И даже если он действительно хотел остаться неузнанным, к чему разыгрывать нелепый спектакль с потерей искусственного

глаза? Этим разве что привлечешь к себе лишнее внимание.

Громыхание колес и цокот копыт теперь отчетливо разносились по каньону. Из-за поворота вылетело облако пыли, поднятой в воздух дилижансом. Пакард в зарослях можжевельника пригнулся еще ниже, аккуратно вытащил оба револьвера и сжал их в ловких, уверенных руках.

Вслед за медленно оседающей пылью появился и фургон. Лошади с усилием тащили его в гору, упряжь скрипела от натуги. Кучер на козлах держал вожжи, расслабленно подавшись вперед, но при этом не забывал крутить головой по сторонам, внимательно оглядывая кусты на обочинах. Сбоку от него с прямой как стрела спиной сидел стрелок, вооруженный дробовиком. Приклад упирался ему в колено, дуло смотрело в небо; левой рукой стрелок обхватил ствол. На крыше вихляющегося дилижанса расположился второй охранник, он стоял на одном колене с винтовкой на изготовку.

Дилижанс прогремел мимо зарослей. Одно колесо скрипело; комья пыльной земли сыпались из-под медленно вращающихся ободьев и падали в колеи, которые еще дымились от соприкосновения с металлической обшивкой шин.

Затаив дыхание, Пакард следил за движением фургона. Он пошевелил пальцами, поудобнее перехватывая револьверы. Осторожно высунул голову, глядя вслед дилижансу. В голове мучительно медленно щелкали секунды.

Из кустов, как чертик из коробочки, выпрыгнул человек. Он закричал, выхватил револьвер и выстрелил. Кучер резко натянул поводья. Лошади встали на дыбы; кожаные ремни, раскинутые передние ноги, спутанные гривы — все смешалось в кучу. Стрелок рядом с кучером наставил дробовик на нападавшего, но тут грохнул выстрел, и он, дернувшись, согнулся пополам, словно его повесили на бельевой веревке. На мгновение он застыл в этой позе на фоне утреннего солнца — согнутый человек с дробовиком, уже выскальзывающим из рук, — а потом медленно нырнул носом вниз, как купальщик, который прыгает в воду с мостков — прямо под ноги лошадям.

Охранник на крыше вскочил и молниеносным движением вскинул винтовку на плечо. Позади него раздался сердитый сухой выстрел, похожий на шипение разъяренной кошки. Охранник замер, зашатался, рухнул и покатился по крыше, но не упал на землю, а наполовину свесился вниз, зацепившись ногой за невысокое ограждение.

Его руки безвольно висели, покачиваясь, точно маятники, изо рта на пыльную дорогу капала кровь.

Внезапно все звуки стихли, слышно было лишь, как кучер, сдерживая страх в голосе, разговаривал с лошадями, стараясь их успокоить: обезумевшие животные неистово лягались и брыкались, мечась из стороны в сторону в попытках избавиться от окровавленного трупа, который перекатывался у них под копытами.

Пакард выпрямился в полный рост, но стоял неподвижно и даже не поднял оружие. Все произошло невероятно быстро — так хорошо была спланирована эта чудовищная расправа. Он посмотрел через дорогу на Пинки. Глаза Пинки над красным платком, закрывавшим лицо, возбужденно горели. Револьвер в волосатой руке еще дымился.

— Вот как мы действуем, сынок, — сказал Пинки. — Быстро и чисто. Время и пули зря не тратим.

Пакард вдруг осознал, что все так и есть. Считаные секунды прошли с того мгновения, когда Маркс выпрыгнул из кустов, всего три выстрела прозвучало, и вот уже два мертвеца.

Маркс приблизился к первой паре лошадей

и попытался их усмирить. Хёрли держал под прицелом кучера, который все еще боролся с вожжами. Сильвестр разговаривал с кем-то, кто сидел в дилижансе, и голос его звучал непринужденно, точно он болтал с соседями о пустяках.

— Нет причин волноваться, мэм, — говорил он. — Парни не тронут и волоска на вашей голове. Просто выйдите и посидите в тенечке, пока мы с ребятами заберем груз. Ничего другого нам не надо. Мы возьмем золото и поедем своей дорогой.

Несмотря на любезный тон, Сильвестр не опускал револьвера. Подойдя к дилижансу, он нацелил дуло на салон, схватился за ручку и широко распахнул дверцу.

— Прошу вас, мэм, — сказал он, — будьте благоразумны. Крики и визги вам не помогут.

— Я не собиралась кричать и визжать, — ответила женщина. — Но выходить не буду. Я остаюсь здесь.

Пакард похолодел: ледяная рука ужаса стиснула его сердце. Он узнал этот голос, ведь слышал его не далее как прошлой ночью.

— Она говорит, что не желает выходить, — передал Пинки Сильвестр.

— У меня быстро пожелает, — прорычал Пинки.

Он решительно подошел к дилижансу и ринулся в салон. Раздался пронзительный женский вопль, Пинки рывком вытащил девушку наружу и отскочил в сторону, чтобы избежать ее острых ногтей. Потеряв равновесие, она упала в пыль.

— Руки вверх! — рявкнул обоим бандитам Пакард. — Поднять и не опускать! Теперь я тут главный.

Сильвестр и Пинки изумленно обернулись: дула револьверов Пакарда зловеще смотрели прямо на них.

— Совсем сдурел? — крикнул Пинки. — Только попробуй…

Револьвер Пакарда изрыгнул пламя и дым, шляпа Пинки взлетела в воздух, плавно заскользила вниз и шлепнулась на землю.

— Следующая пуля попадет тебе между глаз, — предупредил Пакард.

Вытаращив глаза, Пинки и Сильвестр высоко подняли руки.

— Отойдите в сторону, мисс Пейдж, — тихо сказал Пакард. — Возможно, мне придется стрелять, если эти джентльмены не будут вести себя прилично.

— Вы слишком добры к ним, — сказала девушка. — Почему бы не пристрелить их сразу?

— С дороги, — сдавленно прорычал Пакард. — Здесь все выполняют мои приказы! — Он повысил голос: — Маркс, иди сюда. Хёрли, заберись наверх и скинь золото. И оба бросайте пушки.

Ошеломительный удар в плечо развернул его на сто восемьдесят градусов, и в следующий миг Пакард уже валился вперед: земля неслась ему навстречу со скоростью экспресса. Сквозь рев в ушах пробился глухой треск мощной винтовки.

Аллен, догадался он, Папаша Аллен. Пакард совсем забыл о старом ублюдке. Но какого черта он встрял в эту заварушку? Ему полагалось ждать в боковом каньоне, держать чертовых лошадей.

Пакард рухнул на землю и разлетелся на осколки, часть — в одну сторону, часть — в другую… но в конце концов осколки снова стали единым целым, и он погрузился в пучину боли и жажды.

Чей-то голос произнес: «Он приходит в себя». Его осадил другой голос: «Прояви терпение, Маркс. Жалко будет, черт побери, если мы его повесим, а он об этом даже не узнает». «Надо отвезти его к Кардуэю и вздернуть рядом», — предложил третий участник разговора. «Слишком далеко, — возразил второй голос. — Кроме того, Рэндалл не хочет, чтобы о Хэнгменз-Галче пошла дурная слава. Если вешаешь кого в городе, это должно вы-

глядеть как по закону — суд Линча и все такое».

Слова просачивались в сознание Пакарда; разум медленно пытался переварить услышанное. В левом плече монотонно пульсировала тупая боль, словно кто-то мерно ударял по нему колотушкой, подбитой войлоком. Горло тоже болело, и когда Пакард ощупал его правой рукой, то обнаружил на шее что-то жесткое и колючее. Он предпринял слабую попытку ослабить эту штуку, чтобы дышать посвободнее. Как выяснилось, он сидел на земле с вытянутыми ногами, прислонившись спиной к твердому и шероховатому стволу огромного дерева. Пакард сильнее прижал спину к опоре и почувствовал, как бугристая древесная кора впилась в кожу.

Итак, он сидит под деревом с веревкой на шее. Другой ее конец, вероятно, перекинут через какой-нибудь сук у него над головой. Один раз потянуть за веревку как следует — двое-трое мужчин сделают это без труда, — и он составит компанию Кардуэю… будет так же раскачиваться на ветру, что задувает в каньоне.

«Притворяется он, вот что я скажу, — объявил голос. — Дайте-ка мне ведро воды».

Вода обожгла лицо Пакарда, ледяными струйками потекла с волос на грудь и спину, промочила

рубашку. Пакард затряс головой, открыл глаза и уставился на тех, кто стоял перед ним.

Горячий свинец

Пинки держал ведро, Хёрли стоял рядом, положив руку на рукоять револьвера. Маркс, привалившись к дереву, сжимал в руке свободный конец веревки, свисавший с ветки над головой Пакарда. Сильвестр сидел на корточках неподалеку от Хёрли. Папаша Аллен подкидывал дрова в небольшой, только что разведенный костер.

Позади Аллена Пакард разглядел Элис Пейдж, привязанную к другому дереву. Руки у нее были связаны за спиной, на лице темнела полоска грязи. Она потеряла шляпку, и выбившиеся из прически волосы падали на одно плечо. Платье тоже перепачкалось в пыли и грязи.

— Как себя чувствуешь? — поинтересовался Пинки.

— Лучше, чем почувствуешь себя ты, когда я до тебя доберусь, — огрызнулся Пакард.

— Мы тебя повесим, — сообщил Пинки. — Вздернем и оставим болтаться на корм воронам.

Маркс засмеялся — в обрамлении густой бороды блеснули зубы.

— Ты забыл, Пинки. Мы не оставим его болтать-

ся. Это моя веревка, и мне она нужна. Слишком уж она хорошая и крепкая, чтобы бросать ее здесь.

Лицо Элис Пейдж исказилось ужасом. Ее и Пакарда разделяло всего несколько футов. Он поймал взгляд девушки и несколько секунд его удерживал.

— А с ней что намерены делать? — спросил он.

Маркс опять засмеялся высоким противным смехом.

— Подержим у себя, пока ее старик не станет покладистее, а то от него чересчур много шума.

Пакард снова посмотрел на девушку. Она по-прежнему не опускала головы — держала ее гордо и с тем легким наклоном, который пленил Пакарда раньше.

«Не обращай на нее внимания, — сказал тогда пастор Пейдж. — Она просто злится из-за того, что я ее отсылаю». Священник не упомянул, что Элис уезжает наутро, а Пакард не догадался спросить, на какой день запланирован отъезд. Он должен был предупредить старика, посоветовать ему не отправлять дочь следующим дилижансом. Но тогда Пакарда занимали другие мысли, и разговор шел о другом.

Рэндалл, конечно, все знал, каким-то образом пронюхал. Через Хёрли, наверно. Хёрли и Пейдж

до сих пор приятели, вот Хёрли и доложил Рэндаллу. Ради своей выгоды он готов на что угодно.

Рэндалл устроил нападение на дилижанс не только из-за золота. Ему понадобилась и девушка — как средство против священника. Как способ прижать его, заставить забыть о требовании ввести военное положение и всех его призывах к порядку и благочестию.

Маркс дернул за веревку, и она туже затянулась на шее Пакарда.

— Какого черта мы ждем? — вопросил Маркс. — Пора уже разделаться с ним и убираться отсюда.

— Погоди, — подал голос Пакард.

Он медленно поднялся и оперся спиной о дерево. От усилия у него закружилась голова.

— Красноречие тебе не поможет, — злобно бросил Пинки. — Ты уже покойник. У нас есть полное право тебя прикончить. Чеши языком хоть сотню лет, в живых все равно не останешься.

Пакард посмотрел на Хёрли, и тот отвел глаза, не желая встречаться с ним взглядом. Сильвестр так и сидел на корточках, водя по земле палкой. Широкие поля шляпы скрывали его лицо.

— Если тебе есть что сказать, выкладывай, — разрешил Пинки. — Мы не станем лишать человека последнего слова. Ну и покури напоследок,

если хочешь. Хёрли смастерит тебе самокрутку.

— К дьяволу его, — взбеленился Хёрли. Он выхватил револьвер — на ярком солнце блеснула сталь.

Пакард нервно вжался спиной в дерево и напряг мышцы живота, как будто это могло превратить их в броню и защитить от пули.

И тут в дело вступил Сильвестр. Он распрямился, словно сжатая пружина, и перехватил руку Хёрли. Револьвер сухо кашлянул, и пуля со звонким щелчком вонзилась в ствол дерева в каких-то дюймах от головы Пакарда. Шестизарядник выпал из руки Хёрли, он попятился, прижимая к груди вывернутое запястье.

— Ах ты, сукин сын, — зарычал он. — Я тебя…

— Давай, — подзадорил его Сильвестр. — Давай, попробуй. — Его пальцы зависли над рукоятью револьвера, словно ястреб над добычей.

Хёрли не двигался.

— Чего вы ждете? — крикнул он. — Вздерните уже его! Какого…

— Что-то ты слишком торопишься затянуть петлю на его шее, — заметил Маркс. — Видать, не без причины. Если так подумать, это ведь тебе он велел залезть наверх и сбросить золото. Выходит, не сомневался, что ты это сделаешь без возраже-

ний. Может, поговорим?

— Поговорим? — разъярился Хёрли. — Да вы, парни, только и чешете языками, а толку — ноль!

— Заткнись, — рявкнул Пинки.

Хёрли бросил на него испепеляющий взгляд.

Привалясь к дереву, Пакард закрыл глаза. Изматывающая боль в раненом плече отдавалась по всему телу. У него была надежда, что Хёрли придет ему на помощь, но этого не случилось. Хёрли бросил его, как только понял, что Пакард проиграл. Хёрли не из тех, кто поддерживает безнадежные затеи.

— Маркс прав, — сказал Пинки. — Хёрли, что ты знаешь о Пакарде?

— Ничего, — пожал плечами Хёрли. — Пришлый человек, и все.

— Я могу кое-что о нем рассказать, — вступил в разговор новый голос.

Пакард открыл глаза.

— Не вмешивайтесь, — процедил он.

Однако Элис Пейдж не обратила на него ни малейшего внимания. Она смотрела на Пинки, и в ее глазах сверкал вызов.

— Мистер Пакард — федеральный маршал! — объявила она. Воцарилась мертвая тишина

— ледяная тишина, от которой всем стало не по себе. Слова Элис Пейдж зазвучали в ней звонко и отчетливо: — Если вы лишите его жизни, вас поймают и пристрелят, как бешеных псов. Правительство такого не прощает — это вам не абы кого убить.

Пинки медленно приблизился к девушке.

— Лжешь! — гаркнул он. — Тебе отлично известно, что никакой он не маршал. Он и держался-то совсем по-другому — велел Хёрли скинуть мешки с золотом. Разве федеральный маршал отдал бы такой приказ? И он даже не заикнулся о нашем аресте. Маршал всегда грозится кого-нибудь арестовать.

Пинки навис над Элис, но она не дрогнула и не опустила дерзко вздернутого подбородка.

— Тогда что же вы стоите? Вешайте его, и увидите, что будет. Это самый верный способ уничтожить вашу мерзкую банду!

Пинки занес руку для удара.

— Ты сейчас у меня получишь, — прорычал он, — грязная маленькая…

— Пинки! — крикнул Пакард.

Пинки крутанулся на сто восемьдесят градусов.

— Оставь девушку в покое, — приказал Па-

кард. — Она ни при чем, просто старается мне помочь.

— Запала на тебя, да? — осклабился Пинки.

— Будь ты проклят, Пинки — взревел Пакард. Он покрепче уперся пятками и оторвал спину от дерева, но Маркс резко дернул за веревку, и Пакарда потащило назад. Пятки заскребли по земле, петля на шее затянулась еще туже. Он схватился за дерево здоровой рукой и, сипло втягивая ртом воздух, с трудом выпрямился.

Глядя на Элис Пейдж через разделявшее их расстояние, он прохрипел:

— Хорошая попытка, мисс. Спасибо вам, только ничего не получится.

Пинки медленно развернулся, одновременно отводя руку в сторону, и ладонью с размаха ударил девушку по губам. Ее голова мотнулась в сторону; Элис не удержала равновесия и влетела в дерево. Ноги у нее подломились, но веревка, которой были связаны ее руки, не дала ей упасть, и она осталась стоять на коленях.

Со своего места Пакард видел белый отпечаток ладони Пинки на щеке девушки. Он решительно вынес ногу вперед, но затем остановил себя. Невероятным усилием воли Пакард сдержался, хотя гнев и ненависть клокотали в груди, словно

раскаленная лава. Он понимал, что еще один рывок не даст результата. Маркс следил за ним, ухмыляясь в бороду, и был бы только рад, если бы Пакард попытался приблизиться к Пинки или Элис.

— В следующий раз, — в бешенстве прорычал Пинки, — я сверну тебе шею. — Он повернулся и, набычившись, посмотрел на Хёрли. — А ты рассказывай, и побыстрее.

Хёрли не терял времени на слова — он действовал сразу. Только что он, опустив руки, глядел на Пинки, а миг спустя уже бросился к револьверу, отобранному у него Сильвестром. Одним прыжком Хёрли подскочил к своему шестизарядному и молниеносным движением подобрал его с земли.

Руки Пинки повторили ход поршня: вниз-вверх. Револьверы с шорохом выпорхнули из кобуры и плюнули огнем в полуденное солнце. Совсем рядом громыхнули еще три выстрела, слившиеся в один. Платок на шее Пинки подпрыгнул, как будто от внезапного порыва ветра, а Хёрли в ярком дневном свете начал валиться, неуклюже переступая с ноги на ногу в попытке устоять.

Оружие выскользнуло из руки. Хёрли потянулся за ним, но пальцы, не достававшие до земли,

схватили лишь воздух. Наконец он кувырнулся в траву — аккуратно, как будто прилег, — и уже не встал.

Пинки наблюдал за ним, широко расставив ноги, а потом спокойно засунул дымящиеся револьверы за пояс и отвернулся. Когда он обратился к Пакарду, лицо его выражало едва ли не удовольствие:

— Полагаю, выкурить последнюю сигарету ты все-таки не успеешь. — Он кивнул Марксу. — Кончай его.

— Ну да, как же, — возмутился Маркс. — Думаешь, я справлюсь в одиночку? Этот твой Пакард весит не меньше двух сотен фунтов!

— Папаша, подсоби Марксу, — велел Пинки.

Папаша Аллен неторопливо встал и направился к дереву.

Пакард выпрямил спину, плотнее прижался к шершавому стволу. Мысли вихрем кружились в голове. Сейчас его повесят. Дюжий бородач и морщинистый старик затянут петлю на его шее, а человек по имени Пинки будет стоять и смотреть, и Пакард ничего не может с этим поделать. Абсолютно ничего.

— Какого черта, Пинки? — недовольно проворчал Папаша Аллен. — Почему ты его не

пристрелишь? Только лишняя возня.

— Минуточку, — раздался голос.

Пакард вывернул шею и сбоку от себя увидел Сильвестра. Его широкополая шляпа была сдвинута на затылок, и в обеих руках он держал револьверы.

— Это еще что? — опешил Пинки. — Неужели обязательно надо устраивать балаган перед тем, как кого-то повесить?

— Не обязательно, — дружелюбно произнес Сильвестр. — Просто вешать ты никого не будешь.

Лицо Пинки внезапно перекосилось от бешеной злобы, пальцы уже почти коснулись оружейного пояса. Револьвер в левой руке Сильвестра вздрогнул и кашлянул, и Пинки взвыл: запястье пробила пуля.

Краем глаза Пакард видел, как Папаша и Маркс потянулись за оружием, но Сильвестр уже обернулся. Маркс выпустил веревку. Вот он, шанс, понял Пакард.

Он опустил подбородок, сгорбил здоровое плечо, напряг корпус и рванулся вперед. Веревка над его головой зашуршала, скользя по толстой ветке. Пакард врезался головой и боком во что-то мягкое, раненое плечо и руку пронзила острая,

как нож, боль. В следующий миг Пинки, рухнув на спину, барахтался на земле, а Пакард, шатаясь, стоял над поверженным главарем банды.

Он едва избежал удара в живот сапогом со шпорой; неуклюже увернулся и вновь бросился вперед, на распростертое тело, правой рукой стараясь дотянуться до незащищенного горла противника. Глухой гнев Пакарда разгорался все жарче, пальцы ощутили мягкую плоть и, словно клещи, сомкнулись на шее Пинки. Извиваясь под ним, тот отчаянно пытался вытащить револьвер, слепо шаря левой рукой за поясом. Обезумевший от гнева Пакард еще сильнее вцепился ему в глотку и рванул на себя, словно хотел выдрать кадык, а после со всей силы, что еще оставалась в мышцах, принялся колотить Пинки затылком о землю. Раздался тошнотворный звук, похожий на треск яичной скорлупы. Ударяясь, голова Пинки подпрыгивала и жутко моталась из стороны в сторону. Пакард, однако, не разжимал хватку и лишь крепче стискивал пальцы, вспоминая белый отпечаток пощечины на лице Элис Пейдж.

За его спиной загремели выстрелы, но грохот в голове Пакарда заглушал все прочие звуки. Он почувствовал, что валится вперед; перед глазами встала красная пелена и все поплыло. Пальцы

ослабели, он отнял руку и, ничего не видя, на четвереньках пополз прочь, точно дикий зверь.

— Вставай! — крикнул ему кто-то.

Пакард кое-как поднялся и подождал, пока в глазах прояснится. Тряхнув головой, он увидел Сильвестра, из-за плеча которого выглядывало бледное размытое пятно — лицо Элис Пейдж.

Сильвестр провел ладонью по лицу. Его оцарапало пулей, поэтому висок, скула и волосы с одной стороны были густо измазаны кровью.

Маркс лежал на земле, раскинув руки над головой. По его угольно-черной бороде стекала красная струйка. Папаша Аллен сидел, прислонившись спиной к дереву, и прижимал руки к животу. Как ребенок, подумал Пакард, — точно как ребенок, который объелся зеленых яблок и мучается резью.

Контуры лица Сильвестра обрели четкость, и Пакард обратился к нему:

— Мистер, я так и не понял, что это было.

— Я думал, ты догадался, — ответил Сильвестр. — Думал, что ты раскусил меня сразу, как понял насчет глаза.

— Я чувствовал, что что-то не так, — признался Пакард, — но не мог сообразить, что именно.

— Я — страховой сыщик.

— Чего-чего?

— Страховой детектив. Видишь ли, Рэндалл использовал двойную схему. Сперва страховал золото от ограбления, потом сам же это ограбление и устраивал. Прибирал к рукам золото, а после выжимал из нас страховку. — Сильвестр снова провел по лицу рукой, перемазав щеку кровью. — Нам лучше поскорее убраться отсюда. Сними уже с шеи эту веревку. Мисс Пейдж перевяжет тебе плечо, а я приведу лошадей.

— Я все же попрошу вас ненадолго задержаться, — неожиданно послышалось сзади.

Все трое резко обернулись и увидели на краю небольшой полянки мужчину верхом на крупном гнедом жеребце. Черный сюртук тонкого сукна, желтовато-коричневый жилет, белый шелковый галстук. Когда мужчина нацелил на них свой шестизарядник, в галстуке сверкнула искра бриллианта.

— Кажется, ваше положение не очень выгодное, — заметил Рэндалл. — Сильвестр, брось пушки и отойди в сторону.

Сильвестр медленно расстегнул оружейный ремень и бросил его на землю. Не выпуская из руки револьвера, Рэндалл жестом приказал Пакарду и Элис разойтись.

— Какая жалость, — хихикнул он. — У вас ведь почти получилось.

— Может, на этот раз не получилось, — звонко произнесла Элис Пейдж. — Может, этим двоим джентльменам и не повезло, но рано или поздно кто-то вас остановит.

Рэндалл учтиво приподнял шляпу, но револьвера не опустил.

— Вы совершенно правы, мисс Пейдж, — сказал он. — А теперь будьте любезны, встаньте чуточку подальше и не смотрите.

— Джентльмен остается джентльменом, — с горечью усмехнулся Пакард. — Никогда не позволит себе совершить убийство на глазах у женщины.

— Разумеется, — кивнул Рэндалл. — В конце концов, есть же какие-то светские приличия. — Он повернул коня и вскинул револьвер. — Мисс Пейдж, прошу вас…

— Нет! — крикнула Элис. — Нет, вы не посмеете…

Она уже бежала к Рэндаллу, раскинув руки, как будто хотела остановить пулю, готовую вылететь из дула.

— Элис! — оглушительно взревел кто-то, и девушка, затормозив, резко развернулась.

— Отец! — воскликнула она.

Возле дерева, под которым, откинув голову набок, лежал мертвый Пинки, стоял пастор Пейдж, и в руках он держал тяжелую винтовку.

— Отойди, дитя, — прогудел он.

Рэндалл поднял револьвер выше и вдруг оцепенел. Дуло винтовки в руках священника было нацелено точно ему в грудь. Если Пейдж выстрелит…

— Брось оружие, Рэндалл, — приказал старик, — и слезай с лошади.

Рэндалл заколебался. Пастор прищурил глаза.

— Я не из тех людей, — сказал он, — кто жаждет кровопролития, но если ты не выбросишь свою пушку, я всажу пулю в твои дрянные кишки.

Рэндалл швырнул шестизарядник на землю и спешился. Револьвер тут же подобрал Сильвестр. Пейдж медленным шагом направился к Рэндаллу.

— Проверь, нет ли у него другого оружия, — велел он Сильвестру.

Сильвестр проворно ощупал Рэндалла, похлопав по бокам, и отчитался:

— Нет, больше ничего.

Священник переложил винтовку на плечо.

— Руки вверх, — приказал он Рэндаллу. — Я

тебя сейчас так поколочу, что своих не узнаешь.

Рэндалл прыгнул на него, одну руку выбросил вперед, а другую занес для смертельного удара. Пейдж увернулся, поднырнул под просвистевший кулак, и сам от души врезал Рэндаллу так, что тот едва устоял на ногах.

Рэндалл и Пейдж сцепились не на жизнь, а на смерть. Они боролись молча и лишь тяжело пыхтели, ожесточенно колошматя друг друга. Слышался глухой топот ног, чавканье мягкой плоти, хруст костей, сиплые вдохи, натужные хрипы и сдавленные стоны противников, охваченных лютой ненавистью.

Рэндалл слабел. Он отступал под градом мощных ударов священника и даже попытался сбежать, но пастор догнал его, ухватил за шиворот и заставил драться дальше.

Развязка наступила быстро. Рэндалл уже шатался, но Пейдж продолжал его избивать: нанес сокрушительный удар правой в челюсть, левой — в грудь, и еще раз правой, опять в челюсть. От последнего Рэндалла подбросило в воздух, а затем он рухнул на землю.

Старик долго стоял в ярких лучах солнца над телом Рэндалла, его грудь тяжело вздымалась и опадала, седые волосы, отливавшие серебром,

трепетали на ветру. Наконец он развернулся и направился к троим свидетелям кровавой сцены, на ходу отряхивая сюртук и поправляя манжеты.

— Кому-нибудь из вас нужен этот человек? — осведомился он.

— Мне, — сказал Сильвестр.

Пастор сурово посмотрел на Пакарда:

— Я надеялся, его заберешь ты.

Пакард мотнул головой:

— Нет. Я, пожалуй, поеду своей дорогой. Возвращаться в Хэнгменз-Галч незачем.

Священник протянул руку и обнял дочь.

— Я волновался за тебя, дитя мое, — сказал он. — Понял, что нельзя было отправлять тебя с этим дилижансом, поэтому вскочил в седло и поехал следом. Надеялся, что догоню фургон и сам провожу тебя до места, чтобы уж не думалось. Но я опоздал. Услышал выстрелы и… — Пейдж потер глаза загрубелой рукой.

Пакард дотронулся до шеи и с удивлением обнаружил, что на ней все еще болтается веревка. Он со злостью растянул петлю, перебросил ее через голову, развернулся и побрел прочь.

Где-то в зарослях стояла привязанная лошадь. Он легко доберется до нее пешком, а там прыгнет в седло, и поминай как звали. Пакард был уверен,

что утруждаться его поимкой никто не станет.

По большому счету он почти такой же мерзавец, как Пинки или другие бандиты. Может, не столь закоренелый, но это не потому, что за ним меньше грехов. Не стоит обманывать себя и других: Пакард тоже стремился заполучить это золото, стремился так же жадно, как остальные.

— Пакард!

Услышав шаги за спиной, он остановился, а затем неохотно обернулся и посмотрел в лицо старика.

— Что?

— Ты возвращаешься с нами.

— Нет, пастор. — Пакард покачал головой. — Теперь, когда с Рэндаллом и его шайкой покончено, Хэнгменз-Галч станет добропорядочным городом, и мне там делать…

— Выслушай меня, Пакард, — перебил его священник. — В воскресенье я взойду на амвон и признаюсь людям, кто я такой. И я хочу заключить с тобой уговор…

— Зачем? — ахнул Пакард. — Тебя считают уважаемым человеком. Нет причин так поступать.

— Есть. Я должен быть честен с самим собой. Не могу больше жить во лжи.

— Хорошо, делай как знаешь, — согласился

Пакард. — Но при чем тут я?

— Я же сказал, что хочу заключить с тобой уговор. Если жители Хэнгменз-Галча меня прогонят, мы покинем город все втроем, ты, я и Элис. Но если мне позволят остаться, то и останемся мы вместе.

Пакард посмотрел через плечо священника на Элис. Ее глаза улыбались.

— Согласен? — спросил пастор.

— Согласен, — ответил Пакард, не сводя взгляда с девушки.

Игра в цивилизацию
Перевод Г. Корчагина

1

Снова с запада донеслись приглушенные расстоянием громовые раскаты. Но Стенли Пакстон не задержался ни на миг, поскольку был почти уверен: кто-то идет по его следу.

Если Пакстон не сбился с пути, то этот путь приведет к поместью Нельсона Мура — оно где-то там, за холмами. Будет и ночлег, и даже, возможно, транспортное средство. Жаль, что не будет связи — подручные Хантера наверняка следят за эфиром, ищут любые намеки на местопребывание Пакстона.

Когда-то он провел в поместье Мура несколько дней, а теперь вроде бы узнавал некоторые детали рельефа. Возможно, это было ложное чувство — за столько лет тот короткий пасхальный отпуск почти стерся из памяти.

Сгущались ранние сумерки, и боязнь погони помаленьку слабела. «И вообще, с чего я взял, что меня преследуют?» — спросил себя Пакстон.

Он ведь без малого полчаса прятался в кустах на макушке холма, но так никого и не высмотрел.

Конечно, обломки его флаера обнаружены уже давно. Но есть вероятность, что к месту крушения недруги прибыли слишком поздно и не смогли определить, в каком направлении он ушел.

Пока было светло, он часто оглядывал небо и ни разу не заметил, чтобы над головой пролетел флаер-разведчик. Теперь же, когда солнце опускается за хмурую гряду облаков, можно вздохнуть спокойно: до рассвета он в безопасности.

Закончилась травяная равнина, дальше — склон лесистого холма. Кажется, загадочное буханье и трескотня раздаются уже ближе. Небо то и дело озаряется сполохами.

Пакстон взобрался на холм — и резко остановился, и припал к земле. Внизу, на пространстве не меньше квадратной мили, мелькали вспышки, а промежутки между сопровождавшими их громами заполняло стрекотанье, от которого мороз шел по коже.

Он сидел на корточках и смотрел, как мечутся взад-вперед зигзагами серии огоньков, как возникают тут и там пламенные букеты разрывов, чтобы исчезнуть в следующий миг.

Наконец Пакстон медленно встал, запахнул

плащ и поднял капюшон, чтобы защитить шею и уши.

На ближней границе сверкающей огнями территории, у подножия холма, в сумерках проглядывал четырехугольный силуэт какого-то сооружения. А дальше — нечто вроде купола из дымчатого стекла над всем полыхающим участком; рассмотреть толком мешает темнота.

Пакстон что-то проворчал под нос и быстро спустился к постройке.

Это оказалась смотровая башня, высокая и прочная. Ее верхняя половина была сделана из толстого стекла, и к одной из прозрачных стен тянулась лестница.

— Что тут происходит? — прокричал Пакстон, но едва ли его могли услышать наверху при таком громе и треске.

Пришлось взобраться по лестнице.

Когда его голова приподнялась над площадкой, он остановился. У противоположной стены стоял мальчик, на вид не старше четырнадцати, и глядел на шумное царство огня. С его шеи свисал бинокль, а сбоку стоял массивный пульт управления.

Пакстон взобрался на площадку.

— Здравствуйте, молодой человек! — прокри-

чал он.

Паренек повернулся к нему. Симпатичный, вихрастый.

— Извините, сэр, — произнес он, — я вас не слышал.

— Что тут делается?

— Война, — ответил мальчик. — Пертви пошел в решающую атаку. Да так жмет — я едва держусь.

Пакстон тихо ахнул:

— Невероятно!

Мальчик наморщил лоб:

— Не понимаю.

— Ты же сын Нельсона Мура?

— Да, сэр, я Грэм Мур.

— Я очень давно знаю твоего отца. Вместе в школе учились.

— Сэр, он будет рад повидаться с вами, — бодро сообщил подросток, надеясь поскорей избавиться от досадной помехи в лице Пакстона. — Идите прямо на северо-запад, там будет тропинка, она приведет к дому.

— Может, спустишься, покажешь? — спросил Пакстон.

— Мне сейчас не отойти, — объяснил Грэм. — Необходимо отразить атаку. Пертви застал меня

врасплох — накопил огневую мощь и провел кое-какие маневры, а я прозевал. Поверьте, сэр, положение у меня незавидное.

— Кто такой Пертви?

— Противник. Мы уже два года воюем.

— Понятно, — мрачно изрек Пакстон и спустился с башни.

Он разыскал тропинку и добрался до дома, старого приюта для туристов, угнездившегося в лесистом долу меж невысоких холмов. Тропинка уперлась в огороженный двор. Пакстона встретил женский голос:

— Нельс, это ты?

На гладких каменных плитах стояло кресло-качалка, а над ним Пакстон увидел нечеткое светлое пятно — белое лицо в ореоле седых волос.

— Нет, это не Нельс, — ответил он. — Старый друг вашего сына.

Он отметил, что здесь благодаря какому-то акустическому воздействию холмов битва почти не слышна, хотя на востоке небо нет-нет да озарится разрывом тяжелой ракеты или артиллерийского снаряда.

— Мы вам рады, сэр, — мягко покачиваясь вместе с креслом, сказала старуха. — Правда,

мне очень хочется, чтобы поскорее вернулся Нельсон. Неспокойно на душе, когда он бродит в потемках.

— Меня зовут Стенли Пакстон. Я политик.

— Да-да, — кивнула женщина, — теперь вспомнила. Вы к нам приезжали на Пасху… двадцать лет назад. Я Корнелия Мур, но можете звать меня Бабушкой, все так делают.

— Я вас очень хорошо помню, — сообщил Пакстон. — Надеюсь, не помешаю…

— Да что вы! Гостям мы всегда рады, они здесь теперь бывают редко. Теодор так вообще будет счастлив. Советую звать его Дедиком.

— Дедик?

— Ну, дедушка. Грэм так выговаривал, когда был мальцом.

— Я встретил Грэма по пути. Ваш внук, похоже, очень занят. Сказал, что Пертви берет верх.

— Ох уж этот Пертви, — слегка осерчала Бабушка. — Так грубо играет…

Во двор кошачьей поступью вошел робот и доложил:

— Ужин готов, мэм.

— Дождемся Нельсона, — сказала ему Бабушка.

— Да, мэм. Надеюсь, он вернется скоро. Долго ждать нельзя — Дедик пьет уже второй стакан

бренди.

— Элайджа, у нас гость. Будь любезен, покажи ему его комнату. Это друг Нельсона.

— Добрый вечер, сэр, — произнес Элайджа. — Позвольте, я вас провожу. А где ваш багаж? Я мог бы его отнести.

— Еще бы ты не мог, — проворчала Бабуля. — Ах, Элайджа, когда же отучишься важничать перед гостями?

— У меня нет багажа, — смущенно сообщил Пакстон.

Вслед за роботом он прошел через гостиную на первом этаже и поднялся по изящной винтовой лестнице. Комната ему досталась просторная, со старомодной мебелью и солидным пристенным камином.

— Я разожгу огонь, — сказал Элайджа. — Осень, ночи все холоднее, вдобавок сегодня сыро. Похоже, будет дождь.

Пакстон стоял посреди комнаты и напряженно вспоминал. Бабушка была художницей, Нельсон — биологом, а чем занимался старый Дедик?

— Пожилой джентльмен, — проговорил склонившийся у камина робот, — пожелает вас угостить. Он распорядится насчет бренди, но если желаете, сэр, я принесу что-нибудь другое.

— Спасибо, не нужно. Бренди — в самый раз.

— У пожилого джентльмена завидное здоровье. Ему есть что рассказать, сэр, вам будет интересно в его компании. Он только что закончил сонату, над которой работал почти семь лет, и теперь его распирают радость и гордость. Но так было не всегда, сэр! Не побоюсь сказать, с ним очень нелегко ладить, он бывает совершенно несносен. Если посмотрите на мой зад, сэр, то увидите вмятину…

— Я вижу. — Пакстона смутила откровенность робота.

Тот выпрямился, и в камине затрещал, заплясал по дровам огонь.

— Схожу за выпивкой для вас, — сказал Элайджа. — Если задержусь, не беспокойтесь. Раз у нас появился гость, пожилой джентльмен, конечно же, не упустит возможности прочесть мне лекцию об этикете.

Пакстон снял плащ и повесил на стойку кровати. Вернулся к камину, уселся в кресло, протянул ноги к согревающему свету.

«Зря я сюда пришел, — подумал он. — Нельзя вовлекать этих людей в мои проблемы, подвергать их опасности».

Это тихий, спокойный мир, в нем жизнь течет

легко и задумчиво, а мир Пакстона, мир политики, полон суеты и треволнений, а подчас страха и страданий.

Пакстон решил ничего не рассказывать хозяевам усадьбы о себе. Он только переночует и на рассвете уйдет. Уж как-нибудь изыщет способ связаться со своей партией. Найдет людей, которые ему помогут.

В дверь постучали. Должно быть, пожилой джентльмен не слишком задержал Элайджу.

— Войдите, — произнес Пакстон.

Вошел не робот, а Нельсон Мур. В походной куртке из грубой ткани, в заляпанных грязью ботинках, с темными мазками на лице — отбрасывал испачканной рукой волосы со лба.

— Бабушка сказала, что ты решил у нас погостить, — сказал он, пожимая Пакстону руку.

— У меня двухнедельный отпуск, — солгал из деликатности Пакстон. — Мы только что отыграли кампанию. Если тебе интересно, я избрался президентом.

— Это же здорово! — с энтузиазмом отозвался Нельсон.

— Гм… Да, конечно.

— Ну что, посидим потолкуем?

— Не хотелось бы ужин задерживать. Робот

сказал…

Нельсон рассмеялся:

— Элайджа вечно сгоняет нас к столу. Помешался на распорядке, все у него должно быть по пунктикам. Мы уже привыкли, просто не обращаем внимания.

— Хотелось бы с Анастасией познакомиться, — сказал Пакстон. — Ты о ней так часто писал…

— Ее здесь нет, — сказал Нельсон. — Она… бросила меня. Почти пять лет назад. Очень уж тосковала по внешнему миру. Похоже, нам противопоказаны браки с теми, кто не участвует в «Продолжении».

— Извини. Мне не следовало…

— Не надо извиняться, Стен. Все быльем поросло. Кое-кто просто не вписался в проект. После ухода Анастасии я часто задумывался: что мы за люди? Не слишком ли большую цену заплатили?

— Все мы об этом задумываемся время от времени, — сказал Пакстон. — Мне не раз приходилось рыться в истории, искать оправдания тому, чем мы занимаемся. Вот тебе параллель: монахи, жившие в так называемые Средние века, сумели сохранить частичку культуры эллинистического мира. Конечно, они руководствовались собственными эгоистичными интересами, как

и мы, проект «Продолжение», и тем не менее человеческая раса получила реальную выгоду.

— Тогда и я пороюсь в истории, — сказал Нельсон, — и выужу дикаря из каменного века. Этот дикарь никуда не делся, он прячется в темном закутке человеческого разума и кропотливо обтесывает наконечники стрел — в то время как с Земли стартуют космические корабли. Стен, похоже, все бесполезно…

— На первый взгляд — да. И никакой роли не играет тот факт, что наша последняя президентская гонка завершилась моим избранием. Но возможно, однажды человеческой расе понадобятся накопленный опыт и апробированные технологии. Ей достаточно будет вернуться на Землю, чтобы получить искусство политики в целости и сохранности. Нельсон, эта кампания была грязной, и победой в ней я не горжусь.

— В человеческой цивилизации грязи всегда хватало, — сказал Нельсон, — но раз уж мы взялись сохранить ее во всей полноте и многогранности, то порочное должно остаться рядом с благородным, уродливое — рядом с прекрасным.

Тихо отворилась дверь, и в комнату скользнул Элайджа с двумя стаканами на подносе.

— Я слышал, как вы поднимались сюда, — сооб-

щил он Нельсону, — поэтому и для вас захватил.

— Спасибо, — ответил тот. — Ты сама любезность.

Элайджа смущенно заерзал.

— Вас не затруднит слегка поторопиться? У пожилого джентльмена в бутылке осталось на донышке. Если я сейчас же не вернусь к столу, может случиться неприятность.

2

Ужин закончился, юного Грэма отправили спать. Дедик торжественно выставил непочатую бутылку хорошего бренди.

— Прямо наказание, а не мальчишка, — заявил старик. — И в кого он вырастет, хотелось бы знать? Целыми днями пропадает на полигоне, разыгрывает дурацкие битвы. Добро бы мог там научиться чему-нибудь дельному. Ну что может быть бесполезнее, чем генерал в мире, где не бывает войн?

Бабушка раздраженно хмыкнула:

— А мы что же, сложа руки сидели? Да чем только не пытались его заинтересовать! Ему все казалось скучным, пока не дошло до игры в войнушку.

— Он, вообще-то, способный, — гордо произнес

Дедик, — этого у него не отнимешь. Но давеча спрашивал, могу ли я для него военную музыку сочинить. Я! — вскричал Дедик, стуча себя в грудь. — Чтобы я, да сочинял военную музыку!

— Он в себе носит семена разрушения, — заявила Бабушка с праведным негодованием. — Строить ему не хочется, только ломать.

— На меня не смотри, — сказал Нельсон Пакстону, — я уже давно сдался. Как только ушла Анастасия, Бабушка и Дедик взяли его под свою опеку. Послушаешь их, так решишь, что они терпеть не могут Грэма. Но стоит мне хотя бы строго на него посмотреть, как…

— Мы сделали, что могли, — перебила его Бабушка. — Дарили ему все наборы, какие он просил. Дедик, ты же помнишь.

— А то! — подтвердил пожилой джентльмен, возясь с бутылкой. — Еще как помню. Купили набор эколога — видел бы ты, какую планету он сляпал. Слезы, а не планета — убогонькая, плюгавенькая, хиленькая. А потом взялся за робототехнику…

— Уж взялся так взялся, — ехидно вставила Бабушка.

— Ну да, он конструировал роботов. Ему это дело пришлось по нраву. Помнишь, смастачил

двух, а потом натравил друг на дружку. Неделю они дрались, пока не осталась от них куча лома. И всю ту неделю Грэм был на седьмом небе от счастья!

— Так увлекся, что поесть забывал, заставлять его приходилось, — добавила Бабушка.

— Но хуже всего вышло, когда мы испробовали религию, — продолжал Дедик, разливая бренди по стаканам. — Он такой культ изобрел, просто кошмар! Мы, как увидели, сразу запретили…

— А больница? — напомнила Бабушка. — Это ведь твоя была идея, Нельс…

— Давай не будем, — хмуро попросил Нельсон. — Стенли это неинтересно.

Пакстон понял намек и сменил тему:

— Бабушка, можно узнать, что вы пишете? Не припоминаю, чтобы Нельсон мне об этом рассказывал.

— Пейзажи, — ответила миловидная старушка. — Ставлю кое-какие опыты.

— А я ей твержу, что это не дело! — вмешался Дедик. — Опыты-шмопыты! Наша работа — традицию хранить! А все эти новшества?! Еще неизвестно, куда они нас заведут.

— Наша работа, — жестко возразила Бабушка, — хранить существующие технологии. Но

кто сказал, что мы должны отказаться от прогресса, если это гуманитарный прогресс? Вот вы, молодой человек, — обратилась она к Пакстону, — разве считаете иначе?

— Да нет, пожалуй, — уклончиво ответил угодивший меж двух огней Пакстон. — Разумеется, мы, политики, допускаем развитие, однако периодически устраиваем проверки — надо же убедиться, что оно идет логичным, традиционным для человечества путем. И особенно заботимся о том, чтобы имеющиеся технологии не исчезали, какими бы устаревшими они ни казались. То же у дипломатов. Я в дипломатии кое-что смыслю, поскольку наши секции очень близки, и…

— Вот именно! — сказала Бабушка.

— Знаете, о чем я думаю? — тихо проговорил Нельсон. — Мы запуганы. Впервые за всю нашу историю мы, человеческая раса, оказались в меньшинстве, и поэтому нам страшно до смерти. Боимся утратить свою идентичность в громадной галактической матрице. Боимся ассимиляции.

— Сын, ты не прав, — возразил Дедик. — Это не страх. Просто мы сами с усами. Создали величайшую культуру, и с чего бы нам от нее отказываться? Ну да, большинство людей приня-

ли галактический образ жизни, но разве можно сказать, что мы от этого сильно выиграли? Наступит день, когда мы захотим вернуть себе человеческую цивилизацию или поймем, что позднее можно будет пользоваться какими-то ее элементами. Если сохраним ее здесь, в проекте «Продолжение», то потом она будет доступна в любое время — хоть частями, хоть целиком. И не только для человеческой расы доступна, ведь нельзя исключать, что однажды какая-нибудь ее грань сделается совершенно необходимой и для всей Галактики.

— Почему же тогда этот проект засекречен?

— Да что в нем секретного? — хмыкнул Дедик. — Просто нет никому дела ни до человеческой расы, ни до того, что происходит на Земле. Человеческая раса — сущая малявка в сравнении с любой другой, а Земля — выжатая как лимон планета, не стоящая забот. — Он повернулся к Пакстону. — Парень, ты когда-нибудь слышал, что этот проект — секретный?

— Вроде нет, — ответил Пакстон. — Правда, и трубить о нем не принято. Я так понимаю: для нас «Продолжение» — своего рода священный долг. Мы вроде племенных знахарей: стережем мешок с лекарственными снадобьями, пока наши соро-

дичи приобщаются к звездной цивилизации.

— Пожалуй, это близко к истине, — хихикнул старик. — Мы всего лишь кучка бушменов — но бушменов неглупых и даже опасных.

— Опасных? — спросил Пакстон.

— Он про Грэма, — тихо пояснил Нельсон.

— Ошибаешься, — сказал Дедик. — Я не про него конкретно, а про всю нашу шайку-лейку. Или ты не в курсе, что всяк желающий примкнуть к галактической цивилизации обязан внести свою долю в общий котел? Что-то он получает, но и непременно чего-то лишается. Того, что никак не вяжется с новообретенными идеями. Вот и человеческой расе пришлось сыграть по этим правилам — но мы, в отличие от остальных рас, остались при своих. Спросишь, как же такое может быть? Мы пожертвовали лишь вершками, а корешки никуда не делись, они здесь, они живы стараниями субсидируемой горстки варваров на старой истощенной планете, которую эта распрекрасная галактическая цивилизация не удостоит лишним взглядом.

— Он просто ужасен, — пожаловалась Пакстону Бабушка. — Вздорная, коварная душонка в сморщенной шкуре. Не слушай его.

— А что есть Человек?! — вскричал Дедик. — Он

бывает вздорным и коварным, когда это необходимо. Не будь мы такими, разве поднялись бы столь высоко?

«В его словах есть доля истины, — подумал Пакстон. — То, что здесь происходит, — самая настоящая двойная игра. И вот что интересно: многие ли расы в Галактике занимаются тем же самым или чем-то похожим?

Раз уж мы подрядились на это, надо все делать как следует. Невозможно взять человеческую цивилизацию и аккуратненько разложить по музейным витринам — это уже не цивилизация будет, а всего лишь коллекция занятных экспонатов. Любуясь наконечниками стрел, красиво разложенными на бархате, ты не научишься вытесывать их из кремня. Чтобы сохранять из века в век это ремесло после того, как в нем отпала потребность, поколение за поколением должно мастерить стрелы. Если очередное поколение не захочет этим заниматься, ремесло исчезнет. То же относится ко всем прочим профессиям и технологиям. Не только к сугубо земным, но и к тем многим, обиходным у других галактических рас, что в руках человеческих обрели уникальные особенности».

Элайджа принес охапку дров, сгрузил их возле

камина, сунул в огонь пару чурок и тщательно отряхнулся.

— Ты почему мокрый? — спросила Бабушка.

— Дождь, мэм, — объяснил робот и вышел за дверь.

«Вот что такое проект „Продолжение“, — размышлял Пакстон. — Мы упражняемся в устаревших искусствах и профессиях, сохраняем в живом организме нашей расы информацию об их предназначении, об их практическом применении. Моя секция практикует политику, секция дипломатии ставит перед собой кажущиеся нерешаемыми дипломатические проблемы. А на фабриках проекта коллективы промышленников, блюдя старинную традицию, ведут бесконечную войну с профсоюзами. Рассеянные по всей планете скромные мужчины и женщины сочиняют музыку, пишут картины, ваяют скульптуры, чтобы культура — наша, сугубо человеческая — не растворилась бесследно в чудесной галактической культуре, в этом сплаве неисчислимых цивилизаций с далеких звезд.

И до каких же пор, — спросил себя Пакстон, — нам тянуть эту лямку? Что движет нами? Может, просто заурядное и даже наивное тщеславие? Может, всего-навсего человеческий скептицизм

и самонадеянность? Или это действительно здравый смысл, как считает Дедик?»

— Так, говоришь, ты политик? — спросил старик. — Как по мне, ремесло стоит того, чтобы его сохранить. По слухам, у этой новой культуры оно не больно-то ценится. Ну да, есть административное управление, гражданские службы и тому подобная ерунда, но нет настоящей политики. А ведь это очень полезная штука, серьезное подспорье в больших делах.

— Слишком уж часто политика — грязный бизнес, — возразил Пакстон. — Это борьба за власть, она требует любой ценой побеждать противника, который тоже готов применять любые методы и средства. В лучшем случае она дает меньшинству фикцию власти, причем сам факт принадлежности к меньшинству подразумевает опасность неподчинения со стороны большинства.

— Но все-таки интересные у вас игры, верно же? Представляю, как заводят.

— Да, не без того, — согласился Пакстон. — В последней кампании не было никаких ограничений, мы изначально так запланировали. Свирепая грязная драка — это, пожалуй, еще мягко сказано.

— И ты выиграл президентский пост, — сказал

Нельсон.

— Да, выиграл, но разве похоже, что я этим горжусь?

— А следовало бы гордиться, — возразила Бабушка. — Когда-то должность президента была почетной и уважаемой.

— Это так, — кивнул Пакстон. — Но невозможно гордиться тем, как провела кампанию моя партия.

«До чего же легко было бы решиться и все им рассказать, — подумал он. — Они бы поняли. Признаться честно, что я слишком далеко зашел. С ног до головы облил конкурента грязью, хотя на самом деле в этом не было необходимости. Нет такого подлого трюка, которого я не применил. И подкупал, и лгал, и сговаривался, и компрометировал. Да так ловко это проделывал, что обманул даже логическую машину, которая судила „выборы“ вместо населения и электората.

Но мой противник не остался в долгу, он тоже нашел в истории гнусный трюк.

Ведь в прошлом убийства были неотделимы от политики — как и война, как и дипломатия. В конце концов, что такое политика, если не предохранитель от насилия? Лучше выборы, чем революция. Но в любые времена грань между

насилием и политикой была тонка и хрупка».

Пакстон допил бренди и поставил стакан. Дедик взялся за бутылку, но гость отрицательно качнул головой.

— Благодарю вас, — сказал он. — Если не возражаете, я пойду спать. Завтра нужно встать пораньше.

«Зря я сюда пришел, ох зря… Навлекать на голову этих людей последствия моей игры — непростительная ошибка. Хотя почему — последствия? То, что происходит, и есть игра, ее неотъемлемая часть».

Тренькнул дверной звонок, и Пакстон услышал, как в прихожей завозился Элайджа.

— Боже мой! — изумился Дедик. — Кто это к нам на ночь глядя? Да еще и под дождем?

Это был священник.

В прихожей он смахнул дождевую влагу с сутаны, снял широкополую шляпу и потряс ею. Неторопливой, чинной поступью прошел в гостиную. Все встали.

— Добрый вечер, пастор, — поприветствовал его старик. — Вам здорово повезло в такую погоду найти дом. Мы рады дать приют вашему преподобию.

— Я не принадлежу к церкви, — с широкой

располагающей улыбкой ответил пастор. — «Преподобие» я только в проекте. Но если вам угодно употреблять соответствующие термины, ничего не имею против. Мне это поможет оставаться в образе.

Стоявший рядом Элайджа принял у него сутану и шляпу. Одет был священник красиво и дорого. Дедик представил ему всех, после чего нашел чистый стакан и наполнил его бренди. Пастор пригубил и опустился в кресло у камина.

— Вы, должно быть, не ужинали, — сказала Бабушка. — Да конечно проголодались — нет в округе места, где можно поесть. Элайджа, принеси-ка пастору тарелку, да побыстрее.

— Благодарю вас, мэм, — произнес пастор. — У меня был долгий и трудный день. Вы даже не представляете, как меня радует столь теплый прием.

— Везет нам сегодня, — весело произнес Дедик, уже в который раз наливая себе. — Гости в нынешние времена такая редкость, а тут аж двое за вечер.

— Два гостя? — переспросил пастор, глядя на Пакстона в упор. — В самом деле, это замечательно. — И осушил стакан.

3

Поднявшись в свою комнату, Пакстон затворил дверь и задвинул до отказа засов.

В камине успели сгореть дрова, на пол лег красный отсвет углей. Тихо, неохотно постукивал по крыше, по оконным стеклам дождь.

А у Пакстона в голове устроили чехарду догадки и страхи.

Сомнений нет: священник — наемный убийца, пущенный по его следу. Ну кто в потемках, да под осенним дождем, да без такой важной задачи отправился бы в глухомань? А ведь этот пастор даже не промок. Отряхнул сутану и шляпу — и они практически сухие. Пастора сюда привезли… скорее всего, на флаере. Его и других убийц высадили в полудюжине мест, где беглец мог найти укрытие.

Священнику досталась комната через коридор, аккурат напротив, и в других обстоятельствах Пакстон, пожалуй, рискнул бы. Он шагнул к камину, взял увесистую кочергу, помахал ею. Хватило бы одного удара.

Но нет, нельзя. В этом доме — нельзя.

Пакстон вернул кочергу на место, подошел к кровати и взял плащ. Неторопливо надел, а затем

постоял, вспоминая случившееся утром.

Он был у себя дома, один, когда зазвонил телефон и визор заполнило лицо Салливана. Перекошенное ужасом лицо.

— Хантер решил с тобой разобраться, — сообщил Салливан. — Отправил наемников.

Пакстон не поверил ушам:

— Что ты несешь?! Он не имеет права!

— Еще как имеет, — возразил Салливан. — Это не выходит за рамки условий. Политическое убийство всегда позволяло…

— Но ведь игра уже закончилась!

— Хантер так не считает. Ты малость переусердствовал. Не следовало выходить за рамки гипотетической ситуации и влезать в его личную жизнь. Ты добыл сведения, о которых, как он надеялся, не знала ни одна живая душа. Интересно, как тебе это удалось?

— Есть способы, — уклончиво ответил Пакстон. — И потом, в таких играх любые средства хороши. Он со мной тоже не больно-то церемонился.

— Тебе надо бежать, — посоветовал Салливан. — Они уже совсем рядом, я не успею прислать помощь.

И все бы обошлось, подумал Пакстон, если бы

не авария.

Мелькнула мысль: а не диверсия ли это? Но как бы то ни было, ему удалось посадить флаер и добраться сюда.

Он стоял в нерешительности посреди комнаты. Вот уже второй раз приходится превозмогать гордость, но что делать, если нет иных вариантов, кроме бегства? Нельзя допустить, чтобы хозяева этого дома оказались вовлечены в игру, которая на своем финальном этапе пошла вразнос.

Ему и защититься-то нечем, кроме этой кочерги. Земля теперь мирная планета, на ней почти не осталось оружия, не то что раньше, когда оно было вроде кухонной утвари.

Он подошел к окну, растворил его и обнаружил, что дождь кончился. Сквозь гонимые ветром тучи проглядывала луна.

Внизу, прямо под окном, виднелась крыша веранды. Пакстон прошелся по ней взглядом: несложный маршрут, если босиком, и до земли от нижней кромки не больше семи футов.

Он снял туфли, затолкал их в карманы плаща и полез в окно. Но миг спустя вернулся в комнату и приблизился к двери. Бесшумно отодвинул засов. Непорядочно было бы сбежать, оставив комнату запертой.

Крыша была скользкой от дождя, но Пакстон благополучно добрался до ее края, двигаясь со всей осторожностью, пядь за пядью, и спрыгнул в кусты. Не обошлось без царапин, но он сказал себе, что это пустяк. Надел туфли, оправил одежду и быстро зашагал к опушке. Там постоял, глядя на дом — темный, безмолвный. «Как только вернусь и разберусь с проблемой, — наказал себе Пакстон, — напишу Нельсону длинное письмо, все объясню и извинюсь».

Ноги сами нашли тропинку, и Пакстон двинулся по ней в мертвенной лунной полумгле.

— Сэр, — раздалось за спиной, — вижу, вы решили прогуляться…

Пакстон аж подпрыгнул от ужаса.

— Ночка для этого в самый раз, сэр, — спокойно продолжал голос. — После дождя кругом такая свежесть и прохлада…

— Кто вы? — спросил Пакстон, у которого волосы встали дыбом.

— Пертви, сэр. Робот, сэр.

Пакстон нервно рассмеялся:

— Ах да, помню. Враг Грэма.

Из кустов на тропинку вышел робот.

— Наверное, было бы слишком смелым предположение, что вы пришли взглянуть на полигон?

— Почему же слишком? — ухватился за соломинку Пакстон. — Не знаю, какие еще у тебя предположения, но именно этим я и занимаюсь. В жизни ни о чем подобном не слыхал, поэтому здорово заинтригован.

— Сэр, — обрадовался робот, — я полностью к вашим услугам! Уверяю, здесь никто лучше меня не объяснит вам суть происходящего. Я при мастере Грэме с самого начала, и если у вас имеются вопросы, постараюсь на них ответить.

— Один вопрос у меня точно имеется: для чего все это нужно?

— Конечно же, — ответил Пертви, — поначалу это было просто развлечение для растущего мальчика. Рискну высказать мнение, сэр, что теперь все гораздо серьезнее.

— Ты к тому, что это часть «Продолжения»?

— Верно, сэр. Мне известна роль войн в истории человечества; известно и то, что люди не желают признавать огромную важность и многогранность этой роли, не желают даже думать о ней. Среди развитых человеком искусств, наверное, не найти другого, которому бы уделялось столько же времени, денег и мыслей.

Тропа пошла под уклон, и впереди в бледном рваном сиянии луны открылся лоснящийся глад-

кий горб.

— Этот купол, — заговорил Пакстон, — или как он правильно называется… Его то видно, то нет…

— Полагаю, сэр, — ответил Пертви, — правильный термин — силовой экран. Пара наших роботов создает над полигоном непроницаемое поле. Насколько мне известно, сэр, ничего нового изобретать не пришлось, приспособили то, что было. Добавили лишь временной фактор для дополнительной защиты.

— А от чего нужна защита?

— В нашем арсенале есть ПК-боеприпасы, сэр. ПК значит «полная конверсия». Мы их применяем во множестве по своему усмотрению, и…

— Ядерное оружие? Но как вы можете…

— Всего лишь игрушки, сэр, абсолютно безопасные, — весело возразил Пертви. — Совсем крошечные бомбочки, не больше горошины. Критическая масса мизерная. Излучение довольно мощное, но очень нестойкое, и примерно через час…

— Вижу, вы тут серьезно работаете над реалистичностью, — мрачно перебил робота Пакстон.

— Да, сэр, стараемся. Тем не менее операторы абсолютно ничем не рискуют. Нас можно сравнить с генеральными штабами враждующих

стран. Защита очень надежна, сэр, да иначе и быть не может, ведь главная наша задача — сохранение искусства войны.

— Разве это искусство… — заспорил было Пакстон, но осекся.

Чем тут возразишь? Если раса решила содержать в абсолютно рабочем состоянии свою многотысячелетнюю цивилизацию, разве может она изъять из этой цивилизации какие-то элементы? Было бы глупо отрицать, что военное искусство — один из уникальных навыков человечества. Вполне логично, что оно хранится здесь — как страховка на случай, если когда-нибудь человечество подвергнется смертельной угрозе.

— Да, в этом есть определенная жестокость, — посетовал Пертви, — и для меня, робота, она куда ощутимее, чем для человека. Пехота несет чудовищный урон, но в замкнутом пространстве, да при такой огневой мощи, разве может быть иначе?

— Пехота? Хочешь сказать, что здесь дерутся роботы?

— Ну да. А кто еще мог бы управлять оружием? Не кажется ли вам, что было бы неразумно оборудовать поле боя, а потом…

— Но роботы?

— Миниатюрные, сэр. Не будь они совсем крошечными, как бы мы получали иллюзию полномасштабного сражения? Соответственно уменьшено и оружие, и все прочие атрибуты. Наши солдаты не семи пядей во лбу, но они умеют безоговорочно подчиняться и стоять насмерть. Массово производя роботов на фабрике, мы не можем придавать им индивидуальные черты, да это и не…

— Ладно, я понял, — перебил своего экскурсовода слегка огорошенный Пакстон. — Пожалуй, мне пора…

— Сэр, но я же только начал, еще ничего вам не рассказал. Тут такая уйма нюансов, такая гора проблем!

Они уже приблизились к мерцающей от края до края громадине, и Пертви указал на наклонную выемку с лестницей, что вела к полигону.

— Позвольте показать вам, сэр. — И Пертви засеменил по лестнице.

Она заканчивалась перед дверью.

— Это единственный проход, — сообщил робот. — Здесь во время перемирий мы пропускаем войска и боеприпасы, а между кампаниями — ремонтников, чтобы навели порядок. — Он ткнул пальцем в кнопку сбоку от двери, и та беззвуч-

но ушла вверх. — Кампания длится несколько недель, за этот срок на полигоне скапливается немало хлама.

Глазам открылась выжженная земля — свидетельство бушевавшей недавно смерти, — и Пакстон содрогнулся, как от внезапного удара в живот. Он судорожно втянул воздух — и не смог выдохнуть; накатили головокружение и дурнота. Пришлось упереться ладонью в крутую стену выемки.

Пертви нажал другую кнопку, и дверь скользнула вниз.

— Да, в первый раз тяжело на это смотреть, — виновато произнес он, — но потом привыкаешь.

Пакстон медленно выпустил воздух из легких и огляделся. Выемка, где лежала лестница, перед дверью расширялась, отчего имела форму буквы Т; в стенах «перекладины» были вырублены обращенные к двери ниши.

— Сэр, как вы себя чувствуете? — спросил Пертви.

— Я в полном порядке, — сухо ответил Пакстон.

— А теперь, — взял бодрый тон экскурсовод, — я вам покажу огневое и тактическое управление.

Робот рысцой побежал вверх по лестнице, и

человек поплелся следом.

— Боюсь, это займет много времени, — сказал Пакстон.

Но его слова не возымели действия.

— Сэр, вы должны это увидеть, — взмолился Пертви. — Раз уж пришли сюда, как можно отказаться от такого удовольствия?

«Надо спешить, — сказал себе Пакстон. — Уйти как можно дальше, пока хозяева не улеглись спать и пастор не вышел на охоту».

Пертви шагал впереди, вел человека по изгибающейся кромке полигона к наблюдательной вышке. К той, на которой Пакстон уже побывал этим вечером.

Робот остановился около лестницы.

— После вас, — сказал он.

Может, это ненадолго, а потом удастся сбежать? Хотелось бы отделаться от Пертви, не перегнув палку.

Наверху робот прошмыгнул мимо него в потемках и склонился над блоком управления. Щелкнуло, и на панели зажглись лампочки.

— Этот экран, — указал робот, — демонстрирует ситуацию на поле боя. Разумеется, сейчас он пуст, потому что игра не ведется, но в ходе нее здесь посредством определенных символов отражаются

все события. Вот этот пульт управляет огневыми средствами, этот — пехотой, а этот…

Объяснения продолжались долго, но наконец Пертви с торжествующим видом отвернулся от приборов.

— Что скажете, сэр? — Робот явно ждал похвалы.

— Расчудесно, — сказал Пакстон, ломая голову, как бы потактичнее прекратить свой визит.

— Если вы еще будете здесь завтра, наверное, захотите посмотреть, как мы сражаемся, — предположил робот.

И тут Пакстона осенило.

— А знаешь, пожалуй, не откажусь. В молодости я прочел много книг на военную тематику, и даже — прошу не судить строго — мнил себя чем-то вроде специалиста.

Пертви почти зримо просиял:

— Сэр, можно ли мне надеяться, что мы вместе проведем бой?

— Если окажешь мне такую любезность.

— А вы уверены, что справитесь с управлением?

— Я очень внимательно наблюдал за тобой.

— Дайте мне пятнадцать минут, чтобы добраться до моей башни, — попросил Пертви. — Я дам

сигнал о готовности к бою, и можно будет начать игру в любой момент.

— Пятнадцать минут?

— Может, и меньше, сэр. Я уже бегу.

— А я не доставлю тебе неудобств?

— Сэр, — с чувством произнес Пертви, — мне это в радость. Из наших с юным мастером Грэмом боев давно исчезла всякая новизна. Мы досконально изучили тактику друг друга и едва ли способны изобрести нечто новое. Поверьте, это уже не война, а скука смертная.

— Надо думать, — кивнул Пакстон.

Он проводил взглядом Пертви до лестницы, послушал его торопливые шаги. Потом спустился сам и задержался на миг возле башни.

Тучи изрядно истончились, луна теперь светила ярче. Идти будет уже не так трудно, хотя в густом лесу по-прежнему темно.

Едва он отвернулся от башни и шагнул в направлении тропы, как уловил рядом с ней, в зарослях, движение.

Он пригнулся и затаил дыхание. Вот опять осторожное шевеление в кустарнике.

Священник.

А ведь это шанс избавиться от убийцы! Вдохновение подсказало Пакстону спасительный план.

Пастор высадился с флаера в ночной темноте, когда небо было затянуто тучами и шел дождь. Он едва ли знает о существовании полигона. Если и видит слабо мерцающий в лунном сиянии купол, то вряд ли догадывается о его предназначении.

Пакстон воспроизвел в памяти разговор в гостиной с момента появления священника. Вроде никто не обмолвился насчет юного Грэма или военной игры.

«Стоит попытаться, — решил Пакстон. — Если не получится, потеряю лишь немного времени».

Он сделал несколько шагов — охотник должен точно знать, где находится жертва. А потом сбежал по лестнице к двери. Нажал кнопку, и дверь ушла вверх. Пакстон втиснулся спиной в нишу напротив входа.

Ждать пришлось дольше, чем он рассчитывал. Пакстон успел занервничать, но наконец зазвучали шаги по лестнице. Священник спускался медленно, явно осторожничал. Вот он у двери, задержался на миг, глядя на опаленную битвами землю. Его рука сжимает уродливый пистолет.

Пакстон задержал дыхание и сильнее прижался лопатками к земляной стене, но священник даже не огляделся. Он напряженно прощупывал взором пространство под куполом.

И наконец решился. С коротким шорохом шелковой сутаны, с быстротой леопарда он метнулся в проем.

Тот, на кого он охотился, по-прежнему не шевелился, напряженно глядел, как враг осторожно продвигается по полигону. Когда же священник удалился достаточно, Пакстон шагнул к куполу и нажал кнопку, и дверь легко, беззвучно опустилась.

Пакстон привалился к ней и выпустил наконец из легких застоявшийся воздух.

«Кончено, — подумал он. — Хантер, ты проиграл».

Пакстон неторопливо двинулся по лестнице. Теперь нет необходимости бежать. Можно остаться здесь — Нельсон прилетит за ним или найдет другой способ переправить его в безопасное место. Хантер не знает, что именно этому из нанятых им убийц удалось выйти на цель. Пастор не имел возможности связаться с заказчиком. Даже если имел, едва ли рискнул.

С самой последней ступеньки у Пакстона соскользнула нога, и он покатился вниз, не имея возможности за что-нибудь ухватиться. В тот же момент вселенную сотряс могучий взрыв, в мозг ворвалась канонада. Оглушенный, он под-

нялся на четвереньки и отчаянными усилиями, превозмогая боль, пополз вниз по лестнице. Сквозь рев, заполонивший весь мир, пробилась исключительной важности мысль: «Я должен его вытащить, пока не поздно! Нельзя допустить, чтобы он там погиб! Я не могу убить человека!»

Он снова потерял равновесие и заскользил вниз, но вскоре застрял в сужении выемки.

Не было грохота орудийных выстрелов, разрывов снарядов, трескотни стрелкового оружия. Под куполом, слабо мерцавшем в лунном свете, царила тишина смерти.

«Нет, смерть здесь не бывает тихой, — подумалось отчего-то Пакстону. — Здесь ад разрушения. Здесь буйствуют громы и молнии, и на смену им никогда не приходит покой».

Пакстон понял: все, что миг назад он видел и слышал, происходило не под куполом, а в его сильно ушибленной голове. Но с минуты на минуту Пертви нажмет кнопку, и тогда конец тишине — и надежде прекратить то, что было так опрометчиво начато.

А где-то в тени купола стояло его второе «я» и спорило с ним, и смеялось над его мягкотелостью, и било его железными аргументами.

Или ты, или он, говорило второе «я». Ты бо-

решься за свое выживание, как умеешь, а умеешь только так, и что бы ты ни предпринял ради победы, будешь абсолютно прав.

— Я не могу так поступить!

Но еще не докричав это до конца, Пакстон понял, что совершает ошибку, что идет против логики и что у циничного второго «я» здравого смысла куда больше, чем у него самого.

Он с трудом поднялся на ноги. Влекомый каким-то неосознанным, а может, и вообще непостижимым инстинктивным побуждением, заковылял вниз по лестнице. По-прежнему в голове пульсировала боль, а в горле удушающим комом стояли вина и страх.

Вот и кнопка. Дверь скользнула вверх, Пакстон шагнул в черный хаос и замер в страхе перед этим царством жуткого одиночества и мстительного опустошения, перед этой квадратной милей, отгороженной от всей прочей земной поверхности, как будто она отведена для Страшного суда.

«Может, это он и есть, — подумалось Пакстону. — Страшный суд над человеком».

«Над всеми нами, — сказал он себе. — Наверное, юный Грэм самый честный из нас. Дедик прав, считая его самым настоящим варваром. Мальчишка — атавизм; он смотрит в прошлое че-

ловечества, и видит его без прикрас, и живет этим прошлым — каким оно было на самом деле».

Пакстон оглянулся и обнаружил, что дверь закрылась. Посмотрел вперед: по истерзанной, опаленной земле движется человеческая фигура. Конечно, это священник, больше некому там идти.

Пакстон побежал к нему, закричал. Священник услышал, обернулся и замер, приподняв пистолет.

Остановившись, Пакстон торопливо засигналил ему руками. Пистолет вскинулся, что-то хлестнуло Пакстону по шее. Он ощутил на коже влагу и лишь затем увидел вдалеке синеватый дымок.

Пакстон прянул в сторону, рухнул плашмя и самым бесславным образом закатился в пыльную воронку. И залег на дне, сжавшись от страха в комок, дожидаясь пули…

Но страх быстро превратился в жгучую ярость.

«Я пришел сюда, чтобы спасти человека, а этот человек пытается меня убить! Надо было оставить его здесь. Да, на верную смерть! Я бы собственными руками его прикончил, если бы мог».

А ведь теперь и впрямь необходимо убить пастора. Выбора нет. Если не расправиться с врагом,

то придется погибнуть самому.

Четверть часа почти истекла. Необходимо прикончить священника и выбраться наружу, прежде чем Пертви откроет огонь.

«Выбраться наружу, — подумал Пакстон. — Каковы шансы не поймать пулю? Если перебежками, укрываясь…

Да, только так, — решил он. — Пробираться к выходу, не теряя времени. Без крайней необходимости не пытаться убить пастора. Этим пусть займется Пертви. Просто выбраться…»

Пакстон приложил к шее пальцы, и они сразу же стали тошнотворно липкими. Странно, что рана не болит. Но боль еще придет, обязательно.

Он вскарабкался по склону воронки, перекатился через ее край и обнаружил, что лежит среди роботов — расколотых, исковерканных, застывших в уродливой позе там, где их нашел гибельный огонь.

А прямо перед собой Пакстон увидел винтовку, выпавшую из рук убитого робота, — без единой царапинки, тускло сияющую в лунных лучах.

Он схватил винтовку и привстал на корточки, и увидел пастора — тот был уже совсем рядом, нависал. Шел удостовериться, что дело сделано.

Теперь не убежать, как намеревался Пакстон

мгновение назад… И странное дело — не было желания убегать. Никогда еще он не испытывал настоящей ярости, ему просто не выпадало такого шанса. И вот она накатила, заполнила его целиком: торжествующая ярость дикаря, способного и готового убивать без колебаний и сожалений.

Пакстон приподнял оружие и положил палец на спусковой крючок. Винтовка заплясала в его руках, страшно треща и исторгая пламя.

А пастор все приближается. Уже не бежит, но упорно шагает, клонясь вперед, как будто его тело, поглощающее смертоносный огонь, движимое одной лишь силой воли, не может отдаться смерти, пока не расправится с тем, кто обрек его на эту смерть.

Вскинулась рука с пистолетом, и что-то ударило Пакстону в грудь, а потом еще и еще, — и полетели брызги, и потекла жидкость по коже, и самым краешком разума Пакстон осознал: что-то не так.

Ведь не могут же два человека с пяти шагов всаживать друг в друга пули и не падать. Как бы плохо ни целились стрелки, невозможно устоять под таким огнем.

Пакстон выпрямился во весь рост, опустил винтовку. Остановился в двух шагах и пастор, отбросив пистолет.

В мертвенном свете луны они смотрели друг на друга. Ярость угасала, и Пакстону страстно хотелось проснуться.

— Пакстон, — грустно заговорил наемный убийца, — кто сделал это с нами?

Странный вопрос. Еще бы этот тип поинтересовался: «Кто помешал нам прикончить друг друга?»

Мелькнула мысль, что было бы, пожалуй, гуманнее не мешать. Ибо в каноне расы землян убийство — дело храброе и благородное, применение силы — род искусства и доказательство мужественности. А может, и самой человечности.

Но невозможно убить пластиковой капсулой, которая реалистичности ради при контакте лопается и разливает свое содержимое. Невозможно убить из игрушечной винтовки, как бы правдоподобно ни исторгала она огонь, дым и грохот.

И что же получается? Этот полигон — всего-навсего набор игрушечных солдатиков-роботов, которые в пылу «битвы» разлетаются на части и которых потом можно собрать заново? Боеприпасы полной конверсии — не более чем петарды, дающие исключительно шумовой и световой эффект? А еще, наверное, есть несколько устройств,

которые перепахивают игровое поле, но не способны причинить вред роботу…

— Пакстон, — сказал наемный убийца, — я себя чувствую форменным идиотом.

И добавил несколько слов, которых никогда не услышишь от настоящего священника.

— Уходим, — буркнул Пакстон, чувствуя себя абсолютно так же.

— Интересно, как…

— Забудь, — перебил Пакстон. — Надо поскорей отсюда выбраться. Пертви сейчас начнет…

Но он не договорил, сообразив: если Пертви и начнет, огонь будет не опасен. Да и не начнет робот, ведь он не может не знать о присутствии людей на полигоне. Этакая металлическая нянька, присматривающая за шалящими питомцами…

Питомцы шалят, потому что они не взрослые. Пусть резвятся на воле, пусть играют во что хотят, пока не перебесятся. Лишь бы не утонули, не свалились с крыши или как-нибудь иначе не убились. Вмешаться можно только для того, чтобы дитя не сломало себе сдуру шейку. Няньке даже позволительно принимать участие в игре, по чисто человеческой традиции изображая увлеченность. Нянька позволяет детям разви-

ваться, не мешает им выпячивать наивное эго, не подавляет естественную потребность ощущать собственную значимость, пестует веру в свою самодостаточность.

Пакстон поплелся к выходу, следом затопал человек в изгвазданном облачении священника. Когда они оказались в сотне футов от двери, та скользнула вверх. В проеме стоял Пертви, ждал. Совсем такой же, как прежде… но нет: появилась в его осанке толика важности.

Политик и наемный убийца достигли дверного проема и пристыженно вышли наружу, не глядя ни вправо, ни влево, старательно делая вид, что не замечают присутствия робота.

— Джентльмены, — обратился к ним тот, — не желаете ли сыграть?

— Нет уж, спасибо, — ответил Пакстон. — Я, конечно, не могу говорить за нас обоих…

— Можешь, приятель, — перебил его пастор. — Продолжай.

— Мы с другом уже наигрались, — пояснил Пакстон. — И благодаря тебе остались живы и здоровы. Ты молодчина.

Робот изобразил удивление:

— Это всего лишь игра! Разве может игра быть опасной для жизни и здоровья?

— Вот мы и убедились в этом. Как нам отсюда выбраться?

— Любой путь годится, — ответил робот, — кроме пути назад.

Поведай мне свои печали…
Перевод О. Битова

Была суббота, и дело шло к вечеру, так что я устроился на крылечке и решил как следует поддать. Бутылку я держал под рукой, настроение у меня было приподнятое и поднималось все выше, и тут на дорожке, ведущей к дому, показались двое — пришелец и его робот.

Я сразу смекнул, что это пришелец. Выглядел он, в общем-то, похожим на человека, но за людьми роботы по пятам не таскаются.

Будь я трезв как стеклышко, у меня, может, глаза слегка и полезли бы на лоб: с чего бы пришельцу взяться у меня на дорожке, — и я бы хоть чуточку усомнился в том, что вижу. Но трезв я не был, вернее, был уже не вполне трезв.

Так что я ответил пришельцу: «Добрый вечер», — и предложил присесть. А он ответил: «Спасибо», — и сел.

— Ты тоже садись, — обратился я к роботу и подвинулся, чтоб ему хватило места.

— Пусть стоит, — ответил пришелец. — Он не умеет сидеть. Это просто машина.

Робот лязгнул на него шестеренкой, а больше ничего не сказал.

— Глотни, — предложил я, приподнимая бутылку, но пришелец только головой помотал.

— Не смею, — ответил он. — Метаболизм не позволяет.

Это как раз из тех хитроумных слов, с какими я немного знаком. Когда работаешь в лечебнице у доктора Абеля, поневоле поднахватаешься медицинской тарабарщины.

— Какая жалость! — воскликнул я. — Не возражаешь, если я хлебну?

— Нисколько, — сказал пришелец.

Ну я и хлебнул от души. Видно, чувствовал, что выпить надо позарез. Потом я поставил бутылку, вытер губы и спросил, нет ли чего другого, чем можно бы его угостить. А то с моей стороны ужасно негостеприимно было сидеть и лакать виски, а ему даже и не предлагать.

— Вы можете рассказать мне про этот город, — ответил пришелец. — Кажется, его имя Милвилл?

— Милвилл, это точно. А что тебе надо про него знать?

— Всевозможные грустные истории, — сказал робот. Он наконец решил заговорить.

— Робот не ошибается, — подтвердил пришелец, устраиваясь поудобнее в позе, явно выражающей предвкушение. — Поведайте мне обо всех здешних бедах и несчастьях.

— А с чего начать? — поинтересовался я.

— Хотя бы с себя.

— С меня? У меня никогда не было никаких несчастий. Всю неделю я подметаю в лечебнице, а по субботам надираюсь в дым. За воскресенье мне надо протрезветь, чтобы с понедельника начать подметать снова. Поверь мне, мистер, — втолковывал я ему, — нет у меня несчастий. Сижу я на своем месте крепко. Свожу концы с концами…

— Но, вероятно, есть и другие…

— Что есть, то есть. Ты за всю жизнь не слышал столько жалоб, сколько нынче развелось в Милвилле. Тут у всех, кроме меня, целая прорва всяких бед. Еще куда бы ни шло, если б они не трепались про эти беды направо и налево…

— Вот и расскажите мне, — перебил он.

Пришлось хлебнуть еще разок и рассказать ему про вдову Фрай, что живет чуть дальше по улице. Я сказал, что вся ее жизнь была сплошной мукой: муж сбежал от нее, когда сынишке исполнилось три годика и она брала стирку, а потом, когда сыну исполнилось тринадцать или

четырнадцать, не больше, он угнал машину, и его отправили на два года в исправительную колонию в Глен-Лейк.

— И это все? — спросил пришелец.

— В общих чертах все, — ответил я. — Но я, конечно, упустил многие цветистые и мрачные подробности из тех, до которых так охоча вдова. Послушал бы ты, как она сама об этом рассказывает…

— А вы можете это устроить?

— Что устроить?

— Чтоб она сама мне обо всем рассказала.

— Обещать не могу, — заявил я честно. — Вдова обо мне невысокого мнения. Она со мной и говорить не захочет.

— Но я не понимаю…

— Она достойная, богобоязненная женщина, — объяснил я, — а я подлый бездельник. Да еще и пьяница.

— Она что, не любит пьяниц?

— Она полагает, что пить — грех.

Пришелец вроде как вздрогнул.

— Ясно. Видно, всюду, как присмотришься, одно и то же.

— Значит, и у вас есть такие, как вдова Фрай?

— Не совсем такие, но с такими же взглядами.

— Ну что ж, — сказал я, приложившись еще разочек, — значит, другого выхода у нас нет. Как-нибудь продержимся…

— Вас не слишком затруднит, — осведомился пришелец, — рассказать мне еще про кого-нибудь?

— Что ты, вовсе нет, — заверил я.

И рассказал ему про Элмера Троттера, который зубами прогрыз себе дорогу в юридическую школу в Мэдисоне, не гнушаясь никаким занятием, лишь бы заработать на ученье, — ведь родителей у него не было. Он окончил курс, сдал экзамены на адвокатское звание, вернулся в Милвилл и открыл собственную контору.

Я не мог передать пришельцу, как это случилось и почему, хотя про себя всегда считал, что Элмер был по горло сыт бедностью и ухватился за первый шанс зашибить деньгу. Никто, наверное, не понимал лучше его, что сделка бесчестная, — он же был юрист, не что-нибудь. Однако он все равно не отступился, и его поймали.

— И что потом? — спросил пришелец, затаив дыхание. — Он был наказан?

И я рассказал ему, что Элмера лишили права на адвокатуру, а Элиза Дженкинс расторгла помолвку и вернула ему кольцо, и пришлось Элмеру

стать страховым агентом и влачить самое жалкое существование. Как он только ни пыжился, чтобы вернуть себе адвокатскую практику, да ни шиша у него больше не вышло.

— Ты все записал? — спросил пришелец у робота.

— Все записано, — ответил тот.

— Какие потрясающие нюансы! — воскликнул пришелец. — Какая жестокая, всеподавляющая реальность!..

Я не мог взять в толк, о чем это он, ну и попросту еще выпил.

А потом продолжал, не дожидаясь новых просьб, и рассказал про Аманду Робинсон и ее несчастную любовь и про то, как она стала самой благонравной и унылой из милвиллских старых дев. И про Эбнера Джонса и его бесконечные неудачи: он никак не желал расстаться с убеждением, что родился великим изобретателем, и семья у него жила впроголодь и в рванье, а он только и знал, что изобретать…

— Какая скорбь! — воскликнул пришелец. — Какая замечательная планета!..

— Лучше бы вы закруглялись, — предупредил его робот. — Вам же известно, что будет дальше…

— Ну еще одну, — взмолился пришелец. — Я ни

в одном глазу. Одну самую-самую последнюю…

— Послушай, — сказал я ему. — Я не против рассказывать тебе байки, раз тебе этого хочется. Но, может, ты сначала расскажешь хоть немножко о себе. Я понимаю так, что ты пришелец…

— Разумеется, — ответил пришелец.

— И ты прилетел к нам в космическом корабле?

— Ну не то чтобы в корабле…

— Но если ты пришелец, отчего ты говоришь по-нашему так гладко?

— А, вот вы про что, — сказал пришелец. — Это для меня не очень приятный вопрос.

Робот сокрушенно пояснил:

— Они обобрали его до нитки.

— Значит, ты заплатил за это?

— Непомерно много, — ответил робот. — Они увидели, что ему невтерпеж, и взвинтили цену.

— Но я с ними расквитаюсь, — вставил пришелец. — Если я не сумею извлечь из этой поездки прибыль, пусть меня никогда больше не назовут…

И он произнес что-то длинное, заковыристое и совершенно бессмысленное.

— Это тебя так зовут? — спросил я.

— Конечно. Но вы зовите меня Вильбур. А робо-

та — робота можете звать Лестер.

— Привет, ребята. Очень рад с вами познакомиться. Меня зовут Сэм, — сказал я и глотнул еще чуточку.

Мы сидели на крылечке, и всходила луна, и светлячки мерцали в зарослях сирени, и мир готов был пуститься в пляс. Мне еще никогда в жизни не было так хорошо.

— Ну еще одну, — умоляюще произнес Вильбур.

Тогда я пересказал ему несколько историй болезни, заимствованных из психолечебницы. Я старался выбирать случаи потяжелее, и Вильбур принялся реветь, а робот заявил:

— Сами видите, что вы наделали. У него пьяная истерика.

Но тут Вильбур вытер глаза и сообщил, что все в порядке и чтобы я только не останавливался, а уж он постарается как-нибудь сдержать себя.

— Что такое? — спросил я, слегка удивившись. — Ты что, хмелеешь от этих грустных историй?

— А вы что думали? — ответил робот Лестер. — Зачем бы ему иначе сидеть и слушать вашу болтовню?

— А ты тоже хмелеешь? — осведомился я у

Лестера.

— Конечно нет, — ответил Вильбур. — Он лишен эмоций. Это просто машина.

Я хлебнул еще разок и хорошенько все обдумал, и все сделалось ясно как день. И я поведал Вильбуру свою жизненную философию:

— Сегодня субботний вечер, самое время налакаться и поплакаться в жилетку. Так что давай…

— Я — за, — всхлипнул Вильбур, — пока у вас язык ворочается, я — за…

Лестер лязгнул шестеренкой, вероятно выражая свое неудовольствие, но смолчал.

— Запиши все до слова, — приказал Вильбур роботу. — Мы заработаем на этом миллион. Надо же вернуть себе то, что переплачено за обучение! — Он тяжко вздохнул. — Нет, я не жалею о деньгах. Что за прелестная, преисполненная скорбей планета!

И я завелся и уже не снижал оборотов, и ночь становилась все краше с каждой благословенной минутой.

Где-то к полуночи я надрался до того, что едва держался на ногах, а Вильбур — до того, что икал от слез, и мы, вроде как по обоюдному согласию, сдались. Мы поднялись с крылечка и в обнимку прошли через дверь в дом, правда, я потерял

Вильбура по дороге, но до кровати кое-как добрел, а больше ничего не помню.

Когда я проснулся, то сразу понял, что уже воскресное утро. Солнце било сквозь окно, было ясно и пахло ханжеством, как всегда по воскресеньям в наших краях.

Обычно по воскресеньям тихо, и этого одного довольно, чтобы не любить воскресений. Однако сегодняшнее выдалось вовсе не тихим — снаружи доносился ужасный шум, словно кто-то швырял камнями в пустую консервную банку.

Я выкатился из постели, и вкус у меня во рту был такой пакостный, какой и следовало ожидать. Тогда я протер глаза, а то в них будто песку насыпали, и потопал в другую комнату, и только перешагнул порог, как едва не наступил на Вильбура.

Сперва я здорово испугался, а потом припомнил, кто это, и застыл, глядя на него и не слишком веря своим глазам. Подумал, что он, не дай бог, мертв, но тут же убедился — живой. Он лежал на спине плашмя, раскрыв свою плоскую, как у сома, пасть, и похожие на перья усики у него над губой при каждом вздохе вставали торчком, а затем опадали.

Я перешагнул через него и направился к двери

разобраться, что за тарарам на дворе. Там стоял Лестер, робот, в точности на том месте, где мы оставили его вечером, а на дорожке собралась ватага ребятни и кидала в него камнями. Ребятня попалась меткая, как по заказу: что ни бросок, то в Лестера, почти без промаха.

Я цыкнул на них, и они бросились врассыпную. Им ли было не знать, какую я могу задать трепку…

Только-только я собрался вернуться в дом, как на дорожку влетела машина. Из нее выпрыгнул Джо Флетчер, наш констебль, и я сразу понял, что настроеньице у него — не приведи господи. Джо остановился перед крыльцом, упер руки в боки и принялся сверлить нас взглядом — сначала Лестера, потом меня.

— Сэм, — спросил он с отвратительной усмешкой, — что тут происходит? Один из твоих сиреневых слонов ожил и явился к тебе на постой?

— Джо, — сказал я торжественно, пропуская оскорбление мимо ушей, — разреши представить тебе Лестера.

Джо совсем уже изготовился заорать на меня, как вдруг в дверях показался Вильбур.

— А это Вильбур, — добавил я. — Вильбур — пришелец, а Лестер, как ты сам понимаешь…

— Вильбур — кто? — гаркнул Джо.

Вильбур выступил на крыльцо и объявил:

— Что за скорбное лицо! И сколь благородное притом!..

— Он тебя имеет в виду, — пояснил я констеблю.

— Если вы вздумаете продолжать в том же духе, — прорычал Джо, — я засажу вас обоих в каталажку.

— Я не хотел вас обидеть, — сказал Вильбур. — Если я ненароком задел ваши чувства, то готов принести извинения.

Чувства Джо — с ума сойти можно!

— Вижу с первого взгляда, — продолжал Вильбур, — что жизнь вас не баловала…

— Чего не было, того не было, — согласился Джо.

— Мне тоже пришлось несладко, — сказал Вильбур, усаживаясь на ступеньку. — А теперь настали деньки, когда, как ни старайся, не отложишь и цента.

— Мистер, вы правы, — откликнулся Джо. — Ну точно это же я сказал своей хозяйке нынче утром, когда она взялась пилить меня, что у детишек башмаки прохудились…

— Просто чудо, как еще удается заработать себе

на хлеб.

— Слушайте, вы же еще ничего не знаете!..

И разрази меня гром, не успел я и до трех сосчитать, как Джо уселся рядом с пришельцем и начал выкладывать ему свои горести.

— Лестер, — предупредил Вильбур, — не забудь записать все это...

Я поплелся обратно в дом и быстренько опрокинул стопку, чтоб успокоить желудок, прежде чем приступать к завтраку. Есть, в общем-то, не хотелось, но я понимал, что надо. Я отыскал яйца и бекон и задумался, чем же кормить Вильбура. Мне вдруг припомнилось, какой у него странный метаболизм, что не выносит спиртного, а если пришельцу не по нутру добрый виски, то не похоже, чтоб он набросился на яичницу с беконом.

Не успел я покончить с завтраком, как через заднюю дверь ко мне на кухню ворвался Хигмен Моррис. Хигги — наш мэр, столп церкви, член школьного совета, директор банка и вообще шишка на ровном месте.

— Сэм, — завопил он, — довольно наш город от тебя натерпелся! Мы мирились с твоим пьянством, с твоей никчемностью и с отсутствием патриотизма. Но это уже слишком!

Я вытер яйцо с подбородка.

— Что — слишком?

Хигги едва не задохнулся от негодования.

— Это публичное представление! Этот бесплатный цирк! Нарушение общественного порядка! И еще в воскресенье!..

— Вон оно что, — сказал я, — вы намекаете на Вильбура и его робота.

— Перед домом собирается толпа, мне звонили уже человек десять, а Джо сидит себе там с твоим… твоим…

— Пришельцем, — подсказал я.

— И они ревут, обнявшись, как трехлетние дети, и… Что? Пришельцем?..

— Точно, — подтвердил я. — Кем же еще он, по-вашему, может быть?

Хигги дрожащей рукой подтянул к себе стул и бессильно опустился на сиденье.

— Сэмюэль, — тихо сказал он, — повтори-ка свои слова еще раз. Кажется, я чего-то недослышал.

— Вильбур — пришелец, — повторил я ему, — из другого мира. Он и робот явились к нам, чтобы слушать грустные истории.

— Грустные истории?

— Точно. Ему нравятся грустные истории. Одним нравятся истории веселые, другим похабные,

а ему вот грустные.

— Он пришелец, — произнес Хигги, ни к кому не обращаясь.

— Пришелец, пришелец, не сомневайтесь, — отозвался я.

— Ты в этом совершенно уверен?

— Совершенно.

Хигги разволновался.

— Неужели ты не понимаешь, что это значит для Милвилла! Наш малюсенький городок — первое место на Земле, которое посетил пришелец!

Я хотел только одного: чтоб он заткнулся и убрался восвояси — и дал мне опрокинуть стопку после завтрака. Хигги не употреблял спиртного, особенно по воскресеньям. Он, чего доброго, умер бы от ужаса.

— К нам теперь будут ломиться со всего света! — закричал Хигги. Вскочив со стула, он кинулся из кухни в комнату. — Я обязан официально приветствовать высокого гостя!..

Я поплелся следом за ним — я не простил бы себе, если б упустил такое зрелище.

Джо успел уйти, Вильбур сидел на крылечке в одиночестве, и я-то видел, что он уже основательно нагрузился. Хигги приблизился к нему, выпятил грудь, простер вперед руку и завел тор-

жественно, по полной форме:

— Мне как мэру города Милвилла доставляет величайшее удовольствие передать вам наш сердечный привет…

Вильбур пожал ему руку и сказал:

— Быть главой города — высокая честь и большая ответственность. Уму непостижимо, как вы не сгибаетесь под тяжестью подобной ноши.

— Признаться, временами… — вымолвил Хигги.

— Но вы, как видно, принадлежите к числу людей, озабоченных всецело благополучием ближнего своего, а потому, естественно, вынуждены повседневно сталкиваться с непониманием и неблагодарностью…

Хигги грузно опустился на ступеньки.

— Сэр, — обратился он к Вильбуру, — вы не поверите, сколько мук мне приходится выносить.

— Лестер, — произнес Вильбур, — не забудь записать…

Я ушел в дом. Этого я переварить не мог.

На улице уже собралась целая толпа: мусорщик Джейк Эллис, хозяин «Веселого мельника» Дон Майерс и множество других. И там же — ее оттирали все кому не лень, а она все равно высовывалась — крутилась вдова Фрай. Люди как раз

шли в церковь, ну и останавливались по пути поглазеть, потом топали дальше, но на их месте тут же появлялись другие, и толпа нисколько не редела, а, напротив, росла и росла.

Я пошел на кухню и опрокинул свою стопку, вымыл посуду и опять задумался, чем бы покормить Вильбура. Хотя в данный момент он, судя по всему, не слишком-то нуждался в еде.

Потом я перешел в комнату, сел в кресло-качалку и скинул с ног сапоги. Я сидел в качалке, шевеля пальцами ног и размышляя о том, что за дикая у Вильбура привычка надуваться печалью вместо доброго алкоголя.

День выдался теплый, а я притомился, и покачивание, должно быть, навеяло на меня дремоту, потому что вдруг я очнулся и понял, что не один. Я не сразу увидел, кто это, но все равно знал, что в комнате кто-то есть.

Это оказалась вдова Фрай. Она надела свое воскресное платье — после стольких-то лет, когда она проходила мимо по противоположной стороне улицы, словно вид моей халупы или мой собственный вид могли осквернить ее зрение, — после стольких-то лет она явилась ко мне, разодевшись и сияя улыбкой! А я сижу себе похмельный и в одних носках.

— Сэмюэль, — сказала вдова Фрай, — не могу не поделиться с тобой. По-моему, твой мистер Вильбур — просто чудо…

— Он пришелец.

Я едва-едва проснулся и был еще порядком не в себе.

— Какая мне разница, кто он! — воскликнула вдова. — Он джентльмен, преисполненный такого сочувствия… Ни капельки не похож на жителей этого ужасного города.

Я вскочил на ноги, не зная, в сущности, что предпринять. Она застала меня врасплох, в самом что ни на есть непрезентабельном виде. Уж кого-кого со всего белого света я мог ждать к себе в гости, только не ее. Я чуть не предложил ей выпить, да хорошо — в последнюю секунду опомнился.

— Вы что, говорили с ним? — спросил я, заикаясь.

— И я, и все остальные, — ответила вдова Фрай. — Он такой обаятельный! Поделишься с ним своими заботами — и они вроде как улетучатся. Там целая уйма народу ждет своей очереди.

— Ну что ж, — сказал я ей, — рад слышать это от вас. Но как он выдерживает такую нагрузку?

Вдова придвинулась поближе ко мне и снизила

голос до шепота:

— По-моему, он изнемогает. Я бы сказала… я бы сказала, что он в состоянии опьянения, если бы не боялась его обидеть.

Я быстренько взглянул на часы.

— Мама родная! — вырвалось у меня.

Было уже почти четыре часа дня. Вильбур просидел там шесть или семь часов подряд, поглощая без разбора все печали, какие только мог предложить ему этот городишко. Сейчас он, дело ясное, насосался до самых бровей.

Я кинулся к двери — и точно, Вильбур сидел на крылечке, слезы текли у него по лицу, и слушал он не кого-нибудь, а Джека Риттера, — а враля нахальнее, чем старина Джек, не встретишь ни в нашей округе, ни в соседних. Он наверняка выкладывал Вильбуру чистый бред, который выдумывал с ходу.

— Извини, Джек, — бросил я, поднимая Вильбура на ноги.

— Но я как раз говорил ему о том…

— Ступай домой! — цыкнул я на него. — И остальные тоже! Вы его вымотали до упора…

— Мистер Сэм, — признался Лестер, — как я рад, что вы пришли. Меня он совсем не слушался.

Вдова Фрай придержала дверь, а я втащил

Вильбура в дом и положил его на свою кровать, чтоб он проспался. Вдова подождала меня на крылечке.

— Знаете что, Сэмюэль, — сказала она, — я приготовила на ужин цыплят. Их у меня больше, чем я могу съесть одна. Не хотите ли зайти и составить мне компанию?

Я просто онемел на мгновение, потом покачал головой.

— Спасибо за приглашение, только я должен последить за Вильбуром. На робота он — ноль внимания.

Вдова была разочарована.

— Может, как-нибудь в другой раз?

— Да, как-нибудь в другой раз.

Когда она удалилась, я вышел снова и пригласил в дом Лестера.

— Ты можешь сесть, — спросил я, — или должен стоять?

— Я должен стоять, — ответил Лестер.

Тогда я успокоился — пусть стоит, — а сам сел в качалку.

— Что ест Вильбур? — спросил я. — Он, наверное, проголодался.

Робот раскрыл дверцу посередине груди и достал странного вида бутылочку. Он встряхнул ее,

и я услышал, как внутри что-то задребезжало.

— Вот его пища, — сказал Лестер. — Он принимает по бутылочке в день.

Лестер уже собирался отправить бутылочку обратно, как вдруг из дверцы выпала тугая объемистая пачка. Робот нагнулся и подобрал ее.

— Деньги, — пояснил он.

— Значит, у вас там тоже есть деньги?

— Эти нам дали, когда мы прошли обучение. Стодолларовые купюры.

— Стодолларовые?..

— Иначе получилось бы слишком громоздко, — учтиво ответил Лестер, запихнул деньги и бутылочку обратно вглубь груди и защелкнул дверцу.

Я сидел как в тумане. Стодолларовые купюры!..

— Лестер, — посоветовал я, — не следовало бы, пожалуй, показывать эти деньги кому попало. Не ровен час, попробуют отнять.

— Знаю, — ответил Лестер, — и держу при себе.

Он похлопал себя по груди. Такой хлопок без труда снес бы человеку голову с плеч.

Я сидел, покачиваясь в кресле, и от обилия разных мыслей казалось, что мозг мой тоже раскачивается взад-вперед в такт с креслом. Во-первых, Вильбур со своим диковинным способом

напиваться, во-вторых, поведение вдовы Фрай, да еще эти стодолларовые купюры!

Особенно стодолларовые купюры.

— Слушай, что там у вас получилось с обучением? — поинтересовался я. — Ты упомянул, что оно нелегальное…

— Самое что ни на есть нелегальное, — ответил Лестер. — Этим занимается один растленный тип, который прокрался сюда и записал все на пленку, а теперь торгует потихоньку…

— Но почему прокрался? Почему потихоньку?

— Запретная зона, — ответил Лестер. — Вне пределов разрешенного. За чертой дозволенного. Ясно ли я выражаюсь?

— И этот растленный тип догадался, что можно продать вам информацию, записанную на пленку, и эту… Как ты сказал?..

— Модель чужой культуры, — ответил Лестер. — Ваша логика ведет вас по верному пути, однако это в действительности не столь просто.

— Наверное, нет, — согласился я. — И тот же растленный тип заграбастал ваши денежки, не так ли?

— Вот именно. Заграбастал целую кучу денег.

Я посидел еще немного, потом пошел взглянуть на Вильбура — тот спал без просыпа, при вдохе

втягивая усики в свою сомовью пасть, а при выдохе выплевывая их обратно. Тогда я отправился на кухню и приготовил себе обед.

Только-только я поел, как в дверь постучали. На сей раз это оказался доктор Абель из лечебницы.

— Добрый вечер, док, — сказал я. — Сейчас я организую чего-нибудь выпить.

— Проживу без выпивки, — отозвался док. — Лучше покажи мне своего пришельца.

Он двинулся в комнату, увидел Лестера, да так и остолбенел. Лестер, надо думать, понял, что доктор удивлен не на шутку, и постарался тотчас же его успокоить:

— Я так называемый робот пришельца. Невзирая на тот очевидный факт, что я просто машина, я в то же время преданный слуга. Если вы хотите поведать нам свои печали, можете конфиденциально сообщить их мне. А я не премину передать их своему хозяину.

Доктор как будто слегка попятился, но на ногах все же удержался.

— Вы принимаете любые печали, — спросил он, — или вам желателен какой-то особый сорт?

— Хозяин, — отвечал Лестер, — предпочитает глубокую скорбь, но не отказывается и от печалей всякого иного рода.

— Вильбур от них косеет, — вставил я. — Сейчас он в спальне, дрыхнет с перепою.

— Более того, — продолжал Лестер, — говоря между нами, такой товар нетрудно и продать. У нас дома найдется немало страстных охотников до первосортных горестей, присущих данной планете.

Брови у доктора взлетели так высоко, что почти коснулись шевелюры.

— Тут все по чести, — заверил я его. — Без всяких фокусов. Хотите взглянуть на Вильбура?

Док кивнул. Я подвел его к кровати, и мы застыли у изголовья, глядя на Вильбура сверху вниз. Когда пришелец спал вытянувшись, то представлял собой премерзкое зрелище.

Док поднял руку ко лбу и с силой провел ею по лицу, оттягивая челюсть и приобретая сходство с ищейкой. Его большие, толстые, отвислые губы издали под ладонью хлюпающий звук.

— Будь я проклят! — произнес док.

Тут он повернулся и вышел из спальни, а я потащился следом. Док, не задерживаясь, направился к двери и вышел на улицу. Спустился немного по дорожке, потом остановился и подождал меня, а потом внезапно, вытянув руки, схватил меня за грудки — рубаха до того натянулась, чуть не

лопнула.

— Сэм, — сказал он, — ты у меня работаешь много лет и вроде становишься стар. Большинство других на моем месте уволили бы тебя, старика, и наняли кого помоложе. Я вправе уволить тебя в любую минуту, когда захочу.

— Наверное, так, — ответил я и испытал гнусное чувство, потому что раньше ни разу не задумывался, что меня когда-нибудь уволят. Подметаю я в лечебнице на совесть и не чураюсь грязной работы. Представляете, как это будет скверно, когда придет очередная суббота, а у меня не окажется денег на выпивку!

— Ты был преданный и честный работник, — продолжал между тем док, вцепившись мне в рубаху, — а я добрый хозяин. Я всегда ставил тебе бутылку на Рождество и еще одну на Пасху.

— Все точно, — подтвердил я. — Все до последнего слова.

— Ты же не станешь водить за нос своего друга доктора, — сказал док. — Всех остальных в этом глупом городишке, может, и станешь, а своего друга доктора — нет.

— Но, док, — запротестовал я, — я и не вожу никого за нос…

Док наконец отпустил мою рубаху.

— Бог с тобой, я и не думаю, что водишь. Все действительно так, как мне говорили? Он сидит, выслушивает чужие беды, и те, кто побеседовал с ним, сразу чувствуют себя лучше?

— Вдова Фрай уверяет, что да. Говорит, посидела с ним, и заботы вроде как улетучились.

— Святая правда, Сэм?

— Святая правда.

Доктор Абель разволновался. Он опять схватил меня за рубаху.

— Ты что, не видишь, что на нас свалилось? — чуть не закричал он на меня.

— На нас? — переспросил я.

Он не обратил на это внимания.

— Величайший психиатр, — изрек док, — какого когда-либо знал мир! Крупнейший вклад в психиатрию с самого начала времен! Понимаешь, к чему я клоню?

— Пожалуй, понимаю, — сказал я, хотя не понял ровным счетом ничего.

— Больше всего, — изрек док, — человечество нуждается в ком-то или в чем-то, на кого или на что можно перевалить свои заботы. В ком-то, кто одним магическим касанием изгонит все тревоги. Суть дела тут, разумеется, в исповеди — в том, чтобы символически переложить свою

ношу на чужие плечи. Один и тот же принцип срабатывает в церковной исповедальне, в профессиональной психиатрии и в дружбе — дружба глубока и прочна лишь тогда, когда на плече у друга можно поплакаться…

— Док, вы правы, — сказал я, начиная помаленьку соображать, что к чему.

— Беда в том, что принимающий исповедь тоже человек. И по-человечески ограничен. Тому, кто исповедуется, это известно. Исповедник не в силах гарантировать, что сумеет разделить любое несчастье, любую страсть. А здесь перед нами нечто принципиально иное. Пришелец — существо со звезд, не связанное человеческими предрассудками. Из самого определения следует, что он в состоянии принять любые печали и вобрать их своим нечеловеческим естеством…

— Док, — завопил я, — если бы вы заполучили Вильбура в лечебницу!..

Док мысленно потирал руки.

— Именно об этом я и подумал.

С каким удовольствием я дал бы себе пинка под зад за свой неумеренный восторг! Теперь я сделал все, что мог, лишь бы вернуть утраченные позиции.

— Не знаю, док. С Вильбуром, наверное, не сго-

вориться.

— Ну что ж, давай вернемся и попробуем.

— Не знаю, — упирался я.

— Нельзя терять ни минуты. К утру слухи расползутся на много миль, и здесь будет не продохнуть от газетчиков, телевизионных фургонов и бог весть кого еще. Набегут ученые сопляки, правительственные агенты, и дело выскользнет из наших рук.

— Лучше я потолкую с ним с глазу на глаз, — сказал я. — У него, не ровен час, язык с перепугу отнимется, если вы начнете путаться под ногами. А меня он знает и, может, послушает…

Как ни крутился док, как ни мялся, но в конце концов согласился.

— Я подожду в машине, — предложил он. — Если понадоблюсь, позовешь.

Хрустя гравием, он ушел по дорожке к своей машине, а я возвратился в дом.

— Лестер, — обратился я к роботу, — мне необходимо поговорить с Вильбуром. Это очень важно.

— Никаких грустных историй, — предупредил Лестер. — На сегодня с него хватит.

— Нет-нет. У меня к нему предложение.

— Предложение?

— Сделка. Деловое соглашение.

— Ладно, — согласился Лестер, — я его подниму.

Поднять его оказалось не так-то просто, но в конце концов мы вынудили его проснуться и сесть в постели.

— Вильбур, слушай меня внимательно, — начал я. — Я тут припас кое-что специально для тебя. Есть такое место, где всех терзают страшные заботы и ужасающие печали. Понимаешь, не некоторых, а всех без исключения. Эти люди настолько озабочены и скорбны, что не могут жить с другими вместе.

Вильбур выбрался из постели и, покачиваясь, встал на ноги.

— В-веди м-меня туда немедля, — произнес он.

Я толкнул его обратно на кровать.

— Это не так просто. Туда нелегко проникнуть.

— Но вы как будто сказали…

— Понимаешь, у меня есть друг, который может это для тебя устроить. Но, пожалуй, потребуются деньги…

— Приятель, — заявил Вильбур, — денег у нас вагон. Сколько тебе нужно?

— Трудно сказать заранее.

— Лестер, передай ему деньги, чтоб он обо всем договорился.

— Хозяин, — воспротивился Лестер, — не знаю, стоит ли…

— Сэм заслуживает доверия, — заявил Вильбур. — Он не хапуга и не потратит ни на цент больше, чем необходимо.

— Ни на цент, — пообещал я.

Лестер отворил дверцу у себя на груди и вручил мне пачку стодолларовых купюр, а я кое-как запихнул ее в карман.

— Ждите меня здесь, — объявил я им, — пока я не повидаюсь со своим другом. Я скоро вернусь.

И я быстренько занялся сложением и вычитанием, теряясь в догадках, какую же сумму можно вытрясти из доктора Абеля. Не мешает сперва заломить побольше, чтобы было что уступить, когда док примется рычать, стонать и плакать и напоминать мне, что мы с ним старые друзья и что он всегда ставил мне бутылку на Рождество и еще одну на Пасху.

Я собрался уже выйти из комнаты — и остолбенел.

В дверях стоял второй Вильбур. Хотя едва я пригляделся к нему попристальнее, сразу уловил некоторую разницу. И не успел новый Вильбур и слова вымолвить, не успел и шагу ступить, как я испытал тошнотворное чувство, что все покати-

лось вкривь и вкось.

— Добрый вечер, сэр, — сказал я. — Очень мило с вашей стороны заглянуть ко мне.

Он и ухом не повел.

— Я вижу, у вас гости. Прискорбно, но придется разлучить их с вами.

Лестер заскрежетал у меня за спиной, словно у него шестеренки поотваливались, а Вильбур — я увидел уголком глаза — вытянулся, будто палку проглотил, и побелел как полотно.

— Ну зачем же так, — вступился я. — Они едва-едва прибыли…

— Вы не улавливаете сути дела, — сообщил пришелец, стоящий в дверях. — Они нарушители закона. Я уполномочен забрать их.

— Приятель, — обратился ко мне Вильбур, — я искренне сожалею. Так я и знал, что ничего у нас не выйдет.

— Теперь, — заявил Вильбуру второй пришелец, — вы окончательно убедились в этом и оставите свои попытки…

Все было яснее ясного, довольно было чуть пошевелить мозгами — даже удивительно, как я не додумался до этого раньше. Ведь если Земля запретна для авантюристов, собиравших информацию для обучения Вильбура, то тем более…

— Мистер, — обратился я к пришельцу, что застрял в дверях, — тут имеется кое-что, в чем вы, по-видимому, не отдаете себе отчета. Не могли бы мы с вами обсудить это дело один на один?

— Буду рад, — отвечал пришелец вежливо до боли, — но, пожалуйста, поймите, что я обязан выполнить свой долг.

— Ну о чем речь, — сказал я.

Пришелец отделился от двери, подал знак — и в комнату ввалились два робота, до того стоявшие за дверью, где я их не видел.

— Меры безопасности приняты, — заявил пришелец, — и мы вправе удалиться для разговора. Готов слушать вас со всем вниманием…

Тогда я вышел на кухню, а он следом за мной. Я сел у стола, он напротив.

— Должен принести вам извинения, — степенно сказал он. — Этот негодяй проник на вашу планету и лично к вам обманным путем.

— Мистер, — сказал я в ответ, — ничего-то вы не поняли. Мне этот ваш перебежчик нравится.

— Нравится? — переспросил он, потрясенный. — Но это немыслимо! Он — ничтожный пропойца, более того…

— Более того, — закончил я за пришельца, перехватывая инициативу, — он приносит нам

уйму пользы!

Пришельца будто током ударило.

— Вы не ведаете, что говорите! Он тащит из вас ваши печали, и смакует их самым омерзительным образом, и записывает на пленку, чтобы пережевывать их снова и снова к вашему вечному стыду, и более того…

— Да вовсе это не так! — крикнул я. — Нам идет на пользу, когда мы вытаскиваем свои печали и выставляем их напоказ…

— Отвратительно! Более того — нескромно! — Он запнулся. — Что вы сказали?..

— Расписывать свои печали идет нам на пользу, — произнес я так торжественно, как только мог. — Это вопрос мироощущения.

Пришелец стукнул себя ладонью по лбу, и перья вокруг сомовьей пасти встали торчком и затрепетали.

— А вдруг это правда? — сказал он, объятый ужасом. — Если цивилизация столь примитивна, так погрязла в грехах и бесстыдстве…

— Как мы, например, — поддержал я.

— На нашей планете, — заявил пришелец, — нет ни тревог, ни печалей. Ну, во всяком случае, их не очень много. Мы в совершенстве приспособлены к жизни.

— Кроме таких, как Вильбур?

— Вильбур?..

— Ваш приятель, который в той комнате, — пояснил я. — Я не сумел выговорить его имя, так я назвал его Вильбуром. Между прочим…

Он провел рукой по лицу, и, что бы он там ни болтал, было ясно как день, что в тот момент его обуревали тревоги.

— Зовите меня Джейк. Зовите меня как вам заблагорассудится, лишь бы найти выход из этого дурацкого положения.

— Нет ничего проще, — ответил я. — Оставьте Вильбура здесь, только и всего. На самом-то деле вы им вовсе не дорожите, не так ли?

— Им? Дорожим? — взвыл Джейк. — От него и ему подобных одни неприятности. Но мы их породили — нам за них и отвечать. Мы не вправе взваливать эту ношу на ваши плечи.

— Стало быть, есть и другие такие же, как Вильбур?

Джейк печально кивнул.

— А мы заберем их всех, — решил я. — И будем их очень любить. Всех до единого.

— Вы с ума сошли!

— Конечно, — подтвердил я. — Потому-то они нам и нужны.

— Вы в этом уверены? У вас нет и тени сомнения?

— Совершенно уверен.

— Приятель, — заявил Джейк, — тогда по рукам!..

Я протянул руку, чтоб он пожал ее, но он моей руки, кажется, не заметил. Он поднялся со стула, и видели бы вы, какое безмерное облегчение отразилось на его лице. Потом он повернулся и горделиво зашагал из кухни прочь.

— Эй, погодите минутку! — завопил я. — Ведь надо бы еще утрясти кое-какие детали…

Но, мне кажется, он меня уже не слышал.

Я бросился в комнату, однако Джейком там и не пахло. Я — в спальню, но обоих роботов тоже след простыл. Вильбур и Лестер пребывали в блаженном одиночестве.

— Говорил я вам, — обратился Лестер к Вильбуру, — что мистер Сэм все уладит…

— Глазам своим не верю, — отозвался Вильбур. — Неужели они в самом деле ушли? Ушли навсегда? И ни при каких обстоятельствах не явятся обратно?

Я вытер лоб рукавом.

— Больше они вас не потревожат. Наконец-то вы от них избавились.

— Прекрасно! — воскликнул Вильбур. — Ну а как насчет той сделки?

— Сейчас, — ответил я. — Минуточку. Только выйду и повидаюсь с тем человеком.

Я выбрался на крылечко и постоял там чуток, чтоб унять дрожь в коленках. Джейк со своими двумя роботами чуть было не погубил все на свете. Хотелось выпить как никогда в жизни, но я не смел замешкаться. Я должен был взять доктора за жабры, пока не стряслось еще чего-нибудь.

Я приблизился к машине.

— Сколько можно ждать? — раздраженно произнес док.

— Пришлось уламывать Вильбура, чтоб он согласился, — ответил я.

— Но он согласился?

— Да, согласился.

— А тогда, — спросил док, — чего же мы ждем?

— Десять тысяч долларов, — сказал я.

— Десять тысяч?..

— Такая у Вильбура цена. Я продаю вам своего пришельца.

— Твоего пришельца? Вовсе он не твой!

— Может, и не мой, — ответил я, — да велика ли разница! Скажу ему словечко, и никуда он с вами не пойдет.

— Две тысячи, — провозгласил док. — Ни центом больше.

Поторговавшись, мы сошлись на семи тысячах долларов. Если бы я захотел убить на это всю ночь, то выколотил бы восемь с половиной. Но я был выжат до изнеможения, и стопка мне нужна была куда больше, чем лишних полторы тысячи. Так что мы сговорились на семи.

Мы вернулись в дом, и док выписал чек.

— Ты, конечно, сам понимаешь, что уволен, — сказал док, вручая его мне.

— Об этом я как-то еще не думал, — ответил я. И ответил честно. В руке я держал чек на семь тысяч долларов, а в кармане топорщилась пачка стодолларовых купюр, и сколько же выпивки можно накупить на такие деньги!

Я вызвал из спальни Вильбура с Лестером и сказал:

— Старина док соглашается взять вас.

И Вильбур ответил:

— Я так счастлив, так благодарен. Надеюсь, уговорить его оказалось не слишком сложно?

— Да, пожалуй, нет. Он не запросил лишнего.

— Эй, — окликнул нас док с кровожадным блеском в глазах, — что тут происходит?

— Ничего особенного, — заверил я.

— Мне померещилось…

— Вот ваш пришелец, — перебил я. — Забирайте его, если хотите. А если вдруг передумали, я буду рад оставить его себе. Найдутся и другие охотники…

И я протянул ему чек обратно. Рискованная была штука, но, по-моему, настала самая пора сблефовать.

Доктор отстранил чек — он по-прежнему подозревал, что его провели, только не мог сообразить, на чем. Но и упустить Вильбура он не хотел ни при каких обстоятельствах. Я видел, что он уже все взвесил и намерен, держа инопланетянина в неволе, сделаться с его помощью мировой знаменитостью.

Правда, была тут одна тонкость, о которой он понятия не имел. Он и не догадывался, что пройдет немного времени, и на Земле появятся другие Вильбуры. И я хохотал от души — про себя, конечно, — пока док бережно выводил Вильбура и Лестера за дверь.

Прежде чем перешагнуть порог, он обернулся ко мне.

— Что-то тут нечисто, — сказал он, — дай мне только докопаться, в чем дело, я вернусь и спущу с тебя шкуру.

Я не ответил ни слова, просто стоял и слушал, как они втроем хрупают по гравию на дорожке. Когда я услышал, что машина отъехала, я отправился на кухню и достал бутылку.

Я хлопнул полдюжины стопок одну за другой. Потом опустился на стул у кухонного стола и попытался взять себя в руки. С этой целью я высосал еще полдюжины стопок, но с расстановкой.

Потом я принялся размышлять обо всех прочих Вильбурах, которых Джейк согласился прислать на Землю, и пожалел, что не сумел его хоть слегка подоить. Но я просто-напросто не успел: он вскочил и исчез в тот самый миг, когда я вознамерился приступить к делу.

Оставалось только надеяться, что он передаст их мне — или перед крыльцом, или на дорожке, — но ведь он ничего подобного не обещал. Какой мне интерес, если он возьмет да и бросит их где попало!

Я недоумевал, когда же он их пришлет и сколько их в конечном счете окажется. Какое-то время ему, понятно, потребуется: ведь прежде чем отправить их на Землю, надо пройти с ними курс обучения, — а вот что касается их числа, тут я терялся в догадках. Из речи Джейка вроде бы следовало, что их наберется десятка два, если не

больше. С таким-то отрядом нетрудно будет зашибить огромные деньги, если, конечно, взяться за это с головой.

Впрочем, коль на то пошло, у меня и так подналопилась кругленькая сумма.

Я выудил из кармана пачку стодолларовых купюр и попробовал пересчитать их поточнее, но, режьте меня на части, не мог удержать цифры в памяти. Я был пьян — и даже не в субботу, а в воскресенье. Я остался без работы, зато теперь смогу надираться в любой день, когда захочу.

Так я и сидел, прикладываясь к бутылке, пока не отключился.

Проснулся я от чудовищного грохота и не сразу понял, где я. Спустя какое-то время до меня дошло, что я заснул за кухонным столом: шею совсем свело, а уж похмелье было — страшнее не придумаешь.

Я с грехом пополам поднялся на ноги и посмотрел на часы. Десять минут десятого.

А грохот все продолжался.

Я перебрался из кухни в комнату, потом открыл входную дверь. Вдова Фрай чуть не растянулась на полу — так яростно она колотила по филенке.

— Сэмюэль, — задыхаясь, произнесла она, — ты слышал?

— Ничего я не слышал, — ответил я ей, — пока вы не начали барабанить в дверь.

— Да нет, по радио!

— Вы же знаете, черт вас возьми, что у меня нет ни радио, ни телефона, ни телевизора. У меня нет времени на всякую новомодную ерунду…

— Про пришельцев, — сказала она. — Про таких же точно, как твой. Про славных, добрых, участливых пришельцев. Они повсюду. Повсюду на всей Земле. Их множество, куда ни глянь. Тысячи, а может, миллионы…

Я кинулся мимо нее к двери.

Пришельцы сидели на каждом крылечке вниз и вверх по улице, ходили взад-вперед по мостовой, а на пустыре неподалеку собрались гурьбой и затеяли игру, гоняясь взапуски друг за другом.

— И так теперь везде! — надрывалась вдова Фрай. — По радио так прямо и сказали. Их теперь хватит, чтобы каждый на Земле завел себе своего собственного пришельца. Ну не чудо ли это?

«Грязный мошенник Джейк», — выругался я про себя. А говорил-то, словно их совсем-совсем немного. Распинался: мол, цивилизация у них такая культурная и совершенная, что и психов почти не осталось…

Хотя, говоря по чести, он ведь цифр не называл.

И может, все, кого он вышвырнул на Землю, — лишь горстка по сравнению с численностью их цивилизации, если взять ее целиком.

И тут я внезапно вспомнил еще кое о чем. Я выхватил из кармана часы и поглядел на них снова. Было только четверть десятого.

— Миссис Фрай, — бросил я, — извините меня. У меня срочное поручение, я должен бежать…

И почесал вниз по улице быстро, как только мог. Один из Вильбуров отделился от группы и припустил рядом со мной.

— Мистер, — спросил он, — нет ли у вас печалей, которые вы хотели бы мне поведать?

— Нет, — отмахнулся я. — Нет у меня никаких печалей.

— Ну хотя бы забот?

— Забот тоже нет.

Тогда-то мне и пришло в голову, что забота есть, да еще какая — и не для меня одного, для всей планеты.

Потому что с помощью всех Вильбуров, которых Джейк сослал на Землю, у нас вскоре не останется ни единого собственного психа. Не останется никого, кто будет чем-то опечален или озабочен. Ну и скукотища же наступит, не приведи бог!

И все равно мне было не до того.

Я мчался по улице с предельной скоростью, с какой только меня несли ноги.

Я должен был попасть в банк раньше, чем док успеет приостановить платеж по чеку на семь тысяч долларов.

Голодная смерть
Перевод Е. Монаховой

1

Старый доктор Троубридж дремал в своем офисе, закинув ноги на стол, рядом с ним, на полу, валялась пустая бутылка из-под бокки. Ангус Макдоналд, начальник полиции Нью-Чикаго, осторожно потряс его за плечо. Доктор открыл один глаз и уставился на Ангуса с мягким упреком.

— Рейдиум-Сити хочет поговорить с начальником отдела здравоохранения, — сообщил Ангус. — Я полагаю, с вами.

Доктор снял ноги со стола и медленно поднялся. Протирая глаза, он бросил взгляд на капли, что падали с плаща полицейского.

— Дождь все еще идет, — заметил он.

— Черт, на Венере всегда идет дождь, — сказал Ангус.

Доктор закинул руки за голову и зевнул.

— Лучше бы вам поторопиться, док, — наставительным тоном заметил Ангус. — Возможно,

с вами хочет проконсультироваться кое-кто из медицинских светил Рейдиум-сити.

Доктор фыркнул. Прежде, возможно, он оскорбился бы в ответ на столь тонко скрытый сарказм. Но теперь доктор исключал для себя возможность быть оскорбленным. Десять лет на Венере, убогое существование и плохое спиртное взяли свое.

Доктор, пыхтя, надел плащ и последовал за Ангусом вниз по шаткой лестнице. Дождь обрушился на них, едва они вышли из дома и пошлепали по красному грязному болоту, которое было главной улицей Нью-Чикаго.

В радиостанции на краю посадочной площадки, единственном месте в городе, откуда можно было связаться с внешним миром, их приветствовал сын Ангуса, Сенди.

— Я вызову Рейдиум-сити, — сказал Сенди. — Мне показалось, у них есть важная информация.

— В Нью-Чикаго никогда не случается ничего важного, — проворчал доктор. — Ничего, с тех пор как умер старый Джейк Ханслер. И за это возложили ответственность на меня.

Сенди между тем заговорил в микрофон:

— Нью-Чикаго вызывает Рейдиум-сити. Ответьте, пожалуйста. Нью-Чикаго вызывает Рейдиум-Сити. Ответьте, пожалуйста.

Из усилителя донесся голос оператора Рейдиум-Сити:

— Рейдиум-сити отвечает Нью-Чикаго. Вы определили местонахождение доктора Троубриджа?

— Подождите секунду, — сказал Сенди.

Он выключил усилитель и вручил доктору наушники с микрофоном. Тот надел их и втиснул свое короткое толстое туловище в кресло оператора. Затем он слегка откашлялся и произнес в микрофон:

— Это доктор Троубридж.

— Доктор Троубридж, — сказал голос из Рейдиум-Сити, — меня зовут Тони Полсон. Я репортер из Межпланетной пресс-службы. Я только хотел выяснить насчет нового заболевания — «голодной болезни». Есть ли подобные случаи в Нью-Чикаго?

— Голодная болезнь, — фыркнул доктор. — О чем вы говорите? Я никогда не слышал о такой болезни.

— Это нечто необычное, — сказал голос. — Новая болезнь. Она распространилась по всей Венере, также есть несколько случаев и на Земле. Пострадавшим кажется, что они не могут насытиться. Именно поэтому мы называем это «голодной болезнью».

— Никогда не слышал об этом, — объявил доктор.

— Есть ли другие доктора в Нью-Чикаго? — спросил репортер.

— Нет, — ответил доктор. — Я — единственный, и они вполне могли бы обойтись без меня, тем самым фактически лишив средств к существованию. Никогда за всю мою жизнь не видел более здорового места.

— Вы уверены, что в Нью-Чикаго никто не заболел? — упорствовал журналист.

— Уверен, я уверен! — возмутился доктор. — Последний случай какого-либо заболевания здесь был, когда дочь Стива Донагана, Сьюзен, болела корью. И это произошло три месяца назад.

— О'кей, — сказал голос. — Спасибо, доктор. Есть какие-нибудь еще новости в Нью-Чикаго?

— Черт, разве здесь может что-нибудь случиться? — заявил доктор.

— О'кей, спасибо и до свидания.

— До свидания, — сказал доктор, снимая наушники с ушей.

Он поднялся с кресла.

— Забытая всеми грязная дыра, — объявил он Ангусу и Сенди. — Вот я, доктор, ничего не знаю об этой новой болезни. А между прочим, когда-то

меня считали авторитетом в диагностике. Но это было до того, как я прибыл в Нью-Чикаго. Парень из Рейдиум-Сити говорит, что в городе есть случаи нового заболевания. Единственный симптом — сильный голод. Больше он ничего не сказал. Никогда ничего не слышал о чем-нибудь подобном.

Он печально покачал головой и направился к двери.

— Спасибо, что позвали меня, — сказал он и нырнул в дождь.

Начальник полиции и его сын наблюдали, как он быстро поковылял вниз по улице, двигаясь по направлению к бару «Цветок Венеры».

— Он будет рассказывать парням об этой новой болезни, — сказал Ангус, — и они купят ему выпивку. Еще до ночи он потеряет человеческий облик.

Артур Харт, редактор «Вечерней ракеты», ткнул пальцем в заметку в рубрике «Новости» на первой странице утреннего выпуска.

— Здесь кое-что интересное, — сказал он Бобу Джексону и покачал головой. — Дико интересное. — Он задумался.

Боб Джексон ничего не ответил. В воздухе запахло проблемами. Всякий раз, когда шеф на-

чинал качать головой и бормотать себе под нос, это означало, что кому-то угрожают проблемы. У Боба возникло чувство, что на сей раз жертвой будет он.

— Послушай это, — велел Харт и начал читать: — «Единственное место на Венере, где нет случаев заболевания голодной болезнью, это Нью-Чикаго. Сегодня об этом сообщил Межпланетной пресс-службе доктор Андерсон Троубридж, начальник отдела здравоохранения».

— Здоровое место, — произнес Боб, задаваясь вопросом, правильно ли он сказал.

— Черт, слишком здоровое, — бросил Харт. — И в этом вся фишка. Эта голодная болезнь бесчинствует на всей планете, почему же Нью-Чикаго оказался в стороне? Люди повсюду мрут словно мухи, а жители Нью-Чикаго даже не испытывают никакого беспокойства.

Харт уставился на репортера, его взгляд был холоден и непреклонен.

— Вот туда ты и отправишься, — объявил он.

— Послушай, — Боб ощетинился, — если ты думаешь, что отправишь меня в какое-то заброшенное место на Венере, чтобы узнать, почему там никто не заболел, то лучше поищи мне замену. Однажды я уже побывал на Венере, и мне там

не понравилось. Одно воспоминание о ней вызывает у меня дрожь. Все время идут дожди. Солнца не видно. Жарко, влажно. Даже дождь теплый. И жуки — старик, там их миллионы! Всевозможных форм и размеров. Я ненавижу проклятых жуков.

Харт положил газету на стол и тщательно разгладил ее.

— И все же, Боб, — сказал он мягко, — я прошу, чтобы ты сделал это, потому что ты — единственный, на кого я могу положиться. Если что-то можно найти в Нью-Чикаго, ты — тот человек, кто найдет это. А я думаю, что там кое-что имеется. Что-то невероятно важное.

Сейчас Земля столкнулась с одной из самых серьезных угроз за последние годы. Голодная болезнь — ты знаешь, что это такое. Ускорение метаболизма. Ускорение до такой степени, что человек должен есть почти непрерывно, чтобы поддерживать свое существование. И жертва этой болезни стареет прямо на глазах. Кожа покрывается морщинами, волосы седеют, зубы выпадают. За несколько дней он проживает годы, и через неделю или десять дней он умирает от старости. — Глаза Харта сузились, и его голос зазвучал резче. — У наших медиков нет никакого ключа к разгадке. Они не смогли определить,

какой микроб или бактерия или что-нибудь еще является причиной болезни. Они знают, что это инфекция, и на этом их знания заканчиваются. Причина им неизвестна. Они не знают, как предотвратить или вылечить эту болезнь. Пока каждый, кто заболел, умирает — или вот-вот умрет.

Харт не спускал с Джексона холодного взгляда.

— Я даю тебе шанс, — сказал он, — оказать человечеству великую услугу. Должна быть какая-то причина, по которой Нью-Чикаго не был поражен болезнью. Если ты смог бы найти, в чем эта причина… неужели ты не понимаешь, Боб, это шанс спасти Землю!

— Это шанс для «Вечерней ракеты», чтобы заработать миллиард долларов. Первоклассная акция! — прорычал Боб. — Заголовки огромными буквами: «Репортер „Ракеты“ находит средство для лечения голодной болезни».

Харт вздохнул.

— Есть только одна вещь, которая вызовет отклик в твоей противной душе, — сказал он. — У тебя нет ни капли человеческого сострадания. У тебя сердце из закаленной стали. Сколько «Ракета» должна заплатить тебе, чтобы ты отправился на Венеру?

Боб задумался.

— Я ненавижу эту планету, Харт, — сказал он наконец. — Мне вообще не нравится эта затея. Там слишком много жуков. Слишком много проклятых жуков. Скажем, премия… ну… так… приблизительно тысяч пять.

— Хорошо! — прорычал Харт. — Теперь скройся с глаз моих, прежде чем я потеряю контроль над собой. Ты отправишься на Венеру при первой же возможности… и, да поможет мне Ханна, если ты провалишь это задание, я запишу тебя в поминальную книгу, и, более того, клянусь дьяволом, у тебя будет повод остаться там.

Оказавшись за дверью, Боб мысленно дал себе пинка.

— Ну и чертов же ты дурень! — Это он тоже адресовал себе. — Надо было потребовать десять тысяч. Он сразу бы мне их заплатил.

2

Зик Браун с грустным видом сидел на сломанном двигателе пред ветхой хижиной и наблюдал за своим приятелем Лютером Бидвеллом, который направлялся к нему.

Лютер представлял собой неописуемое зрелище: одетый в синий комбинезон из хлопчато-

бумажной ткани, небритый, с грязным лицом. Его рваная шляпа свисала своими полями над копной спутанных волос, почти достигавших плеч. Он двигался неуклюже, то медленно, то почти переходя на галоп, — но так, словно ему не хотелось, чтобы кто-то подумал, что он спешит.

Зик издали приветствовал его:

— Здорово, Лютер.

— Здорово, Зик, — ответил тот.

Зик ждал, покуривая трубку, изучая взглядом свою жалкую венерианскую ферму. Поля, на которые уже вторгались джунгли, заросли сорняками, техника покрывалась ржавчиной, огромные лужи, от которых поднимался пар, затопили остатки посевов зерна. Из джунглей доносился пронзительный треск насекомых, которые в скором времени пожрут все, что смогут найти на полях.

Что-то зашуршало в зарослях сорняка около кучи досок; Зик, стремительно повернувшись, увидел пару острых ушей и два блестящих глаза, уставившихся на него. Быстрым движением он схватился за кобуру, что висела у него на бедре. Но пока он вытаскивал пистолет, дьявольская морда исчезла.

— Вот черт… — беззлобно сказал Зик, — только

высунь снова свою башку. Я достану тебя.

Но огромная ящерица исчезла. Зик с ворчанием убрал оружие в кобуру.

Снова бросив взгляд на дорогу, он увидел, что Лютер продолжал спускаться вниз, поднимая ногами небольшие фонтанчики грязи. Наконец Лютер миновал сломанные ворота и сел рядом с Зиком.

— Видел, как ты доставал пистолет, — сообщил он. — Кого-нибудь заметил?

— Сцинка, — сказал Зик, — долбаные твари наводнили все вокруг. Почти подчистую слопали цыплят. Осталось только несколько старых кур.

— Они недавно обчистили и меня. Ночью это случилось, — сказал Лютер. — Расправились со всеми курами и затем забрались в свинарник. Попытались одолеть свиней, но, думаю, это оказалось им не под силу. Маловато их было, и хрюшки как следует с ними разобрались. Я после этого побоища не заходил в свинарник. Вонища страшная. Хуже, чем от хорьков в Айове. Впрочем, свиньям все равно, они их сожрали.

— Меня от них трясет, — сказал Зик. — Так похожи на людей, которые бегают на четвереньках. Голые, без единого волоска и такие мерзкие. Если их рассердить, они начинают гадить вокруг толь-

ко из чистой вредности. Но мне удалось очистить от них опушку леса. — Он погладил кобуру.

— Знаешь, чего бы я хотел больше всего, Лютер? — спросил Зик.

— Нет, — отозвался тот.

— Хотел бы я схватить того скользкого парня, агента по продаже земельных участков. Я бы с удовольствием украсил его множеством отверстий. По этому придурку скучает моя пушка. Но он уже наверняка на Земле. Он чертовски хорошо знал, что после того, как засунул нас сюда, на Венеру, мы вряд ли позволили бы ему вернуться домой.

Помнишь, о чем он так гладко плел, когда прибыл к нам в Айову? О том, как замечательно быть фермером на Венере. Какую симпатичную картинку он нарисовал: никаких зим, и можно вырастить четыре или пять урожаев зерновых в год. Он говорил, что осадков здесь выпадает вполне достаточно. Из него прямо-таки лился поток болтовни о девственной, ни разу не вспаханной почве Венеры, которая только и ждет, чтобы на ней выросли небывалые урожаи и сделали бы нас всех богатеями. И для всего того, что мы вырастим, найдется спрос, потому что фермы находятся рядом с Нью-Чикаго. Помню, как он

говорил нам, что Нью-Чикаго скоро превратится в большой город и его жители с удовольствием хорошо заплатят нам за наши продукты.

— Конечно, я помню это, — сказал Лютер. — Он то же самое говорил и мне. Так что мы с мамой обсудили все это и решили отправиться сюда. В конце концов мы вычислили, что Венера уже более трехсот лет как колонизирована, и полагали, что это довольно цивилизованное место. Признаю, все это звучало тогда довольно заманчиво. Это ведь факт, что почва на Земле заметно истощилась. Даже в штате Айова. Все лучшие места изрыты дренажными канавами. Нельзя же обрабатывать одну и ту же землю в течение более чем пяти тысяч лет, не заботясь о ней надлежащим образом, и надеяться, что зерно вырастет само.

Сцинк снова высунулся из сорняков около груды досок, и Зик злобно выругался, поскольку существо исчезло прежде, чем он сумел вытащить пистолет из кобуры.

— Дьявольское отродье! Я с тобой разберусь! — кричал он, размахивая оружием.

В ответ доносилось глумливое чириканье твари.

Убрав пистолет в кобуру, Зик принялся на-

бивать трубку свежей порцией венерианского табака и вновь обратился к приятелю:

— Но этот парень много чего не рассказал, Лютер. Он не говорил нам, что на этой планете слишком много всяких диких животных и птиц, а также рептилий, в десять раз более ядовитых, чем гремучие змеи. И миллиард различных видов жуков, словно вырвавшихся из ада. Он предупреждал о ливнях — но не о том, что они зальют наши посевы. Он, так его и разэтак, не говорил о психах, которые съедают любую зелень на своем пути, когда их мучает голод, и он почему-то забыл упомянуть о ящерицах размером со слона, которые способны вытоптать поле быстрее, чем вы моргнете глазом. Он умолчал о влажности, от которой будут ржаветь машины и из-за которой даже хорошее железо здесь превращается в труху.

Лютер сплюнул с отвращением и добавил свои слова к обвинительному акту:

— И ни слова правды не сказал тот обманщик о том, что собой представляет Нью-Чикаго. Он сообщил нам, что это растущий город, преувеличив его размеры до неприличия. Маленькая вонючая фактория, всего лишь несколько магазинов, питейных заведений и притонов для охотников,

старателей и торговцев, которые приезжают сюда раз в год, ну, может быть, два раза. Он сказал, что здесь мы будем продавать нашу продукцию. Конечно, про это вообще можно забыть, так как нам нечем торговать. Мы здесь пять лет и за все это время ничего не продали. Хорошо, если для нас самих находится еда.

— Вот уже месяц питаюсь дичью, которую подстрелил, фруктами и прочей зеленью из джунглей, — сказал Зик.

— Мы получили из дома немного муки и сахара. Не так много, но могу поделиться с вами, — предложил Лютер.

Зик покачал головой.

— Нет, — сказал он. — Оставьте себе. У вас есть молодежь, которой это необходимо. А мы со старухой обойдемся. Какие же мы дураки, Лютер! Я лежу с открытыми глазами ночи напролет, пытаясь придумать, что делать. И не нахожу выхода. Мы, пятьдесят семейств, даже не можем собрать достаточно денег, чтобы купить хотя бы один билет на Землю. Тогда один из нас слетал бы туда и узнал, не может ли кто-нибудь помочь нам. Да и кто мы такие после этого — куча простофиль.

Лютер вздохнул.

— Как бы мне хотелось вернуться в Айову, —

сказал он.

3

— Нет! — громко сказал доктор. — Мне нечего вам сказать об этом. Если бы вы не рассказали мне о голодной болезни, я ничего не знал бы о ней. Я впервые услышал о ней от журналиста, который позвонил мне из Рейдиум-сити. — Доктор отпил бокки и помахал бутылкой перед Бобом.

— Не хотите глотнуть? — предложил он.

Боб покачал головой.

— Еще утро. Слишком рано, чтобы начинать пить, — объяснил он.

— Послушайте, — сказал доктор, — для того, чтобы пить в Нью-Чикаго, подходит любое время дня или ночи. Черт, выпивка — единственная стоящая вещь на этой свалке. С тех пор как умер старый Джейк Ханслер, только она меня здесь развлекает. Кстати, интересный случай. Он что-то подцепил на Марсе. Жук его укусил или еще кто-то. Хотелось бы, чтобы он пожил подольше, тогда бы, возможно, я изучил его болезнь получше. Люди обвинили меня в его смерти. Сказали, что я был пьян. Какая разница, тем более что это была странная болезнь. — Он сделал глоток.

— Джейк Ханслер, — сказал Боб. — Знакомое

имя. Я где-то уже слышал его.

— Уверен, слышали. Доктор Джекоб Ханслер, великий ботаник.

— Точно, — сказал Боб. — Я помню, что он умер на Венере.

— Он прибыл сюда, чтобы провести кое-какие эксперименты и изучить местную флору. — Доктор говорил оглушающе громко. — Чудной старикан. Местным жителям он не слишком нравился, потому что не уделял им чересчур много внимания. Но со мной он разговаривал. Из нас могли бы получиться хорошие приятели. Он подробно рассказывал мне о том, что он делал, но сейчас мне уже не вспомнить. Сюда он привез горстку семян, которые нашел на Марсе. Семена найдены им среди руин старой лаборатории, относящейся к династии Гензик. Семена были сухими, и большинство из них не смогло бы взойти, но некоторые все же проросли, и он возился с ними. По его утверждению, возраст этих семян — не одна тысяча лет. Он привез их сюда, потому что считал почву и климат Венеры весьма подходящими для растительной жизни. Говорил, что, если растение не вырастет на Венере, оно не вырастет нигде.

— Что случилось с растениями после того, как

доктор Ханслер умер? — спросил Боб.

Доктор фыркнул.

— Теперь можно увидеть, какой чертовщиной все обернулось, — сказал он. — Они — настоящие вредители. Эти сорняки заполонили город. Некоторые из них с крупными пурпурными цветами, похожими на розы. Очень симпатичные растения, и женщины возятся с ними, составляя букеты. Впрочем, нельзя сказать, что они требуют особого ухода. Другие чем-то напоминают горох. Довольно вкусные. Есть еще один сорняк, гипоэстес — тоже очень вкусный, что-то вроде шпината, но гораздо лучше.

— Судя по вашим словам, доктор Ханслер — интересный человек, — сказал Боб.

— Очень необычный старикан, — сказал доктор, качая головой. — Имел обо всем весьма забавные суждения. Упрямый, странный малый. Другие ботаники говорили ему, что семена с Марса не прорастут, им больше чем пять тысяч лет. Но он считал, что они прорастут, и занимался ими — и они дали всходы. И так — во всем.

У него еще была одна идея, над которой все смеялись, но он умер с мыслью, что это правильная идея. Она не относилась к его работе, поэтому он особо о ней не распространялся. Впрочем, мне он

рассказывал. Вы ведь знаете о династии Гензик, не так ли?

Боб кивнул.

— В школе изучал курс марсианской истории, — сказал он.

— Ну, тогда, — сказал доктор, — вы должны помнить, что династия Гензик представляла собой группу ученых, которые фактически управляли Марсом; наверное, они были те еще старые придурки, потому что марсиане восстали против них и, как утверждает история, уничтожили всех до единого. Марсиане разрушили все созданные ими лаборатории и сделали все возможное, чтобы стереть любую память о них. В результате — там теперь мало кто о них знает.

— Марсианская история полагает, что они были высокоразвитой марсианской расой, — сказал Боб. — Я знаю, что о них ходят самые разнообразные мифы.

— Да, сэр, — сказал доктор, — у Джейка по этому поводу имелась сногсшибательная история. Он утверждал, что некоторые из них избежали общей резни и сбежали в пустыню и что их потомки все еще живут там. Узнал он это от представителей пустынных племен, которые утверждали, что знают о них все. И Джейк думал, что гензики

были землянами, возможно жителями Атлантиды, которые достигли Марса тысячи лет назад, задолго до того, как существующая сейчас на Земле раса отправила туда космический корабль.

— Это что-то новенькое, — сказал Боб. — Никогда не слышал об этом. У вас есть какие-нибудь заметки Джейка? Он оставил записи или что-нибудь в этом роде?

Доктор захихикал.

— Вижу, вас зацепило, — сказал он.

— Шеф устроит мне ад на земле, если я не раздобуду что-нибудь за время своей командировки, — сказал ему Боб, — тем более что вы ничем мне не помогли, я имею в виду голодную болезнь.

Доктор с удовольствием допил бутылку, затем посмотрел ее на свет и вздохнул.

— Есть одна история, о которой вы могли бы написать статью, — сказал доктор, ставя бутылку на подоконник, в ряд с другими. — Об этом следует написать. Я имею в виду здешних фермеров. Компания «Участки на Венере» вытащила их сюда, зная, что тут они ничего не смогут вырастить, но это не остановило этих акул. Отобрали у них все подчистую и бросили их в местных джунглях. Вот как здесь учат несмышленышей. Компания

подготовила фермерскую программу и продала ее группе бедных фермеров штата Айова. Хуже всего то, что фермерам даже не принадлежит земля, на которой они построили свои дома. Некоторые из них приходили ко мне, чтобы я помог вернуть их деньги. Понимаете, они считают, что доктор знает все, даже не представляя, как чертовски мало на самом деле знают доктора. Я просмотрел их контракты и нашел, что они неправильно составлены. Я обнаружил, что их поселили не на тех участках. Я спросил их, знают ли они, какую землю купили, и они сказали мне, что участки им указал представитель компании. Их уговорили поселиться с восточной стороны города, а земли, которые они купили, находятся на западной стороне.

— Они в курсе? — спросил Боб.

Доктор покачал головой.

— Нет, я не сказал им, — ответил он. — Какая разница? Компания не будет их больше беспокоить. Они получили то, что хотели, притом что земля эта ничего не стоит.

Раздался стук каблуков по ступенькам, и через мгновение в дверном проеме возник Ангус Макдоналд.

— Доктор, — сказал он, — дочь Стива Донагана

снова больна.

Доктор поднялся со стула.

— Если бы остальное население Нью-Чикаго было похоже на Сьюзен, — сказал он, — возможно, я снова проникся бы к себе уважением. Она — единственная из тех, кто когда-либо здесь болел.

— Доктор, — сказал Ангус, и в его голосе явно слышался ужас.

— Да-да, продолжайте, — буркнул доктор.

Ангус сглотнул и начал снова.

— Доктор, Стив думает, что у нее голодная болезнь, — сказал он.

Джонни Мейсон, выпускающий редактор, положил лист желтой бумаги на стол редактору Харту.

— Специальный выпуск, только из Нью-Чикаго, — пояснил он.

Харт набросился на газету и прочитал:

> Нью-Чикаго, Венера. Голодная болезнь, к которой до сих пор эта отдаленная фактория была невосприимчива, сегодня нашла здесь свою жертву. Это Сьюзен Донаган, девяти лет, дочь мистера и миссис Стивен Донаган.

Доктор Андерсон Троубридж, единственный врач в городе, друг семейства, который способствовал появлению Сьюзен на свет и сопровождал ее от одной детской болезни до другой, сказал, что…

Харт швырнул газету на стол.

— Джонни, — сказал он, — сейчас ты видишь пред собой самого последнего, черт побери, идиота в газетном бизнесе. У меня было предчувствие, и я послал Боба туда, за пределы Земли, за важнейшим репортажем. И вот прошло чуть больше десяти часов, и весь репортаж можно отправить к черту.

Зик Браун и его жена Мери сидели на пороге хижины и пристально вглядывались в очертания своей фермы.

Темнота опустилась на землю, и джунгли пробудились для ночной жизни. Завывания, рев, вздохи и визги смешивались и делали ночь отвратительным временем суток. Зик дрожал, вслушиваясь в эту какофонию, и его рука тянулась к оружию. На протяжении пяти лет он слышал этот ночной хор ненависти и убийства, но по-прежнему трясся от ужаса с каждым наступлением темноты.

— Скоро у нас должна появиться картошка, Мери, — сказал он, стараясь сдержать дрожь в голосе. — Я проверял сегодня грядки на том песчаном участке, который мы сумели довольно хорошо осушить. Наверняка у нее будет прекрасный вкус.

Он услышал тихие рыдания и увидел, что его жена плачет.

— Что случилось, Мери? — спросил он. — Черт побери, почему ты плачешь?

— Это из-за цыплят, Зик, — ответила она ему. — Я рассчитывала пополнить количество моих кур. А теперь их нет. У нас не будет больше яиц.

Зик разразился проклятиями.

— В следующий раз, когда увижу сцинка, — сказал он, — я поймаю его и живьем окуну в один из тех водоемов с кислотой у реки.

Он потрепал жену по плечу.

— Не сомневаюсь, они запомнят, что их наказывают за наших цыплят, — сказал он.

Издалека донесся гул, и Зик быстро поднял глаза и устремил взгляд к горизонту. Рев становился громче и громче. По краю джунглей, изрыгая пламя из двигателей и резко снижаясь, несся аэролет.

Зик вскочил на ноги, размахивая руками и

выкрикивая проклятия.

— Держись подальше от моего поля с картошкой, черт тебя побери! — кричал он. — Если ты повредишь мою картошку, будь уверен, я отыщу тебя.

Воздушное судно опускалось слишком быстро для безопасного приземления. Его нос врезался в картофельное поле, вспарывая, словно гигантский плуг, мягкую почву и отбрасывая в стороны огромные комья земли.

— Черт побери, что же ты натворил! Что же ты натворил! — вопил Зик. — Ты уничтожил мою картошку!

Он изо всех сил помчался через заросли сорняков, доходивших ему до пояса, которые отделяли хижину от картофельного поля.

Нос аэролета глубоко погрузился в податливую почву, но не было видно, чтобы корабль был поврежден. Как только Зик приблизился, дверь кабины открылась и оттуда вышел пошатывающийся мужчина. При виде Зика он издал жалобный вопль, похожий на крик животного.

— Еды, во имя небес, еды! — кричал он. — Я голоден!

В ярком свете, лившемся из двери каюты, Зик разглядел лицо незнакомца, и его гнев мгновенно

превратился в жалость. Перед ним был старик — настоящий живой скелет: изнуренное тело, осунувшееся лицо, глаза, провалившиеся в глазницы, впалые щеки.

Мужчина сделал шаг вперед и упал как подкошенный; Зик поднял его и потащил к дому.

— Мери! — вопил он. — Дай какой-нибудь еды! Этот человек умирает от голода.

Из мрака донесся голос, это был Лютер, пришедший провести несколько часов со своим другом.

— В чем дело, Зик?

— Авария аэролета! — крикнул Зик. — Отправляйся в город за доктором. Там еще есть люди. Они выглядят неважно.

— Скоро вернусь с доктором, если он трезвый! — в ответ закричал Лютер.

Зик услышал, как с дороги донесся звук быстро удалявшихся шагов.

— Зик! — В голосе Мери слышалось отчаяние. — Я не могу ничего предложить, кроме тушеных овощей. Это неподходящая пища для больного.

— Это лучше, чем ничего, — сказал Зик. — Дай мне тарелку. Говорю тебе, этот парень умирает от голода.

4

— Из того, что можно сказать о Нью-Чикаго, главное то, что вас здесь никто не побеспокоит, — сказал доктор Бобу. — Хорошее место для человека, желающего скрыться, если он не хочет, чтобы о нем знали.

Возьмите парня, который заправляет в баре «Цветок Венеры». В прошлом он был известным рэкетиром в Старом Чикаго на Земле. Прибыл сюда три или четыре года назад. Затем Ангус Макдоналд, вы видели его сегодня. Его настоящее имя — не Ангус Макдоналд. Люди говорят, что он был одним из тех пиратов, которые устроили самый настоящий ад на трассе Земля — Марс несколько лет назад. Потом есть еще старый Ханк Смит. Хороший парень, старина Смит. Но он возглавлял на Земле компанию, которая оказалась непрочной. Многие инвесторы хотели бы достать его с потрохами.

— А вы сами, доктор? — спросил Боб. — Неужели в вашем чулане не грохочут костями скелеты?

— Черт, нет! — сказал доктор. — Я всего лишь проклятый дурак, который прибыл сюда, чтобы взрослеть вместе с этим миром.

Доктор ласково погладил бутылку, которая

стояла на столе.

— Вы, конечно, настоящий знаток спиртного, — сказал он. — Впервые за много лет я пью нечто подобное.

Он наклонил бутылку, и ее содержимое нежно забулькало.

С лестницы донесся грохот шагов.

Лютер Бидвелл ворвался в комнату.

— Доктор! — закричал он. — Только что на картофельное поле Зика Брауна упал аэролет. Некоторые из пассажиров находятся в плохом состоянии.

Доктор потянулся за плащом.

— Сегодня бизнес на подъеме, — прокомментировал он. — Два вызова за несколько часов.

Он сунул бутылку в карман плаща.

Возглавляемые Лютером, трое мужчин помчались вниз по лестнице и выскочили на улицу. Погода до некоторой степени улучшилась, но улица представляла собой сплошное грязное месиво.

Они бегом направились к дому Зика, который находился на расстоянии чуть больше мили.

Зик приветствовал их, стоя в дверном проеме.

— Терпеть не могу беспокоить вас, док, — сказал он, — но не знал, что делать в столь скверной

ситуации. Голодный мужчина и четыре покойника. Выглядят так, словно они умерли от голода. Старики с седыми волосами, от них остались только кожа и кости. Парень, которого я принес, тоже был довольно плох, когда я подобрал его, но Мери покормила его, и он, кажется, теперь в порядке.

— Умерли от голода? — спросил доктор. — Вы имеете в виду, что они выглядели так, словно умерли из-за недостатка пищи?

— Именно так, — подтвердил Зик.

Боб оттолкнул фермера в сторону и бросился в хижину. Он увидел человеческую фигуру, лежащую на кровати. Он стремительно пересек комнату и склонился над мужчиной.

— Это вы — человек из потерпевшего аварию самолета? — спросил он.

— Да, это я, — ответил пилот. — Этот фермер говорит, что все остальные умерли.

— У вас была голодная болезнь? — уточнил Боб.

— Я предполагаю, да, — слабым голосом ответил мужчина. — Мы из поселка на Жемчужной реке. Мы слышали о болезни по радио и считали, что нам повезло, так как находились вне пределов досягаемости эпидемии. Думали, что в

безопасности. Но позавчера заболели. Мы отправились в Рейдиум-Сити, думая, что там можно рассчитывать на помощь.

— Как вы чувствуете себя теперь? — спросил Боб.

Мужчина провел тонкой, как у скелета, рукой по своему животу, нажал на него, потом несильно ударил кулаком.

— Боль совсем ушла, — объявил он. — Прекрасное чувство. Впервые за два дня я больше не испытываю голода. А до этого не имело значения, сколько я ел, потому что я всегда хотел есть.

— Вы ели здесь? Много?

— Нет, только тарелку с чем-то зеленым. Мне показалось, что еда сразу же заполнила мой желудок и дала мне большую силу. Некоторая слабость все еще есть, но я чувствую себя по-другому — как прежде. Мне кажется, дело пошло на поправку.

Боб поднялся и обернулся.

— Зик, — спросил он, — чем вы кормили этого мужчину?

На вопрос ответила Мери Браун:

— У нас были только тушеные овощи. Мне было так стыдно, но Зик сказал, что это лучше, чем ничего.

— Госпожа Браун, — спросил Боб. — Из чего

было сделано ваше блюдо?

— Ну, из гипоэстеса, — ответила она. — Получается очень вкусно.

— Доктор! — закричал Боб.

Доктор проковылял через комнату.

— Послушайте меня, — сказал Боб, хватая доктора за плащ возле горла. — Все в Нью-Чикаго едят эти тушеные сорняки?

Доктор явно испытывал смущение.

— Почему бы нет? — сказал он. — Они всем нравятся. Что касается меня, то я ем все, что могу достать.

— Сьюзен Донаган ест это? Ей они нравятся?

— Нет, — сказал доктор, — дайте-ка подумать… нет. Она вообще не любит овощи. Это очень раздражает ее мать, потому что девочка даже не прикасается к этому «шпинату».

— Доктор, — сказал Боб, — слушайте меня и делайте то, что я скажу. Попытайтесь заставить ваши старые, затуманенные алкоголем мозги работать. Отправляйтесь к Донагану как можно быстрее. Накормите гипоэстесом Сьюзен — держите ее и заталкивайте ей в глотку эту траву. И затем наблюдайте. Если ее состояние начнет улучшаться, я сделаю вас знаменитым. Я напишу ваше имя огромными буквами и помещу вашу

фотографию во всех газетах Солнечной системы на первой странице.

Доктор оживился.

— Вижу, Боб, что вам все ясно! — закричал он.

Доктор быстро развернулся и поспешил к двери.

Боб крикнул ему вслед.

— Помните, док, не вздумайте напиться! Вам понадобится весь ваш здравый смысл.

— Уверен в этом, — сказал доктор.

На половине пути он вытащил бутылку из кармана и швырнул ее в придорожные кусты. Но, сделав еще несколько быстрых шагов, он вернулся и, опустившись на четвереньки, принялся шарить возле дороги. Его рука коснулась чего-то гладкого. Он поднял бутылку, вытащил пробку зубами. Спиртное с бульканьем потекло по его глотке.

Продолжая двигаться к городу, доктор вытер рот рукавом плаща.

— Это не походило на обычное дрянное пойло, — сказал он себе. — Иначе его действительно следовало бы выбросить. Но поступить так с хорошим шотландским виски было бы настоящим святотатством.

Артур Харт мерил шагами пол своего каби-

нета.

Хэп Фолсуорс, спортивный редактор, сидел, закинув ноги на стол Харта, и курил местную сигару.

— Какого черта, ты думаешь, торчит там Боб? — обратился к нему Харт. — Он посылает мне сообщение, чтобы я ждал важную статью. И никаких намеков на то, о чем пойдет речь. И никакой статьи.

— Он сидит в венерианском баре и посмеивается над тобой, — сказал Хэп. — Решил расквитаться с тобой за то, что ты послал его туда.

Харт расправил обрывок ленты с текстом, который пришел по межпланетному телетайпу, и прочитал его:

ОСТАВЬТЕ
МЕСТО
ДЛЯ ОПУБЛИКОВАНИЯ ЭКСТРЕННОГО СООБЩЕНИЯ.
САМОГО ВАЖНОГО ВАЖНОГО ВАЖНОГО СООБЩЕНИЯ. ПОКА ЕЩЕ ТОЧНО НЕ УВЕРЕН. БУДУ ЗНАТЬ ЧЕРЕЗ ЧЕТЫРЕ ЧАСА, ВОЗМОЖНО РАНЬШЕ. БОБ.

Харт бушевал:

— Для него была открыта связь на секретной

волне с момента последнего выпуска. Театры скоро закроются, и мы потеряем все наши уличные продажи. Если он подшутил надо мной, я вышвырну его вон, как только он вернется.

Из-за двери выглянул мальчик.

— Получен сигнал из Нью-Чикаго! — крикнул он.

Харт быстро развернулся и помчался за мальчиком. Следом за ним неуклюжей походкой поспешил спортивный редактор.

В отделе местных новостей царило напряженное возбуждение.

— Только что получен сигнал, — сказал Джонни Мейсон. — Сейчас должно поступить сообщение.

Внутри телетайпа что-то пощелкивало и постукивало, но клавиши все еще оставались неподвижными. Затем машина пришла в движение.

Клавиши методично отстукивали:

БЫСТРАЯ
КОРИЧНЕВАЯ ЛИСА ПЕРЕПРЫГНУЛА ЧЕРЕЗ
СПИНУ ЛЕНИВОЙ СОБАКИ. БЫСТРАЯ КОРИЧНЕВАЯ ЛИСА ПЕРЕПРЫГНУЛА…

— Это проверка, — сказал Джонни. — Оператор

в Нью-Чикаго включил проверку.

Машина какое-то время оставалась неподвижной.

— Ну-ка, энергичнее! — завопил Харт, стуча по телетайпу кулаком.

Клавиши снова медленно, до умопомрачительности методично задвигались:

НЬЮ-
ЧИКАГО, ВЕНЕРА. ДОКТОР АНДЕРСОН ТРОУБРИДЖ, НАЧАЛЬНИК ОТДЕЛА ЗДРАВООХРАНЕНИЯ И ЕДИНСТВЕННЫЙ ВРАЧ В ЭТОЙ КРОШЕЧНОЙ ФАКТОРИИ, ОБЪЯВИЛ СЕГОДНЯ, ЧТО ИМ НАЙДЕНО СРЕДСТВО ДЛЯ ЛЕЧЕНИЯ ГОЛОДНОЙ БОЛЕЗНИ. ЭТО СРЕДСТВО ПОЛУЧЕНО ИЗ СОРНОЙ ТРАВЫ, ИЗВЕСТНОЙ ЗДЕСЬ ПОД НАЗВАНИЕМ ГИПОЭСТЕС. ДРЕВНЕЕ РАСТЕНИЕ С ПЛАНЕТЫ МАРС ПОЯВИЛОСЬ ЗДЕСЬ ШЕСТЬ ЛЕТ НАЗАД БЛАГОДАРЯ ДОКТОРУ ДЖЕКОБУ ХАНСЛЕРУ, КОТОРЫЙ НАШЕЛ СЕМЕНА СРЕДИ РАЗВАЛИН ЛАБОРАТОРИИ, ОТНОСЯЩЕЙСЯ К ДИНАСТИИ ГЕНЗИК. ГИПОЭСТЕС…

Харт выскочил из крошечного закутка, где размещался телетайп.

— Херб! — крикнул он помощнику редактора. — Достань фотографии доктора Джекоба Ханслера. Фотографии Боба Джексона. Фотографии доктора Андерсона Троубриджа…

— Кто такой, черт возьми, доктор Андерсон Троубридж? — спросил Херб.

— Откуда, черт возьми, мне знать? — проревел Харт. — Звони в Международное медицинское общество. Они скажут тебе. Во что бы то ни стало достань фотографии! Он — самая большая новость за последние десять лет. Набери заголовки высотой в фут и тремя оттенками чернее ночи. Начинаем печатать через полчаса.

Он повернулся к Хэпу Фолсуорсу.

— Мы поборемся за это! — ликовал он. — Мы выйдем самым большим экстренным выпуском и, опубликовав эту сенсацию, сорвем самый большой куш, который этот город когда-либо видел.

5

Боб Джексон сидел на бревне с Зиком Брауном перед хижиной Зика.

— Зик, вам следует осознать, что вы и все остальные здешние фермеры богаты, — говорил Боб. — Вы чертовски непристойно богаты. Вам незачем было сеять зерно и разводить цыплят,

потому что все это время у вас рос этот сорняк. И теперь вы можете назвать свою цену. Потому что здесь единственное место во Вселенной, где растет эта крапчатая трава. Воздушные суда с Земли и из Рейдиум-Сити уже на пути сюда, чтобы взять на борт ценный груз. И вы, ребята, можете спросить столько, сколько пожелаете.

Зик сдвинул на затылок шляпу и почесал голову.

— Ну, понимаете, — сказал он, — так-то оно так. Но я и другие парни вовсе не испытываем сильного желания кого-нибудь ограбить. Мы понимаем, что другие люди нуждаются в этом сорняке, потому что у них такая гребаная неприятность, и мы можем назвать нашу цену. Но все, что мы хотим, — это справедливую цену. Прошедшие пять лет были трудными годами, и мы должны что-то извлечь из этого, но мы не собираемся спекулировать на страдании других людей.

— Да, я знаю это, — сказал Боб. — Но вы, ребята, не хотите же, черт побери, остаться в дураках. Это ваш огромный шанс. Шанс наверстать упущенное и получить хорошие деньги за каждый час этих ваших пяти лет.

Зик поднялся на ноги.

— Кто-то прилетел, — объявил он. — Слышали,

как садился аэролет? Возможно, кто-то из тех, кому нужен сорняк.

— Прошло слишком мало времени, чтобы они успели добраться сюда, — заметил Боб.

Во главе группы из пяти человек, которая пробиралась от дороги через месиво красной грязи, был Ангус Макдоналд. Они остановились у ворот, и Ангус вышел вперед.

— Зик, — сказал он, — я должен вручить тебе бумаги. Не люблю делать это, но такова моя обязанность.

— Бумаги? — спросил Зик.

— Да, бумаги. — Ангус сунул руку во внутренний карман плаща и достал оттуда пачку документов. — Одна из них предназначена тебе, — объявил он, перебирая их.

— Что еще за бумага? — спросил Зик с подозрением в голосе.

— Заявление о том, что ты не имеешь права на эту землю, — ответил Ангус. — Должно быть, произошла какая-то ошибка. Вы, парни, живете здесь уже очень много лет. Казалось бы, если ты не владеешь этой землей, то мог бы уже давно узнать об этом.

Слова Зика источали холодную ярость:

— Кто же претендует на эту землю? Если не мы,

то кто на самом деле ею владеет?

— Компания «Участки Венеры» утверждает, что это их земля, — объявил Ангус. — Мне неприятно делать это, Зик.

Зик смотрел мимо Ангуса, на четверых мужчин за его спиной.

— Полагаю, это вы, подлые твари, — представители «Участков Венеры», — резко заявил он.

Один из четверки выступил вперед.

— Вы правы, — сказал он, — это мы. И на вашем месте я не пытался бы что-либо предпринимать. Мы знаем, как обращаться с ловкими парнями, когда они пытаются устроить неприятности себе и другим.

Боб видел, что пальцы Зика легли на кобуру. И в этот момент Зик уже не был фермером, одетым в грязный комбинезон и рваную рубашку. Что-то в нем изменилось, он превратился в человека, готового бороться за свою землю.

Он заговорил медленно, но это не походило на его обычную манеру растягивать слова, и никто не сомневался в том, что каждое из слов было предупреждением об опасности.

— Если вы, хорьки, думаете, что сможете просто так сунуться ко мне, — сказал он, — то вы ошибаетесь. Это дело касается любого из живущих

здесь. Если вы попробуете что-нибудь выкинуть, мы покроем вашими кишками все сорок акров пастбища.

— Не говорите со мной об исполнении закона! — ревел Артур Харт. — Подобный лепет мог бы впечатлить любого другого человека, но меня оставляет равнодушным. Вот что я хочу знать: вы собираетесь остаться в стороне и позволить шайке рэкетиров типа «Участков Венеры» ограбить бедных фермеров из Айовы во второй раз?.. Да, я знаю, что это признано клеветой, но вы не сможете ничего доказать, потому что нет никаких документов. И позвольте мне сказать вам, мистер, если вы не начнете, черт возьми, действовать, скоро я предоставлю вам кое-что, и тогда уже у вас будет возможность предъявить иск о клевете. Я сделаю так, что вы не получите больше ни одного нечестного голоса в поддержку любой общественной деятельности. До того как я покончу с вами, не стоит думать, что вы имеете дело с болтуном. У меня есть три или четыре истории в запасе, и, чтобы их прочесть, публика затеет драку. Например, случай с трестом «Универсальное питание». Я только скажу людям, какой ты на самом деле продажный старый скунс… и более того, я заставлю их в это поверить.

И хотя лицо на экране было фиолетовым от гнева, председатель Межпланетного суда Элмер Филлипс знал, что его разбили наголову.

— Господин Харт, — сказал он, — мне не нравится ваша позиция. Я отрицаю каждую вашу инсинуацию. Но я действительно вижу некоторый смысл в том, что вы предлагаете. Я сделаю это.

— Черт побери, конечно вы сделаете это! — рычал Харт. — И более того, вы сделаете это немедленно. Если вы сейчас же не дадите мне статью с сообщением о том, что в судебном порядке прекращаете деятельность «Участков на Венере» или еще кого-нибудь из тех, кто рыскает вокруг заросших сорняками ферм, мы отправим в печать наш последний выпуск, и на ее месте будет другая статья, которая разнесет в пух и прах вас и вашу Комиссию по межпланетному правосудию.

— Можете быть уверенным, я сделаю это, — сказал судья Филлипс. — Я — человек слова.

— И я тоже, — сказал Харт.

Редактор швырнул на место видеотелефон и резко повернул кресло.

Хэп Фолсуорс передвинул сигару из одного угла рта в другой.

— Вот что я тебе скажу, — заметил он, — когда ты войдешь в раж, не позволяй такому пустяку, как шантаж, останавливать тебя.

— Это не было шантажом, — фыркнул Харт. — Судья и я понимаем друг друга. Он слишком хорошо знает, что мне нетрудно сделать достоянием гласности некоторые из трюков комиссии, и он готов сотрудничать. Вот и все.

Воротник его рубашки был расстегнут, галстук зацепился за ухо, волосы взлохмачены.

— Ты выглядишь так, словно участвовал в уличной драке. — Хэп окинул его взглядом.

— Послушай, Хэп, — сказал Харт, — да, я борец. Я борюсь с чиновничьей и правительственной глупостью и бюрократической волокитой. Борюсь за права бедных, простых фермеров, которым рэкетирская компания продала ничего не стоящую землю на Венере. И теперь, когда на этой земле выросло кое-что ценное, компания хочет снова одурачить их. Я собираюсь добиться, чтобы правительство объявило крапчатый сорняк общим достоянием и взяло это растение под свой контроль. Тогда негодяи и обманщики останутся с носом и справедливая цена будет гарантирована.

Хэп передвинул сигару на другой уголок рта.

— Ты все еще привержен идеалам, Харт, — поддразнил он. — Идеалы после восемнадцати лет работы в газете. Это нечто.

— Послушай! — прорычал Харт. — Возвращайся к своим дурацким состязаниям за дурацкий приз и дурацким играм в бейсбол и оставь меня в покое. Мне надо делать настоящую работу.

В дверь просунул голову Джонни Мейсон, держа в руках газету.

— Груз плохих новостей доставлен, — сказал он. — Странные новости.

— О чем ты? — спросил Харт.

Джонни положил перед ним газету.

— Из Рейдиум-Сити в Нью-Чикаго отправились три аэролета, — сказал Джонни, — чтобы взять на борт груз — гипоэстес. Они исчезли. Никакой радиосвязи. Никаких сообщений. Ничего.

Харт шумно дышал.

— Здесь действительно что-то странное, — сказал он.

— И это еще не все, — продолжал Джонни. — Грузовой корабль, который был отправлен из Нью-Йорка к Венере за гипоэстесом, возвращается. Едва он оказался за орбитой Луны, как начались неполадки с двигателями. Неподходящая топливная смесь.

Боб нашел доктора за столом в баре «Цветок Венеры».

— Как Сьюзен? — спросил Боб.

— Да все в порядке, — меланхолически ответил доктор. — Через несколько дней встанет на ноги.

Доктор погладил бутылку, затем с мрачным видом пристально посмотрел на нее и толкнул ее по столу к репортеру. Боб приложился к ней, и живой огонь марсианской бокки обжег его горло. Он поставил бутылку на стол и закашлялся.

— Боб, — сказал доктор, — я чувствую себя ниже, чем змеиное брюхо. Я не нахожу себе места и постоянно задаю себе вопрос, что же я собой представляю.

— Прекрасное состояние для человека, который нашел средство для лечения голодной болезни, — заметил Боб.

— Так-то оно так, — заметил доктор. — Понимаете, я не нашел то средство. Мне такое не пришло бы в голову и через сто лет. Но вы сказали людям, что именно я сделал это. И теперь Международное медицинское общество хочет, чтобы я прибыл в Нью-Йорк и был почетным гостем на большом банкете. Они собираются награждать меня. Об этом только что говорил по радио президент общества.

— Это прекрасно, — сказал Боб.

Доктор покачал головой.

— Ничего в этом прекрасного нет, — возразил он. — Я был похоронен в этой грязной дыре, и теперь я — мировой герой, потому что вы сделали меня им. Но докторам в Нью-Йорке не потребуется и пяти минут, чтобы понять, что я фальшивка. Я лишь старый пьяница. У меня почти не осталось мозгов, потому что слишком люблю спиртное. Все, на что я способен, это быть местным доктором. Я могу выправить сломанную ногу, могу вытащить больной зуб, могу лечить простуду, но больше я ни на что не гожусь.

— Вы пьяны, — сказал ему Боб. — Вы будете чувствовать себя по-другому, когда успокоитесь. Я сделал вас героем, и я сделаю все, чтобы вы таковым остались, даже если мне придется убить вас.

— Возможно, вы правы, — пробормотал доктор. — Во всяком случае, я не рад этой поездке в Нью-Йорк.

Они молча сидели и наблюдали, как дождь превращает улицу в реку.

— Как обстоят дела на фермах? — спросил доктор.

— Сейчас — мир, — сказал Боб. — Я надеюсь, что смогу сохранить его, пока Харт требует от суда

объявить запрет. Из Рейдиум-Сити прибыло около дюжины человек — представителей компании «Участки Венеры». Когда Зик оказал сопротивление и Ангус отказался вручать бумаги, те, кто сопровождал Ангуса, возвратились на аэролет за подкреплением. Потом целая толпа прибыла к хижине Зика, но там никого не оказалось. Зик и его жена убежали, чтобы предупредить своих друзей. Поэтому парни из «Участков Венеры» решили, я предполагаю, что у них есть некоторые права на землю. Зик поднял своих ребят, и теперь там вооруженный лагерь. Они охраняют каждую тропинку и взяли в кольцо хижину Зика. Достаточно ребятам из «Участков Венеры» сделать только одно неверное движение, и у фермеров будет повод для того, чтобы начать стрелять. Но я заставил Зика поклясться, что он будет сохранять мир максимально долго.

— Если кое-что не произойдет, причем довольно скоро, — сказал доктор. — Из города туда отправится вооруженный отряд. Никто здесь не испытывает большой любви к «Участкам Венеры».

— Все, что мы можем, это ждать, — сказал Боб. — Харт поменяет местами небеса и ад, но получит судебный запрет. Те корабли, которые

были отправлены за сорняками, должны вскоре оказаться здесь. Фактически они уже должны быть здесь.

6

— Что это?

По телефону доносился крик Харта:

— Я знаю, то, что ты должен сказать, важно, но подожди всего лишь секунду. Отдышись. Говори медленно, так, чтобы я мог понять тебя.

На экране видеотелефона Харт видел, что репортер сглотнул и сделал глубокий вдох.

— Похоже на то, — репортер теперь говорил медленно, короткими фразами, как будто включил тормоз для своего языка, — что парни из Межпланетного полицейского штаба в течение прошедших месяцев расследовали заговор, направленный против правительства Солнечной системы.

Заговор был раскрыт сегодня, когда полиция захватила одного из его участников. Они сделали ему некоторое внушение, и он заговорил. Он сообщил, что банда, членом которой он был, ответственна за голодную болезнь. Они распространили бактерии, которые явились причиной болезни на всей территории Венеры и Земли.

Они также планировали распространить их на Марсе.

— Эдвардс! — прорычал Харт. — Ты уверен, что получил верную информацию?

— Можете держать пари на меня, — сказал репортер. — Главный рассказал мне об этом.

— Херб! — проревел Харт, обращаясь к своему помощнику. — Подключайся и слушай. Итак, — сказал он репортеру, — продолжай.

— Абсурдная история, но это проверенная информация, — предупредил репортер.

— Мне, черт побери, все равно, насколько она абсурдная! — кричал Харт. — Если это новости, мы печатаем их.

— Полиция не сообщила нам имя парня, который дал признательные показания, но я видел его. Это здоровый мужчина, ростом намного выше, чем обычный человек, сильно загорелый, почти черный, как будто он много времени провел на солнце.

— Скажи мне, — произнес Харт, — ты собираешься рассказать нам, что случилось, или намерен целый день ходить вокруг да около? Мне нужны факты, и чем быстрее я их получу, тем лучше это будет для тебя.

— Хорошо, — сказал Эдвардс, — вот они. Муж-

чина, которого схватила полиция, признался им, что он не был настоящим землянином. Сказал, что прибыл с Марса и был членом некой секретной организации. Я узнал, как она правильно называется. Главный сказал мне по буквам. Г-е-н-з-и-к. Гензик. Он утверждал, что его сородичи управляли Марсом — это было тысячи лет назад. Но марсиане взбунтовались и выдворили их, отправили в изгнание. С тех пор это племя, или как их еще можно назвать, живет в пустыне.

— Эдвардс! — прорычал Харт. — Это все из области истории. Династия Гензик правила на Марсе тысячи лет назад.

— О, именно так, — сказал Эдвардс. — Об этом я не смог как следует разузнать. Во всяком случае, этот парень сказал полиции, что в течение многих лет гензики планировали завладеть тремя мирами — Марсом, Землей и Венерой. Но их было слишком мало, чтобы организовать настоящий захват, поэтому они вывели бактерии голодной болезни. Кажется, что это были те самые бактерии, от которых однажды чуть ли не вымерло население всего Марса. Гензики послали своих людей на Венеру и Марс и распространили бактерии там, где были для этого благоприятные условия. Полиция разослала

предупреждения всем своим отделениям, и они попытаются схватить остальных членов банды. Насколько я понял, на Венере и Земле несколько тысяч гензиков.

— Скажи, — рявкнул Харт, — главный сообщил тебе, что гензики ответственны за исчезновение трех кораблей, которые вылетели из Рейдиум-Сити?

— Да, — сказал Эдвардс, — я как раз хотел рассказать про это. Он также сообщил, что они были ответственны за неисправность земного грузового судна, которое отправилось на Венеру за этим сорняком. Понимаете, они знали об этом растении. Именно оно спасло жителей Марса несколько лет назад, когда голодная болезнь угрожала полностью уничтожить их. Но они не знали, что это был именно гипоэстес, пока не прочитали об этом в газете вчера вечером.

Этот парень утверждал, что, после того как марсиане выгнали гензиков, научные исследования на планете прекратились. По его словам, гензики были интеллектуалами и многое сделали для марсиан, но когда те ополчились против них, это привело гензиков в бешенство. Он сказал, что гензики давным-давно, тысячи лет назад, прибыли с Земли. Из какого-то места — что-то

вроде Атлантики…

— Из Атлантиды? — уточнил Харт.

— Да, именно так, — обрадовался Эдвардс.

— Слушай, — сказал Харт, — не хочешь ли ты сказать, что даже не знаешь древнюю историю об Атлантиде? Ты также не знаешь как следует марсианскую историю, например, кто такие гензики. Ты думал, что это была какая-то банда. Ты, возможно, предполагал, что столкнулся с сенсацией, но даже не мог представить, черт побери, ее значимость. Теперь я хочу, чтобы ты снова отправился в полицейский штаб и действовал там не как чертов немой. Я пошлю туда других парней, и когда они прибудут, можешь возвращаться. Я определю тебя на должность курьера, и если будешь плохо работать, выгоню тебя вон.

Харт закончил разговор и переключился на своего помощника.

— Ты слышал, Херб? — возбужденно спросил он, вглядываясь в экран.

Тот кивнул.

— Тогда все в порядке, — сказал Харт, — приступай к работе. Пошли одного из фотографов, чтобы тот попытался снять этого молодчика, пойманного полицией. Пошли кого-нибудь на смену Эдвардсу. Он слишком туп. Пусть кто-нибудь зай-

мется историей древних гензиков и придумает какую-нибудь забавную небылицу. Используйте линию мести. После того как марсиане их выдворили, парни скрывались где-нибудь на Марсе в течение столетий, едва сдерживали ненависть и планировали месть. Усильте линию Атлантиды. Кто-то когда-то предложил теорию, что гензики были или из Атлантиды, или из цивилизации Му. Расскажите, как они строили космический корабль. Когда наши предки все еще раскачивались на деревьях, те отправились на Марс основывать династию. Не могу вспомнить, кто эту теорию предложил, но получилось очень забавно.

— Я знаю, кто это был, — спокойно сказал Херб. — Это наш старый друг, доктор Джекоб Ханслер. Все знают, что он был малость того.

Харт стукнул кулаком по столу.

— Херб, — сказал он, — вот еще одна линия. Снова старый Джейк. Это можно увязать прямо с сорняком — как Джейк нашел траву, и прочее.

Редактор снова переключил телефон на свой кабинет.

— Я собираюсь вызвать начальника полиции и узнать, какие он принимает меры, чтобы защитить Нью-Чикаго. В любую минуту там разверзнется ад. Или гензики попытаются уничтожить

поля с сорняком, или я грязный космический мерзавец.

Но как только он взял трубку, раздался тихий сигнал зуммера.

Бросив взгляд на экран, Харт увидел лицо судьи Филлипса.

— О, это вы, — сказал он.

— Да, господин Харт, — сказал судья. — Я звоню вам затем, чтобы сообщить, что я действовал согласно вашему предложению. Власти Нью-Чикаго уже уведомлены относительно судебного запрета и проинструктированы, чтобы действовать соответственно.

7

Ангус Макдоналд подвернул брюки и переместил жвачку в другую сторону рта.

— За все годы на посту начальника полиции этого города, — объявил он, — я никогда не испытывал ничего подобного. Я собираюсь получить удовольствие от этой работы. Уверен, я хорошо проведу время, вышибая тех сосунков из «Участков Венеры» с фермы Зика.

Он сложил вместе свои мощные кулаки и с восхищением уставился на них.

— Я определенно надеюсь, что они будут сопро-

тивляться, — задумчиво заметил он.

Он сунул в карман желтый лист бумаги, на котором были напечатаны инструкции, полученные из суда Рейдиум-Сити.

— Идешь со мной, Боб? — спросил он.

— Нет, — сказал Боб, — я собираюсь оставаться здесь и ждать аэролеты с полицейскими из Рейдиум-Сити. Они должны появиться здесь с минуты на минуту. После того как Харт сказал мне, что мы сидим прямо на бочке с динолом[12], я буду чувствовать себя в большей безопасности, когда полиция окажется здесь.

— А вы, док, не хотите пойти? — спросил Ангус.

— Нет, — сказал доктор. — День был слишком напряженным, и я чувствую себя измотанным. Но я — счастливый человек. Эти новости о гензиках подтвердили мою веру в старого Джейка. Они смеялись над ним тогда, на Земле, когда он сказал, что гензики были из Атлантиды. А сейчас этому получено подтверждение.

— Что ж, ладно, — сказал Ангус. — Но вы, мальчики, пропускаете большую забаву.

Увязая в доходившей до лодыжек красной гря-

---

[12] Примечания: 12

Диазодинитрофенол — взрывчатое вещество.

зи, Ангус начал спускаться вниз по дороге.

— Все еще боевая кляча. — Доктор проводил его взглядом. — Это подтверждает слухи о нем — что в свое время он был настоящим дьяволом. Тридцать лет назад он контролировал все движение между Марсом и Землей. Время от времени вся межпланетная полиция охотилась за ним. Но у него было хорошее судно, и он всегда улепетывал, так что пятки сверкали. Старики утверждают, что он мог заставить космический корабль развернуться на десятицентовике.

— Давайте вернемся на радиостанцию, — предложил Боб. — Вы и Сенди сможете закончить ту партию в шашки, а за это время и полицейские аэролеты появятся.

— О'кей, — сказал доктор.

Издали послышался крик Ангуса.

— Приземляется корабль! — вопил он.

Они замерли в ожидании. С востока донесся слабый рев турбин.

— Немедленно прячьтесь, — вопил Ангус, обращаясь к ним.

Снова послышался рев турбин, на сей раз громче.

— Это не полицейское судно, — сказал Боб.

— И также не транспорт, — объявил доктор.

Турбины снова взревели, и на востоке у линии горизонта наблюдатели увидели, как облака вспыхивают ярко-красным светом.

Затем почти рядом — так всем показалось — раздался взрыв, и вдали, из-за низких облаков, взметнулось грозное пламя извергающихся ракет.

Судно уходило на запад по кругу, затем возвращалось, нанося вдали удары, о чем свидетельствовали звуки коротких взрывов.

— Приближается, — сказал Боб.

Судно снижалось, направляясь к посадочной площадке. Это был красивый корабль, сиявший серебристым блеском даже в полумраке приближавшихся сумерек.

— Никогда не видел ничего подобного, — сказал доктор.

Двигаясь на высоте всего лишь в несколько сотен футов, судно промчалось над городом и развернулось в сторону поля.

Внезапно из носа судна выскочил язык красного пламени, пламя ударило рядом с радиостанцией и принялось уничтожать все на своем пути.

Опаляющаяся волна жара неслась к Бобу и доктору; жар душил их и, казалось, иссушал глазные яблоки — как будто кто-то внезапно открыл

дверцу раскаленной добела огненной топки.

Корабль стремительно пронесся над полем и по широкой дуге снова направился к городу.

— Бежим! — крикнул Боб доктору. — В джунгли! Это гензики! Они собираются разрушить город!

Но доктор не побежал. Вместо этого он схватил Боба за рукав и указал на поле.

— Посмотри на Ангуса! — кричал он. — Что, черт побери, он вытворяет?

Паля из пистолета, Ангус бежал по полю, направляясь прямо к аэролету, принадлежащему «Участкам Венеры».

— Мой бог, — вздохнул Боб. — Он собирается бороться с ними голыми руками.

— Ангус! — кричал доктор. — Возвращайтесь! Вы ничего не сможете сделать. У вас нет шанса! Это не боевой корабль!

Но Ангус, очевидно, его не слышал.

Они видели, что он достиг аэролета и сбил замок двери единственным выстрелом из пистолета. А затем голыми руками рванул раскаленную дверь, открыл ее и исчез внутри судна.

— Старый дурак, сумасшедший, — сказал доктор. — Сенди был на станции, и теперь он мертв. Мальчик был всем для Ангуса. Это правда.

Корабль гензиков возвратился и на этот раз

набросился на город. Он несся по посадочной площадке, и снова из его носа вылетел язык пламени. Огонь охватил ближайшее здание, перекинулся на соседнее. Судно резко набрало высоту, оставляя внизу смерть и разрушения, вся восточная сторона улицы была сожжена дотла, осталось лишь несколько стальных перекрытий, которые все еще продолжали пылать.

Кричащие люди заполнили улицу: бегущие испуганные люди — одни устремились искать спасение в джунглях, другие бесцельно метались, несколько человек застыли на месте, словно парализованные, пристально глядя в облака.

С посадочной площадки послышался оглушительный рев — это корабль «Участков Венеры» устремился вверх с ужасающей скоростью, чтобы исчезнуть в тяжелых облаках.

Судно гензиков кружилось с громким шумом, прерывавшимся короткими взрывами, выбирая позицию, чтобы ударить по зданиям на западной стороне улицы.

— Возможно, лучше будет отправиться в джунгли, — предложил доктор.

Боб кивнул.

— Мало что останется от Нью-Чикаго после этих парней, — сказал он. — Они разрушат город,

а затем спалят фермы. Они превратят эти земли в пустыню. После них не останется никакой растительности, включая и гипоэстес.

— Там, в небе, Ангус, — сказал доктор.

— Но что он может? У него нет ничего, чтобы сразиться с ними, — возразил Боб.

Судно гензиков возвращалось назад к городу. Через облака двое на дороге могли видеть его серебристую тушу.

Доктор и Боб помчались в джунгли, но на опушке девственного леса они остановились и оглянулись назад, поскольку ряд оглушительных взрывов сотряс землю у них под ногами.

Судно гензиков приближалось к краю города, но выше него, пылая турбинами, мчался черный аэролет — воздушное судно «Участков Венеры», управляемое старым сорвиголовой, человеком, который, как утверждали старики, мог развернуть космический корабль на десятицентовике.

Подобно пылающему метеору, черный аэролет устремился вниз, все вокруг дрожало от рева его турбин.

Звука выпущенной ракеты почти не было слышно, небо осветилось грибообразным пламенем белого цвета, и джунгли сотряслись от мощного взрыва.

Долю секунды Боб видел два судна, окруженные короной ослепляющего сине-белого пламени — взорвались топливные баки. Затем оба корабля, испуская полосы огня, тяжелым грузом рухнули в джунгли.

— Во имя небес, — сказал доктор, — он сделал это. И умер так, как он всегда хотел, — сжимая руками штурвал корабля.

— Знаете, — сказал доктор, — я снова верю в себя. Я не собираюсь позволять любому из этих высокопоставленных нью-йоркских медиков относиться ко мне пренебрежительно. Мои размышления не оказались бесплодными. Я собираюсь сказать: «Господа, мне очень приятно находиться здесь…».

— Несомненно, — сказал Боб, — ваши размышления принесли свои плоды, но что вы собираетесь говорить после этого?

— Скажу, что я также определил причину болезни.

— Послушайте, доктор, хватит болтать, — предупредил Боб. — Вам пора подняться на борт судна. Есть правило, запрещающее пить на борту, и если вы не совсем трезвый, вас заставят ждать следующее судно.

Вдвоем они направлялись к огромному кораб-

лю, который через некоторое время собирался стартовать с аэродрома Нью-Чикаго.

Боб уже ступил на трап, когда услышал, как кто-то зовет его.

Это был Зик, он бежал, размахивая руками, кобура колотила его по бедру.

— Подождите! — кричал он. — Подождите минуту, Боб!

Боб ждал.

Остановившись у подножия трапа, Зик схватил его за руку.

— Помните, я рассказывал вам о сцинке? — спросил он. — О том, который жил среди груды бревен?

Боб кивнул.

— Эта чертова тварь мучила меня в течение многих месяцев, — сказал Зик. — Я устроил засаду, но никак не мог пристрелить ее.

— Итак, я предполагаю, что вы наконец расправились с ней, — сказал Боб.

— Черт, нет, — сказал Зик. — Сегодня утром у нее родились детеныши.

Мятеж на Меркурии
Перевод И. Тетериной

Том Кларк смотрел на саблю, которую держал в руке. Ей следовало бы находиться в каком-нибудь музее, ибо вещь была уникальная. Лезвие ярко блестело, а рукоять являла собой настоящее произведение искусства, в котором древние достигли невероятных высот.

Не одно столетие прошло с тех пор, когда эта сабля в последний раз собирала свою кровавую жатву. Но сегодня, в помещении атмосферной станции, которая наполняла кислородом исполинский кварцевый купол в сумеречном поясе планеты Меркурий, обнаженный клинок вспыхнул и ожил, снова превратившись в оружие. Он не был больше бесценным реликтом прошлого, обреченным оставаться любопытной диковинкой в глазах расы, давным-давно позабывшей о его истинном предназначении.

Эта сабля принадлежала Бену Джейкобсу — фамильная реликвия, из сентиментальности передаваемая от отца к сыну на протяжении многих поколений. Без сомнения, она стоила целого

состояния, поскольку в земных музеях подобное оружие было представлено всего несколькими экземплярами. Но теперь Бен Джейкобс лежал навзничь на полу станции, сраженный дюжим селенитом.

Для Джейкобса эта сабля была символом. Он привез ее с Земли на эту богом забытую планету, где единственным признаком жизни был десяток громадных кварцевых куполов, установленных над десятком же рудников, которые целиком и полностью принадлежали Вселенской Горнодобывающей компании и ею же управлялись.

Всего лишь двадцать четыре часа назад он рассказал Тому историю этой сабли. Теперь Джейкобс лежал без движения на полу, а благородную сталь обагрила кровь поверженных врагов.

Том осторожно опустил острие клинка на пол и обвел взглядом неподвижно лежавшие тела. Их было три. Одно принадлежало марсианину — желтокожему уроду, с восемью конечностями и безобразными бородавками, усеивавшими кожу. На безволосой голове, почти отсеченной от туловища, красовались три глаза: два там, где их полагалось иметь всем землянам, а третий на макушке. Его нос и сведенный предсмертным оскалом рот казались очень крупными, а уши так

и вовсе были почти вдвое больше, чем у людей.

Оставшиеся два тела принадлежали селенитам, обитателям Луны. Они были гигантского роста, но при этом обладали маленькими головками, непропорционально развитыми торсами, длинными мощными руками и короткими, но необычайно сильными ногами, имеющими то же строение, что и задние лапы кенгуру.

Том снова поднял клинок и провел пальцами вдоль лезвия, они тут же стали красными и липкими.

Он угрюмо рассмеялся. Сабля, это древнее оружие, добавила еще одну строку к длинному списку, которому, как гласили легенды, было положено начало в тысяча восемьсот пятнадцатом году, в самом конце Наполеоновских войн. Столетие за столетием этот клинок считался фамильной ценностью, памятным сувениром. Однако сегодня он вновь заявил о себе. Он ожил и вспыхнул, глубоко впился в плоть и кости, покрыл себя кровью.

Перешагнув через труп одного из селенитов, Том подошел к распростертому телу Бена Джейкобса. Он собственными глазами видел, как могучий кулак одного из теперь уже бездыханных лунян свалил Джейкобса с ног, словно быка,

но все же оставалась надежда, что человек еще жив.

Опустившись на колени, он приложил ухо к груди поверженного владельца древнего оружия. И не уловил ни единого, даже самого слабого, звука. Том взглянул на голову Джейкобса, и то, что он увидел, бесспорно свидетельствовало об одном: блестящий молодой ученый, отвечавший за работу атмосферной станции, мертв.

Том поднялся и обвел взглядом зал, в котором поселилась смерть. Огромное помещение со множеством шкал, трубок, проводов, регулирующих клапанов, движущихся поршней и громадной приборной панелью по центру являло собой упорядоченную путаницу. Тишина, которую мерный гул оборудования лишь подчеркивал, навалилась на него со всех сторон, и он внезапно понял, что остался единственным живым землянином на Шахте Номер Девять.

Снаружи, возможно, еще рыскали селениты, и не исключено, что и марсиане, но их едва ли осталось так уж много. Единственный станционный пулемет, в минуту изрыгавший более ста пятидесяти атомных пуль, успел заметно проредить толпу мятежников, прежде чем камень, запущенный одним из селенитов, свалил с ног

Макгрегора, их радиста. Последний, которого бунт застал врасплох, не сумел добраться до своей кабинки, чтобы передать сигнал бедствия, и философски, как истинный шотландец, сделал то, что мог: вытащил пулемет и принялся косить толпу вопящих рудокопов, которые крушили радиостанцию.

Если бы Макгрегор находился на своем посту, где ему и надлежало пребывать в то время, когда он перебрасывался в картишки со старым Энди Шварцем, главным инженером, сообщение о восстании и просьба о помощи были бы отправлены без промедления. С этим он не справился, но зато спас шахту и дорогостоящую аппаратуру от разгрома, просто-напросто сократив количество рук, готовых громить.

Восстание стало для всех полной неожиданностью и разразилось в тот момент, когда вторая смена выходила из шахты, а третья готовилась к спуску. И едва только началось нападение, рудокопы, приписанные к первой смене, очевидно, по условному сигналу вырвались из своих бараков и присоединились к мятежникам.

От бригадиров-землян, по всей видимости, аккуратно избавились, потому что наверх не поступало никаких предупреждений о том, что в

шахте что-то не так. Неладное заподозрили лишь после того, как рудокопы поднялись наверх без бригадиров. Удар был нанесен, прежде чем они успели задать вопрос о судьбе отсутствующих землян.

— Это все проклятые марсиане! — прокричал Хэл Итон, молоденький табельщик, всего шесть недель как прилетевший с Земли, и рухнул, сраженный мощным ударом кирки огромного селенита.

Том, выхватывая атомный пистолет из кобуры, уже знал, что Итон не ошибся. Марсиане были известными на всю Солнечную систему смутьянами и предателями. Когда-то вольный, но спесивый народ, считавший свою культуру и науку самыми прогрессивными во всей Вселенной, они до сих пор, сотни лет спустя, возмущались подневольным положением, в которое попали, — иначе людям было никак не обуздать их дьявольскую хитрость и непомерное самомнение. Они вечно сколачивали тайные общества, постоянно затевали локальные революции. Все знали: если где-то началась какая-то смута, дело вряд ли обошлось без марсианина.

Том навел пистолет на толпу мчащихся к нему селенитов и нажал на спусковой крючок. Раз-

дался резкий зловещий хлопок. Возглавлявший шайку лунянин исчез, оставив после себя облачко белой пыли, а его занесенная лопата с лязгом упала на землю.

Автоматический пистолет начал выплевывать заряд за зарядом. Даже тупоголовые селениты, которым было неведомо чувство страха, не могли устоять под дулом пистолета, обращавшего всякий раз, когда раздавался его голос, одного из их собратьев в горстку пыли.

Во всех концах огромного купола слышался шум стрельбы и топот множества ног по утрамбованной земле. Но больше не раздавалось никаких звуков. Было что-то жуткое в том, как эти с трудом соображающие, похожие на быков селениты шли в атаку: безмолвные, неповоротливые, вооруженные лишь своими кирками или даже без них, просто с голыми руками.

Где-то неподалеку от атмосферной станции послышалась частая дробь, чем-то похожая на стук капель по жестяной крыше. Кто-то вытащил пулемет. Удачная мысль! Приняв внешнюю видимость порядка на станции за чистую монету и уверовав в повсеместную безопасность, бывший управляющий, мягкотелый болван, которому было совершенно нечего делать на такой долж-

ности, распорядился за ненадобностью убрать пулемет подальше. Он продержался всего шесть месяцев и был по собственной просьбе переведен обратно на Землю. Очень жаль, что ему не довелось пожать плоды своего бестолкового управления.

Мимо головы Тома просвистел камень. Луняне возвращались. Они отступили за груду отработанной породы. Теперь они показались из-за отвала с полными пригоршнями камней и устремились к землянину, швыряя булыжники прямо на ходу.

Том вскинул руку с пистолетом и прицелился. Не успел он спустить курок, как камень, запущенный с немалой силой, угодил ему прямо в локоть. Пистолет выпал на утоптанную землю.

Едва Том наклонился, чтобы поднять его, как еще один булыжник ударил его под ребра и опрокинул на бок. Камни посыпались на него со всех сторон, он попытался подняться на колени, но снова был сбит.

Луняне уже почти обступили его. Целились они из рук вон плохо, а не то ему моментально пришел бы конец. Однако рано или поздно попадания перестанут быть только случайными. В конце концов кто-нибудь засветит ему камнем в голову, и его песенка будет спета. На долю секун-

ды у него вспыхнула надежда, что какой-нибудь острый булыжник прикончит его до того, как эти оборванцы до него доберутся.

— Лежи, я разберусь с этими ребятами!

Том вывернул шею — и в ту же секунду гневно застрекотал пулемет. Перед входом в атмосферную станцию старый Макгрегор, с седой шевелюрой, похожей на львиную гриву, в разодранной рубахе, яростно перемалывал зубами слишком большой кусок жевательного табака, припав к прицелу пулемета. Дуло, изрыгавшее огненную смерть, казалось, дрожало от возбуждения.

Над головой Тома пели свою убийственную песнь пули, а за спиной у него — он знал это — жаждавшие его смерти селениты один за другим превращались в облачка белого пепла.

Медленно, по-пластунски, не поднимая головы от земли, ибо у него не было никакого желания схлопотать одну из этих смертоносных пуль, он пополз к Макгрегору.

Стрекот пулемета и свист пуль утихли.

— Все чисто, приятель, — крикнул старый Макгрегор, и Том, вскочив на ноги, бросился вперед, забыв о пистолете, который остался лежать там, куда он его уронил.

Когда до старика, который вынимал пустой

магазин, чтобы установить новый, оставалось несколько считаных шагов, из-за угла атмосферной станции выскочил марсианин, а за ним еще два селенита.

Не успел Том предупредить своего друга, как один из селенитов запустил в Макгрегора камнем и попал ему точно в висок.

Старик медленно завалился набок. Марсианин и оба селенита помчались к двери атмосферной станции.

Том рванулся вдогонку, совсем позабыв, что остался безоружен. Пробегая мимо Макгрегора, он заметил, что седая голова старого друга покоится в луже крови, а его черты уже тронуты смертной бледностью.

Том выругался себе под нос и бросился к троице мятежников, которые неуклюже, при помощи грубой силы, пытались вскрыть запертую дверь станции.

Увидев бегущего к ним человека, оба селенита, которых годами приучали повиноваться землянам, тут же забыли о бунте, в ужасе завопили и дружно налегли на дверь. Тяжелые створки не выдержали удара и разлетелись.

Том оказался на пороге в тот самый момент, когда один из верзил свалил молодого Джейкобса

на пол чудовищным ударом кулака.

На крик ярости, вырвавшийся у Тома, все трое мигом обернулись к нему. Физиономии обоих лунян оставались бесстрастными, если не считать бусинок глаз: они горели безумным огнем; черты безобразного марсианина свело в оскал загнанного в угол зверя.

Лишь тогда Том сообразил, что его руки пусты. Его взгляд упал на саблю, лежавшую на столике слева от входа. Всего лишь сутки назад он слушал историю этого самого оружия из уст Джейкобса. То была захватывающая история, повесть о тех временах, когда люди сражались один на один.

Левая рука Тома потянулась к ножнам, и едва он выхватил клинок из его убежища, как все трое бросились на него.

Прижимаясь к столу, он ударил ближайшего к нему селенита, и тот отшатнулся, воя от боли и хватаясь за живот. Острие оружия окрасилось алым.

Второй лунянин застыл на месте, и Том, воспользовавшись представившейся возможностью, бросился на него с занесенным клинком. Верзила попытался увернуться, но клинок, просвистев в воздухе, угодил ему в основание шеи и вонзился глубоко в плоть. Лунянин осел на пол, и оружие

осталось у землянина в руках.

Массивный гаечный ключ, пущенный рукой марсианина, пролетел на волосок от головы Тома и попал в батарею бутылок, выставленных на полке на стене.

— Ну, погоди у меня, — прорычал Том, обращаясь к марсианину, и тот, злобно скалясь, попятился от наступавшего землянина.

Уцелевший селенит, все так же зажимая ладонью рану на животе, неуклюже вклинился между землянином и марсианином. Том без лишних слов прикончил его ударом в горло.

Перешагнув повалившееся ничком тело, он приблизился к марсианину, который забился в угол зала.

И тут, вытянув все шесть рук со скрюченными, словно когти, пальцами и ощерив клыкастый рот, марсианин бросился в атаку.

Том, застигнутый врасплох, шарахнулся и, споткнувшись о мертвого селенита, растянулся во весь рост, а марсианин почти оседлал его.

Землянин смотрел прямо в красные глаза нападавшего, ощущал его скрюченные пальцы на своем горле. Из оскаленного рта ему на щеку стекала слюна.

Изо всех сил Том ударил марсианина кулаком

и попал ему в висок. Оглушенный ударом, тот на миг разжал пальцы, и Том, рванувшись в сторону, вывернулся из-под насевшего на него противника.

Оба одновременно вскочили на ноги и оказались лицом к лицу.

Том поднял саблю.

— Сдаюсь, сдаюсь, — прошамкал марсианин, и в его глазах при виде занесенного клинка мелькнул страх.

С кривой улыбкой Том с силой опустил клинок на желтокожую голову. Марсианин нелепо раскинул все восемь конечностей и осел на пол, его голова едва не отлетела от тела.

Том обтер клинок и вернул его обратно в ножны.

Джейкобс был мертв. Макгрегор тоже. Не было никаких сомнений в том, что и все остальные земляне, кроме него, были убиты.

Он стоял в центре зала и пытался сообразить, что же делать дальше.

Скорее всего, на станции еще оставалось несколько десятков лунян и марсиан. Вероятно, они уже громили все вокруг, пытаясь таким глупым способом отомстить господствующей расе землян, принуждавших их работать на рудниках

и в лесах на нескольких отдаленных планетах.

Он хладнокровно взвесил ситуацию. Первым делом он вооружится, найдет остатки мятежников и уничтожит их. Потом будет ждать, пока не придет помощь. Когда с Шахты Номер Один не смогут с ними связаться, они заподозрят неладное и отправятся на разведку. О его бедственном положении станет известно буквально через несколько часов.

Атмосферная станция, даже лишившись управления, проработает еще довольно долго, и разведывательная группа успеет прибыть вовремя.

В ящике в шкафу Том нашел пистолет и, убедившись, что он заряжен, сунул его в кобуру.

По пути к двери его взгляд привлекла одна из шкал. Стрелка бешено трепетала. Сначала он изумился, потом пришел в отчаяние. Очевидно, какой-то недоумок умудрился открыть один из воздушных шлюзов в куполе, и теперь кислород утекал в практически безвоздушную пустыню планеты. Вскоре атмосфера под куполом перестанет отличаться от атмосферы снаружи, и любому человеку, оставшемуся без какого-либо средства защиты и кислородного генератора, придет конец.

У него оставался единственный выход. Нужно

добраться до одной из машин и попытаться спастись на Шахте Номер Восемь, расположенной в десяти милях отсюда.

Уже у самой двери он осознал, что все еще сжимает в руках саблю, и почти уже бросил ее, но потом вдруг передумал и решил взять с собой. Он и сам не знал зачем. Быть может, сказал он себе с ухмылкой, семья Джейкобса захочет получить свою реликвию обратно, когда, вернее, если он вернется на Землю.

Едва он очутился за дверью, как неистовый ветер, явление, доселе под исполинским куполом небывалое, ударил ему в лицо и чуть не сбил с ног. Это в открытый шлюз уходил воздух.

Бушующий мир

Сражаясь с мощными воздушными потоками, гулявшими под куполом, Том преодолел двор и добрался до ангара, где стояли машины.

Там он обнаружил настоящий разгром — жалкий металлолом, оставшийся от трех машин, раскуроченных каким-то тяжелым инструментом, скорее всего кувалдой. Всего машин было четыре. Одна пропала. Очевидно, шайка мятежников разбила три машины и, оставив в целости и сохранности последнюю, бежала на ней, открыв

по пути воздушный шлюз. Без пары-тройки марсиан тут наверняка не обошлось. Тупоголовые селениты не обладали достаточным интеллектом, чтобы открыть дверь, не говоря уж о том, чтобы вести машину.

Том разразился проклятиями. Через час атмосфера под куполом станет такой же, как в пустыне снаружи, где не может выжить ни один человек. И зачем только этим тупым чиновникам во что бы то ни стало потребовалось настоять, чтобы на каждой шахте непременно работало по нескольку марсиан? Уж лучше бы они сразу изничтожили всю эту расу.

И с машинами то же самое. Почему компания не предоставила им вместо машин легкие ракетопланы? Опять сэкономить решили! Конечно, машина обходится примерно вдвое дешевле ракетоплана. Какое дело олухам из начальственных кабинетов до горстки людей на этих выселках? Хотя что машины, что ракетопланы — все равно их бы разгромили. Ему надо было выбираться из этой передряги.

Воздушные потоки, стремящиеся к открытому шлюзу, гремели плохо закрепленными листами оцинкованной стали на крыше ангара.

У Тома мелькнула мысль попытаться закрыть

шлюз, но он тут же отбросил ее, поскольку эта задача была для него невыполнима. По всей видимости, воздух уходил через шлюз номер три, расположенный в доброй полумиле к востоку. Слишком много времени уйдет, чтобы туда добраться, но даже если у него и получится, воздушные потоки подхватят его, как соломинку, и унесут в ужасную пустыню, где разреженная атмосфера убивает любую жизнь.

Оставалась единственная надежда.

В машинах хранились металлические скафандры как для землян, так и для их подчиненных марсиан и лунян. Скафандры были оборудованы небольшими кислородными генераторами. Выработанный ими воздух охлаждался миниатюрными рефрижераторами, сходными с большой холодильной установкой, которая была подсоединена к атмосферным генераторам под куполом. Скафандр, наполненный прохладным воздухом, который несколько смягчал невыносимую жару пустыни, вполне можно было использовать для непродолжительных вылазок за пределы купола или машины, но представлялось сомнительным, чтобы в таком скафандре человек мог преодолеть десять миль по обжигающим меркурианским пескам.

Находясь в скафандре, человек не мог ни есть, ни пить. Одна мысль о долгих часах без воды ужасала его, но делать было нечего. Это была единственная его надежда — если только мятежники не догадались заодно уничтожить и скафандры тоже. К счастью, в шкафчике одной из разбитых машин он обнаружил несколько скафандров.

Атмосфера под куполом с каждой минутой становилась все менее пригодной для дыхания, и сердце у Тома колотилось как бешеное, когда он влез в один из скафандров и подключил кислородный генератор.

Он пристегнул к скафандру кобуру с пистолетом и саблю Джейкобса и неуклюже побрел вперед, направляясь к уже все равно открытому шлюзу номер три.

Несмотря на ветер, который швырял в него пригоршни мелких камешков и тучи пыли, он пересек двор, преодолел лабиринт улочек и очутился на окраине поселения, пройдя примерно половину пути до шлюза.

Позади послышался грохот — это опрокинулся один из домиков, крепления которого сорвало ветром.

Обернувшись, он увидел, как ветер кувыркает

второй домик, взметая обломки щитов и щепки высоко в воздухе. Листы гофрированного железа, сорванные с крыш зданий, кружили над двором.

Том застонал. Он столько лет проработал на Вселенскую Горнодобывающую компанию, что она стала частью его жизни, чем-то очень родным. Удар по ней был ударом по нему. Шахта Номер Девять, скорее всего, будет полностью разрушена ужасным ветром, который бушевал под огромным куполом. Он уже разгромил ее ничуть не хуже, чем это сделали бы победившие мятежники, если бы их осталось достаточно, чтобы произвести разрушение.

Отважные люди погибли, защищая станцию. Люди, которых он знал многие годы. Старый Макгрегор с неизменной плиткой табака за щекой и сердцем льва. Молодой Джейкобс, блестящий ученый, замечательный юноша со своей старинной саблей — саблей, которая теперь висела на боку у Кларка.

Не обращая внимания на слезы, которые застилали глаза, он развернулся и побрел дальше.

Кислородный генератор работал исправно. Однако Том понимал, что не пройдет он и нескольких миль, как его передвижение станет куда как менее приятным. Где-то в глубине души

его грызли мучительные сомнения в собственной способности преодолеть эти десять миль лишенной воздуха раскаленной пустыни. Но он упорно давил эти мысли, сознавая, что сомнения лишь сокращают его шансы добраться до Шахты Номер Восемь.

Ветер начал стихать, но он не торопился, поскольку знал, что приближаться к шлюзу слишком быстро опасно, его могло подхватить потоком и, покрутив немного, с размаху швырнуть на землю.

Поселение у него за спиной превратилось в груду обломков, и лишь атмосферная станция продолжала неколебимо стоять на своем месте.

Убийственные воздушные потоки через несколько минут почти совсем стихли, и Том, поразмыслив, решил, что, пожалуй, пора выбираться наружу, благо до шлюза было уже рукой подать. Он двинулся в ту сторону.

Добредя до шлюза, Том заметил, что внутренний люк, плотно прижатый к воздушной камере, не поврежден, в то время как внешний сорван с петель и валяется в сотне футов, глубоко зарывшись в песок.

Некоторое время Том стоял в воздушной камере и думал. Если он сумеет закрыть внутренний люк

и если атмосферная станция все еще работает, то через некоторое время снова восстановятся сносные атмосферные условия. Он подозревал, что вновь наполнить огромный купол живительным кислородом будет делом не одной минуты. Но сколько именно часов на это уйдет, не знал. Он ведь был геологом, а не инженером. Пока установка будет вырабатывать кислород, он может находиться в скафандре и ждать, когда прибудет спасательная группа.

Он взялся за дверцу люка и медленно потянул ее. Она с глухим звуком встала на место, но характерного щелчка, с которым автоматические задвижки входили в пазы, так и не услышал.

Лицо Тома под шлемом побледнело. Шлюз был сломан, выведен из строя в ходе исполнения дьявольского плана мятежников, задумавших уничтожить станцию. Последняя надежда рухнула. Теперь ему оставался лишь путь через пустыню.

С широко раскрытыми глазами он вышел из воздушной камеры. Слева от него, в нескольких сотнях ярдов, на боку лежала машина, которую, по-видимому, угнали марсиане и селениты.

С учащенно бьющимся сердцем Том бросился вперед. Судя по всему, что-то произошло. Десять

против одного, что бедные недоумки не учли: открыв две двери одновременно, они окажутся в столь же бедственном положении, как и те, кто остался внутри купола. Первый же порыв ветра подхватил машину вместе с ее пассажирами и понес на верную гибель.

Добравшись до машины, он обнаружил, что три иллюминатора разбиты. Он заглянул внутрь и увидел трупы шестерых лунян и двух марсиан с вытаращенными от ужаса глазами и окровавленными ртами.

Надежда, вспыхнувшая в его душе при виде машины, угасла, едва он оценил масштаб повреждений. Оказалось, что, кроме трех разбитых иллюминаторов, сломаны еще и некоторые механизмы. С незначительными повреждениями он мог бы и справиться и, подняв машину при помощи домкратов, воспользоваться ею в своем вынужденном путешествии по пустыне.

Теперь и эта надежда рассыпалась в прах.

На мгновение он задумался, не разумнее ли будет остаться неподалеку от купола и ждать прибытия спасательного корабля.

Однако после непродолжительных размышлений он пришел к выводу, что это была бы чистой воды авантюра. Если спасательный корабль не

прибудет в течение ближайших трех часов, они обнаружат в скафандре его труп, поскольку продержаться в нем дольше — выше человеческих возможностей. В лучшем случае он свихнется от дискомфорта и жары, с которой миниатюрный рефрижератор в конце концов перестанет справляться.

Он должен победить пустыню. Другого выбора не было. Может быть, он доберется до Шахты Номер Восемь, а может быть, и нет.

Песок скользил у него под ногами, а солнце, огромный огненный шар, извечно пылающий над восточным горизонтом, безжалостно поджаривало левый бок, но Том начал свой долгий путь.

Он шагал по миру, в котором не было ни единой живой души. Всюду, куда ни глянь, расстилался желтый и белый песок, сухой, словно пыль, давным-давно утративший всю влагу, которая когда-то могла содержаться на поверхности этой планеты. Там и сям возвышались причудливые груды булыжников. Здесь не было даже намека на жизнь: нигде ни деревца, ни травинки, поскольку не было ни сколько-нибудь существенной атмосферы, ни воды. То была мертвая планета, навеки прикованная к своему деспотичному

повелителю, Солнцу, планета, вращающаяся вокруг собственной оси столь медленно, что одно выжженное зноем полушарие постоянно было обращено к безжалостному светилу, тогда как второе, насквозь промерзшее и погруженное в вечную ночь, смотрело в бескрайний космос.

Здесь, в сумеречном поясе, находилось единственное место, где могли существовать люди, но только имея в полном своем распоряжении все средства защиты от этой убийственной планеты. Здесь, на границе между смертоносной жарой и столь же смертоносной стужей, где лучи солнца всегда падали почти горизонтально, человек мог жить, если у него были установки для выработки кислорода и надежные кварцевые купола.

Слева находилось раскаленное горнило этого мира, справа — скованный запредельным морозом ледник.

Казалось, целую вечность Том, спотыкаясь, брел по раскаленной пустыне. Коварный песок ускользал из-под ног и снова и снова ставил его на колени. Несмотря на незначительную силу тяжести, он продвигался вперед очень медленно: скафандр был тяжелым. На Земле его вес расплющил бы человека в лепешку.

Он преодолел уже примерно мили четыре,

когда увидел невдалеке возвышающийся скалистый хребет, серый и складчатый. Это было одно из тех мест, где горная порода выходила на поверхность планеты.

При виде его Том вздохнул с облегчением. Скала сулила тень, кратковременное спасение от палящих лучей солнца. Едва волоча ноги, он двинулся к хребту.

Путь казался бесконечным, но Том все же добрел до скалы и без сил опустился в ее тени, привалившись к огромному валуну. Он блаженно вздохнул и закрыл глаза. Надолго задерживаться здесь он не мог, но намеревался как можно лучше распорядиться тем временем, которое у него было.

Открыв глаза, он увидел две тени, которые скользили по песку, направляясь прямо к нему. По всей видимости, позади него на скале находились какие-то живые существа.

Том молниеносно вскочил на ноги и очутился лицом к лицу с двумя марсианами, облаченными в сверкающие скафандры.

На долю секунды он застыл в изумлении, потом его рука метнулась к кобуре. Но пальцы в стальной перчатке сжали пустоту. Лицо Тома побледнело. Где-то по пути пистолет выпал и

теперь лежал на меркурианском песке, в котором не остается следов.

Марсиане не отводили взгляда от его пустой руки. Он поднял глаза и увидел, как их безобразные лица за стеклами шлемов медленно расплываются в одинаковых гадких улыбках. Они поняли, что он потерял пистолет, что он теперь легкая добыча.

В руках у них были здоровые дубинки, выточенные из дерева и, скорее всего, утяжеленные на концах увесистой свинчаткой, и сейчас марсиане, поудобнее перехватывая свое оружие, надвигались на него.

Вынимая руку из кобуры, он задел рукоять сабли, и его пальцы сомкнулись на ней.

Он медленно отступил перед неторопливо приближающимися марсианами на пару шагов и выхватил клинок из ножен.

Сверкнула сталь, и марсиане, поняв, что у их противника обнаружилось какое-то невиданное оружие, безмолвно бросились на него — пять рук вытянуты вперед, как обычно бывает при нападении, шестая сжимает занесенную дубину.

Том понимал, что самая большая для него опасность — если дубинки его врагов пробьют стальной скафандр или не менее прочное стекло

шлема, тем самым лишив его искусственной атмосферы и обрекая на быструю, но мучительную смерть.

Он знал, что в затрудняющем движения громоздком скафандре не сможет уклониться от удара дубинки, и потому прибегнул к иной тактике.

Острие клинка прочертило сверкающую прямую, нацеленную точно в запястье марсианина, который, приблизившись на расстояние удара, уже опускал занесенную дубину. Сталь беззвучно обрушилась на сталь, ибо в безвоздушном пространстве звук не может распространяться. Но рука марсианина дрогнула, и дубинка пролетела мимо цели — шлема Тома — на значительном расстоянии.

Теперь Том занялся другим марсианином. Если бы ему удалось пробить бронированный скафандр второго нападавшего, у него остался бы лишь один противник.

Марсианин взмахнул дубиной, но острие клинка устремилось к нему, и шестирукий поспешно отступил назад, подальше от грозного оружия. Том воспользовался своей позицией и снова ударил, целясь в бронированный нагрудник, причем проделал это с такой силой, что марсианин поте-

рял равновесие и растянулся на песке.

Каждую секунду ожидая удара сзади, Том круто развернулся, но его опасения были напрасны: его первый противник лежал без движения — груда блестящей брони в тени хребта.

Каким-то непостижимым образом острие сабли, когда он пытался отразить удар дубины, пронзило сталь скафандра. Прокол, должно быть, оказался совсем крошечным, но марсианин погиб, как только воздух хлынул из скафандра наружу.

Том быстро обернулся ко второму марсианину, который все еще силился подняться с земли. Один мощный и хорошо нацеленный пинок — и тот полетел кувырком и снова грохнулся навзничь. Сжимая обеими руками рукоять занесенной сабли и готовясь вложить всю свою силу до последней капли в удар, который должен был разрубить прочную сталь, Том шагнул к поверженному врагу.

Марсианин протянул к нему стиснутые руки в жесте покорности и мольбы о пощаде — ни дать ни взять нашкодивший пес, пытающийся увильнуть от заслуженного наказания. Том смотрел прямо в его желтое бородавчатое лицо, на котором застыл ужас. Ужас этот был вполне по-

нятен, поскольку любой представитель низшей расы, поднявший руку на землянина, тем самым автоматически обрекал себя на смерть. Пощады обычно ждать не приходилось.

Том смотрел в это уродливое лицо за стеклом шлема, и в его сердце закралось нечто вроде сочувствия.

Он медленно опустил саблю, потом вновь поднял ее и с вопросительным взглядом потыкал им в разные стороны.

В глазах поверженного марсианина мелькнуло понимание, и его губы медленно зашевелились. Он показал в направлении скалы.

По его губам Том прочитал одно слово: «Корабль».

«Не только Меркурий»

Марсиане пришли с корабля. Но где они взяли корабль? На протяжении веков все марсиане до единого были не более чем рабами, пусть строптивыми, но все же рабами высшей расы.

Том ткнул пальцем в тело мертвого марсианина, потом в своего пленника.

— Сколько еще? — спросил он одними губами.

Марсианин покачал головой. Он ткнул в себя, потом в своего погибшего товарища и снова сде-

лал отрицательный жест. Судя по всему, их было только двое.

Том отступил на шаг, не выпуская сабли из рук, и знаком приказал бывшему противнику подниматься.

С клинком наготове он медленно шагал за пленником по песку, потом вверх по скалистому выступу. На вершине гряды марсианин остановился и одной из шести своих рук ткнул вниз.

Том взглянул в ту сторону и увидел небольшой ракетоплан, стоящий на песке. На его серебристом носу красовалась древняя эмблема Марса — красный равносторонний треугольник внутри синего круга, который, в свою очередь, был заключен в желтый квадрат.

Он изумился: кроме как в исторических музеях, эту эмблему никто не видел уже много лет.

Когда они очутились внутри летательного аппарата и воздушные шлюзы были закрыты, Том откинул назад шлем и принялся жадно глотать чистый воздух.

Марсианин тоже снял свой шлем, и они очутились лицом к лицу друг с другом.

— Не знаю, почему я оставил тебе жизнь, — сказал Том, — но я это сделал. Однако учти: одно неверное движение — и тебе конец.

— Да, хозяин, — ответил марсианин смиренным и раболепным голосом.

— Где вы взяли этот ракетоплан? — спросил Том.

— Мы с друзьями взяли его и еще десять таких же с Шахты Номер Один несколько часов назад.

— С Шахты Один! — вскричал Том, хватаясь за саблю. — Там что, тоже было восстание?

— Сегодня в один и тот же час произошли восстания на всех шахтах Меркурия.

Том шагнул вперед.

— И все они удались?

— Не знаю, хозяин. Наверное, все. Они были тщательно подготовлены.

— А эмблема Марса?

— Мы с Тарсом Корсом нарисовали ее, пока ждали, когда прибудут наши с Шахты Номер Девять. Они должны быть здесь с минуты на минуту. Если они не появятся в ближайшие полчаса, я буду должен произвести разведывательный полет вокруг купола.

Том мрачно улыбнулся.

— Надевай шлем, — велел он. — Ты сейчас же закрасишь вашу поганую эмблему и нарисуешь поверх нормальную. И можешь не ждать своих дружков с Девятой. Все они мертвы. Кроме того,

если кто-то куда-то и полетит, то за штурвалом буду я. Понял?

Марсианин кивнул и натянул шлем. Под руководством землянина он закрасил эмблему Марса и нарисовал на ее месте стилизованное золотое солнце, символ Земли.

Когда они снова вернулись на корабль, Том, ни на секунду не спуская глаз с пленника, обследовал машину. Это оказался один из полицейских летательных аппаратов, которые правительство держало на Шахте Номер Один на случай экстренных вызовов, — скоростной истребитель, рассчитанный на выполнение сложных маневров.

Он был оборудован четырьмя орудиями: одним лучеметом, стреляющим тепловыми лучами Эллисона, и еще тремя скорострельными орудиями.

С виду все было в полной исправности.

— Как вы заполучили эти машины? — спросил Том.

Захватить полицейских врасплох было совершенно невозможно, ведь они были известными бойцами.

— Мы хорошо подготовились, хозяин, — учтиво сообщил марсианин.

Том фыркнул. Еще бы вы не хорошо подготовились, подумал он про себя. Судя по тому, что рассказывал этот малый, Меркурий в одночасье оказался в руках марсиан, которые использовали недалеких лунян как пешки, чтобы положить конец владычеству землян.

— А где огнестрельное оружие? — поинтересовался он. — Как получилось, что вы напали на меня с дубинами? На корабле что, нет пистолетов?

— Все было очень сложно, — пояснил марсианин. — В наши с Тарсом Корсом задачи входило только захватить ракету и прилететь сюда, чтобы встретить наших с Шахты Номер Девять. Без сомнения, если бы они пришли, они принесли бы огнестрельное оружие.

— И что же вы собираетесь делать теперь, когда Меркурий оказался в вашей власти?

Марсианин развел все шесть клешнеобразных рук разом.

— Это начало, хозяин, только начало. Мы собираемся добиться независимости.

— Держите карман шире, — усмехнулся Том. — Или вы не понимаете, что через несколько часов здесь будет отряд истребителей, которые уничтожат вас всех до единого.

Марсианин гаденько улыбнулся.

— Но, хозяин, — последнее слово он произнес с легким сарказмом, — восстал не только Меркурий.

Том вздрогнул.

— Ах ты, мразь! Ты хочешь сказать…

— Повсюду, в один и тот же час марсиане ударили, при поддержке прочих рас, которые вы поработили. На Марсе, на Земле, на Венере, на каждой планете и спутнике…

— Довольно! — заорал Том. — Еще одно слово, и я сверну твою вонючую шею. Ах вы, недоумки несчастные! Вы осмелились выступить против своих хозяев!

— Да, хозяин, — ответил марсианин.

Том набросился на него и, взмахнув кулаком, словно кнутом, хлестанул прямо по этому ухмыляющемуся, желтому, усыпанному бородавками лицу. Марсианин закружился волчком, проехал по скользкому металлическому полу и с глухим стуком врезался в угол.

Том стоял, широко расставив ноги, и сердито смотрел на марсианина.

— Садись вон туда, — рявкнул он, указывая на пилотское кресло, — и делай, что я тебе скажу. Только без глупостей, а не то я изрублю тебя на

мелкие кусочки.

Насмерть перепуганный марсианин выбрался из угла и шмыгнул в кресло.

— А теперь слушай меня, — сказал Том. — Есть еще по меньшей мере десять машин, которые вы, свиньи, украли. Мы отправляемся за ними. Мы уничтожим столько марсиан и лунян, сколько сможем, прежде чем прикончат нас самих. Мы вдвоем сделаем это, ты и я, ты меня понял? Мы будем мстить...

Марсианин приподнялся было в кресле, но Том отвесил ему оплеуху, и тот упал обратно.

— Если мы выберемся из этой передряги, — пообещал ему Том, — я поклянусь, что ты был со мной, что ты остался мне верен. Я порекомендую, чтобы тебе дали особые привилегии. Ты меня понял?

Марсианин кивнул.

— Но если ты подведешь меня, я прикончу тебя собственными руками. А теперь заводи двигатель и полетели. Будешь вести ракетоплан прямо, пока я не прикажу тебе сделать что-нибудь другое. Помни, я все время буду позади тебя, у орудийного пульта, а твоя жизнь в моих глазах не стоит и ломаного гроша.

Марсианин рванул стартер, и ракетные двига-

тели ожили. Корабль с ревом помчался вперед и плавно, без малейшего усилия, оторвался от земли.

Через несколько минут на горизонте показался сияющий купол Шахты Номер Восемь.

Корабль снизился, и Том увидел у одного из воздушных шлюзов самолет. Рядом с ним стояла машина, из которой одна за другой выскакивали фигурки в металлических скафандрах. Еще одна машина показалась из воздушного шлюза и поехала к ракетоплану, на котором сиял символ Марса. Победители перебазировали свои силы к похищенному кораблю.

Том крутанул колесико и в перекрестье оптического прицела поймал захваченный марсианами ракетоплан. Но прежде чем он успел прикоснуться к рычагу и выпустить тепловой луч, пол под его ногами тошнотворно накренился.

Он мгновенно обернулся и бросился на марсианина.

— Поднимай корабль! — закричал он.

Марсианин не повиновался, и Том одним ударом вышиб пилота из кресла.

Сквозь смотровое окошко он мельком заметил несущуюся на них землю. Крепкий кораблик затрещал по всем швам: Том резко рванул его

вверх, когда до земли оставалось всего несколько футов. Ракетные двигатели оглушительно взревели, и корабль на чудовищной скорости устремился ввысь.

Марсианин лежал ничком на полу у шкафчика и не подавал никаких признаков жизни. Том не рассчитал удара, который выбросил беднягу из кресла.

На высоте в одну милю Том выровнял корабль и чуть опустил его нос. Далеко внизу разгонялся марсианский корабль. Прямо над горизонтом мелькнул купол Шахты Номер Девять, которую он покинул несколько часов назад.

Том снова набрал высоту. Затевать сражение не имело смысла. Он не мог вести корабль и одновременно управляться с орудиями.

Том выругал безмолвную фигуру на полу. Если бы только этот олух выполнил свою задачу… Впрочем, вряд ли стоило его винить. Он сам в подобных обстоятельствах, скорее всего, поступил бы точно так же.

Он глянул в иллюминатор и увидел далеко позади марсианский корабль, быстро сокращавший расстояние. Должно быть, эмблема Земли на носу его ракетоплана не осталась незамеченной.

Он снова склонился над панелью управления

и разогнал кораблик до максимальной скорости. Возможно, он на своем более легком суденышке сумеет уйти от марсиан.

На горизонте высился купол Шахты Номер Семь, а несколько минут спустя показалась и Шахта Шесть. Шахты Пять и Четыре давно остались позади, и марсианский корабль наконец отстал.

Впереди появился еще один купол. Над ним висел огромный серебристый корабль, в котором Том узнал транспорт с Шахты Один.

У него на глазах купол, находившийся прямо под брюхом корабля, треснул и обрушился, и вокруг него медленно вспухло облако пыли.

Марсиане, захватившие транспорт, пустили в ход имевшийся на его борту гигантский генератор теплового излучения, чтобы полностью разрушить купол. Похоже, они задумали стереть с лица планеты все, что было создано руками человека.

Алая ярость захлестнула Тома, он бросился к орудийному пульту, направил дуло лучемета точно вниз, рванул пусковой рычаг и намертво заклинил его в таком положении.

Вернувшись на место пилота, он пустил корабль в пологое пике, намереваясь провести

свой ракетоплан точно над транспортом, с таким расчетом, чтобы луч рассек захваченное марсианами судно и остановил тем самым дальнейшее разрушение куполов. Он знал, что лучевые генераторы на менее крупных летательных аппаратах недостаточно мощные, чтобы повредить исполинские кварцевые сооружения.

Стрелка скорости уперлась в предельную отметку, и корабль понесся вниз, испуская тепловые лучи.

Том выровнял свою машину, и почти в тот же миг, когда транспорт исчез под ее брюхом, он услышал слабый щелчок.

За орудийным пультом стоял марсианин, намертво вцепившись в рычаг лучемета. Он держался за металлический поручень, который тянулся вокруг пульта. Он еще не до конца оправился от удара. Голова у него явно кружилась, но полуулыбка, игравшая на его омерзительном лице, сказала Тому, что он успел дотянуться до пульта вовремя и спас транспорт.

Мгновение двое стояли, схлестнувшись взглядами, потом рука Тома метнулась к рукояти сабли, и он выхватил оружие из ножен. Не было произнесено ни единого слова.

Вид клинка в руках Тома, похоже, вдохнул в

марсианина жизнь. Он отскочил от орудийного пульта и бросился в дальний конец корабля. Землянин устремился за ним.

Корабль сильно накренился, и оба потеряли равновесие. Том, не выпуская оружия из рук, с размаху врезался в стену.

Дверца одного из шкафчиков на противоположной стороне распахнулась, и оттуда посыпались самые разнообразные инструменты, со звоном разлетевшиеся по полу.

С грехом пополам поднявшись на ноги, Том принялся взбираться по наклонному полу к орудийному пульту. Краешком глаза он заметил марсианина, съежившегося в уголке кабины.

Вытянутые пальцы Тома почти коснулись рукоятки рычага, но в последний момент землянин обернулся, чтобы посмотреть на марсианина.

От увиденного у него из груди вырвался крик: марсианин, стоя на коленях перед одним из иллюминаторов, намеревался ударить по кварцу увесистым гаечным ключом. Если кварц разобьется, им обоим конец. Воздух хлынет из корабля наружу, и они оба задохнутся.

Марсианин непроизвольно обернулся на крик и промахнулся мимо цели. Ключ с лязгом угодил в обшивку, ударив на волосок левее иллюми-

натора.

Марсианин торопливо замахнулся еще раз, и в тот же миг Том швырнул в него саблю. Грозное оружие закрутилось в воздухе. Его острие вонзилось марсианину в основание черепа и вошло глубоко в плоть, после чего он завалился набок, а гаечный ключ с грохотом упал на металлический пол.

Том смотрел на него во все глаза. Он и не думал убивать марсианина, когда метнул в него саблю. В его намерения входило не дать желтолицему разбить иллюминатор, а потом сойтись с ним врукопашную. Впрочем, это было уже не важно. Рано или поздно один из них все равно должен был погибнуть. Им двоим на этом корабле места не было.

Он добрался по наклонному полу до приборной панели. Нос корабля задрался кверху, и они направлялись в открытый космос. Том взялся за рычаги и направил корабль вниз.

Его взгляду открылась панорама Меркурия. Он поискал глазами купола всех девяти шахт, но обнаружил, что уцелели лишь шесть из них, от трех осталась лишь гора обломков. Справа виднелся край горячего бока планеты, где вечно бурлили расплавленные руды и над озерами жидкого

свинца поднимались испарения, перемешавшиеся со стелющимися газами, которые клубились над солнечной половиной Меркурия.

Между сумеречным поясом и этим клокочущим котлом, словно граница, тянулся невысокий хребет, который вздымался то выше, то ниже над уровнем этого расплавленного моря. Иногда Том замечал, как вязкая жижа металла вдруг начинала вспучиваться, и тогда следовал выброс, который мог угодить в сумеречную зону, где раскаленная лава медленно текла еще несколько миль, прежде чем окончательно застыть. Он подозревал, что именно в этом явлении крылась загадка появления скалистых хребтов, у одного из которых он наткнулся на двух марсиан.

Слева от него простиралась ледяная пустыня холодной стороны планеты. Там, навеки скованные стужей, сохранились жалкие остатки меркурианской атмосферы и воды, превратившиеся в лед и иней.

Он взглянул туда, где возвышались купола, и увидел, что корабли мятежников быстро поднимаются от Шахты Три. Исполинский транспорт, более медлительный и неповоротливый, чем маленькие ракетопланы, виднелся далеко внизу справа.

Том невесело усмехнулся. Кораблики собрались атаковать его, а транспорт, слишком ценный, чтобы марсиане и селениты могли позволить себе потерять его, уходил прочь, дабы не попасть под шальной луч.

Он позаботится об этом. Кроме него, некому уничтожить этот транспорт. Слишком опасно оставлять его в руках мятежников, ибо, имея его, они могут покинуть Меркурий. Этот транспорт был единственным кораблем на планете, который мог передвигаться в космосе. Он прилетел сюда всего за несколько часов до восстания с грузом, предназначенным для шахт, а потому большей частью состоявшим из взрывчатки. Том не знал, разгрузили его или нет.

Корабли стремительно приближались к нему. Он видел, как поблескивает в лучах солнца символ Марса, нарисованный на носу переднего из них. За первым следовало еще по меньшей мере с десяток таких же небольших кораблей.

Они находились на слишком большой высоте, чтобы он мог атаковать транспорт. Придется прорываться. Том понял, что должен быть осторожен. Он неплохо умел управлять кораблем, и в этом заключалось его преимущество перед марсианами и селенитами, которые были совер-

шенными профанами. Во всем прочем перевес был на стороне его противников. Их было слишком много против него одного, к тому же на каждом их корабле имелся стрелок.

Он резко дернул корабль вверх и заблокировал рычаги. Потом выбрался из кресла пилота и двинулся к орудийному пульту. Там он направил сопло излучателя чуть вперед и вниз. Три скорострельных орудия он нацелил прямо вперед и привязал к каждой управляющей рукоятке по куску медной проволоки. Рукоятку лучемета он выжал до упора и зафиксировал ее в таком положении, после чего вернулся на свое место, зажав в руке концы проволочек.

Он осторожно уложил проволочки так, чтобы они были под рукой, затем взялся за штурвал и, описав длинную петлю, бросил корабль круто вниз.

К тем, как теперь выяснилось, тринадцати ракетопланам, которые первыми начали его преследовать, добавилось еще несколько. Лишь тогда Том в полной мере осознал, насколько ничтожны его шансы. Сопло под днищем его корабля изрыгнуло смертоносный тепловой луч, и он на головокружительной скорости помчался навстречу врагам. Он стремительно несся к голов-

ному кораблю. Том ясно видел, как подергивается одно из скорострельных орудий, установленных на нем, и понял, что его обстреливают. Однако пока ни один из атомных зарядов не попал в цель, и он очень сомневался, что мятежники вообще попадут — на таком-то расстоянии. Огромное даже для профессионала, а у марсиан и опыта-то никакого не было.

В полумиле над головным кораблем он резко остановился и взмыл вертикально вверх, набирая необходимую высоту. От нее зависел успех. Пока он держится над нападающими, все будет хорошо, но стоит ему опуститься ниже, как он тут же окажется в их власти.

Под ним корабль, возглавлявший погоню, попал наконец в луч Эллисона и, развалившись на части, полетел вниз облаком дымящихся обломков. Еще один, лишившись правого крыла, на мгновение затрепыхался в воздухе, но потерял управление и начал падать, все быстрее и быстрее, вопреки всем отчаянным попыткам пилота выправить положение.

Натужно ревя двигателями, корабль Тома перекувырнулся и снова начал снижение. Почти прямо под собой землянин увидел три корабля мятежников и дернул медную проволочку. Одно

из скорострельных орудий грозно застрочило, и ракетоплан противника исчез в облачке белого дыма. Рука Тома рванула рукоять, и корабль отозвался на резкую смену курса возмущенным стоном металла. Однако еще одно суденышко марсиан, пролетевшее прямо под носом корабля землянина, тоже растворилось в белом облаке, которое начало медленно оседать на поверхность планеты.

Том прекратил снижение, и в это мгновение один из марсианских кораблей сделал мертвую петлю, а в наивысшей точке выполняемой фигуры из его днища вырвался луч, который, к огромной радости землянина, пролетел далеко в стороне от его корабля.

Справа, над самым краем гребня, отделявшего сумеречную зону от раскаленной стороны планеты, Том увидел транспорт, серебристый и неповоротливый. В пространстве между ними не было ни единого корабля! Затаив дыхание, Том бросил корабль в пологое пике. Они со свистом понеслись на транспорт, и сердце у Тома ликующе запело.

Должно быть, там заметили его маневр, поскольку неуклюжий транспорт зашевелился и медленно начал разворачиваться в попытке

скрыться. Но его конструкция не была приспособлена для гонок. У него не было ни единого шанса ускользнуть от быстрого, словно молния, корабля землянина.

Когда до транспорта оставалось не больше сотни футов, Том с криком рванул рукоятку назад, и маленький кораблик с ревом взмыл вверх. Внизу под ним транспорт, попавший под луч, развалился на две части и полетел в кипящее море.

Накренив машину, Том глянул вниз сквозь небольшой иллюминатор в боку корабля. Он изумленно ахнул и тут же осекся.

Там, куда рухнул транспорт, бил исполинский гейзер из расплавленной руды и камня. Часть огромной гряды откололась и медленно погружалась в этот кипящий котел. Словно чудовищным раскаленным языком лизнув пространство над собой, гейзер обрушился вниз, и величественный поток расплавленного металла хлынул в пробоину, образовавшуюся в хребте. Над морем заклубились огромные облака плотного газа, закрыв происходящее белесой пеленой. Корабли марсиан, словно опавшие листья на осеннем ветру, подхватило и разметало ударной волной небывалой силы, и они, потеряв управление, понеслись вниз, к поверхности земли. Единствен-

ное, что спасло Тома от подобной участи, — то, как он поспешно набрал высоту после меткого выстрела в транспорт.

Транспорт действительно был нагружен взрывчаткой и приземлился всего за несколько часов до начала всеобщего восстания. По всей видимости, его не успели разгрузить, и он взорвался, когда искалеченный корабль рухнул в кипящее море.

На высоте трех миль Том остановился и глянул на поверхность сумеречного пояса. Расплавленный металл полноводной рекой изливался сквозь брешь в скале и быстро растекался по поверхности планеты, не встречая на пути никаких препятствий. В воздухе не было видно ни единого корабля.

И вот на глазах у Тома раскаленный вал налетел на Шахту Номер Три и, на короткое мгновение встав на дыбы, накрыл ее. Даже с такой огромной высоты Том видел трогательно маленькие фигурки, которые пытались спастись от гигантской волны. Он знал, что в громоздких скафандрах им не убежать далеко.

Часть расплавленного металла, похоже, уже начала застывать, но новый вал перехлестнул образовавшуюся преграду и помчался дальше. Один из потоков мало-помалу преодолел сумеречный

пояс, но его остановило ледяное дыхание другой стороны Меркурия, не позволив вторгнуться в свои промерзшие владения.

Том заметил, что застывающий металл понемногу поворачивает вспять бурный поток, который продолжал хлестать сквозь пролом в скале. Уже через несколько часов посреди сумеречной зоны встанет новая преграда, протянувшаяся от бурлящего океана до скованного морозом ледника, и под этой преградой будет похоронено неудавшееся восстание на Меркурии. Землянин снова утвердил свое господство.

На приборной панели вспыхнул синий огонек. Том протянул руку и, включив тумблер, наклонился над маленьким микрофоном.

— Том Кларк, геолог Вселенской Горнодобывающей компании, планета Меркурий, прием, — сказал он.

— Джеймс Смит, командир судна «Звездный людоед», планета приписки Земля, на связи, — отозвался далекий голос. — Мы сейчас находимся недалеко от орбиты Венеры. В составе флотилии пять кораблей, и мы направляемся подавить восстание на Меркурии. Держитесь!

— Отошлите обратно четыре корабля, — сказал Том. — Нужен только один, чтобы забрать уце-

левших. Мятеж подавлен.

— Сколько уцелевших? — коротко спросил голос.

— Всего один, — ответил Том. — Это я.

Куш
Перевод Д. Жукова

Я нашел доктора в амбулатории. Он нагрузился до чертиков. Я с трудом растормошил его.

— Протрезвляйся, — приказал я. — Мы сели на планету. Надо работать.

Я взял бутылку, закупорил ее и поставил на полку, подальше от Дока.

Док умудрился еще как-то приосаниться.

— Меня это не касается, капитан. Как врач…

— Пойдет вся команда. Возможно, снаружи нас ожидают какие-нибудь сюрпризы.

— Понятно, — мрачно проговорил Док. — Раз ты так говоришь, значит нам придется туго. Омерзительнейший климат и атмосфера — чистый яд.

— Планета земного типа, кислород, климат пока прекрасный. Бояться нечего. Анализаторы дают превосходные показатели.

Док застонал и обхватил голову руками.

— Анализаторы-то работают прекрасно — сообщают, холодно или жарко, можно ли дышать воздухом. А вот мы ведем себя некрасиво.

— Мы не делаем ничего дурного, — сказал я.

— Стервятники мы, птицы хищные. Рыскаем по Галактике и смотрим, где что плохо лежит.

Я пропустил его слова мимо ушей. С похмелья он всегда брюзжит.

— Поднимись в камбуз, — сказал я, — и пусть Блин напоит тебя кофе. Я хочу, чтобы ты пришел в себя и хоть как-то мог ковылять.

Но Док был не в силах тронуться с места.

— А что на этот раз?

— Силосная башня. Такой большой штуки ты сроду не видел. Десять или пятнадцать миль поперек, а верха глазом не достанешь.

— Силосная башня — это склад фуража, запасаемого на зиму. Что тут, сельскохозяйственная планета?

— Нет, — сказал я, — тут пустыня. И это не силосная башня. Просто похожа.

— Товарный склад? — спрашивал Док. — Город? Крепость? Храм? Но нам ведь все равно, капитан, верно? Мы грабим и храмы.

— Встать! — заорал я. — Двигай!

Он с трудом встал.

— Наверное, население высыпало приветствовать нас. И надеюсь, как положено.

— Нет тут населения, — сказал я. — Стоит одна силосная башня, и все.

— Ну и ну, — сказал Док. — Работенка не ахти какая.

Спотыкаясь, он полез вверх по трапу, и я знал, что он очухается. Уж Блин-то сумеет его вытрезвить.

Я вернулся к люку и увидел, что у Фроста уже все готово — и оружие, и топоры, и кувалды, и мотки веревки, и бачки с водой. Как заместителю капитана Фросту нет цены. Он знает свои обязанности и справляется с ними. Не представляю, что бы я делал без него.

Я стоял в проходе и смотрел на силосную башню. Мы находились примерно в миле от нее, но она была так велика, что чудилось, будто до нее рукой подать. С такого близкого расстояния она казалась стеной. Чертовски большая башня.

— В таком местечке, — сказал Фрост, — будет чем поживиться.

— Если только кто-нибудь или что-нибудь нас не остановит. Если мы сможем забраться внутрь.

— В цоколе есть отверстия. Они похожи на входы.

— С дверями толщиной футов в десять.

Я не был настроен пессимистически. Я просто рассуждал логично: слишком часто у меня в жизни бывало так, что пахло миллиардами, а

кончалось все неприятностями, и поэтому я никогда не позволю себе питать слишком большие надежды, пока не приберу к рукам ценности, за которые можно получить наличные.

Хэч Мэрдок, инженер, вскарабкался к нам по трапу. Как обычно, у него что-то не ладилось. Он начал жаловаться, даже не отдышавшись:

— Говорю вам, эти двигатели, того и гляди, развалятся, и мы повиснем в космосе, откуда даже за световые годы никуда не доберешься. Вздохнуть некогда — только и делаем, что чиним.

Я похлопал его по плечу.

— Может, это и есть то, что мы искали. Может, теперь мы купим новенький корабль.

Но он не очень воодушевился. Мы оба знали, что я говорю так, чтобы подбодрить и себя и его.

— Когда-нибудь, — сказал он, — нам не миновать большой беды. Мои ребята проволокут мыльный пузырь сквозь триста световых лет, если в нем будет двигатель. Лишь бы двигатель был. А на этом драндулете, который…

Он распространялся бы еще долго, если бы не засвистал Блин, созывавший всех к завтраку.

Док уже сидел за столом, он вроде бы очухался. Он поеживался и был немного бледноват. Кроме того, он был зол и выражался возвышенным

слогом:

— Итак, нас ждет триумф. Мы выходим, и начинаются чудеса. Мы обчищаем руины, все желания исполняются, и мы возвращаемся проматывать деньжата.

— Док, — сказал я, — заткнись.

Он заткнулся. Никому на корабле мне не приходилось говорить одно и то же дважды.

Завтрак мы не смаковали. Проглотили его и пошли. Блин даже не стал собирать посуду со стола, а пошел с нами.

Мы беспрепятственно проникли в силосную башню. В цоколе были входные отверстия. Никто не задержал нас.

Внутри было тихо, торжественно… и скучно. Мне показалось, что я в чудовищно громадном учреждении.

Здание было прорезано коридорами с комнатами по сторонам. Комнаты были уставлены чем-то вроде ящиков с картотекой.

Некоторое время мы шли вперед, делая на стенах отметки краской, чтобы потом найти выход. Если в таком здании заблудиться, то всю жизнь, наверное, будешь бродить и не выберешься.

Мы искали… хоть что-нибудь, но нам не попадалось ничего, кроме этих ящиков. И мы зашли в

одну из этих комнат, чтобы порыться в них.

— Там ничего не может быть, кроме записей на магнитных лентах. Наверно, такая тарабарщина, что нам ее ни за что не понять, — сказал с отвращением Блин.

— В ящиках может быть что угодно, — сказал Фрост. — Не обязательно магнитные ленты.

У Блина была кувалда, и он поднял ее, чтобы сокрушить один из ящиков, но я остановил его. Не стоит поднимать тарарам, если можно обойтись без этого.

Мы поболтались немного по комнате и обнаружили, что, если в определенном месте помахать рукой, ящик выдвигается.

Выдвижной ящик был набит чем-то вроде динамитных шашек — тяжеленных, каждая дюйма два в диаметре и длиной с фут.

— Золото, — сказал Хэч.

— Черного золота не бывает, — возразил Блин.

— Это не золото, — сказал я.

Я был даже рад, что это не золото. А то бы мы надорвались, перетаскивая его. Найти золото было бы неплохо, но на нем не разбогатеешь. Так, небольшой заработок.

Мы вывалили шашки из ящика на пол и сели на корточки, чтобы рассмотреть их.

— Может, они дорогие, — сказал Фрост. — Впрочем, сомневаюсь. Что это такое, как вы считаете?

Никто из нас понятия не имел.

Мы обнаружили какие-то знаки на торце каждой шашки. На всех шашках они были разные, но нам от этого не стало легче, потому что знаки нам ничего не говорили.

Выйдя из силосной башни, мы попали в настоящее пекло. Блин вскарабкался по трапу — пошел готовить жратву, остальные уселись в тени корабля и, положив перед собой шашки, гадали, что бы это могло быть.

— Вот тут-то мы с вами и не тянем, — сказал Хэч. — В команде обычного исследовательского корабля есть всякого рода эксперты, которые изучают находки. Они делают десятки разных проб, они обдирают заживо все, что под руку попадет, прибегают к помощи теорий и высказывают ученые догадки. И вскоре не мытьем, так катаньем они узнают, что это за находка и будет ли от нее хоть какой прок.

— Когда-нибудь, — сказал я своей команде, — если разбогатеем, мы найдем экспертов. Нам все время попадается такая добыча, что они здорово пригодятся.

— Вы не найдете ни одного, — заметил Док, —

который бы согласился якшаться с таким сбродом.

— Что значит «такой сброд»? — немного обидевшись, сказал я. — Мы, конечно, люди не ахти какие образованные, и корабль у нас латаный-перелатаный. Мы не говорим красивых слов и не скрываем, что хотим отхватить кусочек пожирней. Но работаем мы честно.

— Я бы не сказал, что совсем честно. Иногда наши действия законны, а порой от них законом и не пахнет.

Даже сам Док понимал, что говорит чушь. По большей части мы летали туда, где никаких законов и в помине не было.

— В старину на Земле, — сердито возразил я, — именно такие люди, как мы, отправлялись в неведомые края, прокладывая путь другим, находили реки, карабкались на горы и рассказывали, что видели, тем, кто оставался дома. Они отправлялись на поиски бобров, золота, рабов и вообще всего, что плохо лежало. Им было наплевать на законы и этику, и никто их за это не винил. Они находили, брали, и все тут. Если они убивали одного-двух туземцев или сжигали какую-нибудь деревню — что ж, к сожалению, так уж выходило. Это все пустяки.

Хэч сказал Доку:

— Что ты корчишь перед нами святого? Мы все одним миром мазаны.

— Джентльмены, — как обычно, с дурным актерским пафосом произнес Док, — я не собирался затевать пустую свару. Я просто хотел предупредить вас, чтобы вы не настраивались на то, что мы добудем экспертов.

— А можем и добыть, — сказал я, — если предложим приличное жалованье. Им тоже надо жить.

— Но у них есть еще и профессиональная гордость. Вам этого не понять.

— Но ты же летаешь с нами.

— Ну, — возразил Хэч, — я не уверен, что Док профессионал. В прошлый раз, когда он рвал у меня зуб…

— Кончай, — сказал я. — Оба кончайте.

Сейчас было не время обсуждать историю с зубом. Месяца два назад я еле примирил Хэча с Доком, и мне не хотелось, чтобы они снова поссорились.

Фрост подобрал одну из шашек и разглядывал ее, вертя в руках.

— Может, попробуем грохнуть ее обо что-нибудь? — предложил он.

— И по этому случаю взлетим на воздух? —

спросил Хэч.

— А может, она не взорвется. Скорее всего, это не взрывчатка.

— Я в таком деле не участвую, — сказал Док. — Лучше посижу здесь и пораскину мозгами. Это не так утомительно и гораздо более безопасно.

— Ничего ты не придумаешь, — запротестовал Фрост. — Если мы узнаем, для чего эти шашки, богатство у нас в кармане. Здесь, в башне, их целые тонны. И ничто на свете не помешает нам забрать их.

— Первым делом, — сказал я, — надо узнать, не взрывчатка ли это. Шашка похожа на динамитную, но может оказаться чем угодно. Пищей, например.

— И Блин сварит нам похлебку, — сказал Док.

Я не обращал на него внимания. Он просто хотел подковырнуть меня.

— Или топливо, — добавил я. — Сунешь шашку в специальный корабельный двигатель, и он будет работать год или два.

Блин засвистел, и все отправились обедать.

Поев, мы приступили к работе. Мы нашли плоский камень, похожий на гранит, и установили над ним треногу из шестов — чтобы нарубить их, нам пришлось идти за целую милю. Подвесили к

треноге блок, нашли еще один камень и привязали его к веревке, перекинутой через блок. Второй конец веревки мы отнесли как можно дальше и вырыли там окоп.

Дело шло к закату, и мы изрядно вымотались, но решили не откладывать проведение опыта, чтобы больше не томиться в неведении.

Я взял одну из «динамитных» шашек, а ребята, сидя в окопе, натянули веревку и подняли вверх привязанный к ней камень. Положив на первый камень шашку, я бросился со всех ног к окопу, а ребята отпустили веревку, и камень свалился на шашку.

Ничего не произошло.

Для верности мы натянули веревку и ударили камнем по шашке еще раза три, но взрыва не было.

К этому времени мы уже убедились, что шашка от сотрясения не взорвется, хотя мы могли взлететь на воздух от десятка других причин.

Той ночью чего только мы не делали с шашками! Мы лили на них кислоту, но она стекала с них. Мы пробовали просверлить шашки и загубили два хороших сверла. Пробовали распилить их и начисто стесали о шашку все зубья пилы.

Мы попросили Блина попробовать сварить

шашку, но он отказался.

— Я не пущу вас в камбуз с этой дрянью, — сказал он. — А если вы вломитесь ко мне, то потом можете готовить себе сами. У меня в камбузе чистота, я вас, ребята, стараюсь хорошо кормить и не хочу, чтобы вы нанесли сюда всякой грязи.

— Ладно, Блин, — сказал я. — Эту штуку, наверно, нельзя будет есть, если даже ее приготовишь ты.

Мы сидели за столом, посередине которого были свалены шашки, и разговаривали. Док принес бутылку, и мы сделали по нескольку глотков. Док, должно быть, очень огорчился тем, что ему пришлось поделиться с нами своим напитком.

— Если рассуждать здраво, — сказал Фрост, — то шашки эти на что-то годятся. Раз для них построили такое дорогое здание, то и они должны стоить немало.

— А может, там не одни шашки, — предположил Хэч. — Мы осмотрели только часть первого этажа. Там может оказаться уйма всяких других вещей. И на других этажах тоже. Интересно, сколько там всего этажей?

— Бог его знает, — сказал Фрост. — Верхних этажей с земли не видно. Они просто теряются где-то в высоте.

— Вы заметили, из чего сделано здание? — спросил Док.

— Из камня, — сказал Хэч.

— Я тоже так думал, — заметил Док. — А оказалось, что не из камня. Вы помните те холмы — жилые дома, на которые мы наткнулись на Сууде, где живут цивилизованные насекомые?

Разумеется, мы все помнили их. Мы потратили много дней, пытаясь вломиться в них, потому что нашли у входа в один дом нефритовые фигурки и думали, что внутри их, наверно, видимо-невидимо. За такие штуковины платят большие деньги. Люди цивилизованных миров с ума сходят по любым произведениям незнакомых культур, а тот нефрит был им наверняка незнаком.

Но как мы ни бились, а внутрь нам забраться не удалось. А взламывать холмы было все равно что осыпать ударами пуховую подушку. Всю поверхность исцарапаешь, а пробить не удастся, потому что от давления атомы прессуются и прочность материала возрастает. Чем сильнее бьешь, тем крепче он становится. Такой строительный материал вовек не износится и ремонта никогда не требует. Те насекомые, видно, знали, что нам до них не добраться, и занимались своим делом, не обращая на нас никакого внимания. Это нас

особенно бесило.

Мне пришло в голову, что такой материал как нельзя лучше подошел бы для сооружения вроде нашей силосной башни. Можно строить его каким угодно большим и высоким: чем сильнее давление на нижние этажи здания, тем они становятся прочнее.

— Это значит, — сказал я, — что зданию гораздо больше лет, чем кажется. Может, эта силосная башня стоит уже миллион лет или больше.

— Если она такая старая, — сказал Хэч, — то она набита всякой всячиной. За миллион лет в нее можно было упрятать немало добычи.

Док и Фрост поплелись спать, а мы с Хэчем продолжали рассматривать шашки.

Я стал думать, почему Док всегда говорит, что мы всего-навсего шайка головорезов. Может, он прав? Но сколько я ни думал, сколько ни крутил и так и эдак, а согласиться с Доком не мог.

Всякий раз, когда расширяются границы цивилизации, во все времена бывало три типа людей, которые шли впереди и прокладывали путь другим, — купцы, миссионеры и охотники.

В данном случае мы охотники, охотящиеся не за золотом, рабами или мехами, а за тем, что попадется. Иногда мы возвращаемся с пустыми

руками, а иной раз — с трофеями. В конце концов обычно оно так на так и выходит — получается что-то вроде среднего жалованья. Но мы продолжаем совершать набеги, надеясь на счастливый случай, который сделает нас миллиардерами.

Такой случай еще не подворачивался да, наверно, никогда и не подвернется. Впрочем, может подвернуться. Довольно часто мы бывали близки к цели, и призрачная надежда крепла. Но, положа руку на сердце, мы отправлялись бы в путь, пожалуй, даже в том случае, если бы никакой надежды не было вовсе. Страсть к поискам неизвестного въедается в плоть и кровь.

Что-то в этом роде я и сказал Хэчу. Он согласился со мной.

— Хуже миссионеров никого нет, — сказал он. — Я бы не стал миссионером, хоть озолоти.

В общем, сидели мы, сидели у стола, да так ничего и не высидели, и я встал, чтобы пойти спать.

— Может, завтра найдем что-нибудь еще, — сказал я.

Хэч зевнул:

— Я крепко на это надеюсь. Мы даром потратили время на эти динамитные шашки.

Он взял их и по пути в спальню выбросил в

иллюминатор.

На следующий день мы и в самом деле нашли кое-что еще.

Мы забрались в силосную башню поглубже, чем накануне, пропетляв по коридорам мили две.

Мы попали в большой зал площадью, наверно, акров десять или пятнадцать, который был сплошь заставлен рядами совершенно одинаковых механизмов. Смотреть особенно было не на что. Механизмы немного напоминали богато разукрашенные стиральные машины, только сбоку было плетеное сиденье, а наверху — колпак.

Они не были прикреплены к полу, и их можно было толкать в любом направлении, а когда мы перевернули одну машину, чтобы посмотреть, не скрыты ли внизу колесики, то нашли вместо них пару полозьев, поворачивающихся на шарнирах, так что машину можно было двигать в любую сторону. Полозья были сделаны из жирного на ощупь металла, но смазка к пальцам не приставала.

Питание к машинам не подводилось.

— Может, источник питания у нее внутри, — предположил Фрост. — Подумать только, я не нашел ни одной вытяжной трубы во всем здании!

Мы искали, где можно включить питание, и ничего не нашли. Вся машина была как большой, гладкий и обтекаемый кусок металла. Мы попытались посмотреть, что у нее внутри, да только кожух был совершенно цельный — нигде ни болта, ни заклепки.

Колпак с виду вроде бы снимался, но когда мы пытались его снять, он упрямо оставался на месте.

А вот с плетеным сиденьем было совсем другое дело. Оно кишмя кишело всякими приспособлениями для того, чтобы в нем могло сидеть любое существо, какое только можно себе представить. Мы здорово позабавились, меняя форму сиденья на все лады и стараясь догадаться, какое бы это животное могло усесться на него в таком виде. Мы отпускали всякие соленые шутки, и Хэч чуть не лопнул со смеху.

Но мы по-прежнему топтались на месте, и ясно было, что мы не продвинемся ни на шаг, пока не притащим режущие инструменты и не вскроем машину, чтобы узнать, с чем ее едят.

Мы взяли одну машину и поволокли ее по коридорам. Но, добравшись до выхода, подумали, что дальше придется тащить ее на руках. И ошиблись. Она скользила по земле и даже по сыпучему

песку не хуже, чем по коридорам.

После ужина Хэч спустился в рубку управления двигателями и вернулся с режущим инструментом. Металл был прочный, но в конце концов нам удалось содрать часть кожуха.

При взгляде на внутренности машины мы пришли в бешенство. Это была сплошная масса крошечных деталей, перевитых так, что в них сам черт не разобрался бы. Ни начала, ни конца найти было невозможно. Это было что-то вроде картинки-загадки, в которой все линии тянутся бесконечно и никуда не приводят.

Хэч погрузил во внутренности машины обе руки и попытался отделить детали.

Немного погодя он вытащил руки, сел на корточки и проворчал:

— Они ничем не скреплены. Ни винтов, ни шарнирных креплений, даже простых шпонок нет. Но они как-то липнут друг к другу.

— Это уже чистое извращение, — сказал я.

Он взглянул на меня с усмешкой:

— Может быть, ты и прав.

Он снова полез в машину, ушиб костяшки пальцев и принялся их сосать.

— Если бы я не знал, что ошибаюсь, — заметил Хэч, — я бы сказал, что это трение.

— Магнетизм, — предположил Док.

— Послушай, Док, — сказал Хэч. — Ты в медицине и то не больно разбираешься, так что оставь механику мне.

Чтобы не дать разгореться спору, Фрост поспешил вмешаться:

— Эта мысль о трении не так уж нелепа. Но в таком случае детали требуют идеальной обработки и шлифовки. Из теории известно, что если вы приложите две идеально отшлифованные поверхности друг к другу, то молекулы обеих деталей будут взаимодействовать и сцепление станет постоянным.

Не знаю, где Фрост поднабрался всей этой премудрости. Вообще-то, он такой же, как мы все, но иной раз выразится так, что только рот раскроешь. Я никогда не расспрашивал его о прошлом, задавать такие вопросы было просто неприлично.

Мы еще немного потолкались возле машины. Хэч еще раз ушибся, а я сидел и думал о том, что мы нашли в силосной башне два предмета и оба заставили нас топтаться на месте. Но так уж бывает. В иные дни и гроша не заработаешь.

— Дай взглянуть. Может, я справлюсь, — сказал Фрост.

Хэч даже не огрызнулся. Ему утерли нос.

Фрост начал сдавливать, растягивать, скручивать, расшатывать все эти детали, и вдруг раздался шипящий звук, будто кто-то медленно выдохнул воздух из легких, и все детали распались сами. Они разъединились как-то очень медленно и, позвякивая, сваливались в кучу на дно кожуха.

— Смотри, что ты натворил! — закричал Хэч.

— Ничего я не натворил, — сказал Фрост. — Я просто посмотрел, нельзя ли выбить одну детальку, и только это сделал, как все устройство рассыпалось.

Он показал на детальку, которую вытащил.

— Знаешь, что я думаю? — спросил Блин. — Я думаю, машину специально сделали такой, чтобы она разваливалась при попытке разобраться в ней. Те, кто ее сделал, не хотели, чтобы кто-нибудь узнал, как соединяются детали.

— Резонно, — сказал Док. — Не стоит возиться. В конце концов, машина не наша.

— Док, — сказал я, — ты странно ведешь себя. Я пока что не замечал, чтобы ты отказывался от своей доли, когда мы что-нибудь находили.

— Я ничего не имею против, когда мы ограничиваемся тем, что на вашем изысканном языке

называется полезными ископаемыми. Я могу даже переварить, когда крадут произведения искусства. Но когда дело доходит до кражи мозгов… а эта машина — думающий…

Вдруг Фрост вскрикнул.

Он сидел на корточках, засунув голову в кожух машины, и я сперва подумал, что его защемило и нам придется вытаскивать его, но он выбрался сам как ни в чем не бывало.

— Я знаю, как снять колпак, — сказал он.

Это было сложное дело, почти такое же сложное, как подбор комбинации цифр, отпирающих сейф. Колпак крепился к месту множеством пазов, и надо было знать, в какую сторону поворачивать его, чтобы в конце концов снять.

Фрост засунул голову в кожух и подавал команды Хэчу, а тот крутил колпак то в одну сторону, то в другую, иногда тянул вверх, а порой и нажимал, чтобы высвободить его из системы пазов, которыми он крепился. Блин записывал комбинации команд, которые выкрикивал Фрост, и Хэч наконец освободил колпак.

Как только его сняли, все сразу стало ясно как день. Это был шлем, оснащенный множеством приспособлений, которые позволяли надеть его на любой тип головы. В точности как сиденье,

которое приспособлялось к любому седалищу.

Шлем был связан с машиной эластичным кабелем, достаточно длинным, чтобы он дотянулся до головы любого существа, усевшегося на сиденье.

Все это было, разумеется, прекрасно. Но что это за штука? Переносной электрический стул? Машина для перманента? Или что-нибудь другое?

Фрост и Хэч покопались в машине еще немного и наверху, как раз под тем местом, где был колпак, нашли поворотную крышку люка, а под ней трубу, которая вела к механизму внутри кожуха. Только этот механизм превратился теперь в груду распавшихся деталей.

Не надо было обладать очень большим воображением, чтобы понять, для чего эта труба. Она была размером точно с динамитную шашку.

Док вышел и вернулся с бутылкой, которую пустил по кругу, устроив что-то вроде торжества. Сделав глотка по два, они с Хэчем пожали друг другу руки и сказали, что больше не помнят зла. Но я не очень-то верил. Они много раз мирились и прежде, а потом дня не проходило — и они снова готовы были вцепиться друг другу в глотку.

Трудно объяснить, почему мы устроили празднество. Мы, разумеется, поняли, что машину можно приспособить к голове, а в трубку поло-

жить динамитную шашку… Но для чего все это, мы по-прежнему не имели никакого представления.

По правде говоря, мы были немного испуганы, хотя никто в этом не признался бы.

Естественно, мы начали гадать, что к чему.

— Это, наверно, машина-врач, — сказал Хэч. — Садись запросто на сиденье, надевай шлем на голову, суй нужную шашку — и вылечишься от любой болезни. Да это же было бы великое благо! И не надо беспокоиться, знает ли твой врач свое дело или нет.

Я думал, Док вцепится Хэчу в горло, но он, видимо, вспомнил, что помирился с Хэчем, и не бросился на него.

— Раз уж наша мысль заработала в этом направлении, — сказал Док, — давайте предположим большее. Скажем, это машина, возвращающая молодость, а шашка набита витаминами и гормонами. Проходи процедуру каждые двадцать лет — и останешься вечно юным.

— Это, наверно, машина-преподаватель, — перебил его Хэч. — Может быть, эти шашки набиты знаниями. Может быть, в каждой из них полный курс колледжа.

— Или наоборот, — сказал Блин. — Может, эти

шашки высасывают все, что ты знаешь. Может, в каждой из этих шашек история жизни одного человека.

— А зачем записывать биографии? — спросил Хэч. — Не много найдется людей или инопланетных жителей, ради которых стоило бы городить все это.

— Вот если предположить, что это что-то вроде коммуникатора, — сказал я, — тогда другое дело. Может, это аппарат для ведения пропаганды, для проповедей. Или карты. А может, не что иное, как архив.

— Или, — сказал Хэч, — этой штукой можно прихлопнуть любого в мгновение ока.

— Не думаю, — сказал Док. — Чтобы убить человека, можно найти способ полегче, чем сажать его на сиденье и надевать ему на голову шлем. И это не обязательно средство общения.

— Есть только один способ узнать, что это, — сказал я.

— Боюсь, — догадался Док, — что нам придется прибегнуть к нему.

— Слишком сложно, — возразил Хэч. — Не говоря уж о том, что у нас могут быть большие неприятности. Не лучше ли бросить все это к черту? Мы можем улететь отсюда и поохотиться

за чем-нибудь полегче.

— Нет! — закричал Фрост. — Этого делать нельзя!

— Интересно, почему нельзя? — спросил Хэч.

— Да потому, что мы всегда будем сомневаться, не упустили ли куш. И думать: а не слишком ли мы быстро сдались? Ведь дело-то всего в двух-трех днях. Мы будем думать, а не зря ли мы испугались, а не купались ли бы мы в деньгах, если бы не бросили этого дела.

Мы знали, что Фрост прав, но препирались еще, прежде чем согласиться с ним. Все знали, что придется на это пойти, но добровольцев не было.

Наконец мы потянули жребий, и Блину не повезло.

— Ладно, — сказал я. — Завтра с утра пораньше…

— Что там с утра! — заорал Блин. — Я хочу покончить с этим сейчас же! Все равно сна у меня не будет ни в одном глазу.

Он боялся, и, право, ему было чего бояться. Да и я чувствовал бы себя не в своей тарелке, если бы вытащил самую короткую спичку.

Не люблю болтаться по чужой планете после наступления темноты, но тут уж пришлось. Откладывать на завтра было бы несправедливо по

отношению к Блину. И, кроме того, мы увязли в этом деле по самые уши и не ведали бы покоя, пока не разузнали бы, что нашли.

И вот, взяв фонари, мы пошли к силосной башне. Протопав по коридорам, которые показались нам бесконечными, мы вошли в зал, где стояли машины.

Они все вроде были одинаковые, и мы подошли к первой попавшейся. Пока Хэч снимал шлем, я приспосабливал для Блина сиденье, а Док пошел в соседнюю комнату за шашкой.

Когда все было готово, Блин сел на сиденье.

Вдруг меня потянуло на глупость.

— Послушай, — сказал я Блину, — почему это должен быть непременно ты?

— Кому-то надо, — ответил Блин. — Так мы скорее узнаем, что это за штука.

— Давай я сяду вместо тебя.

Блин обозвал меня нехорошим словом, чего делать он не имел никакого права, потому что я просто хотел помочь ему. Но я его тоже обозвал, и все стало на свои места.

Хэч надел шлем на голову Блину. Края шлема опустились так низко, что совсем не было видно лица. Док сунул шашку в трубку, и машина, замурлыкав, заработала, а потом наступила

тишина. Не совсем, конечно, тишина… если приложить ухо к кожуху, слышно было, как машина работает.

С Блином ничего особенного не случилось. Он сидел спокойный и расслабленный, и Док сразу же принялся следить за его состоянием.

— Пульс немного замедлился, — сообщил Док, — сердце бьется слабее, но, по-видимому, никакой опасности нет. Дыхание частое, но беспокоиться не о чем.

Док, может, совсем не беспокоился, но остальным стало не по себе. Мы окружили машину, смотрели, и… ничего не происходило. Да мы и не представляли себе, что может произойти.

Док продолжал следить за состоянием Блина. Оно не ухудшалось.

А мы все ждали и ждали. Машина работала, а размякший Блин сидел в кресле. Он был расслаблен, как собака во сне, — возьмешь его руку, и кажется, что у нее начисто вытопили кости. Мы волновались все больше и больше. Хэч хотел сорвать с Блина шлем, но я ему не позволил. Черт его знает, что могло произойти, если бы мы остановили это дело на середине.

Машина перестала работать примерно через час после рассвета. Блин начал шевелиться, и мы

сняли с него шлем.

Он зевнул, потер глаза и сел попрямее. Потом посмотрел на нас немного удивленно — вроде бы не сразу узнал.

— Ну как? — спросил его Хэч.

Блин не ответил. Видно было, что он приходил в себя, что-то вспоминал и собирался с мыслями.

— Я путешествовал, — сказал он.

— Кинопутешествие! — с отвращением сказал Док.

— Это не кинопутешествие. Я там был. На планете, на самом краю Галактики, наверное. Ночью там мало звезд, да и те, что есть, совсем бледные. И над головой двигается тонкая полоска света.

— Значит, видел край Галактики, — кивнув, сказал Фрост. — Что его, дисковой пилой, что ли, обрезали?

— Сколько я просидел? — спросил Блин.

— Довольно долго, — сказал я ему. — Часов шесть-семь. Мы уже стали беспокоиться.

— Странно, — сказал Блин. — А я могу поклясться, что был там больше года.

— Давай-ка уточним, — сказал Хэч. — Ты говоришь, что был там. Ты хочешь, наверно, сказать, что ВИДЕЛ эту планету.

— Я хочу сказать, что был там! — заорал

Блин. — Я жил с этими людьми, спал в их норах, разговаривал и работал вместе с ними. В огороде себе кровавую мозоль мотыгой натер. Я ездил с места на место и насмотрелся всякой всячины, и все это было по-настоящему — вот как я сижу сейчас здесь.

Стащив его с сиденья, мы пошли обратно на корабль. Хэч не позволил Блину готовить завтрак. Он что-то состряпал сам, но кок из него никудышный, и ничего в рот не лезло. Док откопал бутылочку и дал хлебнуть Блину, а остальным не досталось ни капли. Он сказал, что это лечебное, а не увеселительное средство.

Вот какой он бывает иногда. Настоящий жмот.

Блин рассказал нам о планете, на которой жил. Правителей на ней, кажется, вообще нет, так как она в них не нуждается, но сама планета — так себе, живут на ней простаки, занимаются примитивным сельским хозяйством. Блин сказал, что они похожи на помесь человека с кротом, и даже пытался нарисовать их, но толку от этого получилось мало, потому что Блин — художник липовый.

Он рассказал нам, что они выращивают, что едят, и это было потешно. Он даже легко называл имена местных жителей, припоминал, как они

разговаривают, — язык был совсем незнакомый.

Мы забросали его вопросами, и он всегда находил ответ, причем видно было, что он ничего не выдумывал. Даже Док, который вообще был скептиком, и тот склонялся к мысли, что Блин в самом деле посетил чужую планету.

Позавтракав, мы погнали Блина в постель, а Док осмотрел его и нашел, что он вполне здоров.

Когда Блин с Доком ушли, Хэч сказал мне и Фросту:

— У меня такое ощущение, будто доллары уже позвякивают у нас в карманах.

Мы оба согласились с ним.

Мы нашли такое развлекательное устройство, какого сроду никто не видывал.

Шашки оказались записями, которые не только воспроизводили изображение и звук, но и возбуждали все чувства. Они делали это так хорошо, что всякий, кто подвергался их воздействию, ощущал себя в той среде, которую они воспроизводили. Человек как бы делал шаг в эту среду и становился частью ее. Он жил в ней.

Фрост уже строил четкие планы на будущее.

— Мы могли бы продавать эти штуки, — сказал он, — но это глупо. Нам нельзя выпускать их из рук. Мы будем давать машины и шашки напро-

кат, а так как они есть только у нас, мы станем хозяевами положения.

— Можно разрекламировать годичные каникулы, которые длятся всего полдня, — добавил Хэч. — Это как раз то, что нужно администраторам и прочим занятым людям. Ведь только за субботу и воскресенье они смогут прожить четыре-пять лет и побывать на нескольких планетах.

— Может быть, не только на планетах, — подхватил Фрост. — Может, там записаны концерты, посещения картинных галерей или музеев. Или лекции по литературе, истории и тому подобное.

Мы чувствовали себя на седьмом небе, но усталость взяла свое и мы пошли спать.

Я лег не сразу, а сначала достал бортовой журнал. Не знаю уж, зачем было возиться с ним вообще. Вел я его как попало. Месяцами даже не вспоминал о нем, а потом вдруг несколько недель записывал все кряду. Делать запись сейчас мне было, собственно, ни к чему, но я был немного взволнован, и у меня почему-то было такое ощущение, что последнее событие надо записать.

Я полез под койку и вытянул железный ящик, в котором хранились журналы и прочие бумаги. Когда я поднимал его, чтобы поставить на койку, он выскользнул у меня из рук. Крышка распах-

нулась. Журнал, бумаги, всякие мелочи, которые были у меня в ящике, — все разлетелось по полу.

Я выругался и, став на четвереньки, принялся собирать бумаги. Их было чертовски много, и по большей части все это был хлам. Когда-нибудь, говорил я себе, я выброшу его. Там были пошлинные документы, выданные в сотне различных портов, медицинские справки и другие бумаги, срок действия которых давно уже истек. Но среди них я нашел и документ, закрепляющий мое право собственности на корабль.

Я сидел и вспоминал, как двадцать лет назад купил этот корабль за сущие гроши, как отбуксировал его со склада металлолома, как года два все свободное время и все заработанные деньги тратил на то, чтобы подлатать его и подготовить к полетам в космос. Неудивительно, что корабль дрянной. С самого начала он был развалиной, и все двадцать лет мы только и делали, что клали заплату на заплату. Уже много раз он проходил технический осмотр только потому, что инспектору ловко совали взятку. Во всей Галактике один Хэч способен заставить его летать.

Я продолжал подбирать бумаги, думая о Хэче и всех остальных. Я немного расчувствовался и стал думать о таких вещах, за которые вздул бы

всякого другого, если бы он осмелился сказать их мне. Я думал о том, как мы все спелись и что любой из команды отдал бы за меня жизнь, а я свою — за любого из них.

Я помню, конечно, время, когда все было по-иному. В те дни, когда они впервые подписали контракт, это была всего лишь команда. Но те дни прошли давным-давно; теперь это была не просто команда корабля. Контракт не возобновлялся уже много лет, а все продолжали летать, как люди, которые имеют право на это. И вот, сидя на полу, я думал, что мы наконец добились того, о чем мечтали, мы, оборвыши, в латаном-перелатаном корабле. Я был горд и радовался не только за себя, но и за Хэча, Блина, Дока, Фроста и всех остальных.

Наконец я собрал бумаги, сунул их снова в ящик и попытался сделать запись в журнале, но от усталости не хватило сил писать, я лег спать, что и надо было сделать с самого начала.

Но как я ни уморился, я уже в постели стал думать, велика ли силосная башня, и попытался прикинуть, сколько из нее можно выкачать шашек. Я дошел до триллионов, а дальше прикидывать не было толку — все равно точного числа не определишь.

А дело предстояло большое — такого у нас никогда не было. Нашей команде, даже если бы мы работали каждый день, понадобилось бы пять жизней, чтобы опустошить всю силосную башню. Придется создать компанию, нанять юристов (предпочтительно — способных на любое грязное дело); подать заявку на планету и пройти через бюрократические мытарства, чтобы прибрать все к рукам.

Мы не могли позволить себе прохлопать такое дело из-за собственной непредусмотрительности. Надо все обдумать, прежде чем заваривать кашу.

Не знаю, как остальным, а мне всю ночь снилось, будто я утопаю по колено в море новеньких хрустящих банкнотов.

Наутро Док не появился за завтраком. Я пошел к нему и обнаружил, что он даже и не ложился. Он полулежал на своем старом шатком стуле в амбулатории. На полу стояла пустая бутылка, другую, тоже почти пустую, он держал в руке, свисавшей до самого пола. Когда я вошел, Док с трудом поднял голову — он еще не упился до полного бесчувствия, и это все, что можно было сказать о нем.

Я страшно разозлился. Док знал наши правила. Он мог пьянствовать беспробудно, пока мы нахо-

дились в космосе, но после посадки требовались рабочие руки, да и надо было следить, как бы мы не подхватили на чужих планетах незнакомые болезни, так что он не имел права напиваться.

Я вышиб ногой у него из рук бутылку, взял его одной рукой за шиворот, а другой за штаны и поволок в камбуз.

Плюхнув его на стул, я крикнул Блину, чтобы приготовил еще один кофейник.

— Я хочу, чтобы ты протрезвился, — сказал я Доку, — и мог пойти с нами во второй поход. У нас каждый человек на счету.

Хэч пригнал своих, а Фрост собрал всю команду вместе и приладил блок с талями, чтобы начать погрузку. Все были готовы к перетаскиванию груза, кроме Дока, и я поклялся, что еще сегодня прищемлю ему хвост.

Отправились мы сразу же после завтрака. Хотели погрузить на борт как можно больше машин, а все пространство между ними забить шашками.

Мы прошли по коридорам в зал, где были машины, и, разбившись по двое, начали работу. Все шло хорошо, пока мы не оказались на середине пути между зданием и кораблем.

Мы с Хэчем были впереди, и вдруг футах в пятидесяти от нас что-то взорвалось.

Мы стали как вкопанные.

— Это Док! — завопил Хэч, хватаясь за пистолет.

Я успел удержать его:

— Не горячись, Хэч.

Док стоял у люка и махал нам ружьем.

— Я мог бы снять его, — сказал Хэч.

— Спрячь пистолет, — приказал я.

Я пошел один к тому месту, куда Док послал пулю.

Он поднял ружье, и я замер. Если бы даже он промахнулся футов на десять, то взрыв мог располосовать человека надвое.

— Я брошу пистолет! — крикнул я ему. — Хочу потолковать с тобой!

Док заколебался:

— Ладно. Скажи остальным, чтоб подались назад.

Я обернулся и сказал Хэчу:

— Уходи отсюда. И уведи всех.

— Он свихнулся от пьянства, — сказал Хэч. — Не соображает, что делает.

— Я с ним управлюсь. — Я постарался сказать это твердым тоном.

Еще одна пуля взорвалась в стороне от нас.

— Сыпь отсюда, Хэч, — сказал я, не решаясь

больше оглядываться. Приходилось не спускать с Дока глаз.

— Порядок, — крикнул наконец Док. — Они отошли. Бросай пистолет.

Очень медленно, чтобы он не подумал, что я стараюсь подловить его, я отстегнул пряжку, и пистолет упал на землю. Не спуская с Дока глаз, я пошел вперед, а у самого по спине мурашки бегали.

— Дальше не ходи, — сказал Док, когда я почти вплотную подошел к кораблю. — Мы можем поговорить и так.

— Ты пьян, — сказал я ему. — Я не знаю, к чему ты все это затеял, но зато я знаю, что ты пьян.

— Пьян, да не совсем. Я полупьян. Если бы я был совсем пьян, мне было бы просто все равно.

— Что тебя гложет?

— Порядочность заела, — сказал он, фиглярствуя, как обычно. — Я говорил тебе много раз, что могу переварить грабеж, когда дело касается лишь урана, драгоценных камней и прочей чепухи. Я могу даже закрыть глаза на то, что вы потрошите чужую культуру, потому что самой культуры не украдешь — воруй не воруй, а культура останется на месте и залечит раны. Но я не позволю воровать знания. Я не дам тебе это

сделать, капитан.

— А я по-прежнему уверен, что ты просто пьян.

— Вы даже не представляете себе, что нашли. Вы настолько слепы и алчны, что не распознали своей находки.

— Ладно, Док, — сказал я, стараясь гладить его по шерстке, — скажи мне, что мы нашли.

— Библиотеку. Может быть, самую большую, самую полную библиотеку во всей Галактике. Какой-то народ потратил несказанное число лет, чтобы собрать знания в этой башне, а вы хотите захватить их, продать, рассеять. Если это случится, то библиотека пропадет и те обрывки, которые останутся, без всей массы сведений потеряют свое значение наполовину. Библиотека принадлежит не нам. И даже не человечеству. Такая библиотека может принадлежать только всем народам Галактики.

— Послушай, Док, — умолял я его, — мы трудились многие годы, я, все мы. Потом и кровью мы зарабатывали себе на жизнь, но нам все время не везло. Сейчас появилась возможность сорвать большой куш. И эта возможность есть и у тебя. Подумай об этом, Док… У тебя будет столько денег, что их вовек не истратить… хватит на то, чтобы пьянствовать всю жизнь!

Док направил на меня ружье, и я подумал, что попал как кур в ощип. Но у меня не дрогнул ни один мускул.

Я стоял и делал вид, что мне не страшно.

Наконец он опустил ружье.

— Мы варвары. В истории таких, как мы, было навалом. На Земле варвары задержали прогресс на тысячу лет, предав огню и рассеяв библиотеки и труды греков и римлян. Для варваров книги годились только на растопку да на чистку оружия. Для вас этот большой склад знаний означает лишь возможность быстро зашибить деньгу. Вы возьмете шашку с научным исследованием важнейшей социальной проблемы и будете сдавать ее напрокат. Пожалуйте, годичный отпуск за шесть часов…

— Избавь меня от проповеди, Док, — устало сказал я. — Скажи, чего ты хочешь.

— Я хочу, чтобы мы вернулись и доложили о своей находке Галактическому комитету. Это поможет загладить многое из того, что мы натворили.

— Ты что, монахов из нас хочешь сделать?

— Не монахов. Просто приличных людей.

— А если мы не захотим?

— Я захватил корабль, — сказал Док. — Запас

воды и пищи у меня есть.

— А спать-то тебе надо будет.

— Я закрою люк. Попробуйте забраться сюда.

Наше дело было швах, и он знал это. Если мы не сможем придумать, как захватить его врасплох, наше дело швах по всем статьям.

Я испугался, но чувство досады взяло верх. Многие годы мы слушали, что он болтал, но никто никогда не принимал его всерьез.

Я знал, что отговорить его невозможно. И на компромисс он ни на какой не пойдет. Если говорить откровенно, никакого соглашения между нами быть не могло, потому что соглашение или компромисс возможны лишь между людьми порядочными, а какие же мы порядочные, даже по отношению друг к другу? Положение было безвыходное, но Док до этого еще не додумался. Он додумается, как только немного протрезвится и пораскинет мозгами. Он вытворял все это в пьяном угаре, но это не значило, что он ничего не поймет.

Одно было ясно: в таком положении он продержится дольше нас.

— Позволь мне вернуться, — сказал я, — нужно потолковать с ребятами.

Мне кажется, Док только сейчас сообразил,

как далеко он зашел, впервые понял, что мы не можем доверять друг другу.

— Когда вернешься, — сказал он мне, — мы все обмозгуем. Мне нужны гарантии.

— Конечно, Док, — сказал я.

— Я не шучу, капитан. Я говорю совершенно серьезно. Я дурака не валяю.

Я вернулся к башне, неподалеку от которой тесно сбилась команда, и объяснил, что происходит.

— Придется рассыпаться и атаковать его, — решил Хэч. — Одного-двух он подстрелит, зато мы его схватим.

— Он просто закроет люк, — возразил я. — И заморит нас голодом. В крайнем случае попытается улететь на корабле. Стоит только ему протрезвиться, и он, вероятно, так и сделает.

— Он чокнутый, — сказал Блин. — Он просто тронулся спьяну.

— Конечно чокнутый, — согласился я, — и от этого он опаснее вдвойне. Он вынашивал это дело давным-давно. У него комплекс вины мили в три высотой. И что хуже всего, он зашел так далеко, что не может идти на попятную.

— У нас мало времени, — сказал Фрост. — Надо что-то придумать. Мы умрем от жажды. Еще

немного, и нам страшно захочется жрать.

Все стали препираться насчет того, как быть, а я сел на песок, прислонился к машине и попробовал стать на место Дока.

Как врач Док оказался неудачником, иначе зачем бы ему было связываться с нами? Скорее всего, он присоединился к нам, чтобы бросить кому-то вызов или от отчаяния, — наверно, было и то и другое. И, кроме того, как всякий неудачник, он идеалист. Среди нас он белая ворона, но больше ему некуда податься, нечего делать. Многие годы это грызло его, и он стал страдать болезненным самомнением, а дальний космос — самое подходящее место, чтобы накачаться самомнением.

Разумеется, он тронулся, но это было сумасшествие особого рода. Если бы оно не было таким ужасным, его можно было бы назвать славным. Причем Док — такой малый, что его даже насмешками не проймешь, стоит на своем, и все тут.

Не знаю, услышал ли я какой-нибудь звук (шаги, может быть) или просто почувствовал чье-то присутствие, но вдруг я осознал, что кто-то подошел к нам. Я приподнялся и резко повернулся лицом к зданию: у входа стояло то, что на первый взгляд показалось нам бабочкой величиной с

человека.

Я не говорю, что это было насекомое, — просто вид у него был такой. Оно куталось в плащ, но лицо было не человеческое, а на голове возвышался гребень, похожий на гребни шлемов, которые можно увидеть в исторических пьесах.

Затем я увидел, что плащ вовсе не плащ, а часть этого существа, и похож он был на сложенные крылья, но это были не крылья.

— Джентльмены, — сказал я как можно спокойнее, — у нас гость.

Я пошел к существу, не делая резких движений, но держась настороже. Я не хотел напугать его, но сам приготовился отскочить в сторону, если мне будет угрожать опасность...

— Внимание, Хэч, — сказал я.

— Я прикрываю тебя, — заверил меня Хэч, и оттого, что он был рядом, на душе стало поспокойней. Если тебя прикрывает Хэч, слишком большой неприятности не будет.

Я остановился футах в шести от существа. Вблизи у него был не такой противный вид, как издали. Глаза были добрые, а нежное, странное лицо хранило мирное выражение. Но человеческие мерки не всегда подходят к чужестранцам.

Мы смотрели друг на друга в упор. Оба мы по-

нимали, что говорить бесполезно. Мы просто стояли и мерили друг друга взглядами.

Затем существо сделало несколько шагов и протянуло руку, которая была скорее похожа на клешню. Оно взяло меня за руку и потянуло к себе.

Надо было или вырвать руку, или идти.

Я пошел за ним.

Времени на размышления не было, но кое-что помогло мне принять решение сразу. Во-первых, существо показалось мне дружески настроенным и разумным. Да и Хэч с ребятами были поблизости, шли позади. И самое главное — тесных отношений с чужестранцами никогда не завяжешь, если будешь держаться неприветливо.

Поэтому я пошел.

Мы вошли в башню, и было приятно слышать позади себя шаги остальных.

Я не стал терять времени на догадки, откуда появилось существо. Этого следовало ожидать. Башня была такая большая, что в ней много чего поместилось бы — даже люди или какие-нибудь существа, — и мы все равно ничего не заметили бы. В конце концов, мы обследовали лишь небольшой уголок первого этажа. А существо, видимо, спустилось с верхнего этажа, как только узнало,

что мы здесь. Наверно, понадобилось некоторое время, чтобы эта новость дошла до него.

По трем наклонным плоскостям мы поднялись на четвертый этаж и, пройдя немного по коридору, вошли в комнату.

Она была небольшая. Там стояла всего одна машина, но на этот раз спаренная модель — у нее было два плетеных сиденья и два шлема. В комнате находилось еще одно существо.

Первое существо подвело меня к машине и указало на одно из сидений.

Я постоял немного, наблюдая, как Хэч, Блин, Фрост и все остальные входили в комнату и выстраивались у стены.

Фрост сказал:

— Вы двое останьтесь-ка в коридоре и смотрите.

Хэч спросил меня:

— Ты собираешься сесть в это чудо техники, капитан?

— Почему бы и нет? — отозвался я. — Они, кажется, ничего не замышляют. Нас больше, чем их. Они не собираются причинить нам никакого вреда.

— Есть риск, — сказал Хэч.

— А с каких это пор мы зареклись идти на

риск?

Существо, которое я встретил у входа в башню, село на одно из сидений, а я приспособил для себя другое. Тем временем второе существо достало из ящика две шашки, но эти шашки были прозрачные, а не черные. Оно сняло шлемы и вставило шашки. Затем оно надело шлем на своего товарища и протянуло мне другой.

Я сел и позволил надеть на себя шлем, и вдруг оказалось, что я уже сижу на корточках за чем-то вроде столика напротив джентльмена, которого встретил около здания.

— Теперь мы можем поговорить, — сказал чужестранец.

Я не боялся, не волновался. У меня было такое ощущение, будто напротив сидит кто-нибудь вроде Хэча.

— Все, что мы будем говорить, записывается, — сказал чужестранец. — После нашего разговора вы получите один экземпляр, а второй я помещу в картотеку. Можете называть это договором, или контрактом, или как вы сочтете нужным.

— Я не очень-то разбираюсь в контрактах, — сказал я. — В этих юридических уловках запутаешься, как муха.

— Тогда назовем это соглашением, — предло-

жил чужестранец. — Джентльменским соглашением.

— Хорошо, — согласился я.

Соглашения — удобные штуки. Их можно нарушать когда вздумается. Особенно джентльменские соглашения.

— Наверно, вы уже поняли, что здесь находится, — сказал чужестранец.

— Не совсем, — ответил я. — Скорее всего, библиотека.

— Это университет, галактический университет. Мы специализировались на популярных лекциях и заочном обучении.

Боюсь, что у меня отвалилась челюсть.

— Ну что ж, прекрасно.

— Наши курсы могут пройти все, кто только пожелает. У нас нет ни вступительной платы, ни платы за обучение. Не требуется также никакой предварительной подготовки. Вы сами понимаете, как трудно было бы поставить это условие Галактике, которая населена множеством видов, имеющих различные мировоззрения и способности.

— Точно.

— К слушанию курсов допускаются все, кому они будут полезны, — продолжал чужестра-

нец. — Разумеется, мы рассчитываем на то, что полученными знаниями воспользуются правильно, а во время самого учения будет проявлено прилежание.

— Вы хотите сказать, что записаться может любой? — спросил я. — И это не будет ничего стоить?

Сперва я разочаровался, а потом сообразил, что тут есть на чем заработать. Настоящее университетское образование… да с этим можно обделывать отличные делишки!

— Есть одно ограничение, — пояснил чужестранец. — Совершенно очевидно, что мы не можем заниматься отдельными личностями. Мы принимаем культуры. Вы как представитель своей культуры… как вы называете себя?

— Человечеством. Сначала жили на планете Земля, теперь занимаем полмиллиона кубических световых лет. Я могу показать на вашей карте…

— Сейчас в этом нет необходимости. Мы были бы очень рады получить заявление о приеме от человечества.

Я растерялся. Никакой я не представитель человечества! Да я и не хотел бы им быть. Я сам по себе, а человечество само по себе. Но этого чуже-

странцу я, конечно, не сказал. Он бы не захотел иметь со мной дела.

— Не будем торопиться, — взмолился я. — Я хочу задать вам несколько вопросов. Какого рода курсы вы предлагаете? Какие дисциплины можно выбирать?

— Во-первых, есть основной курс, — сказал чужестранец. — Его лучше бы назвать вводным, он нужен для ориентации. В него входят те предметы, которые, по нашему мнению, наиболее пригодны для данной культуры. Вполне естественно, что он будет специально подготовлен для обучающейся культуры. После этого можно заняться необязательными дисциплинами, их очень много — сотни тысяч.

— А как насчет испытаний, выпускных экзаменов и всего такого прочего? — поинтересовался я.

— Испытания, разумеется, предусмотрены, — сказал чужестранец. — Они будут проводиться каждые… Скажите мне, какая у вас система отсчета времени?

Я объяснил как мог, и он, кажется, все понял.

— Они будут проводиться примерно каждую тысячу лет вашего времени. Программа рассчитана надолго. Если проводить испытания чаще, то

вам придется напрягаться изо всех сил и пользы от этого будет мало.

Я уже принял решение. То, что случится через тысячу лет, меня не касается.

Я задал еще несколько вопросов об истории университета и тому подобном. Мне хотелось замести следы на тот случай, если бы у него возникли подозрения.

Я все еще не мог поверить в то, что услышал. Трудно представить себе, чтобы какая бы то ни было раса трудилась миллионы лет над созданием университета, ставила перед собой цель — дать наивысшее образование всей Галактике, совершила путешествия на все планеты и собрала все сведения о них, свела воедино все записи о бесчисленных культурах, установила определенные соотношения между ними, классифицировала и рассортировала эту массу информации и создала учебные курсы.

Все это имело такие гигантские масштабы, что не укладывалось в голове.

Он еще некоторое время вводил меня в курс дела, а я слушал его с разинутым ртом. Но потом я взял себя в руки.

— Хорошо, профессор, — сказал я, — можете нас записать. А что требуется от меня?

— Ничего, — ответил он. — Сведения будут извлечены из записи нашей беседы. Мы определим основной курс, а затем вы сможете выбрать дисциплины по желанию.

— Если мы не увезем все за один раз, то можно будет вернуться? — спросил я.

— Безусловно. Я думаю, вы пожелаете послать целый флот, чтобы увезти все, что вам понадобится. Мы дадим достаточное число машин и столько учебных записей, сколько потребуется.

— Чертова уйма потребуется, — сказал я ему прямо, рассчитывая поторговаться и немного уступить.

— Я знаю, — согласился он. — Дать образование целой культуре — дело не простое. Но мы готовы к этому.

Так вот мы и добились своего… и все законным путем, комар носа не подточит. Мы могли брать, что хотели и сколько хотели, и имели на это право. Никто не мог сказать, что мы воровали. Никто, даже Док, не мог бы этого сказать.

Чужестранец объяснил мне систему записи на цилиндрах, сказал, как будут упакованы и пронумерованы курсы, чтобы их проходили по порядку. Он обещал снабдить меня записями необязательных курсов — я мог выбрать их по

желанию.

Он был по-настоящему счастлив, заполучив еще одного клиента, и гордо рассказывал мне о других учениках. Он долго распространялся о том удовлетворении, которое испытывает просветитель, когда представляется возможность передать кому-нибудь факел знаний.

Я чувствовал себя подлецом.

На этом разговор закончился, и я снова оказался на сиденье, а второе существо уже снимало с моей головы шлем.

Я встал. Первый чужестранец тоже встал и обернулся ко мне. Как и вначале, говорить друг с другом мы не могли. Это было странное чувство — стоишь лицом к лицу с существом, с которым ты только что заключил сделку, и не можешь произнести ни одного слова, которое бы он понял.

Однако он протянул мне обе руки, а я взял их в свои, и он дружески пожал их.

— Ты давай еще облобызайся с ним, — сказал Хэч, — а мы с ребятами отвернемся.

В другое время за такую шутку я влепил бы Хэчу пулю, а тут даже не рассердился.

Второе существо вынуло из машины две шашки и вручило одну из них мне. Их засунули туда прозрачными, а вынули черными.

— Пошли отсюда, — сказал я.

Мы постарались выбраться из башни как можно быстрее, но не роняя достоинства… если это можно назвать достоинством.

Выбравшись, я подозвал Хэча, Блина и Фроста и рассказал, что со мной было.

— Мы схватили Вселенную за хвост, — сказал я. — Мертвой хваткой вцепились.

— А как быть с Доком? — спросил Фрост.

— Разве не понимаешь? Именно такая сделка ему и придется по вкусу. Мы можем сделать вид, что мы благородные и великодушные, что мы верны своему слову. Мне только надо подойти к нему поближе и схватить его.

— Он тебя и слушать не станет, — сказал Блин. — Он не поверит ни одному твоему слову.

— Вы, ребята, стойте на месте, — сказал я. — А с Доком я справлюсь.

Я пересек полосу земли между башней и кораблем. Док не подавал никаких признаков жизни. Я открыл было рот, чтобы кликнуть Дока, а потом передумал. Решив воспользоваться случаем, я приставил лестницу и забрался в люк, но Дока по-прежнему не было видно.

Я осторожно двинулся вперед. Я догадался, что с ним, но на всякий случай решил не рисковать.

Нашел я его на стуле в амбулатории. Он был пьян в стельку. Ружье лежало на полу. Рядом со стулом валялись две пустые бутылки.

Я стоял и смотрел на него, представляя себе, что произошло. После моего ухода Док стал обдумывать создавшееся положение, и тут перед ним встала проблема — как быть дальше. Он решил ее так, как решал почти все свои жизненные проблемы.

Я прикрыл Дока одеялом. Затем порыскал вокруг и обнаружил полную бутылку. Откупорив, я поставил ее рядом со стулом, чтобы он мог легко дотянуться до нее. Потом я взял ружье и пошел звать остальных.

В ту ночь я долго не мог заснуть — в голову приходили всякие приятные мысли.

Перед нами раскрывалось так много возможностей, что я просто терялся и не знал, с чего начать.

Тут тебе и афера с университетом, которую, как это ни странно, можно было осуществить на совершенно законном основании — ведь профессор из башни ничего не говорил о купле-продаже.

Тут тебе и дельце с каникулами — год-другой пребывания на чужой планете за какие-нибудь шесть часов. Надо будет только подобрать ряд

необязательных курсов по географии, или социальной науке, или как там их…

Можно создать информационное бюро или научно-исследовательское агентство, которое за приличное вознаграждение будет давать любые сведения из любой области.

Несомненно, в башне есть записи исторических событий с эффектом присутствия. Заполучив их, мы могли бы продавать в розницу приключения — совершенно безопасные приключения — мечтающим о них домоседам.

Я думал и об уйме других возможностей, не столь очевидных, но сто́ящих того, чтобы присмотреться к ним, и о том, как это профессора придумали наконец безошибочно эффективное средство обучения.

Если хочешь иметь представление о чем-нибудь, то познай это на собственном опыте, изучи на месте. Ты не читаешь об этом, не слышишь рассказ и не смотришь стереоскопический фильм, а живешь этим. Ты ходишь по земле планеты, с которой хотел познакомиться, ты живешь среди существ, которых пожелал изучить; ты становишься свидетелем и, возможно, участником исторических событий, исследованием которых занимаешься.

Есть и другие способы использования такого обучения. Можно научиться строить собственными руками что угодно, даже космические корабли. Можно изучить, как работает чужестранная машина, собрав ее по порядку. Нет такой области знания, для изучения которой не годилось бы новое средство… и результаты оно даст гораздо лучшие, чем обычная система обучения.

Тогда же я твердо решил, что мы не выпустим из рук ни одной шашки, пока кто-нибудь из нас предварительно не ознакомится с ней. А вдруг в них окажется что-нибудь подходящее для практического применения?

Так я и уснул, думая о химических чудесах и новых принципах создания машин, о лучших способах ведения дел и о новых философских идеях. Я даже прикинул, как заработать кучу денег на философской идее.

Итак, наша наверняка взяла. Мы создадим компанию, которая будет заниматься такой разносторонней деятельностью, что нас никому не одолеть. Мы будем жить как боги. Разумеется, лет через тысячу придет время расплаты, но никого из нас уже не будет в живых.

Док протрезвел только под утро, и я приказал

Фросту затолкать его в корабельный карцер. Он больше не был опасен, но я считал, что посидеть взаперти ему не помешает. Немного погодя я собирался потолковать с ним, но пока я был слишком занят, чтобы возиться с этим делом.

Я отправился в башню вместе с Хэчем и Блином и на машине с двумя сиденьями провел еще одно совещание с профессором. Мы отобрали кучу необязательных курсов и решили разные вопросы.

Другие профессора стали выдавать нам курсы, уложенные в ящики и снабженные этикетками, и мне пришлось вызвать всю команду, чтобы перетаскивать ящики и машины на корабль.

Мы с Хэчем вышли из башни и наблюдали за работой.

— Никогда не думал, — сказал Хэч, — что мы и в самом деле сорвем куш. Положа руку на сердце, скажу — никогда не думал. Я всегда считал, что мы так, только воздух толкаем. Вот тебе пример, как может ошибаться человек.

— Эти профессора — какие-то придурки, — сказал я. — Ни одного вопроса мне не задали. Я хоть сейчас придумаю целую кучу вопросов, которые они могли бы задать и на которые мне нечего было бы ответить.

— Они честные и думают, что все такие. Вот что получается, когда влезешь по уши в одно дело и ни на что другое времени не остается.

Что верно, то верно. Эта раса профессоров трудилась миллион лет… работы хватит еще на миллион лет и еще на миллион… не видно ей ни конца ни края.

— Не могу сообразить, зачем они это делают, — сказал я. — Что им за выгода?

— Для них-то выгоды нет, — ответил Хэч, — а для нас есть. Скажу я тебе, капитан, придется голову поломать, как это все получше использовать.

Я рассказал ему, что я придумал насчет предварительного ознакомления с шашками, чтобы не упустить ничего.

Хэч был в восторге.

— Да, капитан, ты своего не упустишь. Так и надо. Мы из этого дела выдоим все до последнего цента.

— Мне кажется, мы должны заниматься предварительным знакомством по порядку, — сказал я. — Начать с самого начала и… до конца.

Хэч сказал, что он думал о том же.

— Но на это уйдет уйма времени, — предупредил он.

— Вот поэтому надо начать сейчас же. Основной, ориентировочный курс уже на борту. Можем начать с него. Надо только запустить машину, Блин тебе поможет.

— Поможет мне! — завопил Хэч. — Кто сказал, что это должен делать я? Да я для этого совсем не гожусь. Ты же сам знаешь, я сроду ничего не читал…

— А это не чтение. Ты будешь жить в этом. Будешь развлекаться, пока остальные пупки себе надрывают.

— Не буду я.

— Послушай, — сказал я, — давай немного пораскинем мозгами. Мне надо быть здесь, у башни, и следить, чтобы все шло как следует. И профессору я могу понадобиться для очередного совещания. Фрост заправляет погрузкой. Док на губе. Остаешься ты с Блином. Доверить предварительное ознакомление Блину я не могу. Он слишком рассеянный. Целое состояние может проскользнуть мимо него, а он и не почешется. А ты человек сообразительный, у тебя есть чувство ответственности, и я считаю…

— Ну, коли так, — сказал Хэч, напыжившись от гордости, — мне кажется, самый подходящий человек для этого дела — я.

К вечеру мы устали как собаки, но настроение было прекрасное. Погрузка началась отлично, и через несколько дней мы уже будем лететь к дому.

Хэч за ужином был какой-то задумчивый. К еде едва притронулся. Он не говорил ни слова и сидел с таким видом, будто у него что-то на уме.

При первом же удобном случае я спросил его:

— Как дела, Хэч?

— Ничего, — сказал он. — Болтовня всякая. Объясняют, что к чему. Болтовня.

— А что говорят?

— Да не говорят… в общем, трудно выразить это словами. Может, у тебя на днях найдется время попробовать самому?

— Можешь быть уверен, что я это сделаю, — сказал я, слегка разозлившись.

— Пока в этом деле деньгами и не пахнет, — сказал Хэч.

Тут я ему поверил. Хэч углядел бы доллар и за двадцать миль.

Я пошел к корабельному карцеру посмотреть, что там поделывает Док. Он был трезвый. И не раскаявшийся.

— На этот раз ты превзошел самого себя, — сказал он. — Продавать эти штуковины ты не

имеешь права. В башне хранятся знания, принадлежащие всей Галактике… бесплатные…

Я рассказал ему, что случилось, как мы узнали, что башня — это университет, и как мы на самом законном основании грузим на корабль курсы, предназначенные для человечества. Я изобразил все так, будто мы делали благое дело, но Док не поверил ни одному моему слову.

— Ты бы даже своей умирающей бабушке не дал глотка воды, если бы она не заплатила вперед, — сказал он. — Так что не заливай-ка ты мне тут о служении человечеству.

Итак, я оставил его еще потомиться в карцере, а сам пошел к себе в каюту. Я сердился на Хэча, весь кипел от слов Дока и до изнеможения устал. Уснул я тотчас.

Работа продолжалась еще несколько дней и уже приближалась к концу.

Я был очень доволен. После ужина я спустился по трапу, сел у корабля на землю и посмотрел на башню. Она была все такая же большая и величественная, но уже не казалась столь большой, как в первый день, — ослабло чувство удивления не только перед ней, но и перед той целью, ради которой ее построили.

Стоит нам снова попасть в нашу родную

цивилизацию, пообещал я себе, как мы сразу развернемся. Вероятно, стать законными хозяевами планеты нам не удастся, потому что профессора — существа разумные, а владеть планетой с разумными существами нельзя, но есть много других способов прибрать ее к рукам.

Я сидел и удивлялся, почему это никто не спускается посидеть со мной. Так и не дождавшись никого, я наконец полез по трапу.

Я опять пошел к корабельному карцеру, чтобы потолковать с Доком. Он по-прежнему не смирился, но и не был настроен особенно враждебно.

— Знаешь, капитан, — сказал он, — временами у нас были разные взгляды на вещи, но я уважал тебя, а порой ты мне даже нравился.

— К чему ты это клонишь? — спросил я. — Думаешь, такие разговорчики помогут тебе выкарабкаться отсюда?

— Тут кое-что заваривается, и, наверно, тебе это надо знать. Ты откровенный негодяй. Ты даже не возьмешь на себя труд отрицать это. Ты человек неразборчивый в средствах и бессовестный, и в этом нет ничего дурного, потому что ты не лицемеришь. Ты…

— Выкладывай, в чем дело! Если сам не скажешь, я войду и такое учиню, что ты у меня сразу

заговоришь.

— Хэч приходил сюда несколько раз, — сказал Док. — Приглашал подняться наверх и послушать те записи, с которыми он возится. Говорил, что это точнехонько по моей части. Сказал, что я не пожалею. Но в том, как он себя вел, было что-то не то. Что-то трусливое. — Он уставился на меня из-за решетки. — Ты же знаешь, капитан, Хэч никогда не был трусом.

— Давай продолжай!

— Хэч сделал какое-то открытие, капитан. На твоем месте я делал бы такие открытия сам.

Я умчался, даже не ответив ему. Я вспомнил, как вел себя Хэч: он почти не ел и был задумчив, неразговорчив. Кстати, кое-кто еще тоже вел себя странно. Просто я был слишком занят и не обращал на это внимания.

Взбегая по аппарелям, я ругался на каждом шагу. Как бы ни был занят капитан, он никогда не должен упускать из виду свою команду… не упускать ни на минуту. И все из-за спешки, из-за желания скорее загрузиться и удрать, пока что-нибудь не случилось.

И вот что-то все-таки случилось. Никто не спустился посидеть со мной. За ужином не было сказано и десятка слов. Чувствовалось, что все

идет шиворот-навыворот.

Блин с Хэчем занимались предварительным знакомством с записями в штурманской рубке. Ворвавшись в рубку, я захлопнул дверь и прислонился к ней спиной.

Кроме Хэча и Блина, там был Фрост, а на плетеном сиденье машины устроился человек, в котором я признал одного из подчиненных Хэча.

Я стоял, не говоря ни слова, а все трое смотрели на меня. Человек со шлемом на голове не заметил моего прихода… да его тут и не было.

— Ну, Хэч, — сказал я, — выкладывай начистоту. Что все это значит? Почему этот человек занимается предварительным знакомством? Я думал, что только ты и…

— Капитан, — сказал Фрост, — мы как раз собирались сказать тебе.

— Молчать! Я спрашиваю Хэча!

— Фрост верно сказал, — стал объяснять Хэч. — Мы давно хотели тебе все рассказать. Да ты был очень занят, и так как нам немного трудновато…

— Что здесь трудного?

— Ну, ты решил во что бы то ни стало разбогатеть. И поэтому нашу новость мы хотим сообщить тебе осторожно.

Я подошел к ним.

— Не понимаю, о чем вы говорите… Ведь нам же по-прежнему светит большая прибыль. Ты знаешь, Хэч, если я возьмусь… от тебя только мокрое место останется, и если не хочешь быть битым, выкладывай-ка все побыстрее.

— Никакая прибыль нам не светит, капитан, — спокойно сказал Фрост. — Мы увезем эти штуковины и сдадим их властям.

— Да вы все с ума посходили! — взревел я. — Сколько лет, сколько сил мы убили, охотясь за кушем! А теперь, когда он уже у нас в кармане, когда мы можем ходить босиком по горе тысячедолларовых бумажек, вы тут передо мной строите из себя святую невинность. Какого…

— Если бы мы это сделали, мы поступили бы нечестно, сэр.

И это «сэр» испугало меня больше всего. До сих пор Блин не величал меня так ни разу.

Я переводил взгляд с одного на другого, и от выражения их лиц у меня мороз по коже пошел. Они все до единого были согласны с Блином.

— Это все курс ориентации! — крикнул я.

Хэч кивнул:

— В нем говорится о честности и чести.

— А что вы, мерзавцы, понимаете в честности и чести? — взвился я. — Вы сроду не знали, что

такое честность.

— Прежде не знали, — сказал Блин, — а теперь знаем.

— Это же пропаганда! Просто профессора подложили нам свинью!

Подложили свинью как пить дать. Но надо признаться, эти профессора — великие доки. Не знаю уж, то ли они считали человечество бандой подлецов, то ли курс ориентации был у них для всех один. Неудивительно, что они не задавали мне вопросов. Неудивительно, что они не провели расследования до того, как вручить нам свои знания. Мы и шагу не ступили, как нас стреножили.

— Узнав, что такое честность, — сказал Фрост, — мы решили, что поступим правильно, познакомив с курсом ориентации остальных членов команды. Прежде мы вели отвратительную жизнь, капитан.

— И вот, — продолжал Хэч, — мы стали приводить сюда одного за другим и ориентировать их. Мы считали, что должны сделать хоть это. Сейчас этим делом занят один из последних.

— Миссионеры, — сказал я Хэчу. — Вот вы кто. Помнишь, что ты мне говорил однажды вечером? Ты сказал, что не станешь миссионером, хоть

озолоти.

— Напрасно стараетесь, — холодно возразил Фрост. — Вам не пристыдить нас и не запугать. Мы знаем, что мы правы.

— А деньги! А как же с компанией? Мы же все продумали!

— Забудьте и об этом, капитан. Когда вы пройдете курс…

— Никакого курса я проходить не буду! — Наверно, голос у меня был грозный, но я уже понял, что ни один из них не бросится на меня. — Эй вы, ханжи, миссионеришки несчастные, если вам не терпится заставить меня, попробуйте, давайте…

Они по-прежнему не двигались с места. Я запугал их. Но спорить с ними не было никакого толку. Я не мог пробиться сквозь каменную стену честности и чести.

Я повернулся к ним спиной и пошел к двери. На пороге я остановился и сказал Фросту:

— Советую выпустить Дока и тоже накачать его честностью. Скажи, что на меня это подействовало. Это то, что ему надо. Туда ему и дорога.

Хлопнув дверью, я поднялся по аппарели в свою каюту. Я запер дверь, чего прежде никогда не делал.

Я сел на край койки и, уставившись на стену,

задумался.

Они забыли одно: корабль был мой, а не их. Они были всего-навсего командой, срок контракта с ними давно истек и ни разу не возобновлялся.

Я встал на четвереньки и полез за жестяным ящиком, в котором хранил бумаги. Внимательно просмотрев их, я отложил те, которые мне были нужны: документ, подтверждающий мое право собственности на корабль, выписку из регистра и последние контракты, подписанные командой.

Я положил документы на койку, отпихнул ящик с дороги и снова сел.

Взяв бумаги, я стал тасовать их.

Команду можно было бы вышвырнуть из корабля хоть сейчас. Я мог взлететь без них, и они ничего, совершенно ничего не могли бы поделать.

Более того, я мог улететь совсем. Это был бы, разумеется, законный, но подлый поступок. Теперь, когда они стали честными и благородными людьми, они бы склонились перед законом и дали бы мне возможность улететь. И винить им было бы некого, кроме самих себя.

Я долго сидел и думал, но мысли мои снова и снова возвращались к прошлому; я вспоминал, как Блин попал в переделку на одной планете в

системе Енотовая шкура, как Док влюбился в… трехполое существо на Сиро и как Хэч скупил по дешевке все спиртное на Мунко, а потом проиграл его, увлекшись чем-то вроде нашей игры в кости — только вместо костяшек там были странные крохотные живые существа, с которыми нельзя было мухлевать, и Хэчу пришлось туго.

В дверь постучали.

Это был Док.

— Тебя тоже распирает от честности? — спросил я его.

Он содрогнулся:

— Только не меня. Я отказался.

— Это та же бодяга, которую ты тянул всего дня два назад.

— Неужели ты не понимаешь, — спросил Док, — что теперь станет с человечеством?

— Конечно понимаю. Оно станет честным и благородным. Никто никогда не будет ни обманывать, ни красть, и станет не жизнь, а малина…

— Все подохнут от тяжелой формы скуки, — сказал Док. — Жизнь станет чем-то средним между бойскаутским слетом и дамскими курсами кройки и шитья. Не станет шумных перебранок, все будут вести себя до тошноты вежливо и прилично.

— Значит, твои убеждения переменились?

— Не совсем, капитан. Но ведь так же нельзя. Все, чего достигло человечество, было добыто в процессе социальной эволюции. Мошенники и негодяи необходимы для прогресса не меньше, чем дальновидные идеалисты. Они как человеческая совесть, без них не проживешь.

— На твоем месте, Док, я бы не слишком беспокоился о человечестве. Это великое дело, и не нашего оно ума. Даже слишком большая доза честности не искалечит человечества навеки.

А вообще-то мне было все равно. Меня одолевали совсем другие заботы.

Док подошел ко мне и сел рядом на койку. Он наклонился и постучал пальцем по документам, которые я все еще держал в руках.

— Я вижу, ты уже решил, — сказал он.

Я уныло кивнул:

— Да.

— Я так и знал.

— Все предусмотрел. Вот почему ты переметнулся.

Док энергично покачал головой:

— Нет. Поверь мне, капитан, я страдаю не меньше тебя.

— Куда ни кинь, все клин, — сказал я, тасуя

документы. — Они летали со мной по доброй воле. Разумеется, контракта они не возобновили. Но этого и не нужно было. Все было понятно само собой. Мы все делили поровну. Не менять же теперь наших отношений. И по-старому быть не может. Если бы мы даже согласились выкинуть груз, взлететь и никогда больше не вспоминать о нем, все равно так просто не отделаешься. Это засело в нас навсегда. Прошлого не вернешь, Док. Его похоронили. Разбили на куски, которые нам теперь уже не склеить.

У меня было такое чувство, будто я истошно кричу. Давно уж мне не было так больно.

— Теперь они совсем другие люди, — продолжал я. — Они взяли да переменились, и прежними они больше никогда не будут. Даже если они снова станут какими были, все пойдет не так, как прежде.

Док подпустил шпильку:

— Человечество поставит тебе памятник. За то, что ты привезешь машины, тебе поставят памятник, может, даже на самой Земле, где стоят памятники всем великим людям. У человечества глупости на это хватит.

Я вскочил и стал бегать из угла в угол.

— Не хочу я никаких памятников. И машины

я не привезу. Мне нет до них больше никакого дела.

Я жалел, что мы вообще нашли эту силосную башню. Что она мне дала? Из-за нее только лучшую команду потерял и лучших на свете друзей!

— Корабль мой, — сказал я. — Больше мне ничего не надо. Я довезу груз до ближайшего пункта и выброшу там. Хэч и все прочие могут катиться ко всем чертям. Пусть их наслаждаются своей честностью и честью. А я наберу другую команду.

Может быть, подумал я, когда-нибудь все будет почти как прежде. Почти как прежде, да не совсем.

— Мы будем продолжать охотиться, — сказал я. — Мы будем мечтать о куше. Мы сделаем все, чтобы найти его. Все силы положим. Ради этого мы будем нарушать все законы — и божьи, и человеческие. И знаешь что, Док?

— Не знаю.

— Я надеюсь, что куш нам больше не попадется. Я не хочу его находить. Я хочу просто охотиться.

Мы помолчали, припоминая те дни, когда охотились за кушем.

— Капитан, — сказал Док, — меня ты возьмешь с собой?

Я кивнул. Какая разница? Пусть его.

— Капитан, помнишь те холмы, в которых живут насекомые на Сууде?

— Конечно. Разве их забудешь?

— Видишь ли, я придумал, как в них проникнуть. Может, попробуем? Там на миллиард…

Я чуть было не проломил ему голову.

Теперь я рад, что этого не сделал.

Мы летим именно на Сууд.

Если план Дока сработает, мы еще, может быть, сорвем куш!

День перемирия
Перевод И. Почиталина

1

Все тихо. Нигде ни признака панков. Над голой истерзанной землей повисла гнетущая тишина. Не было заметно ни малейшего движения — даже стаи бродячих собак и те исчезли.

Слишком уж спокойно, заключил Макс Хейл.

Обычно хоть что-нибудь да двигалось и время от времени доносились звуки. Казалось, все затаилось перед какой-то страшной опасностью — скорее всего, очередным нападением. Хотя теперь атака может быть направлена только против одной цели. А какое дело остальным, подумал Макс, ведь они давным-давно сдались, чего им прятаться за дверями и ставнями?

Макс стоял на плоской крыше укрепленной усадьбы, цитадели Кроуфорда, и следил за улицами, что вели к северу и западу от нее. По пути домой мистер Кроуфорд выберет одну из них. Никто не знал, какую именно, потому что мистер Кроуфорд редко возвращался одним и тем же

маршрутом. Только так можно было избежать засады или опасности натолкнуться на баррикаду. Правда, сейчас засады стали куда реже — почти не осталось деревьев и кустарников, стало трудно скрываться. Требовалась немалая изобретательность, чтобы организовать засаду в такой голой и разграбленной местности. Однако, напомнил себе Макс, уж в чем в чем, а в отсутствии изобретательности панков трудно было обвинить.

Мистер Кроуфорд позвонил днем и сказал, что немного задержится. Из-за этого Макс и нервничал. Минут через пятнадцать начнет смеркаться, а с наступлением темноты окрестности Оук-Мэнор становились опасными. Впрочем, теперь ночью становились опасными все пригороды. И хотя район Оук-Мэнор был опаснее других, нигде нельзя было себя чувствовать в безопасности.

Он снова поднес к глазам бинокль и внимательно осмотрел окружающую местность. Ничего — ни патрулей, ни прячущихся одиночек. Хотя где-то скрывались наблюдатели, в этом Макс не сомневался. Панки не сводили глаз с усадьбы Кроуфорда, надеясь, что когда-нибудь бдительность ее обитателей ослабнет.

Макс переводил бинокль с одной улицы на другую, с одного разрушенного дома на другой.

Разбитые стекла, осыпавшаяся краска, багровые полосы, нанесенные несколько лет назад. Здесь и там виднелись высохшие деревья с обломанными ветвями. Пожелтевшие, давно мертвые, они торчали посреди пыльных дворов — дворов, с которых исчезла трава, когда-то превращавшая их в лужайки.

Вдоль Сёркл-драйв, на вершине холма, виднелось то, что напоминало об усадьбе Томпсона, павшей пять лет назад. От дома не осталось и следа. Он был стерт с лица земли до основания, уничтожен камень за камнем, доска за доской. Лишь скелеты погибших деревьев да погнутые и искореженные металлические опоры говорили, где проходила укрепленная ограда.

Теперь только цитадель Кроуфорда возвышалась в Оук-Мэнор. Макс думал об этом с гордостью и тяжелыми воспоминаниями. Она выстояла благодаря ему, подумал Макс, и он будет защищать усадьбу до конца.

Это был последний оазис посреди голой пустыни, со своими деревьями и травой, летними беседками, поросшими вьющимися растениями, густыми кустами и солнечными часами поразительной красоты, с фонтаном и прудом, где плавали золотые рыбки и росли лилии.

— Макс, — донеслось из портативной рации, что висела на груди.

— Слушаю, мистер Кроуфорд.

— Где вы сейчас, Макс?

— На посту, на крыше.

— Я проеду по Сеймур-драйв, — донесся металлический голос мистера Кроуфорда. — Сейчас я примерно в миле от дома, за холмом. Подъеду, не сбавляя скорости.

— Поблизости никого нет, сэр.

— Отлично. Вовремя откройте ворота, Макс.

— У меня с собой пульт дистанционного управления, сэр. Открою ворота прямо отсюда. Буду смотреть в оба.

— Сейчас я приеду, — закончил мистер Кроуфорд.

Макс взял в руки пульт управления, ожидая появления машины хозяина усадьбы.

Автомобиль вырвался из-за вершины холма, промчался по Сеймур-драйв и с ревом полетел к воротам.

Когда он был всего в трех метрах от ворот, Макс нажал на кнопку, отпирающую электронный замок. Массивный бампер ударил по воротам и распахнул их. Тяжелые буферы, протянувшиеся по бокам автомобиля, удержали их открытыми

долю секунды, необходимую, чтобы автомобиль проскочил во двор. И тут же мощные пружины захлопнули ворота. Щелкнул замок.

Макс повесил пульт управления на плечо и спустился вниз по лесенке.

Когда он подошел, мистер Кроуфорд уже поставил машину в гараж и запирал ворота.

— Действительно, все тихо, — заметил мистер Кроуфорд. — Гораздо спокойнее обычного.

— Это мне не нравится, сэр. Они что-то затевают.

— Вряд ли, — пожал плечами мистер Кроуфорд. — Накануне Дня перемирия?

— От этих паршивых панков можно ждать чего угодно.

— Согласен, — кивнул мистер Кроуфорд, — но завтра они соберутся здесь, чтобы повеселиться. Нам не следует обижать их. В конце концов, мы их соседи, и нехорошо нарушать традиции. Мне бы не хотелось, чтобы ваше усердие вышло за рамки дозволенного.

— Вы ведь хорошо знаете, сэр, — запротестовал Макс, — я никогда не пойду на это. Я боец, сэр, но воюю честно.

— Я просто вспомнил о том маленьком трюке, который вы хотели выкинуть в прошлом году. —

Мистер Кроуфорд взглянул на Макса.

— Но ведь это не причинило бы им никакого вреда, сэр. По крайней мере серьезного вреда. Они бы даже ничего не заподозрили. Капля-другая во фруктовый пунш — и все. Они почувствовали бы действие лишь через несколько часов. Состав действует очень медленно.

— Даже так, — сурово сказал мистер Кроуфорд. — Накануне Дня перемирия?

— От этих паршивых панков можно ждать чего угодно.

— Даже так, — сурово сказал мистер Кроуфорд. — Хорошо, что я узнал об этом вовремя. И мне не хочется, чтобы на этот раз случилось что-нибудь подобное. Надеюсь, вы меня поняли?

— Конечно, сэр, — ответил Макс. — Можете положиться на меня.

Какая это глупость — День перемирия, подумал Макс. Пережиток далекого прошлого, когда кому-то из либералов пришла в голову мысль, что будет неплохо, если жители усадеб встретятся с панками в мирной обстановке и вместе проведут праздник.

Естественно, так и случается, но всего лишь один день в году. На протяжении двадцати четырех часов нет нападений, горящих стрел,

брошенных через высокий забор гранат. Но уже спустя секунду после полуночи вражда вспыхивает снова, не менее упорная и жестокая, чем раньше.

Она длилась уже много лет. Макс отлично понимал, каким будет ее исход. Наступит день, и усадьба Кроуфорда, несмотря на все укрепления, падет, как уже пали все остальные цитадели в Оук-Мэнор. Но Макс дал слово, что, пока не наступит этот день, он будет бороться до последнего. Ни на мгновение не ослабит бдительности, и еще не один панк пожалеет, что ввязался в эту войну.

Мистер Кроуфорд распахнул дверь. На мгновение яркий свет вырвался наружу. Затем дверь закрылась и дом снова превратился в безмолвную громаду, холодную и темную. Сквозь затемнение не пробивалось даже крошечного луча света. Ежедневно, еще до наступления темноты, Макс подходил к щиту управления, перебрасывал ручку рубильника, и на всех окнах захлопывались стальные ставни. Освещенные окна в ночи представляли собой слишком хорошую цель.

В последнее время нападения случались только ночью. Еще недавно их можно было ожидать и днем, однако теперь опасность для нападающих была слишком велика. Год за годом оборона

укреплялась, и дневные рейды превратились в безрассудство.

Макс повернулся и подошел к воротам. Он натянул резиновые перчатки и при свете фонарика осмотрел замок. Ворота были заперты. Еще не было случая, чтобы электронный замок не сработал. Тем не менее полностью исключить такую опасность нельзя, поэтому Макс никогда не забывал проверить ворота.

Он протянул руку в резиновой перчатке и потрогал забор. Два с половиной метра высотой, с несколькими рядами колючей проволоки наверху. И через каждый дюйм проволоки струился электрический ток высокого напряжения. Максу казалось, что провода гудят под током, но он знал, что это всего лишь иллюзия. Он знал, что электричество бесшумно.

За первым, основным, забором стоял второй, запасной, в который можно было подать ток, если основной рухнет.

Сзади послышалось едва различимое дыхание.

— Здорово, приятель, — сказал Макс, обернувшись.

В темноте было трудно различить очертания собаки, однако Макс знал, что она фыркает от удовольствия при звуках его голоса.

Собака вынырнула из темноты и прижалась к его ногам. Макс присел и прижал к груди огромную голову. В одно мгновение собака облизала ему лицо.

— А где остальные? — спросил Макс и почувствовал, как могучее тело задрожало от удовольствия.

Отличные псы, подумал он. Живущих в доме они любят до обожания, но смертельно ненавидят посторонних. Так их воспитали.

Макс знал, что остальная стая бродит по двору, прислушиваясь к малейшему шороху. Никто не сможет подойти к забору незамеченным. Любого, сумевшего перемахнуть через забор, они разорвут в клочья.

Он снял перчатки и положил их в карман.

— Пошли, пошли, — сказал он.

Макс сошел с дорожки и осторожно двинулся по двору. Здесь нужно было следить за каждым шагом, потому что поверхность двора была тщательно спланирована таким образом, что любая брошенная граната или бутылка с зажигательной жидкостью неминуемо скатывалась бы в одну из ловушек, которыми был усеян двор. Правда, теперь гранаты и бутылки редко перелетали через забор. Нападающие поняли, что это ни к

чему не приведет. Было время, когда в дом летели горящие стрелы. После того как поверхность дома была обработана несгораемым составом, стрелы тоже сошли на нет.

Макс остановился и замер. Листья на ветках деревьев шелестели под легким дуновением ветра. Он поднял голову и посмотрел на их темные очертания, вырисовывающиеся на фоне более светлого неба.

Как они красивы, подумал Макс. Жаль, что их почти не осталось. Когда-то эта округа называлась Оук-Мэнор — Дубовая Роща, потому что здесь росли эти величественные исполины. И вот теперь, прямо перед Максом, возвышался последний из них — огромный старый патриарх, крона которого закрывала свет первых звезд.

Макс смотрел на старый дуб со страхом и благоговением. Да, он представлял собой смертельную угрозу. Дуб был старым и дуплистым, его нужно было убрать, потому что он склонялся в сторону забора и при сильном ветре мог рухнуть прямо на провода, нарушив защиту усадьбы. Несколько раз Макс порывался поговорить с мистером Кроуфордом, но он знал, что хозяин усадьбы любит старого великана. Да и сам Макс был неравнодушен к дубу. Может быть, если закрепить его

тросами, чтобы дерево по крайней мере не упало на забор… Хотя тросы, охватывающие этот могучий ствол, казались святотатством, оскорблением древнего монарха…

Осторожно ступая, сопровождаемый собакой, Макс вышел на патио. Наклонившись, он провел ладонью по шершавой поверхности солнечных часов. Мистер Кроуфорд привез их из монастырского сада где-то во Франции. Уже одно это придавало ценность древним часам. Но, может быть, мистер Кроуфорд видел в них что-то другое, помимо того что им было много сотен лет и их привезли из-за океана.

Возможно, солнечные часы были для него символом давно ушедших дней, когда каждый человек имел право на сад, кусты и траву возле своего дома и их не нужно было защищать, когда он мог гордиться домом и тем, что его окружало. Однако это право понемногу с течением времени исчезло.

2

Все началось незаметно. Дети, играя, топтали лужайки, а бегающие за ними своры счастливых псов ломали кусты. У каждого мальчика должна быть своя собака, говорили родители.

Жители пригородов перебрались сюда из шумных перенаселенных городов, чтобы жить, как любили говорить они, на лоне природы. Здесь каждая семья сможет завести себе собаку, а дети будут бегать и играть на свежем воздухе под лучами солнца.

И правда, здесь было где бегать, поэтому дети бегали. Ничего другого им не оставалось. Они носились сломя голову по улицам, лужайкам и дорожкам, ломая и разоряя все, что им попадалось. Прошло время, ребятишки выросли, но никаких других развлечений взрослые им предложить не могли. Им оставалось лишь одно — бегать. Их матери каждое утро собирались пить кофе и сплетничать, а отцы каждый вечер сидели во дворе и пили пиво. Пользоваться семейным автомобилем стало слишком дорого — цены на бензин снова подскочили, дома были заложены в банках и нужно было выплачивать проценты, налоги все росли и росли, и на все это требовались деньги.

И вот, в поисках выхода для своей энергии, вымещая обиду за то, что у них ничего нет, повзрослевшие ребятишки начали искать приключения в актах вандализма. Они резали бельевые веревки во дворах, рубили на куски садовые шланги,

неосторожно оставленные на ночь без присмотра, ломали столы и стулья в патио, чертили по стенкам и штакетнику кусками мела.

Раздраженные домовладельцы начали строить заборы, чтобы оградить свои дворы от налетов молодежи с собаками, и это сразу было истолковано как оскорбление и вызов.

И этот первый забор, воздвигнутый много лет назад, стал предшественником почти трехметрового электрифицированного ограждения цитадели Кроуфорда, а маленькие вандалы с кусками мела, с восторженными криками бившие окна в домах соседей, были предками панков.

Макс выпрямился и пошел к забору мимо пруда с лилиями и золотыми рыбками, мимо пляшущих струй фонтана, мимо склонившихся плакучих ив.

— Пст! — донеслось с другой стороны забора.

— Это ты, Билли?

— Да, — ответил Билли Уорнер.

— У тебя есть какие-нибудь новости?

— Завтра День перемирия, и мы придем в гости…

— Да, я это знаю, — ответил Макс.

— Они принесут с собой бомбу с часовым механизмом.

— Но как? — спросил Макс. — Полицейские обыскивают при входе каждого.

— Бомба будет разобрана на части. У каждого будет спрятана под одеждой одна деталь. Сегодня вечером Стоуни Стаффорд будет раздавать их. Он подобрал группу, которая тренировалась несколько недель. Они могут собрать ее даже в темноте, на ощупь.

— Да, пожалуй, — медленно сказал Макс. — Это возможно. А после того, как ее соберут?

— Подложат под солнечные часы, — сказал Билли.

— Спасибо, — сказал Макс. — Это было бы огромным ударом для мистера Кроуфорда.

— Мне кажется, я заработал двадцатку.

— Да, — согласился Макс. — Двадцатку ты заработал.

— Если они узнают, что я проболтался тебе, меня убьют.

— Не узнают, — ответил Макс. — От меня не узнают.

Он достал из кармана бумажник, на мгновение включил фонарик и вытащил две десятки. Сложил их вдвое вдоль и просунул между проводами забора.

— Осторожно! — предупредил Макс. — Не ка-

сайся проводов, они под током.

Из темноты появилась рука, схватила деньги и исчезла. Послышался шорох удаляющихся шагов.

Макс замер, прислушиваясь. Ветер по-прежнему шуршал листьями, слышался плеск фонтана, напоминавший звон серебряных колокольчиков.

Он повернулся и двинулся вдоль забора, завершая вечерний осмотр. Выйдя из-за гаража, Макс увидел, что у ворот стоит полицейский автомобиль.

— Ты, Чарли? — окликнул он.

— Это я, Макс, — отозвался Чарли Поллард. — Все тихо?

— Как всегда.

Макс подошел к воротам и увидел за забором неясные очертания коренастой фигуры полицейского.

— Проезжал мимо и решил заглянуть, — сказал Поллард. — Сегодня вечером тихо. Скоро мы приедем, чтобы убедиться, что у тебя нет ничего запрещенного. Мне кажется, у тебя солидный запас.

— Только для обороны, — кивнул Макс. — Таков закон.

— Да, таков закон, — согласился Поллард. — Но мне кажется, что иногда ты проявляешь чрезмерное рвение. К примеру, у тебя в заборе электрический ток — три тысячи вольт?

— Естественно, — сказал Макс. — Ты считаешь это неправильным?

— Какой-нибудь малыш схватится за провод и будет убит на месте.

— А тебе хочется, чтобы его только чуть-чуть пощекотало?

— И все-таки ты бываешь излишне жестоким.

— Сомневаюсь, — возразил Макс. — Я наблюдал с крыши, что они сделали с усадьбой Томпсона пять лет назад.

— Тогда я еще служил в Фэйрвью-Эйкерс.

— Так вот, они разнесли ее на части, — сказал Макс. — По кирпичу, камень за камнем, бревно за бревном. От дома ничего не осталось, как и от остальных построек. Они свалили все деревья и затем порубили их. Вырвали с корнем кусты. Перекопали клумбы. Когда они ушли, за ними осталась пустыня. Так что пока я здесь, я не позволю, чтобы с домом мистера Кроуфорда случилось что-то подобное. Человек имеет право посадить и вырастить дерево, посеять траву. Если ему хочется разбить клумбу, он имеет право и на это. Я

знаю, тебе это покажется странным, но он даже имеет право не пускать в дом посторонних.

— Да, — согласился полицейский, — все это верно. Но ведь ты имеешь дело с детьми. Ты должен уступить им. Они твои соседи. Если бы ты и они проявили добрую волю, все было бы в порядке.

— Мы не можем себе этого позволить, — сказал Макс. — В нашей стране соседские отношения, о которых ты говоришь, означают отказ от всех прав. Добрососедские отношения нарушились давным-давно, когда ребятишки начали ходить по твоей лужайке к школьному автобусу, а ты не решился возразить, чтобы тебя не обругали. Они нарушились тогда, когда твой сосед попросил на часок газонокосилку и забыл вернуть ее, а когда ты зашел за ней, оказалось, что она сломана. Но сосед притворился, что он ничего не знает, и ради добрососедских отношений ты не осмелился потребовать, чтобы он заплатил за ремонт.

— Может быть, и так, — сказал Поллард, — но сейчас все это вышло из-под контроля. События зашли чересчур далеко. Вы ведете себя слишком уж высокомерно.

— Есть простой выход, — заметил Макс. — Пусть панки оставят нас в покое, и мы тут же уберем забор и все остальное.

Поллард покачал головой.

— Слишком поздно. Ничего нельзя сделать. — Он пошел к машине, затем повернул голову. — Чуть не забыл, — сказал он. — Завтра — День перемирия. Я и двое полицейских приедем рано утром.

Макс промолчал. Машина тронулась с места и исчезла вдали.

Он повернулся и пошел к дому.

Нора приготовила ему ужин. Макс тяжело опустился на стул. Каждый вечер он уставал все больше и больше. Раньше он был помоложе, и жизнь казалась куда более простой.

— Что-то ты поздно сегодня, — сказала Нора, ставя перед ним тарелку. — Все в порядке?

— Пожалуй. Все тихо. Но завтра могут быть неприятности. Они принесут с собой мину.

— Мину! — воскликнула Нора. — Нужно сообщить в полицию.

Макс покачал головой:

— Нет, это бессмысленно. Полиция на их стороне. Полицейские будут утверждать, что мы вели себя настолько вызывающе, что у панков не было другого выхода. К тому же я не должен выдать парня, сообщившего мне об этом. Однако уже то, что я знаю о мине, очень важно. Теперь я

буду настороже.

И все-таки его тревожило что-то. Может быть, не сама мина, а что-то другое, связанное с ней.

Макс закончил ужин и отодвинул тарелку. Нора налила ему кружку кофе и села напротив.

— Ты знаешь, Макс, мне иногда делается страшно, — сказала она.

Он кивнул.

— Я не понимаю, почему Кроуфорды так цепляются за свою усадьбу. Они могли бы переехать в город. Там куда безопаснее. Конечно, и в городе орудуют банды, но там они в основном воюют между собой.

— Гордость, Нора, — ответил Макс. — Они не хотят сдаваться. Это сильные и гордые люди.

Нора вздохнула:

— Пожалуй, ты прав. Но все равно жаль. В городе они могли бы жить в комфорте и безопасности, не то что здесь.

— Спасибо, Нора. — Макс встал из-за стола. — Ты так вкусно готовишь.

— Кончай льстить, — ответила довольная Нора.

Макс спустился в подвал и сел перед коротковолновым передатчиком. Одну за другой он вызвал усадьбы, еще оставшиеся в округе. У них

тоже все было тихо. Вот уже несколько дней.

Макс снял наушники и отодвинулся на спинку стула. Он никак не мог забыть о мине и о том, что завтра ее подложат под солнечные часы. Здесь что-то не так, но что?

Он вышел во двор. Высоко в небе сияла луна. Макс направился к солнечным часам. Откуда панки могли узнать, что солнечные часы так дороги мистеру Кроуфорду? Каким образом это стало им известно?

Ответ был прост. Они не знают об этом. И даже если бы знали, разрушение солнечных часов — мелочь. Мину можно использовать с гораздо большим эффектом.

Стоуни Стаффорд, босс панков, далеко не дурак. Он походил на хорька — хитрого и злобного. Нет, он не станет взрывать солнечные часы.

И вдруг Макс понял, куда бы он подложил мину, будь он на месте Стаффорда.

Под корни древнего дуба, склонившегося в сторону забора.

Значит, Билли обманул его? Вполне возможно, что нет. Скорее, Стаффорд начал подозревать, что среди его людей таится осведомитель, и намеренно дезинформировал его. В последнюю минуту, когда будет уже слишком поздно, он переменит

место.

Макс повернулся и пошел к дому. Поднялся по лестнице к себе в комнату и лег спать. Засыпая, он подумал, что события развиваются не так уж плохо.

3

Полицейские приехали в восемь утра. Потом прибыли плотники и сколотили настил для танцев. Музыканты начали настраивать инструменты. Из ресторана приехали официанты, накрыли столы и уставили их пищей. В центре каждого стола стояла огромная чаша с пуншем.

После девяти начали подходить панки со своими девушками. Полицейские обыскивали их при входе и не нашли ни дубинок, ни кастетов, ни велосипедных цепей.

Заиграл оркестр. Панки начали танцевать с девушками. Некоторые бродили по двору и восхищались цветами. Они сидели на траве, беседовали друг с другом и смеялись. Молодежь веселилась, и все было хорошо.

— Ну, что я тебе говорил? — сказал Максу Поллард. — Это самые обыкновенные ребята. Не надо только дразнить их и не надо ссориться. Конечно, некоторые из них без царя в голове, но это еще

не значит, что они преступники. Просто вы сами ведете себя вызывающе.

— Да, — сказал Макс. Он кивнул полицейскому и пошел внутрь двора, стараясь казаться незаметным. Ему так хотелось не спускать с дуба глаз, но он понимал, что не может рисковать. Даже смотреть в сторону дуба было опасно, не то что подходить к нему. Иначе они подложат мину куда-нибудь еще, и тогда ему придется лихорадочно ее искать в кромешной мгле.

Скамейка под цветущим миндальным деревом была пустой, и Макс улегся на ней. День был теплым, и он задремал.

Когда он проснулся, рядом, на дорожке стоял мужчина.

— Привет, Макс, — сказал Стоуни Стаффорд.

— А ты чего не танцуешь, Стоуни?

— Я ждал, когда ты проснешься, — ответил Стоуни. — Слишком уж крепко ты спишь. Я мог бы сломать тебе шею.

Макс сел и потер лицо.

— Только не в День перемирия, Стоуни. Сегодня мы все друзья.

Стоуни презрительно плюнул на дорожку.

— Скоро, — пообещал он.

— Послушай, — сказал Макс, — почему бы тебе

не забыть о нас? Не старайся, можешь надорваться. Поищи что-нибудь полегче.

— Когда-нибудь придет и ваш час, — ответил Стоуни. — Эта усадьба не может стоять вечно.

— Ничего у тебя не выйдет.

— Может быть, — ответил Стоуни. — Но я думаю иначе. И мне хочется вот что тебе сказать. Ты считаешь, наверно, что с тобой ничего не случится, даже если мы и разрушим дом Кроуфорда. Но ты ошибаешься. С Кроуфордом и Норой мы поступим так, как этого требует закон. Мы их и пальцем не тронем. Но вот ты отсюда никуда не уйдешь. Если нам запрещено носить ножи и револьверы, это совсем не значит, что мы бессильны. На тебя может, скажем, упасть камень. Или ты споткнешься и упадешь в огонь. Есть немало способов, и мы обязательно прикончим тебя.

— Ты хочешь сказать, — уточнил Макс, — что я тебе не нравлюсь?

— Два моих парня погибли, — сказал Стоуни, — и несколько искалечено.

— С ними ничего бы не случилось, но ведь ты сам послал их через забор.

Макс поднял глаза и увидел ненависть во взгляде Стоуни Стаффорда, ненависть и торжество.

— Прощай, труп, — сказал Стоуни.

Он повернулся и пошел прочь.

Макс сидел на скамейке, вспоминая триумф во взгляде Стоуни. Значит, он не ошибся. Мина уже лежала под корнями старого дуба.

Поллард был прав. Ситуация действительно вышла из-под контроля. Ни одна сторона не хотела уступать.

Было время, когда полиция могла положить этому конец. Много лет назад, когда еще можно было пресечь хулиганство и вандализм. Да и родители тоже могли повлиять на развитие событий, если бы обратили больше внимания на воспитание детей, проводили с ними больше времени, вместо того чтобы предоставлять их улице. Наконец, общество могло спасти положение, построив для молодежи залы, стадионы и места для развлечений.

Но никто не думал об этом. Никто даже и не пытался.

А теперь остановить вражду было невозможно. И Макс знал, кто одержит в ней верх.

Наступило шесть вечера, и панки начали расходиться. В половине седьмого ушел последний. Музыканты уложили инструменты и уехали. Официанты собрали посуду, остатки пищи, скатерти и умчались в своем грузовике. Появились

плотники и забрали доски. Макс подошел к воротам и проверил замок.

— Совсем неплохо, — сказал Поллард через ворота. — Видишь, это хорошие ребята — если познакомиться с ними поближе.

— Я и так с ними знаком, — ответил Макс.

Полицейский автомобиль развернулся и скрылся вдали.

Макс знал, что из-за забора за каждым его движением следят внимательные глаза. Нужно подождать, пока стемнеет. Будет куда лучше, если панки не поймут, что произошло на самом деле. Может быть, не сработало взрывное устройство.

Темнело. Макс знал, что больше не может ждать. Он осторожно подполз к дубу, разгреб листья и траву, прижимаясь к самой земле.

Он быстро нашел мину — свежая земля, покрытая наспех набросанными листьями, между двумя огромными корнями.

Макс сунул руку в рыхлую землю, и его пальцы коснулись холодного металла. Внезапно он замер, затем медленно и осторожно вытащил руку обратно.

Он сел и перевел дыхание.

Мина лежала под корнями дуба, как он и предполагал. Но прямо на ней была прикреплена еще

одна, контактная, мина. Стоит попробовать извлечь мину с часовым механизмом, и сработает контактный взрыватель.

Макс вытер руки от глины. Он понимал, что извлечь мины невозможно. Придется их оставить. Другого выхода не было.

Неудивительно, что он увидел торжество в глазах Стоуни. Это была не просто мина с часовым механизмом. Поставленная между огромными корнями, она была недосягаемой.

Как поступить дальше?

Может быть, укрепить дуб тросами? Пожалуй, это единственный выход.

Макс встал и направился в подвал за тросами и инструментом. Проходя мимо рации, он подумал, что не успел связаться с соседними усадьбами. Ничего не поделаешь, у него сейчас дела поважнее.

И вдруг он вспомнил. Круто повернулся, сел к рации и включил питание.

Нужно тщательно выбирать слова, подумал он. Не исключено, что панки прослушивают его канал.

Джон Хеннесси, сторож в цитадели Кёртиса, ответил почти сразу.

— Что-нибудь случилось, Макс?

— Ничего особенного, Джон. Я просто вспомнил, что ты однажды говорил мне о своих игрушках.

— Игрушках?

— Ну да. Гремучках.

Макс слышал, как у Хеннесси перехватило дыхание.

— А, эти. Да, они все еще у меня, — ответил он наконец.

— Сколько их у тебя?

— Примерно сотня. Может быть, больше.

— Ты не мог бы дать их взаймы?

— Конечно, — ответил Хеннесси. — Тебе нужно их прямо сейчас?

— Да. Правда, я немного занят.

— Я упакую их в ящики и приеду примерно через час. Приготовься.

— Спасибо, Джон.

Макс снял наушники и задумался. Сотня гремучих змей! Не слишком ли он рискует?

Но ведь нельзя вечно сидеть и каждую минуту ждать нападения. А вот если ударить в ответ, да ударить так, что у панков навсегда исчезнет интерес… Плохо лишь то, что он мог только обороняться. В противном случае вмешается полиция и ему конец. Но это будет чистейшая оборона. Никто не сможет придраться. Да, такой

шанс упускать нельзя.

4

Макс быстро встал и пошел в угол подвала. Там стояли огромные сорокалитровые бутыли концентрированной серной кислоты и несколько рулонов тяжелой металлической сетки. Он перенес рулоны и связку проволоки наверх.

Подойдя к дубу, Макс принялся за работу. Прошло более получаса, пока он протянул проволоку, закрепил на ней верхний край сетки и колышками прикрепил нижний край к земле.

Едва он успел закончить работу, как у ворот остановился грузовик. Макс отворил ворота, и грузовик въехал во двор. Хеннесси вышел из кабины.

— Что у тебя случилось? — спросил он. — За забором все так и кишит панками.

— У меня неприятности, — ответил Макс.

Хеннесси открыл борт. Внутри стояли три больших ящика с дверцами, затянутыми мелкой металлической сеткой.

Вдвоем они сняли ящики и подтащили их к металлической сетке.

— Вот здесь сетка еще не прикреплена колышками, — сказал Макс. — Давай просунем ящики

под ней.

Один за другим ящики оказались за сеткой. Макс наклонился и надежно приколотил сетку к земле.

Хеннесси сходил к грузовику и вернулся, таща за собой шест.

— Ты не мог бы посветить фонариком? — попросил он. — Я знаю, панки не сводят с нас глаз, но они подумают, что мы просто осматриваем забор.

Макс включил фонарик, и Хеннесси, просунув за сетку шест, открыл крышки и перевернул ящики. Из темноты донеслось сухое шуршание.

— Они разбужены и злы. Сейчас они постараются найти место, где бы уснуть, и расползутся по всей территории между забором и твоей сеткой. Большинство очень крупные.

Он положил шест на плечо и пошел к грузовику.

— Спасибо, Джон.

— Всегда рад прийти на помощь. Я бы остался, но…

— Не надо, тебе нужно охранять свою усадьбу.

Они пожали руки.

— Первую милю проезжай как можно быстрее, — сказал Макс. — Панки могут устроить

засаду.

— С моими бамперами и двигателем я прорвусь через что угодно.

Макс открыл ворота, грузовик подал назад, развернулся, набрал скорость и исчез в темноте. Проверив замок на воротах, Макс спустился в подвал. Там он включил рубильник, подающий питание на запасной забор и в сетку, подсоединенную к нему.

Вернувшись во двор, Макс начал всматриваться в темноту. Ему казалось, что он различает тени, мелькающие за забором.

Толпы панков, собравшиеся там, несомненно захотят воспользоваться рухнувшим дубом, чтобы перебежать по нему над забором, который по-прежнему будет под током.

Может быть, им удастся прорваться, но это казалось Максу маловероятным.

Он стоял у сетки, прислушиваясь к шуршанию сотни расползающихся гремучих змей, рассерженных и не находящих себе места в новой, незнакомой для них обстановке.

Макс повернулся и пошел подальше от дуба, чтобы не попасть под ударную волну взрыва, ожидая, когда истекут последние секунды Дня перемирия.

Целительный яд
Перевод И. Тетериной

1

Роберт Эббот был известным человеком, поэтому доктор Артур Бентон выкроил для него два часа в самый разгар своего привычно напряженного дня. Когда десять дней назад Эббот позвонил, он очень настойчиво утверждал, что дело крайне важное.

Назначенный час приближался, и Бентон, поглядывая на часы и пытаясь выпроводить Эбби Клосон, которая рассматривала визит к врачу как выход в свет, в который раз задумался, что за важное дело могло привести Эббота в их крошечный городишко в Пенсильвании. Эббот писал книги на медицинские темы, и на его счету уже было два бестселлера: один про рак, другой про модные диеты. Врачи, с которыми он консультировался, все как на подбор были известными светилами, выдающимися медицинскими исследователями или маститыми специалистами, а он, подумал Бентон с уколом белой зависти, не выдающийся

и не маститый. Он всего лишь замшелый провинциальный доктор: пилюли выписать, мазь выдать, сломанные руки-ноги в шину сложить, рану перебинтовать, младенца принять — и за всю свою жизнь не написал ни одной ученой статьи, не руководил ни одной исследовательской программой, не участвовал ни в одном медицинском изыскании. За более чем тридцать лет свой практики он не совершил ни единого достижения и не произнес ни единого слова, которое могло бы представлять хотя бы малейший интерес для такого человека, как Роберт Эббот.

С того самого телефонного звонка он не переставал ломать голову, с чего это вдруг Эбботу понадобилось встречаться с ним, а за последние несколько дней даже изобрел замысловатую теорию, что существуют два доктора Артура Бентона и Эббот спутал его с однофамильцем. Эта идея настолько запала ему в голову, что он даже просмотрел весь реестр практикующих врачей в поисках другого Артура Бентона. Такого не обнаружилось, но он никак не мог отделаться от этой мысли, потому что только такое объяснение казалось ему единственно возможным.

Он был рад тому, что время встречи наконец подошло, поскольку как только он узнает, из-за

чего весь сыр-бор, — если Эбботу и впрямь окажется нужен именно он, — то перестанет наконец ломать себе голову и вернется к нормальной работе. Беспокойство и томительное неведение мешали делу — как в том случае с Тедом Брауном, у которого, казалось, были налицо все симптомы диабета, но потом выяснилось, что это никакой не диабет. Вышло чертовски неудобно, несмотря даже на то, что Тед, старый верный друг, повел себя очень великодушно. Возможно, он просто слишком обрадовался, что у него нет диабета.

В этом-то вся и беда, сказал он себе, сидя за столом и лишь краем уха слушая прощальную болтовню Эбби: все его пациенты — старые и верные друзья. Он не мог оставаться беспристрастным и сочувствовал каждому из них. Они приходили к нему, смертельно больные, и смотрели на него доверчивыми глазами, потому что в глубине души твердо знали, что старый добрый док поможет им. А когда он не мог им помочь, когда никто на всем белом свете не мог им помочь, они умирали, прощая его со все той же верой в глазах. В этом и заключался весь кошмар семейной практики, весь ужас положения врача в маленьком городке: в доверии людей, на которое он по большому счету не имел никакого права.

— Я еще приду, доктор, — сказала Эбби. — Я хожу к вам уже много лет, и вы каждый раз ставите меня на ноги. Я всегда говорю подругам, что мне очень повезло с врачом.

— Это очень любезно с вашей стороны.

Если бы все его пациенты были как Эбби, все было бы не так плохо. Потому что уж ей-то было грех жаловаться. Эта крепкая старушенция грозила пережить его самого. Единственной неполадкой в ее организме была склонность к секреции огромного количества ушного воска, из-за чего время от времени приходилось делать промывания. Но несомненный факт отменного здоровья ни в малейшей степени не препятствовал возникновению воображаемых недугов, которые регулярно приводили ее к нему на прием.

Поднявшись, чтобы проводить почтенную даму до двери, Бентон задумался о цели ее частых визитов и, кажется, понял: они дают Эбби пищу для разговоров с подругами за карточным столиком или с соседками через изгородь на заднем дворе.

— Ну, берегите себя, — напутствовал он пациентку, подпустив в голос профессиональной озабоченности, для которой не было ровным счетом никаких оснований.

— Непременно, — прощебетала она своим по-

хожим на птичий старушечьим голоском. — Если появятся какие-нибудь жалобы, я быстренько прибегу к вам.

— Доктор, — сказала сестра, Эми, поспешно выпроваживая Эбби к выходу, — мистер Эббот ждет вас.

— Пожалуйста, проводите его в мой кабинет, — попросил Бентон.

Эббот оказался моложе, чем представлялось Бентону, и отнюдь не красавцем. На самом деле он был довольно уродлив — поэтому, видимо, на суперобложках его книг никогда не помещали фотографию автора.

— Я с нетерпением ждал нашей встречи, — сказал Бентон, — и, признаюсь вам откровенно, все это время недоумевал, что привело вас сюда. Уверен, у вас нет недостатка в консультантах.

— Но среди них не часто встретишь такого, как доктор Артур Бентон, — возразил Эббот. — Вы ведь не можете не понимать, что принадлежите к исчезающему виду. В наше время не многие медицинские работники готовы похоронить себя в таком захолустье.

— Я никогда об этом не жалел, — искренне признался Бентон. — Ко мне здесь прекрасно относятся.

Он не стал возвращаться за стол и, жестом указав Эбботу на один стул, отодвинул от стены другой, для себя.

— Когда я звонил вам, — сказал Эббот, — то не мог всего объяснить. О таких вещах надо говорить лично. В телефонном разговоре то, о чем я собираюсь вам рассказать, показалось бы полной бессмыслицей. А мне крайне необходимо, чтобы вы поняли, что я имею в виду, потому что я собираюсь просить вас о содействии.

— Если в моих силах вам помочь, я готов.

— Я приехал сюда по нескольким причинам, — пояснил Эббот. — Вы ведете семейную практику и работаете с широким кругом населения. Вам приходится иметь дело с самыми различными заболеваниями и увечьями — в отличие от специалистов, которые занимаются только определенными случаями и, как правило, предпочитают тех пациентов, кому по карману оплачивать их услуги. Кроме того, в прошлом вы были эпидемиологом. Ну и география тоже сыграла свою роль.

Бентон улыбнулся.

— А вы неплохо изучили мою подноготную. В молодости я действительно несколько лет работал эпидемиологом в общественном здраво-

охранении. Но потом пришел к выводу, что эта область слишком уж теоретическая. Мне хотелось работать с людьми.

— Что ж, в таком случае вряд ли можно было сделать более верный выбор, — сказал Эббот.

— А что там с географией? — спросил Бентон. — При чем здесь география?

— Я пытаюсь исследовать эпидемию, — ответил Эббот. — Здесь могут быть задействованы многие факторы.

— Вы шутите. Ни здесь, ни в каком-либо другом известном мне месте нет эпидемии. Даже в Индии и других слаборазвитых странах. Голод, да, но…

— Я только что перелопатил горы статистики, — возразил Эббот, — и могу вас заверить, что эпидемия есть. Скрытая эпидемия. Вы сами с ней сталкивались. Я более чем уверен. Но она нарастает так постепенно и буднично, что вы просто не обратили на нее никакого внимания. Масса мелочей, которые остаются незамеченными. Больше людей, которые набирают вес — в некоторых случаях очень быстро. Этим, кстати, может объясняться появление некоторых модных диет, которые возникают как грибы после дождя. Колебания уровня сахара в крови…

— Погодите, — сказал Бентон. — Только на

прошлой неделе у меня был пациент со всеми симптомами диабета.

Эббот кивнул.

— Это только часть проблемы, о которой идет речь. Если вы пороетесь в своих записях, то, скорее всего, найдете сходные случаи, хотя, возможно, не настолько тяжелые, чтобы подозревать диабет. Но вы найдете менее заметные симптомы. Я скажу вам, что вы обнаружите. Все возрастающее количество жалоб на слабость, раздражительность, туман перед глазами. Увеличение числа случаев ожирения. Множество жалоб на боли в мышцах. Люди ощущают недомогание — ничего особенного, никаких определенных жалоб, просто недомогание. Вялость, общее утомление, потеря интереса к жизни. Полвека назад вы выписали бы что-нибудь тонизирующее или серу с патокой для очистки крови — кажется, сейчас это называют разжижением крови.

— Ну, не знаю… такие симптомы встречаются нередко. Но чтобы эпидемия?

— Если бы вы видели ту же статистику, что и я, то согласились бы, что это эпидемия, — настаивал Эббот. — То же самое происходит по всей стране, возможно, по всему миру.

— Ладно, даже если допустить, что вы правы —

а я в этом сильно сомневаюсь, — мне все равно не ясно, зачем вы сюда приехали. Вы намеревались просить меня о содействии. В чем оно должно заключаться?

— В том, чтобы внимательно наблюдать за происходящим и помнить о том, что я вам только что рассказал. Вы не единственный, с кем я встречался. Я разговаривал с множеством других докторов, большинство из которых ведет семейную практику. И просил их ровно о том же, о чем сейчас прошу вас: наблюдать, думать об этом, может быть, собирать какие-то зацепки.

— Но почему к нам? Есть же специалисты.

— Послушайте, доктор, — сказал Эббот, — многие ли пойдут к специалисту с жалобами на то, что они неважно себя чувствуют, что у них ноют мышцы, или на большинство прочих симптомов, о которых мы тут с вами говорили?

— Полагаю, не многие.

— Вот именно. Зато они со всех ног побегут к старому доброму доку, жаловаться, что им нездоровится, в надежде, что он совершит чудо и они снова будут как новенькие.

— А почему бы вам не обратиться в Департамент профилактики в Атланте? — спросил Бентон.

— Именно от них я и получил часть своей статистики, — кивнул Эббот. — Кое-кто там согласен, что эпидемия возможна, хотя не думаю, что даже они воспринимают проблему всерьез. Большинство полагает, что я пытаюсь состряпать очередную сенсационную книгу. Едва ли мои книги можно назвать сенсационными, но некоторые врачи так считают. Беда сотрудников департамента в том, что они имеют дело исключительно с цифрами. Тогда как в данном случае нужна полевая работа. Мне необходимы такие люди, как вы, то есть те, кто разбирается в ситуации, постоянно наблюдает пациентов и всегда стремится найти что-то общее в, казалось бы, совершенно несхожих заболеваниях. Разумеется, я не требую от вас уделять этому много времени, поскольку ни у кого из врачей такого профиля его просто нет, но прошу только помнить о моей просьбе. Если вы согласитесь, то через несколько месяцев мне хотелось бы ознакомиться с вашими предварительными выводами. Может быть, тогда, при участии значительного числа семейных врачей, которые сталкиваются с множеством людей, принадлежащих к самым разным социальным слоям, удастся составить какое-то подобие общей картины происходящего.

— Полагаю, — заметил Бентон, — ваш выбор обусловлен еще и тем, что в прошлом я занимался эпидемиологией. Должен честно признаться, я позабыл большую часть того, что когда-то знал в этой области.

— Ну, не исключено, что ваш прежний опыт ничем мне не поможет, но уж точно не повредит. Я в любом случае оказался бы здесь. Возможно, вы помните, что я упомянул географию. География нередко становится эпидемиологическим фактором. Вы живете на просторной, окруженной холмами плодородной равнине. Готов биться об заклад, что в число ваших пациентов входят обитатели как холмистой, так и равнинной местности.

— Совершенно верно, — ответил Бентон. — Надеюсь, большинство из тех, кто живет на холмах, считают меня своим семейным врачом, хотя обращаются за помощью не так уж и часто. Или они болеют реже, чем те, кто живет в долине, или же своими силами справляются с болезнями. Некоторые из них, возможно, питают твердое предубеждение против медицины. Полагаю, многие из них пользуются народными средствами, старинными рецептами, которые передают из поколения в поколение. Нет, я ни в коем случае

не хочу сказать, что это плохо. Как бы ни неприятно нам было в этом признаваться, кое-какие из народных средств действительно помогают.

— Возможно, география не имеет к делу никакого отношения, — сказал Эббот, — но это фактор, который нельзя сбрасывать со счетов, пока мы хорошенько все не рассмотрели.

— И все же существует вероятность, что вы ошибаетесь. Возможно, искать просто нечего.

Эббот покачал головой.

— Не думаю. Доктор, вы присоединитесь ко мне? Возьмете на себя этот дополнительный груз?

— Да, конечно, — сказал Бентон. — Я буду иметь в виду то, что вы сказали. Мы с вами встретимся или свяжемся через несколько месяцев, так?

— Сейчас я не могу сказать точно, когда именно. Предстоит проделать большую работу. Но обещаю, что непременно свяжусь с вами.

Они поговорили еще немного, и Эббот собрался уходить.

Бентон вышел проводить гостя до машины и, шагая рядом, думал, что давно уже не встречал человека, который вызвал бы у него столь безотчетное расположение. Имя Эббота за последние несколько лет стало известно всем и каждому,

однако в нем не было ни капли той заносчивости, в которую знаменитости так часто рядятся как в плащ. Бентон вдруг осознал, что будет с нетерпением ожидать новой встречи с этим искренним, располагающим к себе человеком. Таким, как он, не поворачивается язык отказать в любой просьбе, даже если их идеи кажутся слегка завиральными.

Первой пациенткой Бентона, после того как Эббот ушел, была Хелен Андерсон.

Хелен и Херб Андерсоны были его давними пациентами. Кроме того, они вот уже много лет дружили семьями. Херб владел магазином готовой мужской одежды и считался одним из самых успешных коммерсантов в городке. Хелен была председателем Клуба садоводов и цветоводов, а ее розы на протяжении многих лет завоевывали победную голубую ленточку на главной ярмарке штата.

Хелен показала Бентону правую руку: костяшки пальцев покраснели и покрылись трещинами. Он провел большим пальцем по тыльной стороне ладони и почувствовал, что кожа очень сухая и шершавая на ощупь.

— Похоже на экзему, — вздохнул Бентон и покачал головой. — Попробуем чем-нибудь помазать.

— Я работала в саду уже после того, как заметила трещины, — сказала Хелен. — Наверное, не следовало это делать.

— Ничего страшного. Как твой садик?

— Лучше не бывает. Видел бы ты мой горошек! А еще я пытаюсь вырастить новый сорт томатов. Заходите как-нибудь вечерком с Харриет, посмотрите. Давненько мы не собирались все вчетвером.

— Вот что значит быть врачом, — отозвался Бентон. — Думаешь, что у тебя есть свободный вечер, а потом что-нибудь происходит. Никогда не знаешь наверняка.

— Ты слишком много работаешь.

— Как и все мы, — сказал он. — Ты увлекаешься. То, что ты делаешь, приобретает огромную важность. К примеру, твой сад.

— Сад приносит мне огромную пользу, — очень серьезно ответила Хелен. — Ты же знаешь, я не белоручка. Скорее уж, черноручка. Я работаю голыми руками. Мне нравится копаться в земле. Она такая теплая и приятная на ощупь. Живая. На руки, конечно, потом смотреть страшно, но в этом есть что-то настолько первобытное, что я просто не могу удержаться. Херб, естественно, говорит, что я ненормальная.

Бентон хмыкнул.

— Херб не любитель копаться в земле.

— Он подтрунивает надо мной. Ему-то самому ничего не нужно, кроме гольфа. Но я над его увлечением не подшучиваю. Мне кажется, это нечестно.

— Ну и как у него успехи? Если не ошибаюсь, в прошлом году он хвалился, что стал играть гораздо лучше.

Хелен Андерсон нахмурилась.

— В этом году он не слишком много играет. Не то что раньше.

— Наверное, ему не до того. Этот год вообще тяжелый. Инфляция растет, доходы снижаются…

— Нет, дело не в этом, — перебила она. — Док, Херб меня беспокоит. Он постоянно жалуется на усталость. Должно быть, он действительно очень устает, если даже в гольф не играет. Все время что-то жует. Характер испортился. Иногда целыми днями только и делает, что ворчит. Я радуюсь, когда он уходит на работу. Я говорила ему, чтобы он заглянул к тебе.

— Я бы на твоем месте не волновался, — сказал Бентон. — Может, он просто слишком много работает. Почему бы тебе не уговорить его на пару недель взять отпуск и махнуть куда-нибудь

вдвоем? Отдых пойдет ему на пользу.

— Это не просто усталость, — возразила она. — Я уверена. Разумеется, он устает, но дело не только в этом. Док, поговорил бы ты с ним, а?

— Я не могу навязывать свои услуги. Никому. Ты же знаешь.

— Просто как друг…

— Я могу сказать, что ты беспокоишься за него. Могу немножко его припугнуть.

— Если тебе не трудно, — попросила она.

— Нет, конечно, — заверил Бентон. — Только ты, пожалуйста, не мучай себя подозрениями. Скорее всего, ничего страшного у него нет.

Он выписал ей рецепт, и она ушла, взяв с него слово в ближайшем будущем навестить их с мужем и взглянуть на сад.

Следующим пациентом был Эзра Пайк. Эзра был фермером, который в свои семьдесят все еще управлялся с принадлежавшей ему фермой к югу от города почти без посторонней помощи.

И его тоже беспокоила рука. Поперек костяшек зияла ужасная рана.

— Пресс для сена сломался, — объяснил он, — ну, я и взялся его чинить. Гаечный ключ соскользнул.

— Мы приведем руку в порядок, — пообещал

Бентон. — Через день-другой будет как новенькая. Вы у нас нечастый гость, Эзра. И миссис Пайк тоже. Если бы у всех было такое здоровье, я бы умер с голоду.

— Сроду ничем серьезным не болели. Ни я, ни жена. И мальчики тоже. У нас вся семья здоровая.

— Как мальчики поживают? Сто лет их не видел.

— Дэйв нынче в Питсбурге. В банке работает. Инвестициями занимается. Эрни в Огайо, учительствует. В школах сейчас каникулы, так он пока лагерем для мальчиков заведует, в Мичигане. Хорошие у нас парни удались — что один, что другой.

— Как урожай? — поинтересовался Бентон.

— Да вроде ничего, — пожал плечами Пайк. — Жуки только одолели. Сроду их у нас не было, а теперь вот поди ж ты. ДДТ-то нынче нет. Взяли и запретили. Сказали, он отравляет все вокруг. Может, оно и так, только с ним было куда как легче.

Бентон закончил бинтовать раненую кисть.

— Ну вот и все, — удовлетворенно кивнул он. — Последите за рукой. Если будет сильно болеть или покраснеет и опухнет, придете ко мне.

Пайк шустро вскочил со стула.

— Фазаны у нас расплодились, только вас и дожидаются. Как сезон откроют, милости просим.

— Непременно, — ответил Бентон. — Вы же знаете, я всегда с удовольствием. Уж и не упомнить, Эзра, сколько я на вашей земле охочусь.

— Мы вам всегда рады, — сказал Пайк. — Да что там говорить. Вы и сами знаете.

Едва Эзра вышел, как появилась сестра Эми.

— Пришла миссис Льюис, — сообщила она. — С ней Дэнни. Кто-то запустил в него камнем. Она рвет и мечет.

На голове у Дэнни, который с полным правом заслуживал звания самого несносного ребенка в городе, красовалась здоровая шишка. Камень повредил кожу, и по лицу парня текла кровь, но рентген показал, что трещины в черепе нет.

— Ну, погодите, — бушевала его мамаша, — доберусь я до того, кто швырнул этот камень. На этот раз Дэнни ничего не делал, шел себе спокойно по улице…

Женщина продолжала возмущаться, но Бентон успокоил ее, и в конце концов посетители ушли.

После этого у него в кабинете побывала Мэри Хансен с ее артритом, Бен Линдсей, записанный на осмотр после операции на сердце, Бетти Дэвидсон с больным горлом, Джо Адамс с поврежденной

спиной, Дженни Данкен, которая носила двойню и страшно волновалась по этому поводу.

Последним, уже под вечер, появился Берт Кертис, страховой агент.

— Черт побери, док, — пожаловался он. — Я совершенно выдохся. Конечно, когда устаешь после целого дня работы, это неудивительно, но я чувствую усталость с самого утра. В десять утра я уже как выжатый лимон.

— Вы же небось за столом сидите, — пошутил Бентон, — карандаши тяжеленные поднимаете.

— Да знаю, знаю. Не сыпьте мне соль на рану. Я никогда в жизни не занимался по-настоящему тяжелой работой. Вряд ли кто-то сочтет продажу полисов каторжным трудом. Но самое смешное, что я чувствую себя так, как будто разгружал вагоны. Все мышцы болят.

— И есть, наверное, хочется?

— Странно, что вы задали этот вопрос. Я постоянно голодный. Без перерыва набиваю себе брюхо. Только и делаю, что ем. Никогда со мной такого не было. Всегда трех раз в день хватало.

— Полагаю, у вас спокойный характер.

— Какого дьявола, док? Я пришел к вам с жалобой на постоянную усталость, а вы расспрашиваете меня о моем характере.

— Ну так как? Спокойный?

— Черта с два. Я совершенно расклеился. Никакого терпения. Любая мелочь выводит меня из себя. Деловые люди так себя не ведут. Продолжай в том же духе — и заработаешь дурную репутацию. Адель говорит, что с каждым днем со мной все труднее и труднее.

— А вес как?

— Мне кажется, я поправляюсь. — Кертис похлопал себя по брюшку. — Пришлось проделать на ремне еще одну дырку.

— Сейчас взвесимся и посмотрим, — сказал Бентон. — Вот как мы с вами поступим: возьмем кое-какие анализы. Самые обычные, ничего дорогого. Можно будет сделать их прямо здесь.

— Вы что-то скрываете, док? Со мной что-то не так? Что-то серьезное?

Бентон покачал головой.

— У меня и в мыслях не было что-либо скрывать. Но я не могу даже строить предположения, пока не увижу результаты анализов: уровень сахара в крови и еще кое-какие показатели.

— Вам виднее, док, — сдался Кертис.

— Не волнуйтесь так, Берт. Когда человек приходит ко мне и говорит, что постоянно устает, набирает вес и ни с того ни с сего бросается на лю-

дей, я должен разобраться. Это моя работа. Таким образом я зарабатываю себе на жизнь и поддерживаю моих пациентов в добром здравии.

— Значит, это не опасно?

— Скорее всего, ничего серьезного. Какой-нибудь пустяк, с которым можно будет легко справиться, как только мы поймем, в чем суть. А теперь вернемся к анализам. Когда вы сможете прийти?

— Вторник устроит? В понедельник я занят.

— Вторник подойдет как нельзя лучше, — кивнул Бентон. — А теперь становитесь на весы.

Когда Берт ушел, Бентон выглянул в пустую приемную.

— Думаю, на сегодня все, — сказал он Эми. — Отправляйтесь-ка вы домой.

Вернувшись к себе в кабинет, Бентон сел за стол и принялся заполнять историю болезни Берта Кертиса. Усталость, постоянное чувство голода, увеличение веса, мышечные боли, раздражительность — все симптомы, о которых только сегодня днем говорил Эббот. И еще Херб Андерсон. Судя по тому, что рассказала Хелен, у него все то же самое, что и у Берта. Эти двое и еще Тед Браун.

Что за чертовщина? Эббот сказал — «эпидемия». Но неужели три человека на не такой уж

маленький город — это уже эпидемия? Однако Бентон отдавал себе отчет в том, что если пороется в историях болезней, то список, вероятно, пополнится.

В кабинете было тихо. Эми ушла, и он остался совершенно один.

С улицы донесся оглушительный рев несущегося мотоцикла. Небось, молодой Тейлор развлекается, подумал он. Когда-нибудь этот парень свернет себе шею. Его уже дважды приходилось штопать, но если он будет продолжать в том же духе, в один прекрасный день врач ему больше не понадобится. Впрочем, уговаривал себя Бентон, это уже не его забота, вернее, не должно быть его заботой. Но самое ужасное, что он не мог не беспокоиться.

Он беспокоился, слишком беспокоился обо всех в этом глупом маленьком городишке. Каким, интересно, загадочным образом человек ухитряется с годами привязаться к целому городу, взвалить все его заботы на свои плечи? Неужто то же самое происходит и с другими стареющими докторами в других маленьких городишках?

Бентон сдвинул историю болезни Берта в сторону и положил ручку рядом с ней.

Он обвел глазами комнату, переводя взгляд с

одного предмета на другой, как будто впервые видел их и пытался запечатлеть в своей памяти. Большинство вещей находились здесь всегда, но он до сих пор не обращал внимания на обстановку, в которой жил и работал долгие годы. Он был слишком занят, слишком занят и озабочен, чтобы замечать детали. Диплом в рамке, с гордостью повешенный на стену много лет назад и уже изрядно засиженный мухами; выцветший и обтрепавшийся ковер на полу (в один прекрасный день, Бог ему свидетель, когда будут деньги, он сменит ковер на новый); обшарпанные весы, придвинутые к стенке, раковина и таз, шкаф, где хранились все образцы, присланные фармацевтическими компаниями для выдачи пациентам (а таких насчитывалось немало), которые не могли позволить себе купить лекарство в аптеке. Не такой кабинет, какой мог быть у врача в большом городе, но такой, какой был у него: кабинет, одновременно служивший и смотровой и процедурной, — визитная карточка семейного врача, вечно стесненного в средствах, не решающегося послать счет, который может обременить и без того небогатых пациентов, пытающегося лечить нуждающихся в консультации специалистов, но не имеющих средств, чтобы оплатить их услуги.

Он стареет, сказал он себе, пока что он еще не слишком стар, но дело к тому идет. Лицо его покрывают морщины, а в волосах уже пробивается седина. Настанет день, когда придется взять в помощь доктора помоложе, который, надо надеяться, сможет вести его практику, когда он сам вынужден будет удалиться на покой. Но пока он всеми правдами и неправдами увиливал от этого. Ему — он отдавал себе в этом отчет — не хотелось лишаться положения единственного врача в городе, хотя он и понимал, что люди вряд ли примут того, кого он возьмет к себе в помощники. Долго-долго еще они не будут принимать никого, кроме него. Пациенты будут отказываться идти к новому врачу и предпочтут дожидаться старого дока. Пройдут годы, прежде чем он сможет передать преемнику сколько-нибудь заметную долю своих пациентов.

У доктора Германа Смита из Спринг-Вэлли есть сын, который оканчивает интернатуру и скоро присоединится к отцу. С течением времени молодой док Смит будет мало-помалу замещать старого дока Смита, пока в конце концов полностью не займет отцовское место, и никаких затруднений не возникнет. Нет, затруднения, разумеется, будут, но незначительные. Вот это,

подумал Бентон, идеальный метод преемственности. Но у них с Харриет никогда не было сына — только дочь. Одно время он надеялся, что Эйприл захочет пойти по его стопам. Однако в этом случае тоже не обошлось бы без трудностей: вряд ли в городе благосклонно приняли бы врача-женщину. Трудностей, впрочем, не возникло, поскольку у Эйприл обнаружилась склонность к музыке и переубедить ее оказалось решительно невозможно. Да он и не пытался. Раз уж ей так хочется заниматься музыкой, пусть занимается музыкой. Сейчас она живет в Вене. Ох уж эти дети, подумал он. Им принадлежит весь мир. Сегодня в Лондоне, завтра в Париже, послезавтра в Вене, потом еще бог знает где — и никто не видит в этом ничего необычного. В годы его молодости поездка за сто миль от дома была приключением. Да, если уж на то пошло, он и сейчас редко удалялся больше чем на сто миль от города.

«Я провинциал, — подумал он, — и что в этом дурного? Человек не может объять весь мир. А если попытается, то слишком многое потеряет. Друзей, привычный уголок, теплое чувство причастности...» С тех пор как он приехал в этот городок, с ним произошло много всего хорошего и он обзавелся милыми маленькими привилеги-

ями. Вроде старого Эзры Пайка с его ежегодными фазанами, которых тот берег для доброго старого дока и еще горстки избранных — и ни для кого больше.

Он сидел в своем кабинете и пытался снять шелуху этих лет, вернуться к тому времени, когда он только что приехал сюда, но шелуха лет отказывалась сниматься, и мушиные следы на дипломе никуда не исчезли, и весы были все такими же обшарпанными, а он оставался стареющим доктором, который тащил на своих плечах весь город.

Зазвонил телефон, и он снял трубку. Это была Харриет.

— Когда тебя ждать домой? — спросила она. — Я приготовила баранью ножку, но если ты не придешь в самое ближайшее время, ее можно будет отправить в помойное ведро.

— Уже иду, — пообещал он.

2

Следующий день был суббота, и приемные часы длились с восьми утра до полудня. Но, как это случалось обычно, последний пациент ушел лишь после часа.

Как только приемная опустела и Эми отправи-

лась домой, Бентон засел за истории болезней. Он внимательно просматривал их, попутно делая пометки. До вечера он не закончил, поэтому пришел на работу в воскресенье утром.

Проглядывая истории болезней за последние десять лет, он выделил определенные тенденции. За это время произошло существенное увеличение количества симптомов, которые описал Эббот. Число пациентов с ожирением стремительно выросло. Он обнаружил куда больше, чем помнил навскидку, случаев, когда высокий уровень сахара в крови, казалось бы, указывал на диабет, но дальнейшее обследование неизменно опровергало предполагаемый диагноз. Бросался в глаза всплеск жалоб на мышечную боль. Все больше пациентов сетовали на общее недомогание без видимых причин.

Большинство этих симптомов встречалось у горожан. Среди фермеров указанные симптомы наблюдались лишь у одной семьи, у Барров. Те года три назад переехали сюда откуда-то из Огайо — купили ферму Эбнера Янга, который жил бирюком и в конце концов умер от старости и общей слабости здоровья. И ни единого больного с этими симптомами не было отмечено среди обитателей гор.

Возможно, сказал себе Бентон, география все-таки является фактором эпидемии Эббота — если эпидемия имеет место. Но если такие симптомы проявляются у части горожан, почему у другой части их нет? Если фермеры невосприимчивы, что, похоже, так и есть, то что делать с Баррами? Что в них такого особенного? Конечно, они приезжие, но какое это имеет отношение к болезни? И какая магия живет среди холмов, что из всех тамошних жителей ни у одного не обнаружилось этих симптомов? Хотя, одернул он себя, не следует придавать слишком большое значение отсутствию сведений с холмогорья. Тамошние обитатели, закаленное племя, ни за что не опустились бы до обращения к врачу по такому пустячному поводу, как необъяснимая усталость или несколько лишних килограммов.

Бентон собрал все свои записи и, порывшись в ящиках стола, нашел там несколько листов миллиметровки. Графики, когда он начертил их, не показали ничего такого, чего он бы уже не знал; но вид у них был очень солидный, и он поймал себя на том, что воображает, как бы они выглядели, отпечатанные на глянцевой бумаге в каком-нибудь авторитетном журнале в качестве иллюстрации к статье, которая могла бы быть

озаглавлена как-нибудь вроде «Эпидемиологии мышечного утомления» или «Географии распространения ожирения».

Он снова пробежал глазами свои заметки, спрашивая себя, не имеет ли он дело с тем, что вписывается в рамки медицинских констант, — с положением, существующим много лет лишь с незначительными колебаниями от года к году. Похоже, это было не так. Десять лет назад симптомов было меньше — или, по крайней мере, не столь много пациентов обращалось к нему с жалобами на них. Но лет семь или восемь назад они начали появляться чаще, и кривые графиков наглядно демонстрировали их резкий рост с течением времени. Эти симптомы, вне всякого сомнения, были недавним феноменом. Если это так, должна быть причина — или даже несколько. Он принялся размышлять над возможными причинами, но те немногочисленные, что пришли ему в голову, были слишком глупыми, чтобы заслуживать серьезного рассмотрения.

Бентон взглянул на часы — было начало третьего. Он впустую потратил бóльшую часть дня, и Харриет голову ему оторвет за то, что не пришел домой к обеду. Он со злостью сгреб в кучу записи и диаграммы и сунул их в ящик стола.

Он убил на эти изыскания большую часть выходных и теперь умывает руки. Здесь он столкнулся с феноменом, разгадку которого следует искать в исследовательском центре, а не в кабинете провинциального врача. Его задача — заботиться о здоровье пациентов, а не решать мировые проблемы. В конце концов, это затея Эббота, а не его.

Собственная злость удивила Бентона. Дело не в бездарно потраченных выходных, в этом он был уверен: он бездарно потратил не одни выходные. Скорее, пожалуй, это была злость на самого себя, на собственную неспособность, понимая проблему, разрешить ее. Это не его забота, твердил он себе. Но теперь он с горечью вынужден был признать, что проблема приобрела для него огромную важность. Все, что как-то затрагивало здоровье и благополучие жителей города, автоматически становилось его заботой. Он сидел за столом, положив перед собой руки ладонями вниз. Это его забота, думал он. Вне всякого сомнения. Но бороться с недугом пока что ему не под силу. У него есть работа, и она имеет первостепенную важность. В свободное время он может размышлять в поисках решения задачи. Быть может, постоянно держа ее в голове, он сможет

найти какой-то ответ или, по меньшей мере, приблизиться к нему. Пожалуй, решил он, лучший способ — забыть про нее и дать подсознанию шанс проявить себя.

3

Он старался забыть, но неделя за неделей мысли об эпидемии неотвязно преследовали его. Раз за разом он возвращался к своим заметкам и графикам, чтобы убедиться в реальности картины, которая вырисовывалась на основе его наблюдений. Неужели причиной тому какие-то условия, которые существуют только в этой местности? Он гадал, что предпринимают другие врачи, с которыми Эббот встречался, — если, конечно, они вообще что-либо предпринимают, если они хотя бы просмотрели истории болезней своих пациентов. А если они все-таки их просмотрели, что они могли в них обнаружить?..

Он часами листал старые выпуски «Журнала Американской медицинской ассоциации» и другие издания, рылся в пыльных стопках в подвале, где они хранились. Он с легкостью мог не заметить чего-нибудь имеющего отношение к этому вопросу, поскольку до сих пор не слишком добросовестно их штудировал. У человека, говорил он

себе, оправдываясь перед самим собой, так мало времени на чтение, а прочитать надо так много, и в медицинском мире такая уйма энтузиастов, которым во что бы то ни стало хочется донести до других свое мнение, что поток статей и докладов не иссякает никогда.

Но он так ничего и не нашел. Неужто, удивлялся он, несмотря на все усилия Эббота, он, Бентон, единственный, кому известно о состоянии, которое он стал определять для себя как синдром утомления?

Неужели это какая-то болезнь? Нет, скорее всего, нет. Слишком уж избирательно проявление симптомов, чтобы свидетельствовать о заболевании, слишком ограниченны их параметры. Скорее всего, это нарушение обмена веществ. Но для того, чтобы нарушился обмен веществ, должна быть какая-то причина.

Берт Кертис, как показали анализы, был диабетиком не больше, чем Тед Браун. Уровень сахара в его крови зашкаливал, но диабета у него не было. Хелен насела на мужа, и, когда Херб Андерсон в конце концов появился у него в кабинете, картина оказалась практически идентичной той, что обнаружилась у Берта и Теда. Страховой агент, торговец и старый маляр — что общего,

спрашивал он себя, может быть у этих троих? К тому же была еще семья Барр! Барры просто сбивали его с толку.

Теперь к этому списку прибавились и другие, не столь вопиющие примеры, многие из которых, однако, демонстрировали часть симптомов синдрома утомления.

— Да выброси ты это из головы, — как-то раз за завтраком сказала ему Харриет. — Это снова комплекс доброго старого дока. Всю жизнь ты позволял ему управлять собой, и сейчас опять то же самое. У тебя есть другие дела, ты с утра до вечера на работе. Если бы не объявился вдруг этот Эббот, ты ничего бы и не заметил.

Он согласился с женой.

— Думаю, так оно и было бы. Да даже если бы и заметил, то не обратил бы особого внимания. Но когда мы с ним разговаривали, он был необычайно логичен. Как я уже, наверное, не раз говорил тебе, медицина не точная наука. В ней уйма такого, что человек не способен понять. Существует множество вопросов, к пониманию которых мы даже не приблизились.

— Тебе уже приходилось сталкиваться с такими вопросами, — заметила Харриет чуточку резковато. — И ты всегда говорил — я не раз от

тебя это слышала, — что в один прекрасный день какой-нибудь исследователь даст на них ответ. Ты не ломал над ними голову днями напролет. Почему же ты сейчас не можешь выкинуть это из головы?

— Потому, черт побери, — сказал он ей, — что это происходит здесь, прямо у меня под носом! Потому, что есть Тед, и Херб, и Берт, и еще множество других людей — и с каждым днем их становится все больше и больше. А я ничего не могу с этим поделать. Мне не приходит в голову ничего толкового. Я в полной растерянности. Я связан по рукам и ногам, и мне не нравится это ощущение.

— Беда в том, что ты чувствуешь себя виноватым. Пора с этим заканчивать.

— Ладно, — сказал он. — Я закончу.

Но он не сдержал своего обещания.

Он сделал то, что тогда казалось довольно бессмысленным: заглянул в кондитерский магазин «Смешной фермер» и выяснил, что за последние три года продажа сладостей возросла почти на четверть. Он позвонил владельцам двух маленьких заводиков на окраине города и услышал, что количество отпусков по болезни и прогулов за последние несколько месяцев увеличилось на

целых десять процентов. В аптеке он поговорил со своим старым другом-фармацевтом, и тот сообщил, что спрос на болеутоляющие, отпускаемые без рецепта, взлетел так, как никогда на его памяти.

Тогда он позвонил доктору Герману Смиту из Спринг-Вэлли.

— У вас найдется минутка поговорить с конкурентом? — спросил он.

Смит фыркнул.

— Вы мне не конкурент. Мы же прояснили этот вопрос много лет назад, помните? Вы работаете на своей стороне улицы, я — на своей. Территории поделены и огорожены, и мы заключили джентльменское соглашение не нарушать границ. Но я не открою вам ни одного своего профессионального секрета, если вы звоните за этим.

— Нет-нет, вовсе не за этим, — успокоил его Бентон. — В последнее время я сталкиваюсь с кое-какими странностями и хотел узнать, замечаете ли и вы что-то подобное.

Голос Смита посерьезнел.

— У вас озабоченный тон, Арт.

— Не озабоченный, нет. Озадаченный, вот и все.

Он рассказал Смиту обо всем, что бросилось ему в глаза, не упомянув, однако, об Эбботе.

— Думаете, это важно? — спросил Смит.

— Ничего не могу сказать о важности, но дело очень странное. С виду для этого нет никаких причин, никаких оснований. Мне было бы интересно узнать, происходит это только у нас или…

— Если хотите, я могу просмотреть свои записи.

— Будьте так добры, — сказал Бентон.

— Без проблем. Я свяжусь с вами примерно через неделю. Даже начерчу графики, чтобы сравнить их с вашими. Ну, то есть если что-нибудь найду.

Неделя доктору Смиту не понадобилась. Через четыре дня Бентон получил объемистый конверт. Открыв его, он обнаружил внутри не только графики, но еще и статистические таблицы и ксерокопию листка с заметками.

Бентону не нужно было доставать из ящика свои графики: он уже помнил их наизусть. Едва бросив взгляд на разложенные на столе графики Смита, он мгновенно понял, что они практически точь-в-точь совпадают с его собственными.

Он тяжело опустился в свое кресло и так крепко вцепился в подлокотники, что заболели пальцы.

— Я был прав, — сказал он себе. — Да поможет нам Бог, я был прав!

4

Когда открылся сезон охоты на птиц, Бентон поехал на ферму к Эзре Пайку пострелять фазанов, мысленно положив себе не забыть спросить о Баррах, которые были ближайшими соседями Пайка. Но так и не вспомнил об этом.

У Пайка накопилась масса всего, что он хотел показать доктору: загон с поросятами, толстенькими и лоснящимися, которых он откармливал к осенней ярмарке; отборная пшеница с крохотного участка, которую он выращивал ради собственного удовольствия и намеревался затем отвезти в Миллвилль, на старинную водяную мельницу, чтобы ее превратил в муку добродушный полусумасшедший отшельник, никак не желавший понять, что он живет в двадцатом столетии; бочонок с сидром, сделанным Пайком из плодов древней высохшей яблони, единственной на всю округу еще дававшей знаменитые снежные яблоки, — Бентону по традиции предоставлялось право снять с него пробу. Надо было побеседовать о политике и о растущих ценах на продукты; о том, сколько бензина тратится впу-

стую из-за оборудования, которое установили на все машины для борьбы с загрязнением воздуха; о последнем, довольно вялом скандале, о котором судачили в округе, — в нем были замешаны юнец, которому едва стукнуло двадцать, и вдова, годившаяся парнишке в бабушки.

Они подстрелили нескольких фазанов, отведали свежего яблочного пирога, запивая его молоком, — и о чем только не говорили, не замечая, как текут часы.

Лишь на полпути к дому Бентон вспомнил, что так и не спросил о Баррах.

В следующую субботу он отменил утренний прием, положил в багажник машины ружье и поехал в холмы — якобы для того, чтобы пострелять перепелов. Он каждую осень по нескольку раз выезжал на перепелиную охоту, но сейчас его интересовали не перепела, а возможность потереться среди обитателей холмогорья.

На вопрос, кто они такие, они ответили бы: фермеры. Но лишь единицы из них действительно занимались сельским хозяйством. Их участки в большинстве своем располагались на крутых склонах и лишь местами — в лощине у ручья или на уступе склона — были достаточно горизонтальными, чтобы плуг мог вспахать землю.

Они сажали кукурузу для откорма тощих свиней, в основном рыскавших по лесам в поисках желудей, выращивали картофель и возделывали небольшие огороды. Иногда они выращивали и другие зерновые, но в основном обходились кукурузой, картофелем и зеленью с огорода. Женщины консервировали уйму овощей, поскольку электричества, чтобы их заморозить, не было, а даже если бы и было, не многие из здешних могли наскрести денег на холодильник. На грядках росла клубника для еды и заготовки впрок, в лесу в изобилии родились ежевика и малина. К исходу осени погреба обитателей холмов заполнялись консервированными овощами и ягодами, картофелем и зимними яблоками, снятыми с чахлых деревьев в их куцых садиках.

Ведя машину, Бентон уже в который раз задумался, как эти люди год за годом умудряются выживать. Обычно у каждой семьи имелась корова или две, а также несколько свиней и замызганные куры. Свиней, как правило, резали на мясо, а не продавали на рынке, и на задних дворах многих ферм имелись коптильни, где приготовляли ветчину и копченую грудинку. Дичь вроде кроликов, белок, енотов и изредка оленей — обычно добытая с потрясающим прене-

брежением ко всем законам об охоте — помогала разнообразить их рацион. Частой гостьей на столе была рыба из многочисленных ручьев, равно как хохлатые куропатки и перепела. Так или иначе, но они умудрялись питаться вполне сносно круглый год.

Но с деньгами было туго. Обитатели холмов были почти совершенно отрезаны от остального мира, и у них не было иного выхода, кроме как самостоятельно выращивать и собирать бóльшую часть своего пропитания. В бакалейной лавке они закупали немного: муку, сахар, кофе, соль… При таком образе жизни, сказал себе Бентон, не нужно много денег. Те крохи, что у них были, они добывали, подрабатывая там и сям. Кое-кто трудился на маленьких заводиках в долине, но таких было мало. Да и едва ли кому-то из них была по душе эта работа. Изредка кто-нибудь из жителей холмов продавал горожанам дрова.

Однако, несмотря на все трудности, которые, возможно, таковыми не считались, это был относительно счастливый, надежный, независимый и гордый народ, полный достоинства и врожденного благородства.

Бентон провел день очень приятно, заглянув в гости к нескольким знакомым семьям. Он чуточ-

ку поохотился и подстрелил в общей сложности трех перепелов. Зато наговорился всласть, сидя на ступенях просевших веранд в домах столь старых, что стены их даже замшели, — в домах, стоявших здесь так давно, что их приняла даже окружающая природа, частью которой они казались, — или пристроившись на краешке сколоченной из горбыля изгороди, которую поставили, наверное, лет сто назад, или стоя в прохладе дома после того, как осушил полный ковш ледяной пахты.

Они разговаривали о многих вещах — он и эти плохо одетые люди в бережно залатанных штанах и с отросшими волосами. Не то чтобы длинные волосы были у них в моде — просто ни у кого в семье не доходили руки остричь их. Они беседовали о погоде, которая довлела над их умами и заслуживала обстоятельного обсуждения; о пуме, которую кто-то видел поблизости, хотя все специалисты по местной фауне в один голос утверждали, что в этих холмах уже почти сорок лет как нет ни одной пумы; о давно прошедших временах и преданиях, доставшихся в наследство от предков, которых теперь помнили лишь смутно.

В ходе всех этих разговоров Бентон неизменно

заводил речь о синдроме утомления, хотя сам термин не употреблял: расписывал, как пациенты без видимой причины набирали вес, с самого утра чувствовали себя разбитыми, безостановочно поглощали сладости. Он не знает, чем это вызвано, признавался он, и это его огорчает, и он хотел бы знать, не наблюдается ли подобное явление в здешней округе.

Они глядели на него с плохо скрытым смехом в глазах и говорили: нет, разве что это то же самое, что у дедушки Уилсона, или у Гэбби Уайтсайд, или у кого-нибудь из еще дюжины человек. Они потчевали его историями о баснословных лентяях, которые, чтобы увильнуть от работы, за всю свою жизнь потратили куда больше сил, чем у них отняла бы сама работа. Но все их повествования отдавали сказкой, так что Бентон не принимал их за чистую монету. Он понимал, что большинство бездельников, фигурировавших в этих историях, не существуют и никогда не существовали в действительности.

Домой он вернулся с убеждением, что на холмогорье нет никаких признаков эпидемии Эббота.

Возможно, причина состоит в особенностях их организма, сказал он себе. Что-то в холмах, в образе жизни тамошних обитателей, в их питании,

в отсутствии удобств, которые они не могут себе позволить, ставит своего рода запретный барьер. Хотя не исключено, что он ставит все с ног на голову, ищет то, что мешает развитию синдрома на холмогорье, тогда как надо искать то, что приводит к его распространению в городе.

И все же, подумал Бентон, версия относительно особенностей организма может оказаться верной. Надо выяснить, чем горожане обладают и чем не обладают, что делают и чего не делают, и ответ может прийти сам собой. Однако, напомнил он себе, искомый неуловимый фактор должен быть отличительным признаком городской жизни.

Вечером он отправился на работу, сославшись на обилие писанины, и принялся бороться с собой. Сидя за столом и ничего не делая, уставившись в озерцо света, которое расплескала по столешнице настольная лампа, он старался все обдумать.

Он пытался забыть это глупое дело, но ничего не получилось. Возможно, ему не удалось забыть о нем потому, что дело было вовсе не глупое, потому, что он с самого начала знал об этом, где-то в сокровенной глубине души понимал, что опасность серьезнее, чем он позволяет себе верить, — и так же хорошо понимал, что если

он хочет быть честным со своими пациентами, то не должен даже пытаться игнорировать ее. «Впрочем, — спросил он себя, — как ради моего же собственного душевного спокойствия я могу делать что-либо иное, если не игнорировать ее? У меня нет подготовки...» Бентон не был исследователем. Слишком долго он был усердным провинциальным доктором, употребляя все свои силы и знания на упорное сражение с болезнями и смертью в этом крошечном уголке страны. У него нет для исследования ни инструментов, ни способностей, ни времени — ни, если уж на то пошло, горячей беспристрастности и твердой цели.

Но сколь бы скудны ни были его средства, его долг перед городом — хотя бы сделать попытку. Вот ведь в чем беда — это его долг перед городом! Всю свою жизнь он положил на то, чтобы всем тем, чем он был и чем надеялся стать, расплатиться за то доверие, с которым они смотрели на него. Они были в долгу перед ним и тем самым повергали его в еще больший долг перед ними. Они ходят к нему и говорят с ним, исцеленные от половины своих недугов, — и что прикажешь делать с такой верой? Они считали, что ему известны все ответы, и он не мог сказать им, как мало он

знает на самом деле. Их вера в его непогрешимость зачастую была последним оставшимся им прибежищем. Они верили, они доверяли ему и тем самым порождали в нем чувство вины, когда он вынужден был, в силу своего несовершенства, предавать эту веру и это доверие.

Он порылся в ящике стола и вытащил свои заметки и данные доктора Смита. Внимательно просмотрел их в надежде, что более тщательное изучение может дать ему ключ. Но его не было.

Может, это гормоны? Какое-нибудь гормональное нарушение? Однако, будь это так, должна существовать какая-то причина, которая вызвала это нарушение. Он уже не впервые думал о гормонах, поскольку нарушение выработки инсулина объяснило бы симптомы диабета; но вся беда в том, напомнил он себе, что это не диабет. Возможно, гликоген? Но здесь загвоздка была в том, что никто не знал наверняка, что именно делает гликоген, хотя существовали предположения, что он повышает уровень глюкозы в крови и тем самым подавляет аппетит. Гипоталамус? — продолжал перебирать он. Или стероидные гормоны? Нет, ни то ни другое невозможно.

Расстройства личности? Вполне правдоподобно в том, что касается ожирения и раздражитель-

ности, но определенно не объясняет ни один из остальных симптомов. Да и в любом случае расстройства личности — тема скользкая, без опыта в психиатрии тут не справишься.

Ферменты? Витамины? Микроэлементы?

Он неверно подходит к проблеме, сказал себе Бентон. Не с той стороны. Чтобы разгадать этот синдром, нужно искать общий фактор, который может быть причиной, а затем пытаться определить, какое влияние этот фактор оказывает. Впрочем, если все же применять такой подход, ферменты могут оказаться наиболее перспективным вариантом из всех. Ферменты по сути своей катализаторы, ускоряющие биохимические реакции в организме. Нет, биохимические реакции могут возникать и без каталитического действия ферментов, но будут при этом столь медленными, что организм просто не сможет функционировать.

Он сидел неподвижно и рылся в памяти в поисках всего, что знал о ферментах. Для него стало неожиданностью, что он, на протяжении стольких лет не вспоминавший о ферментах, так много помнил о них. Причина крылась в том, что, вместо того чтобы думать непосредственно о ферментах, он вдруг поймал себя на том, что

вспоминает профессора Уолтера Кокса, старину Железного Кокса, чудака, против всякой логики любимого всеми студентами, который, читая лекцию, расхаживал туда-сюда, покачиваясь и втянув голову в тощие нахохленные плечи, и молотил по воздуху сжатым кулаком, чтобы придать значительности своим словам. Наверное, Кокс давно уже умер, подумал он, поскольку все это происходило больше тридцати лет назад, а профессор и тогда уже был далеко не молод.

Тридцать — не тридцать, а все слова ясно всплыли в его памяти. «Ферменты, — рассказывал Кокс, яростно колошматя воздух, — состоят из апоферментов и коферментов, между которыми существует слабая связь. Обычно кофермент — это витамин и еще одна органическая молекула, связанные друг с другом. А сейчас, господа, я попрошу вас сосредоточиться на одном коферменте, так называемом коферменте А, который непосредственно участвует в двух биохимических циклах: жирнокислотном цикле и цикле лимонной кислоты…»

Бентон сгорбился в своем кресле, потрясенный тем, что обнаружилось в глубинах его памяти, что он смог выудить из прошлого, отделенного от этого дня более чем тридцатью годами,

мгновение, восстановленное до мельчайших подробностей, — воспоминание не только о человеке, но и о словах, которые он говорил, о косых лучах солнца, пробивающихся сквозь закрытые жалюзи, о запахе меловой пыли в воздухе, что он слышал эти слова, быть может, более отчетливо, чем тогда.

Может быть, это знак? Может, его подсознание проникло в память и выхватило из ее мрака этот бессвязный обрывок, чтобы сказать ему то, что не в силах был сказать рассудок?

Зазвонил телефон, и лишь на третьем звонке Бентон понял, откуда исходит звук. Словно во сне он снял трубку.

— Слушаю, — сказал он. — Доктор Бентон.

— С тобой ничего не случилось? — спросила Харриет.

— Нет, а что со мной могло случиться?

— Ты знаешь, сколько сейчас времени?

— Нет. Я не смотрел на часы.

— Уже два, — сказала Харриет. — Я начала беспокоиться.

— Прости, милая, — отозвался он. — Я уже иду.

5

Поздней осенью у него в приемной появился Эзра Пайк — не потому, что заболел, просто он заколол одну из своих свиней и привез Бентону целый мешок домашней колбасы. Миссис Пайк славилась на всю долину как великая мастерица ее делать. Каждую осень, как наступало время забивать скотину, Пайк появлялся с мешком домашней колбасы для старого дока.

Таков был один из своеобразных местных обычаев, с которыми Бентон в конце концов свыкся, хотя и не сразу. На протяжении всего года к нему тянулись люди с разнообразными гостинцами: кто с мешком орехов, кто с корзиной томатов, кто с ведерком какой-нибудь необыкновенной картошки, кто с медовыми сотами, только что вынутыми из улья, — добровольными подношениями, которые Бентон в конце концов научился с благодарностью принимать.

Хотя в приемной сидели пациенты, Бентон провел Пайка в свой кабинет, чтобы перекинуться с ним парой слов. Под конец разговора он задал вопрос, который давно его мучил.

— Вам известно что-нибудь о семье Барр?

— Это те, что купили ферму Эбнера Янга?

— Они самые, — подтвердил Бентон.

— Да немного, — пожал плечами Пайк. — По-моему, они приехали из Огайо. Фермерствовали там. Уж и не знаю, почему они сюда перебрались. Я неплохо знаком с Барром и даже разговаривал с ним, но он ничего не рассказывал мне, а я и не спрашивал. Может, потому, что Эбнерова ферма досталась им за сущие гроши. Когда Эбнер умер, ферма отошла каким-то его дальним родственникам из Калифорнии — племянникам, как я понимаю. Они не захотели с ней возиться. Даже на похороны не приехали и на оглашение завещания. Велели адвокату Эбнера сбыть ее с рук поскорее, вот он и предложил ее за бесценок.

— Вот оно как. Я Эбнера толком и не знал. Он был у меня пару раз. Вздорный старик. Один раз у него нога загноилась. Наступил на гвоздь, помнится. В другой раз он едва не схватил воспаление легких. Я пытался убедить его лечь в больницу, так он меня и слушать не захотел. Закончилось все тем, что я дал ему какие-то лекарства, он отправился домой и сам выкарабкался. После этого я его не видел, да и почти ничего не слышал о нем, а потом мне сказали, что он умер. Кто-то из соседей его нашел, верно? Небось, заболел и решил, что не желает больше иметь со мной дела.

Испугался, что я отправлю его в больницу. Возможно, ему уже не помог бы ни я, ни больница. Он был из тех, кто отбивается от врачей руками и ногами.

Пайк хмыкнул, вспомнив бывшего соседа.

— Я знаю, люди считали его скверным человеком, да в некотором роде так оно и было. Он всех гостей дробовиком привечал. Фазанов на его землях было несчитано, так он хоть бы кого пустил поохотиться. Даже сам не стрелял. С соседями никогда и двух слов не скажет. Держался особняком. Зол был на все человечество. Зато зверье любил. Зеленая изгородь у него, бывало, превращалась в настоящие заросли, чтобы кроликам, суркам и птицам было где жить. Да и зимой он птиц всегда подкармливал. Если воробьи или сойки прилетали к нему поесть, он никогда не прогонял их и не злился, как многие. Говорил, они тоже хотят есть.

— Судя по всему, вы неплохо его знали, Эзра.

— Ну, — сказал Эзра, — у нас тоже случались разногласия. С ним было нелегко ужиться. Характерец у него был тот еще. Да и заскоки иногда случались. Он прямо помешан был на всем натуральном. Ни фунта химических удобрений в свою землю не клал, пестициды применять

отказывался. Твердил, что это яд. Он еще задолго до того, как та дамочка написала свою книжку о «безмолвной весне»[13], говорил, что это яд.

Бентон встрепенулся.

— Вы хотите сказать, что он никогда не пользовался пестицидами? Обходился вообще без ДДТ?

— Об этом я и толкую, — подтвердил Пайк. — Но что самое странное, урожаи он выращивал не хуже любого из нас. Правда, с возрастом он сажал все меньше и меньше. Бóльшая часть его земли пустовала. Но урожаи у него неизменно были хорошие. Эбнер был первоклассным фермером.

Пайк не торопился уходить, и они заговорили о чем-то другом, но Бентон едва слушал старика. Его мысли вертелись вокруг того, что Эбнер Янг, по словам Пайка, никогда не использовал пестициды.

ДДТ! — подумал Бентон. Боже милостивый, неужто дело в ДДТ?

Итак, вот семья Барр, фермеров из Огайо, где они, скорее всего, применяли ДДТ, а потом пе-

---

[13] Примечания: 13

«Безмолвная весна» — книга, написанная в 1962 году биологом и общественной деятельницей Рэйчел Карсон. В этой книге она подняла вопрос о непоправимом вреде, который наносит окружающей среде широкое использование пестицидов и гербицидов, в частности ДДТ. Книга вызвала широкие отклики, было создано несколько официальных комиссий и в результате введен запрет на применение ДДТ.

ребрались на ферму, где никогда не было ни крупицы химикатов. И из всех фермеров долины только они одни страдают синдромом утомления. Возможно ли, что они привыкли к ДДТ или каким-то другим пестицидам и заболели от их отсутствия?

Другие фермеры не заболели, размышлял он, потому что в их земле до сих пор сохранялись остатки ДДТ, и они, копаясь в земле, получали достаточное его количество, чтобы пока не ощущать никаких пагубных последствий от его недостатка.

А обитатели холмогорья? Тут все достаточно просто, сказал он себе. Они никогда не подвергались воздействию ДДТ, поэтому у них и не развилась потребность в нем. А воздействию химиката они не подвергались потому, что были слишком бедны, чтобы покупать его. Они питались лишь тем, что давала их земля, никогда не ели изготовленные промышленным способом консервы и не покупали продукты, которые могли вырасти на обработанной ДДТ земле.

На следующий день, в субботу, окончив прием, Бентон снова просмотрел свои записи и обнаружил то, что и ожидал: за двумя исключениями, горожане, у которых были свои садики и которые

сами занимались ими, никогда не жаловались на симптомы синдрома утомления.

Он позвонил Хелен Андерсон.

— Это ваш добрый семейный доктор с глупым вопросом. Пожалуйста, не смейся надо мной, это может быть очень важно.

— Давай, спрашивай. Ты же знаешь, что я не стану над тобой смеяться.

— Тогда ладно. Когда ДДТ еще можно было купить, до того, как его запретили, ты обрабатывала им свой садик?

— Ну да, — сказала она. — Думаю, почти все садоводы его применяли. Я пользовалась им долгие годы и должна признаться, что мне его очень не хватает. Это новое средство жукам определенно по вкусу. Они его проглотят и сидят ждут добавки. И хоть бы хны. Херб вечно ворчал на меня из-за ДДТ. Говорил, что не желает есть всякую химию.

— А Херб? Херб ведь никогда не работает в саду, да?

— Док, тебе же отлично известно, что нет. Он только смеется над моей тягой к садоводству. Ты ведь сам слышал.

— Но он ест то, что ты выращиваешь? — спросил Бентон.

— Ты шутишь? Разумеется, ест.

— Превосходно! — удовлетворенно воскликнул он. — Спасибо, что не подняла меня на смех.

— Док, что происходит? Это имеет какое-то отношение к Хербу? К его самочувствию?

— Возможно. Я пока не знаю. И может быть, никогда не узнаю. Я просто пытаюсь хоть что-то нащупать.

— Ладно, — сказала она. — Не буду тебя пытать. Когда что-нибудь узнаешь, расскажешь мне?

— Можешь на это рассчитывать.

Он сделал еще несколько звонков людям, у которых был сад, и тем, у кого его не было. Двое, отмеченные как исключения, заявили, что никогда не применяли ДДТ, поскольку не хотели с ним связываться. Слишком хлопотно, объяснили они, хотя, конечно, без ДДТ дела в их садиках шли не так уж хорошо, и летом приходилось покупать зелень у кого-нибудь из соседей. Как и большинство людей, они потребляли довольно много консервов.

Все без исключения интересовались, зачем доктору понадобилось это знать, и кое-кто даже поднял его на смех; но это ничего, подумал он, это пустяки. Все знали, что у доброго старого дока бывают заскоки, как, например, в тот раз, когда он поднял такую бучу вокруг старой город-

ской артезианской скважины, что власти были вынуждены пробурить новую, или когда он, в бытность свою городским санитарным врачом, строго следил за тем, чтобы все мусорные бачки были закрыты крышками. Все сходились во мнении, что старый док отстал от жизни, но его здесь любили и мирились с мелкими странностями.

Сделав последний звонок, он повесил трубку и уставился в блокнот с пометками.

Возможно, все дело именно в этом: в ферментах и ДДТ. Могло ли случиться так, что кофермент, образовав связь с молекулой ДДТ, превратился в суперкатализатор? А теперь, когда ДДТ нет, реакция суперкатализа стала невозможной? Не исключено, сказал он себе, что именно это и служит причиной синдрома утомления.

Возьмем кофермент А, тот, что так тесно связан с двумя биохимическими циклами, к примеру с циклом жирных кислот, который отвечает за окисление липидов. В отсутствие суперкатализатора, в зависимость от которого люди впали, все меньше липидов будет окисляться и все больше — накапливаться в виде жира. Отсюда участившиеся случаи ожирения. В ситуации, когда липиды почти не расщепляются, организму приходится извлекать энергию практически из

одних лишь углеводов. Поэтому людям так часто хочется перекусить.

Углеводы преобразуются в энергию посредством цикла лимонной кислоты и процесса гликолиза. В цикле лимонной кислоты также задействован кофермент А, тогда как в процессе гликолиза он не участвует. Если два эти процесса станут неустойчивыми, возникнет так называемый эффект маятника: когда один процесс ослабнет, возобладает другой, и наоборот, который может иметь очень далеко идущие последствия. Уровень сахара в крови начнет скакать: будет то необъяснимо взлетать, то падать ниже всех допустимых границ. При замедленном цикле лимонной кислоты будет возрастать выработка молочной кислоты, поскольку один из результатов этого цикла — расщепление молочной кислоты. Одним из последствий повышения уровня молочной кислоты будет боль в мышцах. А вдобавок к колебаниям уровня сахара в крови будет скакать еще и выработка инсулина. В результате мозг будет периодически страдать от недостатка глюкозы в крови. Симптомы могут варьировать от обмороков, судорог и шока до потери ориентации, раздражительности и тумана перед глазами.

Все сходится! Пожалуй, даже слишком безупречно.

Бентона охватил приступ паники и недоверия. Он взялся за эту работу не с того конца. Все его выводы — теоретические умозаключения. Необходимо провести всесторонние лабораторные исследования. Но у него не хватит квалификации для лабораторных экспериментов требуемого уровня. Он руководствовался одним лишь наитием, не имея никаких настоящих доказательств. Его выводы ненаучны и неприемлемы с медицинской точки зрения. Но принцип, и достаточно логически увязанный, он сформулировал.

Вывод кажется логичным, сказал себе Бентон, не только с точки зрения физиологии, но и в других отношениях. Он вполне укладывается в теорию эволюции. Под давлением современной жизни человек расходует больше энергии, чем когда-либо в прошлом. Не исключено, что он перешел пределы биохимических возможностей организма. В подобных обстоятельствах организм, как эволюционирующая живая система, воспользуется любой возможностью, которая позволит ей функционировать более эффективно. Если ДДТ оказался тем самым элементом, способным помочь человеческому организму

лучше справляться со своей работой, если ДДТ мог превратить ферменты или даже хотя бы один фермент в суперкатализатор, действующий эффективнее, организм без колебаний должен был ухватиться за ДДТ.

Но теперь, когда ДДТ запретили, человеческий организм вынужден вернуться к прошлому. У тех людей, которым ДДТ был изначально недоступен, организм функционировал по-прежнему — возможно, не столь эффективно, зато без потрясений — в отличие от тех, кто сначала перестроился на новый способ деятельности, а потом очутился в изменившихся условиях.

Бентон понимал, что нужен еще чей-то взгляд на ситуацию. Но для этого понадобятся люди и деньги. Возможно, пришло время связаться с Эбботом, не дожидаясь, когда тот объявится сам. И тут Бентон осознал, что понятия не имеет, как с ним связаться. Писатель не оставил ему ни своего адреса, ни номера телефона — возможно, потому, что собирался разъезжать по стране и временно не имел определенного плацдарма.

Проще всего, решил Бентон, будет позвонить издателю Эббота. Кто-нибудь в издательстве непременно должен знать, как разыскать его. Но была суббота, и ни одно издательство, конечно,

не работало. Придется сделать это с утра пораньше в понедельник, сказал он себе, признавая, что мучительное нетерпение вызвано желанием переложить проблему синдрома утомления на чьи-нибудь другие плечи. Он продумал все, что мог, и сделал все, что было в его силах; теперь настал черед кого-нибудь другого взяться за дело.

Возможно, исследование покажет, что его выводы неверны. Однако, верны они или нет, а попытку выяснить истину предпринять необходимо.

В понедельник с утра пораньше Бентон позвонил.

— Я надеялся, — представившись, объяснил он, — что кто-нибудь из ваших сотрудников сможет подсказать мне, как связаться с Робертом Эбботом. Несколько месяцев назад он приезжал ко мне, и сейчас мне очень нужно поговорить с ним.

Женщина на том конце провода на мгновение заколебалась; когда она заговорила, голос у нее едва заметно дрожал.

— Минуточку, — сказала она.

Трубку взял мужчина.

— Вы спрашивали Эббота?

— Да. Мне необходимо связаться с ним по важ-

ному вопросу.

— Доктор, — поинтересовались в трубке, — вы когда-нибудь читаете газеты?

— Обычно я слишком занят, — ответил Бентон. — Я просто проглядываю заголовки. А иногда и того не делаю.

— Выходит, вам не известно, что Эббот погиб?

— Погиб?!

— Да, пару недель назад. В автомобильной аварии где-то в Колорадо.

Бентон молчал.

— Мы все были потрясены, — продолжал мужчина в Нью-Йорке. — Вы сказали, что были с ним знакомы?

— Я его практически не знал. Он был у меня несколько месяцев назад. Мы поговорили — час или чуть больше. Полагаю, вам известно, над чем он работал.

— Нет, нам об этом не известно. Мы часто ломали себе голову. Знали только, что Эббот на что-то напал, но он держал рот на замке. Возможно, вам известно больше нашего.

— Вряд ли, — сказал Бентон. — Большое спасибо. Простите за беспокойство.

— Пустяки. Спасибо, что позвонили. Мне жаль, что пришлось сообщить вам такую печальную

новость.

Бентон повесил трубку и невидящим взглядом безучастно уставился в стену кабинета. И что мне теперь делать? — спросил он себя. Что, черт побери, мне теперь делать?

6

Первые заморозки ударили накануне ночью, и на следующий день, когда Лем Джексон появился в приемной, воздух обжигал морозцем. Джексон был с холмов — высокий долговязый мужчина лет сорока на вид. Бентон знал его, но не припоминал, чтобы тот когда-либо к нему обращался.

Джексон уселся на стул напротив стола и бросил видавшую виды бесформенную шляпу на ковер.

— Наверное, док, — начал он, — зря я пришел и отнимаю ваше время. Но я чувствую себя совершенно измочаленным. Ни на что больше не гожусь. Меня как подменили. Я все время чувствую себя усталым, и мышцы вечно болят. То и дело на всех рявкаю, как будто с цепи сорвался, просто стыд, как я с женой и ребятишками обращаюсь.

— А с аппетитом как? — спросил Бентон. — Едите хорошо?

— Да почти без перерыва. Никак не могу насытиться. Постоянно голодный.

Ну вот, подумал Бентон, все его тщательно продуманные выводы, вся старательно выстроенная теория синдрома утомления пошли прахом. Джексон жил на холмах, а по теории Бентона обитатели холмогорья должны быть к нему невосприимчивы.

— Что стряслось, док? — спросил Джексон. — Я что-нибудь не так сказал или сделал?

Бентон мысленно одернул себя.

— Нет-нет. Я просто задумался. Чем вы занимаетесь, Лем?

— По правде говоря, — сказал Джексон, — особо ничем. Так, в земле копаюсь помаленьку. Подрабатываю чуток, где придется. Да я едва ноги таскаю, куда уж там работать в полную силу. Пожалуй, правду сказать, практически ничего и не делаю.

Лем помолчал и продолжил:

— Не так давно у меня была неплохая работа в Западной Виргинии, но меня оттуда попросили. Если бы я там остался, катался бы как сыр в масле. Неполный день, работенка непыльная, да и платили неплохо. Так нет, взяли и турнули. Чем-то я мастеру не приглянулся. Говорю вам, док, нет

на свете справедливости. Я работал ничем не хуже других.

— А что за работа? — спросил Бентон, не особенно интересуясь, что это была за работа, просто ради поддержания разговора.

— Ну, думаю, даже если бы меня и не выставили, все равно это долго бы не протянулось. Они закрылись почти сразу же, как я ушел. Это был небольшой химический заводик. Там ДДТ делали, а я слыхал, его теперь запретили.

Бентон даже обмяк от нахлынувшего на него облегчения. Его теория все-таки оправдалась! Лем Джексон был исключением из установленного им правила, которое лишь подтверждало это правило. Но, окрыленный доказательством правоты своих выводов, он в ту же секунду упрекнул себя за такую реакцию. Радоваться надо было, когда он решил, что симптомы Джексона камня на камне не оставляют от его измышлений, потому что, если уж на то пошло, эта история с человеческим организмом и ДДТ — изрядная мерзость. Но он эгоистически привязался к своей теории. После всех усилий и размышлений, которые он вложил в нее, никто, даже самый гуманный человек на свете, не захотел бы оказаться неправым.

— Лем, — заговорил он, — как ни жаль, но я

ничем не могу вам помочь. Пока. Вы не одиноки. Возможно, таких, как вы, очень много. Это заболевание заметили совсем недавно и сейчас исследуют. Возможно, лекарство со временем будет найдено. Мне жаль, что я вынужден говорить это, но, мне кажется, вы из тех, кто предпочитает знать правду.

— Вы хотите сказать, — спросил Джексон, — что я умру?

— Нет, не это. Я хочу сказать, что никак не могу повлиять на ваше самочувствие. Возможно, ухудшения не будет. Уверен, что настанет время, когда появится какое-нибудь средство или лекарство.

И все, что для этого понадобится, с горечью добавил он про себя, это таблетка или капсула с необходимой дозой ДДТ вкупе со вспомогательными веществами.

Джексон подобрал с пола свою потрепанную шляпу и медленно поднялся.

— Док, у нас на холмогорье все говорят, что вы толковый доктор. «Он не станет кормить тебя баснями, — так мне сказали. — К такому доктору идти не страшно». Вы считаете, что я, возможно, не буду чувствовать себя хуже?

— Возможно, — подтвердил Бентон.

— И может быть, когда-нибудь изобретут ле-

карство, которое сможет мне помочь?

— Я надеюсь на это.

Провожая Джексона взглядом, Бентон раскаивался в своих словах. К чему эта жестокая откровенность? К чему давать людям надежду? «Сейчас это заболевание исследуют», — сказал он, но это была неправда. Или правда? Есть один человек, который его исследует, и этому самому человеку, решительно сказал он себе, лучше взяться за дело.

В тот же вечер он составил подробное письмо, в мельчайших подробностях изложив в нем свои подозрения и выводы. Затем, когда ему удалось выкроить время, уже после того, как прием был окончен, он в нескольких экземплярах отпечатал текст на машинке. Разослав письма, он стал ждать.

Первый ответ — две недели спустя — пришел из «Журнала Американской медицинской ассоциации». Его письмо, сообщалось там, не может быть опубликовано, поскольку указанные в нем сведения не подтверждены данными исследований. Отказ был мягким, но окончательным. Ему даже не предложили провести дальнейшие исследования, что, впрочем, было вполне справедливо, поскольку первичные исследования

проведены не были.

От официальной любезности второго ответа, из Национального института здоровья, веяло арктическим холодом.

Третий, из Ассоциации биохимических исследований, оказался откровенно грубым.

В субботу днем, когда последний пациент ушел, Бентон сел за стол и разложил перед собой все три письма. Нечего было и надеяться, что хотя бы один из адресатов всерьез отнесется к его письму. В конце концов, кто он такой? Безвестный семейный врач из захолустного городка, выдвигающий теорию, не подкрепленную никакими исследованиями, основанную на одних лишь наблюдениях и умозаключениях. Такой реакции на его письма и следовало ожидать. И все же у него не возникло и тени сомнения в правильности своего поступка. Пусть это и был жест, но его следовало сделать.

И как теперь быть? Прорабатывать медицинскую ассоциацию, начиная с округа и заканчивая штатом? Он знал, что все без толку. Смит наверняка поддержал бы его; другие же просто поднимут его на смех. Но даже если и нет, пройдут годы, прежде чем будут предприняты какие-то действия.

Возможно, стоит обратиться в какую-нибудь

химическую компанию. Производство капсул с ДДТ будет приносить миллионную прибыль, как только то, что сейчас известно ему одному, станет достоянием гласности. Но химическая компания, предвидя мороку с получением разрешения от Управления по контролю за продуктами и лекарственными средствами, может отказаться. Прежде чем какая-либо химическая компания сможет хотя бы приступить к разработкам, нужна уйма кропотливых лабораторных исследований, чтобы получить подкрепляющие доказательства, которые можно будет представить Управлению по контролю. Он понимал, что в такую «завиральную» идею ни одна химическая фирма не станет вкладывать средства.

Он потерпел поражение, причем еще до того, как начал борьбу. Если бы Эббот не погиб, у них могли бы быть равные шансы. Эббот написал бы о синдроме и нашел бы издателя, потому что из-под его пера вышла бы именно такая книга, о которых издатели мечтают: сенсационная, спорная, привлекающая внимание. Публикация книги произвела бы достаточный фурор, чтобы кто-нибудь заинтересовался выдвинутой в ней теорией — хотя бы и только ради того, чтобы доказать неправоту Эббота.

Но думать об этом бессмысленно. Эббот не напишет эту книгу. Никто ее не напишет. До конца своих дней Бентон будет жить с грузом знания о том, что сумел докопаться до истины, но мир отказался ее принять.

Мир! К черту мир! Мир — не его забота. Его забота — горожане: Лем и Тед, Берт и Херб, и все остальные. Пусть ему и не под силу помочь миру, но, быть может, он сумеет помочь своим пациентам!

7

Лем Джексон жил где-то у гряды Кунскин-ридж, и Бентону пришлось пару раз останавливаться, чтобы спросить дорогу. Но в конце концов он нашел ферму с ее наклонным участком и маленьким покосившимся домиком, который как будто съежился от ветра, гулявшего над холмами.

Он постучал, и Джексон впустил его в дом.

— Проходите, садитесь у огонька. День сегодня холодный, а у огня хорошо. Мэри, не нальешь доку чашечку кофе? Что привело вас сюда, док?

— Одно небольшое дельце, — сказал Бентон. — Я подумал, может быть, вы не откажетесь сделать для меня кое-какую работу.

— Если смогу, — ответил Джексон. — Если сил

хватит. Помните, я рассказывал вам, что совсем никуда не гожусь.

— У вашего дома стоит грузовик. Мне нужно кое-что привезти.

Миссис Джексон принесла кофе. Это была маленькая худая женщина со спутанными волосами, спадающими на лицо, и в замызганном платье. Из дальнего угла комнаты тихо-тихо, как мышки, настороженно выглядывали дети.

— Спасибо, миссис Джексон, — сказал Бентон. — Приятно выпить кофе после долгой поездки.

— У меня в бутылке осталось немного бренди. Может, плеснете себе в кофе? — предложил Джексон.

— Это было бы превосходно, если там хватит на двоих. Я никогда не пью в одиночку.

— Хватит, хватит, — заверил его Джексон.

— Лем сказал, вы обещали сообщить, если появится лекарство, которое ему поможет, — подала голос миссис Джексон. — Надеюсь, вы приехали по этому поводу?

— Ну, я не до конца уверен, — сказал Бентон, — но именно это у меня и было на уме.

Джексон вернулся с бутылкой и еще одной чашкой кофе. Он щедрой рукой плеснул бренди в обе чашки и поставил бутылку на пол.

— Так что вы там говорили насчет того, чтобы что-то перевезти? — спросил он.

— Когда вы приходили ко мне на прием, то сказали, что работали на заводе в Западной Виргинии, где делали ДДТ.

— Верно, — ответил Джексон. — Они выкинули меня на улицу, а немного погодя завод закрыли.

— Теперь он заброшен?

— Надо думать. Это был совсем маленький заводик. Там производили только ДДТ. Какой смысл ему работать?

— Вы не согласитесь съездить туда и попытаться пробраться на территорию? — спросил Бентон.

— Думаю, не так уж это сложно. Может быть, его огородили, но вряд ли там есть сторожа. Там просто нечего сторожить. Скорее всего, он стоит пустой. Я мог бы перебраться через ограду. Док, к чему вы клоните?

— Мне нужен ДДТ.

Джексон покачал головой.

— Вряд ли там что-то есть. Скорее всего, остатки уничтожили.

— Заполучить ДДТ было бы неплохо, — сказал Бентон, — но меня устроила бы и земля, смешанная с ДДТ. Есть там такая земля?

— А то! Я знаю с десяток мест, где ее можно найти. Вам земля нужна? Я могу пригнать целый грузовик. У меня даже есть приятель, который мне поможет: должок за ним. Одного грузовика хватит?

— Более чем, — кивнул Бентон. — Значит, вы согласны? Это может быть опасно.

— Не думаю, — отозвался Джексон. — Завод стоит на отшибе. Вокруг никого нет. Если правильно выбрать время, меня не увидят. Но зачем вам эта земля, док? Эта дрянь ужасно ядовитая.

— Она может быть тем самым лекарством, о котором я вам говорил. Лекарством, которого у нас нет.

— Не морочьте мне голову.

— Я совершенно серьезен.

— Черт побери, ну и чудеса! — воскликнул Джексон.

— Так вы возьметесь за это дело?

— Начну на рассвете.

8

Под вечер в понедельник сестра Эми просунула голову в дверь его кабинета.

— К вам Лем Джексон. Он привез полный грузовик земли.

— Отлично. Пожалуйста, проводите его ко мне.

Джексон появился на пороге, ухмыляясь во весь рот.

— Я привез землю, — сказал он, — и еще кое что получше. Я нашел целых три мешка ДДТ — их спрятали в сарае и потом забыли. Куда свалить землю, док?

— Мешки с ДДТ положим в подвале, — решил Бентон. — А землю сгрузите на моей стоянке, в северо-западном углу. И я хотел вас попросить… Вы не согласитесь сделать для меня еще кое-что?

— Все, что угодно, — ответил Джексон. — Только скажите, док.

— Можете вы завтра утром вернуться сюда и сделать вокруг этой земли плотную дощатую изгородь, чтобы никто до нее не добрался. А потом нужно сколотить в подвале большой ящик, вроде песочницы, в каких дети играют.

Джексон почесал голову.

— Да уж… Ну у вас и желания! Может, когда-нибудь вы расскажете мне, зачем все это нужно.

— Я расскажу вам все прямо сейчас. Там будет Песочница старого дока — вот и вся идея. После того как вы сколотите ящик, мы насыплем в него земли, которую вы привезли, и добавим туда еще немножко ДДТ. А потом вы сядете рядом с этой

песочницей и будете играть в земле, как ребятишки в песке: строить земляные замки, делать земляные дороги, рыть земляные колодцы — ну, все в таком роде. Вам нужен ДДТ. Не просите меня ничего объяснить. Просто сделайте, как я сказал.

Джексон криво усмехнулся.

— Я буду чувствовать себя последним дураком, — заявил он.

— Послушайте, — сказал Бентон, — если бы я знал безопасную дозу, я положил бы ДДТ в капсулы, чтобы вы могли принимать их. Но я не знаю наверняка, а если ошибусь, могу вас убить. Зато я знаю, что люди вроде Хелен Андерсон, которая копается в земле, где еще остался ДДТ, абсолютно здоровы, в то время как муж Хелен, Херб, который в саду палец о палец не ударит, чувствует себя точно так же, как и вы: еле ноги волочит, ни на что не годится, постоянно устает.

— Ладно, — неохотно выдавил Джексон. — Только если я смогу делать то, что вы сказали, в одиночку. Если никто меня не увидит…

— Даю вам слово. Я не скажу ни единой живой душе.

Глядя в спину удаляющемуся Джексону, Бентон мучительно размышлял, как уговорить Херба, Теда, Берта и всех остальных…

Это будет нелегко, но он справится. И засадит их всех здесь, в подвале, играть в песочнице, как стайку ребятишек. Ведь он же их старый добрый док, и они доверяют ему.